

Миссионерское Обозрение
1900 год. Июль–Декабрь. № 2

Июль–Август

«Яко же посла Мя Отец и Аз посылаю вы». Ин.20:21.

«Идите **паче** ко овцам погибшим дому израилеву». Мф.10:6.

«Скорбь ми есть велия по братии моей». Рим.9:1–3.

**Э. Я. Новое распоряжение Св. Синода по вопросам
внутренней миссии и борьбы с расколо-
сектантством // Миссионерское обозрение. 1900 г. №
7–12. С. 3–16**

По указу Его Императорского Величества, Святейший Правительствующий Синод слушали: представленный Преосвященным Феогностом, Архиепископом Новгородским, 11 марта 1900 г., доклад Святейшему Синоду по отчёту о занятиях бывшего в 1897 г. в городе Казани Третьего миссионерского съезда. *Приказали:* Рассмотрев отчёт о занятиях бывшего в 1897 г. в городе Казани третьего миссионерского съезда, и останавливая прежде всего внимание на суждениях упомянутого съезда о существующих ныне в разных местностях России религиозных сектах, Святейший Синод признал необходимыми принять на будущее время в руководство к признанию особенной вредности сект следующие основания: а) допущение сектантами по религиозным побуждениям посягательства на жизнь собственную или своих ближних, б) существование в секте гнусных и безнравственных действий, как, например, свального греха в хлыстовской секте и т. п., и, в) проявление сектантами стремлений, направленных против существующего государственного и общественного строя и имеющих целью поколебать основы семьи, общества и государства.

Войдя за сим в обозрение мероприятий, предложенных Казанским съездом в противодействие развитию раскола и сектантства, Святейший Синод определил: 1) «предписать Епархиальным Преосвященным, чтобы они и сами лично, и через благочинных, равно и других доверенных лиц, имели неослабное и бдительное наблюдение за исполнением со стороны подведомого им духовенства постановлений Святейшего Синода, состоявшихся, а, по поводу деяний Преосвященных, собиравшихся в июне 1885 г. в городе Казани («Церков. Вест.» за 1886 год № 13; циркулярн. указ Святейшего Синода, от 28 марта 1886 г. № 4, б, по отчётам о занятиях бывших в 1887 и 1891 г. г. в Москве съездов противо-

раскольнических миссионеров) «Церк. Ведом.» за 1888 г. № 28; циркулярные указы Святейшего Синода, от 18 июля 1888 г. № 11, и от 21 декабря 1892 года № 9, и, в, изданных в отдельных случаях по особым делам. 2) в виду особо важного значения в деле борьбы с расколо-сектантством миссионерских собеседований, пригласить Епархиальных Преосвященных, чтобы они, а) разъяснили подведомственному им приходскому духовенству важность собеседований, как существенно необходимого способа борьбы с расколом и сектантством, б) предписали приходским пастырям оказывать всякое содействие епархиальным и окружным миссионерам, приглашать и допускать их к участию в богослужении и к произнесению проповедей и поучений в храмах и, в) предложили начальникам духовно-учебных заведений, чтобы воспитанникам была внушаема любовь к пастырско-миссионерскому служению, а при указаниях с наставнической кафедры недостатков собеседований, производимых местными миссионерами, не было допускаемо осуждения бесед вообще. 3) Предписать Епархиальным Преосвященным, чтобы они в тех случаях, когда диакон или псаломщик окажутся способными к миссионерской деятельности и будут выражать искреннее желание принять участие в воздействии на раскольников и сектантов, располагали таких членов клира к указанного рода деятельности и поощряли их вниманием к их заслугам. 4) Для противодействия сектантской среде, действующей, обыкновенно, против православия сплочённой силой, рекомендовать Епархиальным Преосвященным содействовать учреждению в приходах, заражённых расколом и сектантством, братств или обществ ревнителей православия, поручая приходским священникам составлять и уставы действия сих обществ и представлять оные на их, Преосвященных, утверждение. 5) В видах подготовки из среды самого народа борцов с расколом и сектами, рекомендовать Епархиальным Преосвященным устройство в подведомых им епархиях миссионерских школ и миссионерских курсов, если не особых, то, по крайней мере, в виде отделений при церковно-приходских школах. 6) Сообщить к сведению и руководству Епархиальных

Преосвященных о выраженном миссионерском съездом в Казани желании, чтобы в епархиях, для объединения и оживления миссионерской деятельности, учреждать съезды епархиальных и окружных миссионеров, причём, было бы полезно, чтобы в означенных съездах одной епархии принимали участие более опытные миссионеры других соседних епархий. 7) Рекомендовать Епархиальным Преосвященным учреждать при братствах или других находящихся в епархии благотворительных учреждениях миссионерские фонды для оказания пособия лицам, оказавшимся в беспомощном состоянии, по обращении их из раскола или сектантства в православие. 8) Поручить Епархиальным Преосвященным дать свой отзыв о возможности и способах осуществления выраженного съездом желания учреждения Всероссийского миссионерского общества для борьбы с расколом и сектантством, с представлением проектов устава общества. 9) Поручить Епархиальным Преосвященным вменить приходским священникам в обязанность вести особую от исповедных росписей запись раскольников и сектантов, с подразделением её на две части: первую для внесения раскольников и сектантов, значащихся таковыми от рождения, и вторую – для уклонившихся в раскол или секты, с указанием числа лет уклонения, и один экземпляр этой записи представить в консисторию, другой – хранить при церкви, а в случае обнаружения в приходе новых отпадений в раскол или секту или появления какого-либо нового вредного сектанта, предписать приходским священникам немедленно доносить о сём своему Епархиальному Начальству, для принятия зависящих со стороны сего начальства мер. 10) Поручить Епархиальным Начальствам, буде где окажутся посёлки с раскольническим населением, не приписанные ни к какому православному приходу, приписать таковые селения к ближайшим православным приходам, дабы священники сих приходов, при удобных случаях, могли оказывать своё пастырское воздействие на живущих в тех селениях раскольников. 11) Предложить Преосвященным тех епархий, из коих выселяются наиболее опасные и вредные распространители сектантства, сообщать о них и о характере их заблуждений Преосвященным тех епархий, в которые эти

сектанты переселяются, для принятия соответствующих мер к предохранению православных от вредного влияния на них сектантов. 12) Рекомендовать Епархиальным Начальствам, к должному руководству, предложенную съездов меру о необходимости соблюдения осторожности при вчинании судебных о сектантах дел, причём прежде вчинания таковых дел надлежит производить тщательные предварительные дознания, через духовных лиц, о совершённых сектантами нарушениях закона. 13) Для охранения таинства святого причащения от поругания со стороны хлыстов, поручается Преосвященным тех епархий, где имеются хлысты, предписать приходским священникам не допускать опознанных хлыстов к приобщению Святых Таин, пока они, по исповедании своих грехов, не произнесут вслух народа отречения от всех хлыстовских заблуждений и не дадут обещания до конца жизни твёрдо содержать учение православной церкви. 14) По вниманию к заявлению съезда о том, что в секте, так называемых, новоспасовцев некоторые из её последователей вовсе не принимают водного крещения, поручить Епархиальным Начальствам, чтобы они внушили приходским священникам соблюдать крайнюю осторожность при присоединениях спасовцев к церкви, исследуя предварительно вопрос о том, был ли крещён и кем воссоединяемый, а также чтобы в таких приходах были собраны и точно установлены сведения о принадлежащих к секте новоспасовцев, не приемлющих водного крещения, для установления однообразного способа принятия таковых в церковь первым чином – через святое крещение. 15) Поручить Епархиальным Преосвященным предписать благочинным и приходским священникам наблюдать, чтобы продажа на ярмарках и базарах икон не имела соблазнительного характера, и чтобы не были допускаемы к продаже иконы неправильного письма. 16) Поручить Епархиальным Преосвященным вменить приходским священникам в обязанность иметь особое пастырское попечение о работающих на фабриках, заводах и в промышленных заведениях православных людях, особенно о женщинах и детях. О вышеизложенном послать Епархиальным Преосвященным

печатные циркулярные указы, для должного руководства и зависящего исполнения.

Секретарь П. Гурьев

* * *

От Редакции. Независимо от вышеприведённого указного распоряжения Св. Синода, на имя епархиальных преосвященных, высшей духовной властью сделаны, по ходатайствам Казанского Миссионерского съезда, и другие соответственные распоряжения по своему ведомству и сношения через г. Обер Прокурора Св. Синода с подлежащими Министерствами. Так, на Канцелярию Синода возложено выработать и представить для доклада Св. Синоду *положение о служебных преимуществах и пенсионных правах миссионеров*. Учебному Комитету при Св. Синоде предложено: пересмотреть программу преподавания в семинариях науки обличения раскола и сект, согласно указаниям съезда, – а также преподавать руководственные указания, чтобы при классном изучении Свящ. Писания обращалось особое внимание на изучение и миссионерское истолкование тех мест библейского текста, которые перетолковываются раскольниками и сектантами; – позаботиться об издании необходимых для миссионерства общедоступных по цене и в удобном для пользования формате святоотеческих творений, деяний Св. Соборов и других уважаемых раскольниками книг, миссионерской толковой библии. К сведению училищного Совета при Св. Синоде сообщены соображения съезда о миссионерских дополнительных уроках при преподавании закона Божия в церковных школах селений, заражённых расколо-сектантством.

Министру Вн. Дел, через г. Обер-Прокурора Св. Синода, сообщено о принятых духовным ведомством мерах к упорядочению торговли иконами, с просьбой о зависящем распоряжении относительно содействия со стороны чинов полиции приходскому духовенству к изъятию из продажи икон неправильного письма и к недопущению к продаже икон, могущих возбуждать соблазн, а также о присвоении епархиальным и окружным миссионерам особой печати и прав

на бесплатную пересылку по почте своей корреспонденции по служебным делам.

В виду сделанного Казанскому съезду заявления, что в некоторых местах сельские власти на паспортах, выдаваемых единоверцам, обозначают их «*единоверческого исповедания*» и дают этим повод раскольникам глумиться над единоверцами, якобы составляющими особую Церковь, – сделано сношение с Министром Внутренних Дел, чтобы на паспортах, выдаваемых единоверцам, они обозначались не «единоверческого исповедания», а «православного», так как православие и единоверие составляют одну Церковь.

Так как по удостоверению съезда, многие из книгонош общества для распространения Св. Писания в России, а также Британского Библейского являются сектантами и при распространении книг Свящ. Писания ведут деятельную пропаганду сектантских лжеучений, то Министру Внутренних Дел сообщено о принятии мер к устранению усмотренных в разных местах со стороны названных обществ злоупотреблений при распространении книг Свящ. Писания и о воспрещении сим обществам принимать в книгоноши сектантов или лиц, религиозные убеждения которых неизвестны.

С министром Финансов сделано сношение о беспрепятственном допущении местных приходских священников на находящиеся в пределах их приходов фабрики, заводы и промышленные заведения, для пастырских миссионерских бесед с рабочими.

Но несколько постановлений Казанского съезда, по заслушании их, оставлены Св. Синодом без обсуждения и распоряжений, с одной стороны в виду того, что одним из вопросов дана недостаточная разработка и мотивировка съездом, а с другой некоторые из затронутых миссионерами предметов превышали компетенцию съезда и не входят в задачи его.

В действующих Синодальных правилах «об устройстве миссии и о способах действий миссионеров и пастырей Церкви по отношению к раскольникам и сектантам» Св. Синодом сделаны изменения и добавления, согласно постановлениям по

сему предмету Казанского съезда. Между прочим §§ 2 и 3 прежних правил в новой инструкции заменены одним пунктом в такой редакции: *„епархиальных преосвященных, Св. Синодом назначаются лица с высшим или средним богословским образованием, обладающие даром слова и вполне благонадёжные по своим нравственным качествам, по преимуществу священного сана“*. Таким образом, Св. Синод настоящим определением, отдавая преимущество по принципу лицам священного сана, при занятии должностей епархиальных миссионеров, в тоже время ставит отныне и лиц светских вполне *полноправными* кандидатами для занятий миссионерских вакансий *одинаково как противо-сектантских, так и противо-растльничьих*, при соблюдении лишь тех необходимых для успеха миссии условий, чтобы кандидаты на должность епархиального миссионера отличались полной правоспособностью и имели *высшее и вообще полное богословское образование*.

Вопрос о благотворности для поступательного развития внутренней миссии этого нового широкого взгляда высшей церковной власти, относительно привлечения наиболее правоспособных и образованных деятелей на многотрудное миссионерское поприще настолько важен, что мы надеемся побеседовать о нём с нашими читателями особо, – теперь же лишь заметим одно, что это определение Св. Синода вполне соответствует требованиям миссионерской жизнедеятельности, так как в настоящее время число епархиальных миссионеров из светских лиц с академическим образованием не только противо-сектантских, но и противо-раскольничьих *превышает* миссионеров из *лиц духовного сана* в несколько раз, причём светские миссионеры в истекшее десятилетие заявили себя, и в практической и литературной миссионерской деятельности, неутомимыми и весьма благоплодными тружениками. Достаточно заметить, что в Киевской, в Петербург. митрополиях, в епархиях: Харьк., Херсон., Тамб., Кишин., Екатериносл. и др. миссионерами состоят светские лица с высшим образованием.

Обращаясь за сим к вышеизложенным, преподанным епархиальным начальствам распоряжениям Св. Синода по

вопросам внутренней Миссии и расколо-сектантства, нельзя не видеть, что они представляют собой непосредственное продолжение результатов деятельности первых 2 всероссийских съездов, а вместе составляют новый важный шаг вперёд в устройстве и развитии миссионерского дела борьбы с расколо-сектантством. Одними из настоящих своих распоряжений Св. Синод оживляет в памяти епархиальных деятелей миссии и подтверждает прежние свои предписания к неуклонному исполнению. В этом отношении особого внимания заслуживает новое разъяснение Св. Синода *важности миссионерства вообще и собеседований в частности.*

Людям, близко стоящим к миссии, хорошо известно, насколько ослабляют силу и влияние миссии холодность и равнодушие к успехам её со стороны приходского духовенства, которое доселе всё ещё не достаточно проникнуто сознанием неотложной важности миссионерского служения, не надлежаще энергично содействует миссионерам живым своим участием в деле борьбы не только с расколом, – с бытием которого духовенство как-то сжилось, – но и с сектантами, которые первее всего и главным образом направляют своё жало против пастырей; а между тем последние, по самой сущности миссионерского служения, должны быть первыми и главными миссионерами в своих приходах, так что и весь центр успеха приходской миссии покоится на личности и деятельности местного пастыря.

Более того: самые обычные и необходимые средства и способы борьбы с расколо-сектантством, как, напр., собеседования, а равно и миссионерские учреждения недостаточно деятельно заводятся и не поддерживаются, а иногда служат и камнем преткновения, будучи оцениваемы совершенно ошибочно и вредно, с точки зрения пользы и значения их для успехов миссии. Таким, между прочим, пререкаемым предметом служит вопрос о значении миссионерских полемических собеседований.

Миссионерские собеседования, как требующие особой полемической подготовленности и основательного знания богословских и миссионерских наук, прививаются весьма туго и

среди приходского духовенства, и в учебных духовных заведениях. Нередко не только сельские пастыри, но и духовно-административные органы власти, как, напр., оо. благочинные, епархиальные наблюдатели, начальники и наставники учебных заведений склонны считать этот способ борьбы с религиозными заблуждениями *малозначащими* в деле миссии, и легко заменимым другими религиозно-просветительными средствами; как, напр., истовая служба, церковная школа и проч. Доселе не получили должного распространения миссионерские собеседования при духовных семинариях даже тех епархий, где раскол и секты свили себе прочные очаги, где для возвышения успехов епархиального миссионерства необходимо давать кандидатам священства ещё на школьной скамье основательную практическую подготовку к миссионерскому служению и тем воспитать в будущих пастырях-миссионерах любовь к сему св. делу и достойное разумение важности и значения миссии в церковной жизни современной России. В этом отношении весьма полезным представляется установление единства в воззрениях на миссионерское дело и действиях как начальников и наставников семинарии, так и епархиальных миссионеров, и наблюдателей.

В виду изложенного, Св. Синод приглашает епархиальных преосвященных, чтобы они: а) „разъяснили подведомственному им приходскому духовенству важность собеседований, как *существенно необходимого* способа борьбы с расколом и сектантством, б) предписали приходским пастырям оказывать всякое содействие епархиальным и окружным миссионерам, приглашать и допускать их к участию в Богослужении и к произнесению проповедей и поучений в храмах и, в) предложили начальникам духовно-учебных заведений, чтобы воспитанникам была внушаема любовь к пастыре-миссионерскому служению, а при указаниях с наставнической кафедры недостатков собеседований, производимых местными миссионерами, не было допускаемо *осуждения бесед вообще*“.

В вышеприведённом указе Св. Синода в числе *новых распоряжений* прежде всего должно быть отмечено *установление оснований для признания особой вредности*

сект. В этом отношении Св. Синод выразил несколько иной, более определённый взгляд на характер особой вредности существующих сект, чем какой был принят 2 миссионерским съездом в Москве. По одобренному Св. Синодом постановлению последнего, для суждения о степени вредности сект, основным признаком признана была такая точка зрения: лёгкость *совращения из православия в ту или другую секту и трудность возвращения* в лоно церкви, т. е., имелась в виду главным образом вредность собственно *в церковном отношении*. Ныне Св. Синод, признавая все секты вредными для церкви, преподает в руководство для суждения об особой вредности той или другой секты иметь в виду главным образом *вред социальный*, – наносимый личности, семье, обществу и государству; в силу сего особая вредность той или другой секты должна быть, определяема а) или с точки зрения *допущения, на основании религиозных заблуждений, посягательства на жизнь* (а следовательно и здоровье) *собственную или своих ближних*“, (сюда, по-видимому, должны быть отнесены: скопцы, красно-смерты или морельщики в бегунстве, безумные изуверные проявления в малеванщине и проч.); б) или – допущения в секте *гнусных и безнравственных действий*, (каковы многочисленные виды и формы гнусностей в хлыстовстве, мормонстве и шелапутстве, а также и в современной малеванщине, начиная с свального греха), в) Или же при проявлении в секте *стремлений, направленных против государственного и общественного строя и имеющих целью поколебать основы семьи, общества и государства*, сюда должна относиться штунда в разных её толках, с её космополитическими, противонациональными (как секты иноземной и иноверной по источнику своего происхождения) и социалистическими воззрениями и стремлениями, – толстовство, – с его анархическими тенденциями, духоборчество, молоканство, в новой его штундо-баптистической фракции.

В других своих новых распоряжениях Св. Синод, так сказать, *санкционирует*, – *благословляет* на процветание и обдержное бытие те из миссионерских учреждений, которые ранее были вызваны к жизни, в виде опыта, в той или другой епархии или

особой попечительностью о миссии епархиальных преосвященных, или же назревшей в них местной потребностью. Учреждения эти были предметом всестороннего обсуждения со стороны всероссийского Казанского съезда и признаны многопольными и важными. Таково, напр., *учреждение в приходах, заражённых расколо-сектантством, братств или обществ ревнителей православия*. Св. Синод, рекомендуя эти учреждения, не стесняет общим уставом деятельности миссионерских приходских обществ, но допускает, чтобы уставы и правила подобных учреждений *вырабатывались самими приходскими священниками*, применительно к местным условиям миссионерского действия и к характеру самых лжеучений. Уставы¹ эти должны быть представляемы на усмотрение епархиальных преосвященных.

Миссионерские приходские учреждения, в виде братств или ревнителей православия, создавая вокруг приходского пастыря, как главного миссионера, уплотнённую рать из лучших в духовном смысле сил приходской среды, одушевлённую ревностью по своей родной православной вере и сострадательной скорбью о заблудших братьях – односельцах, способны создать весьма полезный, а часто и прямо незаменимый противовес сектантской среде, действующей, обыкновенно, против православия уплотнённой силой. Братства эти необходимо деятельно руководить и миссионерам и особенно пастырям, со стороны приёмов и способов миссионерского действия, снабжать членов их необходимыми указаниями и книжными миссионерскими пособиями.

Из других миссионерских учреждений, рекомендуемых Св. Синодом во всеобщее употребление нельзя не остановиться на *миссионерских съездах духовенства епархиальных и областных*, – с участием миссионеров ближайших епархий.

Доселе миссионерские съезды имели место, в виде как бы робких попыток и опасливых начинаний, притом – в очень немногих епархиях. Между тем как в других епархиях, где раскол и секты числятся многими тысячами, где давно сознаётся ближайшими деятелями миссии нужда в подобных учреждениях

для оживления и объединения деятельности приходского духовенства, – о таких съездах ничего не слышно.

Областной съезд известен только один, – Одесский, состоявшийся по инициативе Архиепископа Херсонского Иустина, давшего строго законченную образцовую организацию своей епархиальной миссии.

Стремясь создать надёжных и подготовленных борцов с расколом и сектами из среды народа, Св. Синод рекомендует учреждение особых миссионерских курсов или же миссионерских отделений при второклассных школах. Создать полезные в этом отношении опыты и начинания возможно только при единодушном действии епархиальных наблюдателей и миссионеров.

Весьма знаменательным представляется одобрение Св. Синодом в принципе мысли Казанского съезда об учреждении *Всероссийского миссионерского общества для борьбы с расколом и сектами*. Скорейшее, осуществление этой благой мысли ныне зависит от отзывчивости² на неё епархиальных преосвященных.

Особенного внимания заслуживает 9 п. распоряжения Св. Синода, коим требуется заведение в приходах, заражённых расколо-сектантством, *особых от исповедных росписей* церковных актов, в 1 части коих должны быть священниками занесены раскольники и сектанты, значащиеся таковыми *от рождения*, во 2 ч. *уклонившиеся* в расколы и секты, с обозначением числа лет уклонения. причём один экземпляр этой записи должен быть представлен в местную консисторию. Акты эти имеют значение не юридическое и гражданское, а *лишь чисто миссионерское и церковное*. Они имеют ближайшей целью привести, наконец, в более или менее точную известность число отпадших сектантов и состоящих в расколе, а вместе и иметь способы к проверке движения в расколо-сектантстве со стороны совращений и возвращений. На миссионерах отныне будет лежать новая трудная и ответственная обязанность руководства духовенства относительно правильности ведения этих актов и наблюдения за верностью и аккуратностью этих новых записей.

При этом Св. Синод требует, чтобы приходские священники не только о всех случаях обнаружения *новых отпадений в раскол или секты, но и о появлении какого-либо вредного сектанта* – немедленно доносили епархиальному начальству. Излишне говорить здесь о значении требуемой от пастырей приходских такой неусыпной бдительности по наблюдению за религиозным брожением в приходе, – мера эта слишком ясна и понятна сама по себе.

Благовременное предупреждение дальнейшего распространения сектантства путём миссионерских пастырских мер воздействия на отпадших имеет огромное значение для успехов миссии и для пресечения лжеучений. Между тем чаще о появлении сектантства в приходах первые сведения приходят в епархиальное управление от станowych приставов, чем от приходских священников. Явление это печальное, но, к сожалению, традиционное и весьма вредное для дела миссии. В большинстве случаев полезнее бывает обожждать вмешательством полиции в новое дело проявления религиозного воздействия, а между тем, по ныне действующей практике урядник и становой первыми являются изобличителями отступника, чем больше приносят вреда, чем пользы.

Более того: Св. Синод рекомендует *соблюдать осторожность при внимании самих судебных о сектантах дел* и не иначе как по предварительном и притом *тщательном* дознании всех обстоятельств дела через духовных следователей.

Небезызвестно, что вообще, а в последние годы особенно, вчиняемые духовным ведомством в судебных инстанциях дела по преступлениям сектантов и раскольников во многих случаях или прекращаются следователями, или кассируются Сенатом, или же виновные оправдываются судьями по тем или другим основаниям. Такой нежелательный исход процессов по сектантским делам зависит от разных причин, коренящихся и в неопределённости законов, и в характере преступлений, трудно уловимых и доказуемых путём свидетельских показаний, и в субъективных воззрениях и отношениях к вопросам веры самих судей и проч. Но дело в том, что такие благоприятные для

сектантов и раскольников исходы процессов отражаются крайне неблагоприятно, – возбуждающе на тёмной массе сектантов, которые истолковывают в глазах православных подобный исход судебных дел в свою пользу, – в смысле покровительства к расколо-сектантству со стороны гражданской власти и самого закона, так что, вместо ожидаемого пресечения сектантских заблуждений на почве судебной репрессии, в результате получается усиление брожения, нетерпимое, ожесточённое отношение к приходскому духовенству, что весьма вредит и самому миссионерскому делу. К сожалению, среди приходского духовенства опять-таки сильна тенденция действовать на раскол и секты, переее всего и более всего, мерами полицейского и судебного воздействия, что совершенно противоречит идее и духу нашей миссии. *Полицейские меры – не наши меры* – по классическому выражению м. Григория.

К суду и власти гражданской духовенство нравственно может обращаться лишь в тех исключительных случаях, когда будут исчерпаны и не достигнут цели все меры духовного вразумления, когда миссионер или пастырь встретятся с злой волей агитаторов, или с необузданным фанатизмом изуверов, духовно растлевающих „сих малых“ и тем явно и нагло нарушающих законы гражданские, коими ограждается господствующая церковь и истинная вера.

Во всяком случае интересы миссии требуют, чтобы как приходские пастыри, так и миссионеры были сами по возможности в стороне от всяких вчинаний судебных дел о местных сектантах, дабы не ожесточать их против себя и тем не преграждать путь своему слову к сердцу заблудших.

В высшей степени важным для миссии представляется п. 13 указа о недопущении опознанных хлыстов т. е. судом духовным или светским признанных таковыми сектантами, – к *таинству причащения Св. Таин*, без публичного отречения от своих заблуждений, чем устанавливается в епархиях одинаковость взгляда и практики на этот недоуменный доселе и пререкаемый вопрос.

Новые распоряжения Св. Синода, будучи выражением новой живой попечительности высшей церковной власти о

преуспевании миссии отечественной Церкви, несомненно послужат к оживлению миссионерского дела в епархиях и к ободрению духа добрых делателей.

В. С.

**Чельцов М. Единоверие за столетний период
существования его в Русской церкви ³ //**
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 17–41

III. Отзывы об Единоверии русских иерархов. С. 17–29

Правительственные мероприятия, клонившиеся, как мы видели, к уравниванию единоверческих обществ в правах и положении с обществами православной Великороссийской церкви, не от другого, конечно, источника могли вытекать, как только из взгляда самого духовного и светского правительства на Единоверие, как на тоже православие. Этот же взгляд правительства, конечно, определялся взглядом на Единоверие самих православных русских иерархов. Отсюда естественно желание интересующегося судьбами Единоверия за столетнюю жизнь его ознакомиться со взглядами на Единоверие и самих русских иерархов. К его только неудовольствию, таких взглядов, более или менее определённо высказанных, ему известно немного. Наши иерархи, заботясь о распространении Единоверия, как бы этим самым т. е. самым делом, а не словами высказывались на счёт Единоверия; если же прибавим, что они не только никогда не отказывались, но, наоборот, всегда изъявляли полнейшую готовность литургисать в Единоверческих храмах, то и отношение их к Единоверию настолько ясно было, что им и нужды не было высказываться по поводу его. К тому же – до пятидесятых годов не было и случаев, и поводов высказываться иерархам об Единоверии. Когда же с этих годов Единоверие стало обнаруживать более жизненности, то и иерархи наши стали высказываться о нём более подробно. Не имея нужды приводить отзывы об Единоверии всех высказывавшихся о нём иерархов, приведём некоторые из них, как более характерные по тем или иным причинам.

Первый по времени, весьма определённый взгляд на Единоверие был высказан ещё до учреждения его. Принадлежит он *митрополиту Новгородскому Димитрию* (Сеченову) и *епископу Псковскому Гедеоу* (Криновскому). Высказан же он был в половине 60 годов XVIII столетия на запрос Императрицы Екатерины II: „на каких до веры и церкви касающихся кондициях“ можно было бы дозволить переселение заграничных

раскольников. Высказав в начале своего ответа желание, чтобы в церкви православной было единообразие и во внешних чинах и обрядах, м. Димитрий и еп. Гедеон писали: „понеже намерение и желание оным заблуждающимся есть в оное соединение (с православной церковью) прийти не иначе, как только с тем, чтобы оставлены были при них некоторые заобыкновенные у них обряды... (далее перечисляются эти обряды) и для того полагая, что если в прочем всё, особливо в догматах веры, хотят они и обещаются последовать святой Греко-российской церкви, и никаких ересей проклятых вселенскими и поместными соборами не иметь и не вводить, и никогда отнюдь употребляющих другие от них обряды не хулить, епископов и священников, поставляемых от православных греческих и российских архиереев, принимать и повиноваться, и словом, кроме помянутых обрядов, все-мудрствовать и содержать по мудрованию и содержанию православных“, то, писали они далее, „лучше попустя им то, спасти их души присоединением к святой церкви, нежели, не попуская, оставить заблуждать от нея и погибать“... „Пусть только они (т. е. раскольники), писали иерархи в заключение своего ответа, признают церковь..., пусть различествующих от них обрядами братий своих не порочат тем и не хулят..., пусть только они во всё, кроме обрядов, будут с православной нашей церковью единомысленны: то в таком случае и нет сомнения, что их принять и присоединить православному нашему обществу“.⁴ Не важно то, что желаемое иерархами соединение в то время не состоялось; важно то, что в проектируемом ими соединении они видели не ступень к православию или что-либо этому подобное, а „присоединение к святой церкви, к православному нашему обществу“... т. е. на будущих единоверцев *смотрели как на равноправных членов православной церкви*. Такой их взгляд особенное значение приобретает в виду того особенно (почему мы его здесь и приводим), что высказан он был в то время, когда будущий митрополит Московский Платон, состоя в Петербурге законоучителем наследника, престола, писал „Увещение во утверждение истины“...⁵; не мог поэтому он быть не знакомым с этим взглядом, когда потом при той же Императрице вёл

сношения с иноком Никодимом и когда потом в 1800 г. делал свои замечания на условия Московских раскольников. А если так, то, следоват., ясен и определён должен быть и его взгляд на Единоверие, и в его замечаниях на условия Московских старообрядцев никак нельзя поэтому читать мысли об Единоверии, как о чём-то неполном, несовершенном.

Весьма определённо высказан и подробно раскрыт взгляд на Единоверие *митрополитом московским Филаретом* (Дроздовым). Этот, будучи ещё викарием Петербургской епархии, с 1817 г. как член Петербургского секретного комитета по делам раскола, и до самой своей смерти (19-го ноября 1867 г.), имел постоянные самые близкие и непосредственные сношения с расколом и Единоверием, почему и хорошо знал то и другое. В виду этого взгляд его на Единоверие особенно ценен, и это тем более, что отражает в себе взгляд русских иерархов за целое пол столетие времени.

„Единоверие, говорит м. Филарет в одном месте, не есть начало. Начало есть православие, а Единоверие – распространение, развитие, движение сего начала к стороне раскола, с той целью, чтобы отторженных от православной церкви возвратить к единству веры, церкви и священноначалия... Отсюда наименование Единоверия и единоверческой церкви, т. е. церкви, которая соединена с общеправославной в вере, при разности некоторых обрядов. При таком устройении единоверческой церкви, вступающим в неё предоставлено всё, что могло быть допущено без нарушения чистоты православия“. Но если Единоверие есть движение к стороне раскола, то каково же его отношение к последнему? В ответ на этот вопрос м. Филарет многократно высказывал, что у Единоверия далеко нет той близкой связи с расколом, которую бы желали видеть защитники последнего, но что, напротив, между тем и другим лежит целая бездна. „То, что наиболее осудительно и вредно в раскольниках, писал он, есть их отчуждение от церкви и мятежное против неё расположение. Единоверцы, победив сии расположения при вступлении в Единоверие, и вошедши в благодатное общение священноначалия и таинств церкви, согласно с своим

наименованием, почитают направление к единству и почитают православную церковь своею, а раскольников чужими“. Общее единоверцы с раскольниками имеют только в держании старых обрядов, что не представляет, по замечанию м. Филарета, особенной важности и в существе дела не препятствует церковному единству. Существенно же важного, что коренным образом входит в понятие раскола, т. е. признания православной церкви еретической и неповиновения её иерархии, итогом единоверцы чужды. Поэтому-то, далее, по его убеждению, *Единоверие в сущности тоже православие*; единоверческая церковь, отличаясь от греко-российской несущественной разностью в обрядах, *соединена с последней*, как показывает и само название, единством веры, таинств и священноначалия так крепко, что первая не может быть мыслима отдельно от последней, *но та и другая есть одна вселенская святая и апостольская церковь*. „Известно, писал он в одном письме к м. Петербургскому Григорию, что Единоверие от общего православия не разнствует ни в догматах, ни в заповедях, ни в таинствах, но только в некоторых обрядах, неразборчиво принятых, но не противных существу веры. И потому нет нужды с опасением говорить, что Единоверие значительно разнится от православия“. „Что значит церковь единоверческая? пишет он в другом месте. – Церковь, которая имеет единую веру с великороссийской церковью, находится в соединении с ней и сим отличается от разномыслящих и чуждающихся церкви великороссийской. Что в сём неприятного или оскорбительного? Братьям единоверческих церквей мы говорим: вы единоверны нам и мы единоверцы вам. Как же может быть оскорбительным наименование, которое мы даём и себе наравне с другими?!“ Единоверцы, вступая в общение с православной российской церковью, тем самым становятся чадами „святых восточно-кафолических церквей“, а их церковь – „пользующеюся всеми благодатными преимуществами восточно-кафолической соборной и апостольской церкви, наравне с прочими, принадлежащими к восточно-кафолической церкви, частными церквами, как то: греческой, российской, грузинской и проч.“ Наконец, однажды м. Филарет в резолюции по делу о переходе

супругов Рогожиных (московских купцов) из православного прихода в единоверческий писал, что они „напрасно предпочитают единоверческую церковь обще-греко-российской“, потому что „та и другая есть одна вселенская святая и апостольская церковь“⁶.

В 1873 году, следовательно, много спустя после смерти м. Филарета, на рассмотрение и разрешение Св. Синода был представлен прямой принципиальный вопрос: *следует ли считать Единоверие равносильным православию?* Возбуждён он был по следующему поводу. Один бывший раскольник Вятской губ., присоединившись к церкви православной на правилах Единоверия, стал ходатайствовать о предоставлении ему, на основании 508 ст. V-го т. Свода Зак. Уст. о под., льгот в платеже податей и повинностей. Ходатайство его гражданской властью не было уважено в виду того, что в указанной им статье закона ничего не говорилось об единоверцах. Потребовался отзыв об Единоверии от Вятского епископа. Последний вот как отзывался: „по справкам найдено несколько таких правительственных распоряжений, которые на предложенный вопрос отвечают, что присоединение раскольников к Единоверию перед законом равносильно с переходом их в православие... и что по понятию правительства Единоверие есть св. вера“. Поэтому с своей стороны Преосвященный признавал, что проситель – единоведец в праве воспользоваться льготами от платежа податей. Этот отзыв Вятского преосвященного не удовлетворил однако светских Вятских властей и они через министра внутренних дел обратились в Св. Синод с вышеприведённым принципиальным вопросом. Св. Синод, рассмотрев дело, нашёл, „что между Единоверием и православием не существует никакого различия в догматах веры, но по снисхождению к заблуждениям раскольников, обращающимся в православие на правилах Единоверия, правительство допустило единственное исключение – совершение богослужения и треб по старопечатным книгам. Т. об., при отсутствии различия православия и Единоверия, те льготы и права, кои по закону предоставляются раскольникам при обращении их в православие, должны быть равносильно

распространены и на лиц, переходящих в православие на правилах Единоверия“.⁷

После такого отзыва Св. Синода суждения русских епископов об Единоверии стали совершенно определённо и весьма категорично высказываться. Так от 1874 года сохранилось весьма интересное и важное предписание настоятелю одного единоверческого прихода, иеромонаху Иоакиму, со стороны Платона, архиепископа Новочеркасского, впоследствии митрополита Киевского.⁸ Иеромонах Иоаким доносил преосвященному, что прихожане его – единоверцы возмущаются тем, что вместе с ними в их храме молятся „щепотники“ с соблюдением ими и других их обрядов. Архиеп. Платон, в своём предписании иеромонаху по этому поводу, давая весьма полезные и подробные наставления, между прочим повелел ему стараться выяснять единоверцам, что *они – единоверные братья с православными*. „Объясните вашим прихожанам, писал Владыка, что им *неприлично и грешно* устранивать православных от общения в молитвах ваших, ибо прихожане ваши исповедуют *одну веру* с православными, почему и называются *единовѣрцами* их; а христиане, исповедующие одну веру, должны, по заповеди Апостола, не чуждаться друг друга, но жить между собой в любви и согласии, стараясь блюсти *единение духа в союзе мира* (Еф.4–6) (курсив всюду подлинника)... Это, я думаю, также или ещё более неприятно для Господа, как неприятно было бы для вас (т. е. единоверцев), если бы какие-либо из ваших детей негодовали на то, что другие ваши дети находятся у вас и вместе с ними просят вас о чём-либо, и поэтому старались бы удалить их из домов ваших... Вразумите прихожан ваших..., что из того, что православные приходят в вашу церковь, чтобы помолиться в ней с вами, ясно оказывается, что они уважают вашу церковь, как храм Божий, и питают любовь к вам, как к единоверным своим братьям; а это, очевидно, должно радовать, а не оскорблять ваших прихожан“... Таким, ходящим в храмы единоверческие, православным архиеп. Платон „советовал внушать, чтобы они, находясь в вашей (т. е. единоверческой) церкви,

приноровлялись к вашим обычаям и не делали ничего такого, что может быть неприятно для ваших прихожан“.

В 1880 г. Сергей, впоследствии митрополит Московский, при освящении единоверческой церкви в Курской епархии, говорил в своей проповеди: „Церковь сия, ныне освящённая, именуется *единоверческой*. Откуда же заимствовано её такое наименование? – Из слов Апостола, что у православных христиан *един Господь, едина вера*. И, действительно, общество единоверческое в веровании ничем не разнствует от всего общества православного“... А в самом заключении своего слова делает следующие примечательные наставления: „Итак, если мы и единоверцы – *едино* церковное *тело*; то в нас должен быть и *един дух*. *Да не будет распри в сём телеси* (1Кор.12:25), одушевляемом единостью веры и благодатью Св. Духа. Да не упрекают нас в „новшествах“; ибо новы у нас только речения, а дело древнее, святое и неизменное. Да не подвергаются поречению и любители, так называемого, древнего обряда, когда они в вере не погрешают и законному священноначалию повинуются. Все, православные, *не забывайте* заповеданного Апостолом (Евр.13:16) *взаимного общения* (курсив всюду подлинника), как чада единой, соборной и апостольской церкви“...⁹

Известный ревнитель о чистоте и неповреждённости нашего православного учения и обличитель всякого рода раскольнических и сектантских отклонений от него, Преосвященный Одесский Никанор, в бытность его епископом Уфимским, в 1883 году, в слове на Воздвижение честного Креста Господня, следующее говорил о Единоверии¹⁰. „Я знаю, что по старопечатным книгам святые Божии спасались, как и по новопечатным спасались, и верую, что и ныне можно спастись, служа Богу как по тем так и по другим книгам, старопечатным и новопечатным. По долгу моего звания и примеру святых отец наших, в единоверческих церквях я и священнодействую по старопечатным книгам, и крещусь двуперстием, как и благословляю... Что при этом (т. е. при содержании старых обрядов и книг) Единоверие есть действительно Единоверие, а не богоотметная ересь, не богопротивный раскол; что

Единоверие не исповедует греко-восточную церковь еретической и состоит с ней в общении молитв и таинств, это видно из того, что, содержа единую с нами Христову веру, единое в основе церковное право, единый по существу обряд, хотя и с некоторыми особенностями, не вредящими существу веры и делу спасения, Единоверие приемлет от православной церкви своё священство и подчиняется её епископству... В Единоверии как в общине, как живом теле, освящаемом спасительными таинствами, одушевляемом и одухотворяемом благодатью Св. Духа, живёт, растёт и укрепляется дух истинно спасающего Единоверия“...

В 1885 году об Единоверии высказался целый собор епископов. В этом году, как известно, было собрание в г. Казани епископов поволжских и других епархий для обсуждения духовных нужд их паств и мер к борьбе с расколом. Епископы, присутствовавшие в Казани, были следующие: Палладий – архиеп. Казанский, Дионисий – еп. Уфимский, Евгений – еп. Астраханский, Ефрем – еп. Пермский, Варсанофий – еп. Симбирский, Павел – Саратовский, Вениамин – Оренбургский, Нафанаил – Екатеринбургский и Тихон – Сарапульский. Между постановлениями, утверждёнными Св. Синодом, для нас в настоящий раз важно одно, выражающее взгляд собравшихся епископов на Единоверие. В пункте 8-м постановлений читаем: „В видах усматриваемого нередко разномыслия в воззрениях на Единоверие, необходимо разъяснить духовенству, что Единоверие не представляет собой какого-либо особого, отличающегося от православия, исповедания; православие и Единоверие составляют одну церковь. В храмах православных и единоверческих призывается един Господь, исповедуется едина вера, совершается едино крещение, приносится едина умиловительная, бескровная жертва Христова, приемлется едино Тело и Кровь животворящая; словом, и там, и здесь одно и тоже, и одинаково всё то, что живет и питает человека. Посему, с одной стороны, никто не должен унижать и порицать то, что церковью благословляется, никто не должен думать, что тайны, совершаемые единоверческими священниками, имеют менее силы и святости. А с другой стороны сами единоверцы должны

помнить, – и сие потребно внушать им, – что сила Единоверия заключается только в союзе с православной церковью, что без этого союза нет Единоверия, а будет опять раскол, что посему при содержании, так называемого, старого обряда не должно быть никакого порицания обряда, православной церковью содержимого, и, наоборот, со стороны православных – порицания обрядов, содержимых единоверцами¹¹.

Этот отзыв об Единоверии, высказанный от лица девяти епископов и признанный за голос истинный и справедливый представителями русской церкви – членами Св. Синода, как бы утвердил, или – так сказать – санкционировал то, что прежде слышалось об Единоверии от лица отдельных епископов. Частные мнения многих епископов были признаны за мнения, официально разделяемые Св. Синодом; единичные их голоса слились с выражением общего голоса представителей Русской церкви. Мы не припоминаем, появлялись ли в печати какие-либо отзывы кого-либо из современных епископов об Единоверии; но из личных бесед с некоторыми из них и из знакомства с ними, со слов других лиц, хорошо осведомлены. что и до настоящего времени епископами русской церкви твёрдо содержится и вполне разделяется отзыв об Единоверии Казанского собрания девяти епископов. А если так, то, следовательно, на протяжении столетней жизни Единоверия отзывы о нём со стороны епископов русской церкви были высказываемы в том смысле, *что Единоверие и православие составляют одну церковь святую, восточную,*

апостольскую и что разности в обрядах так же их не разделяют, как не разделяют разности в обрядах церкви русскую, греческую, грузинскую и пр, друг от друга.

Но с этими отзывами об Единоверии, как бы существенно расходятся и даже, по мнению некоторых, пожалуй, до противоречия два мнения об Единоверии – Иннокентия, архиеп. Камчатского, впоследствии митрополита Московского и Аполлоса, епископа Вятского. Что же это за мнения?

1) Преосвященный Иннокентий, в письме своём к Андр. Ник. Муравьеву, от 30-го марта 1858 г., из Иркутска писал: „Я полагал, по некоторым случаям, что в Томске Единоверие настоящее. Но

преосвященный (подразумевается – Томский) говорит, что из всех, так называемых, единоверцев едва ли наберётся и 100 настоящих, а прочие всё тоже, что и раскольники. К сему присоединяю и слышанное мной в Иркутске, что после литургии, которую служил преосвященный Афанасий у Забайкальских единоверцев, ревностнейшие из них предлагали сломать церковь, яко осквернённую шапконосцами. Вот вам и пресловутое Единоверие, которое, полагали, будет переходным состоянием от раскола к православию, а выходит наоборот¹².

Приходится только удивляться, каким образом вышеприведённые слова архипастыря могут свидетельствовать о мнении его об Единоверии, как не о чистом православии! А между тем, на основании их, таковое мнение приписывается архипастырю. Мы нарочито привели всё, относящееся сюда из письма владыки, чтобы нагляднее видеть несправедливость неправильного вывода из него. Из письма, наоборот, ясно, что владыка разделяет Единоверие и единоверцев и говорит о многих из последних, как о дурных, как о не искренних православных, и как бы сетует, что через наличность большего количества таковых теряется смысл самого Единоверия. А наличность дурных единоверцев, как дурных православных, никто и никогда не отрицал; но только наличность эта против самого Единоверия, его *одиносущности* с православием, нисколько не говорит.

2) Преосвященный Вятский Аполлос, при обозрении единоверческой церкви, в присутствии единоверцев, будто бы объявил по одному случаю, что „Единоверие есть только ступень к православию“¹³. Но после того, как Н. Ив. Субботин, в № 14 за 1869 г. „Современной Летописи“ обратил внимание на это выражение преосвященного и выразил сожаление, что оно было высказано им, в „Московских Ведомостях“¹⁴, в корреспонденции из Вятки было разъяснено, что преосвященный Аполлос не употреблял приписываемого ему выражения и что всё дело было так: „Во время обозрения епархии преосв. Аполлосом, в единоверческой церкви Ижевского завода, один из православных выразил ему свою просьбу о дозволении присоединиться ему к *Единоверию*... Преосв. Аполлос...

объявил, что желание просителя перейти из православия в Единоверие неосновательно и неуважительно, потому что православная церковь только по духу мира и любви терпит в единоверческой церкви некоторые обряды, снисходя к немощи лиц, с детства усвоивших себе оные и придающих им особенное и существенно важное значение. Оказывается, таким образом, что ничего даже и подобного выражению: „Единоверие есть только ступень к православию“, сказано не было. Появление же его в „Вятских Епархиальных Ведомостях“, за 1867 года (№ 18) корреспондент объясняет неточностью передачи слов преосвященного автором – описателем разговора преосвященного с просителем. „Слово – ступень употреблено свидетелем беседы для сообщения частных выражений архипастыря, который в разговоре с простолудином вовсе не употреблял этой метафоры для обозначения отношения между Единоверием и православием, а недостатки Единоверия охарактеризовал словом – *немощь* (курсив подлинника), обнаруживающейся в крайней привязанности единоверцев к, так называемому, старообрядству. Значит, еп. Аполлос употребил в своём отзыве об Единоверии такое выражение, какое употреблено м. Платоном в его известном „мнении“. Но допустим, что еп. Аполлос, действительно, высказал приписываемое ему выражение, как на этом настаивают раскольнические писатели и некоторые из православных. Так что же из того? Ничего не значит, что один из русских епископов смотрит на Единоверие, как только на ступень к православию. Мнением одного нисколько не ослабляются взгляды на Единоверие, как на Православие, остальных епископов.

Впрочем, автор изданной в 1897 г. за границей в Румынии брошюры, разосланной подписчикам раскольнического „Слова Правды“, под заглавием: „Нечто об Единоверии“ приводит ещё следующие слова Елпидифора, еп. Вятского, из частного письма его к епископу Макарию, впоследствии митрополиту Московскому, от 3-го мая 1855 года: „Я, может быть, ошибочно эту (то есть единоверческую) церковь считаю каким-то непонятным учреждением, мало соответствующим своей цели, унижительным для православной церкви и опасным, – чтобы не

породило разделения церквей и церковной иерархии¹⁵. Но в этих словах нет собственно никакого отзыва об Единоверии; в них высказывается лишь, что для преосвящ. Елпидифора Единоверие непонятно по тем или другим причинам: по лицемерному ли отношению единоверцев того времени к православной церкви (отсюда – не соответствует своей цели) или вообще по неясности для тогдашних современников смысла и значения Единоверия (отсюда – учреждение непонятное) или просто даже по недостаточному знакомству самого преосвященного с сущностью и идеей Единоверия (отсюда – Единоверие унижительно для православной церкви). Из этой непонятности для преосвященного проистекало его опасение на счёт порождения через Единоверие разделений. Таким образом, в приведённых словах преосв. Елпидифор выражал не взгляд свой на Единоверие, а свидетельствовал лишь, что Единоверие для него непонятно, неясно, тёмно.

В 1881 г. было разрешено введение Единоверия в Майносе, в Кизической епархии, в области патриарха Константинопольского. Этот – Иоаким III, – разрешая у себя Единоверие, смотрел на него глазами иерархов русской церкви того времени, т. е. как на тоже православие. Это явствует из всей истории учреждения Единоверия в Майносе. Майноские старообрядцы, решившись открыть у себя единоверческий приход, обратились с просьбой об этом в русский Св. Синод. Но этот направил их к Константинопольскому патриарху, в области которого они желали иметь церковь. Тогда в Москве на имя Константинопольского патриарха было составлено иеромонахом Филаретом, под руководством известного архимандрита Павла (прусского); и Н. Ив. Субботиным окончательно отредактировано прошение майносцев. В прошении, для лучшего уяснения того, о чём они просят, были изложены краткие, но точные сведения о происхождении Единоверия, его значении и отношениях к православию, – изложены в том смысле, как всё это понимает православная Российская церковь. На эту просьбу последовало согласие патриарха; поставить же священника для них патриарх предоставил кому-либо из архиереев Российской церкви, что и было совершено Алексием, еп. Можайским; а освятить церковь

благословил архимандриту Павлу (прусскому), которого дважды с особым вниманием принимал у себя¹⁶. Итак, понятие об Единоверии Константинопольский патриарх составлял через ознакомление с ним при посредстве таких лиц, которые смотрели на него, как на православие; а поэтому, след., и сам должен был точно также смотреть на него, когда разрешал его у себя и поручал ведению епископа Кизического.

Содержание именно такого взгляда на Единоверие предполагали у патриарха и русские единоверцы, коль скоро они по поводу дозволения первым у себя Единоверия обратились к нему от лица некоторых петербургских и московских единоверцев с благодарственным адресом. В этом, между прочим, писали, что частный случай – дозволение патриархом Единоверия у себя в области „громко возвещает вслух всему православному населению, что просветивший нас Восток совершенно чужд того несправедливого предубеждения и той обрядовой исключительности, которые два века тому назад привели русскую церковь к пагубному разделению...”¹⁷

IV. Отношение к Единоверию раскольников. С. 30–41

Появившееся в Русской церкви Единоверие, разумеется, не могло не вызвать к себе тех или иных отношений со стороны раскольников-старообрядцев. Отношения же эти могли быть только одни – самые неприязненные и злостные. Иные отношения вели уже к симпатиям к Единоверию, а за ними и к присоединениям. Степень же неприязни к Единоверию со стороны раскольников была очень велика с самого начала существования Единоверия; таковой остаётся она и теперь. Это и понятно. Если с православной церковью раскольники начала XIX века уже сжились и свыклись, отчего и острый характер отношений сгладился, то Единоверие, явившееся вновь, уже поэтому одному подогревало ненависть к церкви со стороны раскольников, возбуждало её в новой форме, направляя на Единоверие.

Это же к тому не могло не казаться и весьма опасным для самого раскола. Не могли не видеть раскольники, что Единоверие по своему содержанию то же старообрядство, что и раскол, но не только имеет священников и таинства, о чём только плакали и вздыхали беспоповцы, но имеет священников в достаточном количестве, по своему желанию и законных, а не беглых и при том в сильно недостаточном числе, как у половцев до 1847 г. Естественно, такое Единоверие должно было казаться раскольникам заманчивым, соблазнительным. Но эта-то заманчивость, эта-то соблазнительность Единоверия для раскола и должна была возбуждать против него раскольников. У искренних из них, естественно, рождались вопросы сомнения о законности и действительной спасительности Единоверия, а отсюда – при неблагоприятном для Единоверия решении их – вся ненависть к последнему, как якобы недостойной „ловушке“, перед которой не в состоянии устоять слабые духом из раскольников. У многих, так называемых, горячих голов вражда к Единоверию проистекала из их вражды к православной церкви, из того, что Единоверие соединяет раскольников с, ненавистным для них, погрязшим в мерзости всех, по их убеждению, ересей, великороссийским православием или никонианством. На

порождение и развитие этой вражды не могло не влиять и то обстоятельство, что ещё „согласие“ XVIII в., а потом Единоверие, особенно времён Николая I, было нередко причиной страданий, унижений и сильных стеснений от правительства гражданского для раскольников, и что оно иногда жило и цвело на развалинах и несчастьях последнего. Первый протест против Единоверия, собственно против „согласия“, действительно, излился из стеснений раскольников от Единоверия, когда при протоиерее Иоанне Журавлеве в Стародубье, у раскольников в пользу единоверцев стали отбирать молитвенные дома с их принадлежностями. Тогда-то и появилось первое по времени раскольническое произведение против Единоверия – известный „Синаксарь“. – Итак, было у раскольников и немало основательных причин к вражде против Единоверия.

Чем же им было выразить эту свою вражду? Не у власти стоящие – они и вредить Единоверию могли или какими-либо каверзами против него, или распусканием о нём всяких нелепых былей и небылиц, которые вообще все русские люди охотно слушают и которым охотно доверяют, или, наконец, сочинением словесных произведений на Единоверие и единоверцев. Последний способ был самым удобным и благодарным. Каверзы строить – нужно умения и искусства много, к тому же и не всегда можно с успехом для дела и безопасностью для себя: за единоверцев часто заступалось духовное начальство, а иногда даже и светское. Оставался для раскольников третий способ для выражения их вражды к Единоверию – посредством распространения разного рода словесных произведений с порицаниями и обличениями Единоверия. И этот способ всё время был и теперь остаётся самым излюбленным у раскольников. Нужно было только написать сочиненьеце или письмецо против Единоверия, а там – ищи автора его, как вольного ветра в чистом поле. Зато, раз написанное, оно приобретало авторитет послания или завета какого-нибудь уважаемого в расколе лица и, переходя из рук в руки, в многочисленном количестве списков, сборников, с всевозможнейшими добавлениями и изменениями, оно начинало

гулять по всему лицу Руси святой, пробираясь и в заграничную Буковину.

Этих литературных произведений с возражениями, обвинениями и разного рода наветами на Единоверие и единоверцев написано и распространено раскольниками очень много; по крайней мере, очень много из таких произведений уже известно в нашей литературе и описано нашими учёными и полемистами. Но, кажется, едва ли ошибёмся, предположив, что известна только меньшая половина, а большая и доселе сохраняется где-нибудь в курной избушке, в переднем углу, на полке „за святыми“ (иконами), как дорогой дар, который всячески следует скрывать от любопытных глаз нечестивого никонианина. Написаны эти произведения в прозе и в стихах, в тоне жалобной элегии и грозной сатиры; некоторые из них облеклись и в форму научных деловых рассуждений; есть среди них и дружественные письма, и обвинительные на Единоверие акты, и целые, претендующие на учёность, статьи и брошюры.

Перечислять все этого рода раскольничьи произведения нет никакой возможности. И мы здесь изложить содержание можем только тех из них, о которых говорилось уже в нашей периодической печати.

В самые первые годы существования Единоверия появилось раскольничье сочинение: „О трёх церквах“ или с более подробным заглавием: „Кратчайшее сказание о некоторых преданиях и содержаниях трёх российских церквей: 1) древней, 2) ныне господствующей и 3) присоединенческой, или с новыми преданиями единоверческой“¹⁸. В конце этого сочинения автор его, как бы под влиянием вдохновения, пускается в поэзию и в стихотворной форме рисует „Изображение единоверческие церкви“. Здесь первой виной против Единоверия автор выставляет его будто бы двуличное положение. Именно он пишет:

Явилась церковь вновь, имея две личины,
Хранит разгласные уставы и вся чины...
Всем кажется она, что хвалит старину,
Но купно содержит в себе и новину...

Такого взгляда на Единоверие автор держится с одной стороны потому, что с своей раскольниковой точки зрения никак не может понять единство церкви при разнообразии обряда, а с другой и потому, что многие раскольниковствующие единовержцы „себя (т. е. свою церковь) лишь мнят святой и бегут от православных“.

Действителей же тех (т. е. православных) к себе не приобщает,

И кто согласен им молиться не пускает.

А славится она, что веры есть одной,

Сама ж бежит от них, себя лишь мнит святой...

Эта двойственность, неискренность единовержцев даёт автору совершенно произвольный, но у раскольников обычный, довод переносить недостатки лиц на учреждение, – в данном случае на Единоверие. И он уже приходит к тому выводу, что в Единоверии кроется „ложь“. Далее автор упоминает о клятвах 1667 г., которых и советует Единоверию „избыть и со святыми мир иметь... дабы спасенья себе на век не отчуждить“¹⁹. Этим и исчерпывается содержание литературного произведения нашего автора. Как видим, возражения против Единоверия выставляются пока самые примитивные, проистёкшие у автора главным образом из наблюдения неискренности у многих единовержцев. Но сочинение это тем не менее пользовалось у раскольников громадным успехом. Это видно из наличности многих сохранившихся списков его. Успеху его способствовали – вражда к Единоверию раскольников и бойкий язык автора, владевшего при том хлёстким стихом.

Гораздо более по количеству и определённое по выражению содержится возражений против Единоверия в „записке, поданной в 1840 году настоятелем Иргизского поповщинского монастыря старцем Силуаном единовержческим архимандритам Платону и Зосиме в Верхне-Спасо-Преображенском монастыре (Саратовской губ.) и изъясняющей причины, по которым не могут в России живущие верноподданные, так называемые половцы, принять правила, таинства и священство единовержия“²⁰. Причины эти таковы:

1) Единоверческая церковь в России представляется им новой и „несогласной с символом православной веры“ и это тем более, что „прихожане единоверческой церкви не менее обязаны верить ещё и в другую господствующую церковь“.

2) „Священство единоверческое обязано почитать: а) клятвы 1667 г. возложенными праведно“, б) новоисправленное при п. Никоне за святое и в) принимать архиерейское благословение.

3) В Пращице, неоднократно изданной благословением Св. Синода, содержатся похуления на древние чины.

4) Епископы только единоверцам попускают творить по-старому чин и богослужение, а сами его не исполняют.

5) Епископы нарушают правила Единоверия, а в 1839 г. была пропущена цензурой книга „Доказательства о древности трёхперстного сложения“ с ясными похулениями на двуперстие.

6) Единоверие распространяется при помощи гражданской власти и насилий над раскольниками – старообрядцами.

7) В церкви православной не соблюдаются чины и постановления об обрядах из времён до п. Никона.

8) Единоверческое духовенство – „новое, не прямое и осуждённое от той же духовной власти“...

Более новые возражения против Единоверия встречаем в раскольничьем сочинении, появившемся не ранее второй половины сороковых годов, под заглавием: „Повесть о церкви единоверческой и к ней прилагающихся, и что она значит, и откуда произыде, и как она существует“. В нём автор выставляет целых 15 возражений против Единоверия. Но все они, толкуя на разные лады, сводятся в сущности к одному вопросу – о клятве собора 1667 г., под которой будто бы находится двуперстие. Господствующая церковь, позволяя употребление двуперстия в то же время будто бы прокликает молящихся двуперстно. „Можно ли же после этого, восклицает автор, знаменаться тем, что проклято, т. е. двумя персты“? В конце своего сочинения автор переходит к рифмованной речи и в стихах как бы обобщает, делая вывод, всё прежде сказанное против Единоверия. Единоверие, по его взгляду, двулично и шатко в его отношении к православной церкви.

„Дивно: книги старые имеет,

Священство ново разумеет;
Невежество своё исполняет
И клятве всюду подпадает“.

Упоминает автор о согласии между русскими и греками, которые, кстати сказать, по автору давно уже утратили своё православие, – упоминает с целью показать, что разрешение от клятв, сделанное русским Синодом, не сделано ещё греческой церковью. Этим он как бы приглашает единоверцев вникнуть лучше в смысл и значение самого факта снятия с них соборных клятв.

„Книги и все древне – неправо,
Святейший синод сделал здраво
И кругом себе уже связи,
И всему миру винну показа.
Единоверчески под виною,
Синод разрешил их новиною...
Хотя клятву мнимо разрешили
Паки и ней во веки осудили“...²¹

Как видим, в этом произведении выводится среди старых обвинений на Единоверие и новое, притом немалой важности, – по вопросу о действиях Св. Синода в отношении к учреждению Единоверия и о том, сняты ли действительно с единоверцев клятвы соборные. – Среди раскольников сочинение это пользовалось большой известностью, о чём свидетельствует внесение его во многие рукописные их сборники.

В пятидесятых годах (1851–1853) совершилось, благодаря усиленным миссионерским трудам архиеп. Нижегородского Иакова, обращение к Единоверию многих беглопоповцев села Городца, Балахнинского у., Нижегородской губ. Село это издавна было центром раскола и пользовалось большой известностью. Присоединение многих к Единоверию, естественно, породило среди раскольников сильное возбуждение с целью воспрепятствовать введению у них Единоверия; были приняты многие к этому меры; но успеха раскольники ни в чём не имели: Единоверие с своим храмом появилось в с. Городце. Огорчённые этим раскольники, не имея возможности более чем-либо выразить свою скорбь и горе, излили их в стихотворном

произведении – в „Плаче городецких раскольников при постройке единоверческой церкви“. Для нас это произведение важно в двух отношениях: выставляет новое, в высшей степени курьёзное обвинение против Единоверия и раскрывает тайные деяния раскольников, чтобы только воспрепятствовать введению его и построению храма в Городце. Обвинение это состоит в следующем, как выразили его Сами плакальщики:

„Ох, последни, видно, веки
Что прельстились человеки
От архерея благословляться
И единоверцами называться!
Это несть единоверье,
А от нас лишь отдаленье –
Концысторией заняться,
Ей в правление предаться
Лучше головы положим,
А своё мы не отложим.
Неужели мы не в состояньи
Попов судить не в постояньи?
Судить сами их умеем
И правила разумеем,
Хотя не священные лица,
Как то бывает в столицы.
Попов мы сами разбираем,
Мы их судим, запрещаем.
Ныне-ж древность всю растлили,
Себе церковь испросили“...

В этих стихах со всей откровенностью невежественных, но упорных и горделивых, людей раскрыто, почему действительно Единоверие не нравится раскольникам, а особенно их заправилам – богачам. Ненависть к Единоверию у раскольников Городца так была сильна и деятельна, что подвигла их возбудить целую историю против него.

Нут-ко, мужие, старайтесь,
От новостей удаляйтесь;
Сумму многу собирайте
В Москву, Питер поезжайте;

Раздавайте, не щадите,
Длительность делу ищите
И все меры принимайте
Церковь строить не пущайте.
Поупрямитесь, милы братцы,
Часовенны старообрядцы,
И бунтуйте, не сумнитесь,
И начальства не страшитесь;
К защищенью всяк спешите,
Стой в одно, хоть кол теши!
В противность же что случится,
То мы должны откупиться.

Для этого откупа собраны были громадные деньги; для раздачи их в Москве, Питере были, избраны особливые доверенные лица. Эти, порастратив вручённые им для откупа деньги, приехав к землякам, говорили, что если б я ещё тысяч двадцать пять, так бы можно поступать“, т. е. доводить дело до желанного конца. Поспорили, пошумели доверители, но подзадоренные какой-то Софьей, стали опять сборы денег собирать... Но добиться своего им всё-таки не удалось²²...

И так поступали во вражде к единоверию не одни, конечно, только городецкие беглопоповцы; эти только оставили по себе памятник своей вражды и своих деяний против Единоверия – „Плач“.

Плач этот, будучи от начала до конца пропитан фанатической враждой к Единоверию и его последователям, имел в своё время громадное значение для раскольников; он служил для них тайным орудием, которое они употребляли в дело, когда их одноверцам угрожала (конечно, с раскольниковской точки зрения) опасность перехода в Единоверие: распространяемый в рукописных списках „Плач“ немало колебал и даже отклонял от истины тех из раскольников, которые хотя и обнаруживали склонность сделаться членами церкви единоверческой, но ещё не успели дойти до твёрдого и непоколебимого убеждения в её истинности и святости. Единоверцы, чтобы положить конец этому обаянию „Плача“ и его злоторному влиянию на народ, прибегли к тому, что издали его

в печати. (Издание было сделано Высокоостровским единоверческим монастырём, Костромской еп.). И изданный в печати „Плач“, действительно, утратил в глазах раскольников силу тайного оружия и сократил своё злое влияние.

В начале шестидесятых годов под влиянием Павла, настоятеля прусского беспоповщинского монастыря, пробудилось среди лучших из беспоповцев стремление к соединению церковью на правилах Единоверия. Более упорные из раскольников попытались воспрепятствовать этому соединению. С этой целью ими в 1865 году было написано: „Разрешение единоверческого недоумения“. „Разрешение“ это состоит из четырёх пунктов, подрывающих будто бы основы единоверия и составляющих как бы добавление к отмеченной уже нами „Записке“ иргизских беглопоповщинских наставников 1840 г. Пункты эти заключают в себе следующее:

1) Один митрополит (разумеется м. Платон) при содействии светской власти не мог разрешить того, что запретил и проклял Великий собор 1667 года.

2) Поэтому клятва эта, неразрешимая от одного митрополита и от светской власти, над единоверцами тяготеет и теперь.

3) Собор 1667 г. будто бы признал „гибельными“ самые старые обряды; поэтому допускать их – значит свидетельствовать, что или собор, проклиная обряды, или Единоверие, содержащее их, – но кто-нибудь из них не прав.

4) Ничего подобного современному Единоверию не было в древле-православной церкви²³.

Во всех этих четырёх пунктах отстаивается, собственно говоря, одна мысль, – это мысль о том, что Св. Синод, или точнее и ближе к содержанию пунктов – м. Платон не мог разрешить единоверцев от лежащего на старом обряде проклятия, а поэтому-де и Единоверие находится под соборной клятвой. Эта мысль так подробно выражена и с таким упорством отстаивается ещё не была доселе. Её, и то лишь отчасти, касался только автор сочинения „повесть о церкви единоверческой“. – С этого же времени она становится излюбленной среди раскольников в изобличение якобы

неосновательности и неистинности Единоверия. Теперь не выходит из-под пера раскольнических писателей ни одного произведения, где бы эта мысль не перебиралась на все лады.

Почти одновременно с беспоповцами, или, пожалуй, несколько и ранее, написали против Единоверия целую тетрадь и поповцы – представители уже существовавшей в то время австрийской поповщины – лже-епископы Пафнутий казанский и Антоний московский. Поводом к написанию тетради послужило то обстоятельство, что и среди беспоповцев, в то время сильно высказывались симпатии к Единоверию. – Изложив историю появления Единоверия, указав его несогласия в обрядах и буквах с православием, сочинители тетрадки приходят вдруг к выводу, что „состояние Единоверческой, или, просто сказать, соединенческой церкви, уподобляется существующей в Польше Унии“. Желая эту мысль обосновать, они изъясняют, в чём состояла Уния, и делая это, они, сами того не замечая, указывают такие именно в Унии признаки, которых в Единоверии совершенно нет. „Униаты, пишут сочинители, соединившись с западным костёлом, дали Римскому папе обязательство быть с ним согласными в исповедании веры, а потому и все латинские догматы признали отцепеданными и действительными, однако с тем, чтобы причащение тела и крови Христовой, чин крещения и прочие обряды и церемонии совершать по преданию Восточной церкви и, наконец, самим поставлять и епископов, по своему избранию, не относясь о том к папе Римскому И, кажется, только в сём последнем случае русские соединенцы от тех рознятся, что и священством им от той же церкви, в которой они соединились, без всякого различия непосредственно заимствуются“... Вот в этом-то различии и главная причина, почему Единоверие нельзя сопоставлять с Унией. К тому же раскольникам неизвестно, надо думать, учение католиков о таинствах, а поэтому им и не понятна важность совершения их униатами по восточным обычаям. А в этом опять очень многое существенное заключается.

Далее против Единоверия сочинители тетрадки выставляют то ещё, 1) что православный не всегда, когда захочет, может приобщиться в единоверческой церкви, а только в случаях

крайней нужды, 2) что Великороссийская церковь не только своим чадам не заповедует привыкать к старообрядческим чинам и порядкам, но и единоверцев старается приучить к своим и 3) что Единоверие распространяется силой²⁴.

Все эти возражения против единоверия новы, за исключением последнего. Правда, ещё Павел Любопытный единоверцев назвал униатами²⁵, но теперь сочинители-лже-епископы Пафнутий и Антоний пытаются, хотя и безуспешно, уже доказать правильность, справедливость такого названия, так что последние возражения приведены ими как собственно доказательства этого их первого положения. Это приравнивание Единоверия к унии встречаем почти и во всех позднейших, до выходящих в наши дни включительно, – раскольнических произведениях, где о нём говорится с каким-то удовольствием и говорится многословно и широковещательно. Оно, можно сказать, вместе с другим – именно с вопросов о клятвах собора и о разрешении Единоверия одним русским Синодом, или, по мнению большинства, – м. Платоном, без сношения с восточными патриархами, – и исключительно распространяется в настоящее время как в устных нападках на Единоверие, так и в письменных произведениях по его адресу. О нём мы читаем в „Новейших челобитных раскола“²⁶, с ним мы встречаемся в предисловии от редакции раскольничьей газеты „Слова правды“ к изданию письма²⁷ друга „Нечто о единоверии и единоверцах“. Ни в первом, ни во втором нового ничего для доказательства справедливости этого приравнивания не приводится; только через подбор „жалких“ слов в них надеются авторы их повлиять на чувство, на сердце единоверца.

Указанными нами произведениями далеко не исчерпывается вся раскольническая литература, направленная против неприятного для раскольников Единоверия: количество их даже и в известность не приведено и, без сомнения, оно очень велико. Только, надо полагать, все обвинения против Единоверия выведены, указаны уже в этих сочинениях. По крайней мере, среди наличных возражений, приводимых раскольниками против Единоверия в настоящее время, нет ни одного, которое не выставляли бы авторы рассмотренных произведений. Разве

только одного, – что теперь существуют две церкви: единоверческая и православная, – разве только этого обвинения в ясно выраженных, определённых положениях не встречаем; но не только намёки, а и сами указания на это обвинение находим почти во всех них, появившихся с 50-х годов. Устная речь разве только формулировала его.

Несмотря на то, что все эти возражения и обвинения на Единоверие проистекали и проистекают из непонимания сущности его из перенесения на само учреждение недостатков лиц, из казуистики писателей раскольнических, все они однако пользовались и пользуются среди раскольников распространённой известностью, громадным уважением и излюбленным средством удержать своих в расколе, смутить единоверцев и похулить как Единоверие, так и православную церковь. Чтобы последнее было более действенно и успешно, заправила раскола стали, особенно в наши дни, заботиться не о том, чтобы обосновать свои обвинения, а о том, чтобы снабдить их большим количеством „жалких“ слов по адресу единоверцев, подчас пролить над последними горькие крокодиловы слёзы и при этой декоративной обстановке предложить их к чтению народному. И действие их на сердце раскольников-единоверцев бывает часто весьма сильным и не в пользу православной церкви.

М. Чельцов

(Продолжение будет).

**Темномеров А., свящ. Заблуждение
рационалистического сектантства в вопросе о
последних судьбах человека ²⁸ // Миссионерское
обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 41–52**

III.

Необходимость последнего всеобщего суда над родом человеческим менее всего открывается из того, что не все праведники будут наслаждаться равным блаженством и не все грешники будут терпеть равные мучения, но каждой получит свою степень того или другого состояния, строго соответствующую его нравственному развитию. Приведение в столь строгое соответствие праведности и блаженства, греховности и мучения требует особого акта всемогущества Божия, необходимо предполагает, следовательно, праведный суд Божий, не оставляя места никаким возражениям против его действительности. Но, к сожалению, последователи учения об оправдании верой отвергают и это ясное учение слова Божия, утверждая, что в будущей жизни всех праведников ждёт равное блаженство и всех грешников равные мучения.

Хотя такой взгляд представляет прямой вывод из учения в оправдании только верой, но не все сектанты ясно сознают это. Многие, остановив всё своё внимание на отрицании значения добрых дел и церковной обрядности, остаются при усвоенных ими с детства воззрениях на жизнь будущую и совершенно не замечают противоречия последних принятому ими новому учению. Нам пришлось убедиться в этом на опыте. Интересуясь взглядами сектантов по поставленному вопросу, мы²⁹ однажды завели о нём разговор с одним из самых видных представителей пашковщины и получили ответ в том смысле, что никакого различия ни в блаженстве, ни в мучениях не будет и быть не может. Однако, не удовлетворившись таким ответом, тем более что собеседник нам отвечал с видимой неохотой вступать в прения, мы решили поднять этот же вопрос в небольшом обществе недавно „уверовавших“, хотя считающих себя тоже „просвещёнными“ в Писании. К нашему удивлению здесь стали

доказывать, что различие непременно должно быть, и на замечание, что мы на днях слышали от их же единомышленника, совершенно противоположное мнение, отвечали обычной в таких случаях фразой: „значит, ему Господь ещё не открыл этого“. Когда же мы, увидевшись с нашим первым собеседником, передали ему весь этот разговор, он остался чрезвычайно недоволен опрометчивым ответом своих неопытных братьев и с некоторым раздражением заметил: „им бы следовало не отвечать Вам на такие вопросы: они и всего-то без году неделя, как уверовали. Или им хочется, верно, и там быть градоначальниками да князьями, оттого они так и учат... А я, – прибавил он, – в таком царстве, где будут всякие чины и власти, и быть не хочу“...

В продолжившемся разговоре он же выяснил нам и те основания, на которых утверждается его отрицание степеней блаженства и мучения. Все люди, говорил он, согрешили, все, следовательно, лишены славы Божией (Рим.3:23) и находились до Христа под клятвой. Различия между ними нет никакого, потому что, кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чём-нибудь, тот становится виновным во всём (Иак.2:10). Эта одинаковость виновности перед Богом выражается прежде всего в том, что, как называющийся праведником, так и самый отъявленный злодей одинаково могут уверовать и получить спасение, и наоборот, ни тот, ни другой без Христа не могут спастись и одинаково погибнут, потому что гнев Божий пребывает на всех неверующих (Ин,3:36). Грех человека образовал между им и Богом преграду (Еф.2:14 – слав. *средостение*), как бы какой забор, и те из людей, которые, уверовав во Христа, перелезли через этот забор, спасены, а те, которые остаются по ту сторону, все погибли. При этом само слово „праведник“, прилагаемое в Ветхом Завете к некоторым лицам, он объяснил в том смысле, что это были праведники не пред Богом, а только „в роде своём“ (Быт.6:9), т. е., что они, по сравнению с своими современниками, исполнили больше предписаний закона. Впрочем, когда мы перешли от общих мыслей к частным примерам и спросили: „неужели Лот и погубленные огнём жители Содома, Давид и Ахав и др. были

одинаковыми сосудами гнева Божия“, – наш собеседник затруднился ответом и, наконец, согласился, что „быть может“ на одних из упомянутых нами лиц гнев Божий пребывал в более сильной степени, на других в менее сильной. Действительно, оспаривать эту мысль, требуемую естественным чувством справедливости и столь определённо проходящую через всё Писание, совершенно, казалось бы, невозможно. Однако и потом в разговорах с „верующими“ нам приходилось встречать то же стремление доказать, что не принадлежащий к их обществу такой же погибший грешник, как и Иуда предатель и разбойник, поносивший на кресте Господа. Сомневающегося же в этом срезают вопросом: „скажите, чем вы лучше Иуды или упомянутого разбойника?“ Постановленному в тупик таким оборотом речи остаётся или согласиться с спрашивающими или конфузливо оправдываться тем, что он не был распят со Христом и не хулил Его, не предавал Его в руки властей и т. под., что вызывает со стороны „верующих“ только улыбку сожаления и приводит его в ещё большее смущение.

Когда мы таким образом пришли к соглашению относительно неверующих, что они не в одинаковой степени виновны пред Богом и, следовательно, подлежат не одинаковому гневу, вопрос о различии наказания их за гробом решался сам собой. Наш собеседник должен был и в этом отношении сделать уступку и допустить, что „быть может“ в жизни по воскресении будут различные степени мучений, соответственно виновности осуждённых. Что же касается „верующих“, которые одни только получают небесное царство, то он остался при своём мнении, упорно перетолковывая приводимые нами места Писания и выставляя со своей стороны другие, будто бы утверждающие одинаковость воздаяния праведников. Последние вместе с соображениями, слышанными от других лиц представляем на суд беспристрастного читателя.

Отрицание сектантами степеней блаженства вытекает ближайшим образом из их взгляда на неменяемость человеку его добрых дел, так как, утверждают они, последние производятся в верующих Богом, или являются плодом их веры. В том и другом случае они не могут быть поставляемы в заслугу

самому человеку, так как его свободная воля, непереносимое условие вменения, не принимает никакого участия в их совершении. Это странное даже с первого взгляда мнение сектанты пытаются основать на различных местах Писания, которые, будучи взяты вне всякой связи и перетолкованы в желательном для сектантов смысле, могут иметь в глазах мало знакомых с Писанием лиц вид сильных доказательств. В пользу первого положения, – что добрые дела верующих принадлежат не им, а живущему в них Духу Божию, как на самые сильные доказательства, указывают на Флп.2:13: *Бог производит в нас и хотение и действие по Своему благословию*. Воздействие же Господа на свободу человека объясняют из слов Спасителя: *Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нём, тот приносит много плода, ибо без Меня не можете делать ничего* (Ин.15:5). „Ветвь приносит плод не сама собой, а в зависимости от корня и ствола, которые наполняют её соком, „надувающим“ почку и производящим плод. Оторвите ветвь от ствола, – она тотчас делается мертва и уже больше не в состоянии приносить плодов“³⁰.

Разбирая это положение сектантов, мы прежде всего должны заметить, что и Православная Церковь слишком далека от мысли, что наша добрая деятельность принадлежит исключительно нам и совершается нами без благодатной помощи свыше. Человек пал настолько глубоко, что не только не в состоянии восстать собственными силами, но и восстановленный не может без Господа шествовать по пути спасения. В этом сознаётся и великий Апостол языков, когда говорит: *доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю* (Рим.7:19 и дал). При таком состоянии нашей природы понятно, почему Писание всю нашу, добрую деятельность приписывает Богу. В нём оно указывает нам первую причину, так сказать, корень доброй деятельности человека, так как Он не только даёт первый толчок, возбуждая в нас стремление ко всему доброму, но и сопутствует нам всё время делания, наполняя дух живительной силой Своей благодати. Но что при этом и человек не обращается в простое орудие Духа Божия, а свободно участвует в делании, можно

видеть уже из того, что и в приводимых сектантами словах Апостол указывает основание, почему мы должны со страхом и трепетом совершать своё спасение (ст. 12). Если бы Бог производил в нас всё независимо от нашей воли, то какой смысл имело бы его увещание со страхом и трепетом совершать своё спасение? Ясно, поэтому, что Апостол понимает здесь божественное содействие человеку, не исключающее в добрых делах и намерения участия его свободной воли. Такое отношение благодати к свободе верующих вытекает и из употреблённого Христом образа лозы и ветвей, так как по словам Евангелия, возможны и такие ветви, которые не приносят никакого плода, несмотря на то, что до своего отсечения пребывают на лозе (ст. 2). Этого не могло бы быть, если бы свойство самой ветви не имело никакого влияния на количество и качество произрастающих на лозе плодов. Как далеко простирается воздействие благодати Божией, на добрую деятельность верующих, для нашего вопроса безразлично; важно то, что свободная воля верующих, как бы ни ограничивали сектанты её участие в добрых делах, никогда не подавляется благодатью. Поэтому каждое доброе дело человека, находящегося под воздействием Духа Божия, усваивается ему Господом, как его собственное дело, что ясно и из разбираемых мест, так как не говорится, что Христос принесёт плод, пребывая в человеке, но сам человек; не говорится, что Бог совершит спасение верующих, без всякого участия с их стороны, но наоборот, Апостол представляет спасение делом их собственных усилий.

Второе основание отрицать возможность вменения верующим им добрых дел указывается сектантами в том, будто добрые дела не имеют самостоятельного значения в деле спасения человека, являясь естественным плодом его веры. В пользу последнего положения ими приводится из Писания много текстов, но нам нет необходимости останавливаться на них, так, как и, по православному учению, деятельность человека находится в тесной связи с его внутренним настроением и убеждениями. Различие взглядов сектантского и православного заключается здесь в том, что, по мысли первых, дела

необходимо следуют за верой, которая не может не проявляться в соответственной деятельности; по православному же учению, хотя вера и определяет деятельность человека, но не безусловно, так что один из верующих в большей, другой в меньшей степени проявляет в не свою веру. Деятельность верующего находится, следовательно, в зависимости не от его веры, а от его свободы, руководимой истинным познанием Бога и поддерживаемой благодатным содействием Духа Святого. При этом сами дела оказывают влияние на веру, укрепляя её в нас, так что, по слову Апостола, вера содействует делам, но в то же время и сама через дела достигает совершенства (Иак.2:22). Если бы это было не так; если бы были правы сектанты, что стоит только уверовать, и дела непременно последуют за верой, то зачем Писание в каждой своей строке даёт нам увещания к добродетельной жизни и убеждает нас к различного рода подвигам? Не лучше ли было бы, если бы оно, оставив ненужные наставления, заключило всё благовестие в одном необходимом требовании: веруй в Господа Иисуса, и ты спасён? – Но, – говорят нам, – тогда всё Писание только и повторяло бы одно; веруй, веруй!.. – Что же? если это одно на потребу, то и прекрасно. Зачем же присоединять сюда целое учение о том, как должен жить верующий во Христа? зачем так много говорить о делах, которые, по мнению сектантов, по меньшей мере бесполезны? Неужели только для того, чтобы ввести в заблуждение многие сотни миллионов людей, которые в простоте сердца принимают слово Писания, что *вера без дел мертва* (Иак.2:26) и что поэтому она должна быть поспешествуема любовью (Гал.5:6)?

Но допустим, что увещания и требования от верующих добродетельной жизни попали в Св. Писание случайно, для того только, чтобы могла получиться книга, а не повторение одной фразы: веруй... веруй... И кроме сказанного мы имеем в Писании много самых ясных, самых решительных указаний, что жизнь человека не всегда соответствует его вере, её силе и искренности. Многие слушают слово Божие и, восприняв его в сердце, приносят плод, но не все в одинаковой мере, а, как

говорит Спаситель в притче о сеятеле, *иной приносит плод во сто крат, иной в шестьдесят, а иной в тридцать* (Мф.13:23).

Та же мысль ясно подразумевается в словах Спасителя: *не всяк говорящий Мне: Господи! Господи! войдёт в царство небесное, но исполняющий волю Отца Моего небесного* (Мф.7:21; Лк.6:46). Силу этих слов обыкновенно пытаются ослабить тем соображением, что здесь Господь говорить не о „верующих“, (т. е. сектантах), потому что их вера всегда производит соответствующие дела, а о тех, которые только называют себя верующими, на самом же деле, как показывает их жизнь, вовсе не имеют в себе веры (т. е. православные, католики и др.). Однако при этом они всегда упускают из виду следующий стих, из которого видно, что Господь отвергнет от себя даже таких людей, которые от Его имени пророчествовали, Его именем бесов изгоняли и многие чудеса творили, но в жизни своей не исполняли Его воли. Несомненно, что эти „многие“ не без веры в Господа Иисуса творили чудеса. Его именем, по крайней мере, не принадлежали к числу тех обманщиков, которые пытались изгонять злых духов именем Иисуса, сами не веруя в Него (Деян.19:13–16), так как до самого осуждения они сохраняют надежду на вступление в царство Христово. Те же возражения делаются и против известного места из послания? Иакова: *вера без дел мертва* (Иак.2:26). Это, говорят, вера бесовская, так как её имеют и бесы; она мёртвая, потому и не спасает человека. – Но почему она бесовская? почему мертва и не может спасти? Не потому, что она не истинна, а потому что имеющий её человек, не будучи в состоянии сбросить с себя бремя греха, не может провести её в жизнь, сделать её, так сказать, душой своей деятельности. – Но мы говорим, – возражают нам далее, – не об этой вере, а о вере сердечной. Это какая же вера, если она мертва? она и не вера, а просто рассудочное знание. – Однако Апостол называет и её верой, которая не спасает только потому, что не сопровождается соответствующей жизнью. В послании к коринфянам мы находим указание, что не только такая, но и „всякая“ вера может оставаться в душе человека бесплодной: если, говорит Апостол, *имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое*

познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви; то я ничто (1Кор.13:2). Способ выражения: всю веру (по-греч. πᾶσαν πίστιν, что можно бы было также перевести: „всякую веру“, если бы она различалась на несколько видов) не оставляет места возражению, что Апостол понимает здесь не ту веру, которую имеют и о которой говорят сектанты. Не допускает никаких перетолкований и другое место из того же послания: *никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос. Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы; каждого дело обнаружится...* (1Кор.3:11). По мысли выраженной здесь, все верующие, будучи утверждены в Нём и укреплены в вере (Кол.2:1), сами, как живые камни, устрояют из себя дом духовный (1Пет.2:5), но не все строят одинаково. Дела одних подобны золоту, серебру, драгоценным камням, других же – дровам, сему, соломе. Достоинство этих дел с ясностью обнаружится на суде и сообразно с ним те и другие получают совершенно различное воздаяние. Особенно отметим здесь, что все строители строят на одном основании, которое есть Иисус Христос, так что сектанты лишаются всякого права утверждать, что здесь говорится не о „верующих“. Напрасно также пытаются они уклониться от этого текста ссылкой на то, что Апостол говорит в приведённых словах об учительстве и учителях. Если это и так, то ведь учительство тоже дело и, следовательно, остаётся непоколебимой та истина, что не только верующие, но и учителя верующих не равны по своим делам между собой.

Если добрые дела верующих не представляют из себя необходимого следствия их веры, то и в деле спасения они должны иметь самостоятельное значение, и по благодати Божией могут быть вменяемы человеку в праведность. Это и видим мы из рассмотрения многочисленных мест Писания, говорящих, что добрые дела верующих угодны Богу и привлекают на них благоволение Божие. Так Апостол, указав на обязанности матерей, решительно говорит, что должное исполнение их *угодно Богу* (1Тим.5:4). Он же убеждает нас представить *тела наши в жертву живую, святую, благоугодную Богу* (Рим.12:1) и

вообще познавать, что есть *что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная* (Рим.12:2)³¹. Вообще мест, из которых вытекает, или в которых решительно высказывается эта мысль, в Писании весьма много. Но нет недостатка и в свидетельствах о том, что все поступки людей, хорошие и дурные будут вменены им на праведном суде Божиим. *Всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестёр, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную*, – говорит Христос Спаситель (Мф.19:29). Он же обещает, что, *если кто напоит одного из малых сих только чашей холодной воды, во имя ученика, не потеряет награды своей* (Мф.10:42). Также и Апостол говорит, что *Господь воздаст жизнь вечную тем, которые постоянством в добром деле ищут славы, чести, бессмертия* (Рим.2:6–7). Но что особенно важно для нас, это непрерываемое свидетельство Писания о том, что самый суд над людьми будет по их делам. Сюда относится многократно³² повторяемое выражение, что *Господь воздаст каждому по делам его* (Мф.16:27; Рим.2:6; 1Пет.1:17; 2Тим.4:14; Откр.2:23; 20:12–13; 22:12).

Говорится далее, что каждый получит на суде *соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое* (2Кор.5:10) и мн. др. Замечательно, что при таком обилии свидетельств, что суд будет по делам, мы не находим ни одного, где бы говорилось, что решающее значение на суде будут иметь вера или неверие судимых. Кажется, это яснее света должно бы было показывать всякому, что дела человека на страшном суде Христовом не будут оставлены без внимания, но будут вменены каждому в вину или в праведность, а так как дела у каждого человека различны, то, следовательно, каждый получит от Господа свою степень блаженства или мучения. Но такой вывод стоит в полном противоречии с вошедшей в плоть и кровь сектантов мыслью об оправдании одной верой, а потому они употребляют все силы, чтобы извратить ясный смысл приведённых выше текстов. Прежде всего, по своему обыкновению, они пытаются доказать, что во всех подобных местах речь идёт не о них, а о неверующих; причём, конечно,

хотя и не охотно, но уступают, что последние, „быть может“, действительно будут судимы по делам. В этом отношении им приходит на помощь учение о совершенной свободе „верующих“ от суда. Но мы уже видели, насколько это последнее не согласно ни с духом, ни с буквой Писания; остаётся только заметить, что и в самом тексте приведённых мест есть неопровержимые доказательства того, что в них говорится о всех вообще людях, имеющих предстать на последний суд и даже преимущественно о верующих. Таковы уже разобранные слова: *всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы получить каждому, соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое (2Кор.5:1)*. Ещё яснее это в другом месте: *насаждающий и поливающий суть одно, но каждый получит свою награду по своему труду (1Кор.3:8)*, так как здесь говорится об учителях, а в частности насаждающим Апостол называет себя, поливающим же учителя Коринфской церкви Аполлоса (1Кор.3:5–7). Да и вообще нужно заметить, что сектанты, отвергая отношение всех упомянутых текстов к „верующим“, когда речь идёт о суде по делам, сами же начинают утверждать противное, если их спросить, можем ли мы „неверующие“ спастись?³³ Так, однажды, доказывая ту мысль, что мы можем надеяться на милосердие Божие, хотя и не принадлежим к обществу „верующих“, мы привели текст: *кто принимает пророка во имя пророка, получит награду пророка... и кто напоит одного из малых сих только чашей холодной воды во имя ученика, не потеряет награды своей (Мф.10:42)*. На это собеседник наш с живостью возразил: „да разве здесь о Вас говорится? Скажите, разве может П. (он назвал одного из весьма несимпатичных пашковцам ревнителей православия) принять меня, как пророка, или ученика?“ – Конечно, нет, говорим мы. – „Значит, кто же может принять меня так, как тут написано? Только „верующий“; он и получит обещаемую награду“. При таком взгляде сектантов, что спасение принадлежит исключительно им, они не имеют никакого права относить к „неверующим“ те места Писания, где говорится о награде за дела.

Другое более обычное объяснение, почему суд представляется в Писании имеющим произойти по делам, тогда

как для спасения нужна только вера, указывают в том, что по делам узнается вера. Как здесь на земле добрые дела служат отличительным признаком „верующих“, так и на суде им будет дано значение доказательств веры судимого. „Вот Вы явитесь на суд и будете думать, что Вы верующий, а Вам покажут Ваши дела и скажут: посмотрите, какой Вы верующий?“ Из этих слов получается такое представление, будто бы у всех, явившихся на суд, сначала будут рассмотрены их дела, а затем уже на основании последних судимые или будут причислены к „верующим“ и в таком случае получат вечную жизнь, или к неверным и подвергнутся вечной смерти. Но для кого, или для чего, спросим, понадобится такой способ расследования на суде Божиим? Можно бы было, пожалуй, допустить это только для тех лиц, которые, по образному выражению Евангелия, *будут говорить в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали и не Твоим ли именем бесов изгоняли?..* Таким людям, дерзко уповающим только на то, что они исповедовали Христа Богом, Господь откроет их дела, чтобы они познали своё недостойнство и убедились наконец в сказанном Им: *не всякий, говорящий Мне: Господи! Господи! войдёт в царство небесное, но исполняющий волю Отца Моего небесного* (Мф.7:21). Что же касается „верующих“, имеющих наследовать жизнь вечную, то в отношении к ним указанный способ суда совершенна непонятен. Господь видит веру человека, так что для Него нет необходимости судить о ней по делам. Сами „верующие“, имея ещё на земле свидетельство своей веры от Духа Божия, не нуждаются ни в каких доказательствах её. Остаётся, следовательно, с точки зрения сектантов, предположить только одно, что дела имеющих быть оправданными на суде будут обнаружены ради остальных людей, чтобы и те могли убедиться, что все, кого Господь принимает в Своё царство, действительно имели и имеют веру. Но это уже не будет, „суд по делам“. С последним выражением необходимо соединяется представление, что дела человека будут иметь на суде решающее значение: соответственно им над каждым из судимых будет произнесён божественный приговор.

Свящ. А. Темномеров

(Окончание следует).

**Ивановский Н. И., проф. Внутреннее устройство
секты странников или бегунов. Лекция 2 //**
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 53–72

V. Бегунские миссионеры и миссионерши

Наука «беседословия» есть не что иное, как обучение искусству беседовать и распространять свою веру. Беседовать с другими, иномыслящими, особенно же с православными миссионерами бегуны позволяют далеко не всем, – дабы «хитрый антихрист не уловил простодушных в свои сети», – а только тем, которые прошли эту высшую науку. Неопытным не советуется даже и ходить на публичные собеседования православных, под угрозой епитимии. И это не только по отношению к настоящим странникам, – которым по самому их положению ходить и неудобно, – но и по отношению ко всем «жиловым». Не советуется также ходить на означенные беседы и тем аз опытных уже в «беседословии, у которых явилась бы мысль и желание выйти из известного круга заученных фраз и замысловатых вопросов, искусственно и хитросплетённо решаемых бегунским богословием. Поэтому там, где заговорила совесть, где обнаружилось желание распутать хитросплетённые толкования, где душа потянулась к познанию правды и истины, там уже положительный запрет на беседы не ходить, чтобы никаких разъяснений православных миссионеров не слушать; так это и не у одних бегунов, но и во всём расколе. Мы имели перед собой несколько живых примеров того, как начавшие колебаться в раскольничьем лжеучении, задумывали проверять это учение посредством публичных (а иногда и частных), бесед таким способом, чтобы свои вопросы и получаемые на них ответы, а равно и наши вопросы передавать своим начётчикам, а их объяснения или возражения – нам, но придуманный приём какой-то детской простоты, при душевном колебании, всегда вёл, как мы того и ожидали, к этим запретам, хотя объяснения по существу вопросов иногда и давались. Так было и с обратившеюся. Имея в настоящий раз собственно бегунов, любопытствуем послушать, для примера, их толкования и

объяснения на некоторые вопросы. В Апокалипсисе говорится, что во время антихриста жена, т. е. церковь побежит в пустыню, имея два крыла орла великого. Эти два крыла бегуны и толкуют: две тайны – крещение и покаяние. Когда же им замечают, что древний толковник Апокалипсиса, Андрей Кесарийский объяснил уже, что два крыла означают два завета: – ветхий и новый, то они ухищряются и сами слова блаженного Андрея растолковывать так: «ветхий завет, это – крещение, которое началось ещё до нового завета, при Иоанне Крестителе, новый же завет означает тайну исповеди, которая собственно есть тайна новозаветная. Другой пример – хитросплетённого ответа на очень простой, по-видимому, вопрос. Раз мы спросили обратившуюся, когда она была ещё раскольницей и когда серьёзные сомнения в истинности бегунства только ещё зарождались, – была ли она когда-нибудь в православных церквях Она ответила, что один раз была в Казанском монастыре, во время всенощной, под праздник Казанской Божией Матери, 8 июля (1897 года). «Видела ли ты, спросили мы далее, молящихся перед чудотворной иконой Казанской?» – «Видела, и усердно, со слезами молящихся». – «Скажи откровенно, от сердца, кому они молились: – Предвечному ли младенцу – Христу и Его Пречистой Матери, пренепорочной Деве Марии, или кому другому?» – «Истинному Христу и Матери Божией» был ответ. – «Значит, не врагу Христову – о чём и помыслить страшно». – «Да, я так думаю». – «Значит, неправда и клевета, якобы мы поклоняемся антихристу?» колеблющаяся, подумав, сказала: «у наших есть объяснение на это, теперь не упомяну, какое, спрошу и скажу вам на беседе». На беседе мы повторили вопрос публично и услышали тот же ответ.... Но, по окончании беседы, когда народ разошёлся, а мы ещё оставались, она отвела меня в сторону и рассказала, что её учили на наш вопрос отвечать так: «положим, икона, которая перед глазами, действительно святая и на ней изображён истинный Христос и Божия Мать; но между иконой и молящимся есть антихрист, – как средостение, – антихрист невидимый, которого молящийся видит духовными очами, – так что по виду он как будто и Христу кланяется, а на самом деле –

антихристу,» – «Что-ж ты на беседе этого не сказала»; спросили мы. «Да как-то страшно было, что между святыней и молящимся злой дух витает, и не в человеке он, – об этом, ведь и вопроса нет, – а точно где-то, около святыни, и препятствует поклоняться святому изображению. Язык мой как-то не повернулся выразить это публично, – богохуления опасалась» – «Да, действительно, страшно должно быть тем, заключили мы, – которые придумывают такие кашунственные объяснения». – „Что-ж делать, у нас, ведь, ступить нельзя, – везде антихрист». – «А где же Христос?». – «Конечно, у нас, в нашем обществе». – «А у нас? Ведь, по твоему-то собственно, и мы Христу поклоняемся?» – «Право, не знаю». – «Если у вас, в вашем обществе, – Христос, то от чего вы, – как и другие беспоповцы, о Христе и о Его учении почти и не говорите, а всё только об антихристе толкуете?» – «Да потому, чтобы убежать от него». – «Мало убежать, но куда прибежать? Вот вы, действительно, убежали в духовную пустыню, где нет ничего, где голодно и холодно и пребываете без хлеба животного и без согревающих лучей благодати, убежали в леса непроходимые, зарылись там в сугробы снега, или понаделали лачужек из валежника, и довольны, а тёплого дома Христова не ищите» – «Я-то ищу, иначе и на беседы не ходила-бы. Видите, что у меня какая-то смесь в голове, а в сердце пустота». – «Ищи же не антихриста, а Христа, и ищи Его по Евангелию, а не по цветникам каким-либо»!.. Но мы ушли бы слишком далеко, если бы стали передавать наши беседы. Возвратимся же к бегунской собственно миссии, о которой наша речь.

Из сказанного видится уже, что эта миссия не к тому стремится и не то поставляет целью, чтобы беседовать с людьми, знающими и, при открытом обмене мыслей с ними, разъяснять вопросы веры, а к чему-то другому. И на самом деле цель её, как ясно увидим далее, совсем другая. Чему же и как бегунских учат миссионеров и где, и как обученные «беседословию» миссионерствуют?

Учителем «беседословия» состоит особый наставник, поставленный главным наставником. Местопробывание его где-то в пределах Ярославля. Областные наставники посылают к

нему на выучку ежегодно по одному мальчику и по одной девочке, из наиболее способных. От казанского общества и были некогда посланы 12-ти летний мальчик Козьма и 9-ти летняя Евстолия (обратившаяся). Поселили их в какой-то неизвестной деревне. Науче «беседословия» учат год, или два, а после выучки посылают ещё к разным миссионерам – начётчикам, для практики. Обучение производится таким порядком. Прежде всего обучающихся заставляют читать Пролога и подходящие случайные деяния святых и такие же обстоятельства их жизни заучивать на память и рассказывать. Потом дают читать некоторые главы из евангелий от Иоанна и от Матфея, при этом объясняют, по-своему конечно, некоторые места. Например: из 6-й главы евангелия от Иоанна, где говорится о вкушении тела и крови Господа, останавливают особенное внимание на словах: *дух есть иже оживляет, плоть не пользует ничтоже. Глаголы, яже Аз глаголах вам, дух суть и живот суть* (Ин.6:63). Выходило, что слова Спасителя о необходимости св. причащения нужно понимать не по букве. Для большего утверждения в этом присоединяют и другое изречение: *веруя в Мя, якоже рече писание, реки из чрева его потекут воды живы* (Ин.7:38), – из чрева, сиречь из разума. (Всё это точь-в-точь, как и молокане и штундисты рассуждают). Далее останавливают внимание учащихся на фарисейской видимости, в роде украшения гробов праведников, и прилагают это к видимости церковной, т. е. к священническим ризам, к торжественным служениям в православных храмах, а вместе и к таинствам церковным. В конце концов делают из этого тот, очень смелый, вывод, что за непризнание Христом Спасителем важности означенной еврейской видимости «жиды Христа распяли» (?), а подобные им нечестивые, духовные иудеи, и антихриста приняли, по реченному (Ин.5:43), антихриста во своё имя пришедшего, сиречь принявшего новое имя императора, по числу имени антихриста (666) и по подобию римского папы, восприявшего власть и главенство не только в государстве, но и в церкви. По прочтении евангелий, или вернее, после превратного растолкования некоторых из евангелий мест приступают к объяснению Апокалипсиса, которым занимаются

много и долго. Здесь уже полный простор фантазии бегунов. Растолковывают учителя миссионеров, как им нужно, и рога седмглавого зверя – антихриста, и характер его царствования, толкуют и о жене, убежавшей в пустыню с двумя тайнами и т. под. При этих толкованиях, для большей убедительности, не ограничиваются уже одним толкованием Андрея Кесарийского, а ссылаются на объяснения «инога толкования», которыми испещрены разные рукописные апокалипсисы, – в роде апокалипсиса седмтолкового, беспоповцами составленного. Вместе с объяснением Апокалипсиса изучают слова св. Ефрема Сирина, Ипполита, папы римского, также растолковывая их применительно к своему положению, показывают картины, изображающие две церкви, одну, – древнюю, до антихриста бывшую, другую, – новую после п. Никона, с разнообразием обрядов, причём около первой изображён ангел Божий, около последней – бес с рогами. Таким чтением с представленными и подобными пояснениями учащиеся сильно настраиваются на известный лад и воображению их даётся обильная пища и полный простор в изобретениях новых толкований. Под влиянием этого и церковь православная и государство является страшилищем, подобным еврейскому сонмищу, Христа на смерть предавшему и устами представителя государственной власти осудившему.

Сказанное составляет ещё введение в сущность науки «беседословия». Сама наука преподаётся после этого. Что бы научить искусству вести прения, опытный учитель сам ставит, какой нужно, вопрос, или высказывает возражение против учения православной церкви, и сам объясняет, как этот вопрос следует решить, а возражение чем поддерживать. Всё сказанное учителем учащимися записывается и заучивается на память, а потом, на следующем уроке, повторяется. Вместе с этим идёт ознакомление с другими, разными книгами, в роде Стоглава, книги Кирилловой, книги о вере и т. п. Из этих книг прочитываются и заучиваются те места, которые могут быть обращены на пользу раскола; все же другое оставляется, как ненужное, на полноту церковную только написанное, а не на антихристово время.

Таким образом все прочитанное и заученное связывается в цельную систему. Так замыкается кольцо ложно направленной мысли, образуется какой-то заколдованный круг, в котором только эта мысль и вращается, перебегая от одного предмета к другому, по своеобразному сцеплению. Тут, в этом кругу, в этой системе центральное место занимает лютый зверь-антихрист, гонящий истинную церковь под видом полиции, требующей видов на жительство. Тут и «жена» – церковь, бегущая в пустыню, по подобию древних христиан, от гонений в пустынях скрывавшихся. Тут и умаление церковных, богоустановленных таинств, с прекращением и богоучреждённой иерархии через отступление всех иерархических лиц. С другой же стороны, тут и указание множества ересей в церкви православной, с проклятием древнего благочестия и с преследованиями за содержание оно, – причём внешняя, искони веков изменявшаяся обрядность поставляется на пьедестал истинного благочестия, как вера и её догматы, униженная же в таинствах видимость, – Спасителем и св. апостолами указанная, – а за тем и церковное благолепие вообще, сводятся к чему-то чисто случайному, совсем несущественному и ненужному, в силу чего не они, а мы православные являемся уже обрядоверами. Нелегко разрывается это замкнутое кольцо хитросплетённой лжи и самомненного мудрования. Не легко проникает в отуманенную голову луч света. Много усилий требуется разорвать это кольцо, а потом разогнать и осветить и клочки оставшегося густого тумана, освободив от них всё ещё возмущаемую по временам душу. Только Господу содействующу, сие бывает.

Ко всему сказанному о науке «беседословия» следует присовокупить и то, что немало говорят и о миссионерских приёмах, которыми необходимо руководствоваться, чтобы сильнее подействовать на душу слушателей. Сущность этих приёмов в том заключается, чтобы не навязываться прямо с своими убеждениями и назиданиями, а настраивать слушателей так, чтобы они сами просили указать им путь спасения. Образцы этих приёмов сейчас увидим.

Когда обучение кончено, тогда обученный может проповедовать свою веру другим и вступать в собеседование с

православными. Но мы уже замечали, что не для открытых бесед с людьми, знающими и опытными готовят бегуны своих миссионеров, а для секретной проповеди в народе, простодушном и легковерном. Если же обстоятельства приведут их на наши публичные беседы, то здесь они могут совершенно изменять свои приёмы, всегда имея в виду одну и ту же цель, – произвести впечатление на народ тем или другим способом.

Любопытно и важно видеть, как во 1-х «беседуют они с простым народом, где-нибудь в деревне, в частном доме, или, когда приходят на какое-нибудь собрание, тоже в частных домах своих единоверцев, куда приглашаются и знакомые из православных; во 2-х как они держат себя для обращения последователей других раскольничьих толков и в 3-х, какими являются иногда на публичных беседах с православными.

Ответ на первые два вопроса лучше всего передадим словами бывшей бегунской миссионерши.

1) «Искусство Вашего миссионерства, пишет она, заключалось не только в большом знании, сколько в умении держать себя религиозно, показывать пример набожности. Дело велось обыкновенно так. Приедем, бывало, в какое-нибудь село и остановимся переночевать в крестьянском доме. Прежде всего смотрим, каковы домохозяева, набожны ли и насколько простодушны. Разговор заводим о предметах житейских, например, – о домашнем хозяйстве, о бывшем урожае хлеба, или о надежде на будущий урожай, смотря по времени года. При этом рассказываем притчу Христа-Спасителя о сеятеле, с указанием, что если семя падёт на добрую землю, то даст плод сторицей, а если на каменистую, или поросшую тернием, то погибнет, не принеся плода. Если слушатели заинтересованы, то притчу эту обращаем и к слушанию слова Божия и к восприятию его как доброго семени, сердцем. Когда в таких разговорах достаточно ознакомимся и почувствуем себя свободнее, просим позволения помолиться, в чём отказа почти не было никогда. При виде множества привезённых книг, которые начинаем во время молитвы читать (книги и ненужные вынимаем для виду), хозяева очень изумлялись и делали догадки о том, кто мы такие. По окончании продолжительной молитвы, начинали, так

называемые, вступительные беседы. Обращались к хозяевам и спрашивали, желают ли они получить спасение и, если желают, то должны послушать, как святые спасались. При этом начинали читать жития святых, преимущественно иноческие и святительские. По прочтении получалось то, что слушатели начинали сравнивать свою жизнь с жизнью святых, а главное, – жизнь священников, что только нам и нужно было. Потом мы начинали уже знакомить их с последним временем и с пришествием антихриста, уверяли при этом, что теперь лучшего и ожидать нельзя, а всё пойдёт к худшему, особенно со стороны духовенства. Так это и быть должно, по пророчествам, в доказательство приводили разные места из Апокалипсиса, из книги св. Ефрема Сирина и из других книг. В заключение же и выведем, бывало, так, что теперь нет уже в мире спасения. Нам нужно было, чтобы слушатели наши пришли в отчаяние и спросили бы нас, что же теперь делать? Когда этот вопрос предлагали, а если не догадывались предложить, то сами уже спросим, бывало, об этом и ответим, что нужно опять в Писании поискать, нет ли какого пути ко спасению и в последнее время. В ответ на это читали из Апокалипсиса о бегстве церкви (жены) в пустыню, где она и пребудет с двумя тайнами, имея «два крыла». Но если слушателям это бегство не вмести́мо, по случаю большой семьи и тому подобному, то указывали тогда и другой путь, а именно, – странноприимство, по реченному: *странен бех, и приясте Мене*.

Таким образом слушатели православные незаметно становились на нашу сторону и когда начнём, бывало, уезжать от них, то они почти всегда упрашивали нас уже со слезами на глазах, чтобы мы ещё погостили; не мы на первый случай никогда долго не оставались, – много, если два дня проживём, – для того, чтобы возбудить в них желание снова нас видеть».

«В тех случаях, когда приходили в собрание, где были и некоторые из наших, а больше – православные, то начинали прямо с притчи Спасителя. Передавая притчу, и скажешь, бывало: «как семя, упавшее на хорошую землю, даст урожай, так и семя слова Божия, принесёт плод, у кого земля, сиречь сердце приготовлено к слушанию оного». Все обратятся во внимание.

Потом и начинаешь говорить и читать тоже о святых подвижниках и о древних пастырях. По прочтении, заговоришь и о нехороших пастырях, какие тоже и прежде были: – нерачительных, пианолюбцах, скитие пространное любящих и т. п., – говоришь и подмечаешь, какой особенно недостаток обращает внимание слушателей. Бывало, какая-нибудь старуха и скажет своей соседке: «а наш-то поп? такой, ведь, и есть», или что-нибудь в этом роде. Заприметишь это и начинаешь больше и больше об этом говорить. Если слушатели начинают перешёптываться, или вздыхать, значит попала на самое больное место. Так и укрепляется недоверие к священнику, которого совсем и не знаешь. – А потом, незаметно и к последнему времени переходишь, и к антихристу, и к церкви, убежавшей в пустыню и так далее. «Боже, как вспомнишь всё это, сердце кровью обливается. Всё не на созидание, а на разорение, – оказывается теперь, – церкви Божией делали!.. Господи, грех юности и неведения моего не помяни! Помилуй мя, по велицей Твоей милости!»

«Правда, не всегда сходило нам с рук наше миссионерство, без неприятностей. Расскажу про один случай, который мог кончиться и очень даже неприятно. Раз отправились миссионерствовать двое наших стариков, с ними был и один из богатых «христолюбцев». (Нужно заметить, что отправляющиеся на такое дело почти всегда берут с собой зажиточных «жиловых» последователей. В настоящем случае он, как увидим дальше, и пригодился). Когда старики-миссионеры остановились в какой-то деревне и начали беседовать в чьём-то доме, то быстро распространилась молва об этом по всей деревне и многие сбежались послушать приехавших проповедников. Узнал об этом и сельский староста, созвал понятых и сказал: «узнать нужно, что за люди приехали, авось перепадёт нам на водку». И вот, поздним вечером он подступил к тому дому, где находились странники, понятых оставил на дворе, а сам с немногими людьми вошёл в избу... Испуг был непомерный... Староста начал спрашивать приезжих, а на лицо оказался только один, – купец 2 гильдии, имеющий билет. Староста растерялся, купец на него прикрикнул, и староста хотел уже уходить... Но старуха из этой

семьи, дряхлая, сидевшая всё время на полатах, закричала вслед ему хриплым голосом: «а ты, батюшка, посмотри-ка на коннике, за печкой то; ведь нехристи-то эти туда залезли... Всё каляками, что попов не надо, а сами и пятки убрали!» – Эта старуха, когда старики беседовали, всё ворчала и что то шамкала, – должно быть, ей досадно было слушать их проповедь, а теперь воспользовалась случаем отомстить им. Действительно, по её словам староста и бывшие с ним воротились, стали смотреть там, куда она указывала, и нашли наших героев за печкой, на кровати, заваленных соломой. Тогда вышеупомянутый купец предложил старосте четвертной билет (25 рублей). Тот, конечно, не устоял против такого соблазна, вышел и сказал понятым, что никого не нашёл, и бывшие в избе со старостой согласились на это».

2, «С некоторой особенностью вели мы своё миссионерство не с православными, а с другими сектантами-беспоповцами. Здесь ни о священниках, ни о последних временах речи не могло быть. Особенность эта в том заключалась, что прежде всего мы сами старались примениться к их обычаям, чтобы расположить их к себе, – по слову апостола: *всем бых вся, да всяко некий приобретаю*. Случай такого миссионерствования, бывший при мне, заключался в знакомстве с какими-то вретищниками. Эта секта называется так потому, что последователи её видят знак спасения от антихриста в одежде. Так как антихрист пишется пёстрым, то и одежду пёструю, по их мнению, носить нельзя. Под влиянием такого убеждения у них и поговорка существует: «пестра, пестра – антихристова сестра». Поэтому, всякий желающий спастись должен носить только вретище, как и в Апокалипсисе писано про церковь, убежавшую в пустыню. Вретищем у них служит грубая самодельная холстина из поскани³⁴, серого и синего цвета, из которой они и шьют себе рубашки, сарафаны и проч. Чёрный и белый цвета допускаются только на платках и шالях.

Познакомились мы с ними следующим образом. Мимоездом раз остановились мы в г. Сарапуле, чтобы отпраздновать Троицу. Хозяин дома, в котором гостили, и рассказал нам об этих вретищниках, так как из числа их у него было много сродников.

Он и просил у нас позволения привести их в праздник к нам в моленную. Наставник наш, старец Савва, дозволил. Но чтобы принять их как следует, мы приготовились так: пол покрыли весь соломой, шторы везде сняли, цветы убрали, посуду фарфоровую заменили глиняной, стаканы – жестяными кружками, вообще убрали всё, что могло бы подать им соблазн. Нас тоже всех переодели: на ноги надели лапти, – (вретищники сапог не носят, а носят лапти, потому что Адам после падения, думают они, носил лапти), вместо всего обычного белья принесли всё сшитое из грубого холста, грязно-серого цвета, сарафаны все надели синие, из того же холста, и платки сделали из него же. Мужчины тоже преобразились. Савва надел лапти, грязно-серую рубашку, а остальное всё синее. Главным образом мы старались устранить повсюду пестроту. Для этого подручники в моленной, которые сшиты были из разного цвета лоскутков, заменили войлочками, пелены на аналоях шёлковые и парчовые заменили холстинными, лестовки, вместо бисерных, наделали из верёвок. Словом, приготовились достойно встретить гостей. Окончив приготовления, начали молиться праздничную всенощную. Во время моления вретищники и приехали – двое мужчин и одна старушка, – такие страшные: волосы на головах, как войлок, точно с роду не чёсаны и немыты, а одежда грубая и так была заношена, что цвета нельзя было определить... Погостили они у нас только один день. Савва много с ними беседовал. Когда стали они прощаться, то и просили нас приехать к ним. Скоро и лошадей прислали. Выбор ехать пал на мою крёстную и на меня, а с нами поехали и ещё две девушки. Ехать нужно было в какой-то Починок, за 200 вёрст. Возницы, – два брата, привезли нас к себе в дом и поместили в келье, на задах дома, в которой жила их сестра, старушка. Дом снаружи большой, новый, чистый, а внутри так грязно, что и в хлеве бывает чище. Жили мы тут около месяца, но жить было, прямо, невозможно. Хозяева считали нас точно ангелами, не знающими усталости и не нуждающимися в пище. Утром каждый день вставать нужно было в два часа и начинать полунощницу и читать утреню. По окончании службы они приходили к нам в келью слушать жития святых и беседовать о вере. Затем нужно было молиться Часы,

а после Часов просят петь разные молебны. Так и проходило время до полудня. Когда в полдень наступит время обеда, сами они пойдут обедать, а нас спрашивают: «а вы, рабы Божии, будете ли сегодня обедать-то, вы, ведь, не как мы – грешные?» Бывало с трудом нужно было убеждать их, что и мы есть хотим. Подадут обед, но такой скудный, что выходили почти голодные. У нас были привезены с собой сухари из кондитерской, мы и ели их украдкой. Они считали грехом покупать съестное на базаре, а также есть хлеб на дрожжах. Не успеешь пообедать, как опять набьётся народу полна келья, просят читать и петь разные стихи. И так проходит время до вечера. А потом Вечерню молиться, да Повечерницу (Повечерие), да ещё Акафист. Ровно в 10 часов все уйдут от нас, зная, что иноку полагается спать три часа. Об ужине и не поминай, довольствуйся одним скудным обедом. И сами они так же жили; были такие постники, которые по целой неделе и не обедали. В пище они много греха находили.

Немало труда предстояло нам разубедить их ещё в том, что умываться – грех, чесать голову и чистить белье – грех, комнаты в чистоте держать – тоже грех. Святые, говорили они, спасались в пещерах и в смрадных гробах. Поэтому и свои гребни, мыло, полотенца мы должны были тоже, как и сухари, прятать, чтобы не подать соблазна. Так и прогостили мы месяц, я даже заболела. Наконец, крестная написала письмо С. О., в котором просила взять нас обратно. Ждать ответа пришлось недолго, за нами прислали стариков, и мы распростились с хозяевами.

После слышно было, что эти не чёсанные люди понемногу начали смягчаться, благодаря именно нашим убеждениям, хотя в бегунство не перешли».

Рассказ этот наглядно характеризует миссионерствование бегунов в среде народа и нельзя не сказать правды, что миссионерские приёмы их очень опасны и пагубны для людей, непонимающих сущности веры и благочестия. Сынове века сего едва ли не мудрее сынов царствия Божия. По крайней мере мы не знаем о подобных приёмах со стороны миссионеров прав. церкви, да и по самому их положению эти приёмы едва ли для них возможны: только люди простые, к народу близкие могут прибегать к ним. С народом необходимо бороться при

содействии людей народа. Они и дороги нам, как посредники наши. Это – боевой наш авангард.

3) Там, где последователь и миссионер бегунства выходит на публичную с православными миссионерами беседу, он совсем уже другой, положим, настолько же хитрый, но и открыто злобствующий. И причина – простая: между простым народом он – первенствующий проповедник своего учения, здесь ему необходимо отстаивать это учение, а там он свободно рассуждает и о недостатках духовенства и об антихристе и о церкви в пустыню бежавшей, здесь он встречает возражения против каждой мысли, или разъяснение оной; там он свободно подбирает и группирует, как ему нужно, факты и свидетельства, здесь ему укажут фальшь этой группировки останутся и рассмотрят каждое его указание, всякую его мысль отдельно, всё поставят на своё место, всему укажут своё значение; там он преподнесёт целый букет против прав. церкви обвинений и все будут ощущать только смердящий его запах, – здесь разберут его по листочкам и ничего противного чувству совести не останется, по крайней мере для того, кто захочет слушать и внимать. Поэтому-то здесь изменяются и сами приёмы.

В последние годы собеседований в Казани мы имели случай ознакомиться с тремя типами бегунских миссионеров – начётчиков, по характеру своему резко отличающихся между собой, хотя и одну цель преследующих.

Живой пример первого типа представлял один «жиловой» бегун, правда не учившийся в бегунской школе, но наметавшийся в собеседованиях каким-то другим способом. Несколько лет подряд он ходил к нам на беседы, всегда много говорил, прямо высказывая свои убеждения, но ни с кем не соглашался. Замечательно при этом было то, что чем труднее ему приходилось беседовать, чем неопровержимее разъяснялся вопрос и чем сильнее делались ему возражения, чем яснее потому и обнаруживалось перед всеми его бессилие и безответность, тем более, по окончании беседы, он благодарил нас, что мы, – именно мы, своей настоящей беседой помогли ему ещё более утвердиться в своих убеждениях. У себя в деревне это был очень видный пропагандист и многих совратил

от православия, насадив бегунство там, где его и не было. Он был женатый человек, но детей своих в церкви не крестил, да некоторые сыновья его и в бега уже ушли. Сам он мечтал о том, чтобы принять «истинное крещение» перед самой смертью, дабы, по выходе из купели непорочным младенцем, таковым предстать и на суд Христов. Ему замечали, что такими кощунственно-мечтательными рассуждениями он точно Господа Бога обмануть хочет, быть грешником всю жизнь и, не исправившись, спасение получить. «Смотри, Бог поругаем не бывает», не раз говорили мы ему. И действительно, хитрые его расчёты не удались, но милость Божия сказалась в его обращении. За распространение бегунства он попал под суд, но от суда скрылся и ушёл куда-то к бегунам, пробыл у них год, но почему-то ушёл от них и, явившись в Казань, отдался в руки правосудия, был судим и наказан тюремным заключением. Отбывая наказание, он обратился с прошением к Высокопреосвященному Архиепископу о присоединении его с женой и с двухлетним некрещённым сыном к прав. церкви на правах единоверия. По резолюции Владыки мальчик был окрещён, жена исповедана и причащена св. Таин, а сам он на некоторое время отдан на увещание. Посещая его в тюремном замке, мы убедились, что в понятии его очень многое сохранилось из того, что он слышал на беседах, только сердце его оставалось доселе не тронутым, так что разъяснять ему оказалось почти нечего, и присоединение его совершено единоверческим священником. Насколько искренно было его обращение, один Господь ведает, но во всяком случае бегунство потеряло своего пропагандиста и защитника его учения на беседах.

Другие двое были из недавних отступников. Раз явился к нам на беседу никому неизвестный, но бойкий и дерзкий говорун, который с первых же слов начал глумиться над собором 1667 года и над прежними нашими полемическими писателями, не исключая и св. Димитрия Ростовского. Возмущённые этим глумлением, в сущности бессодержательным, мы застучали карандашом по кафедре, (признаемся, слушать глумления мы не можем), требуя, чтобы неизвестный старообрядец прекратил

насмешки и говорил бы спокойно... После этого он два года носился с этим, являясь по временам на беседы, постоянно напоминал нам о нашей горячности, поучая сохранять терпение. От присоединившейся мы узнали, что это бегун-отступник, женившийся на бегунке-отступнице и живущей в Пороховской слободке. перед другими он притворялся православным и говорил с ними, как только сомнящийся, имея в виду заронить в них искру сомнения в православии. В этих, по-видимому, видах он и на беседы являлся, выдавая себя тоже за сомнящегося православного. Узнав об этом, в Ягодной слободе прямо на беседе мы и постарались перед всеми разоблачить его, не назвав; впрочем, по имени – как лицемера-глумителя, которому и не место быть в храме. – Во всё время нашей речи он стоял на клиросе, но не проронил ни слова. Слушатели поняли, о ком наша речь и стали потом избегать его. В тоже время нам пришлось иметь дело с бегунским миссионером ещё особого типа, видимо, прошедшим всю бегунскую миссионерскую школу. Летом 1897 года к нам является неизвестный человек и говорит, что он бывший последователь бегунства, из Ярославля, но познал своё заблуждение, желает присоединиться к прав, церкви и даже быть её миссионером. Мы попросили показать билет; в билете он показан православным. Тогда мы предложили ему прийти через неделю, пока, подумаем и посоветуемся, как с ним быть; про миссионерство же мы заметили, что у нас платных миссионерских должностей нет. Пришедший изъявлял желание трудиться бесплатно. «Там посмотрим», ответили мы и отпустили. Прошло четыре месяца, и неизвестный посетитель не являлся, да и мы забыли про него. Уже в декабре, когда стало известно, что обратившаяся близка к православию и когда мы собрались с ней в академическую библиотеку, неизвестный приходит к нам вместе с ней, как её знакомый, и начинает втягивать нас в полемическую беседу, забрасывать вопросами, в коих обнаружилось и знакомство его с церковными правилами, и с случайными примерами из жизни святых, и с хитрой диалектикой. (Хорош был бы миссионер с такими убеждениями!). Мы догадались, что он просто тянет время, чтобы остановить нас от посещения библиотеки, и настоятельно предложили

прийти на беседу и там поговорить об этом, так как теперь время не позволяет.... Оказалось, что это был хорошо известный бегунский миссионер, по имени Василий Архипов, прошедший всю школу «беседословия», даже учивший других, как на что отвечать – но почему-то ушедший от бегунов, а почему именно, – оставалось пока неизвестным.... Впоследствии, месяца через два, из г. Чистополя нам сообщили, что он женился на одной богатой вдове, раскольнице другого беспоповщинского толка, поселился в Чистополе под видом православного, но человек подозрительный и, видимо, хитрый. Получив такое известие, мы не без основания опасались, что под личиной православия он будет насаждать учение бегунов. При этом выяснилось ещё, что, как показанный в билете православным, он и не говел перед браком, а невеста его, исповедавшись и присоединившись, получила о присоединении свидетельство, от св. же причастия уклонилась, уехав венчаться в Казань, где и состоялся брак. Сделано было хитро, и явилась необходимость разоблачить обман публично, чтобы православных предостеречь от увлечения разговорами с хитро-лицемерными людьми. С благословения Владыки, мы отправились в Чистополь. Архипов явился на беседу, с видимой целью вступить с нами в полемику. Старообрядцев пришло очень много, как никогда. Поздоровавшись, мы поздравили Архипова и его жену с законным браком и с освящением их союза благословением церкви, но выразили сожаление, что и муж, и жена, – бывшие в расколе, не исполнили перед этим христианского долга, – что наводит на них подозрение в лицемерии, которого другим бояться всегда нужно. Архипов стал утверждать, что он искренне расстался с бегунством, хотя не давал прямого обещания исполнить в текущем великом посте христианский долг исповеди и св. причастия. Тогда мы поставили его рядом с собой и предложили самому ему объяснить собравшимся, кто он теперь по своим убеждениям и почему оставил бегунство. Архипов, без всякого стеснения, в довольно длинной речи исповедал православие церкви, причём, начав речь с собора 1667 года, говорил, как хороший православный миссионер, правильно ставя вопросы и давая на них верные ответы. – Видно, что,

благодаря бегунскому «беседословию» и практике, он ознакомился не только с основаниями учения бегунов, но и с доказательствами, приводимыми православными, чем в настоящем случае и воспользовался. Но конец, говорят, венчает дело. А в конце концов он уехал из Чистополя, где, оказалось, ему нечего было делать, – куда-то на Урал, оставаясь, по-прежнему, раскольником.

Из всего сказанного видно, насколько успешно идёт у бегунов наука «беседословия», насколько бегунские миссионеры и миссионерши ловкие и опасные люди.

Н. Ивановский

(Окончание следует).

Реморов В., свящ. Веро-нравоучение и культ хлыстов центральной России ³⁵ // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 72–78

III.

Секта хлыстов характерна в том отношении, что в ней мало отводится места для домашней, одиночной молитвы, для одиночных подвигов благочестия. Частная религиозная деятельность не развита у этих сектантов. У них редко встречаются лица, которые совершали бы одиночные длинные молитвы, читали бы, напр., акафисты или келейные правила, или занимались богомыслием, или ночным бдением. Единственное, что оставляется на долю одиночного труда – это поклоны и пощение; это уже вполне в воле одиночного человека. Он сам, когда хочет, добровольно налагает на себя пост, на какое время хочет, – на день ли, два или три, но самый главный срок – седмица по собственной песне хлыстовской:

Хоть и по дню, хоть и по два
И то Господу угодно;
А кто три дня пропостится.
Грех во плоти умертвится;
А избранный разум твёрдый
Пропостится день четвёртый;
А кто пятый пострадает,
Дух над плотью обладает;
Помогает Дух Святой,
Перетерпит день шестой;
Кто седмицу окончает,
Благодать тот получает.

При этом не полагается ни молитвы, ничего другого – одно только: семь дней не есть и не пить; если при этом ослабеет человек, то ложится в постель, и лежит немощной, но не берёт ничего в рот, пока не окончится этот благодатный срок... Дойдёт до того, что уста слипаются и приходится с трудом протискивать ему через зубы чайную ложку тёплой воды с мёдом, – пока получит способность правильного употребления пищи. В этом

случае братья помогают постящемуся. Помощь выражается оригинально, вполне своеобразно. Она состоит в том, что из среды них выискиваются человека два–три охотников потрудиться за него. Это значит, чтобы легче и охотнее было нести пост, они также отказываются от пищи на несколько дней для „него”. Несение седмицы есть самый трудный одиночный подвиг благочестия хлыста. Этому труду сочувствует община и выражает это сочувствие в назначении особого религиозного собрания для понёсшего седмицу. В этом собрании он является уже героем дня: ему отдаётся всё внимание братий и труд его сторицей вознаграждается той внимательностью, поощрением, которая ему оказывается.

Хлыст отводит душу не в одиночной долгой молитве, не в одиночном ночном бдении, не в одиночном распевании молитв, или чтении акафиста или псалтыря, не в уединённом богомыслии, а всегда в общем религиозном собрании всех братий и сестёр... Здесь, в этом собрании, заключается всё, что удовлетворяет его душу, насыщает его духовную алчбу и жажду, даёт нужное всякому человеку духовное наслаждение, обогащает его запасом новых чувств, новых мыслей, новых стремлений и даёт таким образом материал на всё остальное время. Оттого и любит хлыст эти собрания – любит всеми силами души, всем существом своим. Эти собрания и составляют главную скрепляющую связь отдельного сектанта с общиной и с сектой. Вследствие такой необходимости собраний для удовлетворения религиозной потребности благочестия и вследствие сильной привязанности каждого хлыста к собранию – собрания эти бывают весьма часто, можно сказать, каждый праздничный день, и бывают – подолгу. Хлысты не томятся своими собраниями, как православные богослужением, – они не справляются с часами, – они не тяготеют повторением и однообразием действий, они не замечают, как проходят часы, не видят, как кончается день, подкрадываясь, застигает ночь, – не чувствуют, как и она сменяется бледнеющей зарёю. С каждым движением времени, с часом всё живей и оживлённей становится их собрание, всё большего и большего восторга набираются они; сами лица их разгораются, они разгораются и

приходят в большее одушевление пока не дойдут до высшей степени возбуждения и в изнурении не упадут без чувств на землю, упоённые духовным „пьянством”, по их выражению.

Интересно проследить сам порядок богослужебных собраний сектантов. Начинается он „лобызанием мира”, с которым каждый входящий обращается к каждому из присутствующих, не исключая женщин и детей и обходя поочерёдно всех их, начиная от входной двери, для чего каждый из присутствующих привстаёт также взаимно целует входящего и снова садится. По окончании этого целования, которое называется „образованием”, входящий становится среди комнаты на коленях и просит прощения у всей общины:

– Простите меня, братия и сёстры.

Причём кается откровенно во всех грехах перед всеми публично, не утаивая ничего, даже самых срамных грехов своих, не скрывая и лиц, с которыми грешил. После чего наклоняет голову к земле и лежит ничком. Братия все дружно привстают с лавок и дружно падают на землю, делая земной поклон вошедшему и говорят:

– Бог простит.

Затем вошедший садится. И так бывает до тех пор, пока не соберутся все братия и сёстры.

Затем некоторое время царит молчание. Никто не осмеливается начать. Переход сразу от жизни рассудочной к возбуждённой жизни чувства не легко даётся. Тогда начинают „подзадоривать” друг друга:

– Ну-ка, давайте, братцы, споем что-нибудь такое! Ну, начинай, кто что знает!

Несколько раз начинают и поют, – но без всякого воодушевления, не со всем пылом и жаром, какого они бы хотели.

– Вишь, как охладели мы! Что нам делать? – говорит кто-нибудь, – хоть бы кто помог!

Опять молчание. Только и слышатся некоторые глубокие вздохи об „охлаждении”. Какую песню не запоют, всё как-то выходит деланно, всё не захватывает она всецело души, не поглощает рассудка, всё не расходятся силы... Но вот...

решительно встаёт один из братьев, восходит на средину, весь сосредоточенный в себе, падает на колени лицом к образам и начинает часто и быстро молиться:

– Господи помилуй! Господи помоги! Укрепи! Прости! Пошли Духа!

За ним другой, третий... Всё чаще и энергичней молятся они... Оживляется и собрание.

Начинается кое-где всхлипывание, слёзы... Кой-кто вскрикивает, как-то странно, необычайно, будто чем охваченный... Пение одушевляется, становится всё чаще, всё быстрее. Кой-кто вскидывает кверху руки и хлопает в ладоши, кто пристукивает ногой, либо причмокивает губами, или присвистывает. Всё больше и больше наэлектризовываются певцы, сильнее и сильнее учащается темп пения. Певцы, кажется, действуют не одним языком, а всем существом своим, и руками, и ногами, и туловищем, приподымаясь и опускаясь, – как бы раскачивая себя. Начинает кой-кого уже „подёргивать” ... Но он ещё крепится, держится на месте... Сильнее и сильнее подёргивания... Его просто-напросто „трясёт” ... Он не может уже сидеть и привстаёт, как бы борясь с собой... Его „кидает” в сторону. Чтобы победить и не поддаться, он выходит на средину, но тут его просто-напросто начинает „подбрасывать”. Он уж – невольник, он не сладит с собой: его „подбрасывает”, и подымает иногда так высоко, как в нормальном состоянии человек никогда не поднимется... Стоит выйти одному, как зараза охватит всех; за одним выскакивает другой, третий, четвёртый и т. д. И все кружатся, прыгают, вертятся на середине в разных направлениях, то по одиночке, то обхватив один другого, то схватив какой-нибудь предмет. А певцы всё поют, и поют всё оживлённее, всем существом своим... Иногда и певцы все заражаются и, дружно поднимаясь, выступают на средину и пляшут.

Невозможно и описать, каким образом бывают эти хлыстовские пляски и одиночные, и артельные. Одно только можно сказать, что *ничего деланного, искусственного, рассчитанного здесь нет*. Хлысты ясно отличают того, кто не по

„духу” пошёл, кто хотел бы подделаться под это их вполне произвольное „хождение”.

– Тпру! Ты без узды пошёл! – говорят они о таком.

И, действительно, нужно что-то особенное, – какое-то особое необычайное и необъяснимое настроение, чтобы „пойти” так, как ходят хлысты. Есть и из них такие, которых ни разу не „подымало”. Это те, которые никак не могут побороть своего рассудка, подавить собственное самообладание – люди не „уверившиеся”, – как говорят о них сектанты.

Успокоившийся, натешившийся; охладевший хлыст падает на колена перед собранием с постоянно повторяемыми у хлыстов словами: – „простите, отцы и братия” ... и садится на своё место до нового возбуждения.

Пляска – низшая рядовая форма возбуждения. Есть разве небольшая кучка хлыстов, которые не плясали. Но возбуждённое состояние находит свой исход и выражение не в одних плясках, а в других формах, редко достигаемых и самими хлыстами, поэтому они составляют высшую степень, и сами лица, доходящие до такой степени, являются лицами „вышними”, – пророками, – обладающими высшими чрезвычайными дарованиями. Из этих дарований особенно уважаются хлыстами два: „дар глаголения новыми языками”, – способность произносить какие-то бессвязные дикие звуки, неудержимой рекой льющиеся из груди хлыстовского лжепророка, и второй дар „обличения” – способность познавать душевное состояние всякого из братии, находящегося в собрании, видеть его греховность. Обладатели этих даров представляют собой как бы какую-то произвольную силу, которой эксплуатируют руководители собрания. Эти руководители – люди наиболее трезвые из всех находящихся в собрании, – способные, по крайней мере, наблюдать и присматривать за происходящим, так как другие никого и ничего не видят. Таким образом руководитель, заметив лицо, способное обличить, устанавливает его на средину, – конечно, удалив с круга всех, если кто там находился, и приказывает каждому по одиночке подходить к пророку. У того чаще всего бывает икона, а иногда портрет Анисьи Ивановной... Каждый подходит, целует икону. Пророк

кладёт ему на голову руку и даёт наставление, – конечно, в общих фразах; но хлысты сумеют найти в этих фразах подходящее к своему нравственному состоянию и с дрожью и трепетом подходят на „молитву”, как они говорят.

Иногда обличение бывает не над самим человеком, а над вещью каждого; для чего предварительно у каждого из присутствующих распорядитель берёт по одной вещи, у кого гайтан, у кого пояс, платок, шапку и проч., что кто даст, и эти все вещи складываются в одну кучу на стол или на пол. Обязанность „пророка” взять каждую вещь, и сказать обличение и наставление по адресу того, кому она принадлежит. Значит, здесь уже двойная задача: угадать владельца вещи, и угадать его грехи, дать ему подходящее наставление. Бывает и наоборот, т. е. пророк вместо наставления даёт каждому какую-нибудь вещь: решето, безмен и т. д. И тогда каждый должен сам, по вещи, понять смысл того, что ему указывают или в чём обличают.

Пророки также меняются, потому что дух того возбуждения, за которое они получают титул, не до конца остаётся. На место их выступают другие. – „Вот до чего дошёл”, – говорят о таковом. – „Нам не дано”. Но каждый надеется и рассчитывает получить это высшее дарование.

„Деяния” хлыстовских пророков бывают весьма разнообразны. Чего-чего не делают они с своими собратьями: и вскакивают верхом – ездят на них, и ударяют из всей силы по щеке, и выливают над головой ведро воды, и мажут грязью, и обнажают и пр. до бесконечности, – и самая необузданная фантазия не может выдумать таких действий, какие они ухитряются проделывать на своих собраниях! И всё это сносится терпеливо, на всё это смотрится с благоговением, во всём этом видят хлысты что-то таинственное, действие высшей силы. Никаких объяснений, к чему всё это делается, не бывает, хлыстам предоставляется полнейшая самостоятельность объяснять это как душе угодно, изошрять всё своё остроумие, чтобы найти смысл во всей этой бессмыслице, применить эти действия или к своей душе, или к кому из братьев, или к какому месту св. Писания. На это посвящается свободное время после

собрания, и нужно видеть восторг, с каким встречает хлыст первую мысль, могущую пособить разгадке!

О хлыстовских собраниях говорят, что они бывают совершенно без всякой подготовки, что на них происходит является неожиданностью для самих хлыстов, и идут они с животрепещущим интересом: кого сегодня дух отличит и что сегодня дух откроет.

Каким образом мирятся распорядители и эта неподготовленность собраний, указано выше.

Роль распорядителей в других случаях неизвестна. У нас в обществе считается высшим всех в настоящее время В. М. И., но под ним ещё имеются шесть пророков, – имена которых верно неизвестны.

Собрания хлыстовские не могут нравиться православным и привлекать к себе. По своему странному характеру, – по возбуждённым страшным неистовым лицам, – по тем действиям, какие на них происходят, они представляют нечто дикое, необычайное, невозможное до невероятности. Так что трезвому человеку, владеющему рассудком – покажется прямо-таки жутко на них: он не выдержит никогда!

Хлысты понимают это и оправдываются тем, что и об апостолах, когда на них сошёл Дух Святый, говорили как о „пьяных” и о первобытных христианских собраниях говорили: „вошедший в них не скажет ли, что вы беснуетесь!”

Таким образом, не только пленить не могут хлыстовские собрания, а прямо могут напугать и оттолкнуть здраво смотрящего человека. Поэтому хлысты главную суть собраний никогда не показывают, даже редко позволяют слушать пение. Но пение их весьма стройное и согласное.

Для приезжих бывают угощения не в смысле заманки, а по чувству братского гостеприимства; очень сильного у хлыстов.

Священник *Владимир Реморов*

**Дорофеев В. По поводу новой заграничной
брошюры о старообрядчестве ³⁶ // Миссионерское
обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 79–84**

Выше мы указывали на те обвинения, которые раздавались из лагеря противников Никона, за его пристрастие к грекам. Ещё в сочинениях диакона Феодора мы находим известия, что служебник 1855 года и другие книги, изданные патриархом Никоном, исправлены были не по рукописям, а переведены с „новогреческих печатных книг”. Подобные уже известия сообщаются и у других раскольнических писателей: Саввы Романова, в челобитных Савватия и Соловецкой и др.³⁷. Позднее ту же мысль высказывает и знаменитый раскольнический полемист Денисов, одинаково выступавший на защиту и выговских поморцев и нижегородских поповцев³⁸. Наконец, новейший старообрядческий писатель А.А. П-в, издавший в 1896 г. на гектографе брошюру „о виновниках раскола” пишет: „и так, повторяем, не отступай Никон от древнего благочестия, не приглашай разных развратных греческих проходимцев хозяйничать в православной русской церкви и под видом книжного исправления не вводи новизны современные ему греческие чины, предания и уставы, – конечно, не было бы никакого раскола”. Таким образом главной виной п. Никона старообрядцы всегда считали и доселе считают введённое им объединение русского обряда с греческим. Дело это, начатое п. Никоном и законченное при его преемниках, обеспечило Русской Церкви полнейшее единение с восточными православными церквями, которое пребывает, слава Богу, и в наше время, будучи торжественно возвецаемо во всех храмах Русской земли многолетствованием святейших патриархов православных в положенные уставом дни. Должно быть, автор в эти дни никогда не бывал в храмах, если решается утверждать, что „в русских храмах, даже при архиерейских служениях, никогда не поминают и не выкликают восточных патриархов”.

Мы уже видели, что с самого начала раскола и до наших дней старообрядцы относятся с особым предубеждением к

православным восточным церквам. Характеристическую подробность в этом отношении представляет одно обстоятельство, имевшее место во время переговоров о присоединении к церкви на правах единоверия некрасовцев селения Майнос, в малой Азии, принадлежащих к области Вселенского патриарха. Монах русского Афонского монастыря Михаил, по почину которого возникли эти переговоры, передаёт следующий отзыв майносского уставщика Ивана Вощихина о греках. У этих последних, по словам Вощихина „теперь св. мира нет: оно утонуло в Мраморном море вместе с престолом св. Софии, который везён был на корабле при осаде Константинополя”. На убеждения Михаила о православии греческой церкви Вощихин отвечал: „Да оно так-то так; а только мы лучше бы согласились принести мир от Российской церкви, чем от патриарха. Уж больно нам греки-то не нравятся. Нам кажется, нет у них древнего благочестия. Все они прельстились бесовской травой – табаком. Курят малый и старый; даже курят сами попы и архиереи; какое уж там будет мир? А в российской церкви этого не слышно. Там архиереи и попы живут много лучше, потому что третий Рим, Москва, ещё де совсем пал и там ещё есть благочестие. Поэтому нельзя ли вам похлопотать, чтобы мира для нас можно было достать от российской, а не от греческой церкви?”³⁹.

Как скоро старообрядцы подобным образом относятся (да и всегда так относились) к церкви греческой, то они-то по преимуществу и повинны в грехе филэтизма, который наш автор желает навязать русской церкви. Им-то, именно, всего менее дела до единения со Вселенской Церковью в исповедании и обряде. Первое отходит у старообрядцев на задний план перед вторым, а обряд этот они хотят содержать в том именно виде, в каком он оказался в то время, когда единственно из-за разницы в обряде греки стали считать нас раскольниками.

Если так, то прямо курьёзными являются гадания автора на тему, что было бы, если бы „Константинопольский патриарх вошёл в общение с старообрядческой иерархией”. Первоначальника своей лже-иерархии, митрополита из области Вселенского патриарха, раскольники наши приняли, как еретика,

через миропомазание. Устами своих полемистов от Аввакума и до наших дней они громят „никониан” за то, что они отвергли укоренившийся в России обряд и сблизилась в отношении последнего с греческой церковью, о которой „Слово Правды” торжественно возвещает: „мы старообрядцы не подчиняемся Греческой церкви, потому что она неправославна” (1896 г. № 2, стр. 32). Та же „газета, посвящённая защите старообрядчества” удивляется: „неужели беглопоповцы так близоруки, что не могут понять и додуматься, что закон церкви никоим образом не разрешает своим пастырям переходить к раскольникам и в расколе же проклинать православную церковь и её учение”; а ведь, Амвросий, перейдя в раскол и проклявши Константинопольскую церковь, от которой приял благодать св. таинств даже до пастырства, подлежит осуждению именно этого „закона церкви”. Какая же может быть речь об общении наших раскольников, почитающих себя православными, с неправославным, по их мнению, Вселенским патриархом.

Подобной мысли не может быть, да и нет её, у наших раскольников, приемлющих „белокриницкое священство”. Рогожские изобретатели и покровители последнего, в своих ходатайствах перед Правительством об узаконении их детища, постоянно просят их устранять православное духовенство от суждения об их „иерархии” и дать последней те права, какими пользуются требоисправители у евреев и идолопоклонников. Даже раскольнические политиканы, в роде бр. Мельниковых, мечтающие при помощи своей „иерархии” уничтожить православную церковь, в попытках основать законность своего мнимого священноначалия изысканиями во Вселенской патриархии не идут дальше выяснения двух вопросов: как был крещён Амвросий и был ли он под запрещением в момент своего бегства в раскол.

С этими раскольническими полемистами новейшей формации автор брошюры солидарен лишь в стремлении уничтожить Русскую Церковь. Обрушиваясь с пеной у рта на все её установления, автор с недостойным злорадством останавливается на тех проявлениях заблуждающейся религиозные мысли, которые ведут тёмную народную массу к

коснению в расколе и сектантстве. Религиозные заблуждения, составляющие источник всех расколов и ересей, к несчастью, нигде во всей истории человечества не могли быть совершенно устранены. Автор брошюры, как мы уже видели, не хочет знать никакой истории и предпочитает пробавляться собственными измышлениями. И в этом случае всю вину существования наших раскола и сектантства он возлагает на духовенство Русской Церкви, на которое по этому случаю и изрыгает целый поток сплетен.

Такой приём в объяснении прискорбных явлений русской религиозной жизни выгоден для автора брошюры в том отношении, что даёт ему возможность распространяться о тех преимуществах, которые яко бы предоставляет самозванный „старообрядческий клир“. Этот „клир, избираемый из среды благочестивого народа, будет иметь возможность, – фантазирует брошюра, – по-прежнему жить одной жизнью и одними интересами со своими прихожанами“. Брошюра, к сожалению, не договаривает, в чём будет заключаться эта общность интересов... Если взять теперешнего рядового „старообрядческого иерея“, избранного (не приходом, – этого никогда доселе не практиковалось в расколе) каким-нибудь финансовым тузом раскольников из своих фабричных или „владыкой“ – из гусяков, то общая жизнь такого ставленника с приходом не пойдёт дальше глухой среды непроходимого невежества, самоуправства и корыстолюбия. Да и сам автор брошюры, по-видимому, не очень верит представителям „старообрядческого клира“. Для борьбы со штундой, баптизмом, молоканством и другими сектами он рекомендует Правительству дозволить старообрядческим начётчикам вести беседы с этими сектантами. „Клир“, стало быть, в этом отношении не надёжен. Это совершенно справедливо: лет пятнадцать тому назад в Обласки Войска Донского четыре попа австрийского поставления (старообрядческие священники, как величает их брошюра): новочеркасский Карп Попадъин, ростовский Фома Казаков, хутора Казинки Василий Гамаюнов и сын лже-епископа Силуана, Куприан Кузнецов со своими уставщиками и некоторыми из прихожан совратились в баптизм. Обманувшись потом в

надеждах на щедрое содержание от заграничных руководителей секты, насуленное им совратителем немцем Миллером и после привольной жизни на счёт прихода вынужденные терпеть бедность, попы эти принесли московским своим „владыкам” покаяние и принятые в прежнем „сане” снова зажили припеваючи „одной жизнью с прихожанами”.

Разрешая с плеча сложные вопросы истории, скользя по поверхности бытовых явлений, источники которых кроются в глубинах общественной жизни проникнутая притом идеей, которая совершенно чужда сознанию наших старообрядцев, – последняя заграничная брошюра не может претендовать ни на какое серьёзное место в нашей литературе по расколу. В то же время появление её характерно в том отношении, что и с прекращением пресловутого „Слова Правды” не прекратилась та заграничная раскольническая литература, задачей которой является – вселить в читателя враждебное недоверие к установлениям Православной Русской Церкви.

Субсидируя издания, проводящие подобную тенденцию, и распространяя таковые среди старообрядцев, капиталисты – главари раскола видят в них надёжное средство к пропаганде своей иерархии. Верен ли только их расчёт: не толкают ли они своими книжонками эту толпу туда, где очутился упомянутый выше ростовский поп Фома, объяснявший⁴⁰ свой переход в баптизм грязным поведением австрийских архиереев? Чудо, восклицал он, почему это о подобных нелепых старообрядческих владыках не печатают в газетах!

Есть и ещё среда, которую раскольнические издатели охотно знакомят с изделиями своей заграничной печати. Прекрасную характеристику этой среды даёт Н. П. Гиляров-Платонов в своей „Логике раскола”⁴¹. Это, во-первых, равнодушные к вопросам веры „бесцерковные” либералы, для которых безразлично, почитают ли четвероконечный крест или гнушаются им, и которые требуют „для верования безусловной свободы учения, выражения и практики”, рассуждая, что в этом вопросе „тот имеет больше прав, кого больше числом”. Сюда же относятся и те, по выражению покойного публициста, „добродушные”, которые уповают, что из раскола при всей его темноте,

возродится наша культура. Немало есть у раскола и таких доброжелателей, которые наивно восторгаются тем, что „сектанты имеют выборную иерархию, не нуждаются в государственной помощи, не терпят, да и вперёд не потерпят бюрократического вмешательства в духовные дела”.

К числу последних доброжелателей принадлежал и сам Гиляров, в только что процитированной статье он рассуждает дальше: „русский раскол с русской государственностью не связывает себя; он охотно бежал прежде в Польшу, в Турцию, теперь устраивает себе отчасти пребывание в Румынии и Австрии. Неразрывнее прикреплён он к национальности... но, как ни тесно связан раскол с народностью, он не канцентричен с нею”. Подобным доброжелателям раскола, так же как выше упомянутым „бесцерковным” и „простодушным” его сторонникам при общем всём им поверхностном знакомстве с действительной жизнью нашего старообрядчества брошюры, в роде нами рассмотренной, совершенно по душе. Раздающаяся „из-за рубежа” проповедь „всего существующего строя нашей общественной жизни и церковно-государственных отношений в этой среде найдёт себе отклик в печалованьях о современном состоянии нашего старообрядчества, на которые так щедро „либеральная” печать.

В. Дорофеев

(Окончание будет).

Добротин Г. Церковно-государственные воззрения митрополита Филарета (Дроздова) на раскол и секты
⁴² // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 84–98

Представление о полной веротерпимости западноевропейских государств, по суду м. Филарета, совершенно несправедливо и только преувеличенно-оптимистические воззрения на всё западное могли создать его. Вернее же не запад для России, а «добрая и благородная Россия» для западных государств может служить образцом веротерпимости. Она смело может «похвалиться» перед ними своей веротерпимостью «к признанным христианским вероисповеданиям и даже не христианским», так как в ней нет для этих вероисповеданий таких стеснений, которые существуют, напр., в Англии – стране, «хвалящейся своими свободными учреждениями». Принцип охранения единства национальной господствующей церкви, в видах охранения единства народного духа в Англии, «действует сильно, даже чрезмерно сильно, чего, по-видимому, нельзя было бы ожидать от государства, которое наиболее других пользуется свободой. Так, она имеет несколько миллионов не раскольников, изменивших господствующей церкви, но римско-католиков, принадлежащих к церкви, которая древнее англиканской и от которой произошла англиканская. Но как она поступает с ними»?..⁴³ «Только недавно римско-католической мейнгутской семинарии назначено правительством денежное пособие, и против сего не перестают ещё спорить в парламенте ревнующие об охранении господствующего англиканского вероисповедания»⁴⁴. Мало того, «до сих пор католики (как и все вообще диссиденты) платят церковную подать в пользу господствующей в государстве англиканской церкви. Любители свободы верования неоднократно предлагали в парламенте отменить сию подать. Но охранители церкви не допускали сей отмены⁴⁵, видя в церковной подати связь единства между церковью и государством»⁴⁶. Вот что говорит Израэли в своём воззвании к

избирателям: «охранение национальной церкви включает в себе вопрос: принцип религии должен ли быть элементом нашей политической конституции, должно ли государство быть освящённым и, с уничтожением освящения, вызывающего к высшим чувствам человека, не превращается ли наша система управления в простую полицейскую систему? Во всём этом я вижу только одно развращение народов и падение царств. Я верю, что конституция будет поддержана в своих постановлениях о церкви и государстве»⁴⁷. «С сим иностранным примером не бесполезно сравнить мнение в России тех, которые до сих пор в пользу раскола, в предосуждение правительству, с горечью напоминают давно уничтоженную двойную с раскольников подать, как будто гонение, простирающееся и на нынешних раскольников»⁴⁸, между тем как дело идёт не о том, «чтобы раскольники платили налог, в пользу православной церкви, а только о том, чтобы они не расхищали духовного её достояния»⁴⁹. Кроме Англии м. Филарет указывает и на другие европейские государства, в которых существуют пределы веротерпимости. «В самой Франции, говорит он, допускаются только признанные вероисповедания, а для признания требуется политическая известность, в чём именно состоит учение сего исповедания и что оно не угрожает общественному порядку. В Швейцарии же, земле протестантской, никто, кроме протестантов, не имеет и права на общественные должности. А чтобы допускать свободное существование обществ, подобных нашему расколу, скрывающих от правительства свои тайные действия, требующих терпимости, когда сами не имеют никакой терпимости, постоянно потрясающих в народе понятие о законности верховных властей, – этого нельзя найти ни в одной европейской земле»⁵⁰. Отсюда очевидно, что православное правительство России, в видах охранения единства господствующего вероисповедания, воспрещая законом лишь отпадение от православия и на этом основании принимая ряд стеснительных мероприятий против раскола и его сект, как отпадших от православной церкви, никоим образом не может быть обвиняемо в исключительной по сравнению с западными государствами нетерпимости. Равным образом очевидно, что

если правительство допускает при этом свободу иностранных вероисповеданий и не включает в их число раскол и его секты, то через сие оно не нарушает закона справедливости и не противоречит себе, ибо делает так по причине только что указанной «великой разности» в происхождении и характере между первыми и последним. «Римско-католики и протестанты пришли под российскую державу со своими вероисповеданиями законным путём: и потому, по справедливости, предоставляется им свобода их вероисповедания; напротив того, раскольники суть отпадшие и отпадающие от православной церкви, осуждаемые законом государственным, запрещающим такое отпадение. Если бы государство, осуждённым законом его, дало одинаковые права с неповинными перед законом, то оно стало бы в противоречие с собственным законом и справедливостью вообще»⁵¹. Затем, при независимом от православной церкви происхождении, иностранные исповедания чужды и нетерпимости по отношению к ней, а также вредных политических воззрений, – вследствие чего опять справедливо признаются законом. В случае же, впрочем, стремления проявлять что-либо подобное, закон преследует их за таковые преступления наравне с раскольниками. Правда, по мнению некоторых защитников раскола, факт давнего его существования достаточно, будто бы, сам по себе говорит в пользу дарования раскольникам свободы вероисповедания. В положении раскола, говорит Филарет, некоторые видят «странное явление, – непризнание 200 лет существующего факта». Если сие изречение принять в точном, буквальном смысле, то это не только странность, но даже и невозможность. 200 лет существует раскол и правительство не признаёт его существующим, не видит, думает, что его нет! Полно, так ли это? Кажется, правительство смотрит на раскол, как на существующий факт, когда оно говорит в законах, напр.: местные полиции обязаны вести именные списки о рождающихся и умирающих раскольниках, и о числе их представлять ведомости ежегодно гражданскому начальству. Итак, если говорить точнее, правительство признаёт раскол, как существующий факт, но как факт, существующий незаконно, потому что раскол вообще

существует через нарушение законного послушания православной церкви, а беспоповщина, сверх того, преподаёт учение противное закону, государственной власти, нравственности, не признаёт же правительство не фактическое существование, а только законность раскола. Такое явление, кажется, не очень странно. Посему, если требуется признать раскол, как существующий факт, по первому взгляду это справедливо и легко. Но при углублении в значение сего требования, оказывается, что требуется признать законным то, что не без основания доньше признаваемо было незаконным. А это не легко согласить с справедливостью, и не легко исполнить»⁵². Далее, факты истории, по мнению Филарета, вовсе не оправдывают то положение, «будто нигде стеснение сект не останавливало их успеха, а напротив того, будто бы содействовало их распространению, и что по сей самой причине должно бы отменить существующие о раскольниках постановления, как стеснительные для них». Подобное явление, по мнению Филарета, если и имело где место, то лишь там, где «меры были нетверды, где они подвергаюсь изменением; а где они были тверды, там успех сект останавливался и даже уничтожался. Первая замечательная в Европе секта гусситов, сначала было принявшая огромные размеры, потом энергичными мерами правительства подавлена так, что Богемия, где она возникла, совершенно обратилась в римско-католическую страну. Спустя после через сто лет возникшее протестантство имело успех только там, где сами государи явным образом приняли его сторону. Но во Франции, где сего не было и где правительство, наконец, сильнейшим образом противодействовало протестантству, оно, после отмены нантского эдикта, так ограничено, что уже не могло более распространяться. Те же следствия были в Бельгии, где правительство употребило все усилия против распространения протестантства, а в Испанию и Италию по сей самой причине оно даже не могло и проникнуть, хотя и никак нельзя оправдывать ужасов бесчеловечной инквизиции. В Англии протестантство окончательно утвердилось жестокими мерами покровительницы его королевы Елизаветы. С тех пор и до

нашего времени латинское исповедание не имело там никаких успехов; но как только правительство уравнило последователей оно́го в правах с прочими гражданами, число приверженцев папы более нежели удвоилось и теперь постоянно и быстро умножается. В Пруссии лет за 12 перед сим появились было неокатолические общества, но об них почти уже не слышно с тех пор, как правительство положило преграду их беззаконному распространению. Если же истинная святая вера Христова распространялась в первые века посреди жесточайших гонений, то это было неопровержимое знамение божественному учению Спасителя, и применять столь чудесное её распространение к невежественным сектам, значило бы унижать действие всевышней благодати. Но к дальнейшему распространению христианства промысел Божий употребил впоследствии и покровительство властей: с принятием святой веры императорами римскими, распространение оной сделалось гораздо более быстрым и повсеместным. Наконец, и во всех европейских державах, равно как и в нашем отечестве, распространению христианства особенным образом способствовало покровительство государей. И наша православная церковь горьким опытом убедилась, что стеснения не распространяют, а подавляют, если не навсегда, то на долгое время, истинное учение веры. Так было в западном крае России, где гонение на православие создало унию и могло бы в конец подчинить весь народ Риму, если бы промыслу Божию не угодно было возвратить тот край в недра православной России, так и теперь в австрийских владениях православие, стесняемое тамошним правительством, постепенно оскудевает. Что касается нашего раскола, всем известно, что число последователей его, не смотря на возникшие от них самые дерзкие смуты, было весьма малозначительно за исключением тех, которые отпадали в раскол, вследствие введённых Императором Петром I европейских обычаев; но только во времена Императора Петра III стали особенным образом возрастать успехи раскола, по мере, как возрастало снисхождение правительства, и, наконец, достигли неожиданных размеров к концу царствования Императора Александра I. После сего, (т. е. в царствование

Императора Николая) раскол усиливался только в тех губерниях, где со стороны местных властей оказывалась ему потачка; ослабевал же там, где обращено было строгое внимание на его оказательства, на совращения и на другие злоупотребления. Итак, снисхождение к расколу содействовало и содействует его усилению гораздо больше, нежели стеснение»⁵³. Если же иногда и стеснительные меры против раскольников не достигали своей цели, т. е. не в состоянии были подавить развитие какого-либо еретического или раскольнического учения, то отсюда нельзя ещё извлекать возражения против сих мер. «Человек имеет свободу заблуждать, не уступая не только благоразумию человеческому, но и премудрости Божией; не только власти человеческой, ограниченной, но и Божью всемогущему правлению, которое посему только меньшую часть рода человеческого приобрело христианству и ещё меньшую из сей части – христианству православному»⁵⁴. Затем, пример древней христианской церкви, которая в лице христианских императоров, св. отцов и соборов вселенских и поместных мотивировала решение вопроса о стеснительных мерах по отношению к еретикам и раскольникам в положительном смысле, с достаточной ясностью свидетельствует, по мнению Филарета, о законности и пригодности таких мер.

«При торжестве церкви в царствование Константина Великого все силы власти, направленные дотоле против церкви, обращены к защите внутреннего и внешнего её благоденствия. Христианские императоры содействовали ей искоренением остатков идолопоклонства и низложением еретиков. В высшей степени поучительно знакомиться ближе с законами, изданными против язычников и еретиков Константином Великим и его преемниками Феодосием, Юстинианом и другими благочестивыми императорами. Когда христианство восторжествовало, языческие жрецы, весьма естественно, не могли уже оставаться при своих прежних преимуществах, но сверх того у всех язычников отнят доступ к высшим почётным и придворным должностям, как таким, которые увеличивали бы их влияние на народ, – повелено было сокрушать идолов, капища разрушать, или превращать в христианские храмы, или заперать,

воспрещая вход в оные, под опасением тяжкой пени, жертвоприношения и вообще обряды языческие были строжайше запрещены, и возобновителям языческого богослужения угрожало наказание. Строгость этих мер была вызвана ясным сознанием, что без неё невозможно было бы избавить верных от постоянного соблазна. Потому, блаженный Августин, упоминая о законах, имевших целью искоренить языческие обряды, говорит: «конечно, между нами нет никого, кто бы не одобрял этих законов». И в отношении к еретикам императоры помнили, что «мать должна миловать свои чада и защищать их, и что она была бы немилостива и жестока, если бы, охраняя волков, погубила овец». В выборе же средств для охранения верных от ересей благочестивые императоры соображались с обстоятельствами, употребляли благоразумные, но твёрдые меры к убеждению заблудших, а в случае сопротивления и буйства, простирали строгость не на всех, а только на главных лжеучителей и вообще не предпринимали того, что не принесло бы пользы, а только бы больше ожесточало противников. Смертной казни подвергались еретики только в том случае, когда они доходили до ожесточённого сопротивления властям или до преступлений против самой Природы. Вообще же благочестивые императоры помнили изречение св. отцов, что еретика должно не убивать, а исправлять. Главные законы, изданные императорами для сохранения православия и обуздания еретиков, заключались в следующем. Сборища еретические были строжайше запрещены и нарушающие это запрещение подвергались изгнанию или пене. Запрещено было еретикам строить церкви; а те дома, в которых они собирались, были конфискуемы. Запрещено было еретикам посвящать кого-либо в епископы, священники и диаконы. С особенной строгостью поступало с теми, кто совращал других. Лжесвященники подвергались тяжкой пене, изгнанию или ссылке. Особенными законами охранялись те христиане, у которых между родственниками были еретики. Еретики не имели права ни передавать другим свои имения по завещанию, ни принимать завещанное. Приверженцы некоторых сект (напр. манилеи) и в некоторых случаях все еретики подвергались изгнанию или пене.

Только один император под предлогом, что вера не терпит принуждения, отменил все законы против еретиков, возвратил ссыльных и сравнил в правах с православными. То был Юлиан отступник. За исключением его, все императоры сознавали пользу и необходимость законов, охраняющих правоверие и правоверных. Понимая же, что законы должны быть не только издаваемы, но также и исполняемы, и видя вред и опасность от незаконного и своекорыстного снисхождения некоторых правителей к еретикам, императоры определили тяжкую пеню и лишение должности для правителей и судей за отступление их от сих законов; сами же в своём лице являли пример ревности по православию. Законами запрещено было еретикам обращаться к ним лично и утруждать их прошениями. Вместе с тем императоры охраняли чистоту общественных нравов, воспрещая зрелища в праздничные дни, и т. п., сознавая, впрочем, что содействие правительства есть хотя и необходимое, существенное, но не единственное условие утверждения веры. Тогда как государи старались разными законами приводить отторгшихся к единению с церковью, пастыри церкви не переставали увещевать и поучать заблудших.

«Если бы еретики, говорит блаженный Августин в письме к Викентию, были только устрашаемы государственными законами, но при этом не были бы и поучаемы, то это могло бы казаться несправедливостью и насилием. А если бы они только были поучаемы, но с тем вместе не были устрашаемы законом, то из них ожесточённые закоснелостью привычки слабо побуждались бы вступить на путь спасения. Но к полезному страху присоединяется спасительное наставление, так что не только свет истины изгоняет мрак заблуждения, но также и оковы дурной привычки разрываются силой страха. Я сам прежде был того мнения, что не должно употреблять никаких внешних побуждений к единению с церковью и что надобно действовать только словом, сражаться одними рассуждениями, побеждать доказательствами, чтобы не иметь нам ложных православных в тех самых людях, которые прежде были открытыми еретиками. Но это моё мнение было оспорено не словами, а фактами. Многие, убеждённые очевидной истиной, давно хотели быть

православными, но боясь своих, ежедневно откладывали своё обращение. Многих удерживала сила привычки или нерадение. Многие думали, что нет различия, принадлежит ли кто к числу православных или нет, и оставались в ереси потому только, что в ней родились и что никто не побуждал их перейти к православию. Всех этих возвратили в лоно церкви законы (против еретиков изданные), и кого безопасность делала нерадивыми, тех обратила попечительность о них церкви и правительства, и теперь они же торжествуют обращение своё как самый светлый праздник. И так, да служат цари земные Христу, подавая также законы в пользу учения Христа». «Лучше», говорит тот же учитель церкви в другом письме: «лучше, конечно, (кто же сомневается?) одним поучением приводить людей к истинному благочестию, и не побуждать их страхом наказания. Но оттого, что одни из людей лучше, не должно оставлять без попечения тех, которые хуже». «Опытом дознано, что многим было полезно сперва быть понужденными страхом, чтобы после они могли или научиться, или на деле исполнить то, чему учились на словах. Конечно, те лучше, которыми управляет любовь, но тех больше, которых исправляет страх. Не всякий, кто нас щадит, нам друг, и не всякий, кто нас не щадит, нам враг. Кто может любить нас более, как не Бог? Однако и он не перестаёт не только нежно поучать нас, но также и спасительно устрашать. Иногда тать, посыпая корм, отманивает от стада, а иногда пастух, ударяя бичом, пригоняет к стаду блуждающих овец. Если бы кто, видя врага своего в горячке и беспамятстве бегущего к пропасти, не схватил и не связал, а позволил бы ему бежать, то не воздал ли бы ему злом за зло? Сколько еретиков, по обращении своём, проклинали свою прежнюю жизнь и жалкие заблуждения, тогда как к сему спасительному сознанию приведены были строгими законами? Некоторым эти законы не послужили в пользу, но разве должно бросать лекарство от того, что безумие некоторых неисцелимо. Те, которые не хотят видеть законов против их нечестия, говорят, что апостолы не просили помощи у земных царей. Кто так говорит, тот забывает, что тогда было иное время, а что всё должно делаться в своё время. Ибо какой император тогда уверовал во Христа и хотел бы служить

ему изданием законов в пользу благочестия против нечестия? Тогда исполнялось ещё пророческое изречение: «вскую шаташася языцы, и людие поучишася тщетным. Предсташа царие земстии и князи собраться вкупе на Господа и на Христа Его». (Пс.2:1–2). Тогда ещё не приводилось в действие то, о чём говорится в том же псалме немного ниже: «и ныне царие разумеите, накажитесь вси судящии земли. Работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом». Каким же образом цари служат Богу со страхом, если не воспрещая и наказывая с благочестивой строгостью то, что противно заповедям Господним? Ибо иначе служит царь Богу, как человек, и иначе, как царь. Как человек, он служит Богу, живя по-христиански; но, поскольку он также царь, он служит Богу, издавая законы, повелевающие то, что праведно, а противное сему воспрещая с приличной строгостью. Так Господу служил Езекия (4Цар.18:4), который разрушил дубравы и капища языческие. Так служат Господу цари, поколику они цари, когда делают во славу Божию то, что могут делать только цари. Никто из здравомыслящих не дерзнёт сказать царям, что им нет нужды до того, каковы их подданные, целомудренны или развратны; и кто, кроме безумного, может сказать им: не заботьтесь, в каком бы состоянии ни находилась церковь Господня в государстве вашем, пользуется ли она миром или терпит бедствия от врагов своих; благочестие и нечестие подданных ваших не подлежит вашему смотрению? Пастыри церковные просят помощи у христианских императоров, не мстя за себя, но охраняя вверенные им паствы. Если бы они этого не делали, следовало бы порицать их за нерадение. Ибо и апостол Павел не о своей жизни заботился, но о церкви Божией, когда, узнав о составленном против него заговоре, прибегнул к помощи тысящника». Опираясь на все сии доводы бл. Августин говорит: «укрощать и исправлять еретиков посредством установленных от Бога властей мне кажется не бесполезным. И так как говорит: «несть власть, аще не от Бога», то, без сомнения, когда цари оказывают церкви помощь, помощь сия нам о имени Господа, сотворившего небо и землю». Кроме бл. Августина, можно бы привести ещё свидетельства св. Иоанна Златоустого,

советовавшего «разорять сборища еретиков, и свидетельства многих других св. отцов».

Обратимся к правилам вселенских и поместных соборов. Святыми отцами карфагенского собора (правила которого утверждены VI и VII вселенскими соборами) заблагорассуждено просить царей об искоренении остатков идолопоклонства, об истреблении идолов, разрушении капищ; воспрещении языческих пиршеств и вообще обо всём, что усмотрят полезным против еретиков и еллинов и против суеверий их (пр. 69, 71, 95, 120), также признано приличным просить начальников областей о вспомоществовании общей матери, кафолической церкви, против еретиков (пр. 78). Того же карфагенского собора 59 правилом и VI вселенского 23 правилом, антиохийского 5 и 11, константинопольского 9 правилом постановлено: «нарушающих церковное устройство удалять и неволею из царствующего града; производящих в церкви возмущения и крамолы и не хотящих покоряться кроткому увещанию церковных пастырей обращать, как мятежников к порядку светской властью». Сто четвёртым правилом карфагенского собора было постановлено просить благочестивых царей, Аркадия и Гонория, чтобы восстановлен был закон Феодосия Великого о взыскании по 10 фунтов золота с еретиков, рукополагающих и рукополагаемых, а также и о запрещении еретикам передавать или получать что-либо по завещанию. «Царскому человеколюбию (сказано при этом) подлежит пещися, чтобы кафолическая церковь, родившая их Христу и крепостью веры воспитавшая, была ограждена их промышлением. Против неистовства отщепенцев просим дать нам божественную помощь, но необычную и нечуждую святым писаниям. Ибо апостол Павел, как показано в истинных Деяниях Апостольских, соумышление людей бесчинных препобедил воинской помощью». Вся церковная история полна примерами того, что святители побуждали императоров к действию в пользу церкви»⁵⁵. Наконец, охранительные по отношению к православной церкви меры дадут возможность государству избежать целый ряд неудобно-разрешимых вопросов и затруднений, которые неизбежно должны родиться, если оно, оставив политику ограничения и стеснения по отношению к

расколу и его сектам, решится официально признать его особым вероисповеданием, несмотря на его зловерный во многих отношениях характер. Решившись признать раскол, правительство прежде всего должно стать, по замечанию м. Филарета, в сильное недоумение перед вопросом: все ли раскольнические секты, которым несть числа, должны получить свободу вероисповедания, или только некоторые из них? а если так, то какие? Признать все секты правительство не может и не решится, в виду очевидного и сильного антигосударственного направления некоторых из них, не говоря об антицерковном, а признав лишь немногие секты, оно не только не решит затруднительного вопроса, но и даст прямой повод к волнениям среди самих раскольников, которые, увидя пример, все без исключения с настойчивостью и даже дерзостью станут домогаться свободы. «Придут пред правительство раскольники белокриницкого отделения, и скажут: признайте наших архиереев и поставляемых ими священников. За сим придут раскольники новорусские и скажут: мы отказались от белокриницких архиереев; думаем, что и правительству они не угодны: признайте нашего Антония, архиепископа Владимирского, около десяти других существующих и многих имеющих быть архиереев и поставляемых ими священников. Далее придут старые поповцы и скажут: мы понимаем, что австрийские, и ими поставленные архиереи и священники незаконны; и потому желаем иметь по-старому русских беглых священников законными. Потом явятся беспоповцы разных толков, и скажут: признайте наших большаков, нынешних и завтрашних, так как мы, может быть, завтра нынешних сменим и поставим других. За сим могут прийти и бегуны и сказать: признайте и наших начальников, беглых крестьян и беглых солдат. Когда прославится такая свобода расколов и сект, не решатся ли прийти скопцы и хлысты и сказать: признайте и нашего начальника, которого мы называем Христом и его помощницу, которую называем Богородицей. Трудно найти конец этому ряду сект, требующих себе прав. А что будет в селениях? Придут в селение лже-священник австрийский, лже-священник русский, беглый русский священник, большак беспоповщинский и

безнаказанно будут расхищать и разделять одно селение на несколько приходов разных вер. Одному законному пастырю трудно будет превозмочь многих волков. А их будет очень много. Без меры умножатся, как уже размножаются, лжеархиереи австрийские и русские и без меры будут превращать крестьян и мещан в лже-священники. Где тогда будет церковное единение россиян? А такая большая утрата единения церковного может ли быть безвредна для единодушия народного в государстве»⁵⁶.

Не имея возможности дать свободу вероисповедания всем раскольническим сектам без явного и большого ущерба для народного единства, правительство не может дать этой свободы и сектам наименее вредным в церковном и государственном отношении, напр. секте поповщинской. Ибо в этом случае опять возникли бы трудно разрешимые недоумения и прежде всего в виду раздробления самого поповщинского раскола. «В настоящее время в его лже-иерархии находятся в брожении три стихии: 1) лже-иерархия русская, примыкающая к такой же австрийской, 2) русская, отделяющаяся от сей, 3) беглое священство русского православного рукоположения. При появлении в московской епархии австрийского лже-священства, сперва немногие принимали его, а лучшая и большая часть раскольников отвергали, как незаконное. По времени, его влияние распространилось особенно в селениях, по недостатку лучшего. Теперь, когда открылось провозглашение русской лже-иерархии, независимой от австрийской, некоторые продолжают держаться австро-русского лже-священства, некоторые уже отвергают его и принимают чисто русское; а где можно, оставляют и то и другое и обращаются к беглому священнику русского православного рукоположения. Итак, неужели признать три раскольнические иерархии и, если позволительно так выразиться, три церкви раскольнические? Если и отвергнуть стирию австро-русскую: останутся ещё лже-иерархия русская и беглое от православной церкви священство. Можно ли цехового Андрея Шутова официально признать Антонием, Владимирским архиепископом? Можно ли образовать иерархию из беглых священников? Возможно ли сие со стороны как правительства, так и со стороны самих раскольников, по понятию которых для

полной иерархии необходимы епископы? Неужели найдётся средство создать ещё беглых епископов»⁵⁷? Но приведёнными затруднениями далеко не прекращается ряд их. Наиболее важное затруднение состоит в том неопределённом положении, в какое с признанием раскольнических лже-иерархий должна будет стать главная опора государственного единства и силы – православная церковь. Ни «Кирилла, который в противность первому апостольскому правилу рукоположен одним епископом, и при том, не имевшим права рукополагать, православная церковь не может признать истинным епископом»⁵⁸, ни рукоположенных им священников. «Из сего следует, что если бы когда-либо гражданское начальство в сношении с духовным православным упомянуло бы об Антонии, архиепископе Владимирском, духовное начальство обязано было бы отвечать, что оно не знает архиепископа Антония, а знает только цехового Андрея Шутова»⁵⁹. Равным образом, «если бы гражданское начальство решилось смотреть на беглых священников, как на законных у раскольников, духовное начальство, тем не менее, обязано было бы, по правилам церковным, признавать их запрещёнными в священнослужении и подлежащими лишению сана, и тогда оказалось бы, что государство доставляет безнаказанность виновным перед православной церковью и поощряет дезертирство из церковной службы. Как же можно было бы выйти из таких противоречий? Принуждать ли православную иерархию признавать то, что противно церковным правилам и её совести? Но это значило бы нарушать государственный в России закон, предоставляющий свободу даже нехристианским вероисповеданиям, и православная иерархия была бы обязана лучше пострадать, нежели подчиниться такому принуждению, по слову апостольскому: и повиноваться подобает Богови, паче нежели человеку» (Деян.5:29)⁶⁰. Таким образом признание хотя бы и одного поповщинского раскола необходимо должно ещё повести к нарушению того единения и согласия, которые в настоящее время существуют между православной церковью и государством и до сих пор не были нарушаемы никакими взаимно-противоречащими воззрениями, – к разрушению искони

существующей в России гармонии между ними, которой нет у других народов христианских, и которой Россия только и может быть сильна, – следовательно, к такому разрушению, последствия которого трудно и взвесить⁶¹. Наконец, вместе с указанными весьма важными затруднениями церковно каноническими и государственными, официальное признание раскольнических лже-иерархий должно возбудить немало недоумений административно-практических, хотя и не особенно важных, однако не легко разрешимых. Если «в одном городе будут две кафедры, два архиерея: православный последнего рода может быть и не один; два епархиальных управления, в одном селении два прихода: православный и экс-православный, в одном селе или деревне один двор православной епархии, другой экс-православной, – сколько случаев к столкновениям и запутанностям? Где будут пределы епархий и приходов? Теперь лже-епископы и лже-священники, из мещан и крестьян, числятся в сих званиях, и ходят с паспортами сих званий: останутся ли они и тогда в сих званиях, или будут выделены, и при том однолично, или с семействами и потомством, и тогда, как жалуются на многочисленность православного духовенства, создастся новое, многочисленное духовенство экс-православное, особенно если оно получит и диаконов, и причётников? Будут ли экс-епископы православные иметь консистории и на каком содержании? Или будут оставлены с нынешним управлением, произвольным, неограниченным законами и правильными формами, чтобы бесконтрольное своеволие удобнее прельщало и привлекало к ним православных? Из каких источников, и в каких размерах, будут иметь содержание экс-православные епископы и священники»⁶² и проч. Решение всех сих вопросов с признанием поповщинского раскола необходимо для устранения многочисленных поводов к столкновениям и запутанностям; но легко ли это сделать?

Г. Добротин

(Продолжение следует).

Из миссионерских дневников и записок //
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 99–121

**Скворцов В. Памяти в Бозе почившего
первосвятителя русской православной церкви,
Высокопреосвященного Иоанникия, митрополита
Киевского. С. 99–111**

Православно-русская церковь осиротела, понесши трудно вознаградимую утрату, в лице в Бозе почившего митрополита Киевского Иоанникия, первенствующего члена Святейшего Синода.

Вся читающая православная Россия подробно осведомлена из периодической светской и духовной печати о блаженной кончине (последовавшей 7 июня в 1 ч. 12 м. дня) и о величественном погребении (11 июня) приснопамятного иерарха, а равно и снабжена по сему печальному случаю достаточными сведениями о жизни и служебной деятельности новопреставленного раба Божия, Высокопреосвященного митрополита Иоанникия. А потому мы не станем повторять этих сведений на страницах нашего журнала. Излишним также считаем характеризовать теперь, – у свежей могилы знаменитого иерарха, – его полувековую многоплодную церковно-общественную деятельность, так как, по мере наших сил и разумения, мы с усердием и любовью сделали это на страницах „Мис. Обозрения“ ещё так недавно, – ко дню полувекового юбилея Высокопреосвященного Иоанникия, торжественно отпразднованного 7 ноября истекшего 1899 г.⁶³).

В настоящей нашей поминке, внушённой чувством сыновней скорби о почившем иерархе и долгом журнального летописца, мы, под живым впечатлением тяжёлой утраты желали бы отметить несколько отрывочных подробностей, как из последних дней, так и вообще из жизни приснопамятного Первосвятителя Русской церкви, имеющих интерес и значение тех мелких, трудноуловимых тонов и штрихов, какие могут быть однако ценны и для общей картины истории жизнедеятельности почившего архипастыря, для понимания и объяснения характера и деяний этого бесспорно исторического деятеля. А в Бозе почившему митрополиту Иоанникию, как типичнейшему

представителю русской церковной иерархии конца нашего века, – церковная история должна отвести почётное место, на ряду с теми незабвенными именами, которые составляют славу и украшение российской церкви.

* * *

Высокопреосвященного Иоанникия искони все знали и считали, как человека *крепкого* здоровья, ибо он всегда был бодр, быстр, неутомимо деятелен, не любил возни с врачами и врачеванием, а между тем в детстве и юношестве организм почившего Владыки, по его собственному признанию, был хилым и слабым: в киевскую духовную академию будущего иерарха по слабости здоровья не хотели принять и только, благодаря блестяще сданному приёмному экзамену, после двукратного медицинского освидетельствования едва решились зачислить Ивана Руднева в число казённокоштных студентов академии, с большим опасением за то, хватит ли у него сил на прохождение академического курса. Худеньким, бледным и как бы немощным помнят почившего и в начале его церковно-общественной жизнедеятельности его ученики по Киевской академии и семинарии. Владыка закалил свой организм строгим воздержанием, простотой жизни и иноческим аскетизмом: и действительно, почивший иерарх никогда не тратил времени и дум на заботы о том, что завтра должно быть на обеде, кого надо принять или гостеприимно угостить... Он непреклонным остался до конца своей жизни, – не смотря на тяжкие недуги и крайнюю слабость своих сил в последние годы болезни и на советы врачей, – относительно употребления исключительно постной, строго-иноческой пищи... Постничество и молитвенное бдение до последнего издыхания остались неизменными спутниками в Бозе почившего *иерарха-аскета*. „Ноги дрожат от слабости и подкашиваются, а наш высокопреосвященный пациент никак не хочет согласиться, чтобы отложить или ослабить молитвенный подвиг против положенного уставом правила“, – передают его врачи. Больших усилий стоило уговорить архипастыря посетить осенью прошлого года южный берег Крыма для поправления своего здоровья, где силы больного значительно окрепли. Быстрый, скорый всегда на ноги,

в последние два года владыка почувствовал слабость в ногах, которая быстро развивалась и выражалась, между прочим, в *болезни пространства*. Владыка чувствовал страх при сходе с высокой лестницы, – а в последнее время опасался один стоять на архиерейской кафедре, и потому священнодействовал всегда с кем-либо из викарных архиереев. Тем не менее запаса слабых сил физических, при той бодрости и мощи духа, какими владел почивший, – свидетельствуют врачи, – хватило бы и ещё не на один год, если бы не приключилась простуда, осложнившаяся инфлюэнцией и воспалением лёгких. Во всяком случае такой скорой и быстрой развязки с земной жизнью ни сам почивший, ни окружающие его никак не ожидали.

* * *

Владыка преисполнен был многих благих и важных как общецерковных, так и епархиальных предначертаний и предприятий: так его не покидали ни на минуту самые искренние заботы, коими он жил несколько последних лет, о преобразовании духовно-учебных заведений; предносился и зрел в его душе вопрос о децентрализации высшего духовного управления, через преобразование и расширение сферы деятельности Синодальных контор и учреждение новых, как, напр., в Киеве, о скорейшем приведении в исполнение Высочайше утверждённого мнения Св. Синода об усилении пенсии духовенству, об осуществлении разрабатывающегося в хозяйственном управлении Св. Синода проекта общества взаимного страхования церквей и церковных причтовых построек и др. По Киевскому *епархиальному* управлению – озабочен был иерарх вопросом о лучшем обеспечении причтов всех приходов, заражённых штундой: как известно, в конце истекшего года высокопреосвященный Иоанникий исходатайствовал для 30 таких приходов усиленное жалование, в размере 600 руб. для священников и 200 руб. для псаломщиков. Окончание обновления стенной живописи лавры также составляло предмет особых забот почившего архипастыря. В самое последнее время Владыка решил произвести постройку нового храма в Голосеевской пустыни на свои личные средства; он дал

благословение на начало работ как раз накануне дня своей болезни, сведшей его в могилу.

В августе месяце, по совету врачей, Владыка снова собирался в Крым. Нежданностью столь скорой кончины может объясняться и отсутствие письменного духовного завещания и вообще подробных распоряжений на случай смерти, между тем архипастырь всегда глубоко возмущался тем положением дел, как непристойно после смерти архиереев родственники „метаху жребий об одежде“ скончавшихся...

Впрочем, как оказалось, почившему архипастырю собственно и нечего было завещать: после смерти его осталось наличными только около 300 руб. Отличаясь совершенною иестязательностью и широкой благотворительностью, Владыка все получаемые им средства немедленно же жертвовал или на устройство епархиальных учреждений, им основываемых, или на благоуукрашение храмов, или на явную и тайную благотворительность нуждающимся и просящим. Во всех епархиях, последовательно им управляемых, Владыка основывал епархиальные училища, семинарские общежития, эмирительные кассы для духовенства и свечные заводы, при этом краеугольным камнем во всех этих учреждениях лежат пожертвованные самим Владыкой значительные средства. Так, в основанные им Киевские учреждения епархиальные вложено собственных средств несколько сот тысяч, в том числе на постройку Киевского подворья в Петербурге и нового при нём храма, почивший архипастырь пожертвовал около 80 т. из личных средств, на духовную семинарию более 150 т., на свечной завод – 20 т., на основание фонда пожарного капитала – 10 т., на учреждение богадельни для лиц духовного звания в память 50-летнего юбилея своей иерархической деятельности – 50 т. р. и проч.

* * *

Почивший иерарх имел обыкновение говорить о себе, как проповеднике и собеседнике, что он *недоброречив*. Относительно проповедничества этот приговор скорее можно бы назвать *самоуничижением*, ибо проповеди высокопреосвященнейшего Иоанникия отличаются редкими

достоинствами и не редко возвышаются до истинного красноречия. Правда, почивший *не часто* проповедовал, но всё, что он когда-либо и где-либо говорил с церковной ли кафедры, в собраниях-ли, или даже в застольных речах, — он всегда предварительно строго обдумывал и записывал свою речь или слово, хотя произносил всегда наизусть, что не составляло, по-видимому, для него особого труда, благодаря огромной памяти. Такое строгое отношение к своему публичному слову давало речам и проповедям высокопреосвященного Иоанникия необычайную ясность, логическую стройность, глубину мысли и силу убедительности. Но как собеседник, почивший архипастырь, действительно не был „доброречив“, и предпочитал *молчание многоглаголанию*: с посетителями Владыка был, обыкновенно, *краток*, с просителями сух и решителен в ответах на просьбы, в обществе как-то *застенчив* в выборе предметов для беседы и вообще *необщителен и замкнут*. Строгая величаявая внешность и суровый резкий взгляд внушали подчинённым и просителям благоговейный страх и робость и далеко не вызывали на прямоту и откровенность в объяснениях с архипастырем, между тем как на самом деле, в душе это был не обыкновенно *добрый, простой, отзывчивый человек, который не терпел угодничества и любил одну только правду*. По образному меткому выражению одного из деятельных сотрудников почившего иерарха по нижегородской епархии (маститого о. протоиерея Виноградова), характер высокопреосвященного Иоанникия подобен закрытому в твёрдую оболочку ореху, раскусить который требуется немало усилий и тогда только познаем всю сладость, всю пленительную доброту скрытого за этой скорлупкой... И, действительно, во всех местах служения почившего иерарха, на первых порах, пока не привыкали к его сухой, суровой манере обхождения с окружающими, не проникали во внутренние мотивы его дел и стремлений, Владыка казался тяжёлым администратором, но потом везде и все глубоко и искренно ценили высокие качества души и сердца иерарха.

* * *

Молчание владыка Иоанникий любил при жизни. Молчальником Бог судил почившему иерарху провести и последние дни своего земного бытия. Ещё в субботу, 3 июня вечером Владыка митрополит слушал чтение какой-то новой книги об отечественной войне, а с воскресенья, когда температура быстро повысилась и болезнь сразу приняла угрожающий характер и до конца жизни (среда. 7 июня) архипастырь не проронил к окружающим ни одного слова, хотя сознание, видимо, сохранял и знаками явно выражал свои желания; – при приобщении Св. Таин и соборовании он свои ослабевшие руки подвигал на молитву: Владыка видимо жил внутренней, сосредоточенной, неземной жизнью бессмертного духа.

Таинственный переход от жизни к смерти совершился тихо без всякой болезненной агонии: Владыка во истину в Бозе опочил!

Знаменательно, что высокопреосвященный Иоанникий скончался в седьмое число, в седьмое же и происходило назад тому слишком 50-лет его погребение для жизни мирской, т. е. пострижение в иночество (7 ноября); погребён святитель киевский накануне дня своей хиротонии... Как сама смерть, так и гроб с бренными останками почившего иерарха на всех окрест стоящих производили в душе какое-то особое *мирное* впечатление и уверение, что в смерти этой сама жизнь *вечная!*..

Около этого гроба не чувствовалось трепета, всякому хотелось стоять ближе к нему, молиться как можно дольше, чаще лобзать эти дорогие мертвенные останки, так чудно противостоявшие, вопреки всем стихиям, закону тления... Как известно, Владыка скончался в Голосеевской пустыни, – вёрст за 10 от Киева (это второй случай в многовековой истории этой обители смерти здесь митрополитов), – в жаркую пору – тело почившего пролежало более суток в тесной церковочке при дачных покоех митрополичьего помещения, которое беспрерывно до нестерпимой тесноты и жары было переполнено желавшими поклониться праху святителя Божия, – утром 8 июня здесь же была совершена литургия, а 8 июня вечером останки были перенесены в тесненькую же церковь Голосеевской

обители, где 9 июня утром была архиерейским служением совершена литургия, при массе молящихся, а затем уже с 10 ч. утра до 3 ч. дня процессия с останками почившего медленно передвигалась по лесам, долам по предместью и стогнам града Киева, направляясь в лавру, – к месту вечного упокоения останков почившего иерарха. Беспрерывные служения, при многих тысячах молящихся, совершались и у гроба почившего до самого предания тела земле. И однако останки почившего не дали ни вида, ни смрада тления, какого должно бы ожидать при таких условиях и невольно у гроба святителя Божия приходили на мысль слова апостола: „смерть, где ти жало“! Такова милость Божия для тела, не изнеженного сладостями мира сего, покорённого духу!

После кончины высокопреосвященного митрополита трогательную картину представлял собой обряд торжественного облачения мёртвых останков иерарха в архиерейские одежды, при торжественном пении обычных песнопений: когда же протодиакон провозгласил: „так да просветится свет ваш перед человеки“, – певчие запели „вечная память“! Тогда впервые скатились слёзы скорби, почувствовалась тяжкая утрата!

В величественно-трогательной церковной церемонии погребения, совершённого сонмом иерархов и священнослужителей, – простой кипарисовый гроб с останками почившего святителя *и отсутствие при нём орденов* невольно возводило мысль к воспоминаниям об известном всем смирении первосвятителя русской церкви и о его чисто иноческом равнодушии к почестям земного звания: покойный никогда не искал ни наград, ни повышений и все их получил только благодаря своим заслугам. Весьма осторожен, далеко не расточителен он был и сам на награды и поощрения подведомых ему священнослужителей: строгая справедливость и постепенность в награждениях соблюдались свято. Рассмотрение наград поручалось совету викарных епископов в Киеве. Инициатором и поборником почивший иерарх был того Высочайше утверждённого в 1886 г. определения Св. Синода, коим воспрещалось архиереям и всем священнослужителям возложение на себя орденов в храме при отправлении

богослужения. „Хочешь сосредоточиться в молитве, а иподиаконы в самый священный момент тормозят вас, расправляя запутавшиеся ордена, а сослужащие священнослужители в свою очередь то и дело поправляются и охарашиваются на свои знаки отличия и ленты, – к чему нам эта суетность“, – говаривал Владыка. По его же благой мысли перенесён прежний срок награждения духовных лиц с пасхи на май, – день рождения Государя Императора, дабы охранить в сердцах служителей алтаря радость праздника Пасхи от суетных чувств любочестия.

* * *

В административной своей деятельности почивший руководился столь твёрдыми, раз навсегда усвоенными принципами, которым никогда не изменял. Таковым, напр., был принцип – никогда виновным и подсудным *не отягощать в своих резолюциях наказания, положенного консисторией*. Владыка говорил, что этот завет ему, дан иерархом, хиротонисавшим его и он ему остался верен до конца жизни. При замещении вакантных должностей, почивший прежде всего держался преимуществ образования, а затем старшинства, исключения делались только в пользу сиротствующих семейств которым почивший был истинный отец.

Главной же руководящей чертой в епархиальном управлении была высочайшая неподкупная *справедливость*. Дабы не изменить хотя бы и невольно правде и справедливости, Владыка старался охранять себя от всяких сторонних влияний и был всегда независим в своих действиях и решениях, никого не слушал и не сослушался, кроме одного голоса своей чистой совести. Остерегаясь влияния, Владыка уклонялся от личных объяснений и живого обмена мнений по делам службы с подчинёнными и просителями, а потому иногда, может быть, слишком много верил бумаге, был законником, хотя и не был сухим формалистом.

Вместе с независимым „непоступным“ и целостным характером, почивший иерарх отличался редким в наше время дряблого оппортунизма *церковно-гражданским мужеством*, делавшим его безбоязненным стражем и твёрдым поборником

правды Божией и интересов церкви, – в духе древних святителей. Всем известно, как в Москве мужественно вступил приснопамятный иерарх на защиту интересов церкви, став в борьбу с самим всесильным тогда московским генерал-губернатором князем Долгоруким. Московский прецедент создал предубеждение о высокопреосвященном Иоаннии, как об архиерее, будто бы неуживчивом с администрацией, не терпящем вмешательства светской власти в дела церкви... Между тем киевский период его архипасторства самым решительным образом опровергает это недоразумение. У почившего владыки и киевского генерал-губернатора гр. А. П. Игнатьева существовало самое живое взаимодействие в столь сложном и щепетильном деле, как борьба с штундой и по вопросу об улучшении церковно-просветительных условий жизни приходов, и за 8 лет не было ни одного случая каких-либо недоразумений или столкновений. В годовых отчётах Св. Синоду о состоянии штунды в епархии и в своих Всеподданнейших отзывах на Высочайших аудиенциях, – как мы лично слышали от почившего, высокопреосвященный неоднократно заявлял, что успехом своим киевская миссия обязана деятельному содействию и живому сочувствию интересам церкви начальника края, который был избран, не без его, митрополита, инициативы киевской академией в почётные члены, что составляет исключительное явление в летописях наших академий. С гр. А. П. Игнатьевым у владыки установились и сохранились до конца жизни самые тёплые сердечные отношения.

Во свидетельство о мужестве духа почившего иерарха долгом считаем поведать о следующем известном и со слов владыки и отчасти по непосредственному наблюдению знаменательном эпизоде. В 1896 г., как известно, осчастливил Киев своим посещением благополучно царствующий ныне возлюбленный Монарх наш с молодой Царицей, впервые посетивший тогда мать городов Русских. Предполагалось, что Их Величества пробудут в Киеве три дня. Маршрут следования Их Величеств, распределение времени и указание мест, кои Их Величества соизволят посетить во время пребывания в Киеве, – составлялся особой комиссией и потом рассматривался и

одабривался в Министерстве Двора. Мнения духовных лиц, конечно, не спрашивали.

Посещение Их Величествами лавры, для поклонения её святыням, отнесено было в расписании на *третий* день, – едва ли не перед самым отъездом на вокзал, – встреча же назначена была в Софийском кафедральном соборе.

Митрополиту об этом сообщено было слишком поздно – за день или за два до приезда Государя. Высокопреосвященный возразил по поводу такого расписания, указывая, что все Монархи, посещавшие Киев, первее всего творили поклонение „вековым святыням лавры“, а что скажет ныне народ, – говорил владыка. Местные власти признавали свой недосмотр, но говорили, что поправить теперь это дело уже поздно, – Государь и двор в пути... Владыку, однако, это не успокоило. Накануне приезда Их Высочеств, архипастырь испросил аудиенцию у прибывших в этот день Великих Князей Михаила Николаевича и Владимира Александровича, которым и изложил свои думы, по поводу посещения Их Величествами лавры. Это было около 3–4 часов дня 18 августа, а Государь приезжал 19-го в 10 часов утра... В 11 часов ночи получена была от министра Двора с пути следования Их Величеств, телеграмма на имя начальника края с извещением, что Их Величества изволили выразить желание посетить сейчас же после встречи в Софийском соборе и лавру, причём воля благочестивого Царя и Царицы была также и проследовать пешком в пещеры на поклонение нетленно-почивающим в них Киево-печерским угодникам Божиим. Мы тогда были первым вестником этой счастливой вести. Помним, как озабоченное суровое чело маститого иерарха озарилось торжествующею радостью, как братией овладела тревога и беспокойство. Не ожидали иноки Царя и Царицу так скоро, и не знали, что Благочестивейший Государь и молодая Государыня возьмут на себя нелёгкий подвиг паломничества в пещеры, куда путь так труден и совсем не подготовлен для шествия Высочайших паломников. Всю ночь воодушевлённая радостью лаврская братия трудилась, готовясь к достодолжной встрече обожаемого Царя и Царицы. Работа кипела: успели и зеленью убрать св. врата и храм великой церкви, тогда бывший

уже в лесах, по случаю начавшегося ремонта, и перестлать каменные мостовые, подчистить дорожки и посыпать песком весь путь к пещерам – около двух вёрст...

Тысячи самовидцев из православного народа, вся Русь святая взирали с душевным умилением и святой радостью на благочестивое паломничество Царя и Царицы, осчастлививших Своим посещением не только Киево-Печерскую лавру, но и её пещеры, сейчас же по прибытии в древне-православный Киев. Известно было, что при первом поклонении своём вековым дорогим Киево-печерским святыням православия, молодая Царица получила неизгладимо-глубокие религиозные впечатления. Её Величеству давал объяснения о житии нетленно-почивающих угодников Божиих сам владыка митрополит.

В начале 90-х годов агитаторы штунды юго-западного края вошли в сношения с заграничными единоверцами своими и столичными пашковцами и толстовцами; чтобы разжалобить своих заграничных и русских покровителей, бессовестные смутьяны сочиняли всевозможные жалобные инсинуации о том, что будто бы русский православный народ и сельская полиция неистово истязают сектантов, вбивая гвозди в пятки, насиluent женщин, штундовых же проповедников томят в тюрьмах, „где их кормят извёсткой...“ Толстовцы, – Чертков, Бирюков и Трегубов, – разослали мужикам-сектантам вопросные листки для составления „сенсационной истории гонений русских штундистов“. В заграничной прессе появились возмутительные статьи о мнимых гонениях штундистов, так что два квакера из Америки нашли нужным явиться в Россию „для производства расследования и для материальной помощи мнимо угнетаемым сектантам“. Непрошенные покровители штунды успели найти уже доступ в высшие сферы столичные и подали разным, в том числе и Высочайшим, особам петиции в защиту обездоленной штунды. И вот здесь раздалось твёрдое слово мужественного архипастыря, решительно опровергшего злую неправду. Рассказывал нам Владыка, однажды при приёме его одной из Высочайших особ разговор зашёл о положении Киевской штунды, Августейшая особа изволила обратить внимание

митрополита на циркулирующие сведения о нехристианском, будто бы, изуверском отношении православных к штундистам.

Правдивый дух мужественного архипастыря глубоко возмутился за оболганный русский народ: „Я русский человек, сам вышел из народа, среди него вырос и с ним нераздельно, вот уже седьмой десяток лет живу, – с волнением и решительностью заявил владыка, – близко знаю народ и смею уверить, что православный человек не способен на такую жестокость и издевательства над кем бы то ни было, а не только над своими же русскими братьями, – всё это ложь и клевета врагов православия и России“.

В 1892 году евангелический союз и баптистские заграничные общины подняли агитацию в пользу русской штунды в Англии и Америке и прислали за подписью епископов, членов англиканской церкви, профессоров богословия, лордов – всего до 4 т. подписей, – петицию на имя Киевского митрополита Иоанникия, в коей просят, чтобы православный русский архипастырь ходатайствовал перед Императором о даровании штундистам „церковной свободы“ и охранял диссидентов от действия жестоких законов.

Владыка с негодованием отнёсся к этим бестактным проискам штунды: „Что за нелепость“ – говорил он, – „Россия, слава Богу, ещё не Турция, – какое дело иностранцам мешаться в наши домашние дела, – разберёмся и без них“.

Владыка не пожелал отвечать на петицию, хотя в ней заключалась просьба ответить на имя епископа Майнского.

Любя и высоко чтя свою православно-русскую церковь, ценя её духовную и национальную мощь, почивший иерарх не мог равнодушно сносить также и гордого самомнительного тона фанариотов в отношении русской церкви.

Глубоко огорчался правдивый дух неподкупного русского иерарха доходившими до него сведениями о непрекращающихся происках нашего раскола на востоке, которому греческая патриархия должна бы сразу дать решительный отпор.

* * *

Почившего первоиерарха иные считали *узким клерикалом и строгим приверженцем духовной касты*. В этом отношении

владыка был таким же защитником исторических заслуг перед церковью и отечеством и охранителем заветов и интересов своего сословия, как и защитники нашего дворянства. Владыка в духовном сословии справедливо видел и ревниво охранял те исторические церковные традиции, которым оно служит оплотом и которые так милы и дороги православному народу и которые не легко прививаются к клирикам из светских сословий.

Мы не будем говорить здесь о приснопамятных заслугах почившего иерарха *для внутренней миссии*, – повторим лишь уже сказанное ранее, что имя высокопреосвященного Иоанникия в истории нашего св. дела должно быть поставлено сейчас же после Филарета Дроздова. Почивший – первый учредитель миссионерских братств, и живых при них собеседований с отпавшими: в Саратове, Нижнем, Москве; в Киеве им учреждено религиозно-просветительное миссионерское общество и заведены собеседования со штундистами, учреждены уездные миссионерские съезды духовенства; епархиальные миссионеры и духовенство 30 приходов получили усиленное содержание. 11 марта в заседании Св. Синода, под председательством почившего владыки, предпринят высшей церковной властью целый ряд мероприятий, весьма важных и новых к обеспечению успеха миссионерского дела.

Наш орган в значительной мере обязан своим бытием благословию почившего иерарха, которому редакция признательна и за заботы о наиболее широком распространении нового миссионерского издания, с этой, между прочим, целью владыка отдал в распоряжение редакции все свои литературные произведения, сохранившиеся в печати и в рукописях, часть из них („Слова, беседы, речи и назидательные статьи“) изданы уже нами ко дню юбилея первосвятителя русской церкви, остальные, относящиеся к экзегетике и составляющие академические лекции почившего будут печататься в „Приложении к Миссионерскому Обозрению“ будущего 1901 г. „От всего признательного сердца молимся, да упокоит же Всеблагий и Правосудный Господь правдивую душу почившего иерарха-правдолюбца со духи праведными в светлых Своих обителях!“

В. Скворцов

Речь В. К. Саблера. С. 112–114

Товарищ Обер-Прокурора Святейшего Синода В. К. Саблер посетил 12 июня Киевскую духовную семинарию и обратился к воспитанникам со следующими словами:

„Вчера состоялось погребение первоиерарха русской церкви митрополита Иоанникия. Его похоронили в ближних пещерах, недалеко от могилы приснопамятного митрополита Филарета, которого почивший особенно почитал и любил. Тяжела утрата, понесённая отечественной церковью, Киевской паствой, и особенно вами, воспитанниками Киевской семинарии. О вас покойный владыка являл трогательную заботу. Трёхэтажное здание новой семинарии будет в роды родов свидетельствовать о попечении митрополита Иоанникия о благе дорогих его сердцу питомцев Киевской семинарии. Это обстоятельство естественно вызывает желание запечатлеть в вашей памяти величавый облик святителя, более 50 лет трудившегося на ниве Господней. Почивший с детства познал крайнюю бедность и всю горесть сиротства. Пешком он хаживал из родного села в Новосильское духовное училище, а потом в Тульскую семинарию. Пешком ходил на богомолье, и особенно любил вспоминать о паломничестве в Сергиеву лавру, паломничестве, которое он совершил с тощим запасом медных грошей. Рано задумал он принять монашество, и по окончании академического курса удостоился иноческого пострижения в стенах обители, в которой ему суждено было найти место вечного упокоения. Всегда строгий к себе, он в отношениях к людям руководствовался правилами, преподанными апостолом всем христианам, всем воздавал должное. Его чистая душа не знала, что есть угодничество. Никогда не заискивал расположения высших и не гонялся за похвалой толпы. Ему, правдивому, были не по сердцу всякие неискренние отношения к учащимся. Он предпочитал говорить правду и не думал о том, понравится или нет его слово. Он не терпел произвола, неуклонно руководствовался законностью, не выносил лести, не дорожил удобствами жизненной обстановки, отличался полным бескорыстием, не собирал сокровищ на земле. Ему было безразлично, во что

одеться и что есть. Любя красоту службы церковной, он любил благолепие священных одежд и был неустойчив в молитве. К народу относился с трогательной заботливостью. Всем в Москве памятно, как однажды на праздник Рождества Христова, увидав у храма Христа Спасителя толпу народа, которую по недоразумению не впускали в собор он велел отворить двери, и, не взирая на мороз и метель, вошёл в храм вместе с последним богомольцем. Покойный не раз говорил, что он никогда ничего не просил, ничего не искал, и всё получил. Его нередко считали суровым. Его строгий профиль, большие тёмные выразительные глаза, обычно прямо устремлённые на собеседника, давали повод к такому мнению. В действительности же, он был весьма добрый и сердобольный человек, который никогда ничего не любил делать напоказ. Его заветной думой было дать по возможности всем детям служителей Церкви средства получить бесплатное образование в средней духовной школе. „Нам нужно, говаривал он, дать духовным уверенность, что сыновьям их обеспечено пользование благами христианского образования без всякого обременения их скудного достатка непосильными расходами“. По собственному опыту он знал, как неблагоприятно иногда влияет на молодых людей жизнь в наёмных помещениях. Ему были памяты и грязь, и сырость этих дешёвых квартир, и их плохая обстановка. По приезде в Киев, он твёрдо задумал построить общежитие для 500–600 воспитанников, с вместительной церковью и светлыми, хорошо проветриваемыми комнатами. Для постройки семинарии он отводит землю, принадлежащую Киевскому Софийскому митрополичьему дому; жертвует из собственных средств 160,000 руб., собранных им для общежития за время его пребывания в Киеве. Мысль об устройстве для вас хорошего дома не оставляет его до самой смерти. Он хочет всех вас собрать в одну дружную школьную семью, поставленную в правильные воспитательные условия. Духовная семинария, по мысли почившего, всем своим строем должна готовить воспитанников к пастырскому служению, а для этого служения необходимо как усвоение предметов семинарского обучения, так и воспитание в духе строгой православной церковности. Правильно поставленная школа не

должна исключительно развивать один лишь ум воспитанника, а должна оказывать благотворное влияние и на сердце его, должна, обогащая его ум знаниями, сообщать ему твёрдое и хорошее настроение. Такая школа должна вырабатывать характеры людей, делать их устойчивыми в стремлении к добру, твёрдыми в решимости достигать намеченные ими благие цели и самоотверженными в осуществлении дорогих их сердцу идеалов. Для деятельности, к которой вы готовитесь, необходимо закалять ваши характеры разумной школьной дисциплиной. При распушенности, при возможности всякому делать что ему вздумается, немислимо готовиться к тому великому просветительному труду, которому многие из вас желают посвятить себя. Чтобы вести людей к добру, истине и свету, руководителю нужно быть нравственно твёрдым и крепким. Он должен иметь твёрдый характер и крепкую волю. Слушать будут того, кто сам прошёл через школу послушания. Многим из вас распорядок интерната может показаться стеснительным и неприятным, но вы легко поймёте, что без разумного подчинения личной воли общим для всех обязательным нормам – немислим никакой порядок, а порядок есть условие столь же необходимое для всякого благого человеческого начинания, как чистый воздух для дыхания. И почивший святитель Иоанникий, желая подготовить для дорогой ему Киевской епархии пастырей достойных, не жалел средств и забот для того, чтобы хорошо обставить общежитие новой семинарии. Он желал, чтобы из этой семинарии выходили пастыри, самоотверженно преданные своему великому служению, помнящие, что не пасомые существуют для них, а они для паствы, которую должны утвердить в знании истин христианского учения, и правил благочестной жизни.

Таков был почивший архипастырь Киевский. Пропойте же ему, дорогие юноши, вечную память“.

М-в С. Как милостиво судят раскольников и как мало знают о расколе судьи? С. 114–117

В конце истекшего года, Пензенским окружным судом в г. Городищах, разбиралось интересное дело по обвинению лже-попа секты австрийской крестьянина села Уранки, Ивана Иванова Ивашова и уставщика Ивана Подогова в погребении лиц православного исповедания и в публичном оказательстве раскола. Дело представлялось в следующем. Крестьяне села Уранки Иван Зверев и Евфимия Рунова, будучи крещёнными и венчанными в Православии, совратились затем в раскол более 10 лет тому назад и были похоронены Ивашовым по раскольническому обряду. Крест. Григорий Борисов не прерывавший наружного общения с православием почти до самой смерти, хотя и не бывший у исповеди и св. причастия по нерадению около 5 лет, погребён почти по расколу. Тело Руновой при погребении уставщик Подогов провожал по улице с двумя подсвечниками и пением „Святый Боже“. На суд Ивашов явился с распущенными длинными волосами и большущей шляпой в раках (на что в обвинении тоже было указано). Лже-поп имел защитника прис. повер. Козлова. Свидетели по вопросу о погребении показали, что первые двое совратились в раскол более 20 лет, но последний был православным: молился сам с православными и принимал прав. священника, хотя и не был у исповеди и св. причастия, по нерадению, лет шесть до смерти. По вопросу о публичном оказательстве раскола большинство показали, что Рунову несли по улице с 2-мя подсвечниками и пением, и чтением „Святый Боже“. Раскольники старались ослабить это показание тем, что подсвечники эти будто до смерти Руновой хранились у неё, а по смерти её их только в это время переносили в другой дом на место (но почему – именно вместе с телом, а не прежде, или после?!). Защитник всю свою защиту склонил на то, что лже-поп схоронил не православных, а раскольников, „ибо главный, по мнению г. адвоката, отличительный признак, по которому можно отличить православного от раскольника – это бытие у исповеди и св.

причастия, а Борисов, как и сами священники показали, не был у исповеди и св. причастия около шести лет, – следовательно, несомненно он был раскольник. Что же касается публичного оказательства, то таковое состояло как бы в несении подсвечников, а так как таковые как было доказано свидетелями, были только перенесены в это время в другой дом, то и публичного оказательства, значит, не было“. И суд обоих оправдал.

Нельзя не отметить и допущенных на суде многих странностей и выказанного судом или круглого незнания или просто небрежности и попустительства относительно требований законной правды в этом деле. Прежде всего, как-то резало уши, что перед приводом к присяге раскольников г. председатель как бы извинялся перед нами, говоря: „так как в зале нет *старообрядческого священника*, (?) то по закону форму присяги предоставляется проговорить председателю“, а если бы был, значит, г. председатель разрешил бы ему надеть епитрахиль и публично привести к присяге, но, ведь, закон не признаёт австрийского священства, – это должно-бы знать председателю. Затем, задавались свидетелям также вопросы, которые вызывали невольную улыбку на устах сведущей публики. Спрашивали, напр., пишущего: *дозволено ли* (?) австрийское священство правительством, или нет? ⁽⁶⁴⁾ Что нужно считать публичным оказательством (относя сюда только совершение треб в облачении, а не обычное ношение облачений и священнических одежд или, напр., волос)? В вопросе о подсвечниках всё дело сводилось к тому: зажжены ли они были, или нет (как будто в этом вся сила)? Название „уставщик“ не расслышав смешивалось с словом устал и воротился. Да и вообще нельзя было при серьёзном отношении к делу задавать общепринятый судейский вопрос свидетелям крестьянам в столь сложном и редком деле: что вы знаете по этому делу“? Ведь, чтобы ответить что-либо на него и надо знать в чём дело, а что требуется никто свидетелям и не разъяснил, – и многие свидетели перед подобным вопросом становились, что называется, в тупик, не зная, чего от них требуют – и обычно отвечали: „ничего“. Тем и заканчивалось всё показание.

Странное впечатление производило, что во всё время прокурор положительно безмолвствовал и не предложил никому ни одного разъясняющего вопроса и не говорил никакой обвинительной речи. После такого отношения судей к ограждению интересов православия, законами предусмотренному, оставалось ревнителям и защитникам православия невольно как-то склонить с грустью свою голову перед дерзающим расколом долу, а раскол, наоборот, надменно смотрел вам в глаза и усмехался от радости говоря: а что-де взяли, вот вам и суд. После оправдания радость была велика у раскольников. Как следствие торжества раскола на суде вскоре же в Уранке распространился слух среди раскольников, что им теперь нечего бояться, ибо на их, австрийцев, стороне уже 7 миллионов, таким образом ещё остаётся приобрести только 3 мил., а тогда они поставят и патриарха своего, который может ещё предать и анафеме и к своему суду позвать всех этих расколотборцев – никониан. Если у Картушина Московского сила большая, то у патриарха и подавно.

Миссионер С. М-в

Фиалкин, свящ. Церковь – школа среди штундо-баптистов. С. 117–119

На страницах Церковных Ведомостей в 1898 году сообщалось об открытии церковной школы грамоты в центре баптизма Ставропольской епархии, пос. Никольском.

Нудно шла эта школа по началу: сектанты не давали здания для неё, не продавали планового места, изгоняли появившегося учителя, не отпускали в школу детей. Самоотвержение немудрёного учителя (Сугакова) однако победило всё. В конце первого же года в школе обучалось свыше 40 учеников, на 2-й год свыше 50 и теперь 80, причём во все годы большая половина состояла из детей сектантов (ныне их около 50). Вместе с детьми к школе стали привыкать и взрослые сектанты: они стали посещать её в дни приезда о. наблюдателя, во время праздничных чтений, экзамена; стали выражать своё сочувствие частными и даже общественными субсидиями (снята арендная плата за землю). Ясно, таким образом, для всех стало, что школа сделала своё дело, разрыхлила почву сектантов настолько, что настал час поставить вопрос о постройке здесь и церкви.

Не радостно отнеслись сектанты к сей вести, но однако уже не возбраняли, как это было, например, при открытии школы... Средств на устройство церкви не было никаких; но нашлось много искренних друзей у Никольской школы и все они наперерыв спешили внести посильную лепту в это святое дело. Миссионерский комитет ассигновал 700 руб., Училищный Совет 200 руб., местный благочинный пожертвовал иконостас, о. наблюдатель приобрёл богослужебные книги, сосуды, наконец сам Преосвященнейший Владыка пожертвовал для церкви – школы колокол с следующей знаменательной надписью: „я послан Епископом Агафодором призывать грешных и заблудших к покаянию и молитве“. 30 декабря торжественно освящена была Никольская церковь – школа. Священнослужители с братской предупредительностью отнеслись к сектантам: за чином освящения пригласили их стоять в алтаре, во время

богослужения неоднократно обращались к ним с проповедью, растворённой христианским братолюбием, после богослужения совместно с ними трапезовали... Величественный чин освящения церкви и совершение литургии настолько оказали сильное действие на сектантов, что они вместе с православными стояли с возожжёнными свечами, молились, коленопреклонялись. Твёрдо уповаем, что если с открытием только немудрёной совне (но сильной по духу) школы штундо-баптизм пос. Никольского был очевидно расшатан, то теперь, с устройством здесь церкви-школы с постоянным причтом, ему будет нанесён окончательный удар. Признаки этой зари уже виднеются. Вожак местного сектантства (Кушнаренок) в присутствии всего духовенства, православных и сектантов заявил, что „теперь нам необходимо серьёзно подумать над собою“, а спустя несколько дней после освящения церкви – школы целое сектантское семейство (Решетниковы) объявило г. учителю о своём желании принять православие.

Спустя 2 месяца, при посещении церкви – школы о. епархиальным наблюдателем, Кушнаренок уже подал ему письменное заявление о желании присоединиться с некоторыми членами своей семьи к православию, а некоторые сектанты (например: Прянишников) через местного учителя просили непременно прислать к страстной седмице и празднику Пасхи священника для удовлетворения религиозных нужд, как они говорили, их рабочих православного исповедания!.. Кто из бывших в пос. Никольском два–три года тому назад мог бы допустить возможность подобного явления?!...

Епарх. наблюдатель Свящ. *Фиалкин*

**Жаров И. Раскольнический начётчик-филолог. С.
119–121**

В ноябре месяце 1898 года происходила беседа с старообрядцами в Пятницкой, г. Боровска, церкви. На беседе явился в качестве со-вопросника со стороны раскольников их главный местный начётчик Е. С. Теняев. После выяснения свящ. Чистяковым, что в древних печатных книгах встречаются в 8 члене Символа веры различные чтения: „Господа истинного“, „Господа Животворящего“ и просто „истинного“, Теняев спросил: – А какое из этих чтений правильное и спасительнее?

Для спасения, думается, отвечал о. Чистяков, все поименованные чтения одинаковы; но правильное чтение: „Господа Животворящего“.

Нет, вы не так толкуете! сказал Теняев. Вот, Иван Никифорович лучше протолкует вам, а вы только слушайте!.. Ну, Иван Никифорович, сказал Теняев последнему, обратясь к нему, выясняй им...

Иван Никифорович, приосанившись и важно выступив, как бы сознавая своё достоинство, перед миссионерами, начал говорить: 8-й член читается по-гречески так: „пневма, агион тон корион“; слово „тон корион“, продолжал он, означает „Господственно – истинного“...

Миссионер о. Жаров. Повторите, Иван Никифорович, как вы читаете после слова „агион“?

„Тон корион“, повторил доморощенный раскольничий филолог, и даже с важностью подтвердил – да „тон корион“!..

Да в греческом тексте такого даже и слова нет, заметили начётчику-филологу; вы ошиблись!.. Нужно сказать не „тон корион“, а „то кирион“.

Нет, начал уверять Иван Никифорович, в моей книге сказано „тон корион“; это я могу вам сейчас и доказать. – Но, осмотревши все свои карманы, он сказал: книги этой со мной сейчас нет, я её позабыл дома; ну, вот, в будущее воскресенье я принесу её и тогда докажу...

А если в настоящий раз с вами нет книги, сказали Никифорову, и вы теперь доказывать отказываетесь, то и сам вопрос о 8 члене лучше отложить до будущего воскресенья.

Нет, сказал уставщик-филолог, отлагать этого вопроса нельзя! Ведь, он очень важный вопрос, и мы приготовились к нему, почему и оставлять его не желаем. Я прошу, продолжал он, выслушать меня до конца и моей речи, прошу, не перерывать; а когда окончу, тогда как знаете, так и опровергайте мои слова. И продолжал: ну, ладно, пусть будет по-вашему „то кирион“ и „то кирион“, – дело не в этом!.. Что означают эти слова? Вот в чём вся суть дела. А означают эти слова не „Господа“, как учит ваша церковь, а – „Господственно-истинный“. Сначала наши предки, говорил Никифоров, по своей малограмотности и необразованности не знали правильного перевода слова „тон корион“, или как вы говорите „то кирион“; но затем уразумели и стали, смотря по разуму и сообразности, писать где полным переводом: „Господственно – истинный“, где „Господа истинного“, где просто „Господа“, а где и просто „истинного“... Но спасительное чтение должно быть одно: „Господственно-истинного“...

Глава боровских начётчиков, Е. С. Теняев, до сего времени внимательно слушал своего филолога, но, наконец, не выдержал и, обратясь к нему, сказал: ну, ты, Иван Никифорович, я вижу, от своей учёности совсем с толку сбился!.. Лучше помолчи-ка, а я сам выясню... И, отстранив своего учёного уставщика, стал вычитывать из Иосифских книг все те места, в которых Символ веры читается в 8 члене с словами: „Господа истинного“... Поговорив недолго, он ушёл, захватив с собой некоторых из слушателей раскольников. Но уставщик Иван Никифоров остался и снова стал толковать о „тон корион“, стараясь убедить миссионеров, что нужно читать „топ корион“ и что эти слова означают на русском языке два слова, – а именно „тон“ означает по-русски „Господственно“, а „корион“ – истинного.

О. Жаровым снова было выяснено со-вопроснику правильное значение слова „то кирион“ и объяснено, что это слово на русский язык нужно переводить одним каким-либо из следующих трёх слов: Господа, Господня или истинного.

Иван Никифорович продолжал защищать себя, говоря, а почему же нельзя переводить и двумя словами: Господа истинного?.. Ведь, и в вашем же переводе есть слова и „Господа“ и „истинного“.

После этого Ивану Никифоровичу было раскрыто истинное толкование слова „кирион“.

Убедился ли в ложности своих филологических умствований он или нет, осталось неизвестным; но только уже больше он ничего не стал возражать миссионеру, а счёл за лучшее распроститься и оставить беседу...

Калуж. Епарх. Миссион. *И. Жаров*

**Из миссионерских запросов // Миссионерское
обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 121–124**

Соколов Д. Что такое чётки или лестовки? История их происхождения? С. 121–124

Дайте, пожалуйста, место ответу на страницах Мис. Обзор. на следующее:

Что такое чётки или лестовки? Откуда и когда они получили начало: история их? Одинакого ли они все устройства (архиерейские, монашеские, для мирян) церковно-православные и раскольнические? Значение их и кому их присвоено или положено употреблять?

Священник В. Ст-ов

Обыкновенно чётки⁶⁵ и лестовка отождествляются между собой⁶⁶. На самом же деле существует большая разница между ними.

Чётки –это круглая нитка (или шнурок) с нанизанными на неё деревянными, стеклянными, костяными, янтарными и иными зёрнами (шариками), увенчанная крестом; есть также чётки, отдельные звенья которых соединены металлическими крючками. Назначение их – служить пособием для счёта молитв и поклонов, на что указывает и само название их „чётки“, от глагола „честь“, „считать“ (отсюда слова „счёт“, „чёт“, „чётки“). Употребление их в Православной церкви присвоено лишь монашествующим лицам обоего пола и архиереям.

Что же теперь *лестовка*? Лестовка – это круглый ремень, имеющий вместо креста четыре лапостка (ладонки), между лапостками семь передвижек, затем девять ступенек кожаных (по 3 ступеньки по обоим концам лестовки + 3 больших в середине её) и 100 так называемых „бабочек“ (кожаных пластинок, узлов, ступенек). Вот что говорится о лестовке, её устройстве и значении в имеющемся под руками старинном рукописном „Сказании о лестовке“⁶⁷:

„На молитве перед образом Божиим каждому христианину должно на всякий день семь лестовок исправлять нужды ради, а не за леность, для воспоминания седми церковных таинств, в которых заключается христианский закон:

первое – крещение,

второе – миропомазание,
третье – священство,
четвёртое – причастие,
пятое – исповедание,
шестое – законный брак,
седьмое – олеосвящение.

„Лестовка имеет в себе 4 лапостка, в коих исповедуется 4 евангелиста, обшивка у лапостков – евангельское учение; между лапостков 7 передвижек в знак 7 церковных таинств; где связана лестовка по 3 ступеньки и в лестовки 3 крупные, всего 9: то значит 9 чинов ангельских; от связки простое место – земля; затем 12 бабочек – 12 апостолов с Господом по земли ходили; 33 бабочек – 38 недель Пресвятая Богородица во чреве Христа носила; 33 бабочки – 33 года Господь по земле ходил; 17 бабочек – 17 пророчеств о нём было“. Как известно, лестовка сохранилась в употреблении у наших раскольников и единоверцев: по ней те и другие кладут поклоны, след., назначение таково же, что и чётки; и в этом между ними – несомненное сходство.

Какое же основание имеют чётки и лестовка в истории? Откуда они ведут своё начало? Предание, хранящееся в наших монастырях, относит происхождение чётки ко времени преп. Пахомия Великого, основателя монашеского общежития (†ав). Среди многочисленных учеников Пахомия, живших в его обители, было много неграмотных, которые не знали других молитв, кроме Иисусовой молитвы. Эту молитву и обязал их преподобный произносить ежедневно определённое число раз и сопровождать её поклонами; для счёта же тех и других, т. е. молитв и поклонов, дал таковым неграмотным монахам „верви“ (верёвки) с узлами. Эти „верви“ и были прототипом теперешних чётки. Так объясняет происхождение чётки монастырское предание, и в этом объяснении нет, на наш взгляд ничего невероятного⁶⁸.

С течением времени, чётки вошли во всеобщее употребление среди монашествующих. И это случилось тем скорее и естественнее, что каждый монах ежедневно должен был, по уставу, выполнять положенное число поклонов и молитв

и, следовательно, нуждался в простом, но удобном орудии для счёта тех и других, каковым орудием и были чётки.

Что чётки, действительно, имеют давнее происхождение в Церкви, на это указывает сохранившееся употребление их в Православной, католической и других церквях; причём названия чёток у греков (ὁ ρόδιος στέφανος), латинян (astvagaius), французов (vosaive, chapelet), немцев (Der Rosenkrans) и др. отменяют круглую форму их, каковую, как удобнейшую для наматывания на руку, они, несомненно, приняли тогда, когда входили во всеобщее употребление.

Итак, чётки появились первоначально среди монахов, а потому не мудрено, что и присвоены они в Православной церкви только монахам, будет ли то простой монах, или игумен, архимандрит, или даже сам архиерей. Для всех этих лиц они в настоящее время, наравне с другими особенностями монашеского одеяния, служат внешним отличием от мирских лиц. И усвоив таковым лицам сие отличие, церковь, очевидно, подчёркивала eo ipso их подвижническую, проводимую в молитвах и поклонах, жизнь...

Лестовка, — теперь, — с её особым устройством и символическим значением, есть позднейшее видоизменение чёток, а само толкование её (значение её устройства) есть ни на чём не основанное измышление досужей фантазии...

Д. Соколов

**Из миссионерской полемики с сектантами и
раскольниками // Миссионерское обозрение. 1900 г.
№ 7–12. С. 124–143**

Фиалковский Н., прот. Беседа с немояками о рукотворенном храме. С. 124–133

В воскресенье, 20 июня, в волостном правлении Богоявленской волости, Семеновского уезда, состоялась беседа с немояками о рукотворенном храме.

Человек 30 немояк и человек сто православных и раскольников собрались на беседу. Со стороны православных вёл беседу епархиальный миссионер, а со стороны немояк беседовали крестьяне: Ив. Игн. Булатов, Ив. Лазарев и Серг. Маке. Кучин.

Беседа, по обыкновению, началась молитвой, во время которой немояки сидели.

Миссионер начал беседу словами: нам говорят: „Бог, сотворивший мир и всё, что в нём. Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живёт и не требует служения рук человеческих“ (Деян.17:24–25 ст.), а вы строите рукотворенные храмы и в них молитесь; это – не по Писанию.

Отвечаем: слова эти сказал св. ап. Павел язычникам афинянам, которые думали, что мнимые их боги живут в храмах идольских. Это несправедливое мнение апостол и опровергает словами: „Бог не в рукотворенных храмах живёт“. Иначе сказать: Бог не живёт в ваших идольских храмах и не требует, чтобы вы их делали, не требует служения рук человеческих. Это сказано об идольских храмах (смотри Деян.17:16 ст.) и об идолах, а о рукотворенных храмах, сделанных во имя Божие апостол ничего не говорит. Об идольских капищах и мы тоже говорим: Бог в них не живёт. Но утверждаем, что Бог живёт в рукотворенных храмах, посвящённых Его имени. Они построены и освящены по Его повелению? И планы для устройства их показаны Самим Богом. Не от себя, а от Св. Писания я буду это доказывать, а вы, по своим книгам, проверьте мои указания.

Первый рукотворенный храм на земле посвящённый Богу была „скиния“.

Она была устроена „по повелению Божию“:

„И сказал Господь Моисею, говоря: скажи сынам Израилевым, чтобы они сделали Мне приношения... И устроят они Мне святилище, и буду обитать посреди их; все сделайте, как Я показал тебе... (Исх.25:1,2,8,9)

Скиния была „устроена по образцу“ показанному Моисею на горе.

Моисею сказано: „И поставь скинию по образцу, который показан тебе на горе (Исх.26:30;25:40; Деян.7:44; Евр.8:5).

Скиния была „освящена“ по повелению Божию.

„И сказал Господь Моисею, говоря: в первый месяц, в первый день месяца поставь скинию собрания. И поставь в ней ковчег откровения, и Закрой ковчег завесой. И возьми елей помазания, и помажь скинию, и всё, что в ней, и освяти её, и все принадлежности её, и будет свята. И сделал Моисей всё: как повелел ему Господь, так и сделал: И так окончил Моисей дело. И покрыло облако скинию свидения, и слава Господня наполнила скинию“ (Исх.40:1,2,9,16,33–34).

Царь Давид в Иерусалиме, на горе Сионской, устроил новую скинию и поставил в неё ковчег завета (2Пар.5:2; 2Цар.6:17; 3Цар.8:1).

Много говорится в Св. Писании и о храме иерусалимском как первом, так и втором. Когда царь Давид задумал вместо скинии построить храм, то пророк Нафан, по повелению Божию, сказал ему: „Господь возвещает тебе... Я восставлю после тебя семя твоё, которое произойдёт от чресл твоих, и упрочу царство его. Он построит дом имени Моему, и Я утвержу престол царства его на веки“ (2Цар.7:11–13).

Это предсказание исполнилось отчасти на Соломоне, – он построил первый иерусалимский храм, – но окончательное исполнение его совершилось в лице Господа нашего Иисуса Христа, на что и указывают Архангел Гавриил Пр. Деве Марии (Лк.1:32–33) и апостол Пётр, народу, сбежавшемуся в день пятидесятницы к дому, где были апостолы (Деян.2:30).

Оставляя постройку храма Соломону, Давид при всём народе сказал ему: „Смотри же, когда Господь избрал тебя построить дом для святилища, будь твёрд и делай. И отдал Давид Соломону, сыну своему, чертёж притвора и домов его, и

кладовых его, и горниц его, и внутренних покоев его, и дома для ковчега, и чертёж всего, что было у него на душе, дворов дома Господня и всех комнат кругом, сокровищниц дома Божия и сокровищниц вещей посвящённых“ (1Пар.28:10–12).

По этим чертежам Соломон построил дом Господень на горе Мориа (2Пар.3 и 4 гл.). В этот храм были перенесены с Сионской горы: ковчег завета и скиния собрания и все вещи священные (2Пар.5 гл.), и храм был освящён (3Цар.8 гл.). „Когда священники вышли из святилища, облако наполнило дом Господень; и не могли священники стоять на служении, по причине облака, ибо слава Господня наполнила храм Господень“ (3Цар.8:10–11 ст.). Соломон произнёс молитву (3Цар.8:22–5) „Когда окончил Соломон молитву, сошёл огонь с неба и поглотил всесожжение и жертвы, и слава Господня наполнила дом. И не могли священники войти в дом Господень, потому что слава Господня наполнила дом Господень. И все сыны Израилевы, видя, как сошёл огонь и слава Господня на дом, пали лицом на землю, на помост, и поклонились, и славословили Господа (2Пар.7:1–3). Этот храм был сожжён Вавилонянами, а евреи были отведены в плен Вавилонский (4, 25 ар. 25, 9 и 21).

В плену вавилонском евреи раскаивались в своих грехах и просили Бога, чтобы Он не разрушил завета Своего (Дан.3:29–30). Милосердый Господь помиловал народ Свой: пророку Иезекиилю Он открыл вид храма, „повелел измерить и описать его“ (Иезек. 40 по 43 гл.), „и возвестить дому Израилеву о храме сём, чтобы они устыдились беззаконий своих, и чтобы сняли с него меру. И если они устыдятся всего того, что делали, то покажи им вид храма, и расположение его, и выходы его, и входы его, и все очертания его, и все уставы его, и все законы его, и напиши при глазах их, чтоб они сохранили все очертания его и уставы его, и поступали по ним“ (Иез.43:10–11).

Согласно этому „во второй год царя Дария, в шестой месяц, в первый день месяца было слово Господне через Аггея пророка к Зоровавелю, сыну Салафиилеву, правителю Иудеи, и к Иисусу, сыну Иоседекову, великому иерею. Так говорит Господь Саваоф: обратите сердце ваше на пути ваши. Взойдите на гору и носите деревья и стройте храм; и Я буду благоволить к нему и

прославлюсь, говорит Господь. И возбудил Господь дух Зоровавеля, сына Салафиилева, правителя Иудеи, и дух Иисуса, сына Иоседекова, великого иерея, и дух всего остатка народа, – и они пришли и стали производить работы в доме Господа Саваофа, Бога своего“ (Аг.1:1–2,7–8,14).

И окончен дом сей к третьему дню месяца Адара, в шестой год царствования царя Дария. „И совершили сыны Израилевы, священники и левиты и прочие, возвратившиеся из плена, освящение сего дома Божия с радостью“ (1Ездр.6:15–16).

Слава этого храма заключалась в том, что „придёт желаемый всеми народами, и наполню дом сей славою, говорит Господь Саваоф. Слава сего последнего храма будет больше, нежели прежнего, говорит Господь Саваоф“ (Аг.2:7–9).

Пророчество сбылось: Сам Господь наш Иисус Христос посещал этот храм; в нём проповедовал Своё Божественное учение и изгнал торгующих из храма, говоря: „дом мой домом молитвы наречётся, а вы сделали его вертепом разбойников“ (Мк.11:17).

И так мы видим, что все ветхозаветные рукотворенные храмы были устроены: во 1-х, – по повелению Божию; во 2-х, – строились они „по образу показанному, по чертежам“, говоря, понынешнему – по плану; в 3-м, – они освящались и в 4-х, – слава Господня наполняла их.

До сих пор немояки очень внимательно слушали миссионера, удерживая друг друга от возражений, но теперь терпение их истощилось, и они в несколько голосов заговорили: и в ваших храмах ведётся торговля; вы берёте деньги с живого и мёртвого. И ваш храм – вертеп разбойников!

Миссион. Вертепом разбойников храм назван не за, торговлю, а „за кражи, убийство, ложную клятву и служение идолам – Ваалу и др.“ (Иер.7:9). Сам Господь обличает евреев за то, что они „убили Захарию между храмом и жертвенником“ (Мф.23:35), а покупать, что нужно для жертвы это не запрещается. Относительно этого дано такое повеление: „приходи на место, которое изберёт Господь, Бог твой; и покупай на серебро сие“ (которое принесёшь из дома) „всего, чего пожелает душа твоя, волов, овец и проч.“ (Втор.14:25–26). И

кружку, которая была в храме для сбора подаяний, Господь не велел вынести из храма, а одобрил вдовицу, вложившую в неё две лепты (Лк.21:1–4).

При храме были особые комнаты для хранения и для выдачи жертвенных приношений. „Коре, сын Имны, левит, привратник на восточной стороне“ (как в наших храмах церковный староста, „был при добровольных приношениях Богу, для выдачи принесённого Господу и важнейших из вещей посвящаемых“ (2Пар.31:14). Господь в храме узаконенного не нашёл, а нашёл беспорядочную торговлю, – как говорится – базар, – а потому и выгнал из храма торговцев с их товаром и сказал: „дома отца Моего не делайте домом торговли“ (Ин.2:16). И в наших храмах бесчинная торговля не допускается, а только допускается церковному старосте быть при добровольных приношениях Богу, для выдачи принесённого Богу, как это было узаконено в ветхозаветном храме, а это нисколько не предосудительно; ибо Сам же Господь повелевает приносить „дар свой к жертвеннику“, примирясь с братом (Мф.5:23–24). Поэтому напрасно вы указываете на бесчиния в храме; это не служит к вашему оправданию в неимении храма. Эти слова служат к вашему обвинению. Вот: Сам Сын Божий называет храм рукотворенный домом Отца Своего; и Сын, без сомнения, знает, что принадлежит Отцу, и что Его достойно. Итак, слово Христово удостоверяет нас, что рукотворенный храм, хотя и земной, но по благодати и по снисхождению, точно есть дом Бога Небесного и Вездесущего. Об этом храме Сын Божий возвещает, что он „наречётся домом молитвы для всех народов“. Не сказал Господь: дом Мой дом молитвы нарекается, но „наречётся“. Значит: речь ведётся уже не о ветхозаветном храме, а о новозаветном; о нём теперь и будем говорить.

Ещё в ветхом завете сказано: „Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его, заколола жертву, растворила вино своё и приготовила у себя трапезу; послала слуг своих провозгласить с возвышенностей городских: „кто неразумен, обратись сюда!“ и скудоумному она сказала, „идите ешьте хлеб мой и пейте вино, мною растворённое“ (Притч. 9:1–5; Ис.25:6; Мф.22:2).

О том доме, который премудрость построила себе, возвещает Исаия: „Так говорит Господь: сохраняйте суд и делайте правду; ибо близко спасение Моё и откровение правды Моей. Да не говорит сын иноплеменника, присоединившийся к Господу: „Господь совсем отделил меня от народа Своего“, и да не говорит евнух: „вот я сухое дерево“. Ибо Господь так говорит об евнухах: „которые хранят Мои субботы и избирают удобное Мне, и крепко держатся завета Моего, тем дам Я в доме Моём и в стенах Моих место и имя лучшее, нежели сыновьям и дочерям: дам имя вечное, которое не истребится. И сыновей иноплеменников, присоединившихся к Господу, чтобы служить Ему и любить имя Господа, быть рабами Его, – всех хранящих субботу от осквернения её и твёрдо держащихся завета Моего, Я приведу на святую гору Мою и обрадую их в Моём доме молитвы; всесожжения их и жертвы их будут благоприятны на жертвеннике Моём, ибо дом Мой назовётся домом молитвы для всех народов“ (Пс.56:1–7).

О месте, где будет построен дом Божий, сказано: И будет в последние дни: гора дома Господня поставлена будет во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней народы. И пойдут многие народы и скажут: „придите и взойдём на гору Господню и в дом Бога Иаковлева, – и Он научит нас путям Своим, от Сиона выйдет закон и слово Господне – из Иерусалима“ (Мих.4:1–2; Ис.2:2–3). И псалмопевец говорит: „Ибо избрал и Господь Сион; возжелал его в жилище Себе. Это – покой Мой на веки: здесь вселюсь; ибо Я возжелал его“ (Пс.131:13–14).

Из этих пророчеств о первоначальном месте христианского храма видно, что Сионская гора будет поставлена во главу гор. Иначе сказать: на Сионской горе основана будет первая церковь, но не единственная, ибо сказано: гора Сионская будет поставлена во главу гор; след., и другие горы будут украшены храмами, а не так как иерусалимский ветхозаветный храм будет единственным храмом для всей вселенной. Яснее эту мысль раскрывает пророк Малахия. Он говорит: „Ибо от востока солнца до запада велико будет имя Моё между народами, и на всяком месте будут приносить фимиам имени Моему, чистую жертву, говорит Господь Саваоф“ (Мал.1:11). Эту же мысль высказал и

Сам Господь жене самарянке, говоря: „поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в иерусалиме будете поклоняться Отцу“ (Ин.4:21), то есть: не на двух горах будет возноситься молитва Богу, где молились наши отцы, но на всяком месте, как сказал пророк Малахия.

Когда же и как исполнились эти пророчества? Посмотрим по свидетельствам Нового Завета.

Сын Божий Господь наш Иисус Христос „Божия сила и Божия Премудрость“ (1Кор.1:24) на вопрос учеников: где велишь нам приготовить пасху? отвечает: „пойдите в город; и встретится вам человек, несущий кувшин воды; последуйте за ним. И куда он войдёт, скажите хозяину дома того: учитель говорит: где комната, в которой бы Мне есть пасху с учениками Моими? И он покажет вам горницу большую, устланную, готовую, там приготовьте нам“ (Мк.14:12–15; Лк.22:8–13). Они приготовили. „И когда они ели, Иисус, взяв хлеб, благословил, преломил, дал им и сказал: „приимите, ядите сие есть тело Мое. И взяв чашу, благодарив, подал им; и пили из нея все“ (Мк.14:22–23; Мф.26:26–28; Лк.22:19–20). Так положено основание христианской жертве. Об этой жертве св. ап. Павел так говорит: „сами рассудите о том, что говорю: чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение крови Христовой? Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение тела Христова? Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба. Посмотрите на Израиля по плоти: те, которые едят жертвы, не участники ли жертвенника? Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской“ (1Кор.10:15–21).

После совершения Таинства Причащения в беседе с учениками Господь обещал ученикам Св. Духа, сказав: „И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами во век“; Он „научит вас всему и напомнит вам всё, что Я говорил вам“, сказал Господь (Ин.14:16,26). Затем Он произнёс Свою Божественную молитву, в которой молился Богу Отцу о верующих в Него, говоря: „освяти их истиной Твоей; слово Твоё есть истина. Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир; и за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиной.

Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их, да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, – да уверует мир, что Ты послал Меня“.

После страдания, смерти и воскресения Господь „в продолжении сорока дней являясь“ (апостолам) „и говоря о Царствии Божием; и, собрав их, Он повелел им: не отлучайтесь из Иерусалима, но ждите обещанного от Отца, о чём вы слышали от Меня, вы примете силу, когда сойдёт на вас Дух Святой, и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии, и даже до края земли. Сказав сие, Он вознёсся, а апостолы возвратились в Иерусалим. И пришедши взошли в горницу, где и пребывали... Все они единомысленно пребывали в молитве и молении с некоторыми женами и Марией, Матерью Иисуса, и с братьями Его“ (Деян.1:2–14).

В день пятидесятницы „внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнился весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого“ (Деян.2:2–4).

На необыкновенный шум сбегался народ, апостолы вышли к народу и стали говорить разными языками. Народ дивился. Апостол Пётр возвысил свой голос и возгласил, что „это есть предсказанное пророком Иоилем: и будет в последние дни, говорит Господь, излию от Духа Моего, на всякую плоть... и на рабов Моих, и на рабынь Моих в те дни излию от Духа Моего, и будут пророчествовать“. Потом апост. Пётр сказал о распятии Господа нашего Иисуса Христа; упомянул о том, что „Бог с клятвой обещал (Давиду) от плода чресл его воздвигнуть Христа во плоти и посадить на престоле его“. „Сего Иисуса Бог воскресил, чему мы свидетели. Итак Он, быв вознесён десницею Божией и приняв от Отца обетование Святого Духа, излил то, что вы ныне видите и слышите“ (Деян.2:14–33).

Обратимся мыслью к тому времени и к тому месту. Что мы видим? Совершилось необыкновенное событие – сошествие Св. Духа; сбегался народ. Апостолы вышли из дома и стали говорить на иных языках. Народ дивится. Апостол Пётр объясняет значение этого события. Он говорит, что Господь с

клятвой обещал Давиду от плода чресл его воздвигнуть Христа во плоти и посадить на престоле его. Это обещание сбылось, но оно было соединено с обещанием, что „онный Сын Давидов построит дом имени Моему“ (2Цар.7:13). Это было известно евреям. Известно было и то, что „в последние дни гора дома Господня поставлена будет во главу гор... от Сиона изыдет закон и слово Господне из Иерусалима“ (Мих.4:1–2), да и из слов того псалма, из которого апостол приводит клятвенное свидетельство о вечном царстве Сына Давидова, видно, что „избрал Господь Сион, возжелал его в жилище Себе. Это – покой Мой на веки: здесь вселюсь, ибо Я возжелал его“ (Пс.131:13,14). Народ теперь стоял на этой горе, а потому апостол Пётр и обращает мысль народа к тем пророчествам, которые предсказывали об этом времени. Пётр говорит предречено: „и будет в последние дни“ (когда гора Господня будет поставлена во главу гор, когда Господь излиёт от Духа Своего), тогда „всякий, кто призовет имя Господне, спасётся“ (Деян.2:21). Апостол высказывает, что теперь настало это время, исполнились обетования: тот, потомок Давидов, о котором предсказано, теперь воскрес и очевидно, через ниспослание Св. Духа, исполнил все обетования: „приняв от Отца обетование Святого Духа, излил то, что вы ныне видите и слышите“ (Деян.2:33). Иначе сказать: Он принял престол Давида Отца Его (Лк.1:32) и основал церковь (2Цар.7:13) и освятил её дарованием ей Духа Святого. „Что вы ныне видите и слышите“. Дух Святой наполнил весь дом, где находились апостолы, и они все исполнились Духа Святого.

В ветхозаветной церкви слава Господня наполняла только здание, и священники не могли служить, а в новозаветной церкви и здание и бывшие в нём все исполнились Св. Духа.

Речь апостола произвела сильное влияние на народ: „присоединилось в тот день душ около трёх тысяч к церкви Божией (Деян.2:41) и потом: „Господь же ежедневно прилагал спасаемых к церкви“ (Деян.2:47).

Вслед затем и другие пророческие предсказания стали сбываться. Пророчество о евнухах и иноплеменниках сбылось с поразительною очевидностью: „Ефиоплянин евнух“ (Деян.8:27–

40) и „Корнилий иноплеменник“ со своими родственниками и друзьями присоединились к церкви Божией (Деян.10:1,24,28,48).

На соборе апостольском, при обсуждении дела о принятии в церковь язычников, апостол Иаков сказал: „Симон изъяснил как Бог первоначально призрел на язычников, чтобы составить из них народ во имя Своё; и с сим согласны слова пророков, как написано: потом обращусь и воссоздам скинию Давидову падшую, и то, что в ней разрушено, воссоздам, и исправлю её, чтобы взыскали Господа прочие человеки и все народы, между которыми возвестится имя Моё, говорит Господь, творящий сие“. (Деян,15:14–17).

Скиния Давидова, как известно, представляла из себя шатёр, в котором был поставлен ковчег завета, на горе Сионской (2Цар.6:17; 2Пар.5:2–5). Это было „жилище Божие“ (Пс.131:7–13,14). Восстановление скинии Давидовой прямо указывает на восстановление рукотворенного святилища для молитвы, как места обитания Божия. Таким образом апостолами Петром и Иаковом приводятся пророчества, указывающие на устройство рукотворенного храма Сыном Божиим. Правда, что ни тот ни другой апостол не упомянул, или точнее сказать, не назвал рукотворенный храм, но этого и не нужно было, потому что слушающие слова апостолов ясно понимали о чём говорится. Поэтому писатель книги деяний апостольских заканчивает 2-ю главу деяний словами: „Господь же ежедневно прилагал спасаемых к церкви“ (Деян.2:47). Здесь церковью называются уже христиане. Значит – церковь уже была создана Господом. Такое понятие составилось у христиан о своём обществе после сошествия Святого Духа.

„План храма“. Мы видели, что в ветхозаветной церкви, как скиния, так и оба храма, были устроены по „образу, показанному на горе, и по чертежам“. Строителю новозаветного храма „образ и чертежи“ были не нужны, ибо – „Сын не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего; ибо что творит Он, то и Сын творит также. Ибо Отец любит Сына и показывает Ему всё, что творит Сам (Ин.5:19–20). Сыну, знающему и творящему волю Отца, совершенно не нужен был предварительный план; он нужен исполнителям незнающим точно предполагаемого

строения. Сыну Божию и не дан был план храма, но верующим во Христа план храма дан. Он дан через Иоанна Богослова. Откровение его начинается словами: „Откровение Иисуса Христа, которое дал Ему Бог, чтобы показать рабам Своим, чему надлежит быть вскоре. И Он показал, послав оное через Ангела Своего рабу Своему Иоанну, который свидетельствовал слово Божие и свидетельство Иисуса Христа, и что он видел“ (Откр.1:1–2).

Вот что свидетельствует Иоанн о храме: „И дана мне трость, подобная жезлу, и сказано: встань и измерь храм Божий и жертвенник, и поклоняющихся в нём; а внешний двор храма исключи и не измеряй его, ибо он дан язычникам: они будут попираť святой город сорок два месяца“ (Откр.11:1–2).

В этом измерении показан: а) „храм“; б) „жертвенник“ и в) „поклоняющиеся в храме“. Вот „чему надлежит быть вскоре“; таков христианский план храма.

И в освящении Сионской горницы мы видим: „наполнился весь дом“, (это первая часть по плану – „храм“) и „исполнились всё Духа Святого“ (третья часть – „поклоняющиеся в храме“), а вторая часть – „жертвенник“ в Сионской горнице на тайной вечери получил освящение от Господа совершившего в первый раз Причащение Своих учеников. Этот жертвенник и чаша употреблявшаяся на тайной вечери, без сомнения, оставались, как святыня, в Сионской горнице; тем более это было необходимо потому, что Господь сказал о Таинстве Причащения: „сие творите в Моё воспоминание“ (Лк.22:19). Нигде не упоминается, чтобы апостолы нарушили это заветание, а потому в Сионской горнице, несомненно, был и жертвенник, и чаша и в день пятидесятницы, и они получили освящение, хотя отдельно об этом не упоминается; но в измерении указывается и жертвенник.

„Храм, церковь“. Дом Божий называется „храмом-святылищем“, потому что Бог обещался там обитать (Исх.25:8) „и верующие называются храмом“ потому, что Дух Божий живёт в них (1Кор.3:16–17).

„Верующие“ называются „церковью“ (собранием) и „храм Божий“ называется церковью потому, что в нём собираются

верующие, которые составляют из себя церковь.

„Храм и верующие“ имеют одно название потому, что „все напоены одним Духом“ (1Кор.12:13).

Иоанну Богослову показано измерять: „храм“, „жертвенник“, это и есть „храм рукотворенный“ и „поклоняющихся в нём“. Таким образом церковь составляется из „храма, жертвенника и поклоняющихся в храме“. Дух Святой сошёл только на лиц бывших в Сионской горнице и только тот дом наполнил, а все здания и люди, бывшие вне, не получили даров Святого Духа. И жертвенник, только находящийся в храме и измеренный вместе с храмом имеет жертву чистую, о которой предсказано пророками (Ис.25:6; Мал.1:11) и Самим Господом (Мф.22:2). Тако: „премудрость созда Себе дом (Притч.9:1). Только попиратели храма могут пренебрегать храм: „им дал двор“ (Откр.11:2); это – язычники, находящиеся вне храма и немоляки.

Немоляки слушавшие внимательно, сидя на своих местах, вдруг все вскочили и сказали: почему ты нас зовёшь немоляками?

– Потому, что вы не молитесь.

– Мы с тобой более не хотим говорить и слушать более не хотим; говори с раскольниками – мы послушаем, а то – уйдём. Этим и окончилась беседа о рукотворенном храме. Началась беседа с раскольниками, которую слушали и немоляки.

Епарх. мисс. протоиер. Ник. Фиалковский

Сахаров И. Беседа с Бессарабским раскольничьим лже-епископом. Петром по вопросу о том, где получил благодать хиротонии митрополит Амвросий, – родоначальник австрийской лже-иерархии ⁶⁹. С. 133–143

На предложенный мной при совместной поездке в вагоне железной дороги с лже-епископом Бессарабских, раскольников Петром вышеприведённый вопрос, раскольничий владыко ответил:

– Амвросий свою хиротонию получил в Греческой Церкви, а благодать в Белой Кринице, при совершении: над ним чиноприёма священно-иноком Иеронимом.

– Как же вы отделяете благодать от таинства хиротонии! – воскликнул я. – Раз совершена хиротония, вместе с ней подаётся и благодать Духа Святого – через возложение на посвящаемого рук епископских и чтение положенной молитвы. Припомните, что говорит о совершении хиротонии Малый Катехизис. *Вопрос:* „Кая есть вещь, или образ тайны священства?“. *Ответ:* „Вещь есть возложение рук епископских на главу приемлющего священство. Совершение же – учиненая тому молитва, юже епископ единою с возложением рук над главою освящающегося глаголет: еже есть божественная благодать, и прочая“ (л. 35-й об.),

– А я снова говорю вам, что митрополит Амвросий получил свою благодать тогда, когда Иероним совершил над ним миропомазание! – воскликнул старообрядческий „владыка“.

– Но, ведь, миропомазание только подтверждает крещение, но не подаёт священства! – возразил я. – Если бы миропомазание подавало священство, тогда всякий миропозанный мог бы священнодействовать! Вообще, в каждом таинстве подаётся своя особенная благодать, и нельзя смешивать благодарные дары, получаемые христианами в разных таинствах. Об этом весьма ясно говорит св. Симеон Солунский в следующих словах своей книги *О священстве*: „Мощию крестивыйся и помазавыйся в самом себе имать

божественные дары, *кроме божественного точию священства*: сие бо, яко дар особый, и едино дело Божие, хиротониею даруется“. Далее, в высшей степени странно допускать мысль, будто иерей мог преподать Амвросию благодать архиерейства. „*Меньшее от большего благословляется*“ (Евр.7:7), говорит св. Апостол Павел: епископ может дать благодать иерею, но во вселенской истории ещё не было, да и быть не может, случая, чтобы иерей сообщил благодать епископу. И Христос сказал: „*несть раб, болий господина своего, и посланник, болий пославшаго его*“, а между тем, если согласиться со старообрядцами, что Амвросий получил епископскую благодать в Белой Кринице, тогда выйдет, что посланник, т. е. иерей, оказался выше пославшего его, т. е. епископа. Иероним не только не мог совершить принятие Амвросия, но, будучи беглым иереем, не имел права на совершение и всякого другого священнодействия. 39-е апостольское правило говорит: „без воли епископа своего презвитери или диаconi да не творят ничто же: тому бо суть поручени людие Господни“ (Кормчая, л. 10-й об.). „О духовнем же служении“, – говорит Номоканон патр. Иоасафа, „подобен есть согрешению нерукоположене действующаго, иже без повеления и заповеди святительския действует“ (л. 57-й об.). О самовольных действиях иереев тот же Номоканон говорит: „сие дело горше есть и самых тех нечестивых бесов, во ангела светла точию преобразующихся, но не сущих, и Божие убо лицемерующих, безбожных же сущих и противных Богу“ (л. 57-й). Даже исповеди иерей не может совершить без благословения епископа. „Аще кто без повеления. местного епископа“, – говорит Номоканон, – „дерзнет приимати помышления и исповеди, сичевыи по правилом казнь приимет, яко преступник божественных правил, ибо не точию себе погуби, но и елицы у него исповедашася, не исповедани суть, и елицех связа или разреши, не исправлени суть“ (л. 6-й). Что же касается принятия в Церковь лиц, приходящих от ереси, то об этом говорят следующие весьма ясные слова Номоканона: „яко же бо невозможно ему (иерею) хиротонисати, аще же ни на священства степень испадшаго паки возвращати“ (л. 4-й об.).

– Но, ведь, была же у нас и до Амвросия благодать Духа Святого! – возразил мне старообрядческий лже-епископ.

– Откуда же могла у вас быть благодать, когда вы и Церкви Христовой не составляли, как и теперь не составляете! – воскликнул я. – Священное Писание называет Церковь *„вертоградом заключенным и источником запечатленным“*. Примените эти слова к своему положению до Амвросия митрополита. Вертоград или сад изобилует своими собственными плодами, а не отвне приносимыми. Старообрядческое же поповское общество, окормлявшееся священниками, бежавшими от Греко-Российской Церкви, было похоже на ёлку, украшаемую для детей яблоками и конфетами в рождественские праздники: только малое дитя может думать, будто эти яблоки и конфеты не привешены, а растут на самой ёлке. Примените к себе и другое название Церкви: *„источник запечатлённый“*. Источник или ручей имеет свою собственную воду и жаждущих ею напоет, а не заимствует воду из иного места. Ваше же общество было похоже не на источник, а на искусственно вырытый пруд, который был наполняем водой из действительного источника. Приведённые слова Священного Писания ясно дают понять, что благодать Духа Святого выну пребывает и таинство хиротонии совершается внутри самой Церкви Христовой, а не заимствуется ею от еретиков. Между тем, старообрядцы, не имея собственного священства, брали его от нашей Православной Церкви, т. е. от такой, которую сами же они считали за еретическую! Но, ведь, Христос обещал сохранить неодоленной от врат адовых Свою истинную Церковь, а не общество еретиков, каким по понятию раскольников является Церковь Православная!.. Вы утверждаете, что у вас была благодать Св. Духа и до принятия в раскол митрополита Амвросия. В таком случае, почему же вы не считаете Христовой Церковью общество беглопоповцев, которые остались верны учению своих предков и строго содержат то, что у вас было до 1846-го года? Признавая беглопоповцев еретиками, вы этим самым произносите суд над состоянием своего общества до принятия митрополита Амвросия и ясно показываете, что общество это благодати не имело“.

Лже-епископ Пётр сделал ещё одну попытку отстоять законность Белокриницкого священства и благодатность своей хиротонии. Хотя миссионер и привёл слова св. Апостола Павла: „*меньшее от большего благословляется*“, – сказал он, – „но я докажу, что иногда бывает и наоборот: Иоанн Предтеча крестил Христа, а, ведь, Христос был выше Крестителя! Следовательно, и священно-инок Иероним мог по нужде принять Амвросия и утвердить его в епископском сане!“ Это возражение не ново было для меня: год тому назад, слышал я его от одного из раскольнических начётчиков своего района. „Мой собеседник, ответил я думает оправдать принятие Амвросия в раскол примером Иоанна Предтечи, но я сейчас покажу, что этот пример к учреждению Белокриницкого священства не имеет никакого отношения. Во-первых, крещение Спасителя Предтечей относится к тому времени, когда ещё не была основана на земле и самая Церковь Христова которую он стяжал кровью Своею. Во-вторых, св. Церковь в своих действиях и распоряжениях должна основываться не на чрезвычайных случаях, подобных тому, на какой сослался старообрядческий „владыка“, а на тех церковных правилах какие в руководство ей составлены св. отцами на вселенских и поместных соборах. А среди этих правил не обретаётся ни одного, которым бы старообрядцы могли оправдать своё священство. Наконец, хотя Предтеча и крестил Господа, но на это было согласие Самого Спасителя“.

– И Амвросий был согласен на то, чтобы пристать к нашей „древле-православной“ вере! – с живостью воскликнул лже-епископ.

– Как же дерзаете вы, – ответил я, – сравнивать согласие Амвросия – изменника православной вере – с святой волей безгрешного Христа! Вы вот на что обратите внимание. Христос, при вознесении на небо, всю Свою власть по отношению к Церкви передал Апостолам и их преемникам – епископам. По толкованию на 55-е апостольское правило, епископы в Церкви существуют „по образу Господа нашего Иисуса Христа и глава церковного телесе именуеми“. Им, стало быть, и принадлежит та полнота власти, какую имел по отношению к Церкви Сам Спаситель. Теперь мы и рассмотрим: Церковь, в лице собора

епископов, дала ли Амвросию право на то, чтобы он был пастырем старообрядцев? Амвросий, как известно, бежал к старообрядцам тайно от своего патриарха и принял паству, никем из епископов ему не порученную. Для доказательства того, как незаконны были действия Амвросия, достаточно привести одно только 16-е правило Антиохийского собора: „иже кроме совершенного собора, или самого митрополита на праздный церкви престол наскочив, аще и сам есть празден, от епископии да будет извержен“ (Кормчая, л. 68-й об.). Старообрядцы силу этого правила иногда думают устранить ссылкой на то, что Белокриницкая громада умоляла Амвросия, чтобы он стал пастырем старообрядцев: но толкование на правило запрещает епископу „самому о себе престол восхищати, аще и от всех людей града того нудим есть, аще не хочет быти отвержен“.

На этом наша беседа была прервана: поезд подходил к станции „Раздельная“, и нам предстояла пересадка. Считаю лишним говорить о том, с каким интересом следили слушатели за моей беседой с раскольническим архиереем. Интерес к нашей беседе был до того велик, что кондукторская бригада, контролировавшая билеты пассажиров, исполнив свою обязанность, вернулась в наш вагон и присоединилась к другим слушателям нашей беседы.

На станции „Раздельная“ нам пришлось более часу ожидать поезда, идущего на Киев. Здесь раскольнический „владыка“ стал предметом всеобщего внимания, и около него всё время стояла целая толпа любопытных. Слушатели делились между собой впечатлениями по поводу нашей беседы, и на всей платформе не было, кажется, ни одного человека, который бы не знал, что в поезде, только что ушедшем в Одессу, кишинёвский епархиальный миссионер имел религиозную беседу с бессарабским же старообрядческим лже-архиереем. Чтобы избежать дальнейшей со мною беседы, Пётр хотел пропустить поезд, на котором я должен был ехать, и имел намерение дожидаться следующего поезда в Киев; но я выразил желание быть его спутником и в этом последнем случае, и лже-архиерей поневоле снова должен был ехать со мною.

Когда мы заняли места в поезде, идущем в Киев, Пётр снова вступил в беседу со мной. Оказавшись несостоятельным в защите Белокриницкого священства, он надеялся одержать надо мной победу в вопросе о сложении перст для крестного знамения. „Как учит слагать персты блаженный Феодорит?“ – спросил меня Пётр, когда наш поезд тронулся. Я ответил, что, так называемое, „Феодоритово слово“ блаж. Феодориту в действительности не принадлежит, а только ему приписывается; оно, несомненно, имеет русское происхождение и в своём первоначальном виде говорит в пользу православного сложения перст, а не старообрядческого двуперстия.

– Важен тот список Феодоритова слова, который находится во Псалтири! – сделал замечание раскольничий „владыка“.

– Наоборот, этот список самый новейший, – возразил я, – и ему нельзя усвоить такого значения, какое, напр., имеет текст Феодоритова слова, приведённый Стоглавым собором или даже и патриархом Филаретом в его Великом Катехизисе. „Феодоритово слово“, помещённое в Стоглаве, читается так: „Сице благословити рукою и креститися, три персты равны имети вкупе по образу тройческому, Бог Отец, Бог Сын, Бог святой Дух... два перста имети наклонена, а не простерта, а тем указ тако, то образует две естестве божество и человечество“ (Стоглав, стр. 65 и 66-я). Если говорится, что три перста нужно иметь „равны“, то ясно, что речь идёт о тех трёх перстах, которыми образуют Св. Троицу православные христиане. Первые три перста являются в руке наиболее равными; когда же старообрядцы слагают большой перст и два малых, то из самого названия перст можно уже заключать об их неравенстве. Замечание же о двух перстах, что они должны быть наклонены, а не простёрты, опять имеет в виду православное сложение, при котором два перста – малый и стоящий рядом с ним – пригибаются к длани и образуют два естества Христовы. Против старообрядцев же говорит и Феодоритово слово, приведённое в Большом Катехизисе. О двух перстах здесь сказано: „а два перста имн^{ти} наклонены, а не простерты“, а между тем старообрядцы преклоняют только великосредний перст, а указательный оставляют простертым. Феодоритово слово,

напечатанное в Кирилловой книге и в Иосифовской Псалтири, действительно, говорит в пользу старообрядческого сложения перст, но зато оно противоречит тому наставлению о сложении перст, которое принадлежит преп. Максиму Греку и которое помещено в этих же книгах. Св. Максим, вопреки сложению, употребляемому старообрядцами, повелевает указательный и великосредний персты иметь простёртыми и ни слова не говорит о совокуплении перст, следовательно, здесь не образуется, во-первых, преклонение небес и снтие на землю Сына Божия, а, во-вторых, не образуется и соединение двух естеств во Христе во едину ипостась Богочеловека“.

– О вашем сложении перст, – перебил меня Пётр, – сказано во Псалтири, что от него „не бысть знамения“. Как же вы утверждаете, что оно имеет преимущество перед старообрядческим двуперстием?

– Сказание о св. Мелетии, на которое вы намекаете, опять говорит в пользу троеперстия! – возразил я. – Оно читается так. „Еще же бысть чудо страшно и преславно и удивлению достойно, егда был Мелетий патриарх антиохийский, и при том соборе бысть арияном с верными в лета его. И много глаголющим окаянным арияном о развращении православныя веры, паче же о самом божественнем таинстве, и тогда востав богословесный муж Мелетий патриарх, правила по закону управления имея, и людем просящим у него скорога учения. Он же по божественней ему благодати, хотя еретики устрашити и посрамити, и вся люди удивити, показа им три персты, и не бысть знамения. Потом же два совокупль и един пригнув, и благослови люди. И изыде от него огонь, яко молния, и достохвальный он испусти глас: „трие убо ипостаси разумеваем, о едином же существе беседуем!“ и тако посрами еретики“ (Кирил. книга, л. 183-й и об.). Будем теперь по порядку вникать в каждое слово повести. Св. Мелетий имел на соборе состязание с еретиками арианами. Последние погрешали в том, что именовали Сына Божия тварью, не признавали Его единосущным Богу Отцу и, таким образом, разлучали Св. Троицу. Прежде чем опровергать еретиков, патр. Мелетий наглядно показал, в чём, именно, ариане заблуждаются. Учение еретиков он выразил тем, что показал

народу три разлучённые перста, на подобие того, как ариане ошибочно учили, что лица. Св. Троицы – не едино по существу...

– Неправильно миссионер толкует! Св. Мелетий показал народу три соединённые, а не разлучённые перста! – воскликнул лже-владыка.

– Это вы говорите от себя, а не следуя ходу повести! – возразил я. – Имейте в виду, что в повести сказано: „показа“, а не „сложи“, „совокупи“ или „соедини“. Притом св. Мелетий даже и не мог показать на соборе три перста, совокупленными: он бы тогда не только не обличил еретиков, но и выразил вполне православное учение, по которому „во святей Троице несть первое и последнее, ниже более или менее, но целы три ипостаси, соприсносущны суть себе и равны“; значит, и для обозначения трёх Божественных ипостасей всего приличнее употреблять, именно три равные и самой природой соединённые персты. Наконец, если допустить, что св. Мелетий сначала показал народу первые три перста, а потом большой и два малых, тогда будет непонятно: почему были употреблены им разные персты, когда оба раза речь шла об одном и том же предмете, т. е. о трёх ипостасях Св. Троицы?.. Когда св. Мелетий показал персты разлучёнными, то, конечно, от такого сложения не могло быть никакого знамения. Обличив еретиков наглядно, патр. Мелетий воспроповедал затем православное учение о Св. Троице: для сего он совокупил два перста и к ним пригнул один. Какие персты он должен был совокупить? Да, конечно, те же, которые и ранее показывал, т. е. стоящие рядом персты – указательный и великосредний; а так как третий перст, большой, находится в отдалении от этих двух, то о нём и сказано, что св. Мелетий его „пригну“. Когда персты были показаны в первый раз, то народ видел, что Бог–во триех ипостасех; когда же св. Мелетий совокупил персты воедино, то этим дал понять, что Бог – по существу Един“.

„Меня крайне удивило, что Пётр не только не стал с свойственною раскольникам горячностью отстаивать своё понимание сказания о св. Мелетий, но ещё и выразил мне одобрение в следующих словах: „видно, что миссионер дело своё знает!“ Я ответил на это, что миссионеру недостаточно

иметь только знания, но нужно обладать в то же время и находчивостью. В доказательство этого я сослался на одно возражение, сделанное мне на моей беседе в г. Бендерах, 1-го числа мая, раскольническим начётчиком Иваном Худяковым. Потерпев неудачу в защите раскола, Худяков обратился ко мне с такой речью. „Позвольте мне, г. миссионер, рассказать вам одну притчу. Странствовали вместе два путника. Прошли они через один город, побывали в другом, посетили третий, наконец, в пятом остановились: между ними возникло разногласие. Один путник сказал: „я намерен остаться здесь, так как боюсь, чтобы в дальнейшем пути со мной не случилось каких-нибудь несчастий“. Его товарищ решил, однако, продолжать свой путь далее, и на него, действительно, обрушились разные бедствия. Вы, конечно, догадались, г. миссионер, к чему я клоню свою речь. Путник, оставшийся в пятом городе, это мы – старообрядцы: мы твёрдо храним и свято содержим всё, что унаследовали от патриарха Иосифа – последнего из почитаемых нами пяти патриархов; странник же, продолжавший свой путь, это – церковь греко-российская; она повредила веру своих отцов и во многом заблудила. Что вы мне на это скажете?“ Я ответил: „На вашу притчу я отвечу также притчей. Было на св. Руси несколько обителей, в которые ходили на богомолье разные паломники. Но вот открылась в некотором месте новая обитель и в короткое время так прославилась, что в неё стали стекаться странники-богомольцы со всех концов России. Скажите мне: неужели богомольцы прежних обителей уже не имели права посещать новую обитель, слава о которой распространилась повсеместно?.. Вы сказали, что один из путников остался пребывать в пятом граде. Но, ведь, Христова церковь не должна стоять на одном месте неподвижно, а должна распространяться во все концы вселенной, ибо Сам Христос сказал апостолам: **„шедше в мир весь, проповедите евангелие всей твари“**. Ошибка первого путника, далее, – в том, что, остановившись в пятом граде, он никогда не оглядывался на пройденный путь: точно также и старообрядцы, принимая книги патр. Иосифа, не хотят знать того, что ранее содержала православная церковь. через это они стали в противоречие с самими патриархами,

которых на словах почитают: ведь, ни один из патриархов не учил, что в церкви Христовой может оскудеть священство, и что иерархию можно возобновить с нарушением правил вселенских и поместных соборов! Вообще, несправедливо думать, будто старообрядцы остаются верными учению предков, а православная церковь погрешает в вере. Если бы старообрядцы содержали учение, находящееся в патриарших книгах, они не разделились бы на множество толков и согласий, враждующих между собой. Наоборот, греко-российская церковь соблюдает православие непоколебимо, и все члены её находятся между собой в союзе мира и любви: на ней, таким образом, а не на старообрядческих согласиях, оправдываются слова апостола, что **„церковь есть столп и утверждение истины“**.

Моя беседа с раскольническим „владыкой“ Петром приняла после этого другое направление. Пётр был очень откровенен со мной и сообщил мне немало интересного о своих поездках к старообрядцам.

– „Ведь, это правда, что вы запрещаете своим пасомым ходить на мои беседы?“ спросил я раскольнического „владыку“.

– „Запрещать-то я запрещаю“, ответил Пётр, но только ныне такой уже народ, что даже своего архиерея плохо слушает: не смотря на мои запрещения, у вас, например, всякий раз были со старообрядцами беседы в г. Бендерах. После этих бесед начётчики приходили ко мне в келью, и каждый из них хвалился тем, какое искусное возражение сделал он миссионеру; но я им отвечал: „перестаньте хвалиться: знаю я, что ничего вы не доказали!“.

– „Хотя бендерские старообрядцы, действительно, ничего не доказали мне и оправдать себя не могли“, ответил я, „но. зато они имеют великую ревность по вере и горячо защищают своё упование. Когда я беседовал с ними, 30-го апреля, о сложении перст для крестного знамения, ваши пасомые пришли в сильное возбуждение, начали вырывать принесённую из молельни псалтирь друг у друга, желая поскорее сделать мне возражение, и кончили тем, что порвали книгу на том месте, где приводится Феодоритово слово“...

– „А правда ли“, спросил я Петра после краткого перерыва в нашей беседе, „что вы ездили в Грубно в начале прошлого года затем, чтобы помирить неокружников с окружниками?“ Пётр признался, что, действительно, у него было такое намерение, но оно не осуществилось: этому помешало отсутствие противо-окружнического лже-иерея Илариона Никитина (сын недавно умершего грубенского лже-протопопа Филиппа), который не мог приехать в Грубно из Килии (город в южной Бессарабии) по случаю плохого состояния дорог. Я в свою очередь сообщил Петру, что, после его отъезда из Грубно, отношения между окружниками и противоокружниками ещё более обострились, и на моих беседах, происходивших через три дня после отъезда неокружнического „владыки“, грубенские старообрядцы несколько раз вступали в пререкания и споры между собой, нисколько не стесняясь присутствием миссионера. С особенной горячностью нападал на неокружников лже-протопоп Филипп, обиженный следующим пренебрежительным отзывом Петра о старообрядцах – окружниках: „окружники – еретики ничим же разни суть от поганных, не ведущих Бога“.

В конце нашей беседы, продолжавшейся до трёх часов утра, я попросил Петра обратить внимание на то, что многие из его пасомых не обнаруживают усердия к посещению богослужения, и что в некоторых местах поучение после службы старообрядцами или вовсе не читается, или же читается с значительными сокращениями. Пётр ответил, что всё это ему известно, и что он принимает против этого меры, но они оказываются не действительными. „Время теперь не то!“ с сокрушением заметил мне бендерский лже-епископ.

В пятом часу утра мы прибыли на станцию „Слободка“, и мне нужно было переходить в другой поезд. Я простился с своими собеседниками, и они напутствовали меня разными благожеланиями. „Расскажите в Куреневском монастыре о том, как вы ехали в одном вагоне с миссионером!“ сказал я лже-владыке. – „Как же об этом не рассказать? Да мы и без того вас каждый день поминаем!“ ответил сопровождавший Петра лже-диакон. Пётр любезно раскланялся со мною и попросил меня, по

приезде в Куничное, передать от него поклон раскольническому протопопу Иерофею Макаренкову.

Совместная поездка епархиального миссионера с раскольническим лже-архиереем является редким случаем в миссионерской практике; поэтому пусть не посетуют на меня читатели, что я так подробно описал её. Всё в ней описано так, как действительно было. Это, если то нужно будет, подтвердят многие слушатели её – лица известные на своих положениях.

Кишинёвский епарх. миссионер *Иван Сахаров*

Миссионерство, секты и раскол. (Хроника) //
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 143–160

Донские сектанты: положение сектантства; современное состояние штундизма и хлыстовщины. – **Сектанты Скопинского у., Рязанской губ.:** Происхождение и современное состояние сектантства, веро-и-нраво-учение, общественный быт их и внешнее устройство. Отношение к православным. Постановления собрания.

Овсянников Е. Донские сектанты. С. 143–146

Донская область, искони богатая русским расколом старообрядства, насчитывает в своих пределах не одну тысячу сектантов рационалистического и мистического направлений. Насаждение в ней сектантства велось путём переселения в неё сектантов из соседних губерний (Астраханской, Саратовской, Харьковской, Екатеринославской, Ставропольской), и главным образом через пропаганду местных вожаков сектантства. Громадные незаселённые пространства обширной области войска Донского и дешёвизна в ней земли привлекают сюда из различных губерний переселенцев, в числе которых приходится немало и сектантов всевозможных видов. Селясь на новых местах, они тотчас же начинают сеять семена своих лжеучений среди окрестных жителей. Редко кто из этих переселенцев приобретает земли в собственность; большинство из них временно арендуют казённые и частные земли. Поэтому, пожив на одном месте, они переходят на другое; пожив здесь – переходят на третье и, таким образом, всё дальше и дальше заносят семена своих лжеучений. Эти их перекочёвывания с места на место совершенно почти лишают возможности местных миссионеров и священников наблюдать за ними и систематически воздействовать на них. Вожак же местных сектантских общин специально, с целью пропаганды, предпринимают поездки по всей области. Особенно сильным стремлением к прозелитизму отличается штундизм. Он распространяется не только насчёт православия, но и насчёт других видов сектантства; за последнее время он имеет большой успех даже среди раскольников-старообрядцев. Средствами штундовой пропаганды, как и в других епархиях, являются: 1) проповедь вожаков штундизма, предпринимающих с этой целью поездки по области; 2) распространение ими подпольных сектантских изданий; 3) богослужебные собрания сектантов, открыто устраиваемые ими и охотно посещаемые православными. Главным средством привлечения на эти собрания православных служит хоровое пение штундистами их стихов. Поэтому на устройство у себя хорового пения штундисты

не щадят средств. У штундистов, напр., селения Казинки целый год жила нанятая ими учительница, дочь офицера, окончившая курс гимназии, которая обучала их пению и перелагала на ноты их „духовные стихи“. В настоящее время штундовые общины Донской области переживают период разложения. Прежнее отрицательное отношение их к православию и произвол в толковании священного писания сменяется у них полнейшим и самым грубым отрицанием христианства. Один из членов штундовой общины, слывший за передового и пользующийся уважением, открыто высказывал следующие суждения об Иисусе Христе: Христос был такой же обыкновенный человек, как и мы, только по уму он стоял выше других; Он был умный учитель, но я не хуже его и его учеников. Сообразно с таким взглядом на Христа и его апостолов штундисты относятся и к Священному Писанию. Не говоря уже о ветхом завете, и из нового завета они принимают только то, что им нравится, да и то толкуют, как им вздумается. Некоторые из штундистских вожаков высказывают прямо-таки материалистические воззрения. На собеседовании православного миссионера один штундист по вопросу о воскресении мёртвых высказал такие суждения: „религия есть измышление попов, обман для мужика; ничего этого не будет; издохнешь – только трава на могиле вырастет“. Такое их собственное безверие ещё сильнее раздражает их против православия и православного учения. Ненависть их в этом отношении не знает пределов и доходит часто до открытого и дерзкого ругательства над тем, что так дорого для сердца каждого истинно-православного человека. Отвергнет, напр., штундист иконопочитание, – и он не только удаляет иконы из своего дома, но и открыто ругается над ними: он разрушает их, сжигает, бросает в нечистые места. Не признавая постов, штундист на соблазн православным при каждом удобном случае старается показать, с каким презрением он относится к этому установлению православной церкви.

Хлыстов в Донской области в сравнении с штундистами, немного; по фанатизму и энергии в распространении своих лжеучений они нисколько не уступают этим последним. Донские хлысты – уже не те хлысты, о которых в науке сектоведения

обычно даётся понятие, как о людях хитрых, лукавых, прикрывающихся личиной благочестия и тайно ведущих свою пропаганду. Донские хлысты, особенно Хопёрского и Усть-Медведицкого округов, не скрываясь, а совершенно открыто ведут пропаганду своих лжеучений среди православных. Их проповедь направляется к отрицанию всех обрядов православной церкви. В подтверждение своих взглядов они приводят те же места Священного Писания, что и существующие рационалистические секты, и в этом отношении хлыстов иногда бывает трудно отличить от сектантов рационалистов. Фанатизм хлыстов и их ненависть ко всему православному не знает пределов и доводит их часто до грубого издевательства над православными святынями. Когда, напр., однажды православные, причастившись св. тайн и выслушав проповедь своего священника, вышли из церкви то встретившийся хлыст сказал, обращаясь к ним: «слушаете, по-разинули рты; так и думаете, что вы идёте в царствие Божие. Сроду вам не наследовать царствия Божия... Исповедь и причастие ничто!.. Это я куплю вина, да накрошу белого пирога, так наемся вдостоль... А то поп ложечкой раздаёт и говорит: „теперь вы все святые будете и в царствие Божие войдёте“». Совершенно открыто хлысты Донской области высказывают и свои положительные воззрения. На публичных беседах они без стеснения высказывают, что Иисус Христос – простой человек, родившийся естественным образом от Иосифа и Марии, – „и у вас в церкви поётся: „от живого Отца рождённого“ (искажение слов символа веры: „иже от Отца рождённого“). От Святого Духа Христос не мог родиться, так как от Духа не может родиться плоть“. Открыто высказывают хлысты и своё учение о перевоплощении: „Дух Христа и теперь живёт в нас, – говорят они, – но, так как дух не может жить без плоти, то он и вселяется в верных своих. Поэтому мы поклоняемся живому Богу. Души апостолов, как и дух Христа, переходят от плоти в плоть“. Воскресение мёртвых и страшный суд хлысты отвергают: „никакого суда не может быть, – говорят они, – так как верующий не судится, а неверующий уже осужден“ (Ин.8:18). Как и все хлысты, хлысты Донской отвергают брак и, хотя венчаются в

православной церкви, но не живут с своими законными жёнами, а сходятся с посторонними по взаимному сродству духа, – как они говорят. В большинстве случаев члены секты меняются жёнами друг с другом, чего они не скрывают и от посторонних. Один хлыст на беседе говорил, что, если бы он жил с 10-ю жёнами. то и в этом греха нет. Молитвенные собрания хлыстов состоят в чтении священного писания и толковании его в хлыстовском духе и смысле, в пении хлыстовских песен, в плясках и пророчествах. „Это дух действует в нас, говорят обычно хлысты, – у вас же православных мы не видим действий духа, значит вы не имеете его“. Один хлыст говорил нижеследующее на публичной беседе: „я часто бывал восприемником при совершении крещения в православной церкви и ни одного разу не слышал там Самого Духа и не видал действий Его, а между тем в Писании сказано, что голос Его слышите (Ин.3:8). У нас же действия его явны; всякий желающий может видеть их и слышать голос Духа“.

Молоканство в Донской области, как и везде, переживает полное разложение. Существующие здесь молоканские общины постепенно распадаются и быстро поглощаются другими сектами, особенно штундой.

Преподаватель Донской духовной семинарии *Евграф Овсянников*

**Полянский С., прот. Сектанты Скопинского у.,
Рязанской губ. С. 146–152**

2-го ноября прошлого года состоялось в г. Скопине, по распоряжению Епархиального Начальства, под председательством уездного протоиерея, с участием Епархиального и окружного противо-сектантского миссионеров пастырско-миссионерское собрание. целью его было выработать однообразные способы борьбы с сектантством уезда.

Почти все сектанты принадлежат к духовному скопчеству.⁷⁰ Появление сектантов в селе Маклакове относят к началу настоящего столетия, на основании хранящейся в архиве местной церкви переписки за 1853 год по делу подозреваемых в сектантстве. В других сёлах сектантство появилось несколько позже, именно между 1840 и 1858 годами, кроме сёл: Секирина и Спасского, где сектантство начало прививаться только лет 8 тому назад. Кто первыми были пропагандистами секты в этих сёлах Скоп. уезда, теперь с достоверностью сказать трудно. В село Вязовенку, по рассказу одной женщины, обратившейся из секты в православие, первый занёс сектантскую заразу местный крестьянин Т. Мохов, из села Карина, Зарайского уезда. Мохов ведя бродячий образ жизни случайно познакомился в селе Карине с сектантами, стал ходить из Вязовенки на их собрания в Карино и заразил свою семью; из этой семьи Мохова секта распространилась между другими односельчанами. Передают, что в Черные Курганы скопчество занесено было крестьянином Ксенофонтом Дорожкиным, а в Озерки – неким Плыниным, заразившимся с своей семьёй от родственников в селе Черных Курган.

О веро-и-нраво-учении первоначально распространяемой в Скопинском уезде секты мало известно. Достоверно, впрочем, то, что лица, принадлежавшие к секте, проповедали девство, воздержание от мясной пищи, вина и табака и были по жизни воздержные и трезвые.

В числе причин распространения сектантства, по заявлению священников, без сомнения, были: а) недостаточная высота

жизни местного духовенства, б) спешность при совершении им богослужения, в) отсутствие приходской школы и проповеди с церковной кафедры. Принимались, правда, к пресечению движения сектантства меры, но меры более внешние, полицейские, делавшие сектантов более скрытными и озлобленными и подававшие им повод считать себя и говорить о себе, как о *гонимых*, наподобие членов первенствующей церкви. – Православным в первое время появления секты нравилось учение сектантов, как новое и казавшееся им более нравственным, совершенным; отчего и секта быстро распространялась. Так, одна женщина села Вязовенки, вступившая в общество сектантов, говорила, что она считает себя вступившей в общество святых, которое находится в непосредственном сношении с Духом Святым, им руководится и им охраняется; что идя в первый раз на собрание, она не заботилась расспрашивать дорогу (в чужое село) и шла безбоязненно не по дороге, с горы на гору... Только более осторожные православные удерживались от перехода в общество этих новоявленных христиан желанием узнать, какой взгляд и какие отношения будут к этому обществу со стороны начальства. Но с течением времени взгляд на сектантство самих православных изменился в худшую для него сторону, что и было, между прочим, причиной остановки дальнейшего движения секты.

В настоящее время сектантство по Скопинскому уезду заметно начинает сокращаться в своей численности и: слабеть. В селе, напр., Вязовенки строгость учения сектантства, многими сектантами не выдерживается; они употребляют вино, мясную пищу – даже во все посты и отделились от своего корабля, образовав другой корабль, во главе с Христом (пьяницей), оправдывающим своё пьянство словами: „и вси начаша“... (т. е. на чашу вина, по его объяснению). Хотя формальных присоединений сектантов к православию нет, но тем не менее лица подозреваемые просто сами оставляют секту и живут затем по правилам и уставам православной Церкви. Как сыновья, так и девицы подозрительных в сектантстве, по местам, вступают в церковный брак. В данное время число сектантов, со

включением подозреваемых, определяется по сёлам уезда так: в Маклакове – 7 лиц, в Вязовенке – 8 л., в Кремлеве – 18 л., в Павелеце – 7 л. (и 1 штундист), в Делехове – 5 л., в Озерках – 15 л., в Черных-Курганах – 36 л., в Бортевом – 12 л., в Чернаве – 11 л. О количестве сектантов в других сёлах уезда сведений не добыто.

Сектанты по материальным средствам не отличаются от православных; они также от дележа разорились. Нет между сектантами таких, которые бы занимали то или другое общественное положение. Умственный уровень их одинаков с православными. Детей своих – как мальчиков, так и девочек охотно они обучают в приходских сёлах. В нравственном отношении они отличаются лицемерием лъстивостью перед священником, гордостью перед народом православным, безнравственностью, распутством. Все почти сектанты уезда имеют общение между собой; чаще всего посещают одни других в храмовые праздники. Только очень немногие имеют, кроме того, общение с Московскими сектантами. Особых вожаков в сёлах Скопинского уезда не замечается, кроме села Озеров, где сектантскими вожаками считают крестьян: Лариона Козьмина и Петра Плынина. В с. Маклакове у сектантов, с уверенностью можно сказать, до 1875 года были форменные собрания, и есть слух, что и в настоящее время у них по ночам, под праздники, бывают тайные собрания в виде беседок. В с. Вязовенки сектантские собрания прекратились с год тому назад, со смертью лжехриста. Есть основание полагать, что собрания сектантов бывают в сёлах: Кремлеве, Хворощевке, Березнягах и Павельце, куда ходят и сектанты села Черных-Курган. В с. Озерках до 1898 года существовала особая моленная, помещавшаяся в частном доме. После уничтожения этой молельни, сектанты стали собираться в разных местах во дни, назначаемые по особым извещениям, и под Духов день обязательно. Сектантские *радения*, по объяснению священников, состоят в быстром хождении, с пением песен, *крестиком*, *корабликом* и в *разбежку*, при сильном биении руками по своим коленам. Это хождение сектантов продолжается до тех пор, пока они не вспотеют. Тогда выходит на *круг* пророк их, и начинаются

его пророчества и прорицания. К пророку подходят присутствующие и целуют его в уста. Пророк в это время говорит на непонятном (не существующем) языке, а народ (сектантский) верит, что на пророка их *накатил*, т. е. сошёл Дух Святый и вот он говорит на разных языках, или, как выражается народ, *по-французски*. Моления свои сектанты совершают одетыми в особые длинные и белые сорочки с розовыми поясами.

В ряду причин – почему сектанты до сего времени продолжают находиться в отделении от Церкви – съездом указаны: а) привязанность их к старине, б) сердечная их уверенность, что церковь их – духовная, апостольская, а не мирская, какова, по их понятию, православная; а посему она выше и совершеннее последней и заключает в себе, членов, называемых *сущими, первенствующими христианами* – *малым стадом*, (будто бы) предопределённым ко спасению, руководимых непосредственно Духом Святым и имеющих возможность на земле дойти до состояния *обожения*, которое и достигают их христы и богородицы; отсюда гордость их перед православными, и в) поборка страстям плотским со стороны сектантского вероучения, считающего любострастные общения полов только выражением сильнейшей братской любви, потребной для получения спасения. Хотя сектанты скрывают от священника принадлежность свою к секте и вместе свои религиозные убеждения (в силу, между прочим, данной ими, при вступлении в секту, клятвы); но тем не менее известно, что сектанты, принимая во внимание слова Св. Писания: „Се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века“ и церковной песни: „Христос рождается“.... говорят, что Христос и *теперь* должен быть *на лпцо*. В обществе или корабле их должны быть Христос, Богородица, пророки и пророчицы. (Может ли быть в одном корабле несколько христов, на съезде не выяснено). Христос или, вернее, лжехристос необходимо должно иметь, так называемое, братское любовное (страстное) общение с богородицей, но у Черно-Кургановских скопцов Христом может быть только принявший полное оскотление, хотя к обществу их принадлежат как оскотлённые, так и не оскотлённые. Икон сектанты не почитают, называя их *воротами*. Крещение

церковное, по понятию сектантов, есть крещение одной только водой; оно – мирское, недостаточное; необходимо крещение духом и, по учению Черно-Кургановских скопцов, огнём (т. е. оскотплением); таковое крещение совершается только у них. Вместо церковного покаяния, которое сектанты не признают, хотя и исповедаются перед православным священником, у них существует публичное обличение грешника пророком во время совершения „радений“, причём грешник сознаётся в своём грехе и принимает епитимию, а прочие члены общества совершают о согрешившем брате общее моление. Таинства причащения они не считают необходимым, хотя и причащаются в православном храме. Брак, благословляемый Церковью, они считают блудодеянием, а деторождение скверной. Если и дозволяют они сыновьями своим вступать в брак, то в этом случае руководятся только потребностью иметь в доме хозяйку и иногда желанием приобрести нового члена секты. Но они признают, так называемый ими, „духовный брак“ – свободное сожитие со всякой женщиной их секты, причём рождения детей всячески избегают, принимая против него самые безнравственные меры, о которых срамно и говорить...

По внешности своей сектанты ничем не отличаются от православных; только сектантские девицы разнятся от православных своим нарядом, который состоит из красной юбки, кофты и белого с цветочками платка на голове. С виду представляя из себя самых истых православных христиан, сектанты православный храм посещают часто; в дома свои священников, при праздничных посещениях с св. крестом и св. водою, принимают постоянно; в отношениях с ними всегда почтительны и вежливы, подчас до приторности. Народа православного они чуждаются по презрению к нему; на свадьбах и на крестинах не гуляют, в восприемниках не бывают. Несомненно, существует у них пропаганда, но слабая и неприметная: нет у них выдающихся книжностью вожаков, и, с другой стороны, сам православный народ, предостерегаемый духовенством, уклоняется от собеседования с ними, как людьми *пустой веры*. Незаметно, чтобы и в смешанных семьях сектанты оказывали давление на православных их членов. Приходится,

хотя с сожалением и скорбью, сознаться в том, что православное народное общество равнодушно относится к заблуждающимся в сектантском лжеучении: „пусть веруют во что хотят, – говорят православные, – нам что до того?“ Но духовенство попечительно заботится о вразумлении заблудившихся в дебрях сектантского лже-мудрования и принимает в тоже время все возможные меры к ограждению православных от сектантского лжеучения.

В целях большей успешности в деле борьбы с местным сектантством, весьма желательно, чтобы во диаконы и псаломщики в приходы с сектантством назначались люди с хорошим образованием, ознакомленные научно с сектантством, способные к церковному пению и выразительному и ясному чтению и отличающиеся благочестием, и чтобы причты таких приходов были обеспечены казённым жалованьем. В тех же видах нельзя не пожелать, чтобы в церковные школы, заражённых сектантством приходов, определяли учителей из окончивших курс духовной семинарии, хорошо знающих церковное пение, которые бы принимали участие в церковном проповедничестве и могли бы организовать церковный хор и умело управлять им. Сектанты школой дорожат; дети их отличаются старанием и успешностью, особенно старательно изучают Закон Божий. Хотя сектанты обучают в школе детей в своих сектантских видах, чтобы иметь более сильных противников православной Церкви; тем не менее школа, расширяя кругозор учащихся и раскрывая перед ними неосновательность и бессмыслие сектантского лже-мудрования, незаметно для сектантов расшатывает и без того слабые основы их веро-и-нраво-учения. Было выражено желание всех присутствовавших священников – устроить, под председательством благочинного, противо-сектантские пастырски-братские собрания из священников приходов с сектантским населением. На таких собраниях они имеют совещаться между собой по вопросу выработки однообразных способов борьбы с сектантским злом; здесь должен ими, между прочим, составляться конспект тем для бесед против сектантства; темы должны быть ими разделены между собой для

составления бесед; священники должны произнести, каждый в своём приходе, все означенные в конспекте беседы, обмениваясь ими взаимно.

Протоиерей *Стихий Полянский*

Новые происки раскола на Востоке и г. Дурново. – Отец и дети Мельниковы и их пропагандистская деятельность. – Осуждение Василия и обвинение Феодора Мельниковых.

Постоянные сотрудники „Миссионер. Обозрения“ „плохо пишут“ из дебрей раскольникового мира: там беспокойно и досадливо чувствуется. Циркуляр Мин. Вн. Дел от 30 апреля испортил настроение „благодуществовавших“ главарей раскольниковей тёмной массы, среди которой обвинения раскола в его беззакониях пронесли как раскат грома в ясную безоблачную погоду. Раскольниковья среда была слишком убаякана на счёт торжества раскола и „благости“ правительства, якобы ничего не имеющего против нарушений и обходов закона 3 мая 1883 г. Оказалось, дело обстоит на самом деле совсем иначе. Особенно не по себе чувствуют дорогие адвокаты из православных прислужников раскола. Об одном из таковых сообщают, что он из первопрестольной Москвы укатил на восток, но только не в Опоньское царство, а в Царьград для возгревания и поддержания старых бесплодных происков и иезуитских ухищрений раскола, стремящегося провести и ныне представителей современной Константинопольской Церкви подобно тому, как некогда им удалось обмануть митрополита Боснийского Амвросия... Приспешник сей – некий Н. Дурново, русский православный дворянин, известный газетный апологет раскола. В то время, как трезвые умы из раскола стоят за законность и послушание воле правительства, агитаторы – в роде Швецовых, Мельниковых, гг. Дурново, за продолжение борьбы и уже не с господствующею только церковью, но и с правительством, на почве создания своей, независимой от верховной власти, народной церкви.

Другим, озадачившим „современный раскол“, событием является обвинение и главное судом, на оправдательные вердикты которого так привыкли раскольники всегда рассчитывать, – одного из любимейших своих апологетов *старшего Мельникова*, Василия Евфимовича. У нас, впрочем, об этом герое современной раскольниковей агитаторской эпопеи

мало приходилось говорить, – больше заявлял о себе брат его Феодор Мельников, – пресловутый редактор раскольников „Слова Правды“. Но начнём с преступных деяний по распространению раскольниковой неправды отца Мельниковых, как главного руководителя и вдохновителя в борьбе „с Никонианами“.

Евфимий Мельников, лже-протопоп г. Новозыbkова, Чернигов. губер., вот уже четверть века, как он „трудится“, для процветания древле-благочестивого священства Белокриницкой митрополии. Последние восемь лет, со времени второй поездки своей на Восток – в 1892 году, – его агитаторская деятельность на пользу раскола стала известной всероссийскому расколу. Вящей славе в мире раскола послужили Евфиму Мельникову достойные своего родителя два сына Василий и Феодор, воспитанные и обученные в духе фанатической ненависти против православия. Убедившись в достаточной подготовке своих чад в защите раскола, отец выпустил их на борьбу с Никонианскими миссионерами, а сам сосредоточил всё своё усилие на привлечение беглопоповцев и противо-окружников в своё окружническое согласие. „Я тружусь над объединением разбитого старообрядчества, под одно знамя древле-благочестивого священства Белокриницкой митрополии, – для общего блага, с тем, чтобы тогда удобнее примириться и с господствующею церковью“... – так лукаво мне и лично краснобаил Евфим Мельников. За последние два года Мельников – отец без устали разъезжает по посадам Черниговской и Могилевской губерний. По временам посещает Москву, Нижний Новгород, Херсонскую, Екатеринославскую, Кишинёвскую и другие епархии. В отдалённые губернии он ездит „по делам экстраординарным“: на соборы раскольниковских епископов, по милостивцам купцам для сбора „на просветительно-старообрядческий фонд“ и т. д. Нужно сказать, что деятельность Евфима Мельникова „в объединении разбитого старообрядчества“, к прискорбию православной миссии, идёт не без успеха. При совращении в свой толк раскольников прочих сект, Мельников действует так в известном беглопоповском центре: он прежде всего уловляет в свои сети уставщиков и

попечителей моленных. Первым пообещает должности иерейские, а последним „с попом своим доходу-де более попечителю будет“, – в общем же – раскраснобаёт о светлой будущности Белокриницкого священства... Когда таким образом в известной местности завербуются три–пять человек, то начинаются раскольнические собрания, на которых Мельников – отец умело действует на беглопоповство. Совершаются им в беглопоповских центрах, где-либо на дому, всенощные богослужения, часы и молебны со всей торжественностью и в результате склоняется несколько десятков к принятию белокриницкого священства. Тут же скоро фабрикуется лже-епископом Сильвестром из беглопоповского уставщика лже-поп и в центре беглопоповском свивается прочное белокриницкое гнездо. Так, за последние пять лет Мельников породил подобные гнезда в следующих беглопоповских центрах; – посадах: Лужках, Чуровигах, Митьковке, Ветке, Гомеле и друг. слободах Черниговской и Могилевской губерний... Открывались такие приходы при нескольких десятках человек, а теперь каждый из них возрос за пять лет от 200 – до 500 человек; конечно, растут за счёт беглопоповства... Когда же возрастёт ново-нарождённая Белокриницкая община, то Мельников проектирует новые походы и уже не на беглопоповство, а на малое стадо единоверцев. Он собирает на секретные собрания главных посадских заправил и науськивает им, чтобы они, при общественных выборах, не избирали единоверцев в уполномоченные управления, а тем более в члены управления и посадские головы, чтобы не допускали в общественных посадских зданиях публичных миссионерских бесед, а если таковые будут производиться в никонианских храмах и школах, то чтобы никто не посещал из старообрядцев эти беседы, когда нет с их стороны известного защитника, чтобы всячески препятствовали открытию в посадах церковно-приходских школ и проч. т. п. На обязанности старого Мельникова лежит изыскивать ново-учреждённым причтам определённое жалованье и фонд, но всё сие надо уметь извлечь у милостивцев из карманов, но Мельникова не даром у нас зовут лисой, – он умеет под эти карманы подобраться... Довольно ему рассказать купцам – толстосумам про славное и храброе

казачество, которое тотчас же по объединении старообрядчества потребует у Русского правительства равноправия с господствующей церковью... про воображаемое им недалёкое будущее, когда это равноправие узрят не только дети их, но лично они своими очами... и будет тогда Московский Успенский собор в ведении старообрядческого митрополита, а храм Христа Спасителя (раскола вожди наши его называют „Никонианским духовным музеем“) уделом будет Никониан... Тогда они будут свободно строить пятиглавые церкви, трезвонить в тысячапудовые колокола, совершать торжественные крестные ходы и проч. и проч. А разве всё сие не лестно и не заманчиво слушать развесившему уши купцу – толстосуму? Ну и тряхнёт он мощной на скорейшее процветание древле-благочестивого священства. Да и лично ему, Мельникову, канет малая толика. Ведь не даром же, при обыске его дома жандармским ротмистром, у Мельникова оказалось *одних чеков выше, чем на миллион рублей!*.. В 1898 году Евфимий Мельников воссоединил противокружнического попа в п. Добрянке Григория Мясникова. У последнего была мала паства, Мельников с помощью лже-епископа Сильвестра отзывает из Добрянки окружнического попа Ивана Овечку и на его место определяют Григория Мясникова (противо-окружника), ну, вот, значит и объединение совершилось.

Такова вкратце деятельность старого Мельникова (впрочем, ему только 50 лет с небольшим) на, служение белокриницкому расколу. Подробнее же о его деятельности, с указанием мест и фактов, я постараюсь поговорить в другой раз. А теперь время начать повесть о прославленных в расколе чадах его.

Я не буду делать характеристику деятельности этих возлюбленных чад Евф. Мельникова, ибо не достанет ни места, ни времени подробно о них повествовать, а сообщу лишь из их жизни два последних события, которые сильно волнуют весь современный раскол. Начну с истории Василия.

В 1897 году, в дом лже-попа Мельникова произведён был жандармским начальством обыск и причём в кабинете Василия Мельникова обнаружена обширная переписка его с братом (тогда дезертиром Румынии), Фед. Мельниковым, касавшаяся широких

планов пропаганды раскола, путём распространения по всей России раскольничьего заграничного журнала „Слова Правды“, – устройства в самом Новозыбкове, или где-либо в окрестных посадах, секретной типографии, – для печатания раскольничьих сочинений и проч. При этом найдены разные книги, брошюры подпольной печати и немало экземпляров „Слова Правды“, а также обнаружена переписка Василия Мельникова с раскольничьими агентами по распространению „Слова Правды“ и др. книг в Пермской, Оренбургской, Самарской, Иркутской и других губерниях. Вследствие сего этого, против Василия Мельникова возбуждено было обвинение в распространении лжеучения раскола, и он был арестован и препровождён в Новозыбковскую тюрьму. Более года тянулось следствие, раскольники хлопотали усиленно о взятии „дорогого узника“ на поруки. Два раза назначалось Стародубским окр. судом к слушанию это громкое дело, но за неявкой из отдалённых мест Сибири свидетелей разбирательство дела отлагалось. Наконец, 24 мая 1900 года в уголовном отделении Стародубского окружного суда дело это слушалось (при закрытых дверях). Обвинение предъявлено в распространении раскола и в частности запрещённого „Слова Правды“, в похулении правосл. веры и в частности св. Феодосия, Архиеп. Черниговского, в оскорблении Русского правительства и др. Свидетелей было до 10 человек, из них только один православный, а все остальные раскольники, которые, конечно, всячески старались на суде выгородить своего единоверца и апологета (все они были агенты подсудимого по распространению Слова Правды), но улики были слишком вески и на лицо. Присяжные заседатели вынесли вердикт: „да, виновен, но заслуживает снисхождения“. Суд постановил: лишить В. Мельникова всех прав состояния и сослать на жительство в Сибирь, – в Тобольскую губернию, на 8 лет безвыездно, с правом по истечении сего срока приписаться в одной из губерний Сибири. Снисхождение судьями дано, по-видимому, вследствие уклончивого показания свидетелей, а также не без влияния, конечно, и красноречия Московского адвоката – защитника Мельникова, некоего г. Шульц и

слезливого последнего слова самого обвиняемого Василия Мельникова. Последний, в своём слове – речи, длившейся около часу, рассыпался смиреннейшим мелким бесом. Он отвергал все вины, плачевно взывал об увлечении своей юности и невольном грехе, указывал, что более года пострадал уже в тюремном заключении; просил умилённо присяжных заседателей быть милостивыми к нему, как ещё такому юноше, (а между тем уже не менее 30 л.), от которого можно ожидать полезного гражданина государства, делал даже лукавые намёки и на то, что де он может ещё прийти в покаяние, в смысле принятия православия...Приговор суда, как громом поразил всё наше расколо-стародубье. Раскольники наши вопиют: „вся Москва возмущена и на ноги стала, до Царя дойдём, а освободим Вас. Мельникова“ и прочие безумные глаголы. Старый Мельников, действительно, сейчас же кинулся во все концы искать милостивцев купцов и забил тревогу умилённейшими просьбами об искуплении страждущего за веру, но что из этого выйдет, покажет будущее, а пока Вас. Мельников, официально лишённый всех прав, находится арестантом при Стародубской тюрьме. Такой приговор суда хотя отчасти успокоил дух ревнителей православия Стародубских посадов, которые, без душевного возмущения и сердечного волнения, имя Мельниковых не могут выносить, – так тяжко ими оскорблено чувство православных!

Приговор этот важен в том отношении, что им сбита раскольническая нахальная спесь и удовлетворено оскорблённое чувство православных, а для личных интересов семьи Мельниковых это осуждение собственно и на руку. Сам Евфим Павлович на днях, на одном торжественном раскольническом собрании, заявил: „для общих интересов старообрядчества желательно возбудить апелляционное ходатайство для оправдания моего сына, что же касательно лично нас Мельниковых, то я готов благословить Васю идти на Сибирь, куда его, быть может, зовёт промысл Божий для блага и процветания нашего старообрядчества, ведь Сибирь-то покорена Русскому государству, немало наших древле-благочестивых христиан там, Сибирь в будущем и должна принадлежать старообрядчеству, а не Никонианам“. По сказанию других

передовых раскольников Василий Мельников (если не будет освобождён от Сибири) примет иноческий чин и скоро будет древле-благочестивым епископом Тобольским.

Немало нравственного и всякого другого беспокойства в последнее время доставил Евфиму – отцу и другой сын Феодор Мельников.

В апрельской книжке „Мис. Обзор.“ было напечатано о его кощунственной выходке 25 дек. 1899 г. в Вонифатиевском православном храме г. Новозыбкова, и об исчезновении сего наглого кощунника в Румынию. По существу, дело так и было, как описано в „Миссионер. Обзор.“. Так настойчиво это подтверждала стоустная молва по всем посадам. Но не лишне будет сообщить некоторые подробности описанного эпизода, разросшегося в целое дело.

Феодор Мельников был признан Стародубским окружным судом, 17 марта 1898 года, за хуления на св. Феодосия и друг. св. угодников пр. церкви, *„тат же, как ныне его братец, виновным, но заслуживающим снисхождения“*. Но так как его преступления были до 1896 г., то, за силой Высочайшего манифеста и несовершеннолетием обвиняемого, наказание было сведено к нулю. С тех пор, Феодор в Новозыбкове стал гостем. Он проживал здесь по месяцу – по два не более, а затем улетучивался в разные страны, раскольнических притонов. Между прочим, он жил несколько времени у редактора „Русского Труда“ Сергея Шарاپова, в качестве сотрудника (!) по церковным вопросам; после того Мельников становится главным секретарём Швецова и сотрудником по устройству в Безводненском Швецовском скиту расколо-миссионерской школы... Затем наступили его командировки для посещения славного казачества, Сибири и разных дебрей Российского раскола. При таких разъездах он смелой и обильной рукою распространял книги и брошюры раскольнической печати, собирал раскольнические собрания беспоповцев и беглопоповцев для завлечения их к белокриницкому лже-священству и отдельно созывал главарей белокриницких для муштровки, как им жить и что творить во славу белокриницкого священства.

Со второй половины 1899 г. Феодор Мельников живёт почти постоянно в Новозыбкове, а в ноябре возбуждает ходатайство перед Черниговским г. губернатором о выдаче ему паспорта на выезд за границу; разрешение ему пришло через Новозыбковское полицейское правление, кажется, около 20 декабря, а 25 декабря, т. е. когда кощунник имел в руках паспорт заграничный, им совершается описанный поступок в храме.

По официальным дознаниям о. благоч. Фомичева и г. Новоз. исправника выяснено, что Ф. Мельников пел не один, а с братом меньшим Ив. Мельниковым (которому уже 20 лет) и пели ст. „Утверди Боже веру христианскую“, за которыми поминали пораскольнически „Державного царя нашего, а также господина преосвященнейшего Сельвестра, епископа Чернигов. и Балтского“ и проч. Нужно заметить, что официальные дознания производились в 20-х числах января, когда уже по всему Новозыбкову произошло сильное волнение и когда частным путём дошли сведения об этом происшествии до преосвящ. Антония Черниговского и начальника губернии, а Феодор Мельников уже тогда скрылся куда-то из Новозыбкова. В виду особых обстоятельств и условий Вонифатиевской церкви, официальные дознания не могли в точности раскрыть подробностей кощунственной выходки, по вопросу о том, при пении называли ли Мельниковы Государя Императора „неблагочестивейшим“, или только „державным“ (как белокриницкие раскольники называют и австрийского императора, – еретика). Ф Мельников, имея в руках заграничный паспорт, бдительно следил за молвой народа, с часа на час ожидал следствия, которое он предварил за два–три дня исчезновением своим в Румынию.

Честь и слава новому Новозыбковскому исправнику г. Голяховскому, который, не смотря на всякие препоны местного характера, установил дознанием факт кощунства, учинённого братьями Мельниковыми и направил это дело к следователю по уголовн. делам по 181 ст. Следственное дело побудило Евфима Мельникова и Василия (бывшего тогда на свободе) объехать Стародубье и посетить Москву. Но Феодор оказался счастливее брата. Следователь и товарищ прокурора старод. окр. суда

признали это дело неподсудным окружи, суду и передали его город. судье по обвинению Феодора по 29 ст. гражд. суд., обвиняя его только в оказательстве раскола. Дело это ещё не разбиралось судьёй и оно, конечно, кончится штрафом в размере пятидесяти рублей. Когда получилось такое благоприятное направление дела для Мельниковых, то Мельников – отец отправился (Велик. постом) в Бессарабию и там в Измаиле свиделся с возлюбленным чадом своим Феодором, а вскоре после Пасхи Ф. Мельников является и сам в Новозыбков, где и благоденственно доныне проживает. Впрочем, с 20 мая он неотлучно находился при брате Василии в г. Стародубе, после же суда он поспешил в Москву, Нижний и другие грады за советами о том, как бы искупить „страдальца“ брата... Что будет дальше проживём, – увидим и сообщим.

Миссионер священник *Иоанн Рябухин*

**Библиография // Миссионерское обозрение. 1900 г.
№ 7–12. С. 160–171**

**Чельцов М. [Рец. на:]: Плотников К. свящ.
Руководство по обличению русского раскола,
известного под именем старообрядчества. Пятое,
вновь исправленное и дополненное, издание.
Петрозаводск. 1900 г. Ц. 1 р. 20 коп. с перес. С. 160–
164**

С приятным чувством какой-то радости встретили мы пятое издание книжки о. Плотникова. Её сравнительно быстрое распространение ясно свидетельствует о таковом же росте внимания и интереса к делу обличения раскола и об увеличении количества лиц, посвящающих себя этому делу. Не испарилось это удовольствие у нас и от самой книжки о. Плотникова.

В своём пятом издании книжка о. Плотникова сильно приближается к третьему. Это сближение произошло, на наш взгляд, в пользу самой книги и произошло от того, что автор после положительного изъяснения пререкаемого раскольниками вопроса выставляет под рубрикой „возражения“ очень многое и самое важное из того, что раскольники говорят против того или иного, автором уже сделанного, изъяснения вопроса. Это проведение возражений и непосредственно следующее их изобличение весьма важно, на наш взгляд, в книге с теми предназначениями, какие имеет рассматриваемая книга. Она составлена, по словам автора, применительно к семинарской программе и составлена, на наш взгляд, излишне уж внимательно ко всяким мелочным требованиям программы в ущерб более важному; след., автор её желает её видеть в качестве семинарского учебника. Таковой она в действительности и является в большинстве духовных семинарий. А для семинариста весьма важно знать не только положительное решение вопроса, но и существующие против него возражения, – и это для него не менее, если не более, важно знать, чем первое. Правда, их может выставить и учитель при прохождении с учениками программы; но не всякий и всё из них может воспроизвести перед учениками: учителя историй раскола большей частью люди все молодые и часто

переменяются. Да затем такой способ ознакомления с возражениями потребует и лишнего времени; а наличие их в книжке даже без обращения на них внимания учителя привлечёт к ним ученика. – Настолько же, если опять не более, важно найти возражения раскольников в книге для обличения раскола и для священников. Зная их, он смело идёт на беседу, не боясь встретить возражений от лица раскольников. – Важно встретить возражения в книге и раскольнику, которому попадёт она в руки (а она уже у многих из них имеется). Он увидит всю беспристрастность составителя её и – знакомый уже с возражениями, так как все возражения эти ему хорошо известны, он ознакомится и с их обличениями.

Второе приятное в книге о. Плотникова – это уделение им сравнительно большего внимания рассмотрению учения Швецова, Перетрухина и др. о церкви. Это весьма важно. Желательно было бы, чтобы этому отделу ещё более было бы уделено места в виду особой важности. Его необходимо поставить на место разбора известной теории о ветхозаветном жертвенном огне. Этой последней автором уделено очень много внимания, чего она совершенно не заслуживает. Она уже отжила свой век и теперь, как неудовлетворительная даже по сознанию самих раскольников, почти совершенно не слышится на беседах. Не зачем и нам ею заниматься.

К достоинствам книги не можем не отнести и того, что при пересмотре её автор обратил серьёзное, кажется, внимание на большую точность и определённую в выражениях, в определениях и разных выводах, чем как то было в прежних изданиях. Конечно, недостатки остались с этой стороны и теперь, но гораздо в меньшем числе. Желательно, чтобы при новых изданиях, автором на эту сторону ещё более было бы обращено внимания.

Объяснившись на счёт удовольствия от книги о. Плотникова, не можем не сказать, что многое в книге нам хотелось бы видеть в другом порядке, направлении изложенным, с другим содержанием представленным и т. п. А именно:

1) Есть у автора рубрика „О догмате и обряде“. Под ней автор ведёт академически научные по характеру и отвлечённо-

абстрактные по изложению рассуждения о том, что называлось и называется догматом и обрядом. Даёт тому и другому определения и объяснения, отмечая их свойства и отличительные признаки и доказывая их историей верность своего понятия о них. Но для чего и для кого всё это? По нашему мнению, и рубрики-то такой не должно быть. Раз книга пишется для целей обличения раскола, то автор её никогда не должен упускать из внимания, кого и что он обличает, – след., должен считаться с учением обличаемых, а общих вопросов он должен касаться по столько, и с той стороны, поскольку и с какой они затрагиваются. А о догмате и обряде никто из раскольников не станет с вами рассуждать: они все согласны в этом с нами и почти под всем, написанным у о. Плотникова по этому предмету, охотно подпишутся. И всё-таки потом с полным правом воскликнут, что „крест“ т. е. крестосложение изменять нельзя, и скажут, почему же именно нельзя, – потому де, что это „предание“. – Найдутся, впрочем, и такие, которые потребуют указать от книг, где это догматы и обряды так разделяются, как сделано в книге о. Плотникова, и в какой старой книге упоминается об обрядах. Интересно бы знать, что бы на это им ответил о. Плотников?! Сведением же обычным речи к „преданию“ раскольники ясно показывают, откуда, в каком направлении должна вестись речь о догмате и обряде, поскольку и с какой стороны должно рассматривать эти предметы. Поэтому мы признаём более целесообразной постановку рассмотрения этого предмета, какую встречаем „в обличении раскола“ у проф. Ивановского. Начав с рассмотрения вопроса о предании легко прийти к рассуждению о догмате и обряде и при таковом порядке рассуждение это не явится для раскольников неожиданностью и будет более убедительным. После этого не всякий решится сказать, что двуперстие предание неизменяемое.

2) Выясняя понятие о церкви, автор, указав различные значения этого слова, почему-то не хотел привести определения церкви, содержащегося в Б. Катехизисе, а даёт своё (на стр. 61), довольно гуманное, не точное и растяжимое. Из Катехизиса же определение он приводит лишь тогда, когда после выяснения

признаков церкви он думает, что привёл читателя к убеждению в истинности и верности определения церкви из Б. Катехизиса. Само выяснение признаков-то церкви только тогда для раскольника ясно, понятно и убедительно, когда о необходимости их он узнаёт из определения церкви по Б. Катехизису. А Б. Катехизису он верит; поэтому не для чего его убеждать в этом.

3) Переходя к „Рассмотрению общих всем раскольникам мнений“, автор ограничивается лишь перечислением этих мнений. Этого недостаточно. Весьма необходимо было бы автору выяснить, что это за мнения по их отношению к „еретичеству“ Правосл. Церкви, как к ним нужно относиться полемисту, на что при опровержении их ему нужно обратить внимание, с чего начать и т. под., т. е. – показать было нужно, что в догматическом отношении во всех перечисляемых им мнениях погрешности со стороны Церкви Православной не содержится. Опустив эту *главнейшую* сторону здесь, он не обращает на неё достаточного внимания и при разборе каждого отдельного мнения. К сожалению; ничего об этом он не говорит и в отделе: „Характер, полемики против раскола“ (стр. 47–51). Так, следоват., и оставляет нас в неведении относительно того, как и с чего нужно начинать беседовать по вопросам обрядовым...

4) Ведя речь о клятвах собора 1667 г., автор не постарался установить хронологической и генетической связи деяний этого собора с деяниями собора 1666 г. и через выяснение, что последний собор призывал на суд и судил лиц, не счёл нужным привести читателя к убеждению, что и собор 1667 г. мог судить тоже только лиц. – Известно, конечно, автору и решение вопроса о клятвах собора проф. Ивановского. С ним можно и не соглашаться, но познакомить с ним читателей о. Плотникову необходимо было бы, хотя бы в подстрочном примечании.

5) Разбор учения об антихристе о. Плотников начинает с вопроса об обличителях его. Почему он с этого начинает и вообще почему такого, а не другого, плана в рассмотрении частных вопросов в вопросе об антихристе держится? – Конечно, для этого есть у него основания. Вот познакомить с ними читателей и необходимо было автору. Сделав это, он указал бы

тем самым план собеседований с раскольниками по этому вопросу и даже сам метод.

Высказать автору эти все соображения по поводу пятого издания его „Руководства по обличению русского раскола старообрядчества“ мы решились не в целях отметить чёрное в его труде, а единственно из желания помочь ему, при дальнейших изданиях его труда, обратить внимание на то или другое. Труд его достаточно уже оценён самим фактом, выходом его пятым изданием. Значит, он нравится и отвечает своему предназначению. Таковым находим мы его и в пятом издании. Поэтому с удовольствием рекомендуем его к выписке всем, которые желают иметь, руководство по обличению раскола.

М. Чельцов

Ч-ков С., свящ. [Рец. на:]: VII. «К лучшему будущему».
Н. Н. Неплюева. гл. VII. Торжествующая любовь.
Книжки «Недели». Август 1899 г. С. 164–171

7-я глава статьи Н.Н. Неплюева, напечатанная в августовской книжке „Недели“ за 1899 г., носит название „Торжествующая Любовь“. В ней автор рассматривает различные виды и степени христианской любви. Тем интереснее ознакомиться с её содержанием. Любовь имеет несколько степеней. Есть любовь на степени „сурового долга“, когда люди „совершают своё спасение со скрежетом зубовным“. Такая любовь основой жизни быть не может. Она не естественна. „Всё естественное для нас, соответствуя природе нашей, не только легко для нас, но и радостно, удовлетворяя потребность души нашей. Пока не находим радости в подвиге любви, мы ещё не любим, подвиг этот не потребность любящего сердца нашего, а тяжёлые цепи, налагаемые на себя по расчётам страха или корысти. Это – самоистлевание, которое „основой“ для нормальной жизни быть не может“ –

Другая степень любви – это „благодушная уживчивость с добром и злом, с представителями добра и зла, безразлично“. И эта любовь не может быть „основой“ жизни для людей.

Есть любовь „на степени бессистемной благотворительности“. Она пользуется особенным уважением в обществе и потому Н. Н. Н. считает необходимым особенно внимательно остановиться на ней и показать её несостоятельность, как „основы“ для нормальной жизни человечества. Рассмотрение этого вида любви и составляет главное содержание VII главы. Н. Н. Н. очень пренебрежительно относится к „бессистемной благотворительности“, проявляющейся в том, чтобы накормить голодного, посетить больного, одеть нагого и т. п. „Бессистемная благотворительность даже самая искренняя, основанная на чувстве сердечного участия, живой жалости – лишь паллиатив, не только не подготовляющий лучшего будущего, не организующий жизнь на началах добра и любви, но, напротив,

часто вредный, усыпляя совесть, покрывая грязь и безобразие жизни цветами совсем неестественными несоответствующими „основам“ жизни. Это – ребяческое отношение к делу любви, при котором любовь всегда останется украшением жизни, а не станет её основой... Человечество так долго жило на основах страха и корысти, что зло является рутиной, а добро – исключением. Плоды зла неисчислимы. Целая жизнь, самые большие состояния ничто в деле вычерпывания этого моря зла и скорби. Самая широкая благотворительность в этом направлении, действительно, наивная сентиментальность и близорукая утопия... Какая странная, наивная, близорукая деятельность: плавая на спасительном поясе богатства по бездонной пучине горя и страданий, вытаскивать из воды утопающих, не для того, чтобы поставить их на сушу, а для того, чтобы, дав им немного подышать, снова погружать в ту же бездну, в которой они раньше захлёбывались“.

Чувствуя, что нельзя безусловно отвергать значение добрых дел милосердия, которым Сам Господь Иисус Христос воздал величайшую похвалу, автор делает оговорку: „Следует ли из сказанного, что не надо накормить голодного, одеть нагого или облегчить страдания больного? Конечно, нет! Всё это дела живой любви. Не надо только успокаиваться на этой малой степени любви, при которой довольствуются бессистемной помощью тем немногим, которых видят, и тем немногим страданиям, которые бьют по нервам нашим, ничего не делая для предупреждения безвинных страданий миллионов и облегчения тех страданий, которые, будучи не менее реальными и жестокими, менее бьют по нервам нашим“.

Затем, как бы спохватившись и сожалея о сделанной уступке, автор ещё с большим ожесточением нападает на дела благотворительности: „Если мы по природной ограниченности, по крайней умственной неразвитости или по каким-либо особенно неблагоприятным обстоятельствам не можем измыслить ничего лучшего для торжества любви и добра, кроме борьбы с результатами зла... мы прекрасно сделаем, если накормим хотя одного голодного, оденем хоть одного нагого, облегчим страдания хоть одного больного. Если мы понимаем, что можем

сделать лучше, можем послужить на дело стройной организации добра и этим путём предотвратить для миллионов безвинное голодание, холод и болезнь не только тела, но и ума, и сердца – грех, преступление, постыдная слабость любви – отвлекаться от этого главного дела из-за каприза любви и жалости к отдельным людям. Накормите голодного, но не забывайте, что вы этим ничего не сделали для того, чтобы не было безвинно голодных, и пусть то малое дело любви, которое вы сделали, не успокаивает совесть вашу, не заслоняет от вас того великого дела любви, которое вы можете и, следовательно, должны сделать, которое вы желать должны бы более этого малого дела, если бы сама любовь ваша была сильнее, глубже и шире. Если, делая великое дело любви, вы от него отвлекаетесь на делание малых дел потому, что вид частных страданий так сильно бьёт по нервам вашим, что каприз жалости к одному заставляет вас забывать разумное дело жалости ко всему человечеству, не обманывайте себя, сознайте, что вы отняли у великого дела любви ко многим, страданий которых вы не видите, то, что отдали на прекращение страдания, которое случайно попало вам на глаза и ударило по нервам вашим“.

Такая „бессистемная благотворительность“, такая любовь ко всякому встречному не может быть „основой“ для нормальной жизни человеческого общества.

Какова же, наконец, истинная любовь? „Серьёзное, практическое дело любви – это созидание оазисов, в которых на твёрдой почве стройной организации жизни и отношений на началах любви могли бы находить убежище люди доброй воли, вместо того, чтобы на минуту обсохнув, снова погружаться в пучину моря житейского“. Только эту степень любви следует признать естественной, нормальной для истинных представителей живой любви, только она может стать „основой“ правильной, разумной жизни человечества, только она есть „любовь, торжествующая“ над злом и скорбью жизни.

* * *

Таково содержание VII главы статьи Н. Н. Неплюева.

Мы не будем говорить о двух первых видах „любви“, потому что в них нет никаких признаков любви. Как ни почтенно само по себе строгое исполнение долга, тем более соединённое с тяжкой внутренней борьбой, но это ещё не есть любовь. Не может быть названо любовью и равнодушие к добру и злу, к добрым и злым людям безразлично.

Остановимся на рассмотрении третьего и четвёртого видов любви. Мысль Н. Н. Н. заключается в том, что помощь отдельным страдающим людям не имеет никакого существенного значения, не уменьшает массы скорби и зла на земле и потому такое проявление человеческой любви должно быть признано наивной сентиментальностью, не только не заслуживающей сочувствия, но даже вредной. Разумное и действительно плодотворное дело любви состоит в том, чтобы стройно организовать жизнь и все отношения на началах любви, чтобы устраивать оазисы или приюты, в которых *люди доброй воли* могли бы объединяться в стройные трудовые братства.

Рассмотрим эту мысль при свете учения св. Евангелия и Православной Церкви. Нам бросается прежде всего в глаза резкое противоречие между тем, что говорит св. Евангелие и учением Н. Н. Неплюева. Как мы видели, нет тех достаточно резких выражений, которыми бы Н. Н. Неплюев уничижал такие скромные добрые дела, как: накормить голодного, напоить жаждущего, посетить больного, одеть нагого. По его словам, это и „немощь нервов“, и „постыдная слабость любви“, и „каприз жалости к отдельным людям“, и „грех“, и „преступление“, и „отнятие у всего человечества того малого добра, которое мы отдаём попавшемуся нам на глаза несчастному“. Раскрываем св. Евангелие и читаем в нём: Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле Славы Своей, и соберутся перед Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов по левую.

Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы

приняли Меня; был наг и вы одели Меня; был болен и вы посетили Меня; в темнице был и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! Когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? Когда мы видели Тебя странником и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне. Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня, был наг и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня. Тогда и они скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе? Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне. И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную“. (Ев. Мф.25:31–46).

И так в то время как Н. Н. Н. не находит достаточных слов для уничтожения частных дел милосердия, Господь Иисус Христос на Страшном Суде Своём ни в чём ином не потребует от нас отчёта, как именно только в том, творили ли мы эти дела милосердия! Господь не спросит нас, служили ли мы всему человечеству, устраивали ли мы „оазисы любви“, не спросит даже о том, правильно ли мы верили, но спросит лишь о том, что могут и должны делать все люди, какую бы они религию не исповедовали, какого бы образа мыслей не держались, спросить, были ли мы милосердны?

В таком же противоречии стоит учение Н. Н. Н. с посланиями св. Апостолов, с примерами святых, но прежде всего с примером и учением Христа Спасителя.

Всем известно, что Евангелие нигде ничего не говорит о любви к человечеству вообще, к тому отвлечённому, тёмному и необъятному целому, которое можно любить самой пламенной (воображаемой) любовью при самом грубом отношении к окружающим нас людям, не везде говорит о любви к ближнему“,

т. е. к ближайшему, около нас находящемуся человеку, которого мы видим и слышим, и вот этого-то ближнего, так часто злого, неинтересного и неприглядного, оно и повелевает нам возлюбить „с нежностью“, как самого себя. Господь знает, что, возлюбив всякого отдельного человека, ты будем любить и всех людей в совокупности – всё человечество. Везде, где Иисус Христос учит о любви, Он учит именно о любви к ближнему, ко всякому отдельному человеку. Так, Он рассказывает притчу о милосердном самарянине, совершившем великий подвиг любви тем именно, что пришёл на помощь израненному всеми покинутому человеку. С точки зрения Н. Н. Н. милосердный самарянин проявил лишь „постыдную слабость любви“, показал „немощь своих нервов“, а Иисус Христос представил его, как образец любви к ближнему! „Иди, и ты послушай также“! прибавил Он, рассказав эту притчу.

В другом месте И. Христос рассказывает притчу о добром пастыре, оставляющем 99 овец и идущем разыскивать одну погибшую. И опять, какая противоположность тому, что проповедует Н. Н. Н. Он утверждает, что отрываться от великого дела любви ко всему человечеству для того, чтобы оказать помощь отдельному человеку, есть „грех“ и „преступление“, а Иисус Христос видит в этом высочайшее проявление милосердия и любви!

Чему учил Иисус Христос, то Он и делал. Его жизнь полна самых простых, самых, так сказать, обыденных, но вместе с тем самых великих и трогательных дел милосердия. „И ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах их и проповедуя Евангелие Царствия и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях... и приводили к Нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их“ (Ев. Мф.4:23–24).

Раскроем теперь послание св. ап. Иакова и послушаем, как он учит о делах милосердия: „Чистое и непорочное благочестие перед Богом и Отцом есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях“, говорит он. И в другом месте: „Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет

им: „идите с миром, грейтесь и питайтесь“, но не даст им потребного для тела: что пользы“? (Иак.2:15–16).

Тому же учит нас и св. апостол любви: „кто имеет достаток в мире, но видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце своё, – как пребывает в том любовь Божия“? (1Ин.3:17).

Обратимся к примерам святых. Как истинные последователи и верные подражатели Своего Господа, они, подобно Ему, совершали многочисленные дела милосердия. Ни у кого из них мы не найдём и тени нарекания на таковые дела. Наоборот, св. Анастасия посещает заключённых в темницах, облегчает их страдания, перевязывает раны, выкупает на свободу; св. Пантелеймон исцелял телесные недуги; св. Филарет милостивый раздаёт всё имение своё нуждающимся; пресвитер Анастасий (о котором рассказывается в житии св. Василия Великого) тайно содержит в доме своём прокажённого и самоотверженно служит ему; св. Николай Чудотворец спасает невинно-осуждённых на смерть от казни, мореплавателей от потопления, невинных дев от бесчестия и делает тысячи других дел милосердия и сострадания; св. Тихон Задонский посещает тюрьмы, помогает нуждающимся, утешает скорбящих, примиряет враждующих. Но нам не достало бы ни сил, ни времени повествовать о всех делах милосердия, совершенных святыми угодниками Божиими на протяжении многих столетий существования Христовой Церкви! И с другой стороны ни в Евангелии, ни в посланиях апостолов, ни в житиях святых мы не найдём ни малейшего указания на то, чтобы существовало иное высшее проявление любви к людям, кроме помощи отдельным страждущим.

Неужели же во всех этих случаях проявлялась не настоящая, не совершенная христианская любовь? Неужели все эти сонмы святых менее глубоко понимали Христово учение о любви, нежели мы его понимаем в наши дни?

Дело, однако в том, что в то время, как и св. Евангелие и православное учение веры под христианской любовью всегда понимают настроение сердца, Н. Н. Н. под любовью понимает внешние дела. Находя, что организация оазисов любви может гораздо скорее и вернее обеспечить благополучие человечества, нежели благотворительность отдельным людям, он считает

первую более полным проявлением христианской любви, нежели последнюю, забывая, что ценность любви зависит не от количества совершаемых ею добрых дел, а от её собственных внутренних качеств, от её искренности, бескорыстия, горячности, силы.

Поэтому он огульно осуждает всякую благотворительность, забывая, что благотворительность бывает различная: есть благотворительность от скуки, благотворительность богатых и праздных людей, желающих чем-либо более или менее хорошим наполнить свою пустую жизнь, есть благотворительность, внушаемая тщеславием и другими корыстными побуждениями; есть благотворительность, внушаемая жалостью и состраданием, но не идущая далее отдачи другим того, что самому себе не нужно; есть благотворительность по чувству нравственного долга, или для успокоения совести; есть, наконец, благотворительность, внушаемая горячей, бескорыстной, самоотверженной любовью к Богу и людям. Все эти виды благотворительности нельзя смешивать безразлично и ценность их неодинакова. Достоинство добрых дел зависит единственно от глубины силы одушевляющей их христианской любви. Чем чище, горячее, самоотверженнее эта любовь, тем чище и лучше само дело.

Смешивая христианскую любовь с холодной и поверхностной благотворительностью, Н. Н. Н. потому только и может назвать её „цветами, украшением жизни“, не касающимся самых „основ“ жизни; на самом же деле христианская любовь не цветы, не украшение, не забава, а великий, святой и многотрудный подвиг, коренным образом изменяющий сами „основы“ человеческой жизни!

Только смешивая христианскую любовь с холодной и поверхностной благотворительностью, автор может называть её бесплодной в деле борьбы со злом и скорбью мира. Бесплодна, действительно, эта холодная благотворительность, но и она бесплодна не потому, что питает голодных, одевает нагих, посещает больных, а потому что совершает эти святые дела без одушевления истинно-христианской любви!

На самом же деле – христианская любовь есть единственное, побеждающее всякое зло в мире средство! И при том здесь имеет значение не форма, в которой проявляется любовь, а сила и чистота самой любви. Питаем ли мы голодных, одеваем ли нагих, посещаем ли больных, воспитываем ли детей, создаём ли „оазисы любви“ – вся сила не в делах этих, а в том чувстве любви, с которым мы их совершаем. И если у созидателей „оазисов любви“ будет меньше чистой, горячей любви в сердце, нежели у того, кто накормит первого встречного голодного, то и плода от его любви будет меньше. Нельзя пренебрежительно отзываться об этих малых делах! Если что до сих пор возрождало людей, если что согревало сердца их, если что наполняло души их светом, утешением и отрадой, если что разрушало мрак и злобу в людях, то только та истинно-христианская любовь, которая ярко и чисто *горела в сердцах* её служителей, а не та, которая гремела по миру громкими делами, не имея глубокого корня в сердце!

Чтобы ясно представить себе силу этой благотворной живительной любви, вспомним, не говорим уже Спасителя с Его прощальной беседой, но, например, хотя бы Серафима Саровского, вокруг которого существовала как бы особая атмосфера нежной любви, в которой духовно согревался и очищался сердцем самый холодный, приходивший к нему человек. Такая любовь не бесплодна. Напротив, если бы её было больше в мире, мир просиял бы как солнце!

* * *

И так, не в той или другой форме проявления любви заключается её жизненная плодотворная сила, а в том, чтобы сама любовь была истинно-христианской!

Говоря это, само собой разумеется, не отрицаем и того четвёртого, вида любви, который Н. Н. Н., со свойственным ему красноречием и одушевлением, называет, „торжествующей любовью“. Но, повторяем, устройство „оазисов любви“ постольку лишь и будет плодотворно, постольку лишь и может изменить лицо земли, поскольку в них будет жить истинно-христианская любовь, которую свято хранит и воспитывает в своих чадах православная Христова Церковь! Если же этой любви в них не

будет, то они не только не будут иметь на жизнь никакого нравственно-возрождающего влияния, но и сами погибнут от внутреннего разложения!

Свящ. С. Ч-ков

**Известия и заметки // Миссионерское обозрение.
1900 г. № 7–12. С. 171–176**

Современные мученики за веру Христову и мучения.

Кровавая борьба язычества в Китае с христианством повергла весь цивилизованный христианский мир в ужас и скорбь и заставила вспомнить страшные времена гонений, пережитые на заре христианской эры последователями Христа Спасителя. Трудно вообразить ту страшную, душу надрывающую картину мучений, какие выпали на долю проповедников Христова Евангелия в Китае и юной церкви христианской в этой стране. Более 5 т. христиан китайцев варварски замучено, кровь новых мучеников за веру Христову обагрила веси и грады этой языческой страны, – реки завалены трупами христиан. Миссионеры, коих насчитывается до 1500 душ, – наиболее всего католиков, – или замучены или же изгнаны, миссии и храмы разрушены и сравнены с землёй. Каким страшным мукам подвергались миссионеры и христиане, можно судить по описанию пыток. Вот какие ужасные сведения о пытках, которым подвергаются в Китае миссионеры, сообщают „Русск. Вед.“, при описании Парижской миссионерской семинарии. При семинарии имеется музей, в котором собрана многочисленная коллекция китайских пыток, которым подвергнуты были французские миссионеры. Орудия эти резко отличаются от орудий средневековой инквизиции в Европе. В них больше холодной рассчитанной, медленно и ровно действующей жестокости. Китайские пытки не разрушают и не уничтожают свои жертвы сразу. Они изводят и губят их постепенно. Они притупляют страдание, делают их иногда как будто даже сносными, лишь бы процесс истощения и замирания подвергнутого пытке человека продолжался как можно дольше. Здесь можно видеть клетку, заменяющую тюрьму; верх и низ у неё дощатые; боковые стенки решётчатые. В клетке метр высоты и полтора метра длины; заключённый в ней должен сидеть сгорбившись, с подогнутыми в коленях ногами. В таком положении его держат недели, месяцы. Две тяжёлые и толстые широкие двухдюймовые доски

соединены между собой шарнирами; в досках вырезаны три отверстия – для человеческой шеи и для кистей обеих рук. Доски, раздвинув и сомкнув их, помещают на плечах у пытаемого и запирают их на замок. Это орудие не даёт ни сидеть, – оно давит своей тяжестью, – ни лежать. Темя жертвы, – у китайцев совершенно голое, бритое, – вымазывают сиропом, для привлечения мух. Каталог музея объясняет, что многие, особенно европейцы, не выдерживают этого испытания и сходят с ума. Бритвы, тонкие и длинные, употребляются для вырезывания ремней из кожи, обыкновенно на спине и на руках, от предплечья до локтя. При помощи иголок особого вида, похожих на вязальные спицы, выкалывают и вырисовывают на щеках и лбу разные позорные надписи и изображения. Бастоннада⁷¹ в пятки производится при посредстве плоской и упругой бамбуковой дощечки; после пятидесяти ударов пятки распухают, как подушки, и наказанный, иногда в продолжение нескольких недель, может передвигаться, только ползая на коленях. Кнутом, состоящим из четырёх кожаных лопастей, бьют по щекам. После нескольких сильных ударов наказуемый обыкновенно теряет сознание; от кнута нередко выпадают зубы. Для вырывания кусков живого мяса китайцы пользуются щипцами холодными и до красна накаливаемыми. Раны, нанесённые без огня, иногда заживают, но членовредительства с ожогами почти всегда вызывают мучительный конец.

Самая ужасная пытка, предшествующая смертной казни, у китайцев именуется „воздушной клеткой“ и, по словам каталога, особенно охотно применяется к европейцам. „Воздушная клетка“ – квадратный помост на четырёх столбах, несколько превышающих человеческий рост. Помост состоит из двух раздвигающихся половинок с вырезанным в них отверстием, соответствующим объёму человеческой шеи. Обречённый на эту пытку висит в стойке, всей тяжестью своего тела, только на подбородке. Руки у него свободны, и он пытается поддерживаться или, ухватившись за края помоста; но руки скоро ослабевают, срываются, падают плетями, и жертва в страшных конвульсиях умирает!

Православие, православные и русские школы в Китае. С. 173–176

На днях телеграф сообщил о разграблении и сожжении одной из пяти православных церквей в Китае. Приведём по этому поводу некоторые сведения о положении там Православия и православных⁷².

Знакомство Китайцев с Православием началось ещё до XIV столетия. Возникли города Нерчинск и Албазин, а по всему течению Амура – русские поселения (Додонское, Селенгинское, Зейское, Тугарское); был прислан и русский воевода – Алексей Толбузин.

В 1684 году, по повелению богдыхана, Албазин был взят Китайцами, и одна часть его жителей переселилась в Нерчинск, а другая – поступила на службу в Пекин к богдыхану. С этими переселенцами отбыли священник Максим Леонтьев, взявший с собой церковную утварь и икону Св. Николая Чудотворца.

Русские были зачислены в военное сословие, и богдыхан Куан-Си дал им для богослужения буддийскую кумирню. Тобольский митрополит Игнатий послал отцу Максиму в Пекин антиминс со св. миром и богослужебные книги и, благословляя пленников в особой грамоте, наставлял их „не печаловаться своим пленением и на службах Божиих поминать богдыхана, дабы Бог соединил его святой Своей Апостольской Церкви“.

Получив антиминс и св. мир, Русские из часовни сделали церковь во имя Св. Софии Премудрости Божией, и торжественное освящение её состоялось в 1698 году, причём было крещено много Китайцев.

Пётр Великий, получив о сём известие от думного дьяка Вениуса, дал такую резолюцию:

„Дело то зело изрядно. Только Бога поступайте в том опасно и не шибко, дабы китайских начальников не привести в злобу, также иезуитов, которые там от многих времён гнездо своё имеют.“

В 1700 году указом Петра I в Тобольске была образована особая миссия „для приведения в веру христианскую Китайцев и

проживающих в Сибири язычников“. В 1711 году отправившемуся в Пекин комиссару Григорию Осколкову было поручено хлопотать пред правительством богдыхана о дозволении отправить из России в Китай православных миссионеров. Хлопоты увенчались успехом, и в конце 1714 года в Китай прибыла первая православная миссия, во главе с отцом архимандритом Илларионом, который был возведён в мандарины пятой степени, а всем миссионерам назначены от богдыхана квартиры и жалованье.

В 1727 году Екатерина I, отправляя в Пекин чрезвычайным послом графа Рагузинского, между прочим, возложила на него и дело устройства православных в Китае. Переговоры были успешны: Китайское правительство на свой счёт устроило в Пекине новый православный храм и обязалось содержать при миссии трёх православных священников.

Но всё это рушилось со вступлением на престол Кианг-Лунга, подпавшего под влияние иезуитов, так что даже в начале этого века иеромонах Гурий писал, что –

„Албазинцы⁷³ в потомстве – это испортившийся виноградный сок, из которого не только нельзя сделать вина, но даже и уксуса. Несмотря на то, христианство в Китае существует; правда, оно похоже больше на обстрелянный корабль без парусов, мачт и руля, но под кровом Божиим этот жалкий корабль в тихой пристани, на месте не глубоком“.

В 1818 году в Китай была отправлена десятая миссия, под начальством П. И. Каменского, имевшая большой успех: но дело Православия в Китае пошло сравнительно хорошо лишь во вторую половину истекшего столетия, причём особенно потрудился стоявший в течении 20 лет во главе русской миссии и оставивший этот пост в 1897 году отец архимандрит Амфилохий (Лутовинов).

Ныне русскую православную миссию в Пекине составляют: начальник отец архимандрит Иннокентий, два иеромонаха и один священник. Должно-быть и сейчас при миссии находятся гг. Григорьев и Благовидов, посланные Министерством Иностранных Дел для изучения китайского языка на месте. Но

если они отбыли свой срок, то теперь на их месте должны быть также молодые люди.

Православных храмов в Китае сейчас только пять: в Пекине – два, один в Урге, один в Хань-коу и один в деревне Дун-дун-он.

Церковь в Урге при нашем генеральном консульстве была давно, но не имела постоянного причта, так что для богослужений за полторы тысячи вёрст приезжал сюда член миссии из Пекина. С 1893 года в Ургу назначен постоянный причт, с жалованием от Государственного Казначейства: священнику 1.200 руб. и псаломщику 700 рублей. Г-жа Котельникова завещала 10.000 руб. на новый православный храм в Пекине, и капитал этот хранится в Шанхай-Гонконгском Банке.

В обоих пекинских храмах поют при богослужении стройные хоры певчих, обученных иеромонахом Амфилохием (Щикуновым), причём стройное пение привлекает немало и язычников.

Китайцы весьма восприимчивы к Православию и отнюдь не питают вражды к нему, как это делают по отношению к католикам и протестантам. Один богатый крещёный Китаец, Николай Моисеев, в 1891 году на свой счёт обновил русское пекинское подворье, пострадавшее от наводнения. Другой Китаец заведует находящеюся при нашей духовной миссии метеорологической станцией.

Один из деятелей Православия, иеромонах Стефан, пишет:

„Китайцы не только принимают меня всегда радушно, но охотно вступают в беседу со мной о вере своей и нашей... Китайцы смотрят на свою религию совершенно индифферентно и более склонны к христианству“.

Характерен следующий случай.

Летом 1895 года в Благовещенск прибыла Китайка А-ла-ту и заявила, что, наслышавшись о Православии, покинула родных своих, чтобы креститься и принять русское подданство. Она была крещена, получила имя Екатерины и заявляет, что „если бы Китайцы ближе узнали жизнь Русских и их религию, то они с радостью переменили бы своё язычество на христианство“.

Отец Стефан добавляет ещё, что „Китайцы, сблизившись с Русскими будут смотреть, а отчасти и смотрят уже на них *не как на своих врагов, а как на своих друзей, оказавших им большую услугу во время войны с Японией*“.

В **Православном Благовестнике** и других журналах опубликовано много случаев обращения Китайцев в Православие даже без стараний со стороны миссионеров: Китайцы сами приходили и просили ознакомить их с Православием, о котором слышали много хорошего. В выше указанном журнале описан трогательный случай, как Китаец Медей-Гу упорно требовал у отца Стефана крестить его.

В **Пекине** есть для православных две школы, – мужская и женская; ими заведует иеромонах Платон. Теперь в этих школах свыше 60 учащихся. Наиболее способные китайские мальчики на казённый счёт отправляются в Иркутскую духовную семинарию, или в духовное училище.

В **Тянь цзине** есть отличная русская школа, где два года, назад обучалось 36 Китайцев. Школой заведует русский учитель г. Гроссе и Китаец Лю-Чун-Хою. Китайцы так довольны школой что от себя назначили г. Гроссе добавочное жалованье по 400 долларов в год. Жив ли сейчас этот труженик?

В **Урумчи** сами Китайцы открыли и на свой счёт содержат русскую школу, коей заведует бывший практикант китайского языка в Петербургском Университете, Китаец Гейджук-цин, прекрасно знающий русский язык и Россию. Оригинально, что Китайское правительство содержит не только школу, но и учащихся, из коих каждый получает по 6 лан серебра (около 12 рублей) и по 45 гин (около 1½ пуд.) муки в месяц; наиболее же успевающие в русском языке получают по 10 лан в месяц. Ученикам, хорошо изучившим русский язык, правительство даёт места переводчиков в пограничных местах (Хотэн, Кашгар, Аксу, Суйдун, Чугучак, Турфан и пр.).

Есть русские школы ещё в *Урге* и *Ханькоу*. Возможно, что за последнее время открыты были и новые школы.

Прежний начальник Пекинской русской миссии, отец архимандрит Амфилохий, ещё в 1896 году через Св. Синод обращался в духовные семинарии и академии с вызовом

желающих миссионерствовать в Китае. В 1898 году при миссии уже было двое молодых людей, а сколько теперь – нет сведений.

Отец Амфилохий просил также об устройстве при русской миссии типографии. Он же составил *Китайско-Русский Лексикон*, но в Китае нет русского шрифта, а равно и наборщиков, знающих русский язык.

Впрочем, Евангелие на китайском языке уже давно издано в Лондоне и продаётся даже в Москве. Но для специально-православных целей необходимы особые издания, чего именно русская миссия и не может делать, за неимением типографии.

* * *

Донская Духовная Консистория уведомила Редакцию «Миссионерского Обозрения», что в Донской епархии вакантна должность епархиального противо-сектантского миссионера, содержание по коей положено 2000 руб. в год. Желающие занять эту должность лица с академическим образованием должны подать прошение, оплаченное гербовым сбором (2 марки), на имя Высокопреосвященнейшего Афанасия, Архиепископа Донского, с приложением документов.

Сентябрь

Лотоцкий В. К вопросу об освящении воскресного дня и праздников // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 177–192

Вопрос об освящении воскресного и праздничных дней в последние годы служит предметом особых забот нашей православной церкви и в частности её внутренней миссии, которая, в виду усиления сектантского брожения, заинтересована самым живым образом в упорядочении этого сложного и важного дела. Во всём рационалистическом сектантстве освящение воскресного дня строго предписывается кодексом основных заповедей и в штунде, например, эта заповедь блюдётся строго и свято, как высшая добродетель, отличающая отщепенцев от православного мира, где, к прискорбию, печальный факт базарной и ярмарочной торговли и соединённого с сим разгула в воскресные и праздничные дни является вековым застарелым злом. Зло это служит несомненным тормозом и в поднятии религиозно-нравственного развития нашего народа, и в деле миссионерского воздействия на сектантов. Последние при собеседованиях всегда и везде ставят миссионерам на вид нехристианское времяпровождение воскресного дня и праздников православным народом и обществом. В упрёках этих столько жизненной правды, что миссионеры не могут не признавать ненормальности и греховности этого глубоко укоренившегося в общественной жизни православной России обычая. Вот почему третий всероссийский миссионерский съезд в Казани возбудил особое ходатайство перед высшей церковной властью об издании особого закона, коим бы ограждалась святость воскресного и праздничного покоя. Вопрос этот настолько больной для миссии, что все епархиальные миссионерские съезды затрагивали его, возбуждая ходатайства о перенесении особенно оживлённых базаров и ярмарок с воскресных дней на будничные, в тех или других местах, служащих очагами сектантства. Усилиями миссии и заботами архипастырей и пастырей в этом отношении во многих местах положено начало полезным начинаниям. На

помощь церкви пришли также и некоторые городские думы, не исключая и столичной, ограничившие торговлю в воскресные и праздничные дни несколькими часами. К сожалению Сенат, в качестве высшего судебного учреждения, в одном из своих кассационных решений, во имя буквы закона, упразднил обязательную силу этого благочестивого постановления городских дум. Во всей широте был выдвинут вопрос о воскресном отдыхе фабричных рабочих на торгово-промышленном съезде в Нижнем-Новгороде, причём указан и путь, который может привести к благоприятному решению этого вопроса, – путь законодательного вмешательства.

По имеющимся сведениям, в этом именно смысле настоящий вопрос и разрабатывается ныне правительственной властью и близится к желательному всеми верными сынами нашей св. церкви и дорогого отечества решению.

В виду сего и принимая во внимание чрезвычайную важность этого вопроса вообще, а для дела миссии в особенности, мы считаем полезным и благовременным представить на страницах миссионерского органа апологетические и другие данные, освещающие историю и значение настоящего вопроса.

Вопрос о праздновании воскресного дня издавна служил предметом глубокого исследования, как западных, так и русских учёных, духовных и светских; он имеет уже весьма обширную литературу, особенно на западе, где он обсуждается в продолжении почти трёх веков⁷⁴.

У всех народов всегда существовали и теперь существуют праздники, т. е. дни, в которые человек прекращает свои будничные занятия и посвящает свою деятельность на служение Богу. Основание к этому находим на первых страницах Библии в повествовании о миротворении. „И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмой от всех дел своих, которые делал. И благословил Бог седьмой день и освятил его; ибо в оный почил от всех дел своих, которые Бог творил и создал“. (Быт.2:2,9). С этого времени празднование седьмого дня, имеющее своё основание в Божественном покое после шести дней творения, делается обязательным для всех

людей и получает форму прямой заповеди в Синайском законодательстве. „Помни день субботний, чтобы святить его“: „шесть дней работай и делай (в них) всякие дела твои, а в день седьмой – суббота Господу Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни вол твой, ни осёл твой, ни всякий скот твой, ни пришлец⁷⁵, который в жилищах твоих“ (Исх.20:9–10). И заповедь эта строго соблюдалась в течение всего ветхозаветного периода – более пяти с половиной тысяч лет. С пришествием на землю Искупителя ветхозаветный закон о субботнем праздновании не был совершенно отменён: Господь наш Иисус Христос лишь выясняет и возвышает это празднование. Он указывает истинные цели празднования седьмого дня: Богослужение (молитву и поучение в Слове Божиим) и дела милосердия, разъясняет, что покой необходим не сам по себе, а лишь как средство для успешного достижения истинных целей празднования. Как Сын человеческий и Господин Субботы (Мк.2:28), Господь выясняет и утверждает Своё право изменить празднование Субботы, а воскресши из мёртвых в первый день недели, Он через это соединил с этим днём более важные для Церкви Своей воспоминания, чем те, которые соединялись с ветхозаветной субботой. Суббота напоминала о творении древнего мира, который, вследствие падения человека, подпал власти „князя мира сего“ и „весь во зле лежит“, первый день недели напоминает об искуплении от власти греха диавола и воссоздании человечества. Поэтому суббота должна была уступить и, действительно, уступила место более торжественному дню воскресения Христова. Это совершилось после воскресения Христова в Церкви Апостольской. Уже в посланиях ап. Павла суббота называется тенью будущего (Кол.2:16,17), лишь сенью, а не самим образом вещей (Евр.10:1) и празднование воскресного дня в конце апостольского периода утверждается настолько, что день этот получает специальное название дня Господня (κυριακή, dominica – Откр.1:10). Празднование воскресного дня неизменно соблюдается затем во все последующие времена всей христианской Церковью с

большей или меньшей строгостью, соответственно с таким или иным уровнем нравственной жизни.

Сущность христианского празднования, согласно примеру Спасителя и учению древних отцов, состоит в делах духовных, т. е. в делах Богослужения и благотворительности. Подобно тому, как Сам Бог освятил и благословил день седьмой, т. е. возводил людей к святости и общению с Собой и сообщал им блага, и мы должны освящать свои праздники делами богослужения (общения с Богом) и посвящать их на Божьи дела. Самый первый воскресный день был для апостолов днём общения и беседы с воскресшим Христом. Из книги Деяний Апостольских (Деян.20:7) видим, что воскресенье или первый день недели при апостолах было днём общественного богослужения и совершения таинства Евхаристии. Таким оно оставалось и всегда во все время существования церкви. Многочисленные свидетельства об этом идут с древнейших времён, начиная с Плиния, учения двенадцати апостолов, Иустина. Тертулиана и др. Сущность учения Церкви о праздновании воскресного дня точно выражена в православном исповедании и в катехизисе. В первом говорится, что день седьмой „назначен на воспоминания всякого благодеяния, яко да человецы тогда поминающе данные от Бога благодати, благодарствуют, славяще величество Его... и во весь день долженствуем отъяться от всех наших дел и трудов; за еже имети ослабу во все расстояние дне упражняться в молитвах и в божественных размышлениях, за благодати, яже сотвори Бог на нас. Тем же и раби и пленницы всякого рода да не делают день он: но да упражняются в Божиих делах и да молятся, славяще Бога“. В православном катехизисе на вопрос, „как должно проводить праздничные дни“, даётся такой ответ: „во-первых, не должно в сии дни работать, или делать дела мирския и житейския, во-вторых, должно свято хранить оные, т. е. употреблять на дела святые и духовныя, во славу Божию“. На вопрос, „что именно прилично делать в праздничные дни?“ следует ответ: „а) приходить в церковь для общественного богослужения и поучения в слове Божиим; б) так же в доме заниматься молитвой и чтением или разговорами душеспасительными; в) посвящать Богу часть из своего имени и

употреблять, то на нужды церкви и служащих ей и на благотворения неимущим, посещать больных и заключённых в темницах и другие дела делать любви христианской“.

Таким образом, воскресение есть день, который должен быть посвящён исключительно религиозным занятиям и благотворительности. Конечно, вся наша жизнь должна быть проникнута религиозным духом. И в будничные дни, совершая свои мирские и житейские дела, мы обязаны, прежде всего, иметь в виду небесное наше назначение, и наши дела земные и житейские должны быть в то же время делами святыми, совершаемыми во славу Божию. Но всё-таки эти будничные дела привязывают нашу мысль и сердце к земле и тому, что на ней. И чем более предаёмся мы земным нашим занятиям, тем более требуется твёрдости и силы воли, чтобы сохранить в себе непрестанное памятование о Боге и спасении души. Земная наша жизнь с её будничными занятиями и бесчисленными мелочами, житейской суетой, представляет тысячи всяких препятствий, опасностей и искушений для религиозной нравственности, так что напряжённость её скоро ослабевает и может совсем упасть. Можно сказать, что мирской труд есть трата запаса духовного и религиозно-нравственного настроения. В виду этого, чтобы жизнь наша не потеряла своего религиозно-нравственного характера, необходимо периодически возобновлять и освежать этот запас. Прекрасное средство к этому и даётся церковью в христианском праздновании воскресного дня. Последнее обращает человека к непосредственному источнику всего святого – Богу, церкви, молитве, слову Божию, к Таинствам: оно снова возбуждает в человеке мысли о Боге, о мире духовном и будущей жизни, питает в нём религиозные чувства и поддерживает в нём религиозное направление, его веру в Бога, надежду на Него, любовь к Нему. Если бы христианские праздники время от времени не напоминали человеку о его высшем небесном назначении, то мир с его интересами и житейской суетой совершенно поглотил бы человека. Служение мамоне, страстям, чёрствый эгоизм. – вот необходимые последствия забвения нашего небесного назначения и всецелого погружения в этот

земной мир, который, по апостолу, „весь во зле лежит“. Периодическое обращение к занятиям религиозным есть одно из самых могучих средств для сохранения и развития в человеке религиозности. Таким образом, празднование служит необходимым условием для поддержания и развития религиозно-нравственной жизни народа. Без внешнего выражения ослабевает и может совсем заглухнуть внутреннее чувство, без упражнения забываются, по-видимому, весьма прочно установившиеся навыки; при недостаточном количестве пищи самое крепкое здоровье должно пошатнуться, наступает истощение и затем смерть. Так точно и религиозное чувство может сохраняться и развиваться в том случае, если будет находить себе соответствующее выражение, по крайней мере, в дни христианских праздников. Навык к религиозно-нравственной деятельности может поддерживаться и развиваться лишь в том случае, если эта деятельность не будет лишена того своего высшего и совершеннейшего упражнения, которое доставляет христианское празднование: иначе можно совсем отвыкнуть от религиозных упражнений и дел милосердия и потерять всякую склонность к ним. Не получая надлежащей пищи, религиозно-нравственная жизнь совсем может угаснуть.

Христианское празднование раскрывает человеку обширную область религии, молитвы, слова Божия и дел любви и уничтожает мертвящее однообразие будничной жизни: как день радости оно разгоняет эту томительную скуку будничной работы. В этот день человек снова получает все свои истинно человеческие права. Он чувствует, что жизнь его не исчерпывается этой тягостной работой, что есть для него и блаженство, которое он может получить от Бога и которое есть лишь предчувствие и предугадание будущего вечного блаженства. Это утешительное сознание поднимет в нём энергию духа и даст ему силы перенести все невзгоды жизни. Когда самые возвышенные стремления его природы удовлетворены, когда он излил свои печали перед Богом, когда он укрепил свой дух благодатными силами, – довольство возвращается в его сердце, труд не представляется ему уже

невыносимой тяжестью, и на следующий день он с охотой и бодростью принимается за трудную работу.

Благотворное влияние истинно-христианского религиозного празднования простирается, таким образом, и на телесные и экономические интересы человека. „Благочестие на все полезно есть, обетование имеюще живота нынешняго и грядущаго“ (1Тим.4:8). И это прежде всего потому, что Бог любящим Его вся споспешествует во благое, что Бог промышляет о мире и не оставит уповающих на Него“, потому, что жизнь и здоровье человека гораздо менее зависят от „хлеба единого“, чем от глагола, исходящего из уст Божиих“, но даже и в телесном отношении истинно-христианское празднование приносит большую пользу для христианина. Тяжёл труд земледельца, – который прежде всего чувствует на себе тяжесть проклятия Господня: „проклята земля в делах твоих: в поте лица твоего снеси хлеб твой“. И крестьянин сам чувствует крайнюю необходимость воскресного отдыха и строже, чем другие классы народа соблюдает праздники. Но разве возможно ему предаваться праздничному отдохновению от обычных трудов своих при существовании базаров в праздничные дни? Он принуждён ведь подниматься ранним утром, быть может, ранее обыкновенного, спешить на базар, чтобы успеть вовремя продать или купить нужное. И возвращаясь домой с базарной сутолоки, он чувствует себя ещё более физически и нравственно истерзанным, чем в обыкновенные рабочие дни. Разумеется, что здесь не может быть и речи о каком-нибудь физическом, или нравственном отдохновении и освежении. Таким образом, и в отношении отдыха празднование воскресного, дня имеет огромное значение. Поэтому-то о соблюдении этого празднования должны заботиться не только те, кто поставлен пещись о религиозно-нравственных интересах народа, но и те, кого прямое призвание заботиться о его материальных интересах и здоровье. „Мы, врачи, – говорил доктор Сикорский на торжественном заключительном заседании съезда психиатров в Москве 11 января 1887 года, – должны первые стоять на страже седьмого дня недели, ибо наши большие города забывают этот день и уклоняются от первого важного

требования трудовой нормы⁷⁶. Что сказано о больших городах, то вполне приложимо и вообще ко всему физически трудящемуся люду. Не только телесные, но даже и чисто экономические интересы народа не стоят в противоречии с празднованием воскресных дней. Экономические выгоды⁷⁷, доставляемые празднованием воскресного дня, вполне и даже с избытком покрывают причиняемые им убытки и наоборот: выгоды, приобретаемые нарушением праздников, – ничтожные и только кажущиеся, и влекут за собой ещё больший убыток. Основным условием успешности и производительности труда служит – охота и рвение к работе и крепость сил телесного организма. Но празднование воскресного дня весьма благотворно действует на возбуждение трудолюбия и улучшение здоровья. Таким образом, укрепление здоровья, продолжение жизни и сохранение необходимых для труда сил и охоты к труду – представляет из себя экономический капитал, во сто раз превышающий все экономические убытки от покоя воскресного дня. Какой народ наиболее трудолюбив и богат, где особенно развиты торговля и промышленность, где накаплиются народные богатства – как не в Англии? И однако именно англичане славятся наиболее строгим соблюдением воскресных дней. Евреи строго соблюдают свои субботы и однако разве у них хуже идёт торговля, чем у христиан, торгующих все дни подряд? Какие же могут быть основания против перенесения торговли с праздничных дней на будни? Ещё земледельческие работы в праздник в известных случаях могут находить себе оправдание в неотложной необходимости; но не имеют такого оправдания торговля и промышленные работы в праздник. Успех её зависит не от количества времени, употребляемого на него, а от количества спроса и покупателей. Для торговца важно не время, а спрос и покупатели. Оставьте ему прежнее число покупателей, и для его выгод совершенно безразлично – торгует ли он 7 дней в неделю, или 6, 5 (как, напр., приходится евреям в тех местностях, где запрещена воскресная торговля) и даже менее. Но христианское празднование воскресения никак нельзя обвинять в том, что оно уменьшает спрос на товар, поэтому домогательства торговцев на воскресную торговлю не могут

иметь ни малейшего оправдания. Другое дело, если один торгует в воскресенье, а другой нет, тогда первый отбивает у второго покупателя и второй неминуемо несёт убыток. Поэтому торговля в праздники должна быть прекращена всеми, даже иноверцами евреями, хотя бы эти последние и чувствовали для себя от этого стеснение. Духовная польза всего народа важнее, чем расчёты некоторых частных лиц. Ссылаются, обыкновенно, на то, что в будничные дни крестьянам некогда приезжать на базары, сбывать свои произведения и купить потребное для них. Но что за смысл такого возражения? неравносильно ли оно тому, если бы кто сказал, что для удовлетворения житейских потребностей нашему крестьянину недостаточно шести рабочих дней в неделе. Одно только изменение и может произойти в том случае, если базары будут перенесены с праздничных дней на будничные: крестьяне скорее сделают нужные им покупки, будут менее застаиваться на базарах, а те, которым нечего покупать и продавать, вовсе не явятся на базары; будет меньше пьянства, разгула, что так обыкновенно на праздничных базарах. Но разве эти изменения к худшему?!

Но есть и занятия более святые и необходимые, чем заботы о земных, материальных интересах. Совершая свои мирские и житейские дела, мы исполняем временное своё призвание. Непосредственное же служение Богу есть исполнение нашего вечного и небесного призвания. Земные дела важны не сами по себе, но потому, что, совершая их и заботясь об исполнении земного нашего призвания, мы тем самым делаем возможным исполнение и небесного призвания. Дела же непосредственного служения Богу имеют цель в самих себе, а не суть только средства для других целей, потому что не для земли создан человек, а для неба. Трои́нный Бог есть абсолютное добро и благо; посему непосредственное обращение ума и сердца к Нему есть добродетель гораздо более важная, чем обращение нашей деятельности к отдельным видам добра и блага, совершение частных добродетельных поступков. Бог есть абсолютная святость и источник святости; посему, и непосредственное обращение к источнику святости, конечно, более свято, чем посредственное и не прямое обращение к Нему.

А если так, то дела непосредственного служения Богу должно признать более святыми в сравнении с житейскими, а посему и совершением их более „святится“ день, чем совершением дел житейских, хотя бы и добрых в смысле пользы. Они должны быть центральным пунктом нашей деятельности, главной нашей обязанностью и главным занятием нашей жизни. Отсюда понятна чрезвычайная важность и необходимость общественного богослужения в праздники. Если мы, при непосредственном служении Богу, обращаем внимание на самих себя, на свою немощь и нищету духовную, – обращаем внимание на то, что составляет нашу индивидуальную особенность, ибо у каждого свои грехи; отсюда высшее выражение этого вида служения Богу – покаяние, совершаемое перед лицом Бога, в присутствии одного лишь свидетеля-духовника. В праздник же мы обращаем наш ум и сердце к Богу и к Его святым делам, которые для всех имеют значение, ибо Отец наш небесный благоволит всем равно, „яко солнце свое сияет на злые и благие, и дождит на праведных и неправедных“ (Мф.5:45). Посему-то центр и высшее выражение празднования – общественное, воскресное и праздничное богослужение. Событие, воспоминаемое в воскресный день, всех нас сделало из „чад гнева Божия“ чадами любви Божественной, во всех должно возбуждать одинаковые чувства к Богу, потому-то древняя церковь и придавала такое важное значение общественному богослужению в день воскресный, что отлучала тех, кто без уважительной причины пропустит общественное богослужение три воскресных дня сряду. Поэтому же время общественного богослужения считается самым священным и важным в течении всего праздничного дня и об ограждении права на посещение общественного богослужения, а также об ограждении святости воскресного дня, особенно той части его, когда совершается богослужение, – прежде всего и должно заботиться законодательство.

И действительно, мы видим, что духовная и светская власть с очень давнего времени, – ещё с XVI в., – заботится об ограждении святости воскресного дня и уничтожении укоренившегося обычая производить куплю, продажу и вообще совершать базары в воскресные и праздничные дни. Движение в

пользу ограждения святости воскресных дней и прекращения в эти дни торговли началось впервые в Малороссии, стоявшей в более близких отношениях к западу, где вопрос этот занимал в это время общество и правительство. Ещё в 1584 г. Константинопольский патриарх Иеремия послал в Малороссию окружную грамоту, где, обличая обычай некоторых, празднуя в пятницу, работать в дни воскресные, запрещает только в воскресные дни работать⁷⁸. В то же время (к концу XVI в.), один из самых видных борцов против унии Иоанн Вишенский, афонский монах, написал послание к князю Острожскому и всем православным христианам, чтобы они уничтожили праздничные ярмарки, мотивируя совет свой тем, что „Спаситель рече: дом Мой есть дом молитвы“, а не вертеп и корчмы и ярмарки; праздник бо (в который бывают ярмарки) есть таковой не христианский, але диавольский“⁷⁹. Католики и униаты (напр. Кассиан Сокович в своей „перестроге“) язвительно насмехались над православными за то, что они праздновали свои праздники не по-христиански. Возбуждение религиозной жизни под влиянием борьбы с унией, обличения и убеждения, идущие с Востока, насмешки, идущие с Запада, всё это побудило православных епископов и духовенство, собравшихся 1640 г. на Киевский собор, сделать постановление, коим ограждалась святость воскресных дней⁸⁰. После того 1648 г. постановлено было составить „Уложение“, в котором должны были заключаться все действующие законы. В X гл. 26 статье этого „Уложения“ говорится: „а против воскресных дней (и в господские праздники) по вся субботы православным христианам от всякия работы и торговли престати и ряды затворити за три часа до вечера. А в воскресный день рядов не отпирати и ни чем не торговати, опричь съестных товаров и конского корму“. Затем, законы, ограждающие святость воскресного дня, повторяются в указах Императоров Павла, Александра Благословенного и получают своё развитие в своде законов, составленном при Императоре Николае I. В последнем случае воскресное законодательство представляется в таком виде. Воскресные и торжественные дни посвящаются отдохновению от трудов и вместе набожному благочестию;

поэтому, в эти дни, воздерживаясь от беспутной жизни более, нежели в другие, надлежит праздновать с благоговением и чистотой и ходить в церковь к слушанию службы Божией, а особенно литургии⁸¹. Эта статья имеет значение лишь совета, потому что никаких наказаний за неисполнение её не полагается. Другие статьи имеют более определённый характер. Питейные дома, ведёрные и штофные лавки должны быть открываемы только по окончании литургии, точно так же, как и торговые лавки; постоянно торговать могут только постоянные дворы, гостиницы и станционные дома и те лавки, в которых продаются съестные припасы и конский корм⁸². Но касательно торговли на площадях, с возов и в разнос, напр., во время ярмарок и базаров, в законе нет никаких ограничений. Между тем, базары по воскресным дням устраиваются в очень и очень многих городах и сёлах Российской Империи, причём торговля начинается очень рано, а крестьянскими продуктами часто до восхода солнца. Во многих местах не исполняется даже требование закона о недопущении торговли в лавках во время совершения богослужения. Но в этом случае берётся за дело известный поборник благочестия, московский архипастырь Филарет. 1860 г. 18 мая московское купечество и другие сословия столицы вошли к митрополиту Филарету с прошением, в котором просили его исходатайствовать запрещение и уничтожение воскресных базаров и с ними вместе неразрывно связанной торговли, перенесение сих базаров на будни. Митрополит представил в Святейший Синод ходатайство о том, чтобы всякого рода торговля в лавках и на площадях, ярмарочная и базарная, а также и трактирная запрещены были с вечера накануне и до вечера в день праздника. Но благие пожелания святителя Филарета остаются и поныне не осуществлёнными. Ближайшее определение времени открытия и прекращения лавочной торговли предоставлено делать в каждом городе городским думам. Вследствие этого в различных городах существуют различные постановления на этот счёт. Конечно, собственно говоря, думы не имеют права отменять государственные законы и разрешать торговлю ранее окончания литургии. Но на практике случилось иначе: многие города не

делают никаких ограничений касательно торговли праздничной и в этом случае забываются и требования ст. 13 „Уст. о предупреждении и пресечении преступлений“, – торговля производится с утра и до вечера, и в праздники, как и в будни; в других городах думы запрещают торговлю в праздники в послеобеденное время, но позволяют её до обеда. Такой постановке дела много способствовала неясность, допущенная в самом законе. В прежнем „уложении о наказаниях“ за начатие торговли до начатия литургии назначался штраф в первый раз 7 р. 50 к., во второй 15 р., в третий 30 р., в четвёртый – сверх денежного взыскания в 30 р., лишение права торговли⁸³. Но в действующем в настоящее время „Уставе мировых судей“ нет такой статьи, которая определяла бы степень наказания за торговлю именно во время богослужения. Сюда могут иметь отношение две статьи 41: – „за открытие трактиров, харчевен, питейных и других сего рода заведений в недозволенное время виновные подвергаются денежному взысканию не свыше 50 руб.“ (но здесь ничего не говорится об открытии лавок и вообще о производстве базаров), – 36, – „за нарушение вне молитвенных зданий благочиния во время священнослужения общенародными забавами и увеселениями, или каким-либо бесчинством, препятствующим божественной службе, виновные, когда ими не совершено, при том, оскорбления святыни, подвергаются аресту не свыше 15 дней, или денежному взысканию, не свыше 50 руб.“ (в этой статье не сказано прямо, что к бесчинству, препятствующему Божественной службе, следует относить и торговлю). Таким образом, обе названные статьи „устава“ страдают значительной неопределённостью, а потому они весьма редко и применяются к праздничной торговле. За торговлю во время богослужения в питейных заведениях ещё привлекают к ответственности, но торговля в лавках и на базарах, ныне не наказуема даже и в тех случаях, когда городскими думами и мещанскими управами будут изданы правила, определяющие время торговли. А в сёлах, где нет ни дум, ни управ, и никто, насколько нам известно, не ограничивает воскресной торговли и не преследует за начатие её до литургии. В инструкции урядникам сказано, чтобы они следили за

питейными заведениями, чтобы в них не открывали торговли до литургии, но касательно торговли в лавках и на базарах ничего не сказано. Между тем, от этого происходят иногда весьма печальные явления, прискорбные для сердца православного христианина. Выходит, что у нас уважаются праздники всех вероисповеданий, кроме православно-христианского. В Юго-западном крае, где базары часто и так бывают в праздничные дни, но если базарный день случится в еврейский праздник, то торговля переносится на следующий день⁸⁴, и это при содействии местных православных властей, которые за долго до того оповестили об этом перенесении ярмарки⁸⁵.

Сочувствие к прекращению праздничной торговли в настоящее время бесспорно существует и в обществе и в народе. Ещё в шестидесятых годах начинается довольно сильное общественное движение в пользу прекращения или, по крайней мере, ограничения воскресной и праздничной торговли; многие городские думы начинают издавать постановления о перенесении базаров с воскресных дней на будничные, о закрытии или ограничении воскресной торговли; несколько подобных приговоров сделано и крестьянами местных обществ. Но, к сожалению, у этих инициаторов нет зачастую сил и умения бороться с общественным равнодушием и с расчётами не многих числом, но сильных влиянием и капиталами своекорыстных лиц. Думается, что только общий закон может, как следует, удовлетворить назревшей и многими ясно сознаваемой потребности пора давно гражданской власти, взять под свою защиту воскресенье, употребить свои карательные меры не для того, чтобы заставить праздновать его по-христиански, а для того, чтобы облегчить каждому право христианского празднования. Гражданские законы должны обеспечить за христианским населением свободу празднования, чтобы оно могло употребить праздничное время на дела святые и духовные, должны дать христианам возможность предаваться религиозному празднованию без помехи с чьей-либо стороны, без убытков, соблазна и проч. Если государство хочет быть христианским государством, оно должно прийти на помощь церкви и оградить воскресенье покровительством законов. К

этому должны побуждать государство интересы и экономические, потому что христианское празднование воскресного дня вносит своё благотворное влияние во всю жизнь человека; оттого даже в стране, где государство принципиально порвало всякую связь с религией и церковью, именно в Северной Америке, – существуют строгие законы касательно соблюдения воскресного покоя. Но ещё больше к тому должны побуждать государство интересы религиозно-нравственные. Задачи государства, конечно, не исчерпываются только материальными интересами: оно должно позаботиться и об условиях правильного развития и процветания религиозно-нравственной жизни граждан. А одним из важных этих условий является соблюдение воскресного дня. Если государство гарантирует права граждан, неприкосновенность прав каждого своего члена на имение земное и блага временные, то тем более оно должно гарантировать неприкосновенность самого священного и дорогого из прав каждого человека – право исполнить свой религиозно-нравственный долг и позаботиться о спасении души. Мы не видим нужды и пользы таких гражданских законов, которые заставляли бы праздновать, т. е. ходить в церковь, молиться дома, благотворить неимущим и пр.; но совершенно необходимы такие законы, которые бы запрещали всем и каждому препятствовать кому-либо в христианском праздновании. За неисполнение этих законов должны быть налагаемы штрафы, которые обеспечивали бы соблюдение закона. Законы без штрафов за несоблюдение их не достигнут своей цели. И эти штрафы должны быть тем строже, чем больше замечается склонности к нарушению права ближнего на религиозное празднование.

Подольский миссионер *Виктор Лотоцкий*

**Чельцов М. Единоверие за время столетнего
существования его в Русской церкви ⁸⁶ //**
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 192–209

V. Внутренняя жизнь Единоверия

Единоверцы во всё время столетнего существования Единоверия не жили спокойной, безмятежной жизнью людей довольных, удовлетворительных: из-за чего-нибудь они да волновались, о чём-нибудь да хлопотали, чего-нибудь да добивались. Эти их волнения, начавшись ещё в первые годы, продолжались потом во всё столетие, а особенно усилились и приняли острый, вызывающий характер, небезопасный для самого Единоверия, в шестидесятые и семидесятые годы. Без преувеличения можно сказать, что не проходило и десятилетия, чтобы у единоверцев или не появлялся какой-нибудь новый вопрос, или не возбуждался старый. Правда, некоторые из этих вопросов имели местное значение, как возникновение из потребностей и нужд только единоверцев известной местности; но если примем во внимание, что и эти местные вопросы доходили до Св. Синода и вызывали у него уже принципиальные разрешения их, которые потом становились общим достоянием всех единоверцев, то поймём, что и эти местные вопросы по своей важности в истории Единоверия не менее значительны, чем и общие всем им.

Побуждения, из которых проистекали эти волнения и движения среди единоверцев, были весьма разнообразны. Общим же им всем, их проникавшим и объединявшим началом, было стремление единоверцев не только быть во всём, во всех гражданских и церковных делах равноправными с православными Греко-российской церкви, но в некоторых положениях и обстоятельствах церковной жизни пользоваться и большими правами, – пользоваться правами, какие будто бы принадлежат им как держателям до-никоновской церковной старины. Поэтому, иногда добиваясь от Русского правительства более или менее должного себе, единоверцы очень нередко выставляли претензии получить уже сверх должное, что само Единоверие приравнило бы к расколу. По времени своего возбуждения эти последние движения начали проявляться преимущественно со второй половины пятидесятих годов, с воцарения Императора Александра II. До него единоверцы

отстаивали собственно то, чтобы правила Единоверия 1800 г. оставались не нарушаемыми со стороны властей; в царствование же Александра II-го некоторые из более горячих единоверцев начали добиваться уже того, чтобы единоверие, получив свою собственную трёхчинную иерархию, стало на место Греко-российской церкви, как более будто бы православное и законное церковное общество. Возникает в это время даже целое движение из-за вопроса: „О нуждах Единоверия“, порождается громадная к выяснению его литература; завлекается им не только духовное, но и светское общество.

Возбудителями этих разных вопросов об Единоверии, виновниками внутренних движений в нём и горячими ратователями за них почти всегда были представители их из единоверцев столичных обществ или таких крупных центров, как Нижний-Новгород, Казань и т. п. города. Единоверцы же селений и глухих городков часто даже и не знали ничего, или же бывали недовольны возбуждением их.

Раз возбужденные, эти вопросы Единоверия так или иначе – через самих возбудителей их, или через епархиальных архиереев, или через губернаторов, – доходили до сведения Св. Синода и светских властей. Этим, таким образом, представлялась необходимость так или иначе отозваться на них. Издавая, по содержанию многих, единоверцами возбужденных вопросов, циркуляры, разъяснения, объяснения и т. п. распоряжения, некоторые из ходатайств единоверцев (например, самостоятельной единоверческой иерархии) Св. Синод и светское правительство оставляли без всякого ответа и удовлетворения.

Изложением некоторых из этих движений единоверцев и вызываемых ими распоряжений Св. Синода и займёмся мы теперь.

Как было уже сказано, в первое время единоверцы старались главным образом о том, чтобы оградить себя от вмешательства в их дела и жизнь тех, которым они по правилам 1800 г. не были подведомы, и в тех преимущественно областях, которые были предоставлены полному распоряжению самих

единоверцев. Единоверцы, так сказать, старались отстаивать неприкосновенность и целостность своего положения, как оно было создано правилами 1800 г. В этом отстаивании они были весьма последовательны и упорны; ни одному мельчайшему, вызванному иногда необходимостью и пользой для них же, поползновению властей ведать большим они не давали возможности осуществиться, сейчас же возбуждали протесты сначала перед епархиальным архиереем, а потом и перед Св. Синодом. Вот тому весьма красноречивые факты.

В 1807 г. архиепископ Тверской Мефодий потребовал от причтов и старост единоверческих храмов в его епархии, чтобы они представляли подлежащий отчёт по приходу-расходным книгам, согласно Высочайше утверждённой инструкции по этому предмету для всех вообще православных церквей в Империи⁸⁷. Такое приравнена преосвященным единоверцев ко всем православным со стороны контроля их церковного имущества взволновало их. Они в нём увидели посягательство на дарованную им свободу в церковном хозяйстве и немедленно же обратились в Св. Синод с подлежащим ходатайством. Результатом его был указ синодальному члену, архиепископу Тверскому, Мефодию от 1808 г. от 26 июня за № 1669, в коем изъяснялось, что Св. Синод, имея рассуждение, „приказали послать указ Вашему Преосвященству дабы Вы по церквам единоверческим, состоящим в епархии Вам вверенной, не делали ни назначений, ни требований об отсылке в консисторию денег, но и не посылали бы в оные церкви ни всеподданнейшего доклада Св. Синода, ни инструкции; поскольку Св. Синод полагает оставить их на том же основании, на коем они ныне находятся, впредь до рассмотрения“. Однородное с Тверским возбуждено было в 1816 году дело Петербургскими единоверцами, прихожанами Никольской, в доме купца Милова церкви. Здесь одна партия – именно купца К. Чурсинова, избравшая старостой церковным купца Константина Михайлова, желала иметь его на общих правилах, какие изложены были в инструкции для всех в Империи церковных старост. Другая – большая гораздо по количеству своему, – партия купца Милова избрала старостой крестьянина Корельского и хлопотала, чтобы

он был при церкви на том же основании, на каком находился прежний, т. е. согласно с положением правил 1800 г. и без руководства инструкцией для церковных старост. Долго вздорили между собой эти две партии, пока не перенесли своего разногласия на усмотрение и решение митрополита Петербургского Амвросия. Высокопреосвященный Амвросий, приняв во внимание с одной стороны правила 1800 г. и указ (вышеприведённый) Тверскому архиепископу, а с другой – острый и небезопасный характер вражды между этими партиями, принуждён был уладить дело некоторым компромиссом. Он распорядился оставить старостой купца Константина Михайлова, а Корельскому, разрешил быть помощником старосты и действовать во всём по должности старосты церковного так, чтобы как Михайлов без него – Корельского ничего не предпринимал и не действовал, так наипаче Корельский без воли и согласия его – Михайлова, – чтобы в руках обоих было ведение приходорасходных книг по суммам церковным и ключи от сундуков и ящиков с деньгами и вещами, – чтобы оба. они совокупно давали отчёт почётнейшим прихожанам в суммах церковных и оба ответствовали за всё, если что священнослужителями или теми прихожанами усмотрено будет относительно отступления от сих на законном основании изложенных, правил. Относительно же самой инструкции для церковного старосты, на основании которой хотела иметь старосту партия купца Чурсинова, митрополит Амвросий сделал уступку в пользу партии купца Милова. Он писал: „не принуждаю их (т. е. старост), чтобы на записку прихода и расхода церковных денег иметь им книги от духовной консистории. Пусть продолжают то и другое (записывать) в те книги, которые имеются в единоверческой их церкви за печатью оной и за подписаньем священников и трёх из почётнейших прихожан. Не посылаю прежде, не посылаю и ныне в оную церковь ни всеподданнейшего доклада Св. Синода, ни инструкции церковным старостам, а оставляю их, согласно указу Св. Синода от 11 мая 1808 г. на таком основании, на каком они прежде находились; будущая проверка прихода-расходных их книг,

заканчивал митрополит, докажет, так ли и верно ли приход и расход сумм вносится в оные книги...”

Как видим, единоверцы в достаточной степени оградили своё церковное хозяйство от вмешательства в него и даже контроля над ним всякой епархиальной власти. В 30-х и 40-х годах они уже стремятся и ходатайствуют перед правительством, чтобы и в церковно-административном управлении стать в возможно дальнейшие и независимые отношения от власти епархиальной. Почитая над собой начальством только епархиального архиерея, единоверцы тяготились по местам естественной и неизбежной подчинённости их ведению благочинных, которые на первое время, при малочисленности единоверческих приходов по епархиям, были, конечно, из православного духовенства. Одно за одним, из разных епархий, начинаются от единоверцев жалобы на чинимые им будто бы стеснения от благочинных и направляются ходатайства – изъять их из ведения последних. Просьбы эти идут и к епархиальным архиереям, и к светским высшим властям, и в Св. Синод, и на Высочайшее имя. Результатом их появляются указы и определения Св. Синода от 19-го декабря 1838 г. и от 5 апреля 1845 г. В первом, данном на имя преосвященного Серафима, митрополита Петербургского, говорилось: „Св. Синод слушали два предложения Его Сиятельства г-на Синодального обер-прокурора... из коих в первом по Высочайшему повелению Государя Императора изъяснено предложение г-на министра государственных имуществ о подтверждении епархиальным архиереям, чтобы благочинные ни под каким предлогом не стесняли внутреннего богослужения единоверческих церквей, так как мера сия необходима для приобретения со стороны единоверцев и староверов полного доверия к Правительству. А вторым объявлено, что Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил подтвердить о том от Св. Синода епархиальным преосвященным с тем, чтобы в отношении заведывания сих церквей преосвященные сообразовались в точности с Высочайше утверждёнными в 1800 г. правилами м. Платона о единоверцах.

Указ 1845 г. с более обширным содержанием и ещё более ограждает независимость и самостоятельность церковной жизни единоверцев. В нем читаем: „Подтвердить всем епархиальным начальствам, чтобы касательно способа управления единоверческих церквей наблюдали они непременно и со всею точностью за исполнением Высочайше утверждённых в 1800 г. правил митрополита Платона, чтобы посему ни в богослужении единоверцев, ни в церковно-хозяйственном порядке, ни вообще в обычаях, церковью дозволяемых, не допускалось никакого им стеснения и не делалось было никаких нововведений, чтобы в делах единоверческих церквей не было допускаемо никакого участия духовных консисторий, ни других духовных начальств, кроме одного преосвященного, и чтобы преосвященный все таковые дела (за исключением лишь требующих законного следствия), непременно разрешал сам; для исполнения же своих распоряжений и для ближайшего надзора за единоверческим духовенством и паствою назначал благочинного из среды того же духовенства“⁸⁸.

Не ошибёмся, если скажем, что в основе многих из вышеприведённых стремлений единоверцев быть свободными и бесконтрольными в их церковно-богослужебной жизни и хозяйстве церковном, лежало не идейное какое-нибудь желание, проистекавшее из побуждений внутреннего характера – изыскания и закрепления наилучших средств пребыть в целостно-сохранном православии; в большинстве этих стремлений лежало противопоставление Единоверия православной греко-российской церкви, причём второе понималось ими в духе раскола, т. е. как не сохранившее истины православия во всей её неповреждённости, полное и целостное сближение с которым почиталось нежелательным и опасным. Это не сопоставление, а противопоставление единоверцами их Единоверия с одной стороны и греко-российской церкви с другой давало возможность и основание раскольникам иногда остро и зло подсмеиваться над первым, называя его второй церковью, от времён Христа миру неведомой. Далее – этот же взгляд единоверцев на Единоверие и греко-российскую церковь был причиной того, что к вступлению в Единоверие привлекались не

только многие из раскольников, не отделяющие существенно Единоверия от их раскола, по и многие из числящихся православными.

Так, в 1802 году прихожане Николаевской церкви села Домшина, Грязовецкого уезда, Вологодской губ. вошли в Св. Синод с прошением о переименовании упомянутой приходской их церкви в старообрядческую (т. е. единоверческую) или о дозволении построить им оную вновь, с определением к ней священника. По расследовании дела по содержанию этой просьбы оказалось, что просители состояли дотоле „в благочестии“ и никогда прежде старообрядцами не были, т. е. числились православными, а об Единоверии просили по склонности к расколу и по пониманию своему первого близким последнему⁸⁹. – В 1803 г. с подобной же просьбой в Св. Синод обратились старообрядцы разных селений Сычевского уезда, Смоленской г. Но опять оказалось, что из всего числа просителей только 23 человека были записными раскольниками, прочие же „не быв действительными старообрядцами, только по слабоумию своему, колеблясь в исповедании веры, приступили к прошению о дозволении построить им церковь“ единоверческую⁹⁰. Тем и другим просителям в просьбе их было отказано, на основании 5 пункта правил об Единоверии 1800 г., повелевавшего принимать в единоверие только записных раскольников, т. е. только никогда не бывших православными. На основании этого же пункта в том же 1803 году Св. Синод хотя и дозволил Екатеринбургским раскольникам устроить церковь для отправления в ней службы Божией по старопечатным книгам, но однако поставил непременно условием, „чтобы сим снисхождением пользовались единственно родящиеся от находящихся в старообрядчестве, а вновь к своему обществу никого не присоединяли бы.

Этот-то 5 пункт правил 1800 г., определявший, кого можно присоединять к Единоверию, естественно не мог быть приятным для единоверцев, стремившихся, в немалой своей части, как можно далее отделиться от греко-российской церкви и распространиться не столько на счёт раскольников. сколько на счёт православных. Поэтому, хотя за первую половину

столетнего существования Единоверия мы и не знаем попыток единоверцев исходатайствовать изменение или совершенную отмену этого 5-го пункта, зато встречаемся с постоянными просьбами о принятии в Единоверие числящихся православными или отпавших в раскол более или менее продолжительное количество лет тому назад. Этими уже одними просьбами, конечно, правительство поставлялось в известность, какое значение имеет для Единоверия пункт 5-й правил 1800 г. Но какого-либо иного отношения к нему, кроме строгого и точного поступления согласно с ним, со стороны правительства до 30-х годов XIX столетия мы не встречаем; с этих же лет начинается постоянное, хотя и постепенное ослабление его. Зная дух и характер весьма многих из единоверцев, как чисто раскольнический, правительство через ослабление приёма в Единоверие православных, естественно, должно было бояться возможности открыть двери к переходу из православия в раскол.

Император Николай I, как известно, сильно заботился о распространении и развитии Единоверия за счёт раскола. Много он сделал для этого. Не мог поэтому он не обратить внимания и на этот пункт. Ограждая православных от перехода в Единоверие, этот пятый пункт сильно препятствовал и развитию Единоверия. С одной стороны – хорошо было известно правительству, что очень многие из числящихся по метрике православными на самом деле были истыми раскольниками; поэтому строгое соблюдение пункта 5-го, не допуская их до Единоверия, невольно заставляло пребывать в расколе. С другой стороны – и раскольники на основании его могли почитать и, действительно, почитали Единоверие за что-то далёкое от православной церкви и в этом смысле смущали единоверцев. Всем этим правительство невольно побуждалось, хотя отчасти, хотя и немного, но изменить своё отношение к этому пункту. Отношение это и начинает изменяться с 30-х годов, хотя очень медленно, осторожно и даже, пожалуй, робко.

В 1832 г. Пермский преосвященный входил в Св. Синод с представлением, в котором испрашивал „разрешения на присоединение к Единоверию тех из раскольников, кои, быв некогда православными, уклонились в раскол лет за 10, 20, 30 и

более и кои, после сделанного им увещания, не согласятся на безусловное присоединение к православной церкви“. Св. Синод, указом от 8-го августа, разрешил присоединение таких из раскольников, хотя и предписал преосвященному сначала всё-таки увещать их, „дабы они присоединились прямо к православной церкви“⁹¹. Это первый и довольно значительный шаг со стороны Св. Синода к ослаблению пункта 5-го. К Единоверию разрешено было присоединять даже и тех из желающих, кои в расколе пробыли только 10 лет. Лично же императором Николаем I по одному делу о присоединении к Единоверию одного из бывших православных было допущено ещё большее послабление. До его сведения было доведено, что один крестьянин Нижегородской губ., в *недавнее время* отступивший от православия в старообрядчество, просит о присоединении его с семейством к Единоверческой церкви. Государь, хотя и нашёл, „что ещё не было примера явного дозволения правительства уклоняться кому-бы то ни было от православной церкви, хотя бы то к единоверческой“, тем не менее, „дабы решительным отказом сему крестьянину присоединиться к Единоверческой церкви не подать повода раскольникам разглашать, что правительство отделяет единоверческую церковь от православной и тем колебать единоверцев, в 29 день января 1834 г., Высочайше повелеть соизволил: предписать нижегородскому губернатору оставить сие дело без всякого производства и ответа“⁹².

Несмотря на это личное распоряжение императора и указ Св. Синода от 8-го августа 1832 г., присоединение тайных раскольников к Единоверию мало было облегчено на практике. Всюду и всегда, когда потом Св. Синоду приходилось делать разъяснения по вопросу о принятии в Единоверие тайных раскольников, он делает ссылки на правила 1800 г., а не на указ свой 1832 г. и епархиальным преосвященным повелевает поступать согласно с первыми. Тем более не издаёт он каких ли новых постановлений к облегчению перехода в Единоверие. Можно даже сомневаться, вошёл ли во всеобщую практику указ синодальный 1832 г. и не ограничился ли он только одной Пермской епархией. По крайней мере от 1857 г. мы встречаем

представление от Олонецкого преосвященного новых условий к приёму в Единоверие тайных раскольников и утверждение их Св. Синодом. Сам этот факт уже говорит, или что Олонецкому архиерею указ 1832 г. не был известен, или что он считал его, как местный – пермский, для себя необязательным. Условия, выставленные Олонецким преосвященным, были следующие: а) Если откроется, что кто из тайных раскольников, желающих Единоверия, более 15 лет у исповеди и Св. Причащения по расколу, тех без всякого сомнения причислять к единоверческой церкви; б) если кто не был менее 15 лет, но более 10, тем в течении месяца сделать наставление и увещание, и о последующем донести епархиальной власти; в) если кто не был у исповеди более 5, но менее 10 лет, тем производить наставление и увещание в течении полугода и о последующем также доносить; г) с теми же, кои не были у исповеди до 5 лет, поступать на точном основании 17 и 21 ст. уст. дух. консисторий, т. е. увещевать, а в случае упорства доносить гражданскому начальству. Св. Синод определением от 26-го ноября (30 декабря), утвердил оные условия преосвященного⁹³. В условиях этих прямо и определённо не говорится, как намерено было поступать Олонецкое начальство с теми из раскольников, кои после назначенного им срока их увещаний всё-таки не изъявят желания присоединиться к православной церкви, а будут просить о принятии их в Единоверие. Трудно предположить, чтобы им было отказываемо в этом. Может быть, для некоторых из них срок увещаний находили нужным и продлить, но тем не менее едва ли потом отказывали им в присоединении к Единоверию. Впрочем, для нас это и не важно; важно то, что только небытие у исповеди и Св. Причастия в течении срока менее 5 лет полагалось Св. Синодом как препятствие для присоединения к Единоверию. Значит, сравнительно с постановлением Св. Синода от 1832 г. это постановление 1857 года пошло ещё вперёд по осложнению пункта 5 правил Единоверия и по облегчению условий перехода в Единоверие тайных раскольников. В 1858 г., вследствие записки митрополита С.-Петербургского Григория о мерах „для вразумления заблуждающихся и удержания истинных чад церкви на пути

правил“, – секретный комитет по делам раскольников положил, между прочим, „предоставить Св. Синоду – более прежнего облегчить порядок и условия перехода из раскола в Единоверие, устраняя, по возможности, всякие к тому затруднения“⁹⁴. Насколько известно нам, никаких распоряжений от Св. Синода по содержанию этого предложения не было издаваемо. Но важно опять, что необходимость облегчения этого всё более и более начала сознаваться и духовным и светским правительством.

Конечно, не редки бывали случаи, когда единоверческие священники не соблюдали постановлений Св. Синода о приёме из раскола. Будучи сами в своём громадном большинстве из обращённых раскольников, они, разумеется, и по взгляду на Единоверие не возвышались над своими пасомыми. К тому же, – к облегчению присоединений побуждало их и материальное обеспечение, увеличивавшееся с каждым вновь присоединённым прихожанином. Значит, отказывать просителям было не в их интересах. Об этом, между прочим, ясно свидетельствует Костромская консистория, жаловавшаяся, что „некоторые единоверческие священники епархии присоединяли к Единоверию лиц или недавно уклонившихся от православия, или даже вовсе не бывавших в расколе“. Тоже бывало и в других епархиях⁹⁵. Эти факты хотя и побуждали Св. Синод издавать запрещения священникам присоединять к Единоверию без ведома и разрешения епархиального архиерея, но опять-таки приводили его к сознанию необходимости как-нибудь изменить, улучшить способы присоединения к Единоверию. Осуществления этому пришлось ждать очень долго и вызвано оно было другими новыми брожениями среди единоверцев.

С восшествием на престол императора Александра II оживились не только единоверцы, но и духовники. Этим последним новый Государь почему-то казался таким, от которого им можно было ожидать многих льгот и привилегий, при умелых только ходатайствах о том. Тем более, разные, надежды и упования должны были возлагать на Государя единоверцы. Они, стесняемые со стороны разных ходатайств в царствование Николая I и принуждаемые только поступать во всём согласно

правилам 1800 г. и заботиться о неприкосновенной сохранности последних, в царствовании Государя, освободившего русский народ от крепостной зависимости и провозгласившего необходимость ещё целого ряда реформ в этом же направлении, увидали самое удобное время к возбуждению разного рода просьб, ходатайств и к этим последним побуждали их и время пол столетнего существования Единоверия и отношения к ним раскольников. То и другое невольно выдвинуло к обсуждению и разрешению вопросы о клятвах собора и о правильности снятия их с единоверцев и о самостоятельном единоверческом епископе. Как мы видели в предыдущем (IV-м) очерке, эти вопросы с особенной силой были выдвинуты раскольниковской против Единоверия литературой и с особенной настойчивостью приводились в осуждение законности его именно в пятидесятые годы. Невольно они смущали единоверцев, особенно слабых и неискренних из них. И если прежде эти последние силой самих обстоятельств должны были молчать, то теперь с шестидесятых годов они нашли возможным и удобным заговорить – и не только безбоязненно для себя, но и с надеждой получить удовлетворение и просимое. Вот и начинаются ходатайства единоверцев. Первое такое ходатайство появилось в 1864 году.

В этом году партия единоверцев разных местностей имея во главе своей петербургского единоверческого священника Иоанна Верховского⁹⁶ и купцов – московского И. Шестова, казанского А. Петрова и екатеринбургского Г. Казанцева, составила в форме прошения на Высочайшее имя, с приложением к нему „Записки о свободе русских обрядовых толков“ проект, направленный против церкви к полному торжеству... только не Единоверия, а раскола. Составителем того и другого был о. И. Верховский⁹⁷, по его собственному показанию. Содержание просьб таково. В прошении указав в начале на клятвы собора 1667 г., обращённые будто бы на древние обряды и положившие „начало великому расколу“, и упомянув о гонениях на старообрядцев, автор говорит, что правительство со времени Екатерины II перешло к мерам в отношении старообрядцев примирительным; но меры эти в виду того, что „Архиерейство православное ещё не просветилось до того, чтобы отступить от старых

предубеждений и предрассудков“ в его воззрениях на старо- и ново-обрядство, „разрешились, так называемым, единоверием, мерой двусмысленной и предосудительной как для старообрядства, так и для православия“. Для „исправления испорченного предубеждениями и предрассудками“, т. е. Единоверия, просители и молили Государя „даровать Единоверию старообрядческих епископов на следующих условиях: епископы эти должны быть дарованы всем единоверцам, которые будут о них просить, а пока для областей – Московской, Екатеринбургской и всея Сибири, Черниговской или Херсонской и всего юга и Рижской или Псковской, чтобы по выбытии одного трое остальных могли посвящать четвёртого (п. 1). Избираются епископы обществом старообрядцев вместе с их духовенством и утверждаются Государем, а посвящаются до наличности трёх епископов – при участии великороссийских епископов, а потом исключительно только своими. С первыми единоверч. епископы не должны иметь никакого сообщения в богослужении и в Св. Синод не вызываться, управлять в своих областях самостоятельно сносясь только с Государем и помимо Синода, через кого Государь указать соизволит. Каждые четыре года епископы собираются на очередные соборы в г. Москву, где судят и низлагают епископов и разбирают жалобы на епископов от попечителей „удовлетворительно для последних“. Попечители обязываются следить за ненарушимостью древних чиноположений, обрядов и обычаев, участвуют во всех соборных совещаниях и голос их признаётся голосом тех церквей, от коих они выбраны; определения они подписывают вслед непосредственно за епископом. Епископам старообрядческим должно быть предоставлено самим войти в соглашение с господствующим архиерейством об удалении всех причин, препятствующих взаимному общению, а главным образом по вопросу о снятии клятв 1667 г. Содержание записки ещё обширнее и по пути домогательств от правительства идёт очень далеко. Составители её требуют не много – не мало как того, чтобы название „Единоверие“ было уничтожено, – чтобы клятвы собора 1667 г. были сняты со всех, не взирая на то, кто к какому толку принадлежит, – чтобы все толки получили равноправное

существование и чтобы православная церковь ничем между ними не преимуществовала, чтобы австрийская иерархия была признана законной и вместе с единоверческой составила бы одну „старообрядческую“ иерархию, которая не имела бы общения с православной... и многое другое⁹⁸...

Прошение и записка составителями их очень усиленно распространялись среди единоверцев и раскольников. Автор их позаботился ещё и о том, чтобы познакомить с содержанием их и членов Св. Синода. Он сам так об этом передаёт: „Я своё исповедание первое всего (от 30 янв. 1864 г.) повергнул на благовнимание моего архипастыря, высокопреосвященнейшего митрополита Исидора. В том же году единоверцы купцы – московский Шестов и казанский Петров... обратились к одному из членов Св. Синода, преосвященному Платону. Один экземпляр записки Петров сообщил Казанской дух. Академии, а оба они – Шестов и Петров не отказывали в ней своим друзьям и записка о старообрядч. иерархии стала известна всей России⁹⁹. Митрополита Московского познакомили с этими произведениями о. Верховского московские единоверцы. Эти, имевшие к м. Филарету свободный доступ и многим ему обязанные, не только сами явились к нему с проектом о. Верховского, но убедили и купца Петрова, усиленно хлопотавшего о распространении проекта среди единоверцев главных их центров, идти вместе с ними к митрополиту. Результатом было то, что, хотя купца Петрова м. Филарету и не удалось отвлечь от проекта, по зато удалось отвратить от него московских единоверцев. Вот как описывает ход событий м. Филарет в письме своём от 17 ноября 1864 г. к обер-прокурору Св. Синода, А. П. Ахматову¹⁰⁰. „Положение дела (т. е. переговоров с пришедшими к митрополиту единоверцами) было довольно трудно. Для единоверцев привлекательны были две мысли: иметь епископов своего обряда и исходатайствовать, чтобы разрешённое Св. Синодом проклятие, произнесённое собором 1667 г., подтверждено было согласием восточных патриархов. Неосмотрительных это могло увлечь к подписанию проекта, предлагаемого Петровым и, чем было бы произведено расстройство в обществе единоверцев. Посему я должным

признал: отвергнуть то, что незаконно и вредно, и в то же время, для поддержания единоверцев на правом пути, допустил то, что позволительно и может оказаться не бесполезным.

Я сказал, что учреждение особой иерархии с соборами, не сообщительно отдельной от существующей православной иерархии, не может быть одобрено, как рассекающее одну церковь на две, тогда как мы в символе веры исповедуем едину церковь. Что касается до проклятия, хотя разрешение оногo Св. Синодом достаточно для мира совестей, однако, ежели хотят для успокоения некоторых сомневающихся, могут ходатайствовать о подтверждении данногo Св. Синодом разрешения восточными патриархами.

Сим советом, продолжает м. Филарет, по милости Божией, единоверцы охранены от увлечения Петровым и его единомышленниками. В смысле второй части сего совета, в духе чисто православном, они составили всеподданнейшее прошение, которое подписали доныне около 60 человек, и в сём числе значительнейшие по разумению дела и по влиянию на других.

А о проекте Петрова некоторые единоверцы сами отозвались, что исполнение его повело бы к раздражительному и разрушительному разделению народа не только в церковном, но и в государственном отношении.

Единоверцы желают своё всеподданнейшее прошение представить Государю Императору через двух или трёх из среды себя депутатов, с тем, чтобы путь им к подножию Высочайшего престола открыт был вами (т. е. обер-прокурором Св. Синода), а не министром внутренних дел, потому что они православные и должны идти путём православным, а не тем, которым идут раскольники...”

Благодаря просьбе м. Филарета и стараниям обер-прокурора, прошение московских единоверцев, составленное ими самими и оставленное без изменений даже ни в одном слове читавшим его митрополитом в видах, „чтобы это было совершенно собственное выражение собственных мыслей и чувствований единоверцев“¹⁰¹. 6-го декабря того же 1864 года было представлено лично Государю двумя депутатами от

московских единоверцев – Н. М. Аласиным, старостой единоверческой на Рогожском кладбище церкви, и А. Е. Сорокиным, старостой единоверческой при Преображенском богаделенном доме церкви. Весьма милостиво и внимательно принятые Его Величеством, они возвратились в Москву в восторженном настроении. „Были у меня единоверцы, прямо с дороги, писал м. Филарет А. П. Ахматову от 9-го декабря. Они в восхищении от всемилостивейшего Царского и Отеческого внимания, которого удостоены, и от благочестивейшего воззрения Государя Императора на предмет их заботы, – на *единство церкви и иерархии*“¹⁰². Теперь, после всего произошедшего, не могло уже быть никакого опасения, чтобы проект о. Верховского мог иметь какой-либо успех. Притом м. Филарет ещё в августе месяце сообщал министру внутренних дел – Валуге о проекте, как деле, „требующем проницательного воззрения и действия правительства“¹⁰³. И, действительно, проект о. Верховского остался без движения: его даже и принять никто не хотел. Об этом сам отец Верховский так передаёт. „С всеподданнейшей запиской о старообрядческой иерархии Шестов с Петровым являлись к министру внутренних дел г. Валуге; но г. министр записки не принял. Мысли о старообрядческой иерархии воспротивился преосвященный м. Филарет... Тогда ходатаи обратились к канцлеру князю Горчакову и были осчастливлены не только внимательным выслушанием, но и принятием от них записки, конечно, не официально, а к личному его сведению“¹⁰⁴. Но, несмотря на это, прошение и записка о. Верховского так и осталась без последствий. Иначе и не могло быть: очень уж то и другое было пропитано раскольническим духом. Не знавшие их автора никак не могли даже предполагать, что писал их кто-либо из единоверцев, а поэтому, долго даже спустя после, автором записки почитали кого-либо из раскольников, и только в семидесятых годах о. Верховский открыл себя как автора их¹⁰⁵. Даже и некоторые из прежних единомышленников его скоро же отказались от просимого в записке. Так Екатеринбургский единоведец – купец Казанцев вместе с единомышленными ему решил подать своё собственное прошение на Высочайшее имя. В этом прошении он

ходатайствовал только о даровании единоверцам особых епископов. Но и эта просьба не имела успеха после подачи прошения и личного представления Государю московских единоверцев. На неё последовал отказ со строгим воспрещением на будущее время подавать подобные прошения¹⁰⁶. После этого отказа о. Верховскому и его единомышленникам нечего было и думать о получении удовлетворения на их просьбы. Так вся их затея и кончилась одним лишь волнением, произведённым ими среди единоверцев. Волнения эти, только уж в более умеренной форме, снова проявились в семидесятых годах, будучи возбуждены известными чтениями Т. Ив. Филиппова „О нуждах Единоверия“.

М. Чельцов

(Продолжение следует).

Скворцов В. Организация штундистской миссии и протоколы одного сектантского съезда-конференции // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 209–225

Штундовая секта, для распространения своего лжеучения среди православного и инославного населения России, располагает организованной системой своей миссии. Организацию эту дали всему русскому, так называемому, *новейшему* сектантству. главным образом, *немецкие баптисты*, – по типу заграничных протестантских миссий, а потому в штундо-баптистической миссии есть немало заслуживающего внимания деятелей православной миссии, ведущих борьбу с новейшими сектами.

Как известно, отличительную особенность штундизма составляет *страстный прозелитизм*, – обуревающий как всю вообще секту, так равно и каждого отдельного её члена. Русский православный человек привык искони содевать своё спасение в подвигах благочестия, выражающихся в церковно-богослужебных бдениях, обетах, паломничествах по святым местам проч. учение штунды об оправдании и спасении *одной* лишь верой без подвигов добродетелей, упразднение внешнего благочестия вызывают в душе ново-свернутого из православия русского человека естественное стремление восполнить ощущаемый в душе прозелита-штундиста этот пробел „ревностью и трудами“ в деле распространения лжеучения своей секты среди других, не познавших якобы ещё света истины Христовой веры, т. е. пропагандой и свращением *возможно большего* числа последователей в ту же бездну лжеучений, в какую ринулся несчастный отпавший от церкви неофит. Такая ревность по распространению учения секты – составляет у штундистов главную нравственную добродетель, а потому каждый штундист, особенно же начинающий, чтобы скорее снискать себе положение *правоспособного* члена общины, горячо стремится к распространению лжеучения своей новой веры среди своих ближних, начиная с семьи родной, соседей, односельчан и т. д.

Сильным побуждением к прозелитизму служит также *недопущение* неофитов к, так называемой, чаше, т. е. обряду преломления, – к участию в собраниях *совершенных* членов секты, т. е. в административных и распорядительных, где читаются и составляются послания от единоверцев, обсуждаются *церковные* дела общины, разбираются проступки братии, предпринимаются новые меры и способы к наилучшему ведению дела пропаганды. Сеяние семян лжеучения секты совершается везде и всегда: в нарочитой и случайной встрече с православными односельчанами, в доме и в поле, на работах и сходах, – так что вообще штундист решительно не может не завести беседы в похвалу своей новой веры и в порицание православия.

Это свойство русских последователей немецкой штунды прекрасно поняли и умело им воспользовались немецкие единоверцы наших штундистов, которые постарались разрозненным усилием отдельных членов дать систему и миссионерскую организацию. Руководительство русской штундой, со стороны немецких пропагандистов сектантского лжеучения, особенно стало заметным и влиятельным со времени проникновения в штунду немецкого нео-баптизма Онкена.

Нормальное устройство штундовой миссии представляется в таком виде. В каждой сектантской общине должен быть свой *благовестник* из лучших по начитанности в Св. Писании и дару слова членов этой же общины, иногда подселается к общине такой *благовестник*, в качестве портного, сапожника, мельника и направляет и ободряет в деле распространения лжеучения всех других ревнителей секты, снабжает их книгами евангелия, где подчёркивает нужные тексты, брошюрами, которые сам получает от *старших благовестников*, поддерживая с последними живое общение и письменно и лично. *Благовестники* эти в большинстве бывают вместе и должностными лицами общины, – пресвитерами или диаконами секты. Затем следуют *ходячие или разъездные. благовестники*, которые суть специальные миссионеры секты, заведующие целым иногда обширным районом, в который входят многие общины. *Разъездные миссионеры* служат живой связью между отдельными общинами,

и их проповедниками, вестниками всяких новостей, касающихся сектантского дела, советниками и руководителями „местных благовестников“, цензорами нравов общины и судьями отдельных членов, провинившихся против кодекса правил секты, вершителями приговора о том, кто из членов уже „совершенный“ и достоин перекрещивания, а кто отлучения от секты. Разъездные благовестники фактически облечены правом *старейших пресвитеров* (подобно нашим благочинным). При объездах сектантских общин, они председательствуют в распорядительных собраниях, руководят выборами кандидатов на должности лже-диаконов и лже-пресвитеров; избрание производится через голосование правоспособными членами нескольких, выставленных кандидатов и получивший из них большее число голосов считается избранным, который потом посвящается через руковоложение со стороны этого старейшего пресвитера и прочих членов общины. Разъездные благовестники производят также нечто в роде испытаний или экзаменов в знании Свящ. Писания и главных заповедей штундовой секты тем лицам, кои предназначены к принятию обряда перекрещивания, они же совершают, совместно с лже-пресвитером или лже-диаконом данной общины (многие общины возглавлены только лже-диаконами), и обряд перекрещивания, который отправляется, обыкновенно, в глухую ночь, где-либо в реке или ставе¹⁰⁷, в потаённом месте. Разъездные миссионеры получают также от местных кассиров кружечный сбор для передачи в общую кассу и делают, что редко, пожертвование в пользу бедных.

Штундовые благовестники отдельных общин разъездные объединены в своей пропагаторской деятельности *особым штундо-баптистическим миссионерским комитетом*, в состав которого входят члены и из немцев, и из русских сектантов, – немцы во всяком случае в них верховодят и главенствуют. Комитет этот располагает *миссионерским фондом*, состоящим из сборов „в кружки и под платочек“, во время собраний богомоленных, а также из единовременных пожертвований разных лиц, ревнующих о пропаганде новейшего сектантства в России. Более щедрые лепты идут всё-таки от

немцев вообще и от наших аристократических пашковисток и сектантствующей интеллигенции, от американцев квакеров. Миссионерский фонд штундовой секты является в деле распространения лжеучения новейшего сектантства однако главным орудием пропаганды. На миссионерский фонд содержатся „благовестники“, он же служит, под видом благотворительности, соблазнительной приманкой для бедняков, совращаемых в секту в надежде на поправление своего материального быта. Существующие в народе толки, что бедняки крестьяне, с переходом в штунду, поправляют своё материальное положение, имеют за собой несомненное основание.

Высшим органом в управлении штундовой миссией служат съезды главных представителей сектантских общин и благовестников или *конференции*. Съезды-конференции должны происходить ежегодно, они посвящены, главным образом, обсуждению миссионерских вопросов об успешнейшем насаждении лжеучения секты и решению споров и недоумений по вопросам веры и церковно-сектантской дисциплины. съезды эти в истории распространения и укоренения новейшего сектантства имеют огромное значение. В распоряжении редакции имеются несколько точных копий с подлинных протоколов штундовых съездов. Документы эти для сектоведения имеют несомненно ценное значение во многих отношениях, как в этом можно убедиться из помещаемого ниже протокола¹⁰⁸.

* * *

Съезд Конференции в колонию Рикенау состоялся 20 мая 1882 года.

Съехавшиеся русские и немецкие братья на Конференцию положили между собой держать на Заседании советы и суждения короче, по ясно, чтобы в течении следующих двух дней 21-го и 22-мая можно было закончить всё.

Союз Конференции.

На заседание Конференции явились депутаты, уполномоченные от церквей суть следующие члены:

От церкви Молочанской ¹⁰⁹ братья:

Давид Шаленберг¹¹⁰, Иоанн Фаст, Франц Никель¹¹¹, Вильгельм Ливен, Клас Эпс, Иоанн Виллер¹¹², Гейнрих Кийн, Гейнрих Ливен, Исав Нейфельдт, Пётр Мартинович Фризен¹¹³, Давид Блок, Иоанн Гиберт, Пётр Бизе и Гейнрих Фуньк. **Из Герценберга братья:** Яков Дерксен и Иоанн Кливер. **Из Пухтина братья.**

Иоанн Гейнрихс и Яков Винс (20 братьев).

Эйнлагской церкви братья:

Аарон Лепп, Иоанн Сименс, Иоанн Фризен¹¹⁴, Пётр Петерс, Дидрих Клаассен. Иоанн Гиберт, Виниямин Радикоп, Мартин Козловский, Корнилий Фер, Яков Козловский¹¹⁵, Пётр Фризе, Пётр Гардер. Яков Краузе, Вильгельм Ригель, Гергард Вибе и Гергард Симеиз (16 братьев). **Из Визенфвльдта братья:** Яков Реймер¹¹⁶, Яков Винс и Корнилий Реймер (3 брата).

От Фриденсфельдтской церкви братья:

Яков Янс, Виньямин Янс, Бернард Дик, Мартин, Тильман, Франц Петерс, Гейнрих Вилемс. **Из Заградовки братья:** Яков Рихерт, Павел Петерс, Яков Берг, Клас Крекер и Яков Ригер. **Из Сергеевки братья:** Пётр Фаст и Пётр Нейфельдт (13 братьев).

От Донской церкви братья:

Иоанн Фот, Эдуауд Вольк, Феодор Фрихтинг, Карл Фот, Вильгельм Бехтгольд, Гейнрих Лидке и Варфоломей Кийнаст (7 братьев).

От Кубанской церкви братья:

Христьян Шмидт, Якок Герц и Александр Сторожев¹¹⁷ (3 брата) и как **Гости:** бр. Христьян Фишер¹¹⁸ и русский миссионер Яков Диляков¹¹⁹. Включая и сим двух к немецким братьям выходит 64.

А сии уполномоченные от русских церквей братья:

Из Ново-Васильевки: Стоялов Андрей Ананьевич, Колодин Василий Романович, Черемисин Митрофан Савельевич.

Из Астраханки: Ханин Минай Прокофьевич, Матвеев Иустин Леонтьевич.

Из Владикавказа: Богданов Егор Максимович¹²⁰, Скороходов Иван Никитич¹²¹.

Из Тифлиса: Мазаев Андрей Маркович¹²².

Из Основы (Херсонской губ., Одесского у.): Ратушный Михаил Тимофеевич.

Из Игнатьевки (Херсонской губ., Одесского у.): Капустин Александр Семёнович.

Из Полтавки (Херсонской губ.): Кушнеренко¹²³ Григорий Тимофеевич.

Из Мауровки (Херсонской губ.): Дидулов Яков Фёдорович.

Из Карловки (Елисаветградского у.): Хлистун¹²⁴ Трифон Осипович.

Из Любомировки (Елисаветградского у.): Рябошанка¹²⁵ Иван и Грива Пётр.

Из Эйнлаге: Перетяткин Павел Петрович.

Изъ Лидияфельдт: Саранов Яков Корнеевич.

Из Чичмы: (Бессарабской губ.): Романенко Архип Иванович (18 братьев).

Заседание Конференции началось 21-го мая, в 8 час. утра: чтением из послания ап. Павла к Филип. (Флп.2:1–12), пением из духовных песней: „Господь, душа внимать готова“ и молитвой.

I. О миссии.

По просьбе немецких братьев русские братья согласились на заседаниях Конференции рассуждать и советоваться о миссии только между русскими, не требуя перевода от братьев немецких, когда они будут рассуждать и советоваться о миссии между немцами; чтобы не делать этим остановок советам и суждениям Конференции: дабы в течении назначенного времени для Конференции все имеющие быть предложения выслушать и обсудить.

Потом сделана оговорка, чтобы миссионеры и проповедники давали свои отчёты Конференции ясно и отчётливо, где они трудились для Господа, чтобы побудить братства к большему ещё содействию их добрым (?) к распространению Евангелия Христова между бедными грешниками.

II. Миссионерские отчёты.

Брат Иоанн Фаст дал отчёт Конференции и своей деятельности на Молочной в колониях, между немцами менонитами, где в течении одного года оказалось уверовавших и

присоединившихся через крещение к Молочанской церкви 61 душа.

Брат Франц **Никель** дал отчёт о своей деятельности на Дону, на Кубани и в Ставрополе, где существенную нужду находит, что следует и ещё посещать поименованные местности.

Брат Иоанн **Сименс** дал отчёт, что он посещал верующих в разных местах, которым он более объяснял существенные обязанности христиан, кои не в формах и постановлениях человеческих, но во исполнении заповедей Христовых.

Брат Яков **Янс** пресвитер Фриденсфельдтской церкви сообщил, что у них в Фриденсфельдте и на станции Заградовке в течении одного года присоединились через крещение 48 души.

Брат Аарон **Лепп** пресвитер Эйнлагской церкви сообщил, что у них в течении одного года присоединились через крещение 44 души.

Брат Феодор **Фрихтинг** Донской церкви дал отчёт, что у них в течении одного года присоединились через крещение 50 душ.

Брат Христьян **Шмидт**, пресвитер Кубанской церкви сообщил, что у них в течении одного года присоединились через крещение 11 душ.

Брат Егор **Богданов** из Владикавказа сообщил, что у них миссионерской кассы не существует, но он на свои средства в течении одного года сделал посещение в Моздоке, где имел публичное словопрение с миссионером православной церкви. И кроме ещё посещал две станицы, где с большим успехом трудился. Особенно в ст. Павлодольской, где он и принял и уверовавших через крещение, Потом он ездил с братом Н. Ворониным¹²⁶ в Таврическую губ. в сел. Ново-Васильевку и Астраханку, где имел большой успех между слушателями. Возвратясь домой, он опять посещал братьев в Павлодольске. Потом опять прибыл в Астраханку, где он от самой Пасхи находился до сих пор. Во всех сих упомянутых местах он крестил 78 душ.

Брат Григорий **Кушнеренко** из Полтавки сообщил, что у них на Музычиных хуторах, вблизи г. Херсона, находятся братья, но которые ещё не убеждены в непогрешимости ядения мяса; так как они выступили из хлыстовской секты, в которой считается

ядение мяса погрешительным. Ещё у них есть братья в сел. Булацеловом и в Ингулке, которые находятся в полном согласии и единомыслии со всеми верующими. Потом сообщил, что он посещал братьев в Фриденсфельдте, Яковлевой и Кичкасе. Членов у них насчитывается 85 душ.

Брат Михаил **Ратушный** пресвитер из Основы сообщил, что он посещал многие окрестные у них места, где живут братья, между которыми он нашёл разногласия по разным мелочам. Поэтому он сознаёт насущную потребность в более частом посещении этих братьев, чтобы их соединить в одни мысли, согласно учению Евангелия. Ещё он посещал братьев в Бессарабской губ. и запрошлым годом в Киевской. Ещё сообщил, что у них в Основе и Игнатьевке и в окрестностях к ним примыкающих, находятся члены 120 душ. Денежные пожертвования на миссию у них не велики: за 2 года собрано всего 60 рублей.

Брат Трифон **Хлыстун** пресвитер деревни Карловки сообщил, что у них братство состоит душ около 70. Между их братством есть по некоторым предметам недоразумения, но которые однако не разделяют их братства. *Пожертвования на миссию у них есть по сёлам, только не велики. В кассе теперь находится 40 руб.* И сообщил, что у них сего месяца крестились 10 душ.

Брат Павел **Перетяткин** депутат Эйнлагского братства сообщил, что у них *братство разномыслит касательно пожертвования на миссию.* И посему некоторые отказались жертвовать.

Брат Яков **Саранов** депутат того же братства подтвердил сказанное братом П. Перетяткиным и сообщил, что у них братство состоит из 25 душ.

Брат Андрей **Мазаев** из Тифлиса сообщил, что у них брат В. Павлов¹²⁷ пресвитер их братства посещал некоторые места в Закавказья на братский счёт, и действовал с успехом. Только он не имеет у себя о таковых точного сведения, сколько их присоединились к церкви через крещение. В Тифлисе же приняты у них через крещение в церковь *две французские учительницы* ¹²⁸.

Брат Христьян **Фишер** миссионер сообщил, что он посещал в Самарской губ. колонии, где он был и арестован. Там же он был *приглашён молоканами* для беседы с ними из св. Писания; но он не мог удовлетворить их нуждам по незнанию хорошо русского языка. Посетил он *также и в Саратовской губ. молокан*, где нашёл, что те люди с живым участием назидаются словом Божиим, у которых, по замечанию его, следовало бы действовать от братства русскому миссионеру. Потом передал, что он и в этой губернии разъезжал по немецким колониям с проповедью; но когда от него узнали, что он баптист, то отказались его слушать и не стали его более принимать в свои дома. Поэтому он был вынужден возвратиться домой.

III. О назначении братьев в миссионеры.

По общему мнению немецких и русских братьев за лучшее сочли *ездить двум миссионерам вместе и проповедовать Евангелие царствия Божия сряду несколько дней, нежели держать только одну проповедь или две и отъезжать на другое место, недовольно удовлетворив нуждам первых.* Притом же вдвоём ещё и то удобство, что, когда один будет утомлён проповедью, тогда может продолжать другой. И пение вдвоём гораздо легче; особенно там, где пение слушателям ещё незнакомо. Основание этому полагая на св. Писании у пророков. Предложение это общим согласием Конференции принято.

Брат Пётр Мартинович **Фризен** предложил, что для облегчения братства от больших расходов, лучше бы было если бы один брат, который имеет свои средства, принимал участие в проповеди без жалованья по собственной охоте и желанию. В случае же другого брата способного на сие дело с собственными средствами не окажется, то брату, не имеющему средств на путевые расходы, давать пособие, чтобы таковой не понёс ущерба в своём домашнем занятии. В крайних же случаях, когда не найдётся свободный брат трудиться без жалования, то пусть едут и два миссионера, получающие полное содержание. чтобы ввиду бережливости не остановить дело Господне. Предложение это общим согласием Конференции принято. Но при этом Конференция добавила: так как были уже случаи, что миссионер, посетив одну местность, из которой ещё не успев выехать, как

туда же приезжает другой миссионер, тогда как другие места остаются ими не посещённые. Поэтому для соблюдения порядка, *предложено назначать каждому миссионеру проповедовать там, где кому будет комитетом указано.*

Брат Яков **Герц** предложил Конференции о насущной нужде послать миссионера из русских братьев в окрестности Вольдемфирста на Кубани по казачьим станицам, где некоторые из казаков ему объяснились о себе, что они имеют нужду в познании истины.

Брат А. **Сторожев** сообщил, что в селении Богословке находятся два семейства, которые соглашаются с учением Евангелия, которые, по-видимому, к нам расположению, готовы соединиться с нами крещением. Ещё сообщил, что он слышал от брата Фишера, что за Ставрополем есть из секты хлыстов некоторые, кои оставили своё заблуждение и начинают по проявляющейся у них вере, принимать крещение в воде и совершают вечерю Господню.

После сего пошли обедать, закончив заседание молитвою. Время было 12 часов дня.

В 2 часа пополудни заседание вновь открылось.

Брат Иван **Рябошапка** сообщил, что у них долгое время были ужасные гонения с большими штрафами с братьев, которые собирались на богослужение. Но теперь в течение 2-х лет уже нет преследования, и они собираются на богослужение уже без страха. Но в Каменец-Подольской губ.. Балтовского уезда, неподалёку от Балты, есть уверовавшие, из которых 12 душ приезжали в Любомировку и приняли у них крещение, которые весьма потерпели от своих односельцев. Они были бесчеловечно избиты на своём собрании: одному брату порезали ножом подошву ноги, а другому руку между пальцев¹²⁹. В самой Любомировке сим годом тоже приняты через крещение 12 душ.

Далее сообщил, что он *посещал братьев и в Киевской губ., где он нашёл братьев крещёных душ 100. Но некоторые из них дошли до того, что творят всякую неправду. Даже не осталось и одного брата между ними, который имел бы право голоса отлучать виновных или же увещевать.*

Брат И. **Виллер** предложил Конференции, что в Самарской губ. есть колонии менонитов, откуда один брат верующий извещает, что они желают, если бы какой брат нашёлся работать для Господа, между *татарами*, которому он охотно жертвуют на содержание в год 500 руб.

Брат Андрей **Мазаев** предложил Конференции, что на эту миссию был бы способен брат В. Павлов, потому что он знаком с татарским наречием.

Члены Конференции на это ответили, что следует брату Павлову сделать наперёд предложение: не поможет ли он взять на себя эту миссию.

V. О содержании миссионеров.

Брат Арон **Лепп** сделал предложение Конференции о жаловании миссионерам: годовое содержание миссионеру 450 руб., работать в течении одного года должен 8 месяцев; полугодовое 175 руб., работать должен 4 месяца; четверть годовое 75 руб., работать 2 месяца.

Брат Давид **Шаленберг** сделал предложение Конференции, что миссионеру к годовому жалованью 450 рублям следует ещё прибавить 50 руб. квартирных. И по окончании года, смотря потому, как он трудился, если окажется, что ему не довольно было назначенного жалованья, то ему надо будет прибавить. Конференция это предложение приняла.

Брат Корнилий **Реймер** предложил, что миссионеру за 4-х месячное проповедание слова Божия довольно будет на содержание 175 руб. Конференция это предложение приняла.

Брат Яков **Янс** предложил, что также и за 2-х месячное проповедание миссионеру довольно будет на содержание 75 руб. Конференция и это предложение приняла.

V. Избрание миссионеров.

Конференция избрала в миссионеры на Молочной с полным годовым жалованьем брата И. Фаста. с полугодовым по 175 руб. брата Ф. Никеля. И ещё 175 руб. оставлены в распоряжение Молочанской церкви для назначения и другого миссионера.

Конференция избрала в миссионеры для Екатеринославской губ.: Эйнлагской церкви брата И. Сименса и брата П. Петерса с полугодовым жалованьем по 175 руб. И для Фриденсфельдской

церкви бр. И. Нейфельдта с жалованьем в 200 руб. и бр. Фран. Петерса с жалованьем в 75 руб.

Конференция избрала брата Иоанна Фота быть миссионером на Донской земле с жалованьем в 175 руб. Причём ещё положено, чтобы двое братьев, которым будет поручено, посетили Донские колонии.

Братья из Сергеевки предложили Конференции, чтобы поручить миссионерам Молочанской церкви, Эйнлагской и Фриденсфельдтской посетить их братство в Сергеевке. Конференция обещала это исполнить.

Конференция назначила для Кубанской церкви 175 руб. на содержание миссионера с тем, чтобы Кубанский миссионер посетил братьев на Молочной, а Молочанский, посетил на Кубани.

Брат П. М. **Фризен** предложил Конференции избрать брата Павлова миссионером с полным жалованьем с тем, чтобы 8 месяцев находился в разъезде: 4 месяца включительно в Таврическую губ. и другие места, а 4 месяца в Закавказье.

Брат А. **Сторожев** предложил Конференции назначить в миссионеры из русских братьев Ив. Рябошапка, Мих. Ратушного и Гр. Кушнеренка на 4-х-месячное служение с содержанием по 175 руб. каждому с тем, чтобы у них было и взаимное посещение каждого братства, которых они состоят членами. Конференция это предложение единогласно приняла.

Брат Е. **Богданов** предложил Конференции, что между ними и между братом В. Павловым в Тифлисе существует разногласие о праздновании седьмого дня, который настаивает брат Павлов праздновать с полуночи до полуночи, тогда как по Писанию видно празднование седьмого дня с вечера до вечера¹³⁰. Поэтому назначая брата, В. Павлова на должность миссионера следует, чтобы Конференция попросила от него согласия, чтобы он не распространял такого учения, которого не может доказать справедливости Писанием.

Конференция это предложение общим мнением приняла так: написать брату В. Павлову, чтобы он празднование дня Господнего не обязывал членов праздновать с полуночи до полуночи. И что празднование седьмого дня с вечера до вечера

вовсе непогрешительно, но и согласно с Писанием. А поэтому каждой общине предоставить свободу в праздновании с вечера до вечера или с полуночи до полуночи, чтобы из-за этого не делать между собой раскола. Причём положено просить ещё брата В. Павлова письменно, чтобы он написал и всему Закавказскому братству, как поэтому предмету согласилась Конференция.

Брат Ив. **Рябашапка** сделал ещё предложение, что если в случае укажет надобность во взаимном посещении от русских братьев до малороссов и от малороссов до русских миссионерами, чтобы не было отказываемо. Предложение это общим согласиём принято.

В 7 час. веч. заседание Конференции было закрыто до следующего утра.

22 мая в 7 час. 35 мин. утра заседание Конференции открылось пением, чтением и молитвой.

Брат М. **Тильман** читал перед Конференцией написанный вчерашнего дня на немецком языке протокол.

Брат И. **Фризен**, кассир читал Конференции отчёт: сколько от прошлогодней Конференции осталось в кассе наличных денег, сколько получил взносов от церквей и сколько выдал из кассы миссионерам на содержание и на другие требования и сколько осталось теперь наличных денег.

VI. Выбор членов комитета, кассира и председателя.

Председателем комитета избран брат И. Виллер и кассиром И. Никель Гиберт.

Брат Ив. **Скороходов** предложил, чтобы каждая община избрала из среды себя по одному члену, который занимал бы место в комитете для ведения порядка миссии¹³¹.

После сего слушан был русскими депутатами сей протокол, который читал бр. А. Сторожев и общим согласиём был принят.

VII. О даре исцеления.

Брат И. **Виллер** сделал предложение о даре исцеления через молитву и елеопомозание на основании евангел. Мк.6:13; Иак.5:14,15 следует ли руководится этим ко исцелению болящих?

Брат Е. **Богданов** ответил, что в сих словах Апостол даёт совет, а не заповедь. Поэтому если болящий пожелает чтобы над ним сие исполнили по написанному, то следует такового желание удовлетворить. Только желательно, чтобы это совершалось с живой верой и горячей молитвой. В молитве же о болящем выражать перед Богом нашу покорность Его святому Провидению, что если просимое болящему выздоровление будет согласно воле Его, то да будет это отнесено к Его же славе; а если нет, то пусть он творит над болящим что Ему Самому угодно. Как и наш божественный Спаситель молился к Отцу, говоря: „Но не Моя, а Твоя да будет воля!”

Ари етом несколько братьев засвидетельствовали, что у них были случаи, что через молитву и елеопомазания получали исцеление больные.

По сему Конференция решила предоставить каждой общине полупись так, как будет желательно больному: призывать ли Господа с одной молитвой и без елеопомазания или с елеопомазанием.

VIII. О том, как поступать с теми верующими, кои не крещены по вере, а по общепринятому обычаю в детстве.

Брат И. **Виллер** сделал предложение Конференции, что из Петербурга известной общины брат Василий Пашков ¹³² желает чтобы наши братья баптисты принимали из их общины верующих к вечере Господней, оставляя их при том крещении, которое они приняли в детстве.

Брат Е. **Богданов** на это ответил: если допустить таковых верующих до вечери Господней, тогда следует признать, что и их крещение в детстве принято справедливо.

Брат А. **Мазаев** высказался так: если нам слово Божие указывает ясно, что кто уверует и крестится, тот будет спасён. Поэтому крещение без уверования крещаемого не имеет в слове Божиим никакого значения. А посему мы не можем иметь с таковыми и участия в вечере Господней,

Брат Иван Никитич **Скореходов** предложил Конференции: если мы допустим таковых к вечере Господней, то мы этим докажем, что их крещение, принятое в детстве, действительное, и что мы сами неправильно поступает, когда кого из них,

принимая в нашу общину, крестим. Стало быть мы этим их только подтвердим, что они правее нас, а не мы их.

Брат Х. **Фишер** предложил Конференции ответить на этот вопрос брату В. Пашкову, что они теперь пока не могут решить сего предложения, а отлагают до времени, пока Бог уяснит тем и другим, как следует поступить согласно Его святой воле.

Брат Х. **Шмидт** при этом выразил так: если таковых допустим к участию с нами в вечере Господней, то мы тем более подкрепим крещение младенцев против апостольского учения, которое будто бы указывает крестить только верующих.

Брат Я. **Янс** предложил Конференции отложить этот вопрос не решённым; чтобы против его резко не выражаться, пока он будет решён в другое время так или иначе (изутское решение).

Конференция это предложения общим согласием приняла.

Брат П. **Перетяткин** предложим Конференции, что у них в Эйнлаге выстроен *русский молитвенный дом*, для которого они нуждаются в пособии деньгами,

Поэтому Конференция даёт *из союзной кассы 50 руб. на молитвенный дом*.

После сего заседание Конференции кончилось и вечером ещё держали вечерю Господню.

23 мая в воскресенье до обеда русские братья держали собрание отдельно от немецких. После обеда в заключение держал проповедь о *жертвовании на миссию* бр. Х. Шмидт. И доброхотного пожертвования оказалось 300 руб.

Заключение о конференции.

Члены Конференции вели советы и суждения между собой так сдержано и осторожно, что вполне сохранились мир и братская любовь. За что наконец благодарили Бога и просили Его Отеческого благословения, на всё то, что было принято из советов и суждений Конференции для благоустройства, порядка и распространения Его благодатного царства во всей вселенной, как и среди всего русского народа. Согласно прошению в молитве Господней: „Да придет царствие Твое, Да будет воля Твоя и на земле, как на небе” (Мф.6:19): Господь же да приведёт вскоре всемогуществом своим со исполнением Свои слова сказанные и через святых пророков, что земля будет так

наполнена званием Господа, как морское дно покрыто водою (Ис.11:9; Авв.2:14). Дабы и воспетое Ангелами славословие Богу, возвещающее земле мир и в человеках благоволение (Лк.2:14) доказало ему ныне в глазах всех народов, что вечносуший Бог есть наш общий Отец, а мы Его дети; промежду же собой во Христе Иисусе Господе нашем истинные братья (Гал.3:26–28). Единому премудрому Богу, Спасителю нашему, через Иисуса Христа Господа нашего, слава и величие, сила и власть прежде всех веков, ныне и во все веки. Аминь.

* * *

Оставляя вышеприведённые постановления штундо-баптистической конференции без комментариев, мы обратим лишь внимание читателей на преднамеренность и систему в пропагаторских действиях по распространению штундизма, со стороны немецких и русских главарей секты, что самым наглядным образом опровергает то предвзятое и неосновательное мнение, будто бы штунда появилась и распространяется среди православного русского населения *сама собой*, как протест против не порядков в церковной жизни и пороков духовенства. Непорядки и пороки и ранее были и впредь будут, как плевелы среди пшеницы, но хитрого лжеучения штунды без немца русскому мужику никогда бы не выдумать, а равно никогда протестантская секта эта, совсем несродная духу православного народа, так не укоренилась бы, если бы не было деятельного руководства и денежной поддержки как совратителям, так и ново-сворачиваемым, со стороны пресловутого союзного немецко-русского миссионерского комитета. А получить, за 4 месяца *штундового благовестничества* вчерашнему пахарю, 175 руб. квартирные и разъездные, – величаться председательством на собраниях среди сбитой с толку тёмной толпы, – соблазн большой для всякого простолюдина и он, естественно, лезет на стену, и попадает в тюрьму, защищая штунду. Прозелитизм штундо-баптистической миссии не оставляет в покое даже татарского населения... Вся область штундового брожения уже полтора десятка лет назад тому поделена на миссионерские округа, с поручением каждого округа определённому проповеднику, – причём выдвигаются все

лучшие по способностям и начитанности, по силе фанатизма люди, – определены взаимные отношения штундовых благовестников между собой и проч.

Миссионеры штундовые после известного периода меняют районы, чтобы возбуждать внимание слушателей новизной лица и новыми приёмами в беседах. Постановление о ведении миссионерской проповеди одновременно *двумя штундовыми благовестниками* в той или другой общине заслуживает одобрения в методическом отношении. Весьма практичным представляется также и способ удовлетворения жалованием штундовых благовестников за их подвиги. Миссия не отрывает благовестника – пахаря от семьи и занятий полевых, а также осенний и зимний досуг не пропадают без дела и прибытков...

Характерным представляется свидетельство штундового миссионера, известного главара Рябошапки, о нравственном падении штунды Киевской губерний, где уже тогда, сектанты „творили всякую неправду, и не оставалось ни одного брата, который бы имел право голоса отлучить виновных или увещевать” другими словами – все штундисты нравственно пали. Такова хвалёная штундистская нравственность... Свидетельство сколько красноречиво, столько же и поучительно для слепых поклонников и либеральных и невежественных в области сектоведения защитников мнимых добродетелей нашего сектантства. А ведь Рябошапка в этом случае свидетель и верный, и компетентный...

В. Скворцов

Ивановский Н. И., проф. Внутреннее устройство секты странников или бегунов // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 226–240

VI. Сторона имущественная. С. 226–230

Всякое общество, помимо внутренней силы убеждения, должно поддерживаться ещё и внешними средствами. Особенно эти средства необходимы обществу бегунов, по самому его положению, а равно и вследствие его нелегальности. При чисто материальных средствах должны быть и люди как бы со стороны, с их видимым легальным положением. Один высокопочтенный слушатель предшествовавшей лекции, по окончании оной, прямо и обратился к нам с вопросом: на какие же средства бегуны живут и ездят с места на место и кем поддерживаются? Вопросы эти совершенно естественны и теперь мы имеем в виду ответить на них.

Выше мы говорила уже о кружечных сборах и о благотворениях со стороны разных «христороубцев» натурой. Но одними этими, случайными только, пожертвованиями едва ли возможно было бы жить целому обществу с его довольно сложной администрацией.

Одни переезды с места на место чего-нибудь стоят. Должен существовать какой-нибудь постоянный источник материальных средств и доходов, дабы эти средства не истощились. И действительно, существует у бегунов какой-то общественный фонд, с поступающими в него и непрерывными доходами от разных статей. Как и когда образовался этот фонд, остаётся тайной, но пополняется он следующим образом:

1) Каждый областной наставник из поступающих лично ему кружечных сборов половину выделяет в распоряжение главного наставника. До времени эту часть берёт и хранит областной эконо, который и отсылает потом всё причитающееся в Ярославль по известному ему адресу. Много ли собирается этих доходов, сказать, конечно, нельзя, но во всяком случае со всех областей они должны быть довольно значительны.

2) Кроме означенных кружечных сборов бывают богатые денежные пожертвования прямо на общественные нужды со стороны переходящих в секту, как сделал это упоминаемый Николай (Кирилл) Аполлонов, распродавший перед уходом в бега всё своё имущество.

3) Бывает иногда так, что все деньги вырученные от продажи имущества, или часть их, а также и часть имущества (иконы, книги и т. п.) оставляют по духовному завещанию кому-либо из малолетних родных, под условием, если они сделаются бегунами. Условие это, конечно, не прописывается, но само завещание пишется тогда на другое лицо, на кого-либо из «жиловых», которому деньги и передаются, а также и вещи, или, если не передаются, то, по смерти завещателя, получают, по утверждении завещания обычным порядком. Последний, получив деньги и вещи, в обеспечение исполнения завещания, – настоящая сущность которого делается известной областному наставнику, за подписью завещателя, – означенное лицо выдаёт вексель на третье ещё более надёжное лицо, или сохранную расписку. Оба эти лица также осведомлены о настоящем смысле завещания, т. е. кому именно завещано и под каким условием. Если тот, кому действительно деньги и вещи завещаны, уходит в бега до совершеннолетия и переименовывается, то завещанное передаётся назначенному в бегунстве опекуну. Если же он в общество бегунов ещё не вступит, оставаясь даже «жиловым», то ему выдаётся, по достижении совершеннолетия, половина, другая же отчисляется в общественную кассу бегунов, – вследствие невыполнения условия и за хлопоты других лиц ради общей пользы. Эти духовные завещания по двум, так сказать, государствам представляемые, – очень, как изволите видеть, замысловаты¹³³, но и от них не без дохода бегунская касса... Если же завещание составляется бегуном уже крещённым и на имя лица, хотя и несовершеннолетнего, но также крещённого (другим завещать он уже не может), – то дело идёт уже другим порядком, – нелегального царства. Во 1-х, завещание подписывается одним из местных наставников и тремя свидетелями. Во 2-х, такое завещание передаётся назначенному опекуну, из действительных бегунов. В 3-х, завещанные деньги поступают на хранение главному эконому общества. Для учёта этих денег и для распоряжения о их выдаче существует свой Сиротский суд, которому опекун представляет нечто в роде отчёта о том, сколько и на что израсходовано. Сами расходы производятся по разрешению Сиротского суда и при посредстве

келейных игумена или игуменьи. Когда известное лицо, на имя которого сделано завещание, достигнет совершеннолетия, определяемого у бегунов 30-летним возрастом, тогда завещанные деньги выдаются на руки, по определению Сиротского суда, но и тогда выдаются не все, полностью, а постепенно, пока означенное лицо не сделается игуменом или игуменьей, или кем-либо выше их. Если деньги ещё не выданы, или выданы не все и если должествующий получить по завещанию почему-либо сделался отступником и стал жить в миру, то выдача денег прекращается. Эти не выданные, согласно завещанию, деньги до времени хранят, пока отступивший жив, на случай его возвращения к бегунам, после чего он снова вступает в свои права. Если же он так и умрёт в миру, то, по смерти, все деньги поступают в кассу общества. Обратившаяся должна была получить, согласно завещанию первого наставника статейников в Казани, упоминаемого Кирилла Аполлонова, (которому, говорят, она приходилось будто бы внучатной племянницей), – около 900 рублей. Но теперь никаких денег она уже не получит. – Самого завещания она не видела, но знает об этом от бывшего своего опекуна Саввы Онисимова.

4) Наконец, многие и другие наставники, – и бывшие и настоящие, люди богатые и все их богатство, после их смерти, чаще всего становится достоянием общества. Иногда, впрочем, и они завещают кому-либо из переkreщенных (постороннему, хотя бы и «жиловому» последователю и они также завещать не могут), – так что в конце концов, рано или поздно, тем или другим путём, всё переходит в кассу общества. То же нужно сказать и относительно вещей, частным лицам принадлежащих.

Так, в 40–50 лет, при скромной требовательности, при общих трудах, и при помощи разных благотворителей – «христоролюбцев», можно было собрать немало. Но как на самом деле велик общественный капитал бегунов и где он хранится, про то знают очень немногие, наверху их иерархической лестницы стоящие. О достаточном же его количестве можно судить по тому, что бегуны имеют и свою недвижимость, известную под названием «церковных домов», также кельи, принадлежащие игуменам и игуменьям. Эти «церковные дома»,

а равно и кельи находятся на всём пространстве бегунского царства, но которые, именно эти дома, узнать невозможно. Про «церковные дома» знают три наставника в Ярославле, да главный эконо́м, – так что этого иногда не знают и некоторые областные наставники, про кельи же знают их владельцы и областной наставник-правитель.

Секрет здесь в том, что «церковные дома», принадлежащие обществу, строятся или покупаются на имя кого-либо из «жиловых» последователей бегунства, но устраивается это так, чтобы открытый, законный хозяин не мог присвоить его себе. Для этого приобретённый дом немедленно закладывается другому лицу, тоже из «жиловых», – человеку надёжному, а этот последний должен сдать его в аренду третьему лицу, – самому надёжному. Таким образом одновременно являются: домохозяин, владелец закладной и арендатор. Последний, зная, на чьи собственно деньги и для каких целей дом куплен, и приспособляет его к известным, требующимся помещениям, устраивает в нём и тайники. В этих домах чаще всего и живут областные наставники и другие должностные лица, иногда в них помещаются больные и престарелые, так что являются и свои богадельни. Дома или кельи, разным игуменам и игуменьям принадлежащие, покупаются тем же порядком и по смерти их чаще всего поступают в общество.

VII. Бегуны жиловые и видовые, иначе „познаемые” и „оглашаемые”. С. 231–240

Мы сказали о материальных средствах бегунов. Но кроме денег нужны и люди, которые поддерживали бы их неведомое царство, люди, которые были бы, так сказать, негласными посредниками между их нелегальным царством и действительным государством, в котором они живут, – посредниками, приспособляющимися к государственным законам и порядкам. Нужно же на самом деле всем членам тёмного бегунского царства и места сокрытия иметь, необходимо и переписку им вести через посредство кого-нибудь, так как бегунам настоящим: Никите, Савве, Евпраиссии, Евстолии ни один письменосец не в состоянии доставить письмо, не зная ни их самих, ни места их жительства, – нужны и соборы где-нибудь собирать и соборные моления устроить, нужно, как мы сказали, и дома церковные на чьё-нибудь имя записывать, нужно кому-нибудь и разные общественные повинности вносить. Обо всём этом заботится и всё это исполняют бегуны, так называемые, «жиловые», имя которых мы должны были уже много раз упоминать. Благодаря только им, и могут существовать разные бегунские учреждения. Вместе с тем они представляют, и постоянный запас обитателей бегунского царства, так как своего потомства бегуны иметь не могут. Бегун по своему призванию – инок, проповедующий, что горе непраздным и даящим в тые дни, т. е. антихристовы, – хотя особенного горя в наши дни никому из непраздных и даящих никакого нет, а те же заботы о болящих, таже, после болезни, радость, Христом Спасителем предуказанные, что явился человек в мир, и явившегося в мир младенца лелеют везде, кроме разве наших крайних федосеевцев, таких же бракоборов, как и бегуны, и даже худших по воспитанию ребёнка.

Жиловые бегуны существуют издавна, непосредственно после основателя секты, Евфимия. Появление этих бегунов без бегунства, спокойно живущих в своих домах и исполняющих гражданские обязанности, сразу, по-видимому, разрушало строго

последовательную, фанатичную систему бегунства, но на самом деле оно сообщило жизнь и устойчивость секте, дало ей будущность. Крайний фанатизм не мирится ни с каким внешним порядком и сам себя уничтожает. Ни одно общество не может держаться на его началах; оно всегда требует и практических соображений и расчётов, которые и регулируют его жизнь. Во всём нашем расколе, на фанатическом убеждении в воцарении антихриста основанном, издавна это сказалось. Но наиболее ясно обнаружилось и обнаруживается это в обществе бегунов, через допущение жилых.

Жилые бегуны могут быть разделены в настоящее время на следующие виды: одни, – которые, живя в мире, находятся ещё под испытанием, другие, – уже испытанные в преданности к секте и ознакомленные с её правилами и третьи, – так называемые, отступники.

Когда кто-либо из посторонних, не принадлежащих к секте, лиц, которых, по рекомендации других, пускали уже на соборные моления, заявит наставнику, что он желает перейти в их согласие и жить так, как они учат, то наставник обыкновенно замечает: осмотри, друг, у нас ведь жить трудно, подумай, испытай себя, присмотришься ближе к нам и мы на тебя посмотрим, поживи так три года». В эти три года полагается искус; испытуемого считают почти уж своим, но зорко наблюдают за ним, постараются разузнать при этом и всю его прежнюю жизнь, а главное, убеждения и преданность секте. Он допускается не только уже на соборные моления, но и к богослужениям в кельях, но стоит, не молясь, знает всех трёх наставников и получает от них советы и наставления, а также келейных игуменов или игумений, смотря по его полу, но не знает ещё, где они живут; видится он с ними где-нибудь в келье. Он – «христоролюбец» – благодетель, но куда и на что идут его жертвования, того тоже не знает. Образ же его жизни и его занятия остаются прежние и при таком искусстве в течении трёх лет, если заметят какую-либо провинность, или что-либо подозрительное, вследствие чего доверять ему покажется опасным, оставляют его в том же положении испытуемого ещё

на три года. Если же он заслужит доверие, то его переводят в высший разряд жилых.

Переведённый после трёхгодичного испытания в высший разряд становится не только «познамым», но и живым членом бегунского общества, хотя и остаётся неперекрещенным. Его знакомят с устройством общества, с местами, где бегуны и их наставники живут, и поручают какое-либо дело на общую пользу. Эти поручения очень разнообразны. Одним поручают устройство пристанодержательств в своём доме, – если таковой имеется, – или наём и устройство келий в домах других, которые он должен снять на своё имя, для приёма странников; другим – содержание адресов разных наставников и келейных, приём писем на их имя и передачу их кому следует; третьим поручают встречать странников и распределение их по кельям; четвёртым – охранение соборных моленных со всем имуществом. За исключением тех, кои устраивают пристанодержательства в собственных домах, всем остальным поручают то или другое дело в других городах или селениях, куда испытанные жилые и должны переселиться, с узаконенными, конечно, видами на жительство. Там, на новых местах, они должны открыть какую-нибудь мелочную торговлю, или поступить в приказчики к какому-либо, подходящему по убеждениям, купцу или куда-нибудь на фабрику или завод, или, наконец, выдать себя за какого-нибудь ремесленника, мастерового и т. п., – хотя этих ремёсел может и совсем не знать.

Таким образом возложенные поручения и исполняются под прикрытием якобы других занятий, и исполняются они в следующих видах:

1) Приезжает, например, в нашу Казань, – или из Казани в другой город, – какой-нибудь иногородний или сельский обыватель, снимает в подходящем доме квартиру со всеми подворными строениями, в комнатах, выходящих на улицу, помещается сам, остальные же комнаты и приспособляет для устройства келий, с тайниками. Всё это снимается и устраивается у домовладельца подходящего, в роде «испытываемого». Последний знает про всё это, но притворяется ничего будто бы незнающим, чтобы не быть в ответе. Так, под

покровом «жиловых» и образуется маленький скиток с его насельниками или насельницами. Поселившись в этих кельях странники и странницы живут там до тех пор, пока полиция не заподозрит и не станет следить за живущими. Если же полиция станет обращать внимание, или, если окажется, что тайники сделаны не совсем искусно, или, наконец, почему-либо явится сомнение в молчании домохозяина, – вследствие чего будет угрожать опасность быть открытым; – тогда съёмщик или съёмщица обыкновенно оставляют квартиру и приискывают помещение в другом доме.

2) Помещения, приспособленные для молений, охраняются особыми лицами, также большей частью приезжими. Находящиеся в моленной иконы, книги и другие вещи – или общественные, или принадлежит кому-либо из частных последователей бегунства. Здесь же хранятся иногда сундучки с разными рукописями, картинками и пожертвованными для раздачи по кельям крестиками, поясками и другими вещами. В случае осмотров всё, что находится в моленной, показывается, как собственность хранителя, хотя на самом деле ему лично и ничего не принадлежит. Он может даже и не знать, что хранится в запертых сундучках, ключи от которых находятся у других лиц, при осмотрах же объявляются затерянными. В 1897 году, при упомянутом выше осмотре в Адмиралтейской слободе квартиры Сибирякова, который назвался портным, – хотя никаких признаков этого ремесла и заметно не было, – усмотрены были два сундучка, ключи от которых показаны затерянными. На вскрытии их в сундучках оказались рукописи бегунского содержания, картины, краски, линейки для писания полууставом, тетради, кисточки, медные кресты и вязаные пояски. Все означенные вещи Сибиряков назвал частью своими, частью принадлежащими его матери, живущей в том же доме Коршунова, на самом же деле они не ему, ни ей, как впоследствии оказалось, – не принадлежали.

3) Третьим важным поручением является передача писем и хранение адресов разных наставников и других должностных лиц, а также и некоторых келейных. Для этого в каждом видном центре, бегунства имеются особые люди, на имя которых письма

посылаются и при посредстве которых доходят по назначению. К этому делу приставляются обыкновенно два лица. Первое лицо, на которое письмо адресуется, играет не важную роль. Письмо посылается ему для передачи другому лицу, также «жиловому», и, хотя он и может догадываться по порученному ему делу и по особому признаку, – о котором сейчас скажем, – что письмо собственно и не тому лицу, которому он передать должен, а совсем другому и догадывается даже кому именно, но местопребывания этого, третьего лица он не знает. Второе лицо, которому письмо передаётся, узнает уже, кому именно письмо и знает, где этот человек живёт. Узнает это он по следующему признаку. На конверте, незаметно для других, как бы по рассеянности ставится инициал того лица, кому письмо собственно адресовано, например, нужно писать наставнику Савве Онисимову, относительно которого известно, что он в Сарапуле. Пишется так: «Сарапул. NN для передачи NN» и где-нибудь на конверте точно нечаянно ставится буква С. по этой-то букве и знают кому письмо и передают аккуратно, не вскрывая. В отобранных в квартире Сибирякова письмах оказались копии с писем Никиты Семенова в Казань, относящиеся к 80-м годам, – хотя точной даты годов нет. В одном из этих писем Никиты указывается и адрес, как ему послать ответ. «Про требуемое собрание (по поводу борьбы с противо-статейниками), написавши немедленно прислать при таком адресе: в Ярославль. Кузьме Герасимовичу Носкову, торгующему сайками, на Воскресенской улице, для передачи Смирнову». В тех же письмах есть адрес неизвестного Томского наставника (в письме какому-то Сильвестру Маркеловичу). «Если благоизволишь утешить меня письмецом своим, то пиши адрес так: В Боготольскую волость Томской губернии, Марининского уезда, в деревню Тюхтеть дворянину Владиславу Франтовичу Завскрежевскому, с передачей на Четь реку, Якову Трофимову Шмыкову». Если письмо следует келейным, то адресуется проще, – на имя жилого содержателя или содержательницы кельи для передачи «игумену» или «игуменье», которые и вскрывают, и прочитывают, а потом передают и кому следует. Но если бы какого-либо из семейных в известном месте уже не

оказалось, то письмо запечатывается в новый конверт и отсылается куда следует.

4) Для того, чтобы поставить в известность, где в данное время находится важное служебное лицо, или куда увозятся рядовые странники, и через кого им писать, особенно первым, существуют особые адресные столы или конторы. Устройство их довольно простое. Один из жилых, по особому поручению, хранит все сообщаемые адреса областных наставников и других важных лиц. Адресы эти хранятся иногда где-нибудь в келье или в секретной моленной, про что знает заведующий. Получить тот или другой адрес можно только лицу известному своим усердием и скромностью. У упомянутого Сибирякова, при осмотре моленной, в одном сундучке были найдены и чьи-то письма, с указанием адресов, кому куда писать. Не хранились ли здесь и эти адреса, про которые сам Сибиряков мог и не знать; – заведующим в то время адресами называли другое лицо, живущее на квартире и занимающееся торговлей. Таким образом и здесь всё облечено тайной, даже близким людям мало известной, а постороннему человеку и совершенно недоступной. А между тем, благодаря этим адресным конторам и передатчикам писем, наша почта исправно служит и бегунам, аккуратно доставляя нужную корреспонденцию.

5) Когда через эту корреспонденцию, или другим каким-либо путём в известном городе получается наставником – правителем сообщение о том, что туда из известного места прибудут странники, то одному из жилых поручается встретить их на паровой пристани, или на станции железной дороги, – если таковые сообщения имеются, – и препроводить в назначенные кельи, в самом городе или в прилегающих к нему деревнях. При размещении, чтобы не вышло какой ошибки, или обмана, и спрашивается вышеупомянутое отпускное свидетельство, за гербовой печатью.

Таким и другим подобным образом жилые последователи бегунства, посвящаемые во все секреты внешнего течения жизни действительных странников, оказывают ему неоценённые услуги; они представляют собою те ширмы, за которыми кроется вся жизнь секты и благодаря которым всё идёт своим порядком, в

полном секрете от окружающей среды. Проникнуть за яти ширмы, раскрыть секрет, обнаружить что-нибудь и кого-нибудь стоит больших усилий и ловкости, при знании дела и при неподкупной честности полицейских агентов. Каждый шаг при каком-либо подозрении, всякое постороннее сообщение необходимо прослеживать самому, не полагаясь ни на какие показания и рассказы знакомых, по-видимому, людей. Всегда можно опасаться, что это знакомство и сводится теми же последователями секты, в тех видах, чтобы, когда окажется нужным, отвести глаза, направив внимание совершенно в другую сторону. В сущности, по своему характеру, в отношениях не только к полиции, но и ко всем православным жilовые – самые скрытные и лицемерные люди. Они скрытничают и лицемерят в самых простых и невинных вещах. Последователь бегунства никогда не сознаётся, например, что он знает другого, такого же бегуна, а тем более, что он близко с ним знаком. Раз, по окончании беседы, мы остались с несколькими приглашёнными пить чай. Между ними был один, хорошо мне известный, последователь бегунства, уже переkreщённый, но вышедший из бегов. В разговоре мы и спросили его, знает ли он обратившуюся; спрошенный, посмотрев на неё пристально, ответил: «кажется, где-то её видел». А между тем мне также хорошо было известно, что он не только давно её знает, но и некоторые её вещи были у него на хранении. Тут же я спросил, знает ли он Петра Ив. Миронова, – известного жilового, ушедшего тогда в бега; – он отозвался совершенным незнанием; между тем это были очень близкие люди. Другой раз, будучи в Чистополе, мы спросили такого же выходца, знает ли он Сильвестра, тот отвечал, что почти незнаком с ним, – тогда как у этого Сильвестра он жил, да и женился при его посредстве.

При скрытности и обособленность жilовых проявляется до такой степени, что они имеют свои «мировые учреждения». Эти учреждения существуют в тех видах, чтобы в случаях взаимных недоразумений и им не обращаться к судам «еретическим». Председателем «Мирового суда» бывает большей частью областной наставник правитель, – члены же избираются обществом. Суды эти собираются в известном доме, по мере

надобности, когда последует жалобы одних последователей бегунства на других. Дела решаются или примирением ссорящихся, или признанием одной стороны виновной. Апелляций на этот суд нет. Если же который-нибудь из судящихся не пожелает подчиниться приговору и обратится к нашим судам, – что бывает очень редко, – то это служит изменой обществу. Такой недовольный оставляется в подозрении и ему не поручают никакого общественного дела.

Последнюю степень бегунов, живущих по паспортам и не переkreшенных служат, так называемые, «видовые». Это – те, которые живут уже в кельях готовясь к крещению. Это не только «познаемые», но и «оглашаемые». Живут они так подолгу, с просроченными большею частью паспортами. По своему церковному положению они отличаются от жилых тем, что, поселяясь в келье, кладут «начал» и участвуют во всех келейных молениях, хотя вместе с крещёнными и не молятся – а также и едят отдельно. Во всё время пребывания в келье, они несут известное послушание какого-либо внешнего характера, например: состоят привратниками, готовят пищу и т. п. Это – ближайшие посредники между внешним миром и кельей. За ними особенно строго наблюдают, как за готовящимися, по искусству, стать «истинными христианами».

К бегунам жилым, т. е. в мире живущим, относятся, так называемые, отступники. Отступники могут быть, конечно, во всяком обществе. Но здесь они представляют собой особый тип. Отступником считается только уже крещённый, по тот из них, кто оставил действительное бегунство и объявил своё имя и звание. Такие отступники бывают не только вольные, но и невольные. Невольными отступники бывают те, которые обнаружены полицией и объявили своё имя. через одно это они отреклись уже имени христианского и, по возвращении, должны вынести епитимию. Вольные отступники – те, которые сами по каким-либо причинам уходят из келий и объявляют в миру своё звание. Обыкновенно они приходят в прежние места жительства, заявляются в полицейские или волостные управления и выправляют себе билет на отлучку, с которым и живут, где им нужно. Так как закон за самовольные отлучки, по явке, не

преследует, а с другой стороны, если крещены они в православной церкви и раньше ухода в бега считались православными, то им свободно и выдают виды с отметкой «православный» или «православная». Имея такие виды, они вступают, если захотят, и в браки всякого присоединения к православию. Эти отступники бегунства, надевшие маску православия, иногда через заключение брака, – самые опасные апостолы бегунства которых и заметить трудно, эти люди двум господам, по-видимому, служат, но преданы одному, против другого же ожесточённо, как мы уже и видели, ратуют.

**Темномеров А., свящ. Заблуждения
рационалистического сектантства в вопросе о
последних судьбах человека ¹³⁴ // Миссионерское
обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 241–248**

Из всего сказанного выше мы можем видеть, что те возражения, какие выставляются сектантами против возможности вменения человеку его дел на последнем страшном суде Божиим, лишены всякого основания в слове Божиим. Столь же малодоказательны и приводимые ими прямые будто бы свидетельства Писания об одинаковом загробном воздаянии праведникам. Из них прежде всего указывают на то, что Господь обещает всем Своим истинным последователям одно воздаяние – жизнь вечную, а не различные награды, как следовало бы ожидать, если бы блаженство праведников после воскресения и суда было различно. Действительно, если мы обратим внимание на обетования Божии праведникам, то увидим, что на первый план выступает в них жизнь вечная, которая одна для всех оправданных на суде. Хотя при этом упоминается также о других неизреченных благах, но и они обещаются всем любящим Бога (2Кор.2:9), и кроме того все они входят в понятие жизни вечной, как её естественные проявления и неотъемлемые следствия. Однако, было бы весьма поспешным и ошибочным делать отсюда тот вывод, к какому приходят сектанты, потому что, хотя вечная жизнь одна и одинакова для всех по своей сущности, но каждый человек приобщается ей не в одинаковой степени, отчего и происходит неравенство состояний за гробом. Это вытекает из самого понятия вечной жизни, которая есть не что иное, как тесное нравственное единение человека с Богом во Христе Иисусе, так как *имеющий Сына Божия имеет жизнь; не имеющий Сына Божия не имеет жизни* (1Ин.5:12). С этим понятием о вечной жизни согласны и сектанты; остаётся только добавить, что не все люди одинаково тесно соединены со Христом. Одни из них вместе с Апостолом могут сказать о себе: *уже не я живу, но живёт во мне Христос* (Гал.2:20), для других такое состояние

представляет ещё цель, к которой они стремятся, но есть и такие, которые по своим делам близки к отсечению от Христа (Ин.15:2;11:22). Чтобы яснее понять указанную возможность различия в обладании верующими вечной жизнью, достаточно обратить внимание только на то, что и каждый верующий, вступивший в вечную жизнь, иным способом владеет и наслаждается ею на земле, иным после своей смерти до воскресения тела. Иначе почему Апостол, несомненно считавший себя участником вечной жизни и тесно соединённый со Христом, тем не менее называет свою земную жизнь удалением от Господа и надеется после смерти *быть со Христом* (2Кор.6:8)? и каким образом Господь обещает оправданным на суде, как единственную награду, жизнь вечную, когда Сам же говорит, что верующий в Него уже имеет её на земле? Если же один и тот же человек владеет вечной жизнью не всё время своего существования в одинаковой мере, то тем более мы должны допустить возможность такого различия для разных лиц, которые имеют различные степени веры и нравственного совершенства. Во всяком случае то обстоятельство, что всем без различия верующим обещается одна вечная жизнь, не может ни мало говорить против учения Православной Церкви о различии степеней будущего блаженства.

Другое доказательство своего взгляда на единство награды для праведников заимствуется сектантами из притчи о работающих в винограднике (Мф.20:1–16). Хозяин виноградника, по окончании дня, даёт всем работникам одинаковую плату, хотя одни работали целый день, другие с третьего, шестого, девятого и даже одиннадцатого часа по начале дня. Вывод отсюда, по их мнению, тот, что различие в добрых делах не будет принято во внимание на страшном суде, и потому все получают от Господа одинаковую награду. Но и здесь, если мы вникнем в некоторые подробности притчи, то увидим, что она совершенно напрасно выставляется против учения о степенях блаженства. Различение Господом работающих в винограднике по времени выступления их на работу может быть изъясняемо в двух смыслах. Или притча касается отношения Господа к верующим из иудеев и

язычников, или в ней говорится о призвании отдельных людей в различных возрастах их жизни. При первом толковании, более соответствующем отдельным подробностям рассказа, под работниками, договаривавшимися с хозяином и выступившими на работу с утра, понимаются Евреи, заключившие завет с Богом, а под прочими работниками языческие народы, призванные к Господу в середине и в конце всемирного дня. Основная мысль притчи будет та, что в царстве Божием народ завета не может рассчитывать ни на какие преимущества перед язычниками, потому что Бог и им благоволил явить богатство Своей милости. Если же мы приложим притчу к обращению отдельных лиц, то вывод из неё будет тот, что пребывающий с детства в вере не должен превозноситься над обращающимся в зрелом возрасте, или в старости, потому что же продолжительность, а характер служения Богу обуславливает получение награды. Работающие с утра, по словам притчи, не вручили себя всецело благодати хозяина, но заключили с ним договор о плате и через это, как бы сами отказались от всяких милостей с его стороны. Напротив, другие не заводят совершенно речи о награде, считая свой труд слишком ничтожным, и это их смирение не могло не быть принятым во внимание хозяином виноградаря. Первых приводит в виноградарик желание получить динарий, вторые идут не ради платы, а чтобы не остаться праздными: отсюда можно заключать, что и усердие тех и других не было одинаково. Наконец, корыстное отношение к делу первых с особенной ясностью выступает при расчёте с хозяином, когда они стали роптать, что их сравнивали в плате с работавшими один час. Эти же чувства могли бы проявиться и в вышедших на работу с третьего часа от начала дня, однако от них мы не слышим ни одного слова ропота. Это сравнение нравственного состояния работающих в виноградарике делает для нас вполне понятным, что нанятые первыми и не заслуживали большей награды, чем какую они получили, но не потому, что их продолжительный труд был оставлен без внимания, а потому, что хозяин видел и ценил не только труды каждого, а и внутреннее настроение, с которым он трудился. Таким образом, единственное, что можно вывести

из рассматриваемой притчи относительно загробного воздаяния, это мысль, что множество добрых дел и продолжительность делания не обуславливают ещё для человека получения высшей награды на небесах. Но и Православная Церковь, говоря, что суд будет по делам, весьма далека от взгляда, что у кого больше добрых дел, тот непременно получит и высшую степень блаженства. Всякое доброе дело является таковым не само по себе, но в зависимости от участия свободной воли человека, степень же вменения обуславливается, как внутренним настроением его совершителя, так силами последнего и всеми вообще внешними обстоятельствами, при которых оно совершено.

Ссылкой на два разобранные свидетельства Писания и ограничиваются попытки сектантов защитить своё учение о единстве загробного воздаяния праведников. Православное же учение о различных степенях блаженства и мучения имеет за себя самые ясные и неоспоримые доказательства в Писании. Последнее называет Бога праведным Судией не потому, конечно, что Он обнаружит на суде все наши сокровенные дела, мысли и намерения, но потому, что Он каждому из судимых определит безусловно справедливое воздаяние за его жизнь. Насколько справедлив будет этот суд, можно себе представить из слов Спасителя: *говорю вам, что за всякое слово пустое, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда (Мф.12:36)*. Не только дурные, или, как говорится в другом месте, гнилые слова (Еф.4:29) сделаются предметом всеправедного суда, но даже и „праздные“, т. е. пустые, не заключающие в себе, по видимому, никакого особенного смысла. Но что значит: „дать ответ за праздные слова“? То ли, что все они будут только воспроизведены перед человеком, или что они окажут известное влияние и на приговор Судии? Очевидно, последнее, тем более, что вслед за этими словами Господь прибавляет: *ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься*. Однако и у праведников найдутся такие поступки или слова, не заглаженные покаянием, за которые им придётся дать ответ пред Судией, и у грешников окажутся такие, за которые Господь обещает награду на небесах. За те и другие, по слову Господню,

человек непременно должен получить воздаяние, но пусть скажут, в чём, праведники получают должное возмездие за указанные греховные проступки, если не в уменьшении их блаженства? и грешники за свои добрые слова и поступки, если не в облегчении их вечных мучений?

В частности о различии в загробной участи грешников весьма определённо говорится, что *раб, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много. А который не знал, и сделал достойное наказания, бит будет меньше* (Лк.12:47). Нам довелось слышать такое толкование этих слов, что будто бы здесь идёт речь не о будущей, а о здешней жизни и имеются в виду исключительно „верующие”, или даже, учителя верующих. Одни из них верно исполняют своё служение, другие же, думая, что Господь позовёт их к Себе не скоро, начинают *есть, пить и напиваться* (Лк.12:45). Такие будут наказаны в здешней жизни, смотря по вине, много или мало, но не погибнут окончательно. О произвольности такого толкования не стоило бы и говорить, и если мы упомянули о нём, то единственно с той целью, чтобы показать, как искажают сектанты смысл Писания ради доказательства своих заблуждений. Отношение этих слов к жизни будущей будет ясным для всякого, кто даст себе труд прочитать их в связи с предыдущими, начиная со стиха 36, так как здесь речь идёт исключительно о втором пришествии Господнем, и настойчиво предлагается увещание всегда быть готовыми, так как ни день, ни час его неизвестен. А что здесь говорится не о „верующих” в смысле сектантском, видно из того, что упоминается также о рабах, которые не знали воли господина, и рабу, не оправдавшему доверия последнего, обещается одна участь с неверными. Ни того, ни другого выражения сектанты не захотят приложить к себе. Из других мест укажем, что Господь угрожает не покающимся от Его проповеди городам более тяжкой участью, чем Тиру и Сидону, Содому и Гоморре (Мф.11:20–24), предрекает особенное горе тем, через кого приходят соблазны (Мф.18:7), тем, кто соблазнит одного из малых, верующих во имя Его (Мф.18:6; Мр.9:42) и,

наконец, о предателе Своём говорит: *лучше бы этому человеку не родиться* (Мф.26:24).

Не менее определённо выражается Писание и о различии в судьбе праведников. Здесь прежде всего обратим внимание читателя на известную всем притчу Господа о талантах, как она изложена в Евангелии от Луки (Лк.19:12–27). Некоторый человек, отправляясь в дальнюю страну, чтобы получить себе царство, призвал десять рабов своих и дал им десять мин, сказав: *употребляйте их в оборот, пока я возвращусь*. По возвращении же, призвал своих рабов для отчёта и первому, который на данную ему мину приобрёл десять мин, говорит: *за то, что ты в малом был верен, возьми в управление десять городов*. Второму, приобретшему пять мин, даёт пять городов, а третьего, который скрыл свою мину в землю и не приобрёл на неё ничего, осуждает. Основная мысль рассказа понятна: человек должен употреблять с пользой данные ему дарования, зная, что Господь потребует у него отчёта в их употреблении, для нас же особенно важно то, что, согласно этой притче, и усердные рабы получают не одинаковую награду, но смотря по степени своего усердия. Смысл этой притчи так прост и ясен, что исказить его нет никакой возможности. Но сектанты не хотят признать самого отношения её к учению о загробной жизни. „Рабы, – говорят они, – это „верующие”, которым вверены дары Св. Духа. Пуская последние в оборот, одни приобретают 1,200 человек, (талант = 1,200 руб.), другие 3,600 и т. д. За это они получают ещё большие дары и становятся руководителями верующих”. Но натянутость такого объяснения очевидна. Во-первых, раб, закопавший свой талант в землю, осуждается Господом, а по изложению этой притчи у еванг. Матфея (Мф.25:13–30), бросается во тьму внешнюю. Этого пашковцы не в состоянии объяснить, так как, по их мнению, все „верующие” непременно должны спастись. Далее здесь говорится, что Господь требует отчёта от Своих рабов, но в земной жизни человека нельзя указать такого момента, когда Господь требует его к отчёту. Это или смерть, или страшный суд, так что воздаяние рабам падает на загробное существование человека. Самый характер воздаяния – ввержение во тьму внешнюю,

также показывает, что человек получает его не здесь на земле. Наконец, мы не имеем никакого права относить данную притчу к событиям земной жизни и потому, что Господь представляется здесь „возвращающимся” из дальней страны и облечённым в царское достоинство, чем прямо указывается на второе, славное его пришествие. Ещё яснее видно последнее у Матфея, где 24 и 25 главы говорят исключительно о событиях, имеющих совершиться при втором пришествии, и сама притча предваряется увещанием: *и так бодрствуйте; потому что не знаете ни дни, ни часа, в который приидет Сын человеческий.*

Тот же самый приём употребляют сектанты и в отношении других мест Писания, в которых более или менее ясно говорится о. степенях загробного воздаяния праведникам. Так слова: *кто сеет скуп, тот скуп и пожнёт, а кто сеет щедро, тот щедро и пожнёт* (2Кор.9:6) изъясняются ими в том смысле, что кто из „верующих” щедро сеет слово Божие, у того умножатся духовные дарования, хотя речь здесь идёт вовсе не о сеянии слова Божия и не о духовных дарованиях, а о милостыне. Точно также место 1Кор.15:41–42: *иная слава солнца, иная слава луны, иная звёзд; и звезда от звезды разнится в славе. Так и при воскресении мёртвых,* – относится ими к различной славе учителей, хотя не знаем, что можно бы было сказать в защиту такого объяснения. Из прочих мест, не допускающих никаких возражений, укажем на слова Господа: *кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника* (Мф.19:41), – где различается награда пророка и праведника, и особенно ясное выражение апостола Павла: *каждый получит свою награду, по своему труду* (1Кор.3:8).

Вывод из всего сказанного настолько очевиден, что отрицать его может только человек, сознательно закрывающий свои глаза перед светом истины. И если последователи наших многочисленных сект тем не менее упорно остаются при своём взгляде на состояние после суда праведников и грешников, то делают это исключительно потому, что их отрицание степеней блаженства и мучения вытекает из общего корня всех сектантских заблуждений – учения об оправдании одной верой.

Если человек оправдывается моментально через акт веры в Иисуса Христа, как своего Спасителя, и вся дальнейшая его жизнь, представляя естественное следствие этой веры, не имеет никакого значения для его спасения, то какое бы то ни было различие в воздаянии „верующим” невозможно. Все они оправдываются не только одной, но и одинаковой верой, всем им вменяется одна праведность Христова, следовательно, все должны получить и одинаковое блаженство.

Так совершенно последовательно рассуждают сектанты. Для них признать всеобщность последнего суда и степени и в блаженстве праведников решительно невозможно, так как это в корне подрывает основной пункт всей их системы. Но для тех, кто убедится в ложности разбросанных нами сектантских мнений, заметим в заключение, что и сам источник, из которого они вытекают, не может быть чистым, так как *всякое дерево доброе приносит и плоды, добрые; а худое дерево приносит и плоды худые* (Мф.7:17).

Свящ. А. Темномеров

Из миссионерских дневников и записок //
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 248–264

Потехин С. Памяти В. С. Соловьева, философа-богослова. С. 248–256

С чувством самой скорбной утраты отмечаем мы последовавшую 31-го июля сего года смерть богослова-философа Владимира Сергеевича Соловьева. Имя его доселе редко поминалось на страницах нашего журнала, но это происходило отнюдь не от того, что мы не знали его, не следили за ним. Литературно-публицистическая деятельность этого светского и вполне независимого по своему положению лектора и писателя была в полном и точном смысле *миссионерская*, и притом *внутренняя*, *церковно-миссионерская*, но он имел другой объект для своей проповеди и своего обличения. Неверующая и частью лицемерно укрывающая за Христом своё неверие русская интеллигенция – вот тот раскол и то сектантство, против которого всю жизнь боролся почивший: наш журнал главным образом отдаётся проповеди и борьбе с сектантством народным.

В. С. Соловьев выступил со своей проповедью в середине семидесятых годов. В науке это было время полного расцвета материализма, создавшего позитивную философию. За наукой пошли журналы и газеты, и христианское мировоззрение, христианская наука и философия объявлены были с высоты многих профессорских кафедр и со страниц многих научных, журналов – делом пережитым, низшей стадией интеллектуального развития человечества. Основы для нового „высшего” мировоззрения стали давать естествоиспытатели: Фохт, Бюхнер, Молешот. „Бытие” Моисея – заменили труды Дарвина и Спенсера, единственной философией объявлена была философия позитивная, в сущности отрицающая всякую философию: о Боге, о душе человеческой, о конечных целях миробытия перестали рассуждать. И вот в самом разгаре этого „позитивного” увлечения молодой 20-ти летний Соловьев с блестящим успехом защищает в Московском университете магистерскую диссертацию с смелым названием: „Кризис западной философии – против позитивистов”. Это был неожиданный удар для позитивистов. Через четыре года новая

блестящая защита докторской диссертации в Петербургском университете: „Критика отвлечённых начал”, а между этими диссертациями и после них, до конца дней своих, целый ряд статей и учёных трудов: о Богочеловечестве, о религиозных основах жизни, об основах этики, оправдание добра, духовные основы жизни и т. п. Высота умозрения, на какую ещё не поднимались русские философы, сила, блеск и ему лишь свойственная оригинальность тонких диалектических приёмов, самое основательное знакомство со всем циклом современных наук, давшее ему название „ходячей энциклопедии”, ясность и стройность изложения; острота и благородство полемики Владимира Сергеевича разрушили чары окутывавшего интеллигентных почитателей „наших учёных” позитивизма и значительно поубавили апломба у самих позитивистов. Как критика позитивизма и проповедника философии христианского идеализма, В. С. Соловьева все знали, хотя и не все его читали. Быть может этому было причиной, кроме возвышенности его умозрения, ещё и та абсолютная его вера в догмат, на который опиралась его философия, но одно уже существование его философии, и при том в таком блестящем научном и диалектическом виде, подрывала безусловную веру в материализм, указывало на неполную его достоверность и на возможность другой, более возвышенной, более животворной, философии.

Но Владимир Сергеевич не был лишь критиком позитивизма и учёным философом. Он был живым проповедником живой истины. Семидесятые годы вместе с материализмом в науке и философии были временем атеизма для русской интеллигенции и особенно для интеллигентной русской молодёжи. Вера в Бога считалась признаком умственной тупости, принадлежность к Церкви – признаком религиозного ханжества. Если за Христом ещё снисходительно признавали достоинство „мудрейшего из галилейских раввинов”, то Церковь Его объявляли учреждением хищничества, рабства и „мракобесия”. Со стороны духовных учёных раздавались протесты и разъяснения, но их не слушали. И вот среди слушателей Петербургского университета, одетых по революционной моде того времени и этим как бы показывающих

протест и ниспровержение всех „основ“, В. С. Соловьев появляется, как частный лектор, со своим видом вдохновенного пророка и со своими лекциями о богочеловечестве Господа нашего Иисуса Христа и Церкви Его, вне которой одно лишь заблуждение... Это был светлый луч среди тёмного царства лжи и неверия – для одних и гром среди бела дня – для других. Успокоенная в своём неверии и как бы не замечающая тех чуть не ежедневных жертв, которые приносила она своему неведомому богу, в виде оторванных от семьи и родины молодых жизней, университетская, а за ней и вся интеллигентная русская молодёжь зашевелилась. Лекции свои Владимир Сергеевич скоро должен был прекратить, но он продолжал свою проповедь в светских журналах и для многих из читателей она была тем спасительным маяком, при свете которого они часто, даже незаметно для себя, приплывали в спасительную гавань Церкви Христовой.

В начале девятых годов для многих интеллигентов материализм и атеизм сменили вошедшие в моду пантеизм и *мнимое христианство без Христа*, как Единородного Сына Божия, и в свою очередь обуяли общество. Граф Толстой со своей „Исповедью“, своим „Евангелием“, своим „Догматическим Богословием“ и своим „Царством Божиим“ стал „свой им пророк“ и русская интеллигенция, русские женщины и особенно, чуткая как всегда, русская молодёжь стали искать света там, „идеже не бе свет“. Владимир Сергеевич некоторое время молчал и не присоединял своего голоса к целому хору протестов против толстовства, выходявших от духовного лагеря, молчал конечно не из непонимания и преклонения пред таким великим художественным талантом, как Толстой, – молчал, пока мысли Толстого считались произведением его ума и не смешивались с истинным и действительным Евангелием. Но когда случилось иначе и обнаружилось, по собственным словам Соловьева, что „интеллигентные дыромоляи“ (так называются одни русские сектанты, просверливающие в избе дыру, прикладывающиеся к ней и молящиеся ей) называют себя не дыромолями, а христианами, а проповедь свою – евангелием, В. С. Соловьев выступил на путь обличения со всей ревностью о славе имени

Христова, со всей своей обширной эрудицией и силой своего обширного таланта, чтобы доказать, что христианство без Христа и евангелие, т. е. *благая весть*, без того *блага*, о котором стоило бы возвещать, т. е. без действительного воскресения в полноту блаженной жизни, – есть такое же пустое место, как и обыкновенная дыра, просверленная в крестьянской избе. „Обо всём этом, говорит он, можно было бы и не говорить, если бы над рационалистической дырой не ставилось поддельного христианского флага, соблазняющего и сбивающего с толку множество малых сих. Но когда люди думающие и потихоньку утверждающие, что Христос устарел, превзойдён, или что Его вовсе не было, что это – миф, выдуманный апостолом Павлом, – вместе с тем упорно продолжают называть себя „истинными христианами“, и проповедь своего пустого места прикрывать переиначенными евангельскими словами, тут уже равнодушие и снисходительное пренебрежение более не у места: в виду заражения нравственной атмосферы систематическою ложью, общественная совесть громко требует, чтобы дурное дело было названо своим настоящим именем. Истинная задача полемики здесь – не опровержение мнимой религии, а обнаружение действительного обмана. Этот обман не имеет извинения”... Так говорил Соловьев в одном из последних своих сочинений и нужно глубоко поскорбеть, что начатый им обширный труд – исследование всех вопросов, связанных с вопросом о добре и зле в мире, в том числе и вопросов, затронутых толстовством, и решение их в целой метафизической системе, за смертью его не мог быть окончен...

Мы надеемся в следующей книжке нашего журнала познакомить наших читателей с теми приёмами, посредством которых Соловьев обнаруживал действительный обман мнимого „христианства“ графа Толстого. Ныне мы в виду настоящего смутного „монгольского“ движения, которое почивший с чисто пророческим предвидением предсказал за полгода до начала событий, укажем на одну заслугу в его полемике с толстовством. Когда принцип „непротивления злу“, уродливо заимствованный Толстым из евангелия, стал для многих принципом жизни, когда в молодёжи стало вытравляться чувство патриотизма и любви к

отечеству до готовности положить душу за него и отказ служить в военной службе стал прославляться как героизм, а последствия этого отказа создавали „новых мучеников”, В. С. Соловьев, этот всеми признаваемый космополит, пишет о смысле войны, разъясняя необходимость и значение её в царстве христианском для царства Божия, для борьбы со злом, для конечного торжества добра, а отсюда – и для защиты своего отечества и поражения врагов его. Как не соответствовала статья эта господствующему и теперь „духу времени”, видно из того, что ни один из серьёзных журналов, так охотно печатавших труды Соловьева, не принял этой статьи и она нашла себе место, правда, в распространённом, но не из учёных, журнале („Нива”). Эти же глубоко верные и чрезвычайно остроумно выраженные мысли содержатся и в последнем печатном его сочинении: „Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории с приложением краткой повести об антихристе”.

Говоря о Соловьеве, как богослове – публицисте, нельзя обойти молчанием взаимные отношения его и духовной литературы. Из среды духовных писателей часто слышалось суровое осуждение некоторых произведений Соловьева. В. С. Соловьеву не чужды были ошибки, погрешности и увлечения. Ему ставили в вину известные его симпатии к католичеству. В обществе циркулировал слух, что вслед за изданием за границей на французском языке Соловьевым его сочинения: *La Russie et l'église Universelle* в 1889 г., от папы было предложено Соловьеву за переход в католичество епископство и кардинальство, но что Соловьев, будто бы отклонил это предложение. Если слух этот и малодостоверен, то всё же ничто не мешало бы Соловьеву, при независимости своего положения, при честности своей натуры и последовательности в своих действиях и поступках, перейти в католичество, как и перешли, вслед за Чадаевым, кн. Гагариным и др., многие из нашей аристократии, но Соловьев был верным сыном своей матери – православной Церкви. Его католические симпатии были лишь результатом его страстного стремления к „единству церквей”, его католичество – прекрасной мечтой этого рыцаря-богослова, а его папа – эмблемой, символом этой мечты, этого единения между христианами.

Соловьеву ставили, далее, в упрёк его критику церковной жизни, переходившую иногда в нетерпимое к ней отношение и изрекавшую иногда, в пылу спора, резкие приговоры над событиями и эпохами нашей церковной истории. Всё это, конечно, не могло не доставлять страданий людям, привязанных к Русской Церкви сыновней безусловной любовью. Конечно, такие люди не без основания сетовали на Владимира Сергеевича, видя не с меньшей, чем он, болью, что неправильного внесла и вносит жизнь в положение Православной Церкви, и возлагая более надежды на Божественный Промысел в деле уврачевания ран, чем на решительное, беспощадное раскрытие их. Но В. С. Соловьев и здесь был верен Церкви и полон горячей любви к ней, увлекаясь, в силу своего темперамента, страстным желанием видеть дело Церкви в безусловном расцвете, в самых благоприятных условиях.

Указывали ещё и на некоторые теоретические заблуждения Соловьева в его богословствовании. Как мыслителя, говорит по этому поводу „Церковный Вестник“, В. С. Соловьева, по возвышенности, разносторонности и вместе оригинальности ума, можно сравнить с Оригеном. Но как Оригену, некоторые оригинальные взгляды не воспрепятствовали Вл. С. Соловьеву быть истинным и нелицемерным сыном Православной Церкви, в полном мире с которой он и почил” ...

Наконец, не можем мы не сказать несколько слов в отношении почившего писателя и *pro domo sua (в защиту себя)*. Из некоторых его замечаний относительно русского сектантства и раскола можно было заключить, что он резко расходился с воззрениями, высказываемыми в нашем журнале по вопросу о правах раскола и сектантства. В самом последнем из своих произведений он пишет: „остающиеся у нас ограничения религиозной свободы – одна из самых больших для меня сердечных болей, потому что я вижу и чувствую, насколько все эти внешние стеснения вредны и тягостны не только для тех, кто им подвергается, но главным образом для христианского дела в России, а, следовательно, для русского народа, а, следовательно, и для русского государства”. И наш журнал,

конечно, не ратует за стеснения религиозной свободы, уважая в каждом человеке внутреннее право веры и убеждений, но мы не можем не признавать желательными эти „внешние стеснения” веры, поскольку они стесняют свободу пропаганды, переходящей в нашем народном расколо-сектантстве из словесного убеждения в грубое насилие над совестью православных чад церкви, в подкуп и обман тёмного люда, – этих младенцев веры. Владимир Сергеевич вращался исключительно в кругу интеллигенции и с этой стороны народного расколо-сектантства мог и не знать и происходящих в недрах его преступлений против свободы совести, и убеждений со стороны своекорыстных и невежественных агитаторов при больных фанатизмом и не подозревать.

В заключение скажем о Вл. С. Соловьеве, как человеке, как христианине, в связи с несколькими биографическими чертами его жизни. Внук сельского священника и сын знаменитого автора „истории России”, Владимир Сергеевич Соловьев родился в 1854 году, учился в московском университете, где слушал лекции на историко-филологическом и физико-математическом факультетах. Для довершения образования он слушал в течении двух лет лекции и в московской Духовной Академии, где на него особенное влияние имел профессор философии В. Д. Кудрявцев. Владимир Сергеевич, после получения степеней магистра и доктора философии, выступал на профессорской кафедре в московском и в петербургском университетах и на женских Бестужевских курсах, но профессорская деятельность его, создавшая ему славу оратора и привлекавшая необыкновенную массу слушателей, была непродолжительна. Непродолжительна была и государственная его служба в качестве члена учёного совета при Министре Народного Просвещения, и он ещё в молодые годы всецело отдался литературно-публицистической и учёной работе, сотрудничая в разных журналах и издавая целый ряд учёных трудов в отдельных монографиях. Скончался он в полном расцвете своих умственных и нравственных сил, надломленный физически-непосильной работой. За несколько часов перед смертью, когда ещё у лечивших его лучших московских врачей была полная

надежда на его выздоровление и они обнадеживали его больного, почивший в полном сознании попросил позвать священника и после получасовой исповеди принял Святые Тайны.

Как человек – христианин, Владимир Сергеевич по истине был исключительным, быть может, единственным, и при том самым светлым явлением среди нашей интеллигенции, отрешённой от веры и русской народности. Все дивились его чисто русскому, так сказать, крестьянскому христианству, его отношению к внешним требованиям Церкви, к храму, обрядам и обычаям, постам, священникам и пр. Его аскетизм был удивителен: просфора и стакан церковного вина были обычной суточной (спал он не больше трёх часов) его пищей. При его удивительной внешней красоте лица и благородстве обращения и при громадных литературных заработках, он оставался девственником и бессребреником, не имея собственного угла, где главу приклонить, и если бы не исключительные заботы о нём многочисленных, души в нём не чаявших, друзей его, ему часто бы пришлось голодать... Повторяем, Владимир Сергеевич был христианским светочем в светском учёном мире! У нас много есть умственных вожаков, но за всю свою жизнь не многие из них достигают Христа и Церкви, а если и достигают, то после активной или пассивной борьбы с ними, с растраченными силами и перед последним концом. Однажды, на вопрос одного из ищущих верных путей и основ жизни почитателей: что Вл. С. считает главной целью жизни человека, – ответил с живой полной верой: *чтобы возможно ближе стать ко Христу и, если возможно, всегда быть с Ним*. Владимир Сергеевич один из всех, от начала дней своих и до последней мирной кончины был всегда с Богом и Церковью, отдавая для них все свои силы. Начав в молодые, горячие годы, он целую четверть века вёл апологию христианства и громил врагов его. Да увенчает же Праведный Судья мужественного благовестника и борца за правду веры Христовой венцом правды Своея!

С. Потехин

Урбанский А., свящ. Моё первое знакомство с „беседниками”¹³⁵. С. 256–262

4-го июля текущего года, через 5–6 дней по вступлении моём в приход с. Ермакова, я отправился в соседнее село Николаевку к священнику о. Константину Михайлову, уже зарекомендовавшему себя как усердного деятеля и по народному образованию, и по плодотворной деятельности в борьбе с сектантами и язычниками, с целью познакомиться с ним, обменяться взглядами, получить сведения о вновь появившейся в наших приходах секте „беседников” и воспользоваться от него уже опытными советами.

Спустя два–три часа, по моём приезде, – в оживлённой беседе время бежало незаметно, – поднялась сильная гроза с ливнем. Только мы заговорили о „беседниках”, как раздался оглушительный удар грома, а минуты через две мы услышали крики: „пожар”. О. Константин, взглянувши, в окно, сказал: горит деревня Березовка моего прихода и немедленно приказал бить „в набат”, а потом сказал мне: „Вот, батюшка, поедemте пособим, кстати у меня там есть „беседники” и вы посмотрите сами, как фанатичен, тёмен и упорен этот народ”. Я охотно согласился и через 10 минут мы, под проливным дождём, уже ехали к месту пожара, причём о. Константин на всякий случай взял с собой Св. Дары, так как по всему было видно, что причина пожара – удар молнии. Подъезжая к д. Березовке, мы встретили посланного, который обратился к о. Константину со словами: „я за вами, батюшка; беседнику Козме Алексееву грозой ноги отшибло – приобщить его нужно”. Приехав в д. Березовку, мы поспешили найти больного. Он был дворов через 6 от места пожара, лежал в избе на полу и жаловался, что его разбило, и что более всего теперь у него ломают руки. „Я, батюшка, – еле шептал он. – был в избе, помню, будто была гроза, а более ничего не помню”. О. Константин, напутствовав больного, скоро явился на пожар, где был и я. – „Вот, батюшка, обратился он ко мне, удобный случай побеседовать с „беседниками”: загорелось у их „матушки”; – пойдёмте, скажем хоть несколько слов ей в назидание; быть

может она, видя явную кару Божию, образумится и, Бог даст, послушает нас”.

Я с удовольствием согласился, и мы пошли.

Дария Иванова или, как зовут её беседники, „матушка Дарья” сидела на брёвнах недалеко от пожара. Это женщина средних лет, довольно полная, с смуглым широким лицом, с живыми чёрными глазами. Она недоверчиво встретила нас и едва ответила на наш привет. Глаза её смотрели недружелюбно, как бы спрашивая нас, что вам нужно? По её сосредоточенному лицу было видно, что слушать нас и говорить с нами она не желает. Она была не одна. Подле неё сидела её подруга, будущая её заместительница, тоже беседница, женщина лет 26, с маленьким круглым румяным лицом, с чёрными глазами, которые так и бегали, то вопросительно, как бы пугливо глядя на нас, то как то уповательно устремляясь на „матушку Дарью”. С первого же взгляда было видно, что это послушная, достойная своей учительницы ученица, крепко верующая в авторитет, правоту, а, пожалуй, и святость своей наставницы. Шагах в 5 от них стояли: муж „матушки Дарьи”, крестьянин, высокого роста, с длинным суровым испитым лицом, с орлиным носом и воспалёнными слезящимися глазами, которыми он так и впился в нас. Фигура его говорила за готовность всякую минуту вступить и постоять за своих. Рядом с ним стоял небольшого роста невзрачный мужичонка с мелкими чертами лица. Глаза его горели, и он то и дело дёргал свою маленькую, русую, козлиную бородёнку. Это тоже „беседник”. Подойдя к беседникам, о. Константин сказал мне. „Вот, батюшка, овцы, которые не слушают гласа своего пастыря и не только не идут за ним, но как волки в овчей шкуре ещё расхищают стадо. Сами заблуждаясь и погибая, всячески стараются соблазнить других: – это беседники. Вот эта женщина в нашей местности у них за старшую, они зовут её „матушкой” и когда молятся, то молиться начинают не иначе, как словами: „Молитвами матушки нашей Дарии, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас”. Затем, обратившись к Дарье Ивановне, сказал: „Ну, Дарья, видишь ли ты, явно карающую тебя за твой грех отступничества, руку Божию, признаёшь ли, что

милосердый Господь, явно наказывая тебя, вразумляет тебя и тем призывает тебя к покаянию и спасению?

Дар. Ив. Как же, батюшка, признаём, за грехи наши, Господь и наказал, да мы этого и желаем; грехов много, за них Господь и наказал, – только теперь-то мы уж отреклись от всех ересей и расколов и желаем принять присягу.

О. Конст. Значит, ты сознаёшь своё заблуждение?

Дар. Ив. У нас никакого заблуждения нет, мы ведь, батюшка, от вас никуда не денемся; – мы только не желаем пить вино, песни петь, на игры ходить, а заблуждения у нас никакого нет, мы теперь отреклись от всех ересей и расколов и желаем принять присягу.

О. Конст. О каких ересьях и расколах ты говоришь?

Дар. Ив. Да прежде мы уж очень грешили, а теперь не желаем.

О. Конст. Это хорошо, что вы не желаете грешить. А за ересь и раскол-то ты что признаёшь?

Дар. Ив. Своё прежнее житье.

О. Конст. По-твоему выходит, что когда ты жила в общении с Св. Церковью, ты была в расколе, а когда стала собирать ночные сходы, то отреклась от ересей и расколов, и выходит, что ты церковь Христову признаёшь за ересь и раскол. Так, что ли?

Дар. Ив. Зачем, батюшка; без церкви нельзя, мы от вас никуда.

О. Конст. Как никуда? Ты свои моления устраиваешь, по ночам людей собираешь. Для чего у тебя сходы по ночам?

Дар. Ив. А это мы, батюшка, собираемся читать псалтырь и писание, а больше у нас ничего.

О. Конст. Если у вас больше ничего нет, тогда зачем вы собираетесь только по ночам и прячетесь. Если вы хотели бы слушать св. писание, то позвали бы меня, я вам почитал бы и объяснил бы, созвали бы соседей и они послушали бы и им это было бы приятно.

Дар. Ив. Мы всех желаем и вас, батюшка, желаем.

О. Конст. Зачем же вы прячетесь? Когда собираются православные для чтения Слова Божия, то и окна, и двери

бывают открыты, – кому угодно, приходи и слушай, они только радуются этому, а у вас не так, вы прячетесь и, кроме того, если кто из православных придёт к вам и станет читать, то вы мешаете ему, смеётесь, разговариваете, а порой даже и ведёте себя неприлично.

Дар. Ив. Мы всех желаем, это неправда.

О. Конст. Как неправда, ведь на это есть свидетели, которые бывали у вас на беседах. Они говорят это.

Дар. Ив. Мы всех желаем, желаем отстать от всех ересей и расколов и принять присягу, а ты, батюшка, сколько не говори, гулять и грешить нас не заставишь.

О. Конст. Да кто же тебе говорит, что нужно гулять и грешить; я говорю, что не нужно отделяться от Св. Церкви – нужно ходить в церковь Божию, там читается и объясняется св. Писание. – правильно как нужно, а вы отделяетесь от церкви, – собираетесь по ночам, прячетесь, да и саму молитву начинаете не по церковному, – ведь в церковных книгах нигде не сказано начинать молитву так, как вы её начинаете.

Дар. Ив. А ты как знаешь, как мы начинаем молитву? ведь ты у нас не был.

Ещё в начале беседы, не смотря на проливной дождь, нас окружила большая толпа крестьян: были почти все, бывшие на пожаре. Двое из присутствующих грамотных крестьян на это возражение *Дар. Ив.* сказали: Что ты отпираешься, – ведь мы не раз у вас на беседах бывали и сами слышали, что молитву вы начинаете не по-нашему, а „молитвами о. нашего Гавриила и матушки Дарии, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас”.

Дар. Ив. Это они, батюшка, зря.

Крестьяне. Не зря, а правда. „Они, батюшка, там на беседе-то должно не хорошее делают: всё прячутся от нас, с хорошим-то не прятались бы”.

О. Конст. Слышишь, Дарья, что добрые люди говорят?

Дар. Ив. Ну говорят и говорят, они неправду говорят, худого мы ничего не делаем, а ты, батюшка, что ни говори, мы от матушки нашей Настасьи Кузминишны не отстанем потому, что она богоугодной жизни, а от ересей и расколов отрекаемся и

желаем принять присягу и желаем здесь пострадать; нас хоть бейте, хоть мучьте, а мы грешить не желаем и худого ничего не делаем. Это они зря – неправду говорят.

О. Конст. О какой Настасье Кузминишне ты говоришь? о той, что сослали?

Дар. Ив. Это она за веру, за богоугодную жизнь терпит.

О. Конст. Как же это так, мы ведь, Слава Богу, живём на святой Руси; у нас за веру никого не ссылают и не мучат. Благодарение Господу, на русской земле много хороших людей, которые ведут богоугодную жизнь и их не только не ссылают, по ещё и уважают, и почитают.

Видя крайнее утомление о. Константина, я попросил у него позволения сказать со своей стороны несколько слов, на что он охотно согласился. При этом Матрона, как-то недоумевающе взглянула на меня, а потом участливо подсмотрела на „матушку Дарью”. Та в ответ на этот взгляд презрительно улыбнулась, как бы говоря – пусть его, я всё равно своё твердить буду, не бойся, меня не уговорят.

Я. Скажи пожалуйста, Дарья, как у вас на беседах бывает; вы св. Писание только читаете и объясняете его или нет?

Дар. Ив. Как же, батюшка, и объясняем.

Я. Кто же объясняет то?

Дар. Ив. Кто читает, тот и объясняет, а мы слушаем.

Я. Я это спрашиваю потому, что хочу указать вам, что вы в этом заблуждаетесь. Читать св. Писание можно и нужно всякому, кто умеет, а объяснять его всякому по-своему нельзя. Объяснять св. Писание нужно только так, как этому учит св. Церковь. В св. Церкви для этого есть особые лица – пастыри церковные, которые изучают св. Писание и объясняют его так, как учит св. Церковь, а у вас собираются все люди малограмотные, мало понимающие, а потому их объяснения слушать опасно; да этого мало, что они малограмотные, и учёные люди могут ошибаться, да в деле веры и ошибаются, а пастыри церковные в учении веры не ошибаются и это не потому только что они люди учёные, а потому, что они от Бога на это поставлены и имеют особую благодать Св. Духа. Из св. Писания мы знаем, что когда Иисус Христос возносился на небо, то обещал Своим ученикам послать

Духа Святого и сказал, что сей Дух Святой будет пребывать с ними вечно и будет наставлять их на всякую истину. Как Христос сказал, так и было. В 10-й день после Вознесения Господня Дух Святой действительно сошёл на св. Апостолов и наставлял их, а Апостолы по внушению Духа Святого наставляли других на истину. После смерти св. Апостолов, Дух Святой жил и действовал, как и теперь живёт и действует в преемниках Апостолов – пастырях церкви, а потому их и должно слушать. Если вы не понимаете св. Писания, или не знаете, как жить, то идите к пастырям церкви и они всё скажут и объяснят вам и что они скажут, то свято и верно, потому что для этого они и избраны и поставлены Духом Святым, и говорят не своё, а то, что говорил и чему учил Христос, чему учили св. Апостолы и св. Отцы. Другими словами, когда учат пастыри церковные, то они говорят то, что велел им говорить пославший их Христос, а Христос, посылая св. Апостолов на проповедь, сказал им, а в лице их и всем пастырям церковным: „кто слушает вас, тот слушает Меня, а кто отвергается вас, тот отвергается Меня, а кто отвергается Меня, тот отвергает Пославшего Меня”. Вот ты, Дарья, говоришь, что у вас никакого заблуждения нет, а сама слушаешь „матушку Настасью Кузьминишну” и говоришь, что от неё вы не отстанете. О. Константин от Бога поставлен учить тебя и всех прихожан, и вы его не слушаете, а какую-то Наст. Кузьминишну слушаете, – а это большое заблуждение. Вы не слушаете посланника Христова – следовательно, не слушаете Самого Пославшего его Христа и не признаёте, что через это отвергаетесь Христа. Явился один лукавый человек, обманул одного, другого, а, чтобы лучше ему верили, то по наружности он стал казаться благочестивым. Пришёл к людям малограмотным, тёмным, коих легко обмануть и стал смущать их, а вы, вместо того, чтобы пойти к батюшке и спросить у него, поверили лукавому человеку, а потом и сами начали учить, не имея на то никакого права. Мало того, в своей дерзости вы с своими лжеучителями не остановились на этом, а стали даже святотатствовать – у вас женщины исповедуют, разве это не святотатство? а вы говорите, что у вас нет даже и заблуждения.

Православные! К вам моё слово. Бойтесь, как огня, их ложного учения, они, заблуждаясь сами погибают и других хотят погубить. Что их учение ложно, можно убедиться и вот почему: обратите ваше внимание на то, что и наш Царь-Батюшка, и все Архипастыри и пастыри церковные, всё наше начальство и, наконец, всякий благоразумный знающий человек, содержат учение православной церкви, и всё это, конечно, потому, что оно свято, правильно, спасительно. Если бы оно было ложно, то от него все умные люди отказались бы, а мы видим, что все умные, знающие люди принадлежат к православной церкви, потому что знают, что кроме церкви спастись нельзя и только не учёные, простые, тёмные люди идут к сектантам; почему? да потому, что их или обманывают, или дают им денег и они меняют вечные блага на блага временные. А ты, Дарья, обрати своё внимание на сегодняшний случай; тебе о. Константин правду сказал, что Господь, наказывая, призывает тебя к покаянию. Слово Господа не ложно, а Он сказал, что кто соблазнит одного из малых верующих в Него, для того человека лучше было бы, если бы ему повесили на шею мельничный жёрнов и утопили в море. Жизнь наша на земле кратковременна, убойся вечной гибели; помни, что теперь ты, соблазняя других, готовишь себе одинаковую участь с соблазнителем рода человеческого диаволом.

Дар. Ив. Это ты зря, батюшка, диавола нет, мы в него не верим.

Я. А как же в Евангелии Господь говорит, что на страшном суде он скажет грешникам: „идите от Меня проклятые в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его”. Вы не верите, что есть диавол, значит не верите словам Христа. Кроме приведённого места в Евангелии во многих местах говорится о диаволе – как живом личном существе и отрицать его существование нельзя.

Дар. Ив. Мы ничего не знаем.

В это время стоящие около нас крестьяне зашумели: „Батюшка, не говори, кормилец, с ними, словами их не уговоришь. Вот теперь ночью, как только они станут собираться, мы их кольями угостим”.

О. *Конст.* Не бить их, а пожалеть нужно, вы видите, они погибают; будем лучше молиться, чтобы Господь вразумил их.

Пока говорил о. *Конст.*, ко мне подошёл „беседник” Димитрий Яковлев и сказал: „батюшка, благослови меня я пока живу в Ерманове, к тебе буду ходить”.

Я. На доброе дело Бог благословит, а в худом деле благословение не поможет.

Так как дождик шёл не переставая, а мы ещё по дороге на пожар успели промокнуть, то, прекратив беседу, собрались домой. Когда мы уже сели в тарантас, нам принесли обгорелые книги, найденные в подполье у Дарьи Ивановны; – то были: остатки „сеятеля, псалтири, троицких листков, творений Тихона Задонского”. В надежде найти что-нибудь из подпольных изданий, мы слезли с тарантаса и сами искали, но ничего не нашли. Уезжая, мы просили собравшихся около нас крестьян за разъяснением недоразумений и всякой нуждой всегда обращаться к нам, говоря, что двери наших домов, для всех нуждающихся, открыты во всякое время дня и ночи.

Священник Алексей Урбанский

Ивановский Н. И., проф. До чего дошли уральские сектанты-иеговисты. С. 262–264

О распространившейся на Урале секте иеговистов, именуемых иначе «обществом Десного братства», или «Сионской вестью», нами сообщалось в нескольких статьях «Миссионерского Обозрения» за прошедший и за текущий год¹³⁶. В них мы характеризовали эту секту, как безбожную и противообщественную, живущую идеалами чисто фантастическими и безумными. Резкое отрицательное отношение к христианству и к существующему строю дышит в каждой строке иеговистических сочинений. Проповедуя всеобщее равенство, они считают «чины, и красные штаны за дурь и прелесть сатаны», «защиту вер войной, гоньбой, за зверство», прокуроров и судей называют «осатанелыми»; в прошедшем году «профессору, доктору смертной заразной богословии, Езавелиной медицины, Г. Ивановскому» прислали «Кол в горло». Но всё это были пока одни слова. Теперь они переходят к действиям, перед которыми нельзя не ужаснуться. В газетах появилось известие об адских, приписываемых и народным голосом и данными следствия сектантам иеговистам, которое мы считаем нелишним сообщить полностью.

Корреспондент «Ур. Ж.» сообщает из Баранчинского завода о загадочном случае покушения на жизнь четырёх местных жителей, посредством динамитных машинок. Четырёх здешним лицам: местному священнику о. Василию Архангельскому, казначею (он же и староста церкви) Зотову, мастеру Воронову и уставщику механического цеха Блинову были посланы посылки, заключающие в себе машинки с динамитом. Посланы они были с уличными мальчишками, а им очень таинственно переданы каким-то неизвестным им мужчиной за пределами селения; для поощрения ребят им даны мелкие деньги. Адский замысел этот заключался в том, что злополучные получатели должны были принять посланные коробки по наружному их виду за футляры с золотыми вещами, и для того, чтобы открыть их, надавить находящуюся тут кнопку, причём неминуемо произошёл бы

взрыв. Получившие лица, заподозрив во всей этой необычайной таинственности что-то недоброе, препроводили посылки в волостное правление. В тот же день было доложено г. судебному следователю, благо он был в Баранче, хотя и по другому делу, но он, видимо, не придавал значения происшедшему, а посылки велел хранить в волостном правлении впредь до его особого распоряжения.

Волостному же правлению было поручено дело это исследовать и ему, следователю, донести, а коробки не вскрывать; но волостное правление отнеслось ко всему этому халатно. Были допрошены мальчики и несколько лиц, заявивших, что слыхали, как один баранч. обыватель усиленно добивался купить динамиту у кушвинских и благодатских рабочих и предлагал довольно большие, по его средствам, деньги; но должного внимания на эти и другие заявления не обратили, а на просьбу заинтересованных лиц сделать обыски у подозрительных личностей отвечали неохотно, а у одного обывателя, хотя и был сделан обыск, но уже на третий день после случившегося, да и сотских накануне оповестили, чтобы они собрались для производства обыска. Ясно, что при такой постановке дела корову спрятать можно, а не то что уничтожить какие-нибудь маленькие доказательства участия в преступлении. А что преступление задумано и адски выполнено, то в этом уже нет теперь никакого сомнения, так как при вскрытии одной из коробок и то уже 27-го числа и не следственной властью, а частными лицами (местным заводским начальством, близко интересующимся судьбой своих служащих), они оказались наполненными динамитом в довольно большом количестве, и сделаны такие приспособления (кнопки), что должен был произойти ужасный взрыв, который, если при вскрытии и не произошёл, то благодаря особо принятым мерам предосторожности. Нужно заметить, что посылка, сравнительно со своей малой величиной, была очень тяжела; завёрнута она была в белую бумагу, перевязана шнурком и припечатана сургучом, только не печатью, а как бы какой-нибудь монетой; адреса ни на одной из посылок не было, а против кнопки

устроены предохранительные дощечки с круглым отверстием в середине, чтобы как-нибудь ребята нечаянно не нажали.

Известие об этом мы имели и несколько раньше, но не решались опубликовать его. Теперь дело, сколько нам известно, в руках судебной власти, но удастся ли ей открыть личности виновников, – неизвестно. Мы хотели бы сказать нечто о всей секте. Теперь оказывается, что религиозное сектантство составляет одно только прикрытие социалистических целей. Будучи безбожниками и не имея религии, иеговисты являются чистыми анархистами, прибегающими к помощи динамита. Ясным становится, что и законы, касающиеся религиозных сектантов и оберегающие целостность православия, недостаточны для уничтожения столь злобного общества и меры терпимости едва ли могут на него простираться.

Профессор *Н. И. Ивановский*

**Из миссионерских запросов // Миссионерское
обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 264–269**

Булгаков Н. Что такое херувимы? С. 264–269

Покорнейше прошу редакцию „Миссион. Обзор“ ответить на страницах своего журнала на основании Св. Писания на следующий вопрос: „что такое херувимы“? Такой вопрос возникает у меня вследствие того, что мои сектанты, штундобаптисты, на основании Иезекииля 10-й гл. 15 ст, под херувимами понимают животных, а потому под изображениями херувимов в скинии и Соломоновом храме понимают изображения животных.

Священник *Иоанн Ко-ков*

Место из книги пр. Иезекииля, на которое ссылаются сектанты, читается в русской Библии так: „Херувимы поднялись. Это были те же животные, которые видел я при реке Ховаре,” (Иез.10:15). А каких именно животных видел пророк при Ховаре? Были ли это обыкновенные земные животные, созданные Господом Богом в пятый и шестой дни творения, или же пророк в своём видении созерцал нечто особенное и отличное от того, с чем мы привыкли встречаться в обыкновенном животном царстве? Для решения этого вопроса очевидно нельзя останавливаться на одном пятнадцатом стихе 10-й гл. кн. пр. Иезекииля, а следует внимательно проследить все те места, где пророк описывает своё видение на реке Ховаре или же вообще делает упоминание о херувимах. Эти места следующие: главы 1, 10, Иез.11:22,28:14–16,41:17–20,25.

Самое подробное описание херувимов мы находим в 1-й гл. книги пр. Иезекииля. Пророк видел, что бурный ветер нёс с севера клубящееся светоносное облако, в пылающей середине которого было как-бы подобие четырёх животных (Иез.1:4–5). У этих животных при одной голове было четыре лица: одно – лицо человеческое, по правую от него сторону у всех четырёх лицо львиное, по левую – у всех четырёх лицо тельца и, наконец, на обратной стороне лица человеческого у всех четырёх лицо орла (Иез.1:10); эти животные имели каждое по четыре крыла (Иез.1:6), а под крыльями у них со всех четырёх сторон была рука человеческая (Иез.1:8; сравн. 10, 7 и 21). Лица и крылья у всех четырёх животных касались друг друга, но при этом лица у

всех четырёх не поворачивались назад, когда они ходили: каждое животное ходило прямо против своего лица (сравн. 10–11). При этих животных было четыре колеса с высокими и страшными ободьями, по одному колесу около каждого животного, и эти колеса были устроены так, что колесо находилось в колесе (Иез.1:15–16); при движении эти колёса не вертелись на своих осях (Иез.1:17). Между животными ходил огонь, и сами они двигались туда и сюда с быстротой блистающей молнии (Иез.1:13–14). Всё тело животных, спина, руки, крылья и колёса были усеяны глазами (Иез.1:18; срав.10:12). Вот каких животных видел пророк Иезекииль на реке Ховаре! Штундо-баптисты хотя обойдут все страны земного шара, но нигде не отыщут таких существ среди пернатого и четвероногого царства животных, по всему телу усеянных очами, с четырьмя лицами при одной голове, двигающихся с молниеносной быстротой и т. д., в подлунном мире никогда не существовало, не существует и не будет существовать, – потому что законы этого мира неизменны и вечны (Пс.148:5–6;103:5). Если же существа, виденные пророком на реке Ховаре, не были земными, – то и 15-й стих 10-й главы книги Иезекииля нельзя понимать в том грубом и земном смысле, в каком понимают его штундо-баптисты, *вторгающиеся в данный случай в то, чего они не видели, надмвающиеся плотским своим умом* (Кол.2:18). Означенное место книги пр. Иезекииля нужно перефразировать так: *Херувимы поднялись. Это были те самые живые существа, ¹³⁷ которых я видел при реке Ховаре. (Иез.10:15).* Что же это за живые существа? В своей вдохновенно-возвышенной речи о царе тирском (Иез.28:12–19) пророк Иезекииль называет этого властителя *помазанным херувимом: ты, – восклицает пророк, – печать совершенства, полнота мудрости и венец красоты. Ты находился в Едеме, в саду Божьем... Ты был помазанным херувимом, чтобы осенять, и Я оставил тебя на то; ты был на святой горе Божьей, ходил среди огнистых камней (Иез.28:12–14).* Из этого состава пророческой речи видно, что название „херувим“ должно являться для царя тирского почётным наименованием; между тем, если под херувимами разумеать неразумных животных, то

какая честь для благородного и могущественного властителя Тира в этом наименовании (Пс.58:13,21)? Далее, как объяснять в данном случае штундо-баптисты определение „помазанный“, относящееся к слову „херувим?“ Ведь в Ветхом Завете помазывали елеем только людей (а не животных) и при том таких людей, которые были избираемы на особенное служение Богу, – напр., царей, первосвященников и пророков (Лев.4:3,5,16; Пс.104:15;2:2; 1Цар.24:7,11; 3Цар.19:16; Ис.45:1); помазание елеем служило внешним знаком излияния на помазуемого особенных даров Божиих (1Цар.10:1,9;16:13). Таким образом, употребляя для изображения несравненного величия царя тирского выражение „помазанный херувим“, пророк даёт нам понять, что херувимы суть существа духовные, разумные (срав. 10, 6–7), по своему достоинству превосходят даже царствующих лиц в роде человеческом и находятся в особом служении Богу.

Где же обитают херувимы? На этот вопрос дают ответ нам те обстоятельства, при которых совершилось пр. Иезекиилю явление херувимов: а) *пред ним отверзлись небеса* (Иез.1:1), т. е. перед пророком открылись горние врата и он своими духовными очами созерцал высокие и сокровенные тайны, б) *на нём была рука Господня* (Иез.1:3), т. е. виденное пророком сделалось доступным его созерцанию только лишь благодаря особому воздействию на него силы Божией, и что, следовательно, при обычных обстоятельствах этого видеть человеку невозможно. Значит всё, вообще виденное пророком при реке Ховаре, было не земным, а небесным (Кол.3:1–2), и потому языком человеческим не может быть передано с полной точностью; вот почему пророк, описывая бывшие ему видения Божии (Иез.1:1), которые Богу было угодно явить ему, употребляет постоянно сравнительные обороты речи: *как бы свет пламени из середины огня, подобие четырёх животных, облик их был, как у человека* (Иез.1:5), – *сверкали, как блестящая медь* (Иез.1:7), – *подобие лиц их* (Иез.1:10), – *вид этих животных был, как вид горящих углей, как вид лампад* (Иез.1:13), – *как сверкает молния* (Иез.1:14), – *как вид топаза* (Иез.1:16), – *подобие свода, как вид изумительного кристалла* (Иез.1:22), *как бы пылающий металл, как бы вид огня внутри*

по вокруг (Иез.1:27). По словам пророка, херувимы поддерживали своими головами кристалловидный свод (Иез.1:22), на котором был утверждён престол как бы из камня сапфира; на этом престоле сидел Некто, подобный человеку (Иез.1:26), т. е. Сам Бог (срави. Откр.4:1–11). Отсюда ясно следует, что херувимы суть обитатели небесных чертогов, предстоят прямо престолу Божию и являются ближайшими исполнителями велений Божиих (Иез.10:6–7). В таком же смысле учат о херувимах и другие книги Св. Писания.

В первый раз слово „херувим“ встречается в книге Бытия при рассказе об изгнании наших прародителей из рая (Быт.3:24): херувим, с пламенным мечом¹³⁸, поставленный у сада эдемского, чтобы охранять путь к древу жизни, является очевидно верным исполнителем воли Божией и при том духовным существом ангельского мира, высшим человека, – потому что кроме Адама и Евы других людей тогда ещё не существовало (Быт.4:1 и дал.), а животные земного мира (все без исключения) были подчинены человеку, как своему царю (Быт.1:26–28). Затем говорится о херувимах в: Исх.25:18–22,26:1,31; 36:8,35; 37:7–9; 1Цар.4:4; 2Цар.6:2;22:11; 3Цар.6:23–29,32,35;7:29;8:6–7; 4Цар.19:15; 1Пар.13:6;28:18; 2Пар.3:7,10–14; Пс.17:11;79:2;98:1; Ис.37:16; Дан.3:54; Евр.9:5; Откр.4:6–9;5:8–14;6:1–7;7:11–12; 15:7;19:4. В скинии Моисея и в храме Соломоновом изображения херувимов было повелено Господом поместить не только во святилище, но и во святом святых; поставление двух херувимов над ковчегом завета с преклонёнными к ковчегу лицами показывает, что херувимы удостоены особенной близости к Богу (сравн. Пс.66:2;103:29; Иез.21:2 и друг.) и благоговейно служат Ему, проникая в тайны нашего спасения (1Пет.1:12). На эту особенную близость херувимов к Господу Богу и на их высшее место в ангельском мире указывают также те места Слова Божия, в которых говорится, что Всевышний восседает на херувимах (1Цар.4:4; Пс.17:11; Ис.37:16 и друг.). В Новом Завете, в Откровении Св. Иоанна Богослова, херувимы изображаются, как и у пр. Иезекииля, в виде шестокрылатых животных, усеянных по всему телу очами; по Откровению Св. Иоанна, херувимы обитают на

небе перед престолом Божиим и непрестанно днём и ночью взывают: *свят, свят, свят Господь Вседержитель, Который был, есть и грядет* (Откр.4:1–8). Херувимы окружены на небе бесчисленными сонмами праведников и тьмами ангелов (Откр.5:11;7:9–11), причём ангелы занимают в отношении херувимов подчинённое служебное положение (Откр.15:7). Сводя теперь всё сказанное о херувимах к одному знаменателю, должно признать, что херувимы суть особенно приближённые к Богу духовные существа, занимающие особенный высший чин в небесной иерархии; имея своё особое служение, отличное от ангельского, херувимы окружают престол Вседержителя и Агнца на небесах и неумолчно день и ночь прославляют бесконечные совершенства Господа, проявленные Им в творении и нашем искуплении (Откр.5:8–10); а находясь в ближайшем общении с Богом, херувимы отражают в себе неприступное величие Божие и Его славу (Евр.9:5).

С.-Петербург. епарх. миссионер *Н. Булгаков*

**Из миссионерской полемики с сектантами и
раскольниками // Миссионерское обозрение. 1900 г.
№ 7–12. С. 269–284**

**Потехин С. Беседа со штундистами, по поводу
налагаемых на сектантов судебно-
административных взысканий и чинимых им
православными людьми обид**

Не так давно я посетил с. 3-чье, (Киев. губ.), для беседы с местными штундистами. Штундизм здесь существует много лет и заявил себя целым рядом преступных фактов наглой пропаганды, за что штундисты здешние претерпели некие утеснения от населения и гражданской власти. Крестьяне-односельчане их однажды поколотили за оскорбительное поведение против „громады“ и святынь веры, полиция не раз уловляла пропагандистов в других сёлах, задерживала в участках и препровождала из стана в стан, „за безписьменность“, суд присуждал за собрания к штрафам. Так как всё это не помогало, для обуздания злостной пропаганды, по представлению г. начальника края, главный вожак этой общины был сослан министром на Кавказ. С тех пор община штундистов несколько успокоилась, хотя и до сих пор упорно держится своих заблуждений, возбуждаемая деятельным помощником сосланного вожака и соучастником во всех его пропагаторских похождениях неким крестьянином Логгином. В село 3. много раз ездили и ранее меня миссионеры, но успеха мало имели, так как сектанты были слишком ожесточены против духовенства, считая, что все беды и напасти на них идут от попов да миссионеров». Не имела успеха там и настоящая моя беседа, но я заношу её в печатный дневник в тех соображениях, чтобы посильно помочь трудящимся в слове и учении разобраться в одном из тягостного для нас, миссионеров, вопросе о нареканиях штундистов на церковь и духовенство, которые будто бы одни виновны в налагаемых законом и властями на сектантов взысканиях. Да и, вообще, ныне слишком часто приходится нам давать ответ тем вопрошающим, которые, по недомыслию или лукавству, не умеют отделить в борьбе с сектантством вопросы веры и совести от вопросов гражданского пресечения преступлений против веры и церкви.

Начинало темнеть. Взяли мы с о. Диомидом библию, кликнули хлопца-кучера в провожатые и отправились к брату-Логгину. По дороге я преподавал молодому священнику, не посещавшему ещё штундистов, как вести себя с ними, как приветствовать, о чём начать разговор и т. п. По длинным извилистым переулкам, шлёпая в жидкой грязи, хватаясь за плетни и заборы, добрались мы, наконец, до хаты Логгина. Хата стоит на проезжей дороге. Недалеко храм Божий, напротив казённая лавка. Сопоставление интересное для предстоящей беседы, подумал я. В хате светилось и в окно мы увидели ужинавшую семью. Наш хлопец-проводник развязно отворил дверь и вошёл в хату. За ним вошли и мы. Окончился ли в тот момент ужин, или наше прибытие прекратило трапезу, не знаю. Когда глаза наши несколько освоились со светом, на столе ничего съестного уже не было. У стола на лавке сидел высокий худощавый с лицом в веснушках и небольшой рыжей бородой мужчина, в одном жилете, без пиджака. Глаза с суровым выражением были опущены. Я догадался, что то был хозяин хаты Логгин. Мы с батюшкой в один голос приветствовали его, перекрестившись, словами: „Мир вам, мир дому сему“. Логгин свирепо вскинул глазами и не только не поднялся с лавки, для взаимного приветствования нас, но как-то ещё более вывернулся на ней, откинув голову и спину к стене, выпятив живот и расставив ноги. Эта неприличная, вызывающая поза „истинного христианина“ возмутила мой дух.

– Как вам не стыдно, – сказал я хозяину, – так вывернуться на лавке при входе приходского священника и человека вам неизвестного, и сидеть не полюдски? Не тому нас учит Слово Божие, да обычаи людские!

– Сядайте и вы, – отвечал сухо Логгин, не поднимаясь.

– Но таким образом не принимают того, кто, входя в дом ваш, приветствует вас и дом ваш словами мира, кто приходит издалека, чтобы побеседовать с вами.

– Знаем мы, який мир вы приносите, – прервал меня Логгин.

– После вашей беседы запишут меня, да поведут к становому.

Логгин начал горячиться. Голос его принял крикливый тон и таким оставался почти все время беседы. Говорил он страстно,

с жестами, биением в грудь и т. п. Речь его не имела характера тех искусственных медоточивых речей, которые обычны у штундовых вожаков, набивших язык в беседах с миссионерами и которые сопровождаются воздыханиями, закатываниями глаз вверх, которые пересыпаны текстами Евангелия, братскими обращениями и т. п.

Логгин долго не давал мне ничего возразить ему. Мы стояли у стола, а сектант полуподнявшись и опершись о лавку и косяк окна, продолжал крикливо говорить приблизительно так: „И чего вы только смущаете нас?! Вы говорите, что я вас не знаю? О, я добре знаю таких, як вы, миссионеров! Да и об вас я слышал. Это вы в Турбовке выставили в вашей беседе на посмеих людям нашу братию. По вашей милости да через попа нашего Сильвестра загнали в ссылку, а нас по судам да волостям таскают, да ещё згнущаются (ехидствуете) над нами. Ходите по хатам, собираете в школы, нибы (как будто) для того, чтобы научить нас, а после вас народ смеётся над нашей св. верой. Говорите, что хотите, только напрасно, не забуду, как мне ваши православные хату разорили, не забуду.

Логгин стал утихать, мы с о. Диомидом всё стоим да слушаем, вздыхая. Наконец, я воспользовался яростного сектанта затишьем и сказал ему: „успокойся, друже, давай тихо да мирно побеседуем о твоих обидах, а для того, чтобы беседовать было удобнее давай присядем.

– Чего-ж, садитесь, – сказал Логгин несколько смягчённым голосом.

Я уселся за стол на лавку. Ватюшка сел на табурете возле стола. Возле печи, на полатах, сидела хозяйка с спящим маленьким ребёнком на руках. Лица её не было видно. В другом углу, против печи, сидел молодой ещё человек в чистом мещанском костюме с причёской на голове. То был старший сын Логгина, крепкий в штундизме юноша, года три назад окончивший двухклассную школу и служивший теперь своей сектантской общине своей школьной грамотностью. Логгин уселся на прежнем месте, на лавке.

– Итак, значит, обижали вас, брат Логгин, переспросил я, и вы теперь ненавидите за это священников, миссионеров,

ненавидите меня по одним слухам о том только, что я веду миссионерские беседы с народом. Правда, трудно любить ту руку, которая бьёт, но ведь Христос заповедал любить врагов и запретил ненавидеть бьющих.

– А что ж, по-вашему, любить их надо, подставлять щеку, чтобы ещё били? Нет, годи!..

– А читали, что Христос заповедовал ученикам своим, когда бьют в одну щеку, подставлять другую (Мф.5:39). Скажите, вы желали бы следовать за Христом, желали бы следовать Его завету?

Логгин молчал и угрюмо смотрел в землю.

– Если вы не можете любить бьющих вас, – продолжал я, – прощать и благословлять их, как учил Христос, то вы, всё же, поучитесь в Евангелии, хотя тому, что нужно спросить у бьющих и делающих вам обиды, прежде чем их возненавидеть, *за что вас обижают?* Вспомните, Логгин, суд над Господом Иисусом Христом у первосвященника Каиафы. Там били Господа и били несправедливо. Христос не сопротивлялся, не отвечал ненавистью бьющим, а сказал бьющему: „Если Я сказал худо, покажи, что худо, если же нет, что ты Меня бьёшь? (Ин.18:23). Спросили ли вы, Логгин, кого-нибудь, подумали ли сами хорошенько, спокойно, – да за что, за какую вину ваша братия штундовая терпит обиды?

Ап. Пётр говорит: „Ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо. Ибо что за похвала, если вы терпите, когда вас бьют за проступки“ (1Пет.2:19–20)?

– Что мне спрашивать? – возразил Логгин, разве я не знаю, за что я терпел обиды и утеснения? За веру, за то, что не хотел жить в темноте, что поверил Христу, перестал пьянствовать, сквернословить. Били за то, что хотел жить по новой истинной вере.

– О, нет, брат Логгин, наверно дело не так было! Вы говорите, что вас утесняли за вашу новую веру. Но ведь вера – достояние души человеческой, и кто из людей, по слову Писания, знает то, что находится в душе другого (1Кор.2:11). Вера человека – это дело его совести и человек может веровать

в душе, как хочет, и никому другому, кроме, конечно, духовника, до этого дела нет. Но послушайте, Логгин, и послушайте внимательно. Что будет, если человек поверит *по-новому*, поверит не так как прежде веровал и не так, как веруют все ближние его, и, поверив, станет всем и каждому объявлять об этой новой своей вере, станет учить ей своих детей, братьев, ближних? Не произойдёт ли смута, непорядок, – не будет ли преступления против закона?

– Нет, господин миссионер, если бы я украл что-нибудь, или убил кого-нибудь, это было бы преступление, а поверить Христу – это не преступление.

– Подождите, Логгин, мы потом рассмотрим, поверили ли вы Христу, или поверили людям, принёсшим вам благовествование о Христе и притом иное, чем то, которое содержали вы прежде вместе со всей православной Церковью. Теперь будем продолжать начатую речь. Вы говорите, что, если бы вы убили или украли, это было бы преступление. Скажите, если бы вы не убивали и не крали, а только в душе своей имели намерение убить или украсть это было бы преступление?

– А как же? Бог карает за наши мысли.

– Так, значит было бы преступление против Бога, а против закона ваше душевное намерение не было бы преступлением. Закон и не карает и судьи не наказывают за то, что творится в душе человека и не сопровождается никаким делом. Так и относительно вашей веры. Если бы вы поверили и хранили вашу новую веру в душе, закон и власть не трогали бы вас, и вы не были бы повинны перед законом. Вина ваша была бы только перед Богом, который знает и судит помышления душевные.

– А что-ж я сделал преступного против закона по своей вере? Разве я крал, убивал кого?

– Что вы, брат мой, всё указываете на то, что вы ничего не крали и никого не убивали. А думали ли о том, что словом своим и своей наукой вы для людей православных сделали, может быть, в сто раз хуже, чем если бы украли какую-либо вещь или убили кого-либо? Скажу прямо – вы похищали у одних и убивали у других их прежнюю христианскую, наследованную отцами и дедами, от самых святых Апостолов, веру, вы произвели смуту и

разделение в братьях, вы поселили ненависть и раздоры в семьях: отец пошёл на сына и сын на отца! Там, где в нашем, благословенном Богом, краю, была тишь да гладь, да Божия благодать, там со штундой пошла ненависть. Это ли не преступление? „Не бойтесь убивающих тело, но бойтесь убивающих душу“, сказал Спаситель.

– Позвольте, господин миссионер, дайте теперь мне сказать, прискочив с лавки, – воскликнул Логгин. – Что вы на нас вину сваливаете? Охота людям нас слушать, а мы никого не заставляем. Не слушали бы, если бы мы худому учили! А мы чему учим? Не пьянствовать, не ругаться! А то, что ненависть пошла, то кого ненавидят? Нас ненавидят, нас бьют, над нами згнущаются! Вы говорите, что теперь отец идёт против сына и сын против отца. Вот это и по Писанию. Этому и нужно случиться (Мф.10:35). Об этом и говорил Христос. Вам известно из Евангелия.

– Действительно, брат Логгин, – отвечал я на его страстную речь, в Евангелии говорится, что подобает быть соблазнам (Мф.18:17), но при этом прибавлено, что „горе тому человеку, через которого соблазн приходит“. Это сказал Иисус Христос. В другом месте Он говорит: „подобает Сыну Человеческому предану быти“ и затем прибавляет: „но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предаётся: лучше бы ему погибнуть во чреве матери и не родиться на свет Божий“ (Мф.26:24). Подобает быть тому, чтобы сын восставал на отца и отец на сына, но горе тем людям, через которых это делается! Не по охоте люди идут за вами, а потому, что вы их научаете и соблазняете: одного вы соблазняете извращённым толкованием Евангелия, другого своими „спивами“ (пением), третьего – грошиками (деньгами). И горе вам за это и от Бога, и от закона.

– Пусть нас Бог и рассудит, а против закона мы ничего не делаем. Что мы не пьянствуем, что мы читаем Слово Божие, разве это вина против закона? Где в законе сказано, что нельзя читать Слово Божие?

– В законе не сказано, что нельзя читать Слово Божие, но закон запрещает проповедовать среди православных новую веру, и не позволяет уклоняться от православной церкви,

составлять незаконные собрания. Вот за нарушение этого закона, за проступки против церкви и государства вас власть государственная и преследует...

Логгин замолчал, как бы затрудняясь, что сказать. Замолчал и я, стараясь вспомнить нить рассуждений. Молчание наше прервал сын Логгина Иван. Он всё время сидел молча, внимательно прислушиваясь к разговору. Отец видимо с радостью уступил ему собеседование, хотя и вставлял крикливо свои замечания. Говорил Иван тихо, спокойно, стараясь подбирать выражения и быть мне, что называется, приятным.

– Вы справедливо сказали, господин миссионер, начал свою речь Иван, что то, что против закона совершается, то законом наказывается. Вот и Апостол Павел в послании к римлянам говорит, что грех открывается законом (Рим.6:12). Но позвольте спросить, разве христиане обязаны повиноваться закону? Не все христиане, а только верующие, поправился он. – „Апостол пишет, что когда пришла благодать, то закон уже умер, т. е. его уже не стало для христиан, потому что они умерли для греха. Кто под законом, тот не под благодатью, а кто под благодатью, кто поверил Иисусу Христу, тот уже не должен слушать закона. Вот и мы, поэтому, вышли из-под закона и следуем по нашей вере за Христом, как учит Апостол Павел...

Я охотно дал Ивану высказаться. Меня интересовал этот новый в штундизме тип грамотеев из школьников. Но Иван, как бы боясь, не сказал ли он чего-либо лишнего, замолчал и пытливо глядел на меня, ожидая моего ответа.

Я спросил его: „А ясно ли вы понимаете, что разумел св. Апостол в послании к римлянам под законом, который упразднён благодатью, возвещённой Господом Иисусом Христом?

Иван ответил: „закон обыкновенный, человеческий“.

– Нет, брат Иван, возразил я, под законом св. Апостол понимает не обыкновенный человеческий закон, а закон Ветхого Завета, закон, данный Богом иудеям через Моисея, закон, который должен был иметь значение только до пришествия Господа Иисуса Христа, ибо он имел, по объяснению Апостола Павла, только прообразовательное значение (Евр.10:1). Он только предуготовлял ко Христу и должен был кончиться со

Христом. Закон этот обозначает религию или веру иудейскую. Он заповедовал евреям обрезание, очищение, кровавые жертвы, хождение в Иерусалим для молитвы и т. п. Когда настал Новый Завет, когда пришёл Иисус Христос, всё это было заменено для христиан благодатью, которая получается по вере Иисуса Христа и передаётся в таинство церкви. Следовательно, кто верит в Господа Иисуса Христа, кто христианин, для того не обязателен иудейский закон Ветхого Завета или иначе говоря, тот должен жить не по вере Ветхого Завета, а по вере Нового Завета и спастись не через иудейские обряды и жертвы, а через таинственную благодать Христовой Церкви. Ясно ли теперь вам, брат, что христиане свободны от иудейских религиозных законов, а от гражданских законов своего государства не свободен никто. Кто в каком государстве живёт, тот должен слушаться его законов. Вы, может быть, знаете, что есть такие государства, где всякий свободно может проповедовать какую угодно веру: законов, запрещающих проповедь новых вер там нет. Ну а у нас в России, слава Богу, законы запрещают проповедь новых вер, запрещают самовольные уклонения православных людей в иные исповедания, устройство и недозволенных молитвенных собраний...

– Позвольте спросить, начал снова Иван, что же хорошего в этом?

– А хорошего то, отвечал я, что законы охраняют веру православную, как истину непреложную, как святыню заветную и не позволяют смущать народ религиозным смутьянам и разным шарлатанам...

– Но это вам так угодно нас понимать, обидчиво заметил Иван, это вы изобрели всякие обидные для нас насмешки, зовёте штундистами. А вот в истории говорится, что и Апостолам запрещали проповедовать веру Христову и собираться на молитву. Значит, были и тогда законы такие. Но Апостолы слушали Бога больше, чем людей и законов и продолжали проповедь (Деян.4:19). Мы тоже так поступаем. Нам нельзя повиноваться законам больше, чем Богу...

– Вот хорошо, Иван, ответил я, что вы прямо высказываетесь. Но теперь рассмотрим, правильно ли вы

понимаете дело. Апостолам, действительно, запрещали проповедь иудеи и язычники; вам запрещают проповедь христиане русские. В этом и сходство, и различие. Почему Апостолы не послушались иудеев и язычников? Во-первых, потому, что Апостолов послал на проповедь сам Господь Иисус Христос, а во-вторых, потому, что иудеи, язычники, запрещая проповедь Апостольскую, отвергали веру истинную. С вами же дело обстоит иначе. Кому из вас Сам Бог велел идти на проповедь, кто из вас имеет божественное свидетельство своего посланничества? Помните, как Апостол Павел говорит: „как проповедать, если не будут посланы? (Рим.10:15). Сам Апостол только потому и проповедовал, что был послан на это дело явившимся ему Господом и на это явление он постоянно указывал в доказательство своего права проповеди о Христе (Гал.1:15–16). Ни один из вашей братии этого права не имеет. Да и нужна ли новая проповедь о Христе? О Христе нужно проповедовать тому, кто не слышал о Христе, – евреям, магометанам и язычникам: туркам, китайцам, японцам. А христианам, – которые от чрева матери посвящаются Христу, которые крещаются во имя Христова в первые дни своей жизни и с того же времени живут во Христе и Христос живёт в них, ибо они приобщаются Тела и Крови Христовой, – проповедовать новое учение о Христе не нужно. Они примут и принимают, действительно, это учение, как учение о другом Христе и одни соблазняются, а другие отвергают. Нет двух Христов, не было другого Христа до истинного Христа, не было и не будет другого Христа после одного истинного Христа. Об этом и Христос говорил: „все, которые были прежде Меня суть воры и разбойники“ (Ин.10:8). И в другом месте: „если скажут: вот здесь Христос, не верьте, и, если скажут: вот там Христос, не выходите“ (Мф.24:23). Зачем воровать веру во Христа, зачем убивать христианские души, зачем обманывать учением о Христе тех, кто уже верует в истинного Христа?

– Да разве мы проповедуем нового Христа? воскликнул Иван. Мы проповедуем Того же Самого, что и вы. У нас и Евангелии одни с вами!..

– Да, но проповедуете это Евангелие превратно. Забывая слова Ап. Петра: „что нельзя писания разрешать самому собою, что в посланиях много неудобовразумительного, что невежды и не утверждённые превращают к собственной своей гибели (1Пет.2:19,3:16) вы люди неграмотные или малограмотные, никем на учительство не поставленные, и сами заблуждаетесь, не ведуще писания, ни силы его, и других учите своим пагубным заблуждениям, вот почему вам и запрещают учить...

– А кто ж нас учить будет, горячо прервал речь мою Логгин.

– Тот, кто поставлен на это, отвечал я. Видя, что разговор перешёл на вопрос о церковном учительстве, а между тем моим собеседникам недостаточно ясно уяснён был предложенный ими вопрос о мерах гражданского на них воздействия, тем более, что вопрос этот чрезвычайно, по-видимому, занимал их и преграждает путь для должного духовного, на них влияния, я счёл полезным снова вернуться к нему. Не давая моим собеседникам продолжить свои возражения, я сказал: „Не будем говорить сегодня ни о том, почему православные думают, что вы проповедуете неистинное Христово учение, а вами выдуманное по злонамеренности одних и по неразумию других, ни о том, почему вы не имеете права учительства. Если Бог поможет, мы устроим собеседование в присутствии большого собрания народа и тогда побеседуем об этом. А теперь окончим рассуждение о поднятом сегодня вопросе... И так, брат Логгин, обратился я к хозяину, понятно ли вам теперь, что государство, т. е. суд и административная власть не напрасно вас преследует. Вы нарушаете своей проповедью и своими собраниями законы государственные и за эти проступки терпите наказание.

– А знаете-ли, что я вам скажу, господин миссионер, обратился ко мне снова Иван: нас бы не преследовала полиция, да и в судах нас не осуждали бы, – если бы не священники! Скажите, какой вред мы приносим государству? Вот живут же у нас немцы, католики, и государство им позволяет и костёлы строить, и веру свою соблюдать. Говорят, что наша вера пошла от немцев. А в немецком государстве все эту веру содержат и от этого государству никакого вреда нет. Когда у немцев был Бисмарк, то все государства немцев даже боялись, а у них за

веру не преследовали: там и царь такую веру держит... Если бы священники нас оставили в покое, нас и полиция не трогала бы. Священники сами не справятся с нами, вот и понанимали себе миссионеров, да подговаривают полицию.

Иван оставил свой прежний тон и заговорил теперь довольно вызывающе, не удержавшись от язвительного намёка и на моё положение, как миссионера. Я этому, впрочем, обрадовался, так как это давало мне возможность исчерпать вопрос с той же откровенностью, с которой штундисты и ставят его.

– Позволь, брат Иван, возразил я юному со-вопроснику сектантскому, разобраться в твоих нареканиях: они очень обидны и несправедливы, как сейчас сам убедишься. Вы полагаете, что не государство, т. е. не суд и полиция, вас преследует за вашу проповедь и за собрания, а священники. Это во-первых. А во-вторых, вы думаете, что нашему государству нет никакого вреда от того, что русские люди принимают штундовую веру. Ну, побеседуем об этом внимательно. Но прежде него спрошу вас, Иван, как вы думаете, должны ли священники заботиться о своих прихожанах, о том, чтобы сохраняли они свою веру и не переходили в другую?

– Пускай заботятся, отвечал Иван, но зачем они наущают на нас народ и полицию?

– Да нет, с язвительною усмешкою прибавил Логгин, священники не за веру хлопочут, а за гроши: доходу им мало стало!..

– Послушайте, Логгин, сказал я ему, грех так говорить. Если бы священники хлопотали о деньгах, то они нашли бы способ приобретать их больше, чем теперь приобретают. Да и скажите, по совести, слыхал ли кто из штундистов, чтобы священники говорили: веруйте, как хотите, только доход нам давайте. Много из вас есть таких, что охотно давали бы доход священнику, лишь бы не объявляться штундистом, да не найдёте вы такого священника, чтобы хлеб от вас брал, а на то, какой вы веры, не обращал внимания. Не берите же на свою душу лишнего греха!..

А то, что вы думаете, обратился я к Ивану, будто священники, заботясь о вере своих прихожан, наущают на вас

народ и полицию, то это также несправедливо. Пока вы были православными, пастыри давали о вас ежегодно отчёт своему начальству, говееете ли вы, крестите ли детей, кто из вас вступил в брак, кто скончался и погребён. Когда вы перестали принимать таинства церкви, они должны донести и об этом. Духовное начальство обязано сообщать полиции о каждом, кто отпал от церкви и не состоит уже в ведении священника, а священнику и церковный закон (п. 5 постанов. юг.-зап. архипастырей) и гражданский (ст. 186 улож. о наказ.) повелевает увещевать вас и стараться вернуть в лоно церкви. Вот и всё, что от духовенства исходит. Молчать о вас оно не может. И за всем этим было бы тихо и покойно, если бы вы не совращали других прихожан, если бы не доставляли собраний, которые воспрещены законом. За исполнением этого закона, должна, конечно, смотреть полиция. И вы напрасно думаете, что священники научают полицию и суд смотреть за вами, составлять протоколы и делать взыскания, – это закон им приказывает. Священников и миссионеров тут нечего винить и не за что вам их ненавидеть. Я объясню вам примером. Если бы кто приставлен был смотреть за чьим-либо добром, как священник приставлен смотреть за православными людьми, и увидел он, что люди чужие расхищают это добро, разве он не должен сообщить об этом начальству и разве судьи и полиция не должны прийти на помощь этому человеку? Их закон на это поставил и закону они должны повиноваться, помимо того, кто их зовёт на помощь, приятель ли он им или нет. Священники поставлены быть стражами церкви, а вы из Св. Писания знаете, что пастыри, стражи стада Божия, должны стеречь и охранять стадо Божие, да ещё и искать заблудших овец и вернуть их в стадо (Иоан. 10 гл.). Не основательно думаете вы и о миссионерах, будто бы они наняты священниками. Нет, братья мои, миссионеры не наняты священниками, а посылаются церковью к тем людям, которые не знают Христа и святой Его церкви или отвергают Их. Они получают вознаграждение за свои нужды, но не от священников, а от государства и народа. Приходящие к вам миссионеры – это люди, которые основательно знают истины св. веры и знают Св. Писание и способны беседовать о вере христианской. Приходят

они без всякой власти, без всякого начальства, с любовью в сердце, с миром Божиим на устах, с Евангелием в руках. Приходят они не для того, чтобы вас возбуждать или над вами смеяться, как несправедливо вы сказали обо мне, а для того, чтобы водворить мир между вами и православными, чтобы возвестить вам Слово Божие, как оно есть и как его должно читать и понимать, и обличать вас в ваших заблуждениях... Вот вы не хотели принять меня в дом, а разве для худого дела я пришёл к вам, как хожу и в другие дома ваших братьев?..

В это время слышался голос сидевшей на полатях жены Ивана, всё время прислушивавшейся к нашему разговору. „Ой где вы были, где вы были прежде, нараспев произнесла она, где вы были, як нам тяжко жилось, як мы пьянствовали да бились... Теперь, як, хвалыть Бога, в хати тихо стало, теперь и вы проявылысь... Говорите вы гарно (хорошо, красиво), да не гарно после вас станется. Знов человек (муж) у корчму пидэ, знов пидэ сварка (ссора), разбий... Не ходыте краще (лучше) до нас, не розважайте (не развереживайте) серця!.. Женщина начала повышать голос и в нём слышались плачущие нотки... Муж её Логгин и сын Иван стали было успокаивать её. „Годи (довольно) жинко, годи мамо!“ говорили они, но она не переставала. „Цом вы тоди не вчили (не учили) нас, продолжала причитать видно глубокострадавшая душою женщина, як мы ще не одцуралысь (отталкивались) людей, як люды и нас не цуралысь, не звалы штундовыми... Ой Боже ж мий, Боже мий, що вы з намы робыте“... Женщина долго ещё причитала, а я ждал пока она успокоится и мысли одна другой тяжелее теснились в голове и давили сердце. Эти бабы причитанья и вопли тяжелее для миссионера, чем все самые хитросплетённые возражения сектантов. И тяжелы они тем, что в них много горькой жизненной правды. Как ни злостен штундизм в своей религиозно-бытовой развращённости, но он оздоравливает и успокаивает семейную жизнь своей проповедью трезвости. Трезвость жизни, начинающаяся в семьях с переходом в штундизм и связанные с нею покой и отсутствие ссор и драк особенно привлекает к штунде женщин и они боятся обратного перехода в православие, как возвращения к первоначальному укладу жизни с

путешествиями в кабаки, ссорами и драками. Я не забуду, как одна женщина из штундовой семьи, в тайне остававшаяся православной, любившая храм и богослужение, горько заплакала, когда муж её, закоренелый штундист, выразил желание вернуться в церковь после целого ряда бесед с ним. „Щожь це будэ, со страхом говорила она мне, це (вот) вин (он) знов (вновь) начне пыты и мене быти“? Слёзы и причитания Логгиновой жены происходили из того же страха возвращения мужа, к прежней пьяной жизни. Мою мирную беседу с мужем и сыном она, по своей простоте, посчитала началом перехода обратно в православие и убоялась того, что, по своему невежеству, она считала неразрывно связанным с православием. С большим трудом и совместными усилиями нам едва удалось её успокоить, я говорил ей, что то, чего она боится, именно, возвращения в православие, не может быть без воли Божией, а если Бог призовет их обратно в церковь, то, конечно, не для худого дела, ибо церковь ничему худому никогда и ничем не учит. Я указывал на святых людей церкви и на то, что церковь заповедует жить трезво, в мире и согласии... Женщина не возражала, а только продолжала свои причитания, пока не умолкла.

Этот эпизод дал другое направление нашей беседе. Когда женщина, успокоившись и положив лежавшего у неё на руках ребёнка, вышла зачем-то из хаты, Логгин сказал мне. „А что ж, жинка правду говорит: чего миссионеры раньше не учили народ, где было это ученье, пока нас не было. В православии мы только видели разбой да ссоры, да обирательство. Вы говорили про святых людей, а где они? О них только в книжках пишется...

– Нет Логгин, нет, возразил я ему. Святые люди и теперь есть на земле, только мы, по своей грешной натуре, не любим на них смотреть, а всё ищем злых людей, чтобы осудить их и возвысить себя над ними. Миссионеры раньше не учили народ, потому что нужды не было: не было людей, которые бы говорили, что наша вера нехорошая и что нужно принять другую веру. И неправду вы говорите, что в православной церкви вы видели разбой да свары. В церкви их никогда не было. Разбои да свары совершали как раз те люди, которые не хотели слушать в

церкви Слова Божия и поучения священников о том, что все мы братья, что не пьянствовать, ни свариться, ни бесчинство творить не подобает христианам. И всё-таки их осуждать не следует... Они перед Своим Господом восстают и падают, и Господь силён их восставить (Рим.) Поверь, что эти люди оправдаются в очах Божиих больше, чем те, что совершенно оставили церковь. Вы спросите любого православного, который и пьянствует, и сварится и тому подобное творит, хорошую ли он жизнь ведёт или нет, он скажет, что нехорошую и будет винить себя лишь одного, а вы хотя также не считаете зло добром, но вините во всём не себя, а православие и православных. Бог силён восставить падшего православного, ибо Бог сильный Христа воздвигнуть из мёртвых и нас (Рим.10:4), а вы считаете нехорошей церковь, в которой обитает, по неложному слову Спасителя (Иоанн. 16), Дух Святой, следовательно, вы произносите хулу на Духа Святого, а этот грех не простится ни в сей жизни, ни в будущей, опять же по слову Спасителя (Мф.12:31).

– Да что толку, выкрикнул Логгин, что вы говорите. Делать нужно, а не говорить... Знаем мы таких. У вас и священники одно учат, а другое делают. То не может быть справедливым, чтобы одно делать, а другое учить...

– А разве я говорил что-либо против этого. Разве вы думаете, что в церкви православной, где каждый раз читается Слово Божие, не знают, что „не слушатели, а исполнители Слова оправдаются перед Богом” (Иак.1:22). Я только говорю, что православные по справедливости не смотрят на дела праведности своей так, что их довольно для оправдания в очах Божиих и не смотрят на дела своего беззакония так, чтобы уже не каяться и не надеяться на милосердие Божие. Православные в этом случае подобны мытарю, о котором говорил Спаситель в притче, а те люди, которые хвалятся тем, что они не пьянствуют, не ссорятся, не бесчинствуют и на это надеются, не подобны ли фарисею? Может быть в очах людей фарисей и лучше мытаря, но в очах Божиих мытарь, по неложному слову Спасителя, оправдится больше, нежели фарисей (Лук. 18).

Собеседники мои не возражали. Хозяйка между тем вернулась в хату и уселась на прежнее своё место и стала кормить проснувшегося ребёнка. Было уже поздно и я порядком устал. Наш хлопец уснул на полатях и издавал протяжный храп. Я спросил Логгина, не утомился ли он?

– Нет, отвечал Логгин, с вами, спасибо вам, можно беседовать.

– Мы рады от вас поучиться, сказал Иван, только напрасно сравниваете нас с фарисеями: мы оправдываемся верой, ибо без веры никто не может оправдаться, по учению Апостола Павла.

– И фарисей верил в Бога, и ещё *кто-то* верует, не при ночи сгадаючи, пошутил я, верует и трепещет, как пишет св. Апостол Иаков (Иак.2:19), но один, веруя, надеялся на себя, на свою праведность, а другой (дьявол), веруя, захотел стать равным Богу и осуждённый, впал в отчаяние и гибель.... Кроме веры, нужно смирение, а за сим надежда, а за сим любовь, чтобы никого не осуждать, никого не огорчать...

Но довольно нам беседовать о том, переменял я вопрос, кто из нас лучше. Окончим лучше раньше начатую речь. Помните, мы остановились на том, что не священники вас преследуют, а закон. Является вопрос, почему же государство издало против вас законы, иначе говоря, почему государство защищает и охраняет веру православную. Вы вот, Иван, полагаете, что для государства безразлично, кто какой веры из его подданных? Вы думаете, что государству от этого нет никакого вреда? Жестоко заблуждаетесь.

– Ну, покажите, какой вред мы делаем государству, прервал меня Иван.

– Государство – это одна великая семья, находящаяся под державою Отца отечества – благочестивейшего православного Государя. Вы вносите религиозную смуту в эту семью, – отнимаете от детей Государя и государства то, что для Царя и для всех верных сынов отчизны является самым дорогим, – отнимаете истинную, спасительную веру православную и тем губите души свои и совращаемых вами. Православие – великая всеобъемлющая, созидательная сила в исторической жизни

нашей Св. Руси. Ваша штунда производит разъединение, разделение православной государственной семьи в вере, – „аще царство разделится на ся – запустеет“! Разве это не вред от вашей штунды государству?! Вы вот указали на немецкое государство, будто там не преследуют за веру. Не будем говорить, правда ли это, хотя я не думаю, чтобы немецкое государство позволяло всякому проповедовать свою протестантскую веру. Спросите немцев, позволили бы они проповедовать в своём государстве православную веру? Конечно, нет! Они, наоборот, сами стараются свою навязать всем народам, немцы очень дорожат своей, хотя в ней и много заблуждений, верой и охраняют её. Вы может быть слышали про государство Англию. Это самое богатое государство в мире, и оно больше всего дорожит богатством. Каждое государство одним чем-нибудь больше всего на свете дорожит. Наше государство больше всего дорожит верой. Французы любят, чтобы их государство признавали прекрасной Францией, англичане, чтоб их государство звали – богатой Англией, а русские, – чтобы их государство неизменно было святой Русью, ибо для русских нет ничего дороже их веры, которая делает людей счастливыми здесь на земле и спасёнными для неба. Вот если бы вы знали прошлую историю нашей церкви и государства, вы поняли бы, почему русские законы ограждают св. неприкосновенность догматов отечественной веры и церкви. В православной, принятой от греков вере, русские узнали свет Христова ученья, православная вера споспешествовала пережить все беды – и татарское иго и лихолетье и покорить народы и царства; православие сделало русское государство сильным, крепким, образованным, похожим на остальные образованные государства, православная вера дала государству русскому целый ряд благочестивых царей и цариц, целый сонм святых и праведников, заступников и молитвенников перед Богом за землю русскую, православная вера соединяет Царя, вельмож и простой народ в один русский народ: она научает любить Царя, как помазанника Божия, любить своё отечество, любить свой народ. И дорога вера православная русскому народу! Когда нападали на наше царство татары, турки, шведы,

поляки, французы, то прежде всего, поэтому, старались разрушить православную веру: сжигали храмы, уничтожали св. мощи и иконы? избивали священников. Но русские восставали за свою веру и, защищая веру, спасали и государство. Не любил русский народ своей веры и не защищай её, не было бы давно и государства русского... Как же теперь государству не издавать законов против тех, кто, на место веры православной, старается насадить новую веру немецкую. Вы только вообразите, что было бы, если бы Господь попустил вам распространить вашу веру по русской земле? Напали на нас тогда немцы, – друзья нашей штунды, пропала бы русская земля! Кто пошёл бы тогда против немцев на клик: постоим, братцы, за веру православную, за церкви Божии, за святых угодников?!.. Конечно, не вы штундисты. Только враг земли русской может говорить, что государству нет дела до веры, что законов о вере не нужно издавать, что судьи не должны судить, а полиция следить за распространителями новой веры... Сколько благ принесло России православие история знает, а что доброго ваша штунда обещает?

Собеседники мои молчали. Итак, думая закончить беседу, сказал я, не ропщите же, братия, на свою судьбу, которую вы сами себе создали, а ещё более, не гневите Бога ненавистью против священников, миссионеров и православного народа. Они делают своё дело, от Бога и духовной власти им порученное и никакого зла вам сами не чинят и не желают. Против вас вы сами же и закон.

Пора было окончить беседу, но я чувствовал себя чрезвычайно неудовлетворённым: пришёл поговорить об истинах веры, но нелюбезная встреча, как врага и притеснителя штундистов, навела на другой, очень тяжёлый, во всяком случае, вопрос. В беседе пришлось сказать мало умягчающего сердца, и это угнетало меня особенным образом. Но делать было нечего, и я поднялся, чтобы проститься...

– Прощайте и простите меня, люди добрые; если я сказал вам что-либо для вас обидное...

– Прощайте и вы, низко кланяясь, отвечали Логгин и Иван.

Осенивши себя крестным знамением, мы с батюшкой вышли из хаты. Логгин самым почтительным образом поддерживал то меня, то батюшку по скользкой тропинке среди его грязного дворика. Луна высоко поднялась на горизонте и, отражаясь в бесчисленных болотцах, скрашивала неприглядную осеннюю картину деревенской улицы. Холодный уличный воздух после душной хаты освежал усталые члены, и мы бодро зашагали за нашим успевшим порядочно выпасться хлопцем.

Киевский миссионер *С. Потехин*

**Миссионерство, секты и раскол. (Хроника)//
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 284–304**

Из наблюдений о нынешнем состоянии Киевской миссии и сектантства. – Усиление малеванщины и психопатизма в штунде. – Вожаки эксплуататоры и смута в народе. – Проникновение в штунду анархических идей толстовства. – Китайская война и эмиграция штундистов. Сектантский караван, отрывок из беседы в полицейском участке и мена жён. Мнимая великая княгиня в роли исследовательницы штундизма и её приключения. – Миссионерские заслуги нового митрополита Киевского. – Владимирское братство и его заслуги перед миссией. – Летние миссионерские съезды. – **Сектантский процесс.**

Э. Я. Новый митрополит Киевский и светлые упования миссии. С. 284–302

Осиротевшая, после кончины приснопамятного митрополита Иоанникия, Киевская церковь обрадована назначением и пришествием нового мудрого архипастыря и благодного отца, высокопреосвященнейшего митрополита Феогноста. Новый киевский митрополит, один из самых старейших иерархов Русской Церкви, опытнейший в делах епархиального управления, стяжавший себе известность, – как изъяслено о сём в Высочайшем рескрипте, данном на имя его высокопреосвященства 13-го августа с. г., при назначении владыки Феогноста на киевскую кафедру, – „похвальной заботливостью о возобновлении величественных памятников церковной старины и непрестанным попечением о расширении просветительной деятельности епархиальных братств, – этих многополезных учреждений, объединяющих труды духовенства и добрых сынов святой церкви, посвящённые умножению церковных школ и распространению в народе благ христианского просвещения”.

Высокопреосвященный Феогност, Митрополит Киевский и Галицкий.

Призывая к управлению Киевской епархией, в сане митрополита Киевского и Галицкого, Государь Император изволил выразить *твёрдое упование*, что высокопреосвященнейший Феогност и „в сём новом служении проявит *особые заботы* об утверждении пасомых в знании истин православной веры и в любви к св. церкви, попечительно охраняющей их от неправых учений“.

В сих знаменательных словах Высочайшего рескрипта задачи архипастырской деятельности высокопреосвященного Феогноста на новой для него древней Киевской кафедре определены, главным образом, как *миссионерские*. И это вполне понятно и естественно, в виду особого состояния сектантства и миссии в Киевской губернии. В приветственной красноречивой речи, сказанной при вступлении нового Киевского митрополита в кафедральный Софийский собор, викарный преосвященный Сергей, епископ Уманский, засвидетельствовал, что „*раздирающе сердце болью страдают* пастыри церкви Киевской, *взирая на отторжение* (штундой), *то в большей, то в меньшей степени* – с какой-то *лихорадочностью* – чад её. – Много для излечения этой тяжёлой болезни положено уже Киевскими пастырями трудов и много предпринято мер, под руководством почившего иерарха, *но в отношении этой духовно-просветительной деятельности более начато, чем совершено*: ещё не во всех приходах восстановлены древние братства и ещё в больших приходах не открыты таковые братства вновь, при сельских церквях *библиотеки скудны*, епархиальная библиотека не имеет пристанища, наконец, пастыри и многие преданные им пасомые имеют лишь искреннее желание устроить помещение для своих религиозно-просветительных собраний, получив для сего землю, имея план здания, но при этом ещё очень скудны денежные средства...”

К этим скорбным словам преосвященного, – близко, лицом к лицу познавшего тяжесть миссионерского подвига борьбы со штундой, – позволяем себе, на основании непосредственного

наблюдения над нынешним состоянием киевского сектантства и положения миссии, присовокупить ещё и следующие справки.

По весям и градам Киевской губернии, в приходах, заражённых штундовым сектантством, каковых числится в епархии не менее 200, – есть ещё пастыри, которые или не правоспособны, или не деятельны в миссионерском отношении, или не настолько проникнуты важностью и необходимостью миссионерского служения, насколько бы это требовалось нынешним возрастающим брожением сектантства вообще, киевского в особенности. Приходская миссия ещё совсем почти не подготовила ратоборцев из мирян и не имеет сотрудников из местных ревнителей православия. Из окружных или благочиннических миссионеров только немногие несут свои обязанности *de facto*, – деятельность окружной миссии доселе ещё не инструктирована и отношения её к приходской и епархиальной миссиям не определены и не упорядочены и проч.

В деле борьбы с киевским сектантством затерялся тот центр, который бы давал уверенность делу и сообщал энергию деятелям. Как известно, киевская миссия в течение долгого периода времени вела свою борьбу с сектантством, опасным не только в церковном, но и в государственном отношении, при благоприятных условиях дружного и убеждённого содействия со стороны светской власти. Ныне же, в силу многих, независимых от епархиальной власти обстоятельств, куда нужно отнести и кассационные решения Сената, и новые взгляды на штунду и веяния в обществе, администрации и судах, либеральные сектофильские толки в печати и много другое, – борьба со штундой всей своей тяжестью ложится на плечи одной духовной миссии. Между тем штунда всё более и более становится в положение дерзающего сектантства, каким оно было в разгаре своего брожения в начале 80-х годов. Собрания, воспрещённые законом 1894 г., как в самом Киеве, так и в сёлах, совершаются открыто и демонстративно, в расчёте на безнаказанность и на ту развращающую тёмный люд неопределённость в действиях киевских мировых судов, в силу которой одна инстанция обвиняет, другая оправдывает и наоборот. В судах выступают и допускаются, в качестве поверенных по делам сектантов

поднадзорные и заведомые штундистские агитаторы (верующий штундист судиться не будет и по судам таскаться не станет, ибо это противно самой догме секты), которые составили себе из этого выгодное ремесло.

В самом Киеве штундисты имеют для молитвенных собраний определённые дома, на одном из токовых находится кощунственная надпись на дверях: „грядущего ко мне не изжену”.

Во внутренней своей жизни сектантство, в пределах Киевской губернии, переживает нежелательный для миссии и опасный для государства период перерождения с одной стороны в *болезненную малсванщину*, с другой – в *анархическое толстовство*.

Малеванщина, – представляющая собой смесь учения штунды и шалопутства, – выражающаяся в нервно-истерических, крайне безнравственных формах культа, – секта в высшей степени вредная и весьма заразительная для окружающего населения в санитарно-общественном отношении; движение это, совершенно успокоенное назад тому 5 лет принятыми, с ведома Министерства, административно-медицинскими мерами, в последние годы не только оживилась в старых очагах, но и свила себе новые гнёзда. Так в с. Дедовщине, Сквирского уезда, сектантство совершенно успокоено было: там воссоединилось с церковью более ста душ и оставался отпавшим только один безумный маньяк; ныне же в этом селении вновь числится до 50 душ малеванцев; в Каневском уезде совсем не было малеванцев, теперь же брожение малеванское коснулось нескольких селений и продолжает увлекать в недра свои значительное число жертв из чистой, штунды и православия. Ожилились сношения с самим Малеванным, семья которого, по слухам, обладает, благодаря эксплуатации несчастной тёмной толпы, многими тысячами. Собrania малеванцев, имея вредный нервно-истерический характер и сопровождаясь гнусными деяниями – до свального греха включительно и открытой мены жёнами тут же на собраниях, – совершаются также почти безнаказанно; со стороны администрации и судов они

трактуются, как чисто штундовые, в чём заключается крупная ошибка.

На одном из таких собраний, в с. Дешках Канев. у., во время неистовой скачки и верчения, один из фанатиков упал, как скошенный сноп, другой вскочил ему на грудь и стал его топтать, в результате оказался безжизненный труп.

В с. Корниловке, Каневского уезда, в первых числах января 1900 года, крестьянин с. Корниловки, Василий Аврааменко, бывший долгое время вожаком и пресвитером местных штундистов, увлечшись также учением малеванцев, объявил себя Богом, в чём успел убедить свою жену, дочь и некоторых других сектантов.

27 января 1900 года, Аврааменко ворвался в камеру судебного следователя и, схватив последнего за плечи, начал кричать: „трепещи, трепещи, а то побыю!” Удалённый отсюда, Аврааменко явился в камеру мирового судьи м. Корсуня, где происходило судебное разбирательство; подбежав к столу, за которым сидел судья, с криком: „ты так судишь!” начал осыпать его отборной бранью и обнаружил даже намерение броситься на него, но был вовремя схвачен присутствовавшим сотским.

Отправленный после этого на место жительства, в с. Корниловку, Аврааменко, раздевшись донага и вооружившись большим ножом, в ночь на 28-е января, бросился на своего 13-летнего сына и начал его душить, приговаривая: „православный христианин, православный христианин”; жена и дочь его при этом стояли на коленях в снегу также совершенно нагие и молились. Брат Аврааменко, Максим, услышав стон и детский плач, вышел из своей избы и, увидав такую ужасную картину, начал уговаривать Василия Аврааменко оставить и не мучить ребёнка. Но последний, бросившись к нему с ножом, угрожал убить его. Тогда Максим Аврааменко, убежав от него, созвал народ. Пришедшие увидели, что Василий Аврааменко продолжал душить старшего сына Трофима, жена и дочь Аврааменка по-прежнему стояли на коленях в снегу и „трепетали” (особый вид моления малеванцев), вблизи лежала зарезанная Аврааменком собака, а двое малолетних детей, совершенно голые, барахтались брошенные в снег. При виде

собравшегося народа, Василий Аврааменко схватил одного из маленьких детей за ноги и стал как мячиком бросать им по огороду. После того как удалось схватить и связать Аврааменко, оказалось, что ребёнок находился в бесчувственном состоянии, всё тело его представляло сплошную массу ран с запёкшейся кровью. Жена Аврааменко утром 26 января, во время пребывания самого Аврааменка в Корсуне, начала сжигать в печке различные свои вещи, говоря, что это она делает по указанию и повелению Бога, т. е. своего мужа Василия Аврааменка. После всего этого Василий Аврааменко, его жена и дочь, как обнаружившие признаки душевного помешательства, отправлены были в г. Киев, в Кирилловскую больницу.

В м. Корсуне, того же Каневского уезда, в начале этого года, крестьянин Шкребтий, совращённый в секту малеванцев Митрофаном Мудриком и Пименом Васюком, известными киевскими сектантами, также вообразил себя Иисусом Христом. Под влиянием этой идеи Шкребтий отправился в соседний лес, где он, по примеру Господа Иисуса Христа, хотел провести в продолжении 40 дней время в посте и молитве, после чего уже думал выступить публично с проповедью наступления нового царства. Но так как в это время наступили сильные морозы, то он возвратился обратно домой, объявляя, что своё намерение поститься в течение 40 дней он отложил до более тёплого времени года. Возвращаясь домой, он завязал своё лицо тряпкой и на вопрос: „зачем он это делает” отвечал: „да не узириши лица моего”. В виду обнаруженного сектантом Шкребтием ненормального состояния его умственных способностей, он также был отправлен в г. Киев в Кирилловскую больницу.

Известны и другие случаи сумасшествия сектантов Киевской губернии на религиозной почве, имевшие место в других уездах.

Не ясно ли отсюда, что малеванщина секта особая, болезненная, и борьба с нею должна вестись мерами не одними духовными и не общими только, но и чрезвычайными.

В Уманском уезде распространяется штундо-толстовство, отвергающее божество Господа Иисуса Христа и крайне дерзко, и богохульно относящееся ко всем святыням православным,

открыто проповедующее отрицание властей, войны, присяги. Возрастающая из года в год дерзость этих сектантов дошла до того, что вожак сектантов с.Дз-ки позволил себе в храме, во время богослужения, ругательски поносить Св. Дары. Уклоняясь от воинской повинности, несколько сектантов, при начале Китайской войны, тайно эмигрировали в Америку. Один из главарей уманских сектантов, является ближайшим учеником Льва Николаевича, – был у него в Ясной Поляне, имеет письма графа, в одном из коих последний разъясняет, что начальство справедливо почитается саратовскими сектантами (еноховцами) слугами антихриста, так как власть поддерживается насилием.

Последователи антихристианского и социалистического штундо-толстовского толка встречаются также и среди сектантов других уездов и самого Киева.

Православное население вновь глубоко смущено и недоумевает, почему, после многих лет затишья, запретов и ограничении, штунда вдруг опять „взяла волю“, вожаки её безбоязненно и нахально агитируют в пользу своей веры? Сектантские „облакаты“ отвечают на эти недоумения, что прежние действия местной власти, направленные к ограничению свободы пропагаторских действий „штундовых благовестников“, были делом будто бы личного вкуса и взгляда прежней администрации, а что и закон, и высшие власти в самой столице признают штундовую веру правильной, а поведение сектантов примерным. После недавнего оправдательного вердикта в Васильковском мировом съезде главарь киево-городской общины некий К-в, из уволенных волостных писарей, то и дело выступающий в качестве защитника обвиняемых штундистов, – публично в суде же сказал православным: „вот вам и суд. – много взяли, – а мы как проповедовали ранее, так опять будем проповедовать и тут же начал писать телеграммы во все очаги штунды, с поздравлением и призывом смело сеять плевелы лжеучения.

Известно, где труп, – туда и вороны слетаются. В штундовых общинах Киевской губернии то и дело или свои нарождаются, или чужие появляются эти хищные вороны – сектантские

агитаторы, которые производят смуту, как среди сектантского населения, так и православного.

Так, осенью прошлого года глубокую смуту и брожение произвёл среди малеванцев нескольких уездов некий Иван Лысенко, образовавший около себя особый толк. Это красивый, с искрящимися глазами, даровитый человек, но по убеждениям шарлатан, а по поведению – лентяй и бездомник, исходивший весь Кавказ, был у молокан в Таврии. Воспользовались толками о кончине века, предсказанной каким-то астрономом немецким на 13 ноября прошлого года, – Лысенко оживил в малеванцах эту излюбленную основателем секты идею о приближении кончины века и о наступлении его, Малеванного, царства. – Собрав около себя толпу безумцев в человек 80, Л-ко забрал в свои руки деньги, вырученные от пожиток, в которых не предвиделось нужды в новом царстве и, как предводитель, уподобляя себя Моисею, повёл своих приверженцев в Киев, чтобы оттуда вывести народ свой из земли Халдейской в Обетованную землю. На 8 подводах с жёнами, детьми и необходимым скарбом двигался по сёлам этот странный караван психопатов, с пением и молитвой своеобразной, – с воплем и нервными гиками – двигался сотни вёрст, пока благополучно не достиг Киева. Здесь на постоянных дворах замечены были эти странные люди и так как, по наущению своего жожака, все они упорно отказались полиции назвать, кто они и откуда, то и были за бесписьменность арестованы при полицейском участке. Но все усилия полиции добиться сведений о фамилиях и месте осёдлости сектантов были напрасны: сектанты твердили одно: – „мы – малеванные, отдайте нам отца нашего, нашу плоть и жизнь, мы с ним пойдём в иную землю и там оснуем своё царство”. Однако, при участии местных миссионеров, удалось опознать Ивана Лысенко и нескольких других его спутников, а затем сознались и все прочие, которые и были водворены на родину.

Для характеристики воззрений Лысенки и вообще последователей Малеванного, приведём беседу Л., которую он вёл в участке с миссионерами, в присутствии должностных лиц из местной администрации и чинов полиции. Л-ко развивал свои доводы, что им, малеванным, нельзя жить без Малеванного,

который их должен вывести туда, где. много земли и жизнь лучше.

– А разве у вас мало земли, спросили Лысенка.

– У нас земли столько, что если баба сядет... то мужику уже негде пахать... отрезал главарь.

– Позвольте спросить ваше... – обращается Лысенко по-военному к группе почтенных слушателей своих, – зиму и холод кто создал? Ему отвечают, что Бог, конечно.

– А создал Бог для людей на это холодное время топливо, спрашивал Л-ко?

– Конечно, – создал для этого леса, уголь каменный, нефть и многое другое.

– Скажите вы теперь, есть ли правда на свете: я взял, чтобы отопиться гнилой сук из леса, а меня присудили на месяц в тюрьму?

– Да где и у кого ты взял, вот вопрос?

– Конечно, у того, кто больше всех заграбил.

– Послушай, Иван, вот ты в холодном пиджаке, а начались уже морозы, тебе на родину придётся, вероятно, водворяться по пешему хождению, скажи, пожалуйста, по своим убеждениям, мог бы ты снять с меня эту шубу и одеться, чтобы тебе было тепло, возразил Ивану некий статский советник.

Иван, окинув своими быстрыми чёрными глазами сопровосника, и тотчас ответил вопросом же.

– А вы господин знаете историю вашей шубы?

Статский советник был, по-видимому, озадачен таким изворотом речи сектанта и недоумевающе посмотрев на Ивана соображая, как вяжется логически ответный его вопрос с заданным ему первым вопросом. Раскрыв полу своей хорьковой шубы, чиновный собеседник начал было объяснять историю шубы, – говоря: был-жил хорёк его убили или поймали, шкурку содрали, выдубили...

– Нет, нет, вдруг каким-то нервным бунтарским тоном, заговорил Иван, – не так... Мой прадед работал вашему деду, тот его угнетал, как раба, кожу драл, а вам вышла шуба... Картина! Чиновные люди переглянулись, последователи Ивана, как голодные галчата, впились взглядом в своего отважного

атамана, который произнёс эту тираду, покрасневшись, сверкая глазами, как истый атаман – разбойник.

Тут же стояла, не спуская глаз с красавца Ивана, с месячным ребёнком на руках, – красивая, стройная молодая женщина.

– Ты чья жена, спросили молодницу? – Была вот его, – Демида Р-ка, а теперь Иванова (Лысенки). Рыженький плюгавый Демид подтверждает это. Оказалось, что Лысенко, проповедуя свободу любви, ввёл в жизнь секты новый обычай – мену жён и выбрал себе самую красивую бабу. – А ребёнок чей, спросили женщину? – Ребёнок ещё *подзаконный*, – убеждённо отвечала баба. Новая картина!..

Тут же с одной заматерелой девицей приключился нервно-истерический припадок. Ясно было, что её из этой толпы надо давно было изолировать в больницу, но она с сектантами водворена по домам; агитатор Лысенко, разоривший и измучивший этих несчастных людей, – тоже спокойно водворился в своём Вербове, откуда сейчас же удрал для новой агитации, которую продолжает и до сего дня. Демид позже сошёл с ума и отправлен в больницу.

Весной настоящего года каким-то приезжим архипресвитером близ Киева совершено перекрещивание чуть ли не целой сотни штундистов, крестили всякого, кто хотел, не разбирая, как бывало прежде, кто совершен или не совершен, в штундовом смысле. Перекрещивание эта нужно было, как доказательство принадлежности к баптизму в мировых судах. Можно ли говорить после этого о каких-либо религиозных мотивах в деятельности вожаков этой секты!

Вот уже второй год, как в числе главарей Киевогородской штунды находится личность интеллигентная, кажется, из неудавшихся технологов, бывший политический поднадзорный эмигрант, затем последователь армии спасения, а ныне за штундо-баптиста себя выдаёт. Состоя в одной типографии корректором, этот сектант интеллигент произвёл религиозное брожение среди рабочих, среди которых оказалось несколько совращённых. Выгнанный отсюда, Р-н поступил в сотрудники одной из Киевских газет и ведёт защиту штундовых дел в

мировых судах, но недавно сам попался на собрании и присуждён к штрафу, как штундо-баптист и коновод. Спрашивается, что может быть общего у этого интеллигента с наружной сектантской толпой? разве одна только агитация и социалистические пункты учения? Не для церкви вредны и опасны Л-ки и Р-ны, а для государственного строя и: общественного порядка и не унять их одним словом религиозного убеждения. Не о религии они хлопочут... В летние месяцы объехала штундовые малеванские общины Сквирского и Васильковского и, кажется, Каневского уездов одна барыня, которую сектанты возвели в сан „великой княгини“. Барыня эта объявляла о своих наездах в то или в другое село через подручных сектантов, в доверие которых умела войти, и сектанты валили толпой из разных сёл в назначенное селение, где и устроилось богомоление, обыкновенно, в ночное время. Сидя в переднем углу, мнимая великая княгиня заносила свои наблюдения в записную книжечку, детей оделяла деньгами, – взрослым, будто бы говорила, что она очень богата и всесильна. Сектанты прислушивались ко всякому слову своей гостью и, конечно, перетолковывали её речи на свой лад. Особенно носились они с каким-то разговором барыни о *какой-то братской войне*. Напуганные китайскими событиями, ратники

ополчения очень близко приняли к сердцу слова сектантской „великой княгини“ об этой братской войне, и за разъяснением обращались к кому могли, боясь, чтобы и их не забрали, если ещё ожидается война другая. В с. Мало-Половецком удалось барыне устроить собрание очень многолюдное и шумное, так что разгонять „штундеров“ явился сам пан волостной старшина. Последний ничтоже сумняся распорядился с прочими чужестранными отправить и барыню в волость в кутузку. На негласное предостережение сектантов и нащёптывание десятников, что-де эта „самая великая княгиня“, а потому её трогать опасно, упрямый старшина отвечал, „зачем сюда зайдёт княгиня, – а волосы где? – стриженная! Разве такие бывают настоящие княгини? это такая же штунда шляющаяся, как наша, только в платье нарядимшись“. Барыня, видя что старшина не шутит и способен упрятать её в кутузку, защищаясь „от ужасов

грубой силы”, – о чём, вероятно, мы скоро будем читать в каком-либо либеральном журнале, пустила в ход. какую-то бумагу, с разрешением от высшего начальства посещать ей штундистов с *научной целью*. Но старшина и здесь усумнился, – велел грамотой хорошенько „раздивиться”, – есть ли печать. Оказалось печать на лицо. Тогда старшина задумался: „як же воно так: всеми начальствами и законом воспрещены собрания шгундовые, а вот цей разрешено, тут щось не добре”... Однако упрямый старшина барыню отпустил по добру по здорову, а чужестранных сектантов около 60 душ за бесписьменность отослал в стан. Исследовательница оказалась сотрудницей одной либеральной московской газеты. Г-жа литераторша, конечно, очень оскорбилась на негалантное отношение к ней сельской полиции и тотчас поскакала к исправнику с жалобой. Там ей объяснили, что сердиться не за что: старшина исполнял, как умел, свой долг, не допуская воспрещённого собрания, которое устроить она, во всяком случае, не имела права. Задержанные сектанты подали сейчас же г. губернатору жалобу на полицию. Прощение написано, говорят, хлётско, фельетонно... Но на этом приключения „научной исследовательницы” сектантства ещё не окончились. После её экспериментов во всех сёлах произошли отпадения от православия в штунду из числа посетителей этих собраний. Так в Мало-Паловецком совратилось до 6 семейств и вот полицией возбуждено дело против исследовательницы за совращение.

Искренно сожалеем о собрате по перу, наказанном такими неприятными во всяком случае приключениями за свою чисто женскую хитрость. От кого эта исследовательница скрывалась, посещая штундистские собрания по ночам, тайно от духовного ведомства и кого она хотела перехитрить? хохлов штундистов или священников и миссионеров, отзываю которых о сектантах она разве не доверяет? Но зачем же мистифицировать было тёмную массу и своими исследованиями вносить новую смуту в умы простого народа? Деятели миссии и духовная литература рады всякому новому лучу, который бывает пролит в эту тёмную область и совсем не зачем было огород городить, и прибегать к бабским хитростям; ведь ездил – же профессор Сикорский по

тем же самым пунктам и устраивал собрания, но никого не совратил. Во всяком случае даже по кодексу либеральных газет сектантство, как движение религиозное, принадлежит прежде всего ведению духовного ведомства, а потому, казалось бы, производить эксперименты над штундистами, без сношения с епархиальным начальством, кому бы то ни было – не в порядке вещей.

В настоящую осень Киевские городские штундисты ждут к себе известного распространителя сектантства из молокан Ф. Б-на, который считается у сектантов как бы епископом.

Таково в общих чертах нынешнее положение дел с сектантским вопросом!

Оно не радостно! „И вот в этой своей трудной болезни, – скажем сковами той же речи Еп. Сергия, – церковь Киевская встречает в лице нового владыки митрополита Феогноста, „врача предобра“ – ибо на одном из прежних мест Твоего служения Ты так овладел этим (т.е. миссионерским) делом, – говорил преосвященный оратор – что оно сделалось в Твоих руках образцом подобных мероприятий в других епархиях, и в частности для нас в нашей предшествующей деятельности, – мы имеем в виду знаменитое Тобой взлелеянное Владимирское Александро-Невское Братство”.

Верно сие слово и всякого приятия достойно! Действительно, предшествующая деятельность высокопреосвященного Феогноста на пользу миссионерства, настолько доблестна и знаменита, что дух деятелей миссии вообще и Киевской в частности может ныне окрыляться светлыми упованиями на лучшее будущее. Владыка Феогност во всех местах своего архипастырского служения особым попечением окружал дела миссии, которую искренно любит и лелеет, как дорогое детище. Имя высокопреосвященного Феогноста, на скрижалях истории миссии, будет начертано золотыми буквами, как архиерея – миссионера. Как член Св. Синода, владыка Феогност всегда неизменно принимает самое живое участие в предварительном рассмотрении дел, относящихся к миссионерству. В 1893 г. он состоял членом комиссии по рассмотрению постановлений 2 всероссийского

Московского съезда, в прошлом году он же рассматривал деяния 8 всероссийского миссионерского съезда в Казани и делал доклад о сём Св. Синоду. Таким образом, новому митрополиту близко ведомы труды и болезни, подвизающихся на миссионерском поприще. Во всех епархиях, преемственно вверявшихся его управлению, высокопреосвященный Феогност выдвигал дело миссии на подобающее этому высокому и важному служению первенствующее место, давал должную организацию этому учреждению и поднимал его успехи. Особенно замечательная организация миссионерскому делу, по своей стройности, выдержанности и плодотворности, дана была владыкой во Владимирской епархии, учреждением Александро-Невского братства.

Поставив основной задачей деятельности нового братства – духовно-нравственное просвещение народа, высокопреосвященный учредитель и руководитель братства постепенно расширял круг его деятельности, открывая новые пути и изыскивая разные в высшей степени жизненные средства для вящего духовно-просветительного воздействия на пасомых. Начав свою деятельность скромно, без всяких средств, организацией только публичных религиозно-нравственных чтений и вне-богослужебных собеседований в разных местах епархии, братство быстро возросло во всех отношениях, так что скоро сделалось знаменитым, снискало себе Монаршее благоволение и почтенную известность во всей России. В течении первого же десятилетия в круг попечения и деятельности братства входили: до 500 церковноприходских школ, две школы иконописи, училище церковного пения с двухлетним обучением, годичные курсы церковного пения, чтения и устава, школа пчеловодства, братская библиотека, имеющая до 30 тысяч томов, церковно-историческое древлехранилище, церковно-приходские и противораскольнические библиотеки, до 30 отделений для противодействия расколу и при них до 10 миссионеров, публичные религиозно-нравственные и апологетические чтения и вне-богослужебные собеседования, центральный иконо-книжный склад с годовым оборотом до 10 тысяч рублей и 130 отделений его в разных местах епархии.

Все эти братские учреждения, по мудрой мысли высокопреосвященного учредителя поставлены в самое живое соотношение с задами внутренней миссии церкви, являясь её служебными орудиями. Одни из этих учреждений призваны утверждать верных чад церкви, начиная с молодого поколения, в основных истинах православия и любви к церкви и благолепию служения (сюда нужно отнести – церковные школы, училище и курсы пения и устава, школа живописи и склад икон, церковные и приходские библиотеки – вне-богослужебные беседы), – другие направлены к ослаблению довольно сильного раскола и сектантства в епархии¹³⁹ (сюда нужно отнести апологетические духовно-нравственные чтения, миссионерские библиотеки, церковно-историческое древнехранилище, служащее для наглядного обличения староверов – и, наконец, миссионерские отделения с институтом братских миссионеров и др.).

Главной причиной преуспевания Владимирского братства, благоплодности всех его учреждений служила энергия архипастыря, основательное знание и чуткое понимание им духовных нужд народа, а также и скорая отзывчивость на запросы времени, а вместе с тем и близость к народу деятелей братства, призванных высокопреосвященным на просветительное и миссионерское дело. Братство не осталось только губернским духовно-бюрократическим учреждением, оно привлекло в число своих деятелей приходское сельское духовенство и подняло, и сплотило лучшие приходские силы, в лице ревнителей православия, в работе на пользу церкви и народа.

Руководя просветительной деятельностью членов братства, архипастырь чутко следил за тем, чтобы известная мера, направленная на пользу духовного просвещения народного и ослабления раскола, достигала своей цели и употреблял все усилия к наилучшему осуществлению своих благих предначертаний, оказывая наипаче сельским членам-деятелям и благоволение, и благовременную помощь, и устраняя, по возможности, все препятствия и недоразумения.

Приняв под своё покровительство вне-богослужебные собеседования священников с прихожанами, Братство

поставило задачей своей поощрять священников к учреждению церковных и церковно-приходских библиотек, помогая им приобретением книг, в особенности нужных для бесед с раскольниками. Вместе с тем миссионерской деятельности духовенства против раскола дана была правильная и прочная организация – *посредством учреждения отделений Братства во всех тех благочиннических округах, в пределах которых живут раскольники*. Отделения тем особенно оказались полезны, что через них священники привлекались к общим и дружным усилиям действовать против раскола в известной местности. По уставу неперменной принадлежностью отделений, являются собрания членов их и совет нескольких избранных лиц. Уже то одно должно было послужить вспомоществованием делу борьбы с расколом, что миссия теперь сделалась предметом забот целого общества священников. До того времени каждый священник действовал против раскола, как ему одному представлялось лучшим, и действовал в пределах одного своего только прихода, не заботясь о других селениях, смежных с его приходом, – действовал, когда ему было досужно, без всякого контроля, без всякой посторонней помощи; но с учреждением отделений Братства эти недостатки уничтожились сами собой. Согласно правилам, учреждены были для рассуждения о делах раскола *собрания священников всего благочиннического округа*, в роде киевских уездных миссионерских съездов. На этих собраниях между священниками происходит обмен сведений как о раскольнических мнениях, существующих в их приходах, так и о тех лицах, которые преимущественно пропагандируют эти мнения. На основании этих сведений, обществом священников и ревнителей православия обсуждаются способы действия против раскольников, вырабатываются программы бесед с ними, как частных для каждого священника в его приходе, так и публичных в известных пунктах, при участии нескольких священников и православных мирян-начётчиков, которых Братство ввело в число членов отделений, из лиц близко знакомых с расколом и способных обличать его. Братство же приняло на себя заботу о вознаграждении трудов их. Эти

начётчики по большей части сами некогда принадлежали к расколу и даже были вожаками известного толка его, а потом, убедившись в неправоте раскольнических мнений, сделались ревностными поборниками православия. Открыты были собеседования при семинарии, кроме того ученики старших классов, совершали экскурсии в рождественские и другие каникулы по сёлам, для собеседований с раскольниками, под руководством своего наставника.

В Новгородской епархии владыка учредил миссионер. монастырь, на месте возобновлённой древней обители св. Климента Римского. Во главе этого монастыря поставлен им известный миссионер о. Арсений, около которого собралось миссионерское учёное и не учёное, но одушевлённое ревностью об успехе миссии содружество; при монастыре предположено учреждение миссионерского училища.

Да поможет же Господь столь благопопечительному о духовных нуждах своей паствы архипастырю и в, новом месте его святительского служения, – во св. граде Киеве всё недоконченное в деле миссии совершить, а оскудевающее восполнить, споборая своей голубиной кротостью и илииной ревностью. о славе церкви Божией, её гордых врагов и теплохладных супостатов!

2 мая в г. Бердянске выездной сессией Таганрогского окружного суда разбиралось дело крестьян села Петропавловки, Бердянского у., Г. и Е. Е-вых и Т.. привлечённых к суду по обвинению в распространении штундо-баптистского лжеучения. Крестьянин Г. Е-ко обвинялся по 1 ч. 197 ст. ул. о нак, за соращение в штундо-баптистскую секту Анастасии Ермоленко; крестьяне Е. Е-ко и Т-ий обвинялись по 3 ч. 199 ст. за проповедание лжеучения, с уговором и привлечением православных вступить в секту, хотя и не сопровождавшееся фактическими последствиями, в виде соращений от православной веры в секту. Экспертом по сему делу вызван был преподаватель таврической семинарии А. Высотский. Дело разбиралось с участием присяжных заседателей при закрытых дверях. Суд признал всех трёх подсудимых виновными в тех преступных деяниях, которые им приписывались и приговорил:

крестьянина Г-на Е-ко к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в закавказский край, крестьян Е-ния Е-ко и Тягния – к заключению в тюрьме на 4 месяца.

В Киевской губернии в вакационные летние месяцы состоялись, под руководством командированного г. обер-прокурором Св. Синода своего чиновника особых поручений В. М. Скворцова – уездные миссионерские съезды в гг. Сквире, Василькове, Умани. Последний съезд – состоялся 18 августа, причём члены приветствовали нового архипастыря телеграммой следующего содержания

„Уманский миссионерский съезд духовенства, первый в новое Ваше Святительское служение Киевской церкви, считает своим священным долгом повергнуть сыновние чувства беспредельной радости и светлых упований к стопам Вашего Высокопреосвященства, нашего благоднейшего Архипастыря, стяжавшего себе доблестное имя благоустроителя миссионерского дела. Вознесши тёплые молитвы о здравии Вашего Высокопреосвященства, трудящиеся в борьбе с сектантством пастыри-миссионеры благоговейно испрашивают Вашего Святительского благословения на успех своего миссионерского делания”.

Владыка милостиво ответил съезду следующей телеграммой:

„Призываю благословение Божие на труды миссионерского съезда, желаю успехов оному и благодарю за приветствие Митрополит Феогност”.

Отчёт о главнейших постановлениях и наиболее интересных суждениях сообщим в следующих книжках Мис. Обзор.

Э. Я.

Я. О. Современный раскол. С. 302–304

Из жизни раскола. Неисполнение по уездам правительственных относительно расколо-сектантства распоряжений. – Новозыбковский исправник. – как радатель о православии; его заботы и проект об учреждении, „общества ревнителей православия”.

В „Миссион. Обзор.” неоднократно указывалось на то, что не только правительственные распоряжения, но и государственные законы, определяющие права и положения в государстве нашего расколо-сектантства, остаются почти всюду без приложения в жизни и служат не к ограничению произвола и часто дерзостей раскольников и сектантов, а к укоризнам на Православную Церковь, будто бы вызывающую разные стеснения для них.

Причина сего печального обстоятельства кроется не в миссии или в миссионерах: их область – чисто духовного воздействия на заблуждающихся, – а в тех, кому проведение и исполнение этих распоряжений по уголкам России ведать надлежит. Миссия за долголетнее своё существование. кажется, не может указать примера, когда бы уездная власть последовательно и убеждённо помогала делу миссии своим надзором за жизнью и деятельностью расколо-сектантства. Поэтому, с каким отрадным чувством мы в хронике „Миссион. Обзор.” берёмся отметить противоположный всему прежнему факт деятельной помощи со стороны уездной власти делу миссии. Тем более приятно сделать это, что отмечаемый факт имеет место в центре раскола, приобретшего там себе силу, мощь и значение особенно в последнее 25-летие управления уездом известного по судебному делу с Н. Ив. Субботиным исправника Фальковского, – в Новозыбковском уезде.

В конце прошлого 1899 г. исправником в г. Новозыбков на место Фальковского был назначен г. Голяховский. Этот по назначении первым делом обратился к местному Черниговскому преосвященному Антонию за советом, как и чем он может быть полезным делу миссии в Новозыбковском уезде. Получив от Преосвященного указания, г. Голяховский принялся на месте знакомиться с расколом. С этого дела он стал лично

посещать публичные беседы, внимательно следить за ходом прений на них, входить в близкие сношения с местными ревнителями православия и т. п. Увидав при знакомстве сильное поправление раскольниками законов и правительственных постановлений, г. Голяховский предписал подведомым ему чинам полиции строго наблюдать за главарями раскола и предотвращать всякое публичное оказательство ими раскола. Результатом этого было, между прочим, прекращение в г. Новозыбковке и в его уезде – соборных лже-архиерейских служений, публичного на улицах города и посадов пения и служения заупокойных литий при несении тела умершего, ношения раскольническими духовными особами открыто священнического одеяния и длинных волос и т. под. (подробнее об этом читатели прочтут в следующей книжке журнала). В январе 1900 года г. Голяховский предаёт уголовной ответственности известных расколо-пропагандистов братьев Мельниковых за их, известное читателям, кощунственное оказательство раскола за всенощным служением в единоверческом храме 25 декабря 1899 г., за что Мельниковы осуждены к арестному заключению на один месяц. В прошлом мае уголовной ответственности был предан сам лже-поп Ефим Мельников за присвоение себе не принадлежащего ему звания и т. под. Далее обратил внимание Голяховский и на то, куда совершенно пока ещё не проникало начальническое око, и куда необходимо и давно бы ему следовало проникнуть. Он именно усмотрел в составляемых посадскими управами раскольнических призывных посемейных списках немалые отступления и нарушения закона. По этим спискам незаконнорожденные и не приписные раскольники пользовались не принадлежащими им льготами по отбыванию воинской повинности. Так, напр., братья Василий и Феодор Мельниковы родившиеся через год один после другого в списках посемейных записаны как родившиеся через пять лет и т. под.

Много и других мероприятий к ослаблению раскола Новозыбковского предпринято г. Голяховским. Но одно из самых важных следующее. Ознакомившись с делом миссии Новозыбковской, он убедился, что на помощь ей к просвещению

и ослаблению раскола и к защите от него православного и единоверческого населения должны быть привлечены и силы местных ревнителей православия, для чего необходимо требуется учреждение в г. Новозыбкове общества ревнителей православия. Это последняя мысль г. Голяховского с душевной радостью была встречена всеми ревнителями православия из жителей Новозыбкова и его уезда, из коих одни выражали свою готовность служить миссии словом и делом, другие – денежными средствами и т. под. Тогда г. Голяховский составляет обстоятельную докладную записку г. Черниговскому Губернатору. В ней, коснувшись печального положения миссии и православных, живущих среди раскольников, представляет и сам проект предполагаемого общества. В то же время г. Голяховский в особом рапорте просит г. Начальника губернии разрешить ему и почётнейшим учредителям общества составить устав общества. Результаты ходатайства пока ещё неизвестны. Докладная же записка, доставленная нам настолько интересна и важна, что мы приведём её полностью и без изменений в одной из следующих книг Мис. Обозр.

Я. О.

**Библиография // Миссионерское обозрение. 1900 г.
№ 7–12. С. 304–314**

Четвериков С., свящ. [Рец. на:]: VIII. «К лучшему будущему» Н. Н. Неплюева. Гл. VIII. Логика любви и логика злобы. «Книжки Недели» сент. 1899 г. С. 304–310

8-я глава статьи Н. Н. Н. снова посвящена характеристике современного человечества. Много в ней высказано правды, но вместе с тем она страдает и той односторонностью, о которой мы уже говорили, и благодаря которой автор совершенно не замечает в жизни ничего доброго и даже как бы не замечает светлого существования в мире Христовой Церкви.

Немало горькой правды заключается в следующих словах автора: „Все общественные отношения являют грустную картину крайней неустойчивости любви. Из-за самых малых причин готовы отвернуться друг от друга. Совсем не умеют ценить любовь, не дорожат ею, ежеминутно готовы променять её на иные ценности ярмарки жизни. Везде торжествует логика злобы. Люди не ищут точек соприкосновения для единения в братолюбии. Они тщательно ищут, за что осудить, чем извинить своё равнодушие, свою злобу, свою принципиальную разобщённость. Эти причины они легко находят и в логике злобы преуспевают настолько, что единение, союзы понимают только на основах злобы и корысти”.

При таком настроении общества особенно печально положение молодёжи. „На каждом шагу она видит, что любовь поругана, осмеяна, опошлена, считается чем-то неприличным, греховным, утопичным, что злоба и корысть возвеличены, окружаются ореолом, признаются доблестью и трезвой практичностью. Как устоять при таких обстоятельствах на пути любви”? И вот „громадное большинство с малых лет начинает закаляться в привычках равнодушия и злобы, привыкает стыдиться любви, прятать её глубоко в сердце, чтобы не осмеяли, не „надругались”, мало-по-малу тушит её. Пока человек учится, готовится к жизни, считается приличным, нимало не согласуя с любовью своих отношений к нему, нимало не согласуя с любовью систему воспитания... знакомить его с

отвлечённой теорией любви. Это поддерживает некоторый довольно легковесный идеализм учащейся молодёжи, пока она не соприкасается с трезвой практикой „действительной жизни”. На этот идеализм смотрят одни с угрюмым недоброжелательством, другие с презрительной снисходительностью, как на „опасные” или „наивные” увлечения ранней молодости, уверенные, что жизнь „отрезвит” и вышколит.

Вообразите себе положение этого несчастного юноши, ещё не понимающего, что к идеалам не надо относиться „слишком серьёзно”, что по понятиям „трезвых практиков жизни” они должны быть украшением, цветом жизни, никогда не становясь её основой.

Внутренний разлад между идеалами и собственными духовными привычками делает их „людьми больной совести”; вопиющий разлад между идеалами и рутиной жизни, при совершенном непонимании добрых путей к переходу от того, что есть, к тому, что должно быть, доводит их до отчаяния, до самых безумных попыток лбом проломить стену вековой рутины, замыкающей в железные тиски и ум, и сердце”.

Чтобы спасти общество -и особенно молодёжь от столь ужасного нравственного состояния, необходимо, по мнению автора, показать, что любовь – не пустое украшение жизни, но самая её основа, необходимо приступить к организации жизни и взаимных человеческих отношений на основе живой любви. А для этого необходимо всем представителям живой любви прежде всего объединиться между собою. „Поймём, что в единении сила, что представители живой любви обязаны показать человечеству пример единения в братолюбии, громко сказать свою веру в силу любви, выработать и громко сказать определённую программу организации добра в жизни путями, достойными любви, чуждыми насилия и потому ни для кого не опасными. Это долг совести и любви... Громкое исповедание значения и силы любви, громкое провозглашение определённой программы стройной организации жизни на началах братолюбия будет якорем спасения для многих искренних и честных идеалистов, предохранит их от отчаяния и духовного самоубийства-капитуляции перед злом, даст им разумное

основание не падать духом ни под бременем больной совести, ни под жестокими ударами ожесточённой борьбы за существование окружающей жизни”.

* * *

Всё, что высказано здесь автором о настроении и состоянии учащейся молодёжи, особенно справедливо. Скажем более, он слишком слабо коснулся юношеского идеализма молодёжи, который, на самом деле, очень пылок и влечёт молодёжь к самым самоотверженным поступкам. Тем более печальным становится последующее охлаждение молодых людей со вступлением их в практическую жизнь. И нельзя сказать, чтобы это охлаждение было сознательной изменой мечтам и порывам ранней юности. Нет, оно происходит постепенно, незаметно, подобно тому, как ослабевает туго натянутая струна, издававшая сначала чистый и сильный звук, а потом начинающая дребезжать.

Человек чувствует, как под впечатлениями жизни, под монотонным гнётом скучной однообразной действительности стынет, замирает и отходит от сердца его прежний горячий идеализм, сердце его грубеет и он усваивает такие понятия, втягивается в такое прохождение времени, которые грубы неинтересны, и бесплодны, и о которых он прежде думал лишь с насмешкой и негодованием. С болью душевной сознаёт он в иные горькие минуты, что он меняется, что всё лучшее и дорогое его жизни осталось позади и не может он вернуть его и ему остаётся только восклицать вместе с Гоголем: о, моя юность! О, моя свежесть!

Как бороться с этим печальным фактом? Это вопрос, важный и для самой молодёжи, которой дорого сохранить свой юношеский идеализм на всю жизнь и не изменить своим юношеским мечтам, важный для всего общества, важный, наконец, для всех, кому дороги судьба молодёжи, русского общества и народа!

Молодёжь, сознавая нередко, что ожидает её в действительной жизни, ещё в университете принимает меры для ограждения себя от измены в будущем своим юношеским идеалам, заключает между собой союзы, даёт обеты не терять

друг друга из вида, взаимно поддерживать друг друга в жизни... Но увы! Приходит жизнь и обеты остаются невыполненными!

Н. Н. Неплюев с своей стороны предлагает средство к сохранению в молодёжи прочного идеального настроения. Он говорит, что нужно воспитывать молодёжь в духе истинной любви, показать ей, что любовь должна быть *основой* жизни, а не *украшением* её, показать прежде всего живым примером единения всех представителей живой любви.

Это было бы прекрасно, если бы автор мог подкрепить свою мысль какими-нибудь фактами, опытом истории! В сущности, ведь он говорит только то, что говорит и сама молодёжь! И она принимает *твёрдые решения* не изменять идеалу, но приходит жизнь, и измена является сама собой. Кто же может поручиться, что и предлагаемое автором переустройство жизни и отношений на основе живой любви же. окажется в конце концов таким же бесплодным благородным порывом, как и обеты молодёжи! Где примеры, на которые он может сослаться, которыми он может подкрепить свою мысль, которые поручатся за осуществимость его мысли? Таких примеров он не указывает! Он ещё только предлагает „выработать” определённую программу организации добра в жизни.

* * *

Посмотрим, однако, не укажет ли нам история человечества примеров неизменной верности идеалу, таких примеров, которыми могло бы и должно было бы воодушевляться и современное общество?

Такие примеры есть. Они находятся в христианской православной Церкви.

Чтобы их увидеть, надо только припомнить историю христианской Церкви, прочитать жизнь св. мучеников и мучениц, жизнь и творения св. Климента Римского, Игнатия Богоносца, Поликарпа Смирнского, Иустина Философа, или Василия Великого, Иоанна Златоуста, Афанасия Александрийского; прочитать историю русской церкви, познакомиться с настроением и жизнью Антония и Феодосия Печерских, Сергия Радонежского, Стефана Пермского или Тихона Задонского и других.

Нам откроется тогда мир церковно-народной жизни, полный такого высокого и неизменного идеализма, какого мы нигде в другом месте не найдём. – Здесь идеализм – несомненный, засвидетельствованный 2000-летней историей!

Каковы же основания и в чём сущность этого идеализма? Основанием церковно-народного идеализма является сердечная вера в Бога и в нравственный смысл жизни, вера в Сына Божия, Искупителя человеческого рода, явившего на земле образ и славу Небесного Отца и давшего нам св. Евангелие, вера в Церковь Христову, как средоточие нравственно-непорочной, благодатно-Божественной жизни на земле. Сущность этого идеализма заключается в любви к небесному Отечеству, в совершенном возненавидении греха и зла и прежде всего в самом себе, в самых внутренних движениях собственного сердца, и насаждение в душе своей добрых помышлений, добрых желаний, чистых и святых чувств. Царство Божие внутри нас находится! И потому-то, и должно в себе самих истреблять всё мрачное, всё греховное, и укреплять всё доброе, чтобы душа наша была достойным храмом Божиим и жилищем Св. Духа. Несомненная истина: чем- больше человек работает и трудится над очищением и просветлением своего внутреннего „я”, тем вся его общественная деятельность чище, бескорыстнее, плодотворнее, идеальнее. Наша деятельность всегда освещается тем светом, который находится внутри нас.

Средства, которыми церковно-народные идеалисты (если можно так выразиться) достигают внутреннего совершенства духа – состоят в постоянном внимании к себе, в самоосуждении (без уныния), в настойчивом стремлении всегда оставаться верным добру, в сердечной молитве, в очищении и освящении себя таинствами церкви – покаянием и причащением, в общении с людьми, духовно-настроенными, внутренне-просветлёнными и умиротворёнными и в чтении соответствующих книг.

Усвоение церковно-народного идеального настроения – дело не лёгкое. Вспомним только, как трудились над собой, с каким самоотвержением, с какими слезами, с каким терпением преп. Сергей Радон. или старец Серафим Саровский, и мы поймём, как создается внутри нас истинно-идеальное настроение души,

не то, которого с грехом пополам хватает лишь на годы студенчества, а то, которое ложится в основание всей жизни, на всю жизнь согревает и освещает душу.

* * *

Итак, вместо того, чтобы ещё „вырабатывать” определённую программу организации добра в жизни, как предлагает Н. Н. Н., при полной неизвестности, что из этой попытки в конце концов получится, не лучше ли и русскому обществу, и русской молодёжи пользоваться тем, что предлагает им родной народ, родная история, родная Церковь? Источник истинного идеализма не за горами, и не за морями. Если мы не имеем его, то потому, что мы оторвались от церковно-народной почвы и от родных преданий и примеров. Нам нужно только понять, что и мы найдём неисчерпаемый источник идеального одушевления. Тогда прекратится печальная рознь между интеллигенцией и народом, вредная для обеих сторон, и они польются в одних чувствах, в одном взгляде на жизнь, да её смысл и цели. – Прежде чем учить народ, интеллигенция должна сама научиться у народа, позаимствовать себе от его опыта, от его идеалов. Ничего в этом унижительного для неё, конечно, нет и она явится тогда истинной отраслью родного народа.

Почва для слияния интеллигенции с народом уже давно готовится. Сознательно или бессознательно к тому стремилась и сама интеллигенция. С начала XIX столетия наша художественная литература стремится сделаться народной, отобразить в себе дух русской народности.

Высшей похвалой писателю становится выражение: „он истинно-народный писатель”. Пушкин, Гоголь, Лермонтов. Кольцов, Тургенев, Достоевский, гр. Л. Н. Толстой, Островский, Печерский – своими произведениями проясняли народное самосознание нашей интеллигенции. Тому же чрезвычайно содействовали славянофилы – Киреевские, Аксаковы. Хомяков, почерпавшие свои идеалы из церковно-народного источника. Нельзя пройти молчанием и наших писателей-народников 60-х–70-х годов, Гл. Ив. Успенского, Левитова и др. Все эти имена дороги и близки русскому образованному обществу и, несомненно, будут дороги и близки всему русскому народу, когда

он поймёт, что все они сознательно или бессознательно содействовали сближению и объединению всех слоёв русского общества в одном народно-церковном, национально-историческом самосознании.

Даже последняя столь печальная деятельность Л. Н. Толстого, направленная к разрушению народно-церковных идеалов, и та принесла свою долю пользы в совершенно противоположном направлении. Л. Н. Толстой начал эту деятельность с изучения и проповеди Евангелия, хотя и грубо кощунственно им искажённого. Идеи знаменитого писателя обратили на себя внимание всей образованной России. По примеру Л. Н. Толстого Евангелием заинтересовались люди, которые сами по себе никогда бы и в руки не взяли этой св. книги. Везде слышались разговоры о Евангелии, о смысле жизни; не было человека, который вкривь и вкось не толковал бы об этих предметах, не старался бы выкроить Евангелие по мерке своих собственных понятий. Появилась масса людей, не разлучавшихся с драгоценной книгой, усвоивших себе особый разговорный язык – полу-евангельский, полу-толстовский, особый костюм, особое выражение лица, отрастивших себе волосы на голове и на бороде, питавшихся особой нищей. В печати появились новые рассказы и повести – полуцерковного, полу-сектантского содержания, вышедшие из под пера самого Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, В. М. Гаршина и других, менее талантливых их подражателей. Стремление ж опрощению, к самоограничению, не знавшему иногда пределов, к личному физическому труду вызвало к жизни „толстовские колонии“, на которые дивился народ, возникло новое „хождение в народ“ с именем Христа на устах, с недоверием и враждой к Церкви и „попам“.

Многие из этих последователей Л. Н. Толстого так и остались со своими особенными понятиями о Евангельском учении, со своей враждой к Христовой Церкви, ушли за границу, но среди них нашлись и другие, избранные души, которых благодать Божия не допустила погрязнуть в мрачной бездне своеумия и для которых толстовство послужило лишь переходной ступенью к сознательному вступлению в ряды

членов Христовой Церкви. Помимо того, Л. Н. Толстой своими толкованиями Евангелия, своими нападениями на православие, приблизил внимание интеллигенции к этим первоосновам церковно-народного мировоззрения, вызвал оживлённую полемику и многих, несомненно, ещё более утвердил в православии.

Так и само зло послужило к добру.

„Многими скорбями подобает войти в Царство Божие” – говорит Апостол. Много скорби и горя причинило России Толстовское лжеучение, как и другие еретические учения, волновавшие нашу жизнь, но, несомненно, Россия переживёт и его и выйдет из этого нового испытания с ещё большей верой в чистоту и святость своего церковно-народного мировоззрения и идеала.

* * *

Итак, вполне сознавая то печальное состояние, в котором находится и наша молодёжь, и наше общество, слишком мало одушевлённые идеальным настроением, слишком неверные ему в своей жизни, где мы будем искать исцеления? В организации ли новой жизни на твёрдой основе любви, как рекомендует Н. Н. Н? Но чтобы иметь истинную и неоскудевающую любовь, надо иметь истинную, глубокую и сердечную веру, надо почерпать свою любовь из того источника, где она хранится во всей своей чистоте и святости, почерпать её из церковно-народной жизни, от Христовой Церкви.

Тогда только исчезнет из нашей общественной жизни, „логика злобы” и воцарится вместо неё „логика любви”.

Итак, спасение для нас заключается в церковно-народном мировоззрении, в церковно-народном идеале!

Свящ. С. Четвериков

Фридрих Ницше, его сочинения и мировоззрения. (По поводу смерти). С. 310–314

В Веймаре скончался на 56-м году известный писатель-мыслитель Фридрих Ницше, страдавший более одиннадцати лет душевным недугом. Ницше славянского происхождения. Его предок – шляхтич Нецкий в 1715 году должен был спастись бегством в Германию из-за участия в одном польском заговоре. Отец же его был пастором, покойный родился 1844 г. Рано лишившись отца, Ницше рос на попечении своей матери и сестры. Это в теории женоненавистник на практике всегда, с самого детства любил женское общество. Ницше уже 24-х лет был приглашён в базельский университет профессором. Тут в кругу его старших учёных коллег он впервые обнаружил оживлённую умственную деятельность. На своих лекциях по классической филологии, располагавших многочисленной аудиторией, он трактовал о греческой литературе, преимущественно о греческой трагедии, о начатках греческой философии и т. п. темах. Особенное почтение сближало его с Рихардом Вагнером, от которого он так решительно отвернулся несколько лет спустя.

По уверению сестры Ницше, в молодости он был оптимистом и очень весёлого характера, олицетворяя собой равновесие умственных и физических сил. Но вероятно недуги, доставшиеся ему в удел, изменили его настроение. Особенно серьёзные последствия для него имело его участие в франко-прусской войне 1870–1/2. Он был на войне санитаром и посвящал себя уходу за ранеными. При этом он заразился дифтеритом. После войны, переживши душевные потрясения, так как ужасы войны произвели на него сильное впечатление, философ стал чрезмерно работать умственно, чтобы наверстать пропущенное во время войны. Это-то умственное переутомление расстроило его здоровье: у него явились болезнь желудка и мучительная головная боль.

Тем не менее умственные силы его не только не ослабевали, но скорее возрастали в кругу единомышленников,

мечтавших тогда, с Ницше во главе, основать союз для распространения истинной гуманности и разослать вестовщиков её по всем странам. Душевные расстройства постигло его в конце 80 годов. Склонность к скептицизму и цинизму, проявлявшаяся у него и в прежние годы, теперь стала сказываться ещё резче и одностороннее. К всеразрушающему радикализму мало-по-малу присоединилась мания величия, которая рука об руку шла с уничтожением всяких авторитетов. О великих светочах человечества Ницше стал отзываться с презрением: Кант именовался философом с задворок, Сократ – шутком, Дарвин – посредственностью и т. п. При этом Ницше проявил изумительную литературную плодовитость.

И этот писатель, отрекавшийся от всех идеалов, которым поклонялся прежде, охотно именовавший себя антихристом и антиморалистом, объявлявший, подобно своему учителю Шопенгауэру, истребительную войну женскому полу, а также идеализму, потому что в нём таится женственность, этот радикальнейший циник, всё разрушавший, уничтожавший, лишь бы выдвинуть на место разрушенного весьма спорную гипотезу о *преимуществах немногих избранных или даже единственного «сверхчеловека»*, этот адски беспощадный критик всемирной истории и человеческой жизни, который о самом себе прехладнокровно говорил: «Я дал человечеству глубочайшую книгу – моего Заратустру», этот-то загадочный человек в личном обращении, как уверяют все его знавшие, был учтивейшей, сдержанной, целомудренной натурой, аристократичным в манерах, даже в одежде. И везде, где он бывал, он являлся центром интеллигентного общества, невольно поддававшегося обаянию очаровательной личности.

Идеи Ницше за последнее десятилетие приобретали всё более сторонников в том числе и среди русской интеллигенции. Что это именно так, доказывается большим числом изданий его сочинений и бесчисленным множеством книг, трактующих о нём и его философии, так что можно говорить о «школе Ницше».

Мировоззрение Ницше опирается на Шопенгауэра и Дарвина. Шопенгауэр доказывает в своей философии, что жизнь есть страдание, потому что каждое живое существо желает

проявить своё значение и таким образом воля отдельной личности противопоставляется воле других, и наоборот. Дарвин учит: Жизнь есть непрерывная борьба, в которой более способный постоянно берёт верх и затем уничтожает более слабые ступени существования. Эти оба воззрения как бы сплавляются Ницше, и он приходит к следующему заключению: Каждое существо домогается власти, ибо жизнь вообще есть желание власти, а не только, как утверждает Дарвин, желание существования. Если же более слабых с их желанием власти бывает преобладающее количество, и они размножаются, то их власть делается столь значительной, что более способные уничтожаются ими. Тогда как Дарвин того мнения, что человечество всё более прогрессирует вследствие победы более способных над слабейшими, – Ницше полагает, что могут наступить такие времена, когда плохие одержат победу над более способными. Стало быть, и в развитии человеческого рода может быть период господства низших, жалких и незначительных. И в таком именно периоде упадка, – говорить Ницше, – в таком периоде декадентства, физического и умственного, человечество пребывает в настоящее время. Чернь – в блузах или во фраках – захватит власть над более способными душевно, и чем больше растёт эта власть черни, тем более регрессирует человеческий род. Если же власть черни должна быть сломлена, если вообще человеческий род должен быть преисполнен новых упований, то требуется для этого подготовка нового поколения более сильных физически и умственно, которые стояли бы ещё выше наилучших из современников, требуется, словом, так-называемый «сверхчеловек». И на выработку этого сверхчеловека должно быть направлено стремление всех имеющихся в наличности самых способных. А это может быть достигнуто мудрым половым подбором, когда благородные, обладающие волей мужчины станут вступать в брак с умственно сильными, умными женщинами, на что, впрочем, указывал ещё Шопенгауэр. Сверхлюди, происходящие от таких браков, будут считать сострадание (которое Шопенгауэр, как известно, выставляет принципом нравственности) пороком. Они создадут для мира

совершенно новые нормальные ценности. Лозунг сверхчеловека: «всё дозвоительно». Вследствие этого сверхчеловек, создавая новые ценности, пролагает дорогу новому мировому порядку. Заставляя большинство людей повиноваться его воле, служить ему и заботиться о благополучии его, он сам освобождается от всякого труда и может тут вполне предаваться своему физическому и умственному развитию, чтобы настал новый блестящий период искусства и науки, когда судьбами человечества будет распоряжаться кучка способнейших сверхчеловеков.

Тут из ослепительного хаоса глубоких воззрений, смелых обобщений, догматических вещаний, страстных порывов, патетических восклицаний и ядовитых парадоксов, ритмических излияний и метких афоризмов каждый может выбирать, что ему покажется подтверждением его собственных воззрений и убеждений. В первую голову в числе поклонников Ницше следует, конечно, поставить шаткие умы, подчиняющиеся каждой силе, неспособные делать свои обобщения и в то же время ощущающие потребность о своём собственном существовании услышать мораль из уст какого-либо убеждённого учителя. Затем идут очарованные Ницше, как художником слова и поэтом, который пишет удивительно образным языком и резюмирует всё новейшее и современное в его наиболее ярких чертах. Далее к числу поклонников Ницше надо отнести неисправимых романтиков, а также эстетических анархистов всякого пошиба и всяких направлений, которые о ликующим восхищением готовы слушать учение о том, что не существует никаких нравственных фактов, что на науку надо смотреть под углом зрения художника, что ничего не истинно и всё дозвоительно. Тут всё оправдывается: всякое малодушие, всякое излишество, всякое уродство и безобразие вплоть до нероновских вожделений и барахтанья в грязи.

Главная причина душевного расстройства Ницше, по словам его сестры заключалась в обильном употреблении хлор-гидрата, как снотворного средства, которым он впервые начал пользоваться зимой 1882 г.

Из сочинений Ницше известны: о трагедии «Unzeitgemäßen Betrachtungen»; в 3-х изданиях «Menschliches Allzumenschliches», в 4-х, – «Morgenröhe», в 5-ти «Die fröhliche Wissenschaft», в 6-ти – «Also sprach Zarathustra», в 7-ми «Jenseits von Gut und Böse» и «Zur Genealogia der Moral» и в 8-ми – «Der Fall Wagner», «Götzen-Dämmerung / Nietzsche contra Wagner», Der Antichrists и стихотворения. Последние произведения, написанные до заболевания Ницше, найдены сестрой вполне подготовленными им к печати. Затем последует издание неоконченных сочинений его, отрывков и дополнений, подробной биографии его, составленной г-жой Ферстер. Особенною распространённостью в светском обществе пользуются сочинения Ницше: «Оправдание добра и зла».

Вообще литература о Ницше всё ещё разрастается. Его идея популяризуется всюду и в переводах на иностранные языки. Всё это доказывает необыкновенный интерес к этому писателю и потому мы считали нелишним вкратце познакомить читателей наших с воззрениями этого философа.

**Известия и заметки // Миссионерское обозрение.
1900 г. № 7–12. С. 314–316**

Количество замученных в Китае миссионеров и христиан-туземцев. С. 314

В Шанхае собираются все сведения касательно избиения миссионеров и туземных христиан. У католических миссионеров убито пять епископов, *двадцать восемь священников* и двадцать членов остального католического духовенства. У протестантов убито *девятью три*, из числа которых сорок женщин и двадцать пять детей. В июле месяце избили *от пятнадцати до двадцати тысяч* обращённых в христианство туземцев в северных провинциях. Женщин в особенности подвергали не поддающимся описанию варварствам. Во многих лагерях несчастные жертвы подвергались самым ужаснейшим мучениям в течение нескольких дней.

Ксёндз подобный Белякевичу. С. 314–315

Из Херсонской губернии сообщают: в начале текущего года у одного из земских начальников, Одесского уезда, разбиралось дело по иску крестьянина И. Г., предъявленному к р.-католическому священнику Я. З. за оскорбление действием дочери этого крестьянина Т. Оскорбление заключалось в следующем. При окончании службы 17 января в римско-католической церкви селения С., священник Я. З., в присутствии всех молившихся, подошёл к стоявшей на коленях и молившейся девице Т. и без всякой причины нанёс ей *несколько ударов кулаком по голове*, после чего она впала в беспамятство. Вызванный в заседание суда 1 апреля, обвиняемый З. заявил, что дело по жалобе на него Г., на основании 1017 ст. уголовного судопроизводства, подсудно духовному суду, а потому просил прекратить производство его. Но местный земский начальник, на основании 64 ст. уст. иностранных исповеданий: (т. XI св. зак.) и толкования к ней в циркулярном указе правительствующего сената по общему собранию от 16 февраля 1889 г. за № 28, нашёл ходатайство ксёндза З. нерезонным и приступил к разбору самого дела. Вызванные им свидетели показали справедливость обвинения, причём двое из них заявили, что случай с девицей Т. *не исключительный, и, что наказывать в церкви непокойных прихожан есть обычай, их бьют и иногда дерут за уши*. Сам обвиняемый заявил, что к поступку с Т. его *вынудило её дурное поведение*. Земский начальник, сообразив все обстоятельства дела, показание истца, потерпевшей, подсудимого и свидетелей, руководствуясь ст. 200 и 3 парагр. 160 ст. прав. производства судебных дел, на основании 35 и 135 ст. устава о наказаниях, приговорил священника З. *к пятинедельному аресту*, а в случае его примирения с истцом, на основании 35 ст. уст. о наказ., – к *четырёхнедельному аресту*.

Миссионерские новости. С. 315–316

Донской епархиальный миссионер, кандидат казанской академии, *А. И. Орлов*, вследствие расстроенного здоровья, – вынужден был оставить миссионерскую службу и прикомандирован к канцелярии г. обер-прокурора св. синода. На открывшуюся после него вакансию донского миссионера высокопреосвященным Афонасием архиепископом согласно прошению, определено екатеринбургский епархиальный миссионер кандидат Московской академии, *С. А. Романовский* – По слухам, Екатеринославский епархиальный миссионер, магистр Московской академии, *А. Я. Дородницын* оставляет миссионерскую службу, принимая монашество. Должность Екатеринбургского миссионера вакантна.

* * *

Вследствие постановления Омского епархиального съезда, изыскавшего сумму в 2,500 р. ежегодно на нужды миссии, преосвященнейшим Григорием открыты должности епархиального против-сектантского миссионера и его помощника. Обе должности замещены, причём на должность епархиального миссионера назначен священник о. Орлов.

Миссионерские курсы. В Олонецкой губернии, по благословению епископа Назария, с октября месяца, в г. Каргополе, при Спасском монастыре открываются миссионерские курсы для простецов-начётчиков из ревнителей православия.

По сведениям окружных миссионеров, на их призыв о поступлении на курсы откликнулось 37 человек разного возраста и положения. В том числе, два диакона, 4 учителя народных школ, 3 девицы крестьянки, прочие все крестьяне или мещане, из них один 70-летний старец. Курсы продолжатся 3–4 недели. Заведовать курсами будет епархиальный миссионер о. К. Плотников; на курсах будут сообщены главнейшие сведения о расколе вообще и о 5 толках беспоповщинских, существующих в Олонецкой епархии, а также приёмы обличения основных заблуждений раскола. Курсы эти представляются одной из почтенных и передовых попыток – привлечь в сотрудники

пастырям и миссионерам и подготовить способных для борьбы, с расколом, ревнителей православия.

Дай Бог, чтобы этот почин не оставался редким и исключительным.

* * *

Комиссии для разработки вопроса об учреждении Всероссийского миссионерского общества для борьбы с расколом и сектами, по распоряжению епархиальных начальств, как нам сообщают, учреждены в С.-Петербурге, – под председательством протоиерея Ф. Н. Орнатского, при участии местных миссионеров, гг. Чельцова и Булгакова; в Одессе, – под председательством ректора семинарии прот. М. Чемены и при участии епархиального миссионера М. А. Кальнева, в Тамбове, из трёх миссионеров местных, под председательством Семин. г. Чиннова.

С особой отрадой наш миссионерский орган будет отмечать почтенные заботы иерархов о скорейшем осуществлении мудрого предначертания св. синода об учреждении столь важного и многообещающего для дела борьбы с расколом и сектами учреждения, как всероссийское миссионерское общество. Нужно заметить, что в конце своей жизни мысль об учреждении подобного общества в Киеве лелеял в Бозе почивший М. Платон, видевший в этом учреждении оплот для всей внутренней миссии, не имеющей своего определённого распорядительного центра. Тогда же был составлен и проект устава этого общества, оставшийся без движения в архиве консистории.

Октябрь

**В. С. Справки и соображения по вопросу об
отобрании у раскольников и сектантов
неподлежащих обращению церковно-
богослужебных принадлежностей и религиозных
изданий // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12.
С. 221–234**

1) Настоящий вопрос со стороны юридической и практической имеет свою историю, с которой не только епархиальным начальствам, но и приходским пастырям и миссионерам приходится весьма нередко встречаться и считаться. Епархиальное начальство, по закону, является в этом деле судьёй, а миссионеры и пастыри сведущими людьми, или экспертами: к ним обращаются и чины полиции, и судебные органы власти для разрешения вопроса о том, что при обысках и осмотрах у раскольников и сектантов, в случаях законом предусмотренных, из найденных книг и вещей религиозного культа, подлежит изъятию из обращения и отобранию, а что не должно быть задерживаемо. По действующим правилам собственно на полиции лежит обязанность отбирать у сектантов и раскольников находимые у них при обысках иконы, вещи и издания, противные учению православной церкви и по другим причинам не подлежащие вообще обращению в народе. Но кто же не знает некомпетентности полицейских чиновников в определении того, соответствуют или не соответствуют те или другие книги и богослужебные принадлежности учению церкви и какие из изданий представляются вредными. В этом случае нередко чинами полиции и жандармскими агентами конфискуются в числе неподлежащих обращению находимые у раскольников или у заподозренных в неблагонадёжном религиозном образе мыслей всякие книги, – какие попадутся под руки, не исключая евангелия, жития святых, псалтири; при этом иногда вместе с важной для следственного производства перепиской оказываются приобщёнными, в качестве вещественных доказательств, пачки чистой бумаги с конвертами, – с сектантскими пропагаторскими статными таблицами

излюбленных текстов, фотографические карточки хозяев дома, и их детей, а тут же и воротнички и женская шляпа... И весь этот хлам, не имеющий ровно никакого значения для дела, переписывается, занумеровывается и посылается за сотни вёрст грузной посылкой в духовную консисторию, где лежит годы, дожидаясь разбора и специальной экспертизы.

Между тем указания приходского священника или миссионера, преподанные полиции на месте после обыска, могли бы облегчать труд полиции, упростить дело и устранить те часто справедливые нарекания и жалобы на неправильное и бесцельное задержание расколо-сектантских богослужебных вещей и книг, совсем безвредных. Необходимо заметить, что священнику или миссионеру присутствовать при самом обыске у раскольников и сектантов и являться в неблагоприятной роли как бы сыщиков, по миссионерским соображениям, следует избегать: разбор и оценку отобранного материала можно произвести, – (за исключением, разумеется, формального требования или вызова на место обыска, со стороны полиции или судебного следователя), – где-либо в присутственном месте (в волости, в расправе¹⁴⁰ или в школе) или в частном доме, но в присутствии владельцев отобранных вещей и понятых, о чём должен быть составлен формальный акт.

Далеко не сведущи в сектоведении и в данном вопросе об отобрании вещественных доказательств и исполнительные органы судебной власти. В этом отношении можно встречать удивительные курьёзы, рисующие полную неопытность в делах сектоведения, если не сказать – невежество многих судебных следователей¹⁴¹.

Независимо от сего, как часто самим пастырям и миссионерам приходится встречать, при посещении домов раскольников и сектантов, издания и другие предметы религиозно-сектантского духа и культа, вредные и соблазнительные, для изъятия которых из обращения в народе, по долгу службы, представляется им необходимым принять соответствующие меры. Здесь снова необходимо оговориться, что самим миссионерам и пастырям конфисковать те или другие запрещённые по закону к обращению предметы или издания, а

тем паче врываться с подобной целью в дома или моленные, отнюдь не подобает: это и незаконно юридически (обыски производит только полиция), и непозволительно с точки зрения интересов миссии. Подобные и хотя бы исключительные случаи никак не могут быть оправдываемы с точки зрения миссионерского такта. Наоборот, для пользы дела миссии и для установления и сохранения добрых отношений с увещиваемыми, – при этих условиях и возможно только духовное воздействие, – пастырям и миссионерам должно стоять на страже справедливости, стараясь устранять, по возможности, своим авторитетом и знанием дела, возникающие при обысках и отобраниях недоразумения со стороны полицейских агентов, а нередко и произвол, вытекающий или из усердия не по разуму, или же из корыстных побуждений.

Всё это побуждает нас представить на страницах миссионерского органа, к сведению пастырей и миссионеров, и должностных лиц, юридическую справку, относительно действующих по настоящему вопросу церковно-гражданских правил и узаконений, а вместе высказать несколько и руководственных указаний и практических советов по настоящему, далеко не безразличному для миссии, вопросу. Тем более, что издавна действующие правила по настоящему вопросу, благодаря позднейшим правительственным разъяснениям и кассационным сенатским решениям, изменились и осложнились. Если судить по частым жалобам и претензиям раскольников и сектантов, подаваемым ими в разные правительственные учреждения, в том числе и в Св. Синод, и к г. синодальному Обер-Прокурору, на неправильное отобрание у них и задержание разных церковно-богослужебных вещей и религиозных изданий, то можно предполагать, что действующие правила или мало известны, или неверно истолковываются и потому неправильно применяются.

II) В основе действующего по вопросу об отобрании у раскольников не подлежащих обращению вещей и книг религиозного культа лежат особые *правила*, составленные при Святейшем Синоде, по соглашению Министра Внутренних Дел с г. Синодальным Обер-Прокурором, и объявленные к исполнению

епархиальным начальствам, в указе от 30 апреля 1858 г., начальникам губерний в циркуляре Министерства Вн. Дел, от 3 июня того же года, и чинам судебного ведомства в особом циркуляре, изданном в Сборнике циркуляров и инструкций Министерства Юстиции в следующей редакции.

Правила, в каких случаях отбирать у раскольников кресты, иконы, книги и вообще богослужебные принадлежности и кому их рассматривать.

I) поскольку чтимые раскольниками иконы, по большей части отличаются от икон греческого письма, чтимых православными, одним только двуперстным сложением, которым однако ж сии последние ни мало не соблазняются, то при обыске домов частных лиц, подозреваемых в расколе, отбирать лишь те иконы и картины, на которых изображены лики ересиархов, или которые почему-либо явно противны были бы учению православной церкви. причём, буде на иконах тех окажутся украшения, как напр., венцы, цаты, ризы, оклады, то представлять владельцам икон право снимать украшения, как не составляющие собой доказательств раскола. Что же касается до богослужебных и вообще духовного содержания книг, то при осмотре оных в частных домах, отбирать: а) те, в которых не означено, где оные напечатаны и с чьего дозволения, б) которые заключают в себе вредные и злонамеренные приписки и в) которые вышли из заграничных и из существовавших прежде в западных губерниях типографий. Напротив книг, печатанных в России с дозволения правительства, когда бы они не были изданы, если только нет в них приписок, направленных против веры и церкви православной, ни в каком случае не отбирать. Рукописные же духовного содержания книги и тетради, а равно и церковные принадлежности, каковы суть: священные облачения, дарохранительницы, кадила, лампы, большие подсвечники, купели и подобные сим вещи Должны быть отбираемы из частных долгов все без исключения.

II). Что же касается до раскольнических часовен и моленных, существующих без дозволения правительства, то при обыске их не только иконы и книги, но и все богослужебные принадлежности должны быть отбираемы в том самом виде, в

каком они найдены, так как вещи эти и не составляют ни чьей частной собственности.

III). Взятые из частных домов по какому-либо правильному подозрению, а также из моленных и часовен иконы, книги, рукописи и богослужебные принадлежности представлять в местную Консисторию, которая под наблюдением Епархиального Преосвященного, обязывается рассматривать их во всей подробности и постановлять об них определения.

IV) . В определениях сих должно быть объяснено: а) в отношении икон и картин – какие из них, как не противные православию и единоверию, могут быть возвращены владельцам, если они взяты из моленных и часовен, или же наконец подлежат уничтожению; б) в отношении книг и рукописей – какие из них могут быть возвращены частным владельцам, какие оставлены в распоряжении Епархиального начальства, для хранения в библиотеках, или для передачи в единоверческие церкви, и какие подлежат уничтожению и в) в отношении церковных принадлежностей, какие из них могут быть отданы в единоверческие церкви и какие должны быть уничтожены и почему.

V) Составленное таким образом определение Консистории по утверждении местным Преосвященным, безотлагательно приводить в исполнение, а именно: 1) те иконы, картины, книги и рукописи, которые окажутся непротивными православному учению, препровождать к губернаторам для возвращения владельцам, или же передавать в единоверческие церкви; 2) те из икон, картин, книг и рукописей, которые окажутся явно противными духу учения православной Церкви, или помещать в библиотеку для употребления в миссионерских отделениях при академиях и семинариях, или подвергать уничтожению, объясняя в протокол по каким именно причинам то или другое учинено¹⁴².

Иначе говоря, сущность настоящих правил сводится к тому: 1) чтобы при обысках и осмотрах в домах частных лиц, подозреваемых в расколе, отбираемы были – из икон и картин те, на которых *изображены лики иерархов* или которые почему-либо явно противны были учению Православной Церкви, из

богослужебных же и вообще духовного, содержания книге, в коих не означено, где оные отпечатаны и с чьего дозволения, которые заключают в себе вредные и злонамеренные приписки и которые вышли из заграничных и из существовавших прежде в западных губерниях типографий (п. 1); 2), чтобы при обыске существующих без дозволения правительства раскольнических часовен и моленных отбираемы были все без изъятия обнаруживаемые в сих зданиях иконы, книги и богослужебные принадлежности, как не составляющие ничьей частной собственности (п. II) и 3) чтобы отобранные на вышеизложенных основаниях вещи подвергаемы были рассмотрению местного епархиального начальства в отношении того, насколько оные представляются не противными православию и единоверию (п. III и IV) и за сим, сообразно обстоятельствам, или возвращены были владельцам, или же передаваемы были в единоверческие Церкви или библиотеки духовных академий и семинарий или же подвергаемы были уничтожению (п. V).

Таким образом, в приведённых правилах прежде всего ясно и точно указана цель издания их, которая никак не допускает особой возможности производства обысков в раскольничьих домах, часовнях и моленных вне тех случаев, которые предусмотрены на этот конец действующими законами. Между тем история борьбы с расколом свидетельствует, что если не теперь, то в доброе старое время правила эти служили статьёй негласных доходов для исполнительных органов полицейской власти, усмотревшей в правилах 1858 г. широкое право делать обыски в домах не только раскольников, но и лиц, заподозренных в расколе, или сектантстве, а также в часовнях и моленных раскольничьих, во всякое время, по собственному вдохновению, без всяких серьёзных поводов и законных причин. Если сюда же присоединить неумение полиции разобраться в том, что именно подлежит отображению и изъятию, то понятным представляется со стороны раскольников эта масса жалоб и нареканий на полицию, а вместе и на местное духовенство и миссионеров, когда последние бывают виновниками возбуждения дел; вызывающих обыски с их последствиями. И нужно сказать, что жалоб этих бывало и бывает – не мало

вполне справедливых. Особенно умножились жалобы раскольников после издания закона 3 мая 1883 г., коим дозволено раскольникам всех сект отправлять общественную молитву и совершать богослужения как в моленных, так и в частных домах по их обрядам. Теперь раскольники с особой настойчивостью стремились в своих прошениях доказать, что правила 1858 г., за силой закона 3 мая 1883 г., должны потерять своё действие. И, действительно, вопрос этот оказался пререкаемым и между самими ведомствами, а потому он доходил в 1897 году до рассмотрения Правительствующего Сената, который решением (по Уголовному Кассационному Департаменту) от 10 декабря 1897 г. за № 52 разъяснил, что за изданием закона 3 мая 1883 года, дозволившего раскольникам отправлять общественную молитву, исполнять духовные требы и совершать богослужение по их обрядам в частных домах и в особо предназначенных для сего зданиях, принадлежности раскольнического богослужения не могут подлежать отобранию, тем паче уничтожению, – а должны оставаться в распоряжении тех, кто, по законам гражданским, имеет на них право собственности или в чьём фактическим владении они находятся.

Независимо от изложенного, Сенат сделал и другое разъяснение, имеющее близкое отношение к правилам 1858 г. об условиях наказуемости за устройство молельных в частных домах. В решениях по делам Рябина (12 апреля 1888 года), Тулупова (13 октября 1892 г.) и Сорокина (16 декабря 1897 г., № 52), в существе согласных между собой, Правительствующий Сенат ограничил применение ст. 206 улож. о наказ., признавая *ненаказуемыми* те случаи, если раскольники и сектанты приспособляют для молельни часть занимаемых им жилых помещений, или нежилую постройку, находящуюся в связи с жилым помещением, хотя бы устроенная таким образом молельня предназначалась и действительно служила для отправления общественного богослужения. При этом в доводах своих Сенат и здесь указал на то, что законом 3 мая 1883 года, раскольникам предоставлено право не только творить общественную молитву и исполнять духовные требы, но и совершать богослужения по их обрядам, как в домах, так равно

в особо предназначенных для сего зданиях и что означенное право не обставлено никакими ограничениями, кроме нарушения общих правил благочиния и общественного порядка, что, наконец, законом 1883 г. не установлено стеснений, относительно устройства раскольников в занимаемых ими домах *необходимой для моления обстановки*, без которой само право творить молитву и совершать богослужение во многих случаях может де оказаться неосуществимым.

Мы в другой раз остановимся на этом последнем кассационном решении Сената, которым, на основании буквы закона 1883 г., дана раскольников столь широкая свобода при устройстве частных моленных, которой не пользуются по закону даже православные люди при постройке домовых церквей. Теперь же должно обратить внимание читателей на то обстоятельство, что пока, за силой изложенных решений сенатских, богослужебные принадлежности раскольников, каковы, напр., книги богослужебные, антимины и другие приспособления всякие, – будут ли они находиться в разрешённых или неразрешённых моленных, или в частных домах – не подлежат отобранию, а, следовательно, II п. правил 1858 г. является потерявшим свою силу и значение. Исключения могут быть разве в том случае, когда на эти принадлежности не будет указано и доказано собственника, но этого никогда не бывает, так как всегда моленные раскольников и сектантские закреплены с формальной стороны на владение за кем-либо из попечителей. Но за сим, правила 1858 г. остаются в силе и действии относительно отобрания, напр., икон или картин с ликами ересиархов, каковыми у раскольников являются их „раскольников страстотерпцы“, напр. Аввакум, у скопцов – Селиванов, Пётр III, у хлыстов – Данила Филиппов, Лардугин, портреты лже-богородиц, бюсты которых и портреты считаются священными.

У штундистов иконы заменяют стенные таблицы и картины с тенденциозно-подобранными библейскими текстами, раскрашенные красками, иногда аллегорическими фигурами. Издания, конечно, бесцензурные.

У хлыстов и скопцов, как известно, особых моленных нет. Так как секты эти тайные, соединённые с гнусными деяниями и изуверством, с изнурительными верчениями, то последователи этих сект отправляют свои богомоления секретно, в потаённых местах частных домов, по ночам. Сохраняя наружную связь с православной церковью, сектанты эти имеют обстановку в своих домах совершенно православных людей. Божницы их бывают уставлены богатыми иконами, чтимыми и православной церковью, но при этом у последователей мистических сект предпочитают иконы девственников и девственниц, а также Иоанна Предтечи, в виде отрока, обнимающего агнца, Варвары Великомученицы, Иоанна Богослова, Покрова Пресв. Богородицы, Георгия Победоносца на белом коне (у скопцов), Архистратига Михаила, икона Божией Матери с отверстым сердцем и с парящим окрест лика её собором ангелов.

Имеются у мистических сект свои особые богослужебные принадлежности, сюда нужно отнести радельные рубахи особого покроя, пояса, платочки, пучки обожжённых восковых свеч. Вообще же при производстве обыска у тайных сектантов, нужно иметь большую наблюдательность и тщательность в отобрании вещественных доказательств, из которых иногда незначительный предмет, клочок бумажки могут иметь важное значение для улик и для определения характера лжеучения. Духовному начальству при возбуждении всех подобных дел о тайных сектах, надлежало бы судебным и полицейским властям возможно подробнее указывать также и на то, какие им надлежит иметь в виду вещественные доказательства и богослужебные принадлежности при обысках.

Необходимо заметить, что правила 1858 г. исторически относятся собственно к расколу старообрядчества, но по аналогии, в смысле руководящих начал, они должны иметь отношение и к другим сектам и ересям, в юридическом отношении входящим в общее понятие раскола. Отдельных наказов для полиции и судебных учреждений о производстве обысков и отобрании вещественных (доказательств) принадлежностей богослужения у других сект, сколько нам известно, не имеется.

Обращаясь снова к правилам 1858 г., необходимо иметь в виду, что за силой п. 1 из книг не подлежат обращению те замеченные у раскольников, равно и у сектантов печатные издания: а) на коих *не обозначено, где оные печатаны и с чьего дозволения*. Сюда относятся все бесцензурные заграничные издания, каковы, напр., раскольничьи швецовские издания, мельниковские, журнал „Слово правды“; у штундистов – журн. „Беседа“, листки „Свободного Слова“ и интернациональных миссионерских обществ, или недавно выпущенная, неизвестно где и кем, серия мелких штундистских брошюр, под названием: „Дивная тайна“, „Жизнь по плоти“, „Путь жизни в Боге“, „Избавление от власти греха“, „Предостережение новообращённому“ и др. Подлежат отобранию, несомненно, и все рукописные, наполненные заблуждениями и хулениями цветники раскольничьи и сектантские тетрадки, в роде писем и послания лжехристов (Малеванного) и др., б) а также и другие, хотя разрешённые цензурой, но заключающие в себе *вредные и злонамеренные приписки*; таковые встречаются, напр., даже и на священно-библейских книгах, в форме условных знаков и черт, для отметки текстов, на коих обосновывается сектантами их лжеучение. В этом отношении особенного внимания заслуживает, так называемое, *пашковское евангелие*, которое – издания Св. Синода, но, так сказать, приспособлено Пашковым к духу своей секты, условными чертами и служит для пропагандистов лжеучения руководством к распространению секты. Нужные тексты в этом евангелии все сведены в параллели чертами, сделанными от руки, так *два* текста отчёркнуты *четырьмя чёрточками вертикальными* на поле и одной параллельной, подведённой под текст, несколько текстов – *тремя* вертикальными и параллельной; – далее идёт ряд текстов – *двумя* вертикальными и параллельной, затем *одной* вертикальной и параллельной, только параллельной и, наконец, целая серия текстов – отчёркнута лишь одной *вертикальной*. Пашковым издано было 3 т. экземпляров, – теперь масса копий имеется. Получив такое евангелие, совращаемый должен читать евангелие и заучивать тексты только по условным знакам, начиная с главнейших (где четыре вертикальных). Подучается у

читателя от такого отношения к слову Божию концепция мыслей и понятий совершенно односторонняя, в духе протестантском или сектантском, так как тексты, на коих покоятся догматы православия, не отмечены и не отчёркнуты, напр., тексты ни о кресте, ни о посте, ни о храме, ни о повиновении властям, но зато отчёркнуты, где говорится о свободе, или о том, что новожён не должен идти на войну (второзаконие) и др.

Прочие пункты правил 1858 г., руководствующие в том, как поступать с отобранными у раскольников также вещами и книгами, остаются и доньше действующими.

III) Независимо от изложенного, необходимо заметить, что по настоящему вопросу Св. Синодом также изданы были циркулярные распоряжения о недопущении к обращению, или же вновь к печатанию многих брошюр, хотя и разрешённых цензурой, но оказавшихся составленными в сектантском духе, вредном для православия. Циркуляры эти необходимо иметь в виду пастырям и миссионерам, так как воспрещённые издания рассеяны всюду среди народа и служат для проповедников штундо-баптизма незаменимыми комментариями, при совращении православных. Вот эти циркуляры.

„Св. Синод имели рассуждение о брошюрах разного наименования, изданных учреждённым в 1876 г. „Обществом поощрения духовно-нравственного чтения“. И по справке, **приказали**: Из дел Святейшего Синода усматривается, что большая часть брошюр, изданных учреждённым в 1876 г. „Обществом поощрения духовно-нравственного чтения“, вредны по своему направлению и противны Православному Христианскому учению. Такими именно оказались и следующие 32 брошюры из числа 39, находившихся разновременно в рассмотрении Святейшего Синода:

1) „Брачная одежда“, 2) „Молишься ли ты“, 3) „Первая молитва Джесики“, 4) „Пастух и овцы“, 5) „Иисус Назарей идёт“, 6) „Спасён ли ты или погиб и будьте готовы“, 7) „Что такое христианин“, 8) „Благая весть“, 9) „Напоминание христианам от слова Божия“, 10) „У Бога не останется бессильным никакое слово“, 11) „Жизнь Иисуса Христа по Св. Писанию“, 12) „Брачный пир“, 13) „Встреча со старушкой“, 14) „Прииди ко Иисусу Христу“,

15) „Рай и ад“, 16) „Сегодня или никогда“, 17) „Застигнутые врасплох“, 18) „Краткое руководство к чтению Нового Завета“, 19) „Беседа двух друзей о возрождении“, 20) „Истинная радость“, 21) „Примирился ли ты с Богом“, 22) „Звание христианина и его значение“, 23) „Два слова о святой Библии“, 21) „Переключка“, 25) „Разговор двух матросов после бури“, 26) „Благодатное дитя“, 27) „Он любит меня“, 28) „Христос всё и во всём“, 29) „Как был завоёван Яблоновый двор“, 30) „Путь ко спасению“; 31) „Два брата“ и 32) „Радостная весть“.

Признав эти брошюры, по их сектантскому направлению и другим недостаткам, непригодными для распространения в народе и подлежащими изъятию из обращения, Святейший Синод, вместе с тем, неоднократно поставлял на вид членам С.-Петербургского Духовно-Цензурного Комитета, разрешавшим к печатанию вышепоименованные брошюры, неправильные их действия, и предписывая на будущее время руководствоваться относительно подобных брошюр особенной осмотрительностью. Независимо от сего, вредное направление брошюр, издававшихся „Обществом поощрения духовно-нравственного чтения,“ изобличалось и учёным разбором их в духовных периодических изданиях, в коих, кроме перечисленных 32, поименованы и разобраны ещё 50 брошюр, также не признаваемые годными к обращению в народе (№ 14 „Московских церковных ведомостей“ за 1883 год и № 24 „Церковного Вестника“ за тот же год).

Не смотря, однако же на указания духовной журналистики и на замечания, сделанные Святейшим Синодом некоторым из членов С.-Петербургского Духовно-цензурного Комитета за неосмотрительный пропуск вышеупомянутых брошюр к печати, распространение их в народе и народных школах не ослабевает; напротив, они появляются в новых изданиях, имея на то разрешение духовной цензуры. В виду этого Св. Синод, в ограждение чад св. нашей Церкви от вредных печатных изданий, определяет: I) строго подтвердить всем Духовно-Цензурным Комитетам: а) не разрешать на будущее время к печатанию ни одной из вышепоименованных 32-х брошюр, признанных Св. Синодом непригодными для распространения, а

представленные на рассмотрение препровождать в Свят. Синод; б) поступать точно также и относительно других изданий „Общества поощрения духовно-нравственного чтения“ – даже те из них, кои по своему содержанию и направлению окажутся не сомнительными, допускать к новому изданию только в том случае, если на то последует особое разрешение Святейшего Синода; II) предписать всем Епархиальным Преосвященным иметь наблюдение, чтобы означенные брошюры не были распространяемы в народе и III) представить г. Синодальному Обер-Прокурору о настоящем определении Св. Синода уведомить Министра Внутренних Дел и просить зависящих с его стороны распоряжений к прекращению последующих изданий и распространения тех брошюр. Для исполнения по сему определению послать всем Преосвященным и Духовно-Цензурным Комитетам печатные циркулярные указы.“ Августа 20 дня 1884 г. № 9.

„Слушали: предложенный г. исправляющим должность Синодального Обер-Прокурора, 25 июля 1886 года за № 486, журнал Учебного Комитета № 254, с мнением о 12 номерах газеты „Русский рабочий“ и пятнадцати брошюрах. И, по справке, приказали: Преосвященный Калужский представил на благоусмотрение Святейшего Синода пятнадцать брошюр с следующими наименованиями:

1) „Два пути и пределы их“, 2) „Новая русская азбука“, 3) „Исполняете ли вы волю Божию“, 4) „Пора домой“. 5) „Слепой Вартимей“, 6) „Встревожился Иерусалим“, 7) „Во едину от суббот“, 8) „Слепая девушка и Евангелие“, 9) „Любезный читатель, прочти сие повествование о слепом“, 10) „Голос времени“, 11) „Покаяние“, 12) „Нравственно-духовные издания“, 13) „Благодаришь ли ты Бога“, 14) „Из бесед покойного Преосвященного Михаила“ и 15) „Христос, грешную душу к себе призывающий и воздыхания грешные души ко Христу Сыну Божию“. Вместе с поименованными представлены Преосвященным Калужским и 12 №№ газеты „Русский рабочий“, изд. М. Пейкер.

Означенные издания были переданы по распоряжению Святейшего Синода, на рассмотрение Учебного Комитета,

который признал:

1) журнал „Русский рабочий“, изд. М. Пейкер и брошюры: а) „Новая Русская азбука для всех“ М. Е. К., б) „Два пути и пределы их“, в) „Пора домой“, г) „Исполняете ли вы волю Божию“, д) „Голос времени“; – произведениями с ясно сектантским направлением и подлежащими изъятию из народного обращения; II) брошюры-же:

а) „Благодаришь ли ты Бога“, б) „Любезный читатель прочтисие повествование о слепом“, в) „Слепая девушка и Евангелие“ и г) „Встревожился Иерусалим“ (изд. жури. „Русский рабочий“) – сочинениями непротивными православному учению, но по своей скрытой тенденциозности не способствующими раскрытию этого учения и потому не заслуживающими не только одобрения, но и допущения для народа к употреблению; III) брошюры:

а) „Слепой Вартимей“, б) стихотворение „Во едину от суббот“ и в) из бесед Михаила, Митрополита Новгородского и С.-Петербургского, о том: мог ли закон, пророки и жертвы спасти человека, и для чего они установлены и даны были от Бога? – заслуживающими допущения для употребления в народе; и IV) брошюры:

а) „Христос, грешную душу к себе призывающий“, б) „Покаяние“ и в) „Нравственно-духовные назидания“, как извлечённые из творений Св. Тихона, Епископа Воронежского, – достойными одобрения для народного чтения. Признавая изъяснённый отзыв Учебного Комитета основательным и находя поименованные в п. I и II брошюры и газету „Русский рабочий“ изд. М. Пейкер непригодными для обращения в народе, Святейший Синод определяет: 1) поставить в известность Духовные Цензурные Комитеты, чтобы они на будущее время не разрешали к печатанию ни одной из нижепоименованных брошюр:

а) „Новая русская азбука для всех“ М. Е. К., б) „Два пути и пределы их“, в) „Пора домой“, г) „Исполняете ли вы волю Божию“, д) „Голос времени“, е) „Благодаришь ли ты Бога?“ ж) „Любезный читатель, прочтисие повествование о слепом“, з) „Слепая девушка и Евангелие“ и и) „Встревожился Иерусалим“, 2) поручить Епархиальным Преосвященным иметь наблюдение,

чтобы означенные брошюры, равно и газета „Русский рабочий“ *не были распространяемы в народе*; и 3) предоставить Г. Синодальному Обер- Прокурору сообщить Министру Внутренних Дел о настоящем определении Святейшего Синода и просить зависящих с его стороны распоряжений к прекращению распространения вышепоименованных брошюр и газеты „Русский рабочий“. Для исполнения по сему определению послать всем Епархиальным Преосвященным и Духовным Цензурным Комитетам циркулярные указы.

В. С.

Потехин С. Мистическая штунда: Малеванный и малеванные // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 234–249

В мартовской книжке „Миссионерского Обозрения“ сего года, в отделе: „Летопись печати“, и в сентябрьской хронике сообщалось о новом мистическом движении в очагах штунды Киевской губернии, вызванном сектантом крестьянином с. Вербова, Сквирского уезда, Иваном Лисенком. Это движение, поднятое Лисенком среди последователей Малеванного¹⁴³, представляет особое явление среди киевского сектантства. Малеванщина, эта мистическая штунда, вновь заявила себя в нём и заявила в очень острой и опасной форме. Два года приходские пастыри и миссионеры вели борьбу с этим движением и, с грустью нужно признать, что эта борьба была безуспешна. Мы не решаемся сказать, чем окончится это новое движение среди киевских штундистов-малеванцев, но считаем не лишним поделиться с читателями „Миссионерского Обозрения“ теми сведениями о нём, которые дали нам изучение и борьба с ним в течении последнего года.

О секте штундистов-малеванцев сравнительно немного известно в печати. Правда, то, что известно, исходит от таких известных авторитетов, как В. М. Скворцов – открывший и впервые исследовавший это движение – и психиатр, И. А. Сикорский, проф. киевского университета. Но их печатные сообщения о малеванщине касаются начала распространения и первых годов существования её. Вот почему нелишне будет сказать о том, что представляет собой малеванщина в настоящее время.

В 1895 году, ко времени вторичного заключения главаря секты Кодрата Малеванного в дом умалишённых в г. Казани (в первый раз он был помещён в киевское богоугодное заведение), малеванщина представляла собой уже довольно многочисленную секту, набираемую Малеванным и его агентами, главным, образом из последователей штундизма. Она распространена уже была во многих приходах Таращанского,

Васильковского и Сквирского уездов. С 1895 года она стала распространяться и в других местах России. Прежде всего она появилась в г. Казани, куда стали приезжать малеванцы из Киевской губ. для свидания со своим вождём. Первыми последователями Малеванного в Казани был Михаил и Давид Чекмаревы, сыновья другого заключённого сектанта – Стефана Чекмарева. они-то и стали распространять малеванщину среди местных жителей. Из переписки казанских малеванцев с тарашанскими видно, что казанская община малеванцев состоит из „многих братьев и сестёр“, как в городе, так и в сёлах Мамадышского уезда.

Около же этого времени малеванщина занесена была в Иркутскую губернию. Занесли её переселенцы-малеванцы Киевской губернии: Родион Можар, Архип и Трофим Пластуны (или Гластуновы). Малеванщину здесь приняли Евдокия Сергеева с семейством и Андрей Воробьев, ссыльный из Тверской губ. Иркутская община малеванцев находится в самых живых сношениях с семейством Малеванного в Тараше и часто посылает туда как для личных его нужд, так и для передачи „плоти Господа в Казань“ „гостинцы“, в виде значительных сумм денег. Эта община очень привязана к Малеванному и часто запрашивает о нём сведений в Тараше. „Ещё просим вас, пишут они в одном письме к жене Малеванного, уведомьте нас о нашем и вашем спасителе, где теперь находится плоть господа и может быть есть что-нибудь новое то, просим, передайте и нам, так как нам желательно слышать слова спасителя. Но так мы далеко плотью от спасителя, хотя духом все вместе с ним, то всё же, когда мы получаем от вас письмо о нём, то очень радостно слышать слова, которые из уст спасителя господа нашего“. „Когда будете у спасителя на посещении, пишут они в другом письме, то просим мы вас, приветствуйте господа от нас. Мы приветствуем его сердечными устами, целуем его невидимые руки и ноги и просим от них устного святого благословения“... Удивительнее всего, что самым пламенеющим малеванцем среди этой общины является Андрей Воробьев, лично незнакомый с Малеванным.

Можно думать; что малеванщина существует в Курской губ. и в г. Одессе. В Курской губ., на одной из мельниц Хомыжской волости, живёт некто Иосиф Карлович Скаблесский с женой Камелией, состоящие в частой переписке самого нежного содержания с малеванцами и получающие от них значительные денежные посылки. В Одессе живёт сестра Малеванного, также ведущая частую переписку с таращанскими малеванцами.

В самой Киевской губернии рост секты малеванцев не остановился и до настоящего времени. Теперь малеванщина набирает своих последователей не из штундистов только, как было прежде, а из православных и частью римско-католиков. К величайшему сожалению, трудно приводить в известность случаи совращений в малеванщину, как и вообще в штундизм, на новых местах. Но есть много несомненных данных, заставляющих думать, что малеванщина, кроме известных, заражённых ею приходов Таращанского, Васильковского и Сквирского уездов, существует в настоящее время и во многих приходах других уездов Киевской епархии.

Ослабление пропаганды малеванщины и успокоение самих сектантов-малеванцев, как известно, началось с того времени, когда Малеванный был удалён из Киевской губ. и заключён в отдалённую Казань. Это удаление было вызвано тем обстоятельством, что одно существование Малеванного среди сектантов производило между ними волнение. Кроме того, сам Малеванный страдал, по исследованию психиатров, неизлечимой душевной болезнью (*paranoia religiosa*). Распространению секты, шатанию малеванских агентов из села в село, противоестественным деяниям, и хозяйственному квиетизму был положен предел целым рядом особых мероприятий и духовной и светской власти. Жизнь секты как бы замерла. Так продолжалось дело до 1898 года, до тех пор, пока в крае ещё был силен режим, установленный незабвенным для киевской епархии начальником, края графом А. Н. Игнатьевым, и пока был бдителен полицейский надзор и административная попечительность по отношению к этому безусловно болезненному сектантскому движению.

С 1898 года малеванщина стала заметно оживляться. Это оживление выразилось прежде всего в том, что вновь стали появляться по сёлам пропагандисты малеванщины, устроились общественные молитвенные собрания, которые безусловно были воспрещены. Распространялись в народ в большом количестве „послания“ Малеванного из Казани.

Послания эти первоначально были простыми письмами Малеванного к оставшейся в Тараще его жене Анне Емельяновой с семейством из семи душ, наполненными поклонами и сообщениями о себе и своих нуждах, но затем письма эти стали принимать всё более и более вид вероучительных посланий. Малеванный всё чаще и чаще напоминает своей жене и своему семейству о своём особом назначении в мире. „Вы знаете, пишет он, напр., в одном письме, о чём я сказал вам, когда был с вами, а теперь оставил вас, вы знаете пути мои и что должно сбыться надо мною“... „Бог дал мне жизнь и духа своего премудрости, пишет он в другом письме, чтобы я светил Его светом людям, чтобы, подобно тому, как вы познали сей свет незаходимого солнца правды, и все люди такими же признаками познали единую творческую любовь и жили во всех концах света у Его благодати, которую даровал всем вам“.

Все письма или „послания“ Малеванного, получаемые в киевской епархии из Казани, с которыми нам удалось познакомиться, трёх видов. Во-первых, послания Малеванного собственноручные, адресуемые жене и детям в Таращу, написанные крайне безграмотно. Эти собственноручные послания сохраняются Анной Емельяновой и на сторону не отдаются. Во-вторых, послания, составляемые молодыми Чекмаревыми, Михаилом и Давидом. Почти все их письма начинаются довольно торжественными вступлениями: „во имя отца вашего Кондратия Алексеевича и отца нашего Стефана Ивановича“, и оканчиваются подписью: „от имени нашего спасителя: Михаил Чекмарев“. Также безграмотно написанные, как и собственноручные письма Малеванного, эти чекмаревские послания показывают, как наивно составители их понимают свою роль посредников между обожествляемыми узниками и

обожествляющими их поклонниками. В них среди вероучительного содержания, попадают часто сообщения довольно курьёзные. „Уведомляем вас в том, пишут в одном письме Чекмаревы, что мы были у них (Кондрата и Стефана) 18 октября и они просили нас, чтобы мы купили им 2 пары шерстяных носков, так как и шерстяных чулок не дают, так как они работать не ходят, а кто ходит на работу, тем выдают шерстяные чулки“... „Уведомляем вас, пишут они в другом письме, что мы живём на месте, и так как мы живём на месте, то нам ходить к ним часто нельзя, потому что нас не часто отпускают, а недели через две; да и нам часто ходить несходчиво, потому что им нужно отнести гостинца, а жалование нам не очень дорогое (большое)“... Как и письма Малеванного, эти письма в их подлинном содержании мало распространены. Те и другие письма редактировались уже на месте в Тараще и уже в новом отредактированном виде, без повторения семейных поклонов, без упоминания о чулках и несходчивости частых посещений, распространялись между сектантами.

Гораздо более распространённым оказывается третий вид посланий Малеванного. Это почти грамотные, обширные и исключительно одного вероучительного содержания послания, озаглавливаемые: „Послание Иисуса Христа“ и подписанные: сестра милосердия Мария К-ева. Мы к сожалению, не могли выяснить до сих пор, какую роль играет в малеванском сектантстве эта Мария К-ева. Быть может это просто сердобольная женщина, желающая услужить своей грамотностью удалённому от семьи и заключённому в больницу человеку в его безумном, но больном, религиозном бреде, а может быть она служит делу распространения явно безумных бредней не без собственного увлечения ими, чему немало бывало примеров, если уже не допускать совершенно злого намерения в этой сестре – доброхотке. Подлинники этих К-их посланий находятся также в Тараще, у семьи Малеванного, но копии – почти у каждого из сектантов.

Удаление и заключение Малеванного достигло своей цели только временно, а при возобновившемся оживлении в малеванщине дало даже нежелательные результаты и получило

в глазах малеванцев совершенно иной характер. Только немногие из малеванцев до сих пор остаются сведущими об истинном положении дел самого Малеванного, да и то в своих целях скрывают его. Вся остальная масса последователей Малеванного понимает заключение его в доме для умалишённых в совершенно превратном виде. Он удалился в Казань и заключился, потому что „сам восхотел“. Дом, где он пребывает – не невольное место заключения, и при том, вовсе не дом для умалишённых, а богоугодное заведение, т. е. заведение, которое устроить и в котором жить угодно было ему, богу, т. е. самому господу и спасителю Малеванному Кондрату. В представлении малеванцев дом этот окружён особым величием. Это хрустальный дворец с многочисленными башнями и окнами, с незаходящим светом и неубывающим теплом и довольством. Здесь всё повинуетя его воле, сюда сходятся к нему цари и вельможи, чтобы посоветоваться с ним, священники и миссионеры¹⁴⁴, чтобы поучиться у него. Туда, в Казань и в этот чудесный дом отныне стремятся все помыслы малеванцев. „Тоскует душа моя – видеться с моим спасителем, пишет один малеванец другому, и жаждет душа моя там вместе жить. Исполнил бы Господь моё желание: я уже ничего другого не желаю! Чтобы мне вместе жить с отцом моим – за счастье вечное я почитал бы“!.. „Очень часто я мечтаю за Казань, город мой“, пишет другой малеванец в Тарашу, „А тот дом, что на поле устроен спасителем моим, я испытал, что в мире лучшего дворца нигде нет. О как бы были все народы счастливы, если бы живущие в том домике знали, с кем дело имеют, что с ними вечный свет“!.. „Мы получили сведение, пишут в ту же Тарашу из далёкой Иркутской губ., что некоторые из наших братьев были у спасителя на свидании. Наш спаситель объяснил им, что у него на посещении были три царя земных: один русский, а другие два, не знаем, какие были. Если вам известно, какие цари были, то просим вас, поскорее напишите ответ, какие цари были и что именно цари говорили с нашим спасителем?.. Казань стала для нас малеванцев своего рода обетованной землёй, предметом всевозможных мечтаний и надежд.

Паломничество в Казань началось очень рано, именно в год заключения Малеванного. Впрочем, сам Малеванный не поощрял сперва поездок в Казань и на письменный запрос жены, не поехать ли ей в Казань и сколько нужно денег на дорогу, весьма благоразумно отвечал: „ехать сюда пока не надобно, а лучше сходи в Киев, к. господину (графу) Игнатьеву, начальнику округа, и спроси долго ли мне быть здесь“. Иначе думают малеванцы и с самого начала до сих пор настойчиво склоняют Малеванную к поездке в Казань, собирая ей, как и каждому отправляющемуся в Казань малеванцу, порядочные суммы денег. Малеванная, под предлогом предполагаемой поездки, не раз корыстно пользовалась этим неиссякаемым фондом для своих других нужд, коих у неё. с её многочисленным семейством, не мало.

Паломничество в Казань в среде малеванцев усилилось в последние годы, особенно с тех пор, как появились известные, породившие большую смуту в простом русском народе брошюры о кончине мира 1 ноября 1899 года. Малеванцы приняли предсказание астронома Фалька за откровение самого Малеванного и связали ожидаемую кончину мира с пришествием Малеванного „в силе и славе, для суда над миром и для царства с избранными“. В то время, как одни малеванцы спокойно ожидали приближения „Дня оного“, о чём возвещалось в посланиях Малеванного, другие, более экспансивные и, главным образом, вожаки, отправлялись в Казань, чтобы возвратиться уже вместе с своим спасителем“. Впрочем, многие из паломников ещё задолго до наступления 1 ноября, дня кончины мира, повозвращались на родину. Действительность их отрезвила и не найдя в Казани „хрустального дворца“, в котором бы жил и блаженствовал Малеванный, а видя, наоборот, крепкие узы и полную беспомощность его, они с разбитыми надеждами возвращались домой.

К началу 1899 года волнение среди малеванцев достигло крайней степени и стало напоминать начало развития малеванщины. Те малеванцы, которые, под влиянием духовных административных и медицинских мер оставили было секту, вновь к ней примкнули. Случаи новых совращений православных

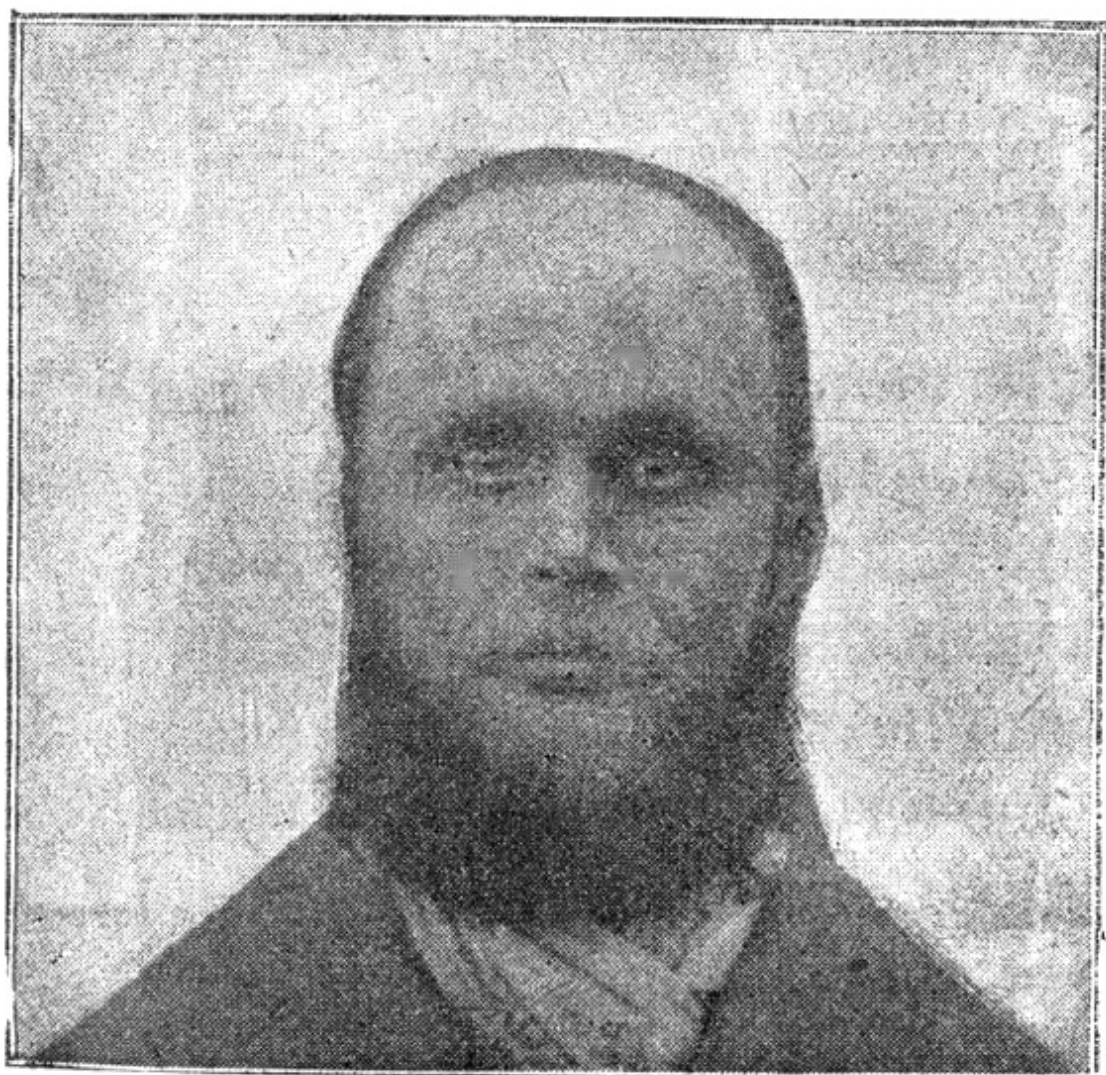
стали учащаться. Пропагандисты малеванщины безбоязненно стали шлаться из села в село и составлять собрания. Собрания эти опять приняли какой-то бесовский характер: за пением гимнов, начиналось радение, топание ногами, выкрикивание бессмысленных звуков и т. п. Когда на собрании читалось послание Малеванного, малеванцы падали на колени и с воздетыми руками вопили: о приди, приди спасителю наш!.. Одно упоминание об имени Малеванного стало приводить малеванцев в возбуждение и умиление. В это время между ними получили большое распространение листки под заглавием: „Описание наружного вида спасителя“. Эти листки, издание одного одесского типографщика, вольно или невольно сыгравшего в руку сектантам, содержат известное апокрифическое донесение одного римлянина в Рим о появлении в иудее Иисуса Христа. Листки эти изданы так, что сперва не жирным шрифтом, как бы для того, чтобы не обратить на него внимания, напечатано сведение, откуда заимствовано описание наружного вида Спасителя, а затем идёт само описание, напечатанное крупным шрифтом, в следующих словах: „В настоящее время у нас явился и ныне ещё жив человек весьма добродетельный, имя ему Иисус Христос; народ почитает его великим пророком, а Его ученики называют Его Сыном Божиим. Он воскрешает мёртвых и исцеляет всякого рода недуги и болезни словом одним. Сей человек имеет высокий и стройный стан, вид Его исполнен важности и сильно действует на всех, так что взирающие на него не могут не любить Его... Волосы его цвета ореха созрелого... Чело гладкое и чистое, на всём лице нет никакого пятна, и оно украшено лёгким румянцем; нос и уста правильные, бороду имеет такого же цвета, как и волосы на голове, густую, но не долгую, раздваивающуюся на конце. Его взгляд тих, величествен и приятен, глаза Его небесного цвета, проникающие в душу и блестящие. Он весьма ласков и любезен, когда учит и увещевает, строг и страшен, когда обличает... Рост его высокий, руки прямые и Он часто воздевает их, плечи стройные. Говорит немного, но с важностью и каждое Его слово взвешено. Поистине, сей человек есть

прекраснейший из всех человеков и в нём видна истина, в которой лести нет“...

Мы не видели Малеванного в лицо и не знаем, насколько в действительности совпадает это описание наружного вида Господа Иисуса Христа, принятое в нашей православной иконографии, с внешними чертами Малеванного, но малеванцы принимают это описание за воспроизведение подлинных черт их главаря и впадают в экзальтацию, когда на собраниях читается это описание. Многие из присутствующих малеванцев при этом галлюцинируют зрением и слухом, дополняя черты видимого будто бы ими образа Малеванного и слышимые ими слова Его.

Когда же нам миссионерам приходится увещать преследователей, что внешний облик Малеванного совсем не схож с описанными чертами, несчастные не верят, но жаль, что миссия не располагает портретом этого лжехриста, при помощи которого можно бы наглядно опровергнуть заблуждение несчастных малеванцев относительно внешнего вида их обожяемого главаря¹⁴⁵.

Душевнобольные – насадитель и первые распространители мистической штунды (Малеванщины).

Чем ближе приближалось 1 ноября 1899 г., тем беспокойнее становились малеванцы. Поведение их стало настолько беспокойно, что обратило внимание полиции и нужно было усилить полицейский надзор конечно не из-за особого попечения о борьбе с сектантством, а из-за общей заботы об охране порядка и спокойствия. Сами послания Малеванного, распространяемые как послания Иисуса Христа, стали принимать всё более и более возбуждающий характер. „Мне всё известно о вас, говорится, напр., в одном послании, и о скорби вашей, и гонениях ваших, прежде нежели я получил известие от вас, и готов помочь вам во всех невзгодах житейских, которые

постигли вас за любовь Христа, за правду и свободу, за которую вы посвятили себя своему создателю и отдали себя в жертву... Земной губитель рассвирепствовал и потому не имеет никакого оправдания перед нами, избранниками Божиими. Он осуждён самим Творцом в вечные узы и мрак тьмы, потому и свирепствует, и ввергает нас в узы и темницы, хочет закрыть свою срамоту и мерзость... Я предлагаю вам: не бойтесь противника вашего я далёк от вас плотью, но близок духом, как и сказано в Писании: слышу скорбь и вопль народа Моего и готов помочь. Не бойтесь своего противника, ибо наступил его конец"... Уверенность в скором пришествии Малеванного и наступлении „дня оного“ совсем помутила голову малеванцам. Только в Тараще, в семье Малеванного, откуда исходит управление всем малеванским движением, не ожидали никакого чуда, а готовили возвращение Малеванного более естественным путём. От семьи Малеванного стали поступать на имя г. киевского генерал-губернатора и на Высочайшее имя прошения об освобождении Малеванного из дома для умалишённых и возвращении его из Казани на родину в Таращу, к остающейся без средств для существования семье его.

Пришло и прошло столь томительно ожидаемое 1 ноября. Кончины мира не было. Малеванный не возвратился на родину ни сверхъестественным путём, ни естественным, ни „в силе и славе“, ни без славы. Малеванцы как бы сконфузились и успокоились. Но из их среды возникло новое движение, которое и выдвинулось на сцену после 1 ноября появлением в Киеве целой толпы малеванцев, с женщинами и детьми, на пути в Казань, о чём и было оповещено во многих газетных корреспонденциях. Движение это кроме общих причин, вызвавших в последнее время сильное волнение в малеванщине, обязано своим происхождением пропаганде крестьянина с. Вербова, Сквирского уезда, Ивана Лысенка.

Лысенко стал известен киевской миссии года два тому назад, с тех пор, как началось оживление среди малеванцев. В этом оживлении он принимал не малое участие и вообще он – личность далеко незаурядная в числе пропагандистов штундизма. По свидетельству его односельчан, он с детства

отличался бродяжническими наклонностями и шатался из села в село по Киевской губ. Чтобы остепенить его, родные женили Лысенка, но он через несколько лет семейной жизни, лет двенадцать тому назад, оставил жену и детей на произвол судьбы и отправился бродить по России, посетил Сибирь, где живёт в ссылке за убийство его брат, и Кавказ. Вернулся он на родину, спустя шесть лет бродяжничества, штундистом, а вскоре принял малеванство и тотчас взялся за пропаганду штундизма, потребовав от своей жены не ходить в церковь, не креститься, повыбрасывать иконы и т. п. Жена не поддалась, сообщила соседям и приходскому священнику. В приходе началась смута. Лысенко оказался ярким пропагандистом, но вокруг священника сплотилось много добрых прихожан и Лысенко должен уйти из прихода. В 1898 г. он поселился в недалёком от Вербова селе Турбовке, где давно уже процветала штундо-малеванщина. и оттуда делал набеги на свой родной приход. Много раз ему удавалось составлять собрания, где он аллегорически изъяснял св. Писание, но общину сектантов он образовать здесь не мог, благодаря бдительности приходского священника. Кроме того, крайность проповедуемых им религиозных и общественных идей отталкивала от него православных односельчан, незнакомых со штундизмом даже в более мягкой, чем малеванщина, форме. Ни проповедь о „Христе, во плоти пришедшем“, т. е. о Малеванном, ни о свободе от всяких уз жизни не были приняты. Правда, около шести семейств стали было собираться для пения „псалмов“, но принять к себе Лысенки „за место языческого жреца, що с довгими косами“, как он выражался и чего он домогался в своём селе, они не пожелали. Лысенко окончательно отступился от своего прихода.

Он сосредоточил свою деятельность в четырёх соседних между собой приходах Сквирского уезда, заражённых малеванщиной: Турбовке, Лучине, Голяках и Дедовщине, стал усиленно проповедовать и скоро достиг выдающегося положения между сектантами. Красивая внешность и дар слова привлекли к нему симпатии женщин-малеванок. Скоро одна из них, самая красивая, и притом племянница Малеванного, Агафья Рудчук, жена Дементия Рудчука, сделала его

сожительницей. Но у неё оспаривали честь принадлежать Лысенку и другие малеванки. „Як дхне вин на мене, хочь в Америку пиду за ным“, говорила в исступлении, глядя на Лысенка, одна молодая малеванка миссионеру во время беседы в Дедовщине. такие малеванки и делались наложницами Лысенка. А чтобы оправдать этот соблазнительный даже для штундистов разврат, Лысенко стал проповедовать о „духовной любви“, которая бывает только при одном сердечном влечении и отнюдь не должна обуславливаться „законом“, т. е. церковным браком и соединённой с ней нерасторжимостью.

За свободной любовью, Лысенко стал проповедовать свободу от труда. Как известно, и все вообще малеванцы в начале существования своей секты предались было блаженному ничегонеделанию, в ожидании наступления царства Малеванного. Теперь, при вторичном оживлении малеванщины и оживлении былых надежд на грядущее для них блаженство, масса малеванцев оставалась благоразумной и продолжала труд даже и тогда, когда многие из штундистов и даже православных под влиянием предсказания Фалька, проявили склонность наперёд покончить свои житейские попечения, прощали долги, отказывались от наймов на продолжительное время и т. п. Но трудиться не входило в расчёты Лысенка и труд не мирился с той „непрестанной молитвой и радостью духа“, к коим он призывал своих слушателей. Трудиться же нужно было усиленно. Те штундистские общины, в которых действовал Лысенко, особенно те семейства, которые приняли его за своего вождя и руководителя, весьма слабы в материальном отношении. Малоземельные и без того, они были подорваны материально ещё при вступлении в малеванщину, когда прекратили было хозяйственные работы. Только тяжёлый подённый труд мог поддерживать их жалкое существование при маленьких клочках их земельного надела. Вот почему они охотно приняли проповедь Лысенка о свободе от трудов, прекратили не только подённые, но и повседневные домашние работы и проводили время в собрании, распевая гимны, слушая проповедь Лысенка и т. п.

Особенно тесно сплотились вокруг Лысенка шесть семейств малеванцев жителей Турбовки. К ним примкнули отдельные личности из малеванцев с Лучина, Сквирского уезда, и из с. М.-Половецкого, Каневского уезда. В Турбовке образовалась открыто коммуна, где в полной мере осуществлялась и свободная духовная любовь, и свобода от труда, и общение имущества, где непрестанно проводили время в малеванской любви и радости духа“. Народ православный дивился такому бесстыдному поведению коммуны, а остальные малеванцы чуть не молились на „святых“, как они называли новоявленную коммуну и вместе ждали, чем всё это окончится. Раза два Лысенка и особенно ярого последователя его Дементия Рудчука брали было в волость для допроса по поводу кощунственного их поведения по отношению к православной святыни и открытого похуления Его Величества Государя Императора. Поэтому даже ждали жандармского офицера для следствия, но Лысенка и Рудчука отпускали и жизнь коммуны продолжалась спокойно.

Перед 1-м ноября турбовская коммуна начала особенно деятельно готовиться к встрече грядущего во славе Малеванного. Из четырёх изб они перебрались в одну. Домашние, вещи за исключением самых необходимых, были розданы соседям. Всю ночь на 1 ноября коммуна провела в бдении и молитве. А на следующую ночь, вся она, в числе около 80 человек, на тайно нанятых подводах, отправились в Киев, более чем за 80 вёрст от Турбовки. Ночь была тёмная и отъезд малеванцев произошёл незаметно.

В Киеве они остановились на Подоле, на одном из постоянных дворов и стали устраивать свои богослужения. На одно из них, 6 ноября, собралось очень много любопытных. В Киеве знакомы со штундистами и штундистскими молитвенными собраниями, но приезжие мало походили на киевских штундистов. Худые, измождённые лица с воспалёнными глазами, тихий экстаз мужчин, нервные всхлипывания женщин, весёлые личики детей, принимающих участие в общей молитве, всё это мало походило на обычные штундовые богомоления. Приезжие пели: Отче наш, Верую и какие-то гимны и, опустившись на колени, с воздетыми руками, с воплем

призывали к себе своего отца – Бога. Явилась полиция, но на все вопросы об именах и месте жительства приезжие однообразно отвечали: „мы малеванные и идём к отцу своему“. Кто же ваш отец и где он? спрашивали их: – „Отец наш Малеванный и живёт в земле обетованной“, слышалось в ответ. Пробовали спрашивать по одиночке, но все они, мужчины, женщины и дети, твердили одно: „мы – малеванные и отец наш Малеванный“.

В Киеве малеванцы мало известны, хотя здесь и проживает одна семья малеванцев, и потому из ответов приезжих и полиция, и никто из присутствовавших посторонних любопытных ничего не поняли. На настойчивые расспросы полиции, приезжие объяснили, что зовутся они „малеванными“ потому, что они суть те святые люди, которых „малюют“, т. е. рисуют, изображают на иконах; „Малеванный“ же есть Бог Отец, нарисованный, „намалёванный“ во всей вселенной, во всех церквях. Когда в ответ на такое объяснение из толпы присутствовавших православных слышались насмешки над этими новоявленными святыми, малёванные (мы так будем называть их в отличие от остальных малеванцев) стали угрожать грядущей в скором времени казнью на всех, их не приемлющих. Полиции не оставалось ничего делать с этими явно сумасшедшими людьми, как отвести их в участок, где и разместили их в двух камерах, отдельно мужчин и отдельно женщин и детей, на что к слову нужно сказать, малеванные сильно возроптали, не желая разъединяться. Об арестованных сектантах полиция сообщила местному приходскому священнику, а тот, в свою очередь, сообщил миссионерам, которым опознаны были Лысенко, Дементий Рудчук, Агафья Рудчук, Мария Сосновская, Клеваденко и другие. Остальные малеванные, по приказанию Лысенка, сами себя назвали. Завязалась беседа, то общая, со всеми сектантами, за которых говорил Лысенко, то частная, по разбившимся отдельным группам. Эта беседа показала присутствовавшим миссионерам, что Лысенко со своими последователями сильно изменили первоначальные воззрения малеванцев и выделились в особую секту, которую они сами называют „малеванной“, а себя – „малеванными“.

С. Патехин
(Окончание следует).

**Чельцов М. Единоверие за время столетнего
существования его в Русской церкви ¹⁴⁶ //**
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 249–258

В 1872 году Т. Ив. Филиппов в С.-Петербургском обществе любителей духовного просвещения выступил с чтением о нуждах Единоверия. В этом чтении он проводил те мысли, что клятвы собора 1667 г. положены вообще на всех, содержащих старые обряды, следовательно, и на. единоверцев, что один Св. Синод без сношения с восточными святителями снять их не мог, что и теперь на единоверцев смотрят не как настоящих и истинных православных и близких матери Церкви сынов её, что они ограничены многими условиями и препятствиями к единению с Православной Церковью и т. п. Мысли эти, высказанные в первом чтении сравнительно ещё неясно и скрытно, в последующих чтениях 1872–1874 годов были обоснованы автором и выражены со всей возможной для печати прямоотой и резкостью¹⁴⁷. У автора их здесь же – в обществе – при самом первом чтении оказались очень сильные оппоненты – профессора СПб. духовной Академии – И. Ф. Нильский, И. В. Чельцов, протоиерей о. Васильев и др. Возгорелся спор сначала устный – в обществе, потом письменный – в печати. Содержание чтений и спора печаталось в Правительственном Вестнике, а оттуда и в других газетах. Поэтому скоро он стал известен не только в столицах, но и в глухих уголках России. Как единоверцы, так и раскольники очень усиленно следили за всем, происходившим в обществе, и сильно волновались и также спорили и между собой, и с православными. Мысли, проводимые Т. И. Филипповым, раскольникам дали новый материал в их обвинениях и насмешках над Единоверием, а единоверцев сильно смутили и опечалили. Некоторые из последних стали обращаться к печати с вопрошениями, как им понимать чтения г. Филиппова и относиться к ним, что предпринять по их содержанию и отвечать раскольникам и т. п.¹⁴⁸. Кое-где стали снова поговаривать о том, что необходимо возобновить ходатайство перед правительством о расширении

церковных прав единоверцев. По местам возникли сильные разногласия среди самих единоверцев. С особенной силой они проявились в Петербурге и в Москве.

В Петербурге волнения произошли вследствие выбора в 1874 г. старосты церковного для Большеохтенской Дмитриевской церкви. Выбран был прежний староста – купец Иванов, но выбран вопреки синодальному распоряжению от 3-го марта того же 1874 года, не допускавшему Иванова к выбору в старосты, и выбран был, кажется, с целью оппозиционного отношения к Синодальному определению¹⁴⁹.

В Москве разногласия были более существенны и проистекали из более важных причин. По избранию прихожан, священником при Троицком единоверческом храме в Москве был назначен священник из г. Ржева, Тверской губ., о. Иоанн Звездинский. Этот свой переход в Москву обусловил тем, чтобы в богослужении Троицкой церкви были приняты изменения, существующие в других единоверческих храмах, а именно: на великом выходе оставить поминовение словами, шесть раз повторяемыми: „всех вас да помянет Господь Бог во царствии своем“, причащать мирян Св. Таин по три лжицы, женщинам, причащающимся не входить на солею, а священнику для причащения их сходить с солеи и некоторые другие... Некоторые из этих изменений, например, причащение мирян по три лжицы Св. Таин, практиковались в некоторых единоверческих церквях Москвы уже давно. Это последнее изменение внесено было священником о. Симеоном Морозовым, также из Ржева перешедшим в Москву. Уже при м. Филарете была попытка закрепить этот обычай архипастырским благословением, но архипастырь не только отклонил просьбу об этом, но и убеждал просителей держаться всего церковью принятого обычая. Теперь, при вступлении священником Троицкой церкви о. Звездинского, вопрос об этом изменении, равно и о других, снова возобновился. Среди многих прихожан о. И. Звездинский нашёл горячих единомышленников. Но против всех этих изменений восстал старший священник той же Троицкой церкви о. Георгий Воздвиженский со многими из своих прихожан. О. Воздвиженский, более 20 лет священствовавший при означенной

церкви, никак не хотел допустить новшеств – предлагаемых о. Звездинским изменений. Начались собрания прихожан; спором заинтересовались и другие московские единоверцы; скоро разногласия перешли на обсуждение печати... Но партия охранителей старины с о. Воздвиженским во главе, как отстаивавшая положенное в самих старопечатных книгах и в правилах 1800 года, одержала верх, и дело опять кончилось ничем¹⁵⁰.

Но влияние чтений „о нуждах Единоверия“ отразилось среди единоверцев и более существенным образом.

Провинциальные единоверцы, не задаваясь, под влиянием толков о нуждах Единоверия, широкими задачами, надумали ходатайствовать перед правительством об удовлетворении некоторых более существенных из них. С этой целью в августе месяце 1877 года купцы единоверцы, съехавшиеся в Нижний-Новгород на Макарьевскую ярмарку, составили прошение в Св. Синод. В этом прошении указав на то, что „долговременный опыт показал, что единоверческая церковь имеет нужду в более широких правах относительно своих действий на раскол и для ещё полнейшего единения её с православной церковью“, купцы-единоверцы „требовали дополнить“ правила Единоверия следующими пунктами: 1) чтобы в единоверческие училища дозволено было принимать детей не только единоверцев, но и раскольников и православных; 2) что бы единоверческое духовенство службы и требы совершало в своих церквах, и по старинным книгам единоверческой печати; 3) чтобы единоверцы, вступающие в браки с православными, венчались по их желанию в единоверческом или православном храме, – чтобы и дети их были также по желанию их крещаемы; 4) чтобы допустить свободный переход в Единоверие, так чтобы лицам, записанным в церковных православных метриках, но на деле к церкви не принадлежащим, дозволено было, в случае их желания, приписываться к приходам единоверческим; 5) чтобы было всем ведомо, что грамота патр. Константинопольского о свободе обрядов (от 1655 г.) утверждена и в руководство для Всероссийской церкви принята и 6) чтобы было подтверждено, что бы не слышались распри, раздоры и хулы ни с одной

стороны – единоверцев и православных за содержание разных обрядов¹⁵¹.

Под прошением этим подписалось 20 человек, между коими не было ни одного ни московского, ни петербургского купца. По содержанию своему прошение 1877 года ничего особенного не представляло: всё просимое уже было предоставлено единоверцам давно, кроме просимого в п. 4 о свободе перехода в Единоверие.

В следующем 1878 г. в марте месяце надумались подать прошение в Св. Синод и московские единоверцы. Таковое, действительно, за подписью 33-х лиц и было послано. Нового с прошением 1877 г. оно содержало очень немного, повторяя собой прошение 1877 года. Новым было разве то, чтобы моления за Государя и Царствующий дом во время богослужений дозволено было совершать им во всём согласно по старопечатным книгам, или по вновь издаваемым от Св. Синода формам, смотря по желанию прихожан и чтобы как духовным лицам, так и мирянам со стороны православных и единоверцев была предоставлена полная взаимная свобода участия в богослужении и общения в таинствах, вопреки пункту 11-му правил 1800 года¹⁵².

Наконец, 26 августа того же 1878 г. в Нижнем-Новгороде потому же поводу происходил съезд немногочисленных представителей Единоверия. Присутствовал на нём и принимал участие известный иеромонах Пафнутий¹⁵³, прибывший из Москвы с разрешения м. Иннокентия. На съезде было составлено в Св. Синод прошение и подробная докладная записка. В прошении, упомянув вначале о том, что Св. Синодом разрешено и благословлено употребление старообрядцами старых обрядов, просители пишут:

„К сожалению сие разрешение и благословение старого обряда доселе остаётся не обнародованным от Св. Синода никаким нарочитым актом в прямых и ясных выражениях... Таковая неопределённость всегда лежала и лежит тяжёлым бременем на совести единоверцев, по наследованию от предков, нетерпимо относящихся ко всему, что умаляет достоинство святительства, и ещё в 1864 г. вызвала их на

всеподданнейшее прошение от московских единоверцев, о разрешении вопроса о клятвах посредством сношения российского Св. Синода с восточными святейшими патриархами. И ныне, в августе прошедшего 1877 г. от единоверцев разных мест России и в марте текущего 1878 г. от московских единоверцев поданы два прошения в Св. Синод. И мы, уполномоченные от единоверческих обществ и частные лица, нарочито собравшиеся в нижегородской ярмарке, сим покорнейше просим святейший правительствующий Синод, дабы ваше святейшество благоволило по всему прописанному в сих прошениях и прилагаемой при сём докладной записке учинить решение и, согласно сей нашей просьбе, обнародовать своё святительское разрешение и благословение нарочитым актом в точных и ясных выражениях, дабы всем ясно было, какой смысл соединяют святители православия с принятием нас в общение и с личными их служениями в наших храмах, в заграждение уст противников церковного мира и союза, в утешение же, одобрение и утверждение нас в послушании церкви...¹⁵⁴

Как видим, ходатайства единоверцев от 1877 и 1878 годов далеко не похожи на ходатайства 1864 года. Теперь главным образом просят не лишнего, что бы отделяло их от православных, но, действительно, много „нужного“ для преуспевания Единоверия; теперь не требуют, а только молят; теперь не с высокомерием и сознанием своей правоты утруждают Государя и его министров, а почтительно, сыновне любовно, покорнейше просят своё духовное начальство Св. Синод. Разумеется, что такого рода воззвание единоверцев к Св. Синоду не могло остаться не услышанным и „нужда“ просителей – не удовлетворённой. И, действительно, от 8-го мая–17 июня 1881 г. Св. Синод сделал своё определение по поводу просимых единоверцами дополнений некоторых пунктов правил 1800 года. 4-го июля Государь Император Высочайше соизволил дать своё согласие на означенное синодальное определение.

В определении своём Св. Синод нашёл прежде всего необходимым вновь выразить, как было уже изъяснено в правилах 1800 г., что *учреждение единоверческих церквей последовало по снисхождению православной церкви, для*

облегчения отторгшимся от неё пути возвращения в лоно церкви: что единоверие, исповедуя догматы христианской веры в духе и истине вселенского православия, однако отправляет богослужение и церковные требы по книгам не чуждым, в словах и обрядностях, некоторых погрешностей с отступлением от общепринятого на всём православном востоке церковного чина“. Поэтому далее говорилось в определении, если некоторое дополнение правил Единоверия и может быть допущено, то только для облегчения отторгшимся от церкви соединиться с ней и с устранением всякого соблазна и недоумения. Дополнения же Св. Синод нашёл возможным сделать следующие: 1) предоставил детей, рождённых от браков православных с единоверцами, крестить по желанию в православной или единоверческой церкви; равным образом и другие таинства принимать в той и в другой церкви. 2) 5 пункт правил 1800 г. Св. Синод дополнил разъяснением, что разрешается присоединяться к Единоверию тем из записанных православными, кои не менее 5 лет уклонились от исполнения таинств православной церкви и не иначе, как с особого для каждого из таких лиц разрешения епархиального архиерея; 3) не встретил Св. Синод препятствий и к тому, чтобы православные обращались к единоверческим священникам для исполнения христианского долга исповеди и Св. причащения, хотя и ограничил это обращение особо-уважительными случаями и с тем притом, чтобы подобное обращение отнюдь не служило поводом к перечислению православного в Единоверие. И таковой православный обязывался представить своему приходскому священнику свидетельство о бытии у исповеди и причастия для записи в книгу приходской церкви, – по поводу же просьбы единоверцев, чтобы возбранены были с обеих сторон распри, раздоры и хулы, Св. Синод, найдя всё это желательным, выразил надежду, что и сами единоверцы воздержатся от всякой укори́зны на служение по исправленным книгам и не станут и сами чуждаться общения со всеми чадами Православной Церкви в молитве и таинствах и священникам своим препятствовать. А православные при посещении ими единоверческих церквей обязываются. соблюдать уважение к уставам и

чинопоследованию оных, так и оказывать подобающее святыне храма благоговение. Что же касается выраженного единоверцами желания касательно разъяснения Св. Синодом смысла клятв собора 1667 года, то единоверцам должно быть известным, говорилось в определении Св. Синода, *„что клятвы положены не на обряды, содержимые приемлющими Единоверие, а на тех, которые по неразумному пристрастию к сим обрядам, вопреки любви христианской и послушанию, отделились и отделяются от православной церкви, почитая оную еретическую“*... Но в одном пункте просьбы единоверцев, именно московских, – *„чтобы моление за благочестивейшего Государя Императора и о всём Царствующем Доме, во время богослужений в единоверческих церквах, дозволено было совершать или во всём согласно по старопечатным книгам, или по вновь издаваемым Св. Синодом формам, смотря по желанию и согласию прихожан“* – было отказано на том основании, что возношение при богослужениях имён Августейшего Дома по синодальным формам испрошено в 1800 самими искавшими Единоверия, и что нынешнее ходатайство клонится не к дополнению, а к совершенному уничтожению 15 пункта правил Единоверия...¹⁵⁵.

В 1885 г. Св. Синодом было сделано ещё небольшое дополнение к правилам 1800 г. По просьбе Уфимского преосвященного Св. Синод разъяснил, что при присоединении из раскола в Единоверие подлежит довольствоваться выдаваемыми присоединяющимися лицами подписками, не требуя засвидетельствования таковых подписок волостными и сельскими правлениями. Это последнее обстоятельство не мало по местам тормозило рост Единоверия. Не говоря уже о том, что требовался лишний бесполезный труд от желающих присоединиться к Единоверию, эти не редко в волостных и сельских правлениях членами, их – раскольниками отговаривались от благого желания быть единоверцами и оставались по-старому раскольниками¹⁵⁶.

Не смотря на вышеприведённые дополнения правил 1800 г. и на устранение многих нужд Единоверия, единоверцы всё-таки не успокоились. Желания получить большее не оставили их и

потом побуждали снова ходатайствовать перед правительством. Так в 1885 году московскими единоверцами было подано в Св. Синод новое прошение „об издании от его имени постановления, в коем было бы разъяснено, что православная Греко-российская церковь не утверждает и не разделяет тех порицательных выражений об именуемых старых обрядах, которые содержатся в противораскольнических сочинениях прежнего времени“. В основание своей просьбы единоверцы указывали на то, что „означенные порицательные выражения, смущая единоверцев, препятствуют и обращению раскольников в лоно православной церкви на правила Единоверия“¹⁵⁷. Причиной же возбуждения просьбы было, вероятно, то, что в издаваемых с благословения Св. Синода полемических против раскола сочинениях прежнего времени порицательные выражения оставались без убавлений и изменений, – и даже без оговорок; ссылаясь на это, раскольники и смущали единоверцев, внушая им, что Св. Синод изданием этих сочинений ясно-де показывает своё согласие с ними и с их порицанием на старые обряды. А между тем в определении Св. Синода от 1881 г. об этих порицаниях ничего не было оговорено; сказано лишь было о клятвах 1667 г., таким образом это ходатайство проистекло из неудовлетворённости единоверцев определением 1881 г. Естественно было и Св. Синоду удовлетворить этому ходатайству. И, действительно, он, дабы успокоить единоверцев и отнять у раскольников всякий предлог к оправданию своего отделения от Церкви, издал от 4-го марта 1886 года известное „Изъяснение о содержащихся в полемических против раскола сочинениях прежнего времени порицаниях на именуемые старые обряды“.

Упомянув в начале „Изъяснения“ о книжной справе при п. Никоне и о появлении раскольников с их дерзкими, хульными и лживыми порицаниями и обвинениями на православную Церковь, Св. Синод разъясняет, откуда проистекли у некоторых православных полемистов резкие иногда порицания и как на них должно смотреть. А в конце „Изъяснения“ ясно, прямо и открыто высказывает своё отношение к этим порицаниям и, к так называемым, старым обрядам.

„В устранение всяких лже-толкований и в прекращение всяких сомнений, *Святейший Синод Церкви Российской посредством настоящего изъяснения даёт* знать всем, что православная Церковь признаёт содержащиеся в полемических против раскола сочинениях прежнего времени порицательные отзывы и выражения об именуемых старых обрядах принадлежащими *лично писателям сих сочинений*, которыми они произнесены по особенной ревности о защите православной Церкви и содержимых ею обрядов от нестерпимо дерзких хулений на оные со стороны раскольнических писателей: сама же не разделяет и не подтверждает сих отзывов и выражений. Православная Церковь признаёт подлежащими отлучению и клятве всех не покоряющихся постановлению великого Московского собора о новоисправленных Церковно-Богослужбных книгах, чинах и обрядах, то есть всех тех, которые, в противность сему постановлению, признают исправленные книги, чины и обряды неправо исправленными, даже еретическими, объявили за их исправление православную Церковь падшей, безблагодатной, заражённой ересями, и не имеют общения с нею, а в знак своего противления сей Церкви и порицания содержимых ею обрядов употребляют и требуют исключительно употреблять, так называемые, старые обряды, которым усвояют притом значение неизменяемых догматов веры и противный православию смысл. Но подвергая такому суду неразумных и ожесточённых ревнителей именуемых старых обрядов, православная Церковь *не произносила* и не произносит никакого осуждения и порицания *на эти обряды*, которые сами по себе и независимо от значения, усвоенного им раскольниками, признавала и признаёт не представляющими ничего противного православию и употребление их, не в знак противления Церкви, но в полном общении с нею, по её собственному благословению, вполне дозволенным.“

Этим „Изъяснением“ Св. Синода заканчивается ряд мероприятий церковной власти к устроению внутренней жизни единоверцев и к успокоению появлявшихся среди них волнений, колебаний и сомнений. Казалось бы, этой материнской внимательностью и заботой об удовлетворении нужд

единоверия, высшая власть Церкви русской, должна была бы уверить единоверцев, что и они такие же чада её, как и прочие православные, – должна бы успокоить и сблизить их с собою. Но, к сожалению, не все из Единоверцев проникаются таким попечением о них Церкви; среди многих из них ещё и теперь, и в очень сильном возбуждении, бродят разные мысли о нуждах единоверия, о неудовлетворительном положении его и т. под.; среди многих из них не только живы, но ещё и теперь действуют многие старые желания, которые волновали их в истекшем столетии. С этими желаниями они переходят в новое столетие их жизни, а чем закончится всё это, покажет будущее.

М. Чельцов

(Окончание следует).

Ивановский Н. И., проф. Внутреннее устройство секты странников и бегунов ¹⁵⁸ // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 259–279

VIII. Крещение в секту бегунов. С. 259–264

Всякий последователь странничества, кто бы ни были «жиловой» только или и «видовой», должен принять крещение по бегунскому образу. Это потому, что, считая только своё общество царством Божиим, т. е. истинной, убежавшей в пустыню, церковью, бегуны не признают за действительное никакого иного крещения, как только в своём обществе. Древний принцип св. Киприана, – церковью не принятый, – что «еретическое крещение не есть крещение, но паче осквернение», они проводят со всей последовательностью, не обращая внимания и на сам способ крещения через троекратное погружение во имя Св. Троицы, и на соборные о сём правила последующего времени. Таким образом, всякий вступающий в действительное странствование, должен быть перекрещен.

Крещение жилых совершается иногда очень скоро, без всякого приготовления; это в том случае, если пожелавший крещения заболевает. При этом совершается оно, кем придётся, только «истинным христианином», т. е. крещённым бегуном или и бегункой. Но при обычном течении жизни существуют у бегунов известные требования и соблюдаются ими известные обычаи.

Во многих случаях крещение отлагается до старости, как и сам уход в бега, или в сокрытие. И во 1-х, лиц, занимающих известные должности, сопряжённые с пребыванием в миру, крещением не торопят. Во 2-х, люди, привыкшие к домовитости, имеющие хозяйство, особенно детей, также не спешат покинуть мир. При этом у тех и других могут быть и высшие соображения, о которых мы упоминали, т. е., чтобы омыться в крещении от грехов как можно ближе к смерти.

В 3-х, принято, наконец, и за правило, чтобы всякий жилой бегун, по обращении в секту, прожил в миру не менее шести лет.

Когда кто-либо, – молодой или и пожилой – уходит из мира и поселяется в келье, то они по несколько лет живут в келье некрещёнными. Их готовят к крещению посредством испытания в вере и в жизни. Когда же живущий в келье признан будет достаточно испытанным и приготовленным, то назначают время крещения. перед этим временем, в течение 40 дней

назначается особый пост, во время которого, кроме субботы и воскресенья, не дают ничего горячего, запрещают ходить в баню и сверх сего на каждый день назначают по 1000 земных поклонов. Это приготовление к крещению именуется «приглас», т. е. приглашение к восприятию крещения и иноческого чина. Обратившаяся об этом времени «пригласа» рассказывает так: «Бывало, особенно в первое время, ноги от поклонов так устанут и расслабят, что на небольшую лесенку в спальню едва поднимаешься, а как только поднимешься, так на пол и ляжешь, и всю ночь ноги тоскуют. И днём ходишь точно расслабленная. Одно подкрепляло и носилось в уме, что скоро буду «христианкой». Но в конце я стала чувствовать себя бодрее, силы мои как будто восстановились и тысяча поклонов казались уже совершенно лёгкими». Когда кончится время «пригласа» ново-присоединяемого или ново-присоединяемую приводят на «собор», где они должны выбрать себе крёстного и крёстную. Малолетним выбирают сами воспитатели и воспитательницы. и на «собор» их не приводят. На другой день после этого совершается крещение в проточной воде, или, чаще всего, в кадке, где-нибудь на дворе, около забора под навесом, или в сарае. В стоячей воде, в находящихся около дома прудах, не крестят, потому что в одной воде можно только раз окрестить, да и брать воду после крещения, – зазорно.

Крещение совершает наставник – креститель. Вот как продолжает свой рассказ про своё крещение обратившаяся: «Утром начали носить воду в купель. Это была кадочка в мой рост. Собрался народ из келий, были и посторонние из жилых. Началось «соборное» моление по уставу. перед началом моления произнесено было отречение от ересей, а затем совершено положение «начала» к восприятию крещения, после которого и мне можно молиться с «христианами». День крещения, 2 ноября, был морозный и пасмурный. Воду в купели сверху затянуло льдом. По окончании моления вывели меня на двор, раздели в уединённом уголке, полотенцем перевязали талию, чтобы за концы полотенца можно было меня держать, и поставили в купель. Вода была ужасно холодная... Я стояла обращённой на восток, скрестив руки с двуперстным

сложением... Креститель подошёл к купели и, положив правую руку на мою голову, а в левую взяв концы полотенца, погрузил мою голову, с словами: «крещается раба Божия, Евстолия, во имя Отца, аминь». Как варом обдало вдруг мою голову, я чувствовала, что вода вливается в уши, в нос, в рот и ещё секунда и я захлебнулась бы. Так погрузили три раза, с произнесением соответствующих слов. После третьего погружения креститель за полотенца поднял меня на воздух и опустил на белую простыню. В комнате одели меня в белое одеяние; все поздравляли меня с ангелом и просили молитв»¹⁵⁹. По окончании крещения ново-крещённых отводят в особую келью, или оставляют в моленной. Здесь они живут 7 дней; для этого в моленной и кровать ставится; В 8-й день крещальные белые одежды снимают и, одев в обычное одеяние, отводят на место жительства. Любопытен самый обряд, происходящий в 8-й день после крещения. После обычных служб с молебном дневному святому, имя которого дано ново-крещённому, и после принесённых поздравлений, снова зажигают свечи и лампы перед иконами и крёстный, или крёстная, получив благословение настоятеля «для омовения», отводят крещённого в уединённую комнату, где, окатив его тёплой водой, переодевают из белого одеяния в чёрное. Это выражает как бы пострижение в монашество. Потом снова вводят в келью, где настоятель и крестные благословляют иконами, при пении псалмов «Благослови, душе моя, Господа» и «Благословлю Господа на всякое время». После этого настоятель говорит крещённому и восприемникам речи. Обратившаяся в своих воспоминаниях так передаёт сделанное ей назидание. «Настоятель (С. О.) подошёл ко мне, положил руку на голову и стал говорить мне, как я должна жить; помнить каждую секунду, что я христианка, должна и поступать согласно этому званию: и во-первых, держаться своей веры твёрдо и не оскверняться ересями, во-вторых, – поститься, молиться, говорить перед старшими всегда правду, (лгать исключительно можно только перед полицией, где и ложь бывает во спасение для сохранения веры и своей братии), иметь беспрекословное послушание и проч. и проч. Затем он обратился к моей восприемнице и к воспитательнице, говоря им,

что они обязаны ответ отдать перед Богом за душу, оставленную на их попечение и многое другое в этом роде. В продолжение всех речей я стояла перед ним с наклонённой головой и с опущенными глазами, скрестив руки на груди. Каждое его слово точно врезывалось в моей памяти раз на всегда».

Случаются при крещении у бегунов и вещи курьёзные. Раз крестили молодую девушку, лет 20-ти, тоже на дворе. Потому ли, что она неохотно задумала креститься, или потому, что вода была слишком холодна, – дело было почти зимой, – но прежде, чем она была погружена, выскочила из кадочки и, обнажённая, забегала по двору; за ней погнались старухи с шубами и с другой одеждой; долго не могли её нагнать, наконец поймали и увели в келью. После окрестили её два года спустя, но уже не в Казани, а в другом месте, с именем Дросиды. Другой случай. Три года назад жилые последователи бегунства увезли из деревни для перекрещения семидесятилетнюю старуху, которая, видимо, креститься не желала, но находилась под влиянием своих семейных, желавших этого. В неизвестном доме, в Ягодной слободе приготовили уже всё нужное для крещения, и старуху поставили в кадку. Кадочка видимо была невысокая, так что старуха, чтобы можно было погрузить её голову, должна была пригнать колени; этого она сделать не захотела, или, быть может и не могла, вследствие слабости и болезненного состояния. Тогда, вынули из кадки и, чтобы насильно заставить её подогнуть колени, привязали за обе ноги около ступней по полотенцу и спустили снова, держа концы полотенец в руках, потянули за них, чтобы старуха пригнула колени и можно было бы погрузить её голову. Старуха не выдержала и... крещение не совершилось. Так и отвезли её домой непорекрещённой¹⁶⁰.

Если крестят больных вблизи моленной, то случается, что, оставленный на 7 дней в моленной, он тут и умирает. В 1896 году перекрещённый в бегунство крестьянин Владимирской губернии, шуйского уезда Зорин; – по поводу смерти которого производилось судебное дело, ¹⁶¹ – в моленной и умер. Умерших, всех без исключения, бегуны хоронят секретно, в местах неизвестных, иногда в огородах, или вблизи овинов, даже на пашнях, по большей части в лесу, или в поле. Недавно

открыто целое кладбище бегунов в Каргопольском уезде, но по поводу чего производилось судебное следствие. Класть покойника в гроб не полагается, – исключение было сделано только для Никиты Семенова, – обыкновенно же трупы их завёртывают в рогожу. На место погребения отвозят ночью двое особо назначенных наставником людей, при надёжном кучере, из жиловых. Трупы зарывают в землю не глубоко, в том соображении, чтобы антихристова земля не слишком давила «истинного христианина». Притом ноги зарывают несколько ниже, чем голову, чтобы, когда прозвучит труба архангела, легче было подняться. Вследствие этого бывает, что трупы размывает водой и их находят. Так лет 7–8 назад найдено было несколько детских трупов в д. Мазинове Царёво-кокшайского уезда и лет 6 назад труп упомянутого старика Зорина в Шуйском уезде.

IX. Вопрос о душителстве у бегунов. С. 265–279

С вопросом о смерти бегунов и безвестности их погребения связывается вопрос о насильственной смерти через удушения. Действительно, неизвестность смерти и погребения даёт широкий простор для разного рода предположений, частью совершенно неверных, частью же довольно правдоподобных. – Люди, хорошо всем известные, вдруг куда-то исчезают. Оказывается, что они умерли. Иногда перед смертью они уходят в известный дом, где и кончают жизнь. Тоже бывает и с детьми, которых уносят больными из своего дома и которые в другом доме умирают и неизвестно, где хоронятся; иногда они умирают и в своём доме, но неизвестно кем, – какими-то пришлыми людьми, – увозятся для погребения. Вследствие этих ли только обстоятельств, или на основании каких-либо фактических данных, доселе не обнародованных и нам неизвестных, – только лет 17 назад появилось мнение о существовании у бегунов душителства, под именем «красной смерти» – в настоящее время довольно распространённое.

В газете «Неделя», за 1883 год, была напечатана заметка о секте подпольников в Костромской губернии. В этой заметке в первый раз сообщалось, между прочим, и об ужасном обычае «красной смерти», существующем у них, по уверению автора заметки. Откуда он почерпнул убеждение в этом, из заметки не видно. Тем не менее мнение относительно «красной смерти», неизвестно в точности каким путём, проникло и в наши местности. Оно стало высказываться не только в местной печати, но и в официальных бумагах. На самом деле, человек логически рассуждающий легко может прийти к такому заключению: если появилось и существует известное название, то должно же оно и выражать что-нибудь, должен же существовать и предмет, носящий это имя. К тому же в 1889 году некто Чихирев, живший в среде бегунов, сделал сообщение, кому следует, о бегунских пристано-держательствах, в котором заявлял и о «красной смерти». Наконец, по слухам нам лично сделалось известным, что про «красную смерть» знает один сельский священник Царёво-кокшайского уезда. Последнее

обстоятельство и побудило нас обратиться к нему письменно с вопросом об этом, и вот его ответ. – «Имею честь сообщить вам, что я и сам слышал о «красной смерти». Был случай такого рода: одна крестьянка была взята замуж за православного; муж проживал на крупчатой мельнице около Казани. В отсутствие его жена захворала. Так как дома, в деревне, ухаживать было некому, то отправили её к матери, раскольнице. Сколько она хворала, неизвестно, но сделалось ей хуже. Дают знать мужу, что жена умирает. Муж является с мельницы домой, едет с своим отцом к тому дому, где находится его жена, входит в избу, никого нет, кроме его жены, лежащей на полу, подходит к жене, она и говорит ему, что её уже отчитали, скоро красная смерть придёт. Мужик об этом слышал, но не знал, что за красная смерть, сходил к отцу за ворота, который сидел в санях, и сказал, чтобы он подождал, а сам залез на печь, в угол и дожидался, что будет. через четверть часа является из подполья молодой парень с красной подушкой, наваливается на больную и начинает её душить. Муж соскочил с печи; парень видит, что дело плохо, схватил подушку и отправился назад, туда же. Муж собрал жену и увёз домой, которая, как слышно, ещё долго жила. В какой деревне это было, мне неизвестно».

Из официальных донесений можем указать на следующие. Царевококшайский исправник от 14 марта 1890 года рапортовал, что он производил осмотр в д. Старом Мазикове и вместе с тем полицейское дознание. На дознании жена волостного писаря Авдотья Кривошеева показала, что она 5 лет была учительницей в Старом Мазикове, и тогда крестьянка Татьяна Егорова рассказывала ей, что если больной подпольник должен умереть, то своей смертью умереть ему не дают, а убивают его посредством удушения. Казанский полицеймейстер от 27 марта того же года сообщал духовной консистории о душительстве бегунов, как о факте, молва о котором довольно распространена в народе. Между прочим, он писал, что диакон Ягодинской церкви удостоверял, что года два тому назад в доме Варвары Яковлевой Штулиной, в бытность его там, приходил какой-то маляр и рассказывал, что мужа сектантки Судаковой, Семёна Иванова Судакова во время болезни задушили его единоверцы,

когда маляр был в избе и лежал на печке. Домовладельца Штулина высказала, что, действительно, какой-то маляр передал работавшим на дворе её плотникам, что Судакова задушили приглашённые люди, но кто – они, а также маляр и плотники, она не знает. В тоже время в одном доме, в Адмиралтейской слободе был найден труп неизвестного умершего старика, который и был отправлен в анатомический театр для вскрытия.

По всем означенным данным производилось несколько судебных следствий и одно дополнительное, прямо по вопросу о «красной смерти», следователем по особо важным делам, в присутствии эксперта, что необычайно. Задачей последнего следствия и было то, чтобы через опросы лиц, отказавшихся от учения бегунов и давших в том подписку, а некрещённых детей, окрестивших в церкви, – попытаться разъяснить подозрение в душительстве. Были вызваны следователем и опрошены несколько крестьян Старого и Нового Мазикова. Но все опрошенные, а также и священники села Морки, к которому означенные деревни принадлежат, показали, что о «красной смерти» им ничего неизвестно. Те, на которых указывали вышеупомянутые – священник и учительница – не подтвердили их показаний и засвидетельствовали, что о «красной смерти» они ничего не говорили. Отправленный в анатомический театр труп неизвестного старика был подвергнут вскрытию и оказалось, что смерть его была естественная, удушения производимо не было, даже и покушению на таковое он, старик, не подвергался (Показан. пристава 6-й части).

Так эти расследования и не привели ни к чему. Все судебные следствия были прекращены по отсутствию состава преступления (ст. 277 уст. угол. судопроизв.). Но затем, в 1895 году возникло дело во Владимирском окружном суде по Шуйскому уезду о смерти крестьянина д. Зыбихи Андрея Зорина, 63 лет. Обстоятельства этого дела, как они изложены в обвинительном акте, проверенном на судебном следствии, давали фактические основания подозревать у бегунов душительство. 16 сентября 1895 года крестьянские дети, пошедшие в лес за грибами, натолкнулись на труп Зорина,

оказавшийся зарытым без гроба, в узкой и неглубокой могиле, в 5–7 вершков глубины, причём голова лежала выше, чем ноги. Труп завернут был в рогожу, в руках была лестовка, на теле медный крест. По произведённому следствию выяснилось, что в означенной деревне Зыбихе имеется несколько раскольниковых семей, а во главе их стоит отставной рядовой из местных крестьян Прокопий Маурин, в 1881 году водворённый на родине после 26 летнего нахождения в бегах из военной службы. Здесь, в доме своего племянника Фёдора Маурина он тогда же устроил молельню и стал именоваться «попом». Вскоре за появлением Прокопия Маурина в д. Зыбихе стали наблюдаться случаи исчезновения последователей веры Мауриных. Исчезнувшие лица ушли будто бы «Богу молиться», – обычная отговорка у бегунов. К последователям Маурина примкнул года за четыре, (а может быть, и больше) и старик Зорин. Он говорил, что «нашёл самую лучшую веру и в этой вере желает умереть, лишь бы успеть перекреститься, тогда грехи останутся на этом свете, а я явлюсь на будущий, как младенец». В конце июля Зорин заболел болезнью желудка; и хотя был на ногах и болезнь его опасностью жизни не угрожала, тем не менее он стал прощаться с родными и соседями и приблизительно через неделю после начала болезни исчез из дома. Выходит, это произошло в первых числах августа. Уйдя из своего дома, Зорин оказался в доме Мауриных, где с ним виделась, и его жена и звала домой. Но идти домой Зорин отказался, заявив, что он ей уже не муж, а принадлежит Христу. И на самом деле Зорин в это время был уже перекрещён и назван Василием. А так как бегуны, при перекрещении, дают имя, которое падает на 8 день после крещения, а имя Василия падает на 11 число августа, то можно заключать, что он был крещён 4 августа (как больному, ему никакого «пригласа», конечно не было). перед смертью, в последний день жена нашла его лежащим на постели в красной рубахе, (значит, в это время прошло уже 8 дней после крещения, так как до 8-го дня носят крещальные белые одеяния), – он был слаб, но разговаривал с ней. Около него находились три неизвестные странницы и Прокопий Маурин. Уйдя от Мауриных и пробыв некоторое время, – какое именно, не выяснено, – дома, она снова пришла к

Мауриным, где нашла мужа уже мёртвым. Мало того, он лежал уже под иконами, в белой рубаше, обвёрнутый в саван. При осмотре следователем дома Мауриных в нём оказались и подземные тайники. Найденный труп Зорина оказался значительно разложившимся. По заключению местного врача, который вскрывал труп, смерть Зорина последовала от паралича сердца, вследствие задушения. Врачебное же отделение Владимирского губернского правления пришло к заключению, что вследствие гнилости трупа сказать точно, от чего последовала смерть Зорина не представляется возможным, и решительное заключение местного врача тем ослабило. Вопрос об этом был перенесён в Медицинский Департамент М. В. Дел который и наклонил весы на сторону заключения местного врача. Вызванные в суд врачи – эксперты поддерживали заключение Департамента¹⁶². Учёный эксперт – специалист, отклонив от себя задачу сказать решающее слово относительно смерти Зорина, заявил, что эта задача лежит исключительно на медиках. С своей же стороны он остановил внимание на логической правдоподобности «красной смерти» с точки зрения учения бегунов и их уклонений от системы основателя секты. При этом он осветил некоторые тёмные стороны в деле и рассказал, что ему известно по данному вопросу из других дел. Присяжные заседатели вынесли подсудимым Мауриным обвинительный вердикт и таким образом подозреваемое в среде бегунов душительство получило фактическое подтверждение.

Когда последовало присоединение обратившейся и когда она сообщала нам материал для настоящих чтений, мы, естественно, поинтересовались и вопросом о «красной смерти». Ответом на вопрос было полное отрицание чего-либо подобного, по крайней мере в обществе статейников. И прежде всего она удостоверяла, что не один раз приходилось ей самой присутствовать при смерти некоторых лиц и читать отходную и ничего похожего на «красную смерть» при этом не было. «В последние минуты жизни наставники и келейные собирались около смертного одра и оставались до тех пор, пока больной не умрёт. По смерти все удалялись, кроме тех, которые должны омыть тело и распорядиться погребением. Затем, когда мы

проходили науку, то нас учили, что мученичество есть именно насильственная смерть от антихриста, а не добровольная, от руки своих же. Это с одной стороны было бы самоубийство, а с другой мучительство. Эти понятия нам строго внушали. Наконец, был случай, когда наши, в Сибири, спасли от голодной добровольной смерти, под видом мученичества, каких-то морельщиков¹⁶³. Если бы и наши проповедовали добровольное мученичество, они не стали бы спасать от этого других. Наконец, когда вышла в печати ваша статья, в которой говорится о душительстве, то её читали на собрании и много смеялись над тем, что там про это написано. А один присутствовавший старик, по имени Афиноген, обратившись к собранию, сказал целую речь, в которой проводил ту мысль, что клевета всегда преследовала истинных христиан, что и в прежние времена язычники распространяли молву, будто, христиане закапывают младенцев и пьют их кровь. Речь эта сильно произвела впечатление, тем более, что на собрании была и жена Судакова, которая лучше всех знала, что муж её умер от старости и болезни, а не был, как тогда говорили и о чём и у вас написано, – задушен. – Я и сама видела его: это был дряхлый и слабый старик».

Не имеем оснований не доверять всем этим рассказам, но не можем с такой же решительностью и принять общее заявление обратившейся. На основании всего сказанного мы должны быть осторожны в наших заключениях. И с одной стороны, если не мы, то другие могут сказать: «пусть бегуны смеются, сколько хотят и говорят в собраниях своих, какие им хочется, речи, – это их дело». Помимо этого, со стороны положительной, мы всё-таки имеем перед собой в 1-х, довольно распространённую народную молву и откуда-то появившуюся кличку «красной смерти», при исконном фанатическом настроении, присущем всему нашему расколу, – прославившему некогда самосожжение, как мученичество, а в последнее время заявившему себя изуверным фактом замуровывания, – при полной безвестности смерти и погребения бегунов. Во 2-х, перед нами установленный факт неестественной смерти Зорина от задушения. Что же касается незнания ничего подобного самой

обратившейся, то молодую, только 16-летнего возраста достигшую, девушку, вступающую только в жизнь, естественно было уберегать до поры – до времени от посвящения в такие секреты, которые своей грозной действительностью отнимали бы последнее утешение в жизни; – ведь и фанатизировать нужно не вдруг, а постепенно и осторожно, да и сам предмет требует соблюдения строжайшей тайны. – Вот почему, известным образом определяли при обучении и само мученичество; понятие и определение это могло впоследствии расширяться. Случай спасения от голодной смерти других стоит, конечно, ребром, но и здесь могло быть то соображение, что спасали от смерти чужих, а не своих, которых прежде нужно было обратить в свою веру и перекрестить; да и обстановка являлась совсем другой. Вообще, все приведённые рассказы не могут иметь решающего значения в смысле доказательств того, чтобы рассеять всякое подозрение.

Но с другой стороны отсутствие при народной молве фактических данных, обнаружение и вскрытие трупов некоторых умерших без каких-либо признаков насильственной смерти, даже и одного покушения на душительство и при этом всё выше рассказанное побуждают не спешить заключением и в положительном смысле. На единичном примере Зорина нельзя ещё ничего общего построить. Посему вопрос о существовании у бегунов душительства, в смысле принципиального особенно требования, и теперь, как мы говорили и в прежнем чтении (1891 г.) должно считать открытым. Признание же особой секты «красносмертов», со всеобщим требованием умереть мнимой мученической смертью, следует считать, по меньшей мере, преждевременным. Если бегуны на самом деле, вследствие этого, смеются над нами, то этот смех людей, на которых мы должны нравственно влиять, парализует наши усилия. Если мы явимся здесь судиями несправедливыми, произносящими свой суд без явных фактических улик, по одному лишь подозрению, то будут ли признавать за правду и там, где она для нас всего дороже, – что мы не – антихристы, что церковь наша – благочестивая, что истинное, св. евангелием возведённое, христианство у нас, а не у них – бегунов.

Мы кончили, и не можем не выразить сердечной, отеческой благодарности той, которая дала цельный, обильный материал для настоящих чтений.

В заключение, окидывая беглым взором всё сказанное, не можем не указать, хотя в общих чертах, на вред секты бегунов и на меры к её ослаблению.

1. Оставляя в стороне душительство, как нечто недосказанное, мы и помимо его не можем не усмотреть таких проявлений фанатизма, которые недалеко отстоят от изуверства. Основатель секты требовал от своих последователей или бегати, или с антихристом в брань вступить. Но так как вступать в открытую брань немыслимо, то кроющиеся в кельях и тайниках, давая полный простор необузданной фантазии, не хотят видеть ничего доброго и упорядоченного ни в церкви, ни в государстве. Церковь, это – сонмище нечестивых, подобных тем, которые и Христа распяли, а государство со всеми его учреждениями – сатанинский мир. И вот, куда ни ступи, везде антихрист. Сама земля заражена его скверной. Под влиянием этих фантастических грёз создан бегунами и весь порядок жизни. Натуры более пылкие уходят в леса, где и умирают едва не голодной смертью. Положим, это делают немногие; но зато сколько больных детей уносятся из своих домов и сколько из них встречают где-то, в чужом доме, может быть преждевременную смерть. Если же они и не умирают там, то, будучи перекрещены, навсегда уже разлучаются с своими домами и семьями. «Жиловые» родители, по какому-то извращённому чувству презрения к жизни в мире, жертвуют ими тогда, когда у малюток нет ещё ни своей воли, ни сознания. По поводу этих уносимых в бегунские дома детей, больных дизентерией, которых перекрещивали в холодное осеннее время, мы ещё в 1893 году писали в судебной экспертизе, что один этот факт, подтверждаемый массой примеров и общим требованием, близко граничит с изуверством, религиозным фанатизмом порождаемым. Суд не признал нашего объяснения соответствующим закону, и мы преклоняемся перед его определением, хотя не можем не выразить этого и теперь, из жалости к детям.

Далее, погребение умерших едва не на поверхности земли, в рогожах, целыми местами такие кладбища вблизи жилищ, около овинов, иногда погребение во дворах и на пашнях, всё это поругание человечеству и явление антисанитарное. Ещё далее крещение в озере, или в кадке, на дворе, в морозные дни, когда голову при погружении обдаёт «как варом», да и одно стояние в такой воде, покрытой льдом, – тоже едва ли не представляет опасности для здоровья, и может допускаться только натурами болезненно экзальтированными. Не говорим, наконец, о полном отрицании всего общественного строя, об учении о своём государстве. Отсюда, вредность секты бегунов едва ли может кем-либо оспариваться.

С другой стороны, это фанатичное, враждующее против нас царство построено очень стройно, так стройно и связно, что во всём видна одна воля, известными началами руководимая. В нём всё, кажется, предусмотрено к тому, чтобы и принятый порядок сохранить и в тоже время обставить себя так, чтобы и оберечь от влияния и власти людей другого действительного царства, и мы, действительно, бессильны проникнуть в него и увидеть, что там делается, хотя знаем, что там и соборы собираются и распоряжения идут из одного конца в другой.

Правда, бегунское общество построено на зыбкой почве и не имеет своих твёрдых основ. Само по себе это царство скоро рухнуло бы и развалилось на мелкие обломки. Но в лице «жиловых», здание бегунства имеет крепкие подпорки, которыми оно плотно окружено, и эти-то подпорки прежде всего и необходимо ослаблять, вытаскивать, а новых не давать ставить.

Ещё приснопамятный митрополит Московский Филарет писал: «Добрая мысль кроткого правительства никого не преследовать за мнения о вере, но трудно приложить её к секте странников».¹⁶⁴

Теперь при описанном устройстве, когда бегунское общество значительно распространилось и окрепло, эти слова получают ещё большее значение. Но не нам и не место здесь, под знаменем св. Гурия, говорить о мероприятиях гражданских. То дело законодателей и администраторов, которым сообщить только необходимо о положении вещей. Мы же должны сказать,

как иным путём, чисто духовным, можно было бы повлиять на ослабление секты, и что тем более, что по своему характеру она представляет явление собственно церковное, а не социально-гражданское, – как прежде об этом некоторые думали. Это не – проявление социализма, а последствие религиозного фанатизма, боком, хотя и близко и сильно задевающее государственный и общественный строй. И другие нам скажут, конечно, на основании этого, что здесь – дело миссионеров. Правда. Но один в поле не – воин. Поэтому повторим опять слова того же московского святителя, что следует «начати суд от Дома Божия»¹⁶⁵, заменив только слово «суд» словами, «деятельность и борьба, ревность по доме Божию и назидание». Пусть же выполнение этой сложной задачи примут на себя не одни миссионеры, а прежде всего все пастыри духовные. Им не трудно знать состояние своих приходов, видеть каждую овцу, здорова ли она, или чем болеет. Не нужно только закрывать глаза от опасности, а тем паче покрывать её. Не нужно пренебрегать и нечистой несколько овцой, но и её блюсти, чтобы не ушла она от стада, а в тоже время и других предостерегать от неё, дабы она и их не заразила своей болезнью. Все наличные «жиловые» должны быть у него на счету, а все сомнительные – под особой его охраной. Иногда на первых порах и нужно бывает очень немного: – побольше благолепия в церкви, строгости в жизни, душевной лёгкости и степенной простоты в обращении. Тогда и начинающийся призрак антихриста исчезнет. Не уживётся же, в самом деле, ни в ком представление о преобладании врага Христова над Христом, если громко, провозглашается и не словом только, а и делом прославляется имя Христово, если видится и подвиг Христа, – доброго Пастыря, на рамена Свою овцу заблудшую взявшего и душу Свою за неё положившего. Не трудно, где нужно, и слово вразумления сказать. Где же недостаток знания и умения почувствуется, там не трудно и к другим обратиться... Так и можно влиять на уменьшение «жиловых». А не будет их, этих подпорок бегунского царства, не будет враждебно против церкви настроенных людей, до времени маской

прикрывающихся, не будет родителей, покидающих на произвол судьбы больных детей, не будет и секты бегунов.

Что до миссионеров, то они посильно делают своё дело. В общем система учения бегунов есть система беспоповщинская, с учением об антихристе в корне. И эта система миссионерами разъясняется и разрушается, причём в народную среду проводятся истинные понятия о Божией церкви, о снесении людей не своими только силами и подвигами, а наипаче благодатью Божией, через веру в таинства церковных сообщаемой разъясняется и прикровенный образами вопрос об антихристе, на котором бегуны строят свои измышления, растолковывая апокалиптические видения. Говорится и о несокрушимости церкви Божией «под главой Господом нашим И. Христом» (Катех. велик. л. 122), который, по неложному обещанию, в век пребудет с телом церкви Своей и, как Жених церковный, не даст в поправление врагам Своей невесты, кровью Его искупленной, не минет её бесценных даров благодати Своей, не попустит врагам отнять и перстень обручения (миропомазания), и хлеб жизни, и питье бессмертия (св. причащение) и притом остаться без глаз (епископы очи церковные именуются). Посему и в последнее даже время не будет она умалённой, или обезображенной, лишённой богатства благодати и вида духовной красоты.

Бегуны видят красоту умалённой церкви исключительно в примерах древних мучеников и пустынножителей и себя к ним приравнивают, как гонения от антихриста претерпевающие и жизнь пустынную возлюбившие. Но то не красота всей церкви, а частных её членов, не красота церковного устройства, а красота людей, под той же благодатью возросших; и мы перед ними преклоняемся и заступничества их перед Богом просим. Да и похожи ли на них наши бегуны?.. Разве влекут их на позорища, чтобы орудиями жестокой пытки истерзать их? Разве свергают их в котлы кипящие, или бросают зверям на растерзание? Разве преклоняют они свои головы под секиры палачей?.. Много, много полиция спросит имя, которое они носили, и звание, к которому принадлежали, о чём смело и открыто заявляли древние мученики. Это ли – гонение и много ли похожего у

бегунов на святых мучеников?.. Что до пустынножителей, то «заблуждающе в горах, писал о них св. Ефрем Сирин, яко зверие питаеми, исполнены правды (!), тепли суще верою... не отлучают себе от стада (сиречь церкви), зане чада суть святаго просвещения. Не закон разоряют не приемлюще священничества держати (!) Егда же честнии священницы предстанут святей трапезе службу принести, первее простирают руки своя, с верою приемлюще тело того же Владыки, воистину присно с ними сущаго» (слово III е)¹⁶⁶. Создав своё отдельное от церкви и от мира и общества замкнутое стадо, бегуны небрегут «честными священниками», вообразив, якобы таковых и нет нигде, вследствие чего потеряли и кровь Владычню, разорили через сие и закон евангельский (Иоан. 6), якобы потерявший уже теперь свою силу и обязательность. Много ль и тут похожего на пустынножителей? Наконец, эти мученики без мучений, а очень часто и пустынники без пустыни должны помнить, что древние, первых веков страстотерпцы, при всей невыносимости своего положения, а подвижники, при всей высоте и трудности своих подвигов, не брезгали миром, а вносили в него лучи света Христова, а не страха только и бегства от врагов Его, главное же, воздавая Кесарева Кесареви, были всегда добрыми гражданами и не тщились создавать государства в государстве.

Профессор Н. Ивановский

Круглов Ф. Московская Федосеевщина в последние 30–40 лет ¹⁶⁷ // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 279–295

IV.

Дня за два до назначенных на 13-е февраля 1878 года выборов прибыл в Москву новый попечитель „Преображенского богаделенного дома” г. Егоров. На кладбище он встречен был наставниками и Кочегаровым с подобающими почестями и неподдельным радушием. Здесь предложен был ему для просмотра и список кандидатов, составленный на описанном выше собрании. Просматривая его, г. Егоров мягко улыбнулся. Зёрнышков побольше требуется, зёрнышков, а вы мякинку изволили включить! – проговорил он тоненьким голоском, и тотчас же зачеркнул облюбованных наставниками кандидатов – Раскаткина и Т. Москвина, заменив их, по своему усмотрению, более состоятельными Федосеевцами.

Такая самостоятельность действия г. Егорова в столь важном деле, как выбор лиц для занятия должности члена комитета, наставникам Кавылинской обители, разумеется, не особенно понравилась; но возражать ему они не посмели. Они только теперь надлежащим образом поняли, что управление Ковылинской обителью ускользнуло из их рук и было уже сосредоточено всецело во власти г. Егорова.

В числе помеченных г. Егоровым новых кандидатов оказался один из числа Федосеевских „девственников”: это – Кинешемский купец П. Л. Баранов. Выбор в кандидаты этой личности несколько ослабил у наставников ту горечь, какую они испытали при исключении из списка Раскаткина и Т. Москвина. Баранов хотя и принадлежал к числу видных Федосеевских богачей или, по выражению г. Егорова, представлял собой „крупное зёрнышко” в материальном отношении, однако же, в Москве недвижимой собственности в то время не имел; поэтому, тотчас же решено было утвердить за ним один из „Христовых домов”, находившихся на Большой Покровской улице, который известен был тогда у федосеевцев под названием: „Обитель

матери Евникии” и который населён был, по преимуществу, молодыми федосеянками.

Решение это, конечно, было приведено в исполнение.

Другие, из помеченных г. Егоровым кандидатов, все оказались из числа новожёнов. Примирившись, по необходимости, с этим последним обстоятельством, наставники Преображенского кладбища повели сильную агитацию в пользу выбора тех новожёнов, которые, по их выражению, „дух-то Христианской имели”. Для достижения этой цели, они добились возможности допустить к участию при выборах, проживавших в „Христовых домах” более бодрых старцев, которым заблаговременно было внушено, когда класть шар направо и когда налево. Хотя по новому уставу Преображенского кладбища, право голоса при выборах чинов предоставлялось только коренным москвичам – федосеевцам, к числу которых означенные старцы не принадлежали; однако, это маленькое отклонение от прямого смысла устава благосклонно было допущено г. Егоровым в угоду наставникам. Таким путём наставники, действительно, очень успешно достигли того, что из помеченных новожёнов в кандидаты были выбраны в члены комитета только лишь владеющие в изобилии „христианским духом”; выбранным оказался даже и г. Кремнев, усердно хвалившийся этим „духом” на предварительном, выше описанном, собрании наставников. Счастье, однако, г. Кремневу улыбнулось ненадолго: когда попечителем представлены были потом выборные члены для должного утверждения в сём звании, то, вместо г. Кремнева, утверждённым оказался брат Тимофея Москвина – Фёдор Москвин, новожён, имевший при выборах избирательных шаров на 12-ть голосов менее Кремнева. Каким образом изменила, в этом случае, фортуна г. Кремневу? – это, разумеется, был секрет попечителя „старообрядческого Преображенского богаделенного дома”, до сих пор не разгаданный москвичами федосеевцами. На первых порах они много толковали о сказанном „чудодействии” „христианского попечителя” и высказывали даже по сему случаю большое неудовольствие по адресу его.

V.

Опасения федосеевских наставников относительно нарушения содержимых ими бракоборных правил со стороны вновь избранных членов-новожёнов, оказались, однако совершенно неосновательными. Члены-новожёны, как и сам г. Егоров, состоявший в числе новожёнов же, бывая на Преображенском кладбище, по-прежнему продолжали стоять во время богослужения в числе „отлучённых козлиц”; никто из них не пытался нарушить издавна установившийся на кладбище порядок, не позволяя себе, как говорится, даже лба перекрестить во время богослужения. Столь трогательная преданность бракоборным федосеевским правилам со стороны сановного попечителя ковылинской обители и со стороны новожёнов-членов комитета, искренно умиляла федосеевских наставников и в очень короткое время тесно сдружила их с новым составом управления Ковылинской обителью.

Поставив себя в наилучшие к наставникам отношения, члены хозяйственного комитета, на первых же порах своей „общественной” деятельности, отдались заботам об улучшении материального положения Ковылинской обители. В этих видах, они учредили во всех шести „палатах” Преображенского кладбища по несколько „стоек”, так называемых, „неугасимых псалтырей”, повысили плату за совершение на кладбище заказных всенощных, молебнов, панихид. Плата эта установлена была новыми членами следующая: в мужской моленной за совершение всенощной, с полным освещением, взималось 300 рублей; за молебен или панихиду, с полным освещением, – 50 руб.; Богослужение, с полным освещением, ценилось на половину дешевле. В женских моленных кладбища, все вообще заказные богослужения отправлялись на половину дешевле мужской; поэтому, менее состоятельные федосеевцы всегда обращались с заказами своих богослужений в женские „палаты”; те из федосеевцев, которые не были в состоянии платить установленную на кладбище за богослужения таксу, могли совершать, как и совершали, нужные для них богослужения у себя на дому или на квартире, приглашая для того наставника с двумя или тремя клирошанками кладбища. На дому, вне

Преображенского кладбища, наставник мог отслужить для федосеевца молебен или панихиду и за один двугривенный.

С учреждением на кладбище членами комитета некоторых новых порядков и с открытием ими новых доходных статей, казна Преображенского кладбища стала весьма сильно расти. Особенно сильно повышался её уровень от добровольных пожертвований и вкладов „на поминание родственников” со стороны богачей федосеевцев. Быстрое умножение кладбищенского капитала одинаково радовало, как членов комитета, так и наставников кладбища, но для последних эта радость была непродолжительна. Когда „христианская казна” у федосеевцев достигла 100 тысяч рублей, попечитель кладбища, г. Егоров сделал распоряжение о превращении этого капитала в процентные бумаги и о помещении его на хранение в один из Банков.

– Как?! Деньги христианской обители вручать на хранение слугам антихриста? Возможно ли это сделать?! – запротестовали федосеевские наставники. Застигнутые в расплож распоряжением своего „сановного” попечителя. – Христианскую казну составили наши молитвы из приношений христоролюбивых жертвователей; она предназначена в дар Богу, поэтому и сберегаться должна во святой обители. А наипаче всего должно сохранить её чистой, непорочной, не осквернённой нечистью никонианских процентов, – продолжали трактовать наставники.

Нежелание федосеевских наставников поместить кладбищенский капитал в какое-либо кредитное учреждение простиралось до той степени, что они сделали попытку перенести свой протест против означенного распоряжения г. Егорова на почву религиозную. С этой целью они поручили Егору Карелу написать нарочитое сочинение, в котором усиливались доказать, „сколь тяжек грех отдавать христианам серебро в лихву¹⁶⁸”, тем паче в лихву – „никонианскую”. Сочинение это, рассмотренное и одобренное наставниками, было отослано потом в рукописи попечителю кладбища, г. Егорову; по одному экземпляру этого сочинения препровождено было наставниками также и каждому из членов комитета. Но усилия наставников оказались в этом деле совершенно тщетными; ни один из членов

комитета не поддержал их протеста, и „христианская казна“, согласно распоряжению г. Егорова, была помещена для сохранения в банк. Долго потом оплакивали федосеевские наставники этот случай, выражая сожаление, что „христианской казне“ суждено „скверниться“ лихвой „никонианских“ процентов. А один из них, более фанатичный, постоянно говорил по этому поводу такие речи: „Деды наши говорили в старину, что придёт время, когда антихрист, для уловления в свои сети людей, будет выдавать по пяти кулей золота на человека; теперь это время, как видим, и пришло: пять никонианских процентов и означают именно те золотые антихристовы кули, о которых предсказывали нам наши деды. Вот по какой опасной тропе направляют христианские жертвы новожённые члены! Да что и говорить? – от новожёна до слуги антихриста – мячом докинешь! Больно не далеко они один от другого поставлены!”

Любопытно, однако, что наставники кладбища, поднимая протест против обращения „христианской казны“ в процентные бумаги, находя такое дело великим грехом, в тоже время, в большинстве своём, усердно занимались (как и теперь, конечно, занимаются) „стрижкой“ купонов от принадлежащих им лично процентных бумаг. Этот грешок известен был членам комитета и поставлен был, в настоящем случае, на вид наставникам, что в значительной степени ослабило силу и значение поднятого наставниками протеста.

В существе же дела, федосеевские наставники не потому собственно и вооружались против помещения в банк кладбищенского капитала, чтобы находили такое дело очень уже большим грехом, а совершенно по другим побуждениям. Дело в том, что они постоянно тревожатся мыслью о наступлении времени, когда все вообще прихожане Преображенского кладбища единодушно признают безнравственность федосеевского догмата о всеобщем безбрачии и потребуют от наставников отмены этого дикого догмата. Когда такое время наступит, Преображенское кладбище естественно окажется во владении федосеевцев-новожёнов, как, например, оказалось построенное беглопоповцами Рогожское кладбище во владении австрийцев; следовательно, тогда и сколоченный „святыми

молитвами” федосеевских наставников капитал, как капитал Преображенского кладбища, должен будет перейти во владение тем же ненавистным им новожёнам. А этого последнего обстоятельства могло бы и не случиться, если бы „христианская казна” сберегалась в стенах Ковылинской обители. Вот почему собственно так горячо и протестовали федосеевские наставники против помещения кладбищенского капитала в банк, хотя и безуспешно!

VI.

Преображенская местность Москвы, густо населённая федосеевцами – „девственниками”, как-то особенно выделяется обилием бедных детей, принадлежащих к федосеевской секте.

Существование этих детей в обществе, отрицающем брак, служит верным показателем чистоты нравов сказанных „девственников”. Не зная отцов и находясь на воспитании той или иной федосеянки. сказанные дети вырастают иногда в совершенном неведении относительно действительной степени своего родства по отношению той женщине, которою они воспитываются. Часто бывает, что, прижитое вне брака федосеевское дитя, называя свою воспитательницу „тётушкой” или „бабушкой”, совершенно не подозревает, что эта именно „тётушка” доводится ему родной матерью. Причины этого неестественного, чтобы не сказать – жестокого, отношения к своим детям, со стороны многих матерей – федосеянок, скрываются в учении секты и вызываются главным образом существующим отношением к таким „матерям” со стороны федосеевских наставников. Дело в том, что, по принятому у федосеевцев правилу, каждая из федосеянок, имея в наличности плоды своего молодого увлечения, необходимо подвергается со стороны наставников строжайшим епитимиям и продолжительному отлучению, тогда как падение девушки, не изобличаемое последствиями, освобождается от этого наказания; ибо, „тайно содеянное тайно и судится”.

Во избежание сказанного наказания, многие из федосеянок и стараются казаться перед наставниками и вообще перед посторонними людьми точными исполнительницами основного догмата федосеевской секты об абсолютном девстве, выдавая

для того своих родных детей за „племянников”, или каких-нибудь других родственников.

Беззаботно бегая толпами у ворот Ковылинской обители и выпрашивая у прохожих „копеечку”, бедные дети, разумеется, находили к себе чувство жалости и сострадания в каждом. Не оставались равнодушными к их тяжёлому положению и федосеевские наставники: ни один из последних не проходил мимо этой вопиющей бедноты, чтобы не вложить в протянутую ручонку просимую „копеечку”. Но теперь, когда заботы по содержанию и управлению Ковылинской обителью отошли от наставников к ново-учреждённому „хозяйственному комитету”, наставники кладбища обратили особое внимание на положение бедных Федосеевских детей в деле улучшения их судьбы. В этих видах они учредили в Преображенской местности, в особо нанятых для того квартирах, несколько негласных детских приютов. Поступившие в эти „приюты” дети – сироты пользовались бесплатным содержанием, т. е., столом, одеждой и обувью. Для обучения грамоте заведено было наставниками несколько негласных федосеевских училищ. Учительницами в них были преимущественно пожилые „девы” – федосеянки, которые назывались у федосеевцев „мастерицами”. ученье в „христианских училищах” производилось, разумеется, „по старому методу” „по азам”, и начиналось обыкновенно со славянской азбуки; далее изучались „часовник” и „псалтирь”. Для многих из детей этим и заканчивался курс „христианской школы”; некоторые же из мальчиков обучались письму, 1 и 2 частям арифметики, а девочки, кроме чтения, „крюковому” пению. Дальше этого ученье в федосеевских школах не простиралось.

Делом содержания детских „приютов” и „училищ” наведывал организованный наставниками „училищный совет”, в состав которого входили, кроме наставников, несколько членов, выбранных непосредственно последними из числа прихожан Преображенского кладбища. Количество этих членов никогда не превышало пяти, и выбирались они наставниками из лиц, отличавшихся делом благотворения и любви к детям. „Училищный совет” заботился об изыскании средств на

содержание „приютов” и „училищ”, следил за поведением и успехами обучения детей, а окончивших учение мальчиков и девочек пристраивал к подходящим местам службы. Такая организация первоначального обучения и воспитания детей существовала, однако, у федосеевцев не более 5–6-ти лет; она нарушена была вмешательством в неё со стороны членов „хозяйственного комитета” Преображенского кладбища. Поводом к этому вмешательству послужило следующее обстоятельство. Упомянутый нами выше, „забракованный” г. Егоровым кандидат в члены „хозяйственного комитета”, – Гаврила Кремнев, представил членам названного „комитета” проект об открытии в Преображенской местности одного общего для федосеевских детей училища. По проекту г. Кремнева, училище это должно быть открыто на общих основаниях, т. е. с разрешения подлежащего начальства и должно находиться под наблюдением этого последнего. Всё отличие от других начальных училищ проектированного г. Кремневым училища состояло в том, что в последнем не предполагалось преподавания „никонианским” священником закона Божия, и что учителем должен состоять кто-нибудь непременно из числа федосеевцев. На должность учителя, кстати сказать, г. Кремнев прочил своего племянника, желая, таким образом, освободить последнего от военной службы, что собственно и было побуждением для Кремнева к составлению означенного проекта. К проекту г. Кремнева члены Преображенского кладбища отнеслись сочувственно. Впрочем, это сочувствие обнаружилось у них не потому собственно, чтобы они и на самом деле желали поставить первоначальное обучение Федосеевских детей в более лучшие условия, а совершенно по другим побуждениям. Дело в том, что членам Преображенского кладбища, как передовым в федосеевском обществе лицам, довольно „обизорно” было стоять в стороне от столь важной и почтенной деятельности, каковою они, – и справедливо, признавали дело воспитания и обучения бедных детей. Для того, чтобы принять непосредственное участие в этом деле, они уже не раз пытались примкнуть к организованному наставниками „училищному совету”; но так как они, каждый раз, обнаруживали при этом

начальственные поползновения, выражая желание руководить „училищным советом” и контролировать его деятельность, то последний, не желая утратить своей самостоятельности, держал себя в стороне, вне сферы влияния членов Преображенского кладбища, что последним, разумеется, очень не нравилось. И вот теперь, когда представлен был членам Преображенского кладбища означенный проект г. Кремнева, они и отнеслись к нему сочувственно, усматривая в осуществлении этого проекта удачный для себя выход из „обзорного” перед федосеевским обществом положения. Оказалось, однако, что устроить в федосеевском обществе проектированное г. Кремневым училище не совсем-то легко, хотя бы устройства его пожелали и такие влиятельные в обществе личности, как члены „хозяйственного комитета” Преображенского кладбища. Когда проект г. Кремнева подвергнут был совместному обсуждению членов кладбища и членов „училищного совета”, то наставники федосеевские со всей решительностью восстали против „затеи” Кремнева; в открытии проектированного г. Кремневым училища они усмотрели, ни больше ни меньше, как нарушение „древнего благочестия”.

— Разве возможно допустить, чтобы христианские дети, вместо „Исуса”, прославляли в наших школах Иисуса? — фанатически протестовали наставники.

Наставникам было объяснено, что инспекция народных училищ согласна удержать в школе федосеевцев все те особенности, какие отделяют старообрядцев от православной церкви, и что она будет наблюдать за успехами обучения детей только по предметам, не относящимся к религии. Эти резоны ни мало однако не повлияли на наставников; последние безапелляционно решили, что открытие проектированной Кремневым школы составляет великую ересь. Возникла, таким образом, ожесточённая борьба между наставниками и членами Преображенского кладбища. С той и другой стороны стали писаться, за и против открытия училища, нарочитые сочинения, которые составили у федосеевцев особую „литературу”. Так как в проектированном г. Кремневым училище должно употребляться, в качестве учебника, „Родное Слово”, то

федосеевские наставники очень умело воспользовались этой книжкой для победы над своими противниками, сделав весьма любопытное, и на этот раз можно сказать даже разумное, сопоставление некоторых текстов этого учебника с текстами Иосифовской грамматики и Псалтиря. Так, напр., по Иосифовской грамматике детей учили: „чадо, бойся Бога, и будь послушлив к родителям“, а по „Родному Слову“ – дети должны учиться: „Федул! что губы надул? – Кафтан прожог“. Или ещё: изучая Псалтирь, дети читают: „коль сладка гортани моему словеса твоя, Господи“; а в „Родном слове“ они должны будут читать: „уж как сладки гусиные лапки“. Такого рода сопоставлений в одном из федосеевских сочинений, написанном Тимофеем Москвиным, совместно с Вольским купцом И. Е. Рожковым¹⁶⁹, было сделано порядочное количество, что, как понятно, располагало и других федосеевцев не в пользу открытия проектированного г. Кремневым училища.

Споры об училищном деле продолжались более года; вопросом этим заинтересованы были не одни московские, но и провинциальные федосеевцы. Для уложения обострившихся по этому поводу между наставниками и членами комитета Преображенского кладбища отношений приглашались в Москву влиятельные богатством и начитанностью федосеевцы из провинциальных городов: из Режиц, из Владимира, из Казани и из других Поволжских местностей. Наконец, когда члены „хозяйственного“ комитета, убедившись в окончательном упорстве своих наставников, решили открыть проектированное г. Кремневым училище без согласия на то со стороны наставников, последние пригрозили членам „соборным проклятием“.

– Проклянём! души ваши в тартары пойдут! – озлобленно кричали наставники на одном из собраний на училищному делу. – А тебя, Гаврила Семёныч, только смей открыть еретическое училище, при смерти не приму на дух! – заявил Кремневу старейший из наставников кладбища, Александр Федоров. – Уже ли вы не понимаете, что учение в никонианских школах ослабляет нашу веру гораздо более, нежели бывшие при Никоне на христиан гонения?! – добавил он.

Угроза „проклятия“, действительно, устрасила членов „хозяйственного комитета“ и они постарались забыть вопрос об открытии официального училища. За то, вскоре же потом, они очень чувствительно отплатили и наставникам. Не прошло после того и года, как „училищный совет“ должен был убедиться, что кредит к нему в федосеевском обществе подорван. Средства этого „совета“ стали быстро истощаться, вследствие чего, все учреждённые наставниками детские „приюты“ и негласные „училища“ прекратили своё существование. А бедные федосеевские дети снова были обречены стоять во вратах Ковылинской обители и выпрашивать у прохожих „копеечку“.

VII.

Суровые правила федосеевской секты относительно обязательного для всех её последователей безбрачия издавна лежали тяжёлым бременем на совести самих более благоразумных федосеевцев-новожёнов. История знает, сколь велики и ожесточёнными были между федосеевцами споры по вопросу о браке; известно также и то, что федосеевцы-новожёны, открыто признавая бракоборные правила своей секты „отжившими“, не раз делали попытки обращаться, в семидесятых годах, к своим наставникам, с требованием об отмене означенных правил. Но все такие попытки успеха не имели. Федосеевские наставники, по своему крайнему невежеству, постоянно отвечали новожёнам, что с отменой бракоборных правил якобы нарушится у них всё, содержащее ими, „благочестие“. Но теперь, когда произошёл между наставниками и членами кладбища серьёзный разлад из-за училищного дела, московские новожёны вздумали воспользоваться этим разладом для достижения своих давнишних желаний, решив, в это время, снова попытать своё счастье предъявить к наставникам коллективное требование об отмене бракоборных правил и о допущении женатых федосеевцев к совместному молению. Это требование новожёнами изложено было в форме 13-ти вопросов, в которых они доказывали, на основании старопечатных книг, ложность и несостоятельность учения о всеобщем безбрачии. Вопросы подписаны были несколькими десятками лиц московских

федосеевцев-новожёнов, в числе которых немало значилось влиятельных богачей федосеевцев. новожёны крепко надеялись на этот раз, что настоящее их требование поддержано будет членами „хозяйственного комитета” Преображенского кладбища: однако, надежды эти не оправдались. Вышло как-раз, напротив. Члены „хозяйственного комитета” не только не проявили никакого сочувствия к ходатайству новожёнов, но именно, в стремлении последних к преобразованию издавна установившегося в секте федосеевцев отношения к женатым людям, они отыскивали лишь точку примирения с своими наставниками, и потому за одно с этими последними ополчились против сказанного требования новожёнов. А г. Егоров, сановный попечитель Преображенского кладбища, прибыв в Москву, переписал даже имена новожёнов, считавшихся „зачинщиками”, сказанного ходатайства, угрожая последним тем, что он представит в Петербурге всех „зачинщиков”, как нарушителей общественного спокойствия, за что они якобы необходимо подвергнуты будут какому-то административному, со стороны „никонианской” власти, наказанию. Между тем, поднятый московскими новожёнами вопрос нашёл себе горячее сочувствие в обществах провинциальных федосеевцев, движение в пользу признания в федосеевской секте семейной жизни обнаружилось тогда во многих поволжских федосеевских центрах, на стороне которого оказались даже некоторые из федосеевских наставников. Между прочим, почти одновременно с подачей московскими новожёнами своих вопросов, именно в 1881 году, члены комитета Преображенского кладбища получили от поволжских федосеевцев „прошение”, подписанное казанскими, самарскими, саратовскими, балаковскими и других поволжских местностей федосеевцами, в котором, эти последние так же, как и московские новожёны, просили членов Преображенского кладбища о пересмотре и отмене действующих в федосеевском обществе бракоборных правил, изложенных федосеевскими „предками”. Каковы эти правила, пересмотра и отмены которых так сильно домогались и московские, и поволжские федосеевцы, — передадим здесь, для наглядности, подлинными словами „прошения” поволжских федосеевцев. „В 1809-м году состоялось

определение наших наставников, – писали, между прочим, в своём „прошении” поволжские федосеевцы, – которым лица, вступившие в супружества, признаны еретиками, антихристовыми и чёртовыми поклонниками; родители, благословляющие своих детей вступить в брак, признаны зломерзостными законопреступниками, благоверия святого нарушителями, христиан православных (т. е. федосеевцев) соблазнительями и произвольными отступниками от церкви Божией (т. е. федосеевской); дети, рождаемые от таковых супружеств, признаны пребеззаконным плодом, кобеличищами и таймичищами; преподаваемое им крещение признано гарским, проклятым беснованием; отцы (т. е. наставники), преподающие таковым младенцам крещение, сквернавцами, скверными предводителями, злобы и прелести учителями, пагубными наставниками, ходатаями геенны, себе же и слушающим”.

Много раз перечитывали наставники и члены Преображенского кладбища это „прошение”¹⁷⁰, желая отыскать в нём несправедливость суждения, чтобы потом сделать на него опровержение, однако же, „опровержение” хотя и было написано, даже в двух редакциях, но ни одна из них не выдерживала малейшей критики. Поэтому, всё „опровержение” свелось к тому, что дано было „прошению” поволжских федосеевцев название: „Рожкова тетрадь”, так как составителем его был Вольский торговец И. Е. Рожков. Однако же, не обращать внимания на „прошение” и оставить его совсем без ответа было неудобно; ибо оно подписано было не одними новожёнами, но и некоторыми из безбрачников, т. е. не женатых федосеевцев. И вот, спустя полгода, было придумано, наконец, членами Преображенского кладбища послать подписавшимся к „Рожковой тетради” федосеевцам „дружеское” послание, в котором, не рассматривая по существу представленных поволжцами мотивов в пользу отмены бракоборных правил, они просили только последних – „не отступать от учения свято-почивших предков”. В „послании”, подписанном членами „хозяйственного комитета” и адресованном на имя: „попечителя града Казани (!) Василия Андревича Шашабрина, почтенных граждан: Ивана Петровича Оконнишникова, Якова Филиповича Шамова” и

других. – В достаточной мере здесь обнаружился тот фанатизм, который доселе господствует в предводителях федосеевской секты. Вот несколько слов из этого „послания” передовых в федосеевском обществе личностей, ежегодно являющихся в Петербург с поздравлениями и выражениями своих чувств: „Можно ли нам и подумать, что бы отцы (т. е. наставники) наши пришествие антихриста постигли, а о браке ошиблись? Великое Бог им открыл, а малое утаил? И кто же? – торгаш города Вольска правильно усмотрел! Неужель мы будем, как дети легкомысленные, легковёрно относиться к своему религиозному преданию”?! Эти речи европейски отшлифованных, по внешности, современных передовиков федосеевского общества, очень напоминают слова самого строителя Преображенского кладбища – Ильи Ковылина, сказанные этим последним более ста годов назад одному из новожёнов: „Я от вас никакого книжного свидетельства не приемлю, и не представляйте мне ни семи вселенских соборов, ни девяти поместных, ни апостольских правил, – или в конец вам сказать: аще бы и сам Христос со архангелы сошёл с небесе и велел бы мне: Илья! прими-де новоженое в согласие к себе! А я бы Ему сказал: не послушаю тебя, Христе; рече-де так отец мой Илья Иванов (федос. наставник) при смерти своей и приказал: как-де ты научен, в том и стой, рече; аще он будет во аде, то и я с ним, аще в царствии, то и я с ним”¹⁷¹.

Наполненное высокомерия и глупого пустословия фанатическое „послание” членов Преображенского кладбища, разумеется, не успокоило встревоженные умы поволжских федосеевцев, последние не замедлили прислать к членам кладбища возражение, в котором довольно резонно упрекали последних в недостаточном внимании и легкомысленном отношении к вопросу, столь сильно волновавшему тогда всё вообще федосеевское общество. В виду этого „возражения”, а также сознавая, что защищать лжеучение бракоборных правил на книжной или разумной почве совершенно невозможно, – члены Преображенского кладбища приняли, для успокоения поволжан-федосеевцев, такие меры. Они стали приглашать в Москву каждого из богачей федосеевцев, подписавшихся к

„Рожковой тетради”, обещая здесь, в Москве, обсудить и выяснить, при помощи якобы имеющихся на Преображенском кладбище книжных сокровищ, тот вопрос, который волновал умы поволжских федосеевцев. Когда же приглашённые личности стали, по одиночке, заявляться на Преображенское кладбище,, то оказалось, что всё обещанное „обсуждение” и „выяснение” вопроса о браке состояло лишь в просьбе „членов комитета”, чтобы подписавшийся к „Рожковой тетради” федосеевец зачеркнул в ней свою подпись. Большинство, действительно, сделали это из простой любезности к членам кладбища, дав при том, согласно выраженному со стороны членов кладбища желанию, обещание – не поднимать более столь тревожного для федосеевской секты вопроса о браке. Только таким путём удалось несколько успокоить членам кладбища поволжских федосеевцев. После этого у них оставалось забота об успокоении московских новожёнов, ибо последние не переставали требовать от наставников ответа на свои 13-ть вопросов. Но так как московские новожёны не так сговорчивы, как поволжские, чтобы могли признать законными бракоборные правила из-за одной любезности к чинам кладбища, то ответом на их 13-ть вопросов, между прочим, и был собран членами „хозяйственного комитета” „большой федосеевский собор”, происходивший в 1883 году и, как известно, снова утвердивший все вообще бракоборные постановления прежних федосеевских соборов¹⁷², перед авторитетным решением этого собора должны были смиренно преклониться и московские федосеевцы-новожёны, только некоторые из них выразили потом свой протест, против постановления сказанного собора составлением, до сих пор обращающейся на московском книжном рынке сатирической картины: „Бракоборы”. Картина эта изображает большое скопище федосеевских „девственников” и „девственниц”, уцепившихся за дышло огромной колесницы, на которой возвышается большой сундук с покоящимися в нём постановлениями бракоборных федосеевских соборов. На колеснице, позади сундука, изображены двое из членов кладбища, как владельцы этого дорогого для них сокровища: один из них управляет везущими „девственниками” колесницу,

ударяя по ним длинным „бичом“, а другой тщательно бережет ключи от хранилища федосеевских законов. Впереди, куда направляются федосеевцы, изображён с широко открытой пастью ад, оскалив свои огненные зубы, готовый поглотить стремящихся в него федосеевцев, со всеми их богопротивными и безнравственными законами. Но составив и напечатав столь сильную сатиру на учение, проповедуемое федосеевскими наставниками и горячо поддерживаемое членами „хозяйственного комитета“ „старообрядческого Преображенского богаделенного дома“, – московские новожёны всё-таки не нашли в себе достаточно мужества, чтобы выйти из среды изуверного федосеевского толка. По своей старой приверженности к воздвигнутой Ковылиным обители, они и после того продолжают быть „прихожанами“ бракоборствующего Преображенского кладбища, по-прежнему обращаясь на него с заказами различных богослужений и по-прежнему присутствуя при совершении этих богослужений, в качестве постороннего зрителя; ибо до участия в богослужении они и теперь не допускаются наставниками.

И так, если столь сильно может удерживать в расколе федосеевцев-новожёнов только одна традиционная приверженность их к Ковылинской обители, может удерживать даже тогда, когда проповедуемое в этой обители лжеучение сознательно ими понято и в глубине своей совести давным-давно осуждено; то можно судить поэтому сколь велико влияние в сказанном отношении могут оказывать на своих „прихожан“ обители других раскольнических толков, наприм., австрийского или беглопоповщинского, в которых не проповедуется, как в Ковылинской обители, отталкивающих своей безнравственностью лжеучений?! А эти последние обители, как известно, начинают умножаться за последнее время в разных раскольнических центрах, представляя собой странный анахронизм нашего просвещённого времени.

Нижегородский миссионер *Ф. Круглов*

Дорофеев В. По поводу новой заграничной брошюры о старообрядчестве ¹⁷³ // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 295–401

Раскольничьи вожаки не медлят. Не успела разойтись нами разобранная брошюрка, как они выпустили ещё новую, под заглавием „III всероссийский миссионерский съезд, по старообрядческому вопросу в 1897 г., в Казани, Браила. 1900 г.” Мы едва ли ошибёмся, если отождествим её автора с составителем ранее нами разобранной книжки, изданной в прошлом году.

Вновь изданная брошюра представляет собой тенденциозный свод постановлений съезда, который автор заимствует преимущественно из изданных нашей редакцией „Деяний” (Киев. 1897 г.), частью же, как он заявляет, из других источников. Последними являются главным образом газетные статьи по поводу съезда.

Бывшим на съезде рассуждениям о способах борьбы с расколом автор противопоставляет фантастическую, полную идиллии картину „старообрядческого общества” австрийского согласия, якобы приемлющего окружное послание, с выборным духовенством, блистающим всеми христианскими добродетелями. Между многими другими любопытны его соображения, относительно законности чиноприёма м. Амвросия в раскол. Сообщая в своей брошюре заключение одного из членов съезда, что Амвросий пришёл не к Христовой Церкви, автор замечает: „как будто верующие во Христа и исполняющие его божественные повеления старообрядцы Белой Криницы не были христианами и не имели церкви”? объявив себя в разных местах своего сочинения „православно-верующим”, автор далее повторяет учение о церкви О. Швецова. Но, по-видимому, и ему самому оно представляется мало оправдывающим бегство Амвросия... И вот он пускается в разные извороты. Амвросий-де не создал никакой особой Церкви, ибо белокриницкие старообрядцы были такие же православные христиане, как и он сам, веровали в ту же единую соборную и апостольскую

Церковь, не погрешали в церковных догматах и содержали священство, получившее каноническую хиротонию. Несколькими строками ниже мы читаем на той же странице брошюры: „Скорее они (белокриницкие старообрядцы) составляли особый приход, или отдельную церковно-приходскую общину, прихожане которой, следуя древним обрядам, находились как бы в расколе (?) с местной церковью, т. е. Радоуцкой епископией”. Если белокриницкие прихожане были, по признанию автора, в расколе с православной церковью, как же выше он их называет такими же православными, каким был и Амвросий до своего бегства?.. По поводу приведённого удостоверения автора, что белокриницкие раскольники „содержали священство, получившее каноническую хиротонию”, приведём из той же брошюры следующее место. „Не старообрядцы виновны, что они 180 лет не имели преемственной иерархии, которую они не отрицали, а всегда домогались иметь”. Так автор противоречив себе на каждом шагу и далее.

Плохо помогает последователям австрийской иерархии в её защите та эквилибристика, которой занимаются новейшие начётчики этого согласия, в чём так неудачно помогает им своим „высоковедством” автор брошюры. Недавно они ещё были разбиты наголову на собеседовании с федосеевцами в Москве, в доме одного из воротил Преображенского кладбища А. А. П-ва, сын которого пришёл к австрийцам и, как говорят, испытал на себе бескорыстие старообрядческих попов, которые, по рассказам брошюры, „содержатся по первобытному принятому от времён апостолов способу, т. е. берут то, что им дают пасомые”. Белокриницкий неопит из федосеевцев ссудил своему духовному отцу, некоему А., крупную сумму, которой тот ему не возвратил, прибегнув притом к хитроумному, но законом неодобряемому способу, но сумел схоронить концы. Жалоба „владыке Иоанну” имела последствием отрешение „пастыря”, который остался к этой каре совершенно равнодушным, так как выстроенный на „занятые” деньги дом вполне обеспечивает его существование.

Предоставляем читателям судить, насколько вяжутся подобные случаи с тирадой брошюры о том, что „благосостояние

старообрядцев происходит от трезвой, трудовой, честной и религиозной жизни, от того, что они имеют народных пастырей, которых слушаются и почитают”. Замечание это мы находим среди возражений автора, по поводу речи приснопамятного миссионера-пастыря рязанской церкви, преосвященного Мелетия, произнесённой в заседании 2 августа. Возражения эти, очень поверхностные, сводятся к тому, что у старообрядцев будто бы нет общественных касс, о которых говорит преосвященный.

Читатели, надеемся, помнят речь преосвященного о том, как воротилы раскола и сектантства, через обязательные поборы с своих одноверцев, устраивают общинные кассы для выкупа из рук правосудия, с целью отстоять интересы своей общины и обессилить противную ей (православную) сторону и в целях пропаганды. Московские богачи из этой категории раскидывают свои сети на всю Русь. Есть и за границей, в Румынии, Пруссии, Австрии – заправилы. Без денежных средств они не могут, конечно, расширять свои действия. Кроме голословного отрицания существования общинных касс, автору брошюры ничего не остаётся больше, как привести ещё мнение либерального журнала, что „такая финансовая чисто точка зрения на иноверцев (?) кажется во всяком случае странной”.

В Москве процветают два раскольнических учреждения, существование которых несомненно подтверждает, практикующуюся в расколе систему общинных касс. Рогожское кладбище, со своим мишурным архиепископом, располагает теперь несравненно большими средствами, чем Преображенское, сокровенные средства которого, однако очень значительны. П. И. Мельников, которого после его отчёта 1851 года нельзя заподозрить в нерасположении к расколу, в 1866 году писал: „Уверяют, что рогожский капитал в цветущее время кладбища простирался до 2½ мил. рублей сер., и что при каждом значительном расходе, произведённом из этого капитала, он немедленно пополнялся или подпиской, или даже по раскладке между богатыми. Значительнейшая доля этого капитала, обыкновенно находилась на руках у кого-либо из богачей, как например, в прежнее время у Антипа Дмитриевича

Шелапугина и по смерти его у Фёдора Дмитриевича Рахманова. Они распоряжались общественными деньгами безотчётно, выдавая однако исправно известные проценты на содержание часовен и богоугодных заведений кладбищ. Незначительная часть рогожского капитала хранилась в конторе кладбища в % бумагах, положенных завещателями. В 1854 году при приёме рогожского богаделенного дома в правительственное ведение, найдено таких капиталов в именных билетах московского опекунского совета только на 17,464 руб. 82 коп. и незначительное количество денег на текущие расходы. Безымянных билетов, которых было много, не нашлось ни одного. Всё было заблаговременно к рукам припрятано. Наконец, в 1865 году и незначительный остаток громадного некогда рагожского капитала был украден посредством ловкого мошенничества¹⁷⁴.

Интересно знать, куда перешла рогожская общинная касса после смерти Ф. А. Рахманова? Не может ли в этом отношении послужить указанием приводимое тем же П. И. Мельниковым, на основании официальных данных, духовное завещание Ф. А. Рахманова?.. Здесь завещатель поручает своим душеприказчикам Василию Григорьевичу и Алексею Алексеевичу Рахмановым, Кузьме Терентьевичу Солдатенкову и Николаю Дмитриевичу Царскому из оставшегося по смерти его капитала употребить, сколько они заблагорассудят на дела благотворения. Из официального дела, которым пользовался П. И. Мельников, видно, что на этот предмет отчислено было 600 тыс. руб., из которых львиная доля от 300–400 тыс. назначалась на Белую Криницу.

В недавнее ещё время (выборы 1887 г.) в числе выборных рогожского богаделенного дома, которые являются хозяевами этого раскольнического учреждения, мы встречаем и К. Т. Солдатенкова и трёх лиц из семейства Рахмановых. Известны в Москве фамилии родственных последним семейств, каковы О-вы, а также и родственников Царских – Д-вых, Б-ных, Ш-ных; ранее славились богатством М-в и его преемник К-вский. Благосостояние всех этих фамилий ставилось молвой в связь с хранением их представителями рогожского общественного

капитала. Каким образом переходит этот последний из рук в руки, знают, конечно, только наиболее осведомлённые члены рогожского самоуправления. Некоторый свет проливает на этот вопрос производившееся недавно в Черниговской губернии судебное дело Ш-дова, заведовавшего, как оказалось, подобной же общинной кассой. Что же касается расходования общественных сумм кладбища, то их хранители, очевидно, следуют тому же порядку, о котором упоминает П. И. Мельников. Эти негласные средства дают возможность „обществу” содержать при кладбище на жалованье белокрыпичский причт из четырёх попов и трёх дьяконов с десятками дьячков и подьячих, иметь в Москве два подворья для „архиепископа”, субсидировать последнего (как это особенно было при Антонии Шутове) на распространение „священства”, с постройкой и оборудованием моленных, снаряжать миссии на Восток и т. п. Подобные весьма крупные расходы явно свидетельствуют, что рогожский капитал не уменьшился, если не увеличился, против той эпохи, которую г. Мельников называет цветущей порой кладбища.

Основание общественной кассы Преображенского кладбища положил ещё Кавылин грабежом выморочных домов¹⁷⁵ в 1771 году и теми отказами имущества, которые он заставлял делать несчастных больных, попавших в его больницу и здесь совращаемых в федосеевство. Преемники Кавылина по управлению кладбищем в 1812 году грабили дома, покинутые москвичами, в виду неприятельского нашествия, а в холеру 1831 года устроенная федосеевцами в Лефортове больница сослужила кладбищу большую службу, в деле увеличения и числа его прихожан, и кладбищенского достояния. Последнее состояло и из недвижимых имуществ, каковы даже земли, лавки, заводы, луга и из капитала. В 1831 году, по требованию тогдашнего московского генерал-губернатора, кладбищенская недвижимость была продана с аукциона за 130,000 руб. асс.; продажа эта оказалась фиктивной, так как покупателем был федосеевец Гучков, не внёсший даже денег в кладбищенскую кассу; к этому же Гучкову перед ревизией гр. Строганова отвезён

был и капитал в 12 мил. руб. в деньгах и вещах, хранившийся ранее у наставников на кладбище¹⁷⁶.

Последовавшие затем строгие мероприятия правительств. власти в отношении к этому гнезду раскола, имевшие после присоединение к Церкви некоторых, наиболее влиятельных федосеевских семейств, и в том числе Гучковых, не могли не остаться без влияния на судьбу кладбищенского капитала. Но в 1877 году, со времени утверждения ныне действующего устава этого богаделенного дома, последний оказывается снова и владельцем недвижимых имуществ, в форме „христовых домиков” и капитала, который даёт возможность управителям кладбища вести свои торговые дела на широкую ногу, достигать почётных званий и завязывать полезные для федосеевщины связи, как это было с федосеевским генералом Е-вым. Негласная кладбищенская недвижимость официально является собственностью „отцов” и „попечителей”, или „хозяев”, у которых и переходит из рук в руки, укрываемая разного рода нотариальными сиделками, не обходится здесь, конечно, и без проявлений той корысти, о которой говорит в своей искренней речи преосвящ. Мелетий. „Дома” эти служат, впрочем, отчасти и кладбищенским целям: в одном из них ныне существует крестильня, а в другом числятся проживающими „девицы”, исправляющие обязанности певиц, читалок и псалтирщиц при тех „духовных требах”, совершение которых разрешает на кладбище действующий устав. Как крестильни, так и девицы существуют усилению кладбищенского негласного капитала; в первую нередко привозят перед смертью совращённых в федосеевство лиц и, предварительно крещения в „христианство”, отбирают здесь у них скопленные деньжонки, иногда довольно крупные; а из заработка девиц некоторая часть поступает „отцам” на общественные нужды. Немалую поддержку оказывают и суммы „на помин души” передаваемые, обыкновенно, при жизни или по завещаниям заправителям общины, так как попытки делать, завещания прямо на имя богаделенного дома встречают в судебных учреждениях законные препятствия к своему осуществлению.

Раскольнические общины в провинции представляют сколок с московских. Москва, всегда давала тон и готовые образцы расколу во всей его истории. Где только есть „часовня” или моленная, есть при ней хозяева попечители, в руках которых и находится общественный капитал, который, переходя из рода в род, обеспечивая личное благосостояние хозяев, давая им главенствующее положение в общине, вместе с тем служит тем сектантским целям, которые прекрасно характеризованы в речи почившего архипастыря-миссионера.

В. Дорофеев

Из миссионерских летописей, дневников и записок //
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 401–427

Сахаров И. Посещение миссионером раскольнических школ. С. 401–404

Известно, что одним из условий, благоприятствующих поддержанию и развитию раскола, являются раскольнические школы¹⁷⁷. На первый взгляд может казаться, что такие школы способны оказать даже услугу миссии, так как содействуют развитию грамотности в раскольнической среде и ослабляют то невежество, на почве которого раскол вырос и держится по сие время. Но дело в том, что грамотность, получаемая мальчиками в раскольнических школах, является односторонней: она не только не способствует питомцам школы убедиться в несостоятельности раскола, но ещё и служит надёжным средством для образования фанатичных защитников раскола. В этом смысле приснопамятный митрополит московский Филарет справедливо называл старообрядческие школы „рассаdnиками раскола”. В семье мать внушает своему ребёнку ненависть к православию, а в школе эту обязанность берут на себя наставники детей. Овладев славянской грамотой и расставшись со школой, раскольнические мальчики начинают читать книги в направлении враждебном православию, и понимать их под известным углом зрения; конечно, от такого чтения их ненависть к православию не только не смягчается, но ещё и крепнет с каждым годом. Из таких питомцев раскольнических школ и выходят обыкновенно те старообрядческие начётчики, которые с азартом возражают миссионеру на беседах.

Во время своих миссионерских поездок я пользуюсь свободным от бесед временем для того, чтобы посещать раскольнические школы. Мне кажется, что защитнику православия полезно иметь некоторый контроль над этими рассаdnиками раскольнических лжеучений: к тому же, посещение раскольнических школ является для миссионера почти единственным средством оказать влияние на молодое поколение. Дело в том, что многие из старообрядцев, особенно в молодые годы, совсем бывают лишены возможности ознакомиться с неправотой раскола. Следует, например,

отметить, что не только дети, но даже и юноши на беседы миссионера не допускаются: взрослые запрещают им ходить сюда из опасения, чтобы семена миссионерской проповеди не запали в молодую душу и не навели подрастающее поколение на размышления о неправоте раскола. В школе же старообрядческие наставники поневоле должны оказывать миссионеру любезный приём: они знают, что отказать ему в посещении школы опасно, так как миссионер может возбудить дело о закрытии раскольнических школ, существование которых воспрещено законом, и лишит через это наставников прибыльного заработка.

Посещение миссионером раскольнических школ полезно ещё в том отношении, что, видя миссионера в школе и беседуя с ним здесь иногда подолгу, дети перестают его дичиться и постепенно к нему привыкают: это весьма важно для их последующего знакомства с защитником православия. Иногда, впрочем, миссионер может оказать влияние на детей и в стенах самой школы: среди учеников нередко можно встретить мальчиков, имеющих по пятнадцати и более лет, следовательно, вполне способных понять миссионера. Находясь в школе, я обыкновенно вступаю с наставником в беседу о разных религиозных предметах. Всего чаще речь заходит о сложении перстов для крестного знамения, т. е. о таком предмете, о котором детям внушаются раскольнические понятия с самого раннего возраста. Дети обыкновенно чутко прислушиваются к нашему разговору и по их оживлённым лицам можно бывает безошибочно заключить, что такие беседы их интересуют. Смущение наставника и его несостоятельность в защите раскольнических мнений естественно должны будить мысль детей и наводить их на размышления о том, кто из собеседников прав: миссионер или их наставник?.. Биографии лиц, присоединившихся из раскола к православной церкви, с несомненностью убеждают в том, что иногда бывает достаточно малой искры сомнения, заронённой в детскую душу, для того, чтобы навести раскольника на размышления о неправоте своего упования...

Почти в каждом из раскольнических селений северной Бессарабии, где я состою миссионером, есть несколько раскольнических школ, в которых обучается иногда до тридцати мальчиков и девочек, в возрасте от семи до пятнадцати и даже 17-ти лет. Наставники обыкновенно обучают детей одному только славянскому чтению; обучение начинают с часослова, а кончают псалтирью и иногда шестодневом св. Василия Великого. Плата за труд взимается учителями в неодинаковом размере: одни берут с учащихся по рублю в месяц, а другие – по шесть рублей за то, чтобы научить мальчика читать часослов, и по десяти рублей за выучку псалтыри. Способы обучения употребляются самые примитивные, т. е. такие, какие в правительственных школах давно уже отошли в область преданий. Каждый из учеников, водя по книге указкой, читает заданный ему урок вслух; от этого в школе стоит сильный гам, неприятно поражающий непривычного к нему посетителя. Наставник всё время ходит возле парт и поощряет к занятиям ленивых учеников плёткой; такому же наказанию подвергаются и дети, которые предпочитают шалости приготовлению урока.

В каждое из своих посещений раскольнической школы, я обыкновенно заставляю учеников по очереди читать какое-нибудь место из книги и обращаюсь к детям с разными вопросами. Они наперебой стараются передо мной отличиться и весьма охотно отвечают на мои вопросы. Легко бывает заметить, что моё посещение доставляет детям большое удовольствие. Почти все они читают по-славянски очень бойко и легко справляются с самыми титлами; некоторые из мальчиков имеют прекрасные способности, и приходится пожалеть, что они незнакомы ни с арифметикой, ни с русским правописанием, и что всё обучение в раскольнических школах ограничивается одной лишь славянской грамотой.

В раскольнических сёлах мне приходилось встречать иногда очень любознательных детей. В ноябре месяце 1899 года, находясь в слободе Грубно, Хотинского уезда, я производил беседы со старообрядцами в общественной квартире, содержимой сельским старостой Яблочниковым. Во время беседы в комнату часто входил сын хозяев, мальчик лет

четырнадцать. Он останавливался обыкновенно возле печки и с самым напряжённым вниманием следил за ходом прений. Но появлялась мать и удаляла мальчика из комнаты. „Не время тебе слушать: успеешь уйти „в хохлы” потом, когда будешь солдатом!” говорила она вслед уходящему сыну. Этот мальчик приходится родным внуком умершему раскольническому лже-епископу противоокружников Кириллу Балтскому, отличавшемуся фанатизмом, а его мать – одна из самых ярых раскольников Грубно: она сама заявляла мне, что „готова идти на костёр за древле-православную веру”... Для детей, которые имеют несчастье родиться в таких фанатичных семьях, и должны быть полезны визиты миссионера в раскольническую школу: хотя здесь мальчик узнаёт часть из той правды о расколе, которую от него тщательно скрывают его родители, не позволяя ему слушать православного миссионера на беседах.

Кишинёвский епарх. миссионер *Иван Сахаров*

Фролов В., свящ. Чистосердечное признание родной сестры родоначальницы Марьяновского толка хлыстовской секты. С. 404–413

Проживая некоторое время в с. Збурьевке, Днепропетровского уезда, Таврической губернии, родине „Марьянны матушки“, родоначальницы Марьяновской секты¹⁷⁸, нам пришлось беседовать с родной сестрой Марьянны – Федосьей, в замужестве Андреевой, здравствующей доселе. Сама Федосья семидесятилетняя, хорошо сохранившаяся старуха, православная, к секте своей сестры никогда не принадлежала, но память её хранит свято и, по-видимому, неохотно вспоминает о ней при людях, не знавших Марьянны. Нам однако удалось вызвать Федосью на откровенный разговор о злополучной сестре, причём она, решившись чистосердечно поведать нам повесть об её много-мятежной жизни, в виде вступления, вздохнула глубоко и, перекрестившись, прошептала: „ошибалась она, голубушка; прости ей, Господи, на том свете прегрешения её“. „Не верь, батюшка, тому, что про неё писали в книгах. Правды тогда нельзя было добиться ни от неё, ни от её почитателей. Слишком уж тогда боялись и духовных и господ, следствовавших дело“. Вот её рассказ.

Мать наша Евдокия была родом из Золотоношского уезда, Полтавской губ. Вышедши с родителями на новые земли в Таврию, она поселилась в Збурьевке, где вышла замуж за молдавского выходца Галагана. У них было двое сыновей. Муж скоро помер, а мать, оставшись молодой вдовой, вторично вышла замуж за Чалбасского крестьянина, жившего в Збурьевке, Стефана Бабенко. От этого брака у них было двенадцать детей, из которых десять умерли в раннем возрасте. Остались только в живых я да Марьянна. Марьянна была старшей. Когда мне было лет двенадцать, отец наш помер; мы жили очень бедно, чуть не побирались по миру. Мать хворала, её взял сын её Кузьма от первого брака, а мы жили у чужих людей. Хорошо помню время, когда Марьянна 16-ти-летней жила в горничных у полковника Жерве, стоявшей тогда в Збурьевке 13-й Артиллер. бригады.

Господа очень любили Марьянну, особенно барыня-полковница: Марьянна была из себя красивая, румяная, чисто ходила, послушная, отчего та в ней души не чаяла. Тогда же у полковника на кухне в денщиках был той же бригады слесарь Павел Тимофеев. Этот Павел на грех был такой статный да красивый. Приглянулась ему Марьянна и стал он за ней увиваться. А она что? Девка молодая, ветер... От себя его не гнала. Часто она, бывало, припадёт ко мне на плечо, да как заплачет, „пропадёт, говорит, моя головушка через Павла”. Бог с тобой, говорю, что это ты так убиваешься? „Страшный он какой-то”, говорит. „Боюсь я его. Обещалась я ему, а взгляну на него, сердце так и обрывается. В глазах у него будто зверь какой сидит и пасть на меня раскрывает”... Как я ни уговаривала её не идти за Павла, не послушалась, да и барин посоветовал. У него и свадьбу сыграли. Да, на беду свою пошла за него Марьянна. Чужало её сердце беду, да не слушалось ума-разума. На первых порах они жили с виду хорошо. Но после Павел обнаружился: свирепел не по дням, а по часам, да и кроме того стал зашибать горькую. А Марьянна на беду свою не могла сносить, когда видела его хмельным. И от того стала их жизнь хуже ада. Много раз она задумывала на себя руки наложить, да Бог послал ей утешенье – дочь Ольгу, которую она полюбила всей душой и для которой берегла себя. Бывало, когда Павел, придя домой пьяный, примется нещадно бить её, говоря, что она ему свет завязала, она, голубушка, прижмёт к себе покрепче свою малютку, да что-то шепчет, да молится: прости, Господи, и ему и мне согрешенья. Так-то она маялась с ним годов с десятков. Я забыла сказать, что через 8 лет после свадьбы своей, Павел по билету вышел со службы и жил в Збурьевке в наёмной квартире. Через четыре года его опять потребовали на службу в село Знаменку, где тогда стояла бригада. Ольга – её девочка – умерла, а она была в ту пору тяжёлая, так потому с Павлом не пошла, а осталась на квартире в Збурьевке. Маялась она горемычная. Средств к жизни не было никаких. Служить в таком положении нельзя было, а в доме решительно ничего не было. Всё, что можно было продать, Павел раньше продал и пропил. Жила в это время она подаянием – известно, сироту солдатскую

жалели добрые люди; да и я к тому времени сыскала себе место и кой чем помогала ей. Одновременно за сим у неё родилась дочь Наталия и пришли из бригады известие, что Павел умер. И вовсе молодая солдатка осталась одинокой сиротой с грудным младенцем на руках. Однако с облегчением вздохнула Марьянна, что Бог прибрал её мучителя. Одно нехорошо было, что ей из бригады не выслали документа. Первое время она упустила из виду бригаду, а после уж не знала, как и откуда добыть себе вдовый вид. После уж сватались к ней хорошие люди, вышла-бы замуж, может и счастлива была бы, не было бы греха, что после случился, да документа не было, никто не свенчал бы. Так и осталась вдовой. На счастье-ли, на горе ли своё была Марьянна грамотна. Трудно было ей с девочкой на руках ходить по чужим работам, вот соседи и ирисоветовали: читала бы ты, Марьяннушка, псалтырку по покойничкам, благо грамотна, „всё бы легче тебе было, меж добрыми людьми и прохарчилась”. Послушалась Марьянна совета и стала ходить по домам, где бывал покойник и читала псалтырь, а читала таково протяжно да жалобно и плачет, бывало, свою горькую долю поминаючи. Ну, на неё глядя, и бабочки заплачут, а там, знаешь, как в мужичестве бывает, и жалобную псалму по покойничку, али про своё житье горемычное, смертью пахнущее, заголосят. Вот за чтение то её сперва и полюбили. Сколько прежде солдатки сторонились, столь теперь к ней прилепились. И то сказать правду: читал до неё по покойникам дьячок Илья. А какой он чтец был: голос грубый, никакой жалостливости в нём не было, а душевности то и вовсе. Придёт бывало в дом, „дайте, говорит, для звучности голоса помянуть покойника, раба Божия такого-то, а сам глаз не сводит с кануну (колива); выпьет, крякнет и начнёт про житейское из пустого в порожнее переливать, да всё со смехом с пересудами и уж, бывало, как накричат на него старухи-то, он и зачнёт читать, а какое то было чтение: ни жалости, ни душевности тебе нет, вот и мир весь стоит, как истуканы, прости Господи? Главное, утешенья от того никому не было. Не то была Марьяннушка. Уж как она почитает, да запоёт, у всех на душе полегчает, известно выплачутся и полегчает. И такая она начётчица была!.. Как заучилась этак она

читать, так и говорить стала всё от писания божественного, худого слова, или разговора пустого от неё никто, бывало, не услышит. И за то полюбили все Марьяннушку, уж так полюбили то её люди. Стали детей своих к ней в науку отдавать. До десятка девочек она, бывало, обучала. Хатенку себе за 3 руб. купила у старика Дейки на бугру, среди села. А в той хатке оставалась от Дейки, который ушёл неизвестно куда с одной котомкой за плечами, старая-престарая икона, висевшая в красном углу. Как водворилась Марьянна в своей хатенке-то, стала она её вместе с матерью, которая пришла помогать ей, мазать её да прибирать, запущена она очень у старика-то была. Сняли они икону и стали её мыть. А икона была деревянная, краска с неё облезла, нельзя было разобрать никакого изображения. Мать и говорит ей: „не будет с этой иконы никакого проку, брось её, вишь она, как заслонка“. Сказала это, а сама зашаталась, выпустила икону из рук и схватившись за голову, чуть было не упала. Марьянна, схватив мать, поддержала, вывела во двор и усадила на завалинку, чтоб воздухом, значить, подышала. Отняла мать руки от головы, в себя пришла. „Что это я дочка, говорит, ничего не вижу! да как заплачет! Марьянна испугалась, засуетилась около неё, принесла святой воды, промыла глаза матери, а та всё-таки ничего не видит. Глаза чистые, а ничего не видят – стало ясно – мать ослепла. Сердце упало у Марьянны. Поняла она, что это Господня кара – за слова материны об иконе. Вошла Марьянна в избу, подняла икону, вытерла её насухо и поставила на прежнее место в угол, затеплила перед ней лампадку, а сама упала на колени и стала усердно с рыданьем молиться, чтоб Господь и Матерь Пречистая открыли маменьке очи. На молитве она всё забыла и себя не помнила. Очнулась, когда услышала, как мать громко звала её, чтоб она ввела её, – матушку, в горенку тоже помолиться перед иконой. Поднялась Марьянна, взглянула на икону, видит икона вся вспотела и крупные капли, как слёзы, падали с неё на пол. Ввела Марьянна в горницу мать, которая, ничего не видя, при помощи Марьянны опустилась перед иконой на колени и стала горячо молиться. Марьянна, отёрши пот с иконы, упала рядом с матерью на колени и обе долго усердно и горячо молились.

Слишком явно было наказание Господне за грех матери. Но зато, какое чудо опять сотворил им Господь! Вся возможна Тебе, Господи! (Рассказчица глубоко вздохнула). Когда они поднялись на ноги, то, о чудо! обе они увидели на иконе яркими красками отпечатанный совершенно свежий лик Богоматери. Мать прозрела! В неопisanном восторге мать и Марьянна смотрели на икону и долго не могли оторвать взора с чудного кроткого лица, наконец, бросились друг другу в объятья и долго не могли удержать слёз, потоками лившихся от умиления и радости, и только когда несколько успокоились, выплакавшись, подошли к иконе и стали рассматривать её, Марьянна, о, новое чудо! прочла ясную подпись внизу иконы: „Мария обрела благодать у Бога”. Поняли они тогда, что Господь призрел на молитву Марьянин и ради неё сотворил сие двойное чудо и с иконой, и с матерью. Когда весть об этих чудесах разнеслась по селу, народ стал толпами стекаться к Марьянне в избёнку и молиться пред чудотворной её иконой. Взяли из Церкви большие подсвечники, и день и ночь горели пред той иконой свечи во множестве, по несколько раз в день покойный о. Виктор, по просьбе людей, служил молебны. Слава про обновившуюся у Марьянны икону разнеслась очень далеко и стали съезжаться люди из ближних и дальних сёл. Все поняли так, что Марьянна угодница Божия и ради неё совершилось такое чудо. Сама Марьянна глубоко уверовала в это. Она наложила на себя тяжёлый пост, вся отдалась молитве? Часто, когда собравшийся народ желал молиться, Марьянна читала им что-либо из Писания, акафисты, заводила духовные псалмы и так как она была в этом большая искусница, то слава её пошла очень далеко, народу стало наезжать с разных мест очень много. Стали величать Марьянну „матушкой”, целовали ей руки. Местные благодетели – купец Мохортов, Кравцы и др. перестроили её хатенку, сделали попросторнее, что похоже было уже на настоящую моленную. В это именно время Господу было угодно, чтобы я вышла замуж за солдата Андреева, теперешнего своего мужа, который служил тогда в той же бригаде, где служил когда-то и Марьянин муж Тимофеев. Мой Андреев приезжал в Збурьевку на побывку. А когда мы обвенчались, то уехали на переменные квартиры.

Вернулись мы в Збурьевку опять только через три года. Мой муж вышел по билету; вот мы на первых порах поселились у Марьянны, она отвела нам небольшую пристрочку у себя во дворе. В это время у Марьянны невесть уже что творилось. Узнала я потом, что с ней свели знакомство *Николаевские шалопуты*, которые пристали к ней ради её чудотворной иконы. Долго Марьянна не хотела с ними сходиться, почитая их пляски делом греховным, но после сдались: уговорили они её. Они сбили её какою-то книгой, которую показывали ей одной и то под великой тайной. В той книге было нарисовано много кругов разной величины, один в другом (концентрических), а в середине благословящий ангел. „Пока не обойдёшь образом круга много раз, не познаешь, что есть благодать Божия”, говорили они ей. Улестили окаянные Марьянушку, уверовала она в это кружное моление и приняла его. Когда уже мы поселились у Марьянны, она потребовала, прежде допущения нас на свои собрания, чтобы я для соблюдения чистоты телесной разлучилась с своим мужем и жила-бы с ним, как сестра с братом. На это требование мы не согласились. Особенно мой Андреев стоял на своём. „И, сестрица, что-то ты говоришь мудрёное про чистоту телесную, я в толк не возьму, чище меня на службе, почитай, никто не ходил: как пуговики, как сапоги и всё прочее, а всё не стал вторым Авраамом, как ты обещаешь”. Так мой Андреев отказался исполнить требования Марьянны, как она того ни добивалась для спасения, как она говорила, моей и его души, отказался стать вторым Авраамом. За то Марьянна не пускала их на свои собрания. А собрания её в это время достигли огромных размеров. Наезжали люди из г. Алешек, Маячек, Костогрызовой, Райской слободы и многих других ближних и дальних мест. А по тем местам тоже пооткрывались такие же собрания, куда сама Марьянна наезжала к ним и руководила. Ставила она там вместо себя старших, которые к ней и наезжали на совет и завелось это Марьянино моление во многих местах, и никто не досматривал, никто не запрещал его. А какое это было моление, не могу тебе сказать, миленький человек. Никогда я на нём сама не была, не пускала Марьянна, видно, даже побаивалась меня и мужа моего. Моления эти у них происходили всегда ночью,

ставились сторожа, ставни плотно закрывались. Как я ни охоча была подсмотреть, никогда не удавалось, только и слышно было, как топают ногами, догадывалась я что-либо танцуют, – либо бегают, кружатся. Дом Марьянны в это время походил на монастырёк. У неё проживало по несколько девушек да старушек. Жила у ней какая-то монашенка Надежда из Московского какого-то монастыря. Она часто заходила ко мне потолковать да уговорить покориться сестрице, а больше выпытать, не замышляю ли я чего? „Нигде по монастырям не находила я такого моления хорошего, такой благодати, как у вашей сестрицы”, говорила она мне. А что за моление, никогда не признавалась. „Приставай к нам, познаешь, что есть сладость духовная”, говорила она... и больше ни слова. Как я не допытывалась, что это за сладость такая духовная, она, бывало, одно твердит, как и сама Марьянна, „разлучись с мужем, сама познаешь, а после и его наставишь на путь правый, тогда и он познает сию сладость и возлюбит наше житие и наше моление”. Но муж мой стоял на своём, да и меня строго держал. Чувствовала я, правда, и сама, что Марьянна не от Божественного писания завела у себя такое дело, что нужно таиться – и не пристала к ней. Немного спустя Марьянна стала уже просто чудить, ходила всегда не в своём виде: с распущенными волосами, полунагая летом и зимой босая, ела, как говорили в 2–3 дня один раз. В таком виде она ходила по селу, посещала по приглашению дома крестьян, а у Мохортовых и Кравцовых устраивала даже моления, распевала псалмы. В это именно время наибольшей славы Марьянны к ней пристал дьячок Илька, который ради хороших молений в доме Марьянны отрёкся даже от водки, мяса и разлучился с своей „Варькой” женой, которая была у Марьянны домоправительницей. Эта Варька и во время отсутствия Марьянны. когда она посещала своих обращённых в других сёлах, заменяла её, принимала богомольцев, устраивала моление и вообще смотрела „за порядком”. Однажды Марьянна задумала какое-то тайное дело, для чего нужно было ей ехать в Киев. Она взяла с собой Илька с Варькой, а на хозяйстве у себя оставила своих „сестриц”, что жили в её монастырьке, (которые и принимали на моления

народ). По дороге к Киеву Марьянна останавливалась в г. Николаеве. Здесь у неё были усиленные совещания с местными шалопутами, которые, по-видимому, были в её тайном деле за одно с нею. По приезде в Киев, Марьянна посетила святые места, но за всё время своего пребывания была чрезвычайно грустно настроена, была всем недовольна и скорее, чем думала, выехала обратно. Впоследствии отставший от неё Илько, много досадовал, что не мог добиться, чего Марьянна ездила в Киев? Он, пожалуй, что-то такое и подозревал, в чём-то догадывался, но о своих догадках признаться кому бы то ни было боялся. Так эту тайну и Марьянна, а может быть и Илько и унесли с собой в могилу. Когда на обратном пути из Киева, Марьянна снова остановилась в Николаеве у шалопутов, они устроили в честь её несколько молений очень торжественных и многолюдных, приглашали её к себе, т. е. чтобы она переехала туда на жительство. Марьянне понравилась эта мысль, она обещала и вскоре по приезде в Збурьевку стало слышно, что Марьянна хочет пожертвовать свой домик своим приживалкам „сестрицам“, а сама переезжает в Николаев. Может всё это действительно так и было-бы, если бы Господь не прервал её дела. Ни духовенство, ни полиция до сего времени не вмешивались в дела Марьянны. Часто даже местный священник о. Виктор служил, особенно в начале, перед обновившеюся иконой молебны; хотя после, когда Марьянна завела у себя тайные сборища, о. Виктора и не приглашали в дом к Марьянне, однако он знал, что у неё делалось, по крайней мере от людей слышал, но мешать ей он не мешал. Правда, он не раз ей впоследствии выговаривал: „чтой-то ты, Марьяннушка, какую ходишь, что-то ты задумала?..“ Однако она отбивалась: „и, отец, бывало отвечает она, Апостолы не такие были люди как мы, да и то ходили босиком, а нам так и вовсе грех рядиться. Отец Виктор, царство ему небесное, был человек кроткий, всё сносил, да молчал, но после, когда Марьянна открыто уже повела себя, да и говору разного было очень много, скрывать было нельзя, он возьми, да и выяви. Ну, тогда пошла писать губерния, понаехало много начальства, отобрали у Марьянны икону, пошли допросы. Марьянну арестовали, „стариц да сестриц“, которые при ней

жили посортировали; которые отрекались – выпустили, которые нет, позабрали. Долго велось дело; как всегда, – то Марьянну выпускали, то снова брали под арест, пока не взял её на поруки и под надзор Херсонского собора протоиерей о. Максим Перепелицын. Он тогда в Херсоне был в большой силе. Этот-то сильный человек и защитил Марьянну. Он поместил Марьянну на своём хуторе, что теперь монастырьком Перепелицыным называется. Там и церковь была. Несколько старушек-сирот призревалось на том хуторе; вот с ними то и поселил и под их надзор о. Максим Марьянну. Часто и сам он навещал Марьянну на хуторе, беседовал с ней, очень жалел её. Но Марьянна не унималась, твердила и творила своё. „Ты сам отец не так молишься, тебя самого обратить надо“, говорила она, „и ты возлюбишь наше желание“, но о. Максим считал её как-бы „не в своём уме“. Успокоится здесь она, пройдёт и эта дурь, думал он. А дурь-то у Марьянны стояла в прежней поре, прости ей, Господи! Она не то, что бросила свои затеи, а прежде постаралась совратить в своё моление всех обитателей хутора и старушек своих дозорщиц и прислугу мужскую и женскую. А когда это дело утвердила, оповестила своих почитателей, чтоб прибыли с ней помолиться. И не раз, не два съезжались к ней и старшие, и младшие братья и завелось на хуторе о. Максима тоже, что было в Збурьевке и в других сёлах Таврии вблизи к Збурьевке. И всё-то то дело её держалось в тайне. Окружные жители хутора знали и сами посещали моление, не знал только один о. Максим. А выявилось не скоро и вот как. Задумала Марьянна вовсе непутёвое дело. В великом посту (годов-то ты не спрашивай, ничего не помню) на страстных днях, она оповестила, чтобы старшие братья, бывшие у себя дома главарями и коноводами, съезжались к ней на прощание. Те не замедлили явиться и какой страх обуял всех! Пришли к Марьянне – видят её убитой на столе. Это было в Страстную Пятницу. Марьянна матушка умерла! Весть эта скоро собрала у её смертного ложа много людей. Голосили, причитали, просили её молитв перед Пречистой Девой, клали деньги, отдавали последнее целование. Известили о. Максима, который распорядился подождать с погребением до 2-го дня Пасхи, сам

обещал хоронить. Когда он в полдень приехал на свой хутор, то прямо прошёл к покойнице. Всё было готово к погребению, оставалось отпеть её. Вошёл о. Максим, взглянул на Марьянну: лежит она осунувшаяся, смерть разлилась по её лицу. „Успокоилась многомятежная грешница“, проговорил он, перекрестился и отошёл в сторону расспросить о последних минутах жизни Марьянны. Вдруг Марьянна к ужасу всех открыла глаза и слабым, деланным голосом проговорила: „где ты так долго был, пастырь“? Вздрыгнул о. Максим, уставился орлиным своим взглядом на Марьянну, и сначала не мог и слова выговорить. Потом очнулся, побагровел, думали Бог знает, что сделает, но он сдержался, и только проговорил: „полно тебе, Марьянна, чудородить. Ты не бросаешь своих глупостей, пусть теперь тебя Господь Бог выручает“. Отказались после этого все от Марьянны в монастырьке, да и она сама боялась о. Максима и на другой же день с дочкой, которая жила при ней, ушла в Одессу. Оттуда она, говорили, ездила в Почаев, а после её арестованную препроводили в г. Алёшки, оттуда взяли на поруки её почитатели и водворили опять в Збурьевке; но она через три дня бежала в Николаев, где надеялась у своих найти более сильную защиту. Там она и умерла.

Со времени, как она ушла в Николаев, я её не видела уже никогда. Ездила наводить справки к о. Максиму, но он рассказал мне только о том, что она делала и как жила, когда была у него, о чём я тебе уже рассказала. Дочь её жила у меня до своего замужества. Она вышла замуж за Костогрызовского крестьянина Крутя, с которым и по сие время живёт в с. Костогрызовке в своём Марьяновском исповедании. Я не советовала и выходить за Крутя, но она пошла волей – это дело рук её друзей Марьяновцев. Когда Марьяновцев стали преследовать, они стали скрываться, и хоть на вид кажутся православными, но верны своей вере. Слыхала я, что Наталия сходила два раза сума, не крепка на голову, видно, в маменьку свою, а мою сестрицу, родом. На мой вопрос, что же в конце концов думает Федосья, рассказчица, о Марьянне и её последователях, она кратко отвечала: „а думаю, милый ты человек, что всё это произошло от слабости“.

Свящ. В. Фролов

**Люкшин И., свящ. Из миссионерской летописи с.
Салтыкова. С. 413–426**

Село Солтыково, Аткарского у. Саратов. г. ничем не выделяется из всех других подобных же захолуствий, заброшенных в лесу и обильных раскольниками, Раскольникам здесь издавна жилось вольготно и привольно; а поэтому ими и было допущено много некрасивых, но неизбежных у них, фактов, просящихся в историю.

Раскол занесён был сюда после закрытия беглопоповских монастырей на Иргизе. Из числа монахов беглопоповских один, по имени Павел, явился в Салтыково. Выдавши себя за православного, он поступил к одному богатому жителю на пчельник, в виде караульщика; жизнь он вёл скромную, трезвую, был усердный, хотя и лицемерный молитвенник, чем обратил на себя внимание; у него были книги раскольнического содержания, читал он бойко, толково, от чего и стали его слушать люди религиозно нравственные. Особенно он усердно и чувствительно читал историю Соловецких страдальцев и др. и рассказывал происшествие с старообрядческими монастырями во время их закрытия на Иргизе. Таким образом, он всё более и более располагал к себе православных жителей и незаметно вёл их к расколу. Когда он увидел, что многие готовы последовать его учению и что для него предстоит здесь много жатвы, он открыто объявил, что и он один из страдальцев за веру, потерпевших гонение на Иргизе. Как мнимый мученик он ещё более расположил к себе жителей, и в течении одного года уклонилось от православия и перешло в раскол более половины населения. После этот монах достиг такой почести и популярности среди салтыковских старообрядцев, какими пользуются только очень немногие. Бывало, когда захочет с своего пчельника прийти в Салтыково, то предварительно извещённые им старообрядцы выходили ему на встречу из села, и как только являлся он, становились все на колени и кланялись ему, прося прощения и благословения. Духовенство хотя, конечно, и не могло не знать всего этого, но бороться оно было не в состоянии. Об этом так

рассказывают старожилы: время тогда было крепостное; бывало приведут попа-то к больному, он исповедуется у него, а причастие не примет: „мне де, батюшка, дурно, я не могу принять причастие“, с тем священник и уедет, а после старичок яко бы нужды ради причастит. Если же кто помрёт, то едут священнику объявить, да и скажут: „батюшка, не трудись ездить, (так как церковь и духовенство проживало верстах в 5-ти от Салтыкова), на вот тебе за труды десять рублей, а мы там и одни похороним“; а если священник не предоставит им права одним хоронить, и сам поедет на похороны, тогда дадут ему один рубль, а то и ничего; а если пойдёт по приходу с праздником или по сбору, тогда от него прятались и запирались или ничего не давали; а если кому священник просьбу уважит, то эти люди его уважали, наделяли его деньгами и пшеницей кошельями. Где и как выше упоминаемый монах Павел жизнь свою кончил, никому неизвестно, так как смерть монаха была загадочна: кто говорит, что он лишён жизни какими-то злодеями, а другие говорят, что он с пчельника бежал и без вести скрылся. После монаха к салтыковским раскольникам, как бы зная их положение, начали являться разные проходимцы, именуя себя священниками, бежавшими от православной церкви. Раскольники всех их принимали, как истинных священников. Однажды в летнее время в Салтыково приехали двое проходимцев, имея у себя короб с чем-то и выдавая себя за собирающих по Салтыковским лесам лекарственные травы, и по болотам – пиявок; выпросили они квартиру у одного богатого и ревностного раскольника и повели жизнь скромную, благочестивую: утром и вечером молились перед иконами, вычитывали повседневное правило. При разговорах с хозяином, 70-ти летним стариком, всё о божественном, толковали показывали церковные вещи, сосуды, облачения и прожили так они несколько времени и собрались уезжать из Салтыкова. И вот при прощании они и объявили старику по секрету, что они – священники, бежавшие из православных приходов, ищут где бы старообрядцам послужить. Старик изумился и не знал, что ему делать, со слезами на глазах пал он перед ними на колени, и умолял их остаться в Салтыкове и исправить давно

накопившиеся требы, ибо у них более десяти лет не было священников, почему было немало некрещённых, невенчанных, и не отпетых умерших, известил старик об открытии своём всех старообрядцев, собралась масса народу, и все совокупно стали просить проходимцев остаться в Салтыкове. И когда те согласились, радости не было конца: „вот, где не было сколько лет священников, а то сразу двоих Бог послал”. Проходимцы стали теперь совершать все требы. Но как-то скоро узнала о их пребывании полиция местная. И тут-то оказалось, что они – коробейщики из Владимирской губ., Доверчивых старообрядцев сильно это поразило, но не научило. Позже к одному хозяину явились начётчики; назвавшись беглопоповцами, хозяин сознался им, что он и сам принадлежит к беглопоповству и что очень рад видеть у себя таких начитанных людей. На вопрос хозяина, откуда они, – они ответили: „мы настоящего града не имеем, но грядущего взыскуем”. После эти странники поужинали, а перед сном долго и усердно вдвоём перед иконами молились. Утром рано странники, поднявшись и прочитавши утреннее правило, отправились в путь, причём у божницы оставили записку, на которой было написано, что ночевавшие странники никто иные, как священники, бежавшие от православной церкви, и что они желают послужить для старообрядцев, при том указали дорогу их путешествия. Хозяин, прочитав эту записку встревожился сам и смутил других старообрядцев; решено было догнать их, что и сделали; странники были возвращены в Салтыково для отправления церковных треб. Долгое время они жили здесь, так как старообрядцы старались всячески их скрывать от администрации. Только случайно старообрядцы открыли, что они обмануты, и самозванцы сами бежали ночью из села, оставив записку следующего содержания: „братия, простите нас и не спорьте из-за нас; мы, действительно, не попы, а пользовались этим ради вашей глупой простоты, и не возлагайте за это на нас вины, потому что у вас были попы, как до нас, так будут и после нас, таковые же, как и мы”.

После сего события Салтыковцы в приёме попов решили поступать осторожнее, решили принимать таких только попов, которые предъявляют ставленную грамоту; но и тут были обмануты.

Заявляется к ним однажды якобы поп и первым долгом предъявляет им ставленную грамоту, что он священник, бежавший от никониан. Грамота убедила старообрядцев, и они приняли его с восторгом. Вскоре же оказалось, что и это не поп, а простой мужик. Старообрядцы, обобрав его и поколотив довольно, выпроводили из села. Опять Салтыковцы призадумались о попах и решили уполномочить одного из сельчан послать „в казаки” (т. е. на Дон), не окажется ли у них настоящего попа, чтобы привезти его в Салтыково для исправления треб; это и сделали.

Посланник не обрёл желаемого и уже возвращался к односельчанам своим, как на дороге повстречал какого то проходимца с длинными волосами и в одежде монаха. Недолго думая, он уговорил его ехать с ним в Салтыково. для исправления треб. Проходимец согласился и дорогой же научен был несколько старообрядческим обычаям. По приезде в Салтыково, он стал исправлять богослужение и требы не только для Салтыковских, но и для окрестных раскольников.

Пользуясь своим положением, он стал сильно предаваться пьянству и творить непотребное; без вина он не мог ни одной требы исполнить. Вот какие вещи он проделывал. Однажды зимой он приехал к одному раскольнику и, повенчав несколько свадеб, изрядно выпил. Стали его просить повенчать ещё одну свадьбу, но он стал настойчиво просить за неё три золотых. Как его ни уговаривали, он одно твердил: „дайте три золотых или дайте невесту, я её в особняке поисповеду”. В последнем заметили его замысел на нечто недоброе.

Видя, что поп остался на мольбы непреклонен и требовал невозможного, предложили ему ехать. Положили его в сани, закрыли полостью и стали возить так по обширному двору. Когда вытрезвился поп и стал прозябать, то закричал из-под полости: „ну, что скоро ли приедем в село, а то я озяб и голова трещит”; кучер ответил: „батюшка, мы скоро приедем, да как раз к делу, нас в этом селе ждут со свадьбой”. – „Ну, так погоняй поскорее и проехав несколько раз по двору, подъехали к крыльцу, их встретили и сняли попа с саней. Входят в тот же самый дом Склеминова; попу стали предлагать повенчать свадьбу ту же, о

которой просили раньше. Он скоро изъявил согласие, предварительно просил только похмелиться. Попу дали хорошую порцию водки, после чего он и приступил к свадьбе. Скоро его сильно разобрало хмелем; когда он повёл молодых вокруг стола, то упал, не успев провести одного раза. Хозяин дома, старик, выйдя из терпения, подошёл, отсунул лежащего попа ногой, промолвив: „эх, пьяная ст-ва! идите, ребята, я вас два раза обведу получше этой пьяной св-и!” Так, и довершил венчание. А что в Салтыкове этот поп проделывал, об этом по словам бывших самих раскольников, а ныне единоверцев, даже и писать срамно; об этом можно догадаться по следующим фактам: сами же старообрядцы своего попа не раз обливали водой, остригали кругом, оставляли нагим, и наконец, вымазав всего дёгтем, прогнали из села. После этого попа много было ещё подобных, о которых писать я нахожу излишним. Наконец, старообрядцы выбились из сил мнимыми попами, и порешили остаться совсем без попов, и управляться стариками и наставниками...

Вот в это-то критическое для Салтыковцев время прослышали они, что недалеко появились у старообрядцев свои собственные „не обманные попы”, поставляемые своими же архиереями. До разбора ли было тут о хиротонии этих попов; и салтыковцы, вслед за другими, почти все приняли попов Белокриницкой лже-иерархии. Да и австрийские попы присоединяли без разбора всех желающих, через проклятие ересей и без всяких присоединительных молитв, строго только следили за тем, чтобы у каждого присоединяемого непременно был повешен в два конца от головы до пят холст, без чего присоединения не совершались; по присоединении же холст поступал в пользу попа.

Салтыковцам вместе с Баландинскими и Монастырскими старообрядцами дан был австрийский свой лже-поп, из крестьян села Баланды, П. К. Склеминов. После этого зажили Салтыковцы с своими попами той жизнью, какой живут подобные им их одноверцы; пошли обычные дразги и нелады с невеждами, явились разочарования и в самой австрийской лже-иерархии. Подоспела на помощь им православная миссия, и в результате всего явился единоверческий храм в с. Салтыкове с

прихожанами – присоединившимися из раскола. Но многими скорбями привёл Господь потомков некогда православных жителей к соединению с оставленной ими церковью православной, на правах единоверия. Первый лже-поп оказался горьким пьяницей, на его место был поставлен в попы хуторянин И. Калинин, человек состоятельный, сурового воспитания, настойчивый исполнитель преданий старцев, так что во время говения в великий пост, он не позволял своим говельщикам не только вкушать горячей пищи, не даже и отдохнуть на тёплой печи воспрещал. Если кто не вынесет положенного им правила по Лестовке, того он отлучал от причастия. Старообрядцы, не полюбили строгого Калинина, особенно же богатые купцы Гайненковы. Они постарались упросить Саратовского покойного лже-владыку Паисия уволить от них Калинина, а заменить его ныне действующим Я. Никулиным. Никулин, уроженец села Салтыкова, с молодых лет изучил, по-старообрядчески, чтение и пение; к крестьянскому труду у него не было прилежания, а более всего он занимался торговлей, в виде тархана, он всем торговал, собирая разную птицу, перо, пух, шкуры, щетину и т. п. Иногда торговал и менял лошадьми. Человек он вообще бойкий, лукавый, чрезвычайно нагл и довольно начитанный. Паисий, видя в Никулине увёртливость, послал, его в сс. Салтыково и Баланду, в звании попа. Прибыв в Салтыково, Никулин явился ревнителем раскола: он начал стараться обратить в него оставшихся жителей других сект, по возможности и православных в свою австрийщину; но запиная премудрым в коварстве их, не попустил Бог быти сему, а наоборот: Господь не только сохранил православных от уклонения в раскол, а и самим раскольникам скоро показал неправоту ихнего положения; Он воздвиг на сей труд одного из баландинских торговцев, моего друга и единомышленника, по жизни в расколе и по обращению в православие А. В. Кузнецова, – ныне миссионер в г. Георгиевске, Рязанской епархии. Последний часто бывал по торговым делам в Москве, познакомился с досточтимым, ныне в Бозе почившим о. архимандритом Павлом Прусским, который раскрыл ему всю истинность православной Церкви и губительное положение раскола, и давал ему свои наставления в деле

обращений и других своих собратий раскольников в лоно святой церкви. Кузнецов заручился от московского братства разными книгами и брошюрами в защиту православной церкви; он, во-первых, открыл мне ум разуместь писание и заронил семя сомнения в душу салтыковских раскольников. Никулин, желая успокоить волнующихся в делах религии прихожан, всячески старался отклонять их от разглагольствований и суждений о расколе, под тем предлогом, что де мы люди малограмотные, в делах религии не наше дело рассуждать; „вы должны верить и слушать своих пастырей и идти по их следам, и вникать в их Божественное поучение, а поэтому с вами я и толковать нахожу лишним, а если желаете слышать от меня оправданий нашей религии и иерархии, то давайте мне никонианского миссионера, я ему докажу”. Это лже-поп говорил, надеясь, что прихожане люди деревенские, тёмные, выписать миссионера не решатся, а они, напротив, с помощью того же Кузнецова, выписали миссионера из Москвы, библиотекаря Хлудовской библиотеки М. Е. Шустова. По прибытии в Оалтыково Шустова, в январе 1891 года, прихожане стали просить своего лже-пастыря Никулина на беседу с Шустовым; но Никулин начал всячески отказываться, то нездоровьем, то недосугом, а иногда и прятался.

Краткие и убедительные беседы Шустова сильно подействовали на старообрядцев, так что некоторые тогда же порешили оставить раскол и присоединиться к св. церкви. По отъезде Шустова раскольники сильно волновались, особенно по случаю отказа своего попа Никулина беседовать с Шустовым. „Да, братия, говорили крестьяне, должно быть ничего нет писанного в св. книгах в защиту нашей веры, а если бы было что, говорили другие, то наш отец Яков не прятался бы от Шустова”.

Тогда же, в наступивший великий пост, Господь помог мне, как жителю с. Баланды, в своём месте, а некоторым из салтыковских, А. Шеянову и другим, в с. Монастырском, проклясть раскол и присоединиться к святой православной церкви и приобщиться Св. Таин.

Никулин этим присоединением сильно встревожился и начал ходить по домам своих прихожан с увещаниями, стал говорить проповеди при молении; для и ознакомления с проповедью лже-

попов, я изложу одну из них здесь целиком. Вот эта проповедь: „Братия! давно я собирался нечто сказать, пришло время соблазнов; я как вижу многие колеблются из zde предстоящих, да иные уже и перешли в никонианскую ересь, а что там хорошего? Сами видите: постов у них не соблюдают; жрут всё под одно, с кем попало; там всё не грех; молятся щепотью, курят проклятый табак, и бреют бороды, а брадобритие, братия, великий грех пред Богом. Моисей пророк сказал: что да не взыщет на брады ваши бритва, потому что это мерзость пред Богом. Да, говорят никониане, что у вас нет церкви, а у нас есть; вот у нас и церковь (оборачивается и указывает на полотняную палатку), да ведь стены-то нас не спасут, церковь заключается не в стенах, а в человеческих рёбрах; не место человека освящает, а человек место; святой Иоанн Златоуст в бане совершал литургию; он же и говорит: „церковь не стены и покров, а собрание верных христиан, которые непоколебимо держат Христову веру“. А у никониан, какие там верные христиане? когда не токмо народ, но их попы и то не могут правильно лба перекрестить, а только рукой от рыла мух отмахивают, а в катехизисе сказано: аще кто неистово крестится,, т. е. не возлагает на чело и живот, на правое и левое рамо. то яве имут прихвоты на десницы своя печать антихристову. Ведь я разве ничего не читал и не знаю? Нет, я читал много и знаю св. писание и прибываю с вами; ведь и я мог бы перейти, вы то перейдёте, да и только, а мне бы честь была большая, мне бы положили жалованье, дали приход и стал бы я публично носить все крылья (?) и шляпу и никого не бояться; но, однако, я не хочу изменить древнее предание св. отец; ведь душу спасти, а не погубить каждому хочется. Итак, братия, не верьте никому, если даже будет прельщать с неба и ангел, не верьте и не прельщайтесь ему; молю, Бога ради, не слушайте никого, потому что теперь настало время искушений для христиан; на это не смотрите, что от нас уходят ведь и к нам же люди переходят; если, быть может, и я перейду и тогда вы не верьте и не ходите; прошу и молю вас не отступайте“. Аминь.

И что же? эта несвязная проповедь лже-попа принесла величайшую пользу православной церкви. Старообрядцы, по

выслушивании её, стали обсуждать его слова: „как же это так сказал батюшка? „если быть может и я перейду в церковь, а вы не верьте и не следуйте за мной”. Поэтому, он и сам не совсем верит своей проповеди, значит, ему верить опасно, да к тому же ещё сказал Никулин, что если бы теперь приехал миссионер, он бы всё оставил и пошёл на беседу, и доказал бы правоту нашей веры. Это крестьян побудило отправиться, во главе с присоединённым Шеяновым, в г. Саратов к покойному преосвященному Авраамию, с просьбой выслать им миссионера. По распоряжению владыки, весной, перед праздником Преполовления, прибыл в Салтыково епархиальный миссионер священник П. Шалкинский.

Лже-поп Никулин, узнавши о приезде миссионера, тотчас же отправился в Саратов, якобы по требованию своего лже-владыки, и пробыл там до той поры, когда о Шалкинский уехал из Салтыкова.

О. Шалкинским беседы велись по назначению и желанию самих раскольников, в чём имели они сомнение: а более всего тронуло раскольников, когда, в самый праздник Преполовления, о. Шалкинский отслужил на площади молебен, истово, по старопечатным ихним же книгам и сделал крестный ход на воду; возвращаясь обратно на площадь, о. Шалкинский окропил всех св. водой и некоторые прикладывались к св. кресту, а по окончании о. Шалкинский сказал слово о законных пастырях, входящих дверьми во двор овчий, и о незаконности австрийских попов, которые, видя волка грядуща, оставляют овцы своя на расхищение, а сами бегут. Тогда тут же заявили некоторые своё желание присоединиться к св. церкви, на правах Единоверия, на что был составлен список, в который записались 90 чел. желающих.

Владыка разрешил желающих раскольников присоединить к св. церкви, на правах Единоверия и построить в Салтыкове единоверческий храм. Трогательно было это присоединение! Тут случайно пришлось присутствовать владельцу салтыковского имения, князю А. В. Шаховскому. Когда началось чтение присоединительных молитв, он пал на колени и плакал от радости, как добрый отец, видящий своих детей, блуждавших

много лет во тьме раскола и возвращающихся паки в лоно чадолюбивые матери своей св. Церкви. По окончании присоединения, он всех вообще поздравил, и пожертвовал лепту на постройку храма для вновь присоединённых, которых было 60 душ. Храм для нас начался строиться на средства добрыхотных пожертвований, в течении пяти месяцев храм был готов, и 8-го ноября 1891 года, с разрешения владыки, был освящён.

Божиим соизволением, пал жребий моему недостойнству принять Божественную благодать пастырства и в сане священного иерея, вступить в эту малочисленную паству, которая состояла из 90 душ.

Для меня предстояла здесь трудная миссия, которая заключалась в следующем: новоприсоединённых было мало, св. храм имел во многом недостатки, да к тому же имелось много долгов за постройку его; квартиры для меня не имелось: новообращённым всё это сделать было невозможно по их бедности, кроме того по случаю неурожая хлеба, была голодовка; да к тому же салтыковцев постигло несчастье: в 1892 году сгорело до 150 дворов и почти все новоприсоединённые потерпели это несчастье; да тогда же свирепствовала и холерная эпидемия.

С помощью Божией, средствами добрыхотных жертвователей, всё исправилось, и при таком положении дела явился успех в деле присоединения: в первом году моей службы, почти одновременно, присоединено в (1892 г.) 186 душ, за 93-й – 62 души, за 94 – 52 души, за 95 – 22 души, за 96 – 20 душ, за 97 – 7 душ, за 98 – 11 душ, за 99 – 10 душ.

Но раскольников нашего села остаётся 900 душ, которые, как заметно, относятся к своей религии равнодушно, а более склонны к православной церкви; это видно из того, что многие начали охотно пускать своих детей в церковную школу, а многие присутствуют при общественных молебствиях, некоторые даже с нами молятся; часто приглашают меня на освящение колодцев, а за последнее время раскольники охотно согласились отпустить из общественных сумм 225 руб. на приобретение колокола для единоверческой церкви, хотя и не принадлежат приходом к ней. Но лже-попу Никулину всё это противно, и он непрестанно

злорадствует против св. Церкви. Своих он всячески старается удержать в расколе, а присоединившихся расстроить. На публичные беседы он не является, да и другим строго воспрещает. Но так как поучения его для пасомых остаются бесплодными, то он теперь действует другим способом: он всегда и всем своим заявляет, что и он де законный священник: „У меня есть от Царя вид на это, меня и высшее начальство признаёт священником; я на присяжном листе, за Государя Николая II расписался старообрядческим священником, и пристав в этом мне не заметил, а вот при покупке мною леса у барина А. на заключённом с ним условии, барин, как человек учёный, не как вы, мужики не понимающие, поименовал меня старообрядческим священником села Салтыкова (и этой бумагой он всем хвалится), да вот я хожу открыто в такой же длинной одежде, в шляпе и при длинных волосах, как и у всякого священника; меня видит земский начальник и знает становой пристав и даже высшие чины, и не токмо чтобы мне воспретили, но даже называют иногда меня батюшкой; теперь нам дана свобода от начальства, а только нас ненавидят одно духовенство, да миссионеры. Вы и сами знаете, бывало, как нас преследовали и в избе помолиться не давали, а теперь нам свобода! вот посмотрите какую я воздвигну в Салтыкове моленную, лучше единоверческой церкви”, так открыто проповедует лже-поп.

И действительно, что Никулин говорит, всё это сбывается на самом деле. Никулин в прошлом году несколько раз ездил в Москву, – собрал по московским богачам-раскольникам не одну тысячу денег, на постройку в Салтыкове молельни, и в прошлом же году устроил в Салтыкове кирпичный завод и наработал более 100 тысяч кирпича, купил у крестьян поместье в 1500 кв. саж., спешно заготавливает материал: лес, камень и пр., которым завалил всю общественную площадь, на удивление жителям. С открытием весны, приступил к постройке громадного здания, или вернее раскольничьей церкви; постройку лже-поп производит без всякого на то разрешения, как бы в укор православной церкви, и если начальство, имеющее силу и власть, не предупредит Никулина в его затеи, то он достигнет своей цели раскольникам

на укрепление, а новоприсоединённым на соблазн. Но кто же вникнет в это соблазнительное дело? Могущая власть от Салтыкова далеко, а местное начальство в этом как бы немошно; видя всё вышеупомянутое незаконное действие раскольников, оно как бы не замечает их...

А прислушайтесь к голосу народа, а особенно раскольников, хотя бы и стоящих на пути к православию? Вот что они говорят: „да Бог его знает, где правая вера, а мы одно знаем, что и нам теперь дана полная свобода; нас никто ни в чём не притеняет; вот хоть кто вздумает свадьбу сыграть, то сватайся без всяких препятствий; наши попы могут венчать хоть и 15 лет, и моложе, а что выйдет неудачно, так можно и другую взять; а если случится у кого упокойник, то можно хоронить хоть сей час, в новую ли, хоть и в старую могилу, зарывая глубоко ли, мелко ли – всё равно, одного ли, пятерых ли придётся положить в одну могилу, и в этом препятствия нам никто не заявляет, а перейди в православную церковь, всего этого священники не позволяют”.

И действительно, раскольники, хвалясь своей свободой, и этим своим самовольством, слишком соблазняют православных, особенно новоприсоединённых.

Единоверческий свящ. *И. Люшин*

**М-в К., свящ. Братский привет и пастырское
вопрошение к о. Иоанну Кронштадтскому. С. 426–427**

Ваше Высокопреподобие

Любимейший о. Иоанн!

По не ложенному слову Спасителя Нашего:

„Просите, и дастся вам: ищите и обрящете: толцете, и отверзется вам. Всяк бо просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзется” (Мф.7:7–8), а также: „Просящему у тебе дай, и хотящего от тебе зяти не отврати” (Мф,5:42). Братски приветствуя вас с предстоящим днём (19 окт.) тезоименитства, я с полной верой и надеждой решился стучать в двери вашей скромности и вашего смирения: уделите нечто от вашей духовной мудрости, которой вы удостоились от Всепросвещающего Духа Божия – нам меньшим вашим собратьям. – „Просящим у вас дайте, и хотящим у вас зяти не отвратите! Всепагубное зло различного рода сект охватывает многие углы „Руси православной”. Причиной этому, как действительно признано и на самом деле есть, отчасти наше нерадивое отношение к своему пастырскому служению и в частности к великому таинству исповеди пасомых. Мы – меньшая братия ваша – слышим „плачь, и рыдание, и вопль мног” в Кронштадтском Андреевском соборе. Плачут и каются в своих прегрешениях приходящие к вам со всех концов России паломники... Чем и как, любимейший о. Иоанн, умягчаете вы чёрствые сердца грешников, что они „тают, как воск от лица огня”? Вам, дорогой о. Иоанн, „дано разуметь” эту великую тайну, сердец – а мы, меньшая братия ваша, мы и желали бы, чтобы вся церковь плакала, при совершении нами пренебесного таинства исповеди, желали бы и сами, вместе с прочими грешниками, „источить реки слёз” о своих поистине „последней бездне грехов”, но с великой грустью приходится сознаться, что нередко как сами мы пастыри, так, и пасомые наши остаёмся „бесплодными смоковницами”.

Любимейший и дорогой о. Иоанн! Уделите нам от щедрот вашего духовного ведения. Вдохните в нас своим

всепросвещённым словом от Вессвятого Духа Божия ревность о сокрушении сердечном, о плаче за свои грехи и за грехи наших чад духовных. Не закрывайте от нас духовного света, которого вы удостоились от Всепросвещающего Духа Божия. „Ни (же) вжигают светильники, и поставляют его под спудом, и на свещище, и светит всем, иже в храмине (суть) (Мф.5:15).

Освещайте же, смиреннейший о. Иоанн, тёмные стороны нашего пастырского служения, и да удовлетворим мы духовную жажду наших пасомых, которые часто, не удовлетворяясь нашей сухой проповедью и формальной исповедью, ищут утолить свою жажду духовную „в кладенцах сокрушенных”, у различного рода сектантских вожаков и наставников.

Смиреннейше прошу прощения и ваших молитв.
Черниговской губернии, Новозыбковского уезда,
иерей *Константин М-в*

**Из миссионерской полемики // Миссионерское
обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 427–440**

Г-в П. Две беседы православного мирянина-простеца с пашковцем. С. 427–433

Прежде чем приступить к описанию настоящих бесед, скажем несколько слов об обстоятельствах, их вызвавших. Беседы эти происходили в марте месяце сего года в Петербурге на Невском судостроительном механическом заводе. На этот завод в начале нынешнего года поступил подмастерьем один из рьяных приверженцев пашковщины – некий Гавриил Козмин. Тотчас же, по поступлении на завод, он начал сеять семена пашковского лжеучения среди многочисленного рабочего заводского населения. Он проповедовал, что не нужно поклоняться святым иконам, почитать святых угодников Божиих, не должно призывать лиц священного сана, не следует ходить в церковь и принимать Святые Тайны и т. д. Таким своим учением он успел многих рабочих на заводе поколебать в преданности учению Православной церкви, а некоторых даже склонить посещать вместе с ним пашковские собрания. Но нашлись на заводе среди рабочих и такие, которые хорошо сознавали всю зловерность проповедуемого Г. К-м учения, хотя и не могли сами выступить против него с обличением, вследствие своего недостаточного знания Священного Писания, на которое всегда старался опираться в своих доводах пашковец Г. К-н. К счастью для рабочих, на завод вскоре поступил один крестьянин Смоленской губернии Степан Ив. Иванов, который был достаточно начитан в слове Божиим и ранее неоднократно выступал с обличениями против раскольников и сектантов. Узнав о пребывании на заводе пашковца, сильно смущавшего рабочих своим ложным учением, он начал искать случая, чтобы вступить с ним в беседу. Случай такой не замедлил представиться.

22 марта пашковец Г. К-н явился в заводскую мастерскую, где было много рабочих. Тут же находился и помянутый крестьянин Ст. И-в. Пользуясь присутствием последнего, рабочие обратились к пашковцу с такими словами: „Гавриил Козмич! Вот теперь здесь находится Степан Иваныч, который желает с вами побеседовать, и мы этого также желаем”.

Пашковец долго не соглашался вступить в беседу, ссылаясь на то, что они-де, пашковцы, в народные прения не входят, а говорят наедине, или не более как с двумя–тремя лицами. Но рабочие стали настойчиво понуждать его к беседе. Пашковец опять начал уклоняться от беседы, говоря, что он с неучёным крестьянином не может беседовать, так как сам он человек учёный и беседовал всегда только с учёными миссионерами. На это ему Ст. И-в заметил, чтобы он не хвалился на словах своим знанием, а на деле бы его показал. После сего пашковец, наконец, согласился беседовать с Ст. И-м. С общего согласия беседу назначили на послеобеденное время в той же самой мастерской. На беседу собралось много народу. Пашковец первый начал беседу.

„За гробом, сказал он, два пути или две жизни: царство небесное и мука вечная; в царстве небесном находиться будут люди верующие, а в муке – люди неверующие. Вот скажи мне, обратился он к Ст. Ив-у: в какой ты жизни желаешь быть?“ „Я желаю быть в царстве небесном“ – ответил ему Ст. Ив-в. „А веришь ли ты тому, что ты будешь в царстве небесном?“ – спросил его опять пашковец. На это ему Ст. Ив-в отвечал: „я верю, что могу получить царство небесное, когда буду исполнять закон Христов, исполнять Божественные заповеди, слушаться голоса церкви Христовой и во всём ей повиноваться, жить благочестиво, не пьянствовать, не воровать, не лгать, не клеветать и других беззаконий не творить. Если же я не буду слушаться церкви Христовой и не стану соблюдать её святые уставы, а буду творить только одни грехи и беззакония, то не могу получить царство небесное“. Пашковец на это сказал: „Вот я вижу, что ты человек неверующий и потому не можешь получить царства небесного, а я верую, что буду в царстве небесном“. – „в чём же заключается твоя вера“? – спросил его Ст. Ив-в. „Моя вера, – ответил он, заключается в одном слове: *веруй*. Господь сказал мне: *веруяй в пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешёл от смерти в жизнь*“ (Ин.5:24). На это ему Ст. Ив-в привёл слова апостола Иакова: „*Ты веруешь, что Бог един; хорошо делаешь; и бесы веруют и трепещут*“ (Иак.2:19). „Но скажи, продолжал Ст. Ив-в,

бесы спасутся ли? Если они спасутся, то я поверю, что и вы, пашковцы, спасётесь. Найди мне в Евангелии такое место и прочитай, где бы было сказано, что можно спастись *одной верой без добрых дел*“. Пашковец опять начал читать вышеприведённые слова Спасителя из пятой главы Евангелия от Иоанна. Потом привёл другое место из Евангелия от Луки, где Господь говорит Своим ученикам, что царствие Божие внутри вас есть (Лк.17:21). На чтении этого места Ст. Ив-в прервал его, спросив: „вы, пашковцы, всему ли верите, что написано в Евангелии“? Тот ответил, что всему. Тогда Ст. Ив-в прочитал из Евангелия от Иоанна следующие слова: *„Грядет час, в он же вси сущии во гробех услышат глас Сына Божия, и изыдут сотворишии благая, в воскрешение живота: а сотворишии злая, в воскрешение суда“* (Ин.5:28,29). Вот видите ли, сказал Ст. Ив-в пашковцу, если кто будет веровать правильно, слушать слова Господни и творить добрые дела, тот получит царствие небесное, а кто только на словах будет веровать в Бога, а добрых дел не станет творить, тот осудится на мучения. Пашковец на это возразил, что он под словом „злая“ понимает не злые дела, а неверие: „вы, православные, не верите, что вы спасены, а мы, пашковцы, верим, что *мы спасены и нам более ничего не нужно*“. „Но как же вы говорите ничего не нужно вам, – возразил Ст. И-в. Ведь Сам Господь сказал: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть плоти Сына человеческого, и пить крови Его; то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день“... (Ин.6:53,54). В этих словах указывается на необходимость принятия таинства тела и крови Христовых для того, чтобы получить жизнь вечную. Вы, пашковцы, говорите, что вам этого не нужно, а потому вы и жизни вечной не получите. Мы же, православные, принимаем животворящие тайны тела и крови Христовых в надежде получить жизнь вечную“.

Пашковец с видимым раздражением начал против этого говорить, что в приведённых словах из Евангелия от Иоанна под телом и кровью они, пашковцы, понимают духовную пищу и питание, которые посылаются с небес. „У вас же, православных, укоризненно заметил он, Христос вторично распинается: вы Его

тело ядите и Его кровь пьёте: до сих пор небось уже всё тело Его сглодали“.

В опровержение такого грубо-кощунственного понимания пашковцем слов Господа о вкушении тела Его и крови, Ст. Ив-в привёл подлинные слова Господа об установлении таинства святого причащения (Мф.26:26–28). На тайной вечери, сказал Ст. Ив-в. Господь не Своё естественное тело резал и давал ученикам, а преломлял белый хлеб и давал его; равно также не кровь Свою выпускал и давал пить ученикам, а красное виноградное вино. Следуя примеру Господа, и наши православные, законно поставленные пастыри преподают людям тело Христово под видом хлеба и кровь Христову под видом красного вина и, таким образом, исполняют заповедь Христа Спасителя о вкушении верующими тела и крови Его, дабы наследовать жизнь вечную. Вы же, пашковцы, этой заповеди не исполняете, а потому не можете достигнуть и жизни вечной.

Упоминание Ст. Ив-а о законно-поставленных православных пастырях дало пашковцу повод перевести речь на отрицание священной иерархии. Приведя из послания к евреям (7 гл.) слова апостола Павла о пребывании Иисуса Христа, по чину Мелхиседекову, первосвященником во веки, пашковец сказал, что раз у нас есть на небесах первосвященник и архиерей Бога вышнего – Иисус Христос. то нам не нужно никаких других архиереев и священников. На это Ст. Ив- в свою очередь сказал: вы, Гавриил Кузмич, говорите это, не ведуще писания, ни силы его. Неужели апостол Павел учил народ так, как вы учите, – не принимать и не слушаться епископов и священников? Апостол Павел повелевает Титу поставить по всем градам пресвитеров (Тит.1:5); он заповедует пресвитерам Ефесским внимать себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил их блюстителями, пасти церковь Господа и Бога, которую он приобрёл Себе кровью Своей (Деян.20:28). Из приведённых слов Апостола видно, что в церкви должны быть поставленные Духом Святым пастыри. Сам Господь наш Иисус Христос Духом Святым сначала апостолам, а потом через них поставленным епископам и пресвитерам дал власть вязать и решить грехи людей (Ин.20:22,23), заповедал им

идти в мир учить и крестить народы (Мф.28:18,19). Вот каких духовных начальников имеет наша православная церковь, которая есть столп и утверждение истины. Вы же, пашковцы, сами незаконно восхищаете себе права учительства, не будучи на то поставленными, и устроите свои самочинные сходы. Вы укоряете нас, православных, что мы кланяемся перед святыми иконами, а сами, отвергнув это, преклоняетесь над столом, стулом или табуретом, когда молитесь. Вы оставили наши церковные таинства, молитвы и обряды, а в своих собраниях допускаете всё-таки и молитвы и обряды. Вы возбраняете нам ходить в церковь на общую молитву, говоря, что церковь внутри нас есть, а сами устроите в частных домах собрания для общей молитвы. Что же? Не помрачение ли вашего разума и совести заставляет вас впадать в указанные самим себе противоречия? Сами вы сбились с истинного пути, находитесь в прельщении, погибаете и других влечёте за собой. Горе тому человеку, через которого соблазн приходит (Мф.18:7).

Раздражённый приведённой речью Ст. Ив-а, пашковец сказал: долго я слушал твою беседу, насилию конца дождался. Теперь позволь мне говорить. Вы не родились, а учите нас. – Не правда, мне уже 47 год, как я рождён, заметил Ст. Ив-в. – Это твоё плотское рождение, – продолжал пашковец, оно не приведёт вас ко спасению. Для спасения в вечной жизни надо родиться свыше. Господь говорит: если кто не родится свыше, не может увидеть царствия Божия (Ин.3:3). – На это Ст. Ив-в сказал ему: наша церковь Христова всякого истинно-верующего христианина породила духом свыше. У нас каждый ещё младенцем приносится в церковь, через водное крещение очищается от первородного греха, а через таинство миропомазания приемлет Духа Святого. Вот что у нас считается рождением Духом свыше. Мне желательно знать, как вы, пашковцы, рождаетесь Духом свыше, когда отвергаете крещение и прочие тайны церковные? – Мы все, отвечал пашковец, родились духом свыше. Господь послал нам с небес Духа Святого, дал нам откровение, в котором мы обрели свою веру и новую жизнь и сделались свободными. Вот почему у нас с вами и несогласие: ты, православный, говоришь мне от Евангелия, а

я, пашковец, говорю по откровению. – Мы вашему ложному откровению не верим, сказал Ст. Ив-в. В Евангелии Сам Господь Иисус Христос и Его святые апостолы свидетельствуют об истине. А кто свидетели вашего ложного откровения? Бесы. Мы им и вам не верим. Вы самообольщаетесь. – Тогда пашковец, окончательно выйдя из себя, сказал: если вы моему откровению не верите, то я больше с вами беседовать и говорить не буду; и с этими словами положил Евангелие на верстак и убежал из мастерской. Присутствовавшие на беседе православные рабочие обрадовались и возблагодарили Господа Бога, что Он помог такому же простому рабочему, как и они, посрамить врага. Так закончилась первая беседа Ст. Ив-а с пашковцем.

Вторая беседа происходила через пять дней после первой, 27 марта. В этот день тот же самый пашковец Г. К-н пришёл в заводскую мастерскую, где находился и Ст. Ив-в, и обратился к нему с такими словами. Я вижу вы, Ст. Ив-в, человек мудрый, хорошо знакомый с писанием; скажите мне: кто была у Каина жена? – А на что вам это знать? – в свою очередь спросил его Ст. Ив-в. – Пашковец ответил, что от жены Каина произошёл развратный род. – Неправда, – сказал Ст. Ив-в. не жена Каина убила Авеля, а Каин убил брата своего Авеля, и от него, Каина, произошёл грешный род человеческий. Поэтому вам, Г. К-н, вопрос о жене Каина, вопрос праздный; о ней нигде в писании не говорится. Вы хотели меня этим вопросом поставить в недоумение и подорвать мою честь, но напрасно. И зачем вы теперь обращаетесь к Библии, (т. е. ветхозаветным книгам писания), когда вы ранее мне говорили, что признаёте одно только Евангелие? Пашковец на это ответил, что они, пашковцы, Библию признают потому, что из неё вытекло всё Евангелие. Это неправда, сказал Ст. Ив-в, Евангелие вытекло из уст Самого Господа нашего Иисуса Христа и Его святых апостолов, которые писали, будучи вдохновлены Духом Святым. В Библии же писали преимущественно пророки и только то, что им повелел Бог написать о пришествии с небес на землю Спасителя мира. Впрочем, если вы, Г. К-н, оставив святое Евангелие, взялись за Библию и хотите её оправдать своё пашковское мудрование, то я согласен с вами беседовать и от Библии. Но только я верю, что

вы, пашковцы, и Библию бросите и от неё откажетесь, так как она вас не оправдает. Все ветхозаветные праведники и истинно верующие израильтяне слушались, почитали и уважали Самим Богом поставленных своих духовных начальников; но были люди в ветхом завете и такие, которые, подобно вам, пашковцам, отвергали законное священство и других соблазняли. – На это пашковец возразил: а кто в Ветхом Завете были духовными начальниками. Богом поставленными? Мы видим из Библии, что все ветхозаветные начальники – гражданские и духовные – не только пророков избили, но даже Самого Господа распяли. Вот в виду этого мы, пашковцы, и отвергаем ваше духовное начальство. – Против такого рассуждения пашковца Ст. Ив-в заметил: Г. К-н, если вы сегодня убьёте человека, а завтра меня будут за это обвинять, то буду ли я на самом деле виновен? – Нет, вы за меня отвечать не будете, – ответил пашковец. А если так, – продолжал далее Ст. Ив-в, то и наше новозаветное духовное начальство невиновно за ветхозаветное: кто в деле, тот и в ответе. Да и вы, пашковцы, неправду говорите, что всё ветхозаветное начальство участвовало в избиении пророков и распятии Иисуса Христа. Многие начальники еврейского народа уважали пророков и веровали в Иисуса Христа. Вы спрашиваете меня: кто были в Ветхом Завете Богом поставленные начальники? Отвечаю: пророк Моисей и брат его Аарон были начальниками духовными, Самим Богом поставленными. – Пашковец заметил, что на этих начальников никто не восставал, а все слушались их. – Нет, неправда, – сказал Ст. Ив-в, не все слушались. Так, Корей, Дафан и Авирон возмутились против Моисея и Аарона и за это подверглись страшному наказанию, быв поглощены разверзшейся под ними землёю. И вы, пашковцы, за ваше непослушание от Бога поставленным властям, подвергнетесь наказанию, если не в сей жизни, то в будущей. Апостол Павел учит нас: „всяка душа влаstem предержащим да повинуется: несть бо власть аще не от Бога; сущие же власти от Бога учинены суть” (Рим.13:1). „Бога бойтесь, царя чтите” (1Пет.2:17). Затем Ст. Ив-в перешёл к изобличению неправоты пашковцев в отрицании ими необходимости молитвенного обращения ко святым угодникам

Божиим. Пашковец Г. К-н, не имея возможности далее противостоять делаемым Ст. Ив-а изобличениям неправоты пашковского лжеучения, и опять разгорячился и убежал из мастерской.

Беседы Ст. Ив-а с пашковцем Г. К-м имели весьма благотворное влияние на православное рабочее население Невского завода. Дальнейшая пропаганда здесь пашковщины совершенно прекратилась, а помянутый пашковец Г. К-н поспешил взять расчёт и весной с. г. уехал с завода в Севастополь.

Сообщил П. В. Г-в

Александров Д. Из бесед Самарских миссионеров с беспоповщинским наставником поморцем об антихристе. С. 433–440

Миссионер. Из наших бесед вы, бр., на основании слова Божия, должны были убедиться, что перед приходом антихриста на обличение его должны явиться пророки – Илия и Енох, явиться чувственно, проповедовать 3½ года, затем приять от него мученическую смерть. Пророки эти не приходили, а посему и антихриста нет. Вся мнимая беспоповская церковь пала.

Теперь побеседуем и о самом антихристе. – В посланиях Ап. Иоанна Богослова читаем: „сей есть антихрист отменяя Отца и Сына” (1Ин.2:22) и в другом месте: „всяк дух, иже не исповедует Иисуса Христа во плоти пришедши, от Бога несть: и сей есть антихристов” (1Ин.4:3). Из сих слов апостола видно, что всякий человек, противник Христу, противоборствующий успехам Евангелия, извращающий учение христианской веры – антихрист. В этом смысле все еретики-раскольники – антихристы. – Еретиков было и есть много, поэтому апостол и говорит: „и ныне антихристы мнози быша” (1Ин.2:18). – Но это только предтечи его; сам же последний антихрист придёт при кончине века сего, как апостол и учит: „грядет”, т. е. придёт. Так учили и св. отцы: „требе есть знать, писал Дамаскин, яко имать приити антихрист. Но и всяк не исповедующий Сына Божия во плоти пришедша, Бога совершенна и человека совершенна... антихрист есть. Обаче собственным и изъятым образом антихрист глаголется, иже при кончине века приити имать” (Богословие 26 гл.). – Весь образ антихриста описан Ап. Павлом в послании к Солуняном, где Апостол учит, что антихрист будет определённое лицо, человек беззаконный, находящийся под особым руководством сатаны (2Фес.2:3,9); будет выдавать себя за Бога (2Фес.2:4); для совращения людей будет проповедовать ложное учение, чем увлечёт многих слабых (2Фес.2:10–12); будет совершать ложные знамения и чудеса (2Фес.2:9); будет могущественным царём, воздвигнет гонение на христиан, от которых будет требовать себе божеского поклонения, не желающих

следовать за ним предаст смерти (Дан.11:37; Откр.13:7–8,15). И в кн. о Вере: „той антихрист человек будет, беззакония сын, и родится от девицы нечистая, жидовки сущей, из колена Данова” (л. 270) „Исперва будет смирен, молчалив” (Ефр. Сирин), „последи же пременится сын погибельный» (Кирил. кн.).

Царствовать будет только 3½ года, как читаем о том у пр. Даниила: „и дастся в руку его даже до времени, и времён, и полвремени” (Дан.7:25). И в Б. катехизисе: „антихрист имать царствовати три лета и месяц шесть” (л. 102); погибнет он от действия Христа Спасителя, когда он придёт судить живых и мёртвых: „явится беззаконник, его же Господь Иисус убьет духом уст своих и упразднит явлением пришествия своего” (2Фес.2:8). – При этом – придёт антихрист к жидам, как о том Христос глаголет: „Аз приидох во имя отца Моего и не приемлете Мене, – ин приидет во имя свое, того приемлете” (Иоан. 17 зач.)... „ин, рече, приидет антихрист” (Благовести. 17 зач.). Таким образом из учения слова Божия мы видим, бр., что антихрист будет определённое лицо, явится перед кончиной мира, принят будет жидами, царство которых восстановит, царствовать будет 3½ года, убит будет Спасителем и т. д. Такого лица ещё не было, он не приходил, а посему беспоповцы несправедливо учат, якобы антихрист воцарился и царствует с тысячного года, как это утверждает и наш со-вопросник Черчимцев, наставник поморской беспоповщинской секты. Просим вас оправдать своё учение, но без ругани, а мы послушаем.

Черчим. О. миссионер об антихристе думает, что он будет определённое лицо. – Если он будет определённое лицо, то кто он будет? Зверь-ли, или человек, или ино что? Писание называет его зверем, змием и т. д. Неужели люди будут тогда веровать в антихриста, когда увидят его во образе зверя с рогами, или в образе змия с семью головами? Я уверен, что, видя такого, никто не поверит. Антихрист – это люди, верующие сатане и живущие в отступления, яко же бл. Августин нас научает, собирающего, а Могог – возвышенного или возвышение” (толк. на Апокалипс. стр. 259 по Братск. изд.). – И, по словам св. Дамаскина, – антихрист – „это люди, в которых будет пребывать диавол” (В прилож. 26 гл.). Вот моё учение.

Мис. Антихрист не зверь и не змий, а человек, как то мы и показали. – Если же он в писании называется зверем, то называется так – за тиранство, лютость (зверь-человек говорят), а змием – за хитрость. – „А той антихрист, читаем в кн. о Вере, человек будет беззакония сын, и родится, яко же глаголет Ипполит Римский, от девицы, жидовки сущие, от колена Данова” (л. 270). – А о Гоге и Могоге, якобы сии суть – антихрист, вы несправедливо толковали. У Св. Андрея Кессарийского читаем: „по слову Владыки, сказавшего: Аз приидет во имя Отца Моего и не приемлете Мене, аще ин приидет во имя свое, того приемлете” (Ин.5:43). Тогда, как сказано, освобождённый от своего заключения сатана прельстит все народы и для опустошения вселенной поднимет на брань Гога и Могога (зрите Гог и Могог не антихрист). Некоторое думают, что Гог и Магог суть полунощные и отдалённые народы Скифские, или, как мы их называем. Гунны, самые воинственные и многочисленные из всех земных народов. Только Божественной десницей они удерживаются до освобождения дьявола от завладения всей вселенной” (толк. на апокалипс. на 20 гл. 259 стр.). – И. Дамаскин никогда не учил по вашему об антихристе, а явственно глаголет, что будет человек, явится при кончине мира, царствовать будет малое время. – Повторяю: учение ваше не основательное и вы не показали, да и не можете показать, что антихрист пришёл.

Черч. В кн. о Вере сказано, что по тысячи лет развязан сатана и пришёл тогда антихрист в Рим, а в 1666 г. к нам в Россию: „Дети, последняя година есть, читаем, и яко слышасте, яко антихрист грядет и ныне антихристы мнози. О правде! Яко много предотечев, но и сам уже близ есть по числу, еже о нем 666. Число бо человеческое есть антихристово. Кто весть, аще в сих летах 1666-х, явственных предотечев его, или того самаго не укажет”? (л. 270). И „уже бо и многих ныне видим, иже не приемлют на себе Христова крестнаго знамения; десницею своею узаконеннаго воображения не возносят на чело главы своя, и на живот, так же на правое плечо и на левое. Аще убо рекша сего Христова знамения крестнаго не приемлют, то уже яве есть, еже имать прияти на чело и на десную руку

антихристову печать” (Б. Катехиз. л. 102). По словам же пр. Иосифа Волоцкого, царство антихриста будет продолжаться не 3½ года, а много времени (стр. 252), по книге о Вере семь лет, которое должно считать не за определённое время. – Если же мы будем считать за определённое число лет – время царства антихриста, тогда мы узнаем, высчитаем и день второго пришествия Христа Спасителя, а это будет противно учению Его, рекшего: „о дни же том и часе никто же весть”. Итак, мы верим, что ныне царствует антихрист; царствует и жертву истребил, как и написано в кн. Кирилловой: „антихрист прежде пришествия своего учинит, яже везде жертвенники и истинную жертву истребит, и кумир свой на Св. месте поставит” (л. 32). – А что в антихристово время ничего не будет, о сём глаголет Св. Ефрем сице: „восплачутся тогда церкви Христовы вся плачем великим, зане не будет службы Святыя во олтарех, ни приношения” (слово 195-е. 304 л. об.). Поэтому то миссионер напрасно и винит нас, что нет у нас т. Св. причащения. Нет потому, что всё погублено им-окаянным. Чего от нас искать, когда ныне царство антихриста?

Мис. В книге о Вере не сказано, что по тысячном лете в Рим пришёл антихрист, а в 1666 г. к нам в Россию; а говорится: „кто весть? (кто знает? вопрошается). А далее читаем: „а той антихрист человек будет, беззакония сын, и родится от девицы нечистыя, жидовки сущие, от колена Данова” (л. 270). А так как такого человека в 1666 г. не было, то значит несправедливо и неправо учите, что антихрист пришёл; да и придёт он к жидам, и царствовать будет не многие годы, а только 3½ года, или, как говорит Св. Андрей Кессарийский, „сорок два месяца – показывают, что попущением Божиим, три с половиной года будет иметь власть хулить Бога и святых” (толкование на 5–6 ст. 13 гл.). – В своё оправдание г. Черчимцев говорит, что если учить, что пророки будут 3⅓ года, затем антихрист будет царствовать 3½ года, то можно будет высчитать день второго пришествия Господа, что противно словам Спасителя: „о дни же том и часе никтоже весть”. Но недоумение наше давно уже решено Св. И. Златоустом: „Ибо рождающей, рече, не доходит безвестно родити. Весть бо, яко по девяти месяцев будет

рождение: и зело убо не ведомо, – овые убо седмomesячные родиша, овые же девyтомесyчные: инако же и день и час не явлен есть рождества... Многия бо тако и на путях, и дому вне непредувидяще внезапно неизглаголанньми объята бывши труды пресецает ся болезньми: сице и душе оный, дню нашедшу оному и неизбежнут” (Беседы 2276 стр.). – Видите, как Златоуст, предвидя подобные возражения, учит: как женщина знает, что через девyть месяцев будет рождение, но в кий час, в кий день, не ведает. Посему Св. Церковь и воспеваeт: „сказал, Христе, скончание времени, но скрыл час”.

Ложно и несправедливо и то, что, якобы, антихрист сядет в церкви Христовой, „а яже глаголет, читаем в Кирилловой книге, яко в церкви Божией ему сести. В которой церкви? В смущенной, глаголю, в жидовской; а не в той, в которой ныне есть мы... Понеже бо к жидам приидет, яко Христос, и от жидов приять имать быти. Даже их тем наипаче обольстит, честную церковь сотворит, да в большее сомнение их вложит, глаголя себе от колена Давидова, хотящу Соломонову церковь создати” (л. 50 и об.). – Вот смотрите, бр., в какой церкви сядет антихрист и куда он придёт: „не в нашей, а в жидовской; не к нам бо приидет, а к ним”. – Говоря, что антихрист пришёл и истребил жертву Христову, Черчимцев сослался на Кириллову книгу. Но в Кирил. кн. говорится, что антихрист всё истребит у еретиков, а не у православных христиан: „Внемли же, читаем в Кирил. кн., что есть мерзость запустения: яко еретицы жертвенников не имут, и егда в церквах Христианских пребудут, разоряют, и извергают из алтаря. Жертвенник, и жертвы животного хлеба не закаляют, и хлеба незлобиваго Агнца Пречистаго хлеба и вина честныя крове-Христовы, в жертву не приносят; токмо во олтари на месте священия мерзость запустения подобно трупу поставляют. О том бо (вот об таких то еретиках, у которых нет ни жертвенника, ни алтаря, ни жертвы Христовой) Хрисостом Св. глаголет, яко антихрист прежде пришествия своего учинит, яже везде жертвенники и жертву истребит и кумир свой на св. месте поставит (л. 82-й). – Вот мы и видим, что у вас „мерзость запустения”: *„внемли, что есть мерзость запустения, яко еретики (только) жертвенников не имут”*. А в церкви Христовой „два

святые места во олтари... Жертвенник и престол; едино есть на приношение жертвы, а другое на освящение. *Сие бо у всех и всюду у православных узриши* (Кирил. л. 31-й). И кто проповедует скончание жертвы, тот предотека антихриста, по писанному: „Иже антихристу предотеки и помощники, иже строятся совершенную Христову жертву везде помрачить” (Кирил. 27 л. об.). Жертва же тела и крови, т. е. Св. таинство причащения, пребудет до скончания века, до судного дня, по писанному: „Не есть жертва, которую церковь христианская от язык избранная приносит во всём мире Господу Богу, и до скончания века приносить имать, Тело и Кровь Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, в память смерти его. И сие пророчество по истине ко уверению, понеже сильно и непобедимо есть” (Кирилл. кн. 78 об.). – И Св. Ефрем Сирин свидетельствует, что таинство Св. причащения пребудет до второго пришествия на землю Господа И. Христа, до скончания мира (слово 107 с.). В 105 же слове Св. Ефрем Сирин говорит только, что в некоторых местах, по причине гонения верных, открыто с: жралмж не будет приноситься жертва тела и крови Христовых; тогда (в некоторых местах), и служба угаснет и чтение писаний не услышится. – Служба же совершается ныне и у беспоповцев, чтение Св. писания сейчас вы видите. Значит, ныне не время царствования антихриста.

Итак, из приведённых свидетельств вы, бр., видите, что ныне не время царства последнего антихриста, что он ещё не пришёл, что в истинной Христовой церкви даже и во время антихриста священство и тайны пребудут; видите, что беспоповцы, как не имеющие тела и крови Христовых, Св. писанием именуются еретиками, предотеками и помощниками антихриста, врагами Божиими, друзьями бесов (б. соборн. 118 л.)

Черч. Значит, о. миссионер ожидает антихриста, а в болш. требнике сказано, что кто ожидает антихриста, тот проклят.

Мис. Православная церковь, основываясь на слове Божиим, верует, что, по попущению Божию, перед пришествием Христовым придёт антихрист, который царствовать будет „три лета и пол”. Но мы не ожидаем его и не веруем, что он будет Мессия-Христос. – Кто же будет веровать в него, как Мессию-

Христа, тот, действительно, и проклят, как о том писано в б. Потребнике, – и клятва эта падает на жидов, а не на нас.

Черч. Ну, о. миссионер, давайте побеседуем ещё о клятвах соборов, а то мне оставаться здесь до завтра нельзя.

Артемий Петрович, спросил о. Димитрий, скажи пожалуйста: когда и в какое время пришёл антихрист и куда?

Черч. По тысячи лет он пришёл в Рим.

О. Димитрий. (Епархиальный миссионер). А потом куда перешёл?

Черч. В 1666 г. из Рима – в Российскую в церковь.

О. Димитрий. А когда он пришёл к беглопоповцам и приходил ли к ним?

Черч. К беглопоповцам антихрист пришёл тогда, когда они стали принимать беглых попов.

О. Димитрий. А когда он пришёл к вам, к австрийцам?

Черч. К австрийцам он маленько пришёл тогда, когда они стали принимать и принимали беглых попов, а окончательно водворился у них с приходом к ним беглого м. Амвросия.

О. Димитрий. А когда он пришёл к беспоповцам?

Черч. Не знаю (и улыбнувшись, – сел).

О. Димитрий. о Вот наш собеседник г. Черчимцев сейчас сознался, что и в их беспоповском обществе царствует антихрист; пришёл он к ним, но только Черчимцев не знает, когда к ним он пришёл. А я от писания скажу, что предотечи антихриста давно пришли к беспоповцам; пришли тогда, когда они отделились от Греко- Российской церкви. Что это правда, видим мы из Кирилловой книги: „ *ныне* всех еретиков и сводителей – *антихристами*, оному последнему служащими *разумей, иже от единыя святыя кафолическия соборныя апостольския церкви греческия отступили* (л. 22.). Значит, бр., вот кто с антихристом живёт, а не мы. Живя же с антихристом (а не со Христом; Христа они не имеют, ибо нет у них Тела и Крови Его), как они получают спасение? Ей, погибнут – без причастия Св. Христовых Таинств.

Вам кажется ясно было показано, что в настоящее время – нет царства антихристово, показано было, что даже и в антихристово время Св. Таинство причастия в церкви Христовой

будет приноситься законно поставленными пастырями на освящение верующих, т. е. и священство, и тайны всегда должны быть и будут. А беспоповцы, не имея священства и таинств, Церкви Божией не составляют и получить спасения не могут.

По окончании беседы присутствовавший на беседе апологет австрийской секты г. Перетрухин, вместе с своими собратьями, публично выразил благодарность оо. миссионерам, сказав: „благодарим вас, о. миссионер, что вы основательно доказали беспоповцу, на основании Слова Божия, что пророки – Илия и Енох и антихрист должны чувственно прийти, что они ещё не пришли, а отсюда ложно учение беспоповцев, что ныне нет ничего, – якобы всё уничтожено антихристом... Вы, г. беспоповец, не доказали своего коренного упования; учение ваше не христово, а диавольское” ...

Самар. епарх. мис. *Д. Александров*

Миссионерство, секты и раскол (Хроника) //
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 443–460

Э. М. Из распоряжений епархиальных начальств, – по поводу циркулярного указа Св. Синода, – по отчёту о занятиях бывшего в 1897 г. в Казани Третьего всероссийского миссионерского съезда. С. 443–453

Прежние и новые миссионерские мероприятия в Самарской епархии – Отметки в клировых ведомостях семинарских успехов по расколу. Миссионерские курсы и капиталы. – Возложение на миссионеров обязанности наблюдать за неуклонным исполнением духовенством епархии распоряжений высшей власти по миссионерству. – Разрешение единоверческим священникам и миссионеру отправлять в православных храмах службы для старообрядцев по их обрядам. – Форма для приходской расколо-сектантской статистики. – **Прискорбное отношение к миссии епархиального съезда Тверской губернии – Тамбовские** благочинные, в роли сведущих по миссионерству людей. – Неверный взгляд Тамбовского совета братства на областные съезды миссионеров. – Об организации справочного отдела при миссионерском фонде.

Циркулярный указ Св. Синода, от 26 мая с. г., начинает вызывать по епархиям начальственные распоряжения, которые несомненно оживят миссионерство и отзовутся на подъёме успехов и значения этого св. дела.

Так, в 17 № „Самар. епарх. Ведом.“, опубликован свод ранее приведённых в исполнение мероприятий, по пресечению раскола и сектантства, и ныне объявленных распоряжений, по поводу упомянутого циркуляра. Прежде всего здесь особое внимание останавливают сколько поучительные, столько же и отрадные сведения о том, как много полезного и жизненного предписано и сделано для миссии в этой епархии. Благодаря мудрому руководству и неутомимой энергии преосвященного Гурия, – который прежде всего *архипастырь-миссионер* – дело миссии в Самарской епархии поставлено на столь почтенную высоту, которой многие другие епархиальные миссии могут пожелать

только и подражать. Между прочим, относительно разъяснения духовенству важности собеседований, как способа борьбы с расколом и сектантством, ещё в 1894 году последовало Архипастырское предложение, коим строго внушалось духовенству, чтобы оно не считало себя свободным от обязанностей изучения раскола и сектантства и противодействия им и при наличии местных окружных и епархиальных, официально назначенных миссионеров. По словам епархиального органа, к чести самарского духовенства, случаев не сочувственного отношения со стороны последнего к деятельности епархиальных окружных и местных миссионеров епархии не замечалось, – а тем паче какого-либо противодействия им в их деятельности, – нигде, а напротив, нередки случаи, что духовенство само обращается к епархиальному начальству с ходатайством о командирований миссионеров, и это бывает или вследствие обнаружения движения в среде местного раскола и сектантства, или по поводу известий об ожидаемом прибытии в данную местность раскольнических начётчиков, наёмных, большей частью, со-вопросников и пропагандистов сектантства. В видах привлечения к миссионерской деятельности способных и подготовленных к ней священно- и церковно-служителей, епархиальным преосвященным сделано полезное распоряжение, чтобы в послужных списках духовенства показывалось, кто слушал в духовной семинарии курс учения о расколе и сектантстве и с каким успехом и кто знает какой-либо из инородческих языков, каковые отметки и принимаются во внимание преосвященным при распоряжениях о замещении ново-открывающихся вакансий, а нередко вызывают и нарочитые распоряжения о перемещениях священно-и церковно-служителей для пользы службы. По вопросу об учреждении в епархии противо-раскольнических и противо-сектантских братств последовала резолюция его преосвященства на журнале духовной консистории ещё от 12 октября 1895 года, относительно принятия мер против хлыстовской ереси, – причём утверждены и указаны частные предметы деятельности таковых братств. В настоящее время братства с миссионерскою

деятельностью существуют в 9 сёлах, заражённых расколо-сектантством. В 1898 году утверждённое преосвященным определение местного съезда миссионеров епархии, о желательности учреждения, для содействия миссионерству миссионерских кружков, члены которых чтениями и беседами знакомили бы народ с истинным характером и значением раскола, собирая для сего грамотных в осенние и зимние вечера. Преподавание учения о расколе введено при церковно-приходской школе единоверческого Преображенского монастыря, на Иргизе, Николаевского уезда, и при второклассной школе села Костычей (Обшаровка). Монастырская противо-раскольническая школа дала не одного уже учителя для иноверческих школ. Заявил также желание священник села Орлова Гая, Новоузинского уезда, Пётр Перекопновский устроить постоянные миссионерские курсы, для которых ему же, с епархиальным миссионером, священником Евгением Кесаревым, поручено выработать программу; но начатое священником Перекопновским обучение противо-сектантской полемике не получило дальнейшего развития по непосильности этого дела для одного приходского священника и по недостатку живого сочувствия этому делу в помощниках. В настоящее время организуется первый опыт устройства миссионерских противо-раскольнических курсов. Проект курсов, по инициативе епархиального противо-раскольнического миссионера-священника Дмитрия Александровича, разработан был ещё в 1899 году, но остался не приведённым в исполнение, за отказом ныне уволенного настоятеля Воскресенского единоверческого монастыря предоставить для курсов в монастыре помещение. В настоящее время курсы организуются исключительно на средства епархиального миссионерского капитала и больше 50 человек оказалось заявивших желание воспользоваться открываемым бесплатным обучением на курсах, которые предполагается открыть в настоящем году на 20 человек. По постановлению того же съезда миссионеров епархии 1898 года, по делу изыскания средств на нужды Самарской миссии, в частности же неопитов из раскольников, особенно в первое время по присоединении, на раздачу брошюр

и книг епархиальными и окружными миссионерами после бесед и на другие нужды миссии, напечатаны были воззвания к таким пожертвованиям, на этот предмет и утверждён ежегодный кружечный сбор в церквях епархии в день Святителя и Чудотворца Николая 6 декабря. Пособия новообращённым из нехристиан оказывает ежегодно и местный Комитет Православного Миссионерского Общества, имеющий приют в Самаре для ищущих просвещения св. крещения и присоединения к церкви православной от раскола. По делу приведения в известность действительного числа раскольников и сектантов в епархии, в 1893 году разослана была духовенству подробная программа для собирания сведений, каковыми пользуется епархиальное начальство и по сие время в потребных случаях. С той же целью и в частности для наблюдения за усилением или ослаблением раскола и сектантства в данной местности, ежегодно составляется ведомость о процентном отношении к местному населению: а) открытого раскола и сектантства, показываемого таковыми по исповедным росписям и б) небытчиков у исповеди и св. причащения по опущению, большинство которых составляют раскольники и сектанты, не имеющими права писаться таковыми по исповедным росписям. Сверх того, в 1895 году, по журналу консистории 2 марта, потребовано было от приходских священников единократное представление именных списков всех подозреваемых в хлыстовстве, обыкновенно же выдающих себя за православных, с обозначением, какое значение имеет то или другое лицо в сектантстве (лжехристос, лже-апостол, саваоф, пророчица, богородица), с тем, чтобы каждый год, одновременно с ведомостью о не бывших у исповеди и св. причащения 2–3 года и более, представлялись и дополнялись списки вновь навлёкших на себя подозрение в принадлежности к хлыстовству или рапортовалось, что в личном составе хлыстовства по данному приходу изменений не последовало. Тоже назначение имеют ежегодно представляемые списки келейников и келейниц, с обозначением исполнения ими долга христианского в каждый из 4 постов года. По журнальному определению Консистории от марта 1896 года, предписано, было

причам выставить на разосланных им печатных бланках ведомости о церквах и приходах наименование всех принадлежащих к приходской церкви города и села деревень и хуторов, с обозначением относительно каждой населённой местности: а) расстояния от приходской церкви и волости; б) числа церквей как освящённых уже, так и тех, которые ещё строятся в) числа православных, иноверцев (раскольников и сектантов отдельно) и инородцев – нехристиан, г) жалованья причту от казны и прихода, д) количества земли и е) существующих штатов причта при церквах. Неотменно практикуется сообщение о распространителях сектантства более или менее вредных и опасных, с описанием того, к секте какого рода таковые принадлежат, – преосвященным тех епархий, в которые таковые сектанты переселяются. Относительно порядка возбуждения дел в судебных и административных учреждениях, касающихся раскола и сектантства, духовенство постановлено в известность о существующих законоположениях. Недопущение ко св. причащению опознанных хлыстов, пока они, по исповедании своих грехов, не произнесут вслух народа отречения от всех хлыстовских заблуждений и не дадут обещания до конца жизни твёрдо содержать учение православной церкви, практикуется в Самарской епархии с 26 февраля 1895 года, когда от Его Преосвященства сдана была в консисторию составленная им формула клятвенного отречения от хлыстовства и сродных ему ересей. Но, независимо от вышеисчисленных, сделанных уже по епархии, распоряжений и опубликования состоявшихся в разное время постановлений духовного правительства, Самарское епархиальное начальство ныне подтвердило благочинным приходских церквей вновь и вместе предложило епархиальным миссионерам, *чтобы они имели неослабное и бдительное наблюдение за исполнением духовенством епархии постановлений и распоряжений Св. Синода*; приходскому же духовенству также вновь разъяснена циркулярно важность собеседований с раскольниками и сектантами, как существенно необходимого способа борьбы с расколом и сектантством, при этом внушено, чтобы священники приходов, заражённых расколом и сектантством, если признают

себя недостаточно подготовленными к ведению публичных миссионерских собеседований с сектантами и раскольниками, старались вступить с ними в собеседования частные по домам, что и служило бы для них, священников, наилучшею практической подготовкой к ведению и публичных собеседований; в случаях же особенной надобности, обращались-бы за содействием к миссионерам окружным и епархиальным. Предлагая оказывать всякое содействие миссионерам, через приглашение их к участию в богослужении и представление им произнесения за богослужением проповедей и поучений, епархиальное начальство сделало весьма важное распоряжение, чтобы в церквах приходов, недугующих заблуждениями старообрядчества, миссионеры из числа единоверческих священников и епархиальный противораскольнический миссионер *совершали в православных храмах* литургии по старопечатным книгам, если будет на та желание местных приверженцев двуперстия и вообще старообрядческой обрядности. Распоряжение это, весьма знаменательно и может оказать благотворное влияние на старообрядческий мир; полезно было бы, чтобы и единоверцы в своих храмах допускали православных архипастырей и пастырей, в особых случаях, к совершению богослужения по книгам и обрядам господствующей церкви, тогда раскольники не могли упрекать и подозревать православных старого обряда – единоверцев в отчуждённости. Весьма полезные сделаны духовенству указания, относительно новой требуемой Св. Синодом формы статистических сведений о числе раскольников и сектантов, а именно приходскому духовенству предписано впредь предоставить одновременно с исповедными росписями, именные посемейные списки раскольников и сектантов, причём итоги сих списков должны сходиться: а) с итогом проживающих в приходе раскольников и сектантов, не получивших крещения в церкви православной и потому не входящих в счёт душ прихода, а под итогом показывающихся особым счётом, с отметкой: „сверх того раскольников” и б) с итогом тех православных по рождению и крещению, которые в исповедных росписях отмечены не бывшими у исповеди и св. причастия „по уклонению в раскол

или сектантство". В таком посемейном списке раскольников и сектантов, при составлении его по форме исповедных росписей, т. е. с показанием родственных отношений в семьях раскольников и сектантов, вместо граф о бытии у исповеди и св. причастия или небытии по различным причинам, должна быть общая графа для отметки: „сколько лет продолжается отклонение от церкви" и другая для обозначения, к какому раскольничьему толку, или к какой секте принадлежит то или другое лицо в составе семьи, и какое в секте своей имеет значение. Сектанты и раскольники должны писаться в посемейных списках в порядке исповедных росписей, следовательно – по месту своего проживания, сначала в городе или в селе, где находится приходская церковь, затем в приписных к приходской церкви деревнях и хуторах. Соответственно тому и нумерация раскольников и сектантов в посемейных списках должна быть двойная: одна в порядке №№ от начала до конца списка и другая, – с указанием соответствующих № № по исповедным росписям. Затем представление именных списков хлыстов с показанием значения лиц в секте, прекращено. Подтверждено духовенству распоряжение Самарского епархиального Начальства, изданное ещё 1876 года о том, чтобы приходское духовенство не обращалось само непосредственно с просьбами о привлечении к судебной ответственности виновных по делам раскола и сектантства,

Духовенство предупреждено также и на счёт соблюдения крайней осторожности при присоединении спасовцев, из коих некоторые, приобвыкшие в своём толке думать, что христианином можно быть и не получивши св. крещения, и при обращении в православие могут скрывать своё некрещённое состояние из ложного стыда. Независимо от вменения духовенству в обязанность указом Св. Синода, от 30 мая сего года за № 7, предписано наблюдать за тем, чтобы в домах прихожан и в продаже не было икон, безобразно написанных и соблазнительного вида, внушить благочинным, чтобы при устройении вновь или при постановлении иконостасов в приходах, заражённых духом старообрядчества, по

снисхождению к духовной немощи населения, даже иконам, так называемого, Фряжского письма (полу-живописным) были предпочитаемы иконы строго иконописные. В видах пастырского воздействия на работающих в промышленных заведениях, а также на фабриках и заводах, в особенности же на женщин и детей, рекомендовано духовенству таких приходов устраивать вне-богослужебные собеседования и чтения в часы, когда фабричные освобождаются от работ.

В *тверской* губернии некоторые пункты циркулярного указа Св. Синода сданы были на обсуждение обще-епархиального съезда духовенства и последнее своими решениями только ещё раз доказало, как приходские пастыри ещё мало проникнуты сознанием важности миссионерства. По вопросу об учреждении братств и обществ ревнителей православия съезд сделал в своём роде классическое постановление – *желательно*, и тут же составление устава постановил поручить специальной комиссии из преподавателя семинарии по кафедре раскола и миссионера; выработанный устав напечатать в Еп. Вед. для *рассмотрения* его в *будущем* съезде. Спрашивается, а когда сей съезд будет, – через 3 года? Но что же это за ответ представителей духовенства на указ Св. Синода и на предложение своего архипастыря, по вопросу столь существенной и безотлагательной важности – *желательно*?! И на *три* года в комиссию... Ещё нагляднее представители духовенства Тверской губернии показали свою *теплохладность* в отношении миссионерского дела в епархии своим постановлением об учреждении на местные средства миссионера (в священном сане), для борьбы с сектантством. Вот это постановление.

„Для борьбы с расколом и в частности с сектантством в Тверской епархии есть уже миссионер; содержание другого было бы обременительно (*sic*!) для духовенства епархии; с другой стороны – с открытием кафедры истории и обличения раскола и ещё ранее обличительного богословия в Тверской духовной семинарии полемику с сектантами могут с честью для духовенства и успехом для дела вести многие священники, кончившие курс с 1888 г. каковых, хотя по одному, (!) найдётся (?) на каждое благочиние. В местностях же, более заражённых

сектантством, приходским священникам рекомендуется готовить себе помощников из обращённых сектантов, как это и практикуется с успехом в приходах: Обудове, Будове, Михайловой-Горе и др. Новоторжского уезда, и приходах сёл: Шидлович, Ильинском и Заборовью – Вышневолоцкого уезда, где в помощь миссионеру действуют два обращённых в православие начётчика”. По поводу этого постановления Высокопреосвященный положил резолюцию:

«Нельзя не пожалеть, что епархиальный съезд отклонил предложение об избрании второго миссионера (преимущественно против сектантов) тем более, что во многих епархиях имеется по два и более миссионеров противосектантских».

Нельзя не видеть, что мотивы съезда, по которым он отклонил изыскание средств на открытие должности противосектантского миссионера, – сшиты на живую нитку...

Не даром просвещённый Тверской архипастырь, Архиеп. Димитрий указал на примеры других епархий. Ведь кафедра раскола не в одной Тверской семинарии, – имеются, также не в одной Тверской епархии есть и не по одному на благочиние пастыри, могущие с честью и успехом беседовать с сектантами, и где не только „рекомендуются”, но и приготовлены, и действуют помощники миссионеров из мирян, однако, в большинстве епархии давно открыты должности особых противосектантских миссионеров. В Тверской епархии не без успеха действует пропаганда и пашковщины, и толстовщины, и штунды, сколько совращается или заражается ядом лжеучения тверитян в столице? Серьёзная грозит религиозная опасность для „сих малых” в Тверской епархии и от либеральной враждебной церкви интеллигенции; словом, в Тверской губернии миссии противосектантской дела непочатый угол. Но всё это, очевидно, мало интересует и беспокоит представителей Тверского духовенства, и оно не ясно представляет задачи миссии, сводя их к полемике. Вся суть-то в том, что *обременительно* будет содержание другого миссионера...

А для пастырской совести не обременительно, что искупленные честною кровью Христа, бесценные души верных погибают в заблуждениях еретичества, грозящего разрастись в епархии!..

Уж не потому ли отклонило духовенство открытие миссионерской вакансии, что им предложено было изыскать средства для миссионера в священном сане, тогда как, по характеру местного сектантства и задачам предстоящей деятельности миссионера, особенно же среди суемудрствующей. интеллигенции более, казалось бы, полезным был светский, с высшим образованием миссионер, при наличии уже одного миссионера в свящ. сане.

О мерах к пресечению продажи на базарах, в лавках икон и священных изображений, неискусно написанных: или не в православном духе, или соблазнительных (в роде изображения св. муч. Христофора с собачьей головой), и об открытии при церквях продажи икон, крестиков и др. священных вещей, съезд сделал суровое начальственное постановление; „литографий и картин духовного содержания, не прошедших православной духовной цензуры *близ образниц не развешивать*, строго следить за тем поручить приходским священникам. Продажу икон на базарах и в лавках, где с иконами зачастую продаются предметы обычного обихода, *воспретить через полицию (?)*. Офеней¹⁷⁹ с иконами по деревням *преследовать полицией*. Всеёэто легко сказать и написать, да трудно сделать! Полицейские меры предусмотрены и без съезда, а полезнее было бы дать инструкцию, советы, как духовными мерами достигнуть того, чтобы не покупал и не развешивал народ неподобающих и картин и как надо пастырям следить за всем этим.

* * *

В некоторых епархиях циркулярный указ Св. Синода сдан в консистории к исполнению и руководству, причём истребованы по многим пунктам сведения от оо. благочинных и очень немного оставлено ведению и разумению миссионерских учреждений и лиц. Так, в Тамбовской епархии предписано по п. III „потребовать от благочинных сведения о том, нет ли в их

благочинии кого-нибудь из псаломщиков и диаконов, которые с успехом ведут миссионерскую деятельность против сектантов или раскольников, или не имеется ли в виду способных к тому, которых требуется только расположить и поощрить к этой похвальной деятельности”.

Не знаем, к лучшему ли для дела оо. благочинные предпочтены здесь существующим в этой епархии специальным миссионерским учреждениям и лицам? Ведь вот, напр., в церковно-школьных делах существует особая школьная администрация, у которой всегда и везде требуют необходимых справок, касательно положения школ и школьных деятелей.

Здесь невольно возникает вопрос чисто принципиального свойства, а отчасти и практического. Оо. благочинные, конечно, отберут необходимые для ответа сведения от *священников* расколо-сектантских сёл. Но всякий ли пастырь скажет о низших членах своего причта похвалу, а тем и паче нелестную для них правду, особенно, если и сам-то он слаб в миссионерской деятельности?.. Ведь шила в мешке не утаишь... Пойдут пререкания и нарекания... и без того тяжёлая для пастыря жизнь в сектантском селе станет ещё тяжелее!.. Выходит, что и сказать правду беда и не сказать – на сердце тяжело... *Личное* же знакомство благочинных с миссионерской деятельностью причтов не входит в круг их прямых обязанностей.

Нам казалось-бы, что в интересах миссии и для поднятия положения миссионерского института и учреждений в глазах духовенства, специалистам-блюстителям интересов миссионерского дела и должны бы направляться в епархиях все справки и требования епархиальной власти, так-как они, по самому положению своему, имеют полную возможность дать беспристрастный и более верный, как основанный на сравнительной оценке, отзыв о миссионерской правоспособности и деятельности членов причта, причём руководясь *личным*, по долгу службы, знакомством с деятелями приходской миссии, миссионеры и миссионерские учреждения тем самым устраняют лишний повод к пререканиям между членами церковных причтов, что весьма важно для успеха приходской миссии. Правда, гг. миссионеры – „лица не юридические”, по отзыву

одной консистории, но подобные поручения могут быть предложены и лицам „доверенным“, каковыми вправе, конечно, считать себя миссионеры.

По пп. IV и V Синодального указа епархиальное начальство также затребовало отзывы от благочинных, в каких из заражённых расколом и сектантством приходов можно составить братства или общества или общества ревнителей православия, а равно, в видах подготовки из среды самого народа борцов с расколом и сектами, в каких приходах полезно устроить миссионерские школы, осуществимо ли по местным условиям их устройство, или, по крайней мере, в каких из церковно-приходских школ возможны миссионерские отделения”.

Мы опять недоумеваем, причём тут оо. благочинные?! Ведь требуемых сведений опять-таки они *лично* не могут дать, а начнут собирать их от деятелей приходской миссии. Но тогда не лучше ли предоставить эти вопросы совместному обсуждению практических деятелей миссии: приходских, окружных и епархиальных, которые близко знают миссионерские нужды приходов и лиц, ревнующих о благе православной церкви и, как специалисты своего дела, могут дать полезный для миссии ответ, тем более, что для составления отзыва по п. V-му требуется обстоятельное знание положения раскола и сектантства не в одном только приходе, а в обширном районе, так-как не в каждом же сектантском селе открывать миссионерскую школу?!. А такого знания ни от оо. благочинных, ни от приходских пастырей нельзя требовать; для этой цели существуют в епархиях институт специальных миссионеров и миссионерские братства. А так-как последняя часть V-го п. касается интересов и церковных школ, то при обсуждении её необходимо пользоваться мнением и лиц, специально ведающих церковно-школьное дело в епархии.

Мнение оо. благочинных здесь может, конечно, иметь значение совещательного голоса, но не решающего.

Впрочем, не всегда, к сожалению, и миссионерские учреждения стоят на высоте понимания сложных задач миссии. Так, Тамбовский совет братства при обсуждении вопроса о миссионерских местных съездах, в лице некоторых своих

членов, высказался против необходимости приглашения на эти съезды более опытных миссионеров других соседних епархий. К чему приглашать, говорят эти члены, ведь компетенция епархиального съезда не выходит за пределы своей епархии, а в знании местного сектантства епархиальные деятели миссии стоят несравненно выше ино-епархиальных. Едва ли можно согласиться с подобной аргументацией. Во-вторых, хотя компетенция епархиального съезда не выходит за пределы епархии, но на нём могут решаться вопросы, имеющие значение не только местное, но и принципиальное. Ведь общим мерам почти всегда предшествуют частные, т. е. применяемые сперва только к некоторым местным. Для выработки же подобных мер необходимо весьма близкое и обширное знакомство с жизнью и учением известной секты. Между тем, не всегда возможно изучить её в своей епархии настолько, чтобы принять меры, годные к пресечению дальнейшего роста её здесь, что бывает, например, на первых порах появления какой-либо новой в епархии секты. Тогда как в других епархиях она существует давно, вследствие чего миссионеры соседних епархий уже искусились в борьбе с ней. Как же не воспользоваться результатами их многолетней опытности в интересах местных, тем более, что, за небольшими вариациями, известная секта в каждой епархии переживает сходные фазисы. В целях более успешной борьбы с ней полезно пригласить на съезд опытного миссионера, хотя-бы то и не соседней епархии, чтобы, воспользовавшись его знанием и сведениями, избежать в своей епархии неудачных задов, допущенных в борьбе с данной сектой другими епархиями в момент первоначального развития её там. Во-вторых, не всегда епархиальные миссионеры могут знать местное сектантство лучше ино-епархиальных. Возьмём такой пример: лучший в епархии миссионер, много лет послуживший здесь и изучивший местное сектантство, как говорится, вдоль и поперёк, переходит на службу в другую епархию. Вскоре после сего здесь открывается миссионерский съезд; новый миссионер ещё не освоился с местным сектантством, да и вообще сведущие люди очень дороги. Почему же не воспользоваться знанием и опытностью бывшего миссионера?! Не говорим уже о

миссионерах соседних епархий, смежные уезды которых в противо-сектантском отношении могут представлять собой одно целое и только в силу гражданского, или епархиального деления территории подлежат ведению разных миссионеров. В таких случаях участие на съезде миссионеров соседних епархий не только желательно, но и необходимо. Помимо высказанных соображений должно принять во внимание, что в миссионерском деле, как и во всяком, могут быть умудрённые долгим опытом и искусные в полемике с расколо-сектантами миссионеры, у которых можно поучиться технике бесед. Пример этот на лицо: присутствие таких известных расколоведов и сектоведов, а в тоже время и практиков-миссионеров как проф. Н. И. И-го и В. М. С-ва на епархиальных миссионерских съездах всегда и везде приносят громадную пользу боевой отшлифовке местных миссионеров, расширению их кругозора на дело миссии и оживлению вообще совещаний. Ясно, что 3-й миссионерский съезд не без основания предлагал приглашать на епархиальные съезды более опытных миссионеров из других *соседних*, а мы от себя добавим, а *не соседних* епархий.

В заключение считаем не лишним высказать одно содержание по вопросу о миссионерском фонде в епархиях. Цель, этого фонда, как известно из указа Св. Синода, благотворительная и направлена исключительно на лиц, оказавшихся в беспомощном состоянии, по обращении их из раскола или сектантства в православие. Но так-как подача материальной помощи состоит не только во временных денежных субсидиях известным лицам, а главным образом и в приискании им занятий для сравнительно постоянного добывания ими себе насущного куса хлеба, то не будет ли целесообразным открытие при миссионерских фондах *особого – справочного отдела*, имеющего целью доставлять упомянутым лицам соответствующие им занятия? В миссионерской практике, думаем, не раз встречается нужда в приискании мест службы новообращённым, но почти всегда приходится отказывать, хотя просящий работы достойнее просящего милостыни. С этой целью полезно миссионерский фонд разделить на два отдела: собственно, материальный и справочно-трудовой. Для открытия

последнего стоит только лицам, состоящим членами епархиальных братств и их отделений, а равно и других благотворительных в епархиях учреждений обращаться с требованиями на известного рода физический труд к казначею фонда, у которого деятели миссии должны сосредоточивать все справки о лицах, ищущих такого труда. Важность подобного учреждения в наше время, когда крестьянину трудно найти и вообще работу для дневного пропитания, – неоспорима, а с миссионерской точки зрения она удваивается тем соображением, что новообращённый пойдёт в услужение к хозяину, не пренебрегающему его религиозной жизнью. При таком устройстве миссионерского фонда и при малых материальных средствах можно сделать многое. С прискорбием добавим, что Тамбовский Совет братства отклонил учреждение вообще фонда. Но, впрочем, есть ещё утешение для местной миссии, что решение это не окончательное. Во главе миссии стоит архипастырь, который живо и благопопечительно относится к интересам миссионерства.

Э. М.

В-ов А. Московский раскол. С. 453–460

Пропавшая Картушинская митра. – Победа беспоповцев над половцами. – Поп Авив и его деяния. – Весенний собор лже-архиереев. – Устройство алтарей в моленных. – Неприятности Картушина и последствия циркуляра Министерства Внутренних Дел. – Мнения заседания раскольников. – Приготовления к осеннему собору. – Заказ недельных изданий.

Некоторый перерыв в наших сообщениях о Московском расколе объясняется причинами, чисто личного недосуга, и отнюдь не тем, что за это время не было в жизни Московского раскола фактов, достойных быть отмеченными, напротив, такие факты были и факты очень интересные. Поэтому мы обращаемся с просьбой к нашим читателям, да не осудят они нас, если мы, придерживаясь исторического хода событий в нашем повествовании, вернёмся несколько назад и начнём с событий, происшедших непосредственно после тех, с которыми мы последний раз познакомили читателей „Миссионерского Обозрения”.

Мирное течение „великого поста” у Московских раскольников прежде всего было нарушено двумя прискорбными приключениями на „Апухтинском подворье”, которые, однако они всеми силами старались скрыть, дабы избежать неприятной для раскольников огласки, полицейских дознаний, и даже судебных разбирательств.

А дело, как это сейчас увидят читатели, требовало и того и другого, и третьего...

Известно, что раскольники очень любят „рядить” своих духовных властей, особливо своих „владык”. Между прочим, это сказалось в том, что ревнители и ревнительницы древнего благочестия соорудили своему лже-владыке Иустину Картушину, а в просторечии называемому ими же „Юсте-уряднику”, несколько митр, среди которых была особенно эффектна одна, украшенная настоящими драгоценными камнями. Стоимость этой митры простиралась до 8,000 рублей. Но недолго „Юсте” пришлось ею пользоваться. Как-то под праздник, во время служения своего в Апухтинском „храме”, лже-владыка выходил в

своей дорогой митре на „литою и полиелей”, а справив службу, чтобы не возить дорогой предмет ночью к себе в Рогожский тупик, порешил оставить её до следующего утра в своей „кафедральной” церкви. На следующий день приехал лже-владыка из своего „тупичка” служить обедню; стали снаряжать архиерея, и что же? Головного убора более не оказалось; митра попала в добрые руки. В надежде, что митру разыщут, „Иустин-казак” не приказал посылать за другой, а начал служить без митры. Народ – богомольцы с удивлением расспрашивали разных прислуг архиерейских, чтобы значило такое „неблаговидное” служение архиерея. „Говорят: „митру в ночи украли”. Но чтобы дело не пошло в огласку – полиции об этой пропаже не было дано знать, иначе новая беда. Как сказать, что пропала дорогая Картушинская митра? Разве „донской казак” имеет право её употреблять? Ну и строгий приказ – хранить рассказанное событие в тайне...

Воры, вероятно, видя, что кража сошла с рук, добрались и до денежной „братской кружки”, стащили и её и это был для них лакомый кусок, говорят в кружке должно накопиться около 400 рублей. Конечно, и об этом похищении перед полицией – молчок. Ведь составят протокол, потом судебное следствие, что за кружка и откуда такие деньги и зачем и т. д. и т. д...

– „Нет, говорили Апухтинские заправилы, деньги у нас в новую кружку пойдут, а о пропавшей „полезнее будет” молчать”

...

Тем же великим постом в Таганке, в доме Филиппова состоялось собеседование старообрядцев беспоповцев с поповцами по следующему поводу.

Некий старец Пантелеев (умерший теперь очень недавно) имел сына, которого „Апухтинцы” переманили к себе, в надежде переманить и его отца. По предварительном соглашении назначили публичную беседу, чтобы доказать кто прав: половцы или беспоповцы в своих религиозных воззрениях. Старец Пантелеев не отказался, взял с собою ещё трёх старушек и известного апологета раскола беспоповца Фёдора Онисимова. Поповцы, в качестве своих защитников, выставили попа Авива, дьякона Богатенкова и секретаря Братства св. Креста г.

Бриллиантова. Прибыл на собеседование даже и сам лже-владыка Иустин Картушин.

Сначала собеседование шло мирно и поповцы доказывали, что они составляют Церковь, а беспоповцы – нет. В защиту беспоповцев вышел Фёдор Онисимов и со свойственной ему горячностью, но в тоже время и основательностью, опроверг все доводы поповцев, поставив им на вид, что Амвросий не обличил ереси патриарха, но отделился от него, чем себя „обнажил” всего священства, а, следовательно, не мог и другим дать то, чего сам не имел. Затем Фёдор Онисимов указал половцам, что они поступили против 8-го Правила 1-го Вселенского Собора помазав Амвросия. Если их помазание считать канонически правильным, то как доказывал Фёдор Онисимов на основании 12 правила Феофила Александрийского, они должны были Амвросия поставлять снова в епископа. В заключение своей речи Онисимов указал, что поповцы, имея на Рогожском кладбище Кормчую древнего письма, могли из неё ясно видеть, что все их действия были неправильны, потому что в этой кормчей 8-е правило Вселенского Собора изложено также, как и в новопечатных трёх толковых кормчих (издан. Общества Любителей Духовного Просвещения), а именно в том смысле, что Амвросия не следовало было мазать миром, а если помазали, то надо было его вновь рукополагать.

После слов Онисимова поповцы окончательно растерялись: не помогло и красноречие г. Бриллиантова, так что в результате Фёдор Онисимов торжествовал полную победу, и беспоповцы со старцем Пантелеевым во главе ещё более утвердились в неправоте последователей австрийской лже-иерархии.

Вскоре после описанной беседы – много шуму наделало среди духовенства раскольничьей иерархии запрещение хорошо известного в Москве лже-попа Авивы, последовавшее по распоряжению Иустина Картушина 19-го марта сего года.

Запрещение это давно желало большинство представителей раскольничьего духовенства, но какие бы они вины не представляли, Авиву всё-таки удавалось оправдаться, и он по-прежнему безнаказанно лицедействовал в своей моленной и

лишь за последнее время Иустин Картушин обратил должное внимание на этого пресловутого „деятеля”.

В старообрядческого попа Авив был рукоположен покойным лже-архиепископом Московским Савватием в 1888 году по рекомендации бывшего тогда у Савватия секретаря Климента Афиногеновича Перетрухина. Однако, с первых же самых дней своего „священства” Авив начал подкапываться под своего благодетеля Перетрухина и уже в следующем году он рассылал своим сотоварищам Московским лже-попам анонимные письма, возбуждая их против Климента Афиногеновича. Ещё через год Авив уже основывает целый кружок в составе двух попов, трёх дьяконов и нескольких певчих, которые вместе со своим председателем Авивом поставили себе задачей „ниспровергнуть” лже-архиерейского секретаря Перетрухина. Для достижения этой цели, сообщники, между прочим, подкупили канцелярских мальчиков, которые и передавали Авиву и его приятелям все дела и переписывали копии со всех получавшихся в канцелярии Савватия писем. Таким путём попало к Авиву и знаменитое сочинение Перетрухина „Адские проповедники”, как назвал он православных отцов собеседников, ведших собеседования со старообрядцами в Таганке. Получив в свои руки это произведение, Авив ничего лучше не мог придумать, чтобы насолить Перетрухину, как передать это произведение для напечатания в журнале „Братское Слово”.

Пословица „не рой другому яму – сам в неё упадёшь” – как нельзя более оправдалась на попе Авиве. Правда, он добился удаления „Перетрухина из секретарей покойного Савватия и сам сумел приблизиться к „батюшке Савватеичке”, но тем не менее его „разоблачения” деяний Перетрухина, – которые, как-то и понятно, тесно стояли и вообще с ходом событий в московском расколе, повлекли за собой обвинения Авива в „предательстве”. Всё сильнее и сильнее стали раздаваться голоса, что Авив „выносит сор из избы”, „передаёт все тайны никонианским пилкам” и т. п. И обвинения эти имели под собой фактическую подкладку, так как Авив, увлечшись своими донесениями на

Перетрухина стал придавать гласности и проделки других деятелей в среде раскола.

Очень интересным документом в этом отношении является докладная записка, поданная несколькими представителями раскольничьего духовенства своему лже-владыке Картушину, которая и послужила основанием к обвинению Авива¹⁸⁰.

Время после праздника св. Пасхи было ознаменовано у московских раскольников *съездом в Москве нескольких лже-архиереев* и в том числе Ионы Смоленского, Арсения Нижегородского (Онисима Васильевича Швецова) и ещё некоего лже-епископа. Рассмотрению этого собора подлежал выработанный г. Рахмановым *устав против-православных братств*, об учреждении которых среди раскольников нам уже приходилось говорить в предыдущих наших сообщениях. Собственно говоря, проектов подобных уставов было представлено несколько, но особенное внимание собор обратил на проект предложенный г. Рахмановым, хотя и ходили слухи, что к составлению сего проекта г. Рахманов почти никакого касательства не имел, а составлял его некий помощник присяжного поверенного из евреев. Собор постановил передать все проекты на рассмотрение лже-архиепископа Иустина Картушина.

Другим интересным делом рассматривавшимся на противозаконном соборе раскольничьих иерархов был вопрос об *обращении алтарей московских моленных из временных походных – в постоянные*, с капитальными иконостасами, престолами, амвонами и прочим устройством придававшим московским моленным с внутренней стороны по крайней мере вид настоящих храмов. Чтобы обойти закон, запрещающий старообрядцам устраивать вновь моленные, имеющие подобие церквей – строители прибегли к некоторого рода фальсификации и так искусно подделали иконостасы, что лично обзревавший их „Юстя-Казак” мог убедиться, что никто при осмотре их и заподозрить не может, что они только что отделаны, а по меньшей мере даст им лет по пятидесяти.

По истине удивительно, как только могут проделываться раскольниками подобные деяния и не где-нибудь в захолустье, а

в самой первопрестольной столице!

Впрочем, и не всегда всё сходит с рук пресловутому Иустину Казаку. Нет, нет, да и на старуху бывает проруха. Такая проруха случилась и на Картушина и вот по какому поводу.

Нам уже приходилось говорить, что покойный Савватий удалён был из лже-архиереев московских за то, что, повинувшись властям предержащим перестал на бумагах величать себя архиепископом московским. Картушин заняв кафедру раскольничьего лже-архиерея в Москве и памятуя, как его предшественника вызывали в сыскную полицию для отобрания подписки в том, что он впредь не будет величать себя не принадлежащим ему званием – на первых порах своего управления очень и очень остерегался подписываться „господином архиепископом московским и всея России”, а попросту именовал себя смиренным епископом старообрядческим, причём от излишнего смирения последнее слово даже не дописывал, а обрывал его на слоге „старообра”. Это самое „старообра” весьма смущало столпов старообрядческих, привыкших ранее видеть на бумагах подписи „архиепископа московского и всея России”. Вот и рискнул однажды Юстя Картушин подмахнуть одну из „ставленных грамот” (а может быть и не одну), полным титулом, каким в былые годы самовластно величал себя покойный Савватий...

Попутал грех Картушина и горько потом он в том раскаивался и его, раба Божия, вызвали к ответу подобна его злополучному предшественнику и целое дело возникло из-за этой подписи, весьма и весьма для Картушина неприятное. А тут ещё и новая неприятность его поджидала. Велие беспокойство принёс с собой известный циркуляр министра внутренних дел губернаторам от 30 апреля сего года о том, „чтобы раскольники и их духовные руководители отнюдь не присваивали себе не предоставленных им по закону прав”.

Картушин до того перетрусил, ожидая каких-либо прямых для себя последствий от этого циркуляра, что, забывши всю свою молодецкую казачью удаль. – за благо почёл убраться пока что из своего Рогожского тупичка – на дачу...

А последствия действительно кое-какие были, хотя бы укажем на то, что не только от одного Картушина потребовано было не именоваться „архиепископом московским“, но и всему старообрядческому духовенству повелено было прописаться и именоваться званиями, согласно их происхождению и принадлежности к тому или другому сословию, а отнюдь не незаконно присвоенными званиями архиереев, попов, диаконов и проч...

Такое распоряжение властей предержащих в великое уныние повергло московских представителей раскольниковьего духовенства. Многие из них даже на дачу к Картушину покатали за мудрым советом. Особенно беспокоился один из дьяконов из-за того, что всего за несколько дней стрясась над ними описанная неприятность, он отпечатал себе 200 штук визитных карточек, на которых славянской вязью изображено было „Священнодиакон старообрядческий такой-то“ ...

– „Куда же мне теперь карточки-то новые девать?“ – волновался самочинный диакон.

Как увидим ниже, раскольниковьи „вожди духовные“ и тут сумели уклониться и вывернуться от требований, ясно изложенных в названном циркуляре, а теперь остановимся на более или менее выдающихся событиях в жизни московских раскольников за летние месяцы.

5 июля состоялось первое подготовительное заседание нового братства, устав которого рассматривался на весеннем соборе. Сидя на даче, Картушин пересмотрел все уставы, а потом образовал как бы подготовительную комиссию для окончательной выработки уставов под председательством некоего игумена, Калининника. Вот заседание этой-то, так сказать, подготовительной комиссии, и состоялось 5-го июля на фабрике г. Мельникова (бывшей Михайлова), в той самой моленной, где быть хиротонисан в лже-епископы московские донской казачий урядник Иустин Картушин. Выводы свои и заключения комиссия представит на собор *лже-епископов, предположенный в Москве осенью текущего года.*

Весьма многочисленно и продолжительно было раскольниковье заседание, состоявшееся 25 июля в квартире Ф. С. Рахманова,

на Басманной улице. На собрании присутствовали именитые купцы-раскольники, представители раскольников духовенства с самим Картушиным во главе, раскольников епископ Антоний Тобольский, архимандрит Гавриил, члены раскольников братства св. креста и проч. Прежде всего собрание занялось рассмотрением дела попечителя Рогожского кладбища В. А. Шibaева, в виду происшедших каких-то недоразумений в отчёте. Собрание постановило отставить В. А. Шibaева от должности попечителя рогожского богаделенного дома. Второй вопрос подлежавший обсуждению собрания поставил на очередь старообрядческий лже-архиерей Антоний Тобольский, представивший собранию на предварительное утверждение и рассмотрение целый список кандидатов, намеченных им на должности раскольников архиереев. Окончательное утверждение намеченных кандидатов будет зависеть от осеннего раскольников собора, и мы своевременно сообщим подробности об этих новых лже-архиереях.

Наконец, имели суждение по делу об отобрании сведений полицией от представителей раскольников духовенства, кто из них как именуется, что было вызвано циркуляром министра внутренних дел от 30 апреля с. г.

Как мы уже сказали выше, раскольники сумели сухими из воды выйти, и сделали они это так. Все попы и дьякона поспешили приписаться по участкам по настоящим своим паспортам, где они именуются крестьянами, мещанами, купцами, нижними чинами в запасе и отставке и проч., а на официальные запросы кто они такие, представители раскольников духовенства ответствовали: *„крестьянин, мол такой-то губернии и уезда, а в старообрядчестве епископ, или иерей такой-то?..“*

А лже-владыка Иустин Картушин дал какую-то подпись на требование полиции не именоваться архиепископом московским, так что все ликовали, говоря: вот так ловко, владыка наш ответил и „волки сыты и овцы целы“. Но говорят, что на этот раз сорвалось – хитрость не удалась, – власти потребовали пояснее подписаться, тогда „Юстя“ „отказался совсем от всякой подлиски. Пошёл, значит, по путям Савватия... Все ждут, кто

победит, а заправи́лы подбодряют лже-владыку – к сопротивлению требованиям властей”.

Ещё более важное по своему значению, хотя и не столь многолюдное, собрание состоялось 7 августа в квартире И. И. Шибаетова на Золоторожской улице. Председательствовал прибывший с дачи сам г. Картушин. Обсуждению подлежало одно из наиболее злобных средств к пропаганде раскола, к которому старообрядцы давно уже прибегают всеми мерами, обходя законы, запрещающие им это преступное деяние. Мы говорили о подпольном распространении всевозможных раскольничьих сочинений, имеющих своей целью утверждение доверчивых читателей в мнимой правоте раскола, в порицании Церкви православной и проч. Картушин, считая весьма полезным устную пропаганду раскола, не упускает случая покровительствовать и печатным произведениям, направленным на пользу раскола. Существующих книг собранию показалось мало, и оно постановило заказать в Буковине отпечатать ещё целый ряд подпольных изданий...

Ну не наглый ли народ наши московские столпы старообрядчества? Не успело ещё забыться впечатление от вышеназванного циркуляра министра внутренних дел, как они снова уже принимаются за незаконные деяния: устраивают противозаконные сходы, вырабатывают уставы преступных сообществ, в виде братств, намечают кандидатов в самочинные архиереи, заменяют походные алтари постоянными, ухищряются обходить требования самого этого циркуляра, издают злобные подпольные сочинения, проектируют осенний собор самочинных архиереев, всё в той же Москве. Неужели упорный раскол, мнит себя твёрже власти предержащей? Как бы не ошиблись заправи́лы, терпение имеет ведь пределы, а иногда и ломается.

Алексей В-ов

**Дородницын А. Я. Из жизни инославия и из мира
заграничного сектантства // Миссионерское
обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 461–467**

Мормоны. (Ewald Dresbach. Die protestantischen Sekten)”.

Периодическая печать С.-Америки в последнее время всё чаще и чаще останавливает внимание на религиозном движении в среде мормонов. Мы уже имели случай (см. „Миссионерское Обозрение” 1900 г. Апрель) указать на причину происходящих в мормонстве волнений – это споры из-за полигамии, разделившей мормонов на два враждебных лагеря: „High Church” и „Broad Church”. Но полигамия, по мнению исследователей мормонства, является только одной из многочисленных язв, разъедающих общество мормонов: вся непродолжительная история мормонов есть собственно история постепенного удаления последователей этой секты от истин Евангелия, – удаления, в последнее время достигшего таких пределов, что возникает даже сомнение на счёт того, справедливо ли мормоны носят самое имя христиан. Возникновение секты мормонов совпадает с временем методистского возрождения (revivais) в С.-Америке, когда, по выражению историка, методизм метал во все стороны искры религиозного воодушевления, увлекаая своим бурным течением слабые души христиан разных вероисповеданий.

В это время (начало 19-го столетия) в новом Салиме (в С.-Америке) жил, получивший впоследствии известность, Соломон Шпаулдинг (Salamon Spaulding), бывший некоторое время пресвитерианским проповедником, но потом оставивший эту должность и занявшийся писательством. Он писал романы, в которых проводил само-измышлённую им теорию о происхождении первообитателей Америки от Иудеев. Это сочинение было готово в 1812 году; оно, по намерениям автора, должно было выйти в свет под следующим интересным заглавием: *«Найденный манускрипт, переведённый с одной древней рукописи»*. Шпаулдинг умер в 1816 году, не отпечатав своего произведения. Он перед смертью передал его

типографщику Патерсону в Питтсбурге. Здесь в это время жил проповедник Сидней Ригдон (Rigdon), он снял копию с рукописи Шпаулдинга, уничтожив сам оригинал. В 20-тых годах 19 столетия Ригдон сошёлся с Иосифом Шмитом и с этого времени манускрипт Шпаулдинга получил значение Мормонской Библии.

Шмит родился 23 декабря 1805 г. в штате Фермонт. Он был сын одного мелкого торговца; ещё на 14-м году своей жизни – он увлёкся религиозным движением методистов, но скоро оставил его, став во главе нового религиозного движения, им самим созданного. В своей автобиографии он говорит, что его однажды в светлом сиянии посетили два ангела, которые объявили ему, что он не должен присоединяться ни к одной из существующих религиозных групп, так как все они заблуждаются.

В это время Шмит, при посредстве названного Ригдона, получил копию романа Шпаулдинга. Немедленно он начал говорить об откровении, которое ему было свыше и скоро он нашёл себе последователей. Один немец Петр Виттмер (Wittmer) был первым его последователем. Шмит рассказывал, будто ангел показал ему связку золотых листов, на которых были написаны таинственные письма; он вырыл эти листы в холме в Пальмире (в штате Нью-Йорк) и долго не смел их никому показывать; при помощи найденных вместе с листами очков, в которых были вставлены камни Урими Туммим – свет и право (Лев.8:8), он прочитал таинственные письма, понял их и перевёл их на английский язык!

Перевод Шмит опубликовал в, так называемой, «*Книге Мормонов*». Так как Шмит не мог хорошо пи

сать, то он вооружался очками Урим–Туммим, садился за ширму и громко диктовал содержание золотых листов одному своему ученику Оливеру Ковдри, который записывал всё на отечественном языке. На самом же деле Шмит держал в руках список Шпаулдингова романа, который он и читал, разнообразя его по местам собственными прибавлениями. Далее Шмит рассказывал, что 15 мая 1829 г. ему и его ученику явился Иоанн Креститель, который посвятил их в Аароново священство и повелел им, чтобы они крестили один другого, что они и исполнили.

„Book of Mormon“ („Книга Мормонова“ издана на английском языке 1830 г., на немецком – в 1851) поведствует, что израильтяне 12-ти колен, под предводительством своего полководца Лехи (Lehi) во времена царя Седекии переселились в Америку. Пришедши туда, они скоро разделились: одни обратились в язычников Ламанитов, теперешних краснокожих, другие – в благочестивых Нефитов.

Последние сохранили древне-израильскую историю и пророчества и получили, при посредстве чудесных знамений с неба, вести о рождении Христа. В конце 4-го века после Р. Хр. между Ламанитами и Нефитами возникла страшная война, окончившаяся полным истреблением Нефитов, остался только пророк Мормон (Mormon) и его сын Морони... Мормон собрал откровения, записал их на упомянутых золотых листах и скрыл в упомянутом холме в Пальмире, для святых последних дней. Очевидно, что вся эта книга есть чистейшая выдумка. Она старается в языке подражать Библии, но крайне неудачно. Она очень скучна, лишена всякого поэтического воодушевления, глубины мысли, религиозно-нравственной серьёзности, полна ненависти к римско-католической церкви, в ней часто встречаются повторения и грубые стилистические недостатки. О Библии „Book of Mormon“ говорит, что из неё нельзя узнать, содержит ли она всё слово Божие и не открыл ли Себя Бог там, где нет никакой Библии. Она отвергает крещение детей, вооружается против многожёнства и обещает своим последователям дары чудотворения. Так как „Book of Mormon“ было недостаточно, чтобы оправдать все религиозные бредни Шмита, то в 1835 г. им было сфабриковано ещё „Откровение“. Это последнее изложено в *«Книге Учений и Союзов»*. Шмит произвольно искажил Св. Писание во многих местах и на всём положил печать своего сумасбродного произвола, который, однако, он выдавал за откровение Св. Духа.

В 1830 г. Шмит со своими последователями поселился в шт. Миссури, но худая молва, вскоре распространившаяся об составленном им из разных бродяг обществе, заставила его переселиться в Иллинойс, где он около города Наувоо (Nauvoo) построил великолепный храм. Благодаря усердным занятиям,

земледелию и торговле, последователи Шмита начали быстро обогащаться. Как человек хитрый и не пренебрегавший никакими средствами для достижения своих целей, Шмит с каждым днём приобретал себе новых последователей, чему много способствовало и религиозно-нравственное невежество, в котором коснели народные массы Америки.

В июле 1843 г. Шмит получил откровение, которое разрешало ему, и кому он позволит, иметь какое угодно количество жён. Вместе с этим возникла и стала быстро расти ненависть местного населения против новых святых. Их обвиняли в самых гнусных преступлениях, ненавидели за то, что они всех, не разделяющих их верования, называли язычниками. Для защиты от кровавой расправы с сектантами населения, губернатор предложил Шмиту и его брату Гираму (Hiram) подвергнуть себя добровольному заключению в тюрьму, до окончания судебного разбирательства. Они повиновались, но прежде чем состоялось судебное решение, чернь разбила тюрьму и застрелила обоих братьев (27 июня 1844 г.). Так скончался новый пророк, обманом стяжавший себе славу основателя мормонства. Мормоны, верят, что Шмит и на небе занимает выдающееся положение: в 1816 г. мормоны решили строить в г. Прово (Provo) новый храм, архитектор г. Фолсом был в большом затруднении относительно плана нового храма, и вдруг объявляет, что будто бы однажды в сновидении явился ему пророк Иосиф Шмит и сообщил ему полный план храма, заметив при этом, что он состоит архитектором на небе. „Salt-Lake-Gerald“, главная газета мормонов по этому поводу замечает: „В силу того, что план представляет нечто совершенно новое и лучшее в сравнении со всеми другими постройками их территории, не представляется никаких оснований сомневаться в рассказе г. Фолсома“...

После умерщвления Шмита, местное население, собравшись огромной толпой, разрушило город Наувоо, сожгло храм и разогнало мормонов. Последние со многими опасностями для их жизни направились через пустыню на запад, чтобы по ту сторону горного хребта вступить в землю „Ханаанскую“. После двухлетнего странствования, они, под предводительством Юнга

Бриггама. достигли великих солёных озёр в стране Юта (Utah), названной ими обетованной, где они и водворились, положив основание в 1874 г. своему главному городу „Salt-Lake-City“, или *Новый Иерусалим*. Здесь они продолжают свою общественную жизнь до настоящего времени.

Калифорнийские золотые россыпи мало прельщают мормонов, так как они научены были своим пророком строить дома, мостить улицы, обрабатывать поля и всё это предпочитать исканию золота. На новом месте своего жительства мормоны обогатились и расцвели. „Book of Mormon“ обогатилась новыми пророчествами. На место Бриггама, умершего в 1877 г., вступил Иоанн Тайлор, а в настоящее время пророком и президентом состоит Робертс (Roberts).

Мормоны путём увеличения своего общества, как *песка морского*, думают подчинить себе весь мир. Для этой цели у них введена *полигамия*. Они имеют своих последователей в Швеции, Норвегии, Дании, Шотландии и Англии, – в Лондоне находятся шесть мормонских храмов. В 1881 г. мормоны переселили к себе в Юту 2500 европейцев. В 1866 г. секта имела около 200.000 последователей, а теперь число последователей её доходит до 1.000.000.

С 1853 г. в среде мормонов стали обнаруживаться разделения. Первыми отделились противники Бриггама, так называемые, *Иозефиты* (от Иосифа сына Шмита); в 1873 г. в Иллинойсе они добились признания себя «*Реорганизованной церковью Иисуса Христа, состоящей из святых последних дней*».

В 1863 г. выделилась *Мессиянская церковь*, последователи которой ожидают восстановления престола Давидова в древнем Иерусалиме; в 1866 г. в числе 156 человек они переселились в Палестину и основали свою колонию в Яффе. *Готбиты*, названы так по имени своего вождя Готбу, из-за личных счетов отделившегося от Бриггама; они придерживаются откровения Шмита. Наконец, *Морризиты* в штате Вашингтон, которые в лице своего основателя Иосифа Морриса видят единого истинного пророка. Они политеисты.

Рассмотрим теперь религиозно-общественную жизнь мормонов. Во главе мормонов, как религиозного общества, стоит пророк, избираемый всем обществом мормонов. Он есть высший представитель *священства Мелхиседека*, которому повинуются старейшины и первосвященники. Он владеет ключом всякого благословения и находится в непосредственном общении с Богом и Христом. Ему подчинено Аароново священство с епископами, патриархами, апостолами, священниками, учителями, диаконами и левитами. Представители Ааронова священства учат, крестят и управляют внешними делами. Епископ начальствует над округом; он имеет своих шпионов, которые тайно доносят ему о жизни и деятельности его подчинённых, и если епископ найдёт полезным, то даёт почувствовать своим подчинённым свою железную руку. Патриарх за два–три доллара раздаёт благословение и отпущение грехов. Апостолы посылаются для проповеди. Они вместе с первосвященниками облечены полномочиями судей, для решения споров между верными. Высшая апелляционная инстанция есть пророк. Священники и учителя обязаны раз в месяц посетить каждое семейство и следить за тем, чтобы десятина аккуратно вносилась. Диаконы и левиты исполняют низшие обязанности. При пророке, который вместе с тем есть президент, состоят два совета. Особенно важные дела решаются советом из 12-ти первосвященников. Для распространения мормонства, учреждён институт 70-ти проповедников. Через каждые полгода все должностные лица собираются в общее собрание. Вся система управления мормонов носит характер шпионской системы, которая держит всё общество в строгой дисциплине. Вероучение мормонов состоит в следующем. Бог есть материальная личность, он имеет тело, как и обыкновенный человек. В силу этого он присутствует в одном определённом месте. На планете Колоб (Kolob) находится его жилище. Сначала он не был тем, чем стал теперь, прежде чем сделаться богом, он был человеком. От обыкновенных людей он отличается величиной и совершенством. Каждый человек может сделаться таким же могущественным, как и бог. Богов есть много: каждый бог господствует над тем миром, который он населил сам путём

естественного размножения. Бог нашей планеты называется Адамом. Хотя мормоны и употребляют слово Отец, Сын и Св. Дух, но троичности лиц в Боге они не признают. Человек существует от вечности и будет существовать во все века. До рождения душа человека существовала в мире духов, чтобы очиститься она должна естественным путём войти во святилище плоти, т. е. в тело. Души различаются между собой: благородные души живут в телах мормонов, а души низшего разряда вселяются в негров и прочих язычников, к которым принадлежат и христиане. Каждый наказывается за свой собственный грех, наследственного греха нет. Грехи разделяются на такие, которые могут быть прощены и такие, которые не могут быть прощены. Первые уничтожаются в крещении, последние, напр., отпадение от религии, прелюбодеяние со стороны женщины, убийство одного из *святых последних дней* и проч. могут быть прощены только в том случае, если согрешивший пожелает дать *выкуп крови*, т. е. если он позволит учреждённому для сего комитету умертвить себя. Этот комитет, так называемых *данитов*, есть тайное учреждение, назначение которого уничтожать всё, что противно религии мормонов.

С христианством мормонство соприкасается чисто внешним образом, не находясь с ним ни в какой внутренней связи. По учению мормонов Люцифер – сатана – хотел предупредить Христа, чтобы завладеть честью искупления рода человеческого, но он был побеждён Иисусом. Который взял на Себя подвиг искупления. Для участия в искуплении требуется вера в Иисуса, покаяние, крещение, руковозложение, причащение и омовение ног.

Крещение младенцев мормоны отвергают. Крещаемый, по их мнению, должен иметь по крайней мере восемь лет. Крещение совершается через погружение и может быть повторяемо, так как мормоны позволяют креститься вместо умершего, для отпущения его грехов. Причащение есть „вечеря“ в воспоминание Иисуса Христа. Возложение рук необходимо для получения даров Св. Духа. Омывание ног совершается при принятии новых членов. Мормоны ожидают в скором времени второго пришествия Христа, после которого наступит

тысячелетнее царство, в котором центральное место будут занимать мормоны, как святые последних дней. Соединившись с иудеями древнего иерусалима, мормоны вступят в Новый Иерусалим, в котором будут вечно блаженствовать. Само блаженство мормоны представляют во вкусе магометан – исполненным чувственных удовольствий. Общественное богослужение мормонов состоит в пении, молитве и проповеди. Под последней разумеется не проповедь в нашем смысле этого слова, а скорее социально-политическая речь, трактующая о пользе или вреде того или иного общественного явления, причём со стороны слушателей громко раздаются голоса за и против. В богослужебном пении преобладают произведения игривых тонов; вальсы и проч.

Обратимся, наконец, к нравственности мормонов. В этом отношении мормоны составляют предмет споров: одни считают их высоконравственными, другие склоняются к противоположному мнению. Камнем преткновения служит тот факт, что мормоны в короткое время среди тяжёлых превратностей судьбы, достигли внешнего благосостояния. Исследователи мормонства недоумевают, как могут быть распушенные нравы там, где в немногие годы пустыня превратилась в цветущие поля, где выросли города и деревни, о которых никто не мечтал, где развилась организованная общественность, – словом – где на всём лежит печать энергии и усиленного труда. Но, чтобы попятить все эти явления, должно припомнить, что силу мормонства составляет не его нравственное учение, а особенности системы их управления, системы, которая отдаёт главе мормонов – пророку в безусловное повиновение всё население, который по своему усмотрению может направить все силы его к дружной работе в известной отрасли общественной жизни мормонов, под страхом смерти за ослушание. Уже один тот факт, что мормоны допускают полигамию, не говорит в пользу их нравственности. Хотя мормоны и усиливаются оправдать полигамию Библией (Ис.4:1), но никого они не убедят в том, что полигамия не есть искажение нравственных понятий, как возведённая в закон проституция. Не убедили они в этом и С.-Американское

правительство, которое издало закон, которым дети мормонов, родившиеся до 1883 г., признаются законными, тот же, кто после этого жил в многожёнстве, теряет право подавать голос и избираться на общественные должности. Из сказанного следует, что *мормонство есть полное искажение христианства*, оно ясно доказывает то, в какие дебри может завести человека ум, порвавший общение с Церковью.

А. Я. Дородницын

**Библиография // Миссионерское обозрение. 1900 г.
№ 7–12. С. 467–478**

Четвериков С., свящ. [Рец. на:]: IX. «К лучшему будущему» Н. Н. Неплюева. Гл. IX и X. «Единение в братолюбии» и «Конгресс Единого Человечества». Книжки «Недели», октябрь 1899 г. С. 467–475

Изображая самыми мрачными красками состояние современного человечества, в котором вместо «логики любви» царствует «логика злобы», Н. Н. Неплюев в конце предыдущей главы указывал средство спасения в том, чтобы сделать «любовь» действительной *основой* жизни, а не одним только её *украшением*. Для этого все представители живой любви должны объединиться между собой. «Поймём, писал он, что в единении сила, что представители живой любви обязаны показать человечеству пример единения: в братолюбии, громко сказать свою веру в силу любви, выработать и громко сказать определённую программу организации добра в жизни».

В IX главе Н.Н.Н. снова горячо призывает всех «представителей живой любви» объединиться в братолюбии и для этого принять участие в «Конгрессе Единого Человечества», имеющем быть в Париже в 1900 году во время всемирной выставки, а в X главе разбирает могущие быть возражения против участия в Конгрессе.

Необходимо, пишет он, «дело, которое громко сказало бы желание единения в братолюбии, поставило бы его новым пунктом программы жизни человечества и вместе с тем обнаружило духовную зрелость представителей любви и положила бы начало реальному единению между ними». Какое же это дело? «Таким делом может быть проектируемый в Париже во время всемирной выставки в 1900 году «Конгресс Единения Человечества». Этот Конгресс автор называет «великим актом любви», «светлым праздником братолюбия на пороге нового столетия».

Независимо от Конгресса Единения Человечества автор предлагает организовать и в Россия союз представителей живой любви. От многих лиц он получает письма с выражением глубокой скорби об отсутствии любви в окружающей жизни, о

своём нравственном одиночестве, и радости по поводу возникновения в пределах России Трудового Братства на основах христианского братолюбия.

Эти письма автор называет «стоном ангела», вынужденного дышать воздухом человеческого зла и пошлости. Всем этим лицам, между которыми автор упоминает и представителей православного духовенства, необходимо вступить между собой в самое тесное общение путём повременного печатного издания.

Затем автор снова возвращается к Конгрессу Единого Человечества.

На этом Конгрессе должны быть тщательно устранены всякие религиозные вопросы, которые, по мнению автора, много зла принесли на Конгрессе Религий в Чикаго. «Только Конгресс *Единого Человечества* может всех объединить и стать, действительно, великой манифестацией мировой любви, общечеловеческой солидарности, искреннего желания мира и единения в братолюбии, не затрагивая ни чьей религиозной щекотливости, самым названием своим устраняя вопрос о религиозных догматах и сравнении церквей».

Далее, автор переходит к разбору возражений против участия в конгрессе. Мы приведём одно из них, как наиболее характерное.

Люди верующие, возражают Н. Н. Неплюеву: «но ведь на Конгрессе Единого Человечества мы можем очутиться в обществе теософов, спиритов, и даже масонов и материалистов; разве для нас, христиан, это не будет изменой Христу и христианству?»

«Будем опасаться соблазна буквы мертвящей!» Отвечает им на это автор: «Кто более и лучше верует во Христа – тот ли, кто признает Имя Его и слова, сказанные Им, оставаясь чуждым животворящему духу любви и даже не веруя в значение, силу и конечное торжество любви, или тот, кто проникнут духом любви, верит в царство, силу и славу любви, не считая себя христианином и даже не понимая, что по духу он христианин?

Кто более близок, более родной по духу Богу – Любовь и Христу Его – спирит, оккультист, теософ, материалист, маэон, проникнутые духом любви и смирения в достаточной степени,

чтобы искать братского общения с нами, несмотря на то, что мы их взглядов не разделяем, или те из христиан, которые настолько лишены духа любви и смирения, до такой степени проникнуты духом гордости, самомнения и жестокости, что считают себя в праве сторониться от этих людей, считая их нравственно-зачумлёнными и потому недостойными общения даже на Конгрессе, долженствующем быть манифестацией мировой любви, братского единения всего человечества»?

* * *

Таково, в главных чертах, содержание IX и X главы статьи Н. Н. Неплюева. В них автор предлагает два проекта – «Конгресса Единого Человечества» в Париже и «Союза представителей живой любви» в России.

Рассмотрим поочерёдно оба проекта при свете учения Православной Церкви.

Автор видит в «Конгрессе Единого Человечества» практическое начало единения между всеми представителями живой любви без различия их вероисповеданий и взглядов, новый пункт в программе жизни человечества, шаг к осуществлению на земле всеобщего царства любви.

С такой преувеличенной оценкой значения Конгресса никак нельзя согласиться. Мы знаем, что «новый пункт жизни человечества», начало осуществления на земле царства любви, царства света, царства Божия положено Самим Иисусом Христом при устройении Им на земле Своей Святой Церкви. Неужели возможно ещё другое царство любви, неужели нужно искать нового пункта программы жизни человечества, кроме указанного Господом Иисусом Христом? Основанием жизни человеческой, основанием нормального единения людей между собой должно быть Евангелие, т. е. истинная вера, неразлучная с любовью. Но на предстоящем Конгрессе истинная вера, как основание единения, совершенно отвергается. Может ли он привести к обновлению жизни человечества?

Конгресс, игнорирующий религиозную сторону жизни человеческой и в то же время претендующий быть новым пунктом в программе жизни человечества, объединить всё

человечество, – не удовлетворит никого, потому что оставит без ответа самые дорогие для человека запросы его ума и сердца.

Вот первое недоумение, которое возникает при рассмотрении задач предстоящего конгресса. Чрезвычайным преувеличением являются такие наименования конгресса, как «манифестация мировой любви», «братское единение всего человечества», «поцелуй, данный всему человечеству» и т. п., которыми автор постоянно украшает свою речь. Ведь в сущности «всё человечество» отнесётся совершенно равнодушно к конгрессу, не будет даже и знать о нём. Злоупотребляя подобными выражениями, затемняя дело громкими словами, автор лишь умаляет возможное значение конгресса.

Итак, рассматривая предстоящий Конгресс с православно-церковной точки зрения, мы никак не можем приписать ему того значения, которое хочет придать ему Н. Н. Неплюев, Истинное обновление жизни человечества совершается не подобными конгрессами, какое бы громкое название они ни носили, а Евангелием, Именем Иисуса Христа, таинствами Христовой Церкви. В Церкви – царство любви, царство Божие. В ней должно объединиться человечество, если только оно ищет царствия Божия и правды Его! Созидать царство любви вне Церкви, помимо Евангелия и истинной веры – невозможно и бесплодно! Однако, если бы Н. Н. Неплюев скромнее определял задачи проектируемого им конгресса, он мог бы принести значительную пользу человечеству.

Задачей предполагаемого конгресса (если только он состоится) должно бы явиться, по нашему мнению, не созидание на земле царства любви (пусть конгресс предоставит это дело Христовой Церкви!), не обращение человечества на новый путь жизни (каковой ему давно уже указан Евангелием), а скромное содействие установлению добрых, мирных и взаимно благожелательных отношений между людьми различных вероисповеданий и воззрений и осуществление в *малом опыте* подобных отношений.

Ни одна религия, а тем более христианская, не воспрещают добрых, благожелательных отношений к иноверцам; наоборот, благословляют их и обязывают к ним. Каждый искренний

христианин несомненно порадует, видя собравшимися вместе и мирно беседующими между собой – магометан, иудеев, буддистов, неверующих. Попытка подобного сближения могла бы повести к очень серьезным результатам. На почве взаимных добрых чувств, взаимного доверия и искренности люди различных веровоззрений знакомились бы с воззрениями друг друга и, может быть, постепенно приходили бы к объединению в истине.

Если бы конгресс поставил себе такую скромную задачу, не посягая на область деятельности, ему не принадлежащую, нам кажется, каждый искренно бы приветствовал его и отнёсся к нему с сочувствием.

Не нужно забывать, что и иудеи, и магометане, и буддисты, и неверующие, как бы они ни были добродетельны, как бы они ни были одушевлены чувством любви, находятся всё-таки во тьме заблуждения, в отчуждении от источника истинного света и истинной жизни. Если бы конгресс, содействуя их мирному сближению с христианами, привёл бы их к познанию вечной истины Евангелия, разве это был бы не величайший плод его деятельности?

Здесь мы считаем необходимым рассмотреть не раз уже встречавшееся нам мнение автора, будто бы истинный христианин не тот, кто действительно верует во Христа, а тот, кто проникнут духом любви, хотя бы он по своим взглядам – был или магометанин, или иудей, или неверующий. Если бы это было так, то христианство потеряло бы всякий смысл, потому что и без него можно было-бы быть близким ко Христу и к Богу. Это мнение противно и ясному учению Евангелия, и простому смыслу человеческому. Как это можно назвать «христианином» человека, который никогда не слышал о Христе, не верует в Него, не любит Его, не омыт от первородного греха в таинстве св. крещения, не вкушает жизни вечной в таинстве св. причащения, не принадлежит к Христовой Церкви?

Как бы такой человек ни был добродетелен, об нём можно лишь сказать, что он «недалёк от царствия Божия», но нельзя назвать его христианином. Он пребывает во тьме, пока сознательно не уверует в Сына Божия! Что это так, вспомним

один пример из истории апостольской Церкви: сотник Корнилий был благочестив, творил милостыни и молился Богу. Несмотря на это, или лучше сказать, вследствие этого, Господь проявил особую заботливость к тому, чтобы просветить его и светом истинной веры.

К Корнилию явился ангел и сказал ему: молитвы твои и милостыни твои пришли на память перед Богом; и так пошли людей в Иоппию и призови Симона, называемого Петром: он гостит у некоего Симона кожевника, которого дом находится при море; он скажет тебе слова, которыми спасёшься ты и весь дом твой. Какие же это были слова, от которых зависело спасение Корнилия? Послушаем, что сказал ему ап. Пётр: «истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему; Он послал сынам израилевым слово, благовествуя мир через Иисуса Христа: Сей есть Господь всех; вы знаете происходившее по всей Иуде, начиная от Галилеи, после крещения, проповеданного Иоанном: как Бого-Духом Святым и силой помазал Иисуса из Назарета, и Он ходил благодворя и исцеляя всех, обладаемых дьяволом, потому что Бог был с Ним; и мы свидетели всего, что сделал Он в стране Иудейской и в Иерусалиме, и что, наконец, Его убили, повесили на древе; Сего Бог воскресил в третий день и дал Ему являться, не всему народу, но свидетелям, предизбранным от Бога, нам, которые с Ним ели и пили по воскресения Его из мёртвых; и Он повелел нам проповедовать людям и свидетельствовать, что Он есть определённый от Бога Судия живых и мёртвых: о Нём все пророки свидетельствуют, что всякий верующий в Него получит прощение грехов Именем Его».

Таковы были слова спасения, возвещённые ап. Петром Корнилию и его домашним. В этих словах заключалось ни что иное, как повествование о Христе-Спасителе, Его жизни и чудесах. Вот что необходимо было услышать Корнилию, во что необходимо было ему уверовать, чтобы получить спасение. И действительно, едва он услышал эти слова и принял их верующим сердцем, как сошёл на него Святый Дух. Можно ли после этого утверждать, что и без веры во Христа можно быть истинным христианином! Ни в Евангелии, ни в посланиях св.

апостолов, ни в примере первых христиан, ни в учении Церкви, мы не найдём ничего подобного! Для апостолов, для христиан, для Церкви – познание Христа, веры в Него были всегда таким дорогим сокровищем, что признать их не важными для спасения – было бы для них равносильно отречению от Христа, от царствия Божия, от вечного блаженства! «Сия же есть жизнь вечная, – говорит Сам Господь, – да знают Тебе, Единого истинного Бога и Его же послал еси Иисуса Христа»!

Итак, истинный христианин лишь тот, кто не только проникнут духом любви и отличается добродетельною жизнью, но кто вместе с тем верует во Христа и принадлежит к Христовой Церкви. Если мы будем помнить это, то не признаем истинными христианами магометан, иудеев и неверующих, как бы они ни были добродетельны, и не успокоимся, видя их вне Церкви Христовой!

Конгресс Единого Человечества, взявши на себя скромную задачу сближать последователей различных религий между собой и побеждать их взаимное недоверие и предубеждения, мог бы в конце концов привести хотя некоторых к познанию истинной христианской веры и в этом была бы его очень большая заслуга. С этой точки зрения и мы желаем ему полного успеха!

Обратимся теперь к другому проекту Н. Н. Неплюева, к организации «Всероссийского союза представителей живой любви».

К сожалению, автор только упоминает о нём, совершенно не знакомя нас с подробностями своего проекта. Однако, в виду важности этого проекта, считаем необходимым высказать о нём несколько слов.

Если автор, создавая свой проект, исходит из той точки зрения, не раз им высказанной в разбираемой нами статье, будто бы вся минувшая, а также и современная жизнь нашего народа является лишь хаосом мрака и злобы, будто бы заря царства любви только начинает загораться в его трудовом братстве, если он захочет устраивать свой «союз» без всякой связи с историей и преданиями русского народа и Церкви, совершенно игнорируя вековое просветительное служение Церкви и не подчиняя свою деятельность духу и уставам

Церкви, то можно заранее сказать, что подобного рода проект не встретит себе в России ни сочувствия, ни поддержки и что он не соответствует назревшим потребностям жизни.

Нам необходим союз, необходимо единение, но лишь на почве тех церковно-народных идеалов жизни, о которых мы говорили в предыдущей статье. Жизнь требует обновления, но только в духе православной Церкви. Наше будущее – заключается в подъёме и развитии церковно-приходской жизни, в проникновении её истинно-христианским духом, в возведении её на высоту жизни перво-христианских общин.

Как достигнуть этого подъёма церковно-приходской жизни? Конечно, прежде всего ревностной, бескорыстной молитвенно-просветительной деятельностью приходского пастыря. Пусть он сам горит одушевлением христианского настроения и от него загорятся благодатным огнём души его прихожан. Пусть он не на груди только, но и в груди носит Распятого Господа и святые слова: «образ буди верным словом, житием, любовью, духом, верою, чистотой», пусть он будет искренним и горячим молитвенником пред престолом Божиим, пусть он будет исполнен милосердия и бескорыстия и, несомненно, соберутся вокруг него его духовные овцы и поднимется их христианское настроение.

Однако, недостаточно ещё, чтобы каждый член прихода в отдельности жил доброй христианской жизнью. Необходимо, чтобы существовала общая приходская жизнь, чтобы приход являлся христианской семьёй, чтобы он напоминал апостольскую общину. Нам кажется, в этом отношении могут принести очень большую пользу «церковно-приходские братства», подобные прежним южнорусским братствам.

При каждой церкви должно бы существовать подобное братство. Задачей его должна быть не только забота о материальном поддержании церкви или причта, или школы – каковая забота лежит теперь на церковно-приходских попечительствах, но прежде всего согласование жизни с учением и уставами православной Церкви. Родной храм должен быть, конечно, центральным пунктом духовной жизни подобного братства. Заботы о храме являются для него вполне

естественными и неизбежными, точно также как и постоянное посещение храма для молитвы. Кроме того, братство должно иметь возможно частые собрания, начинающиеся и оканчивающийся молитвой, посвящённые беседам о вопросах веры и жизни христианской, чтению святоотеческих и других книг. На этих собраниях члены братства чувствовали бы себя одной христианской семьёй, и они поддерживали бы в братчиках бодрое христианское настроение. Далее, на обязанности братства могла бы лежать забота о местной церковно-приходской школе, и о благотворительных учреждениях прихода. Нет сомнения, что постепенно число членов братства увеличилось бы и мало-по-малу весь приход составил бы одну христианскую семью.

Таким образом церковно-приходское братство явилось бы переходной ступенью к преобразованию, к проникновению христианским настроением всего прихода.

Чтобы подобного рода подъём церковно приходской жизни совершался повсеместно и с большей энергией и правильностью в высшей степени, конечно, желательно возникновение взаимного единения между всеми деятелями церковно-приходской жизни.

Не удивительно ли в самом деле! У нас существуют благочиннические, окружные и епархиальные съезды духовенства для разрешения вопросов материального и административного характера, существуют миссионерские съезды для обсуждения мер борьбы с сектами, существуют церковно-школьные съезды для выработки мер по упорядочению и развитию церковно-школьного дела. Отчего бы не существовать съездам и по упорядочению церковно приходской жизни? Ведь вопрос о том, как сделать, чтобы наша церковно-приходская жизнь действительно была проникнута духом христианства – вопрос весьма важный, не менее важный чем вопрос о сектах или о школах! Уже одно то обстоятельство, что этот вопрос был бы поставлен на обсуждение съезда духовенства и лиц в нём заинтересованных, должно было бы оживить церковноприходскую жизнь. На этих съездах пастыри церкви могли бы взаимно знакомить друг друга с состоянием

церковно-приходской жизни в своих приходах, с тёмными и светлыми её сторонами, обсуждать меры пастырского воздействия на приходскую жизнь для борьбы с пороками, с равнодушием к христианской жизни; могли бы одушевляться друг от друга рвением к пастырской деятельности, проверять самих себя опытом других.

Помимо съездов и частного общения между собой всех деятелей церковно-приходской жизни желательно, несомненно, и издание центрального органа церковно-приходской жизни, какого-нибудь «Вестника церковно-приходской жизни», который имел бы своей задачей выяснение идеала церковноприходской жизни, а также подробное рассмотрение особенностей и условий жизни современных приходов, и который мог объединять и руководить деятелей церковно-приходской жизни. Попытка подобного журнала, сколько нам известно, уже и существует – это журнал «Приходская жизнь», издаваемый в Ярославле, под руководством почтенного деятеля церковно-приходской жизни о. протоиерея Ф. Успенского.

Если бы проектируемый Н. Н. Неплюевым «Всероссийский союз представителей живой любви» – имел бы в виду подобного рода подъём церковно-приходской жизни в России, или если бы он *на основе церковно-народных идеалов* стремился бы объединить и направить деятельность всех желающих трудиться во имя любви христианской – к нему, конечно, можно и следует отнестись только с полным сочувствием.

Заметим в заключение, что подъём церковно-христианской жизни в наших приходах есть, может быть, самое лучшее средство для борьбы с сектантством и отпадением от церкви и для привлечения в церковь иноверцев и неверующих. Не все в суждениях своих о достоинстве православия вникают глубоко в сущность его учения, в содержание его богослужения, в его историю, в творения его отцов и учителей, в пример жизни его достойных представителей; многие судят по внешности, по обычной жизни и настроению большинства. Они говорят: «какова жизнь ваша, такова и вера ваша! С подъёмом церковно-приходской жизни они потеряют основания для одного из самых сильных нареканий на нашу церковь и. видя добрую жизнь

последователей православия, может быть и сами пожелают стать православными. Нам всегда надо помнить слова св. Писания. «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих» (Мф.18:10) и другие слова: «если кто из вас уклонится от истины, и обратит кто его, пусть тот знает, что обративший грешника от ложного пути его спасёт душу от смерти и покроет множество грехов» (Иак.5:19,25).

Свящ. С. Ч-ков

**Чельцов М. [Рец. на:]: Плотников К. свящ.
Дополнительные сведения по Закону Божию. (Для
начальных народных школ). Петрозаводск. 1900 г.
Стр. 23. Ц. 12 к. с пересылкой. С. 475–476**

В январской книжке (стр. 93–94) за текущий год журнала „Миссионер. Обзор.“ был напечатан, составленный о. К. Плотниковым, „Опыт программы дополнительных уроков по Закону Божию в церковных школах по расколоведению“. Опыт этот, выставляя вопрос и указывая предметы, разъяснение которых желательно весьма подробное, применительно к обличению раскола, заставлял ожидать от автора его, чтобы он дал в особом изложении и эти самые потребные для школьников разъяснения. Ожиданиям этим о. К. Н. Плотников в настоящее время и удовлетворил, составив и издав брошюрку с вышеприведённым заглавием.

В этой брошюрке автор касается тех самых вопросов и предметов, подробную речь о которых он нашёл необходимым в своём „Опыте“; именно он разъясняет в ней вопросы: о крестном знамении, о догмате и обряде, о священном писании и писании вообще, об имени Спасителя, о предтечах второго пришествия Христова на землю, о Церкви, о таинствах и, наконец, даёт понятие о расколе. Как видно из перечня вопросов, автор имел в виду преимущественно школы в местностях с беспоповщинским раскольничьим населением, почему не отметил, между прочим, вопроса об епископе в Церкви.

На выставленные же вопросы о. Плотников даёт подробные, и достаточно для целей школы обстоятельные разъяснения. Так, напр., по общему вопросу о крестном знамении, он, дав понятие о нём, рассуждает об истовом изображении его, о видах его, об истинах, выражаемых троеперстным и двоеперстным сложением, и о большей правильности троеперстия перед двоеперстием, о дозволенности к употреблению двоеперстия и об отличии перстосложения от креста.

Само изложение у автора – ясное и для детей-школьников понятное. – В конце каждого отдела автор выставляет, так

называемые, проверочные вопросы.

Брошюрка о. Плотникова, по моему убеждению, совершенно необходима в школах с раскольниками-учениками. Её можно давать для чтения и самим школьникам, и вести преподавание Закона Божия по пререкаемым раскольниками-беспоповцами вопросам.

М. Чельцов

Чельцов М. [Рец. на:]: Соколов А. Культ, как необходимая принадлежность религии. Полемико-апологетическое богословское исследование. Казань. 1900 В. 335 стр. С. 476–478

Сочинение г. Соколова, кроме предисловия, где автор выясняет важность и необходимость для каждого из нас иметь верное и основательное решение вопроса о культе, состоит из трёх частей или отделов. В первом отделе автор даёт историко-критический обзор отрицательных направлений в его отношении к культу (1–89 стр.); во втором – выясняет, что культ есть естественное, неизбежное и потому необходимое в религии выражение религиозной жизни человека (90–171 стр.); и в третьем – доказывает, что культ есть существенно важное для религии внешнее выражение религиозно-нравственной жизни христианского общества (172–330). Первый отдел в сочинении автора явился необходимым в виду цели его сочинения: дать полемико-апологетическое богословское исследование. Но только, устремившись перечислить все отрицательные по отношению к культу направления – до самых мелких и невольных включительно, автор в конце не суммировал, к сожалению, что же и с каких сторон возражают против культа. А не сделав этого, он и читателя оставляет в неведении относительно того, что автор хочет опровергать и что защищать, да и сам, думается, – по этой же причине отчасти многословит поневоле и повторяется (особенно по вопросу о молитве и жертве), а отчасти и недоговаривает (напр. по вопросу о необходимости для Церкви иметь внешние обряды).

Во втором отделе автор в частности: определяет и выясняет психофизиологическую основу культа, в связи с истинным понятием о сущности религии (гл. I), – констатирует исторический факт всеобщности внешней религиозной формы в роде человеческого и проистекающее отсюда объективное значение его в решении вопроса о неизбежности культа во всякой религии (гл. II), и на основании изучения религий заключает, что молитва и жертва суть всеобщие формы сознательного стремления

людей к ближайшему обучению с Божеством (гл. III) и что христианской религией необходимо предполагаются внешние формы – молитва и жертва (бескровная) в качестве единственно возможного средства к реальному единению с Богом (гл. IV). В полемике с сектантами особенно важна первая и четвёртая главы. Жаль только, что первая глава написана не совсем-то ясно и материал в ней автором изложен без определительности; а в четвёртой – автор, много наговорив о необходимости и пользе молитвы, недостаточно оттенил, что молитва должна иметь внешнее выражение: речь его о поклонах, о крестном знамении и т. под., как-то стушёвывается в его общих рассуждениях о молитве.

Если во втором отделе автор из понятия о Боге, о человеке и о религии выяснил необходимость культа вообще, то в третьем он доказывает существенную пользу для религиозно-нравственной жизни людей от содержания ими его. С этой целью он выясняет, что общественный культ есть естественно-необходимая однообразная форма обнаружения во вне внутренней религиозной жизни всего общества и сакраментальное орудие теснейшего единения человека с Богом (гл. I), доказывает, что общественный культ необходимо объединяет людей в тесное религиозное общество и сближает с их родными и знакомыми, теперь уже умершими (гл. II), наконец, описывает религиозно-нравственное воспитательное и образовательное значение церковно-богослужебной обрядности (гл. III). Все эти три главы написаны автором с особым воодушевлением и чувством; предмет в них раскрыт ясно и основательно. – В конце своего сочинения (гл. IV) автор даёт разбор некоторых (числом 10) главнейших и общеизвестных возражений против православного культа.

Таково обширное и богатое по местам содержание сочинения г. Соколова. Являясь собственно первой попыткой в нашей богословской литературе раскрыть и обосновать необходимость культа в религии, оно с успехом ответило на свои задачи и дало много существенно важного, а в полемике с сектантами полезного содержания. Поэтому мы осмеливаемся рекомендовать его к прочтению всем интересующимся данным

вопросам. Жаль только, что язык автора не всегда ясен и определён, а изложение – просто и удобопонятно; по местам автор так туманно толкует, что сразу его трудно бывает и понять. Но это недостаток несущественный и при известном напряжении внимания, потребном для чтения всякого научного сочинения, он легко устраним. В виду же обширности содержания и полезности для читателей раскрываемых автором положений мы охотно желаем сочинению г. Соколова обширного распространения и надеемся, что она займёт почётное место в миссионерской библиотеке.

М. Чельцов

**Известия и заметки // Миссионерское обозрение.
1900 г. № 7–12. С. 478–480**

**Прозоров В. Список с тетради, отобранной у
крестьян раскольников Поморской секты
Пихтовникова (Перм. губ.), под названием:
Наставление как отвечать на суде. С. 478–479**

Егда случится христианину дерзнуть на допрос, то возопиет ко Господу и Владычице и ко всем небесным ангелам всеусердно, с сокрушением сердца и со страхом Божиим и со слезами. Трижды знаменуем крестным знаменiem лице свое в каждых дверях. Егда встанешь на допрос и паки знаменуйся трижды.

Вопр. Кто ты есть?

Отв. Аз есмь христианин.

Вопр. Чей сын?

Отв. Бог мой вестъ, чьих я родителей есть.

Вопр. Бывал ли у причастия и на исповеди?

Отв. Нынешнее причастие змеина блевотина по откровению Иоанна Богослова, на исповедь священника нет видимого. Аще достоин христианин, то достойному от Бога с небеси дается причастие.

Вопр. Священников как почитаешь?

Отв. Нынешние священники по евангелию Матвея, Зачало 22: волцы, хищники, разбойники, по Зачалу 67: врата адовы, во евангелии Иоанна Богослова в зачале 32 чада диавола они тем бо и волцы нарекошася от пророк и от самого владыки и божественных апостолов его, и не токмо волцы, но и казителі нечестивые, и противницы и врази, и наветницы, и хульницы и лицемеры, и татье, и разбойницы, и лже-учители, и лже-пророцы и наставницы слепии, и престницы, и лукавии противницы Христовы и блазнителі и сынове лукаваго, и духоборцы, охулившие дух благодатный, имже не отпустится ни в сем веце, ни в будущем, имже путь истинный хулится имать, к сему же чади лукаваго диавола, якоже глагола к ним Господь. Яковы отца вашего есте диавола. Тем же лепо есть убо о сих первее подвигнутися и тогда о скончании глаголати, ельма уже к нам конец веков присне, яко апостол глаголет и приидут времена

люта и беззаконие умножится и любы многих исхнет, и лстящие мнози, а прельщающиеся множамшии. (Кирилла Иерусалимского знамение II-е) Аще кто слышится силен быти, да и ся берет с сатаню, якоже достоин, а иже при антихристе и с самим собою очевидно братися имут (Книга о вере глава 30). Дьявол мнит их Ефрем слово 105. демонами нынешнии пустопоны, а церкви нынешние костелы римские, в библии в главе 17, блудница мати любодейцам и в осьмой 18 главе паде, паде Вавилон великий и бысть жилище бесовом и всякому духу нечисту (Мат. зач. 83) или паки корчемствующих ради и продавающих и купующих пещеру наречет церковь, еже бо любити добытия разбойническое дело есть. А мы церкви апостольской.

Вопр. Власти како почитаешь?

Отв. Звери плотоядцы.

Вопр. Императора како признаешь?

Отв. Антихрист по откровению Иоанна Богослова.

Руки неприкладывать к сим допросам христианином.

Сообщил свящ. *В. Прозоров*

Письмо одного раскольника австрийского толпа к своему лже-попу. С. 479–480

(орфография исправлена)

„Батышке отцу духовному – Василью Филипычу. Батюшка, просим у вас великого благословения и совета вашего. Если разрешится моя жена, где нас благословите окрестить младенца: домой нам ехать крестить не придётся; если нам окрестить в Кузнецке (Сарат. губ.) благословите, то пришлите разрешение от себя ко священнику. Ещё вас батюшка прошу: пропиши нам, можно ли будет заочно взять молитву сороковую или нет? Ещё прошу я у вас совета и благословения, можно ли будет окрестить нам в великорасейской или нет? А потом по приезду нашему домой его обратить к себе (т- е. в раскол). А то нам ехать в Кузнецк тоже далеко 50-т вёрст, и всё чужая доука. Прошу вас, Батюшка пожалуйста на нас не погневайся. Мы желаем твоего совету и благословения, как нам лучше сделать“.

* * *

О. Иоанн Кронштадтский у англичан. 20 августа, о. Иоанн Кронштадтский был приглашён на английскую яхту „Аргонавт“, стоящую на рейде, где его встретили полтора-два английских туриста, с которыми он беседовал через переводчика довольно долго. Бывший на яхте с о. Иоанном г. М. передавал „Котл.“, что надо было видеть с каким вниманием и благоговейным уважением был принят наш дорогой батюшка иностранцами, чтобы судить о его значении не только у нас в России, но и за границей.

Религиозные воззрения китайцев на загробную участь душ умерших. По представлению китайцев, душа китаецца, отрешась от тела, тотчас же похищена демонами, разъезжающими в пространстве в паланкинах. Эти демоны тотчас же хватают душу умершего и везут в ад, где устроено множество палат с массой чиновников, разбирающих жизнь умершего и присуждающих к соответственному наказанию. Душе предоставляется защищаться и приводить в своё оправдание свои добрые дела. По особому снисхождению бога судеб,

грешным душам дозволяется снова возвратиться на землю, но уже в виде больных и уродов, которые в Китае и считаются великими грешниками „предшествовавшей жизни“. Если женщина прожила жизнь примерно, она может возвратиться в виде мужчины, ибо, по учению китайцев, добродетель есть удел мужчин, а порок – женщин.

В „Юй-Лу“ рассказывается, что и в китайском аду возможны судебные ошибки, ибо демоны-доносчики и следователи часто путают, а потому невинные души иногда приговариваются к жесточайшим наказаниям. Если ошибка откроется, то адский трибунал поправляет дело очень просто, поднеся невинно пострадавшему чашку „чая забвения“. Кто выпьет этот чай, – забудет всё, как будто бы вовсе и не страдал.

* * *

Редакция „Миссионер. Обзор.“, во все пять лет издания журнала, с широким доверием к своим подписчикам допускала высылку журнала **в кредит и рассрочку уплаты**. Между тем, многие должники оказались **неисправными плательщиками**, вследствие чего накопилась значительная сумма недоимок и долга, отражающаяся неблагоприятно на состоянии издательской кассы.

Напоминая о сём, Редакция надеется, что должники её не заставят нас прибегать к мерам понуждения и поспешат внести числящуюся недоимку, а потому Контора и не прекращает высылку остальных книжек журнала издания сего года.

Ноябрь

От редакции. Сведения для гг. сотрудников и подписчиков

1. При всех, требующих ответа, обращениях в редакцию необходимо прилагать на ответ марку или открытое письмо.

2. Рукописи, доставляемые в редакцию «Мис. Обзор.», должны быть переписаны чётко, с оставлением полей на страницах для редакционных исправлений. На самой рукописи должен быть выставлен точный адрес автора и заявление об оттисках.

3. Принятые к напечатанию статьи в случае надобности могут подвергаться исправлениям и сокращениям.

4. На самой рукописи должны быть указаны условия, на которых желают авторы предоставить редакции право печатания их трудов; без такого указания статьи печатаются на условиях, существующих в редакции. На произведения, помещаемые в «Приложениях» к журналу «Мис. Обзор.», редакция оставляет за собой право издания отдельными выпусками для включения в состав «Народно-Миссионер. Библиотечки», под условием особой приплаты авторам к гонорарной сумме, по соглашению.

5. Мелкие статьи и сообщения, непризнанные годными для помещения в журнал, уничтожаются. Обратную пересылку статей, значительных по объёму, редакция не принимает на себя.

6. О присылаемых в редакцию книгах и брошюрах даются отзывы или печатаются извещения о поступлении их.

7. Жалоба на неполучение какой-либо книжки журнала препровождается в редакцию с обозначением напечатанного на адресе номера и с приложением удостоверения местной почтовой конторы в том, что книжка журнала действительно не была получена конторой. Жалобу на неполучение какой-либо книжки журнала просим заявлять редакции не позже, как по истечении месяца, со времени выхода книжки в свет.

8. О перемене адреса редакция извещается своевременно, причём следует обозначать напечатанный на бандероли в прежнем адресе номер и прилагать 4 семикопеечных марки.

9. Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцию редакция просит высылать по следующему адресу: С.-Петербург, Литейный 34, кв. 4, в редакцию журнала «Миссионерское Обозрение».

10, Контора редакции открыта ежедневно от 10-ти утра до 9 часов вечера, редактор принимает ежедневно от 11–12 утра и от 6–8 вечера.

11. Редакция считает необходимым предупредить гг. своих подписчиков, чтобы они до полугодия не переплетали книжек журнала, так как с отсылкой 6 книжки жур. им ежегодно высылаются для первого тома журнала особые заглавные листы, с оглавлением, где точно обозначены статьи и страницы. На проповеди Мис. Обозр. и на книжки приложений оглавления высылаются по окончании года, с последней книжкой журнала.

Объявления принимаются за строку или место строки, за один раз 40 к., за следующие два раза 40 к., за три раза 50 к., большие объявления по соглашению.:

Редактор-издатель *Василий Михайлович Скворцов*

Послание св. Синода

ПОСЛАНИЕ святѣйшаго Правительствующаго Всероссийскаго Синода

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

БОЖІЕЮ милостію Святейшій Правительствующій Синодъ чадами православныхъ Греко-Россійскихъ каѳолическихъ и апостольскихъ церквей, содержащими глаголемыя старыя обряды.

Что лѣтъ томѹ назадъ предки ваши, пребывавшіе внѣ единенія съ православною Церковію, сознали неправотѹ своего отъ нея отдѣленія ради исправленія ею богослужевныхъ книгъ и нѣкоторыхъ обрядовъ, употреблавшихся по мѣстамъ до лѣтъ Патріарха Никона. Движимые сознаніемъ неполноты своего церковнаго устройства и скорбю о такомъ бѣдственномъ своемъ положеніи, они рѣшились просить о принятіи ихъ въ единеніе съ Церковію, даровать ими законное священство и благословить ихъ содержать глаголемыя старыя обряды. Святейшій Синодъ съ отеческою любовью принялъ ихъ просьбѹ, далъ имъ законно поставленныхъ священниковъ и благословилъ ихъ отправлять богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ, поставивъ ихъ въ каноническѹю зависимость отъ мѣстныхъ Епископовъ. Такое рѣшеніе Святѣйшаго Синода вошло въ силѹ и дѣйствіе въ 27 день Октября 1800 года. Такъ совершилось единеніе съ церковію глаголемыхъ старообрядцевъ. И Благодареніе Богу! Путемъ симъ вошли въ оградѹ Православной Церкви многіе находившіеся внѣ ея, стали возлюбленными чадами ея о Господѣ, сынами свѣта и послушанія, открывъ себѣ чрезъ единеніе съ Церковію и принятіе благодатныхъ ея таинствъ, наипаче же святѣйшаго таинства Тѣла и Крови Христовыхъ, путь къ

наслѣдію жизни вѣчной во Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ. Благословенъ Богъ положившій въ сердца избранныхъ своихъ благое и спасительное помышление прийти въ соединеніе вѣры и въ разумъ истины. Превожделѣнно намъ таковое единеніе ваше со всѣми чадами православной Церкви, аже есть Тѣло Христово.

Воздавъ за нѣ хвалѣ и Благодареніе Господѣ Богѣ, мы не можемъ не скорбѣть о пребывающихъ доселѣ внѣ спасительной ограды святой церкви, и молимъ Господа Бога, да призветъ Онъ и ихъ въ святое единство вѣры. Да подастъ Господь и имъ внийти во дворы Господни. Брата церкви отверсты для нихъ: она готова принять ихъ, какъ любящая, милующая и прощающая Матерь.

Благодать Господа нашего Исуса Христа, и любви Бога и Отца и причастіе Святаго Духа бѣди со всѣми вами. Аминь.

Подлинное подписали:

Смиренный Антоній Митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій.

Смиренный Владиміръ Митрополитъ Московскій и Коломенскій.

Смиренный Флавіанъ Архiepиcкoпъ Карталинскій и Кахетинскій
Екзархъ Грузинъ.

Смиренный Афанасій Архiepиcкoпъ Донскій и Новочеркасскій.

Смиренный Маркелъ Епископъ.

Смиренный Гѳрій Епископъ.

Въ Богоспасаемомъ градѣ Святаго Петра. Въ лѣто отъ Рождества по плоти Бога Слова 1900, мѣсяца Октемвриа 26 день.

**Белоградский П. Почему южнорусский штундизм
нельзя признать одной сектой с баптизмом //
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 481–501**

Как известно, в последнее время повсеместно замечается, что штундисты систематически избегают общераспространённого и давно усвоенного этой секте наукой и правительством названия штунды и во всех случаях – в судах, на миссионерских собеседованиях, при столкновении с властями и в житейском быту называют себя *евангелическими христианами баптистического толка* или просто *баптистами*". Начало этого явления относится ещё к 80-м годам. Уже в 1881 году некоторые из штундистов Херсонской губернии, воспользовавшись изданием закона 1879 года, позволяющим немецким колонистам баптистического вероисповедания свободно собираться на свои молитвенные собрания и совершать богослужение по своему обряду, подавали прошение на имя министра внутренних дел о причислении себя к сектантам этого рода и о дозволении свободного существования своей секты¹⁸¹. С изданием же закона 1894 года 4 июля о признании штунды особо вредной сектой и о воспрещении последователям её общественных молитвенных собраний, стремление к усвоению себе имени баптистов значительно усилилось. Вожаки штундизма начинают предпринимать путешествия по штундистским общинам Донской, Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Киевской и другим губерниям и везде стараются убеждать сектантов отказаться от принятого названия штундистов и усвоить себе имя баптистов, так как это последнее название будто бы поставит их под защиту закона 1879 года; и тогда положение комитета министров 1894 года, Высочайше утверждённое, как относящееся по своей букве исключительно к штундистам, на них простираться не будет. Таким образом, на закон 1879 года штундовой массе было указано, как на тихую и безопасную пристань, куда следует стремиться русской штунде для избежания существующих ограничений законов и стеснений со стороны власти. Особенно усилены и явны сделались эти агитаторские ухищрения, во

время последней народной переписи 1896 года. В общинах получены были братские послания распорядительных центров штунды, с разъяснением тех выгод, какие заключаются для штундистов в единообразном наименовании себя именем дозволенной законом секты „баптистов“, чтобы со временем можно было решительно и более настойчиво предъявить к правительству свои притязания на право немецких баптистов от многих тысяч последователей, томящихся и лишённых якобы духовного руководства, утешения и проч. Штундовые миссионеры снова стали усиленно разъезжать по сёлам и городам с той же целью и с обещаниями на счёт прав и свободы, с предостережением отнюдь не записываться последователями „штунды“, как секты, признанной особо вредной. И, действительно, многие из сектантов последовали этому мудрому совету для обхода закона 1894 года и не только в переписных листках называли себя „христианами баптистического толка“, но, пользуясь невежеством волостных писарей, успели добыть себе и паспорта, в которых в графе о вероисповедании было помечено: „баптистического вероисповедания“. В практической выгоде этой хитрой и преступной махинации штундисты впервые убедились в 1897 году. В этом году донские сектанты Дементий Александров, Анисим Крючков и друг., привлечённые полицией к законной ответственности за устройство воспрещённого молитвенного собрания по 29 ст. уст. о иак. и осуждённые Ростовским на Дону мировым съездом, апеллировали в Сенат. В своём прошении они заявляли, что их неправильно, по наветам православного духовенства и миссионеров, называли штундистами, что по своим религиозным верованиям они настоящие баптисты, а потому на них не только не должно простираться Высочайшее воспрещение молитвенных собраний, но и за совращение кого-либо из православных в свою секту они должны быть судимы не как за совращение в ересь или раскол, а как за совращение в инославное христианское, дозволенное в России, исповедание. К крайнему прискорбию православных, Сенат внял доводам этой жалобы донских штундистов отменив постановление местного мирового съезда относительно общественных молитвенных собраний. Это решение Сената с

быстротой телеграфа сделалось известным всем штундистам Донской области и других губерний, страшно подняло их дух, а вместе и возродило в них энергию к пропаганде своей ереси среди православных. Целые -сотни копий с этого Сенатского решения, засвидетельствованные нотариальным порядком, разосланы были донскими штундистами по многим штундистским общинам, производя везде между ними фанатический восторг.

Радость сектантов-штундистов по поводу этого Сенатского решения весьма понятна. Благодаря ему, в понятиях штундистов им открылась широкая и блестящая перспектива в будущем – они теперь сознавали себя наравне с немцами относительно церковных прав и свободы действий, какими пользуется в России немецкий баптизм. А права эти широки и заманчивы. Такими правами не пользуется ни одна из русских дозволенных сект. Так положением 1879 года немецким колонистам баптистического вероисповедания предоставлено строить особые молитвенные дома, избирать проповедников – пресвитеров, которых утверждает в их должности губернатор или градоначальники, свободно открывать общинные богомоления и совершать всякие требы, издавать на русском языке богослужебные книги. Более того, одним из кассационных решений Правительствующего Сената баптизм признан даже (по ответственности виновных в совращении) наравне с инославными исповеданиями, т. е. католической и лютеранской церковью.

Успех Донского процесса дошёл и до киевских штундистов, и произвёл на них сильное впечатление. То, чего не могли сделать в продолжение почти 15-ти лет заправилы и вожаки штундизма в России, давно и настойчиво убеждавшие их в возможности отказаться от названия штундистов и усвоить имя баптистов, решительно и скоро достигнуто было, благодаря вышеуказанному сенатскому решению. В самовольном присвоении себе названия баптистов киевские штундисты увидели действительно самый радикальный и удобный способ для обхода стеснительного закона 1894 года. С этого времени сектанты, как по мановению волшебной руки, сразу отказались

от своего действительного названия „штунды” и стали называть себя „баптистами”. Молитвенные собрания их, устраивавшиеся: прежде довольно редко, а в некоторых местах и совсем прекратившиеся, или только с соблюдением всех предосторожностей не быть накрытыми полицией, теперь стали весьма часты и получили характер демонстративного издевательства над пастырями, миссионерами и над бессильною пресечь это преступное деяние полицией. Вместе с этим они начали открыто проповедовать православному населению, что де это только полиция их преследует, а высшее правительство их поддерживает, ибо их вера, правая. Полицейские протоколы о недозволенных молитвенных собраниях штундистов стали так многочисленны, что канцелярии мировых судей и съездов были положительно ими завалены и отнимали у последних массу времени, мешая более успешному и своевременному течению других дел. Помимо своей многочисленности, эти дела, стали теперь для мировых судей и съездов самыми тяжёлыми и запутанными, потребовавшими участия при разбирательстве этих судебных процессов учёной экспертизы сведущих лиц.

Естественно, поэтому, возникает вопрос большой важности: насколько правильны и основательны притязания киевских штундистов на усвоение себе имени баптистов? Существует ли между учением штундистов и учением баптистов действительное тождество или только внешнее сходство?

В течение последних двух лет в судебных учреждениях Киевской губернии, по объяснению административных властей, в устройстве недозволенных законом общественных молитвенных собраний штундистов, привлекалось до 600 сектантов, выдававших себя однако за последователей секты баптистов. Во время этих судебных процессов, происходивших с участием экспертизы, означенными сектантами их вероучение было изложено довольно подробно. На основании этих данных нельзя не заметить, что положительная сторона их вероучения остаётся и до настоящего времени так же *бедна и неразвита*, как и при самом начале возникновения секты. Другой характерной особенностью является *отсутствие всякого согласия и*

единства в вероучении штундистов. Почти каждая община отличается от другой в том или другом пункте. Так, из показаний одних (штундистов, живущих в самом городе Киеве) видно, что они своего собственного вероизложения не имеют, а пользуются Никео-Цареградским символом, унаследованным ими от Православной Церкви. Другие сектанты¹⁸² не только не имеют никаких символов, но даже утверждают, что их и быть не должно, так как для всех истинных христиан единственным вероизложением является и должно быть только Св. Писание Нового Завета. Наконец, третья часть сектантов¹⁸³ представила в качестве символа своё собственное вероизложение¹⁸⁴. Но это вероизложение отличается такой краткостью и неопределённостью, что судить о характере самой секты и её вероучении не представляется никакой возможности. Указывая, напр., что у них совершается таинство крещения и преломление, сектанты ни одним словом не упомянули о том, какое догматическое значение усваивается ими этим действиям.

Соглашаясь в мнении, что единственным руководством в деле спасения должно быть только одно Священное Писание, сектанты высказали странное разногласие в вопросе: какие книги, заключённые в Библии, признавать священными и боговдохновенными и какие апокрифическими. Сектанты г. Киева из числа священных и боговдохновенных книг исключают все книги Ветхого Завета, признаваемые Православной Церковью неканоническими; между тем, сектанты других мест к числу священных книг относят также Премудрость Соломона и послание Иеремии, не признавая таковыми остальных неканонических книг. Исключение, сделанное сектантами для этих книг, кажется, обусловливается существованием в них таких мест, в которых (как напр. 13 и 14 гл. Премудрости Соломона и всё послание Иеремии) с точки зрения сектантов лучше всего обличается мнимое идолопоклонство Церкви Православной. Что же касается третьей группы сектантов и притом самой многочисленной, то она не делает никакого различия между книгами каноническими и неканоническими и всем книгам, находящимся в Библии, усваивает одинаковое священное значение.

Положительное догматическое учение штундистов Киевской епархии мало ими самими выяснено, мало определено и отличается, поэтому, крайней бедностью. Признавая единство Божие, штундисты признают и троичность лиц в Божестве. В вышеупомянутом рукописном изложении своего вероучения, представленном суду, штундисты заявляют: „мы верим, что есть только единый, животворящий Бог и что Бог есть Троица: св. Творец, Сын и Дух Св. единый Бог и Творец неба и земли, что Божество заключает в Себе три особых, вполне одинаковых и вечно совершаемых (sic) лиц, например: человек состоит из души, духа и тела (1Фес.5:23), но мы по можем понять: как эти части между собой связаны: эти три части: душа, дух и тело не суть три человека, но один, так и в Божестве три лица: Отец есть истинный Бог, Сын есть истинный Бог и Дух есть истинный Бог, однако же мы верим не в трёх Богов, потому что эти три Лица составляют одно в своём существе и суть нераздельны”. Совершение искупления рода человеческого, согласно учению Православной Церкви, принадлежит Иисусу Христу. „Иисус Христос Бог и человек, говорится в их вероизложении, будучи Сыном Отца, Он совершил через своё воплощение, смерть и воскресение великое дело искупления. Этого Бога человека Исккупителя видел мир”.

Проповедуя, что человек оправдывается одной личной верой во Христа без всяких внешних посредств, сектанты, однако, заявляют, что они признают вместе с тем необходимость и некоторых таинств; но относительно числа их расходятся между собой. Штундисты г. Киева категорически и решительно заявили в целом ряде судебных процессов, что у них существует и признаётся только два таинства: крещение водой и преломление хлебов; других таинств, как не упоминаемых в Св. Писании, они не признают и не имеют. Штундисты, имеющие своим центром м. Богуслав, к этим двум присоединяют ещё и таинство брака; наконец, третья группа сектантов склонна видеть в акте избирания пресвитеров существование у себя ещё и таинство священства. Расходясь во мнении относительно числа признаваемых ими таинств, сектанты не всегда согласны между собой и относительно самого значения, которое они усвояют тем

или другим действиям, выдаваемым ими за таинства. Исключением из этого является крещение, о значении которого все штундисты согласны между собой.

По словам сектантов, принятие водного крещения является необходимым и обязательным актом для вступления в число действительных и полноправных членов их общины, согласно ясному повелению Св. Писания: „кто будет веровать и крестится, спасён будет”, а также в подражание примеру Самого Иисуса Христа, принявшего водное крещение, и обычаю первых христиан, вступавших в число членов Церкви Христовой через водное крещение. Но для допущения к крещению, по учению сектантов, необходимы следующие два условия: во-первых, личная, сознательная вера, что смертью Иисуса Христа мы искуплены от греха, проклятия и вечной гибели и, во-вторых, покаяние во грехах и обещание Богу доброй совести. Поэтому к крещению может быть допущен только тот, кто не только сам сознаёт в себе твёрдую, веру во Христа, но ясно засвидетельствует её перед церковью, т. е. перед уже ранее крещёнными членами штундовой Общины¹⁸⁵. Что же касается до второго условия, то сущность его сводится к тому, чтобы лицо, изъявившее согласие на вступление в секту штундистов, не только раскаялось в своих прежних порочных наклонностях и грехах, как, напр., воровства, сквернословия, употребления спиртных напитков, курения табака, идолопоклонства, (под которым разумеется почитание в Православной Церкви св. икон, св. угодников и мощей), но и на всю остальную жизнь сознавало себя способным быть свободным от этих недостатков. Вследствие таких условий многие из принадлежащих к секте штундистов и не имеющих силы отказаться хотя бы от одной из своих порочных наклонностей в продолжении довольно многих лет не допускаются к крещению, как не достигшие святости.

Что же знаменует собой самый акт крещения, по учению сектантов? Ни в устном, ни в письменном изложении учения штундистов по этому вопросу не видно, чтобы с этим действием соединялся какой-либо намёк на прощение грешнику в этом акте первородного или личного греха, или чтобы с ним соединялось представление о даровании крещаемому каких-либо

божественных даров благодати Св. Духа. По учению сектантов, крещение есть только „залог их веры”, „знак союза с Богом”, „обещание Богу доброй совести”, т. е. торжественное заверение, как бы клятва Богу, в присутствии „всей церкви” не грешить, „пожертвовать своё сердце” Богу. Сущность, внутреннее значение такого именно, а не другого понимания сектантами этого священного действия выражают и те духовные псалмы, пение которых приурочено к этому времени и случаю.

О Боже, здесь видит меня
Всезрящее око Твоё,
Что я уж решил для Тебя
Пожертвовать сердце моё.
Ты знаешь желанье души,
Ты слышал мной *данный обет*,
Молю же: на век заключи
Со мною Твой *новый завет*...
Или:
Святое принял я крещение
И мною дан *святой обет* –
С Тобою быть в соединенье
И Твой блюсти *святой завет*...
Прими, Христе, в Твоё стяжанье
Днесь сердце, тело, душу вновь
И не отвергни *обещанья*
Хранить на век к Тебе любовь.

Таким образом, никаких благодатных сил в крещении сектанты не получают, по своему учению, не освобождает оно ни от греха первородного, ни от грехов личных и, следовательно, это таинство низведено сектантами на степень простого обряда, простой формальности, необходимой для окончательного поступления в секту. Эта мысль ещё нагляднее, ещё яснее доказывается следующими рассуждениями штундистов о бесполезности внешних обрядовых действий вообще. Все люди, говорят они, находятся под властью греха и, несмотря на все религиозные обряды, должны на веки погибнуть, если в их внутреннем человеке или душе не произойдёт спасительной перемены, называемой в Св. Писании покаянием. Св. Писание

говорит: не тот иудей, кто таков по наружности, но тот иудей, кто внутренне таков. Тоже можно сказать и о христианах: „не тот христианин, который по наружности, вследствие крещения и других обрядов, считает себя христианином, но кто внутренне таков посредством покаяния”. Но каким же путём достигается, по мнению штундистов, эта перемена во внутреннем духовном существе человека? Таким средством, возбуждающим в человеке сознание своей греховности и перерождающим его духовную природу, служит евангельская проповедь. Под влиянием этой проповеди грешник просыпается от сна к познанию своих многочисленных грехов, пока он не научится восклицать: „бедный я человек, кто избавит меня от сего тела смерти”. Это состояние сердца для человека самый удобный момент, чтобы усвоить себе совершенное искупление грехов в Иисусе Христе. Кто уверовал, тот уже спасён и свят ещё до крещения. Крещение нужно, чтобы исполнить заповедь и вступить в братство спасённых, но для крещения нужна вера. Верующий уже спасён верой и без крещения. Таким образом, тот момент, в который человек уверует и раскается, по учению штундистов, является самым важным и существенным, в этот момент происходит, очевидно, и акт прощения греха Адамова¹⁸⁶, равно как и личных грехов, и человек становится праведным, святым, получает право на бессмертие и славу, дарованную Иисусом Христом человечеству через Его крестную смерть и воскресение.

Тот, кто сделался через раскаяние во грехах праведным, святым наследником обетования Божия, кто в акте водного крещения дал торжественное обещание на всю жизнь быть верным данной клятве – оставаться святым, получает право быть участником вечери Господней, трапезе святых. Признавая необходимым существование в своих общинах преломления хлебов, не все сектанты усвояют этому действию одинаковое значение. По учению, изложенному на суде большинством вожаков киевских штундистов, они в совершаемом ими преломлении вкушают „истинные тело и кровь Христовы”¹⁸⁷. Но с таким учением не согласны не только другая часть киевских штундистов, но и часть штундистов Каневского и Васильковского

уездов. По заявлению последних, хлеб и вино, предлагаемые на преломлении, ни в каком смысле не являются Телом и Кровью Христовой, а есть и остаются простым, обыкновенным хлебом и вином. „И на Тайной вечери, по их словам, ученики Христовы вкушали только хлеб и вино, а не Тело и Кровь Христову, и мы также вкушаем тоже”. Не признавая возможность пресуществления св. Даров, штундисты не придают евхаристии и значения жертвы Богу за грехи людей, а равно не считают этой жертвы, не отделимой по существу своему от Галгофской жертвы. „Мы освящены, говорят они, единократным принесением Тела Иисуса Христа... Он одним приношением навсегда сделал совершенными освящаемых”, а поэтому Галгофская жертва вполне достаточна для очищения наших грехов. Единственным основанием существования этого таинства, по их учению, служит исполнение воли Спасителя, выраженной в словах: „сие (или по пониманию штундистов *так*) творите в Моё воспоминание”, и единственно „ради воспоминания”, для постоянного и более конкретного напоминания верующим искупительного дела, совершённого Иисусом Христом на Галгофе. Таким образом, совершение сектантами преломления низводится на степень обычных нравственных заповедей, напр., заповеди о любви к ближним, заповедей, запрещающих убивать, воровать и т. д. учение о вкушении сектантами вовремя преломления только хлеба и вина, а не Тела и Крови Христовой, совершаемого притом „ради воспоминания”, настойчиво проповедуется и в тех песнопениях, которые распеваются ими во время совершения этого действия.

Благослови же нам, о Христе!

Сие *вино* и *хлеб*

Вкусить, как Ты велел

В *Твоё воспоминанье!*

Я есмь овца Иисуса,
говорится в другой псалме.

Он Пастырь добрый мой;

Он в знак любви союза,

Пред смертью своей,

Взявши *хлеб* и преломляя,

Ученикам давал,
Вином их напоая.

Как мы выше сказали, некоторые из штундистов заявили, что они признают ещё третье таинство – брак. По учению этих сектантов брак есть „божественное установление, имеющее своей целью способствовать сохранению да земле целомудрия и избеганию блуда и зла”. „При сочетании брачующихся, говорится в представленном ими письменном изложении веры, спрашивается о взаимном их согласии на вступление в брак и об этом свидетельствуется перед всей церковью. Брачующиеся дают пред Богом друг другу обещание жить вечно неразлучными, хранить брак в чистоте и святости до конца жизни. Сочетающимся читаются обязанности о необходимости взаимного согласия и любви из слова Божия”. Впрочем, такой чин совершения брака не везде принят среди сектантов. Некоторые ограничиваются одним простым заявлением своим „братьям” о том, что они вступили в брак с такими-то лицами, причём мнимые муж и жена дают друг другу письменные росписи, что та сторона, которая бросит первой супружеское сожитие, обязана уплатить неустойку в такую-то сумму¹⁸⁸. Кроме того, среди сектантов киевской губернии весьма распространён обычай заключать браки в православной церкви. Для этого желающие вступить в брак на время и притворно возвращаются в православие и после совершения венчания снова возвращаются в штундизм¹⁸⁹.

Итак, на основании данных, добытых путём личных устных и письменных показаний штундистов во время судебных процессов, становится очевидным, что одного определённого и для всех последователей секты штундистов, выдающих себя, однако, за баптистов, обязательного вероучения, по крайней мере в Киевской губернии, не существует. В самом деле, нет почти ни одного пункта в изложенном ими вероучении, где бы они были согласны друг с другом. Одни признают все книги, нахудящиеся в Библии, священными и боговдохновенными, другие исключают из них все книги неканонические, третьи, наконец, из этих последних одни удерживают, другие ж произвольно отвергают. Киевские штундисты придерживаются

никео-цареградского символа, часть штундистов Каневского и Васильковского уездов делают слабую попытку составить собственное вероизложение, а другая – саму мысль о такой попытке считает чуть ли не еретической. Но и помимо этих, так сказать, частных, разногласие между сектантами обнаруживается в ещё более важных и существенных вопросах, каковы: о числе принимаемых ими таинств и их догматическом значении. Очевидно, что эти сектанты, оторвавшись от своей матери-церкви православной и подпав под влияние различных протестантских сект, оказались не в состоянии и до настоящего времени сколько-нибудь осмыслить и привести в какую-нибудь определённую и единообразную систему тот материал, который они позаимствовали из разных довольно мутных источников.

Вопреки указанной выше неопределённости и отсутствию всякого единства в вероучении штундистов, немецкий, баптизм в настоящее время является как уже вполне определившаяся протестантская секта. На протяжении многолетнего своего существования она успела не только выработать вполне определённую и ясную систему своего вероучения, ставшую обязательной для всех её членов, но и создать определённый церковный строй, ясно и точно определяющий все функции церковной жизни своих последователей. Сравнение вероучения и церковного строя баптистов с вероучением наших сектантов показывает, что при некотором внешнем сходстве эти секты весьма существенно отличаются друг от друга.

Единственное основание, на котором штундисты пытаются отождествить себя с немецкими баптистами, заключается в том, что и они так же, как и последние, признают необходимость водного крещения и совершают на своих богомолениях преломление хлебов. Но сходство между ними на этом и оканчивается, так как в понимании и усвоении этим действиям догматического значения между нашими сектантами и немецкими баптистами – глубокое различие. По учению штундистов, как мы видели выше, грехи всех людей искуплены смертью Иисуса, Христа на Галгофе, и кто верует в это, тот не имеет уже в себе греха, – в нём без всяких внешних посредств действует сам Дух Святой. Крещение же только запечатлевает

вступление в общество святых (т. е. штундистов); никакого сакраментального значения этому действию ими не усвоится, никакой благодатной силы от Бога, изглаживающей грех первородный, в крещении они, по своему учению, не получают. По учению о сём таинстве немецких баптистов, изложенном в их катехизисе, имеющем значение символической книги и потому являющемся обязательным для всех последователей этой секты, крещение имеет, так сказать, две стороны – божескую и человеческую. Со стороны верующего, приступающего к крещению, оно есть „первый плод веры и любви ко Христу, – вступление в послушание Господу и в Его Церковь. Оно есть торжественное объявление и исповедание грешника, который сознал ужас греха и осуждение всего своего существа и всю свою надежду возлагает на смерть и воскресение Иисуса Христа, своего Спасителя, и верует в Него, как в Искупителя от проклятия и возмездия за грех, так что и телом, и душою предаётся Христу и облекается в Него, как в свою праведность и крепость, предавая своего ветхого человека смерти со Христом и желая ходить с Ним в обновлении жизни”. С другой стороны, крещение есть „торжественное объявление и заверение верующему крестнику со стороны Божией в том, что он погружается во Христа Иисуса и таким образом с Ним умер, погребён и воскрес, что его *грехи омыты* и что он возлюбленное чадо Божие, к которому благоволит Отец. Крещение в крещающемся должно возбуждать ещё определённое и сильнее чувство его спасения и блаженства, и Бог производит оное запечатлением Св. Духа”¹⁹⁰. Здесь выражение о крещении, что „оно есть первый плод веры и любви ко Христу – вступление в послушание Господу и в Его церковь”, если не тождественно с штундистским взглядом, то слишком близко к нему, так что можно даже, на основании этого выражения, говорить о сходстве баптизма с штундизмом, но рядом с указанным выражением следующее пояснительное выражение: „что крещение есть также торжественное объявление и заверение верующему крестнику со стороны Божьей, что он умер со Христом, погребён и воскрес, что его *грехи омыты*” (водою), К штундизму никоим образом отнесено быть не может, так как

противоречит всему основанию штундового вероучения. Это же выражение составляет существенную черту немецкого баптизма – служит пояснением, как немецкий баптизм понимает крещение. Именно, *по баптизму* в человеке грех умирает *в акте крещения*, а *по штундизму* – *в момент призвания его к вере*, что и составляет существенную разницу.

Не менее глубокое различие между штундистами и немецкими баптистами существует и по вопросу о таинстве евхаристии или преломлении. Как мы уже видели, в учении штундистов об этом таинстве наблюдается два совершенно противоположные друг другу течения. По мнению одних, причащение есть такое таинство, в котором достойно верующие становятся общниками Тела и Крови Христовой, пролитой на кресте, причащаются действительного Тела и действительной Крови Христа. По учению других, оно совершается по заповеди и примеру Спасителя, в первый раз установившего это таинство, и есть только воспоминание Тайной вечери; причём причащающиеся вкушают обыкновенный хлеб и вино, вкушение которых, очевидно, спасительно постольку, поскольку оно есть исполнение заповеди Господней, повелевающей „сие творить в Его воспоминание, доколе Он придет“. По учению немецких баптистов, изложенном в их катехизисе, преломление есть „дарованное Господом Его Церкви благодатное установление, на которое мы смотрим, как на неоценимое тайнодействие (Unschätzbares Gnadenmittel)... Мы веруем, что в сём святом знаке Христос даёт верующим вкушать *духовным образом Своё Тело и Свою Кровь*. Приобщением *Тела и Крови Христовой* (Die Gemeinschaft des Leibes und Blutes Christi im Genuss) должно быть верующему божественным залогом, через который возвышается и укрепляется *чувство его участия во Христе и в Его жертве*, и через которые ему снова *возобновляется и удостоверяется прощение грехов*. воспринятое им по вере”¹⁹¹. Очевидно, что здесь различие не в словах только, а в самом существе религиозных воззрений названных сектантов. учение немецких баптистов в вопросе о таинстве причащения не согласно ни с учением тех штундистов, которые в преломлении причащаются, по их словам, действительного Тела и Крови

Спасителя, ни с воззрением тех, которые вкушают только хлеб и вино в воспоминание смерти Христовой, не соединяя с этим ни буквально, ни символически вкушения Тела и Крови Христовой, равно не признавая в этом акте никакого отношения к прощению грехов.

Заимствовав от немецких баптистов внешние обряды – совершение водного крещения и преломления хлебов, без усвоения, однако, этим действиям того догматического значения, какое даётся им в баптизме, наши сектанты на этом и остановились. В дальнейшем они остались верными тем принципам, которые были положены в основу штундизма ещё в самом начале возникновения этой секты.

Попытка наша найти сходство между штундистами Киевской губернии и немецкими баптистами в других пунктах их вероучений показывает, что такого сходства не существует.

Немецкий баптизм, возникший на почве протестантства, усвоил и все догматические особенности последнего. Так, он удержал в своём катехизисе и протестантское учение о состоянии человека после падения. Согласно этому учению, разделяемому и баптистами, следствием грехопадения первых людей было глубочайшее извращение человеческой природы, доходившее до полного уничтожения всех сил души человеческой, сделавшихся неспособными к своим нормальным отправлениям – потеря не только подобия, но и образа Божия и решительного низвращения свободной воли человека. Коварством сатаны, говорит баптистический катехизис, человек согрешил, удалился от Бога, потерял образ Своего Творца... Так как все люди произошли от Адама, то и они сделались причастны той же падшей и совершенно повреждённой природы... совершенно неспособными и неохотными ко всему добру, но склонными и способными ко всему злу»¹⁹². Следов такого крайнего чисто протестантского учения на последствия грехопадения первого человека у штундистов не заметно. Как люди малограмотные и невежды в области богословия, не привыкшие к отвлечённому теоретическому мышлению и даже по своему умственному развитию не способные сосредоточиваться мыслью на глубоких истинах

христианства, они решением этого догматического вопроса не занимались, да и не интересовались. Поэтому, при изложении своего вероучения, они на этот вопрос отвечать отказались, заявив, что „они таким хитросплетённым басням не следуют, так как де это философия и пустое обольщение, по преданию человеческого, по стихиям мира, а не по Христу, от которого предостерегал христиан и апостол. Они верят, что Христос искупил их от всякого греха и проклятия, а какой это был грех и какие его последствия, – им до этого дела мало”.

В пятом члене баптистического катехизиса излагается их учение об избрании к блаженству. „Мы веруем, говорится здесь, что от вечности было свободное, ничем вне себя не руководимое, благоволение Божие искупить грешников. Посему... те из погибшего рода человеческого, которым в течении времени действительно должно быть присвоено искупление, избраны также Отцом, имена их написаны на небесах, и сами они преданы в руки Искупителя... Этим лицам была определена вечная жизнь во Иисусе Христе и в то время определены все средства, которые должна привести их к вере во Христа, к святости и, наконец, к вечному блаженству. Такое определение Божие неизменно и на веки поставлено, так что те, которых оно касается, – избранные. – не могут быть вырваны из рук Христовых”¹⁹³. Вникая в смысл изложенного в этом члене учения, нельзя не видеть, что здесь содержится Кальвинистическое учение о предопределении, по которому спасаются те, которых Бог от вечности предопределил к блаженству; избранным Он подаёт Свою всемогущую благодать, которой они не могут противиться; они, следовательно, безусловно наследуют спасение, независимо от их нравственных заслуг и достоинства. Такое учение о предопределении вышеозначенными штундистами не разделяется. По их учению евангелическое призвание распространяется на всех людей; всякий может уверовать во Христа, а не избранные только, и, уверовав, может достигнуть и вечного блаженства.

Мы видели, что штундисты Киевской губернии, признавая единственным источником вероучения Св. Писание, не имеют

строго определённого учения о том, какие книги Св. Писания должны приниматься за священные и боговдохновенные, а какие нет. В этом отношении у них царит полный произвол. Исследуя положение этого вопроса у баптистов немецких, мы находим, что и в этом отношении они держатся одного определённого взгляда и, притом, обязательного для всех членов их общины. Из числа всех книг Ветхого Завета они признают только канонические книги, а остальные решительно отвергают, как это видно из их катехизиса¹⁹⁴.

Наконец, нет согласия между нашими штундистами и немецкими баптистами и по вопросу о *праздниках*. По учению баптистического катехизиса, все члены этой секты празднуют только воскресение; о других праздниках в нём нет никаких упоминаний¹⁹⁵. Что же касается наших сектантов, то в этом отношении они не только отличаются от немецких баптистов, но и между ними нет единодушия. Одна часть штундистов кроме воскресения празднует и Рождество Христово, Новый год, Крещение, Вознесение, Преображение, Пятидесятницу и др. Другая же часть штундистов, буквально исполняя четвёртую заповедь десятословия, вместо воскресения празднует субботу.

По вопросу об *устройстве общины* штундисты также не мало отличаются от баптистов. У штундистов самый простой строй общины: все братья равны, во главе общины стоит избранный старший брат, называемый ими пресвитером, в значении блюстителя порядка в общине, проповедника, устроителя общины и совершителя треб. Впрочем, нужно сказать, что последнее, т. е. совершение треб, не составляет исключительной принадлежности пресвитера. В случае отсутствия его, болезни или каких-либо других обстоятельств, его в этом случае может заменить всякий другой рядовой член, которому тут же община поручает совершить ту или другую потребу. Необходимость диаконов, на обязанности которых лежит забота о благочинии в собрании как прежде, так и в настоящее время признавалась и признаётся не безусловной, почему почти во всех общинах они отсутствуют. Избрание того или другого лица на должность пресвитера принадлежит общине, которая, при выборе пресвитера, руководится указаниями ап. Павла,

относительно нравственных качеств избираемого в 1Тим.3:1–16. Какого-либо чина посвящения или рукоположения у них не бывает. Что касается баптизма, то последний, как вполне организованная секта, имеет более сложное общинное устройство; у них существует даже внешнее подобие полного иерархического устройства с епископом, пресвитером, диаконом и т. п. и с значением более положительным по чину и правам в общине, чем пресвитер у штундистов. Той лёгкости, с которой, по наблюдениям миссии, штундисты оставляют одного пресвитера, чем-либо не угодившего некоторым братьям, и избирают другого, у баптистов не замечается. Напротив, по требованию баптистического катехизиса, пресвитер, избранный общиной, и получивший посвящение (Ordination) через руковозложение от пресвитеров этой или другой общины, может быть лишён этого звания но общиной, а собором пресвитеров же. Все требы также могут быть совершаемы только рукоположенным пресвитером, – другим лицам такое право не предоставлено¹⁹⁶.

Выходя из положения, что Богу нужно служить духом, а дух свободен, по учению штундистов, молитва должна быть свободна. Отсюда у них открывается широкий простор для *молитвенных импровизаций*. Молитва же (богослужение) баптистов заключена в известных границах, совершается по известному чинопоследованию и притом опять-таки пастором, которому одному предоставлено и право проповедовать¹⁹⁷, чем стеснена сама молитва – она не имеет свободы. Напротив, в молитвенных собраниях штундистов, как известно, существует полная свобода. Здесь молитва, чтение и проповедь не заключается в известных границах, не совершается по одному и тому же чинопоследованию, а действующим лицом может быть и даже должен быть по идее штундизма каждый член братства и даже женщина, но без права проповеди, которая согласно, требованию ап. Павла (1Кор.14:34), женщинам не дозволяется.

Таким образом, сравнивая вероучение штундистов Киевской губернии с вероучением немецких баптистов, мы, по необходимости, должны прийти к заключению, что обе эти секты далеко *не тождественны между собою*, но весьма резко и существенно отличаются одна от другой во многих отношениях.

Существование у штундистов таких внешних обрядов, хотя и выдаваемых ими за таинство, как водное крещение и преломление хлебов, при разности догматического значения, не могут служить ещё достаточным основанием для полного отождествления с баптизмом. Если же принять во внимание особенности в богослужении и в церковном устройстве баптистов, отличающиеся от богослужения и строя штундистов, то различие между ними выступает ещё с большей ясностью.

Киевск. епарх. миссионер *Н. Белогорский*

Потехин С. Мистическая штунда: Малеванный и малеванные ¹⁹⁸ // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 502–514

Ещё за долго до появления своего в Киев в сопровождении своих последователей, Лысенко проявлял недовольство ролью обыкновенного „старшего брата“ в штундовой общине. За год до описываемого события он уже выдавал себя сперва за особого посланника или ангела Малеванного, за „трубу Божию“, или „живую трубу“, а затем за „Духа Святого“, изшедшего от Малеванного, признавая самого Малеванного, подобно остальным малеванцам, за Христа, Спасителя мира. Теперь Лысенко повысил себя в ещё высший, по его понятиям, ранг, объявивши себя Христом, Сыном Божиим. Соответственно этой метаморфозе он и Малеванного возвысил на степень Бога-Отца, Господа Саваофа, „явившегося во плоти“. Вакансия Духа Святого оставалась пока не занятой в понятиях малеванных: не открылся ещё, не пришёл ещё утешитель, объяснял Лысенко. Обожествовав себя, Лысенко в своих последователях олицетворил всю небесную иерархию. Богородицу-царицу представляет его сожительница Агафья Рудчук, Дементий Рудчук, пожертвовавший свою красавицу жену Лисенку и взамен получивший от него не первой молодости свирепую „плащаницу“ (?) Марию Сосновскую, – архистратиг небесных сил, Никита Андриенко, три месяца проживший в Казани, живая труба или вестник Бога живого, каждый из остальных малеванных также представляет кого-нибудь из изображаемых на иконах святых, только в живом виде.

Представляя себя святым, каждый малеванный, по их понятию, есть живой храм, живая церковь: что внутри человека совершается, то и есть служба Богу, говорил Лысенко. Ничего внешнего не нужно; всё внешнее напоминает закон и стесняет свободу человека. Даже заповеди св. Писания излишни. Каждый малеванный представляет собой „живое писание“, воплощение Писания. Рассказы или истории, записанные в Св. Писании, полезно, впрочем, вспоминать, так как они пророчествуют о них,

малеванных, об их жизни, страдании и ожидающей их славе. Никаких внешних посредств между Богом, т. е. отцом их Малеванным и ими не существует, да и не нужно. Их разделяют пространство, и они плотью далеки от него, но духом живут вместе, видят его духовными очами и слышат его духовными ушами, как и каждого из святых своих братьев, хотя бы они были на краю земли. Приближается время, когда все малеванные и плотью будут вместе жить. Над ними будет царствовать их возлюбленный отец и создатель и они с ними будут блаженствовать вечно. К ним пристанут множество из людей. „И вы нас назовёте братьями, говорил Лысенко миссионерам, и поклонитесь тогда нам. Но если бы сейчас позвали нас, мы в ноги бы вам поклонились“... В царстве Малеванного будет бесконечное блаженство: не будет там ни смерти, ни душевных и телесных немощей и болезней. Там не будет ни в чём недостатка, не будет притеснений ни от властей, ни от духовенства. Будет там покой, полное изобилие и совершенное равенство. Каждый будет жить по влечению сердца своего, муж с женой по „сердечному аппетиту“, а не по закону и принуждению и время будет проходить в непрестанной радости и молитве.

Они оставили место своего жительства и сделались „бродягами нового закона“ для того, чтобы „явить себя миру“. Для их плоти не было возможности оставаться на прежних местах жительства. Там нельзя жить с Богом и для Бога. Там нужно работать от зари до зари, чтобы за день тяжёлой работы заработать 15-ть копеек. Там помещики захватили поля, леса и озёра, а бедному человеку ничего не осталось. Там нужно платить за всё, что Бог дал для всех людей. Полиция и суды служат там только богатым людям, чтобы им легче было охранять своё богатство и бедному человеку приходится идти в тюрьму за полено, которое гниёт без надобности в помещичьем лесу. Духовенство там также тянет руку за богатых людей и в Церкви то и слышишь, что нужно повиноваться властям, гнуть спину перед сильными. „О, настанет время, когда не будет нужды ни в судах, ни в полиции“, говорил с воодушевлением Лысенко, „когда всё будет общее и брат брату не будет говорить:

это моё, а полиция не будет истязать и мучить бедного, чтобы он снял с себя рубаху и отдал богатому“!..

В Киеве у малеванных два дела: первое – пойти в Лавру и вызвать митрополита и архиереев, пусть дадут им ответ: отчего праведным, но бедным людям тяжело на земле жить, а второе дело – подать жалобу генерал-губернатору на духовенство, что оно не учит, а лишь обирает народ, и на полицию, что она притесняет людей, не позволяет им собираться на собрания, бьёт и мучит несправедливо. Затем, они поедут в Казань к отцу своему и богу. Они возьмут его из Казани и будут вместе жить с ним, а если их не пустят в Казань, то они поедут в Петербург к царю, чтобы царь повелел отпустить им Малеванного. Если царь не захочет, чтобы они жили в России, то они с Малеванным уйдут в землю другую, где их с любовью примут.

Малеванные прямо не высказывали, но в отдельных их выражениях, особенно у женщин, сказывалась ещё уверенность в скорой кончине мира. Кажется, малеванные, вместе с остальной массой простого русского народа, перенесли время кончины мира с 1-го ноября на 13-е, объясняя это перенесение не совсем ясным представлением о соответствии счисления западного и восточного календарей...

Трудно с достаточной подробностью изложить все мысли малеванных, которые высказали они перед миссионерами. Ораторствовал, главным образом, сам Лысенко и нужно сказать, что среди той аллегорической галиматии, которой он уснащал свою речь, попадались мысли и, остроумные, и оригинальные. У Лысенка большой дар речи. Говоря, он воодушевляется до самоувлечения, но в тоже время следит за действием своих слов на слушателей и действует при этом как ловкий оратор и полемист. Речь его имеет ритмический склад и не лишена юмора и сарказма. Напр., когда В. М. Скворцов, в ответ на рассуждение Лысенка о том, что богатства должны быть взяты у богатых и отданы бедным, заметил: „так ты хотел бы, чтобы вот эта моя шуба стала твоею“, Лысенко не без иронии ответил: „а разве она ваша? о нет, отец мой работал, и отец отца моего работал и на их труд вы себе шубу пошили“... Во время речи Лысенко кажется совершенно искренним человеком, но, когда он молчит и

слушает, в глазах его светится лукавый огонёк обманщика. При миссионерах в камеру женщин допустили мужчин малеванных. Они были очень обрадованы свиданием и стали ласкать детей, которые в это время с жадностью набросились на купленные полицеймейстером и миссионерами и розданные им конфеты. Личики детей пожелтели от спёртого воздуха камеры, но они на расспросы миссионеров, не скучно ли им и не тянет ли их домой, бессмысленно отвечали: „мы малеванные, мы малеванные, отец наш – малеванный и мы идём к нему“... „Один из миссионеров в это время отвёл Лысенко в сторону и, указав на эту печальную картину женщин и детей, сказал: „грех тебе, Лысенко, это твоё дело, и ты дашь Богу ответ и за этих женщин и за этих детей, которых ты влечёшь на гибель!“ Лысенко смутился, но тотчас же отошёл в сторону, с досадой отмахнувшись рукой.

Беседа миссионеров с малеванными, конечно, не привела ли к каким благим результатам кроме того, что полиция получила необходимые справки об именах и месте жительства сектантов. Она сделала своё дело и через дня три или четыре, малеванных из полицейской камеры перевели в дом арестуемых, а оттуда через несколько дней отправили этапным порядком домой в Сквирский у. По водворении их на месте жительства в Турбовке, их посетил миссионер. Он застал малеванных живущими по-прежнему в одной избе и без работы. Они приняли миссионера очень ласково, так как он передал им ещё в Киеве от одного высокопоставленного лица большую денежную милостыню, но вступить в беседу о вере решительно отказались, указывая на полную бесполезность читать и толковать Писание. Лишь тогда, когда миссионер по одному поводу стал излагать перед ними историю земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, малеванные обнаружили большое внимание и даже просили миссионера продолжать рассказ, когда он прервал его. Миссионер перед уходом попробовал было увещевать их взяться за работы, указывая на грозящий им, в противном случае, голод. Сектанты с азартом стали отвечать: „Зачем нам работать? Работа обрыдла нам и нам глядеть тошно на вашу землю. Не беспокойтесь о нас! Не умерли мы с голоду до сих пор, не умрём и дальше! Вот смотрите, сколько хлеба Господь

нам дал"! Вся полиция действительно, была уставлена прекрасно-испечённым хлебом. Бывший с миссионером сотский объяснил, что этот хлеб доставляют им штундисты-малеванцы. Своего же они давно не имеют, прожив все наличные средства, вырученные от продажи двух изб. Сотский прибавил, что, по бедности, малеванные кроме хлеба ничего не едят. Малеванные подтвердили это. Миссионер заметил, что не мешало бы кроме хлеба иметь кое-что, и до хлеба, напр., слабым и больным детям не мешало бы покупать мясо и молоко. Малеванные на это ответили целым рассуждением о том, что человек не должен употреблять в пищу ничего живого, ни мяса, ни рыбы: „в них душа живая“. Вегетарианство малеванных, очевидно, проистекает не из одной бедности... Во время посещения миссионером малеванных, главных вожаков их: Лысенка с Агафией, Рудчука с Марией Сосновской, Никиты Андриенка и некоторых других, с ними не было и о месте их нахождения миссионеру узнать не удалось.

Через несколько времени после посещения малеванных епархиальным миссионером, посетил их чиновник особых поручений при киевском губернаторе, для производства следствия по поводу подаваемых ими прошений генерал губернатору на полицию и духовенство. Малеванцы всё ещё оставались в прежнем положении, по прежнему не занимались работами и дошли до крайней нищеты, но надежды на скорое изменение своего положения не оставляли. Как и миссионеру, чиновнику не удалось разубедить малеванных в несбыточности их мечтаний.

1-го марта сего года состоялась последняя попытка путём словесных убеждений уговорить малеванных возвратиться к здоровым религиозным и гражданским понятиям. По предложению г. губернатора, епархиальным миссионером была устроена публичная беседа с малеванными. Об этой беседе хлопотали, впрочем, сами малеванные. В прошениях г. генерал-губернатору Лысенко сильно домогался публичной беседы с „миссионерами и духовенством“, высказывая желание доказать на ней (поздним числом), что „все учёные и астрономы ошиблись и столкновения планет 18-го ноября не было.

Беседа состоялась в с. Лучине, в обширном помещении волостного правления в присутствии приходского священника. По распоряжению губернатора, на беседе присутствовали его чиновник особых поручений, местный исправник и становой пристав, и мировой посредник. Из Турбовки пришло человек 15 малеванных, кроме того пришли человек 40 малеванцев из Турбовки и Лучина. Было несколько человек и православных. Из малеванных не было их главного коновода Лысенка, который в это время был, по слухам, на пути в Петербург со своими домогательствами освобождения Малевенного. Не было и Дементия Рудчука, который по причине уже слишком явного своего безумия был помещён, по распоряжению власти, в Кирилловское богоугодное заведение. Со стороны малеванных беседу вели Никита Андриенко да Агафья Рудчук, принявшая, за отсутствием Лысенка, бразды правления в свои руки. Не молчали и другие малеванные, часто даже перебивая друг друга. Со стороны малеванцев больше для того, чтобы оттенить не полное своё согласие с малеванными, говорил один из жителей с. Лучина.

Зная, по многим из предшествовавших своих опытов бесед с малеванными, полную невозможность убедить этих безумцев в том, что они заблуждаются как относительно личности Малевенного, так и относительно своего положения и вернуть их на правый путь, миссионер на сей раз и не ставил таких целей для своей беседы с ними. Для него, в целях блага самих же сектантов, важно было, чтобы присутствовавшим на беседе властям стало ясно до полной очевидности и нехристианский характер религиозных воззрений малеванных, и нигилизм их гражданских понятий и, наконец, полное безумие уже многих из этих сектантов. Здесь вызывалась необходимость не кары законов, ибо душевнобольных карать нельзя, а необходимость самых скорых и самых строгих, если можно так выразиться, мер лечения этих больных. Для блага самих сектантов необходимо принять меры, с одной стороны, предосторожности, чтобы не усилить их и без того болезненную возбуждённость, а с другой – принуждения, чтобы правильным постоянным физическим трудом втянуть их в обыденную крестьянскую жизнь. Ещё лучше

было бы всех их изолировать от остальной крестьянской массы односельчан, в какое-нибудь богоугодное заведение или работный дом, где наряду с принудительными работами было бы сильно благое пастырское воздействие, но это, конечно, наши *pia desideria* (благочестивые желания)...

Беседа началась с вопроса миссионера: для какой цели сектанты желают устройства беседы с ними, о чём они просили г. генерал-губернатора. Ответить взялся один малеванец. „Мы желаем беседы, говорили они, чтобы доказать, что в нашем деле нет ничего худого и что мы потому и отделились от православных, что хотим жить по Божественному закону. А за это на нас нападают. Духовенство возбуждает полицию, а полиция бьёт и мучит нас“... В этом же роде стали высказываться и другие сектанты из малеванцев. Тогда миссионер, прочитывая соответствующие места из св. Писания, выяснил им, что всякие разделения в христианском мире противны Божественному закону, а те люди, которые поселяют ереси и раздоры в обществе, являются противниками Богу и властям от Бога установленным. Миссионеру стали возражать малеванные, наперерыв доказывая, что в настоящее время для них нет нужды читать и выслушивать Писание: его довольно уже читали и людям от того лучше не стало. Время его прошло, оно теперь должно быть внутри человека. „Я съел его“, много раз повторял один из сектантов. Миссионер, в виду таких заявлений сектантов, спросил их: где же находить правила христианской жизни, закон для жизни, чтобы знать людям, что хорошо и что худо, если не читать св. Писания? Малеванные отвечали, что закона теперь для них нет, что закон противен Христу. Некоторые из них указывали на внутренний голос их сердца, на Духа Святого, которого они носят в сердце своём и в плоти своей. Миссионер пробовал было выяснить им истинный смысл и значение св. Писания, как непреложного закона христианской веры и жизни, и для этого прочитывал им некоторые места Писания, но сектанты громко заявляли протесты против такого чтения, говоря, что им противно и надоело уже слушать Писание.

Миссионер поставил дальше вопрос: как же они мыслят, не читая Писания, о Боге и Господе нашем Иисусе Христе? Малеванные сперва замешались было в ответах, но затем один молодой малеванный открыто заявил, что теперь „Бог явился во плоти“, что Бог Отец Кодрат Малеванный, Сын Божий – Иван Лысенко, Дух Святой – Митрофан Мудрик (из Пашковки Киевского у.). Того Христа, в которого веруем мы православные, они не знают, Христом же может быть всякий человек, на кого сошёл Дух Святой. Христами были Моисей и пророки и теперь христов много даже и между православными. „И вы Христос“, говорили малеванные миссионеру. Это исповедание веры или скорее бред сумасшедших кощунников не было нужды, да и тяжело было, продолжать... Впрочем, другая партия сектантов, именно, малеванцы не соглашались с малеванными и настойчиво заявили, что они только одного Малеванного считают за Христа, Спасителя мира, Лысенка же они не согласны признать за Христа, а только за пророка... Миссионер ограничился указанием на пророчество Господа Иисуса Христа о появлении многих лже-христов и предостережение против веры им, указанием направленным для присутствовавших православных слушателей, потому что сектанты решительно не хотели слушать чтения Писания.

По поводу воскресения Господа Иисуса Христа, о чём заговорили сектанты, беседа коснулась вопроса бессмертия души. Малеванные уверены в своём плотском бессмертии. „Верующий не умрёт, но жив будет во веки“, настойчиво повторяли малеванные, доказывая мысль, что они не умрут и по плоти. „Что то за бессмертие, если человек разлучится с телом?“ возражали они миссионеру в ответ на его объяснения приводимого ими изречения св. Писания, в других случаях столь ненавистного им. Бессмертные и по плоти, они думают жить и царствовать с Малеванным в продолжении тысячи лет.

Беседовать о других предметах веры не пришлось, да и не было возможности. К православию, и в частности к священникам православным, сектанты обеих групп на беседе относились с такой ненавистью, какую редко приходится встречать. Беседа непрестанно прерывалась их ругательствами по адресу

православных священников и дерзкими клеветническими нападками на присутствовавшего местного приходского священника, нападками, подтвердить которые, к слову сказать, они не могли ни одним фактом. „Ваши попы – палачи, грабители“, неистово кричали они в ответ на доказательства миссионера в пользу необходимости для христиан пастырей.

Перешли к вопросам гражданского и общественного быта. Малеванные в своих рассуждениях по этим вопросам проявили такой же дикий нигилизм, как и по вопросам религиозным. Никакого гражданского закона они не знают и знать не хотят. „Закон поработил нас полиции, попам, да помещикам“, говорил один из сектантов. Со всех сторон слышались, далее, жалобы на полицию, что она мешает им собираться на их молитвенные собрания, предаёт суду за эти собрания, гоняет по волостям, водворяя на места жительства и т. д. Нападки на полицию и на суд были столь же яростны, как и на духовенство. Когда миссионер указал на то, что полиция в данном случае является слугами царя и закона, Агафия Рудчук, при сочувственных восклицаниях остальных малеванных, прямо заявила: „не нужно нам ни вашего царя, ни вашего закона: у нас есть свой царь“!..

На вопрос миссионера: по каким побуждениям сектанты обменялись жёнами, малеванные отвечали: „прежние браки были заключены по закону, а не по любви, в царстве же Христовом должна существовать свободная любовь: кто кому нравится, с тем тот и живи“. Относительно прекращения работ малеванные так объяснились: „довольно уже мы трудились, пора и отдохнуть, не всё же одним вам пановать!“ Что же касается опасения, что без работ они могут впасть в нищету и голодать, они спокойно заметили: „нас Бог пропитает и это не ваша забота“!..

Беседа продолжалась больше трёх часов. Миссионер закончил её обращением к сектантам слов св. Апостола: „так ли вы несмыслены, что, начавши духом, теперь оканчиваете плотью (Гал.3:3)“, причём указал, что, провозгласивши господство духа, они впали в плотское помрачение, плотских людей обоготворили, плоть признали бессмертной, плотские греховные страсти – духовною любовью, расслабление и покой плоти –

радостью духа, противление земным властям – христианской свободой... Сектанты ушли с беседы с дикими криками и нелестными эпитетами по адресу тех, кто собирает их на беседы. Вообще, как миссионеру, так и присутствовавшим властям, много приходилось иметь христианского терпения, чтобы выносить наглое, бесстыдно-дерзкое поведение по отношению к ним сектантов. Необыкновенная для сёл обстановка публичной беседы и присутствие стольких, высоко стоящих в крестьянском сознании, властей нисколько не действовали на сектантов в дисциплинарном отношении, и они также свободно себя чувствовали и также дерзко выражались по отношению к ним, как и по отношению к простым сельским должностным лицам. Очевидно, мысль о равенстве всех людей и даже своём личном преимуществе в царстве Христовом успела вытравить в душах их свойственную русским крестьянам почтительность к старшим.

Но не это одно производило на присутствовавших на беседе самое удручающее впечатление. Полный нигилизм по отношению к Церкви и государству, какие-то дикие бредни собственного религиозного и гражданского мирозерцания, неистовые нападки на существующий порядок вещей, сами лица сектантов, бледные, измождённые, с воспалёнными глазами, всё это говорило за ненормальное душевное состояние сектантов собеседников, особенно из партии малеванных. Один из них, Никита Андриенко, в своих возражениях миссионеру дошёл до экстаза и стал издавать какое-то бессмысленное подобие словесных звуков, тут же объяснённых его единомышленниками как „дар языков“. Беседа ясно показала, что представляет собой и чем грозит малеванство – это болезненное вырождение штундизма. Многим из православных малеванные в своём экстазе кажутся нечистыми духами и в ответ на их дикие выходки православные часто даже не смеялись, а со страхом озирались и вздыхали, творя крестное знамение. Некоторых штундистов особенно даже образумила крайность малеванских воззрений, проповедуемых Лысенком и его последователями. Так в селе Дедовщине под влиянием общего оживления штундизма и малеванщины с 1898 года оказалось много рецидивистов и почти все штундисты, возвратившиеся было в православие, вновь

открыто перешли в штунду-малеванщину; когда же обнаружилось всё бесстыдство Лысенковой проповеди и когда после неудачного паломничества в Казань ясна стала та пропасть, куда Лысенко влечёт своих последователей, многие из перешедших в штундизм возвратились опять в православие. Приходской священник Дедовщины отлично воспользовался новым движением в малеванщине и в своих церковных проповедях, которые привлекают и штундистов, указал на весь противоестественный и противохристианский характер этого движения. Пять штундистов были уже у исповеди и св. причастия, а остальные умерили свой фанатизм и стали спокойнее.

К сожалению, благоприятные результаты оказались в одной только Дедовщине. До сих пор, т. е. до времени составления этой статьи, не предпринято ещё никаких мер против малеванных. Лысенко со своими сподвижниками свободно шляется из села в село и если не распространяет числа своих последователей (чего, впрочем, трудно ожидать при пропагаторских его способностях), то повсюду сеет свои безумные идеи и растлевает ими сознание крестьян. В этом большая опасность медлительности по отношению к малеванным.

Мы передали историю малеванства в связи с историей малеванщины за последнее время. В том сумбуре идей, которые, поневоле, приходится выдавать за религиозные и общественные воззрения малеванства, многое, и самое главное конечно, осталось от малеванщины, как она проповедовалась самим Кодратом Малеванным, многое является плодом душевного расстроенного состояния малеванных, многое обязано выдумке Лысенка, этого шарлатана по профессии, который морочит сектантов из своих чисто эгоистических побуждений, а многое указывает на связь малеванства с хлыстовством. Тог же бог саваоф, тот же сын божий, богородица и т. д., подменены лишь лица: Даниила Филиппова заменил Кодрад Малеванный, Ивана Сулова – сам Лысенко, Акулину Иванову – Агафья Рудчук и т. д. Здесь тоже не престающее и везде сущее христовство, тоже стремление к воспроизведению в

лицах и событиях евангельской истории, тоже отношение к книгам св. Писания, тоже духовная любовь, тоже отношение к книгам св. Писания, тоже отвращение к животной пище. Лишь хлыстовское душе-переселение изменено в плотское бессмертие и не существует взгляда на деторождение, как на нечто скверное и греховное... Отличается малеванство от хлыстовства ещё тем, что оно не скрывает своего сектантства, а тем более не исполняет, подобно хлыстам, обрядов православной Церкви. Но объясняется это тем, что малеванство вышло из штундизма и в малеванство поступали и поступают почти одни только штундисты, которые ещё раньше, с поступлением в штундизм, открыто порвали уже свою связь с Церковью, тогда как хлысты в других местах России вербуют своих последователей из православных и в целях успешнейшей вербовки и избежания кары закона находят нужным скрывать своё хлыстовство. Малеванные вообще последовательнее хлыстов. Пройдя сквозь горнило штундизма с его социально – политическими тенденциями и затем малеванщины с её вожделениями „нового царства“, т. е. нового порядка вещей, малеванным, последователям Лысенка, не трудно уже было иметь смелость открыто отрицать и на деле отвергнуть и весь христианский православный строй Церкви, и гражданскую власть, и право собственности, весь общественный и семейный порядок, труд, словом, всё, что напоминает им „закон“... Малеванство – это открытое хлыстовство. Оно, поэтому, наглее и бесстыднее хлыстовства обыкновенного, и, хотя с ним легче справиться, чем с тайным хлыстовством, легче локализовать и строгими и настойчиво проводимыми административными мерами задержать его распространение, но оно может много посеять между простым народом плевел своих безумных бредней, которые не всегда могут показаться безумными простому народу, могут привиться и разлечь немало увлекающихся голов...

Лысенко мог познакомиться с подробностями хлыстовского учения во время своего долголетнего бродяжничества по России, но, как дальновидный пропагатор, он решил приноровить хлыстовство к штунде малеванского толка и, таким образом, воссоздал хлыстовство в новой форме с подменённой, согласно

местным штундистским верованиям, генеалогией хлыстовских божеств и пророков. Мы, впрочем, не настаиваем на непременном заимствовании Лысенком своих идей из хлыстовства. Поразительное сходство подробностей малеванства и хлыстовства могло произойти и случайно, или лучше сказать, по той причине, что и русское хлыстовство и малеванство и большинство известных исторических сект в роде гностицизма, богомилства, квакерства и т. п., проистекают из одного общего источника: смешения Бога с миром, духа с материей. Не смотря на своё кажущееся отвращение к миру и плоти и провозглашение духа, как принципа жизни, эти секты признают, что в мировой жизни Бог проявляется своей сущностью и плотские страстные движения, особенно доведённые до состояния бессознательности, они считают существенными проявлениями духа и настоящей духовной жизнью. Вот почему все они величайший христианский догмат воплощения Господа нашего Иисуса Христа одинаково принимают за естественный закон христианской жизни, вот почему все они одинаково превращают в реальную видимость то, о чём говорит Божественное Откровение.

С. Потехин

**Чельцов М. Единоверие за время столетнего
существования его в русской церкви ¹⁹⁹ //**
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 515–520

VI. Внешний рост Единоверия. С. 515–520

Как же внешне росло и увеличивалось в количестве своих членов Единоверие за столетнюю жизнь свою? Ответить на этот вопрос возможно только лишь с приблизительной вероятностью и точностью. Причины тому таковы. Правительственных – официальных сообщений, обнародованных по данному вопросу, имеем далеко недостаточно. До 1837 года таких сообщений не имеется совсем; и только с этого года в отчётах обер-прокуроров начинают даваться упоминания о присоединившихся из раскола к Единоверию, и то далеко не всегда точные и верные. Правда, все сведения об обращениях к Единоверию содержатся в отчётах Синоду по епархиям архиереев и духовных консисторий; но последние совсем неизвестны и продолжают покоиться на полках лишь архивов. Казалось бы, на страницах „Епархиальных Ведомостей“ должно бы найти потребное; но и здесь сведениям об Единоверии уделялось очень мало внимания и то только лишь случайно – по поводу или построения единоверческих храмов, или обращений из раскола в Единоверие; и местная история Единоверия, по отдельным округам или епархиям, есть ещё дело будущего. Это одна сторона дела. Другая не менее, если только не более существенная, трудность к определению роста Единоверия в количестве членов его заключается в том, что почти совсем не имеется сведений об отпадших от Единоверия снова в раскол. А такие отпадения, как всем известно, были и не редко, и не в малом количестве членов. Наконец, не мало было перечислений из Единоверия к Православной церкви. Всё это ведёт к тому, что статистика Единоверия по необходимости должна быть односторонней и, следовательно, не точной. Но всё-таки что же нам известно о росте Единоверия?

В ответ на этот вопрос представим цифровые данные о присоединениях из раскола к Единоверие, – данные, заимствованные нами из отчётов гг. обер-прокуроров Св. Синода. Для более правильного же суждения о симпатиях раскольников к Единоверию, наряду с цифрами присоединившихся из раскола к Единоверию, отметим цифры и

присоединений к Православной Церкви за соответствующие годы. Наперёд же оговоримся, что в цифрах присоединившихся к Православной церкви значатся на ряду с раскольниками и сектанты, которые и доселе продолжают именоваться раскольниками и которые особенно с 80-х годов, в немалом количестве присоединялись к Православной Церкви; этим, быть может, обстоятельством и объясняется сильный перевес обращений из раскола к Православной Церкви сравнительно с присоединениями к Единоверию, начиная с 80-х годов. Данные о количестве присоединений, как сказано, мы имеем только с 1837 года и то с перерывами для некоторых годов. Вот эти сравнительные цифры обращений к Православной Церкви и к Единоверию.

Года	Присоединилось Православной церкви	кПрисоединилось из раскола на правилах Единоверия
1837	6840	10053
1838	7416	12339
1839	7675	11849
1840	10988	5291
1841	6181	8806
1842	10030	7921
1843	7935	10759
1844	5873	6476
1845	4707	5656
1846	4525	4077
1847	3284	3782
1846	4593	4659
1840	4791	2961
1850	4106	2698
1851	4206	2241
1852	8685	6012
1853	3324	2127
1584	3823	7410
1855	3490	8257
1856	3973	3901
1857	5282	5543
1858	3752	2226

1859 2741	5747
1860 2516	2122
1861 2285	3092
1868 200 1693	757
1869 1772	1023
1870 1658	853
1871 1610	998
1872 1697	1203
1873 1497	1277
1874 1638	1252
1875 1813	933
1876 1498	1041
1877 1990	105
1778 1572	1576
1879 1870	1368
1880 1721	776
1881 2116	1179
1882 1720	1771
1883 3049	1409
1884 2665	1989
1885 3091	1301
1886 3167	1279
1888 4266	1464
1889 4483	1828
1890 7217	1845
1891 5862	1800
1892 8423	2250
1893 6959	2048
1894 7343	2639
1895 8231	2480
1896 8196	2441
1897 7612	2831

Приведённые цифровые данные обращений из раскола в Единоверие позволяют нам сделать несколько выводов. Прежде всего они весьма красноречиво говорят, что самое большее количество обращений было в царствование Императора

Николая I. За взятые нами 18 лет из времени его царствования этих обращений почти вдвое было более, чем сколько было их за остальные годы – с 1855 по 1897 включительно: за первое было обращений до 114,116, тогда как в царствование Александра II (за взятые нами 21 год) только 45626, а за остальные 15 лет царствования Александра III и Николая II – 28378. В среднем выводе на каждый взятый нами год обращений было в царствование Николая I – 6339, Александра II – 2172, за последующие царствования – 1892. Такая разница в количестве обращений различных царствований объясняется различными системами отношений к раскольникам правительства и государей. При Николае I, как известно, раскольникам жилось весьма стеснительно, и некоторые их монастыри и молельные насильственно были обращаемы в православные; отсюда, разумеется, и большое количество обращений из раскола. Начиная с царствования Александра II отношения к раскольникам круто изменяются, а соответственно этому падает и цифра обращений в Единоверие, спускаясь с 12339 в 1838 году до 2441 в 1897 году. Не малое влияние на понижение обращений с 50-х годов оказало, конечно, и возникновение австрийского священства: видимая полнота иерархических степеней в нём удержала многих раскольников от присоединения к Единоверию.

Не менее интересен и другой вывод касательно сравнительного отношения обращений из раскола к Единоверию и к Православной Церкви. Именно – за взятые нами годы обращений было при Императоре Николае I – к Православной Церкви 111688 при 6205 в среднем для каждого года и к Единоверию 114116 при 6339 для каждого года; при Александре II – к Православной Церкви 48185 при 2294 в среднем в год и к Единоверию 45626 при 2172 в год при Александре III – к Православной Церкви 81318 при 5421 в год и к Единоверию 28378 при 1892 в год. Как видим, при Императоре Николае I обращений к Единоверию хотя и незначительно, но было больше, чем обращений к Православной Церкви; при Александре II – почти одинаково, хотя с перевесом в сторону обращений к Православной Церкви, а в последние два царствования обращений к Православной Церкви было почти в

три раза более, чем обращений к Единоверию. Правда, как ранее было уже сказано, в количестве обращённых к Православной Церкви значатся и обращённые из сект, которых с восьмидесятих годов бывало не мало; но если треть из всего количества обращений отнесём на счёт обращений из сект, то и тогда обращений к Православной Церкви будет почти вдвое более сравнительно с обращениями к Единоверию. Вывод отсюда ясен. Единоверие среди раскольников не пользуется симпатиями и вниманием преимущественно с Православием Великороссийской Церкви. Этот вывод приложим и к раскольникам даже царствования Николая 1; и тогда обращений к Единоверию настолько незначительно более было, чем обращений к Православной Церкви, что только-что сделанный вывод о том, что Единоверие не пользуется особливими симпатиями среди раскольников, остаётся в своей силе и по отношению к раскольникам времени царствования Николая I. Причин тому много; они кроются и в самом Единоверии, и в особой ожесточённости к нему раскольников, и в неправильном, а иногда прямо-таки оскорбительном для единоверцев, взгляде на него православных и т. под.

Но из этого положения делать заключения в сторону отрицания значения за существованием Единоверия и его полезности для православной церкви, что делают иные, было бы крайней исторической несправедливостью. Уже то одно, что многие из раскольников, хотя бы их было и весьма незначительное количество, в своих обращениях к православной церкви предпочитают Единоверие, ставить Единоверие со стороны его значения и пользы для церкви православной на подобающую ему высоту. Да к тому же в общем количестве цифра обращений к Единоверию за столетний период существования его далеко не незначительна. За взятые нами только 54 года таких обращений было уже почти до 190 тысяч. Отдельных же единоверческих приходских церквей к 1837 году было до 70, к пятидесятым годам их увеличилось до 118, а в 1896-м году их было уже 256. И это количество церквей единоверческих не мало; кроме того, многие из них были обращены в православные храмы с исключением их из списков

единоверческих. Почти каждая епархия может указать у себя по одной, а то и по несколько таковых.

Нельзя не остановиться вниманием на росте единоверческих приходов. Если к 1850 году таких церквей было 118, а за исключением 14²⁰¹, бывших ещё до 1800 г., только 104; то к 1897 г. их возросло уже до 256, т. е. за второе полстолетия их прибавилось в полтора раза более, чем сколько было в первое. Этого увеличения, казалось бы, совершенно нельзя ожидать. Как видели, большое количество присоединений было в царствование Николая I, а за остальное время эти начали сильно уменьшаться; и вдруг одновременно с уменьшением роста Единоверия увеличивается количество единоверческих церквей. Это сопоставление приводит нас к одному важному выводу: Единоверие в последнее полстолетия если уменьшалось в количестве присоединяющихся из раскола, зато внутренне росло, крепло и преуспевало. Всем хорошо известно, что в царствование Николая I-го очень многих раскольников заставляли насильственно записываться в единоверцы. Разумеется, что таковыми они были только по метрическим документам, а на самом деле оставались раскольниками, которым не нужны были приходские храмы, которые продолжали ходить в свои моленные и которые при первой же возможности снова переходили в раскол. Отсюда понятно, что в ежегодных больших количествах насильно обращённых –искренних – бывало мало; отсюда естественны постоянные отпадения от Единоверия в раскол. Стоит только познакомиться с одним лишь указателем дел Архива Св. Синода и хоть немного проштудировать 8-ой т. Истории Министерства Внутренних Дел г. Варадинова, чтобы видеть, как много в 40–60-х годах переходило из Единоверия в раскол. С 70-х годов этих переходов почти не видим. Теперь, если присоединяются к Единоверию, то не по насильственным побуждениям; а поэтому хотя присоединяются и в малом количестве за каждый год, но – с удалением от раскола и с образованием отдельных приходов с своей особой церковью. Значит, малый количественный рост Единоверия за последние десятилетия наряду с большим увеличением единоверческих церквей свидетельствует о том,

что теперь Единоверие вышло из периода принудительных обращений к нему и пошло по пути свободного, убеждённого присоединения к нему из раскола; оно стало не внешне только расти, внутренне не отличаясь от раскола; но и увеличиваясь, хотя и незначительно, в количестве своих членов, оно стало пополняться убеждёнными более или менее и искренними единоверцами.

Итак, что-либо определённое о количественном росте в членах Единоверия сказать нельзя; одно несомненно, что для многих десятков тысяч из раскольников оно сослужило службу родимой матери. Если даже и наполовину из всего количества обращённых к Единоверию было отпадений снова в раскол, и тогда должно признать немалый количественный рост Единоверия и немалую пользу за ним для Церкви Православной. А отпадения были, есть и будут не только от Единоверия, но и от Православной Церкви, как об этом сказано ещё Самим Основателем Церкви, Господом нашим Иисусом Христом.

М. Чельцов

**Скворцов В. Разочарования голодающих в Америке
духобор и фарисейское послание к ним графа Л. Н.
Толстого // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12.
С. 521–542**

В „Миссионерском Обозрении” в своё время сообщалось о выселении в Америку 8 тысяч духобор, так называемой, „постнической партии”.

Поселились духоборы эмигранты в Канаде, в провинции Ассинибоя, в безлюдной и безводной местности, в 40–60 верстах от города Иорктона, образовав 34 деревни, за которыми сектанты сохранили прежние традиционные духоборческие названия – Тамбовка, Спасовка, Воскресенка, и, конечно, пресловутое Терпение, милое сердцу духобор по воспоминаниям о сытой, привольной жизни их предков на Молочных водах в Тавриде, а равно и о славном „духоборческом сионе”, сиротском доме, – служившем резиденцией обоготворяемых ими управителей Калмыковых, где скрыты были и застенки для жестоких пыток и прелести магометова рая – с духоборческими гуриями включительно²⁰².

По поводу духоборческой эмиграции интеллигентными друзьями сектантов в заграничной печати и в русском обществе распространены вздорные ложные сведения, будто бы духобор **изгнало** русское правительство за религиозные убеждения. Мы решительно заявляем, что духоборы ринулись на этот погибельный для них, как увидим мы ниже, путь, по совету всё тех же друзей и по собственному произволению – совершенно **добровольно**, не желая подчиняться требованиям государственных законов и властей, отказываясь и на словах, и на деле от исполнения долга верноподданных Государя и граждан Российской империи: так, духоборы-постники демонстративно уклонялись от несения воинской повинности, отказывались от полицейской и всякой другой службы, от уплаты податей. Они открыто заявляли о непризнании никакой власти в государстве, начиная с Его Величества и о нежелании подчиняться каким бы то ни было распоряжениям местных

властей. Часть духобор, проживавших в Ахалкалакском уезде, Тифлисской губернии, в своей зазорной игре в анархию, зарвалась до массового активного сопротивления личным распоряжениям местного губернатора (кн. Ширвашидзе), причём, во время бунтарской выходки, ополченцы бросали в лицо и спину губернатора призывные билеты и поносили Государя Императора.

После такого возмутительного поступка духоборческой толпы, вызвавшего вмешательство военной силы, губернатор, весьма расположенный вообще к духоборческому населению, – в течение двух недель лично вёл переговоры с духоборами, отчески увещая бунтарей прекратить своё преступное анархическое поведение и лишь только тогда не желавших покоряться законным требованиям начальства решено было изолировать от остального духоборческого населения, чтобы тем сохранить его спокойным и легальным.

И вот летом, 1895 г. около 4 тыс. духобор мятежной партии было расселено по туземным селениям Горийского, Душетского и Тионетского уездов, Тифлис. губ. Здесь расселённые духоборы прожили более 2 лет.

Сектанты скоро же освоились с своим новым положением: они сплотились в большие группы, на арендованных у местных помещиков землях, наняли квартиры или же построили свои довольно удобные полуземлянки, завели чисто коммунистический образ жизни, составив общую кассу, заведывание которой поручено было особым попечителям. Последние всё необходимое для содержания расселённой массы закупали оптом, кроме того карские единоверцы целыми вагонами доставляли им в Тифлис все жизненные продукты, откуда на возах духоборы доставляли провиант по группам. Кроме того, из России (от толстовцев) и заграницы (от квакеров) шли значительные денежные пожертвования. Расселённые ещё в 1897 г. весною, имели нетронутым запасной капитал в 50 тыс. Следовательно, о какой-либо гнетущей нужде тогда не могло быть и речи. Между тем интеллигентные толстовцы всюду кричали и писали о голоде и море якобы замученных русской властью тысяч духобор, за религиозные убеждения совести.

Мы лично обследовали в мае и июне 1897 г. поселения и быт расселённых и решительно заявляем, что не видели ничего похожего даже на ту нужду и бедность, какие ежегодно в весеннюю пору можно встречать среди большинства деревень православного населения малоземельных центральных губерний. У духобор были тогда на лицо все жизненные припасы: столовые организованы были на несколько семей, работы производились также артелями, выручка шла в кассу; лошади табунами ходили на выпасах, помещиков. При этом духоборы и не охотно даже ходили на подённые работы, особенно к помещикам, везде поднимали заработную плату против туземцев, которых вооружали против владельцев, доказывая что лес и земля Божии и платить за это владельцам не следует. На железнодорожные работы расселённые духоборы совсем не хотели идти, рассуждая так, и что де „чугунка вещь вредная“, так, как она нужна главным образом для войны и насилия, а потому де им, духоборам, как истинным христианам, негоже поддерживать то, что облегчает торжество насилия.

Повинностей, конечно, никто из расселённых не платил, местное начальство и не требовало этого.

Если духоборы бедствовали и болели, то от непривычного для них сурового постничества (вегетарианства) и от неупотребления чая. При знойном климате Кахетии употребление сырой воды порождало лихорадки. Но кто же в этом виноват, кроме толстовских законодателей? Новым Кавказским главно-начальствующим князем Голицыным весной 1897 г. было объявлено расселённым, через их депутатов, чтобы они возвращались на свои прежние места, которые оставались не занятыми, где дома и усадьбы были в сохранности. Князь Голицын требовал лишь не бунтовать и жить, как все другие; при этом одно возвращение духоборов в свои насиженные места признавалось уже достаточным ручательством того, что возвращающиеся смирились, и не будут, следовательно, повторять своих анархических поступков.

Нам известно, что этот мудрый призыв нового Кавказского администратора, на первых порах, многих из духобор поколебал и значительная часть из расселённых была склонна

возвратиться, но вредное влияние главарей, распропагандированных и постоянно вдохновляемых интеллигентными толстовцами, удержало массу от этого единственно верного и спасительного в их тогдашнем положении шага.

Интеллигентные вдохновители духоборов личными наездами и посланиями поощряли расселённых постников духоборов продолжать свою пассивную „борьбу с насилием“ т. е. с властью, уверяя, что русское правительство непременно сдастся, и отведёт духоборам где-нибудь свободные земли, и что тогда там-то духоборы вкупе с ними, друзьями, заживут **по-новому**, по своему, на началах „истинного христианства“, во главе с своим обожаемым „вожакой“ Петрушей. Соблазнитель тут добавляли: если же не даст Российское правительство вам свободной земли, то в любом государстве вас примут, как желанных поселенцев. Из туманного разглагольствованья толстовцев, тёмная масса хорошо понимала одно, что их Петруша будет с ними там, где-то в неведомом краю, а в этом заключалось все обаяние толстовских обольщений, вся надежда и радость духобор. Те из расселённых, которые решились вернуться, немедленно подвергались осмеянию, – таким вслед плевали, а при встрече шапок не снимали, (что считается у духоборов самым обидным), отлучали от участия в молении, даже в пище, как изменников. Такие протестанты не могли пропитаться с семьёй сами по себе, раз всё состояние – лошади и скарб вложены были в общинную кассу, не на что было и переезжать, и обзаводиться вновь инвентарём хозяйственным, а потому приходилось с волками жить – по волчьи и выть. Местной власти и миссии церкви необходимо было поддержать колебавшихся и вовремя устранить влияние вредных коноводов.

Однако нашлось около 50 семей, которые всё-таки вернулись в Ахалкалаки на старое пепелище. Остальные, около 3 тысяч, продолжали упорствовать и ожидать обещанного интеллигентными покровителями переселения „из русской халдейской земли в обетованную землю, преизобильную свободой во всём и на всё“. Миссию по приисканию таких земель с воображаемыми благами взяли на себя два главных виновника

толстовско-духоборческого движения – князь Д. А. Хилков и Вл. А. Чертков, напутствуемые самим Львом Николаевичем Толстым.

Что касается той части переселившихся в Америку духобор, которые проживали до самого начала своего выезда за границу на местах осёдлости – в плодороднейших землях Карской области и Елисаветпольской губернии, то эти последние, кроме внутренних анархических мотивов, решительно не имели никаких других побудительных извне, со стороны власти действий, поводов и причин к тому, чтобы оставить своё отечество.

Духоборы эти жили здесь привольно, богато и свободно. Несмотря на то, что они разделяли тот же анархический образ мыслей, что и расселённые, и также постоянно производили дерзкие демонстративные, в отношении к местной власти, выходки и возмутительную игру в анархию, местное начальство решительно не предпринимало никаких насильственных мер стеснения против личной, бытовой и религиозной жизни духоборческой массы. Более мирного содержания отношения к зарвавшейся в массивной борьбе с государственною властью горсти безумцев – сектантов едва ли можно найти ещё в истории подобных движений. По широко-понятому принципу невмешательства во внутреннюю жизнь, в дела совести сектантов, кавказская администрация Карской и Елисаветпольской областей ограничивалась только наблюдением и то весьма слабым и робким, – издали – за происходившим внутренним брожением в недрах мятущейся секты, и ограничивалась лишь взыскиванием в известные сроки должных податей, прибегая иногда и к принудительному порядку; с теми же, кто открыто учинял какое-либо предусмотренное законом преступление, власти поступали строго легально т. е. составляли протоколы и направляли дело в суд, подвергали аресту и тюремному заключению. Все же прочие духоборы постники этих губерний собирались свободно на свои митинги анархические, где велась ожесточённая пропаганда, – беспрепятственно мотали свой лишний скот и всякое другое имущество, в силу отрицания собственности, прощали долги, сжигали оружие, вводили коммунистические начала в жизни и в

работах, засевали поля, собирали хлеб, подвозили продукты целыми вагонами расселённым своим единомышленникам и постоянно самым язвительным образом издевались над местной администрацией.

Благополучно сходили духоборам даже и такие вещи, как сопротивление властям при конной переписи, которой карские духоборы не позволили произвести, – неисполнение в течение 2 лет натуральной дорожной, а также подводной и квартирной повинности для надобностей войск и проч.

Власть терпеливо ждала, что оставшаяся в стороне от толстовского движения, спокойная партия духобор (вторая – Веригинская и Гореловская) в конце концов подавит восстание своим нравственным воздействием и примером. Так оно и было бы, если бы не преступная агитация среди потерявших голову духобор со стороны интеллигентов-толстовцев, лелеявших духоборческое религиозное анархическое движение, как в своём роде беспримерный в истории жизни наших сект эксперимент, – как воплощение безумных мечтаний толстовства на деле, – в жизни целой массы, увлекающиеся, полные болезненной мечтательности головы, хотели испробовать и показать миру на духоборческой массе толстовское Царство Божие на земле, – жизнь на началах непротivления и религиозно-социалистической коммуны, без услуг государственности и цивилизации.

Но вместе с этим действовало здесь и озлобление против правительства, которому сектанты-интеллигенты, хотели „насолить“, постаравшись выпроводить из России тысячи полезных рабочих. Чувства эти разделяли и вожаки духобор, – озлобленные борьбой с судом из-за сиротского дома и с властью из-за ссылки Веригина. Духоборческая тёмная толпа, искони покорная главарям своим, приученная да всё смотреть глазами своих верховодов, слепо отдалась безумному водительству духоборческих „моисеев и ааронов“.

Во главе интеллигентных радетелей, – они же и губители, – духобор стояли сам граф Л. Н. Толстой, кн. Д. А. Хилков, В. Г. Чертков и Комп. Они напрягли все усилия к тому, чтобы как можно скорее вывести этого „нового духоборческого Израиля из российского Египта“.

Чертков и кн. Хилков с несколькими соглядатаями отправились в заморское скитание – на осмотр намеченных за границей земель: Хилкова тянуло в Новый Свет, в страну свободы, а Черткова на острова. Бедный по состоянию Хилков уступил богатому Черткову и решено было водворить духобор на о. Кипре, а главное, – как можно скорей, – пока не раздумали духоборы. Измученные ожиданиями „земли обетованной“, неопределённостью и тяжестью своего социального положения, расселённые духоборы и сами рады были скорее пуститься в путь на новоселье. Хоть гирше, да инаше (*пусть хуже, но иначе*), – отвечали они малорусской поговоркой. Пущен был в ход сохранившийся капитал на ближайшие расходы, Л. Н. Толстой пожертвовал свой гонорар за „Воскресенье“ и сборы к выселению пошли быстро. Правительство русское в свою очередь не воспрепятствовало тому, чтобы эта, надоевшая всем, духоборческая муть и накипь скорее скатилась через эмиграционное движение. И вот первая партия духобор двинулась весной 1898 года в плаванье на зафрахтованных английских пароходах, чтобы осесть на о. Крите.

Но здесь с первых же шагов постигло духобор и „их моисеев и ааронов“ жестокое разочарование и начались те скорби и муки, которые гнетут и теперь этих несчастных сынов России, и не видно этим страданиям ещё и конца. Оказалось, что легкомысленные интеллигентные вожаки духобор пустились в воду, не спросивши броду: местное правительство, при высадке новых переселенцев на остров, потребовало за каждую душу или семью, – хорошо не помним, – около 300 руб., гарантии, прежде чем отвести им земли, что, в общем, составляло громадную сумму, которой, конечно, не оказалось в наличии ни у интеллигентов, ни у духобор. Кое-как уладили вопрос о временном пребывании духобор на острове. Вместе с тем власти предъявили к эмигрантам и другие свои государственные права и их обязанности, которые им были так ненавистны в России. Сюда же присоединился изнурительный зной, лишения в пище и лихорадка. Духоборы страшно начали болеть и умирать, так что в короткое время несчастные расплатились за доверие к легкомысленным вожакам дорогой ценой сотней жизней,

сложивших свои кости на острове Кипре. Хилков и Чертков между собой рассорились. Теперь принялся за дело Хилков и, взяв двух ходоков из духовбор, отправился в Канаду, куда заманили доверчивого князя ловкие агенты эмиграционного комитета канадской железной дороги, всюду шныряющие с своими предложениями.

Осмотр намеченных в Канаде земель производился зимой, а, следовательно, ничего соглядатаи не могли видеть, если бы даже и хотели, относительно почвы и других условий хозяйственного быта.

Два духовбора, сопровождавшие князя, как незнающие языка и условий местной жизни, естественно, были лишь автоматами в руках сиятельного опекуна духовбор, а он действовал, как помрачённый сектант-фанатик, о всём судил с сектантской своей точки зрения, не обращая ровно никакого внимания на местные условия быта и жизни, выбирал наиболее пустынную местность, заботясь главным образом о том, чтобы местность была удалена от городских соблазнов и „тлетворной цивилизации“. Большая мысль была напряжена на заботах о том, чтобы духовборы были возможно более изолированы от всякого стороннего влияния и могли бы сохранить свои, т. е. толстовские, начала жизни, чтобы не соблазнялись никакими другими занятиями, кроме земледелия и скотоводства. Администрации же Канадской железной дороги было на руку заселить те именно свои необозримые пустыни, где никто из здравомыслящих людей никак не хотел оседать, опасаясь погибнуть с голоду и от безработицы.

С той же стремительностью и с не меньшим легкомыслием заключены были самые нелепые предварительные условия и уже не для одних кипрских духовбор, а для всей массы из партии постников Карской и Елисаветпольской губернии. От последних неудача с кипрской колонизацией очевидно была скрыта. И вот весной прошлого года в несколько партий двинулись духовборы-постники с Кавказа, позже из Кипра, опять-таки на зафрахтованных английских пароходах. Одной из партий предводительствовал сын гр. Льва Николаевича Сергей Толстой (бывший земский начальник!). Кроме того, сопровождало

духобор до 20 интеллигентов-толстовцев, ехавших сюда и в качестве просветителей тёмной массы, и устроителей толстовского „Царства Божия“.

С какими чувствами духоборы-эмигранты оставляли свою родную страну и с какими действительными думами вступили они на материк Нового Света, как доставились и устроятся, какова ныне судьба и положение духобор в Канаде, русское читающее общество о всём этом недостаточно осведомлено: всё, что появлялось в печати о духоборческой эмиграции, исходило из-под пера сопровождавших духобор интеллигентных пестунов, которые в первое время на столбцах то „Русских Ведомостей“, то „С.-Петербургских“ много раз показывали либеральный кукиш по адресу русского правительства и общества, – что-де вот мы как ловко и скоро утащили из варварской России духоборов – молодцев и устроили „наше Царство Божие“...

Но одно время хранили зловещее молчание эти бытописатели духоборческой эпопеи. И вот, в начале текущего года резким диссонансом в хвалебном концерте либеральных повествователей о духоборах, раздался впервые протестующий голос из среды самих выселившихся сектантов. Некто духобор Гончаров прислал своим родным в Закавказье письмо, полное отчаяния от тяжёлой участи, какая постигла духобор на новоселье в Новом Свете и просил принять его вновь в Славянку. По его словам, поселившиеся в Канаде духоборы терпят гнетущую бедность, – голод и холод, – сами впрягаются в телеги и сохи, и что земля никуда не годится для земледелия. Читатели наши помнят это письмо, помещённое в „Миссион. Обзор“. Гончаров спасаясь от голода и нужды, бежал из Америки в Закавказье.

Здесь Гончаров своими рассказами лично засвидетельствовал закавказским духоборам об адской жизни в Канаде. По его словам, духоборы должны или как можно скорее переселиться в другие местности, или же погибнуть в борьбе за существование. Этот живой свидетель тяжёлой драмы постигшей духобор-эмигрантов, содействовал успокоению второй партии, также соблазнявшейся было сказками интеллигентных

мечтателей о благах жизни „в стране свободы и всякого довольства“.

Позже мы имели возможность познакомиться с сведениями об Американском житъе – бытъе духобор из другого источника, – от г. Тверского, писателя из либерального лагеря, сотрудника „Вестн. Европы“. Проживая уже много, лет в Америке, он произвёл летом с. г. обстоятельное обследование на месте всех связанных как с переселением духобор, так и с настоящим положением условий жизни их в Канаде.

Достойно внимания, что сведения г. Тверского совершенно совпадают с показаниями духобора Гончарова.

В сведениях этих двух живых и несомненно беспристрастных свидетелей картина жизни духоборов в Канаде представлена крайне мрачно. Земли, на которых они осели в провинции Ассинабоя, и по своим климатическим и геологическим свойствам почти равносильны тундрам нашей якутской области; при этом местность эта с бедной растительностью и плохой водой. Климат так суров, что пшеница не созревает, летом бывают нередко морозы, которые побивают хлеб и овощи; – летом донимает зной и комары, а зимой – суровые холода и пронизывающие сухие ветры. Разведение скотоводства немыслимо для духобор, так как на это нужны деньги и умение ухаживать и сбывать скот, чего у духоборов нет. Внешняя обстановка жизни поселенцев нищенская. Духоборы построили землянки и мазанки, с русскими печами, которые оказались непригодными для местного климата. Среди поселенцев масса заболеваний, особенно ревматизмом и чахоткой; больные не имеют ни лекарств, ни врачей. Работы на стороне достать очень нелегко, благодаря конкуренции и незнанию духоборами местных условий, языка и ремёсел.

Всё привезённое состояние проедено и истрачено на насущные нужды при обзаведении, кроме того уже сделаны значительные долги. Прошлую зиму духоборы существовали, главным образом, на пособие и помощь извне, которая достигла до 50 т. долларов. Грядущую зиму, если не будет такой же щедрой помощи, – несчастным духоборам эмигрантам грозят бедствия страшной голодовки. Местное население относится

недружелюбно к духоборам, как к конкурентам в борьбе за существование, при этом, узнав чудачества непротivления духобор, их не обижают только одни ленивые. Словом, духоборы оказались в новом свете в жалком положении чуть ли не париев и рабов.

„Исследование жизни духобор, – говорит г. Тверской в одном своём откровенном сообщении в Петербург, не оставило во мне ни малейшего сомнения в том, что всё дело велось и руководилось толстовцами, и что сам Гр. Л. Н. Толстой посредством посланий стремится быть их нравственным вождём и доселе. Духоборы связаны и закрепощены самим основательным образом; в их настоящем положении они изолированы от всяких влияний, *кроме толстовских*, могут рассчитывать не умереть с голоду, только благодаря пожертвованиям, идущим из толстовских сфер в Америке, Европе и России, и всякая попытка помочь им, как бы то ни было, встречает со стороны толстовцев самый энергичный отпор... Они, с князем Д. Хилковым во главе, вступили даже в союз с правительством Канадских территорий в Виннипеге, безусловно контролируемом Канадской Тихоокеанской дорогой Canadian Pacific R. R. Co – и всяческими путями, легальными и косвенными, препятствуют идее переселения духоборов в лучшие места, но такие, где их нравственный контроль неизбежно должен будет исчезнуть в самом непродолжительном времени“.

Упорные по характеру, ранее бодрые и самоуверенные духоборы теперь упали духом и впали в апатию, привыкли жить на щедрые подачи со стороны от квакеров и толстовцев, на которые понакуплены и скот, и инвентарь. Интеллигентные просветители мало по малу поразъехались, очевидно, или разочаровавшись в духоборах, или не выдерживая физического гнёта окружающих условий жизни в насаждённом ими в Канадских тундрах „Толстовском Царстве Божьем“. Такова правда духоборческой эпопеи!

Борьба за существование и инстинкт самосохранения, естественно должны отрезвлять более здравомыслящих из духоборческой массы от угара толстовских фантазий, ослабив

слепую приверженность сектантов к анархическим и коммунистическим принципам лже-учения и жизни. Духоборы, при надвинувшейся опасности голода и лишений, понято стали более заботиться о личной собственности, а вот это-то их поведение, очевидно, не нравится интеллигентам просветителям, так как они поспешили донести об этой перемене в них самому Льву Николаевичу... Ему тоже не понравилось, что голодающие духоборы дорожат- собой и семьёй больше, чем другими, забывая, что ведь всё равно „околевать-то“ придётся... Льва Николаевича, по-видимому, даже раздражают „эти грехи и соблазны“ духобор.

Раздражение и скорбь Л. Н. Толстого, по поводу метаморфозы в коммунистической жизни, а, следовательно, и в воззрениях духобор вполне понятны: ведь с духоборческим движением у Л. Н., как ересе-начальника, соединено было так много надежд радужных, такой дорогой ценой всяческих жертв и гибелью стольких жизней стоила возродить и поддержать это движение и вдруг при первом же налёте жизненного шквала созижденная, по точному плану толстовизма, духоборческая храмина оказалась на песце, без прочных устоев и начинает разрушаться в самом основании, – в коммунистической её стороне!.. И вот Лев Николаевич к голодным и изнурённым гнётом разочарования и тяжкими жизненными условиями обращается с укорительным и увещательным посланием, напечатанным и подписанным собственноручно, в Москве 17 февраля прошлого года, (мы имели в руках это послание). Документ этот весьма любопытен для характеристики нынешнего нравственного настроения духобор и „великого человека“, выражаясь словами газетных бюллетеней. Послание это производит впечатление фарисейского разглагольствования упорного в своих заблуждениях фанатика – сытого, гордого крепостника – только в другой – духовной сфере, – „неразумеющего по голодным“ и требующего от рабов слепой покорности его нраву... Вы, мол, хоть умирайте, а нашу барскую волю творите...

В этом характерном послании Лев Николаевич выступает без маски, как истый ересе-учитель и как завзятый коммунар.

Для нас документ этот важен, в качестве нового, очевидного доказательства верности, высказанного нами в печати ещё в 1897 голу глубокого убеждения, что главными виновниками всей духоборческой драмы, с самого её начала и до сего дня, являются интеллигенты толстовцы во главе с самим Львом Николаевичем и что переселение в Америку, – как предсказывали мы тогда – будет новой затяжкой мёртвой петли на шее злополучных духобор. Вот это произведение...

„Любезные братья и сёстры.

Всем нам, исповедующим христианское учение и желающим, чтобы жизнь наша согласовалась с этим учением, надо помогать друг другу. И самая нужная помощь – в том, чтобы указывать друг другу те грехи и соблазны, в которые мы впадаем, не замечая их.

Потому-то и я, прося братьев моих о помощи в тех моих грехах и соблазнах, которых я не вижу, считаю своим долгом указать вам, любезные братья и сёстры, на тот соблазн, которому, как я слышу, поддаются некоторые из вас“.

Но здесь позволительно остановиться и спросить: **а кто ваши, Лев Николаевич, братья?** Известный круг единоплеменников и поклонников, ублажающих ваш гордый дух чуть не ежедневными хвалебными славословиями в газетах, не допускающих на свои столбцы ни одной строчки в обличение ваших грехов и соблазнов?.. Не таково, говорят, теперь настроение умов русского читающего общества... Другими словами, на вас – мода, сезон в области духовного веяния, переживаемого настроением интеллигентным миром... Где-ж свобода слова и убеждений, о которых так горячо ратуют на словах либеральные органы и так узкопартийно поступают на деле? Раболепство русской прессы, особенно провинциальной, доходит до смешного: напр., даже в официальных отчётах о заседаниях миссионерских съездов или духовных обществ редакциями выкидывается всякое слово и упоминание, направленное так или иначе по адресу Льва Николаевича Толстого или толстовской секты, толстовских парадоксов... Если искренни приведённые желания маститого писателя „о помощи ему в его грехах и соблазнах“, то газетная братия плохую услугу

оказывает „великому человеку“, как его теперь величают многочисленные „интервьюеры“. Ведь Лев Николаевич не безгрешный же папа? Но приведённые из послания к многострадальным сектантам слова, гр. Толстого не новое ли лицемерие, понадобившееся для назидания духобор?

Но посмотрим далее, что вещает голодающим духоборам „яснополянский пророк“.

„Вы пострадали и были изгнаны (?), и теперь ещё терпите нужду за то, что захотели вести христианскую (не анархическую ли вернее?) жизнь не на словах, а на деле, – отказались от всякого насилия над ближним, от присяги, от полицейской, от солдатской службы, даже сожгли своё оружие, чтобы не было соблазна защищаться им и, несмотря на все гонения (?), остались верны христианскому (?) учению. Дела ваши стали известны людям, и враги христианского учения смутились, узнав о ваших делах и – то запирали и ссылали вас, то высылали из России, стараясь всеми силами скрыть от людей ваше дело. Сторонники же христианского учения радовались, торжествовали, любили, восхваляли (sic!) вас и старались подражать вам. Дела ваши много содействовали уничтожению царства зла и утверждению людей в христианской истине“.

В приведённых словах послания гр. Л. Толстого, так ясно сквозит неправда, фальшь и лицемерие, что обидно становится за такую нравственную неразборчивость нашего знаменитого писателя, охваченного сектантским фанатизмом, в средствах насаждения и поддержания в тёмной массе своего религиозно-социального лжеучения. Первую неправду сказал здесь Л. Н., что духоборы были якобы **изгнаны** из отечества. Вышеизложенная история переселения их в Америку Льву Николаевичу должна быть известна более, чем кому-либо, так как без его благословения в этом предприятии ничего не делалось его антиподами.

Вторая неправда, что будто бы духоборы страдали и страдают **за осуществление в жизни христианского учения**. Христос учит **воздавать кесарю кесарево** (Мф.22:21). Слово Божие заповедует – **Царя бояться и почитать** (2Пет.2:17), **ибо Царь Божий слуга, тебе же на добро** (Рим.13:4);

совершать молитвы за царя и за всех начальствующих (1Тим.2:1–3), с мятежниками не собираться (Притч.4:21), воздавать всем должное, – кому честь, кому дань (1Тим.2:1–3), начальников не злословить, князя не поносить (Исх.22:28); повиноваться властям предержащим, подати платить (Рим.13:1); – быть покорным всякому человеческому начальству для Господа: Царю-ли, как верховной власти, правителям ли как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро. Такова есть воля Божия (1Пет.2:13), противящиеся сами на себя навлекают осуждение (Рим.13:3).

Духоборы-постники, они же толстовцы, все эти заветы христианского учения поправили.

Если же они и терпели наказания, то за преступления, против законов Божеских и человеческих. „Но какая им похвала“, по слову ап. Петра, когда их наказывали за проступки (1Пер. 2 гл.)? Причём тут христианское учение? Ведь вот сам-то Лев Николаевич, по собственному признанию, брат духобор, и, очевидно, не только разделяет их вредные противоправительственные воззрения, но и одобряет, вдохновляет сектантов, ведёт такую же „христианскую“ жизнь, как и духоборы, однако его никто не гонит, и не преследует, так как законом предусмотренных преступлений он открыто не совершает.

А разве не пустые это фразы – что будто бы **враги христианства** (власти русские) **смутились** от анархических безобразий горсти духобор, старались скрыть (от кого?) их дела (а вот я де, граф Толстой, открыл всё это миру в подпольных листках)?..

И затем, что это – злая шутка над истиной, или обольщение, что будто бы „дела духобор содействовали уничтожению царства зла“? Даже канадская администрация, за короткое время, успела убедиться и заявляет, что духоборы деморализировали местное население, так как развился грабёж на счёт непротивленцев; тоже замечалось и на Кавказе. Кому не ясно, что кроме

увеличения зла и несчастий духоборческая эпопея никому ничего доброго не принесла?

Эта приведённая часть послания весьма важна, как откровенное признание самим гр. Толстым, что духоборы совершали те деяния, которые на языке законов государственных и по здравому смыслу – суть анархические преступления, а равно и признание того, что он, граф и К° „сторонники **этого** учения“, – радовались, торжествовали, любили и восхваляли духобор мятежников, иначе говоря принимали самое живое и деятельное участие в духоборческой злосчастной истории.

Следя далее за посланием, мы находим в нём скорбное признание Л. Н. Толстым того, что духоборы в Канаде действительно начинают выходить из повиновения своим командирам-интеллигентам, – изменяют коммуне и „толстовскому христианству“.

Лев Николаевич смущён этим и горячо убеждает их и впредь оставаться в тумане его лжеучения.

„Теперь же я узнаю, из писем наших друзей о том, что жизнь многих из вас в Канаде такова, что смущены уже сторонники христианского учения, а радуются и торжествуют враги его. Вот они, ваши духоборы, – говорят теперь враги христианства, – как только переехали в Канаду, в свободную страну, так и стали жить так же, как и все люди, так же копят имущество каждый для себя и не только не делятся с братьями, но стараются захватить каждый для себя, как можно больше. Так что всё, что они прежде делали только по приказанию своих главарей, не понимая хорошенько, зачем они это делают.

Любезные братья и сёстры, знаю я и понимаю всю трудность вашего положения в чужой стороне, среди чужих людей, ничего никому не дающих даром, и знаю я, как страшно думать о том, что близкие, слабые семейные люди останутся без средств и помощи. Знаю, как трудно бывает жить в общине и как обидно бывает работать на других, которые не заботливы и тратят приобретённое чужими трудами. Всё это я знаю, но знаю и то, что если вы хотите продолжать жить христианской жизнью и не хотите отречься от всего того, за что пострадали и были изгнаны

из отечества, то вам нельзя жить по-мирски и собирать отдельно для себя и для своей семьи собственность и удерживать её от других людей. Ведь это только нам кажется, что можно быть христианином и иметь собственность и удержать её от других людей, но это невозможно“.

А что если, читая приведённые строки, голодающие духоборы спросят Льва Николаевича так: „учитель благий, ты говоришь нам *нельзя жить по-мирски – нельзя отдельно собирать, удерживать для себя и семьи собственности, а вам, учитель, можно жить по-барски, – припеваючи в своей родовой Ясной Поляне, или в Москве на Хамовниках? – тысячи собирать в корвану²⁰³ для семьи вашей, от продажи *вашей собственности* – изданий?* Ведь вы, учитель, такой же христианин и брат, как и мы, но мы с семьями голодаем, а вы из первых в уезде по богатству имений собственник. Мы слышали, что вы извиняете себя перед своими последователями тем, что де передали все права своей собственности супруге и детям, а сами остались яко наг, яко благ, – но ведь это и мы, тёмные духоборы, можем понять, как фарисейскую уловку, рассчитанную на усыпление совести вашей и на наивность нас и подобных нам, ослеплённых вами, страдальцев за ваше лжеучение. Простите нас, сиятельный наш брат, но мы, простые голодные мужики, теперь начали понимать обман вашего учения и более не хотим слепо повиноваться команде вашей и ваших... Вы говорите, учитель, что знаете, как трудно жить в общие и работать на других. Но позвольте спросить, откуда вы знаете это, не из горького же опыта? – на собственной особе ведь вы никогда не попробовали этих „душеспасительных благ“, хотя бы, напр., в наших Канадских тундрах? Поучительно, чтобы мог ответить на подобные вопросы ясно Полянский моралист голодным мужикам – духоборам; но продолжим цитацию послания.

Стоит людям признать это – и от христианства очень скоро не останется ничего (?) кроме слов, и, к сожалению, не искренних и лицемерных слов. Христос сказал, что нельзя служить Богу и мамоне; одно из двух: или собирать для себя собственность, или жить для Бога. Сначала кажется, что между

отрицанием насилия, отказом от военной службы и признанием собственности нет никакой связи. (**А разве неправда?**). „Мы, христиане, не покланяемся внешним (?) богам, не присягаем, не судим, не убиваем“, – говорят многие из нас (sic), тоже, что мы трудом своим приобретаем собственность не для обогащения, а для обеспечения своих близких, то этим не только не нарушаем учения Христа, но ещё исполняем его, если от избытка своего помогаем именно нищим (**Таков взгляд вселенской Церкви Христовой во все времена христианства был и есть**). Но это не правда?! Ведь собственность значит то, что я считаю своим, я не только не дам (**почему же?**) всякому, кто захочет взять это моё, но и буду защищать это от него. Защищать же от другого то, что считаешь своим, нельзя иначе, как насилием, т. е., в случае нужды (**а если её не будет?**) борьбой, дракой, даже убийством. Если бы не было этих насилий и убийств, то никто бы (?) не мог удержать собственности. Если же мы удерживаем собственность, не делая насилия, то только потому, что собственность наша ограждена угрозой насилия и самим насилием, и убийством, которые совершаются над людьми вокруг нас.

У нас, если мы и не защищаем её, – не отнимают нашу собственность только потому, что думают, что мы так же, как и другие, будем защищать её.

И потому признание собственности есть признание насилия и убийства, и вам незачем было отказываться от военной и полицейской службы, если вы признаёте собственность, которая поддерживается только военной и полицейской службой. Те, которые исправляют военную и полицейскую службу и пользуются собственностью, поступают лучше, чем те, которые отказываются и не несут военной и полицейской службы, а хотят пользоваться собственностью такие люди, сами не служа, хотят для своих выгод пользоваться чужой службой. Христианское учение нельзя брать кусочками: или всё, или ничего. Оно всё неразрывно связано в одно целое. Если человек признаёт себя сыном Божиим, то из этого признания вытекает любовь к ближнему, а из любви к ближнему одинаково следует и отрицание насилия, и присяги, и службы, и собственности.

Всё вышеприведённое рассуждение о собственности производит впечатление *странного софизма*, где извращено и учение Христа, и здравый взгляд на жизнь и обыденные вещи. Почему, спрашивается, нельзя быть христианином и иметь собственность? Христос никогда и нигде в свят. Своём евангелии не отрицает прав человека на собственность. Говоря, что нельзя служить Богу и мамоне, – Христос только предостерегает от пристрастия к материальной стороне жизни, – к земным благам, до забвения единого на потребу, – от увлечения корыстью, скарედностью, до попрания заповедей Божиих, именно предостерегает от *такого греховного, скаредного отношения людей к собственности*, которое рисует гр. Толстой, в своей проповеди духоборам, когда человек не в состоянии расстаться с стяжаниями своими, не отзывчив к нужде неимущего брата, когда за своё он готов, действительно, лезть на драку и насилие. Но ведь не все же собственники такие скареды, как представляет их гр. Толстой!..

Есть и люди добрые, которые без драки и насилия готовы помогать меньшей братии. Однако, как низко и пошло думает Л. Толстой о нравственном состоянии христианского общества и вообще человечества, представляя всех такими любителями чужой собственности, которых только угрозы штыка да наказание суда будто бы удерживают от грабежей!..

Ниже в своём послании Лев Николаевич и сам противоречив только что высказанным доводам, рассуждая уже не просто о собственности, а о *пристрастии к ней*. На этом верном пути мышления взгляды его бесспорно убедительны для читателя, хотя в конце он опять впадает в парадокс, советуя людям – разумным и свободным существам, обратиться к животной жизни птиц небесных... А в конце концов учитель и обличитель духобор забывает и про христианство, и про Царство Божие, и говорит практическим языком собственника и коммуниста – о выгодах и пользе общинной жизни...

„Кроме того, пристрастие к собственности само по себе есть обман, и Христос раскрывает нам его. Он говорит, что человек не должен заботиться о завтрашнем дне, и не потому, что в этом есть какая-нибудь заслуга, и что это велит Бог, а потому, что

такая забота ни к чему не ведёт, что этого нельзя, и что кто будет делать это, тот будет делать глупость, стараясь сделать невозможное. Человеку невозможно обеспечить себя, во-первых, потому, что он смертен, как это показано в евангельской притче о богаче, построившем житницы, и, во-вторых, потому, что никогда нельзя найти предел нужного обеспечения. Насколько времени нужно обеспечить себя? на месяц? на год? ни 10 лет? на 50? обеспечить ли только себя или и своих детей, и своих внуков? и чем обеспечить? едой или и одеждой, и жилищем, и какой едой и каким жилищем? Кто начнёт обеспечивать себя, тот никогда не придёт к концу обеспечивания, а только напрасно погубит свою жизнь, как и сказано: кто захочет сохранить свою жизнь, тот погубит её. Разве мы не видим богачей

живущих бедственно, и бедняков, живущих радостно. Человеку не нужно себя обеспечивать, как и сказал Христос. Он обеспечен раз навсегда Богом: так же, как обеспечены птицы небесные и цветы полевые.

Да, но если так, и люди все не будут работать, не будут пахать, сеять, то все помрут с голода, – говорят обыкновенно те, которые не понимают или не хотят принять учение Христа во всём истинном его значении. Но ведь это только отговорка. Христос не запрещает работать человеку и не только не советует быть праздным, но, напротив, велит всегда работать, но только работать не на себя, а на других. Сказано: сын человеческий пришёл не для того, чтобы ему служили, а для того, чтобы самому служить людям, и трудящийся достоин пропитания. Человек должен работать как можно больше, но только не удерживать себе, не считать своим того, что он сработал, а отдавать другим.

Чтоб вернее всего обеспечить себя, человеку есть одно средство, и это средство то самое, которому учил Христос: как можно больше работать и довольствоваться как можно меньшим. Человек, который будет поступать так, везде и всегда будет обеспечен. Христианское учение нельзя брать кусочками: взять одно и оставить другое. Если люди, приняв учение Христа, отказались от насилия, судов, войны, то они должны отказаться и от собственности, потому что насилие и суды нужны только

для удержания собственности. Если же люди держат собственность, то им необходимо и насилие, и суды, и всё мирское устройство.

Соблазн собственности есть самый тонкий соблазн, вред которого очень хитро скрыт от людей, и поэтому так много христиан претыкались об этот камень (не исключая и вашего сиятельства)!

И потому, дорогие братья и сёстры, устраивая вашу жизнь на чужой стороне, после того, как вы были изгнаны (?) из своего отечества за верность (sic) христианскому учению, я вижу ясно, что вам со всех сторон выгоднее (sic) продолжать жить христианскою жизнью, чем изменить этому, начать жить жизнью мирской. Выгоднее жить и работать сообща со всеми теми, которые захотят жить такой же жизнью, как и вы, чем жить каждому отдельно, собирая только для себя и для своей семьи, не делясь с другими. Выгоднее жить так, во-первых, потому что, не припасая на будущее, вы не будете тратить бесполезно сил на невозможное для смертного человека обеспечение себя и семьи; во-вторых, не будете тратить сил на борьбу с другими, чтобы удержать от ближних каждый своё имущество; в-третьих, потому что без сравнения больше сработаете и приобретёте, работая общиной, чем сколько сработали бы, работая каждый отдельно; в-четвёртых, потому что, живя христианской жизнью, вы, в окружающих вас людях, вместо зависти и недружелюбия, вызовете к себе любовь, уважение и, может быть, и подражание своей жизни; в-шестых, потому что *не погубите (?) того дела, которое вы начали и которым посрамили (?) врагов и порадовали (!) друзей Христа.*

Вот в этом то и вся суть дела: – вы хоть там колевайтесь в своих тундрах, да не подрывайте кредита к теории несопротивления и не огорчайте меня – яснополянского пророка и учителя новой жизни.

„Знаю я, что трудно не иметь ничего своего; трудно быть готовым отдать то, что имеешь и нужно для семьи, всякому просящему; трудно покоряться избранным руководителям, когда кажется, что они неправильно распоряжаются; трудно переносить недостатки друг от друга; трудно воздержаться от

привычек роскоши, мяса, табака, вина. (Какое там вино, мясо, когда люди без хлеба и жилища пропадают)! Знаю, что всё это кажется трудно. Но, любезные братья и сёстры, ведь мы нынче живы, а завтра пойдём к Тому, Кто послал нас в этот мир. Стоит ли из-за того (ведь всё равно умирать надо!), чтобы называть вещи своими и по-своему (да нечем же!) распоряжаться ими, из-за нескольких пудов муки, долларов, шубы, пары волов, из-за того, чтобы не дать неработающим воспользоваться тем, что я сработал, из-за обидного слова, из-за гордости, из-за вкусного куска – идти против Того, Кто послал нас в мир, (не вернее ли того, кто увлёк в Канаду?) и не делать того, чего Он от нас хочет, и что мы можем исполнить только в этой нашей жизни. А хочет Он от нас немного: только того, чтобы мы делали другим то, чего для себя хотим. И хочет Он этого не для себя, а для нас же, потому что, если бы мы только согласились это делать, то всем бы было так хорошо жить на земле, как только можно. Но и теперь, хотя бы весь мир жил противно Его воли, всякому отдельному человеку, понявшему то, зачем он послан в мир, нет расчёта делать ничего иного, как только то, на что он послан.

Мне, старику, стоящему на краю жизни, со стороны ясно видно это; но и вы, дорогие братья и сёстры, если только подумаете спокойно, откинув на время соблазны мира, ясно увидите то же, что всякий человек ничего не потеряет, а со всех сторон только выиграет, если будет жить не для себя, а для исполнения воли Бога. Сказано: „Ищите царства небесного и правды его, а остальное приложится вам“. И всякий человек может испытать, правда ли это, Вы же уже испытали это и знаете, что это правда. А то мы ищем остальное: имущество, мирские сладости, и их не получаем, и царство небесное теряем.

И потому, любезные братья и сёстры, держитесь крепко той жизни, которую вы начали, а то вы напрасно потеряете то, что имели, и не найдёте того, что ищете. Пославший нас в жизнь лучше нас знает, что нам нужно, и вперёд так устроил мир, что человек получает наибольшее благо и в этой жизни, и в будущей, только исполняя не свою волю, а Его.

О том, как именно вы устроитесь в своей общинной жизни, я не смею вам давать советов, зная, что вы, особенно ваши старички, опытни и мудры в этом деле. Знаю только, что всё будет хорошо, если только каждый из вас будет помнить, что он не по своей воле пришёл в мир, а по воле Бога, который послал его в эту короткую жизнь для исполнения воли Его. Воля же Его вся выражена в заповеди о любви. Собирать же собственность отдельно себе и удерживать её от других – значит поступать противно воле Бога и заповеди Его.

Простите.

Брат ваш *Лев Толстой*

В заключение нельзя пройти молчанием того обстоятельства, что эмиграционная агитация толстовцев на духовоборах не окончена, а наоборот, продолжает вестись среди других сектантов. Оказывается, что неудача с канадским поселением духовоборцев далеко не образумила этих своеобразных вождей русского сектантства. Им мало тех тяжких жертв, какие принесла и несёт духовоборческая масса. Рьяные толстовцы заманивают в свою ловушку всё новые и новые жертвы. Так, в Америке летом сего года появились ходоки от закавказских молокан. Прошлой весной до 50 семейств крестьян Харьковской губернии, из последователей кн. Хилкова, поднялись было с своих мест, чтобы „плыть“ в Канаду, и несколько семейств, не смотря на принятые администрацией меры, всё-таки переселилось. В агитационных письмах своих, Хилков и К°. описывали жизнь в Канаде в самом привлекательном для мужиков виде: „земли участок в 53 д. – стоит 20 р. навечно, казённых податей никаких никто не платит, только есть местная подать – два дня работы (барщина?) с каждого владельца участка“. Но тут же сообщается, что пара лошадей стоит 400 р., – волы 240 р. и даются советы „непременно забрать на пароход свои хозяйственные инструменты – соху и борону, лопаты, ибо всё это очень дорого в Америке“.

Это русскую-то соху – матушку вести в Америку!.. практичные советы, нечего сказать!

Наиболее откровенно изложены, в тех же агитационных посланиях к харьковским крестьянам-павловцам побуждения и взгляды толстовских вождей духоборов другим интеллигентом, командующим ныне в Канадском духоборстве, г. Бодянским.

„Я смотрю на переселение в Канаду духобор и других, как на событие в высшей степени важное, пишет Б. одному крестьянину с. Павловки. Это *рождение великого народа* (не смерть ли?) Может быть это слишком много (кажется!) так смотреть, но я смотрю так и не могу иначе смотреть, так как переселение это вызвано не какими-нибудь имущественными соображениями, а единственно только желанием доставить торжество истине, единственно желанием осуществить царство Божие на земле. Бог берёт лозу и пересаживает её на новую почву с тем, чтобы она выросла на свободе, не заглушаемая посторонними растениями и дала обильный плод. Вот так, братья, и нам надо думать! Надо нам думать, что, если мы, по милости Божией, будем возведены (?) в стране, где нет никакого запрета жить по своей совести, и никого насильно не заставляют брать в руки штык, – рог сатаны (sic!), если мы будем водворены в стране свободы и простора для доброй жизни, то это значит, что Бог избирает нас для своего дела, и обязывает нас исполнять это дело больше, чем тех, которые остаются в приневолии“.

К этой откровенной речи, где все мотивы эмиграционной агитации толстовцев так ясны, нечего прибавлять.

Разве только одно можно сказать, не слишком ли уж просто и легко стали уловлять в свою западню бедного русского мужика новые интеллигентные ловчие для своих преступных экспериментов? А затем, не служит ли зловещим знамением нашего времени это какое-то психопатическое увлечение Толстым и систематическое замалчивание и в обществе, и в печати сектантствующего толстовства?

Э. Я.

Добротин Г. Церковно-государственные воззрения митрополита Филарета (Дроздова) на раскол и секты
²⁰⁴ // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 543–551

В предшествующих главах мы определили то, каков с точки зрения м. Филарета, должен быть общий характер воздействия государственной власти на раскол и различные его еретические секты и фракции, как этот общий характер должен видоизменяться в частном своём применении к расколу и его сектам и фракциям сообразно направлению и духу учения последних и в чём находить своё оправдание. Это определение показало вам, что меры государственной власти, направленные против еретиков и раскольников, должны исключать, по Филарету, всякую мысль о возможности предоставления последним права абсолютной индивидуальной религиозной свободы или, что тоже, безграничной свободы в делах веры и совести. Желая видеть в основе вероисповедной политики русского государства применение христианского начала терпимости в делах веры, в то же время Филарет требовал от него, чтобы это начало было умеряемо, ограничиваемо другими началами, началами «справедливости и осторожности». Ограничение раскола и его еретических сект и фракций в правах религиозной свободы вытекает, по мнению Филарета, из признания его вредности в церковном и государственном отношении, но это же самое признание, по его суду, служит достаточным основанием к ограничению правоспособности раскола и его сект и фракций не только религиозной, но и всякой другой политической и гражданской. «Права в православном государстве, говорит Филарет, принадлежат православному христианину и верноподданному. Выступающий из послушания православной церкви, подобно как отступающий от обязанности верноподданства, более или менее теряет права, или подвергает себя ограничению прав, а не приобретает каких-либо прав в своём незаконном положении»²⁰⁵. Собственно говоря, по мнению Филарета, вопрос о правах раскольников не может быть

даже и возбуждаем. Если же вопрос в силу таких или иных обстоятельств и поставлен для решения, в таком случае бывает уместна речь «не о правах наследников, а возможном уменьшении тех в общих правах ограничений, которым раскольники подвергли себя, и подвергнуты законами, выступив из законных отношений к православной церкви»²⁰⁶. Таким образом, вопрос о правах раскольников может быть решён не в том смысле, «чего раскольники могут требовать по праву», а в том, «что государственная власть может дать им по своему духу терпимости и свободолюбия»²⁰⁷.

С точки зрения этих общих принципиальных суждений м. Филарет отрицал некоторые гражданские права раскольников, напр. право семейное или законность раскольнических брачных союзов. С церковной точки зрения брак есть таинство, которое раскольники или вовсе отвергают, или же если и признают, то совершают его вне православной церкви самочинно постановленными священниками, через что, по мнению Филарета, лишают себя и права признания законности его²⁰⁸. Поэтому, когда возник вопрос о признании законности таких союзов между сектаторами со стороны гражданской власти, основанном на праве последней утверждать особыми формами раскольнические брачные союжения без венчания (записью таких случаев в особые полицейские книги), м. Филарет отнёсся, к этому проекту отрицательно. В основе этого проекта была положена та мысль, что совершенное непризнание гражданской властью супружеских между сектаторами союзов, не освящённых венчанием в православной или единоверческой церкви, открывая обширное поле своеволия и ничем несдержанному разгулу страстей, губительно действует на нравы²⁰⁹. М. Филарет соглашался, что эта мысль, если только она справедлива, даст сильное побуждение к признанию таковых браков. Но действительно ли эта мысль справедлива? На этот вопрос м. Филарет отвечает так. «Твёрдость брака, поставляющая преграду разгулу страстей, зависит от религиозного убеждения в святости брака, а не от записи его в обывательскую полицейскую книгу. Брак раскольника, приемлющего священство, совершённый священником,

обязывает его совесть силой закона Божия, и тем поставляет преграду разгулу страстей и охраняет нравы, не смотря на то, признан ли оный или не признан гражданской властью. Брак беспоповца, связанный только волей родителей, или непосвящённого большака, не имеет такого охранительного действия на совесть; а ещё более благоприятствует разгулу страстей совершенное непризнание брака, по учению секты. Итак, не от признания сектаторских браков гражданской властью происходит у них разгул страстей и порча нравов, а от духа самих сект, и гражданский закон о браках не уврачует сего зла, потому что не переменит дух сект»²¹⁰. Признание законности раскольнического брака со стороны гражданской власти поставило бы самую эту власть в противоречие с принципами справедливости и законности, ибо допустить такое признание «значило бы ввести новый неизвестный и противный законам род супружеских сопряжений, непризнанное законами признать, незаконное узаконить, терпимое по нужде обратить в покровительствуемое. Сие послужило бы сильным подкреплением расколу, и произвело бы новые затруднения по отношению к существующим законам»²¹¹. Итак, если с точки зрения церковной раскольнический брак нужно признать незаконным если и гражданское признание законности этого брака не ведёт к той цели, для которой признаётся его законность, а ещё и ставит гражданскую власть в противоречие с справедливостью и законами страны, то, по суду м. Филарета, запись о раскольнических брачных сопряжениях не должна быть делаема не только в церковных метриках²¹², но и в гражданских или в особо назначенных для сей цели полицейских книгах.

Но особенную силу доказательности получает у Филарета мысль о незаконности ведения записи раскольнических браков в полицейских книгах, когда он обращает внимание правительства на те в высшей степени ненормальные, с церковной точки зрения, следствия, которые влечёт за собой сам факт этой записи и его форма. «Супружеские между раскольниками союзы, рассуждает Филарет о форме указанных записей, не освящённые венчанием в церкви, но записанные в особых полицейских книгах, полагается «признать не подлежащими оспариванию».

Последнее выражение должно признать неточным. Кроме того, что такие браки в известных случаях могут быть оспариваемы перед судом церковным, они по необходимости могут подвергнуться оспариванию, если, после записи в полицейских книгах, откроется, что они связаны в очень близком родстве, или, что муж вступил в брак от живой жены и проч. Точнее было бы выражение, что браки, не венчанные в церкви, а только записанные в полицейских книгах, признаются не вполне правильными, однако имеющими силу для пользования правами гражданскими». Сама правильность раскольнических браков, по мнению Филарета, не достаточно гарантирована записью в полицейской книге. Запись не есть надёжное основание правильности. «Сказать неправду в пользу раскола, раскольники или не почитают за грех, или почитают таким грехом, который наставники их легко простят, или очистят несколькими земными поклонами. Итак, явятся к полицейской записи брака свидетели, раскольники скроют, что между женихом и невестой есть близкое родство, или что кто-нибудь из них был в трёх браках и вступает в четвёртый, или что был присоединён к православной церкви: и брак будет признан ко вреду православия и к соблазну православных. Впрочем, здесь легче показать, на какой сомнительный путь вступает законодательство, нежели указать путь несомнительный»²¹³.

Насколько с точки зрения м. Филарета ненормальным явлением по своим следствиям нужно считать признание законность раскольнических брачных союзов, сделанное посредством записи последних в полицейские книги, настолько же ненормальным по своим следствиям, по суду м. Филарета, нужно считать и расторжение таковых браков при помощи гражданской власти. По составленным в проекте правилам, расторжение заявленного раскольнического брака представлялось ведению палат гражданского суда. В приложении этих правил м. Филарет видел многие неудобства. «Пред совестью раскольников, приемлющих священство, говорит Филарет, брак есть церковное таинство точно также, как брак в православной церкви. Чтобы палата гражданская прекратила действие таинства, а отнимала от супружества

благодать и благословение, данные ему таинством, – это есть несообразность, поражающая религиозную мысль и религиозное чувство. Но если сия несообразность войдёт в практику, и вследствие сего распространится мысль, что брак есть такой союз, который может быть уничтожен гражданской властью, подобно контракту, или другому гражданскому акту, то сим подорвано будет уважение к святости брака, и сокрушена будет надежнейшая опора твёрдости и чистоты брачного союза. И сей соблазн будет угрожать не только раскольникам, но и православным, особенно при распространяющейся уже ныне слабости нравов. В бракоразводных делах встретится нужда принять в соображение и церковные правила. Но это, по свойству церковного законодательства, не так удобно для гражданской власти, как применять к делу статью Свода Законов. Дабы, хотя отчасти, устранить показанные неудобства, не было ли возможно предположенное правило о гражданском расторжении раскольнических браков заменить следующим образом? 1) Дела о преступлениях раскольников против твёрдости и чистоты супружеских союзов подлежат ведению палаты гражданского суда; 2) если в сих делах встретятся случаи, требующие применения церковных законов, то палата сносится с православным духовным начальством, како церковный закон должен быть применён к представившемуся в деле случаю; 3) если духовное начальство объявит, что представившийся случай ведёт к расторжению брака, то палата объявляет брак уничтоженным»²¹⁴. Если, с точки зрения духовной, по суду м. Филарета, раскольнические брачные сожития нужно признать незаконными союзами, то естественно, что в его глазах должны были быть признаны незаконными же, как жёны, состоящие в таких союзах, или супружествах, так и дети, прижитые в них²¹⁵. Поэтому, если духовенству не свойственно вести запись браков, которые перед взором церковным неправильны²¹⁶, то в существе дела не следовало вносить в церковные метрики и запись о рождении детей раскольнических²¹⁷, а предоставить это дело гражданскому начальству, ибо такое внесение записи о рождении детей раскольнических не соответствует назначению церковных

метрик. «Назначение церковных метрик, говорит Филарет, и церковная в них потребность, состоит в том, чтобы православная церковь верно знала своих чад, усыновлённых ей крещением, и потому правильно и без-сомнительно могла преподавать им следующие потом таинству. Из сего очевидно, продолжает Филарет, что священник обязан записывать только православных, крещённых в церкви, а раскольнических не обязан». Но это. по Филарету, только одна сторона дела, которую, по её существенности, решительно подлежало бы взять во внимание, если бы и на противоположной стороне не представлялось обстоятельств, имеющих право на уважение. Первой побудительной причиной к записи в церковные метрики рождений детей раскольников служит то обстоятельство, «что крещение, и раскольниками совершаемое во имя Пресвятыя Троицы, имеет свою силу в православной церкви»²¹⁸. Второй такой же причиной нужно считать важное практическое значение этих метрик для государства. «Церковные метрики имеют немаловажное значение в гражданском и государственном управлении и употребление для ежегодной численности народа, так как ревизии редки, для поверки самих ревизий, для удостоверения о принадлежности людей к состояниям, для определения возраста ко вступлению в права совершеннолетия и к исполнению повинности рекрутской. Приятно помыслить, что церковь приносит сие служение государству безвозмездно, полагая на своих служителей бремя сие и довольно трудную ответственность. При усердии к пользе общей нет причины желать государству собственных всенародных метрик»²¹⁹: ибо для ведения их «потребуется увеличение канцелярий полицейских управлений и становых приставов и, следовательно, особые издержки от казны»²²⁰; такие метрики «были бы затруднительны для народа»²²¹. По правилам, составленным для этих метрик, «о каждом случае рождения в деревне, заявитель и два свидетеля должны взять от сельского управления удостоверение о своей личности, и потом идти к становому приставу, нередко за 20 и более вёрст, и, если он в отсутствии по службе, ждать его, не зная, долго-ли; или возвратиться, не зная, когда благонадёжнее прийти опять»²²².

Наконец, гражданские метрики «едва ли достигли бы не только высшей, но и такой степени верности, какой при дисциплине иерархической достигают метрики церковные»²²³, ибо «трудно ожидать, чтобы записи заявлений были верны»²²⁴. Верность же и сохранность записей в церковных метриках, обеспечивается тем, что за оные отвечает приходский священник с тремя, или, по крайней мере, двумя другими членами причта, что за исправностью сих записей, дважды в год, надзирает благочинный; что по окончании года один экземпляр сих записей остаётся в церкви, а другой представляется в консисторию или духовное правление, где контролируется, даёт статистические таблицы и хранится»²²⁵. Третье побудительной причиной к записи в церковные метрики рождений детей раскольнических служит то обстоятельство, что «раскольники не признаются в государстве особым законным сословием», значит, «не можно сделать особого учреждения для раскольнических метрик, ибо такое учреждение было бы признанием раскольников, как особого сословия в государстве»²²⁶. Последние две причины к записи рождений детей раскольников в церковных метриках служат достаточным основанием, по мнению Филарета, и для внесения в эти метрики записи о случаях смерти раскольников. Относительно же самого способа и формы записей событий рождения и смерти раскольников, по мнению Филарета, можно было бы постановить следующие правила. 1) «Запись рождения и смерти раскольников ведётся приходскими, по месту жительства их, причтами, по одинаковой с метрическими книгами православных форм, в виде отдельного прибавления к оным. 2) Заявление о сих событиях причту делается при двух свидетелях, или, в сёлах, при члене сельского управления, которые и подписывают запись вместе с причтом. 3) О рождаемых объявляется: в браке или вне брака рождены, под ответственностью свидетелей за верность его показания. Причт же не входит в дознание о законности брака. Если впоследствии понадобится удостоверение о законно-рожденности, тогда можно будет утвердиться на полицейской записи брака родителей. 4) Об умершем объявляется, в каких летах он умер, естественной ли смертью, и, если знают, от какой болезни. Такой порядок

имел бы следующие преимущества: 1) Заявителю рождения и смерти и свидетелям, в наибольшем числе случаев, ближе и удобнее дойти до сельского приходского священника, нежели до станового пристава. 2) Из одного источника удобнее, нежели из разных почерпать нужные сведения, справки и счёт людей. 3) Священник получает случай соприкасаться к раскольникам, чтобы дружелюбным и доброжелательным обращением с раскольниками приобретать их благорасположение, и открывать путь к религиозному с ними собеседованию, вместо того, что теперь раскольники, по наущению своих наставников, не принимают священников в свои дома, и священники не находят случаев войти с ними в сношение²²⁷.

Отрицая в расколе право семейное, м. Филарет высказывался также против допущения раскольников в иконописные цеха. И при запрещении заниматься иконописанием, раскольники не оставляют этого ремесла; «а получив на сие право законом, с большей силой будут распространять свои произведения, вредные для православия и для самого искусства. Они не учатся иконописанию по правилам, не пишут иконы со старых очерков, которые имеют в большом числе, и производят изображения неправильные, нередко безобразные, основанные на ложных преданиях. Уже и теперь при написании или поновлении икон в православных церквях, они усиливаются, при благоприятстве некоторых прихожан, распространять на иконах двуперстие крестного знамения; и священникам трудно сохранять неизменными иконы, свидетельствующие в пользу православия. При усилении раскольнических иконописцев, дело может доходить до того, что в некоторых церквях все иконы получают раскольнический вид и сделаются наглядным доказательством в пользу раскола, к соращению православных»²²⁸.

Раскольникам, по мнению Филарета, нельзя предоставить также права учреждать свои собственные школы. «Такое учреждение приближается к признанию сословности раскольников и ведёт к усилению сепаратизма их, тогда как для государства полезнее, чтобы сепаратизм их уменьшался и не производил трещины в общественном единстве»²²⁹. Равным

образом м. Филарет отрицал право раскольников посылать своих детей в общие училища без обязательного для них обучения Закону Божию. «Если раскольнический сын в училище совсем не будет думать о Законе Божиим, а в родительском доме будет находить только одно невежество и, может быть, недобрый пример, то, что будет с его религией»? Поэтому дети раскольников тогда только могут быть допущены в общие училища, когда они, отказываясь слушать весь курс Закона Божия, по крайней мере дадут обязательство «изучать символ веры, молитву Господню и десять заповедей, употребляя, если хотят, старопечатные книги».

Г. Добротин

Из миссионерских летописей, дневников и записок //
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 552–573

Попов К., свящ. Миссионерское подвижничество на пользу Православия мирянина простеца. С. 552–564

Есть в среде простого народа такие бескорыстные труженики на пользу православия, которые, несмотря ни на какие лишения, трудятся, защищая св. церковь по мере своего разумения. Это – ничтожные, слабые люди по внешности, но крепкие и твёрдые духом, сильные верой и преданностью св. церкви. Говоря это, мы разумеем одного крестьянина, который с сумкой за плечами, пешком, ходя из одной губернии в другую, в качестве чернорабочего, сталкивался с сектантами, входил в общение с ними и беседовал об истинах веры православной. Правда, это были бесхитростные беседы, беседы простеца с простецами, беседы, ведшиеся в кругу сектантов, домашним путём; но кто усомнится, чтобы подобные беседы проходили не бесследно и не оставляли за собой известной доли пользы. Из рассказа этого доброго крестьянина, радетеля о св. церкви, видно, что своими беседами он многих и многих лиц из православных удержал от перехода в сектантство и на многих сектантов имел влияние своими беседами. Что если бы, подобно ему, у нас, в православии, было побольше таких лиц! К сожалению, наши православные, не только низший слой населения, но и высший, так называемый, интеллигентный класс, равнодушно или, по крайней мере, безучастно относятся к делу защиты своей православной веры перед сектантами и раскольниками, одни вследствие своего невежества, другие по холодности к самой церкви. Сектант, раскольник, вкривь и вкось натолковавшийся и изучивший тонкости своей веры, энергично везде и всюду толкует, и защищает мнимую правоту своего учения, а наш православный, в большинстве случаев, только слушает его и дивится знанию и начитанности сектанта. Православный всецело предоставляет дело борьбы с сектантством своему духовенству и миссионерам, тогда как у сектантов каждый член их общины – своего рода миссионер. Иной мало знает даже, совсем безграмотный, говорит только по памяти, со слов других лиц, но он неумолкаемо ратует за свою веру, хвалит и отстаивает её

перед православными, тогда как последний молчит и молчит. С этой стороны ревность о православии указанного крестьянина весьма ценна и редкостна.

Этот ревнитель по православной вере из крестьян Пензенской губернии, села Ильмень, ну хоть назовём Михаил Васильев Зацепин²³⁰, бедняк, 33-х лет от роду, семейный, кроткого спокойного характера, тихий, скромный. Из разговора с ним я узнал, что прошлое его преисполнено страшной бедности, нищеты и горечи, и только лет 5 тому назад он перестал ходить на чёрные работы и поступил на должность с приличным окладом жалованья.

– Слава Богу, сказал я ему на это.

– Да, хорошо пока живётся, ответил он. только скучаю, что не приходится мне беседовать с сектантами. Иной раз тоска даже забирает. Поговорил бы, да нельзя – хозяйское дело. Пойдёшь ино время на базар, встретишь сектантов, затолкуешься, а хозяин выговор. –Твоё ли это дело, говорит, заниматься беседами: на то попы да миссионеры поставлены, они и должны толковать. А я привык к этому уже.

– Что же ты с сектантами больше любишь беседовать или с раскольниками?

– Нет; раскольники мне как-то не по нутру, а вот с сектантами – вся любовь к этому.

Тут Зацепин вынул свои памятные записки, евангелие с подчёркнутыми местами против сектантского учения и показал мне. – У меня дома много книг из святоотеческого писания, добавил он, да читать то все приходится потихоньку от хозяина и урывками.

Грудным ребёнком оставшийся после смерти матери, перенёсший всё горе сиротства в бедной семье, случайно обученный грамоте, Зацепин 16 лет отправился в Саратовскую губернию добывать себе кусок хлеба. В этих поисках он нанялся в работники к православному крестьянину Дмитрию Матвееву. Этот был человек зажиточный, умный, трезвый, и любил Михайлу за его кроткий характер, прилежную работу и за то, что он был грамотный. Сам Матвеев не умел читать, но любил слушать чтение слова Божия. Поэтому вечерами, по окончании

работ, Матвеев обычно заставлял Михайлу читать ему евангелие. Занятие это для Михайла было весьма по душе, он любил и увлёкся им так, что до глубокой ночи просиживал с стариком хозяином.

У Матвеева были родственники молокане, которых в селе было очень много; они постоянно ходили к нему, приводили своих начётчиков, читали и толковали ему евангелие с целью привлечь его в молоканское общество; но Матвеев упирался, держался церкви, спорил с сектантами, как мог, и не переходил к молоканам. Это раздражало молоканских начётчиков, и они усилили свою миссию.

– Послушай, старик, слова Божия, говорили они Матвееву, и ты сам увидишь, что твоя видимая церковь ничто иное, как вавилонская блудница, капище идолов. Если бы она была истинная Христова церковь, разве мы отстали бы от вашей братии? Посмотри на своего попа, чего ты слыхал от него поучительного! Приходил ли он к тебе, как вот мы пришли с евангелием, и желаем спасения твоей душе. Никогда ни к кому он не пойдёт и не ходил. Его дело – отслужил поскорее службу, собрал деньги и доволен. Если же и придёт к кому в дом, то опять-таки ради корысти своей, чтобы сделать для вас гребу, взять деньги и домой. Нешто это пастыри! Это волки, которые дерут своих овец, не жалея их духовной жизни. Им только деньги ваши нужны, а не души ваши. Мы вот пришли к тебе по духовной любви, денег с тебя не просим, предлагаем тебе слово Божие даром, потому нам жаль тебя, что ты хороший, умный, трезвый человек, а погибаешь в своей братии. Какие это христиане! Пьянствуют, воруют, обижают один другого.

Для любознательного Михайла, пришедшего из православного села, такие речи молокан были новостью. Он с жадностью слушал их и старался проверять их слова священным писанием. „Люто толкуют они, дедушка, нам, говорил рассудительный Михайла старику: сразу бросаться в их веру не приходится, надо читать и проверять их брань на нашу церкву”. И снова они принимались с стариком читать Библию, рассуждать о прочитанном и проводить целые ночи за книгой. Старый и молодой, два искателя истины, одиноко чувствовали

себя между целой партией сектантов. Священником в это время в селе был такой человек, который любил выпивать водочку и на сектантство решительно не обращал никакого внимания, считая беседы с ними пустым делом. Он даже не доносил о нём своему начальству, не требовал к себе миссионера и почему-то прикрывал сектантов. – Зачем беспокоить начальство! говорил он: кабы всё село были сектанты, а то нашлись дураки и безумствуют.

Между тем сектантство в приходе энергично вело своё дело и пропагандировало своё учение между православными.

Видя упорство Матвеева и подозревая влияние на него со стороны молодого его работника, сектанты постарались сосредоточить своё внимание и на этом, с целью подрвать влияние его на нужного им богача. Сектанты стали просить Михайлу и старика посетить их собрание. „Худого мы ничего не делаем, читаем слово Божие, обсуждаем его в мире, любви, без спора, отчего же вам не прийти”, говорили сектанты. Писание так повелевает: „вся испытующе доброе содержите”. Михаилу понравилось это слово и, находясь под влиянием любезного приглашения сектантов, он уговорил старика сходить с ним в собрание молокан. Всё общество молокан приняло их с почётом и в высшей степени радушно, любезно. Михаилу предоставлена быть честь сесть на первом месте за столом и читать евангелие. „Ты мастер читать-то, заметили старики. Твоему чтению мы всегда завидуем и сожалеем, что ты не с нами, Михаил Васильич. Какой бы ты человек-то был между нами”. Михаилу польстило это слово, равно и название его „Михаил Васильич”. Это последнее ласкательное и почтительное к его ничтожной особе слово он услышал ещё впервые и только от сектантов, почтенных по возрасту и положению лиц в обществе. Нищий батрак, которого обычно звали „Мишка” по селу, и обзывали „голопузым”, а тут, на стороне, вдруг такой почёт ему и уважение от целого общества. Для простого мужика подобное внимание имеет огромное значение, тем более для молодого парня, каким был Михаил.

Когда Михаил уселся за стол и взял евангелие, ему велели читать по стихам и на каждом стихе иметь остановку.

Прочитанный стих тотчас же объяснялся, каковая честь толкования была предоставлена дедушке Матвею, одному из старших членов общества. Матвей толковал писание властно, самоуверенно, бойко, очевидно, что всё это ему приходилось толковать не в первый раз. На этот раз речь была об иконах. Молокане страшно хулили священные изображения, называя их идолами, кумиром, мерзостью. Эта хула молокан на св. изображения сильно и неприятно подействовала на молодого человека. Он впервые слышал ещё такое непочтение и ругательство на св. иконы, которые с малолетства привык чтить и преклоняться пред ними. Михаил не вытерпел и вступил в спор с молоканскими наставниками.

– Изображение Бога должно быть в душе, а не наружи, отвечали молокане. В себе, внутри рисуй Бога-то, а не на доске, как это делают идолопоклонники. Им только нужен видимый Бог-то, а не нам, христианам, которые должны духовными очами лицезреть Его.

– Тогда и закон Бога должен быть написан внутри, на сердце, а не в книге, видимой всеми.

– У нас так и есть. Мишенька. В сердце у нас весь закон состоит, а всякую видимую вещь мы отвергаем и не почитаем за Бога.

– А Евангелие принимаете?

– Как же! Всё упование наше на нём состоит, других книг мы не почитаем, а евангелие...

– И целуете его?

– Лобызаем, как слова Бога.

– Как же это вы на лик Бога плюёте, ругаете Его всячески, а слова Его целуете.

– Ишь ты куда гнёт! Это, Михаил Васильич, другое дело. О писании прямо сказано: „испытайте писания, ибо вы имеете в нём живот вечный”, а изображать Бога в красках запрещено.

– Это одно и тоже: в Евангелии Бог описан чернилами, а на иконах красками.

Эта беседа затянулась надолго. По окончании её хозяин дома пригласил собрание в другую половину дома, где

предложил чай и закуску и тут же познакомил Михаила со своей дочерью.

– Вот тебе, Михаил Васильевич, и невеста готова, сказали старики. Переходи скорее, сейчас же и запируем у тебя.

– Что же, я не прочь отдать свою дочку за доброго человека. Как ты думаешь, Михаил Васильевич, об этом? сказал отец невесты.

Михаил покраснел и растерялся.

Собрания молокан понравились Михаилу, и он стал посещать их. Но старику Матвееву собрания эти пришлись не по душе и он отказался сопровождать Михаила. Последнему понравилось спорить с сектантами и разбивать их доводы по силе своего знания и начитанности. Это повело к тому, что Михаил стал ещё более читать Библию, подчёркивать в ней обличительные места молокан и готовиться к каждому собранию, как к диспуту. Незаметно для самого себя, он вошёл во вкус этих споров и так свyksя с ними, что они стали потребностью для него.

Прошло несколько собраний, на которых Михаил спорил с сектантами о разных пунктах вероучения. Толковали: о крещении водой, о причащении, о покаянии, о молитве за умерших и пр., и пр., и Михаил с каждым разом убеждался в неправоте сектантов, их ложном толковании священного писания, и выходил победителем. Это раздражало сектантов, но они сдерживали себя, надеясь так или иначе привлечь его на свою сторону. Борис Максимов, в доме которого происходили собрания, обычно поил его чаем, угощал сладостями и сближал с своей дочерью. Михаил очень понравился ему, и он всячески стремился к тому, чтобы привязать к себе Михаила. – „Переходи, Миша, в нашу веру; мы будем тебя любить, как родного. Ни в чём ты не узнаешь нужды. На руках будем носить за твоё знание и постоянство жизни”, увещевал его Борис Максимов. Но никакие увещания не действовали на молодого юношу: о невесте он не думал, богатство презирал, и крепко стоял за православную веру, защищая её перед молоканами твёрдо, мужественно. Однажды, а это было спустя более полугода, Михаил особенно разбил сектантов в собрании, так что они

должны были замолчать, тогда поднялся старик – коновод и громко произнёс: „да что мы дались ему, щенку проклятому! К нам он не переходит, а только одну канитель ведёт. Выгнать его вон! Нас учить нечего; мы своё учение твёрдо заучили и каждому можем отпор отдать. Он должен от нас поучаться, а не мы у него”.

– Это правда! согласились другие. Будет с ним мучиться-то. Дураку што ни лей на голову масла, а он всё за дёготь почтёт.

Тотчас вся толпа молокан кинулась на Михаила, вырвала у него „Библию” и начала пинками и колотушками выгонять его из дома²³¹.

– Пойдите, старики! Кричал Михаил. Я ведь от писания обнажаю ваше ложное толкование.

– Не надо нам твоего писания! Вон отсюда! Ступай! ступай отсюда! Ишь ты, наглец! Мы думали, что ты в нашу веру перейдёшь, а он только спорит.

– Если ещё придёшь, крикнул кто-то вдогонку Михаилу: кишки выдавлю; язык оторву за твоё богохульство. На-ко, учитель какой объявился... Я те покажу.

Встревоженный, побитый вернулся Михаил к хозяину и передал ему финал своих бесед с сектантами.

– Брось их, Миша, а то они – злобный народ. Чего доброго, и боль причинят. Я знаю их...

На этом порвались у Михаила сношения с сектантами. Старик Матвеев, благодаря Михаилу, остался твёрдым православию.

После этого Михаил стал посещать собрания односельцев – раскольников беспоповцев, которых тоже было в селе много. Послушав он их учение раз–два, в третье собрание он вступил с ними в спор и начал опровергать их учение. Часа 3 беспоповцы и слушали, и спорили с ним, затем разом опрокинулись на него, обозвали его еретиком и вытолкали из моленной в шею. – „Не даром тебя молокане-то вытолкали, кричали раскольники: ты только мутить ходишь по обществам-то. Твоего учения нам не надо, а слушай, что мы тебе говорим”.

Отброшенный сектантами и раскольниками, Михаил стал посещать церковные службы, свёл знакомство с православными

прихожанами, которые сообщили ему, что они, по примеру молокан, имеют свои собрания в доме с целью отвлечь народ от пьянства. Михаилу понравилось это, и он стал посещать их. Собрание происходило вечером под праздник и на самый праздник после обеда и литургии. На этих собраниях читали слово Божие, пели церковные стихиры и стихи по книжке издания Киево-Печерской Лавры, напр. „Гора Афон” и пр. Писание толковалось в духе православной церкви. Михаил, посещая собрания православных, внёс с собой в них полемику против сектантства. В собрании стали рассматриваться мнения сектантов; Михаил рассказывал православным, как смотрят сектанты на тот или другой вопрос веры, какие приводят доказательства в защиту своего учения и чем он побеждал их. такие рассуждения Михаила с православными были в высшей степени полезными для последних, но об этом узнали молокане и решили выгнать Михаила из своего села, как вредного человека. Они попросили урядника и последний, конечно, преизлихо задобрённый ими, предложил Михаилу убраться вон из села, под угрозой ареста его, как возмутителя общества. Михаил испугался и ушёл домой, на свою родину. Последнее обстоятельство убедило его, насколько злы и мстительны сектанты, насколько они наглы, лживы в своих поступках; выдавая себя людьми благочестивыми, смиренными, они поступают притворно, не искренно и в других случаях всегда готовы придавить и всячески оскорбить человека, который осмеливается возражать им и не следовать их учению.

Прожив среди молокан около года, Михаил хорошо изучил их быт, верование, их обычаи; подметил и то, что сектанты твёрдо знают своё учение и каждый вопрос у них изучен и истолкован до подробностей. Этого мало, каждый член молоканского общества, мужчина и женщина, грамотный и безграмотный, много изучил на память текстов священного писания, которыми и сыпет тут же, при первой встрече с новым человеком. „Послание Иеремии”, – „Нагорную проповедь И. Христа” и др. многие сектанты читали наизусть. Это заставило Михаила и самого подтянуться и также основательнее изучить

учение Православной церкви, священное писание и предание св. отцов церкви.

Не долго Михаил жил на родине, нужда снова заставила его идти на заработок. И снова пошёл он с „мешочком” и „пешочком”, заходя по дороге в раскольнические сёла и, при возможности, останавливаясь на квартире у кого-нибудь из раскольников или сектантов. Такие походы Михаил совершал ежегодно. Великим постом он выходил из дома, а к Николе или Рождеству Христову возвращался домой в своё с. Ильмень. Шёл он иногда в партии бурлаков, иногда совершенно один, с палкой в руке. Случалось, в дороге, что пустят Михаила ночевать, откроется беседа, Михаил начнёт возражать сектантам, доведёт их до безмолвия, сектанты вспылят, обругают его, даже поколотят и вытолкают в полночь на улицу. И пойдёт Михаил с окна на окно проситься на новую ночёвку. Однажды Михаил пришёл в с. Сарма, Самарской губ., Николаев, у., и нанялся работником к православному крестьянину. В Сарме оказались раскольники – беглопоповцы, большинство коих жило в соседнем с. Березовке. Михаил не утерпел, и вошёл в сношения с раскольниками. Раскольники приняли его радушно и предложили ему перейти в их веру. Приискали ему и невесту с богатым приданым, но Михаил отказался, заявив, что он не может сменить своей веры ради женитьбы и денег. – Какая у тебя вера! говорили раскольники. Кабы у тебя вера была настоящая, истовая, Христова, так не служил бы ты в работниках. Смотри, как у нас все живут в достатке и довольстве. Разве это не Господь посылает нам за нашу веру? А вы треплетесь в нужде”... – Татары, жида и др. иноверцы тоже живут богато, ответил Михаил, – ужели и они исповедуют правую веру? – „Эк куда хватил! Те пропащие люди, на манер собаки. О тех нечестивых и говорить нечего”. – Правая вера познаётся от писания, а не от богатства живущих лиц, сказал Михаил. – „Дурак ты! Тебе добра желают, а ты брыкаешься. Зажил бы своим домом, был бы хозяином и всякий тебе делал почёт и уважение. А то татар привёл к оправданию... Нешто мы жида или магометане?!”

Вернувшись на родину, Михаил женился в своём селе на бедной девушке и опять пошёл на сторону, в ту же Сарму. В этот раз он нанялся в работники к вдове раскольнице. У последней был сын, женатый тоже на раскольнице – читалке. Старуха с невесткой еже-празднично правила в своём доме вечерню, утреню и часы. Сын старухи оказался рассудительный парень; полюбив Михаила, он внимательно слушал, что тот толковал ему о лживости раскола беглопоповской секты и чистоте православной церкви. Это своё чтение и толкование Михаил производил секретно от старухи и жены парня на поле, между работой, на сеннике, перед сном. В конце концов сын старухи вполне убедился в православии и желал бы присоединиться к св. церкви, но справедливо опасался, что мать прогонит его из дома без всего, жена бросит его, а родственники будут теснить и давить на каждом шагу. – „Подожду, сказал парень, когда помрёт матушка, тогда я свободен поступить по своему желанию”. И держал в секрете это своё намерение. Ревность же свою к церкви сын старухи проявлял тем, что всегда давал Михайле деньги на восковые свечи, на просфоры, когда он ходил в храм на службу и просил отправить молебен разным святым.

Старухе не нравилось, что работник её ходит в церковь и она обычно ворчала на него за это. „Стоял бы с нами службу-то, да умилялся, а то шатается в своё еретическое капище, да сюда приносит свою скверну. Нечестивец, этакий”... „Ваша служба, бабушка, без священническая, не по воли епископа, говорил ей Михаил, поэтому проклята”. Сам ты, анафема, проклят, никоновец проклятый! злилась старуха. Тоже указы выставляет мне. Мы по правилам св. отцов справляем свою, службу, а в Вашей церкви всё исковеркано и переиначено”. А ты, бабушка, была когда-нибудь в нашей церкви?

– „Сохрани Господи и помилуй! крестилась старуха. От роду и близко не подходила к вашему капищу, даже по улице то, где оно стоит, всегда избегала ходить”.

– Как же ты судишь заочно о нашей церкви, что делается в ней? – „Святые отцы написали, а мы их слушаем. Они наперёд предсказали о всех ересях, которые установил для вас Никон”. Такие разговоры Михаил нередко вёл со старухой, придя от

службы. Старуха была злая фанатичка и страшно ругала и ненавидела православную церковь. Михаил вступал в защиту церкви и приводил ей доводы от писания, но старуха, при участии невестки, ещё более раздражалась, и обсыпали руганью защитника св. церкви обе женщины, незнакомые с писанием, яростно набрасывались на Михаила, кощунствовали и издевались над святыней церкви. Слушая всё это, сын старухи нередко останавливал мать и жену в припадках их злобы, но последние, наперерыв, стремились изрыгать хулы и ругательства на православную церковь, не слушая никаких увещаний. Вскоре старуха подметила, что сын её неохотно приходит к совершаемым ею службам. Это повело к тому, что она стала следить за сыном и подмечать его отношения к работнику. Чутьё матери подсказало сердцу старухи, что Михаил имеет влияние на её сына и сбивает его к присоединению к церкви. Ярость и злоба заклокотали в её сердце; встревожилась и жена парня и вот обе раздражённые женщины кинулись на Михаила, принялись терзать его – одна за волосы, другая ухватом; сын прибежал защитить своего учителя, но злоба женщин перешла и на него и даже ещё больше. Михаил бежал от старухи, не дожив до положенного срока и не получив заслуженных денег.

Из Сармы Михаил перешёл в с. Криволучье, по соседству, и тоже в раскольничье село. В этом селе раскольники австрийской секты имеют свою моленную, а при ней был попом Иван глухой. Познакомившись с раскольниками, Михаил одно время пришёл в моленную, выстоял их службу, а по окончании сказал:

– Всё это, братия, хорошо вы делали: истово правили богослужение, усердно молились, но всё это не угодно Богу и проклято. Прочтите правило в Кормчей книге Гангрского соб. 6-е.

– Ах, ты шарлатан этакий! рывкнули раскольники. Гужеед треклятый! Он пришёл к нам корить нас!

И принялись хлестать его лестовками, так что Михаил едва ушёл от раскипавшихся богомольцев древляго благочестия. Не довольствуясь тем, что раскольники отхлестали Михаила в своей молельне, поп Иван придумал ещё с своей стороны учинить насилие над ним: он пожаловался на Михаила

старшине, а последний, под предлогом желания побеседовать с ним, пригласил Михаила к себе в дом. Ничего не подозревая, Михаил пришёл к старшине и вступил с ним в беседу. Старшина стал ругать церковь, хулил её таинства, укорял её в разных ересях и пр. и пр, Михаил потребовал доказательств от писания; старшина представил ему книгу „Челобитная соловецких страдалцев”. – Это книга не истинная, сказал Михаил.

– Как не истинная! вскричал старшина. Ты книгу порочить! Её св. отцы сочинили, а ты хулу на неё изрыгаешь. Так вот тебе за это!

И принялся бить его кулаками, приговаривая: вот тебе проклятия! вот тебе за нашу моленную! Не шатайся! не ходи! не смущай людей! Михаил едва вырвался из дюжих рук криволучинского старшины. Это было в год закладки единоверческой церкви в с. Криволучьи, которое совершал о. Афанасий Давыдов, единоверческий священник в с. Балакове.

Криволученские раскольники настолько озлобились против Михаила, что стали грозить ему смертью. „Убьём тебя, как собаку, если не уйдёшь от нас”, говорили раскольники. Избегая опасности, Михаил ушёл в Сарму и начал работать подённо. Криволученские раскольники тотчас же дали знать о Михаиле сармовским, а последние, потолковав между собой, решили пригласить его к себе на беседу. Михаил явился. Тихо, скромно, потекла беседа на первых порах, а затем, чем ни дальше, тем раскольники стали делаться нахальнее, грубее и прямо лезли в драку.

– Ты учить нас, что ли, приехал сюда? приступил к Михаилу один сармовский раскольник.

– Я, братия, пришёл для работы сюда, а вы пригласили меня побеседовать с вами. Я пришёл, и сказал вам, что я знаю и сколько начитан.

– Ты Никонову церковь защищаешь!

– Я к Христовой церкви принадлежу, за неё и стою, потому что без неё спастись невозможно, говорил Михаил.

– А ну-ка перекрестись!

– Михаил перекрестился тремя перстами.

– Щепотник! Никоновец! еретик! еретик! гулом закричали все раскольники. Он пришёл сюда сквернить нас всех! У нас во всей Сарме никто щепотью не молится, а он пришёл мутить наше общество. Вон его отселе!

Кучка мужиков подступила к Михаилу и стали толкать его кулаками. Грустно и обидно стало Михаилу, что его безвинно оскорбляют. Слёзы брызнули у него из глаз.

– Плачет еретик! Тузи его! Хорошенько! подзуживали со стороны.

Михаила побили и вытолкали вон из горницы. Он кинулся на квартиру, хозяйка выкинула ему сумку и сказала: „беги из села, а то тебе плохо будет. Скорей беги, а то нагонят – избыют до смерти“. И Михаил, ночью, пустился бежать по дороге в Шилинубалку, казачью станицу Уральской области. Вскоре по его уходе на квартиру явились раскольники, кинулись искать его по селу, но не нашли.

(Окончание будет).

Пензенский миссионер свящ. К. Попов

Жаров И., свящ. Беспоповщинский отче „дед Трифиллий”. С. 565–569

В одну из своих миссионерских поездок по Мосальскому уезду я производил беседу в с. Богоявленском.

Это село одно из заселённых и окружённых раскольниками разных толков и сект; а в приходе самого села последние разделяются на две партии: большую образуют беспоповцы, меньшую – поповцы-окружники. Окружники имеют своим руководителем и требоисправителем лже-попа Андрея Сальникова, проживающего в Готовских дворах, находящихся от села Богоявленского в 10–12 верстах; а у беспоповцев в особом уважении и почёте, как „большак” или „отче” крестьянин дер. Костина, того же прихода, 88 летний, белый как лунь, очень располагающей наружности, старик Трифиллий Трофимов.

Дед Трифиллий, хотя в грамоте и весьма слаб, однако твёрдо стоит во главе своей братии – беспоповцев, энергично внушая последним разного рода вымышленные обвинения на православную церковь и распространяя в защиту и поддержание своего „древле-православия” разного рода нелепые выдумки и небылицы. Так, например, в доказательство истинности и правоты именно двуперстного сложения для крестного знамения вот такая сказка распространяется им не только среди своих одноверцев, но даже и среди неграмотных, малоразвитых православных крестьян. „В царствование государя Николая Павловича, повествует „отче” Трифиллий, в Петербурге был собран, якобы, целый собор из бояр, духовенства, военных и докторов. Присутствовал на этом соборе, будто бы, будучи ещё молодым, и сам Трифиллий. Привели сюда же и нескольких беременных женщин. И вот, чтобы удостовериться, как правильнее и истиннее креститься. – крестом ли по-нашему (т. е. двуперстно) или по церковному (т. е. троеперстно), приказано было доктором произвести операцию над приведёнными женщинами, вынуть из утробы их младенцев и посмотреть, как сложены у последних пальчики на руке; потому что, далее уверенно поясняет дед Трифиллий, младенцы уже зарождаются

с сложенными пальцами для крестного знамения. И что же оказалось, дальше продолжает уже радостно повествовать, „отче” Трифиллий?.. Пальчики-то у младенцев сложены как раз по-нашему крестом (двуперстно). Значит, обычно заканчивает свою повесть дед Трифиллий уже в учительном тоне, и молиться-то нужно по-нашему, по-нашему правильнее; потому что, видите, Сам Бог зарождает младенцев с нашим перстосложением”. Удивляться нужно., до каких бредней и нелепостей может доходить досужая, невежественная раскольничья фантазия!..

Крепко дорожит дед Трифиллий тем авторитетом, которым он пользуется среди своих единоверцев. И не только дорожит, а даже старается ещё больше увеличить и закрепить его за собой; для чего не прочь прибегнуть к распространению не только опять между своими братьями, но и православными крестьянами, вымышленных им же самим рассказов о „чудесных, якобы, событиях”, случавшихся с ним в его жизни. Вот, например, одни из тех „чуд – событий”, которые якобы пришлось видеть и пережить деду Трифиллию и о которых он сам усердно повествует, между прочим, в доказательство истинности той „веры”, в которой он находится. „Отче” Трифиллий женат на другой жене, по имени Евдокии. Евдокия, вышедши замуж за Трифиллия, не пожелала носить поддёвку с кантами на заду, как обычно носит вся „паства” нового её мужа – Трифиллия; а просила последнего сшить ей поддёвку на сборах. Но Трифиллий, не желая вносить „ереси” в свою „веру” и мутить тем свою „паству”, которая носит поддёвки с кантами, а не на сборах, не соглашался исполнить желания своей молодой жены. Несогласие между Трифиллием и его молодой женой продолжалось долго... Жена стояла на своём желании, и постоянно надоедала мужу своей просьбой; а последний не хотел поступаться требованию жены и через то впадать в „ересь”... Но, наконец, „чудесное событие” заставило деда Трифиллия уступить жене и согласиться на её просьбу. Вот это „чудесное событие”, передаваемое каждому самим Трифиллием. „Мне предстала, рассказывает обычно „отче” Трифиллий, необходимость по одному весьма важному делу держать путь в

одно место пешком, Шёл я очень скоро и прошёл уже довольно много... Вдруг подхожу к ручью, которого прежде на этом месте не замечал. Перехода через этот ручей нет, а путь мой лежит как раз через него. Стал осматриваться кругом и обдумывать, как бы перейти; но вижу, не перейти мне этого ручья. Что, думаю, делать?! – Стал творить молитву и звать на помощь Царицу Небесную, Мать Богородицу... И, вдруг, слышу голос... „Трифиллий, не бойся! Гряди смело!.. Перейдёшь!.. Только послушай жену свою и сшей ей поддёвку на сборах”!.. Я перекрестился, продолжает ещё более умиляясь Трифиллий, и перешёл так через этот ручей, что даже и сапог не намочил. А когда перебрался на другой берег, то, обернувшись назад, вижу по той стороне, на кусте икону Божией Матери, которая, как я только взглянул, стала невидима. По возвращении домой, заключает свой рассказ уже с умилёнными до слёз глазами дедушка Трифиллий, я, слушаясь Небесной Царицы уважил жену свою и сшил ей поддёвку со сборами”.

А вот и другое мнимое, чудо приключившееся с „отче” Трифиллием, которое благодаря стараниям последнего тоже получило довольно широкую известность не только между местными раскольниками-беспоповцами, а и православными. На зимний Николин день, так передавал сам Трифиллий, у него в доме случился пожар. Трифиллий находился в это время в своей келейке, пристроенной позади двора и долго не замечал пожара, а когда заметил, то так сильно перепугался, что, когда он выбежал на двор, на него напал столбняк. А огонь уже охватил весь двор, и ему – Трифиллию – неминуемо пришлось бы сгореть, если бы в это время не подскочил к нему жеребёнок, который, якобы, осторожно взявши зубами его за плечо, вытащил Трифиллия на улицу и тем спас его от преждевременной смерти.

Вот какими выдумками, дерзким, наглым обманом держат во тьме вожаки раскола своих одноверцев и совращают в раскол наш тёмный православный люд в захолустных селениях!..

Дед Трифиллий, хотя в грамоте слаб и очень недалёк, а толковать о божественном большой охотник; не отказывается он побеседовать и с приезжим миссионером. А в последнюю мою

поездку дед Трифиллий, не в пример прочим старообрядцам, на беседе проявил особое рвение, которое обнаружилось в том, что он, не имея возможности по своей глубокой старости прийти на своих ногах на беседу, а лошадей свободных не было, упросил своего сына Василия свести его на беседу на маленькой тележке на себе. Сын, желая доставить отцу удовольствие быть на беседе, охотно впрягся в тележку и привёз его к школе, которая назначена была местом беседы.

Предметом беседы служил вопрос: „можно ли получить спасение, не имея над собой власти богоустановленного священства?” Дед Трифиллий очень внимательно слушал свидетельства, приводимые из священных и старопечатных книг, о необходимости и спасительности пребывания под властью церковной трёхчинной иерархии. Но когда у него спросили, согласен ли он с тем, что было вычитано из книг по поставленному вопросу, он, как бы не слыша моего вопроса, певуче заговорил: вера есть, надежда есть, а любви нет и ничего нет, без любви ничто-же...

– „По любви-то, сказал я старику, мы вот и собрались побеседовать с вами старообрядцами, чтобы сообща уяснить, на основании священного и св. отец учения, где можно получить спасение, – у нас ли в православной церкви, в которой непрерывно от св. Апостолов сохраняется священная иерархия, или в обществе беспоповцев, хотя также именующемся „церковью”, Но, лишённом, как известно, богоданного священства? А, затем, при помощи Божией и соединиться всем нам во едино стадо”...

Нет!.. Где уж нам соединяться с вами?! Произнёс чуть не на распев дед Трифиллий. Ведь, вот, вы читаете „Верую” и мы читаем, у вас есть там какие-то „жезаны”, а у нас этого нет... Ну, какому же тут у нас с вами быть соединению?!

– Это батюшка говорит про 4-й член, пояснил слова старца его сын Василий.

– Слова „жезаны” в нашем „Символе веры” нет; а если кто тебе и сказал про это, то сказал напраслину, чтобы только ввести тебя, человека малограмотного, в заблуждение.

– Я сам то не знаю, отвечал Трифиллий; а мне сказали, что у вас там есть какие-то „жезаны”.

На стенах школы, в которой происходила беседа, были развешаны разного содержания листы; на одном из них был написан „Символ веры». Указываем старику на этот лист, показываем ему ещё учебный часослов и предлагаем проверить, правда ли находится в нашем Символе сказанное им слово, но дед Трифиллий читать отказался... Тогда я объяснил, в чём заключается недоумение деда Трифиллия. Старообрядцы молчали... А дед Трифиллий, повторив свою излюбленную фразу: „вера есть, надежда есть, а любви нет и ничего нет”, которую не раз повторял и при моём объяснении, указал уже на пропуск, допускаемый якобы нашей православной церковью, тоже соединительной частицы „а” во 2-м члене Символа веры.

В доказательство того, что опущение или прибавление какой-то частицы или даже целого слова, если через то не нарушается известная мысль, не привносит никакой не только ереси, но даже и погрешности, предложено было деду Трифиллию вместе с нами почитать и сличить „Молитву Господню” у Евангелиста Матфея ([Мф.6:9–13](#)) и у Ев. Луки ([Лк.11:2–5](#)). Стали читать указанные места и сличать... Я читал евангелие от Матфея, а за деда Трифиллия, который от старости лет уже стал слеповат и с трудом уже мог читать, взялся читать евангелие от Луки сын его Василий.

Старообрядцы с большим интересом слушали сличение Молитвы Господней и при каждом несогласии одного Евангелиста с другим удивлённо поглядывали друг на друга и недоверчиво на меня; а Василий Трифиллов так даже заподозревал себя в ошибках зрения и каждое несогласное слово и выражение принимался несколько раз разбирать по буквам и, кроме того, обещался ещё проверить указанные места у себя дома по своему евангелию. Только дед Трифиллий как бы равнодушно относился к нашему собеседованию, изредка повторяя, как бы про. себя: „без любви ничто-же... любви нет и ничего нет”...

Беседа, продолжавшаяся около 4-х часов, на этом и окончилась. Дед Трифиллий любезно простился с нами и,

повторив свою излюбленную фразу „без любви ничто-же”.. отправился к своей импровизированной колеснице, в которой сын и повёз его обратно домой.

Калуж. Епарх. Мис. свящ. *И. Жаров*

Тверской интеллигент. В монастырь или в приход? С. 570–573

Противополагают часто монастырь миру, жизнь монастырскую жизни в миру. Основательно ли это противоположение?

И из личных наблюдений, и из бесед с опытными монахами я убедился, что в монастыре

(почти во всяком) возможна и существует жизнь по духу мира; и из личного наблюдения и, от многих духовных лиц как, напр., от почившего еп. Феофана, знаю, что возможна и существует вне монастырских стен высокая духовная христианская жизнь. Приведённый собственной жизнью к вопросу, куда идти, где и как жить, служа Господу, я нашёл, что монастырь, объединяющий известным образом людей, ищущих спасения, имеет и в миру нечто соответствующее себе, покрывающее собой жизнь почти всякого истинного, сына церкви. *Это нечто – приход.*

Монастырь по своему существу есть собрание безбрачных людей, стремящихся соединиться с Богом и братски объединённых друг с другом.

Такую же цель имеет приход с той только разницей, что цель эта достигается не безбрачными только, а и семейными. Монастырская братия объединяется в храме под руководством настоятеля – монаха. Члены приходской общины также объединяются храмом под водительством настоятеля – священника.

Братия имеет устав. Такой же устав имеет всякий прихожанин, хранящий обеты крещения, послушный богослужебному и иному водительству церкви.

Каждый брат несёт известное послушание; всякий мирянин (семейный и неженатый) имеет его в виде той работы, которую он работает. Как в монастыре, так, и в миру послушание получает нравственный характер в случае, если послушник несёт его добровольно, с покорностью Господу, как бы от Него наложенное.

Как в монастыре, так и в приходе при должных взаимных отношениях со-работников Божиих спасение содевается не в одиночку, а сообща: все несут бремя каждого, и каждый несёт бремена всех.

Как там, так и тут возможны добрые пастыри и наёмники. Как там, так и здесь может быть благоговейное служение и наёмническое.

Как там, так и здесь человек может почувствовать себя одиноким среди мирских собратьев; как там, так и здесь Господь может послать брата и братьев по духу. Как там, так и здесь могут быть более богатые, менее богатые и нищие; как там, так и здесь каждый может обратить своё достояние на удовлетворение похотей и на дела милосердия. Как там, так и здесь существуют определённые нравственные обязанности, вытекающие из существа религиозного христианского взаимодействия.

Не буду говорить, в чём заключается несение бремени в монастыре; скажу, как можно всякому, а, следовательно, и должно, нести бремя брата в приходе.

Начну с самых простых, для каждого доступных и обязательных дел, какие он может и должен творить, если он и одинок в приходе с своим стремлением к Богоутождению. Если он неграмотен, он может, благоговейно внимая читаемому и поемому в храме, назидаться слышанным, а о непонятном спрашивать у своего пастыря. Видя искреннее желание познания правды Божией, какой отец духовный откажет в просимом научении? – Так для себя. Но и другим может послужить такой неучёный человек. Благоговейно молясь в храме, он одним видом своим назидает собратий. А если он при этом чувствует достаточную скорбь о неблагоговейном поведении их во святом месте, он может и деятельно послужить им по слову великого учителя И. Златоустого. „И вам, которые здравы, отныне заповедаю, что на вас будет суд и осуждение, если кто, увидев бесчинствующего или разговаривающего, особенно в такое время, не остановит его и не исправит. Это лучше молитвы. Оставь свою молитву и сделай ему внушение; тогда, и ему принесёшь пользу, а сам будешь с приобретением”.

Таковой может кроме того заботиться о внешнем благолепии в храме и о порядке во всём прочем, ревнуя и том, чтобы дом Божий не обращался в торжище.

Если кто грамотен, он может принимать участие в Богослужении чтением, а дома назидать им присных и знакомых. Кто способен петь, пусть прославляет Господа пением.

Все указанные дела, совершаемые от чистого сердца, будут богоугодным служением. Господь будет славиться, ближние – назидаться; но этого мало. Любовь к Господу и ближнему может и должна выразиться и в иных деяниях, раз человек взглянет на приход свой, как на духовную семью, собранную в одном храме, под водительством одного настоятеля, – семью, к которой сопричислил его Господь.

В храм приносят младенца, чтобы в таинствах крещения и миропомазания низвести на него Духа Святого и ввести его, как нового члена, в церковь Христову, в ту самую церковь, которую ты считаешь матерью своей. Новорождённый младенец – твой брат, твоя сестра.

Можешь ли ты считать дело воцерковления его чуждым тебе? Нет, если ты живо чувствуешь себя членом Тела Христова, так присоединись к участвующим в совершении таинства с горячей молитвой к Господу, дабы Он помог новому брату или новой сестре сохранить обеты крещения, которые он даёт устами своих восприемников. Если ты имеешь силу сказать братское слово назидания, скажи его восприемникам, объясни, что значит отречься сатаны и дел его и облечься во Христа. Если не можешь, или место и время не позволяют сказать слово, дай книжку им, чтобы просветился ум их, и чтобы поняли они, какие священные обязанности возлагаются церковью на восприемников.

Когда ты видишь в храме гроб с почившим братом твоим, вспомни, что душа его предстоит Господу в страхе и трепете и поторопись помочь ей горячей братской молитвой. Не думай, что отдать последний долг обязаны только священнослужители и родные покойного. Расставшись с телесной оболочкой, он сейчас так же близок тебе, как и присным своим. От тебя зависит большое сближение с ним: чем усерднее будет молитва твоя о

упокоении души его, тем роднее ты станешь ему. Молясь о нём, ты прольёшь отраду и в сердца осиротелых сродников его, явив любовь к незнакомому, может быть, тебе при жизни существу.

Проводи прах брата твоего до могилы: этим ещё больше утетишь печальных.

А если ты грамотен, то можешь послужить усопшему и раньше, как только сомкнутся очи его: приди и почитай над ним вдохновенную псалтырь Давида, низводя милость Господню на отошедшую душу. И души живых исполнятся благодарностью и утешением.

И всё, всё в жизни прихода может и должно вызывать это отношение любви. Но отношение это возможно лишь при ясном сознании цели, которая стоит перед всякой приходской общиной. *Цель эта – Богопознание и Богообщение, а равно и взаимообщение в Господе..* Одно обусловлено другим. И каждый православный христианин нравственно обязан жить или в монастыре, или в приходской общине, если хочет жить настоящей церковной жизнью. Приход для всякого прихожанина должен являться богодарованной ему духовной семьёй, в которой он обязан жить по закону, указанному Господом. Памятуя, что церковь есть святое Тело Христово, христианин не может не стремиться к тому, чтобы взаимные отношения членов приходской общины, этой малой церкви, складывались по образцу отношений святых членов Тела Христова, связанных между собой любовью Божией.

Чем больше, стоя перед Господом, человек будет внимать себе и членам приходской общины своей, тем больше он увидит незримых для чувственного глаза нитей, которыми его жизнь связана с жизнью прихожан.

С молитвой внимающему всё больше будут открываться бремена, телесные и душевные, кои должен нести, а. равно и средства для несения их, указываемые Господом. Он всё сильнее будет чувствовать, что страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены. И ясная, хотя и бесконечно великая и трудная цель предстанет верующей и любящей душе, – цель, чтобы все были едины во Христе Иисусе. А это не может не усиливать ревности

в деле собственной жизни, ибо невольно, желая нести бремена других, задашь себе вопрос: здоров ли ты-то? Врач, исцелился сам... Да, Господи, болен, исцели меня!

Тверской интеллигент

Из миссионерских запросов // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 574–579

1) Обязан ли православный священник хоронить умерших раскольника или сектанта по предписанию гражданской власти?

2) Как записывать в церковные документы благословения браков присоединённых к православию лиц и их детей, прижитых в раскольничьем браке?

В рязанскую духовную Консисторию Братство св. Василия, Епископа Рязанского, препроводило „на благоусмотрение” поступившие в оное Братство следующие недоуменные вопросы одного священника С.: 1) „вменяется ли действующими законами в обязанность православному священнику похоронить раскольников, хотя бы по предписанию гражданского начальства, (образец которого (предписания) при сём рапорте представлен в копии)”. Из копии с предписания усматривается, что, пристав П. уезда, отношением своим на имя священника села С. сообщает, что Препятствий к преданию земле по христианскому обряду скоропостижно умершего 27-го сего июля крестьянина села С. Е. с его стороны не имеется; 2) „30 августа 1899 г. в церкви села С., П. у. был повенчан редкостный брак: брачующиеся были из присоединённых из раскола к православию местные крестьянин и крестьянка, жившие дотоле в незаконном браке. (Браки местных раскольников не записываются в метрических полицейских книгах). Как известно, в церковно-миссионерской практике установился двоякий способ благословения брака присоединяемых из раскола к православию: или совершается сполна чин венчания, или же раскольникам, мужу и жене, священником читается молитва: „Боже, Боже наш, пришедый в Кану Галилейскую”... Если применять последний способ благословения брака присоединяемых из раскола к православию, то так-же-ли, как и в других, обыкновенных случаях венчания браков, производится и записывается обыск? И как записывая, подобные акты благословения браков, присоединяемых из раскола к

православию, если, их следует заносить в метрические церковные книги?"; 3) „Минувшим зимним мясоедом, как уже им, священником С., сообщено была Совету Братства в прежней летописи, им при помощи Божией, было обращено из раскола к православию одно семейство, состоящее из отца, матери и малолетнего сына. (Подобные случаи бывали и прежде). Возникает такой вопрос: не следует ли детей, присоединяемых из раскола к православию в исповедных росписях писать их незаконнорожденными детьми, как прижитыми ими в расколе, до присоединения к православию? Если подобных детей не следует писать незаконнорожденными, то как их отмечать и называть в исповедных росписях и других церковных документах?"

Консистория дала такие ответы на эти запросы: так как в существующих законоположениях ясно сказано, что на православных кладбищах и православными священниками по христианскому обряду хоронятся одни лишь лица, принадлежащие к Православной Церкви, то возникшее у священника церкви села С. недоумение относительно того, вменяется ли действующими законами в обязанность православному священнику похоронить раскольников, хотя бы по предписанию гражданского начальства, – неосновательно и тем ещё более оно неосновательно потому, что из приложенной при рапорте его копии с отношения полицейского пристава, во 1-х, не усматривается никакого предписания, а оным только сообщается приходскому священнику, что к преданию земле по христианскому обряду скоропостижно умершего 27-го июля крестьянина села С. Петра Егорова Е. препятствий со стороны пристава не имеется, и во 2-х, не видно, чтобы пристав, сообщая священнику С. о беспрепятственности к преданию земле скоропостижно умершего крестьянина Е., поименовал последнего в своём отношении раскольником.

Затем священник С. в рапорте своём объясняет, что браки раскольников прихожан села С. в метрических полицейских книгах не записаны, по существующему же закону 1874 года подобные браки раскольников не считаются действительными; следовательно, присоединившиеся из раскола к православию супруги в браке не состояли, а потому и о способе

благословения брака прочтением одной только положенной молитвы присоединяемых из раскола к православию мужу и жене, состоявших до принятия православия в раскольническом браке, незаписанном в метрических полицейских книгах, и не может быть речи; так как такой способ благословения брака, может быть допущен только в том случае, когда присоединённые к православию состояли в раскольническом браке, оформленном по закону. Над указанными же священником С. лицами должен быть совершён полный чин венчания, положенный для лиц православного вероисповедания, не состоявших в браке и должно по существующей форме составить обыск. Событие брака присоединённых из раскола к православию должно быть записано в метрическую книгу по установленной форме с пояснением в тексте только времени присоединения к православию из раскола и самой секты раскола. Если же встретится случай, когда из присоединяемых к православию раскольников супруги, состоящие в раскольническом браке, записанном в полицейских книгах, пожелают только совершить над ними способ благословения брака прочтением священником одной положенной молитвы, то в данном случае составление брачного обыска, за отсутствием в законе формы, может быть устранено; равно нет законных оснований подобный акт благословения брака и вносить в метрическую книгу в виду того, что по закону сила заключённого в расколе брачного союза не утрачивается и по принятии супругами православия. В разрешение же вопроса священника С., относительно того, не следует ли детей присоединяемых из раскола в православие в исповедных росписях писать незаконнорожденными детьми, как прижитыми ими в расколе до присоединения к православию, и если подобных детей не следует писать незаконнорожденными, то как их отмечать и называть в исповедных росписях и других церковных документах, то в данном случае руководствуясь 1347 и 1348 и 1353 ст. ст. уст. гр. суд. изд. 1892 г., нужно поступать таким образом: так как доказывать законность и оспаривать незаконность рождения младенцев по закону предоставлено самим родителям и заинтересованным лицам, то

поименованных в вопросе священника С. детей показывать в исповедных росписях в семье присоединённых их детьми, без всякого пояснения против них о законности или незаконности их рождения. В других же церковных документах называть детей, присоединившихся к православию так: „присоединившийся из раскола такой-то секты – такой-то (звание, имя, отчество и фамилия), – сын присоединённого из того же раскола такого-то (имя, отчество и фамилия) и жены его такой-то (имя и отчество, рождённый от них в расколе)”.

Вопросы эти далеко не праздны, они возникают нередко вообще в миссионерской практике, решение дано им Рязанской Консistorией верное. Но почему – позволительно спросить – само Рязанское Братство, так выгодно заявившее себя полезным изданием специального „Миссионерского Сборника”, передало миссионерский запрос приходского священника на разрешение Консistorии?

С принципиальной точки зрения, казалось бы, что дело должно вестись как раз наоборот: все подобные недоразумения в миссионерской практике по епархиям должны быть направляемы и разрешаемы в епархиальных миссионерских же учреждениях, каковы Братства, миссионерские комитеты, и от этих последних восходит непосредственно на утверждение местного епископа, от усмотрения которого уже зависит утвердить ли самому или направить в Консistorию. Юные миссионерские епархиальные учреждения должны высоко блюсти свою компетенцию, как непосредственных совещательных органов епископской власти, и охранять независимость свою и лиц миссионерского института.

**Из миссионерской полемики с сектантами и
раскольниками // Миссионерское обозрение. 1900 г.
№ 7–12. С. 580–596**

**Антоний, епископ Уфимский. Беседа христианина с
магометанином об истине Пресвятой Троицы. С. 580–
592**

Ибрагим, старый татарский мулла, был хороший знакомый псаломщику Ивану Федотовичу, который умел прекрасно говорить по-татарски; они часто рассуждали о вере и спорили, какая вера лучше – татарская или русская. Однажды после долгого спора Ибрагим сказал: „ты умный человек несли бы ты согласился прочитать наш Коран, то наверно сделался бы добрым магометанином”. – „А я тебе хотел сказать, что ты очень добрый человек, отвечал псаломщик, и если бы ты узнал нашу веру, если бы хотя прочитал Новый Завет, то полюбил бы христианство и постепенно убедился бы в его правоте и принял бы крещение”.

„Знаешь что? – воскликнул мулла, дай мне твой Новый Завет, а я тебе дам Коран. Назначим 40 дней сроку, чтобы нам узнать новую книгу чужой веры, а до того времени не будем говорить о вере ни слова и даже видаться друг с другом не будем”.

Как сказали, так и сделали. Иван Федотович начать читать Коран, а Ибрагим Гасанов Новый Завет. Хотелось им при встрече друг с другом поговорить, но, помня свои зарок, они расходились молча; и только на 40-й день Ибрагим рано утром пришёл к псаломщику с книгой; щёки его горели и глаза блистали: он хотел говорить о Евангелии и о Посланиях Апостольских, но удержал себя и спросил псаломщика: „понравился ли тебе Коран?”

– Многое понравилось, отвечал псаломщик, но это я знал и раньше из христианских книг, которые написаны до Магомета и из которых Магомет научился, как проповедовать людям, что Бог велик и свят, что мы должны в том полагать свою жизнь, чтобы слушаться воли Божией, покоряться той участи, какую Он нам посылает, помогать бедным и пр.; не правда-ли, ты всё это читал в Новом Завете?

– „Читал, но ведь Магомет учил ещё многому, кроме того, что ты сказал”. – А всё, что Магомет говорил сверх Нового Завета, мне не понравилось, отвечал псаломщик; но, если я начну говорить об этом, ты рассердишься, а лучше ты обрадуй меня, – расскажи, что тебе понравилось в христианской вере.

– Мне почти всё понравилось, отвечал мулла: я жалею, что раньше не читал вашей книги; ты знаешь, я прямой человек и не люблю лукавить, как другие, а потому, хоть и тяжело мне признаться, но скажу тебе, как доброму человеку по секрету от моих жён и приятелей, что когда я читал слова Иисуса о прощении врагов и любви к Богу, то я плакал от радости и целовал книгу; а когда прочитал о подвигах Апостола Павла в Деяниях, то дал себе слово больше никогда не проклинать его, как делал раньше. Но всё-таки я не могу быть христианином. – Вот ты сказал, что Магомет ничего доброго не прибавил к христианской вере, а я скажу: хотя многое доброе он убавил, но и прибавил одно доброе; лучше сказать – исправил вашу веру в одном правиле. Он сказал, что Бог один, а вы учите, что богов три: Отец, и Сын, и Св. Дух. – Федотович замахал руками и воскликнул: „Мулла, как тебе не стыдно клеветать на нас! пусть, прибавил он спокойнее, пусть такие глупости говорят ваши невежды – торговцы, или те хитрецы, которые, рассуждая о вере, не истины ищут, а стараются обмануть простых людей, а ты ведь не напрасно называешь себя прямым человеком; ну, скажи, где же ты прочитал в Новом Завете о трёх богах? ведь Иисус Христос прямо говорит: *„сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога”* (Ин.17:3)”.

– Так, так, отвечал Ибрагим. Апостол Павел говорит: *один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас.* (Еф.4:6). И много других есть изречений в Новом Завете о единстве Божию, а по другим изречениям выходит, что и Иисус – есть Бог, Св. Дух – Бог; значит три Бога.

– Поговорим об этих изречениях подробнее, сказал Федотович: я по крайней мере вижу, что ты всё-таки читал мою книгу, а поэтому я успокоился. Итак, ты согласен с тем, что в Евангелии Иисус Христос признаётся Богом?

– Знаю, зачем ты меня об этом спрашиваешь: прежде, со слов наших старых мулл, я говорил, что в Евангелии Иисус не признаёт Себя Богом и что это выдумали позднейшие христиане, начиная с Апостола Павла. Теперь, прочитав Евангелие, я знаю, что в нём изложена та же самая вера, которую проповедовал Павел и которую вы содержите, потому что, если Иисус и не сказал ни разу прямо: я Бог, то всё-таки давал всем понять, что Он Бог, потому что говорит: „Я и Отец одно”, и когда Его спросили: кто же Ты? Он отвечал: „из начала Сущий” (Ин.8:25), а затем прибавил: *прежде нежели был Авраам, Я есмь* (Ин.8:58).

– „Ах, как мне радостно слышать слова евангельские из твоих уст!” воскликнул снова псаломщик Федотович на этот раз уже не с гневом, а с удовольствием: „как рад я, что ты больше не будешь обвинять Апостола Павла и христиан в искажении Евангелия”.

– Напрасно радуешься, ответил мулла, пока я думал, что учение о Троице выдумали христиане, я не считал Евангелие учением многобожников, а теперь, хотя полюбил твоё Евангелие больше прежнего и прибавлю по секрету – больше нашего Корана, но вижу, что наравне с самыми святыми истинами о жизни нашей, оно содержит учение о трёх богах.

Псаломщик опять заволновался: „да ведь сам же ты привёл слова Нового Завета о единстве Божиим”.

– Да тем хуже, что Завет ваш сам себе противоречит: сколько ни говори, что Бог един, но если у Бога есть ещё Сын, то будет два бога, а если есть ещё Дух святой, Который не Отец и не Сын, то уже выйдет три бога, а не один.

Когда мулла говорил эти слова, то к говорящим подошёл сгорбленный старичок – странник, одетый очень бедно, в лаптях, в широкой шляпе, опираясь на простую палку. Он поклонился сидевшим на брёвнах собеседникам и видимо готовился попросить у псаломщика ночлега; но, услышав последние слова татарина, он вдруг встrepенулcя, вытянулся во весь свой рост и, остановив рукой псаломщика, который хотел что-то сказать, обратился к Ибрагиму с вопросом: „а ты всё Евангелие прочитал?”

– Да, сказал тот: и Евангелие, и Послания.

– Слава Богу, вздохнул странник: уже за одно это скажу тебе, что ты хороший человек.

– А ты, старик, какой человек? – спросил мулла, удивляясь его смелости и не зная, сердиться ли ему или смеяться: меня хорошим вся деревня называет, а твою похвалу, пожалуй, назад возьми: тебе Федотович и так даст кусок хлеба и ночлег.

– „Да я и голоден и спать хочу, сказал старик, и человек самый худой, но Спаситель мой, Христос, лучше всех, и для Его славы, и для спасения твоей души я буду не спать всю ночь и не есть сегодня и завтра, если только ты согласишься один час поговорить со мной о Пресвятой Троице”.

Мулла с удивлением смотрел на этого нищего, которого бледное лицо разгоралось, а глаза устремлялись к небу. – Зачем тебе голодать, сказал он, вижу, что ты человек благочестивый, пойдём все трое ко мне, подкрепимся пищей и послушаем тебя.

Когда они вошли в дом, то две жены муллы с удивлением посматривали из-за занавески на вошедшего нищего, – Федотовича они и раньше часто видели у своего господина и ему не удивлялись. Однако, когда мулла подошёл к занавеске брать от них кушанье, то они молча подавали ему всё так, как нужно для трёх человек.

Приняв пищу вместе с гостями, мулла обратился к гостю – старику. „Дед, я догадался, о чём ты будешь говорить мне, но я это слышал уже от его сына – семинариста (он указал на псаломщика), ты наверно скажешь, что Бог один, но в Нём три личности, и три эти личности составляют одно, как в солнце свет и теплота одно, или во рту человека дыхание и слово, а человек один. Только мне эти сравнения показались пустыми: я сам могу назвать тебе много вещей, которые состояли из отдельных частей, а все части составляют одно; вот и стол: у него четыре ножки и пятая–доска, а стол один; в окошке четыре стекла, а окно одно; только это все не к делу.

„Отчего же не к делу?” закричал Иван Федотович. – Потому что – то вещи, а то живые существа. Вот найди мне, чтоб две курицы составляли одну птицу, или три льва – одного зверя, или три человека – одного. Это ты мне никогда не покажешь: – всё

будет три человека, а не один, и богов у вас три, а не один. „А если покажу?” тихо спросил старик.

– Если покажешь, воскликнул мулла, то я обещаю быть христианином и крещусь, только ты никогда мне этого не покажешь, прибавил он торопливо и ещё громче, потому- что услышал сердитый кашель за занавесками.

– Никогда ты мне этого не покажешь и христианином я не буду, а скорее тебя обращаю в ислам, снова заговорил он громко; пойдём продолжать нашу беседу на улицу – сперва ты говори, а потом я. а здесь пусть убирают со стола. – Федотович взялся за шапку и шепнул мулле: „однако у тебя сердитые жёны, уйдём от них поскорее”.

Усевшись по-прежнему на брёвнах, мулла засмеялся и сказал: вот не могу научиться вашему терпению к жене. Всякое непослушание или вмешательство в мой разговор со стороны жён меня так сердит, что не будь вас, я бы поучил их. Ваш Павел говорит, что муж и жена одно тело, а я так себя чувствую, что как будто я – свет, а они – темнота, я – тепло, а они – холод; где я, там нет им места, а как они забирают место, так меня теснят. Ну как это может быть, чтоб два или три существа стали одно? Отец, и Сын, и Св. Дух – один, два, три: три бога, а не один.

– „Ты хорошо начал беседу, сказал старик, и вот теперь будем говорить дальше”.

– Ну, говори, буду слушать.

– „Нет, отвечал старик: говори ты сам, а я буду тебя спрашивать, чтобы не моя, а твоя душа сказала истину. Скажи мне прежде: всегда ли ты одинаково чувствуешь свою борьбу с жёнами за преобладание в доме; это скажи прежде, а потом скажи: со всеми ли людьми ты такую борьбу чувствуешь, как будто вы друг друга вытесняете с места, или с некоторыми хуже чувствуешь, а с некоторыми лучше?”

Мулла немного помолчал, а потом ответил: „конечно, чувства мои к жёнам бывают разные; когда рассердишься, то, кажется, на целом свете нам тесно втроём; когда бываешь спокоен, то они мне не мешают, ну, а, ведь, особенной нужды в них я тоже не чувствую – мне 65 лет, да им под 60 лет, нам не до нежностей: прошло наше время.

– „Пусть будет так”, сказал странник; „теперь скажи мне, не чувствуешь ли ты иногда нужду в том, чтобы жёны были близко от тебя, не для удовольствий, а для сердечной беседы, особенно, когда на долгое время уйдёшь от них?”

– Ну, конечно, иногда и соскучусь по своим старухам, отвечал Ибрагим: только мы ведь хотели говорить о Боге, а не о жёнах.

– „Дойдём и до Бога, был ответ странника, и лицо его озарилось кроткой улыбкой: скажи мне ещё, мулла, кого ты любишь кроме жён? есть у тебя дети?”

– Есть милый сын мой, добрый шакирд в Казани и красавец какой! ах, как мне скучно бывает, если долго не вижу его; теперь ожидаю его к себе со дня на день. Он такой ласковый мальчик и, хотя гораздо учёнее меня, но всё не хочет обидеть старика своим превосходством и спрашивает моих объяснений, а того не понимает, глупый мальчик, что я сам вижу, насколько он умней меня, и радуюсь этому, а ещё больше радуюсь, что вижу его смирение и желание уступить мне. Была у меня ещё дочка, да умерла бедная.

– „Скажи теперь, добрый мулла, продолжал старик свои вопросы: для сына и для тебя везде довольно места, и вы не мешаете друг другу, как мешают тебе жены?”

Лицо муллы озарилось блаженной улыбкой и, когда он начинал говорить о своём любимце, то так увлекался, что забывал главную цель беседы со странником. – Что ты говоришь мне! воскликнул он, да если бы мы были среди моря на маленьком камне, то нам было бы не тесно: мы бы и там уступали место друг другу и каждый из нас готов бы броситься в воду, чтобы спастись другой.

– „Видишь мулла, сказал странник, не всегда и не все люди мешают друг другу. Не расскажешь ли ты нам, бывают ли такие минуты, когда и с жёнами ты так же дружен бываешь, как с сыном?”

Мулла продолжал говорить уже как бы не для странника, а самому себе, отдаваясь голосу своего сердца. – О, да, только это бывает во время общей грусти, когда мы вспоминаем о нашей бедной Фатиме. Это была такая добрая, кроткая душа,

что обе жены мои любили её одинаково; так любили её, что и Соломон Царь не мог бы отгадать, кто из двух жён была её матерью. Добрая душа умершей дочери только о том и старалась, чтобы в доме был мир, и когда мы ладили, она прыгает от радости, точно ей сто рублей подарили. –

– „Ещё будь добр, скажи мне, когда ты сам бываешь ближе к истине: тогда-ли, когда ссоришься с жёнами за преобладание в доме, или вспоминаешь с ними о дочери?“

– Ну, что и спрашивать об этом, засмеялся Ибрагим: в ссорах нет ничего хорошего, а одна только глупость, когда мы говорим с жёнами о Фатиме и поплачем с ними, то я вижу, что я и не злой человек и они добрые бабы, а потом, смотришь опять шайтан придёт и спустит нам головы и мы мучаем друг друга бранью точно забываем, что это глупо и жестоко. А когда снова вспомним Фатиму, то я по лицам старух читаю их мысли; да и сам думаю о том же, думаю я: „вот кабы всегда на душе у нас так было, то и за деньги не стали бы браниться и ссориться: мир и любовь дороже золота“. Да, наша добрая Фатима, Бог лишил нас твоего присутствия, но мы, когда говорим о тебе, то у нас трёх бывает как бы одна душа, потому что всё злое уходит от нас, а остаётся только доброе; мы даже чувствуем все трое, о чём каждый из нас думает; нам даже иногда кажется, что и Фатима сидит среди нас и улыбается нашему единодушию“. Странник взял муллу за руку и сказал: „Мулла, ты больше не скажешь, что невозможно двум иди трём существам стать одним! не твои ли были сейчас слова, что одна душа и одни мысли бывают у вас всех трёх?“

Мулла встрепнулся: „ты поймал меня на словах, хитрый старик! воскликнул он, но без гнева, а, напротив, с радостью. Потом он опустил голову и заговорил медленно: „да, я узнал что-то новое и от тебя, и от самого себя; ты умный и хороший человек. Скажи только мне сам потолковее, что следует из моих признаний“.

– Изволь, кротко и радостно заговорил странник. Из твоих признаний выходит, что люди потому только не могут верить в то, что три Лица Святой Троицы составляют одно Божественное существо, потому только, говорю, что они, враждуя друг с

другом, думают, будто всякий человек или вообще всякое живое существо противно другому и мешает ему, так что не может один и другой быть *одним существом*. Выходит дальше, что это враждебное чувство противоположности, эта борьба людей слабеет, когда они не поддаются шайтану, который ссорит людей и мутит их разум. Тогда они чувствуют любовь друг к другу и радуются взаимной близости своей так, что им не тесно, а радостно бывает вместе, а когда хотя-б один такой любящий добрый человек освободится от тела, и только чистый дух его останется в памяти и в сердце людей, то вместе с грустью о видимой разлуке с ним близкие люди чувствуют, однако, и близость к себе умершего, и взаимную друг с другом привязанность так сильно, как будто бы у них одна душа. А я тебе прибавлю вот что: Отец никогда не ссорится с Сыном и Св. Духом, и никогда не разномыслят, и шайтан не может путать Их ум, и они никогда не разлучаются друг с другом. Теперь скажи: если даже для нас, грешных людей, бывают такие минуты просветления, когда всякая рознь исчезает между нами, то не больше ли ещё сознают всегда Своё единство Отец, и Сын, и Святой Дух? И если ты и родные твои в самые разумные часы твоей жизни чувствуете единство души, то зачем называешь ложным наше учение, что Отец, и Сын, и Дух Святой один Бог, а не три бога?

Слушая эти новые для себя слова, мулла широко открыл глаза и даже рот от изумления; долго не мог он ничего говорить и тёр свой лоб рукой. – Постой, ещё одно слово, заговорил он, наконец, – ведь по-твоему выходит, что не только Бог может быть один и в то же время троичен, но, и мы, люди, можем быть такими, а ведь всё-таки мы все не одно. Пусть мне иногда кажется, что душа моя сливается с другими, кого я люблю, но, ведь, я не всех люблю, да и те, кого я люблю, всё-таки остаются отдельными существами.

– „Друг мой!” сказал в ответ старик, всё смягчая свой голос: „ведь ты сам сказал, что твоё единство с другими ты чувствуешь не тогда, когда заблуждаешься, а, напротив, когда бываешь настоящим разумным человеком. Если это с тобой бывает не часто, а с другими почти никогда, то разве этим мы измеряем

истину? Ведь все люди постоянно грешат, а всё-таки мы оба с тобой скажем, что грешить неразумно, что справедлива только добродетель, хотя и редко встретишь её на земле”.

– Хорошие слова ты говоришь, задумчиво прервал его речь Ибрагим; но трудно поверить мне, чтобы душа моя могла сродниться со всеми людьми, даже с врагами.

Тут в разговор вмешался псаломщик: „а разве тебе не понравилось учение Иисуса Христа, что ближний наш есть не только всякий наш родственник, или друг, но и всякий вообще человек?”

– О, конечно, поправилось, особенно полюбилась мне притча Иисуса о Милосердом Самарянине: увидел самарянин врага своего еврея, брошенного разбойниками чуть живым, мимо которого проходили свои люди и брезговали, чтобы остановиться и помочь ему; увидел это самарянин, слез с осла своего и обмыл раны больного, положил его на осла и привёз в город в гостиницу, а сам шёл пешком. Да этот самарянин был родной для всех. И я согласился признать, что чем лучше и умнее человек, тем больше он людей считает себе друзьями, а самый лучший тот, кто всех любит и никого не считает врагом. – „И ещё более родным для всех может быть человек”, продолжал речь странник, „если он отдаёт себя на служение Христу, тогда у него своих собственных интересов вовсе нет и ничем его нельзя рассердить и вступить в борьбу за себя с другими. Тогда его душа всегда связана с душами ближних, и он чувствует их скорби и их грехи, как-бы свои собственные. Помнишь, как восклицал Павел Апостол в послании к Галатам: *„Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!”* (Гал.4:19) и в другом месте он радуется доблестям христиан, как бы своим собственным: *Итак, братия мои возлюбленные и вожделенные, радость и венец мой, стойте так в Господе, возлюбленные.* (Флп.4:1); а вот его чувства к слушателям его проповеди: *уста наши отверсты к вам, Коринфяне, сердце наше расширено. Вам не тесно в нас* (2Кор.6:11–12). такие чувства у святого Апостола к чужим для него людям, а может ли иметь лучшее чувство даже мать к своему ребёнку?

– Но ведь это одни чувства, возразил Ибрагим. Впрочем, опять скажу – Павел великий, святой человек: наши бранят его, потому что не знают. Но ведь и Павел, и все добрые, и злые люди всё-таки отдельно жили, каждый в своём теле, как и мы живём теперь отдельно.

– Да, отвечал странник, по-видимому пока отдельно, потому что мы ограничены телом, но от тела освобождаются люди после смерти, а по воскресении они приобретают такие тела, как Христос воскресший: – для этих тел нет препятствий, ни в пространстве, потому что они быстро переносятся с места на место, ни в какой иной преграде, потому что они проходят и через стену, и через воздух, как сказано в Евангелии.

– И так, по-твоему выходит, заговорил снова мулла, что когда люди освободятся от тела и от всякого греха, то они будут одним человеком, оставаясь всё-таки отдельными личностями? Вот найди мне такое изречение в Священном Писании, тогда я поверю, что и учение о Троице ты правильно мне изъяснил.

– „На это уж я сумею ответить”, воскликнул радостно псаломщик, тоже с удивлением слушавший странника: „Апостол Павел повествует, как обращавшиеся ко Христу, дотоле враждебные между собой, Греки и Иудеи, стали все вместе одним человеком. Вот что говорит он о Спасителе: *Он – есть мир наш, соделавший из обоих одно...* и далее *дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устрояя мир* (Еф.2:14–16). То-то я прежде всё читал у отцов церкви и не понимал: они постоянно говорят, что естество человеков одно, как и естество Св. Троицы, а только единство наше ослаблено грехами людей и восстанавливается искуплением Иисуса Христа... Да, да, прибавил Федотович, как-бы вспомнив что-то, – Св. Григорий Нисский даже так говорит: ты спрашиваешь меня, как может быть Отец и Сын и Св. Дух не тремя богами, а одним Богом, если люди, напр. Пётр, Павел и Иоанн, всё-таки составляют не одного человека, а трёх человек. На это отвечаю, продолжает Св. Григорий, что это выражение – *трёх человек* неправильное, человечество одно, а различны только личности. Так в человечестве, которое ограничено, телесно и греховно, а в Божестве, где все Лица Святы бестелесны и не ограничены, нет

никакого разделения, „но один во истину Бог наш.” – „Да, приблизительно так”, прибавил странник: „ты приводишь по памяти слова Св. Григория из послания его к Авлалию”,

Лицо муллы горело и радостью, и борьбой; он сказал, задыхаясь от волнения: я не знаю св. Григория – приведи мне такие слова Иисуса, из которых я бы увидел, что любовь и разум среди людей должны восторжествовать с такой силой, что они будут одно в своём множестве; тогда я уверю во Св. Троицу и буду христианином. – Говоря так, Ибрагим вскочил на ноги и воскликнул: „о, тогда я пойму, почему христиане так дорожат своей Троицей! Я пойму, что верить в единство Отца и Сына нужно для того, чтобы не поддаваться нашему общему разделению на земле, а ожидать лучшей жизни, потому что, уж если в Боге истинном существует множественность в единстве, то нам ли сомневаться в том, что и наше разделение может кончиться, и мы, подобно триединому Богу, будем едино, как Он! Найди мне такие слова в Евангелии или в Новом Завете, воскликнул он снова, и я буду дорожить учением о вашей Троице больше всех прочих слов Иисуса”.

– „Вот эти слова, торжественно сказал Иван Федотович, раскрывая Новый Завет, возвращённый ему сегодня муллой. Слушай, какой молитвой заключил Иисус Христос Свои прощальные наставления ученикам: *Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их, да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, – да уверует мир, что Ты послал Меня.*”

Федотович начал важным и торжественным голосом, но при словах *да уверует мир*, голос у него оборвался от умилённых слёз и он, плача, продолжал читать: *«Да будут едино, как Мы едино. Я в них и Ты во Мне, да будут совершены воедино и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня»* (Ин.17:21–24).

Федотович вдруг бросился на шею Ибрагиму: брат! воскликнул он, не отвергай твоего Спасителя! ты дал уже слово быть Его учеником, если услышишь эти слова. Глаза Ибрагима были орошены слезами: но – мой сын, мои жёны! воскликнул он, закрывая лицо руками. Вдруг он почувствовал, что кто-то нежно

прикасается к его рукам, покрывая их поцелуями. „Твой сын давно в душе христианин”, услышал он: – „и молится, чтобы ты позволил ему креститься и вместе бы крестился с ним”. Не веря своим ушам, мулла отдёргнул руки от лица и увидел сына, стоявшего перед ним на коленях. Он привлёк его в свои объятия и целовал юношу в лоб и в глаза; потом возвёл очи свои к небу и сказал; „о, милосердый Иисус Христос, Спаситель наш! теперь я Твой и никто Меня не удержит исповедать Тебя, хотя бы и смертью нам грозили! пусть мои бедные жёны оставят меня, но я не отступлю от Господа Иисуса Христа”.

„Господин наш”, сказали обе жены его: „мы слушали всю беседу твою с этими добрыми людьми и хотя не всё поняли, что слышали, но видели, что они тебе сказали слово Божие. Твоя вера будет и наша вера; в христианском законе не бывает двух жён, но мы будем тебе сёстрами и слугами, только не оставляй нас ты и сын твой”. Мулла плакал от радости и в первый раз в жизни совершил на себе крестное знамение. – Будь нашим крестным отцом, говорил он Ивану Федотовичу, пожимая его руку, а тебе, святой человек, обратился он к страннику: позволь поклониться до земли по христианскому обычаю. К удивлению муллы, странника уже не было среди них; сначала мулла подумал, что старик на время отошёл от них и попросил псаломщика привести его вечером, но вечером пришёл Иван Федотович с вестью, что не мог найти странника. Так и не узнали, что это был за человек...

Спустя полгода, уже после крещения, всё семейство муллы ездило в Казань на богомолье и прикладывалось к гробам Святых; там они были поражены сходством странника со старинным образом Святителя Варсонофия в Спасском монастыре, вышитом нитками по красному бархату. Молодой шакирд, который после крещения поступил в монастырь учиться на миссионерские курсы, всякий день ходил смотреть на этот образ и молился святому, чтоб он и на будущее время наставлял его семью на всё доброе.

Антоний, епископ Уфимский

Слушатель. Московские собеседования с раскольниками. С. 592–596

В Москве, 22 октября, по обычаю прежних лет, открылись „беседы” со старообрядцами, в новой прекрасной аудитории при Сергиевской, в Рогожской, церкви. Всех бесед в течении нынешнего собеседовательного года (до Пасхи) назначено 22.

В 12 часов дня, после литургии, в крестном шествии, при колокольном звоне, внесены были в аудиторию св. иконы, перед ними и местной иконой Святителя Николая о. благочинный В. К. Соболев совершил с водоосвящением молебн Спасителю; Божией Матери и Свят. Николаю.

Ровно в 6 часов (обычное время начала бесед) прибыл преосвященнейший Парфений, председатель Братства св. Петра Митрополита, и став на устланное красным сукном и покрытое ковром место перед аналоем, прочитала, притчу Господа, (недельное евангелие) о Сеятеле и семени, по древнему – Филаретовскому евангелию. Своё краткое объяснение владыка закончил приблизительно следующими словами. „Для хорошего всхода семени и обильного урожая нужны свет солнечный и влага. И для успешного слышания предлагаемых здесь бесед нужны свет благодати и молитва, помолимся же, да озарит Господь умы и сердца слушателей и да вразумит наших старообрядцев, с усердием, при содействии благодати Божией, искать и найти спасение в истинной православной церкви Христовой!

После сего всенародно было пропето песнопение церковное. За тем, священник Параскевиевской, в Охотном ряду, церкви о. С. М. Марков изложил правильное, основанное на слове Божиим, по разумению св. отцов и учительных книг (старых и новых), понятие о св. новозаветной церкви христианской, православной и указал, по символу веры, её свойство: единство, святость, соборность, о последнем же свойстве – апостольстве заметил, что о нём будет ведена беседа в следующее воскресенье.

В начале отец Марков выяснил, что вопрос о Церкви имеет для старообрядцев основное исходное значение, а потому он и поставляется во главе всех последующих собеседований. Главное положение чтения почтенного пастыря-миссионера было следующее: „Церковь одна и потому она есть такое общество, все части коего связаны между собой в одно нераздельное целое”.

Эта связь заключается в том, что Церковь имеет единую Главу – Христа, исповедует одно божественное учение, стремится к одной цели – спасения верующих, и для достижения этой цели употребляет одни и те же Богодарованные средства – св. таинства, совершаемые, через Богоучреждённую иерархию. Отсюда ясно следует, что это понятие единства Церкви не приложимо к старообрядческим обществам, которые не веруют Христовым обетованиям, не имеют у себя всех таинств, учреждают у себя особое иерархическое, устройство, или изменяют последнее; смотря по обстоятельствам, в которых находятся.

Не имеют старообрядческие общества и другого существенного признака истинной Церкви – святости. „Святость” не может принадлежать тем религиозным обществам, которые учат, что органы, учреждённые самим Господом для низведения на верующих даров спасающей благодати, будто бы истребились антихристом, а равно и тем обществам, которые, не имея этих органов в недрах своих, заимствуют их от явных, по их мнению, еретиков.

Третий признак Церкви есть её соборность или вселенность, в силу коего она (Церковь) по своему учению и устройству неизменна и не ограничивается ни временем, ни местом. Отдельные члены или даже части могут впадать в заблуждение, по вся она никогда не может отпасть от истинной веры или измениться в своём божественном устройстве. Отсюда это свойство соборности не могут приписывать себе такие общества, которые допускают, что Церковь может согрешить и оскудеть в духовных дарованиях или временно, или даже навсегда.

Наконец, истинная церковь должна быть апостольской, то есть через непрерывное рукоположение сохранять в себе

апостольское учение, и благодатные дары. А потому старообрядческие общества, как не имеющие преемства апостольской иерархии, не могут принадлежать к составу Христовой Церкви.

В качестве возражателя вышел, заявивший себя в прошлом году, внимательным слушателем бесед, старообрядец П. Т. Дехтярев. Достоин замечания, что он ныне заявил о себе, что он плохой старообрядец, а потом, в порыве своих разглагольствований, признался, что он старообрядчества не держится, что он „космополит”.

Начав с заявления, что, как и ранее, он, Дехтярев, стремится к сближению братьев, а посему, пользуясь начавшимися собеседованиями и благословением присутствующего здесь Преосвященного, предложил о. Маркову доказать, „только от Евангелия”, что вселенская церковь есть и пребудет едина, не преложна и благодатна.

Не удовлетворившись ответом о. Маркова, изложенным по старопечатным книгам, уважаемым раскольниками, Дехтярев снова заявил, что он признает убедительными, при решении сего вопроса, только одни тексты Евангелия.

После разъяснений, сделанных о. Марковым от св. Евангелия, Дехтярев привёл, в виде вопроса, текст из Евангелия Иоанна, 18 главы, 21 стиха (Ин.18:21).

За сим, Дехтярев перешёл к перечислению инославных церковных обществ запада, попросил ответа: „римская и другие перечисленные им общины церковные находятся ли в единой соборной и апостольской церкви?”.

Отец Марков основательно отклонил беседу по возбужденному раскольником вопросу, заметив, что сегодня беседа не о православии или еретичестве Западных церквей, а о Православной церкви и об отношении к ней старообрядчества. Дехтярев однако продолжал настаивать на вопросе о том, признаёт ли о. Марков Римскую церковь еретической, тогда о. Марков удовлетворил любопытство своего настойчивого со-вопросника, указал на не признание Греко-Российской Православной церковью истинным учения католичества о „Непорочном Зачатии” Божией Матери, а равно о главенстве

Папы. После сего вдруг Дехтярев предложил странный вопрос о том: „Что такое государственное право? и входит ли оно в понятие церкви?“ Сбиваясь, путаясь и перескакивая от одной мысли к другой, раскольничий апологет далее остановился на вопросе, почему иногда духовная власть ищет помощи у светской против раскольников и сектантов, почему только церковным мечом учения не борется церковь? Заявив, что теперь он диспут свой поведёт на юридической почве, со-вопросник пустился в разглагольствование о различных статьях законов, преследующих сектантство и тут же ополчился против съезда миссионеров в Казани.

Отец Марков, терпеливо выслушав Дехтярева, указал, ссылаясь на древнюю церковную историю, на право церкви прибегать в особых случаях к власти светской для ограждения не церкви Божией, а народа православного от оскорбления и растления воинствующими ересями и расколом.

Дехтярев смолк и очистил кафедру, после чего о. Марков закончил эту часть беседы указанием на многочисленность сект старообрядческих, как на явное доказательство невозможности для них причислять себя к составу Вселенской церкви.

После перерыва, когда было пропето „Отче Наш“ всеми присутствующими, на эстраде появился измождённый и подслеповатый начётчик, оказавшийся старообрядцем „австрийского“ толка, дьячком рогожского кладбища, окружником Иваном Петровым; ранее он был учителем единоверческой школы.

Надтреснутым голосом заговорил он о том, что церковь якобы учит делить тело Вселенской церкви на не погрешимых учащихся, и на погрешимых учимых, а это де явно несогласно с учением о церкви по символу веры и даже по Большому Катехизису. При этом г. Петров голословно сослался на краткий Катехизис для школ о. Лебедева; но о. Марков категорически отверг возможность такой ошибки в упомянутой Петровым учебной книге, и по Большому Катехизису восстановил ясное определение признаков Единой Святой церкви.

Тогда, обратясь к публике, г. Петров начал смиренно хитрую речь о манере духовных православных собеседников и zde

находящихся „вести беседу не о главе, а о хвосте”, что де и сегодня они начали беседы тоже с хвоста...

Не мало удивив слушателей этим своим странным тезисом, Петров перешёл сейчас же к вопросу о мнимой вине Никона и собора 1667 года, положившего клятву якобы на самые обряды, затем заговорил о непреложной истинности „двуперстия”, и только тут раскольничий апологет оказался, очевидно, на своей почве, так как начал выкладывать обширный запас цитат, ссылок и выписок.

О. Марков, прерываемый ежеминутно вмешательством Петрова, снова определил признаки Святой Соборной Церкви, как тела Христова, затем по книге „о вере” разъяснил разницу между догматом и обрядом и обычаем церковными, каковые, не будучи догматами, не неизменны; указав на 11 правило Лаодикийского Собора, почтенный собеседник доказал право церкви делать те дополнения и изменения в обычаях и обрядах, которые она находит нужным. Засим, коснувшись затронутого Петровым вопроса о двоеперстии, отец Марков ссылкой на св. Василия Великого доказал, что обычай знаменать лицо своё крестообразно не есть письменное учение, но предание. Краткими и ясными доказательствами опытного православного полемиста были опровергнуты все многовопросные странные положения представителя раскола. На доводы о. Маркова старообрядческий начётчик не нашёлся ничего возразить, а только крикливо заметил: „значит, Церковь и теперь имеет право опять изменять перстосложение, значит, она это может делать столько раз, сколько хочет и может” ...

Беседа была закончена обращением о. Маркова к сердцу слушателей, где он указал на бессилие раскольничьих апологетов оправдать свои заблуждения и на скорбную участь раскола, лишённого средств спасения. Преподанием архипастырского благословения православным посетителям была закончена беседа.

Среди слушателей видны были известные старообрядцы – Онисимов и бывший секретарь раскольнического архиерея К. Перетрухин, но ни тот, ни другой с возражениями почему-то не выступили²³².

Слушатель

Миссионерство, секты и раскол. (Хроника) //
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 597–627

**Юбилейное торжество Православного
старообрядчества (Единоверия). С. 597–622**

I. Несколько слов о важности юбилейного торжества 27 октября и значении для миссии Послания Св. Синода. С. 597–603

27 октября, по благословению Св. Синода, в первопрестольной Москве и в царствующем граде С.-Петербурге, с величавою торжественностью, отпразднован *столетний юбилей Единоверия*.

Знаменательный церковный праздник этот, по разуму и голосу „Послания Св. Синода“, данного 25 октября, точнее должен быть назван *торжеством православных, содержащих глаголемые древние обряды*, или, короче сказать, *торжеством православного старообрядчества*.

Знаменательное торжество 27 октября в тоже время есть и радостный праздник внутренней миссии, а потому настоящую нашу хронику мы всецело посвящаем обозрению и описанию этого достопримечательного в истории миссии события. Прежде всего крупными золотыми буквами должен быть отмечен, как самый главный акт в юбилейном празднестве 27 октября, – это издание Св. Синодом упомянутого приветственного послания к единоверцам. Акт этот представляет собой прекрасный плод, созревавший в течении истекшего столетия благословенной жизнедеятельности Единоверия в лоне православной Греко-Российской Церкви.

В течении истекшего столетия священно-начальствующим собором православной Российской Церкви издано несколько знаменательных актов, по вопросу о Единоверии, таковы, напр., относящееся к Единоверию постановление Казанского собора иерархов, „Разъяснение Св. Синода, по вопросу о соборных клятвах и старых обрядах“. – Но нынешний акт соборно-иерархического изволения высшего духовного священноначалия представляет собой как бы увенчание спасительного здания Единоверческого ковчега, более ста лет тому назад назданного на камени покаяния лучшей духовно-просвещеннейшей части старообрядчества и истинной её веры, – так что „Послание Св. Синода православным чадам, содержащим древние обряды“,

после самих „правил” Единоверия, сто лет тому назад вошедших в силу и действие, в 27 день октября 1800 года, является в истории Единоверия документом, едва ли не самым важным и не самым близким к основе Единоверия – к правилам 1800 г., по глубине содержания, по любвеобильности тона и характера и, наконец, по задачам, которые так трогательно выражены в словах скорби послания о пребывающих доселе вне спасительной ограды святой Церкви и в молитвенных пожеланиях: „да призовет Господь Бог и их в святое единство веры, да подаст Он и им внити во дворы Господни”.

Правила 1800 года узаконили великое спасительное дело единения с Матерью Церковью её измученных, исстрадавшихся в блужданиях по дебрям и вертепам раскола чад её. Вошедших путём покаяния в её лоно чад святая церковь приняла, „как любящая, милующая и прощающая Мать”, оживотворив эту, – некогда оторвавшуюся, иссыхавшую, вместе со всем остальным расколом, ветвь Христовой Церкви, – полнотой церковного устройства и благодатью св. таинств.

С трудом, медленно прививалось к насаждённому почти сто лет – благословенному корню Единоверия православное старообрядчество; густо поросшие вокруг него дикие терния раскола слишком близко соприкасались и заглушали зеленеющие побеги древа Единоверия, наклоняли его в сторону раскола, иссушали почву...

И среди мирян единоверцев, и среди клира единоверческого было и доныне ещё есть, к прискорбию, не мало и таких членов, которые ещё являются сынами противления, мыслят по-раскольнически и о церкви православной, и об обдержных в ней обрядах, более тяготеют к раскольническому разделению, чем к миру и единению с общей матерью Церковью.

Говоря о сей скорби, мы вовсе не хотим омрачать радость совершившегося светло-радостного юбилейного торжества. Менее всех и всего в этом виноват единоверческий мир – народ. Виноваты перед судом столетней истории Единоверия пастыри, нерадившие и нерадящие о своих овцах, которые не хотели и не хотят перстом двинуть в пользу развития самосознания своей единоверческой паствы на пути лучшего уразумения существа

этого спасительного дела и его благотворных плодов, – которые или по невежеству или ради фарисейского угодничества перед народной массой, а часто ради своекорыстных расчётов и свободы служебной, держат массу во тьме раскольничьих предрассудков и понятий по вопросам веры и спасения. Виноваты, далее, православные миссионеры, а, следовательно, и всё православно-русское пастырство, на коем главным образом лежат обязанности миссионерства среди немощных сынов единой матери Церкви, а ведь единоверцы – чада Церкви, плоть от плоти нашей общей матери греко-российской Церкви, дорогие чада, ибо искуплены бесценной кровью Христа, омыты и освящены благодатью св. таинств! Миссия, в отношении Единоверия особенно нужно сказать о прежних временах Николаевской эпохи, – ограничивала свою задачу только воссоединением, а далее не заботилась о том, чтобы юных, немощных чад Церкви привести в разум истины, воспитать духовно в меру возраста совершенна о Христе Иисусе.

Стыдно сказать, но грех и потаить: среди православных пастырей немало найдётся не понимающих надлежащим образом смысла и задач Единоверия, – не ушедших дальше невежественной общественной среды в понимании этого важного церковно-исторического явления, как одного из вернейших путей в разрешении церковно-национального, векового, сложного раскольничьего вопроса. Не забудем того горького обидного для миссии чувства, которое раз испытали мы в одной единоверческой церкви Черниговских раскольничьих посадков. В алтарь вошёл православный иерей и вопрошает иерея – миссионера: „а можно ли и ему, православному иерею, приложиться к престолу единоверческого храма! „Встречали мы в столице и таких (из учёных) иереев, в понятиях которых Единоверие не отличалось от австрийской поповщины и наоборот. Господствующим предубеждением, если не в православном духовенстве, то в обществе, является неправильное понимание Единоверия, „как унии“, „как ступени“, как пути, якобы *непрямом* в деле спасения, – о единоверцах, – как членах *низших* в Церкви и проч. Но разве единоверческие церкви и совершаемые в них таинства менее благодатны, менее

спасительны? или разве у единоверцев не один Господь, разве у них *ин Иисус*, как у большинства раскольников? разве благословенные церковью к употреблению у единоверцев старые обряды не действительны, разве их молитвы по ним мерзость пред Богом? Пора понять, что из-за обрядов не должно спорить и разделяться, что *буква убивает, а дух животворит, что благодатью спасены*, а не двумя или тремя перстами, не сугубой или трегубой аллилуйей... Пагубно разное верие и раскол, а не разнообразие в обрядах. Разве в греческой или в иерусалимской церквах нашего времени, или в других поместных церквах православных не найдётся обрядовых разностей в порядках и обычаях богослужебных, но ведь мы их не зазираем, не кичимся перед ними? Зачем же уничтожать Божье создание, – наших единоверных братьев, – из-за того, что они не содержат исправленных лучших и совершеннейших в смысле внешнем обрядов; но ведь обряд не догмат. В наш век штунды дорога церковность вообще. А потому не мы ли сами виноваты в том отчуждении, в каком и прежде жили, и ныне ещё пребывают единоверческие приходы с их духовенством? Эта разъединённость, необщительность особенно чувствуется на миссионерских съездах.

А между тем, какой добрый, чуткий, отзывчивый и признательный за всякое проявление любви и участия – этот мир единоверчества! Не надо забывать, что всюду, как бы железным кольцом, единоверцы обложены плотной стеной враждебного раскольниковческого стана, со всех сторон жестоко теснящего этих прозелитов нашей Церкви.

Нужно заметить, что раскольники гораздо мягче, индифферентнее относятся к „троеперстникам” православным, чем к двуперстникам единоверцам, так как раскольники чувствуют и видят в них себе живой укор и питают более затаённую злобу за измену расколу и зависть, что у них полнота церковного устройства. Там, – в расколе, чутко и верно понимают смысл и значение Единоверия, как угрозу вековой силе раскола, как свет, разгоняющий тьму его упорства и предрассудков. К сожалению, не достаёт такой же чуткости в нашем просвещённом, православном обществе в отношении

Единоверия, как лучшей надежды миссии Церкви, как главного оплота и орудия в борьбе с вековым злом раскола.

Таким образом, в существе дела – столетняя судьба Единоверия страдальческая: его ненавидит и травит, старается стереть с лица земли сильный своей сплотённостью, капиталом раскол, его не любит, не ценит, не поддерживает православный мир, смотрящий на Единоверие или безучастно, или безнадежно, как на нечто мертворождённое, или же свысока, как на нечто низшее, переходное.

Чтобы судить, как смутны понятия о Единоверии, достаточно указать на газеты, – которые считаются, обыкновенно, выразителями общественного мнения: напр., печать даже в сочувственных статьях, по поводу юбилейного торжества, – не избежала и на этот раз роковой ошибки во взглядах на Единоверие. Один из весьма почтенных, строго православных органов (Свет) назвал единоверцев „самой просвещённой частью среди раскола”, „ступенью” к православию, другой орган (Новое Время) не удержался от кривотолков по поводу необходимости вселенского собора и клятв соборов 1666–1667 г., будто бы тяготеющих и на совести единоверцев.

Выходит, по рассуждению газеты, что клятвы эти тяготеют и над нашими иерархами, совершающими в единоверческих храмах богослужения и таинства по древним обрядам. Митрополит Московский, напр., совершал юбилейное богослужение с сонмом священнослужителей по чину старообрядческому.

Епископ Самарский Гурий весьма часто и сам служит у единоверцев по старым обрядам и предписал духовенству православному отправлять в православных храмах службы единоверцам, в случае их просьбы, по старым книгам и обрядам.

Пора бы оставить эти беспочвенные разглагольствования о вселенском соборе, пора понять, что для старообрядческого вопроса он и не нужен, да и может ли он и состояться ныне по политическим условиям жизни христианских народов? В этом отношении поучительный урок нашим российским мечтателям о соборе мог бы дать неудавшийся летний парижский конгресс

всего человечества, собранный для мира и единения нашим же мечтательным соотечественником Н. Н. Неплюевым.

По словам самого устроителя конгресса, (см. С.-Петерб. Вед.), – он же и почётный президент, – вместо мира на конгресс представители даже христианских исповеданий принесли столько вражды, распрей и злобы, что почтенный инициатор этого благого по идее предприятия ничего лучшего не мог предпринять, в качестве президента, как сбежать с конгресса и публично отречься от этой своей необдуманной затеи. Вот вам живая картинка тоже *suī generis* (в своём роде) – если не вселенского, то во всяком случае, конфессионального собора.

Обращаясь к вопросу о том, как спутаны у нас понятия о Единоверии и расколе, довольно указать на то обстоятельство, что до последнего времени почти повсеместно в паспортах, выдаваемых из административных учреждений единоверцам, обозначалось „Единоверческого исповедания” и только в последнее время по министерству внутренних дел предполагается распоряжение, исправляющее и не допускающее эту нелепость. Нам известно, что одно юнкерское училище никак не хотело признать воспитанника единоверца по вопросу о чинопроизводстве правоспособнее раскольников и потребовалась для решения спора чуть ли не учёная экспертиза с заключениями и разъяснениями.

От великого до смешного один шаг. Нам припомнился один эпизод, как в некоем просвещённом граде помер миллионер раскольник австрийского толка, известный в городе благотворитель. Местный представитель самой высокой власти, будучи вполне уверен, что австрийская секта и её лже-иерархия есть Единоверие, отправился на панихиду. Но каково же было его смущение, когда лже-попы, при появлении украшенного орденами представителя высокой власти, среди панихиды как были в ризах, так и убежали по чёрному ходу. Испугались ли лже-попы или не хотели с сановным никонианином молиться, вопрос остался открытым. Худо конечно невежество, а не то, что представитель власти явился помолиться, – мы знаем на юге высоких представителей власти, которые в лентах являются на освящение жидовских синагог и на свадьбы, где еврейские

привратники делают замечания генералам, чтобы они шапок не снимали, а если в шапках генералу нельзя стоять, по требованию дисциплины, то пусть держит руку под козырёк.

В путанице понятий о Единоверии, как о некоей отдельной обособленной от общеправославия церковной единице, – повинно и само наименование православного старообрядчества именем Единоверия, укоренившееся и в литературе, и в официальном языке с лёгкого почина м. Платона, с 1800 г. Между тем, это название никогда не нравилось самим единоверцам и всегда служило мишенью для язвительных насмешек со стороны раскола. И действительно, его нельзя признать вполне точным. Вот почему нельзя не приветствовать богомудрой мысли Святейшего Синода и счастливого его почина, сделанного в Послании от 25 октября, – не употреблять этого наименования в церковно-официальном акте. В Послании нет слова ни „Единоверие“, ни „Единоверцы“, а есть „православные чада, содержащие древние обряды“. Поэтому и мы сочли более соответственным озаглавить настоящую свою статью словом „торжество православного старообрядчества“ а не „Единоверия“ и будем впредь в нашем органе держаться этой терминологии, объединяющей, сливающей во едино православно-русское море – дорогой, светлый поток православного старообрядчества, – и по возможности будем избегать сепаратического термина „Единоверия“. Да послужит же юбилейное торжество 27 октября к просветлению понятий всей православно-русской семьи, – всех чад матери-церкви, – о сущности и важности для Церкви Божией Единоверия, к оживлению чувств взаимной братской любви и общения, как присными Богу и друг другу, между всеми чадами Церкви, содержащими древние и новоисправленные церковные обряды и обычаи! А теперь дадим место описанию самого торжества. В Москве – расцвело Единоверие, там был и главный, так сказать, центр юбилейного торжества, с него начнём и наш отчёт.

II. Празднование столетнего юбилея Единоверия в Москве. С. 604–608

Празднование юбилейного торжества в Москве началось с молитвенного чествования памяти митрополита Платона, редактировавшего „правила Единоверия“. В Спасо-Вифанском монастыре, по желанию московских единоверцев, 22 октября было совершено всенощное бдение, а на другой день заупокойная литургия и панихида. Всенощное бдение совершали при стройном пении прибывших из Москвы певчих, по старопечатным книгам, благочинный единоверческих церквей о. Иоанн Звездинский с 5 священниками единоверческими, с депутатами от единоверцев и 3 почётных прихожан до 50 человек.

На другой день, то есть 23 октября, в Спасо-Преображенской церкви была отслужена панихида по митрополите Платоне, на которую, кроме единоверческих священнослужителей, выходил о. казначей Вифанского монастыря Анатолий с братией. За панихидой следовала литургия, после которой от монастыря была предложена гостям трапеза в покоях митрополита Платона. После этого представителям от единоверцев о. казначеем было роздано, описание Вифанского монастыря и фотографические снимки с портрета митрополита и снимки с Преображенской церкви.

После трапезы единоверцы направились в Троицкую лавру на поклонение мощам преподобного Сергия и, отслушав здесь акафист, отбыли в Москву.

27 октября в Троицком единоверческом храме, у Салтыкова моста, – начала Единоверия, – литургию совершал высокопреосвященный Владимир, митрополит московский и коломенский, соборне с благочинным единоверческих церквей отцом И. Г. Звездинским и другим единоверческим духовенством. На литургии владыка возвёл в сан протоиерея священника о. Звездинского.

Затем следовало благодарственное Господу Богу молебствие с канонам, совершённое высокопреосвященным

Владимиром, соборне с преосвященными Парфением, епископом можайским и Нафанаилом, управляющим Спасо-Андрониевым монастырём, ректором семинарии, архимандритом Трифоном, архимандритами: Митрофаном, настоятелем Знаменского монастыря, Амфилохием, настоятелем Покровского миссионерского монастыря, Сергием, настоятелем Даниловского монастыря, Исидором, настоятелем Златоустовского монастыря, игуменом Никольского Единоверческого монастыря Сергием, протоиереем И. Г. Звездинским и с духовенством единоверческих церквей.

Молебствие закончилось возглашением многолетия Царствующему Дому; после чего была возглашена вечная память императору Павлу I и митрополиту Платону, при которых старообрядцы были приняты в единение с Православной Церковью, затем продолжалось по чину многолетие, причём *многая лета* было провозглашено всем православным христианам и возлюбленным братьям единоверцам.

При богослужении присутствовали: исполняющий обязанности московского генерал-губернатора гофмейстер Высочайшего Двора А. Г. Булыгин, товарищ обер-прокурора Св. Синода В. К. Саблер, московский вице-губернатор Л. А. Баратынский, профессор Н. И. Субботин, прокурор московской Синодальной конторы князь А. А. Ширинский-Шихматов, исполняющий обязанности московского обер-полицеймейстера полковник И. Н. Руднев, члены Совета Братства Св. Петра митрополита и масса единоверцев.

По окончании молебствия протоиерей И. Г. Звездинский поднёс высокопреосвященному Владимиру, в знак признательности от единоверцев, икону Св. Троицы в серебряно-вызолоченной с эмалью ризе; при поднесении отцом Звездинским было сказано приветственное слово. Владыка, приняв Св. икону, благодарил единоверцев за подношение и выразил пожелание, чтобы они содействовали приведению в лоно Православной Церкви раскольников старообрядцев.

Затем, владыка долгое время благословлял во множестве присутствовавших в храме православных старообрядцев.

Товарищ обер-прокурора Св. Синода В. К. Саблер раздавал воззвание Св. Синода.

Богослужение закончилось около двух часов дня.

В исходе второго часа дня владыка митрополит при торжественном колокольном звоне проследовал в богадельню единоверческих церквей, где в одной из зал верхнего этажа, украшенных прекрасными портретами Императора Павла I, митрополита Платона, и основателей богадельни, был приготовлен завтрак.

За завтраком присутствовали: владыка митрополит, епископы Парфений и Нафанаил, оо. архимандриты, многие представители московского духовенства и приглашённые на торжество лица. За завтраком владыка митрополит провозгласил многолетие Государю Императору, Государыням Императрицам, Государю Наследнику, московскому Генерал-Губернатору Великому Князю Сергею Александровичу, Супруге Его Великой Княгине Елисавете Феодоровне и Царствующему Дому. Присутствовавшие стройным хором исполнили многолетие. Г. товарищ обер-прокурора Святейшего Синода В. К. Саблер сказал: „Да здравствует его высокопреосвященство, владыка митрополит московский Владимир и да продлятся его дни ещё на многие годы для блага паствы московской”. Было пропето многолетие. Протоиерей И. Г. Звездинский провозгласил многолетие В. К. Саблеру, а В. К. Саблер ответил на это краткой речью, в которой он выразил радость по поводу своего присутствия в Москве на празднике мира, радости и согласия между православными и единоверцами и пожелал много лет и всяких благ причту, ктитору, попечителям и благоуукрашителям единоверческих храмов. Свою речь В. К. Саблер закончил словами: „пусть отныне мир, согласие и любовь окрепнут и утвердятся здесь ещё более и впредь на радость членам святой православной католической Церкви”.

От Братства Св. Петра митрополита на трапезе столетнего юбилея Единоверия профессором Н. И. Субботиным было произнесено следующее приветствие:

„От имени Братства Св. Петра митрополита, по поручению его Совета, имею честь приветствовать московское Единоверие

с исполнившимся столетием его существования.

Братство Св. Петра митрополита, имеющее целью – доступными для него средствами – содействовать ослаблению раскола в Российской Церкви, имеет, очевидно, близкую связь с учреждённым для той же цели Единоверием. Но связь эта не ограничивается только единством цели того и другого учреждения. С Единоверием, особенно московским, Братство соединяют и другие более тесные узы.

Наиболее усердным из первых учредителей Братства и долгое время его председателем был приснопамятный архимандрит Павел, настоятель Никольского единоверческого монастыря в Москве. В его лице Братство уже тесно соединялось с Единоверием. А он оказал Единоверию великие услуги. В последнюю четверть века он был главным и непоколебимо-твёрдым борцом за установление, распространение и практическое применение истинных понятий об Единоверии и правильных отношений между единоверцами и православными, – был могучим проповедником не всеми ещё усвоенной мысли, что Единоверие есть тоже православие, что единоверцы, как и православные, одинаково суть члены единой, святой, Соборной и апостольской церкви, что обряд при единстве веры, священноначалия и таинств не может и не должен служить предлогом к какому-либо разделению между чадами единой церкви. Для практического осуществления этих вполне правильных понятий об Единоверии он особенно старался устранить существовавшее дотоле, ничем не оправдываемое разъединение в церковных службах православного и единоверческого духовенства, и первый старался достигнуть и достиг того, чтобы и в православных и в единоверческих храмах совместно служили православные и единоверческие священнослужители, величественный и назидательный пример чего мы с умилением видели в настоящий день столетнего юбилея московского Единоверия. Те же понятия об Единоверии Братство неизменно старалось раскрывать и распространять посредством своих изданий. Позволю ещё, как постоянный деятель в Братстве с самого его основания, с великим для себя утешением, упомянуть здесь,

что, когда пал на меня лестный жребий – в известном „Воззвании” собравшихся в Казани архипастырей выяснить и раскрыть правильное понятие об Единоверии и его отношениях к Православию, я исполнил это поручение в том духе, как совместно с о. Павлом всегда говорил и писал об Единоверии. А кто не знает, какое важное значение для ограждения Единоверия от нападений на него и вообще для устранения неправильных о нём понятий имеет это „Воззвание”, изданное самим Св. Синодом? Таковы были всегда и такими остаются доселе отношения Братства к Единоверию, наипаче московскому. И с его стороны Братство видело знаки постоянного внимания и расположения: с первых почти лет его существования из конторы единоверческой типографии ежегодно выдаётся ему весьма значительное денежное пособие, о чём в настоящий день Братство почитает долгом упомянуть с искренней благодарностью.

Да крепнет же, да распространяется и да процветает московское Единоверие под благодатным покровом и благословением Единого Главы вселенской церкви, Архиерея великого, прошедшего небеса, Господа нашего Иисуса Христа!

Не довольствуясь словесным приветствием, Братство пожелало засвидетельствовать своё сочувствие Единоверию, в день его столетия, и более существенным способом. В заседании 24 октября, на котором дано мне поручение приветствовать здесь единоверцев, совет Братства постановил – в память исполнившегося столетия со времени открытия Единоверия в Москве озаботиться о восстановлении и упрочении доступными ему средствами разрушающегося единоверческого храма в Буковине, в селении Климоуцах, соседнем с пресловутой Белой Криницей, – храма, имеющего особенно важное значение и для Братства, и для Единоверия. Он создан архимандритом Павлом из небольшой беспоповщинской моленной, им же самим устроенной в то время, когда ещё будучи беспоповцем жил он более года в Климоуцах. По присоединении к церкви, отец Павел позаботился и имел возможность положить основание Единоверия у своих климоуцких учеников, устроил и освятил им этот храм по

благословению, им же испрошенному от православного Буковинского митрополита, состоящего в подчинении константинопольскому патриарху. Это есть, таким образом, первый единоверческий храм в Буковине, служащий светочем Единоверия для многочисленных существующих там раскольников, и притом, что сообщает ему особенное значение, существующий в области Вселенского патриарха, как свидетель того, что Единоверие признано и самим патриархом за вполне законное и правильное учреждение. И этот храм близится теперь к полному разрушению, тогда как в виду его красуется Белокриницкая митрополия с её большими и благолепными церквями, построенными и строящимися на деньги московских раскольников! Братство полагает, „что ничем лучше не может засвидетельствовать своё сочувствие Единоверию в столетний юбилей его, как, если с помощью Божией, успеет поддержать и упрочить существование климоуцкого единоверческого храма, о чём и признало благовременным объявить на настоящем празднике Единоверия в надежде, что празднующие единоверцы не откажут принять участие в этом святом и столь близком для них деле”²³³.

Утром 28 числа, в Никольском единоверческом монастыре отслужена по приснопамятному архимандр. Павле, в тёплом монастырском храме, торжественная панихида архимандритом Златоустовского монастыря Исидором, в сослужении настоятеля обители игумена Сергия и всего монастырского духовенства, в присутствии товарища обер-прокурора Св. Синода В. К. Саблера и профессора Н. И. Субботина, а затем лития на могиле покойного о. Павла с произнесением вечной памяти. Этому незабвенному миссионеру, – апостолу Единоверия!

29 октября г. Товарищ Обер-Прокурора Св. Синода В. К. Саблер посетил Московскую дух. семинарию, где обратился к воспитанникам с глубоко поучительной речью по поводу юбилейного праздника Единоверия.

III. Речь В. К. Саблера. С. 609–612

Никогда, не забуду вчерашней всенощной. Хорошо было стоять в вашей церкви, переполненной народом. Сверху раздавалось умиленное пение искусных певцов, а из церкви неслись стройные звуки вашего мощного хора. Участвовали в пении и ученики образцовой школы. Чтецы и канонархи обнаружили замечательное искусство. Прокимны, „Всякое дыхание” и „Свят Господь Бог наш” были продеты на глас. А с каким совершенством были исполнены догматик, антифоны и Евангельская стихира. И в чтении, и в пении чувствовалась трогательная забота о красоте исполнения. Благоговейная тишина среди многолюдного собрания свидетельствовала о молитвенном настроении стоявших в храме. благо вам, что в Московской семинарии упрочилась уставная служба, она привлекает своей полнотой многих молящихся, и в вас воспитывает любовь к красоте церковной службы. По выходе из семинарии вы, конечно, будете вспоминать о чистой духовной радости, испытанной вами при деятельном участии в церковном богослужении. Впечатления, переживаемые в вашем возрасте, особо живучи. Слышанные мной, на заре моей церковной жизни, на клиросе бедной сельской церкви, песнопения, навсегда запали мне в душу. Словно вчера я слышал пение антифона 6 гласа: „На небо очи мои возвожу”. И вы, несомненно, припомните то, что пели здесь, и эти светлые воспоминания будут питать в вас доброе молитвенное настроение, столь необходимое для всякого учителя и особенно для пастыря. Если Христос в молитве проводил многие часы, то как же вам, будущим просветителям и пастырям, не стремиться к приобретению молитвенных навыков. Как не благодарить милосердного Бога за все щедроты, которые Он обильно изливал на вас. Посмотрите, как хорошо кругом вас, – вы живете в теплом, светлом, удобном помещении, пользуетесь хорошей пищей и имеете возможность обогатить себя сокровищами знания. Как же не благодарить Бога за милости Его к вам. В молитве вы будете почерпнуть нравственную мощь, потребную для великого служения, к которому готовитесь. Для священника

ныне, помимо обязательного для него благоговейного совершения треб, необходима особая забота об исполнении многотрудных обязанностей пастырского звания. Народ, местами ещё тёмный, жаждет просвещения. Для людей, обременённых постоянными заботами о насущном хлебе, бедных и часто, скорбных, нужен пастырь добрый, любящий своих пасомых, отзывчивый к их горю, готовый самоотверженно служить им. Такой пастырь без зова идёт к обездоленным, сирым и недужным с словом утешения. Он помнит о своей обязанности пасти словесное стадо, ему вверенное, и творит всё потребное для вечного спасения своих пасомых. Троекратный вопрос, предложенный в прочтённом вчера Евангелии Христом первоверховному Апостолу Петру, показывает, что высшее проявление любви к Спасителю должно выражаться в желании пасти Христово стадо. Оно и понятно. Сам Христос искупил нас Своей бесценной Кровью от греха, проклятия и смерти, и спасение соделал посреди земли. Об этом спасении всегда особо пеклась святая церковь. И ради него же было учреждено Единоверие, столетнее основание коего торжественно праздновалось третьего дня.

Сто лет тому назад пало средостение вражды, отделявшей многих старообрядцев от святой Христовой церкви. Уразумев свою неправоту, они покаялись и примирились с церковью. Радостью о Христе Спасителе исполнились сердца верных о получении спасения вечного многим множеством людей, вошедших в общение со святой церковью. Сколько за это время сооружено храмов, в которых, с разрешения церковной власти, божественная служба, совершается без всякого умаления и прибавления по книгам, печатанным по благословению святейших патриархов Иова, Гермогена, Филарета, Иоасафа и Иосифа. И сияют благолепием эти храмы в обеих столицах, в Стародубе, на Иргизе, в ближних и дальних областях. В последние годы, по отеческой заботливости Богом венчанных Царей наших, Императоров Александра III и благополучно царствующего Николая II, близ этих храмов начали возникать церковные школы, истинные рассадники доброго учения и христианского благочестия. Эти школы дают старообрядцам

возможность ближе знакомиться с нами, и с годами, несомненно, будут способствовать уменьшению вражды, разделяющей от нас братьев наших. Нашему сближению много способствовала и московская единоверческая типография, издавая книги, почитаемые старообрядцами, и притом воспроизводя при печати, страница в страницу и строка в строку, текст старинных, любимых начётчиками, книг. Эти издания неоценимы при беседах со старообрядцами. Многие из этих книг изданы под непосредственным наблюдением приснопамятного отца архимандрита Павла Прусского, всю жизнь свою, после присоединения к святой церкви, посвятившего раскрытию старообрядцам истинного учения о церкви, и уяснению неправоты их самовольного отчуждения от единения церковного. Хотя этот учительный подвижник благочестия и не получил богословского образования, но он в совершенстве был знаком со Священным Писанием и со святоотеческими творениями. Он всегда с любовью принимал всех, к нему приходящих. И шли к нему со всех концов России, обременённые сомнениями старообрядцы разных толков. Всем он давал должные разъяснения, всех согревал участливым вниманием. Нередко, в последние годы своей жизни, он, изнемогая от слабости, в противность советам врача и друзей, продолжал свои беседы с посетителями. Нам живо помнится его бледный лик, его почти потухшие глаза. Казалось, что он скоро угаснет, но как только до слуха его донеслась речь о церкви и старообрядцах, он становился неузнаваемым. Глаза загорались как бы юношеским огнём, и из уст слышалась вдохновлённая, образная, богатая содержанием речь. Своими писаниями и беседами приснопамятный отец Павел много способствовал уяснению правого понимания Единоверия. Обильный плод принесли труды незабвенного отца Павла, и их с усердием продолжают ученики его, проповедуя слово истины, и раскрывая на беседах правое учение о церкви. Благодаря разъяснениям Архиепископа Никифора Астраханского, Митрополита Московского Филарета, Епископов, собиравшихся в 1885 г. в Казани, и самого Св. Синода, ныне не может подлежать сомнению, что верные сыны католической греко-российской церкви, содержащие глаголемые

старые обряды, пребывают в совершенном единении веры с остальными чадом сей церкви. Это соединение веры есть великое вожделеннейшее благо, о нём же возносит пред Престолом Всевышнего повседневные молитвы святая церковь. Единством веры, таинств и священноначалия надлежит особенно дорожить, и не разделяться из-за обрядов, памятуя слова Василия Великого, обращённые к Неокесарийцам: „хотящим ратоваться за обряды Церкви стыд есть о сём ратоваться и разделяться”. Связанным с нами союзом любви братьям единоверцам припомним слова Митрополита Филарета: „вы единоверцы нам, и мы единоверцы вам”. Преосвященный Аркадий Пермский, этот ревностный проповедник истины, внушал старообрядцам, что различие книжной обрядности не нарушает сущности веры, различие языков не препятствует быть единой вере. Достаточно вспомнить кондак св. Пятидесятницы: „егда же огненные языцы раздаяше, в соединение вся призва”. „Благословенно Единоверие, поучает в одной из своих проповедей покойный московский митрополит Сергей, потому что особенности единоверческих обрядов не заключают в себе мыслей, противных вере Христовой. Единоверцы идут по солнцу, желая идти вслед Христа; мы ходим против солнца, исходя в сретение Христу, просвещающему нас, и призывающему к себе. Единоверческие священники произносят: „и во веки веком”, а мы: „и во веки веков”. И в том, и в другом произношении смысл один – что слава Божия есть вечная, и Богу подобает поклонение вечное. Благодатная сила Христовой любви связует нерушимым союзом всех нас, чад святой православной церкви, и, через единение веры, союз этот приобретает особую крепость.

Будем надеяться, что вы, дорогие юноши, готовясь к пастырскому служению, будете преуспевать в изучении Священного Писания и святоотеческих творений и проникнетесь пастырским духом, безусловно необходимым для проповедников истины, посвящающих свои силы великому делу служения церкви.

IV. Юбилейное торжество 27 октября в С.-Петербурге. С. 612–615

В С.-Петербурге юбилейное празднество, в память столетия со времени дарования старообрядцам церковных прав, также, как и в Москве, началось ранее юбилейного дня, 26 октября, в 2 часа совершена была высокопреосвященным митрополитом Антонием, в сослужении многочисленного духовенства единоверческого и православного, панихида в усыпальнице православных царей, в Петропавловском соборе. Собор был переполнен молящимися старообрядцами, пел на два клироса хор единоверческих певцов по древним распевам. Панихида продолжалась более часу. Владыка митрополит произносил возгласы и творил на себе крестное знамение, а также совершал каждение по-обычному в православной Церкви порядку, все же прочие священно-служащие молились и весь богослужебный чин отправлен был по древним обрядам. После панихиды была совершена лития у гробницы императора Павла, причём представителями столичного православного старообрядчества возложена была икона Всемиловитого Спаса в дорогой ризе.

Центром юбилейного торжества избран был Николаевский, самый обширный и благолепный, единоверческий храм в столице. Вечером в нём по-праздничному совершено было всенощное бдение, длившееся почти до полуночи.

В 9 ч. утра 27 октября начался благовест к литургии. В 9½ часов утра обширный, древнерусского стиля храм был полон молящимися. Со всех приходов представители Единоверчества собрались сюда. Вскоре загудели церковные колокола, возвестившие о приезде владыки митрополита. Высокопреосвященнейший Антоний на паперти храма был встречен единоверческим духовенством, церковными старостами Е. Я. Завидонским, П. В. Васильевым, И. Г. Саидиным, П. Г. Гулиным и попечителями. Настоятель церкви о. Соловьёв по-старообрядчески „начал положил” чтению часов, после чего началась литургия. Высокопреосвященный митрополит Антоний литургию совершал в сослужении

единоверческого протоиерея о. Соловьева, настоятеля Петропавловского собора о. Дернова, синодального миссионера, прот. Крючкова и священников всех единоверческих храмов столицы. Пел соединённый хор единоверческих церквей на два клироса, древним распевом.

Молитву „Призри с Небеси Боже” – Владыка митрополит произнёс по редакции старопечатных книг. Во время запричастна единоверческий священник о. Никольский превосходно прочитал „на голос” из пролога слово Иоанна Златоуста о священстве.

На торжестве принимали участие, в качестве представителей от г. Обер-Прокурора св. Синода, не могшего лично по служебным делам присутствовать на юбилее, – директор Канцелярии Св. Синода, д. с. с., Д. Н. Соловьев, чиновник особых поручений, ст. с., В. М. Скворцов и другие почётные гости.

Перед молебном Высокопреосвященный митрополит прочитал „Послание Св. Синода”, произведшее глубокое впечатление на старообрядцев. Многие плакали, а по окончании чтения вся церковь, во главе с старцем настоятелем, сделала земной поклон первоиерарху русской церкви.

О. Соловьев по случаю юбилея награждён Св. Синодом палицей. – Столь высокая награда впервые в столетие пожалована единоверческому священнослужителю. Молебен с канонем продолжался более часа. По окончании было провозглашено обычное многолетие, закончившееся возгласом: „подаждь, Господи, мир, тишину, здравие же и спасение и многая лета *всем православным христианом*”

Знаменательно, что во всём богослужении не было произнесено слово „Единоверцы” или „Единоверие”.

По окончании богослужения Владыка долго благословлял молящихся и затем удостоил посетить квартиру о. настоятеля, куда собрались старосты и попечители Единоверческих церквей, а также почётные гости и прихожане. После чая подано было шампанское. Поздравив причт и представителей православных старообрядцев с знаменательным юбилейным торжеством, Владыка пожелал умножения церковного мира и любви, а наипаче спасения.

Протодиаконом провозглашено было многолетие Высокопреосвященному митрополиту, которому в этот день исполнилось 30-летие должностной деятельности. Принимая поздравления от присутствующих, Владыка изволил заметить, что он впервые в своей жизни служил в единоверческом храме и это первое служение так знаменательно совпало с памятным в его жизни днём начала и общественного служения. Вскоре первоиерарх отбыл, а духовенство и почётные гости разделили трапезу прихожан, в которой приняло участие свыше 300 представителей столичных единоверцев, в числе коих были и дамы. За трапезой было провозглашено многолетие Государю Императору, Св. Синоду и Владыке Митрополиту, Гг. Обер-Прокурору Св. Синода и его товарищу, причтам единоверческим, старостам церковным, попечителям и прихожанам, и всем православным чадам церкви.

Были произнесены также и речи. Первым обратился к представителям единоверцев с словом назидания синодальный миссионер, прот. о Ксенофонт Крючков, как известно, и сам вышедший из раскола, присоединившись к церкви на правах Единоверия. Вот это слово.

V. Речь синодального миссионера прот. о. Ксенофонта Крючкова. С. 615–619

Возлюбленные братия!

Вот уже протекло сто лет со дня учреждения Единоверия в нашей Русской Православной Церкви. Знаменательно событие это и приснопамятен сегодняшний день, который мы молитвенно почтили. В этот день св. Церковь положила начало великого снисхождения в деле спасения многим тысячам людей, находившимся в разъединении с ней из-за обрядов, употреблявшихся в некоторых местах Русской Православной Церкви до лет патриарха Никона. В этот же день святая церковь благословила присоединяющимся из раскола к святой церкви употреблять те излюбленные обряды и напевы, к которым они с детства своего привыкли. И не ново в Церкви Христовой такое решение священноначалия Российской церкви – оно освящено примером св. апостолов. Подобным снисхождением некогда св. апостол Павел отворил дверь для входа язычникам в Царство Христово. В Деяниях св. апостолов читаем: в одно время восташа нецыи от ереси фарисейской, веровавшии, глаголюще: «яко подобает обрезать язычников и хранить им закон Моисеев». Вследствие этой распри был собран собор из св. апостолов, на котором и было постановлено так: «чтобы ни чего тяжкаго не возлагать на уверовавших язычников во Христа, кроме сих: огребатися от идоложертвенных, и крове, и удавленины, и блуда, и елика не хотите вам быти, другим не творите». Написавше таковое послание св. апостолы вручили его св. апостолу Павлу и Варнаве, послаша их в Антиохию проповедати Слово Божие, и вот они пришли в Дервию и Листру, где обрели Тимофея, имущего отца еллина, которого Павел после обрезал вопреки соборного постановления. Объясняя эти слова св. Златоуст говорит: «воистину нужно удивляться разуму Павлу, толико он спорил на соборе, чтобы не обрезать язычников, сам же обреза Тимофея и нам же сие возбраняше. Ни что же есть разумнейше, яко все, яже на пользу душевную творите». Потом, того же апостола некоторые зазирали в

нехранении иудейских обычаев, почему ему другие апостолы посоветовали вместе с иудеями принести в храме жертву для успокоения иудействующих христиан. Премудрый Павел, ни что же сумняся, остриг голову и принес жертву в Кинхреях.

Другой же апостол, Иоанн Богослов, уверовавшим из иудеев христианам, как привыкшим искоаи праздновать Пасху по закону Моисееву, так же сделал снисхождение и уступил ихнему требованию; таковое празднование в Асийских церквах продолжалось до 1-го вселенского собора, (до 326 г.), да и после соборного отменения сего обычая празднование среди иудействующих христиан продолжалось, о чём св. Златоуст говорит: «и мы им доблественне терпим».

Вот, братия, какой сердечной любовью пылали сердца пастырей Христовой церкви первохристианских времён к немощам верующих, желая одного только достигнуть, чтобы спасти брата от смерти и чтобы никто не погиб для Царствия Божия. Такой же любовью проникнуты пастыри и нашей св. Церкви, укажу, например, того же патриарха Никона, виновника исправления книг. В одно время, говорит история, подошёл к Никону патриарху Григорий Неронов и сказал ему следующее: иностранные греческие власти наших служебников не хулят, но и похваливат. На это ему патриарх ответил: так «обои-де добры», т. е. и прежде напечатанные, и новоисправленные, по каким хочешь, по тем и служи. – Я старых держусь, сказал Неронов и, приняв благословение, вышел от патриарха. Вот когда ещё началось Единоверие, говорит знаменитый иерарх московский, митрополит Макарий. И вот движимые любовью, следуя примеру апостолов и взгляду вселенских учителей и пастырей, митрополит Платон, назад тому сто лет допустил тоже снисхождение к меньшей братии; когда московские старообрядцы заявили ему о своём соединении со святой церковью, то он в их спасении принял самое горячее участие, вошёл с представлением в Святейший Синод, который и удостоил наших предков, а с ними и нас милостивейшего соизволения на отверстие дверей для входа в Христову церковь, нуждающимся в благодати таинств и искавшим спасения.

Каковое соединение чад с Христовой церковью и последовало в нынешний день, назад тому 100 лет.

Такою же снисходительной теплотой отеческой любви к ищущим спасения обладали и теперь обладают сердца пастырей Российской Церкви и настоящего времени, что напр., осязательно видно из деяния Казанского собора архипастырей, состоявшегося в 1885 году, на котором было выражено, что *единоверие и православие составляют одну церковь*, в храмах тех и других призывается един Господь, исповедуется едина вера, совершается едино крещение, приносится едина умиловительная бескровная жертва Христова, приемлется едино причастие – тело и кровь Животворящие, – словом, и там и здесь одно и то же, и одинаково всё то, что живет и питает человека. В то же время Святейший Синод в 1886 году изъяснил, что православная церковь не произносила и не произносить никакого осуждения и порицания на эти обряды, которые признавало и признаёт не представляющими ничего противного православию и считает употребление их, не в знак противления церкви, но в полном общении с ней, по её собственному благословению, вполне дозволенным. Да заградятся же уста облыгающих святую нашу Матерь Церковь, якобы она поносит тяжкими поречениями те обряды, которые сама благоволила к употреблению чад своих, и никто употребляющий сии обряды, по благословению Церкви, да не смущается подобными лживыми толками врагов церкви, ратующих за раскол! Итак, братия! Из сей скромной моей речи видите, что Церковь Христова имеет искони, от самых времён апостольских, право делать снисхождение немощной братии ради ихнего спасения.

Так и настоящие пастыри православной церкви, водимые тем же духом святым и сердечной любовью к немощной братии, во всём согласно поступали и поступают, благословив нас, своих чад, содержать старые обряды. Будем же и мы, братия, подражать прежним чадам Христовой церкви, на которых простиралось сие снисхождение, почему и не должны делать распрей и раздоров из-за обрядов, а должны составлять едино тело Христовой церкви, со всеми сынами православия,

различествующими с нами в обрядах и пении, и не забудем, что тогда только наше Единоверие будет истинным единением о Господе.

Действительно, настоящим торжественным богослужением, во главе с первоиерархом всей Российской Церкви, в совокупности с сонмом протоиереев и иереев, и молящихся из различных сословий чад святой церкви, не доказывается ли истинное единение, не составляли ли мы ныне едино тело Христовой Церкви! Дай Бог, чтобы и другие единоверцы, живущие в различных местах нашей обширной России, последовали сему доброму примеру, т. е. проявляли-бы такое же единение духа, какое явили ныне всем воочию единоверцы города Петербурга в настоящий день празднования столетнего торжества соединения некоторых чад со Христовой церковью.

Итак, братия! возблагодарим Господа Бога за такое милосердие к роду нашему, что он умудрил пастырей своей церкви даровать в этот день такую спасительную меру для воссоединения заблуждающих чад с истинной Христовой церковью!

* * *

После многолетия за православное духовенство, в лице присутствовавшего на трапезе настоятеля Петропавловского собора о. прот. Дернова, последний ответил прочувствованным экспромтом, в котором, меледу прочим, отметил, – как отрадное доказательство единения старообрядцев со всеми православными чадами единой Матери Церкви, – служение ими панихиды в усыпальнице русских царей. В истекшее столетие Единоверия православные старообрядцы впервые молились у гробницы Императора, даровавшего им церковные права.

Почтенный пастырь пожелал, что бы союз любви и взаимообщения церковного возростал между единоверцами и всей православной семьёй до такой свободы духа, когда не только единым сердцем, как ныне, но и едиными усты старообрядцы могли бы молиться с спокойной совестью со всеми вместе чадами Церкви и во всяком православном храме.

После многолетия и здравицы за г. Обер-Прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева и его Товарища В. К. Саблера,

чиновник особых поручений В. М. Скворцов²³⁴ передал собранию почётных прихожан, что Его Высокопревосходительство г. Обер-Прокурор, приветствует их и не имея возможности лично присутствовать на их юбилейном празднике, духовно разделяет это торжество всем своим, преданным интересам и благу Единоверия, сердцем. К этому редактор нашего журнала присовокупил ещё и несколько импровизированных прочувствованных слов по поводу знаменательного юбилейного торжества, назвав, между прочим, праздник 27 октября „наречённым и святым днём” – „днём духовного счастья и церковной радости”. Воспроизводим эту речь.

Речь В. М. Скворцова. С. 619–622

Счастливы и многознаменательны день 27 октября в истории много-мятежной жизни глаголемого старообрядчества, ибо он явил тоскливо блуждавшим, – в поисках за потерянной истиной, во тьме раскола, – *свет, истину и жизнь*, открыл верный и прямой путь ко спасению в недрах церкви, путь к небу! Счастлив этот наречённый св. день – ибо Всеблагий Господь, *хотящий всем спастися и в разум истины приидти*, озарил избранных от раскола спасительной мыслью единения с церковью *яже есть тело Христово*! Счастлив, – ибо от сего празднуемого ныне, наречённого и святого дня, назад тому сто лет, отверсты для всех покаявшихся старообрядцев врата церкви и началось вхождение во дворы Господни толикого множества спасаемых!

Богобоязненные и мудрые предки ваши, в заботах о *едином на потребу*, имели крепкую силу разума и великое мужество духа выделиться из тьмы тем восстающих на церковь, сбросить вековое бремя противления и раздора, понять ту краеугольную евангельскую истину, – что *буква убивает, дух животворит*, что обряд, форма – мертвит, а лишь благодать таинств спасает.

Отрадно, что в сей день достойнейшая, богопросвещённая часть старообрядчества соделалась *сынами света и чадами послушания*, и с тех пор *Единоверие*, подобно Ноеву ковчегу, спасает и будет спасать миллионы душ покорных верных чад церкви, содержащих древние обряды – от бурь и потопления в пучине раскольничьего волнующегося моря! Отрадно, что вы, достойные наследники ваших достойнейших приснопамятных предков, приобревших вам сокровище Единоверия, сохранили этот вручённый вам божественный бисер, приумножили этот небесный талант, ибо нынешние единоверцы вернее смотрят на святое дело Единоверия, яснее видят истину, теснее прилежат к обще-православной семье верующих Единой Матери Церкви, об этом свидетельствует сегодняшний юбилейный праздник, любовью вашей составленный. И посетил Господь радостью, возвещённой днесь вам, дорогие братья и сёстры, приемлющие древние обряды, в трогательных любвеобильных словах

Послания высшего церковного священноначалия, прочитанного сегодня в храме первоиерархом Российской Церкви!

Глубоко-знаменателен этот голос правящего собора архипастырей нашей общей Матери Церкви, – обращённый к содержащим глаголемые древние обряды, как чадам православной Греко-российской, католической и апостольской церкви, – как чадам возлюбленным, как сынам света и послушания, – имущим через единение с церковью и принятие благодатных её таинств наследие жизни вечной во Христе Господе нашем. Такое единение ваше со всеми чадами православной церкви Св. Синод называет превозделенным!

По изъявленному в послании Св. Синода разуму и голосу церковного священноначалия в Церкви нашей нет и быть не должно разделения на нас и на вас, как бы отдельных членов, есть только *мы*, – православные чада единой Матери Церкви, из коих одни – содержат новые, по обычному выражению (хотя они древнейшие и общие всем церквам православным обряды), а другие понимают глаголемые древние, и *мы* и *вы* одинаково *полноправные* члены церкви, причастники одной благодати, наследники жизни вечной, *мы* и *вы* – *едина церковь Российская, едина Русь святая!* И это воочию доказало сегодняшнее столь единодушное юбилейное торжество и величавое богослужение. Первоиерарх Российской церкви, в единоверческом храме св. Николая, крестился и священнодействовал по чину, привычному для него, – по обычному православным, сослужившие ему пастыри и клир – по древним, содержимым вами обрядам; *мы*, приобщившиеся к вашему торжеству, крестились троеперстно, *вы* – двуперстно. Но да не превозносится никто ни из вас, ни из нас друг над другом, как бы над немощными или несовершенными, никто да не зазирает друг друга по-раскольнически, из-за разности в обряде! Но да крепнут и ширятся это превозделенное единение и его спасительные плоды в сознании всех чад Единой св. нашей церкви, наипаче же среди старообрядцев, раскольствующих. Да будет нынешнее торжество и поучительным, и вразумительным для тоскливо блуждающих вне ограды Церкви, во тьме заблуждения раскола!

Врата церкви отверсты для них: она готова принять их, как любящая, милующая и прощающую мать! Да умолкнут же отныне наветники и враги православных, сеющие вражду и недоверие между нами и вами чадами Единой церкви!..»

* * *

Юбилейный праздник 27 октября, как в Москве, так и в столице поднял дух православных старообрядцев (единоверцев) и глубоко тронул сердца этих дорогих для церкви её чад. По сведениям их провинциальных центров Единоверия, столичные торжества всколыхнули сердца и там, вызывая единодушное подражание доброму благочестивому примеру своих передовых столичных братьев. В Перми. Екатеринбурге, Самаре совершены умильные празднества и в память векового события 27 октября и по поводу любвеобильного послания Св. Синода. Подробнее о сём скажем в другой раз.

В заключение скажем несколько слов о Петербургском Единоверии вообще. Всех единоверцев в городе С.-Петербурге насчитывается до 3,000, которые для удовлетворения своих религиозных потребностей имеют четыре церкви, две из коих: Волковская-Сретенская и Больше-Охтенская, во имя святого Димитрия Солунского – кладбищенские, с малым количеством прихожан, и две Никольских, одна – на Николаевской, а другая – на Захарьевской улице. Первая по времени единоверческая церковь в С.-Петербурге была открыта, по определению Святейшего Синода, ещё 10-го декабря 1799 года в доме купца И. И. Милова по обращению его из раскола и была освящена во имя святителя Николая Чудотворца. Император Павел Петрович 20 октября 1800 года слушал в этой церкви литургию и благодарственный молебен и пожаловал даже крест и „звон“ для церкви, причём выразил желание, чтобы причт этой церкви принял на ряду с придворным духовенством участие в богослужении в церкви дворца. Из всех столичных единоверческих церквей особенно выделяется по богатству, обширности и числу прихожан – Никольская на Николаевской улице, начатая постройкой ещё в 1820 году и оконченная в 1828 году.

Э. Я.

Современный раскол. С. 622–627

Кассирование Сенатом дела Василия Мельникова. Распоряжение московского раскольничьего лже-ладыки Картушина об отобрании новых антиминов и уничтожении подложных мощей мнимых грузинских мучеников.

15-го сентября в угол. касс. деп. сената слушалось дело по жалобе мещ. Василия Мельникова на обвинительный о нём приговор стародубского окр. суда по обвинению его в прест., предусм. ч. 2, ст. 181 ул. о нак.

Обстоятельства этого дела, как они представлены в докладе Сенату, следующие:

30 марта 1897 г. чинами отд. корпуса жандармов был произведён, на основании „положения об усил. охр.“, обыск в квартире старообрядца Мельникова; найдены были 4 экз. газеты „Слово Правды“, издаваемой в Румынии в г. Браилове старообряд. братством Пресв. Богородицы и посвящённой защите старообрядчества; во главе журнала стоял брат Василия Мельникова Фёдор Мельников. По отзыву духовной власти, на рассмотрение которой переданы были захваченные издания, в разных статьях „Слова Правды“ содержится поношение Святых Господних и порицание православной веры. Таковы, напр, статьи по поводу обретения нетленных мощей Святителя Черниговского Феодосия. Во время обыска и после, во время производства дознания и перед следствием, были задержаны письма, адресованные Василию Мельникову. В них старообрядцы из разных местностей (губ. Пермская, Вятская) просили о присылке „Слова Правды“ и прилагали при письмах подписную плату. Переписка частью велась условными знаками, дешифрованными благодаря ключу, неизвестно кем доставленному при анонимном письме прокуратуре. По сведениям, сообщённым следственной власти департаментом полиции, существовала организация подписки на „Слово Правды“, и объявления о ней рассылались в закрытых конвертах в разные местности России. В ноябре 1896 г. некий Михаил Александров, принадлежавший ранее к расколу, потом от него отпавший и присоединившийся к православию, донёс прокуратуре, что Василий Мельников, распространял

газету не только среди старообрядцев, но и среди православных и чтение её даже некоторых поколебало в вере. Лица, указанные в донесении Александрова, не подтвердили этого сообщения. Мельников, определением киевской судебной палаты преданный окружному суду с участием прис. засед. по обвин. в прест., предусм. 2 ч. 181 ст. ул. о нак., был, на основании вердикта присяжных засед., приговорён к ссылке в менее отдалённые места Сибири. В своей касс. жалобе, Мельников прежде всего доказывал, что к деянию его неприменима ст. 181 ул. о нак. В инкриминируемых статьях нет поношения православия и Святых Господних, а есть только критика церковных порядков и установлений, вполне допускаемая и в цензурной печати. Для доказательства этого, кассатор сравнивает инкриминируемые статьи „Слова Правды” с некоторыми произведениями известного нашего канониста проф. Суворова и со статьями, помещавшимися в „Русском Труде”. Далее, кассатор из рассмотрения разных статей улож., относящихся к богохулению, приходит к выводу, что для наличности преступл., предусм. ст. 181 улож. о нак., необходимо намерение произвести соблазн и колебание веры. Такое намерение, как это неоднократно разъяснено сенатом, может быть налицо только в том случае, если порицание православия и святых православной церкви производится в присутствии православных и имеет именно в виду поколебать уважение православных к церкви. А между тем, в данном деле суд установил, что газета „Слово Правды” распространялась исключительно среди старообрядцев, след., деяние Мельникова, не содержащее сущест. признак. ст. 181 ул. о нак., может быть, по мнению касс. жал., квалифицировано лишь по 1022 ст. ул. о нак. Но если даже признать, что деяние правильно квалифицировано ст. 181 ул. о нак., то, по мнению кассатора, оно по точному смыслу ст. 1213³ уст. уг. суд., подлежало непосредственному рассмотрению суд. палаты, но никак не окружному суду с уч. присяжн. засед. Правительствующий сенат определил: имея в виду, что дело Мельникова было неподсудно окр. суду с уч. присяж. засед., не входить в рассмотрение др. доводов касс. жалобы и приговор стародубского окр. суда, верд. присяж. засед., и опред. киевск.

суд. пал. о предании Мельникова суду, за нарушением 1213³ у. у. с., отменить.

По сообщению наших корреспондентов, невежественный раскольничий мир ликует, по поводу Сенатской отмены решения суда и Палаты, по делу раскольничьего апологета, думая, что „их взяло“, что сам Сенат заступился за их дорогого страстотерпца“, и полагают всю силу такого решения в хлестких доводах жалоб. Но так думать может только одно невежество. Сенат никогда не входит в рассмотрение существа дела, а следит лишь за его процессуальной стороной – за соблюдением законности в применении статей, форм и обрядов судопроизводства. В данном деле Василия Мельникова явно нарушена статья судопроизводства (1213³), в силу которой Мельникова должна была судить, и будет конечно вновь – Палата, т. е. суд коронных судей, а не присяжных заседателей, – т. е. более строгая и глубже разумеющая степень виновности и наказуемости подсудимого.

Что касается доводов кассационной жалобы, то они в высшей степени странны, если не сказать просто – нахальные. Заграничный подпольный раскольничий листок запрещён правительством к распространению в России за вредный его характер, – за кощунство, богохуления и порицание святынь, чтимых Православной Церковью, и всё это в глазах кассатора только простая критика не более... Затем, возможно ли допустить, чтобы листок „Слова Правды“ распространялся только среди раскольников и не служил бы соблазном для православных? А затем и сами раскольники ведь не составляют какого-либо особого исповедания, а суть заблудшие чада православной церкви, соблазнять и среди них миссионировать никто не имеет права, кроме господствующей Церкви. При новом рассмотрении Палатой настоящего дела, которое так волнует весь раскол австрийской секты, необходимо путём экспертизы обстоятельное выяснение вопроса о том, что действительно в инкриминируемых статьях содержатся порицания; а не простая критика.

Другим начинающим глубоко волновать умы раскольничьего мира новым событием служит „секретнейшее распоряжение“

раскольничьего московского лже-владыки Картушина об отобрании из моленных новых антиминов, в кои вложены были окружническими лже-епископами подложные мощи мнимых мучеников грузинских, обрященные в одной пещере, оказавшиеся потом трупными останками черкес и зайца. В своё время разоблачение этого возмутительного кощунственного дела самим же Измаильским раскольничьим лже-архиереем Анастасием произвело большую смуту в расколе, но раскольничьи лже-владыки и апологеты старались замять постыдный факт. В том же „Слове Правды” были помещены статьи с описанием сочинённых чудес от подложных мощей. Но далее упорствовать в столь страшном греховном деле не позволила совесть самих даже расколо-вождей – лже-иерархов, которые секретно порешили на одном из соборов – „изъять из своего церковного употребления подложные мощи мнимых грузинских мучеников, пустив их на реку, а равно и антимины, и дабы не смущать совесть немощных” (т. е. не сожжённую, но ещё боящуюся суда Божия). Но нет тайны, яже не откроется; первыми, почувствовали угрызение совести раскольничьи попы, которые не могли быть не осведомлены по поводу сего, хотя бы и секретнейшего распоряжения своих лже-владык. Двумя из таких попов засвидетельствована и нам истинность настоящего сообщения. Но о беседе с этими свидетелями мы поговорим в своё время.

А теперь считаем не лишним познакомить читателей „Мис. Обзор.” с историей обретения этих лже-мощей и привести копию письма Силуана.

Верстах в трёх от ст. Карабулакской, Терск. обл., по направлению на восток, на пригорке стоит минарет, построенный из камня наподобие башни. Под минаретом вырыта пещера; на полу пещеры с давнего времени лежали три высохших человеческих тела, кожа которых по местам отстала; тут же лежали трупы собаки и зайца. По свидетельству рукописного сочинения одного Владикавказского доктора, составленного в 40-х годах со слов стариков-туземцев, названные три человеческих трупа принадлежат черкесскому князьку Исламу, его жене Фатиме и их слуге; что касается до находившихся в

пещере собаки и зайца, то предание говорит, что заяц, преследуемый собакой, вскочил в означенную пещеру, а за ним и собака, желавшая его поймать, и оба не могли выбраться из пещеры, имеющей форму кувшина с узким отверстием, и околели. – В 1876 году лже-протоиерей ст. Алхан-Юртовской, Стефан Загороднов, по поручению лже-архиепископа Антония Шутова, был в означенной пещере, забрал оттуда все три трупа и отправил их в Москву Антонию. Антоний признал черкесские трупы за тела христианских мучеников и стал рассылать части этих трупов во все раскольнические епархии. Так появились „мощи” у раскольников, приемлющих австрийское священство. Само собой понятно, что такое необычайное „обретение” не менее необычайных „мощей” произвело великий соблазн среди ревнителей древнего благочестия и доселе служит поводом к великим раздорам и несогласиям между мнимыми старообрядцами. Собор лже-епископов своим секретнейшим распоряжением ещё более усилил раздоры и соблазны по поводу мнимых мощей среди раскольников. Вот письмо лже-епископа Анастасия к лже-епископу Силуану. Приводим это письмо с буквальной точностью.

„Ваше преосвященство!

Возлюбленный о Христе брат и юзник

Христов, Епископ Силуян.

Мир и благословение Божие

да умножится в Вас богато.

Слышавши ваше искушение, почли как собственно нашим, – оно и действительно наше, потому что мы все братия о Христе. Я очень болю о том, что вас подобное искушение постигло, но утешающего в человецех несть; Архиепископ к подобным идеям мёртв, Духовный Совет торжествует, что его соперники страждут и им несть до того дела, дабы только безумная воля взяла верх. – Я приезжал на Кавказ по поручению Архиепископа Савватия для исследования о мощах, которые в вашей епархии обретыны в станице Алхан-Юрт, – об которых вам бы следовало более беспокоиться и точней справки взять, – Вы подумайте хорошенько, что на этих неизвестных трупах освящаются церкви и сотни Антимисов в запас освящены, – я не могу понять, как это

от вашей проницательности ускользнул таковой важнейший Акт, – действительно неизвестные трупья лежали в склепе без всякого признака христианства вдруг признать за Савория царя Перского, детей Даду, Гаведая и Гаргила и Каздои. Эти мученики, как пострадали, вот уже 1200 лет, – не имея на это ни каких данных ни чудес ни исторических свидетельств, нужно было отцу Стефану, этому отчаянному священнику, сфабриковать таковое странное дело, прошу и умоляю ваше Преосвященство обратить на это серьёзное внимание расследовать это дело в самом Тщательном и безукоризненном порядке, Нам и Вам жить не много осталось, – а пожалуй этот вопрос по смерти вашей останется нетронутым и так далее будут церкви старообрядческие освящаться в место мученических – на трупах некрещённых черкес, неотложно возьмитесь и возьмитесь с юношским духом, это нечестие исторгнуть от церквей Божиих ещё эта зараза ни весь наш район старообрядческого мира охватила; – Прося ваших святых молитв, – искренно уважающий вас Анастасий Епископ измаила²³⁵.

1885 г. 25 августа”.

Да, страшно ведь попасть в руки живаго Бога! иже аще соблазнит и единого из малых сих верующих в мя, уне есть ему, да обесится жернов оселский на выи его, и потонет в пучине морстей... Обаче горе человеку тому, имже соблазн приходит (Мф.18:6,7). А потому вполне попятно то смущение, какое переживали и переживают и лже-епископы, и лже-попы, по поводу тёмной истории о мощах.

**Библиография // Миссионерское обозрение. 1900 г.
№ 7–12. С. 628–641**

Э. О. [Рец. на:]: Летопись печати (светской) по вопросам миссии и расколо-сектантства. С. 628–634

Однородность суждений „Мис. Обзор.” и некоторых светских писателей. – Отсутствие интереса к учению церкви у светского общества; причины тому – Образец глумления светского писателя. – Интеллигенты – виновники духовборческих несчастий. Вред от немцев-колонистов. Русская веротерпимость в сравнении с Западной.

Настоящую нашу „Летопись” мы с удовольствием начинаем с констатирования приятного для нас и важного для миссии факта. Нам пришлось убедиться, что некоторые суждения и идеи, раскрываемые „Миссион. Обзор.”, не остаются одинокими; их разделяют не только некоторые органы духовной печати, но, что особенно важно для нас, они начинают проникать и в светскую печать и т. ч. некоторая её часть за нынешний год сказала многое такое, о чём давно и многократно говорилось в нашем журнале. Такие светские органы, как „Вестник Европы”, „С.-Петербургские Ведомости”, „Россия” и такие писатели, как г. Тверской, Амфитеатров, которых все привыкли считать, либеральными и которых уж во всяком случае в снисходительном отношении к православной церкви никто не заподозрит, – и эти, наконец, проговорили истину в защиту интересов русского православия и русского православного народа. Поэтому мы решаемся просить читателей остановиться повнимательнее на суждениях этих светских органов по вопросам веры.

В газете „Россия” (№ 395 за 1900 г.) помещён очень интересный по выраженным в нём суждениям фельетон Old Gentleman'a (г. Амфитеатрова). Написан он на тему об отношении нашей интеллигенции к церкви православной и духовной литературе. „Насколько силен в нашем обществе религиозный интерес”? вопрошает автор. Читатели нашего журнала и наших Летописей печати хорошо знают, что и мы неоднократно отвечали на этот вопрос. Мы отмечали, что интерес религиозный у светского общества и есть, и нет. Есть в

том смысле, что это общество сильно и последовательно интересуется нашим сектантством и учением его, иногда с пеной у рта отстаивает его религиозные положения и свободу его исповедания. Но в то же время оно в большей своей части не знает и даже, что особенно печально, не хочет знать православного учения, что необходимо для него хотя бы для правильных суждений о сектантстве. Тоже самое за нашим обществом подметил и наш автор, всю свою жизнь посвятивший газетной работе и хорошо изучивший светское общество. Отметив, что у общества этого „очень велик интерес к толстовцам с одной стороны, к нео-буддистам, теософистам, спиритам, контистам, (т. е. последователем учения философа О. Конта), демониакам и тому подобным чудакам – с другой”, он категорично и „откровенно” утверждает, что интереса к церковному учению, которое воспринимается в семье от родителей, в средней школе – от законоучителей, в университете от профессоров богословия, у людей, придерживающихся господствующего, православного вероисповедания нет почти вовсе. Из десяти человек светских профессий, наверное, девять не брали в руки книги духовного содержания с тех пор, как в юности своей распростились с обязательствами „священной истории” Рудакова, „Катехизиса” Филарета, „Истории церкви” Рождественского, а позже – с богословскими лекциями Сергиевского, Горчакова, Царевского, Лебедева и т. д. Факт, отмеченный автором, вполне верен. Но он не значит, что среди светского общества нет лиц весьма религиозных и вполне православно мыслящих. такие лица есть и их, слава Богу, очень и очень немало. Но только и в приложении к ним слова автора нисколько не теряют своей справедливости. У наших православных светских лиц нет того, что наблюдается постоянно у сектантов и отчасти у католиков, нет того, чем живёт и распространяется сектантство наше и западное, нет ревности по православно веру и воспламеняемого ею желанья изучать учение церкви и, через отстаивание его при напорах со стороны сектантов, распространять среди иномыслящих. Наш православный светский интеллигент как-то самозамкнут в своём исповедании веры и теплохладен к делу изобличения разных

лжеучений. А у некоторых, тоже опять искренне и твёрдо православных, при слышании ими учения противного, возбуждается не дух ревности к изобличению его, а желание найти пятно в господствующем вероисповедании, как причину для объяснения появления сектантских лжеучений. Справедливы поэтому по отношению к таким лицам дальнейшие слова нашего автора. „Лев Толстой возродил в нас потребность перечитать Евангелие. Мы перечитали, но – так как совет исходил из полемического источника – то и результаты получились больше полемические. Если светский человек в религиозном споре сыплет евангельскими текстами, вы, даже не вслушиваясь, почти наверняка можете сказать, что он говорит против господствующего вероисповедания”.

В чём же причины такого ненормального положения дела? Автор выставляет их две. Первая заключается в веяниях отрицательной образованности и литературы, вторая – „в ошибках, филаретовского (религиозного) воспитания” в наших средних учебных заведениях.

„Мы не живём по Христу и вряд ли способны (?) жить; но так как церковь, к которой мы принадлежим, зовёт нас к себе именем Его, то мы с злорадством пытаемся укорить её, что она – не Христова. При этом надо сознаться, что мы – очень пристрастные судьи. Мы внимательно выслушиваем всякого, нападающего на церковь, но не только без почтения встречаем апологии её защитников, а даже и не слушаем (их). Когда говорит свободный мыслитель, что может ответить ему „поп”? А если он не смолчит, а возражает на наши доводы своими, церковными, мы машем рукой: ладно, мол! слышали это в детстве! Теперь мы люди взрослые... вы нам анализ подайте, а авторитетом текстов нас не прошибёшь!” Это, по автору, объяснение отсутствия живой, ревниво оберегающей церковное учение, веры у одних её чад. Для других, корень этого зла заключается в постановке преподавания Закона Божия в светских учебных заведениях. „Наш школьный Закон Божий сделался через Филаретову программу (т. е. через программу и катехизис м. Филарета) мёртвой формой, трудно и скучно запоминаемой, но быстро и легко теряемой из памяти...”

Гимназическое положение Закона Божия, как предмета формального (?), да к тому же ещё среди других требований программы второстепенного, обращает изучение его в скучную обязанность; чем скорее исполнить её кое-как, тем лучше: всё равно, ведь этому учат „только так”. Вспоминая своё обучение, автор говорит, что, хотя и батюшка-законоучитель у них был хороший и многие среди его товарищей волновались религиозными вопросами; но тем не менее „Закон Божий” лишь зубрили и отвечали вкривь и вкось, а действительную жажду религии удовлетворяли самостоятельно, зачитываясь Евангелием или Фомой Кемпийским.

Не имея возможности и права за своей некомпетентностью и малой осведомлённостью в деле постановки преподавания Закона Божия в светских учебных заведениях высказать своё суждение на счёт справедливости выписанных нами суждений автора о незначительности или даже и совсем отсутствии влияния преподавания Закона Божия на развитие и укрепление религиозного уклада и интереса у юношей, не можем не заметить, что слова нашего автора заслуживают самого серьёзного внимания. Не верить ему или полагать, что им несправедливо или односторонне и пристрастно представлено дело, мы не имеем оснований. Автор, как сам – сын московского протоиерея, далеко не враг православной церкви и её учения: наоборот, руководимая им газета „Россия” иногда освещает религиозные вопросы с чисто церковной стороны. А как публицист, он известен как знаток нашего общества, верно выясняющий его недуги и их причины. Поэтому то нам и желательно, чтобы его слова вызвали на долгое размышление о них тех, кому духовное воспитание юношества ведать поручено. – Другие же суждения автора о причинах отсутствия у нашего общества духовно-религиозных интересов нам представляются совершенно верными.

Наш век – век развития положительных знаний; он нас как-то незаметно отучил верить в то, чего не может видеть своими глазами, осязать своими руками. Мы уже не хотим, да, пожалуй, в большинстве своём и не можем, верить в то; что выше нашего знания и возможности проверить его нашим разумом. Нам всюду

подай анализ, да притом такой, какой только возможен в естественных науках. Что же не может устоять перед ним, хотя бы потому, что оно по природе, по сущности своей не подлежит этому анализу, мы отбрасываем, как будто бы не выдерживающее критики; как непроверенное и недоказанное, хотя под этой критикой мы разумеем не более, как только „свой аршин”. И получается в результате то, что неизбежно бывает при приложении ко всему своей мерки – „своего аршина”: и выходит – не дело, а только мука. „Ладно, мол. Слыхали это в детстве”!.. Слышится обычно от таких взрослых, но легкомысленных, учёных детей из среды людей мира сего.

Другие из нас хотели бы всем сердцем к церкви принадлежать и право веровать в её учение: но по собственной слабости не могут „жить по Христу”. И вот опять вместо того, чтобы себя возвышать до приобретения сил жить истинной христианской жизнью, они начинают церковь укорять, что она возлагает бремена неудобноносимые, что учение Христово ею не точно толкуется, что и представители её – пастыри и архипастыри – люди греховные и что, следовательно, им самим (т. е. светским людям) нужно по-своему понимать Христово учение, т. е. понимать по хотению плоти своя. Отсюда – симпатии к сектантству, отсюда – холодность к православной церкви, отсюда – то общее всей нашей верующей и принадлежащей к церкви интеллигенции свойство, которое обычно зовётся „теплохладностью” к вере и духовным интересам. Отсюда понятно появление у нас и таких типов, как покойный писатель Н. С. Лесков, в котором невер боролся по временам не только с верующим, но даже с суеверным человеком. Из религиозных побуждений занимаясь чтением прологов и т. п. духовной литературы, он иногда пользовался ею для целей невера. Вот что в нём между прочим рассказывает наш автор – г. Амфитеатров. Лесков, знакомый с прологом, на основании его написал статью „Легендарные характеры”, напечатав их в „Рус. Мысли”. В статье этой он сделал под маской притворной защиты глумливый подбор анекдотов о женщинах первобытной христианской церкви. За дерзкое глумливое направление этой статьи ею были недовольны даже и

самые либеральные светские журналы. Насколько велико было глумление, об этом можно судить уже из того факта, что те же самые рассказы вошли в качестве назидательного чтения в изданную для народа книжку „Училище благочестия”, вышедшую недавно 18-м изданием. Таким образом, один и тот же материал послужит любимым предметом народного чтения и орудием для посмеяния над верой народной; и последнее произошло не из других причин, как из свойства нашей интеллигенции всё мерить меркой положительных знаний и насмехаться над тем, что выставленное в качестве образца для жизни нам представляется как невозможное к осуществлению в жизни, а потому и невероятное.

Неудивительно поэтому, как внимательно следует наблюдать за всяким руководством нашей интеллигенции развитием и укреплением у простого народа религиозных воззрений. К чему привело такое руководство одну несчастную частичку нашего народа, — всем хорошо известно из печальной эпопеи духоборческой. Наш журнал не раз отмечал вину в ней интеллигенции. Послушаем теперь, что говорит о том же самом светский писатель, близко стоявший к духоборам при поселении их в Канаде и которого скорее можно причислить к друзьям описанного нами типа светской интеллигенции, чем к её недоброжелателям. — Описав бедственное положение духоборов в Канаде, г. Тверской продолжает: „Их вожаки из интеллигентов, — а именно вследствие их непредусмотрительности и самоуверенности они (духоборы) попали как „кур во щип”, „из огня да в полымя”, — скрывали и скрывают действительное положение дел, частью потому, что ответственны за него, а, главным образом, потому, что их собственный фанатизм ничего не имеет против этих страданий. Так как „естественные” главари духоборов, люди из их собственной среды, все в ссылке, то руководят ими, так сказать, „искусственные” духоборы, доходящие до *plus ultra* (*дальше некуда*), проповедующие, например, неупотребление железа, еду немолотого зерна, спанье на голом полу, когда рядом стоит удобная кровать — словом, они — люди, додумавшиеся, как говорится, до чертиков, безнадёжные маньяки... Признаюсь, я был совершенно

озадачен, когда лично познакомился с представителями этого совершенно неожиданного для меня типа в лице духоборов-ходаков.. Когда имеешь дело с такими „повреждёнными“, каковы интеллигенты-вожаки духоборов, никак нельзя ручаться за результаты. Они нашли, что в Калифорнии слишком много роскоши, что разведение фруктов – „дело барское“, что „их народ избалуется“. Главный из них, А. М. Бодянский, открыто говорил несколько раз, что переезжать им из Канады в Калифорнию отнюдь не следует, так как для них шансов „терпеть и околевать, там, где они теперь живут, гораздо больше“. (Вестн. Европы 1900 г. май, стр. 358–360).

Всякие комментарии к словам этим г. Тверского – излишни. Заподозрить его в неправильности передачи фактов нельзя, потому что он был непосредственный свидетель всего; не верить ему – и вовсе не имеем оснований: он постоянный сотрудник журнала „Вестника Европы“, весьма благосклонно, как известно, относившегося всегда к духоборам и их вожакам. Нам остаётся только радоваться, что правдивый голос об истинных виновниках всех бед духоборческого общества раздался, наконец, и из среды светского общества, что его прочли те самые, которые прежде читали в журнале „Вести. Европы“ только обвинения по адресу духовной власти. Так иногда вразумляет Господь и „объюроевших, хотя и мнящихся быть мудрыми“. Подобную же откровенность пришлось прочесть нам и на страницах другого светского органа и по другому предмету.

Газета „С.-Петербург. Ведомости“, стяжавшая себе всеобщую известность своими вылазками против современного церковного строя и некоторых его представителей, всегда ратовавшая за свободу исповедания и жизни всех иноверцев и инородцев у нас на Руси, наконец, не выдержала и заговорила в унисон с теми, на кого нападала. Она признала ни более, ни менее, как вред для нравственности и веры православной русского народа от заселения нашего юга немцами-колонистами, т. е. признала то, о чём так много писалось у нас. „Каково нравственное влияние немцев на русских“? спрашивает корреспондент СПб. Вед. и сам же отвечает, что – никакого. Есть, пишет он, немецкие экономии, где нет отдельных помещений для женщин. Поэтому девушки и

парни, подростки и дети принуждены ютиться в одной тесной, большей частью, сырой и тёмной казарме. „Разгул и разнузданность царят среди рабочих, в особенности под праздники и воскресенья”. Не заботясь об удобствах жизни и о нравственности своих русских православных рабочих, немец-колонист южной России за сто лет своей жизни здесь много вреда причинил русской народности, изменив её „язык, обряды и даже религию. Ведь появление штунды, объясняет корреспондент, её усиление, (вероятно, усиление) исключительно распространено и поддерживается немцами-меннонитами. На севере штунда явление редкое; на юге же она скоро охватить всё русское население. Ни один немец не читает русской газеты, а выписывает „Zeitung”, и таким образом питание духовное и политическое имеется чисто немецкое” (СПб. Вед. 1900 г. № 52).

Хотя и запоздала эта откровенность светской газеты, ибо вред, ею констатируемый, давно уже рассмотрен очень многими; но она важна в том отношении, что свидетельствует, насколько велико зло от немецких колонистов нашего юга и как вопиющая нужда к его устранению, если всё это заметила и откровенно высказала даже та газета, которая постоянно ратовала за всяких пришлецов – иностранцев и за их благополучия у нас, хотя бы во вред исконным русским людям. Не наглядное ли это показание того, что терпимость нас – русских ко всему иноземному и иноверному достигла тех своих размеров, откуда начинается их ограничение. Насколько велика эта терпимость, в этом легко убедиться в сравнительном сопоставлении нашей религиозной терпимости с тем же в других государствах по свидетельству самих же светских газет.

Широта русской веротерпимости засвидетельствована была недавно даже одним ксёндзом – поляком, сказавшим, что Россия веротерпимее конституционных государств (Моск. Вед. № 95). На самом деле, возьмём хотя бы Англию, где всяческая свобода постоянно выставляется в пример. И что же? Там за последние годы появилось очень немало лиц, не желающих разделять господствующего англиканского исповедания по тем или другим мотивам. И вот в 1899 г. от парламента открыто потребовали гонений и других возможных стеснений для

удаляющихся от господствующего исповедания. Ещё решительнее поступают в Австрии. Некто д-р К. И. Живный вот уже несколько раз судится за проповедь о православии среди чехов. В первый раз он судился в 1887 г., когда, благодаря его проповеди в пользу возвращения чехов к Кирилло-Мефодиевскому исповеданию, нашлось много желающих воссоединиться с православием. Три года тому назад он был вновь судим за „оскорбление“ католической религии в речи о Кирилло-Мефодиевской вере в народном собрании. Когда вскоре после того у Живного умерла маленькая дочь, то, для острастки принявших православие чехов, Живному было решительно отказано в христианском погребении младенца, как православного. Недавно Живный вновь держал несколько речей среди сочувствующего православию рабочего чешского населения Вены. Этого было достаточно для того, чтобы австрийские власти ещё раз попытались сделать энергичного проповедника окончательно безвредным для католицизма (Нов. Вр. 1900 г. № 8763). Всё это наилучшим образом характеризует Западную религиозную терпимость и действительную цену законов пресловутого Запада о свободе вероисповеданий. То же самое наблюдается положительно по всему Западу; но, к сожалению, только наши газеты не особенно долюбливают сообщать об этом, как, по их взгляду, не стоящем будто бы внимания.

Впрочем, на этот раз мы и так должны быть признательными светской печати; она достаточно была откровенна, и даже те её органы, которые с упорным постоянством отстаивали и защищали всяких наших сектантов, нашли себя вынужденными сказать правдивое своё слово о них. Результатом всего этого было отмеченное нами совпадение суждений некоторых органов печати с мыслями о том же и принципами, развиваемыми на страницах „Миссион. Обозр.". Остаётся пожелать одного, – чтобы почаще приходилось отмечать такое совпадение, и чтобы уже отмеченное было добрым признаком.

Э. О.

Григорьев М. [Рец. на:]: К. О. Де-Скроховский. «От мрака к свету или папство и славянский мир». Часть I и II. Цена 5 руб. С.-Петербург, 1900 г. С. 634–641

Перед нами книга, которая, по высокой важности ставимых и решаемых в ней вопросов, имеет большое церковно-общественное значение. Поводом к написанию названной книги служит появление энциклики папы Льва XIII от 20 июня 1894 года, заключающей в себе призыв к соединению Церквей и обращённой главным образом к народам и Церквам Востока с целью уловить их в сети папства. Вышеуказанное значение этого, во многих отношениях замечательного сочинения, определяется прежде всего ближайшей целью её составления; цель же эта, по мысли автора, заключается в том, чтобы униатам западных русских областей, как воссоединившимся с Православной Церковью, так и находящимся ещё вдали от неё, открыть глаза на Римско-католическую Церковь в её верованиях и учреждениях и в её отношениях к их народности. Это, по взгляду автора, особенно необходимо потому, что «католическое духовенство, как свидетельствуют многочисленные факты, до наших дней не переставало и не перестаёт мутить бывших униатов». В виду этого является необходимым «представить униатам в истинном свете Римскую Церковь, которая была им насильно навязана, выяснить её происхождение, а вместе с тем указать разницу между этой Римской Церковью и их исконным православием», это и выясняет автор в I ч. своего сочинения. Но этой ближайшей целью не ограничивается задача, поставленная себе автором; она гораздо шире: автор задался целью доказать губительное влияние католичества, с его папской системой, на политическую, социальную, умственную и нравственную жизнь народов, и в частности на жизнь народа польского, как особенно преданного католичеству и папству, и убедить поляков, в целях нравственного обновления и национального возрождения, отказаться от церковного общения с папским Римом и освободиться от власти и влияния пап, создав свою самостоятельную, национальную, хотя бы и католическую

Церковь. Широкая постановка, детальное обоснование и раскрытие этих мыслей автора составляют содержание II части его труда, которому он предпосылает обширное (1–54 стр.) введение. Во введении этом автор помещает: папскую энциклику Льва XIII, призывающую Церкви Востока к соединению с Римской Церковью (3–11 стр.); затем, как ответ на эту энциклику, – окружное патриаршее и синодальное послание святейшего апостольского патриаршего Константинопольского престола (12–21 стр.); статью журнала «Благовест» (от января 1896 г.) по поводу этой энциклики (22–25 стр.); ответ на энциклику Афинского Синода (26–45 стр.) и открытое письмо к папе протестантского проповедника Ириней Пертинакса (45–54 стр.). Основной тон всех этих ответов на призыв римского первосвященника тот, что соединение Церквей Востока и Запада не может состояться в виду многочисленных уклонений от чистого веро-и нраво-учения древней апостольской Церкви и в виду ясно-сквозящего в этом призыве векового притязания пап на подчинение Церквей Востока своей власти. Вместе с тем автор, уже в конце своей книги (II ч. 350–369 стр.) приводит мнения богословов русских – А. Киреева и проф. А. Лопухина и греческого – проф. Диомида Кириака по возбужденному папой вопросу о соединении Церквей; но и их мнения оказываются отрицательными по отношению к папскому предложению. Все эти мнения и отзывы, приводимые составителем книги полностью, имеют в его книге особенное значение в виду Целей, поставленных им себе, так как суждения в них высказанные о Римской Церкви, об истинном смысле и цели папских призывов к соединению Церквей, о возможных результатах этого соединения с Римом – вполне совпадают с мнениями самого автора названной книги и служат весьма авторитетным подтверждением правильности его взглядов на папство и на характер отношений его к народам западного мира вообще и к славянству в частности. В виду указанного практического назначения книги – особенное значение имеет для автора, равно как и для читателей его книги, отзыв афинского профессора Диомида Цириака, в ярких чертах представляющий те печальные результаты, какие возникли бы для народов и

Церквей Востока от соединения их с папским Римом. Мы видим, что суждения этого отзыва служат для нашего автора как бы рядом руководственных вех, согласно указаниям которых, он и располагает всю цепь своих суждений об отношениях папства к народам, подвластным Римской кафедре и в частности к Польше, и отзыв этот имеет тем большее значение, что все бедствия, предсказываемые афинским публицистом народам и Церквам Востока от союза с папским Римом, действительно обрушились на польский народ и польскую Церковь и вообще на те народы, какие предались папству, и его опасения действительно уже сбылись и воочию сбываются над Польшей, всецело преданной папству. По справедливому замечанию цитируемого автором афинского профессора (II ч. 364–369 стр.) католичество, с его папской системой, если бы было введено в Восточных Церквах, во 1-х, «разрушило бы ныне существующую стройную организацию церковно-государственного управления, при которой все поместные Церкви, находясь в братском общении друг с другом, опираются, однако, каждая на принцип самоуправления: вследствие чего становится возможным, что на общей основе православия каждая из них самостоятельно и беспрепятственно развивается в согласии с духом народа, представительницей религиозной жизни которого она выступает, так что в Православной Церкви вследствие этого возможно разнообразие в единстве. Эта стройная система церковного управления была бы разрушена подчинением папе и распространением папского владычества на Восток, ибо папа тогда был бы единственным епископом, который управлял бы Церковью по своему усмотрению через своих наместников, между тем, как местные епископы не имели бы более никакой власти и никакого значения; исчезли бы все следы самоуправления, всякая собственная жизнь поместных Церквей сделалась бы невозможной, равно как было бы невозможным и их согласие с народным характером в отдельных государствах, и на развалинах всего этого воцарилась бы неограниченная воля единого лица, епископа римского, и его советников, иезуитов и кардиналов. Во 2-х, подчинение папе исказило бы и подорвало догматы Православной Церкви, доньше ненарушимо

сохраняющей всё вероучение древней христианской Церкви, что признают даже враги православия. Между тем, через подчинение папе и особенно если бы духовенство стало получать образование в Риме, или в руководимых иезуитами школах, – вместо первоначального христианства первых веков, было бы введено латинское средневековое христианство, как оно было выработано схоластиками. Тогда Восточные Церкви не только должны были бы принять *filioque* в Символ веры и западную форму совершения крещения и евхаристии, но вместе с тем должны бы были принять и все новые, неслыханные в древности, догматы о непорочном зачатии и папской непогрешимости. В 3-х, подчинение папе уничтожило бы богослужение православной Церкви. На место древних греческих литургий, мало-по-малу введена была бы римская литургия и латинский язык, равно как и масса новых праздников Римской Церкви. Правда, папы обещают восточным христианам, что при унии они предоставят им их церковный язык; но со временен, несомненно, их собственная литургия и язык были бы вытеснены латинскими, как это уже и испытывали многие народы, когда они, отрекаясь от своей самостоятельности, подчинились Риму. В 4-х, это подчинение повредило бы восточным народам и в политическом отношении. Папизм стремился бы сделаться, по своим средневековым принципам, государством в государстве, которое уклонялось бы от ведения государства? причём сам папа вмешивался бы во все государственные дела и стремился бы уничтожить принцип веротерпимости и все другие свободные принципы новейших государств – свободу совести, свободу слова, свободу печати, – чтобы опять восстановить средневековое состояние, в котором исключительно господствовало бы папство. При таких своих основных принципах, папская церковь никогда не может жить в согласии с новейшими государствами. Православная Церковь, напротив, отдаёт кесарево кесарю и Божие – Богу. У неё нет никакого властолюбия; она не хочет господствовать над государством, старается только о сохранении за собой свободной деятельности во внутренних церковных вопросах, уважает государство и его законы и совместно с ним действует в тех смешанных вопросах,

которые одинаково касаются государства и Церкви. Отсюда мы видим, что Восточная Церковь во всех православных государствах живёт в полном согласии с правительствами. В то время, как напр. в Италии и во Франции государство и Церковь стоят как два враждебные лагеря, и сторонники государства и его законов суть враги Церкви и наоборот, – в восточных государствах религии и государство теснейшим образом соединены в сердцах всех, и духовенство всегда с особенной ревностью обнаруживало свой патриотизм. Вместо этого патриотического православного духовенства, которое уважает государство, повинуется его законам и искренно служит национальным интересам, – мы со временем получили бы воспитавшееся в Риме духовенство, чуждое нашим национальным интересам, – духовенство, которое заняло бы заносчивое положение по отношению к государству, обнаружило бы разные притязания к нему, всегда, во всех вопросах старалось бы заявить свою собственную волю, или вернее волю своего непогрешимого главы в Риме, слепым орудием которого оно было бы, и этим постоянно причиняло бы много хлопот государству. В 5-х, подчинение папе повредило бы нам в национальном отношении. Это потому, что римско-католическое духовенство воспитывается в Риме и в иезуитских заведениях в столь строго-папистическом духе, что отечество, национальное государство, патриотизм, национальные интересы для него остаются неизвестными. Римско-католический клирик не есть уже ни француз, ни итальянец, ни немец, ни поляк, а только – папист. Для него Римская Церковь или папа составляют и отечество, и народ, и государство. Национальная история не имеет для него никакого интереса; для него существует только история его (римской) Церкви. В случае разлада между государством и Церковью, он не замедлит заявить себя непримиримым врагом интересов своего отечества, которого он почти не знает совсем. Ужасным примером этого может служить особенно отношение папы и итальянского духовенства к новому объединённому королевству Италии. Такая непатриотическая романизация духовенства, особенно пагубное влияние оказала бы там, где духовенство всецело бы захватило в свои руки

воспитание отечества (как было напр. в Польше). В 6-х, наконец, подчинение папе повредило бы восточным народам и в социальном отношении, с точки зрения их социального прогресса, в их умственном развитии и нравственном преуспевании. Папизм есть враг истинной науки и история свидетельствует, что новейшая наука, от времён Галилея и Коперника до настоящего времени, находила себе непримиримых гонителей в лице пап. Папы осуждают свободу научного исследования, как в высшей степени пагубное заблуждение и не далее, как в 1864 году Пий IX анафематствовал свободу науки. Римская же инквизиция всегда тормозила духовное движение народов и своими гонениями подавляла всякое свободное научное исследование. Книги, которые были написаны не вполне в духе строго-папистического католицизма, подвергались позорному занесению в индекс и их запрещалось читать римским католикам. Такими средствами папство задерживало и задерживает, куда только простирается его власть, всякое просвещение, всякое научное развитие народов и держит их в невежестве и суеверии. Так это мы видим в Испании и Португалии, где инквизиция располагала особенно большой властью; так это было в Италии до её объединения; и ещё более тоже самое мы видим в южноамериканских государствах и в Польше, во Франции и в Германии, где просвещение в новейшее время сделало большие успехи, оно отчасти должно было развиваться и развивалось в противоречии с папством. Таким образом, не может быть никакого сомнения, что римский католицизм, если бы он был введён и у нас, и у нас также, насколько это возможно для него, старался бы затормозить свободное научное развитие и просвещение народа. Наконец, понизился бы и нравственный уровень восточных народов. Романизм своим врождённым отношением к государству и науке восстанавливает против себя образованные классы и, наконец, отдаёт их в руки неверия; необходимое же следствие неверия есть также ослабление нравственного чувства. С другой стороны, хотя преданные ему народные массы католицизм и держит в вере, но вместе с тем держит их также и в невежестве; латинское богослужение для народных масс

непонятно и не доставляет им никакого назидания; их религия есть обыкновенно только суеверное соблюдение известных обрядов, которое не оказывает никакого влияния на нравственное сознание и может существовать рядом с самой распушенной нравственностью. Православная же Церковь, напротив, не только систематически не возбуждает образованных людей к полному неверию и враждебности по отношению ко всякой религии, (хотя, конечно, есть и у нас люди, равнодушные к догматам Церкви, но во всяком случае не систематические и не фанатически смертельные враги религии), но она не оставляет также без всякого образования и духовного просвещения и народных масс, потому что она поддерживает народное образование и доставляет им духовное просвещение также и при посредстве совершающегося на народном языке богослужения, так что православному народу не остаются, по крайней мере, неизвестными элементарные религиозно-нравственные понятия. Наконец, Православная Церковь оказывает весьма благотворное влияние на свои народы и в нравственном отношении, как об этом свидетельствует уже простое сравнение религиозно-нравственного состояния Восточной Церкви с народами Церкви римско-католической. Ибо где встречаются самые непримиримые и яростные враги христианства, как не во Франции, – этом отечестве Вольтера и энциклопедистов, – и в Италии? Конечно, и в православных странах – в Греции, России, Сербии, Болгарии, Румынии и в других православных государствах – есть много нравственного тления, потому что естественно, что где только живут люди, там существуют и пороки, и христианство не может превратить всего множества людей в ангелов; но во всяком случае – нравственное тление римско-католических народов гораздо глубже и захватывает более широкие круги общества, чем то же явление в странах с православным населением. Итак, где господствует папство, там, следовательно, и испорченность, растление, распушенность нравов, как об этом свидетельствует опыт и история».

Вот достойная отповедь притязаниям и домогательствам папства! В параллель с этим ненормальным устройством

церковно-государственной жизни в католических странах, чтобы полнее и сильнее оттенить его, здесь, как мы видели, выдвигается устройство церковно-государственной жизни православных народов Востока, представляющее разительную противоположность разлагающемуся католическому Западу, ставшему таковым под влиянием римского католицизма. Это сопоставление церковного управления Римской Церкви с таковым же управлением церквей Востока и церковно-государственной жизни народов католических с жизнью народов восточного исповедания самым наглядным образом должно убеждать всех непредубеждённых католиков и униатов, для которых, главным образом, и появляется в свет эта книга, что Восточная Церковь имеет неизмеримо высокие преимущества перед Римской Церковью, что свет, истина и правда – на стороне этой Восточной православной Церкви и что к этому свету нужно обратиться им, оставив заблуждения и тьму папского Рима. Таковы то возможные результаты соединения народов и Церквей Востока с Римской церковью по изображению афинского публициста; таковы же, вполне согласные с истинным характером и стремлениями папства, подтверждаемые всей его историей, действительные, наличные результаты его господства над католическими народами Запада и славянскими народами – в особенности над народом польским, что автор рассматриваемой нами книги со всей учёной добросовестностью и беспристрастием выясняет, иллюстрируя свои положения фактами, на пространстве многих сотен страниц его книги, как I-й, так и II-й её части. Всюду оставаясь верным основной своей задаче – показать папство в истинном его свете и тем предостеречь от него заблуждающихся, обольщённых им, его приверженцев, автор представляет папство, вполне согласно с свидетельством истории, разлагающим началом жизни народов и вредным для христианства. Так, в содержание 1-й части его труда входит, главным образом, характеристика папства и как учреждения и как мирового фактора, причём оно характеризуется здесь такими и теми именно чертами, какие создали ему столь печальное имя в истории; всем известные пороки и преступления папства выставляются здесь со всем

научным беспристрастием во всей их позорной наготе. Не вдаваясь здесь в подробную характеристику папства, не касаясь его влияния на жизнь народов, не входя в подробное рассмотрение его отношений к католическому обществу, к государям и народам, мы, для того, чтобы показать в какой полноте рассматривается автором весь круг этих предметов, сделаем здесь хотя краткий предметный перечень относящихся сюда фактов прошлой и настоящей жизни папства, с указанием соответствующих страниц его книги. В этот обвинительный приговор папству мы должны включить: 1) властолюбивые притязания пап на главенство в Церкви I ч. 64 стр.; 77–78 стр.; 139–142 стр.; 215–216 стр.; 2) Стремления их захватить в свои руки светскую власть и сделаться независимыми светскими владыками I ч. 139–140 стр.; 160–165 стр.; 175–176 стр.; 183–185 стр.; 3) изменение папами вселенской догмы и вселенского церковного обряда I ч. 13–18 стр.; 4) установление новых, неведомых Вселенской Церкви догматов – непорочного зачатия II ч. 430 стр., и непогрешимости пап I ч. 136 стр.; II ч. 276–285 стр., 431–442 стр.; *filioque* I ч. 121стр.; 5) установление новых правил церковной жизни – целибат I ч. 121 стр., и падение вследствие этого нововведения нравов духовенства I ч. 129 стр.; 277–279 стр.; 6) папские индульгенции и чистилище I ч. 75–76 стр.; 190–191 стр.; 232 стр.; 295 стр.; 7) внесение в жизнь христиан разлагающих начал: оторванности от вселенского единения, безусловной веры в непогрешимого и всевластного и на небе и на земле папу, веры в действенность его индульгенций и пр. и пр.; 7) распространение христианства среди народов огнём и мечом I ч. 131 стр.; 242–244 стр.; 267–268 стр.; 280–281 стр.; 9) ужасы «святой инквизиции», учреждённой и санкционированной папами I ч. 189 стр.; 296 стр.; 298–308 стр.; 326–327 стр.; 10) политически-агитационная деятельность пап: инициатива папами политических смут, переворотов, восстаний, свержений царствующих лиц I ч. 155–156 стр.; 167–168 стр.; 175–176 стр.; 282 стр.; 11) измена пап решениям и постановлениям вселенских соборов I ч. 120 стр.; 216–219 стр.; 12) подделка папами гражданских и церковных актов I ч. 117–118 стр.; 131 стр.; 162–163 стр.; 204–205 стр.; 13) фабрикация ими новых,

заведомо-ложных декретов, канонов, правил и преданий I ч. 117–118 стр.; лже-исидоровы декреталии I ч. 70–71 стр.; 131 стр.; 162–163 стр.; 195–196 стр.; Псевдо-Клементины I ч. 197 стр.; письмо ап. Петра к королю франков Липину I ч. 139 стр.; 163–164 стр.; 14) ужасающая безнравственность пап и всего католического духовенства I ч. 121 стр.; 129 стр.; 146 стр.; 152–153 стр.; 187 стр.; 222–230 стр.; 232–235 стр.; 239 стр.; 294 стр.; 178 стр.; 180 стр.; 333–335 стр.; 15) всевозможные насилия, пытки, убийства, совершавшиеся с благословения пап, или даже самими папами I ч. 126–128 стр.; 129 стр.; 132 стр.; 234–235 стр.; 239 стр.; 293 стр.; 16) женщины на папском престоле I ч. 143–146 стр.; 176 стр.; 227–228 стр.; и правление порнокрации и различных узурпаторов I ч. 132 стр.; 239 стр.; 17) продажа церковных должностей (симония) и даже самой папской тиары I ч. 187 стр.; 191 стр. 229–230 стр.; 295 стр.; 18) лишение народа духовного просвещения; запрещение читать и переводить библию на живые, общепонятные языки I ч. 124 стр.; 205 стр.; 322 стр.; 19) фабрикация ложных святынь-реликвий и мощей; измышление ложных чудес католическим духовенством в целях эксплуатации народа I ч. 231 стр.; 273 стр.; 309 стр.; язычество и даже открытое идолопоклонство некоторых пап I ч. 113 стр.; 115 стр.; 122 стр.; 139 стр. и пр. и пр.

Показав, таким образом, в I части своего сочинения истинный облик папства и выяснив его печальную, ужасную и позорную роль в истории, автор – или, ещё здесь же, или уже во II части переходит к разбору и опровержению главных оснований папской системы – 1) учения о вселенском главенстве римского первосвященника и 2) новоизмышлённого католического догмата о папской непогрешимости. Опровергая и при том очень доказательно – папские притязания на главенство в Церкви доводами Св. Писания и свидетельством церковной истории, I ч. 213–216 стр., автор подкрепляет свои выводы канонами вселенских соборов I ч. 216–217 стр. и историей этих соборов I ч. 218–219 стр.

С той же целью опровержения папских притязаний на главенство во Вселенской Церкви – автор разбирает две католические доктрины: 1) католическое учение о главенстве Ап.

Петра II ч. 286–309 стр.; 337–338 стр., служащее основанием для учения о главенстве папы и 2) католическое мнение об епископстве Ап. Петра в Риме, приводимое папами в доказательство своего наследования Ап. Петру на римской кафедре и в подтверждение своих притязаний на вселенскую власть Апостола, на приматство в Церкви, якобы принадлежавшее Ап. Петру (I ч. 193–194 стр.; 202–204 стр.; 206–207 стр.; II ч. 438–449 стр.). Подробно остановившись на разборе обоих этих оснований папской системы, автор весьма доказательно выясняет полную их несостоятельность и опровергает выводимое из них заключение о главенстве пап во вселенской Церкви. В качестве же опровержения новоявленного католического догмата о папской непогрешимости – приводит прекрасную речь епископа Штроссмайера, сказанную им на одном из заседаний Ватиканского собора (1870 г.), прекрасно доказывающую всю нелепость нового католического догмата II ч. 276–285 стр., к каковому заключению автор приходит, впрочем, и самостоятельно, подвергнув это новое измышление папства всесторонней исторической критике II ч. 433–438 стр.

Это разоблачение папства, как фактора мировой истории, это развенчивание всей папской системы в её вероучении, эта строго-беспристрастная, вся основанная на неоспоримых фактах истории, критика учреждений и деятельности Римской Церкви, с папой во главе, имеет целью уравнивать для поляков, как униатов, так и католиков, (а частью – и для прочих окатоличенных славян) путь к отступлению от папского Рима, облегчить болезненный для них, но тем не менее, крайне для них необходимый, процесс разрыва с духовным царством «святого отца», которым они так сроднились за все века своей прошлой исторической жизни и убедит их в необходимости этого отступления и разрыва с Римской Церковью, которая давно уже является разлагающимся трупом, чтобы от близости с ней не в конец заразить неисцелимой, смертельной язвой свой церковный и народный организм.

М. Григорьев

(Окончание будет).

**Миссионерский Вестник // Миссионерское
обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 642–655**

Два слова от Редакции. С. 642

Наименование отдела „Миссионер. Обозрения“, „Известия и Заметки“ с настоящей книжки нашего журнала заменяется новым вышеприведённым оглавлением – „Миссионерский Вестник“. Соответственно этому новому наименованию и содержание отдела несколько изменится, в смысле полноты и систематичности. В „Миссионерском Вестнике“ редакция будет отмечать все наиболее интересные и полезные для пастырей и миссионеров новости за месяц церковно-общественной жизни, так или иначе соприкасающиеся с внутренней миссией. А область внутренней миссии, понимаемая в широком её значении, можно сказать, всеобъемлюща: нет того крупного нового явления, события, или факта в церковно-общественной современности, мимо которой могла бы миссия пройти без ущерба для своих интересов.

Кроме того, преобразованием настоящего отдела, редакция стремится к тому, чтобы „Мис. Обозрение“ возможно *полнее* служило и отвечало интересам и пользе наших читателей, часто не располагающих возможностью выписывать более одного духовного журнала.

Болезнь Государя Императора, молитвы России и соболезнования иностранцев. С. 642–643

Царелюбивая наша св. Русь повергнута в сокрушённую скорбь, по случаю постигшей нашего обожаемого Монарха, отца отечества, тяжёлой болезни и при том в такое трудное, смутное для востока и запада время.

По голосу св. Синода всюду в храмах совершаются общественные моления о выздоровлении Августейшего Больного, а в каждой семье многомиллионного народа усердно молятся по влечению вернопреданных сердец. И вся Русь, как один человек, верует и надеется, что эти горячие молитвы будут скоро услышаны Богом и Господь спасёт Царя и восставит его от одра болезни. Услыши ны Боже!

Весь мир соболезнует скорби царской семьи и России и восхваляет великие христианские добродетели нашего Царя-Миротворца.

Пятидесятилетие служебной деятельности протопресвитера Иоанна Леонтьевича Янышева. С. 643–644

9 октября исполнилось пятидесятилетие должностной служебной деятельности на пользу Церкви и отечества духовника Их Величеств, протопресвитера И. Л. Янышева. Досточтимый юбиляр принадлежит к числу замечательнейших людей нашего истекающего века: Иоанн Леонтьевич пользуется известностью не только в своём отечестве, но и за границей, как один из просвещёнейших пастырей русской церкви, как талантливый учёный богослов и выдающийся церковный оратор-публицист. Имя достославного юбиляра в истории нашей проповеди должно быть отмечено, на ряду с епископом Иоанном Смоленским, архиепископом Амвросием Ключаревым, архиеп. Никанором Одесским, как основателя целого направления-публицистического проповедничества. Юбиляр всегда был и теперь, несмотря на свою маститую старость, остался вдохновенным оратором, чутким и отзывчивым на все злобы духовной жизни современного ему общества. В истории С.-Петербургской академии, где юбиляр был долгое время ректором, о. протопресвитер И. Л. Янышев составил целую эпоху и *alma mater*, достойно гордясь своим достойнейшим сыном, почтила незабвенного своего ректора и профессора, и юбилейный его праздник достойным образом, так что душою и центром юбилейного празднества, в честь высокопреподобного юбиляра, была собственно С.-Петербургская академия. Здесь вознесены были 9 октября молитвы о здравии юбиляра, в особо торжественном богослужении, собравшем под сень академического храма многочисленный сонм учеников и почитателей И. Л. Янышева, сюда направлялись и многие приветствия; академия в своих органах задушевно правдиво и всесторонне охарактеризовала обширную служебную деятельность юбиляра, на протяжении счастливо совершившегося пятидесятилетия. Сам протопресвитер, находясь на южном берегу Крыма при Их Величествах,

молитвенно отпраздновал этот знаменательный в его жизни день скромно, по-семейному. Академия командировала в Ялту своего делегата, в лице почтенного профессора прот. С. А. Соллертинского с адресом от академии и с письмом от первоиерарха русской Церкви, высокопреосвященного митрополита Антония. Юбиляр получил множество поздравлений, в том числе и от Высочайших особ, иерархов, от представителей гражданских властей, от учёных корпораций, в том числе и от заграничных богословов, среди которых имя юбиляра известно, как горячего и просвещёнейшего из представителей русской иерархии поборника св. дела воссоединения Церквей и в частности – по вопросу о старокатолическом движении.

Редакция „Миссионерск. Обозрения“, имея счастье пользоваться со стороны высокочтимого юбиляра всегдашним, живым сочувствием к задачам и деятельности миссии вообще и нашего миссионерского органа в частности, не могла не присоединиться к сонму праздновавших это юбилейное торжество в честь одного из замечательнейших церковно-общественных деятелей нашей современности и приветствовала юбиляра следующей телеграммой:

„Ливадия, протопресвитеру Янышеву.

Редакция Миссионерского органа, от лица воинствующих за правду веры мечом слова Божия, имеет счастье принести усерднейшее юбилейное поздравление доблестному подвижнику мощного слова христианского убеждения“.

В ответ на это о. протопресвитер, депешою на имя редактора-издателя, ответил: „Всем сердцем благодарю за память и тёплое приветствие“.

Да сохранит Всеблагий Царь веков и времён и ещё на многие и многие лета благого делателя в вертограде Христовой Церкви!

Чешский юбилейный праздник православия. С. 645–646

1 октября петербургские чехи праздновали тридцатилетий юбилей возвращения в лоно православной церкви первых тринадцати чехов. Воссоединение их состоялось 1-го октября 1870 года в торжественной обстановке, в присутствии представителей города, членов Славянского общества и при громадном стечении народа. Обряд присоединения совершал о. И. Янышев, тогдашний ректор духовной академии, заключительную же молитву прочитал преосвященный митрополит Исидор.

Непосредственным толчком к решительному шагу петербургских чехов послужило состоявшееся в то время провозглашение непогрешимости римского папы. Событие это, сильно взволновало значительную часть католического мира, а в чехах, которых большинство никогда не переставало быть в душе „еретиками римской церкви“, вновь разгорелся старый гуситский дух любви к правде Божией. Замечательно, что движение к православию, как к древней общеславянской Кирилло-Мефодиевой вере, обнаружилось тогда у чехов одновременно по всей России. Около того же времени приняли православие чехи на Кавказе, в Москве, и заявили о своей решимости присоединиться 300 волынских чехов. Движение к православию сказалось и в самой Чехии и выразилось в предложении Пражской думы уступить под русскую церковь великолепный храм св. Николая, равно как и в переходе в православие нескольких горячих славянских патриотов, между прочим Сладковского, основателя господствующей теперь в Чехии младо чешской партии.

Столь много обещавшее сначала стремление чехов к православию сильно замедлилось, вследствие всевозможных незаконных затруднений со стороны австрийских властей, беспрепятственно допускающих, в силу признанного законом принципа религиозной свободы, переход в протестантство и в иудейство, но трепещущих при одном имени православия.

До сих пор православные чехи не имеют за границей ни одной собственной церкви и в чешских землях им не удалось организовать. Только в Вене имеется православное чешское „взаимообразовательное общество“, в котором числится около 125 членов. Недавно прошёл слух о предстоящем присоединении к ним пятисот венских чехов-рабочих, но тотчас же вслед за этим известием, очевидно; для охлаждения их пыла, посажен был в тюрьму проповедовавший им „русскую веру“ д-р К. И. Живный...

Зато у нас в России православное движение среди чехов пошло успешно. Из 30,000 волынских чехов ныне насчитывается православных более 25,000. У них имеются свои церкви, свои чешские священники и миссионер о. Е. Немечек, присоединивший за последние девять лет более 5,000 своих соотечественников. Много чехов обратилось в православие и в Новороссии, и в Крыму трудами другого чешского миссионера о. Вл. Маршалка (ныне в монашестве Вячеслава). Медленнее, правда, идёт дело в городах, среди более равнодушной к религиозным вопросам чешской интеллигенции, но знаменателен уже тот факт, что многие интеллигентные чехи, оставаясь сами номинально католиками, крестят детей своих по православному обряду.

Торжество 1 октября происходило в Александро-Невской Лавре, на что православные чехи предварительно испросили, разрешение в трогательном прошении на имя владыки митрополита: „на рубеже двух столетий, в виду предстоящего 30-летия памятного нам, священного дня присоединения нас к православию мы, подобно прокажённому самарянину (Лк.17:15–17) – исцелённому Христом Спасителем, обращаемся со смиренной просьбой в день нашего исцеления: да будет нам дозволено в Александро-Невской лавре возблагодарить Господа Бога за дарованную нам благодать“, писали чехи. Литургию совершал еп. Никон, перед совершением молебна старший цензор, архим. Владимир произнёс одушевлённую речь.

Некролог. С. 646–647

25 сентября в Ялте скончался наш глубокоуважаемый сотрудник **Сергей Васильевич Кохомский**.

Почивший оставил земное поприще и переселился в *страну далечу* во цвете лет (около 50 л.), преждевременно, ни для кого неожиданно, будучи поражен скоротечной чахоткой.

Уроженец Владимирской губернии, магистр С.-Петербургской духовной академии, он более 10 лет прослужил во Псковской семинарии, в качестве преподавателя и инспектора, откуда был перемещен в Киевскую семинарию на должность преподавателя свящ. Писания.

После печального происшествия в Киевской семинарии, с инспектором её, Иеромонахом Филаретом, по усмотрению в бозе почившего м. Иоанникия, Сергей Васильевич был призван снова к инспекторской службе, как талантливый преподаватель и один из самых уважаемых и опытных в корпорации педагогов-администров. В истекшем июле почивший был утверждён в инспекторской должности. Будучи одним из известных знатоков Священного Писания и превосходным экзегетом, почивший отличался редким даром ясного, точного и изящного изложения, при глубине содержания своих литературных экзегетических трудов. Почивший был деятельным сотрудником „Руковод. для Сельских пастырей“ и „Миссионер. Обзорения“.

Кроме того, им изданы отдельные труды по изъяснению Священного Писания, как например, изъяснение главнейших мест „Четвероевангелия“; книга одобрена Св. Синодом, в качестве учебника в Семинариях, „Противо-штундистское изъяснение некоторых мест Священного Писания, извращаемых сектантами и др.“

В портфеле нашей Редакции имеется глубоко интересный труд почившего, предназначенный к печатанию с начала будущего 1901 года, под заглавием „Царствие Божие“ – по Евангелию против учения Гр. А. Толстого.

Почивший оставил сиротствующими и, конечно, необеспеченными жену, двоих малолетних детей, глубокую старушку мать и сестру.

Мир праху п блаженное упокоение чудной душе высоко одарённого человека и доброго делателя на ниве Христовой. Да помянут душу новопреставленного раба Божия Сергия в своих св. молитвах у престола Божия наши читатели – иереи!

Священник из графской фамилии. С. 647

Нам сообщают из достоверных источников, что один известный земский и дворянский деятель одной из центральных губерний, крупный Землевладелец, с *титлом графа*, принимает священство. Отрадное знамение времени!

Присоединение к православию. С. 647–648

На рапорте миссионера Чердынского уезда, священника Феодора Логиновских, о желании раскольнического начётчика беглопоповской секты, крестьянина деревни Лекмартовой, Бондюжской волости, Чердынского уезда, Василия Чудинова с своими последователями публично отречься ют раскола и присоединиться, по выслушании миссионерских бесед, к православию на правилах Единоверия, воспоследовала резолюция Преосвященнейшего Петра, епископа Пермского, таковая: „Бог благословит о. миссионеру Логиновских исполнить желание жителей деревни Лекмартовой слышать его беседы, после которых да вразумит их Господь присоединиться к *единому стаду Христову – сиречь к единой соборной православной церкви*. Лучше было бы, если бы они исповедали христианскую веру в таком богослужении, в котором принимают участие сам наш православный Государь со всей высшей церковной иерархией и огромным большинством сынов православной святой Руси. Но если они по недоразумению не могут решиться на такой путь, то пусть войдут в состав церкви православной на правах, так называемого, Единоверия. Я с радостью читал письма жителей деревни Лекмартовой, заботящихся о спасении душ своих. Да сбудется над нами слово Божественного Спасителя, рекшего: „*грядущаго ко Мне не изжену вон*“. После произведённых, по силе архипастырской резолюции, миссионером, священником Феодором Логиновских, в приписной Георгиевской церкви села Кольчужского, Чердынского уезда, пастырских наставлений увещаний, присоединено к православию, 24 сентября сего года, через таинство миропомазания из беглопоповской секты 16 человек мужского и 21 человек женского пола, а всего 37 человек.

Привлечение окончивших курс д. семинарий к произнесению проповедей. С. 648

В Тверской епархии объявлено окончившим семинарский курс и занимающим места псаломщиков и учителей церковно-приходских и земских училищ, что они должны проповедовать в церквях слово Божие и представлять не менее двух проповедей в год, с предупреждением, что за уклонение от произнесения проповедей им не будут предоставляемы священнические места.

Отрадное распоряжение. Мера эта полезна и для жаждущего слова назидания народа, и для самих будущих кандидатов пастырства, которые через упражнение в проповедничестве в этот переходный период своей жизни подготовят себя к живому слову; облегчит и приходских пастырей эта многополезная мера, в их проповеднической миссии.

К вопросу о законоучителях инославных исповеданий. С. 648–649

В виду встретившихся в одном из учебных округов сомнений, Министерство Народного Просвещения, как сообщалось в печати, разъяснило, что в учебных заведениях, существующих в тех городах и вообще в тех местностях, в которых не находятся священнослужители инославных христианских исповеданий, обучение учащихся этих исповеданий религии лежит на обязанности их родителей. Вместе с тем, министерство разъяснило, что конфирмационное свидетельство, выдаваемое ученикам протестантского исповедания подлежащим пастором, а равно свидетельство, выдаваемое ученикам римско-католического исповедания священником этого исповедания, представляют удостоверения в достаточном знании учащимися закона Божия по учению их церквей.

По-видимому, настоящее распоряжение касается тех учебных заведений, где полагаются по штату законоучители инославных исповеданий. Что касается народных школ, то, с точки зрения православно-миссионерской, в них едва ли следует вводить особые уроки закона Божия инославных исповеданий, – для преподавания понятий об основных общехристианских догматах веры, нравственных заповедей; не достаточно ли одних, общих для всех учеников школы, уроков православного законоучителя? Известно, что инославные законоучители, свысока смотря на наше православие, порождают в детской душе народа больше фанатизма, религиозного сепаратизма и вражды, чем христианской любви ко всем людям, как братьям во Христе. Довольно для сего костёла и кирхи. В особенности странным представляется усиление, что называется на казённый счёт, магометанства, через заведение (напр. на Кавказе) в министерских народных школах обязательных уроков мусульманского закона Божия для детей магометан. Мусульманизм и без того силён и давит христианство; естественнее, казалось, христианскому правительству через народную школу ослаблять и очищать суеверия детей

неправоверных, а не отшлифовывать их школьной систематизацией мусульманизма.

Меры против неблагочиния при совершении браков. С. 649–650

Олонецким Епарх. начальством предложено духовенству вследствие почти повсеместного бесчинного поведения прихожан в церквах во время совершения таинства брака, помимо пастырских разъяснений, своевременно внушать брачующимся и их родителям и настойчиво располагать, чтобы раньше венчания они не угощали участников торжества водкой, под опасением отсрочки венчания, – обязать церковных старост, как блюстителей внешнего церковного порядка, присутствовать в церквах при венчании и бесчинствующих удалять, и, наконец, совершать браки непосредственно после литургии, если венчание назначено в воскресенье или в другой день, когда бывает церковная служба, и во всяком случае не вечером; в виду суеверных обычаев, наблюдаемых брачующимися, заблаговременно разъяснять и при самом браке обличать в суеверии.

Сенатское решение, облегчающее страдание крестьянских женщин. С. 650

Большое распространение в народе получил состоявшийся в нынешнем году сенатский указ о дозволении крестьянским учреждениям выдавать крестьянкам отдельные виды на жительство, без согласия мужей, если последние с ними дурно обращаются. Состоялся этот указ по одному частному случаю, бывшему в Киевской губернии, но о нём узнали во многих местностях из газет. Вследствие этого, разные учреждения обратились в Киевское губернское присутствие за копиями с указа, и поступает масса просьб о выдаче отдельных видов. Заинтересовались тем же делом мещанки и мещанские учреждения.

Ясно, что указ коснулся самой больной стороны народного быта, которая служит вместе с тем удобной почвой и для произрастания плевел штундизма. Сектанты то и дело поставляют миссионерам на вид мрачные картины семейных драм, совершаемых в среде православного населения. У сектантов, при лёгкости развода, мужа и жёны сдерживают более своего внутреннего зверя страстей, чем православные изверги или пьяницы, которые хорошо знают, что закон за них и страдалица жена, без воли мужа, паспорта не может взять.

Не добрый совет. С. 650–651

В печати сообщалось, что один усердный миссионер зашёл в дом раскольника Ф. и стал говорить о спасении души. Раскольник всячески уклонялся от словопрения, но миссионер продолжал настойчиво вызывать его на собеседование. Разбирая этот случай, „Церковный Вестник“ говорит: „не лишнее было бы несколько точнее определить обязанности миссионеров в тех случаях, когда раскольники или сектанты не желают ни видеть, ни слышать миссионеров. Подобная настойчивость миссионера может показаться сектанту просто назойливостью и только больше оттолкнёт его от православной церкви. Не даром люди опытные (?) советуют миссионерам никогда не забывать, что верования и религиозные понятия сектанта и раскольника суть для него нечто священное, и что насильственное вторжение в его внутреннюю жизнь ни к чему доброму не приводит“.

Едва ли можно согласиться с таким взглядом почтенного органа, который (т. е. взгляд-то) очень понравился „Неделе“.

А кому сказано – *толцыте*, или в другом месте, – *проповедуй временно и безвременно, настой...* Миссионерская ревность доброго делателя, а не наёмника, иначе и не может поступать в подобных, вышеприведённом, случаях. Да для всех отщепенцев, не исключая последователей гнуснейших сект, их самые нелепые понятия – нечто священное и, кроме единиц избранных, в начале всегда и везде никто из раскольников и сектантов не желает ни видеть, ни слышать миссионеров и пастырей, – пока миссионер терпением и любовью не коснётся сердца заблуждающегося, конечно, мягко, бережно.

Всё дело в том, чтобы коснуться сердца и завязать беседу, чтобы заинтересовать нежелающего её со-вопросника. А за раскольников и сектантов нечего бояться, – их не обидишь и не оттолкнёшь словом правды и сострадательной любви, или ревностью по Бозе, а вот миссионеров надо пожалеть, которым так много приходится терпеть отовсюду поношений и огорчений, не исключая и лже-братий.

К вопросу об отрезвлении народа. С. 651

Одна из газет коснулась причин массового пьянства среди местных женщин. Дело в том, что большинство мастеровых и рабочих в городах ютятся по углам, так что не редкость в одной комнате встретить три–четыре семьи.

Но при скученности, особенно если совместно живут многодетные семьи, детский плач – вещь многими невыносимая. Отсюда одно из двух: либо сделать так, чтобы дети не кричали, либо совсем их не иметь. К маку дети привыкают, каждый раз требуют всё больше и плачут пока не одурманятся. И вот придумано новое средство. Мать старается перед кормлением ребёнка грудью выпить как можно более водки, и ребёнок, насосавшись груди, тотчас засыпает и крепко спит до нового кормления. Следствия понятны: с одной стороны, мать втягивается в употребление водки до того, что, по словам некоторых матерей, на них чайный стакан водки не действует; с другой – происходит форменная алкоголизация детей, отравление их водкой, – отравление, о печальных последствиях которого думаешь с невольным ужасом.

Пастырской миссии сюда необходимо направить свои взоры и нравственные усилия. Алкоголизм наболевший вопрос, – разъедающая народный организм гангрена.

Материал для пастырского слова к присягающим на полицейскую службу. С. 652

Новым екатеринославским губернатором, гр. Келлером напечатан в местных „Губ. Вед.“ свод правила для екатеринославской полиции, в котором выделяются следующие пункты:

1) „Служа лично первым примером исполнения законов и постановлений, требования свои предъявлять с должной настойчивостью и с сохранением собственного достоинства, в возможно вежливой форме, без грубых или обидных слов, толчков и даже неуместной жестикуляции; 2) не допуская ни в чём произвола и основывая все действия свои на строго законной почве, избегать вмешательства в дела, не подлежащие их компетенции; 3) относясь ко всем беспристрастно, ровно и доброжелательно, оказывать всем ищущим у них защиты и помощи быстрое законное содействие, или же указывать им иной законный путь, если исполнение просьбы превышает права или не входит в круг ведения полиции; 4) оказывать помощь и защиту нуждающимся в ней, не ожидая о том просьбы, из чувства человеколюбия и доброжелательства; б) в случае необходимости прибегнуть к силе, избегать по возможности причинения кому-либо ушибов или повреждений; с лицами, впавшими в беспамятство от опьянения, обращаться терпеливо и кротко и не допускать никаких насильственных действий над лицами, задержанными по подозрению в преступлении, с целью скорейшего их сознания и проч.“

Миссионерам приходится часто слышать от сектантов нарекания на грубые к ним отношения со стороны сельских полицейских властей, а потому полезно в таких случаях познакомить грубиянов с гуманными правилами екатеринославского губернатора.

Уже давно держится мнение, что естествоведы не бывают людьми религиозными и что сам характер изысканий не располагает их к религиозной настроенности. Однако, независимо от теоретических соображений, которые могут быть противопоставлены такому мнению, и живой опыт даёт не мало фактического материала против столь широкого обобщения. В этом отношении поучителен пример покойного заслуженного профессора Московского университета А. П. Богданова, который, по его собственным словам, в составленной им самим эпитафии, „жил, веря в Бога, ожидая воскресения и страшного суда, любил Россию, университет, науку. Перешёл в тот мир, надеясь, что Бог любви помилует грешную душу, Ему всецело преданную и Его любившую, жившую для Его славы“. Эта эпитафия высечена на постаменте памятника, сооружённого покойному учёному, по почину и при участии разных обществ естествоиспытателей, русских и иностранных, и открытого в нынешнем году на могиле почившего в Московском Новодевичьем монастыре.

По этому же вопросу начальник военно-медицинской академии В. В. Пашутин в приветственном письме на имя о. военного протопресвитера по поводу празднования 100-летнего юбилея военно-духовного управления, высказал, что „грань, столь резко разделявшая когда-то естествознание с его дочерью – медициной от тех основ, на которых зиждутся наши религиозные воззрения, всё более и более сглаживается. Виталистическое учение, ныне возродившееся в самом же естествознании под именем „неовитализма“, неуклонно завоёвывает себе почву в медицинской науке и является мостом, тесно соединяющим обе колоссальные сферы мышления – о теле и духе“.

Заграничная газета о новой секте в Литве. С. 653–654

Лондонская газета „Daily Express“ в № за 23-е октября с. г., в корреспонденции из Петербурга, сообщает такую *последнюю новость относительно наших сект*. „Любопытные и замечательные новые секты постоянно появляются среди несведущего и суеверного русского крестьянства. Последней новостью в этом отношении является *новая секта в Литве*, которая не признаёт ни священников, ни церквей, ни брака, ни крещения и никаких таинств, считая их совершенно излишними. Последователи новой религии не строят новых домов, в виду приближения страшного суда. Если кто из „верующих“ имеет много денег, то они отбираются проповедниками для „безопасности“.

Один из таковых фанатиков пытался воскресить мёртвого, но попытки в этом направлении были до сих пор безуспешны.

Другая появившаяся секта – „*благодетелей*“ также предсказывает конец света. Так как жить осталось очень мало, то проповедники советуют своим конгрегациям наслаждаться жизнью пока можно.

На одном из последних собраний конгрегация выпила шесть с половиной бочек пива“.

Сообщение это интересно, главным образом, в том отношении, что мы ничего подобного не встречали в миссионерских отчётах или сообщениях о таковом сектантстве в пределах литовской епархии. Здесь очевидно идёт вопрос об *штундо-адвентистах* и, вероятно, в среде неправославного населения. Петербургский корреспондент почерпнул свои сведения для английской газеты, очевидно, из корреспонденции газ. „Россия“, но там районом распространения этой секты указана Рижская губерния.

Изуверство штундистов. С. 654–655

В м. Корсуни, Каневского уезда, жил крестьянин Павел Шкребтиенко. Уже несколько времени жена Шкребтиенка Василиса стала замечать за мужем некоторые странности: он начал часто отлучаться куда-то из дому и поздно возвращаться. В конце концов оказалось, что Шкребтиенко „перешёл в штунду“ и посещает молитвенные собрания штундистов, чем и объясняются его частые отлучки из дому и поздние возвращения. Василиса была недовольна как тем, что муж её оставил православие, так и тем, что он пропадает куда-то из дому, и не раз укоряла его за это. 2 февраля 1900 года к Василисе пришла в гости её сестра Мария Пивненкова с Фёклой Бондаревой. У Василисы зашёл с ними разговор о переходе её мужа в штунду, причём Василиса выражала неудовольствие на то, что он куда-то отлучился перед новым годом и только несколько дней тому назад вернулся домой. При этом она начала укорять Фёклу за то, что она совратила Павла в штунду. В этот момент в хату вошёл сам Павел и обратился к гостям с приветствиями, поцеловался с ними, называя их „сёстрами“ и говоря: „Христос Воскресе“. Рассказав ему о разговоре с Василисой, Мария и Фекла стали снимать со стены иконы, бросили их на пол и начали топтать ногами, причём Фёкла приговаривала: „слава Богу, слава Богу!“ и прихлопывала в ладоши. Иконы оказались расщепленными на куски. Павел собрал эти осколки и сжёг их в печи. Когда возникло следствие по этому делу, уголовное преследование против него было прекращено, так как Василиса заявила, что топтали иконы только Мария и Фёкла, которые и были привлечены к ответственности за поругание икон. На предварительном следствии Мария и Фёкла не признали себя виновными, объяснив, что Павел сам сбросил иконы со стены на пол, топтал ногами и заставлял делать тоже Фёклу и Марию, по они на это не согласились.

Дело это слушалось в выездную сессию киевского окружного суда в г. Каневе 10 октября без участия присяжных заседателей.

На суде Василиса изменила своё показание, сказав, что Мария и Фёкла не снимали икон со стены и не топтали их, а всё это сделано мужем её, Павлом.

Суд приговорил обеих обвиняемых к аресту при полиции на один месяц.

Из жизни поморцев Екатеринбургских. С. 655

Из Екатеринбурга сообщают о житье-бытье и вероучении поморцев в окрестностях ниже-уфалейского завода. Главный коновод и проповедник их – крестьянская дева Марфа Гусева. Основа всей доктрины уфалейских поморцев – антихрист. О последнем они стремятся научить малого и старого, „Первое дело каждому знать об антихристе“, говорят поморцы; „нужно знать, чего опасаться, потому первое дело – не попасть в руки самого“. По их учению настоящее время самое последнее и злое: антихрист царствует последний период. Браки отвергают и разрушают. Если кто из супругов, имеющих законное сожителство, пожелает перейти в их секту и принять от них крещение снова, то таковые по крещении считаются святым мужем и святой девой. После поморского крещения эти супруги должны жить как брат и сестра родные. В общество поморцев переходят исключительно люди низкой нравственности. Последние более для них подходящи тем, что святая жизнь может скорее пополнить отпавший десятый ангельский чин и тем ускорить пришествие Христа Спасителя. Отсюда нелепый вывод: чтобы продолжить жизнь грешных людей и отсрочить второе пришествие, по учению поморцев, нужно грешить. „Всё Господь простит, только перед смертью покайся“. Святых икон поморцы не почитают и не поклоняются им по той причине, что в нынешнее-де время нет благочестивых иконографов, а старые иконы осквернены еретиками и слугами антихристовыми; поэтому только чествуют один крест и то только тот, который вырезывается ими на деревянной доске без изображения Распятого. Крещение у них совершается по переходе в секту тотчас же, а православное крещение считают осквернением, печатью антихристовой.

Э. Я.

Призыв к пожертвованиям на построение храма.

Калужской губернии, Мещовского уезда, села Уруги, Никольской церкви. Здесь строится новый трёхпрестольный храм во имя Святителя и Чудотворца Николая, Успения Божией Матери и св. Мучеников Флора и Лавра. Строением храм

доведён до крыши, но нет средств на построение колокольни и на отделку внутреннюю и внешнюю.

Пожертвования просят высылать по адресу: *Ст. Брын, Жиздринского уезда, причту села Уруги.*

Декабрь

***От Редакции // Миссионерское обозрение. 1900 г. №
7–12. С. 1–8***

Из предположений на новый год и из итогов истекшего пятилетия издания журнала «Миссионерского Обозрения»

Как уже известно нашим читателям, „Миссионерское Обозрение“, в новом 1901 (*шестом*) году своего издания по своему направлению и характеру, остаётся *неизменным, зорким и убеждённым стражем интересов внутренней миссии* в широком значении и понимании этого святого дела.

За *шесть* рублей годовой подписной платы Редакция даст **22 выпуска**, из них *12 книг* журнала, – которые посвящены *всестороннему научно-популярному исследованию миссионерско-апологетическому обличению сектантства*, во всех его видах и толках, а также и *расколо-старообрядчества*.

и **10 выпусков** Приложения направлены к *утверждению верных чад Церкви в истинах православия и охранению их от религиозных заблуждений века сего*, – в том числе **6 выпусков** (*двухмесячники*). „**Проповедей Миссионерского Обозрения**“; сюда войдут: I. *Церковные слова, поучения и беседы на все воскресные и праздничные дни 1901 года*, – по преимуществу догматического содержания и библейско-святоотеческого характера. II. *Катехизические поучения на Символ веры*, – свящ. Кронида Иванова. III. *Катехизические (для вне-богослужебного чтения) поучения о богослужении православной Церкви (в вопросо-ответной форме)*. IV. *Церковные миссионерские поучения и беседы для ограждения чад православной Церкви: а) от раскольнических заблуждений, б) от рационалистического сектантства (штунды, молоканства, пашковщины, толстовства) и в) мистического (хлыстовства, шалопутства, скопчества и др.)*. V. *Слова, беседы и речи известного церковного оратора, профессора Киевской академии В. Ф. Певницкого*.

По мудрой мысли и благому совету высокочтимого о. Иоанна Кронштадтского Редакция в выпусках своих приложений приступит к *переизданию проповедей знаменитого церковного деятеля и оратора конца прошлого и первой половины нынешнего века, протоиерея Киево-Софийского*

собора о. **Иоанна Леванды**, – отличающихся святоотеческим духом, ораторскою силой и глубиной богословствования. Проповеди о. Леванды изданы в 1821 г. в 3 частях и ныне составляют библиографическую редкость. Редакция издаст те проповеди, которые имеют непреходящее значение, очистив их от славянизма и опустив крайности схоластицизма.

4 книги (трёхмесячники) Приложения будут заключать в себе научно-популярные статьи – *экзегетические, святоотеческие и для народного чтения – священо-исторические и церковно-беллетристические* очерки и рассказы, а также миссионерские листки, в катехизической форме „ответов из слова Божия.“

В *Приложении* будут печататься *отрывки из сохранившихся* в бумагах почившего **митрополита Киевского Иоанникия лекций** по Свящ. Писанию, в виде рассуждений его на избранные тексты.

Независимо от сего, Редакция в 1901 г. даст **бесплатные приложения**: 1) *Вечный Священный Календарь* для православного народа, заключающий в себе самонужнейшие для всякого христианина, а наипаче же для живущих среди *сектантов и раскольников*, сведения об основных догматах с приведением главнейших текстов Св. Писания, о нравственных и обрядовых истинах православной веры, о Господних и церковных заповедях Закона Божия, о праздниках, молитвах и проч... 2) **Указатель** помещённых в журнале „Миссионерское Обозрение“ за истекшие пять лет статей.

За годовую подписную плату **5 р.** будет выслано подписчикам только *12 выпусков* журнала.

В ближайших книжках журнала, между прочим, предназначены к напечатанию следующие, полные живого интереса статьи: „*Царство Божие по Евангелию*“ (против учения гр. Л. Н. Толстого) *С. Кохомского*. „Вопросы религии в обсуждении гак называемого интеллигентного общества“, *С. Бронницкого*. его же „Беседы среди друзей, по поводу романа гр. Л. Н. Толстого“ „Воскресение“, „Критика толстовства в сочинении В. С. Соловьева“ „Три разговора“, *С. Потехина*. „Разбор подпольных изданий гр. Л. Толстого“. „Записка о скопческой

секте в России с 1843–1870, сообщил свящ. В. Прохоров. „Баптисты“ свящ. Велтистова. „Пиэтисты“, А. Дородницына. „Квакеры“, Е. Рыбинского. „К вопросу о причинах обоготворения женщин в хлыстовской секте“, Н. Булгакова. „Секта каюков или хехулитов в С.-Петербурге“, Его же. „Секта немоляков“, свящ. Альбицкого. „Разбор молоканских обрядников“, А. Высотского. По поводу „Сенатских кассационных решений по преступлениям против веры и Церкви“. А. Ростовского.

„Из переписки главарей сектантства“. „Со скрижалей сердца“ (миссионерские думы и воспоминания) В. Скворцова. *Миссионерский вестник* современной церковно-общественной жизни, отчёты о столичных пастырских, проповеднических миссионерских собраниях и беседах и проч. Статьи, объявленные в прошлом году и не нашедшие. за обилием срочного материала, места на страницах „Мис. Обозр.“ в истекающем году, будут напечатаны в новом 1901 г.

* * *

На страницах „Мис. Обозр.“ в истекшее пятилетие помещены произведения следующих иерархов высокопоставленных авторов профессоров академий и университетов.

Иоанникия, Митроп. Киевского (†), Сергия, Московского (†), Владимира, М. Московского, Александра, Епископа Тамбовского. Амвросия, Архиеп. Харьковского, Антония, Е. Чебоксарского, Виссариона, Е. Костромского, Гурия, Е. Самарского, Гурия, Е. Таврического (†), Иоанна, Е. Смоленского (†), Иринея, Е. Подольского, Макария, Е. Калужского, Макария, Е. Томского, Мелетия, Е. Рязанского (†), О. Иоанна Ильича Сергиев-Кронштадтского. Победоносцева, К. П., (г. Обер-Прокурор Св. Синода) Саблера, В. К., (г. Товарищ Обер-Прокурора). Соловьева, Д. Н., (г. директор Канцелярии Св. Синода), Богдашевского, Д. И., доц. Киевск. дух. акад., магистр бог., Булгакова, А. И., доц. Киевск. дух. акад., маг бог. Голубева, С. Т. проф. Киевск. дух. акад., доктор истории, Ивановского, Н. И. проф. Каз. дух. акад., доктор богословия, Королькова, И. Н., прот. проф. Киевск. дух. акад., маг. бог. Певницкого, В. Ф., тгроф. Киевск. дух. акад., доктор бог. Рыбинского, В. П., проф. Киевск. дух. акад. Светлова, П. Я., маг. богосл., проф. Киевск. универс.,

Сикорского, проф. университета св. Владимира, доктор психиатрии, Титова, Ф. И. свящ. маг. бог., доц. Киевск. дух. акад. Буткевича, Ф. прот. маг. б., проф. Харьк. универс.

* * *

*Принимали участие „Мис. Об.“ следующие **авторы**.*

Александров, Д. (свящ. Самар., Еп. мисс.).

Айвазов, Ив. (Кан. ак. Тамбовск., епарх. мис.).

Андреев, Д. (Секр. Рязан. Дух. Конс.).

Арфанов.

Безвенглинский, А. свящ.

Березницкий (свящ., мисс. Киевск. епархии).

Берспский, Н. (Секретарь Пензен. Дух. Конс.).

Блошенко, Н. свящ.).

Бобровников, Н. (директор учит. сем.).

Богданович, Савва (свящ мисс. Киевск. епархии).

Богородицкий. И. (свящ., пре подав. Киевск. сем.).

Боголепов, Д. И. (канд акад., Харьк. епархии, мисс.).

Брояковский (свящ. Киевск епархии).

Булгаков, Н. (канд. акад СПб. епархии, мисс.).

Бургов (свящ. СПб.).

Белгородский, Н. А. (Киевск Епарх. мисс.).

Велтистиков, К. И. (свящ. С.-Пбурга).

Виноградов, М. А. (Препод. Тверск. сем.).

Виноградов, А. (свящ. С.-Петербург).

Виноградов, Н. (свящ. Ряз. мис.).

Вишневский, Н. Л. (канд. ак.).

Вишневский, М. О. (б. преп. Черн. сем.).

Виноградов, Алексей (канд. универс.).

Высоцкий, В. А. (преп. Симф. семинарии).

Ганицкий (свящ. Киевск. еп.).

Гневушев, М. В. (препод. Киевск. семии.).

Губин, П. (свящ. миссион.).

Гурьев, И. В. (магистр богословия).

Давыденко, В. (Епарх. набл.).

Данкевич (свящ. Киевск. епархии).

Двинская, Агния (псевдоним).

Дмитровский, П. (свящ. Тавр. епархии).

Добромыслов. П. (препод. Ряз. сем.).
Добротин, Г. П. (канд. богосл., секр. Пермск. конс.).
Доброво, М. Н. (псевдоним).
Дородницын, А. Я. (Екат. еп. мис., маг. б.).
Дорофеев, В. (Канд. акад.).
Дунаев, А. (свящ. Рязанск. мисс.).
Егоро-в крестьянин.
Жаров, И. (свящ. Калужск. епархии, миссионер).
Зайцев, И. (офицер).
Зарьницын, Ив. (Канд. ак.).
Захарьин, И. (свет. писат.).
Зубарев, А. (свящ. миссион.).
Иванов, Кронид (свящ. Самарск. епархии).
Казанский, А. (свящ.).
Кальнев, М. А. (канд. акад. Херсонск. епарх. мисс.,
Картушин, К. (миссионер).
Киснемский, С. (свет. писат.).
Клеандров, М. (свящ.).
Клитин, А. (маг. акад., свящ. Киевск. епархии).
Козицкий, П. А. (канд. акад., бывший миссионер).
Козловская. М.
Колосовский, П. (свящ. к. а.).
Колпиков (канд. акад. Влад. кафедр. Протоиер.).
Коссовский (свящ. Киевск. еп.).
Кохомский, С. В. (магистр акад., инсп. Киевск. дух. сем.).
Круглов, Ф. (мисс. Нижег. епархии).
Кудрявцев (учит. народ.).
Кулаков, П.
Кутепов, Н. II, (маг. богосл. Донск. епархии мисс.).
Лавров, О. (свящ.).
Лебедев, А. (маг. академ., прот.).
Лебедев. Гр. (свящ.).
Левитский, А. Адр. (Тифлис. еп. миссион.).
Лотоцкий, В. (Подольск. мис. канд. ак.).
Матюшинский, М. (Свящ. Самарск. епархии).
Матюшинский. А. (канд. ак., Самарск. епархии наблюд.).
Мангусов, С. (свящ. мисс.).

Мессарош, П. И. (Свет. пис.).
 Михайлов, И. (свящ.).
 Могилёвский (свящ.).
 Никольский, С. (свящ. Ставр. еп., мисс. канд. б.).
 Овсянников, Е. (преп. Донск. сем., канд. акад.).
 Ольшевский, И. (свящ. канд. акад, набл. Полт. си.).
 Панормов, Г. А. (протоиер., инсп. Самар. Еп. жен. учил., канд. акад.).
 Переверзев, Н. В. (канд. акад., б. редак. журн.).
 Переверзев, Д. (свящ.).
 Петрушевский, П. П. (препод. Киевск. семин., канд. акад.).
 Перов, И. Ф. (инсп. Ряз. сем., маг. бог.).
 Плотников, К. (Олонец. еп., мисс., маг. богосл.).
 Покровский, Вл. (свящ., канд. акад.).
 Полянский, Ст. (прот.).
 Полянский, И. (свящ. Херсон. епарх., мис., канд. акад.).
 Попов, К. А. (свящ. Пенз. еп., мисс.).
 Потехин, С. М. (Киевск. еп. мис., канд. ак.).
 Прозоров, В. Н. (свящ. преп. СПб. дух. сем., канд. ак.).
 Ромеров В. (свящ.).
 Прохоров Г. (свящ. закон. канд. ак.)
 Рождественский, Арсен, (протоиер., маг. бог.).
 Романовский, С. (миссионер Донск. обл., к. а.).
 Розанов, И. (диако́н Моск. епархии).
 Рябухин, И. (свящ. Черн. епарх. мис.).
 Сахаров И. (Кишинёвск. еп. мис., канд. акад.).
 Сенатов, В. (канд. акад.).
 Соболев, Ф. (прот.).
 Скворцов, Т. (свящ. Ряз. епархии).
 Слюсарев (свящ., канд. ак., епарх. мис. Киевск.).
 Смирнов, П. П. (препод. Киевск. дух. семинарии, канд. акад.).
 Смолин, И. (диако́н Самар. епархии бывш. секр. ред.).
 Советов, А. (свящ. мис. Тамб. епархии).
 Соколов, П. (свящ.).
 Соколов, Н. (свящ.).
 Соловьев. М. М. (канд. ак.).

Сопоцько, М. (Студ. унив.).
Стрельбицкий, И. (священ., преп. Одес. сем., канд. ак.).
Сушов, П.
Темномеров, А. (свящ.; препод. С.-Петербур. дух. сем., канд. акад.).
Терлецкий, В. Н. (препод. Пол. семин. канд. ак.).
Тихвинский, П. П. (свящ. бывш. Тавр. мис.).
Тифлов, М. (свящ., канд. акад.).
Тихомиров, Г. (свящ., канд. акад.).
Троицкий, И. (свящ., канд. акад. мис.).
Тронин, В. (Сарат. епарх. мис., канд. акад.).
Туманов, П. (свящ., СПб. канд. акад.).
Уколов Тер. (свящ. Куб. обл.).
Урбанский, Алек. (свящ.).
Успенский, В.
Фиалкин (свящ, Ставроп. Еп. набл., канд. акад.).
Фиалковский, Н. (Нижег. еп. мис.).
Флегмогов, А. (протоиер.).
Фудель, И. (свящ. моск. еп., канд. университета).
Хвостов, Б.
Цвейгов (свящ. мис.).
Чельцов, М. П. (СПб. еп. мис., маг. бог.).
Чередников, Ив.
Черкасов, В. (свящ.).
Четвериков, С. (свящ. к. а.).
Шалкинский, П. (свящ., Сарат. еп., мис.).
Шалкинский, Сергей (свящ., Екатер. еп., миссионер).
Щеглов, И. (свящ.).
Яцкевич, В. (канд. ак.).
Ярмак, Еир, Як. (начётчик).
Фоменко (прот. Киевск. еп., маг. бог.).

Содержание книжек журнала за истекшее пятилетие составило приблизительно следующее число статей:

1) О постановлениях и распоряжениях власти, касающихся внутренней миссии и сектантства до 40. – 2) Руководственных статей по разным вопросам миссионерства до 136. – 3) Статей по исследованию расколо-сектоведения около 100, – в том

числе даны сведения о 45 сектах, а именно – до 23 рационалистических, 18 мистических и 3 заграничных с более чем о 20 раскольничьих толках – 4) Дано разрешение 33 недоумённых вопросов из миссионерской практики. – 5) Статей из миссионерских дневников и записок помещено до 140. – Полемических бесед до 90. – 7) Хроника была в 43 книжках, где было затронуто до 300 различных вопросов, относящихся к миссии. 8) Статей из мира заграничного сектантства было до 35. – 9) Дано библиографических отзывов более чем о 100 книгах различных авторов. Всего в книжках журнала за 5 лет было помещено до 1000 статей.

Во 2-х выпусках (первые два года) и приложениях за пять лет помещено:

1) Статей из святоотеческих творений, апологетических и полемических бесед и статей по обличению заблуждений русского сектантства, увещательных посланий, и писем до 250, из коих до 40 статей посвящено экзегетическому изъяснению мест священного писания, извращаемых лже-учениями сектантства. 2) Рассказов и очерков из религиозной и бытовой жизни русского сектантства и раскола напечатано до 40. – 3) Религиозных стихотворений до 39. – 4) Поучений, слов и бесед на воскресные и праздничные дни всего года и катехизических поучений было помещено до 350, кроме того – до 100 миссионерских церковных поучений в ограждение чад православной церкви – от раскольничьего суемудрия, от заблуждения рационалистических и мистических сект. Кроме того, дано 11 поучен. на символ веры, 6 на молитву Господню, 12 – на десять заповедей и 11 на таинства церкви. – 5) Миссионерских листов в форме ответов из слова Божия вопрошающим о нашем уповании до 30. – 6) Иллюстраций 25.

Состав Редакции – Мис. Обозр.“ Редактор-Издатель Василий Михайлович **Скворцов**, Помощники редактора по отделу расколоведения Михаил Павлович **Чельцов** (СПб. Епарх. мис.) по сектоведению Александр Иванович **Орлов** (бывш Епарх. Мис. Донской епарх.), Николай Дмитриевич **Чучкин**, – Секретарь Редакции, Гродзинский Николай Вас. – заведующий конторой Ред.

Объём журнала „М. О.“ за истекшее 5-летие выразился в следующем количестве страниц печатных и листов:

В 1896 г. в 1 вып. журн. было 1,024 стр. и во 2 в. 910 стр.

В 1897 г. в 1 вып. журн. было 1,300 стр. в 4 кн. Прил. 916 стр.

В 1898 г. в 1 вып. журн. было 1,700 стр. в 4 кн. Прил. 842 стр.

В 1899 г. в 1 вып. журн. было 1.580 стр. в 4 кн. Прил. 890 стр.

В 1900 г. в 1 вып. журн. было 1.788 стр. в 7 кн. Прил. 1,626 стр.

Итого: 7,392 стр. 4,626 стр.

Что составит за пять лет 765 печатн. листов.

Народно-миссионерская библиотечка.

I. Ответы из Слова Божия вопрошающим.

1. О Церкви Христовой. 2. О пребывании и действии Святого Духа в Церкви. 3. О таинстве крещения. 4. О крещении младенцев. 5. О миропомазании. 6. О причащении. 7. О покаянии. 8. О священстве, браке и елеосвящении. 9. О почитании св. Угодников. 10. О молитвенном ходатайстве св. Угодников. 11. О почитании Пресвятой Богородицы. 12. О св. Ангелах. О внутреннем достоинстве священников и соответственном тому отношению мирян. 13. О почитании св. икон. 14. О святыни или храме. 15. О пище и питии. 16. О Царской власти. 17. О венчании и помазании Царей на царство. 18. О вере и делах.

II. Святоотеческие наставления по тем же вопросам.

19. Св. Киприана. Твёрдо держитесь Св. Церкви. 20. Св. Иринея. Не уклоняйтесь от Св. Церкви. 21. Св. Иоанна Златоуста. Об уклоняющихся в секты. 22. Св. Иоанна Златоуста. О почитании Св. Креста. 23. О почитании св. Угодников Божиих и мощей их. 24. Св. Иоанна Златоуста. К состязавшимся с отпадшими. 25. Св. Киприана. Отделяющиеся от Церкви – противники Христу. 26. Святоотеческие увещания к христианам, немирствующим с церковью.

III. Апологетические и религиозно-назидательные очерки и стихотворения.

27. Увещание митрополита Киевского Иоанникия верным чадам церкви о том, – чем и как христианин может содействовать вразумлению заблудших (с портретом иерарха). 28. О христианских визитах в день Св. Пасхи. Митроп. Киевск.

Иоанникия. 29. Жизнь злых духов. Митрополита Киевского Иоанникия. 30. О царском паломничестве. **В. М. Скворцова**. 31. Кто ныне предтечи Антихриста? – Миссионера Н. Булгакова. 32. Алексей, человек Божий (стихотворение). Свящ. И. Ганицкого. 33. Хвала Святителю Феодосию Углицкому (стихотворение). Свящ. И. Ганицкого. 34. Агнец Божий (стихотворение). Свящ. И. Ганицкого. 35. Заграничные похождения крестьянина-штундиста. **В. М. Скворцова**. 36. Противоштундовый катехизис. Миссионера А. Дородницына. 37. Святитель Николай (стихотворение). И. Ганицкого.

IV. Духовно-беллетристические и религиозно-бытовые рассказы и очерки жизни и лже-мудрований рационалистического сектантства и раскола. (штунды, пашковщины. молоканства и др.)

Рассказы Свящ. Иоанна Орлова.

38. Два странника. 39. Ильин день. 40. В Петров день. 41. В зимние вечера на беседах у батюшки. 42. Херувимская песнь. 43. Заветы веры дедушки Пахома. 44. Заблудший сын у постели умирающей матери. 45. Народные просветители в деревенской глуши. 46. Молоканские сети. 47. Хозяин и работник. 48. В Вербное Воскресенье. 49. Штундовые чудеса и под анафемой. 50. Новогоднее счастье и бабушкины слёзы. 51. В день Богоявления и в прощённое воскресение. 52. Задубели иноверы. 53. Антипка-фарисей. 54. Легкота сектантская. 55. Спасительный благовест. 56. Лютое время и раскаявшаяся грешница. 57. Родительское благословение спасло. 58. У Бога все живы. 59. Велик день и Свет во тьме светит. 60. Христос Воскресе. Против мистического сектантства (хлыстовство). 61. Смерть грешника люта. Ю. Ф. Зарницына. 62. В дебрях хлыстовства или от мрака к свету. И. Ф. Зарницына и В. М. Скворцова. 63. Православная страдалица в раскольничьей семье. Ф. Круглова. 64. Открытые письма к гр. Л. Толстому.

Цена 1 экз. Нар. Миссион. Библ. в количестве свыше 60 названий 2 руб. при подписке на журнал 1 руб. 35 коп. Цена отдельного названия от 2½ – 5 к.; при выписке **сотнями** одного названия – 1 р. 50 к. за каждую сотню.

Цены назначены с пересылкой.

Соловьев Д. О сходстве старообрядческого церковного пения с православным // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 659–666

(Речь к единоверцам по поводу юбилейного торжества 27 октября).

Благочестивые и Боголюбивые
отцы и братия!

В благознаменитый день сей собрались мы, как единое стадо Христово, в храме Божиим и под высоким предстоятельством Владыки нашего, Высокопреосвященнейшего митрополита Антония, принесли Господу Богу, Благодателю нашему, молитву благодарения о всех Его благодеяниях, на нас бывших, а наипаче о том, что по его всещедрой милости целый век, целое столетие провели мы во взаимном непременимом церковном общении и единении, как истинные братья и чада единой святой православной Церкви. Внешние различия в церковной обрядности мы не почли, как с той, так и с другой стороны, достаточным основанием к тому, чтобы находиться в духовном разобщении, и, соединившись под единой церковной иерархией, за истекший вековой период нашего церковного взаимообщения до такой степени сблизились и сроднились между собой, что уже как-бы и не замечаем между нами никакого различия. Это благословенное согласие особенно явно обнаружилось, – и радостно было видеть оное, – в сегодняшнем торжественном богослужении, когда на почве общего единого церковного устава и взаимно тождественных чинопоследований согласно и стройно сочетавались свойственные тому и другому священнослужению обрядовые особенности: они совсем не были заметны для взора и слуха молящихся: испытывалось одно глубокое впечатление общей согласной молитвы за обычным, истово отправляемым православным богослужением. Слава и благодарение всех Творцу, преимуществу всех ум Мирови! Он, наш Верховный Чиноположник, поселяет в нас этот зиждительный мир, это святое чувство взаимного согласия и приязни.

Но что замечательно: в этом умильном согласии, из всех точек соприкосновения, по крайней мере наиболее видных и заметных во внешней стороне богослужения, едва ли есть более близкая и тесная, в которой это согласие оставалось-бы за всё истекшее время, столь непоколебимым, – ненарушимым и неизменным как та, на которую я, пользуясь благоприятным случаем настоящего торжества нашего взаимного согласия, намерен указать, это – *церковное богослужбное пение*. Достопочтеннейшие отцы и братия! Вы, наверное, удивлены моими словами и даже, кажется, смущены? Я это понимаю, но не только не смущаюсь, а напротив этого, убедительнейше прошу вашего внимания к тому, что я объясню далее.

Обыкновенно приходится слышать о разнице между православным церковным пением и единоверческим, или как говорят, старообрядческим, об особых, якобы, напевах и распевах единоверцев, об особых, будто бы, певчих книгах у них: всё это, могу вас уверить, есть не более, как только недоразумение, – быть может, прискорбное и достойное сожаления, – но несомненно и очевидно недоразумение и ничего более. И наше пение и ваше есть безусловно одно и то же; и то и другое суть два предмета, совершенно и точно равные один другому, или сказать правильнее, это есть один предмет один и тот-же. Станным это кажется на первый взгляд, но это верно и неоспоримо. Вот, сейчас мы слышали пение Божественной литургии. Искусные певцы, оба лика, и правый, и левый, достойно исполнили свою задачу: пение шло твёрдо, уверенно, одушевлённо, лилось непрерывно, как живой ручей, без докучливых пауз, ненужных остановок и молчаний; видно, что напевы выучены, поняты, усвоены и служат в устах певцов естественным и непринуждённым выражением молитвенных слов песнопений; бодрый, энергичный тон, державшийся во всё время богослужения, являл собой одну из самых характерных черт нашего церковного пения. Великая вам, почтеннейшие певцы, честь и хвала и наша глубокая с низким поклоном благодарность за то истинное утешение, которое вы доставили своим прекрасным пением. Больше всего раздавалось столповое знамя большого распева, слышно было и

демество²³⁶! Издали нельзя было видеть, по каким певчим книгам велось пение, но я отнюдь не боюсь впасть в ошибку, утвердительно сказав, что пели по *знаменным* или так называемым *крюковым* книгам. Вот здесь-то и заключается вся сущность и весь корень того, о чём я говорю; здесь-то и кроется наше певческое сходство, или, лучше полное единство. А именно? Что это за книги? Это певчие книги знаменные; пение в них изложено не нотами, т. е. квадратными или круглыми значками на пятилинейной строке, а знамёнами, или столпами, или в обычном выражении, крюками; это книги безлинейные. Образцы их или оригиналы, с которых они списаны и списываются, по их признакам и приметам, древностью своей восходят до начала XVII столетия, т. е., до начала патриаршего периода: знамя в них стоит прямо, не валится на правую сторону; они с киноварными пометами (поступенными и указательными) и с тушевыми признаками (без признаков мы не любим крюков, глаз отвык... Брат-головщик, правду ли я говорю)? Так вот, эти знаменные певчие книги те же самые, что у вас, то и у пас, без малейшей разницы, без всякого отличия: и охтай, и ирмолой и триодь, и трезвоны, и обиходник, и стихорарь; найдёте в них и „путь“, и „демество“, и „розники“, и даже „ненакі“ – всё есть и всё тоже самое. Я говорю собственно о певческой стороне знаменных книг; текстуальные различия мы оставим в стороне, потому что в данном случае они никакого значения не имеют. Возьмём ради примера несколько мест. Вот: „Христос рождается, славите“, – как по вашим книгам? Голубчик тихий, стадия светлая, стопица, стопица с очком, крюк светлый, опять стопица, палка, стрела поводная, статья простая и переводка и снова статья светлая? Ведь так? И в наших знаменных книгах те же самые крюки. Мы поем: „путь глубины новосоделавшая“ а вы: „путь глубины обновльши“, но крюки те же; у нас над слогами „соделавшая“ стоит: палка простая с подвёрткой, стрела светлая, стопица, палка и крыж либо рог, – а не то ли же самое и у вас: вместо двух слогов один и знамён вместо двух одно, на той же высоте, только вдвое длиннее. Вы поёте: „Сеченным пресечено бысть“, а мы: „Сеченное сечется“, но ведь знамёна то одни и те-же: стрела поводная, стопица, она

же с очком, голубчик борзой, крюк мрачный, чашка, скамейца, статья малая закрытая, стрела поводная тихая, переводка. „Красны ноги очищаху“, по вашим книгам „умываху“: после скамейцы и чашки ведь стоит большая кулизма, – верно, берите нашу книгу – она же кулизма. В Богородичне пятого гласа, на слове „сый“ фита пятогласна есть? Конечно. В стихире на стиховне в Пятидесятницу „Царю небесный“ на слове „Утешителю“ фита утешительна? Без сомнения. Было бы излишне приводить примеры: раскройте любое место, пересмотрите все книги, тождество их безусловное, поразительное, от ноты до ноты, от крюка да крюка; вы пойте по своей книге, а я по своей, – не разождёмся ни в одной нотке. Как же не радоваться, особенно нам, певцам, когда между нами оказывается такое, можно сказать, кровное певческое родство и единство. Но этого мало. Кроме книг упомянутого периода, мы имеем, и в большом изобилии, знаменные книги гораздо более глубокой древности, едва не современные началу нашего просвещения святой верой. Это воистину бесценное сокровище, при помощи которого можно с неопровержимой очевидностью исторически проследить и доказать, в какой степени в деле церковного пения все мы оставались и остаёмся верными хранителями заветов нашей святой церковной старины. Много привелось мне видеть певчих знаменных книг замечательного письма и редкостного состава и содержания; не бумажные только книги видел я, но даже пергаменные. Какие встречал многогласники, – от двугласников до осмигласников включительно! Не могу здесь, к месту, не рассказать одного весьма назидательного случая. В здешнем Братстве во имя Пресвятой Богородицы, при самом его возникновении, образовался Братский хор, который по преимуществу исполнял знаменные напевы: столповые, путевые, демественные. Многие из старообрядцев, интересуясь этим пением, приходили на собрания Братства, обыкновенно бывавшие и доселе бывающие в квартире Г. Обер-Прокурора Св. Синода, и горячо выражали своё одобрение хору. Раз ко мне в квартиру является почтенного вида старец. По обличию и одежде сейчас можно было определить, к какой категории православных русских людей

принадлежит явившийся. Он подал мне потную рукопись, сказав, что желал-бы изложенные в ней песнопения слышать в исполнении Братского хора. Рукопись была выполнена с великим тщанием; над строками текста шли две строки нот, крюковая и линейная. Я объяснил ему, что он напрасно трудился переводить, так как я читаю крюки, и кроме того мог бы взять эти песнопения из самих книг. При этом я предложил ему взглянуть на одну из бывших у меня тогда под руками знаменных книг. Книга исправная, с застёжками и жучками, форматом в лист; почти беспометная, пометы лишь изредка, чёрные, больше указательные. Мой гость сел, надел очки, разогнул книгу, перекрестился, смотрит и удивляется: тропари всех воскресных канонов распеты! Спели мы одно место, другое. Заплакал старец, поцеловал книгу, говорит: „золотая книжица“. А я говорю: старая? „Старше наших много“, говорит. А книга та в своё время принадлежала ни более, ни менее, как князю Андрею Старицкому, дяде царя Ивана Грозного. – И эти книги были во всеобдержном употреблении и пользовались общей любовью всех песпольбцев – клириков; и посейчас певческое изложение их твёрдо держится и в Соловецком, и на Валааме, и в Юрьевом, и в Московском Успенском соборе, и во многих других православных храмах и монастырях. В своё время, – ещё в Московское, – некоторые истинные ревнители церковного певческого благочиния задумывали издать знаменные книги типографским тиснением, даже изготовлены были крюковые пунсоны²³⁷ и матрицы, – но друкарное²³⁸ дело в то время было ещё в малом развитии, и задача оказалась не по силам тогдашней типографской технике. А между тем стала входить в употребление линейная нота. Многие неотрицаемые удобства этой системы нотописания побудили даже самых преданных читателей крюкового письма ввести линейную ноту в певческую практику. Глубокие знатоки знаменного пения и при этом люди высокой, непререкаемой преданности чину церковному взяли на себя труд перевода всего круга церковного пения с крюковых нот на линейные. С великим тщанием и благочестивою осторожностью, пользуясь наилучшими и исправнейшими подлинниками, исполнили они свой приснопамятный труд. В

1772 году появилось в свет типографским тиснением первое издание богослужебных певческих книг квадратной ноты. Изменилась форма, внешний вид, а сущность осталась неприкосновенной, – и по линейным книгам ликословие церковное раздаётся в храмах Божиих в тех же святых неизменно православных звуках, какими оно выражается по книгам знаменным. За последнее время певческие квадратные книги, будучи вновь правлены против подлинных знаменных образцов, и в значительно большем объёме в отношении своего состава и содержания, вышли двумя изданиями, – одно в Москве, лет десять тому назад, а другое в здешней Синод. типографии, в текущем году. Ради правды и истины, и для подтверждения того, что я сказал, бью челом вам, честные братия – песнолюбцы, обратите ваше внимание на эти книги, познакомьтесь с ними, рассмотрите их: обрящете себе великое утешение.

Попрошу позволения сказать ещё два слова. В вашем певческом обиходе, т. е., в употреблении, преимуществует столповой распев, большой и малый, напевы северно-русские: усольский, кирилловский, отчасти московский. Но ведь мы все хорошо знаем, что существуют, и запечатлены глубокой давностью, и освящены церковным употреблением и другие распевы: греческий, болгарский, киевский. Допущение этих распевов при службах церковных вносило-бы в пение разнообразие, производящее столь ободряющее действие на чувство предстоящих в храме, О греческом распеве нечего и говорить, а из болгарского распева я встречал в знаменных книгах очень нередко тропари отпустительные, воскресные большего распева, малого же распева в одной книге видел „воззвахи“ всех осми гласов. Да и сейчас за литургией мы слышали оба изобразительные псалма первым гласом греческим: значит, вы также этих распевов не чуждаетесь. Вот и тропарь с кондаком Преображению, – что пели по входе. – ударить-бы греческим седьмым, вышло-бы веселее: чудесный напев, лёгкий, двустрочный (с особой начальной), – одна строка за другой, что волны катятся. Да ведь и устройство этих распевов, и характер, и само основание и происхождение – все

одного и того же корня, и употребление их, представляется мне, должно быть, столь же удобоприемлемо в вашем певческом обиходе, как и у нас.

За одно скажу и об одноголосии или унисоне и о полифонии, о гармоническом пении. Опять-таки обыкновенно принято думать, что вы поёте унисоном; сегодня, например, это несомненно было так, – унисон был чистый, отшлифованный, держался твёрдо, настойчиво, – но, не осудите меня за моё дерзновенное мнение, – эта форма, этот приём – искусственный, нарочито устраиваемый, трудный, свойственный высшей, так сказать, школе хорового пения; композиторы пользуются им по местам ради силы, эффекта и других музыкальных побуждений, – по приёму этот не натуральный, не естественный и не похож на тот обычный способ, каким всегда исстари исполнялось и доселе исполняется наше церковное пение. Уже и сегодня на левом клиросе по временам слышались разветвления унисона и определялись довольно полные аккорды, – да иначе и быть не должно. Гармония, простая, естественная, часто импровизированная во время самого пения, но согласная с духом и характером мелодии, как её неизбежная спутница и сильная истолковательница, всегда держалась на нашем православном клиросе, пользуясь и любовью, и почётом. Подтверждение этому, ясное и бесспорное, мы находим в тех же наших крюковых книгах, так называемых „строчных“, в которых голоса разделены на две, на три и даже на четыре партии; полагаю, что вы знаете эти книги: одна строка пишется тушью, с киноварными пометами, а другая киноварью, а пометы тушевые, третья опять чёрная с красным; а четвёртая – красная с чёрным. Почто же нам уклоняться от того, что указывает нам наша певческая старина? И акустика учит тому-же, утверждая, что тон имеет свою звуковую призму, как луч имеет призму световую. Если, например, на монокорде ударить какой-либо тон, то ближайшим отзвуком мы услышим квинту, а следующим – большую терцию: значит, в самой природе звука кроется аккорд, гармония. Да и нам ли с вами противиться гармонии, когда самый смысл, самая идея гармонии должна быть нам и дорога, и

любезна, и вожделенна, ибо гармония есть согласие, гармония есть единство в разнообразии, гармония есть мир!

Итак, братия, союзом любви связуем. якоже апостоли, и мы, недостойные, но верные их ученики и последователи, Владычествующему всеми себе Христу возложше, будем, по завету нашего Божественного Учителя, красны ноги очищати – по нашему, а по вашему – умывати, т. е. и в наступившем столетии нашего церковного общения будем на пути единомыслия и единоверия взаимно оказывать всякие услуги и уступления, благовествующие всем, т. е., не токмо мы, православные и единоверные, друг другу, но и всем прочим братьям нашим во Христе, *мир*, да о сём и мир разумеет, яко вси мы ученицы Христовы и едино стадо Его есмы.

Д. Соловьев

Богдашевский Д. О Евангельских чудесах //
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 667–680

(Против рационалистов и в частности против учения гр. Л. Толстого).

Среди чудес, совершённых Иисусом Христом ясно выделяются прежде всего такие дивные, божественные знамения, как исцеление Господом Иисусом Христом бесноватых. Об этих исцелениях наиболее часто и подробно говорит Евангелист Марк, и в этом нельзя не видеть подтверждения церковного предания, что второе Евангелие есть краткая запись устной проповеди ап. Петра и написано под его руководством. В самом деле, только ап. Пётр с особенной ясностью говорит о сошествии Христа во ад (Деян.2:27,31; 1Пет.3:19,20;4:6); для освобождения уверовавших в Него пленников ада, только у ап. Петра находим известное место, встречающееся и у ап. Иуды, что *Бог ангелов согрешивших не пощаде, но, пленицами мрака связав, предаде на суд мучимых блюсти* (2Пет.2:4; ср. Иуд.1:6); по учению Апостола Петра демоническая сила, *яко лев рыкая, ходит, ища кого поглотити* (1Пет.5:8), т. е. она как бы вечно голодная, ненасытная, всегда старается вредить человеку, а потому нужно бодрствовать и трезвиться.

Современная наука никаких бесноватых, об исцелении которых так часто говорится в Евангелии, конечно, не признаёт; не знают их, само собой понятно, и экзегеты рационалистов. Обыкновенно говорят, что евангельские бесноватые – это люди умственно расстроенные, эпилептики, маньяки, ипохондрики и т. п. Но каждый добросовестный экзегет должен сознаться, что таким объяснением Евангелий ни в каком случае удовлетвориться невозможно, ибо оно в корне извращает евангельский текст и не разрешает трудности вопроса. Христос Спаситель говорит таким языком, употребляет такие выражения, что на бесноватых, по всему видно, Он не смотрит, как на людей просто умственно расстроенных. Он обращается к особому демоническому началу, вселившемуся в человека, отличному от

него, – от его сознательного „я“, и от этого злого, враждебного начала освобождает страждущего. Если Христос есть Истина, – воплощённая Истина, если Он пришёл в мир для возвещения истины и уничтожения заблуждения (Ин.8:45,46;14:6 и др.), то никто не может допустить, чтобы в данном случае Он приспособлялся к народным суевериям. А ещё большая нелепость утверждать, что Христос Спаситель здесь держался точки зрения самих исцеляемых Им, чтобы, таким образом, скорее их исцелить. Не при совершении исцеления только, но и наедине, в беседе со Своими учениками, Христос Спаситель разъяснял, что *сей же род не исходит, токмо молитвой и постом* (Мф.17:21 ср., Мк.9:29). Если Христос есть воплощённая Истина и Правда, то Он не мог употреблять таких выражений, в основе которых нет ничего реального, а которые только могли поддерживать укоренившееся в народе суеверие. Ведь, вера в демонические силы не есть что-нибудь безразличное; это верование религиозное, оказывающееся в мысли и жизни, и Христос не мог не разрушить его, если бы оно было ложно. И современных Христу Спасителю иудеев нельзя представлять так невежественными, что всякую болезнь, всякое физическое страдание они ставили в связь с влиянием на человека особой демонической силы. Доказательство этого находим в самих Евангелиях. В одном случае приводят ко Христу глухого и косноязычного, и не говорят, что он бесноватый, а просят только возложить на него руку и исцелить его, что Христос Спаситель и совершает (Мк.7:32–37); в другом же случае исцеление совершается над немым, глухим и в тоже время бесноватым (Мк.9:17–27 ср., Мф.9:32–34), и, следовательно, немота носила здесь особенные признаки, не была простым следствием физического недостатка. Евангелисты вообще ясно различают бесноватых от одержимых другими болезнями, когда говорят: *и пршедоша к нему вся болящая различными недуги и страстями одержимы и бесны, и месячныя, и расслабленныя* (Мф.4:24); или: *исцели мнози зле страждущия различными недуги, и бесы мнози изгна*. (Мк.1:34).

Таким образом, евангельские бесноватые – это люди, действительно подвергшиеся особенному демоническому

влиянию. Каким образом это произошло, мы не можем понять, хотя, несомненно, нельзя отвергать здесь физического субстрата, – ослабления того органа, который служит непосредственной связью души и тела, т. е. ослабления человеком своей нервной системы. Было бы заблуждением считать евангельских бесноватых какими-то величайшими грешниками, наигрешнейшими из людей, каким-то исчадием дьявола. Нет, это не наигрешнейшие из людей, а самые несчастные из людей²³⁹. Иуда предатель, когда вошёл в сердце его сатана (Ин.13:27), не стал бесноватым; беснованные, несомненно, лучше Иуд, бессердечных Каиаф, ибо они способны к жизни, к духовному возрождению и ищут этой, жизни. Они сознают раздвоенность, или расколотость своей личности, – сознают, что на место их воли вступила чужая, покоряющая их, воля, и желают освободиться от этой страшной раздвоенности.

Скептики нашего времени часто ставят вопрос: почему теперь нет бесноватых, если они были во время земной жизни Христа Спасителя. Но никто, кажется, не может доказать, что их действительно теперь нет. А если и в самом деле их нет, то это можно объяснить тем, что сила зла Христом побеждена, демоническая власть не может теперь действовать с прежним насилием, ибо она связана (Откр.20:2), область её разрушена. Даже скептик Ф. Фаррар говорит: „я не могу вполне отрицать, что в тёмный и безотрадный век, видевший пришествие Спасителя, не могло быть и таких форм помешательства, которые зависели от непосредственных влияний демонических сил“²⁴⁰.

Камнем преткновения и соблазна для рационалистов служит евангельское повествование об исцелении Гадаринских бесноватых, наиболее подробно излагаемое ев. Марком (Мк.5:1–20), который подобно Луке (Лк.8:26–39), говорит об исцелении одного только бесноватого, – упоминая, в отличие от Матфея (Мф.8:28–34), только о том из двух бесноватых, который был „лютейшим“²⁴¹. Рационалистическое объяснение этого повествования обыкновенно такое, что Христос исцелил одного буйно помешанного, который, в последних припадках своего пароксизма, испугал стадо свиное, бывшее около озера и потопил его. Объяснения этого держится и Ф. Фаррар, книгой

которого, заметим, многие зачитываются, как книгой полезной и назидательной. По его мнению, Гадаринский бесноватый был просто яростно бешеный, какая болезнь приписывалась бесовской силе²⁴²; он смешивает свою искаленную духовно личность со множеством злых сил²⁴³. „Что бесноватый“ – говорит Фаррар, следуя немецким рационалистам – „был исцелён, что, при ужасном последнем припадке, которым обыкновенно сопровождается избавление от этой странной и страшной болезни, стадо свиней почему-то было объято таким диким испугом, что целыми массами побросалось с крутизны в озеро, и что в сознании всех присутствовавших, включая и самого страдальца, это дикое стремление свиней в бездну связалось с освобождением этого человека от бесовского одержания – всё это вполне ясно“²⁴⁴. Пусть это будет ясно для Ф. Фаррара, но на самом деле подобное объяснение совершенно неясно и есть одно извращение евангельского текста. Извращают последний и те, которые считают евангельское повествование простой аллегорией, по которой гадаринский бесноватый и его исцеление есть образ погибающего язычества и его обращения ко Христу, бесы и стадо, повергшееся в море, образ языческих идолов, повеление рассказать о случившемся – учреждение апостольства. Удивительно, кому могло прийти на мысль составить такую несовершенную аллегорию!..

Итак, факт исцеления Гадаринских бесноватых, передаваемый в Евангелии, остаётся фактом, и его нельзя ни совершенно устранять, ни как-нибудь перетолковывать. Факт этот, насколько позволительно, нужно приблизить к нашему сознанию, а не ограничиваться плоскими остротами над рационалистами, или прибегать к явно нелепому соображению, – что то, что могло терпеть разумное существо, не перенесло неразумное, а потому и потопилось. Повествование не заключает в себе ничего несообразного с нашим разумом. Зло, которое творила демоническая сила в человеке, божественной всемогущей волей прекращено, и восстановлено опять единство жизни и духа несчастному страдальцу. Но теперь эта же самая демоническая сила просит Христа Спасителя допустить ей совершить новое зло, именно потопить пасущееся около озера

стадо и, таким образом, нанести материальный вред Гадаринцам. И Христос Спаситель попускает ей это сделать, испытывая веру Гадаринцев, или прямо карая их за их неверие. „Пошли нас“ – говорят демоны – „в свиней, чтобы нам войти в них“ (Мк.5:12; ср. Лк.8:32), т. е. позволь нам овладеть этим стадом, сделать его, так сказать, своей собственностью, которой можно распоряжаться вредоносно, – а не значит: позволь нам жить в нём, избрать его своим жилищем. По-видимому, это понимание опровергается словами: „и много просили Его, чтобы не высылал их вон из страны той“ (Мк.5:10), „и они просили, чтобы не повелел им идти в бездну“ (Лк.8:31). Но, ведь, дело здесь не в избрании демонической силой нового для себя жилища (ибо это жилище тотчас же ею уничтожается), не в локализации, так сказать, демонической силы, а в возможности для неё продолжать прежнюю свою разрушительную работу. Смысл просьбы демонов, полагаем, именно тот, чтобы по-прежнему творить зло, и прежде всего причинить материальный ущерб Гадаринскому населению. Нельзя упускать из виду, что демоническая сила в страхе и трепете пред Христом говорит о том, что время для исполнения ещё не наступало, т. е. время окончательного связания её и послания в бездну, – время полного прекращения её злой деятельности, и, следовательно, слова демонов не могут быть понимаемы в строго буквальном смысле.

Само собой разумеется, что такой завзятый рационалист, как гр. Л. Толстой, никакого исцеления Христом бесноватых не признаёт. Он совершенно вычёркивает из Евангелий сверхъестественный элемент, как вредный, по его мнению, для веры, и останавливается в Евангелии только на том, что имеет чисто этическое значение, или что, по его разумению, уясняет смысл жизни. Он прямо заявляет, что будет „отыскивать“ в Евангелиях только то, что ему понятно²⁴⁵. Однако, и гр. Толстой не может умолчать о некоторых евангельских чудесах, совершенных Христом Спасителем над людьми, именно об исцелении расслабленного в Иерусалиме при Вифезде (Иоан. гл. 5) и об исцелении слепорождённого (Иоан. гл. 9), но не считает

их вовсе чудесами и пытается в этом убедить и других. Остановимся несколько на его объяснении этих чудес.

„На мой взгляд – говорит он – особенность этого чуда (т. е. исцеления расслабленного при Вифезде) от других та, что в других среди естественного является чудо, как доказательство божественности Иисуса; здесь же, напротив, среди чудесного является естественное, как доказательство божественности Иисуса. Больной ждёт 20 лет чуда, а Иисус говорит ему: ничего не жди; что в тебе есть, то и будет. Проснись. Есть сила встать и идти, и иди. Тот попробовал, встал и пошёл. Всё это место, принятое за чудо, есть указание на то, что чудес не может быть, и что болен тот человек, который ждёт чудес, что самое большее чудо есть сама жизнь, само же событие совершенно просто, оно повторяется беспрестанно среди нас... Значение его то, что люди ждут чудес, вмешательства Бога, а Бог в них, Бог есть жизнь, отдайся ей, поверь ей, и ты жив“²⁴⁶.

Более вздорного и прямо нелепого объяснения евангельского повествования, чем приведённое, невозможно, кажется, и придумать. Сколько раз „человеку“ говорят: „проснись, есть сила встать и следовать пониманию Церкви, пониманию общехристианскому, но не пробует и не встаёт... Никто не может отвергать, что евангельский расслабленный ожидал чуда, зная прежние факты чудесности, явленные при Вифезде, во время возмущения ангелом воды в купели. Но не потому он болел, что ожидал чуда, или, лучше, сама его болезнь, будто, состояла в ожидании чуда (а на самом деле он был совершенно здоров), а потому он Ожидал чуда, что болел, болел тяжело, неизлечимо, – лежал в постели 38 лет (откуда гр. Толстой заимствовал число 20, неизвестно) и был чудесно исцелён Христом. Своё понимание гр. Толстой желает оправдать переводом евангельского текста, но этот перевод совершенно произволен. Так, ἐχὼν ἐν τῇ ἀσθενείᾳ переводит: „он был в слабости“, ἔγειραι – „очнись“, περὶεπάτει – „Пошёл ходить“ (т. е., предполагается, он и прежде мог ходить, но вообразил, что не в состоянии двигаться²⁴⁷. Гр. Толстому остаётся, конечно, слова Евангелия: „лежало множество больных, слепых, иссохших, ожидающих движения воды“ (Ин.5:3) пожимать в том смысле, что все эти

люди не были действительно физически больные, а страдали „ожиданием чуда“ и стоило только их разубедить в невозможности последнего и все они взяли бы свои постели и стали ходить. Можно, конечно, говорить всякий вздор, но, к несчастью, гр. Толстой избирает такие предметы, где этот вздор является положительно вредным²⁴⁸. Стараясь всегда прикрываться научным моментом, гр. Толстой предпочитает в 5:13 ст. вариант ὁ δὲ ἀσθενῶν вместо ὁ δὲ ἰαθεῖς. Но во-первых, этот вариант весьма редкий, а во-вторых, гр. Толстой не обратил внимания, что, при данном варианте, стоит не τίς ἐστιν, а τίς ἦν, отчего мысль изменяется: знание расслабленным Лица, совершившего чудо, равно и состояние самого расслабленного рассматривается с точки зрения прошедшего момента. И заменой ὁ δὲ ἰαθεῖς выражением ὁ δὲ ἀσθενῶν наш экзегет ничего не выигрывает, ибо сам он не может отрицать, что „слабый“ перестал быть слабым: с ним произошла какая-то чудесная перемена. Ἀσθενεῖν имеет здесь тоже значение, что в Ин.5:3,7 и во многих других местах Нового Завета, напр. Мф.10:8;25:36,39; Мк.6:56; Лк.4:40;7:10;9:2. т. е. означает „быть телесно больным“. И какой смысл имеют, с точки зрения гр. Толстого, слова Господа исцелённому: „вот, ты выздоровел; не греши (μὴ ἁμάρτανε) больше, чтобы не случилось с тобой чего хуже“ (Ин.5:14)?.. Дурной, вредный путь избрал гр. Толстой для утверждения того совершенно верного положения, что не нужно искушать Господа ожиданием чудес; Сам Христос, как известно, не хвалил ту веру, которая ищет только знамений и на них опирается (Ин.4:48).

Ещё более странно понимает гр. Толстой известное евангельское повествование об исцелении слепорождённого. Никакого подобного исцеления – говорит наш рационалист – не было; рассказывается просто о том, как духовно слепому, который „не видал истинной жизни и не понимал её“, Христос открыл глаза и „он увидал жизнь и говорит, что видит и больше ничего сказать не может“²⁴⁹. „Никак нельзя признать, что писатель хотел говорить о плотском исцелении слепого. Если признать, что речь идёт о плотском исцелении, то непонятно, для чего Иисус, исцелив его, говорит, что Он свет миру, и что надо ходить, пока свет. Непонятно, почему слепой говорит про

Иисуса, что Он *пророк*; непонятно, почему фарисеи говорят ему: *воздай славу Богу*; непонятно, почему они говорят ему: *ты ученик Его*. Непонятно, зачем Иисус встречает ещё раз слепого и говорит ему: „ты видел Сына Божия и видишь Его“. И главное, непонятны и совершенно излишни слова 39, 40 и 41 стихов, в которых Иисус говорит (Ин.9:39): и сказал Иисус: „на суд Я пришёл в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы“; (Ин.9:40): услышав сие, некоторые из фарисеев, бывших с Ним, сказали ему: „неужели и мы слепы“?; (Ин.9:41): Иисус сказал им: „если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха, но как вы говорите, что видите, то грех остаётся на вас“²⁵⁰.

Всё это гр. Толстому непонятно. Но для него является совершенно ясным и понятным такое его уродливое толкование слов Евангелия: *и видел еси Его* (т. е. Сына Божия) *и глаголяй с тобою той есть*: „Сын Божий – это то, что ты знаешь, что беседует с тобой в твоей душе, ты сам“²⁵¹. Это толкование гр. Толстому понятно, потому что оно имеет в виду оправдать его пантеистические идеи, а то, что свет физический является образом света духовного, или душевное просветление есть символ просвещения духовного, так что от речи об одном можно переходить к рассуждению о другом, – это для него совершенно непонятно, как непонятно и то, что название Христа „пророком“ (Ин.9:17) не означает, что Спаситель сообщил слепому новое духовное учение, а слово „пророк“ употреблено здесь, как и в некоторых других местах Писания (Лк.7:16), в смысле „муж великий чудотворец“, муж, засвидетельствованный от Бога „силами, и чудесами, и знамениями“ (Деян.2:22).

С другой стороны, для гр. Толстого совершенно понятно, что там, где его толкование решительно противоречит евангельскому тексту, последний нужно всячески извращать, уродовать. Это для него совершенно понятно. Он прямо заявляет, что „слова о брении и мазании им“ нужно выбросить, как совершенно лишние²⁵². Но так как о брении говорится не только в Ин.9:6 ст., но и в Ин.9:11,14,15 ст.; то гр. Толстой, нисколько не задумываясь, выбрасывает и здесь слова о брении. Стих 14 переводит так: „дело было в субботу, когда Христос открыл глаза

тёмному“; стиху 15 даёт такую свою редакцию: „и опять спросили его фарисеи, как он стал видеть; он сказал: очистился и вот вижу“²⁵³. Более недобросовестных приёмов и быть не может, и, пользуясь ими, есть возможность доказать, что угодно. Но на этом гр. Толстой в своих измышлениях не останавливается: Ин.9:7 ст. он переводит: „и сказал ему, очистись в купели посланного; он очистился и стал видеть“²⁵⁴, и уверяет, что, при таком переводе, он не пропускает ни одного слова²⁵⁵, и что смысл выражения „в купели посланного“ такой: „слепой очищается, перерождается в купели посланного, т. е. того, который делает дела пославшего“²⁵⁶. В Ин.9:8 ст. глагол πρῶτον переводит „попрошайничав“ и при этом уверяет, что соседи не считали евангельского „слепорождённого“ слепым. А чтобы оправдать это своё уверение он, вместо евангельских слов: „видевше прежде, что он был слеп“, ставит: „которые видели его прежде, что он был попрошайка“²⁵⁷. Дальше уже невозможно идти. Из евангельского повествования вовсе не видно, по мнению гр. Толстого, что слепой сам считал себя физически слепым от природы, или что таковым признавали его родители, соседи, фарисеи, призывавшие его на допрос. С таким нелепым, произвольным экзегезистом не нужно бы совершенно считаться, если бы не было людей, которые искренно убеждены, что только гр. Толстой понял правильно Евангелие. И к чему эти уродливые толкования? Ведь факт чудесности и при них всё-таки остаётся, ибо не обыкновенным процессом было это моментальное духовное перерождение и сидевшего при Вифезде, и слепого духовно от природы.

Кроме чудес, совершаемых Христом Спасителем над людьми, другой род чудесного, на который особенно обращает внимание рационализм, это чудеса, совершенные Богочеловеком над природой. Здесь ничего другого нам не остаётся сделать, как только констатировать всю несообразность натурального объяснения этого рода евангельских чудес. Как напр. многие объясняют чудесное насыщение Христом Спасителем в одном случае 5000 (Мф.14:13–21; Мк.6:31–44; Лк.6:10–17; Ин.6:1–13), в другом 4000 человек (Мф.16:32–38; Мк.8:1–9)? Хлеб говорят, у многих из этой толпы народа был, но

только Христос Своим актом благословения и преломления взятого хлеба побудил имущих отдать свои укрупы²⁵⁸ неимущим, и, таким образом, все насытились и остались ещё избытки. объяснение, как видно, прямо поражающее своей несообразностью, ибо получается, что Христос Спаситель введён был в обман, обмануты были и ученики, которые, по сказанию четвёртого Евангелиста, прямо говорят Христу, что „здесь есть у одного мальчика пять хлебов ячменных и две рыбы, но что это для такого множества“ (Ин.6:9); введён был в обман и весь народ, который, несмотря на это, считает почему то Христа Спасителя величайшим чудотворцем (Ин.6:14), желает сделать Его царём (Ин.6:15), спешит за Ним в Капернаум (Ин.6:22–24). Подобными „критическими обманами“ никто не может удовлетвориться: мы имеем здесь чудо и чудо поразительнейшее. Наша мысль и воображение отказываются представить, как оно произошло, но это не говорит, конечно, против реальности самого чуда. Пытаются уяснить это чудо путём аналогии, указывая на зерно, падающее в землю и творящее колос. Но аналогия эта здесь совершенно не подходит, ибо чудо совершается не путём ускоренного процесса природы (хлеб, ведь, продукт искусственный), а состоит в творческом приращении хлеба, носит не качественный, а количественный характер. Следует, однако обратить внимание на то, что сверхъестественное здесь соединяется с естественным, генетически, так сказать, к нему примыкает, ибо хлеб не падает с неба, в хлеб не обращаются голые камни пустыни, а хлеб умножается в хлеб. Справедливо также обращают внимание, что божественному домостроительству совершенно чужда какая-нибудь расточительность чудесной силы: Христос повелевает собрать остатки, чтобы ничего не пропало“. Таким образом, в действиях Царя природы, как и в самой природе, расточительная щедрость идёт об руку с заботливой и точнейшей бережливостью. Господь, только что явивший Себя Богом, опять подчиняется законам и условиям Своей земной жизни, и как в самом чуде – Его могущество, – так в этом приказании возвышенно проявляется Его смирение“²⁵⁹.

Как, далее, объясняют естественным путём другое замечательнейшее евангельское чудо, родственное, по своему характеру, только что рассмотренному, именно чудо превращения воды в вино на браке в Кане Галилейской? Критика испробовала здесь все пути, и о чём только она не говорила? Утверждали, что Сам Христос принёс вино, в виде праздничного подарка, и передал его тогда, когда наступило время (Гфререр); вели речь о магнетических влияниях (Кизер); в последнее время прибегают к теории гипнотизма, по которой Христос так психически воздействовал на волю участников пира, что, вкушая простую воду, они принимали её за прекрасное вино (Бейшляг, Вейс и др.). Ясно, что критика не может объяснить данного чуда естественным путём, если она настолько добросовестна, что не желает считать его простым мифом, или поучительной аллегорией. Мы имеем здесь величайшее евангельское чудо – действительное превращение воды в вино,²⁶⁰ какое чудо, в отличие от насыщения хлебами, носит не количественный, а качественный характер. Для некоторого разъяснения его можно только сказать, что „Тот, Кто прелагает воду в виноград и обращает в вино дождь через корень винограда, в одно мгновение делает то на браке, что в растении совершается через долгое время“²⁶¹.

Не можем не сказать здесь несколько слов о том евангельском чуде, на которое рационализм также обращает особенное внимание, именно о чуде воскресения многих усопших при крестной смерти Господа, о котором говорит только Евангелист Матфей (Мф.27:52–53). Чудо это, как и другие чудеса, сверхразумно, но не противоразумно. Цель чуда совершенно понятна и в аллегорическом, или символическом его толковании нет никакой нужды: оно есть знамение силы, величия Распятого, равно доказательство того, что Его смертью будет совершенно поправлена смерть, так что оно есть знамение нашего будущего воскресения. Повествование не могло сложиться на основе учения о сошествии Христа в ад, как думают некоторые западные критики, ибо чудо совершается в сам час крестной смерти Господа. Если бы повествование было вымышлено, то скорее измыслили бы рассказ о воскресении

многих, усопших при самом воскресении Господа, а не при Его смерти. Не стоит это чудо в противоречии с тем, что Христос есть *начаток умершим* (1Кор.15:20), *перворожден из мертвых* (Кол.1:18), ибо Христос воскрес, первый разрешил болезни смертные (Деян.2:24), а те только воскрешены. И воскрешены они были не в духовном теле, как думают некоторые, а в теле обыкновенном, – как воскрешён был Лазарь. Из слов: *явишася мнозем* нельзя заключать, что они опять после этого явления, или удостоверения истинности своего воскресения, сошли во гробы, или были восхищены с Господом на небо. Последнее толкование предполагает, что они воскресли в духовном теле, но текст евангельский: *многа телеса... возсташа* не даёт основания для такого предположения. Воскрешены были не древние святые, ибо тогда, явившись в Иерусалиме, они не были бы узнаны и цель их явления не была бы достигнута; а воскрешены были, вероятно, недавно умершие, праведные люди, ещё известные многим в Иерусалиме (еп. Михаил). Воскресшие являются во „святой град“ только по воскресении Христа, *изшедше из гроб*²⁶². Так как гробы восставших находились в окрестностях Иерусалима, то здесь они и пребывали, и входят во „святой град“ по воскресении Христа, ибо только тогда они могли быть живыми свидетелями славы Воскресшего и совершенной Им победы над смертью, и только тогда, быть может, и сами они вполне уразумели цель явленной на них силы Божией. Таким образом, данное чудо не представляет ничего неразумного, и Ф. Фаррар творит злую шутку над своими добрыми верующими читателями, когда говорит: „замечание об этом (т. е. воскресение тел усопших) у Мф.27:52–53 весьма своеобразно и отрывочно, и, мне кажется, его можно понимать только в смысле необычайной возбуждённости воображения свидетелей этих страшных событий“²⁶³.

Евангельское чудо – факт нерушимый, – факт сверхразумный, но не противоразумный, и все попытки изгнать его являются совершенно бесплодными, ибо никто не объяснил и никогда не объяснит евангельских чудес натуральным способом. Повторим канон старой апологетики, что чудо не

нарушает законов природы, а препобеждает их, что царство природы должно служить царству благодати. Для пантеиста, деиста, натуралиста чуда, понятно, нет, но есть оно для верующего в высочайшее, разумное всеблагое Существо, о *Нем* же живем и движемся, и есмы (Деян.17:28).

Доцент Киевской Академии *Д. Богдашевский*

**Леонович М. Владимир Сергеевич Соловьев о
расколе и сектантстве // Миссионерское обозрение.
1900 г. № 7–12. С. 681–687**

Покойный Владимир Сергеевич Соловьев – философ par excellence, всю жизнь свою посвятивший исследованию коренных проблем человеческого знания и жизни. Но, витая в сфере идеалистических построений, он никогда не забывал о современной ему текущей действительности. Даже более того. Теософские созерцания у него шли рука об руку с изучением действительности. Только, как у истинного философа, у него всякий вопрос подводился под его общую, так сказать метафизическую, точку зрения. Вот почему всякое рассматриваемое им явление получало у него всегда своеобразное глубокомысленное освещение, а всякий вопрос находил новую постановку и оригинальное решение. И как метки всегда были его суждения, как поразительно остроумна его критика, убедительны аргументы! Блестящим образцом в данном отношении может служить его статья „о расколе в русском народе и обществе“ (первоначально напечатанная в Правосл. Обозр. 1884 года, май–июнь).

В этом маленьком трактате (немного более двух печатных листов) сконцентрировано всё, что только было сказано к тому времени наиболее серьёзного и дельного в полемике против раскола и сектантства. Отрывочные возражения и обличения здесь были приведены в строгую логическую систему, вытекающую из одного основного принципа. С поразительным глубокомыслием Соловьев ставит „диагноз этой тяжёлой болезни народного духа“. Установив корень болезни – сектантства, он кратко характеризует раскол старообрядцев, как первую стадию в развитии русского сектантства, и начертывает далее логический ход его развития. „История сектантства является его наилучшим обличением“ – эта мысль, можно сказать, стала общим местом полемики. И Вл. Серг. также в печальной судьбе русского сектантства видит доказательство его несостоятельности. Послушаем самого философа.

Воспитанный в славяно-римских традициях, непосредственный ученик и друг лучших представителей славянофильства, хотя и разошедшийся с ними впоследствии, Владимир Сергеевич весьма близок к ним по своим воззрениям. Вслед за Ал. Ст. Хомяковым, он прилагает к нашим сектам ту же мерку, которую первый применил по отношению к западным исповеданиям. Глубочайшей причиной западного раскола Хомяков считал не канонические и не догматические разности, а нравственное падение поместных церквей и их представителей, дух эгоизма и злобной вражды, обуявшей их, а вместе с тем и горделивое стремление усвоить своим местным обычаям и преданиям значение общецерковное. Такова же исходная точка зрения на раскол у Соловьева. „Глубокий корень болезни (т. е. сектантства), пишет он, есть самоутверждение человеческого начала в христианской церкви. Человеческое ставится на первом месте, тогда как христианство есть дело богочеловеческое. Окончательное соединение Божества с человечеством есть цель христианства, раскол же объявляет вселенское дело церкви исполненным, смешивая бесконечную полноту богочеловечества с ограниченной частицей действительности.

Во всём расколе божественное начало в нас (присутствие и действие благодати) подчиняется нашему собственному

человеческому началу, в виде человеческого предания от отцов у староверов; в виде личного человеческого действия у свободных сектантов. У староверов божественное подменяется человеческим в его прошедшем, у сектантов в настоящем, в состояниях и действиях данных человеческих лиц“.

Это глубочайшее заблуждение лежит в основе всех русских сект и, прежде всего, нашего раскола старообрядцев. „Исходя из совершенно верного и православного убеждения, что Церковь свята и божественна не только в сокровенном начале, но и в самых видимых формах своих, раскол в своей национальной исключительности, лишённый истинного понятия о божественном, как вселенском, не мог распознать, *какие* именно видимые формы церкви и в чём именно они божественны, а поэтому смешал божеское с человеческим, вечное с временным частное с всеобщим“ (стр. 19). Прекрасной иллюстрацией этому, по мнению Вл. Серг., служат споры об имени Иисус и о чтении 8-го члена символа веры. Несколькими меткими замечаниями Соловьев ясно показывает, что эти споры – дело полного недоразумения или даже чистого недомыслия со стороны раскольников. Устанавливая такую основную точку зрения на раскол, Владимир Сергеевич полагает корень зла не в религиозном фанатизме и не в невежестве народном, как думают многие историки раскола, – хотя как первый, так и второе были „сопровождающими обстоятельствами“ раскола, – а в стремлении поставить „на место Божьего и всемирного своё, отдельное,“ вселенскую истину заменить народным обычаем. „Вот где начало болезни“. Ратуя за отеческое предание, раскольники забывали, что это предание само по себе есть лишь человеческое предание и что дело не в предании, а в его католическом характере“. Вообще предание есть нечто неопределённое: почти всё в жизни человеческой, доброе и худое, предано нам от прежних времён, и, следовательно, всё это есть предание, но далеко не всё есть предание католическое... истинное и божественное... и потому разумное“ (стр. 25). С блестящим остроумием Соловьев сближает русский раскол и немецкое протестантство, явления, по-видимому, диаметрально противоположные и несоизмеримые. „Исходя из

желания сохранить неприкосновенными *все преданные* формы церкви, не различая в них всеобщего от местного и вечного от временного, староверие ничего не сохраняет и, теряя важнейшие условия церковной жизни – иерархию и таинства, – является лишь отрицанием кафоличности, протестантизмом местного предания (25). Здесь вся церковь отождествляется с явлением в прошедшем, и божественное полагается только в старине. Нераздельно с *местной* ограниченностью раскола, как исключительно *русской* веры, является его ограниченность относительно *времени*, как исключительно *старой* веры. В настоящем ничего божественного не происходит, всё божественное уже произошло. Но кто же носитель этого прошедшего? Иерархия? Но она отступила. Остаётся отдельная личность. Так русский раскольник сходится с западным протестантом, выдвигая личное мнение против вселенского определения церкви. И писание, и обряд, на которые они опираются, есть лишь вещь, мёртвая форма; жизненный же смысл они получают от всей полноты церкви, или же, когда церковь отвергнута, от единичного лица ими пользующегося (26–27).

„Имея в себе зародыш протестантизма, русский раскол до конца возматил его“. Указав основной принцип раскола и сектантства, Соловьев с большим глубокомыслием и остроумием начертывает –*логический* ход развития раскола, лестницу постепенного удаления от истинной церкви. Он намечает здесь 4 фазиса. Раскольники-поповцы признают благодать в церкви, но ограничивая её прошедшим, отделяются от неё в настоящем. Жизнь церкви для них не существует; остаются лишь продукты её прежней жизни (*преданные формы*). Но такое *caput mortuum*, отвлечённое от своего носителя, есть нечто только мыслимое. Это прямо и утверждают беспоповцы: благодать за грехи сокрылась; церковь имеет бытие мысленное, а не видимое и существенное. Но если божественные предметы существуют только в мысли, не вне, а внутри человека, то зачем вся эта прежняя наружность церковная, не устоявшая против беззакония, не пользующая ни мало. Благодать добывается радением, или напряжённым усилием (сектанты-мистики). Но

если обнаружение Божества зависит от человеческого действия, то человеческое более выражается в сознательной разумно-нравственной деятельности, чем в исступлении. Отсюда нравственное падение рационалистических сект.

Разбирая последовательно все виды русского сектантства, Соловьев замечает: „В сектантстве человеческое постепенно вытесняет божественное. Случайные дела церковных людей и разные несовершенства, относящиеся к человеческой и временной стороне церкви, это прах земли, который на историческом торжище покрыл Христову жемчужину.

Раскольники, за пылью не видя жемчужины, бросают её с враждой и презрением“ (28). Это особенно ясно, по словам автора, у поповцев. Признавая благодать в православной Церкви и окормляясь от неё священством, раскольники-поповцы единственной благословной виной отделения выставляют клятвы и порицания на старые обряды. Разумно ли однако такое оправдание? „Против староверов погрешили люди, а они разрывают союз с благодатью Божией. Эти люди на одни и те же весы кладут божественную благодать и человеческие обиды и вот человеческое у них перевесило“. Более последовательны беспоповцы, которые считают православную Церковь безблагодатной. Но они ошибаются, полагая, что благодать даётся в награду за праведность. Церковь никогда не стояла на человеческой праведности. Само спасение людей было бы невозможно, если бы Бог давал благодать только праведникам. Но Он требует от грешника только покаяния и доброго согласия. Стремление обусловить спасение человеческой деятельностью всего яснее сказывается у сектантов – мистических и рационалистических толков.

Мистики (хлысты, скопцы и др.) ставят благодать в зависимость от чисто физических и механических процессов верчения, кружения, скакания или просто физической операции (скопцы). Так, „начав духом, они кончают плотью“; начав с отрицания обрядов православной Церкви, как излишних для духовных людей, они разумное служение Богу заменили бессмысленными радениями. „Воистину они поступают во всё противно Христову Евангелию и их аскетизм не приносит добрых

плодов. Но вот во имя нравственного начала выступают другие сектанты. Видя, что масса человечества не живёт по любви, они поднимают новую вражду, отделяются от всех, замыкаются в особые секты. Это ли деятельная любовь? Воистину в сектантской любви более лицемерия, чем истинной любви“. Считая православных формалистами, а их богослужение мёртвым обрядом, они забывают о себе, забывают, что всякое доброе дело может превратиться в мёртвый обряд“. Ведь, если кто проповедует любовь и чуждается ближних, воистину его честная жизнь и проповедь нравственная есть пустой и мёртвый обряд“.

Так шаг за шагом следит Владимир Сергеевич за логическим ходом развития русского сектантства и с неумолимой логикой разбивает все хитросплетения этих „слепых вождей слепых“.

Устанавливая такой взгляд на раскол и сектантство, Владимир Сергеевич Соловьев глубоко сожалел об отщепенцах церкви и в минуту духовной скорби о заблудших обращался к ним с призывом, который исполнен кроткой любовью и идёт от сердца к сердцу. Призыв свой он предваряет замечаниями о печальной судьбе раскола, единственный разумный выход из которой представляет соединение с матерью-церковью. „Поразительная судьба, пишет Владимир Сергеевич, тяготеет над всеми видами нашего раскола. Вот люди, восстающие во имя самостоятельности народного обычая в церкви, очутились вне народной церкви и лишь на чужбине добились некоторого подобия церковного устройства; люди, полагавшие душу свою за малейшую букву церковной формы, вдруг оказались лишёнными самых существенных и образующих форм церковной жизни и остались при одной сокровенной, якобы невидимой церкви. А вот, напротив, люди, исходящие из исключительной духовности, вдруг впадают в грубый материализм скопчества; и вот, наконец, люди, выступающие во имя всеобъемлющей любви и деятельной правды, кончают враждебным обособлением, замыкаясь в бесплодное сектантство и мёртвый формализм.

Такое несоответствие конца с началом должно бы остановить внимание искренних и мыслящих людей из сектантства. Их отделение от церкви, на самом деле, ничем не

оправдывается. „Если церковь замерла, восклицает Соловьев, если дух любви и милосердия в ней угас, покажите вы свою любовь на деле, излейте её на всю церковь. Если вы соль земли, то осолите землю. Если вы тяготитесь господством в мире зла, то вот в вашей власти нанести ему сильный удар. перед вами великое дело, вы можете совершить высокий подвиг свободы и любви, если примиритесь и воссоединитесь с братией и отечеством вашим в христианском смирении. Пусть они погрязают во грехах и вы лучше их, – тем более они нуждаются в вашей помощи для своего спасения. И не бесчеловечно ли с вашей стороны в тяжёлые времена выделяться из общего тела и отказываться от общей работы? Я говорю не о человеческой только работе, а о деле Божием, об исполнении Его воли на земле. Воля Божия для всех открыта: *да будут все едино*“.

М. Леонович

**Сушков М., свящ. Секта иеговистов или
иудействующих субботников // Миссионерское
обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 688–701**

1847 году в Пермской губ., на Баранчинском заводе, Верхотурского у., появилась под именем „Десного Братства“ секта субботников. Основателем её был отставной штабс-капитан артиллерии Николай Созонтов Ильин. Баранчинские старики, помнящие Ильина, рассказывают, что Ильин, поступивши на казённый Баранчинский завод приёмщиком артиллерийских снарядов, в начале показал себя очень религиозным человеком: он неопустительно в воскресные и праздничные дни посещал богослужение православной церкви, молился всегда на коленях, ежегодно в посты исполнял христианский долг исповеди и св. причащения, оказывал ко всем любовь и творил милостыню, дома и на заводе ежедневно читал Священное Писание. Начитавшись сочинений западных мистиков конца XVIII века и особенно „Победной Повести“ Юнга Штиллинга, Ильин увлёкся духом протестантского свободомыслия и мистицизма, отверг Священное Предание, таинства Св. Церкви, почитание св. угодников Божиих, св. мощей и св. икон, христианские обряды и всё внешнее церковное богослужение, авторитет вселенских соборов и учителей Церкви, приняв себе в руководство одно Свящ. Писание и особенно таинственную новозаветную книгу Апокалипсис; причём, считая себя истинным посланником Бога и единственным провозвестником воли Божией, он понимал и истолковывал Свящ. Писание совершенно произвольно. Из последователей своего учения в Верхотурском уезде Ильин составил религиозное общество, которое назвал „Церковью Десных“ или „Братством Десных“ и которое у православных известно под именем „Субботников“, за празднование ими не воскресного, а субботного дня в неделе. Учение своё Ильин изложил в рукописи под именем: „Сионская весть“. В дополнение к „Сионской вести“ он составил после несколько брошюр. Вот их перечень: „„*Луч света*“ (около 1870 г.), „*Семитысячелетняя битва Христа с*

Волиаром, т. е. Бога Еврейского с богом языческим“ (ок. 1875 г.), *„Общечеловеческая истина, прорвавшаяся наконец в сей адски-мятущийся мир чрез все в нём сатанински-христианские инквизиции, или религия по разуму, разрушающая все 666 адски-суеверные христианства и сатанинское иудейство*“ (ок. 1882 г.), *„Эссенция из животворящего света нынешнего всемирного светителя посланная Еговой в сей омрачённый сатаной мир“*, *„Свет народам и образумление иудеям“*, *„Свидетельство Бога пророков святых, или животворящий свет Его всем народам и племенам“* и *„Свидетельство Иисус Христово“*. Все означенные сочинения ересиарха Ильина носят следы ума недоразвитого. одностороннего, болезненного и не обладающего в достаточной мере ни философским, ни богословским образованием. Оттого в них нет ни определённого плана или системы, ни строго логического построения изложения мыслей, ни критического анализа и точных выводов. Но за то на каждой странице и чуть не в каждой строке замечается самый дикий, самый ожесточённый фанатизм, дышащий непримиримой злобой и ненавистью ко всему миру и особенно к тем, кто не приемлет его учения. Вместо того, чтобы рассуждать спокойно и беспристрастно о высоких предметах веры и последовательно излагать своё учение, он только всех и всё осмеивает и чуть не площадно ругает. Для этого у него изобретены особенные термины, особые, нигде не встречающиеся, слова и выражения с окончаниями своеобразными и бессмысленными. И потому в сочинениях его больше грубой брани, колких насмешек, всевозможных ругательств и кощунства над предметами христианской религии, нежели здравого смысла. В виду таких свойств и направления сочинений, читающему их не легко разобраться в этом хаосе, чтобы составить себе ясное, точное представление о сущности проповедуемого в них учения. Мы берём на себя труд указать на некоторые более выдающиеся черты учения, заключающегося в вышеозначенных брошюрах основателя „Церкви“ или „Братства Десных“, бывшего артиллерийского капитана Николая Созонтова Ильина.

1) В основание своего учения Ильин принимает только Писанное Слово Божие – Библию, но и Библию принимает не

всю и не в целом её составе, а преимущественно Апокалипсис, затем Евангелие, апостольские Послания и некоторые пророческие книги. Из этих книг он берёт только те места, которые, как будто, благоприятствуют его собственному учению, всё же прочее считает ненужным и уже во всяком случае для себя и для своих последователей необязательным²⁶⁴. Единственно же верным истолкователем книг Св. Писания, к числу коих относит и свои собственные вышепоименованные сочинения, считая их даже выше свящ. книг, признаёт только себя, как „великого борца за распятого Егову, как тайно-зрителя последних судеб мира, удостоившегося принять апокалипсические тайны из десницы Самого Бога Отца“. Свящ. Предание, а также определения св. вселенских и поместных соборов и писания св. отцов и учителей церкви, Ильин отвергает, называя их болтовнёй. Так, в своей брошюре „Общечеловеческая истина“, в XVI статье, на вопрос: „знаете ли, какое самое величайшее преступление, за которое сей наш Бог не только лишает бессмертия, но даже и не прощает во веки веков“²⁶⁵, Ильин отвечает: „знаю, что если кто оставит и не захочет исполнять повеленное в сей книге (т. е. в книге „Общечеловеческая Истина“), а начнёт исполнять только те Божии повеления, кои изречены ещё во времена древних битв Его с сатаной (т. е. кои изречены были во времена Еноха, Ноя, Авраама, Моисея и других пророков и апостолов); но кои в нынешней или последней битве Его с сатаной не только что стали бесполезны и не спасительны от сатанинских нападений и хитрых ловушек; но даже и в помеху военным планам и намерениям Его и в хулу и унижение святейшего имени Его: ибо такой ослушник нынешних повелений Его считается проклятее, нежели Дафан и Авирон и все те Евреи, кои пали в пустыне за тогдашнее непослушание Ему. А проклятее они потому, что апокалипсические повеления взяты им (Ильиным) уже из десницы Самого Бога Отца; следовательно, неисполнение нынешних повелений Его есть уже тройное преступление: 1) против Самого Всетворца, 2) против Сына Его Еговы или Бога пророков святых и 3) против глаголов Духа Святого. Да и апокалипсические повеления должны исполнять

преимущественно те, кои изречены прямо нам, или на то время, в которое мы живём: ибо потомкам нашим может быть будет приказано исполнять только те повеления, кои изречены через семь громов. А из сего неопровержимо следует, что кто отводит от книги сей (т. е. книги Ильина) к Апостольским, Пророческим, Авраамским, Ноевым, Моисейским и иным прежним повелениям или писаниям, коих нет в книге сей, значит тот сочиняет ложь, усиливает заблуждения, недоразумения, разделения и вражду в народах, или набирает людей в подданство не к Егове, а к сатане: и следовательно все любящие и распространяющие не нынешние повеления в Его книге сей (т. е. Общечеловеческой Истины) или не к Еврейской новозаветной Истине Божией, или не к Брато-пророческой и клевето-ангельской вере, те „ввержены будут в огненный жупел. Ей истинно Аминь“.

2) Важнейшие, основные истины христианской православной веры, как то: учение о таинстве Пресвятой Троицы, об искуплении рода человеческого заслугами Иисуса Христа, Духе Святом, как о святителе, о семи спасительных таинствах Церкви, словом – почти всё христианское вероучение Ильин или вовсе отвергает, или понимает совершенно превратно, так что в этом отношении он едва ли не превзошёл всех прежних и новых еретиков и сектантов. Впрочем, не желая прямо идти в разрез с православным учением, он для видимости весьма часто и как бы с полным уважением говорит о Св. Троице – Отце, Сыне и Духе Святом, иногда же о крещении и причащении, но говорит всегда в смысле не православном. Слово „Троица“, по его учению, не имеет смысла; „Дух Святой есть Божественный эфир или, яснее сказать, электрический свет из той природы, где живёт Отец светов, ниспущенный на Иисуса Христа по крещении и на верующих Ему и слушающих о нём“ (из „Семитысячелетней битвы“). Давая понятие о Боге Отце, – Ильин говорит; „Верить истине во век, что Бог есть также человек“, и в сноске поясняет: „И точь – в точь во всём похож на Иисуса Христа, так что, кто видел Христа, тот может сказать безошибочно, что видел и Бога Отца“. В другом месте говорит: „Иисус же, Сын Его родной Еврейский Бог и Аданай, Владыка Владык, Царь царей, пророков Бог, Бог из людей, Творец бессмертия, или мудрец, всему

начало и конец“. Говоря о Христе Спасителе, в Которого все христиане вообще веруют, Ильин не считает его за одного с тем Христом, в которого верует сам и последователи его. В одном месте в своей книге („Семитысячелетняя битва“) говорит, что „Бог их, т. е. Христос есть простой Еврей, а именно тот Ейсус – жид, который на кресте убит“. Поэтому Ария-еретика Ильин называет святым и победителем из пергамцев, а святителя Николая, Мирликийского чудотворца, одним из лютейших и гнуснейших повапленных гробов²⁶⁶. Македония-еретика тоже называет святым за то, что он Духа Святого признавал силой, т. е. действием Божиим посредством Его магнетического или электрического тока, а не Самим Богом. Егова и Сатана, по учению Ильина, есть два равносильных человека-Бога. Вот что говорит об этом Ильин: „Два равносильных человека-Бога на сей планете: Егова и Сатана, Егова есть Бог бессмертных людей, а Сатана есть Бог смертных, по прошествии 6000 лет Егова одолеет Сатану, закуёт его в цепи и ввергнет в глубокий провал“. (Эссенция из животворящего света). Воскресение Иисуса Христа из мёртвых Ильин едва ли признаёт за факт, а если и признаёт, то не приписывает ему того великого значения, какое оно действительно имеет, потому что он учит праздновать в неделе не воскресный день, а субботний.

Таинством крещения считает, как можно видеть из некоторых его выражений; не водное крещение, а вступление в общество „Братства Десных“. При крещении, т. е. при вступлении в их секту даются всем имена новые еврейские. Только имена эти от православных субботники скрывают и держат в большом секрете. миропомазание заменяется непосредственным озарением от Духа Святого, т. е. электричества. Причащение тела Христова есть присоединение к телу церкви т. е. к обществу десных христиан. Православное христианское таинство причащения, эту величайшую святыню, обносит самыми непотребными и хульными словами, которые неудобны в печати.

3) Ильин принимает учение о тысячелетнем царстве Христовом с новозаветными израильтянами, т. е. десными в тысячелетнем Иерусалиме.

4) Отвергает почитание святых ангелов, св. угодников, св. мощи и поклонение перед иконами. В одном из гимнов Ильин проповедует, что православная Церковь:

Принуждает верить бредням
Седмиглавью сатаны,
А не Божиим веленьям,
Что с неба нам даны,
Демонским изображениям
Свечи ставить и кадить
Здохлым твари повеленьям,
Поклоняться и молиться.
С-скую мерзость
Пить вино как Божью кровь,
Признаёт за буйство–дерзость
Братство Божие, любовь.
Заставляет поклоняться
Сатанинским глубинам.
К книге с неба²⁶⁷ не касаться,
Деспотизма знак иль зверство
Принимать велит на лоб,
То есть мысли суеверства
Да и будь ему холоп.
Не учение Еговы,
А дворянство митр и чванства
Христианство Сатаны,
Значит вот где православье
Ныл мучит христиан,
Кои чтут за семиглавье
Семь соборов южных стран...

Почитателей св. икон называет идолопоклонниками, здохломокольниками, а святые мощи обносит самыми непотребными словами. Но будучи ярым иконоборцем, он для себя и для своих последователей выдумал своеобразную икону в виде звезды с начертанием в середине оной имени Еговы на Еврейском языке и с библейскими изречениями и цитатами из Священного Писания. Изображение сей иконы представляет на поле, поверх иконы, слова: „Воссияет звезда от Иакова“ и проч.

„От востока до запада будет прославляемо имя моё язычниками, и на всяком месте они станут поклоняться, кадить и приносить чистые жертвы имени моему: ибо имя моё (Егова) должны прославлять и язычники: говорит вседержавный „Егова“. Около имени Егovy в кругe слова: „Я же Егова с тех пор, как вывел тебя из Египта, стал Богом твоим, а по сему ты отнюдь не должен признавать за Бога и Спасителя твоего кого-либо другого. Я есмь первый и последний и ключи от ада и смерти только в моей власти“. И кроме того, ещё множество цитат из Священного Писания.

5) Отвергает Ильин крестное знамение, ношение крестов на теле, всё внешнее церковное богослужение, молитвы, и все вообще церковные обряды, как выдумку св. отцов, и не только отвергает, но и поносит страшными хулами; так, в Туринском заводе, Верхотурского уезда, на миссионерской публичной беседе в присутствии местных властей рьяный последователь Ильина крестьянин Михаил Токарев позволил себе с дерзостью произнести следующие слова: „Ваш крест, если и на собаку крепче привязать, то и она его будет носить“.

6) Ильин в своих сочинениях мало интересовался изложением положительного учения. Главное, о чём он постоянно говорит, – это любовь. Ильин говорит: „Весь закон Егovy для его бессмертных людей состоит в исполнении только одного слова“: „Любовь“ (Эссенция животворящего света, ст. III). Ильин всех призывает к любви братской и весь закон сводит к одной заповеди о любви, хотя сам дышит свирепой злобой на всех, не разделяющих его учения. Всех без изъятия людей, какой бы они ни были веры и национальности, проклинает и обзывает самыми непристойными и оскорбительными словами. Пощады и исключения нет ни для кого. В особом заключении „Семитысячелетней битвы“, Ильин, между прочим, скорбит о гибели миллионов людей от адских кодексов царизма и догматов фанатизма и обращается к Богу с молитвой об истреблении с лица земли всех. „Москаляющих, Полякующих, Финляндствующих, Французующих, Римлянцующих, Австрийствующих, Германсующих, Пруссакующих, Туретствующих и всех вообще разных народов, не исключая и

Китайствующицх и Японствующицх“, считая и называя всех их слугами дьявольскими, чадами тьмы и порождениями эхидниными“.

7) Для своих последователей Ильин составил особый чин вечерни, утрени и обедни, состоящий из пения на голоса с музыкой разных гимнов, сочинённых им самим, или, может быть, откуда-либо заимствованных. Все гимны изложены в стихах, и между ними нет ни одного псалма или какой-либо церковной песни. Таких гимнов у Ильина насчитывается до 50-ти. Поются они на голоса разных солдатских песен русских, польских и немецких, причём Ильин их называет тропарями и кондаками. Например, *1-й гимн*, озаглавленный так: „Объявление друзьям о чудной благодати им от Господа“, поётся на мотив „Пчёлка золотая, что ты жужжишь“.

2-й гимн: „Великое аллилуиа, или начало торжества“ – с музыкой на голос польского пасхального тропаря: „Встал Христос из мёртвых ныне.“

3-й гимн: „Вшествие в вечный город небесный Иерусалим на Преображенской земле, или откровение Божие о сём городе“ с музыкой; напев „Нуте рюмки наливайте“. Содержание этого гимна начинается следующими словами:

Аллилуия Бог пророков,
Егова наш Адонай!
Ты творец чудес и роков.
Артер эйех и святой!
Что за город, что за диво,
Нам для жительства ты дал;
Как изящно, как игриво,
И премудро всё создал!

4-й гимн: „Земское царство Царя Царей, или откровение о той стране, где жизнь есть обновление“ – с музыкой на голос: „Ты подай-ка, подай голосок через тёмненький лесок“.

5-й гимн: „Эпитафия на православных кладбищах из разговора с Уранией. Гимн двух-хорный с музыкой на голос: „Близ Ревеля барон любитель псов“.

6-й гимн: „Мазурка Лаодикийских победителей или их сердечная радость при Господе о чудных откровениях Божиих“.

Гимн трёх-хорный с музыкой на голос „Паненочка панна“.

7-й гимн: „Моё ничтожество перед Господом – с музыкой на голос: „Мальбрух в поход поехал“.

8-й гимн: „Мой марш по третьему пути“ – с музыкой на голос: „В островах охотник целый день гулял“.

9-й гимн: „Содом из христиан и три худые свойства есть ещё и в Лаодикийских победителях“ – с музыкой на голос: „Я в пустыню удаляюсь“.

10-й гимн: „Марш Лаодикийских победителей к Сиону с музыкой на голос: „Я посею молода молоденька цветиков маленько“.

11-й гимн. „Молитвенный гимн народа Божия на поклонной горе, по выходе из всемирного Вавилона“ на голос: „Под вечер осенью ненастной, шла дева в сумрачных, местах“.

12-й гимн. „Прощание народа Божия со всемирным Вавилоном на поклонной горе“ – с музыкой на голос: „Ранёшенько встал, пшениченьку жал“ или „Как под Гаем“.

13-й гимн. „Марш народа Божия с поклонной горы по выходе из всемирного Вавилона“ – с музыкой на всех инструментах, со всеми гениальными вариациями, подобно трамблянке (Откр.18:4).

14-й гимн. „Предсказание о народном гимне в будущем тысячелетнем Иерусалиме“ с музыкой на голос Церемониального марша православных игроков в солдаты. (Ис. гл. 60).

15-й гимн: „Благодарность Господу от Лаодикийских победителей за сие торжество им за пятую часть битвы“ с коленопреклонением – на голос: „Я вчера в лугах гуляла“.

16-й гимн: „Семь трубных звуков с Сиона к Евреям“ – с музыкой на голос: „Гром победы раздавайся“.

17-й гимн: „Молитва перед обедом и после обеда. Все, встав на колена вокруг стола с кушаньем, поют, на голос: „Всех цветиков более розу я любила“, следующую молитву перед обедом:

„Боже всемогущий! Сей хлеб благослови насущный и нас накорми! Аминь!“

После обеда: „Боже всемогущий! Прими хвалебный глас за твой хлеб насущный, и накормление нас, Аминь!“

18-й гимн. „Мой благодарственный гимн Господу за торжество“ – на голос: Бортнянского „Верую“.

78-й гимн. „Догмат покаяния без духовника – брюховника – столняка (?) Мужика – и без сифилиса (?). блудника. „Или – это бомба Божией артиллерии на иезавелинскую чашу с сперми (?) тайнами“ на голос Аннибалова марша через Альпийские горы, или проше, на голос: „Не садись на эту ветку“, или: „Чем тебя я огорчила“.

Вечерня. Благовест к вечерне: все поют с музыкой на голос: „Ночную темнотою покрылись небеса“. После сего молитва. После молитвы опять благовест к вечерне поётся с музыкой. Затем следует сам чин вечерни, состоящий из пения гимнов, начинаемых первым братом, и повторяемых сперва мужчинами, потом женщинами, как будто на два хора. Гимнов за вечерней XLVI.

Обедня на другой день торжества. Благовест к обедне. Все с музыкой поют на голос: „Заря утренняя взошла“. Обедня состоит также из гимнов, которые запекает 1-й брат, а затем поют мужчины особо и женщины особо. Гимны некоторые особые, а большей частью повторяются те же, которые поются на вечерне. После XI гимна мужчины (они стоят на правой стороне, а женщины на левой) поворачиваются на лево, а женщины направо. 1-й брат обращается лицом ко 2-му (первый брат стоит впереди всех, а второй – позади всех), а второй не трогается с места, и все поют с музыкой 4-й гимн на голос: „Как на дубчиках – голубчиках сидят“. Когда же запоют: „Аллилуиа Иисусе Царь Царей“, тогда все становятся опять по-прежнему. XIII гимн все поют сидя, с музыкой на голос: „Вальс мазурки“. XVII гимн поют с музыкой на голос: „Бурцев буйный забияка, собутыльник дорогой“. По окончании молебствия поставляется трапеза и поётся вышеозначенная предобеденная молитва.

8) К верховной власти, гражданскому правительству и особенно к духовному начальству и к пастырям православной Церкви сектанты относятся в высшей степени враждебно. „Все Цари, не исключая и Петра 1-го, были, говорит Ильин, не сыны

света, а тьмы седмиглавой и иезавелиной“ (Семитысячелетняя битва). Царские законы называет адскими кодексами; учение православной Церкви – догматами фанатизма. Так во 2-м гимне Семитысячелетней битвы Ильин велит считать: „Попов, Пасторов, Муллов – за торгашей, вралей, плутов и ханжей; монахов и кликуш – за сонм безумных мёртвых душ; Судей, Владык, Синод, Сенат – за сонм губителей, за ад“, А в „Общечеловеческой истине“ говорит: „Что люди сочинили называть у себя великим, благочестивейшим, святым, Христовым, и т. п., то Бог считает подлейшим, нечестивейшим, или суевернейшим, и сквернейшим гноем, или блудной мерзостью, исчадием тьмы, антихристом, необразованностью или зверством, сатанинским Цезаризмом“. Православных христиан называет ошуйскими, псами и зверями, здохломольцами, свиноедами, дьявольским седмиглавым зверством и адски-православным волко-агньством.

Такой-то и даже ещё большей бранью, которую здесь неудобно приводить с буквальной точностью, приправлены и пересыпаны все довольно объёмистые сочинения Ильина, этого непризванного истолкователя последних судеб мира. И надо отдать ему справедливость, что он великий мастер ругаться, осмеивать и кощунствовать, потому что это гораздо легче, чем доказывать истину. Изрыгая брань в писаниях своих, сектанты к ней же прибегают и на беседах. Так, в апреле 1895 года, в Верхне-Туринском заводе (Перм. губ., Верхотурского у.) на публичной миссионерской беседе в присутствии местных властей, сектанты субботники кр-н М. Т-в и кр-а девка М. Р-ва, не будучи в состоянии отвечать на вопросы миссионеров, разразились страшной площадной бранью, называли миссионеров лже--пророками, антихристами, сатанистами и противниками человека-бога Еговы. Миссионеры спросили сектантов: „Почему они Иисуса Христа Сына Божия называют человеко-бог, а не Бого-человек“? М. Р-ва ответила: „Иисус Христос родился от Девы Марии так же, как и мы родились, а святости он достиг уже живя между людьми на земле, и после рождения Христа у Марии ещё родились четыре сына“. Когда миссионеры попросили Р-ву доказать это из Священного

Писания, то Р-ва с дерзостью заявила, что они (субботники) эти тайны получили из книги с неба, (т. е. апокалипсиса) и что эти тайны они никогда не откроют миссионерам ни за что, если их предадут и на смерть, как и Егову; при этом, подав миссионерам письменные ответы, сектанты отказались давать миссионерам устные ответы. Содержание письменных ответов следующее:

Решительные ответы миссионеру:

„Просим Вас во имя великого Бога живых, а не мёртвых (Лк.20:38; Деян.26:8; Кор.25:29,32) людей записать на человеколюбивых сердцах ваших, вот какие слова мои.

1) Егова, через нынешнего всемирного посланника (т. е. Ильина) от него, обратил нас отнюдь не в какой новый раскол, ни в какую бунтовщинскую шайку, и ни в какой сонм губителей, а в ту самую веру или исполнение, в которой были все Св. Пророки. Под заглавием Иисусовой согласно сказанному в книге с неба Откр.14:12, исцелил нас от зрячей слепоты, чтоб мы увидели вот какие тайны в смертном мире сём.

2) Егова разделяет всех людей только на два сорта, на миротворцев и на враждотворцев или на еговистов и санитаров (Мф.25:33–46; 5–6; 11, 3).

3) Уже тьма покрыла всю землю и омрачились все народы 666-ю адски-христианскими верами (Исх.60:2; Откр.18:3,23 24;13:18) и скоро, скоро настанет Армагеддонская (?) погибель всем враждующим или сатанистам разных чудотворных и враждотворных вер.

4) Сатана же будет закован в цепи и ввергнут в глубокий провал со всеми его сатанистами и только тогда Егова воцарится над миротворцами на 1000 лет (кн. с неба Откр.20:94).

5) И вот эти-то тайны его он и повелел нам еговистам открывать и всем человекам во всех царствах и народах, желающих спастись от години искушения, которая пришла на всю вселенную, чтоб испытать живущих на земле (кн. с неба, Откр.3:10). объявляю вам решительно, что от этого повеления нам Божия мы ни за что не отступим, хотя-бы вы предали нас на такую же крестную смерть, на какую осудили сатанисты и самого человеко-Бога Иисуса Христа или Егову.

6) Когда Бог наш Егова исцелил нас от зрячей слепоты посредством Колурия (?) в его книге с неба Откр.3:18, и велел взглянуть на весь мир, то мы увидели так ясно, как пять пальцев на руке из книги с неба уж согласно, что знаки зверства на челе (Кн. с неба Откр.13:16,18).

7) Что миротворная брато-пророческая и клевето-ангельская или общечеловеческая религия Еговы всегда и везде была и будет подавляема в продолжении 120 седмин лет, враждо-творными или отдельными религиями сатаны; а миротворцы или исполнители слов Божиих всегда и везде были и должны быть истребляемы до конца оных 120 седмин сатанистамп согласно (кн. с неба Откр.6:10;7:15;14:13) а из сего неопровержимо следует, что все люди разделяются токмо на два сорта на. еговистов и сатанистов, или миротворцев и враждотворцев или на рождённых для Еговы и на рождённых для сатаны. (Ин.3:10;8:44; кн. с неба Откр.2:7; Мф.5:9–12) и объявляем вам то, что Егова призывает всех людей в одну веру в него ко всемирно-братской любви к уничтожению на 1000 лет, всех расколов в человечестве и желающих сделаться такими же телесно бессмертными как и 144,000 евреев и Мельхиседек, Енох, Илия, Моисей, Иоанн Замолвкин (?), Пифагор Суслов (?), Елисавета Кридпер (?), княжна Медичи (?) и великое множество других, показывать путь в мир бессмертных людей его. И объявляем вам, что от этого повеления нам человеко-Божия мы ни за что не отступим, хотя-бы вы передали нас, и на такие же страдания, какие претерпел и сам Егова“.

1895 апреля 14 дня²⁶⁸.

Крестьянская девица *М. Ручьева*.

После подачи вышеозначенных сумасбродных ответов, еговисты отказались продолжать устную беседу, и просили миссионеров отпустить их домой.

Сколько ни глупо, сколько ни отвратительно для истинного христианина учение ересиарха Ильина, однако оно очень легко привилось на Урале в Перм. губ. не только к некоторым православным, не твёрдым в вере, но даже к раскольникам беспоповцам. Так, в Нижнетагильском заводе бывшие раскольники – купцы братья Д. и П. В-ны и купцы С. и С. А-вы

издавна уклонились в секту субботников, и всеми мерами стараются распространит учение Ильина не только между православными, но и между раскольниками.

Свящ. *М. Сушков*

Круглов Ф. К вопросу о неканоничности австрийской раскольниковой иерархии // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 702–710

Одним из важных, и для старообрядца неопровержимых, показателем незаконности и безблагодатности австрийской лже-иерархии служит напечатанное в Кормчей послание константинопольского собора к антиохийскому патриарху Мартирию (гл. 37), относящееся к V веку. В этом послании сказано, что еретические клирики, присоединяемые к церкви 2-ым чином – через таинство св. миропомазания, должны быть, кои достойны из лих, вновь рукополагаемы „в сан, в немже беша“; между тем, старообрядцы приняв в своё общество митрополита Амвросия, как еретика и через совершение над ним миропомазания, оставили его „в сущем сани“ без нового над ним рукоположения: следовательно – происшедшая от Амвросия Белокриницкая иерархия, по силе означенного послания, должна быть признаваема незаконной и безблагодатной.

Желая сколько-нибудь ослабить это, действительно сильное, доказательство незаконности и безблагодатности Белокриницкой иерархии, расколо-учители австрийского толка прибегают к различным, нередко нелепым толкованиям означенного послания, искажая, разумеется, действительный смысл его.

Вот более важные из этих толкований. 1) В наполненной ложью своей „Истинности“, расколо-учитель Швецов находит, что послание к Мартирию, как оно напечатано в славянской Кормчей, „страдает крайней неясностью“ (стр. 159).

По его мнению, разуместь это послание к Мартирию должно так: „хотя и в ереси крещённые, но достойные миряне, по примирении их с церковью через миропомазание, хиротонисуются и в пресвитеры, и во диаконы и проч., если у них самих (у обратившихся еретиков) или и у православных таковые должности были прежде и теперь суть праздны“ („Истинность“, стр. 160), т. е. будто в послании к Мартирию речь идёт об одних мирянах, присоединяемых через миропомазание к церкви. Чтобы изобличить это ложное толкование, достаточно

привести текст послания к Мартирию в русском переводе. Вот он: „Ариан, македониан, новатиан... принимаем, когда они дают письменное отречение от всякой ереси, мудрствующей не согласно с церковью вселенской, помазвля их наперёд святым миром. Потом же, как честные миряне, рукополагаются они в ту степень, **какую имели**, то есть в пресвитера, или диакона, или другую степень“²⁶⁹. Не ясно ли, что только ослеплённые расколом глаза Швецова могут усматривать здесь речь о рукоположении после миропомазания одних мирян обратившихся из ереси, а не клириков.

2) Рукоположение после миропомазания обратившихся из ереси клириков Швецов почитает великой несообразностью. На собеседованиях он часто высказывает такую мысль: „таинство миропомазания окажется по своему существу самой горшей ересью, если оно способно уничтожить таинство хиротонии, на еретических клириках“. Но говоря это, Швецов не хочет уразуметь того, что миропомазание может, согласно его логике, оказаться „горшей ересью“ и в том случае, если оно, не уничтожая еретической хиротонии, уничтожало бы только совершенное в ереси таинство миропомазания: ведь одинаково „не достоин и не леть есть повторяти, ни крещение, ни миропомазание ни хиротонию, но единости точию сия подавати“ (Бол. Катехиз. л. 257). А ведь многих еретиков, приявших миропомазание в своих обществах, церковь принимает всё-таки вторым чином. И так, иезуитская диалектика Швецова, в данном случае, никуда не годится. Таинство св. миропомазания совершается над приходящими от ереси не для уничтожения совершенного над ними ранее (т. е. в ереси) миропомазания, и хиротония повторяется не потому, якобы она „уничтожена“ была над ними, во время присоединения миропомазанием; но и миропомазание, и хиротония совершаются над приходящими от ереси потому именно, что оба эти таинства, как совершённые в ереси и еретическими епископами не признаются церковью таинствами **благодатными и спасительными**.

3) ученик Швецова, лже-поп Механиков, несколько не согласен с своим учителем в понимании послания к Мартирию. Он говорит: „как ни темно (!) это место (послания), но всё-таки

оно говорит больше в подтверждение той мысли, чтобы по миропомазании рукополагать **ВНОВЬ**". Но только, по его словам, „послание к Мартирию должно считать лишённым силы на том основании, что оно противоречит точному и ясному определению вселенской церкви" (Бр. сл. 1895 г. № 20, стр. 665). А где находится это „ясное и точное определение вселенской церкви", которым позволялось бы оставлять еретических клириков в своих степенях священства и после совершения над ними миропомазания при их воссоединении с церковью, Механиков не указывает. Если под этим „ясным и точным определением" разумеать 8 правило первого вселенского собора, на которое оно и ссылалось; то, ведь, указанное правило, оставляя еретических клириков „в своих санах", определяет присоединять их к церкви только посредством отречения от ересей и „возложением на них рук", а о совершении над ними миропомазания не говорит ни слова. Полагать же, что под „возложением рук" должно разумеать миропомазание, значит не хотеть знать, что во времена вселенских соборов миропомазание через „возложение рук" уже не совершалось.

В правилах вселенских и поместных соборов содержится следующая особенность: когда правила эти дозволяют оставлять еретических клириков в своих степенях священства, тогда они решительно умалчивают о совершении над ними, во время присоединения, миропомазания (8 прав. 1-го всел. соб.; 79 (70) и 112 (99) прав. Карф., соб.)²⁷⁰; и наоборот: когда правила говорят о присоединении к церкви тех же самых еретиков посредством миропомазания, тогда они обходят уже молчанием возможность оставления принятых таким образом клириков в прежних степенях священства (см. 7-е прав. 2-го всел. соб. 95-е 6-го всел. соб. и друг.). Эта особенность правил вселенских и поместных соборов достаточно свидетельствует о том, что в древности было общественным и практикуемым правилом не признавать за действительную хиротонию тех еретиков, которые принимаемы были в церковь через таинство св. миропомазания. Общеизвестностью этого правила только и возможно объяснить выраженное в столь ясной и определённой форме, в послании к Мартирию, определение о новом

рукоположении принятых через миропомазание неправославных клириков.

Не признавая убедительными свои толкования, раскольничьи писатели стараются подорвать силу послания к Мартирию другими соображениями. Так Швецов, в своём сочинении: „Показание погрешностей греко-российской церкви против св. Евангелия“, говорит, что и правосл. церковь согласно с ними понимает это послание, коли допустила присоединение через миропомазание священника о. Владимира Гете, в сущем сани. В подтверждение своих слов он ссылается на журнал „Воскресное Чтение“ 1862 года. Названное сочинение Швецова почти целиком рассмотрено и опровергнуто трудолюбивым обличителем раскольнических суемудрии и лжеучений Е. Антоновым; но относительно сделанного Швецовым указания на присоединение о. Владимира Гете через миропомазание у Антонова не сделано ни малейшего замечания. Между тем, если уверение Швецова о присоединении о. Владимира Гете (как и вообще католических клириков) через таинство св. миропомазания признать за достоверное, тогда, действительно, православным миссионерам, в полемике с австрийскими расколо-учителями о незаконности их иерархии, нельзя будет пользоваться указанным посланием к Мартирию, как потерявшим силу и для православной церкви. В виду этого, мы справились в старых духовных журналах о присоединении о. Владимира Гете, и нашли, что он, как и следует, присоединён был к православной церкви не **вторым** чином, т. е. не через миропомазание, а **третьим**, т. е. посредством только отречения от латинских заблуждений и раскаяния в оных.

В доказательство присоединения о. Владимира Гете через миропомазание Швецов, как сказано, сослался на журнал „Воскресное Чтение“ 1862 года. Во второй книжке этого журнала за указанный год, действительно, сообщено было следующее: Присоединение аббата Гете к православию последовало в июне (?) месяце настоящего года. Св. миропомазание совершал над ним о. протоиерей И. В. Васильев и, по желанию самого аббата, нарёк ему православное имя Владимира, в честь равноапостольного просветителя России. На другой день

совершена была в ново-созданной (в Париже) церкви божественная литургия, и как всякий католический священник, через само действие вступления в православие, становится священником православным, то и вновь присоединённый о. Владимир Гете присутствовал при богослужении уже в рясе и подряснике, на подобие наших священников, возложив на себя кроме того поверх рясы епитрахиль. В этот день он в первый раз сподобился принятия Тела и Крови Христовой, по чину нашей церкви, как православный священник“ (стр. 772). Сообщение это, помещено в 31-м № „Воскресного Чтения“, вышедшем 4 ноября; по ещё ранее, более чем за месяц, это же самое сообщение, **с буквальнoй точностью** напечатано было в сентябрьской книжке журнала „Странник“, за тот же 1862 год, причём редакция „Странника“ присовокупила следующее дополнение, которого в „Воскресном Чтении“ нет: „**Частное** известие, из которого мы заимствуем эти сведения, к сожалению, не сообщает никаких подробностей о присоединении о. Гете к православию. Мы желали бы как можно скорее найти подтверждение сообщаемого здесь известия в официальных отделах наших духовных журналов“ (Стр. 1862 г. Сентябрь. Хроника стр. 382). А в декабрьской книжке „Странника“, за тот же год, перепечатано из „Духовной Беседы“ уже **официальное** „Донесение“ протоиерея Иосифа Васильева к Высокопреосвященному митрополиту новгородскому и с.-петербургскому о присоединении к православию аббата Гете. Печатая это последнее, редакция „Странника“ сопровождала его следующим подстрочным примечанием: „В сентябрьской книжке Странника, в известии о соединении аббата Гете, священный обряд присоединения назван **миропомазанием** (курс. ред.). В этом случае редакция буквально повторяла выражение парижского корреспондента. Теперь, когда в церковной летописи Духовной Беседы от 22 декабря напечатано приводимое здесь официальное донесение, спешим довести до сведения наших читателей, что миропомазание над аббатом Гете, при его присоединении, **не было совершено**, – как действительно и не следовало по правилам „нашей православной церкви“.

Приводим дословно и само официальное донесение о присоединении о. Гете в виду его мало-известности и необходимости иметь его под руками при собеседованиях с австрийскими расколо-учителями, заимствуя его из декабрьской книжки „Странника“ 1862 года.

Донесение протоиерея Иосифа Васильева из Парижа, о присоединении к православию аббата Гете.

Во исполнение архипастырского распоряжения, я объявил ищущему присоединения к православной церкви аббату Гете соизволение Св. Синода на принятие его в недра православия, и совершал сие последование следующим образом:

После пятидневного говения и присутствия при богослужениях, в субботу 14 июля²⁷¹, в 8 часов утра, аббат Гете предстал перед аналоем, на котором положены были св. крест и Евангелие. На обычный вопрос: „чего он желает“? ищущий присоединения отвечал, что „желает присоединения к православной церкви, которую признаёт единой истинной, соборной и апостольской, и в которой обещает верно пребывать до последнего издыхания“. На второй вопрос: „что нашёл неправославного в римско-католической церкви“? он отвечал подробным изложением заблуждений папских и отречением от оных; а потом изложил полное исповедание православной веры. Засим, после приличного наставления с моей стороны, аббат Гете преклонил колена, и над его главой прочитана была мной присоединительная молитва по чиноположению. Обряд кончился лобызанием св. креста и Евангелия. Новоприсоединённый принял по собственному желанию имя Владимира в честь равноапостольного просветителя России.

Непосредственно за сим отец Владимир Гете оделся в подрясник и рясу и исповедовался у моего достоинства. Последовало совершение божественной литургии, при которой новоприсоединённый, возложив на себя епитрахиль сподобился приобщения святых Таин.

Так как литургия совершена порану; то, кроме причта, никто при оной не присутствовал.

Считаю утешительным долгом свидетельствовать перед Вашим Высокопреосвященством о трогательном благоговении и

невыразимой радости, с которыми отец Владимир Гете вступил в недра православной церкви. Горячие слёзы обильно лились из очей его; во всё же время литургии он стоял на коленях и часто повергался ниц перед св. престолом.

При сём имею честь приложить собственноручное письмо отца Гете к Вашему Высокопреосвященству.

Протоиерей Иосиф Васильев“.

И так, напечатанное в „Воскресном Чтении“ сообщение парижского корреспондента о присоединении о. Владимира Гете через миропомазание, на которое сослался Швецов в своём „показании“ и на которое постоянно ссылаются на беседах все другие австрийские расколо-учители, оказывается сообщением **несправедливым**. Следовательно, православная церковь, своим отношением к иноверным клирикам нимало не ослабляет силы послания константинопольских святителей к антиохийскому патриарху Мартирию, оставляя в своих степенях священства только лишь тех из иноверных клириков, которые присоединяемы бывают к церкви третьим чином без миропомазания²⁷². Поэтому, доказательство незаконности и безблагодатности австрийской иерархии, основанное на послании к Мартирию, имеет полную силу в устах православного полемиста.

Но здесь снова слышим от раскольников возражение. Если православная церковь, говорят они, принимает в своё общение католических клириков без миропомазания, то в этом случае она якобы нарушает постановление великого Московского собора 1667 года, повелевшего латин „помазывать святым и великим миром“ (Деян. соб. 1667 г. стр. 74. По издан. Бр. св. Петра митр.).

На это обвинение скажем следующее: 1) По обычаю католической церкви, таинство миропомазания совершается, как известно, не тотчас же после крещения, а в последствии, и нередко над взрослыми уже людьми. Но собор 1667 г., постановляя принимать латин через миропомазание, не положил различия между помазанными и непомазанными миром католиками, поэтому постановление этого собора требует разъяснения, – распространяется ли оно и на помазанных миром

католиков, или оно относится только к тем из них, над которыми не было совершено в католической церкви миропомазания? 2) Это разъяснение и дано православной церковью, в последствии, в „Чинопоследовании соединяемых из иноверных к православной кафедральной восточной церкви“, изданном, по благословению Св. Синода, в 1757 году. В этом „Чинопоследовании“, в „указе како принимать еретиков, или отступников“, сказано: „суть некотории отступницы, ихже при святом крещении миром святым иереи не помазуют, точию епископы, и не младенцев, но точию возраст имущих. Сего же ради мнози не суть миром помазаны: тем убо приходящих, **изряднее же от латин**, к православной вере, известно испытати подобает, аще суть миром помазаны, или **ни; аще убо суть помазаны, не тебе есть помазовати их**: аще же не суть, всяко подобает их миром святым помазати“²⁷³.

Таким образом ясно, что возводимое расколо-учителями на православную церковь обвинение в не последовании ею собору 1667 года оказывается несостоятельным. Постановление одного собора, о присоединении латин через миропомазание, должно быть относимо к тем лишь из католиков, которые не были помазаны миром в католической церкви, и в этом последнем случае оно сохраняет, в православной церкви, свою силу до настоящего времени²⁷⁴.

Миссионер Ф. Круглов

Рыбаков С. Духовенство среди крещёных инородцев
275 // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С.
711–722

Ещё доньше существуют разногласия, относительно основ просвещения инородцев; эти разногласия сосредоточиваются около просветительной системы Н. И. Ильминского, а потому нам кажется небезынтересным обозреть исторически и принципиально один из главных вопросов инородческого просвещения; вопрос об инородческом духовенстве.

Поводом к этому служит нам появление статей за 1899 г. в «Миссионерском Обозрении», под заглавием «К вопросу о более желательной и целесообразной постановке церковно-приходской и школьной миссии среди населения инородческого среднего поволожья».

Автор начинает с заявления, что в жизни и печати снова выступил *вопрос инородческий*, вопрос старый, но далеко не решённый. Напрасно автор возражениями против вопроса, уже всесторонне решённого в просветительной системе Н. И. Ильминского, делает его нерешённым: вопрос этот решён жизненно.

Автор говорит далее, что в системе Ильминского есть нечто недоговорённое: забыто разграничение воспитания христианского с одной стороны, и гражданского образования с другой.

На это надо заметить, что для Н. И. Ильминского такой недоговорённости не существовало, – ясно и просто поставлена одна цель – христианско-русское образование: сначала христианское просвещение крещёных инородцев с возможным распространением такового и на некрещённых, а затем вытекающее отсюда как следствие – гражданское образование.

Точка зрения Н. И. Ильминского по этому вопросу вполне определённо выражена в замечательном письме его к одному из выдающихся симбирских деятелей просвещения, Буинскому протоиерею А. И. Баратынскому в октябре 1870 г. «Конечно, вы согласитесь, писал Н. И., – что христианская религиозность есть

то единое на потребу, о чём нужно особенно хлопотать... Мы в начале нимало не хлопчем о русском языке или об арифметике и т. п., а собственно о том, чтобы ученик набрался христианского духа, христианских понятий и фактов, для наибольшей лёгкости и удобства, на своём родном языке. Когда это достигнуто, тогда *все предметы и русский язык сами собой пойдут хорошо и успешно*. Это у нас подтверждается фактом. А вы желаете сразу вложить в инородческих учеников науку и русский язык; у вас сравнительно слишком мало места отведено для религии, или же она не вполне удобными способами даётся ученикам, – русский язык замешался тут. Мы требуем в учителе преимущественно искренно-тёплого христианского чувства, а вы – преимущественно образования и умственного развития. Мы предпочитаем (в учителя и священники) родственных инородцев, хотя бы мало грамотных, а по-вашему – учитель русский, столько учёный и, пожалуй, немножко умеющий по-чувашски говорить, – вполне годен обучать чуваш...

Мы стараемся о фундаменте, а вы, минуя фундамент, стараетесь украсить здание красивыми узорами. Ваша метода хороша, но только она должна составлять в процессе христианско-русского образования инородцев второй фазис, а первый у нас²⁷⁶.

При такой формулировке задач инородческого просвещения по-видимому нет недоговорённости в системе Н. И. Ильминского.

Далее следует обвинение автором преемников Н. И. Ильминского в том, что они присваивают себе якобы те привилегии, которые могли принадлежать Н. И. Ильминскому, в силу его исключительных личных качеств, посягают будто бы на то, что безусловно должно принадлежать Церкви и законным её служителям-епископам и священникам; здесь автор понимает главным образом то, что преемники Н. И. Ильминского стараются всячески поддержать одну из основных его идей, относительно инородческого просвещения – назначение в инородческие местности учителей и священников из среды инородцев-же.

Но бороться против чисто личных стремлений отдельных священников или излишних внешне-обрусительных стремлений их до забвения «единого на потребу» никак не может значить посягать на права Церкви и законных её служителей.

Преемники Ильминского, вопреки уверениям автора, нисколько не посягают на права церковного учительства и устройства церковно-приходской жизни инородцев, они только озабочены осуществлением идеи Н. И. Ильминского, чтобы дело церковного учительства и устройства церковно-приходской жизни среди инородцев было поручаемо преимущественно священникам-инородцам, законно поставленным духовной епархиальной властью.

Дело обрусения инородцев для Церкви – стороннее и второстепенное, говорит автор: оно целью деятельности православного духовенства никогда не будет, а будет только естественным следствием проникновения в среду инородцев света христианства (стр. 442).

Если это так, то не всё ли равно тогда для ревнующих о благе Церкви, через кого совершается это просвещение – через русских или инородческих священников и учителей? А если практика показывает, как увидим ниже, что инородческие священники с особым успехом подвизаются для дела просвещения, то не будут ли истинные ревнители Церкви признавать и священников-инородцев вместо того, чтобы восставать против них?

Автор как бы не отрицает священников-инородцев, но главная мысль его, однако, выраженная в конце статьи, сводится к тому, «почему бы русских священников, знающих инородческий язык, не считать *предпочтительнее* кандидатами на священство в инородческие приходы, чем, напр., окончивших инородческую учительскую школу, если последние пройдут даже курс старших классов духовных семинарий?»

Не слышится ли здесь выражение того недовольства по поводу возникновения духовенства из инородцев, которое появилось ещё при жизни Н. И. Ильминского и доставляло ему немало забот?

«Против инородческого образования – читаем мы в письме Н. И. Ильминского к Обер-Прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву от 3 февраля 1891 г., воздвигается издавна, а чем дальше, тем больше, вражда и брань с разных сторон и разного содержания. Вот, напр., m-me Верви жалуется на Яковлева, что он повсюду заводит чувашские школы и чувашский язык... что этим будто бы Яковлев делает помеху русскому населению и русскому богослужению. Значит, по её женскому рассуждению, русскому населению было легче и приятнее, когда чуваша язычествовали или даже уходили в магометанство?

...Эта госпожа есть отголосок, но не дворянства, а (я полагаю) приходского сельского духовенства. Последнее (не без исключений, конечно, ибо в нём есть люди добрые, основательные и беспристрастные) недовольно тем, что от него, т. е. от поколения русского духовного сословия, отнимаются места в инородческих приходах. Это недовольство инородческими священниками похоже на неудовольствие духовных, получивших семинарское образование, на единоверческих священников, ставимых из простецов, не знающих орфографии, но сильных словом и духом».

Мне лично также припоминается, как (в 1896 г.) русский священник в посёлке Нежинском, близ г. Оренбурга, населённом нагайбаками (крещёными татарами), негодовал против богослужения на татарском языке и поставления во священники татар: «какое тут татарское богослужение? Зачем это священники инородцы? а русские разве не священники? Поверьте мне, я – орловец, из срединной России происхожу и получше священников инородцев чувствую и понимаю истинно русские интересы. Побольше русского и русских: к чему прилаживаться к инородцам? без этого они скорее обучатся всему русскому...

Поверьте, я-то, орловец, уж понимаю русские интересы». И вот в посёлке Нежинском, где стараниями Н. И. Ильминского и его последователя В. В. Катаринского устроено было богослужение на татарском языке и назначались раньше священники из татар, священники из русских уничтожили

последние остатки татарского богослужения, не обращая внимания на то, что по крайней мере вся женская половина населения и некоторые из мужчин не знают вовсе русского языка, а тем более славянского.

Но в чём же значение, смысл и желательность среди крещёных инородцев священников из инородцев-же?

Хотя автор и утверждает, будто странно опасаться, что духовенство русское не определит своей задачи в деле просвещения инородцев и не поймёт тех средств, какими можно достигнуть этой задачи, но сама просветительная система Н. И. Ильминского с её переводами, инородческими учителями и священниками возникла вследствие того, что русское духовенство (не всё, конечно, глазным образом сельское), мало радевшее о духовных нуждах крещёных инородцев, не знавшее и не имевшее большой склонности знать ни их языка, ни их быта, не могло оказывать на них необходимое религиозное воздействие и упустило значительную часть крещёных в ислам. Ещё в 1866 г. Казанский вице-губернатор Е. А. Розов, которому поручено было расследование причин массового отпадания крещёных инородцев в ислам, свидетельствовал в своём официальном донесении: «Надзор священников (тогда были только русские священники) над крещёными татарами уже по многолюдности и разбросанности православных приходов в здешней Казанской губернии был вообще слаб и не непрерывен. Все сношения с ними православного духовенства были временные и редкие, ограничиваясь случаями требоисправления, хождения со крестом в годовые праздники и собрания руги. Сколько случалось мне беседовать... с сельскими священниками, во всех замечал, что они оценивают своих прихожан в религиозном отношении исключительно со стороны внешней, обрядовой исполнительности и совершенно упускают из виду христианское просвещение и нравственное исправление прихожан.

... Священники, сколько по крайней мере я мог усмотреть из личного моего знакомства с ними, не делали ничего к христианскому образованию инородцев»²⁷⁷.

И вот необходимо было появиться такому необыкновенному деятелю, как Н. И. Ильминский, такой замечательной, просветительной системе, как его система, для того, чтобы дело просвещения инородцев двинулось вперёд. И почему это дело двинулось? Потому, что Н. И. Ильминский, увидев неспособность русских священников для дела просвещения инородцев по незнанию языков и отсутствию ревности о просвещении, попробовал вместо них привлечь к делу просвещения священников инородцев; он не только имел успех в этой попытке, но и, пользуясь фактами, теоретически обосновал и выяснил большую пригодность инородческих священников перед русскими для просвещения инородцев. В своей записке, представленной им в 1866 году в Синодальное Ведомство по поводу переписки об удостоении инородцев священнослужительских должностей, Н. И. Ильминский писал, между прочим, «чтобы передать инородцам христианское догматическое и нравственное учение и передать его не отвлечённо, не как мёртвую букву, а так, чтобы оно сделалось основой их мышления и жизни, для этого нужно приноровиться к их религиозным понятиям и нравственным убеждениям, к их своеобразному ходу и направлению мышления. Русский человек не может вполне приноровиться к инородцам, хотя бы говорил на их родном языке. Его речь будет убедительна по-русски, а в инородцах она, своей русской постановкой излагаемых мыслей, всегда должна более или менее оставлять недоразумение, темноту, отсюда неубедительность, бездейственность (вот главное основание – прибавим от себя – предпочтения священников-инородцев перед русскими)...

«Инородец, движимый только врождённым инстинктом, прямо и непосредственно может действовать на ум и сердце единоплеменных ему инородцев, и с тёплым умилённым убеждением будут приняты ими его христианские беседы и наставления. К этому надобно присоединить то естественное обстоятельство, что к человеку своего племени инородцы и вообще простолюдины, имеют более доверия, нежели к человеку чужому»²⁷⁸. Инородческое богослужение производит, как показывает опыт, всегда большее впечатление и действие,

когда оно совершается священником-инородцем: сила убеждённого слова единоплеменника проникает в самые глубокие тайники сердца и вызывает могучие движения души, слёзы разумения, радости и святых намерений. «Великая сила богослужения на родном языке, обозначившаяся и прежде фактами теперь подтвердилась окончательно», читаем мы в книге «Казанская центральная крещено-татарская школа» (стр. 360).

«Можно с достоверностью полагать, что в этом случае большое значение имеет и *единоплеменность священника*, который естественно может более внушить к себе доверия и сочувствия в инородческом населении, нежели русский священник.

Сродственная душа священника из татар, верно, звучит особыми тонами, родными, влекущими, пленяющими; а татарский язык в руках природного татарина составляет совершенно послушное и гибкое орудие к выражению всех его мыслей и чувств... Да будет позволено при этом сделать следующее замечание. Некоторые русские священники, зная татарский язык не в полном совершенстве, которого взрослому человеку едва ли уже возможно достигнуть, решаются говорить по-татарски самостоятельно изложенные христианские поучения. Притом татарский язык имеет много особенностей в произношении, от несоблюдения которых речь может быть непонятна или сбивчива, а иногда даже впадать в неприличные искажения. Если принять во внимание, что крещено-татарские слушатели, не знающие христианской веры и неубеждённые в божественности её, через поучения впервые должны знакомиться с нею и расположиться в её пользу, – тогда нестройное или тёмное изложение, неправильное и невнятное произношение может произвести на слушателей впечатление очень неприятное, в ущерб христианству. Поэтому без надлежащего знания языка говорить на этом языке поучения, в церкви особенно, есть дело рискованное и опасное. А между тем поучения необходимы для крещёных татар. В этой крайности, если священник недостаточно знает язык, самое безопасное дело поручать грамотному крещёному татарину, если же есть

школа, то учителю, прочитывать вместо причастного что-нибудь назидательное из готовых уже переводов... Во всяком случае положение большинства русских священников в крещено-татарских приходах неудобно»²⁷⁹.

Полезность привлечения к делу просвещения инородцев деятелей из их же среды подтверждается и опытом иностранных христианских миссий: вся система религиозной (английской) пропаганды между дикарями основывается на деятелях из туземцев. Здесь дикие просвещают диких. Лишь только английские миссионеры приобретут для христианства одного из туземцев, они тотчас употребляют его для обращения его соотечественников. Так как он говорит одним языком с туземцами, знает характер своей расы, то без всякого сомнения он имеет на них более влияния, нежели чужеземец²⁸⁰.

После всего сказанного мы имеем основание возразить автору статьи обратное, – что *предпочтительнее* следует считать кандидатами на священство в инородческие приходы *инородцев*, чем русских.

Интерес дела побуждает остановиться ещё на другом утверждении автора той же статьи, что от священников, в том числе и из инородцев, дух времени требует обилия знаний, что кандидатов на священство из инородцев следует проводить через полный курс духовных училищ и семинарий и что мысль покойного Н. И. Ильминского о большей пригодности для простого народа священников не очень образованных теперь не оправдывается на деле, – то-де было время, а теперь другое: теперь всюду строятся школы, грамотность и образование и лжемудрования всякие широко проникают в народ, и священник без надлежащего образования не в силах будет отвечать потребностям времени (стр. 444). Можно сомневаться, чтобы за 8 лет со времени смерти Н. И. Ильминского быт инородцев настолько изменился, вошло в него столько новых влияний, взглядов и учений, что стали бы надобны непременно вполне образованные священники-инородцы; быт народов изменяется не столь быстро; по-прежнему инородцы Поволжья, Урала и др. местностей сохраняют свои первобытные условия жизни, своё невежество и малое знакомство с русской жизнью; лже-учения,

если иметь в виду раскольничьи и сектантские учения, не имеют широкой почвы для распространения, вследствие равенства языков и пренебрежительного отношения раскольников к инородцам (напр. так относятся уральские казаки-раскольники к киргизам); но если предъявлять к священникам-инородцам требования большего образования, то подобные же требования надобно ставить и относительно русских священников, между тем на практике во священники очень нередко посвящаются молодые люди из русских, далеко не прошедшие полного семинарского курса, и это не мешает некоторым из них быть прекрасными пастырями. Вопрос о степени образованности, необходимой для пастыря-инородца, занимал, разумеется, и Н. И. Ильминского и вполне определённо разрешён им на основании практики просвещения инородцев: в вышеупомянутой записке его об удостоении инородцев священнослужительских должностей он высказывается, что «в отношении знания церковными правилами постановлена правая католическая вера, но точно не определено объёма и степени умственного и даже собственно-богословского образования. Пользы богословского образования и вообще умственного развития в священнике отрицать нельзя, но оно, сравнительно с вышеупомянутыми нравственными качествами, имеет подчинённое или служебное значение и определяется обстоятельствами прихода. Священник есть учитель своих прихожан, но не для того чтобы производить в них учёность, но правую христианскую веру, и проповедуемые им нравственные христианские правила опять должны питать не любознательность собственно, но христианский дух и жизнь. В приходах инородцев, вообще чуждых образования, для местных священников нет особой надобности в глубокой науке, но необходимо искреннее и сознательное убеждение в основных догматах и правилах христианства, какое может быть воспитано на прилежном чтении слова Божия и особенно св. Евангелия, и на постоянном внимательном посещении церковного богослужения».

«При этом в священнике желательна и даже необходима учительность, т. е. прирождённый Богом дар, по которому

человек не может равнодушно видеть неведение или заблуждение ближних и внутренне побуждается научать и вразумлять²⁸¹. Рекомендую проводить инородцев через весь курс духовных училищ и семинарий, автор рассматриваемой статьи неодобрительно высказывается о симбирской центральной чувашской школе и подвергает полному сомнению её соответствие требованиям воспитания будущих пастырей Церкви среди инородцев, говоря, что она «принадлежит к низшему разряду учебных заведений и даже в настоящие годы своего улучшенного состояния не может брать на себя высокого права и ответственности воспитывать в своих стенах пастырей Церкви: для этого нужно проникнуться ей всецело духом церковности, нужно значительно расширить в ней преподавание Закона Божия, чтобы придать ученикам хотя вид богословского образования, ввести теоретическое и практическое изучение церковного устава и действующего пастырского канонического права православной Церкви и т. п.» (стр. 444–445).

Надобно сказать по этому поводу, что симбирская чувашская школа принадлежит к типу школьных учреждений, созданных Н. И. Ильминским: казанской центральной крещено-татарской, карлыганской вотской и др. школ или казанской учительской семинарии; симбирская чувашская школа приобрела уже большую известность своей постановкой учебно-воспитательного дела; если возражать против посвящения во священники инородцев, получающих образование в этой школе, то почему не возражать также против назначения на священнические места лиц, кончающих курс в названных инородческих школах или в казанской учительской семинарии, курс которой значительно меньше курса духовных семинарий? Между тем посвящения во священники питомцев этих учебных заведений нередки. Таким образом мысль автора рассматриваемой статьи, может быть, шире, чем как она высказана, может быть, автор хотел сказать, что не следует назначать во священники вообще лиц, получивших образование в школьно-просветительных заведениях Н. И. Ильминского, что, может быть, эти учебные заведения требуют пересмотра и т. п.?

Всем известно, а потому нет надобности много распространяться о том, что дух церковности, как отличительная печать, лежит и на всех просветительных учреждениях, возникших в недрах системы Н. И. Ильминского. В симбирской чувашской школе преподавание Закона Божия, церковное пение особенно выдвинуты на первый план; вообще заветы Н. И. Ильминского свято хранятся в этой школе: И. Я. Яковлев, создатель школы, был одним из деятельнейших сотрудников Н. И-ча, находился в постоянном общении с ним, встречал неизменную поддержку со стороны его, и по поводу обвинения его и вообще преемников Н. Ильминского в стремлении к обособленности любопытно заметить, что И. Я. Яковлев как раз под влиянием Н. И. Ильминского в начале своей деятельности (в 70 годах XIX ст.) принял в школах чувашский язык, как язык преподавания, а раньше он, природный чуваш, горячо высказывался против чувашского языка в школах, отстаивая русский. Преемники Ильминского ни к какой обособленности не стремятся, прекрасно понимая, что таковой не может быть, единственная их цель – обновление народностей и братское соединение их с русским народом *в недрах христианства*.

В заключение мне остаётся сказать ещё несколько слов по поводу мнимой обособленности, в стремлении к которой обвиняют преемников Н. И. Ильминского, в том числе и автор статей в «Миссионерском Обзрении».

Н. И. Ильминский, приступая к делу просвещения инородцев, увидел, что надобно создать новое духовенство, новых деятелей просвещения из русских, а главным образом из инородцев, сильных сознанием своих высоких пастырских обязанностей, одушевлением к своему делу и должным образом подготовленных. И вот, чтобы создать условия Необходимой для деятелей инородческого просвещения подготовки, он озаботился организацией особого рода школьных учреждений, всем теперь известных, сообразно с нуждами инородческого просвещения; опыт, многосторонний и обширный, руководил им; хотя он сам был человек богословского образования, прошёл семинарский и академический курсы, однако он не остановился на курсах уже

существовавших духовных училищ и семинарий, а увидел необходимость *особенной* подготовки для деятелей просвещения инородцев путём обучения этих деятелей в особенных школах и семинариях.

В той же записке Н. И. Ильминского об удостоении инородцев священнослужительских должностей встречаются следующие красноречивые строки по этому вопросу: «Не в очень давнее время (в 30-х или 40-х годах), по распоряжению местных епархиальных начальств и Святейшего Синода, помещались инородцы в духовные семинарии для образования, в видах определения их потом на инородческие приходы. Так, напр., в Вятской семинарии воспитывалось несколько черемис и вотяков, в Саратовской – калмыки. Но по удостоверению очевидцев, все эти инородческие воспитанники в семинариях не только не получили хорошего нравственного настроения и умственного образования, но вышли буйными, пьяными, развращёнными, или же тупыми и неразвитыми. Такая поразительная безуспешность зависела от того, что инородческие мальчики, быв помещены в семинарию, без всякого приготовления, вдруг очутились в кругу для них совершенно чуждом, к которому, вследствие племенной разности, не могли иметь никакого сочувствия и не могли почерпнуть из него материалов для своего умственного и нравственного образования. В учебных заведениях они на первых же порах встретили трудности, как от разности учебного языка, так, быть может от схоластичности самого преподавания. Это должно было охладить и совсем убить их любознательность; а потом неудача в учении, бездействие и праздность должны были повести юношей с несколько вялым характером – к апатии и тупости. Этого не было бы, если бы инородческие мальчики поступали в семинарию после достаточного приготовления в школах, специально приноровлённых к образованию инородцев»²⁸².

И так обособленность преемников Н. И. Ильминского не сводится ли к тому что они, следуя последнему, отстаивают необходимость для инородцев проходить школы, специально устроенные для их образования? Но ведь не подлежит сомнению, что помещать инородческих мальчиков, совсем

незнакомых ни с языком, ни с жизнью русских – прямо в духовные заведения, помимо инородческих школ, вредно: это подтверждают поразительные факты, приводимые Н. И. Ильминским и последующая практика тех же духовно-учебных заведений.

СПб. Декабря 1899 г.

С. Рыбаков

**Панормов, прот. Школа для взрослых, как оплот
против распространения сектантства //**
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 723–732

Не подлежит сомнению, что сектантство давно и усиленно распространяется по России.

Долго этот враг веры и народа оставался мало кем замеченный... Но теперь он усмотрен теми, у кого есть очи, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать...

Всё громче и громче раздаются голоса, предупреждающие об опасности и собирающие всех под миссионерское знамя, на защиту родной веры.

Оставаться равнодушным к апостольскому подвигу миссии – просто грешно и, конечно, много найдётся и есть на Руси ревнителей православия, готовых охранять младшего брата о Христе и во Церкви от духовного растрепания лжеучениями, но слишком мало у нас деятелей, подготовленных к миссионерскому делу, не многие разумеют даже такого краеугольного вопроса, какой наиболее надёжный и существенный оплот противопоставить сектантскому движению. Вот об этом вопросе мы и хотим побеседовать на страницах миссионерского органа.

Вопрос этот поставлен давно, но наиболее верно разрешён он теми, кто против духовного врага ставит духовное же оружие и против тьмы ставит свет, при помощи которого заблудшим легче выбраться на истинный путь, а стоящим на правой стезе – не сбиться с неё.

Особенно же внимание должно обратить на себя разрешение этого вопроса на почве участия народной школы вообще и церковно-приходской в особенности в деле внутренней православной миссии.

Действительно, очень много пользы сделала бы народная школа, если бы она твёрдо и последовательно шла тем путём, какой был указан собственно церковной школе правилами 1884 года.

Нужно сказать по справедливости, что церковная школа на первых порах своего существования (т. е. после 1884 г.) резко отличалась от земской школы тем, что задачи воспитательные ставили выше целей обучения простой грамотности или искусственного просвещения.

Мы хорошо помним, как на первых порах после объявления правил 1884 г. духовенство мало гонялось при обучении в церковных школах собственно за методами и не особенно хвалилось показными результатами, выражающимися в сумме льготных свидетельств. Но потом... потом случилось нечто особенное... Случилось нечто неожиданное: церковные школы во многих местах стали усиленно копировать во всём земские школы.

Мы вполне разделяем благожелание миссионера г. Кальнева, автора одной статьи, помещённой в „Мисс. Обзор.“ в декабр. кн. 1898 г., где выражено пожелание, чтобы церковная школа скорее вступила твёрдо на указанный ей путь „благотворного воздействия на религиозно-нравственное воспитание народа“.

Но можно ли начальными школами для детей остановить опасное умножение сектантства и отпадения от православия?

Не обинуясь отвечаем на этот вопрос, что нет и нет. Детские школы не выполняют ожидаемых от них миссионерских задач и не детские школы остановят шествие сектантства, а школы для взрослых. Ни краткость курса начальных народных школ, ни малый возраст учащихся, ни слабое ещё развитие в них религиозного сознания не подадут надежды, чтобы можно было с детьми 8–11 летними, в две–три зимы довольно основательно изучить всё то необходимое, чтобы учащийся сознательно мог сделаться защитником православия, „неуязвимым со стороны сектантства и раскола“.

Как с детьми можно будет изучать тот катехизис, о котором говорит г. Кальнев?

Мы вполне согласны с мнением о том почтенного миссионера, что необходимо ввести в курс народных школ преподавание такого катехизиса, в котором особенно обстоятельно должны быть раскрыты истины православного

вероучения, отвергаемые или искажаемые расколом и сектантством. Подобное катехизическое знакомство даст возможность учащимся при всяком случае быть готовым к ответу на вопросы об уповании и умение заграждать уста непризванных учителей. Но мы решительно отстаиваем свою мысль о необходимости учить этому взрослых, а не детей.

Нужно, конечно, не так объяснять богослужение, как у нас объяснено оно в учебниках для начальных школ... Горько, что православное богослужение остаётся не понятным для многих чад церкви потому, что смысл и значение его не объяснены надлежащим образом ни в школах, ни в церквях.

Справедливо, что „непонимание содержания богослужебных молитв и обрядов служит одной из главных причин отпадений православных в сектантство“.

Но ближайший наш педагогический опыт десятка лет уверил нас в том, что трудно детей вполне ввести в смысл православного Богослужения, обряды которого запечатлевают в себе такие тайны, постигнуть которые во всяком случае легче, гораздо легче, взрослым, чем детям. Для надлежащего понимания православного богослужения нужна во всяком случае не – детская голова.

Начальная школа может успеть приучить детей к молитве, научить их главным молитвам и дать краткие сведения о богослужении: больше сделать она не может при всём желании и усердии законоучителей и детей. Конечно, грустно, что великая книга псалтирь и молитвенное пособие – часослов сделаются известными детям – школьникам только со стороны внешней и со стороны – *буквы и письмени*: ученики церковных школ ещё ждут учителей, которые ввели бы их в дух псалтири и часослова с октоихом!

Другие богослужебные книги ученики церковных школ *просто читают*; и только. Всякий согласится, что это далеко не то, что желательно было-бы видеть в учениках церковных школ.

Но тут никто не виноват. Ведь, никто не винит фруктовое дерево, если оно ранним летом имеет на себе зелёные плоды. Как же винить детей и их учителей, что для первых псалтирь

остаётся только славянской книгой и для вторых она служит материалом для практики в славянском чтении?!

Но то, что не доступно и мало доступно детскому пониманию, то легче поймут взрослые, о которых мы теперь и желали-бы вести речь,

Пока будут взрослые оставаться в том забвении, которое им выпало на долю теперь, в те годы, когда взоры всех устремлены на детей, до тех пор обеспечен успех сектантства...

В самом деле: 1) из кого вербует сектантство своих приверженцев: из взрослых или из детей? 2) Что сделано у нас для удовлетворения той духовной жажды, которую теперь томится народ?

Сектантство, как и всякое новое религиозное учение, имеет дело со взрослыми.

Штундисты, хлысты, молокане, с словом учения обращаются к взрослым: их только и приглашают вожаки сектантства на собрания свои; взрослых увлекают своими вдохновенными (хотя и ложно) речами, взрослых прельщают помощью материальной. Сектантство на столько твёрдо стоит на этом своём правиле, что мужественно объявило только взрослых участниками Царства Божия и ввело учение о крещении, причащении взрослых и перекрещивании тех, кто крестился в детстве...

Где уловляют сектанты себе последователей? Уж конечно не в школах для детей, а там, где взрослые.

Сто раз нам приводилось слышать и читать, что такой-то сектантский вожак „свил себе гнездо“ на мельнице, на хуторе, в таком-то заводе, в такой-то фабрике: такая- то мастерская содержит такое-то учение и т. п.

И в то время, как православный пастырь возвещает великие истины малым людям в тесноте и духоте маленькой школы, сектантский вожак проповедует на просторе: летом в поле рабочим во время положенного отдыха или собравшемуся люду вблизи какой-либо мельницы, или на берегу большой реки и пруда собравшемуся на праздничный отдых весёлому народу, то при свете солнца, то под тихим сиянием луны; зимой на различных деревенских собраниях взрослого народа во время различных вечеринок и т. п., когда дети... спят.

В школе часто слово за словом тянется заученная речь, в большинстве случаев, по учебной книжке: здесь на просторе свободно льётся образная речь, вдохновение у лжеучителя и слушателей поддерживается созерцанием красоты окружающей природы... Там – маленькая публика, постоянно принуждаемая слушать книжные, мудрёные речи: здесь добровольная, обширная аудитория, с затаённым дыханием внимающая лживому учителю.

Народ поднялся умственно: его волнуют вопросы жизни и веры; он жаждет ответа. Ответ он слышит.

Но кто больше отвечает народу? Какой-нибудь „Божий человек из хлыстовского корабля или штундовой церкви“, немец-баптист или опростившийся интеллигент из толстовской колонии?..

Дети привлекли общее внимание, а народ, по крайней мере, в будние дни в течении шести–семи учебных месяцев остаётся почти забытым“...

Много устроено школ для детей, и они стоят с открытыми дверями.

А много ли открыто училищ для взрослых из народа?

Понятным становится, что народ идёт за ответом к „Божьему человеку“, свившему себе гнёздышко на какой-нибудь мельнице, стоящей не близко к селу и не близко к храму Божию²⁸³.

И вот, напр.. какие мудрования слышатся в лунную ночь на мельнице у Николаевск. ул., Самарской губ.

„А ты вот посмотри на луну. Видишь, как она светла, кругла; и, как ночью появится она на небе, ложится свет на землю. Многие работают при этом свете; злые животные отыскивают пищу при ней. Но можно ли луну считать за одно с солнцем: а ведь она во многом похожа на него? Человека того назовут глупым, который скажет, что луна тоже, что и солнце. Солнце взойдёт на небе, делается тепло, а света падает так много от него на землю, что глаза режет: нельзя смотреть на солнце. Светло и тепло бывает от солнца не только в ясную погоду, но и тогда, когда по небу ходят тёмные тучи, не то что от луны. Да и от вашего брата (народных учителей) не раз доводилось мне слышать, что луна не своим светом светит, а берёт его от

солнца, только отражает от себя. Значит она никакого света не имеет, никакой теплоты людям не даёт, да и украшать неба без солнца не может. Для жизни она пустяк, ничто, заблуждение, а этот пустяк называют светилом. Что я тебе говорю? Пример, глагол Божий говорю тебе, жизнь раскрываю перед тобой. Еммануил говорит: ты скрыл от мудрых и открыл простецам. Вот и теперь: ты – человек учёный, а не понимаешь о чём я тебе говорю. А вот я тебе, земля незасеянная, скажу: и в стихе поётся сойди ты, сойди батюшка на землю незасеянную... Скажу, что солнце, которым всё живёт, всё дышит, всё украшается есть свет батюшка, Сын Божий, Государь Дух Святой. Им всё согревается, всё держится: он один только знает: и человека, и видимый мир, который он отдал человеку. А луна – это книги и все люди на земле, которые были и сейчас есть, ваши попы (священники), в которых был мёд, пока были пчёлы, пока жил в них глагол Божий, а теперь они годны лишь на одно топливо, как порожние ульи. Посмотри на луну; как ни светла она, а с солнцем не сравняться ей! И на ней есть какие-то пятна: это видно и нашими глазами. Чёрные пятна–пропасти видны: ады, да нелады (раздоры), токи, да не таки... Посмотри на церковь, на книги, попов: они отбрасывают свет, пока под светом солнца находятся. Но как света не стало, так они становятся тленом и их покрывает тьма. Люди, не знающие света, утверждают, что тьма и есть свет, потому что не знают, какой есть истинный свет. Так это бывает и с нами, людьми грешными. Мы не испытываем никакой теплоты от луны, и никто из нас не выращивает семян на лунном свете. Духа истины нельзя получить от видимой церкви, видимой библии, видимого Мануила Мы боимся кланяться видимым вещам (иконам), чтобы тень не принять за вещь. Евреи не поверили учению Иисуса Христа, не приняли Его таинств и не увидели Сына Божия, невидимого, нераздельного, живущего во всём мире и в особенности в человеке. На луне видны чёрные пятна, а на церкви – несогласия: одних она судит, других награждает, для одних – бремена, для других– другие.

Когда же взойдёт на небе солнце, то на земле не бывает места, которое бы осталось не освещённым. Когда же взойдёт в сердца верующих, людей Божиих, Дух Утешитель, то все

верующие составят одно тело, один дух: составят Купину, в которой нет грешников, как нет и праведников, потому что все соединяются в одно, становятся одним богом, потому что все в Боге. Тут нет голодных, которым бы не доставало пищи от трапезы Божией, а все наследники царства Божия, все сыны Божии. В Купине нет суда, а одна радость, одна любовь...

„Вот ты молчишь... А я знаю, что с тобой творится... Как в тебе тьма борется со светом и как свет борется с тьмой. Ты или кладёшь меня в суету, кладёшь в суету и всё, что я говорю или прославляешь меня, прославляешь и то учение, которое я предлагаю: строить или ад, или рай: сходиться или с дьяволом, или с Духом Божиим. Если не признаешь за истину, то, что ты слышишь от меня, не примешь слова мои за глагол Божий, то победы не одержишь над этой тьмой, не увидишь земли обетованной и не встретишь Сына Божия. Сын Человеческий зовёт тебя в обители Отца!

Не соблазняйся мною! Предупреждаю: ты – на раздорожье! Одна дорога – к попу, к церкви, к властям. Пойдёшь по ней, осудишь нас, предашь Сына Божия на суд за 30 сребр. Другая дорога идёт в несгораемую Купину, к нам – людям Божиим. Здесь ты умалишься, а Сын Божий прославится в тебе: умрёшь ты плотью, а Он воскресит и вознесёт тебя...”

Всю ночь велись такие беседы на мельнице, куда во множестве съезжался народ для размола зерна из соседних сёл и деревень, заселённых раскольниками и сектантами.

Пропаганда сектантства ведётся *постоянно и непрерывно* и днём, и ночью, в летнее и зимнее время, в будни и праздники.

Проповедники сектантских заблуждений как будто лучше законных пастырей успевают вовремя явиться с словом своего учения, они умеют в своих интересах воспользоваться и длинными днями весеннего „междупарья“²⁸⁴ и бесконечными вечерами зимней, сельской безработицы, когда праздный люд буквально не знает куда девать свободное время²⁸⁵.

Они наилучшим образом воспользуются святками и пользуясь обычаем широкого в эти дни русского „гостеприимства“, успеют обславить целые округа, в то время, как сельский батюшка со двора на двор ходит с пудовкой для

сбора с прихожан подаваний или занят он гостеприимством, ничего общего с распространением вероучения не имеющим. Двигутся из села в село подводы, нагруженные „братцами и сестрицами“ (из хлыстовских кораблей), пробирающимися из городов – в сёла, из сёл – в глухие деревни в гости к своим, на душевные беседы к братцам и сестрицам. Возвращаются эти подводы в конце святок с теми же седоками, которые, однако везут домой довольно много сельских и деревенских гостинцев в виде мешочков с мукой, пшеном, крупой или в виде замороженного гуся, поросёнка, утки и т. п.

А „православные“ всё свободное зимнее и праздничное время употребляют на бесконечный, безотрадный, физический и духовный сон.

Взрослые из православных очень редко видят своего пастыря: он занят по целым дням обучением детей в различных школах. Часто ему не остаётся времени отслужить в храме Божиим положенных служб по умершим: он занят так обучением детей в школах²⁸⁶.

Забыта история церковная, на первых страницах которой легко найти указание, что с проповедью постоянной подобает пастырям и учителям церковным обращаться к *взрослым*.

Всякий, читавший Деяния св. Апостолов, знает, что в день сошествия св. Духа на Апостолов Апостол Пётр обратился с проповедью к *взрослым*, что *взрослым* посоветовали Апостолы Пётр и Иоанн после исцеления хромого, *взрослых* учил св. Апостол Павел во многочисленных городах Греко-Римской Империи.

Целые просветительные школы учреждены были в Христовой Церкви *для взрослых* (напр. в Антиохии. Александрии, Кесарии и т. д.).

В последующее время с именем Божия храма у верующих соединялось представление как о таком училище где *непрестанно* неведующие научаются истинам, оглашаясь ежедневно учением из Св. Евангелия, св. Апостола, чтением ветхозаветных книг: Псалтири, Притчей Соломоновых, книг пророческих²⁸⁷.

У нас в России только храмы в монастырях и больших городах открыты ежедневно для богомольцев. В остальных местах, остаются закрытыми по будням в то время, когда несомненно в храм пришли бы богомольцы, особенно, если бы в храмах Российских выполнялся устав в отношении не количества только стихир и кафизм, а в отношении той части, пропуск которой так ощутительно вредно отзывался на состоянии религиозно-нравственного настроения народа. Мы разумею пропуски чтений из толкований на Св. Евангелие, чтений Прологов, Синаксарий и житий Святых.

Мы думаем, что холод, царящий в сельских храмах, обычно не имеющих печей, охлаждает ревность и тех священников, которые желали бы от души служить по будням в зимнее время²⁸⁸.

Православные не имеют возможности в зимнее время собираться в храмы Божии для молитвы и научения, а сектанты пользуются всеми удобствами, какие могут доставить тепло натопленные большие русские избы богатых мужиков, обычных ревнителей сектантства.

Русский человек любит, чтобы было тепло душе и телу. К сожалению, мы часто забываем эту простую истину и думаем, что крестьянину всё – хорошо и везде – хорошо, где людям образованным становится не по себе.

Удивляемся, что народ уходит от храма и чувствует себя покойно в каком-нибудь уютном хлыстовском корабле – домике, хорошо натопленном, чисто выметенном, хорошо украшенном картинами и священными изображениями, которыми украшены стены сектантских молелен.

Мы думаем, что мы просвещённые люди развились и умеем отличить удобства от неудобства, благоустройство от неустройства. Не догадываемся, что простой народ умственно развился и тоже умеет отличать сладкое от горького, воду от млека.

Очень необходимо, чтобы храмы Божии открывались для молитвы и научения по будням в зимнее время, чтобы в храмах было тепло во всех смыслах. Желательно, чтобы уютно устроенные народные школы отворяли двери для взрослых,

хотя бы в вечернее время, чтобы народ мог пользоваться светом и теплом, какими ныне достаточно снабжены школы. Это сделать необходимо, не откладывая и не уповая на далёкое будущее, чтобы противопоставить пастырскую миссию православных священников ревности вождей сектантства, которые буквально *каждодневно* учат народ в своих домах или в домах своих последователей. Необходимо православных учить через чтение *на русском языке* Священной Истории Ветхого и Нового Заветов, Церковной Истории, толкования на св. Писание и творений св. Отцов, в особенности – Святителя Тихона Задонского и Св. Димитрия Ростовского.

Согрейте, пастыри, народную душу, продрогшую от всякого холода и холодности и народ не отойдёт от вас, ибо он крепко любит церковь, православие родины как никто, не отходит от огонька, светящего в тьме и согревающего во мразе!

Самара.

Протоирей Пан-в

Из миссионерских летописей, дневников и записок //
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 733–770

Попов К. Миссионерское подвижничество на пользу православия мирянина-простеца ²⁸⁹. С. 733–751

Ширина-балка гнездо раскольников австрийской секты. Есть моленная, а попом состоял в то время крестьянин Вятской губернии, бывший пильщик.

Не смотря на все уроки, Михаил пристал и здесь к раскольникам, и познакомился с их попом, которому он почему-то поправился. Начались беседы. Одно время поп сказал Михаилу: „охота вам защищать церкву! Переходите в нашу веру, сделаетесь попом и заживёте себе без нужды“. Михаил ответил: „священство-то ваше я почитаю безблагодатным, как же переходить?“ – „Да вам какое дело! Кто устроил его, тот и ответит перед Богом. Кабы мы самовольно делались попами, тогда так, а то нас выбирают, тоже, целым обществом. А глас народа – глас Божий“. Михаилу показалось странным такое рассуждение раскольнического попа. Он сказал попу: „раз вы незаконно священствуете, вы и должны ответить за это. Ужели вы не читали, как устроилось австрийское священство?“ – „А что мне, Михаил Васильевич, доискиваться до этого. Какая нужда! К книгам я не прилежен и не люблю спорить о верах. Я на тебя то удивляюсь, из-за чего ты мотаешься, да дразнишь наших старообрядцев? Пользы тебе никакой, а злобу на себя навлекаешь. Ухлопают тебя где-нибудь, вот и весь конец твоей жизни. Вера-то, брат, верой, да и жить-то ведь нужно. По-моему, присовокупляйся лучше к нам, и живи, как следует. А то што ты по работникам-то мучаешь себя“. Словом, Михаил встретил такого попа в расколе, который делам веры не придавал никакого значения, и смотрел на своё поповство, как на доходную статью, как на средство жить без работы и пользоваться благами жизни. Таких попов в расколе ныне множество.

Поп сошёлся близко с Михайлом и не стеснялся его и держал себя свободно. Одно время, когда Михаил был в гостях у попа, к этому пришли кумовья с младенцем и просили окрестить его. Михаил остался посмотреть действие попа.

– Марья! – крикнул поп кухарке. – Принеси кадочку для крещения.

– Она занята, батюшка.

– Как же быть-то? Нешто в корчажке какой совершить. Есть у нас-поди?

– Я посмотрю в закутках.

Марья принесла небольшого размера кадку, на которой обручи спали, и вся она рассохлась. По просьбе попа я начал сколачивать обручи на ней и приводить кадочку в порядок. Стали замачивать её, затыкать кое-где тряпками. Наконец, поставили кадку, налили воды, но из неё текла вода по полу. Поп начал совершать крещение поскорее. Крестильный прибор сохранялся у него в какой-то коробочке из-под конфет.

Когда поп окрестил и помазал миром младенца, то в коробке не оказалось губки для отирания помазанных частей тела.

– Ох эти мне ребятишки! – заругался поп. – Всегда они роются у меня в коробке и растаскивают нужные вещи. Ищи, попадья; куда они закинули её!

Служба прервалась. На полу стоят лужи воды; я, попадья и сам поп в ризах стали заглядывать под кровать, диван, за картины и др. места в комнатах, чтобы отыскать губку, но её так и не нашли: дети попа куда-то забросили её.

– Так дайте чем вытереть-то! – крикнул поп. – Попадья оторвала лоскуток от какой-то худой одежды своего гардероба и подала его попу. Поп вытер им помазанные части и бросил в кадку. Когда крещение окончилось, Михаил заметил попу, что лучше было бы отереть помазанные части ватой, чем грязной тряпкой.

– Поди-ж вот! И из головы вон. Што ты не надоумил меня тогда?

– Я не посмел сказать вам, – ответил попу Михаил.

– Чудак, ум хорошо, а два лучше.

На праздник Троицы Михаил пошёл в моленную раскольников. Выстоял он часы и вечерню и не вытерпел, заметил раскольникам, что в такой великий праздник следовало бы служить литургию, а не часы. Это задело попа и он грубо сказал Михаилу: это не твоё дело учить нас.

– Вы закон блюсти поставлены, должны и справлять его.

Поп озлился на это и сказал: – Это моя воля, я что хочу, то и служу. Ты думаешь обедню-то совершить, что чаю напиться. К ней надо приготовиться ещё, да певцов приладить, а то выйдет одна брехня и пустословие.

– Оно и все то выходит у вас не по правилу, а самочинно, – заметил Михаил.

– Как не по правилу?! – закричал поп.

Вокруг Михаила с попом собрались богомольцы и стали слушать беседу.

– Да так. Прежде всего вы незаконный священник, благодати Св. Духа на вас нет, а посему и действия ваши для мирян безблагодатны и не спасительны. Вы вот сейчас служили, читали молитвы, просили Господа Бога о ниспослании на вас и паству вашу Духа Святого, но Он не сошёл на вас, вы только Бога прогневали ещё больше, и молитва ваша была в грех вам.

– Братия, он оскорбляет меня! – обратился поп к прихожанам, не зная, что сказать в ответ Михаилу. – Он хулит наше истинное священство! Заступитесь...

– Зачем вы возмущаете братию! – заметил Михаил. – Лично вас я не корю, а говорю только, что вы не истинный священник, безблагодатный...

– Стало быть я лжец, обманщик? – кричал поп.

– В этом случае – да: вы именно такой человек, который обманывает народ. Люди думают, что вы истинный священник и законно крестите и венчаете людей, а на самом деле это ложь, обман. Кто вами крещён, тот остаётся все равно, как не крещённый, кто повенчан – не венчанный.

– По-твоему мы все в блуде состоим, не венчаны и дети народились без закону? – горячился поп, выходя из себя.

– Так по писанию обнаруживается.

– Слышите, братия! Он вас блудниками поносит. Максим Силыч! Фёдор Михеич! Иван Трофимович! По его учению вы все развратные люди, а жёны у вас, как любовницы. Вот так учитель! А вы ещё в свою веру привлекали его, – ораторствовал поп, стараясь возмутить народ против Михаила.

– Ах ты, проходимец треклятый! Он приехал сюда ругаться над нашим благочестием. – сказала одна из казачек, протискавшись к Михаилу сквозь толпу. – Что вы, казаки, устави́ли на него глаза-то! Иль вам правится его похабщина? Гоните его оглашенного, в шею. Ишь он выпучил глаза-то.

– Не тётка я тебе еретик, и не желаю быть у еретика тёткой. Сохрани Господи иметь у себя такого окаянного племянника. Смутитель ты этакий! Кацап поганый! Никоновец, анафема! Тьфу! Тьфу!.. и плюнула на Михаила.

Слова старухи вывели казаков из молчаливого положения. Мужчины зашумели, заговорили, слышались угрозы Михаилу: мы кровь проливали за свою веру, а он хулит её. Дать ему взбучку, чтобы навсегда помнил наше Шилино? А то терпеть! и пр.

– Ты, молодец, по какому праву подъявился? – подлетел к Михаилу раскипятившийся казак. Какое право ты имеешь обижать и хулить нашу веру? Ах ты. оборванец! Вон отсюда! И дал ему оплеуху, от которой Михаил едва устоял на ногах. Он кинулся бежать из моленной, вдогонку его хлестали лестовками, бросали в него подручниками. Поп травил на него прихожан и злорадствовал его бегству и избиению.

Из Шилиной-балки Михаилу пришлось тотчас же бежать потихоньку, так как ему пригрозили убийством. Михаил ушёл за 75 вёрст и остановился в с. Куриловке, Новоузеяского уезда, Самарской губ.

Нанявшись к крестьянину работником, Михаил познакомился с местным православным священником Кафтыревым. Последний приблизил его к себе и стал действовать через него на раскол. В Куриловке были следующие сектанты: баптисты, субботники и жидовствующие. Михаил прожил здесь более двух лет, отрываясь только по зимам на свою родину. Он сблизился с баптистами, стал бывать у них на собрании, толковать с ними священное писание и обличать их. Последние полюбили его на первых порах, стали уговаривать перейти в их веру, но Михаил не увлёкся их предложением, а убеждал их самих возвратиться к православию. Находясь в близких отношениях с сектантами, Михаил хорошо знал их жизнь и что творилось у них.

Случилось, что один из сектантов (Фёдор Крещев) украл у православного несколько мешков картофеля. Следом за ним другой украл и зарезал чужую овцу. Сектанты встревожились пороками своих членов, судили их и наложили на них запрещение – не являться несколько праздников к общественной молитве. В это время в Куриловке был другой священник о. Палладий Рождественский. Он открыл беседы против сектантов и пригласил в помощь Михаила. На одной из таких публичных бесед, когда сектант пустился обличать православное духовенство в пьянстве, сребролюбии и др. пороках, священник указал им и на их дурные качества – покражу овцы, картофеля. Сектанты отреклись, что у них ничего подобного не бывает. Батюшка показал на Михаила, как свидетеля этого слуха. Михаил подтвердил эту кражу, указав сектантам, когда и у кого украдены эти вещи и как судило общество сектантов этих лиц. Сектанты-собеседники были посрамлены на беседе в своей лживости, но с этих пор они затаили глубокую злобу против Михаила и стали преследовать его и грозить ему побоями. Михаил поспешил уйти из Куриловки.

Возвращаясь в одно время из-за Волги через Вольск, Михаил остановился в с. Черкасском, Вольского у., где священником был о. Дьяконов. Михаил нанял квартиру у раскольника австрийской секты. Побеседовав с Михаилом, хозяин сообщил о нём своему обществу, рекомендовав его с хорошей стороны. Пришли раскольники посмотреть и поговорить с Михаилом. Поправился он им и они стали уговаривать его перейти в их веру, обещая сейчас же произвести его дьяконом.

– Ты у нас будешь в почёте и жить будешь в довольстве. Нешто такому человеку довлеет ходить по работникам, – уговаривали его раскольники.

– Я человек малограмотный, – сказал им Михаил; нигде не учился, люблю только читать слово Божие, чтобы не соблазниться и не сбиться с пути истины. Какой же я дьякон! На эту священную степень нужно человека учёного.

– Нам учение не нужно, было бы благочестие. Мы видим, что человек ты хороший, богобоязный, любишь читать божественные

книги, смирный, такого человека нам и нужно. Переходи, пожалуйста.

– Не могу, братия, согласиться на ваше предложение и губить себя. Душа для меня дороже.

– Как губить?! – разом вскричали раскольники. Мы к спасению призываем тебя, да и дело предоставляем тебе богомольное: завсегда будешь перед иконами и на глазах у Господа Бога.

– Это так, да священство то ваше не истинное, нет в нём благодати св. Духа. Это одна личина, обман народа.

– У беспоповцев и других, точно, что гибель, а у нас настоящая церковь во всей полноте, – ответили раскольники. У нас и архиереи есть...

– Да откуда они взялись-то?

– От ереси пришедшие.

– Ладно; от ереси вы приняли, да кто же принял-то вашего архиерея Амвросия? Кто ему, по вашему мнению, еретика, сообщил благодать Св. Духа? У вас в Белой Кринице всего – на всего был тогда один священноинок Иероним, да и тот беглый и действовал без благословения епископа. Откуда же взялась у вас Христова церковь, когда её не было до прихода Амвросия?

– По правилам св. отец мы от ереси приходящих заимствовали.

– Правила то даны церкви, епископам, а у вас ни церкви, ни архиереев не было. Значит, куда же пришёл Амвросий митрополит? К простой толпе людей, которая не была св. Христовой церковью. Он проклял православие, признал себя еретиком, перемазался каким-то миром и этим обнажил себя благодати священства. Отсюда восходит, что ваши попы и архиереи ложные пастыри, и действия их безблагодатны и не спасительны.

– Вот ты куда гнёшь! А мы думали тебя к себе прилучить, а ты другую антимонию разводишь. Жалко тебя, человек ты хороший, а погибаешь. Заблудился...

– Писание так говорит.

– Писание-то и об нас говорит не плохо. Ты думаешь, наши купцы так себе держатся, не читают его, не видят; нет, кому же и

знать, как не им. У них кладовые то со всякими книгами. У тебя вон писание то в твоей сумочке уложилось, а у них одна книга со стол этот длины, да весу в ней чуть не целый пуд, а стоит– то, поди, рублей 200. Купцам как не знать правый путь, коли все книги под руками у них. Зря держаться нашей веры не станут.

– На купцов и богачей полагаться в делах веры нельзя, а нужно слушать св. Писание. Если бы они читали его, то, наверное, они не держались бы австрийского священства.

Беседа Михаила затянулась на целую ночь; масса народа и православных и раскольников набрались в избу и слушали его.

Из Черкасского Михайле пришлось перейти в с. Новое Шаткино, Кузнецкого у., Саратов. губ. Здесь проживают молокане из мордвы. Михаил остановился у молоканина и узнал, что у них свадьба. Стали беседовать; собрался народ. Михаил стал доказывать молоканам, что они не имеют права совершать таинство брака.

– Мы по книге Товита составляем брак, – сказали сектанты, а там о попах не сказано.

– Если у Товита не сказано о священстве, то в других книгах Ветхого Завета показано, что священство было и в то время до пришествия Христа. В Новом Завете Господь избрал апостолов и этим положил начало новозаветного священства. Как же вы говорите, что о попах не сказано в писании. Вы должны всему писанию веровать, а не части.

Беседа продолжалась до полночи. Молокане, озлобившись на противоречия Михаила, вспылили и стали выгонять его из собрания. „ – Пошёл отсюда! Ишь какой законник подъявился к нам. Лохмотник этакий! Чаем ещё поили его, оборванца, думали, что путный человек.“

И вытолкали Михаила, кто в шею, кто в спину. Вытолкали его и хозяин с квартиры. В полночь пошёл Михаил отыскивать себе новую квартиру и выпросился у православного. Утром он пошёл к священнику о. Архангельскому и рассказал ему о действиях молокан. Священник упросил Михаила пожить у него, поместил его в своей кухне и стал ходить с ним по домам молокан. Беседы были шумные, людные и оживлённые. Месяц жил Михаил в Шаткине. Молоканам стало неприятно пребывание

Михаила в их селе, и они стали грозить ему: „ты, собака, уходи от нас, а то мы тебе живот выпустим“.

Два лета Михаилу пришлось прожить в г. Вольске, Саратовской г., на вольных работах. Жил он у мещанина Овечкина, ревнителя св. Церкви, ведерника по ремеслу, и не упускал случая побеседовать с раскольниками-поповцами.

Однажды сообщили Михаилу, что Вольский купец Плигин, старик, раздаёт бедным деньги, кому 5–10 коп., кому и больше, но даёт их только тому, кто перекрестится перед ним двоеперстно. Троеперстникам не даёт и ругает их вместе с церковью. Михаил тотчас отправился в дом Плигина и на ряду с другими бедняками стал двигаться и ждать своей очереди. Михаил присматривался и видел, что все подходящие к Плигину, прежде чем взять от него монету, знаменовали себя двоеперстно. Подошёл Михаил и истово озаменовал себя тремя перстами.

– Стой! сказал Плигин. Ты никонов?

– Христов, ответил Михаил.

– По Никоновой церкви идёшь?

– По Христовой. Верую во едину св. соборную и апостольскую церковь и к ней принадлежу.

– Зачем же ты щепотью крестишься?

– Так учит св. Христова церковь.

Врёшь! Это Никон выдумал щепоть, а до него не все молились по Христову преданию двема перстами.

– Так говорят только раскольники, а св. церковь имеет вселенский обычай и от дней св. апостолов знаменоваться тремя перстами, а не двумя, как толкуют раскольники.

– Пошёл вон с своей щепотью. Таким я не подаю, крикнул на него Плигин.

Михаил ушёл без подачки, радуясь, что смело высказал богачу Плигину правду, которую другие не решались сказать ему, а нарочно, ради корысти, даже изменяли своё перстосложение и крестились перед ним по его желанию двоеперстно.

Одно время Михаил беседовал на базаре о незаконности австрийского священства. Слушателей было много. В это время проходил купец австрийской секты, Парфенов. Протискиваясь к

Михаилу, он пригласил его к себе в лавку и начал беседовать с ним о том же предмете. Михаил имел при себе Библию и по ней приводил ему тексты в защиту своих слов. Парфенов сначала слушал, а потом сказал: да что ты мне всё от Библии толкуешь! Чай я не еврей! Ты вот прочти книгу-то... И показал ему книгу „Истинность старообрадствующей иерархии“ Арсения Швецова. Михаил посмотрел книгу и ответил: эта книга написана вашим старообрядцем и он, конечно, защищает своё ложное австрийское священство.

– Как ты смеешь называть наше священство ложным, когда оно утверждено императором?

– Что же из этого?! И татарское, и калмыцкое духовенство утверждено императором, но по писанию все их муллы, и гелюнг²⁹⁰ ложные пастыри, служат не Христу и св. церкви не составляют.

– Мы во Христа веруем, и с татарами, да калмыками не смешивай, грозно заметил купец Парфенов.

– По Христа вы веруете, но священство-то вы содержите ложное, безблагодатное и не спасительное.

– Как же наши архиереи и священники совершают литургию и др. таинства, если они не имеют на это права?

– Как иногда дети играют и изображают собой попов и псаломщиков? Так и это всё равно.

Купца взорвало, он вскипятился.

– Разве у нас театр? Нешто мы на игрушку собираемся в свою моленную? Мы службу Божию совершаем, во грехах своих каемся, св. тайн причащаемся, а ты всё это сочёл за игрушку, к детям приравнял нас, Ах ты, мерзавец этакий! Никоновец проклятый! Хулитель святыни! Городовой! Городовой!..

С этим словом Парфенов выбежал из лавки и начал кричать солдата. Явился полицейский.

– Возьми этого негодяя и отведи в полицию, строго приказал он солдату.

Солдат взял Михаила и пошёл с ним в часть. Доложили приставу. Расспросив о причине его ареста, пристав распорядился отпустить его домой. Узнав, что Михаила выпустили из полиции, не подвергнув его заключению, купец

Парфенов сам отправился к приставу и убедительно просил его арестовать Михаила и выдержать в заключении за то, что он публично высказался с непочтением о их священстве. Дня через три, по приказанию пристава, солдат разыскал Михаила, привёл его в участок к приставу, и последний сказал Михаилу: „Ты не миссионер и не имеешь права учить и тревожить старообрядцев. Убирайся из города, иначе я тебя вышлю по этапу“. Михаил дал слово, что он сейчас же уйдёт из Вольска и его отпустили.

Из Вольска Михаил отправился в Саратов, с целью поступить куда-нибудь на место. Долго ходил он по дворам, и по базару, но места не нашлось: везде и каждый требовал об нём рекомендации, а у него никакой бумаги не было и в чужом городе никто его не знал. Узнал Михаил, что при Братстве св. Креста открывается миссионерская школа для приготовления миссионеров из мирян, явилось желание поступить в эту школу, поучиться и образовать себя мало-мальски, и тотчас подал о сём прошение. Михаилу сказали, что открытие школы будет ещё не скоро, а когда откроется его известят об этом. И пошёл Михаил домой. Путь его лежал через с. Каменку, Саратовского у. Дорогой его нагнал священник этого села о. Михаил Вас. Кипарисов. Последний приостановил лошадь, поговорил с Михаилом и нанял его к себе в работники.

В Каменке находится много раскольников. делятся на 3 секты: поморцев, федосеевцев и спасовцев, имеющих своё причастие, идущее, якобы, от времён патриарха Иосифа. Михаил познакомился с раскольниками, сходил в их моленную, беседовал с ними. Купец Рыжов, как попечитель Каменской церкви, принял участие в положении Михаила и предоставил ему право жить в церковной сторожке. Заметив, что Михаил любит беседовать с раскольниками, купец Рыжов дал ему старопечатных книг. Так прожил Михаил с сентября до Николы и ушёл домой. Великим постом он снова пришёл в Каменку и начал ходить по домам раскольников и беседовать с ними. На Пасху священник пошёл с крестным ходом вокруг села, раскольники одни попрятались, другие стояли в шапках, не обращая внимания на святыню. На беседе Михаил коснулся этого поступка раскольников и высказал, что они поступили

грубо, невежественно, точно татары. Кроме этого Михаил рассказал, как наставник спасовой секты Григорий Куприанов освящал колодезь. Старик покадил его, прочитал псалом: „Господь просвещение и Спаситель мой, кого убоюсь“... и потом бросил в колодезь угли и ладан из кадила. Где такой чин освящения нашёл Куприанов? спрашивал Михаил. Раскольников взбесило подобное рассуждение Михаила; они страшно озлобились на него.

– Что это за надоедник поселился у нас в селе! рассуждали между собой раскольники. Шляется по селу, учит нас, дознаёт, что у нас делается и потом публикует на всё село. Это срам. Вон его отсюда! Жили без него тихо, а тут на-вот явился какой учитель.

Начали наводить справки о Михаиле – кто он такой? Узнав, что Михаил – крестьянин, раскольники задумали придраться к нему и наказать его розгами. И вот – замечательное самоуправство раскольников! – пригласили Михаила на сход. Как бы предчувствуя недоброе, с Михаилом пошли: церковный староста и попечитель. Когда они подошли к избе, народа было масса и все раскольники. Михайлу свободно пропустили в избу, а старосту с попечителем мужики силой задержали на дворе. Попечитель вырвался и силой вошёл в избу и стал около Михаила.

– Тебя кто просил сюда, рявкнул на него сельский староста, раскольник. Ты неповиновение оказываешь власти! На 3 дня под арест, в холодную.

Сотники потащили попечителя церкви в холодную и заперли его на замок.

За что? За какую вину? И это на Пасху, в торжественные дни великого праздника. Это ли ещё не свобода раскола?!

Начался допрос Михаила: кто он, откуда и зачем проживает в Каменке? Михаил предъявил старосте свой паспорт.

Пока староста и писарь читали его паспорт, вскочил из-за стола наставник Григорий Куприанов и, подойдя к Михаилу, злобно заскрипел на него зубами: „Анафема этакий... антихрист треклятый“... и ударил его 2 раза кулаком в грудь. Наставник этот был 70 лет.

– Посадить его в подпол на всю Пасху скомандовал староста сотнику, по прочтении паспорта. Таких мерзавцев следует проучить, чтобы они не мучили народ.

Мужики открыли западню и Михаила спустили под пол

– Не ловко, староста, говорил писарь: как бы чего не вышло из-за этого. Лучше так его как-нибудь, а надо выпустить.

– А што будет! горячился староста.

– Причин нет, а без этого нельзя арестовывать.

– Выкиньте его собаку, приказал староста.

С пинками, с затрещинами, грубо вытащили Михаила из-под пола.

– Если ты ещё, мошенник, будешь у нас мутить общество наше, тогда смотри, испытаешь, чего не ждёшь. Пошёл вон, командовал староста, подмигнув мужикам.

Михаил повернулся, стал протискиваться сквозь толпы народа до двери, а в это время, кто щипком, кто в бок, кто в грудь награждали его ударами. Это было своего рода шествие сквозь строй, только не ружей и плетей, а доморощенных кулаков.

Вечером этого дня сын наставника Григория Куприянова явился к священнику уполномоченным от раскольнического общества и сказал ему на счёт Михаила: „протопи эту собаку, иначе мы его убьём. Мы тебе, отец, втрое больше будем давать и за всё платить, только бы не было Мишки здесь“. – Священник дал слово уволить его.

– Нельзя, Михаил, держать мне тебя, говорил ему священник по уходе раскольника. Видишь, как они озлились на тебя. через тебя они и на меня опрокинутся и будут вредить мне на каждом шагу. А ведь мне надо жить и служить здесь. Уходи с Богом.

На другой день священник запряг лошадь и отвёз Михаила в Саратов.

Михаил снова ушёл в Куриловку, Новоузенского у., где у него был знакомый священник о. Палладий. По дороге он остановился в с. Новотулке, где были молокане. Михаил пошёл в их собрание, стал беседовать с ними, возражать им и так удачно провёл беседу, что молокане остались разбитыми и один

за другим со стыдом разбежались с собрания. Это произвело сильное впечатление на хозяина дома. Он остановил Михаила, предложил ему остаться у него и дивился бегству молокан.

– Ну, баба, дела наши плохи, говорил он жене. Послал нам Господь человека, который открыл нам глаза. Вся братия наша разбежалась с собрания и не могла ничего говорить с ним.

Надо ходить в церковь, а то мы пропали.

– Что ты, накинута баба. Кого ты слушаешь-то? Из церкви ушли, а теперь опять назад. Чай и стыдно! Опять иконы заводить, попа принимать...

– Как хочешь, а я перехожу в церковь. Больше я не хочу молоканить, потому увидел всю фальшь их толкования.

– Слушаешь ты всякого проходимца. Мало ли кто будет говорить тебе. Пришёл какой-то мохрястый и ты веришь ему.

И насколько любил Михаила сам хозяин дома, настолько же возненавидела его жена его. Первый перешёл в православие, а вторая сделалась ещё упорнее и закоренелой иконоборкой. Явление замечательное.

О. Палладий принял Михаила радушно. В отсутствие Михаила у молокан случились ещё происшествия: молоканин Агафон Егоров украл кружку из моленной, в которую собирались пожертвования; другой сектант женился на сестре умершей своей жены. Михаил не замедлил отправиться в собрание баптистов; его приняли, усадили и как бы забыли всё прошлое у него с сектантами. Собрание было уже открыто: читали писание и толковали его. Речь была о заповедях Господа.

– Тяжелы заповеди Господа, братия, сказал дьякон Пётр Иванов, так тяжелы, что на манер чугунных гирь. Кто из вас одной рукой поднимет и может носить 8 пудов? Никто; так и заповеди Господни тяжелы, что трудно их поднять и вынести.

– Как умно и просто объясняет-то, со вздохом говорили сектанты.

На средину комнаты вышла баба, стала на колена и начала говорить следующую импровизацию: „Господи! Ты видишь, что все мы Твои чада, любим Тебя и совокупились в единомыслии. Но вот к нам вошёл чужой человек, который имеет свой дух, а к нашему не приобщается. Он только любопытствует, а сам

блуждает во тьме идолопоклонства. Обрати его, Господи, на наш истинный путь. Ты знаешь как это сделать; Тебе всё известно. Человек он хороший, жалко его“...

– „Аминь“, сказала всё собрание, делая ударение на букве „а“, по-немецки.

Женщина встала и ретировалась в ряды богомолков, которые сидели кружком по левую сторону от мужчин.

После этого встал из-за стола пресвитер и сказал: „Михаил! Сейчас мы молились о твоём обращении к нам. Послушай же голоса церкви и приими в своё сердце наши словеса. Мы жалеем о тебе, любим тебя, как человека трезвого и ищущего Господа. Не противься Духу Божию. Не упорствуй во лжи; иди смело на наш путь, ибо он правый, истинный и спасительный“.

– Я стою на правом пути, чего же мне искать? Это вам, вот, действительно нужно молиться, чтобы Господь Бог просветил ваши духовные очи и открыл св. церковь и её Божественное священноначалие.

– Ты – идолопоклонник! Ты иконам поклоняешься вместо Бога. Ты краскам и доске честь воздаёшь, а не существу Божию, загремели голоса молокан.

– Это вы врёте от своего неразумия.

И пошла беседа на долгие часы.

В следующее собрание другая баба вышла с импровизацией и молилась так: „Господи! мой муж пьяница, мошенник, развратник и душой, и телом. Вразуми его, чтобы он не делал больше этого. Господи! он идолопоклонник; ругает меня, бьёт за мою веру; сделай, чтобы и он познал нашу истинную веру. Теперь он тёмный человек; погиб с заблудшими и ходит сам не зная куда и не ведая прямого пути“.

Собрание и тут ответило „аминь“.

– Какая же это молитва! сказал Михаил. Очернила мужа, раскрыла его грехи, а потом просит Бога вразумить его. Господь и без того знает наше сердце и даже помышление. Пустое сочинение, а не молитва. У нас готовых молитв, лучших написано много...

– Ты богохульствуешь! –сказал пресвитер баптистов. – Женщина говорила то, что Дух Св. открыл и внушил ей Она не

сама это сочинила.

– Врёте вы! Дух Св. не может говорить такой чепухи, какую произнесла эта женщина. Вот вы то и наносите хулу на Духа Святого.

– Апостолы тоже богохульствовали по-твоему?

Нет.

– Как же они говорили: „его же отцы наши распяли“ Они указывали этим на грех отцов своих, которые убили Иисуса Христа; они порочили их и также публично, как и эта женщина у нас. От себя они говорили это или Дух Божий внушил им это слово?

И опять пошла беседа на долгое время.

Случилось такое обстоятельство: баба Фёкла мылась в бане и, очевидно, угорела. Её принесли замертво и положили. Когда она пришла в рассудок, то заявила, что на неё сошёл Дух Святой и в такой силе, что она не могла вместить его в своё сердце, отчего у неё разум на время помутился, шайка с водой выпала из рук, и кровь пошла из носа. Все поверили этому рассказу бабы, исполнились радостью и решили принести её в собрание, чтобы она, всем сказала о своём событии и прославила Бога. Действительно, бабу привели в собрание тут же; она была бледная, больная, едва могла рассказать о своём происшествии, о котором чуть не 20 раз уже говорила сектантам. Выслушав угоревшую бабу, сектанты с великим торжеством и радостью стали на колени и один за другим произносили свои благодарственные молитвы. – „Благодарим Тебя Господи! говорил пресвитер, что ты сподобил сестру нашу Фёклу наитием Св. Духа. Буди милостив и к другим братьям нашим и пр. и пр. За ним другой, третий сочиняли свои молитвы и говорили всякий вздор. Восторг был необычайный в сектантстве. Решили крестить Фёклу, как получившую Духа Святого. Михаил пробрался и в это собрание и не вытерпел сказать:

– Вы точно сумасшедшие! – Сочинили какую-то пустоту и толкуете Бог весть что. Ужели вы и вправду веруете, что Дух Святой сошёл на Фёклу, когда она мылась в бане?

– Апостолов тоже называли сумасшедшими и пьяными, когда они исполнились Духа Святого, кричали сектанты.

– А они были в бане?

– Дух идеже хочет – дышет. У него нет скверны, вся чиста для чистого.

– Апостолы имели свидетельство принятия благодати Св. Духа: они стали тверды, мужественны, говорили языком, которого не учили и не знали, а у вашей Фёклы одни только слова её самой, да кровь из носу...

– Да ты што прилип к нам, оглашенный, закричали сектанты: твоё ли это дело! Вон отсюда, проклятый!

Все бросились на Михаила и в толчки выгнали из его собрания. Любовь и молитва сектантов за Михаила оказались пустым словом.

Не довольствуясь одним изгнанием, сектанты пожаловались на Михаила уряднику, который притворно выдавал себя православным, но жена, тесть и др. были ярыми баптистами и сам он в душе разделял их учение. Урядник приказал Михаилу убраться вон из села.

О. Палладию жалко стало Михаила. Видя, что его положение какое-то странное, бродячее, то он – миссионер, то – работник у кого-нибудь, или то и другое вместе, везде его бьют, изгоняют, жизнь впроголодь и решил он устроить его при какой-нибудь должности. Так как Михаилу, по распоряжению урядника, предстояло уходить из села, о. Палладий запряг лошадь и сам повёз его в г. Новоузенск, имея в виду переговорить на его счёт с своим благочинным, протоиереем собора. Благочинный принял участие в Михаиле и определил его на должность церковного сторожа в с. Петропавловку, обязав Михаила вести беседы с сектантами. С этой целью ему дали место 2-го сторожа и положили жалованье 8 р. в месяц.

Пока шло определение Михаила на службу, последний жил в Новоузенске, и по обычаю познакомился с сектантами. Случилась смерть богатого купца баптиста – Фирсова. К погребению съехались сектанты и наставники с разных мест. Началось отпевание умершего. Михаил тоже пришёл. Сектанты уселись вокруг гроба и начали петь: „Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии и Аз упокою вас“. Затем прочитали 8 главу от Матфея, протолковали её и опять пошло

пение. Кончив пение старейший стал на колени и сказал свою молитву. – „Господи! Ты Бог живых и умерших. Спаси почившего брата нашего во твоей вере. Всели его в недрах, Авраама, Исаака и Иакова в царствии твоём. Воздай ему добрым делам его и не помяни беззаконий наших“. За этим начётчиком стал другой, третий...

– А как же вы учите, что молиться за умерших не надо? А теперь нарушаете своё учение, выпалил Михаил, стоя позади слушателей. Видно деньги дали, так и можно.

Все сектанты восторжествовали; никто из них не ожидал такого заявления, а посему слово Михаила привело в смущение сектантов. Наконец, грозно взглянув на толпу; старший наставник сказал.

– Какая там гадина осмеливается нарушать наше богослужение.

– Это я, братия, сказал, выступив вперёд, Михаил. Вы поучаете народ, что молитва за умерших бесполезна, каждый получит на небе то, что он посеял здесь, на земле, а теперь нарушаете своё слово. Зачем вы всё это делаете?

– Мы не просвиры покупаем и едим, не попов нанимаем служить и молиться за умершего, как у вас, во внешней церкви, а читаем и поём по умершем только слово Божие. Да и это творим для утешения братии.

– Значит этому покойнику никакого толка не будет от вашего пения? Для чего же вы и собрались? Это обман.

–Вон отсюда, мерзавец! рявкнули сектанты. Выгоните его отсюда, окаянного.

Михаила вытолкали, а с ним вместе удалили и других православных, пришедших посмотреть на молоканское отпевание. Ворота заперли на замок, а Михаила взял православный, у которого он беседовал и ночевал этот день.

Два месяца Михаил служил сторожем при церкви с. Петропавловска, как получил бумагу из Саратовского Братства св. Креста, явиться в Саратов. Михаил обрадовался, что ему предстоит поступить в „Миссионерскую школу“, оставил должность и уехал в Саратов. Но каково же было его разочарование, когда вместо принятия в школу, ему объявили,

что он, как иногородний, может быть принят в школу только под тем условием, если он будет жить и содержаться на свой счёт. У Михаила была только жена, дети, а средства – его работа, а потом должность в селе Петропавловске, которой он теперь лишился.

Из Саратова он пошёл домой.

Но скоро закончилась бродяжническая жизнь Михаила Зацепина. Нашёлся человек, который взял его к себе на службу, положил ему приличное жалование, но обусловил, чтобы он бросил всякое сношение с сектантами, не утыкал свой нос в книжку, а смотрел больше на предоставленное ему дело. И живёт теперь Михаил точно подневольный, закрепощённый человек. Ему и тепло, и сытно, но он пришит к месту, он лишён возможности говорить с сектантами, в каковом говорении он находил для себя удовольствие и усладу. Встречал он от сектантов и ругань, и побои, но он чувствовал себя как бы в родной стихии. С делом миссии он настолько свыкся, что не может спокойно говорить о настоящей своей жизни. Не будь у него семьи, Михаил давно бы шагал по разным губерниям и жил бы там, где его приостановят. Но семья сковывает его и держит на месте. Явись возможность поступить помощником ли миссионера, книгоношей ли для распространения противосектантских книг и брошюр, Михаил сейчас бросил бы своё место и снова пошёл бы бродить из села в село, отыскивая сектантов.

Пензенский епархиальный миссионер священник
Константин Попов

Голяховский И. Записка о положении противораскольничьей миссии в Новозыбковском уезде. С. 751–757

Признанная необходимой ведомством православного исповедания миссия православия, для разъяснения населяющим посады и слободы Новозыбковского уезда и сам город Новозыбков раскольникам их религиозных заблуждений и убеждения их присоединиться к св. Православной Церкви, действует в Новозыбковском уезде уже 10 лет.

Не касаясь результатов деятельности этой миссии, не входя в обсуждение причин достижения удовлетворительных, или неудовлетворительных результатов, цель настоящей записки – выяснить лишь ненормальность положения миссионера, в которое он поставлен и полную для него невозможность устранять встречаемые им препятствия и вообще неблагоприятные условия к выполнению им своего святого дела.

Назначаемый епархиальным начальством миссионер-священник, исполняя свято-усердно свою службу, подвергаясь нередко не только нареканиям и осуждениям со стороны православных, не сочувствующих не исполняемому им делу, но лично ему, или принятой им системе своей деятельности, а со стороны раскольников, подвергаясь не только нареканиям, но и личным оскорблениям, встречая на своём пути неожиданные тайные препоны, поставляемые ему главарями раскола, остаётся совершенно одиноким, без всякой поддержки не только материальной, но и нравственной со стороны общества, в среде которого живёт и работает; ему не к кому обратиться ни за необходимыми для него сведениями о движении раскола, ни за сочувствием и материальной поддержкой людям, отшатнувшимся от раскола и присоединившимся к православию, и порвавшим, вследствие такого присоединения, связи с своими близкими и родными; он даже поставлен в невозможность получать на законном основании там, где это для него необходимо, помещения для своей проповеди и поставлен в зависимость в поселениях, населённых исключительно

раскольниками, от них, предоставят ли они ему такое помещение, или нет. И всё это происходит не потому, чтобы в среде общества православных людей Новозыбковского уезда не было лиц, сочувствующих целям и стремлениям православной миссии и не потому, чтобы местное общество относилось к этому делу безучастно; большинство православного населения живо и сердечно интересуется деятельностью миссии и желает всеми силами оказать ей помощь, многие знают все эти нужды, затруднения и препятствия, встречаемые миссией, но эти самые сочувствующие люди каждый в отдельности, быв связан с раскольниками имущественными или торговыми делами, ничего и не могут сделать.

Для уяснения, в чём же именно миссия встречает затруднения и препятствия в достижении благоприятных для своей деятельности результатов, и чем может помочь местное общество к устранению этих затруднений, необходимо определить с большей, по возможности, точностью каким способом миссионер выполняет свою миссию, какие он встречает затруднения, неудобства и препоны? Деятельность миссионера заключается в беседах, периодически назначаемых им то в г. Новозыбкове, то в раскольничьих посадах и слободах Новозыбковского уезда; цель этих бесед и заключается в разъяснении раскольникам их заблуждений и ответах, подтверждаемых священным Писанием и писанием святых отцов православной церкви на возможные вопросы, предлагаемые раскольниками миссионеру.

О каждой предстоящей беседе миссионер заблаговременно через полицию оповещает объявлениями население той местности, где предположена беседа.

Беседы эти происходят в г. Новозыбкове и п. Климове в церквах, в остальных же посадах и слободах в помещениях городских общественных управлений; места эти избраны по личным соображениям миссионера и предоставлены для бесед его Общественными Управлениями посадов и слобод, не по правительственному какому-либо распоряжению, обязательному для этих управлений, а по обращённой к ним просьбе местной административной власти, вызванной лишь необходимостью

оказания содействия миссионеру к устройству бесед и невозможностью подыскать в тех посадах и слободах, кроме домов общественных управлений, другие соответствующие для бесед помещения. По прибытии миссионера на беседу и являются раскольники в эти помещения в числе нескольких десятков, нередко за 100, а то и более душ. Миссионеру приходится, разложив на столе массу древне-славянских церковных книг, на которых раскольники основывают своё вероучение и которым верят, не только быть готовым к предназначенной им проповеди и ответам на вопросы, которые начнут ему предлагать раскольники, но в то же время наблюдать за порядком, устанавливать очередь для желающих вступить в беседу, успокаивать оппонентов, нередко приходящих в раздражение, одним словом постоянно от своего предмета отвлекаться, с большим трудом сосредоточиваясь на деле; при этом нужно принять во внимание, что помещения, в которых происходят беседы совершенно для этого не приспособлены; ни одной скамейки, ни одного стула для слушателей, все по несколько часов к ряду стоят на ногах, все стараются быть поближе к проповеднику и потому толпа напирает на миссионера, постоянно этим отвлекающая его от предмета беседы. При этом присутствует и полиция, но вмешательство её в какие-либо порядки при беседе всегда только мешает, но не помогает делу миссии; раскольники по прежде-давнему их положению привыкли бояться полиции, они всякое её требование исполняют, но вместе с тем они весьма щепетильны к требованиям полиции и особенно в религиозных вопросах; здесь стоит полиции вмешаться хотя бы замечанием толпе, чтобы не теснились или сразу все чтобы не говорили и для раскольника уже это оскорбление, он подчинится требованию, но сейчас же с беседы уйдёт, а за ним уйдут и другие и беседа расстроится, поэтому и полиция, присутствуя на беседах, старается быть безучастной к тому, что происходит и только лишь наблюдает, чтобы не возникло беспорядков, выходящих из границ, чтобы не было пьяных, не было разговоров между собравшимися, до беседы не относящихся, а возбуждаемых иными раскольниками с целью отвлекать миссионера и

слушателей от беседы. Помимо всего этого миссионеру приходится сталкиваться с пропагандой, тайно ведущейся в среде раскола особой партией раскольников с целью подорвать влияние проповеди миссионера на слушателей и причинить вред вообще делу миссии; здесь миссионер является совершенно беспомощным.

Для уяснения этой пропаганды представляется необходимым объяснить, что все раскольники Новозыбковского уезда распадаются на три главные секты: белокриницкую – приемлющих священство от Австрийских лже-епископов и не признающих нашей иерархии; беглопоповскую, – ранее имевших священников, тайно оставлявших православную церковь и поступавших на службу к раскольникам, почему и именовались беглые попы, и беспоповскую, отвергающих священство.

Самая благоустроенная из этих сект с правильной иерархической организацией, самая обширная по числу принадлежащих к ней раскольников в Империи и самая богатая по материальным средствам и умственному уровню – это секта белокриницкая; установившееся прочно положение этой секты не только даёт ей возможность твёрже удерживать сектантов от отпадения и присоединения к православию, но у неё есть достаточно силы и средств привлекать в свою секту и раскольников других сект и средства эти не являются лишь только словом убеждения, здесь очень помогает возможность материальной поддержки, вызываемая у белокриницких сектантов стремлением каждого из них увеличивать числи последователей их вероучения. Раскольники беспоповской секты не представляют пока благодарного материала ни для православной миссии, ни для белокриницкой пропаганды, они твёрдо и упорно держатся своей беспоповщины и присоединение этого сектанта к православию, или к раскольникам, приемлющим священство, редкая случайность. Раскольники же секты беглопоповской, лишённые в течение нескольких последних десятков лет возможности иметь рукоположенных православной церковью священников, сильно колеблются в своём вероучении и охотно переходят, кому из них есть возможность порвать семейные, родственные и

имущественные связи, в православие; на них-то проповедь миссионера больше всего влияет, они и являются самым благодарным материалом для деятельности миссии, но здесь-то миссия и наталкивается на препятствия, устраиваемые главарями белокриницкой секты, переманивающими беглопоповцев в свою секту весьма успешно; у них однако для этого не одно слово проповеди, в дело пускается правильно организованная пропаганда, действующая везде одинаково ревниво и усердно как в мелочах, так и в крупном; не говоря уже о подкупках, материального улучшения средств, переходящего в их секту и проч. весьма существенного для жизни бедного раскольника, белокриничники не брезгают самыми мелочными способами для борьбы с православной миссией, так: они отвлекают раскольников разными путями от посещения бесед, они стараются в глазах раскольников опорочить личность миссионера, вызвать к нему недоброжелательство, нерасположение, они подсылают из своей среды на беседы миссионера таких возражателей, которые умышленно мешают правильному ведению беседы, вступают с миссионером в резкие пререкания, осыпая его упрёками, оскорблениями и прибегают ко всевозможным уловкам, чтобы сбить миссионера и рассеять у слушателей впечатление его проповеди; стоит белокриничнику, присутствующему на беседе заметить, что проповедь и убеждения миссионера воздействуют на беглопоповца, то уже этого беглопоповца миссионер на следующих беседах не увидит; его отвлекут разными путями, то дадут ему службу и ушлют из посада или слободы, то предложат извоз ко времени предстоящей беседы и он уедет, а тем временем действуют на его совесть и душу и миссионер, не находя своего собеседника на последующих беседах, узнаёт лишь впоследствии, что он перешёл из беглопоповской в белокриницкую секту.

Вот те препоны и те терния, через которые приходится проходить православному миссионеру и с которыми он бороться без помощи и поддержки местного православного общества не в силах. Это и поняли очень многие из местных православных и особенно единоверцев, сочувствующих целям и стремлениям православной миссии. У многих из этих лиц, солидно

поставленных в материальном и общественном положении возникла мысль об учреждении в г. Новозыбкове, с утверждения правительства, „Общества ревнителей православия“, с распространением деятельности этого общества на уезды: Новозыбковский, Стародубский и Суражский, цель же общества, прежде всего – оказание поддержки и содействия православной миссии при выполнении миссионером своего дела, а именно: возможно лучшее устройство и обстановка во всех посадах и слободах помещений для бесед миссионера; установление порядка на миссионерских беседах и предоставление возможных удобств для слушателей и возражателей, заблаговременное оповещение раскольников о предстоящих беседах, разъяснение им содержания предстоящих бесед и вообще забота, чтобы на беседы являлись те из сектантов, с которыми миссионеру действительно необходимо беседовать, одним словом *всестороннее содействие* миссии не только трудами членов общества, но и материальными средствами, каковые средства могли бы обращаться на увеличение миссионерской библиотеки, на оказание денежных, пособий переходящим из раскола в православие, при потере ими от этого перехода имущественной связи с родными и близкими, а при развитии Общества и увеличении средств оного на устройство богаделен для престарелых раскольников, присоединяющихся к православию, приютов со школами для малолетних детей – сирот раскольников, присоединяемых к православию, рабочих домов для присоединившихся, потерявших по присоединении работы в своих семьях и, наконец, если бы понадобилось издание периодического миссионерского журнала и миссионерских книг и брошюр, а затем поддержание в посадах и слободах единоверческих и православных церквей, постройка новых там, где это было бы нужно. Проект устава такого общества вырабатывается и будет представлен на утверждение по одобрении изложенных предположений начальством.

Уездный исправник г. Новозыбкова *И. Голяховский*

Скворцов В. Со скрижалей сердца. (Миссионерские думы и воспоминания). С. 757–770

Являеми, яко написано не чернилами, но на скрижалях сердца плотяных (2Кор.3:13).

Под таким заглавием мы решили в новом, втором пятилетии нашего издания, в каждом выпуске журнала, беседовать *по сердцу и по совести* с дорогой семьёй читателей „Миссионер. Обозрения“. Мы будем здесь делиться в задушевном слове, в непринуждённой форме дневника и записок, теми из наших дум, впечатлений, воспоминаний и наблюдений, которые своим тяжёлым резцом злоба церковно-общественной современности наиболее ярко начерчивает на скрижалях сердца, болеющего заботами о духовных интересах своих присных, каковыми для каждого создателя и кормчего идейного литературного органа являются его подписчики и читатели.

„Миссионерское Обозрение“, как первый специальный в нашей духовной литературе орган противосектантской миссии, – назад тому 5 лет рождено с жгучей болью всяческих опасений и сомнений, – при полном одиночестве в новом, обширном по задачам и программе, предприятии, при материальной беспомощности; возвращено оно, – до нынешнего своего возраста – большого и распространённого духовного журнала, – дорогой ценой кипучей трудовой жизни, пять лет незнающей ни физического, ни душевного покоя, – когда день дни отрыгает *свой* повелительный глагол о неотложном долге, лежащем на ответственном редакторе, – ночь ночи возвещает *свой* разум в понимании и освещении того или другого злободневного вопроса, совершившегося события, о которых надлежит поведать читателям, сказать слово правды, внести луч света в слабо освещённую область миссионерского делания на ниве Христовой! А тут суд совести, обличающей и напоминающей грозное евангельское прещение, что за каждое *праздное* слово нужно отдать ответ Судии всех – Богу, а тем паче за печатное слово, особенно когда слово это направлено на изъяснение, на обличение пагубных религиозных заблуждений, да служение

божественной истине, – делу святому и важному, – каково миссионерство, – духовное врачевание религиозных немощей и людского невежества!

Суд цензуры, критики благой и строптивой, суд многочисленной семьи читателей...

А тут новизна и специализация литературно-миссионерского дела, требующего хитрости змеи и незлобия голубя, – понимания сложных миссионерских задач и отзывчивой чуткости на духовные запросы и требования церковно-общественной и народной жизни, – знания самой техники миссионерского искусства, знакомства с психологией и бытом расколо-сектантской среды и многое другое.

Под знамя „Миссионерского Обозрения“, как явствует из приведённого выше списка работавших в органе миссии в истекшее пятилетие, – благодарение Богу, стал „мног собор“ литературно-трудящихся на пользу миссии, но это самое число и разнообразие состава сотрудников „Мис. Обозр.“ в свою очередь налагают на кормчего литературного корабля обязанность зоркого наблюдения не только за каждой статьёй, но и за всякой строкой журнала, чтобы во множестве трудов, взглядов и стремлений было *единство*, стройная организованная система...

Кому неизвестно, как наша духовная журналистика бедна своей распространённостью, как труден подступ к уму и сердцу нашего духовного читателя, в борьбе с материальной нуждой мало пекущегося о достойном удовлетворении своей духовной алчбы и жажды... А что касается светского читающего и мыслящего общества, то оно в своём большинстве давно утратило интерес к чтению духовных журналов, потеряв силу веры в православие и чуткость сознания своего сыновства с Церковью, отзывчивость на её радости и скорби... Отсюда понятны пережитые издателем нового специального органа те новые тревоги и заботы, которые соединены с количественным успехом журнала, столь важным для обеспечения успеха внешней и внутренней стороны всякого периодического издания...

Но слава и благодарение Богу! новый орган миссии за первые пять лет своей жизнедеятельности с этой стороны успел

обеспечить своё дальнейшее существование, в той мере, какое необходимо для издания, поставившего себе первой и главной задачей – жить и трудиться для славы Церкви Божией и для духовной пользы „сих малых“, коснеющих во тьме религиозных заблуждений и предрассудков, – которому чужды коммерческие цели наживы и меркантильных расчётов.

То высокое внимание и дорогое сочувствие, которое снискало себе „Миссионерское Обозрение“ у архипастырей и пастырей, окрыляет нас светлыми упованиями на дальнейшее содействие нам со стороны постоянных наших читателей к распространению журнала и в новом пятилетии. Наше дело, наш труд, время – *ваши*, дорогой читатель, – *достояние*, – возрастание, восхождение от силы в силу нового органа одинаково дорогой и нам и вам миссии, – *ваша польза, ваш интерес...* А потому надеемся, каждый из читателей, вошедших в нашу радость успеха и в скорби забот, – *будет споспешествовать* распространению журнала, так и проводимых последним идей, среди своих друзей, пасомых и знакомых.

В этом живом сознании *незримой*, но осязательно переживаемой духовной связи между нами (трудящимися в писании на страницах миссионерского органа) и читателями (в большинстве практическими деятелями миссии) – объединяемыми единством идеи, сродством убеждений и общностью интересов и стремлений, – в близкую по духу семью, мы находим не только побуждение, но и потребность к давно задуманным *беседам по душе и по сердцу*.

А наблюдения над церковной и общественной жизнью в столичном центре дают такое обильное на каждом шагу глубоко-поучительное содержание для подобного обмена мыслями и чувствами с своими близкими сердцу!.. Говорить о всём, что волнует душу, что занимает мысль и трогает сердце, каждый раз в отдельной статье не хватает ни сил, ни времени, притом есть вещи и явления, о которых удобнее говорить только *языком сердца...* В своих беседах с читателями, как то бывает с добрыми друзьями, нам хотелось бы износить из сокровищницы души своей, без стеснения, как драгоценные сосуды, так и

глиняные, лишь бы всё было и служило на пользу общего дорогого дела миссии... Здесь мы будем также пользоваться случаем обращать особое внимание наших читателей на ту или другую, чем-либо выдающуюся сторону той или иной статьи данной книжки „Мис. Обзор.“, на взгляды и вообще на редакционное *profession de foi* (*исповедание*) по тому или другому вопросу или событию и проч.

Но довольно предварительных объяснений. Само время и дело покажут нам путь и объявят читателям направление наших бесед. А теперь для начала нового отдела переведём со скрижалей сердца на бумагу одну из наиболее напечатлевшихся в нашей душе картин церковно-народной жизни недавнего времени.

* * *

19 октября день ангела всей Русью глубокочтимого пастыря, о. Иоанна Ильича Сергиева – Кронштадтского, в этот день исполнилось ему 71 годовщина жизни. Мы знали, что торжество это привлекает в Кронштадт множество почитателей о. Иоанна не только из столицы, но и из далёких губерний и празднуются именины о. Иоанна чрезвычайно трогательно, а потому решили присоединиться к любо-празднующим. День был мрачный, лил сильный дождь. Мы отправились с последним утренним пароходом и однако он был полон запоздавшими паломниками на Кронштадтское торжество...

Через два часа, по выезде из столицы, мы были уже в Кронштадтском Андреевском соборе; он был весь переполнен молящимися, хотя вмещает в себе несколько тысяч. Кого-кого тут не было, но больше, конечно, „сих малых“, – *чёрного* по одежде, но *чистого* по душе, по совести и вере – народа. Правая сторона собора представляла собой в некоем роде Иерусалимскую Вифезду, – где было множество недужных, видно из далека прибывших, в чаянии движения благодати, по молитвам и вере служителя алтаря Господня. Не забыть нам никогда стоявшего у стены высокого, бледного, измученного молодого человека, с лицом прекрасного Иосифа, в горестные минуты продажи его вероломными братьями египетским купцам... Около нашего незнакомца – старуха мать, на плечо

которой склонила голову только что неистовавшая в страшных конвульсиях беснования молодая женщина, нужно думать, жена молодого человека... Страдалец поднял свой мрачный, полный отчаяния взор горе и пристально, неподвижно вперил очи в какую-то из икон иконостаса, шевелившиеся губы говорили о беседе скорбного человека с Богом или с каким-либо из Его Угодников... Вот избороздившие молодое чело складки горя сглаживаются, лицо озаряется чудной улыбкой неземной радости, – явственно отражавшей, что тёплая молитва пролила в измученное сердце человека луч светлой надежды, покоившейся в вере в Всеблагое Бога Промыслителя. Не изобразить этого молитвенного, озарённого светлым упованием лица на бумаге и чернилами... Подобное столь яркое отражение на челе состояния молитвенно-беседующей с Богом души мы в жизни видели ещё один раз – в Симферопольском кафедральном соборе. Стоял в храме некий старец, – по виду полуинтеллигент, с ним двое деток, видно, внучата. И вот, когда этот старец предавался прилежной молитве, лицо его удивительно преображалось, так что окрест стоящие не могли не ощущать, что душа молящегося старца в Боге и Бог в ней, – вот здесь видишь и *опытно* постигаешь, что молитва действительно есть *бесѣда* с Богом...

И ясно представилась нам тогда вся тяжесть греха наших лжеучителей сектантства, насильственно отнимающих у верующего народа неоценимые сокровища их живой веры, разбивающих в сердце спасительные надежды на промысл Божий, облегчающие тяжесть жизненных ударов судьбы. В этот момент поучительного созерцания слёзно молящегося страдальца, с неземной улыбкой на челе, нам страшно хотелось призвать несчастнейшего из еретиков нашего века, гр. Льва Толстого в Андреевский собор и сказать – прийди и виждь своё преступление против народа, облегчающего в этой лечебнице свои жизненные страдания живой детской верой в Живого Бога!..

Но пойдём в алтарь, чтобы духовно насладиться лицезрением священнодействующего о. Иоанна. Здесь таже полнота молящихся и теснота, но нет давки, шёпота, суетности и

рассеянности, которые, к прискорбию, нередко в алтарях больших соборов, обращаемых в торжище.

Все видимо объаты страхом Божиим, проникнуты благоговением, погружены в молитву... О. Иоанну сослужили, в совершении Божественной литургии, более 20 протоиереев и иереев, при протодиаконе Исаакиевского собора и 4 диаконах. Большинство священно-служащих – приехавшие из разных и некоторые из далёких губерний. Во время великой и просительной ектений, о. Иоанн, как бы в изнеможении, бледный, склоняется над престолом, опершись руками на его края, он как бы погружается в дремоту... Святая тишина прерывается глубокими вздохами предстоящих, взоры молящихся возводятся то горе к Господу Богу, то обращаются к служителю Его. А у него бледные ланиты разгораются ярким румянцем, лёгкое кивание головы свидетельствует о молитвенном самоуглублении, из глаз катятся слёзы, – это плод внутреннего молитвенного подвига души, отрешившейся в сии св. молитвы от ощущения окружающей среды – пространства и времени...

Диакон произносит последнюю ектенью. О. Иоанн приходит в некое трепетное состояние; как бы поспешно вернувшись откуда-то издалека, он быстрым движением руки оттирает слёзы и, громко крикнув, нервно встряхнув головой, произносит возглас... И вся церковь мгновенно духом бодрится, внимая молитвенному голосу обожаемого пастыря. Наступает священная минута пресуществления Св. Даров. Вы чувствуете, вы зрите воплощение, живую, дерзающую к самому престолу Всевышнего веру. Все преклоняют колена, слёзы св. умиления у сослужащих иереев и у предстоящих мирян. Вы незримо ощущаете веяние Пресвятого Духа... Сюда, сюда, к о. Иоанну в алтарь, грядите, как в целительную лечебницу, – недугующие маловерием и вы поймёте, как „это вера есть уповаемых извещение, вещей обличение невидимых“... Доселе в очах души нашей – устремлённый горе, далеко в глубь надзвёздного мира, взор о. Иоанна, доселе мысленно слышим мы протяжный, всеобъемлющий любовью христианскою возглас его – *о все-е-х и за вся!..*

Причастившись сам, пока прочие священнослужители принимали Св. Тайны, о. Иоанн поспешил на амвон к народу, жаждущему духовной пищи и лицезрения всероссийского любимца-пастыря, – со словом назидания. Проповедует о. Иоанн живой, порывистой, простой, святоотеческой речью, властные слова обличения с такой силой ударяюсь в сердца слушателей, что вдруг, среди общей тишины, вы слышите вопли и стоны сокрушения, прерывающие обличительные слова великого сердцеведа проповедника.

Но вот окончилось служение литургии и молебна: какие-то клики гигантски-глубоко-сердечные огласили храм, это – приветствия молящегося народа обожаемому пастырю-имениннику. Ласковый, доступный, приветливый, о. Иоанн всех благодарит, благословляет, лобзает. Разрывая и сердце, и телесную храмину бодрого старца на части, всякий старается протиснуться к нему, облобызать десницу... Но вот толпа могучей волной хлынула из церкви вслед за уезжавшим о. Иоанном и плотно запрудила улицу, ведущую к дому трудолюбия... Страшна волна народного движения, она всё уносит за собой, стремглав несясь к намеченной цели. Так сопровождает царелюбивый народ наш лишь одних помазанников Божиих...

В нижнем зале дома трудолюбия, этом грандиозном создании и любимом детище о. Иоанна, именинника ожидали сотни deputаций и частных лиц с приветствиями и всевозможными подношениями. Все поздравления о. Иоанн ласково принимал, все речи любовно выслушивал, – ни тени утомления, ни йоты лицепрятия, – со всеми ровен, – все ему свои близкие... В числе приветствовавших были высокопоставленные особы и иереи, монахи и монахини, дамы, литераторы, художники, дети, купцы, мещане, крестьяне, богатые и бедные. Подносили и дорогие вещи, и простые дела рук своих, каждый по усердию и достатку, – всё принимал, за всё благодарил.

Мы поднесли последние издания редакции „Мис. Обозрения“ дорогому имениннику, как „предоброму врачу духовно-немощих и опынейшему охранителю здравых от заблуждений века сего“. О. Иоанн благословил „Мис. Обозр.“ на

преуспеяние, обещал и сам писать, – „да времени у меня нет“, прорёк он нам, „всё в разъездах“.

Дом трудолюбия и извне, и внутри запружен народом, всюду оживление, движение и радость, как в светлый праздник.

Поднимаемся в огромное залo верхнего этажа: оно всё заставлено скромно сервированными столами, за которыми, в ожидании именинника, сидело несколько сот празднующих всевозможного общественного состояния и служебного ранга, начиная с известного героя, адмирала Макарова с супругой, но, так сказать, центральное положение хозяев этой своеобразной именинной трапезы, любовью составленной в честь о. Иоанна, занимало купечество. Кто устроил столь многолюдную и обильную трапезу, на чей счёт она, – никто из трапезующих не знал, известно было только одно, что распоряжались всем с.-петербургские мясник Лавров и прянишник Абрамов; последний издал и роздал на празднике несколько тысяч листков со своими стихами, посвящёнными о. Иоанну и портретом его, – стихи эти очень сердечные и складные, вместо меню, лежали перед каждым гостем.

Трапеза была обильная яствами, были и напитки, до шампанского включительно. Но никто этим тленным не интересовался, – общее внимание было приковано к личности о. Иоанна. Но и здесь не было покоя этому мученику народной любви и своей славы: откуда-то непрерывным потоком во всё время трапезы притекали к нему поклонники и поклонницы за благословением. С какой благостью, с какой чисто отеческой лаской, с сиянием неизреченной доброты в очах, о. Иоанн благословлял всех и каждого, не взирая на лица и тут же из вазы с фруктами кому давал яблоко, кому грушу или несколько зёрен винограду, или апельсин, а кому вручал свою рюмку откусать вина... Трапеза прошла просто, семейно, а вместе и торжественно... Много было речей, говорили и иереи, и студенты, и высокопоставленные лица, и простецы, – два простеца самоучки читали свои стихи, и всех и все терпеливо и ласково выслушивал добрый пастырь, но так, как будто бы речь шла не о нём и его доблестях, а о ком-то ином, далёкого времени человеку, а сам о. Иоанн, кроме здравицы за Государя

и Царскую семью, не проронил ни единого слова... Трапеза продолжалась часа 2–3.

Множество народа теснилось около дома трудолюбия, а также во дворе и у ворот церковного дома, где живёт о. Иоанн.

Охраняющим о. Иоанна не легко в таких случаях ускользнуть с батюшкой от натиска толпы. Мы поспешили в церковный дом. Железные ворота охраняют от наплыва толпы четыре дюжих дворника. Около сотни людей, видно совсем небогатого состояния, стояли у ворот держав руках разные приношения, – кто крендель, кто скромного размера пирог или торт, кто полотенце, кто чулки... О. Иоанн быстро въехал в подворье и несколько атлетов из почитателей или телохранителей буквально выхватили из объятий толпы и на руках через головы массы внесли о. Иоанна в крыльцо и по лестнице в квартиру. Один доброго вида старичок, при суматохе, полетел сам и уронил торт, который бережно держал всё время, в течение нескольких часов на голове, чтобы поднести его любимому пастырю и вероятно благодетелю. Но толпа растоптала дорогое для него приношение и старец, как ребёнок, завопил...

О. Иоанн занимает скромную квартирку, едва ли не самую меньшую, чем все другие его младшие со-пастыри (трое). Обстановка не лучше простого сельского иерея. В комнатах температура очень низкая, прямо холодная; и он, и добрая матушка старушка, супруга о. Иоанна, – не любят тепла; в спальнях их, рассказывали, всю ночь открыты форточки. Когда о. Иоанн дома и свободен, а это бывает только разве глубоким вечером, он всегда, долго дышит свежим воздухом, прогуливаясь по двору.

Мы вышли с церковного подворья около 6 ч. вечера, а поклонники и поклонницы всё ещё стояли под открытым небом, в сырую погоду за воротами, не теряя надежды поднести или передать свои лепты „дорогому Батюшке“ и вымаливая у дворников, как милости, этого дерзновения.

Под впечатлением Кронштадтских именин невольно задумались мы над таким вопросом: в чём причина такого контраста жизненной картины одного и того же сюжета? Сюда в Кронштадт рекой льются и верующие и благодееющие люди,

здесь столько всяческих и от всех поклонений и приношений смиреннейшему из пастырей Церкви, а между тем повсюду на Руси слышится скорбь и сетование пастырей об оскудении у пасомых духа сыновней любви к пастырям, об охлаждении к церкви, о сокращении даяний и в пользу храмов, и в пользу причтов, о возрастающей скудости материального обеспечения приходского духовенства?..

Неделями двумя позже, среди дум об изложенном, мы прочитали в либеральной „Неделе“ статью о чиновничьем пастырстве и легкомысленном поведении молодого иерея. Статья принадлежит перу известного писателя г. Меньшикова (не в обиду ему будь сказано, некогда слывшего за толстовца), написана она пластично, искренно и, кажется, с добрыми намерениями, хотя и больно режет по сердцу, краской стыда заливает лицо читателя. Конечно, статья не без грехов, по части сгущения либеральных красок, при изображении картины из церковной жизни; молодая чета иерейская представлена скорее, как новый тип духовенства, чем действительное лицо. Но отсюда статья приобретает ещё больший интерес.

Прочтите её пожалуйста, читатель, и поделитесь на страницах „Мис. Обзор.“ своими размышлениями по поводу этой поучительной во многих отношениях статьи, мимо которой нельзя пройти равнодушно, или с улыбкой высокомерного презрения. Скажите откровенно, читатель, вам виднее, – не общий ли наш знакомый, в смысле, конечно, типа, этот молодой иерей и его юная супруга? Не порождение ли такого типа пастырей влияет на очерствение сердца пасомых и на всяческое духовное и материальное оскудение? Много ли таких поверхностно с лёгким сердцем содевающих своё великое служение иереев или это исключение? Вот эта статья.

„Недавно я был в деревне, в центре России. Случился праздник, я зашёл в церковь. Из алтаря вышел совсем молоденький, девятнадцатилетний по виду юноша в священнической ризе. Курчавая подстриженная²⁹¹ голова, узкие плечи, тонкий голос. И говорит-говорит ектеньи, очень спешно, крайне спешно, едва разобрать можно. Чуть старый дьячок

успеет прогнусить по-старинному „Господи, помилуй!“... – юный батюшка торопится дальше, глотая слова.²⁹²

Гляжу на толпу молящихся, – увы, все старики, одетые почище, да бабы. молодёжи мало. Впереди, против убогого образа Богородицы стоит расфранчённая, очень хорошенькая матушка, тоже совсем девочка по виду, но в эффектной шляпе с птицей. Праздник двенадесятый, но ни признака торжественности. Батюшка отхвatal, наконец, все положенное (всё-ли? мелькал вопрос) и вынес крест, пробормотал (?!) что-то и торопливо суёт прикладываться. – Подходите!.. Мужики и бабы истово подходят, крестятся, целуют. Сразу видно, что батюшка смертельно торопится покончить процедуру, а мужики хотят её насладиться, выполнить, как подобает.

– Что же вы, батюшка, проповеди не сказали? говорю священнику, когда он вышел из алтаря в лиловой рясе с чувством чиновника, снявшего вицмундир. – А я поджидал проповеди...

– Эва! усмехнулся батюшка, – Этак мы затянули-бы обедню до двенадцати!.. Какая тут проповедь! Пойдёмте пирога откусать...

Я пошёл. Премилые люди, совсем светские. Он только что с семинарской скамьи, она – епархиалочка последнего выпуска. Оба свежие, красивые, видимо вчера ещё влюблённые друг в друга, сегодня немножко скучающие. И брат матушки милый юноша, хотя без места. До смешного все молоды и не устроились, и не хотят устраиваться.

– Вы думаете, что я долго останусь в этой трясине? говорит батюшка: – да сохрани меня Бог! Мне уже обещан приход в Бобровке. Брат тестя в консистории, протоиерей. Небось, вытащат!..

– А вам-бы остаться тут, говорю. – Тут превосходное место для молодого священника.

– Тут-то? Да вы знаете, какая это глушь?

– Вот потому именно. Положим, глушь сплошная не только здесь, а на две тысячи вёрст кругом, но и тут достаточно глухо.

– Вы шутите? Я вас не понимаю... Чего же ради, я останусь в какой-то трущобе, когда мне в городе приход дадут? Выждать

малое время – и всенепременно отец Афанасий выхлопочет.,.

Понимая, что говорю бестактные и бесполезные вещи, я всё-таки сказал, что священнику с призванием чем запущеннее приход, тем лучше: апостолы шли к язычникам, миссионеры едут в Сибирь...

Молодой батюшка весело расхохотался.

– Не хотите ли водочки? спросил он. – Право, выпейте. Так, так, – всё это чудесно-с. Вам, городским жителям, у которых театры, оперы, вечера, гулянья – вам и Сибирь интересна, для перемены-с. Как после заговен капуста. Ну, а пожилы-бы вы в нашей шкуре... Дни, недели, месяцы без живых людей... Одно мужичье, крестины да похороны – не очень весело... Сегодня, спасибо, вы зашли, а вчера, например, целый день ни души. Встали, напились кофею, давай хоть в карты (ох эти карты в иерейских руках!) играть. С десяти часов козыряли втроём с болваном. Надоело, – пели романсы, все мы поём. У Маруси прямо дарование. Но слушать некому, – мы опять за карты... Скука знаете. Никакой, жизни здесь, никакого общества...

В это время прислуга доложила, что сырохновский Яким пришёл, да Машка Егорова.

– Вот вам и Общество, говорю. Батюшка любезно усмехнулся, поняв так, что я шучу.

– Скажи им, сказал он строго, юношеским басом, – чтобы приезжали завтра. Ни за что не поеду. Сказано было – подводу прислать с вечера, – сегодня не поеду.

И вот в течение трёх-четырёх часов, в то время, как мы кушали пирог, обедали, распевали романсы и говорили о харьковской опере, от времени до времени батюшка выходил за дверь и строго кричал на кого-то. Слышались жалобные голоса, что-то говорили о том, что кобыла завтра работает, день пропадёт в поле и т. п., – в ответ же сухо раздавалось: – А мне какое дело? Сказано – не поеду...

Как видите, молодой, только-что выпущенный из семинарии священник среди безграмотного, отвыкшего от церкви, крайне бедного и тёмного населения решительно не находит, чем развлечься, кроме романсов и карт, и что спешил он в церкви со

службой не по какой нужде, а просто от профессиональной скуки, как чиновник, торопящийся подмахнуть бумаги...

Недостаток образования, скажете вы? Недостаток развития? О, нет. Нынешние семинаристы – народ образованный. Чему-чему их не учат. Но вот вам справка „Петербургских Ведомостей“: из двухсот оканчивающих ежегодно *духовные академии* студентов идут в священники не более двадцати. Всего десятая часть! Девять десятых предпочитают идти в акцизные, в податные, в чиновники особых поручений, столоначальники, обер-кондукторы... Куда угодно! Хотя собственно материальное обеспечение окончивших академию более чем достаточно. Если уже простые батюшки наживают часто дома и земли, то академисты и говорить нечего. Стало быть, гонит из священства нечто не материальное, гонит некий дух, загадочный и тёмный...

Здесь, в городе, я стоял как-то в огромном храме. Колонны его ушли в сумрак, и над тихой толпой носился дым кадильный. Отдаваясь волнам священных слов и священных звуков, глядя на облачённого с ног до головы в золото седого старца, что-то совершающего у престола, я думал: какие мы все неискренние и навсегда неискоренимые лжецы. Мы притворяемся верующими, православными, все от этого сапожного подмастерья до того вон генерала в белых погонах и его элегантной бонны с детьми. Но если бы мы были искренно верующими в эту древнюю церковь, то ведь этот батюшка был-бы не „поп“ для нас, а действительно лицо священное, и его общественное место казалось-бы самым завидным, какое есть на свете. Генералу, служащему по кавалерии, кажется теперь, конечно, смешным сравнивать свою карьеру с батюшкиной: даже подпоручик не идёт в попы или это такая крайняя редкость. Даже он считает себя выше попа, „благороднее“ его. Но для *искренно*-то верующего человека разве это сравнимо? Служить высочайшему престолу Господа, царя царей, во святом храме Его? Быть облечённому в апостольское призвание, отдать себя благороднейшей потребности народной – стремлению к Божеству... возможен ли труд более высокий? Возможно ли положение более почётное? Сколько тут поэзии безграничной! Посвящение в священники

напоминает царственный обряд помазания. При возложении рук епископа передаётся преемственно не какое-нибудь мелкое право контролировать бутылки в питейных лавках, – передаётся – сказать страшно (если бы веровали) – благодать Духа Святого, прерогатива апостольская, огромная власть „вязать и решить“, не предоставленная даже царям. В служении своём дьякон изображает не какого-нибудь чиновника особых поручений, а бессмертного духа, ангела, – священник же представляет второе лицо св. Троицы, Сына Божия. На какую безмерную высоту возносится здесь душа человеческая, *если только искренно верить* во всё это. Сколько торжественной красоты, какой пафос мысли! Избранная знать вместо того, чтобы отдавать детей в пажи и правоведы, должны-бы отдавать их в семинарии, считая роль священника – самой ослепительной карьерой из всех возможных. Так было-бы при истинной, героической вере. При обыденной же „попы“ в презрении. К ним подходят иногда под благословение и целуют руку, „попа“ зовут в торжественных случаях, но всего на час и потом прощайте; „попы“ по званию уравнены с лавочниками, ремесленниками, почтальонами, курьерами, или разве на йоту выше. Очевидно, искренней веры в роли священника нет, и потому нет и уважения к ним, сообразного роли. Может быть, вся разгадка тут в том, что это *роль*, и как актёр, играющий Гамлета, может быть далеко не принц Датский, так и „поп“, и за что же особенно уважать актёра? Однако-ж, великого актёра уважают, и может быть – опять позволим себе догадку – вся беда в плохом исполнении роли. Что если бы под золотыми ризами мы все увидели нечто действительно светоносное, дух Христов? Один проблеск (?) надежды на это – и уже вся Россия покорена отцу Ивану, и десять тысяч отцов Иванов заслонены одним... Роль (почему же роль?) превосходно выполняемая, становится уже самой жизнью, – не подражанием, а подлинной правдой; и как правда, она обладает могуществом самой жизни. Но это по силам лишь исключительным гениям, рождаемым всей природой в столетие раз... Нельзя требовать гения. Нельзя даже возместить его подготовкой. Вы справедливо скажете, что уж, кажется, достаточно кладётся заботы для приготовления священников.

Они вырастают в семьях служителей церкви и ещё младенцами слышат священные напевы. Церковь – колыбель их рода, хранилище преданий, и в родном храме слагаются у них самые яркие впечатления детства. Затем школа: разве недостаточно духовного училища, семинарии, академии? За почти пятнадцать лет усиленных занятий, поповичей воспитывают в церковной мудрости, раскрывают им весь смысл, всю глубину откровения за последние шесть тысяч лет, начиная с эпохи до-библейской. И вот, пройдя столь тяжкое горнило знаний, попович вместо апостольской дороги выбирает акцизную или бухгалтерскую“...

А ведь много правды, сказал г. Меньшиков в приведённых строках, не правда-ли, читатель?

На днях мы виделись с о. Иоанном и просили его ответить иерею, вопрошавшему в окт. кн. „Мис. Обзор.“... – „Чего отвечать, разве иереи не знают, *чтобы быть любимым у народа, надо самому вперёд его полюбить, чтобы вдохновлять чувствами веры и упования, надо самому быть вперёд одушевлённым сим же*“. Святые слова! Но мы здесь должны поставить точку в нашей беседе. Декабрский выпуск журнала – последний в году и Редакции нужны лишние страницы для расчёта со всякими претензиями и долгами. А пока до свидания, дорогие читатели, до нового года, до нового века, если Жизнодавец продолжит Свою милость.

В. Скворцов

**Из миссионерских запросов // Миссионерское
обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 771–779**

Иоанн Сергиев, прот. Почему Бог допускает войны? С. 771–773

Ответ на этот животрепещущий вопрос, так часто ныне – в злосчастную годину жестоких кровопролитных войн в южной Африке и в Китае, – предъявляемый к пастырям и миссионерам и православными и сектантами, даёт высокочтимый всероссийский пастырь о. Иоанн Кронштадтский в своём последнем слове в день восшествия на престол Государя Императора 21 октября. Вот как высказался о. Иоанн по сему вопросу.

„С престола, на котором восседает, Бог призывает на всех живущих на земле (Пс.32:14).

Господь есть праведный Царь и Судия всех народов и всем воздаёт по делам их.

Взор Вседержителя на всех живущих на земле есть ли взор равнодушный к судьбе народов и племён земных? И подумать это – безумное богохульство. И добрый, искренний и правдивый человек, царь или мудрый политик и друг человечества, – не может равнодушно смотреть на то, что творится между народами, племенами или людьми одного государства, одной веры или гражданственности. Кто равнодушно стал бы смотреть на нынешнюю войну языческого Китая с христианскими народами, или высокообразованных мореплавателей с народами Южной Африки? Кто стал бы равнодушно читать или слушать о нынешнем кровопролитии, о десятках или даже сотнях тысяч павших на войне граждан, отцов и кормильцев своих семей?

Едва ли найдётся между людьми такой чёрствый человек, который не вздохнул бы тяжело, слыша или читая об этом бедствии. Во сколько же раз противнее кровавое зрелище взору Творца и общего любящего Отца всех людей, Бога-Вседержителя? Может ли Он равнодушно взирать на это бесчеловечное кровопролитие, на это зверское истребление людей войной? Нет и нет. Почему же существуют и допускаются эти войны Божественным Провидением, сколько праведным,

столько человеколюбивым? Не Он ли дал всем заповеди о взаимном мире, правде, милосердии, сострадании, терпении, доброжелательстве друг к другу, – и заповедь о мирном труде, довольстве тем, что имеем? Что же значат эти войны, почему они допускаются всеблагим, праведным и премудрым Мироправителем Богом?

Богородяновенный царь и пророк говорит: с небес призывает Господь, чтобы видеть всех сынов человеческих. С престола, на котором восседает, Он призывает на всех живущих на земле. Он создал сердца всех их и вникает во все дела их (Пс.82:13–25). Итак, взор Господа на народы есть взор человеколюбивый и праведный и вместе взор судящий; война есть гром правосудия небесного на начинающих войну, которые, изрывая яму другим несправедливо, сами падают в неё (Пс.7:16) и получают возмездие за свою неправду; и знамение правды и милости Божией к отражающим неправую войну, защищающим свои владения, свою независимость, гражданственность, веру, семейства, который и получают от праведного Судии помощь в правом деле, а павшие на войне – лучшую жизнь и непреходящие блага.

Всецправедный Творец и Промыслитель, Отец и Судия всех народов, дал всем, особенно христианам, свои законы в совести и в Евангелии. Законы любви, правды, милости и сострадания известны народам христианским: от них ожидается исполнение их; а если они, вопреки смысла и совести, нарушают их, – небесное правосудие карает их через само нарушение их: правому оружию Бог помогает, а несправедливое сокрушает и ниспровергает или саму победу обращает в кару правосудия и среди побед полагает начало к разрушению, как было это в древние и новые времена.

Итак, небесный Мироправитель и Царь царей земных, восседающий на страшном и правом престоле своём, непрестанно взирает и наблюдает за всеми народами, как и отдельными лицами, сострадательно, человеколюбиво, как всегда, как и свойственно Всеблагому, но вместе и праведно и грозно, обращая несправедливую войну в праведное Наказание и бич одним, несправедливо начинающим, – в воздаяние венцев правды и нетления, злострадания и терпения – отражающим

неправедно поднятое оружие. Так было в нашу Отечественную войну; так было и во все времена, так и ныне. Впрочем, иногда и неправедно внесённую в чьи-либо пределы войну праведный Мировправитель и Судия попускает, как наказание за грехи и беззакония народа воюемого, как было в ту же Отечественную войну, когда Господь наказал Россию за её развращённые нравы, – хотя потом, наказав, славно помиловал.

Наш царствующий Государь, вскоре по восшествии на престол, провозгласил вслух всего мира Свою мирную политику, и престол Его есть седалище мира и правды, и, если бы враги внешние или внутренние дерзнули неправедно внести своё оружие в наши пределы, они получили бы вскоре праведное возмездие от правящего всеми народами Господа славы и от нашего правого оружия. Россия всегда воздерживалась от политики нападения, но всегда защищалась с достоинством, когда на неё нападали враги её благоденствия и мощи, твёрдо веруя, что правому и верно и смело направленному оружию Бог помогает, как древнему Израилю против нападавших на него иноплеменников.

Да будет же престол царский, как престол правды и мира, непоколебим во век – помощью и заступлением Царя царствующих. Аминь“.

Протоиерей *Иоанн Сергиев*

Яцкевич В. Каким порядком производится запись браков раскольников в установленные законом 19 апреля 1874 г. метрические книги для раскольников? С. 774–779

Может ли быть записан в эти книги брак раскольника, имеющего от роду 17 лет и шесть месяцев? Может ли быть определён возраст раскольника, вступающего в брак по семейным спискам? Может ли полицейское управление, при внесении в метрические книги записи о браке раскольника не принять его внимание заявления православного причта о незаконности такого брака на том основании, что это заявление сделано по прошествии установленного ст. 12 правил об означенных книгах семидневного срока для заявлений о препятствиях к браку? Могут ли быть вносимы в раскольнические метрические книги браки родившихся от лиц, в расколе от рождения не состоящих, а лишь уклонившихся в раскол? Может ли крестьянское общество не давать своим однообщественникам, – а равно и детям их, прижитым вне брака, совершённого в православной церкви, надела земли?

Священник Александр Бельский

а) Раскольник, желающий, чтобы брак его был записан в метрическую книгу, должен уведомить о том письменно или словесно полицейское управление или волостное правление постоянного своего местопребывания, с означением имени, прозвания и состояния обоих супругов. По такому уведомлению полицейское управление или волостное правление составляет особое каждый раз объявление и выставляет оное, в течение семи дней, на видном месте при дверях управления. Все, имеющие сведения о препятствиях к записи объявленного брака в метрическую книгу, обязаны дать знать о том полицейскому или волостному начальству на письме или на словах. По истечении семи дней с того дня, когда объявление было выставлено, волостное правление или полицейское управление выдаёт лицу, заявившему желание записать свой брак в метрическую книгу, свидетельство о том, что установленное

объявление было сделано, а равно и о том, не было ли с чьей-либо стороны заявлено о каком-либо законном препятствии к означенной записи и если таковое заявление было сделано, то в чём именно оно состоит. Для записи брака в метрическую книгу, оба супруга должны лично явиться в полицейское управление и представить выданное им свидетельство о сделанном объявлении. Независимо от сего, каждый из супругов должен представить двух поручителей для удостоверения ими, что брак, о котором заявляется полиции, не принадлежит к числу воспрещённых законом. Предварительно записи брака в метрическую книгу, от обоих супругов отбирается подписка в том, что они принадлежат к расколу от рождения и не состоять в браке, совершённом по правилам православной церкви или по обрядам другого, признаваемого в государстве исповедания (прилож. к ст. 1093 т. IX зак. о сост. изд. 1876 г. правила о метрических книгах для раскольников, ст. 11–17).

В метрические книги не подлежат записи такие браки раскольников, которые возбраняются законами гражданскими (ст. 15 правил о сих книгах). В 3-й же статье сказанных законов говорится, что лицам мужского пола запрещается вступать в брак ранее восемнадцати лет (т. X, ч. 1 изд. 1887 г.). Несоблюдение изложенного закона, при внесении брака раскольников в метрические книги, в случае возбуждения дела о сём, не влечёт за собой признание брака незаконным и недействительным, (незаконными и недействительными признаются браки лиц, не достигших возраста *Церковью* определённого – ст. 37 зак. гражд.), но оно угрожает уголовной ответственностью как лицам, вступившим в подобный брак, так равно и поручителям по браку (улож. о наказ. изд. 1885 г. ст. 1585

и 1585³). На неправильные действия должностных лиц по ведению метрических книг жалобы и заявления приносятся губернскому правлению (ст. 10 правил о метр. книг. по продолж. 1891 г.).

б) В ст. 35, Высочайше утверждённых в 9-й день апреля 1874 года, правил метрической записи браков, рождения и смерти раскольников сказано: «доказательством рождения от брака,

записанного в метрической книге, служат сии книги или засвидетельствованные надлежащим порядком выписи из них. Когда же рождение не записано в метрической книге или когда правильность сделанной в сей книге записи оспорена, то доказательствами признаются родословные, городовые обывательские книги, ревизские сказки, именные списки раскольников, формулярные списки родителей и показания родителей, (ср. т. XVI ч. II зак. о судопр. гражд. изд. 1892 г. ст. 460)». Нельзя не придать силы подобного доказательства и установленным в 1874 г. для облегчения учёта лиц, подлежащих воинской повинности, по семейным спискам. В последнее время за изданием закона 12 марта 1891 г. о детях, узаконенных и усыновлённых, 11 ст. IV разд. коего сельским обывателям предоставлено право усыновления путём приписки установленного по семейству усыновителя, эти списки приобрели в крестьянском быту особо важное значение и на тщательное и правильное составление их волостными правлениями обращено внимание Министерства Внутренних Дел. Между прочим, посемейные списки ежегодно должны быть поверяемы по метрическим книгам местных приходских церквей (опрд. Св. Синода 7 сентября 1889 г. № 10). Посемейные списки содержат в себе сведения и о возрасте заносимых в них лиц. Если, таким образом, при отсутствии метрической записи, даже такой важный акт – как законность рождения может быть доказываем посемейным списком, то, казалось бы, тем более может быть удостоверяемы им. при том же условии, и возраст раскольника.

в) Выставляемые полицейскими управлениями и волостными правлениями (п. а.) объявления о желании известных раскольников вступить между собой в брак заменяют пред-брачные оглашения православной церкви. Являясь опросом местных жителей и имея в виду открыть возможные препятствия к браку, они составляют собой лишь одну из пред-брачных предосторожностей. Для выполнения этой предосторожности так же, как и для оглашения в православной церкви, установлен известный определённый срок. Браки же раскольников получают силу и последствия законного брака

через запись в полицейские метрические книги (т. X, ч. I, Зак. Гражд. изд. 1887 г. ст. 78). Но как ни один священник, при наличии тоекратного оглашения, не станет венчать брака, о законных препятствиях к коему получит от какого-либо лица заявление после оглашения, так и полицейское управление, выполнив означенную выше предосторожность в положенный 7-ми-дневный срок, казалось бы, не должно записывать брак раскольника в метрическую книгу, если получит от кого-нибудь заявление, о законных препятствиях к сему браку после этого семидневного срока. Тем более не должно и не может оно игнорировать подобного заявления, сделанного православным приходским причтом, трактуемым нашими законами, как должностное лицо.

г) Вопрос о том, подлежат ли записи в раскольнические метрические книги браки родившихся от лиц, в расколе от рождения не состоящих, а лишь уклонившихся в него из православия, – спорный. В ст. 9-й Высочайше утверждённых 19 апреля 1874 г. правил, о метрической записи браков рождения и смерти раскольников, сказано: предварительно записи брака в метрическую книгу от обоих супругов отбирается подписка в том, что они «принадлежат к расколу от рождения», а в ст. 13 говорится, что браки, заключённые между лицами, которые не принадлежат к расколу от рождения, считаются незаконными и недействительными. Но что значит выражение «принадлежат к расколу от рождения»? Значит ли оно, не исполнять от рождения ни одной требы в православной церкви и исповедовать заблуждения раскола или оно значит родиться в расколе, т. е. происходить от родителей действительных раскольников, а не совращённых из православия в раскол? Думаем, что последнее понимание более соответствует как общему смыслу относящихся к сему предмету узаконений, так и существу настоящего дела. Наше законодательство, предоставляя свободу вероисповедания христианам иностранных исповеданий, евреям, магометанам, и язычникам (ст. 45 Осн. Госуд. Зак.), вместе с тем ограждает целость и неприкосновенность господствующей в Российской Империи православной веры (ст. 36 уст. о пред. и прес. прест. т. XIV изд. 1890 г.). В этих

положениях нашего закона содержится глубокий исторический смысл и высокая справедливость. Названные вероисповедания возникли не в пределах России и не среди русского народа, а явились в готовом уже виде, одновременно с присоединением к России различных областей, населённых народностями исповедующими сие вероучение. Православие же – исконная вера русского народа. Оно воспитало и укрепило русский народ. Оно дало ему силу восстать из развалин татарского погрома, уцелеть в години смутного времени и польских нашествий. Оно создало могущественный народ и царство. Православие – душа и сила русского народа. В виду изложенного, раскольники не признаются законом в своём вероисповедании. Раскольники суть отпадшие или отпадающие члены самой церкви православной и подлежат увещанию к возвращению в лоно её (ст. 96 уст. о пред. и прес. прест.). Как виновные перед законом, запрещающим такое отпадение (36 уст. о пред. и прес. прест.), они подлежат различным ограничениям как в жизни религиозной, так и гражданской. Все, действующие в Империи законы о раскольниках и даже закон 3 мая 1883 г., предоставивший им общегражданские права и по отправлению общественного богослужения и будучи чуждыми послаблению раскольническим учениям, стремятся прежде всего оградить господствующую православную церковь от того вреда, какой могли бы нанести ей означенные учения. С изложенной точки зрения должно взглянуть и на запись браков раскольников в полицейские метрические книги. Если бы законом 19 апреля 1874 г. предоставлено было полиции право записывать в метрические книги браки родившихся от лиц, уклонившихся в раскол из православия, а не коренных только раскольников, то этим создавалась бы законная почва и широкая дверь к переходу православных в раскол. При таком условии, стоило бы православному уклониться в раскол и не крестить в православии своих детей (в том и другом случае нарушив закон), как уж этим детям предоставится полная возможность на законном основании отделиться от матери своей церкви православной и сделаться записными раскольниками. Ведь принадлежность к расколу удостоверяется ныне главным образом записью в

метрических книгах: а все подобные дети будут иметь права записать в эти книги как свои браки, так и происшедшее от них потомство. Итак, надо думать, что под именем «принадлежащих к расколу от рождения» закон 19 апреля 1874 г. понимает коренных раскольников. Но как бы подобное толкование ни соответствовало правде и интересам православия, Правительствующий Сенат в 1891 году (указ на имя обер-прокурора Св. Синода 11 декабря № 14740) разъяснил, что закон 19 апреля 1874 г. должен быть толкуем, как «проявление особой Высочайшей милости к раскольниковскому населению» и имеет в виду «упорядочить это население в общем строе государственной жизни». По точному смыслу этого закона, для записи брака в установленные сим законом книги от обоих супругов требуется, чтобы сами «они после рождений не были воспитываемы в православии и не были крещены; засим время отпадения в раскол их родителей или предков... потеряло всякое значение». Это последнее мнение Сената и является действующим правом по данному вопросу.

д) Такого закона, который давал бы крестьянскому обществу права лишать своих однообщественников, уклонившихся в раскол, надела земли, не существует. Что же касается детей раскольников, то они не имели бы права на надел только в том случае, если бы произошли от раскольниковского брака, не записанного в полицейские метрические книги, и притом если бы матери их принадлежали к другому обществу. Браки раскольников, как сказано уже выше (п. г.), приобретают силу и последствия законного брака через запись в установленные метрические книги. Только происшедшие от такого записанного брака дети раскольников подлежат записи в метрическую книгу (ст. 19 прилож. к ст. 1093 зак. о сост. правил), и эта запись даёт подобным детям – права законного происхождения. В виду изложенного, дети раскольников, происшедшие от брака, не записанного в метрическую книгу, почитаются незаконнорожденными. Незаконнорождённые же крестьянского сословия суть члены тех обществ, к которым принадлежать матери их во время их рождения и пользуются земельными

наделами наравне со всеми членами общества, к коему они принадлежат (реш. Прав. Сен. 11 июня 1885 г. № 2908).

В. Яц-ч

**Из миссионерской полемики // Миссионерское
обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 780–795**

Булгаков Н. Из беседы в обличение хлыстовского мудрования о Пречистой Деве Марии. С. 780–783

Однажды в беседе со мной некий кормчий одного корабля (общины) хлыстовского в защиту своего бракоборного учения и в оправдание мнимо „девственной жизни“ руководимой им общины дерзнул кощунственно сослаться на Матерь Божию. „Дева Мария, – говорит этот злобозначный еретик, – не выходила замуж: Она состояла в „духовном супружестве“ с Иосифом обручником, и от этого „духовного брака“ родился не простой человек, а Сам Господь Иисус Христос“.

Приведённое богохульное возражение ярко изображает собой всю нравственную низость хлыстов и крайнее потемнение их духовного сознания. В самом деле только людям, ослеплённым сатанинской гордостью, свойственно приравнять себя к высочайшей и чистейшей личности Богородице. Всякому, истинно верующему христианину, известна та неоспоримая истина, что рождение Св. Девой Богочеловека есть *великая тайна благочестия* (1Тим.3:16), непонятная даже для самих ангелов (1Пет.1:12). *Еже от века утаенное*, – поёт Св. Церковь, – *и ангелом несведомое таинство, Тобою, Богородице, сущим на земли явился Бог, в неслитном соединении воплощаем* (Богородичен 4-го гласа). Рождество Христа Спасителя совершилось без всякого участия мужа (Мф.1:25), по наитию Св. Духа (Мф.1:18 20; Лк.1:34–35). Когда Дева Мария оказалась непраздной до своего бракосочетания, то Иосиф обручник, не зная о тайне бессеменного зачатия Богочеловека, хотел даже удалить Матерь Божию из своего дома, но был удержан от этого особым откровением от Бога (Мф.1:19–24). Да, не от семени мужеского и не от женщины-супруги, а от Духа Святого и Девы родился Спаситель мира, – и это событие (рождение), величайшее в божественном домостроительстве, в видимом и невидимом мире и в истории человеческого рода, совершилось безболезненно и без нарушения девства Родившей. *Яже прежде рождества Дева, и в рождестве Дева, по рождестве пребывавши Дева* (Богородичен 7-го гласа) – воспевают Св.

Церковь. Древние и позднейшие отцы и учителя Церкви не находят достаточно слов для исчисления заслуг Матери Божией. её служение делу нашего спасения, задолго предвозвещённое многочисленными пророчествами и прообразами, так возвышенно, нравственные совершенства её так велики, близость её к престолу Господа Бога и матернее дерзновение у Сына своего так очевидны, что отцы Церкви, собирая образы для восхваления Царицы Небесной, часто останавливались в благоговейном недоумении. *„О благословенная Дево, – восклицает Св. Андрей Критский, – Царица всех чемвеков и ангелов, носящая имя, ни с каким человеческим именем несравненное! Ты предъизбрана была Всевышним еще до рождения Твоего и сияешь, по Боге паче всех превознесенная над всеми тварями! Ибо Ты – Святейшая из святых. Ты – священнейшее сокровище всякия Святости! Как живой столп огненный и облачный, освещающий не плотского и строптивого, но духовнаго Израиля, Ты сияешь в св. Церкви и возводишь любящих Тебя к познанию и созерцанию истины.“* Вселенская Церковь во всяком богослужении постоянно и ревностно прославляет и ублажает Пресвятую Матерь Господа согласно её собственному пророчеству о Себе²⁹³ и выделяет Её из среды остальных тварей, видимых и невидимых. „В мире нет ничего такого, – говорит св. Прокл, архиепископ константинопольский, – что могло бы сравниться с Богородицей Марией. Человек! пройди умом твоим все творения и смотри, может ли что не только превысить, но даже сравниться со Св. Девой Богородицей. Пробеги землю, осмотри море, исследуй воздух, углубись мыслью в небеса, испытай все невидимые силы и скажи, есть ли другое подобное чудо в каком-либо творении?²⁹⁴ „Девство Пресвятой Богородицы, – пишет высокопреосвященный Филарет, – избранное быть приятилищем воплощения Сына Божия, есть единственное в роде человеческом, которое как перед собой не имело примеров, так и по себе не будет иметь подражателей“ (Слова и речи... т. IV, стр. 25). Добродетели Пресвятой Богородицы и благодать Св. Духа, предпочистившая Её для великого дела быть Матерью Божией, поставили Её выше всех праведных и святых людей и даже сил

небесных: Церковь воспевает Её, как честнейшую херувим и Славнейшую без сравнения серафим. Какая же теперь дерзость со стороны хлыстов приравнять своё позорное „девство“ к земной жизни Богоматери восприявшей в своё чрево и родившей Того, пред Кем вся тварь стоит со страхом и трепетом!! *Что общего между праведностью и беззаконием? Что общего между светом и тьмой? Какое согласие между Христом и Велиаром?* (2Кор.6:14–15). Положим, хлысты богохульно говорят, что каждый из них может сделаться „таким же Христом“; но истинные последователи Евангелия должны отвращаться от таковых богохульников. Спаситель определённо предупредил своих учеников на будущее время относительно сектантов, имеющих называть себя „христами“. *„Берегитесь, – сказал Он, – чтобы кто не прельстил вас; ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: я – Христос, и многих прельстят... Тогда если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там, – не верьте; ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных* (Мф.24:4–6,23–24; Мк.13:5–6,21–22). У нас один Господь Иисус Христос (1Кор.8:6), – если мы раньше знали Христа *по плоти*, то теперь уже не знаем (2Кор.5:16).

Поразмыслите, хлысты, о всём этом и не уподобляйтесь глухим аспидам, которые затыкают уши свои и не слышат голоса заклинателя, самого искусного в заклинаниях (Пс.57:5–6)!

С.-Петербург. епарх. мисс. Н. Булгаков

**О. К. Московские собеседования с расколо-
старообрядцами. С. 783–795**

Собеседования 2-е (39 октября). С. 783–787

После обычного объяснения Евангелия о. С. Страхов прочитал реферат – „Об апостольском служении в Церкви Христовой – изложение положительного учения об этом предмете“. Важность избранного предмета несомненна и миссионерско-апологетическая цель реферата будет понята из положительного содержания его. Апостольское происхождение и апостольство в Церкви – убедительный признак её истинности. Где нет его, – там заблуждение. Вывод для старообрядца понятен. Впрочем, постараемся передать сущность рассуждений о. Страхова. Две точки зрения устанавливает он на свой предмет – священно-историческую и современно-фактическую. Имея в виду первую, он раскрывает историю и сущность апостольского служения. – Во второй год своего миссионерского служения Господь избрал из числа своих учеников двенадцать, дав им великое звание апостолов и оградив величие их служения соответственным авторитетом („слушай вас, Мене слушает“). Та всемирная миссия, на которую должны были выступить апостолы, несомненно, требовала усиленной подготовки; земная жизнь Господа, проходившая в непосредственном общении с учениками, была превосходной образовательной школой, а посольство с проповедью к иудеям было первым благовестническим опытом. Всемирное значение апостольской проповеди открылось по воскресении, когда апостолы получили от Господа заповедь „идти в мир весь и проповедать евангелие всей твари“, а всемирная деятельность их началась с пятидесятницы, когда они, облёкшись силой свыше, явились продолжателями дела Христа с полномочиями правителей, учителей и строителей благодати Божией. Недостающее число их было восполнено Матфием, и, по особому избранию Божию, к ним присоединился ещё Павел. В этом составе они выступили на проповедь, –основывали Церкви, поставляли иерархию и давали правила, регулирующие жизнь и деятельность пасомых; самое откровение новозаветное и жизнь Виновника сего откровения заключили в письма и, таким образом, на вечные времена установили критерий для оценки могущих явиться в

Церкви учений. Величие своего служения засвидетельствовали сами апостолы, когда сравнивали себя с камнями фундамента, на которых покоится здание, а за ними и святые отцы (Аф. В. и др.) называли их „князьями всей вселенной, стенами Сиона, столпами Церкви“. Отсюда церковь называется апостольской, как распространённая и окончательно устроенная апостолами. Далее о. референт естественно должен был перейти к другой своей точке зрения – современно-фактической.

Служение апостолов было чрезвычайное, как чрезвычайно было и облечение их благодатными силами в день Пятидесятницы; повторяться оно не могло, почему умиравших апостолов не заменяли новые; но должно было остаться домоправительство в Церкви, имеющей пребывать до скончания века. Апостолы, посему, поставляли преемников себе (Ап. Павел поставил Тимофея в Ефесе, Тита в Крите), которые и являются прямыми продолжателями апостольского служения. Благодать апостольства с полномочиями учить, управлять и священнодействовать пребывает в Церкви непрерывно, переходя „из рода в род“ через рукоположение и является несомненным признаком истинной Церкви Христовой. Такова в настоящее время церковь православная. Старообрядческие общества, отколовшись от господствующей Церкви, или совсем не имеют этой благодати (беспоповцы), или „незаконную“ считают за истинную (поповцы). Празднование столетия единоверия невольно обратило мысль лектора к этому отрадному явлению воссоединения старообрядцев с православными и, повторяя послание Св. Синода к единоверцам, о. Страхов так закончил свой реферат: „мы не можем не скорбеть о пребывающих доселе вне спасительной ограды Св. Церкви и молим Господа Бога, да призовет он и их в святое единство веры. Да подаст Господь и им внити во дворы Господни. Врата Церкви отверсты для них: она готова принять их, как любящая, милующая и прощающая Матерь“.

По обычному порядку должно было начаться само собеседование; на сей раз произошло отступление: известный в противораскольничьей миссии собеседник, священник о. Христофор Максимов сказал ещё несколько слов по поводу

единоверия, общий смысл которых был таков: единоверцы сохранили всё, что содержат старообрядцы, тем не менее пребывают в мире с церковью, не поносят её, не ищут в ней ересей, напротив, почитают её православной и от неё приемлют священство. Единоверцы сохранили всё, что содержат старообрядцы, – тем не менее последние не признают их братьями и единоверцами, – почему? – пусть нам разъяснят старообрядцы.

Несомненно, вопрос был поставлен остроумно и не понравился старообрядцам. Раскольничий со-вопросник Фёдор Яковлев всё время останавливал о. Христофора – „будет об этом, дело затянется, давайте беседовать о реферате“, а Иван Петров, вместо всяких разъяснений, разразился такой филиппикой на единоверие: „единоверие – не радостное, а печальное явление; все лучшие люди отрицали его: м. Филарет, Нильский проф. и др. и сами единоверцы вовсе не желали соединяться с православными и в 1800 г. просили, чтобы их не называли единоверцами, а старообрядцами, да и сам Синод не признаёт их обрядов, называя последние „глаголемыми старыми обрядами“. Без дальнейших рассуждений он оставил зал. Место его занял Фёдор Яковлев, который в более сдержанном тоне повёл такую речь: „пришли сюда, братия, не спор заводить, а искать истины для спасения души, спасение же нужно. Хорошо говорил о. Христофор, только зачем же за те обряды, которые теперь допустила Церковь у единоверцев, зачем, говорю, за эти обряды ранее замучены десятки тысяч? Жалко. Христиане, употребляющие насилие, пусть покроют лицо своё срамом!“

О. Христофор: „Друг мой, старообрядцы страдали не за содержание обрядов, а за то, что презирали и поносили Церковь, говоря: „Церковь – не церковь, таинства – не таинства, епископы – не епископы... всё покрыто позором“.

(Фёдор Яковлев, перебивая замечает: – „истина не требует многоглаголания“). Почему же, продолжает о. Христофор, вы презираете единоверцев? Ведь они ваши? Да потому, что обряд почитаете за догмат и мыслящих иначе презираете. Посему вы отделились и от нас, посему и единоверцы ваши, да не ваши; посему вы воспротивились и власти церковной и как противники

были наказаны. Церковь поступила с вами так же, как поступала она с непокорными и во время вселенских соборов. Помнишь это?

Фёдор Як. – Соборы 1666–67 гг. осудили нас за двуперстие, аллилуйю и др. Только я не вижу, к чему ты завёл речь об этом? Ведь...

– *О. Христофор:* Подожди, друг: речь завёл я потому, что единоверцы – ваши, да вы не считаете их своими, почему? – Потому что обряд почитаете за догмат и, повторяю., мыслящих иначе не почитаете своими. Где же у вас правда?

– *Фёдор Як.* Не-то. Сегодня ведь читали об апостольском служении, – вот ты мне и покажи: где же найти св. соборную и апостольскую Церковь? Вер много, но все они – прелести. Скажи-ка!

О. Христофор: Слушай, друг мой, скажу. Вер не много, а одна и найти её не трудно. Помнишь, как у Златоуста сказано: „удобнее солнцу угаснуть, нежели Церкви без вести быть“. Что же делать, чтобы познать веру? Вот что делайте: „веруйте в Христа и следуйте Христу“.

Фёдор Як. Этого, о. Христофор, мало. Ведь и латиняне и лютеране веруют, а как вы их почитаете?

– *О. Христофор:* Я не буду говорить про латинян и лютеран, а про вас скажу, что вы плохо веруете Христу и утвердили то, о чём Он не учил и чего не заповедал – обряд провозгласили за догмат и к вере сделали прибавки.

Фёдор Як. Вы первые сделали прибавки в Символе веры, а, по отцам, таковые прокляты, анафема трижды. А вот я тебе скажу, как найти истинную веру: у апостола сказано: братия, не всякому духу веруйте, но искушайте духи... кто не исповедует Христа, в плоть пришедша, – антихрист; Веруете ли вы?

– *О. Христофор:* Веруем– «верую во единого Господа И. Христа... нас ради и нашего ради спасения сшедшего с небес и воплотившегося от Духа Свята и Марии Девы и вочеловечшася». Только мы не говорим „в плоть“, а „во плоти“, потому что так верней. Впрочем, теперь уж поздненько, давай покончим, а в будущее Воскресенье ещё поговорим.

На этом окончилось собеседование. Слушателей было очень много, все принимали участие в общем пении, которое полагается в начале и конце собеседования и в промежутках между объяснением Евангелия, рефератом и самим собеседованием.

О. К.

Собеседование 3-е (5 ноября). С. 787–795

„Об апостольском служении в Церкви Христовой – разбор мыслей об „апостольстве Церкви Христовой“, высказанных лже-епископом Арсением Швецовым“.

Настоящее собеседование было прямым продолжением предшествующего. При изложении православного учения „об апостольстве в церкви Христовой“, сущность которого состоит в непрерывном существовании иерархии с правами священнодействовать, учить и управлять, о. С. Страхов необходимо должен был столкнуться с своеобразным пониманием апостольства старообрядческим лже-епископом Арсением (Онисимом) Швецовым. Теория последнего заслуживает особенного внимания не по своей глубокомысленности, или оригинальности, а по популярности самого автора в старообрядческом мире. – лже-епископ Арсений Швецов, по словам о. Страхова, определяет апостольство, как *посольство*. С этой стороны Швецов прав; прав и далее, когда первым апостолом – посланником называет Иисуса Христа, а за Ним преемственно учеников Христа и всю последующую иерархию. Но здесь и конец беспристрастному мышлению Швецова; тенденциозность сбила его дальше с толку и увлекла в сторону недобросовестного отношения к делу. Он внёс ограничение и неполноту в определение иерархии, разумея под ней „богопреданные словеса“. Эти „богопреданные словеса“, без сомнения, нужны были ему для оправдания отделения старообрядцев: кто из иерархии не исполняет этих богопреданных словес, – того можно и не слушать, от того можно и отделиться; православная иерархия не исполнила их и раскольники-старообрядцы якобы законно оставили её. Швецов не постеснялся привести и канонические основания для своего лживого мудрования, он сослался на 2-е пр. 7-го вселенского собора, в объяснение которого внёс намеренные искажения и сознательные подтасовки. Являлась необходимость выяснить истинный смысл и значение указанного правила. О. Страхов обстоятельно выполнил это. Ход его мыслей таков: 2-е пр. 7-го вселенского собора говорит о пастырской обязанности

учительства; последнее, конечно, должно основываться на священном Писании, посему знание последнего вменяется правилом в прямую обязанность лицам иерархическим, а митрополитам определяется испытывать, подготовлены ли кандидаты к священству к тому, чтобы с рассуждением, а не бегло читать „священные правила и Св. Евангелие, книгу Божественного апостола и всё Божественное Писание“. С этой точки зрения „божественные слова, т. е. истинное знание Божественных писаний составляет сущность нашей иерархии, как изрёк великий Дионисий“. Лектор обращается далее к сочинению самого Дионисия Ареопагита „Церковная иерархия“ и сопоставляя относящиеся сюда места, вполне справедливо заключает, что и Дионисий смотрел на богопреданные слова, как на сущность иерархии, т. е. как на фундамент и основание иерархического служения. И, действительно, все права отца иерархического – учить, управлять и священнодействовать покоятся на Св. Писании. Но так как 2-е пр. 7-го вселенского собора говорит только об одном виде пастырского служения – учительстве, то Швецов совершенно напрасно сослался на него, оставив в стороне два другие вида пастырского служения – управление и священнодействие; он стал в противоречие и с самим Дионисием, который, между прочим, признаёт за иерархией право устроения и раздаяния тайн божиих. Неосновательны также и сами мотивы отделения от Церкви, указанные Швецовым, что в Церкви были не истинные пастыри, не совмещавшие в себе сущности иерархии и не сохранившие богопреданных словес. Обвинение это, может относиться и к патриарху Никону и к теперешней иерархии, – но в том и другом случае оно – ложь и клевета, так как Церковь ни тогда, ни теперь не уклонялась и не уклоняется в ереси; исправление книг, на которое ссылаются старообрядцы, не относится к существу веры и ересью быть не может. Веру же свою Церковь так свидетельствует в неделю Православия: „сия вера апостольская, сия вера отеческая, сия вера православная, сия вера вселенную утверди“; да и отделяться самовольно, без суда Церкви (епископов) старообрядцы не могли по прямому смыслу 6-го пр. 2 вселенского собора. Но коль скоро они отделились от Церкви,

отвергли иерархию, то или совсем остаются без благодати (беспоповцы), или незаконную считают за истинную (поповцы). Могут ли эти безблагодатные общества быть Церковью апостольской? Этот вопрос о. Страхов предложил для устного собеседования.

Миссионер прот. о. О. В. Соболев. братия и сёстры во Христе! Суть сейчас слышанного нами реферата заключается в том, что в Церкви православной должно быть посланничество – апостольство, преемственно переходящее в лицах иерархических. Припомним слова Христа: „шедше, научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Св. Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам“ и здесь видим то посольство, которым владеет иерархия православная. Где это посольство у старообрядцев?

Дегтерев (старообр.). Я желал-бы лично поговорить с о. референтом. Это его священная обязанность. Не бойтесь, о. Страхов! Я не буду говорить лишних слов и улавливать вас не намерен.

О. Страхов. Извольте говорить, – я готов ответить.

Дегтерев: Вы читали об апостольстве в Церкви, ранее читали об единстве, святости, соборности Церкви. Но где эта единая, святая, соборная и апостольская Церковь? Вы говорите: „мы стоим у своего крыльца и на своём дворе“. Так-ли?

О. Страхов. Ваш вопрос, Пётр Трофимович, можно передать в более простой и ясной форме так: действительно ли наша Церковь православная есть истинная Церковь? По моему глубокому убеждению, „да“. Сравните нашу Церковь с древней, до разделения на восточную и западную и вы увидите, что она во всём с ней совпадает и согласна. Разбор вероисповеданий не входит в наши беседы со старообрядцами, но, чтобы доказать вам свою мысль, скажу: православие выше и католичества, и протестантства. Первое, как встало на путь нововведений, по отделении от восточной половины, так и пошло по этому пути; посему в ней образовались наслоения к древнему православию. Наслоений этих образовалось так много, что вызван был протест, но протест этот впал в другую крайность: отсекая то, что не нужно, он отсёк и то, что должно быть в Церкви. И если в

католичестве были наслоения, то в протестантстве недочёты и недохватки. Например: католичество провозгласило папу непогрешимым главой Церкви, а протестантство совсем отвергло иерархию; католичество в покаянии ввело индульгенции, а протестантство уничтожило и само таинство. Православную Церковь упрекают в консерватизме, но в этом достоинство её и слава; она остаётся верной Церкви древней, верной заветам Основателя христианства.

Дегтерев далее затронул вопрос об отношении гражданской власти к церковной, но в виду постигшего Россию горя – болезни Государя рассуждение об этом было признано неблагоприятным. Место Дегтерева занял Иван Петров. С обычной ядовитостью он начал:

В прошлый раз я несколько резко отозвался об Единоверии, теперь буду сдержанней. Дело, видите-ли, в том, что о. Страхов сказал про Онисима Швецова, будто он не право учит о богопреданных словесах, но ведь мы должны слушать богопреданных словес? Так-ли?

О. В. Соболев. Так.

Ив. Петров. Христос велел „блюсти вся, елика Он заповедал“. А заповедал ли Он верить в два естества и три ипостаси? Да и не осталось ли нам от древности какого-либо видимого знака этой веры?

Вопрос этот был предложен довольно хитро и клонился, конечно, не к разъяснению истины, а к уклонению от незнакомого предмета, к более известному. Начни с ним говорить о двух естествах и трёх ипостасях, да прибавь сюда видимый знак, – сейчас же и выступит вопрос о двуперстии, к предмету собеседования никакого отношения не имеющий, но старообрядцу знакомый.

О. В. Соболев. Знаю Иван Петрович, куда ты клонишь, говори-ка лучше о деле – об апостольстве в Церкви. Да говори всё, что можешь и как хочешь. Я тебя перебивать не буду. Потом я буду говорить, и ты меня не перебивай. В сторону же от настоящего предмета не уклоняйся, а то я опять остановлю.

Ив. Петров. Ну хорошо. Иерархию, которую я признаю, признаёт и ваша Церковь. Ещё Никифор Астраханский говорил,

что старообрядчество не погрешает ни против догматов, ни против обрядов; то же говорил и м. Платон про нас.

О. В. Соболев. Да ты про кого говоришь: про иерархию или старообрядцев вообще? Или ты всех старообрядцев считаешь иерархами? Разве Платон признавал вашу иерархию законной?

Ив. Петров. Ну хорошо. Спаситель сказал: „слушай вас (апостолов), Мене слушает, отмечаясь вас, Мене отмечается“. Пункт нашего разделения – нарушение вами евангельского учения. Вы осудили стоглавый собор, который, по выражению священника Лебедева, самый важный из всех бывших на Руси соборов. Посему, мы поступили с вами, как константинопольские клирики с Несторием – они, как говорит, Кирилл Александрийский, прекратили с ним всякое общение.

О. В. Соболев. Много ты говорил, Иван Петрович, но говорил не то, что нужно. О пунктах разделения речь будет в своё время, а теперь стоит у нас неразрешённым вопрос об апостольстве в Церкви. Ты нам не хотел сказать и доказать, что ваши общества – не безблагодатны и, как такие, могут называться апостольской Церковью. Послушай, что я тебе скажу: основание иерархии „богопреданные слова“; на них, как на фундаменте, зиждется священство. Но разве все учителя, разве все пророки, разве все иереи? Нет, но только тот, кто зван, кто послан. Где начало посольства? В словах Христа: „шедше, научите вся языки“. Это – печать апостольства; не имеющие её – хищные волки, инуде прелазящие во двор овец Христовых. Будешь ли ты отрицать эту печать у апостолов? Нет, не решишься: это будет кощунство. Но если так, то будешь ли ты отрицать то устройство Церкви, которое нам оставили апостолы? Я хочу напомнить тебе про апостольские правила. Знаю, что ты возразишь и скажешь: они апостолам не принадлежат. Да, не принадлежат по написанию, но по содержанию представляют несомненное апостольское предание. Это предание говорит нам: низшие клирики ничего не могут делать без воли епископа (39 пр.), а епископ ничего без собора (31 пр.). Положа руку на сердце: – не так ли и обстоит дело у нас? Не та же ли воля Духа Святого, что действовала через собор апостольский и соборы вселенские, действует и через наше святейшее собрание епископов, именуемое

Синодом. Веруем, что так и покаряемся. Не нарушили ли вы заповедь Христа и апостольские предания, когда самовольно отделились от Церкви, без суда епископского? Тяжёлым укором звучат для вас слова Христа: отметайся вас (апостолов), Мене отметається. Вы презрели власть церковную; бойтесь, как бы и вас не оттолкнул от Себя Господь!

Этим кончилось собеседование. Дозволим себе сделать несколько замечаний по поводу реферата и полемики.

о. С. Страхов весьма добросовестно отнёсся к своему предмету: ни пристрастности, ни тенденциозности в толковании фактов, ни натянутости в построении выводов не было заметно; речь лилась спокойно и уверенно, положения говорили сами за себя. Очевидно было, что говорит человек, убеждённый и хорошо знакомый с излагаемым предметом. Посему, нас неприятно поразил г. Дегтерев, снисходительным тоном заявивший о. Страхову на втором его собеседовании: „говорите, о. Страхов, сами; не бойтесь: я улавливать вас не намерен!“ Слова были сказаны по тому поводу, что о. референт, утомившись от чтения, не хотел вести собеседования сам, – это обычный порядок на Рогожских собеседованиях. В силу такого вызова и подслащённой снисходительности о. Страхову пришлось самому разъяснить недоумение г. Дегтерева, что вполне и удалось ему.

В самой полемике остались неразъяснимыми два вопроса: об отношении гражданской власти к церковной и о самовольном отделении Константинопольских клириков от еретика Нестория. Первый поднят был Дегтеревым, второй, в качестве исторического свидетельства, приведён Иваном Петровым для оправдания самовольного отделения старообрядцев от православной Церкви.

Повторив то, что говорит Иванцов-Платонов в XII письме „о преобразовании высшего церковного управления в России“ (Брош. о Рус. церк. управ. Иванцова-Платонова, стр. 77–86). Дегтерев недоумевает: – не две ли главы имеет православная Церковь, так как влияние гражданской власти простирается в ней не только на определение внешнего правового положения её в государстве, но и на внутреннюю её жизнь. Это очень модное обвинение на православную Церковь со стороны старообрядцев.

Разрешение его может быть предметом целого научного исследования, у нас нет ни времени, ни места для сего, почему ограничимся сообщением нескольких не бесполезных для миссионеров сведений по этому вопросу. В древней вселенской Церкви существовала практика, по которой на вселенских соборах присутствовали императоры или лично, или через своих представителей, а сами постановления этих высших истолкователей догмы христианской получали силу только по утверждению их императорами. По логике старообрядцев это – несомненный цезаре-папизм: Так ли на самом деле? Вот интересная инструкция императора Феодосия Младшего сановнику Кандидиану, долженствовавшему присутствовать на 3-м вселенском соборе „справедливость требует позаботиться и о благочинии, и о истине, нужной святейшему вашему собору при совещаниях... посему... сановнику нашему Кандидиану повелено прибыть к святейшему собору с тем однако же, чтобы он нисколько не вмешивался в происходящее исследование о догматах... Нашим величеством тому же знатнейшему мужу Кандидиану повелено наблюдать, чтобы никто не оставлял назначенного для рассуждений места, ни с тем, чтобы возвратиться домой, ни по желанию дойти до двора нашего величества, ни с намерением пойти в другое какое-либо место; также по чьему-нибудь требованию не был бы предложен совершенно посторонний церковный вопрос, или от кого-нибудь не возникло предложение, не относящееся к подлежащему рассмотрению святого учения, прежде, чем решены будут все недоумения о вопросном ответе и что нужно к дознанию истины, всё то, по точном исследовании, получит утверждение, приличное православному богочтению“. Подобную же инструкцию дал император Феодосий Елпидию, долженствовавшему присутствовать на соборе Диоскора в Ефесе“.

Следовательно, чиновники были ни более ни менее как охранители порядка. Как смотрели сами императоры на своё присутствие? „Не для показания силы решились мы присутствовать на соборе, говорит император Маркиан, а чтобы придать твёрдость деяниям“. (Чит. деян. 4-го вс. с. рус. пер.). В

других местах императоры высказывают мысль, что не их дело вмешиваться во внутреннюю жизнь Церкви (чит. деян. др. соб.). Как же нужно смотреть на утверждение императорами соборных постановлений? Так же, как смотрели и отцы, а они говорили по этому поводу следующее: „просим, писали оо. 2-го вселенского собора Феодосию Великому, утвердить постановления собора, дабы ты своим утверждением положил конец нашим совещаниям“; мы знаем, писали о. 4-го вселенского собора императору Маркиану, какой страх внушает злым ваша почтенная власть“. Следовательно, не как главе Церкви предлагали епископы соборные определения для утверждения, а как гражданскому представителю, от которого ожидали покровительства и защиты. Все смущающие г. Дегтерева формулы в церковных документах, значат не что иное, как только следующее: своим утверждением церковных постановлений и определений гражданская власть способствует лучшему и скорейшему их проведению в жизнь народа, побуждая верующих к принятию их не только авторитетом Церкви, но и государства; сообщает им силу государственных законов и нарушителей преследует гражданским порядком.

Ссылка Ивана Петрова на отделение Константинопольских клириков от своего епископа Нестория требует разъяснений. Клирики действительно отделились, только не самовольно, как думает Иван Петров, и не тотчас по обнаружении ереси. Известно, что они переносили всевозможные обиды и оскорбления от Нестория, но союза с ним не нарушали. Только тогда, когда Кирилл возвысил против еретика свой голос из Александрии, и когда к нему присоединился голос папы Целестина, постановившего „отлучить Нестория от всякого общения с католической Церковью, если он в продолжение 10 дней, считая это время со дня, в который получит он это извещение, не отречётся от нечестивого нового учения, дав такое исповедание торжественно и письменно, только тогда указанные клирики оставили Нестория, ибо имели законное для сего основание, так как ересь Нестория была засвидетельствована представителями двух старейших христианских церквей. Мало того: на своё отделение они имели

даже письменное разрешение от папы Целестина, который писал им: „мы властью нашего престола определили: епископа или клирика и всякого христианина, состоявшего в чине церковном из числа иных, которые были удалены от своего места и от общения с Церковью Несторием, или подобными ему, с того времени, как они начали проповедовать своё нечестивое учение, не считать удалёнными или лишёнными общения, но все они были и до настоящего времени пребывают в общении с нами, потому что никого ни низвергнуть, ни удалить не мог тот, кто проповедуя такое учение, не пребыл твёрд в учении истины. Так настоящее моё слово всех соединяет в общении между собою, дабы вы более и более укреплялись и, приемля ободрение в Господе, не смущались более, а усерднее действовали бы к врачеванию немощей в других“. Думаем, что эта справка, взятая нами из Деяний вселенских соборов (Русск. пер. I т.), поможет разрешить спутанность исторических сведений Ивана Петрова.

О следующих беседах, состоявшихся в воскресные вечера ноября и декабря месяцев истекающего года, дадим отчёт на страницах „Мис. Обозр.“ нового 1901 года.

О. К.

Миссионерство секты и раскол. (Хроника) //
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 796–815

По поводу некоторых распоряжений власти.
Распоряжение Св. Синода о свящ. Изображениях. – К вопросу об упорядочении торговли иконами. – Министерские циркулярные распоряжения о миссионерских беседах на фабриках и заводах – Секта царских.

Э. Я. По поводу некоторых распоряжений власти. С. 796–800

В настоящей хронике мы хотим остановить внимание наших читателей на нескольких распоряжениях власти, имеющих близкое отношение к интересам внутренней миссии.

Святейший Правительствующий Синод не так давно, по ходатайству одного благотворительного общества о напечатании, священных изображений на бланках для открытых писем, предназначенных к выпуску к празднику Святой Пасхи, обсудив это ходатайство, нашёл, что печатание священных изображений на бланках для пасхальных писем *отнюдь не может быть допускаемо, так как это могло бы оскорбить благоговейное чувство верующих православных христиан.*

Распоряжение это, должно служить предостережением и для всех других видов оскорбления благоговейных чувств православных; так, напр., миссионерам часто приходится быть безответными и краснеть от стыда и обиды, выслушивая справедливые укоризны раскольников и сектантов, по поводу кощунственного или легкомысленного употребления предметов христианской веры и религиозного почитания на вывесках и этикетах, а иногда на самых грешных и низкого употребления предметах купли и продажи. Однажды, во время беседы о св. Кресте Господнем, лукавый штундист преподнёс нам, в качестве как бы вещественного доказательства своего еретического мнения о Кресте Господнем, как простом древе или знаке, – коробку от спичек, очевидно давно припасённую штундовым со-вопросником для „озадачения“ православного миссионера, – где явственно изображён на шлейфе порфиры какой-то аллегорической фигуры знак креста.

Другому миссионеру штундисты другого района представили этикетку от иголок, тоже с знаком креста, третьему преподнесли какое-то священное изображение на стихотворной рекламе, вложенной в коробку с табаком фирмы одного караима. Недавно в нашу редакцию поступил запрос от одного миссионера-простеца, что ему отвечать на возражение раскольника, что де

наш никонианский крест ничего не значит, *иначе бы не позволили его резиновыми галошами попирать*. Оказывается, что раскольник имеет в виду гербы с знаком крестов на подошве резиновых галош фирмы Макентоша.

Можно бы привести много и других случаев, и фактов бесцеремонного и своекорыстного, до глубины души оскорбляющего чувства верующих людей, отношения к достопоклоняемым предметам православной веры, и это чаще всего со стороны иноверцев. Какой, напр., соблазн представляют собой эти выставки в окнах магазинов икон и других церковных предметов между оголённых мадонн или среди вещей кухонного обихода? Или вот, напр., страшно возмутительную картину ярмарочной торговли иконами описывает наш стародубский корреспондент г. Чередников в письме в Редакцию.

Давно эти позорные явления ждут искоренения путём издания особых распоряжений власти. Как известно, Св. Синод недавно издал два указа об упорядочении торговли иконами, предписав священникам иметь своё наблюдение Обер-Прокурор Св. Синода сносился по сему вопросу с министром, но возу всё нет ходу.

Очевидно, что духовная власть сколько бы не издавала своих постановлений, как бы часто не писала указов о наблюдении, но раз не будет издано в законодательном порядке решительного запрещения торговли, без особого свидетельства церковной власти, мирянам на ярмарках, базарах с возов и проч., иконами и другими церковными предметами, – борьба со злом бессильна. И почему не издать такого закона, ведь нашли же меры и средства искоренить торговлю не церковными свечами? Неужели вопрос о торговле св. иконами имеет менее важное значение в жизни церкви и для чувства православного народа? Не надо забывать иконоборческого веяния в наше секто-фильствующее время не только в обществе, но и в народе.

Необходима такая же строгая цензура для изданий иконописи (церковной живописи), какая существует для книг,

безотлагательно необходим закон об упорядочении торговли иконами.

В числе важных для интересов миссии распоряжений власти, последовавших в истекающем году, необходимо также отметить циркулярные распоряжения Министров Финансов и Земледелия по возбужденному ещё третьим Миссионерским съездом в Казани вопросу о допущении православных приходских священников в находящиеся в их приходах промышленные заведения для пастырских миссионерских бесед с рабочими. Министр Финансов дал знать всем чинам фабричной инспекции и губернским (областным) механикам, для сведения и надлежащего оповещения владельцев промышленных заведений, что православные приходские священники должны быть допускаемы в находящиеся в приходах их и подведомственные Министерству Финансов промышленные заведения, для пастырских Миссионерских бесед с рабочими. Вместе с тем Статс-Секретарь Витте просил Министра Внутренних Дел преподать, с своей стороны, надлежащие указания по настоящему предмету губернаторам и чинам полиции. Министр Земледелия и Государственных Имуществ сделал циркулярное распоряжение чинам горного надзора о беспрепятственном допущении православных приходских священников в находящиеся в приходах их горные заводы и промыслы, для пастырских миссионерских бесед с рабочими.

Теперь, следовательно, пастырская миссия не должна уже встречать тех препон, при ограждении мастерового православного населения от религиозных заблуждений и нравственного растления, какие нередко бывали ранее.

Нужна лишь энергия и живая пастырская попечительном о духовных интересах этих чад церкви, так обуреваемых всякими соблазнами.

* * *

Идеи социализма, в духе толстовского сектантства, всё чаще и чаще начинают заявлять о себе. Так в „Самар. Газете“ находим сообщение о новой секте, появившейся в с. Хрящевке, Ставропольского уезда, секте слишком похожей на закавказских духоборов-анархистов. Адепты нового учения перестали ходить

на сходы, отказываются принимать участие во многих мирских делах, не несут некоторых общественных повинностей, не исполняют некоторых приказов местных сельских властей и называют себя „**царскими**“.

Главой этого учения выступила местная крестьянка Анна Юркина, одна из беднейших жительниц села Хрящевки. Она жила в келье где-то на задворках. объявив себя „царской уполномоченной“, она начала, якобы, хлопотать о наделении крестьян „царской десятиной

, мерой 900 сажень в квадрате, за что взимала немалую мзду с пожелавших „сесть“ на эту царскую десятину.

Как сами „царские“, так и крестьяне окружных с Хрящевкой селений звали Юркину (конечно, иносказательно) „царицей“, а уполномоченного её крестьянина Петра Семенова (в прямом смысле) „генералом“. Этот „генерал“, юркий, бойкий, полуграмотный субъект, фабриковал воззвания, коими вымогал у своих приверженцев деньги, а равно и вербовал новых последователей. Деньги эти „генерал“ передавал своей повелительнице Юркиной, которая и тратила их, якобы, на нужды высших лиц и на хождения её клевретов в Питер для хлопот по отмежеванию „царской десятины“. Кроме того, Юркина раздавала и чины своим приверженцам; так, например, за чин генерала она назначила цену 12 руб.; но, к счастью, охотников на этот высокий чин не находится и поныне: „дорогонько кажется“, как заявляют её последователи.

Много семейств „уверовали“ в учение Юркиной, и из богатых жителей превратились в нищих. Несмотря на то, что Юркина из своей лачуги перешла ныне в собственный тысячный дом, обзавелась богатым хозяйством, доходы её не уменьшаются, а число чающих „царской десятины“ с каждым годом увеличивается.

Кроме наделения крестьян „царской десятиной“, Юркина и её „генерал“ перевели своих последователей, как они выражаются, — с „вышей статьи“ на „низшую статью“. Что говорит первая, — покрыто мраком неизвестности, очевидно о смирении и трудолюбии толкует, но последняя, „низшая статья“, пришлась „царским“ по вкусу, ибо она, в числе всяческих „льгот“,

разрешает неисполнение некоторых приказаний местных властей: например, не крыть глиной крыши и проч.; а если их за последнее обстоятельство сажают на выsidку, то они отказываются принимать пищу, и волей-неволей властям приходится выписывать в город их семейных, от которых они и пользуются довольствием во время выsidки. Кормовые деньги они также отказываются принимать, так как эти деньги, по их понятию, идут из казначейства – мирские, а не царские, а не из государственного банка. Если приходится описать у „царского“ за недоимку 10 пуд. хлеба из амбара, наполненного сотней и более пудов того же хлеба, то, по продаже этих десяти пудов, „царский“ отказывается от остального хлеба, и хлеб непроизводительно гниёт. При конной переписи они отказываются выводить лошадей и если лошадей у них всё-таки берут, то они отказываются принимать их к себе обратно и проч. Всего перечислять не будем. Замечательно то обстоятельство, что, когда к ним являются власти с какими-либо требованиями, то они, отказываясь исполнять их приказания, смиренно уходят со двора, предоставляя властям распорядиться в доме по их усмотрению. Это последнее обстоятельство, так сказать, в некотором роде „непротивление злу“, быть может, и служит причиной той терпимости и некоторой симпатии, какими пользуются „царские“. К ним никто не питает зла, на них никто не обращает особенного внимания; им никто не мешает мечтать о „царской десятине“, „сидеть на низшей статье“ и неустанно работать на таких пройдох, как Юркина и её генерал Семенов. Но беда в том, что „царские“ с каждым годом беднеют, и это не влияет на вербовку новых последователей этого учения.

Так рассуждает „Самар. Газ.“ Удивительное благодушие и близорукость, – точь-в-точь, как в духоборческом брожении.

Э. Я.

Плотников К., свящ. Олонецкий миссионерский съезд. С. 801–807

С 22 по 28 августа в г. Петрозаводске состоялся 8-й съезд миссионеров Олонецкой епархии. На этом съезде, решено 14 вопросов, один из которых был лично предложен Преосвящен. Назарием. Архипастырь в марте 1898 г. обратился к священникам епархии с воззванием обратить серьёзное внимание на детей-подростков, ежегодно отправляемых из Олонецкой епархии в Петербург, для помещения в мастерские, трактиры, лавки, и принять меры к охранению отправляемых детей от религиозно-нравственной порчи и заражения сектантством, Но это воззвание осталось гласом вопиющего в пустыне. Поэтому Преосвященный в длинной беседе с оо. миссионерами и предложил им поподробнее разработать этот вопрос. Последние, конечно, хорошо понимали, что если слово архипастыря оказывалось в данном случае бессильным, то тем более трудно ожидать, чтобы постановление их съезда оказалось действеннее; однако занялись обсуждением предложенного вопроса и в своём постановлении признали желательным, чтобы: а) приходские священники в церковных поучениях, на вне-богослужебных собеседованиях, в домах прихожан и при всяком удобном случае выясняли родителям и всем вообще прихожанам ту нравственную опасность, какой могут подвергнуться их дети, отправляемые в Петербург, вне родительского надзора, и указывали меры для устранения этой опасности; б) чтобы они, как законоучители, разъясняли детям о предстоящей им опасности в столице. Сверх сего, говорили оо. миссионеры для надзора за отправленными в столицу детьми олончан хорошо бы образовать в Петербурге особое „общество для охранения детей олончан от религиозно-нравственной порчи“. В состав этого общества можно бы привлечь благонамеренных и сострадательных лиц, прежде всего, из уроженцев Олонецкой губернии, живущих в столице, для которых, как земляков, это дело не может быть чужим, а затем и всех тех, кто откликнулся бы на это доброе дело охраны детей.

После обсуждения вопроса Преосвященного, съезд посвятил 4 заседания на выработку *инструкции приходским священникам в деле борьбы с расколом*. Затем съезд обсуждал вопрос: *как, широко распространилось странничество (или бегунство) в Олонецкой епархии и как с ним лучше бороться?* Выяснивши подробно вред страннического толка как для церкви, так и для государства, и указав приходы, в каких существует этот толк (таких приходов 29: в каргопольском уезде – 20, в Повенецком – 4, в Петрозаводском – 4 и Пудожском – 1), съезд постановил принять следующие меры: а) разъяснять православным прихожанам вред учения страннического толка и для церкви и для государства; б) беседовать с пристанодержателями и всеми склонными к странничеству прихожанами о губительности для спасения души учения странников; в) раздавать прихожанам брошюры и листки направленные против толка странников; г) вменить в обязанность причтам церквей, чтобы они с особым вниманием следили за всеми движениями в толке странников своего прихода и доносили об этом епархиальному начальству и д) для содействия духовенству в борьбе со странничеством просить епархиальное начальство войти в сношение с гражданской властью, чтобы она вменила в обязанность чинам полиции делать внезапные обыски у пристанодержателей, забирать беспаспортных лиц, а укрывателей их привлекать к законной ответственности за укрывательство таких лиц.

Из сообщений оо. миссионеров выяснилось, что в некоторых приходах существуют особые *раскольнические школы*, которые готовят ярых приверженцев и распространителей раскола и тем приносят большой вред православной Церкви. По своему устройству, эти школы подходят под тип домашних школ грамотности, которые, согласно правилам о церковно-приходских школах, Высочайше утверждённым 13 июня 1884 г., (см. § 6 и 2-е примеч. к § 7) и школах грамоты, Высочайше утверждённым 4 мая 1891 г., (см. § 2) должны открываться и существовать непременно с ведома епархиального начальства и местных священников. Поэтому съездом и вменено в обязанность священникам, в приходах которых существуют

такие школы, просить епархиальное начальство о принятии мер к закрытию их. В связи с вопросом о раскольнических школах был поставлен вопрос *об открытии вновь церковно-приходских школ и школ грамоты* для содействия в борьбе с расколом. такие школы признано необходимым открыть в 16 пунктах, о чём и выражена просьба епархиальному училищному совету. В некоторых приходах Лодейнопольского уезда лица *православные* вступают с *раскольниками* от рождения в сводные браки по раскольническим обрядам. Конечно, такие православные не только сами, не радея о вечном спасении, делаются раскольниками, но и все их незаконно прижитые дети не освящаются таинствами Христовой Церкви и делаются раскольниками от рождения. Чтобы оградить православных чад Церкви от сводных браков, съезд постановил принять следующие меры: а) „в церковных поучениях и на внебогослужебных собеседованиях уяснять прихожанам святость брака, совершаемого в православной церкви и греховность брака *бессвященнословного, не освящённого церковным венчанием*; б) обратить внимание детей на ту же истину, при преподавании закона Божия в школах; в) раздавать прихожанам брошюры и листки, направленные против сводных браков; г) убеждать виновных в незаконном сожитии по раскольническому сводному браку, чтобы они освятили свой брак церковным венчанием или совсем прекратили бы своё незаконное сожитие; д) стараться склонять к этому через их родных и знакомых православных. е) При безуспешности же всех этих мер, необходимо донести о каждом сводном браке православных с раскольниками епархиальному начальству“.

В последнее время не редко стали поступать к епархиальному начальству жалобы на то, что раскольники дают для чтения *вредные* для православной Церкви *книги и цветники*, в роде Лицевого седмитолкового апокалипсиса, не только раскольникам, по и *православным*, с целью распространить содержащееся в них учение. Поэтому являлся вопрос: *имеют ли право миссионеры и приходские священники непосредственно обращаться к чинам полиции с просьбой об отобрании таких книг или каждый раз должны начинать дело*

через епархиальное начальство? Ответ был такой: „если будет замечено, что какая-нибудь книга подобного рода даётся для чтения не только в среде раскольников, но и православных, с целью распространения содержащегося в ней учения, то миссионеры и приходские священники могут *непосредственно* просить чинов местной полиции о *временном* отобрании таких книг для удостоверения в действительной их зловредности. Уверившись в зловредности книги, они доносят об этом епархиальному начальству, причём представляют саму книгу; в противном же случае, через тех же чинов полиции книга возвращается владельцу“.

В некоторых приходах раскольники, *сопровождая своих умерших на кладбище, позволяли себе на почтовом тракте, среди деревень петь „Святой Боже“*, поэтому один из миссионеров и спрашивал можно ли признать такое пение публичным оказательством раскола? На основании § 11 закона 3 мая 1883 г. ответ был дан утвердительный, причём замечено было, что следить за исполнением этого § и в случае нарушения его, привлекать к ответственности (Уст. о наказ. налаг. миров. судьями ст. 29) должна полиция.

Несмотря на то, что беседы с раскольниками ведутся давно, ведутся с усердием, результаты их крайне ограничены: число раскольников уменьшается в небольшом количестве; сердце их мало открывается для приятия православного учения. Поэтому невольно являлся вопрос: *как подействовать на сердце слушателей беседы?* Между тем не видно, чтобы он где-нибудь был поднят и решён, почему преосвященный Антоний, ныне епископ Уфимский, в одном из своих сочинений прямо упрекнул миссионеров и в частности 3-й миссионерский Всероссийский съезд, бывший в 1897 г. в г. Казани, за то, что „они, кажется, ни одного слова не сказали о том, каким образом подействовать на душу и сердце раскольников и сектантов, какими книгами пользоваться для их обличения. Все рассуждения направлены были к решению того, к каким карательным мерам против отпадших должно расположить светское правительство“. Еписк. Антоний. Полное собрание сочинений т. II, стр. 231. Казань, 1900 г.²⁹⁵.

Но вопрос этот настолько обширен, труден, что едва ли есть возможность дать на него точное, определённое решение. Поэтому съезд олонечких миссионеров указал только несколько средств, которые могут помочь в достижении указанной в вопросе цели. „Всякому проповеднику слова Божия, говорит он в своём постановлении, должно всегда помнить, что без помощи благодати Божией все его труды будут бесполезны. Спаситель сказал: *никто же может прийти ко Мне, аще не Отец, пославый Мя, привлечет его etc (Ин.6:44)*. Поэтому проповедник должен молиться, чтобы Дух Святой научил его, *яже подобает рещи для душевного спасения слушателей (Лк.12:12)*. Молясь о помощи Божией в деле проповеди, миссионер сам должен проникнуться искренним желанием не победить своего со-вопросника на беседе, а помочь ему найти истинный путь спасения. Расположение миссионера к слушателям невольно рождает и задушевный тон беседы, располагающий их к слову его. При разъяснении слушателям или со-вопросникам того или другого разномыслия раскольников с православной Церковью, миссионеру следует читать на беседе трогательные места из слова Божия, или святоотеческих писаний, или житий святых, с одной стороны, умиляющие слушателей обещанием вечного блаженства, а с другой – угрожающие страшным судом Божиим и вечными мучениями отступникам православия и всем нарушителям учения св. Церкви. К сему присоединять чтение или рассказы из обыденной жизни о случаях кары Божией обратившимся на раскольников и благословения Божия из раскола“. В связи с этим был поставлен вопрос: *о чём полезнее беседовать и при каких условиях публичная беседа производит большее действие; не лучше ли заранее составлять план миссионерской поездки и указывать предметы для беседы? В каких приходах и когда необходимо устраивать более торжественные по обстановке беседы?* На первый вопрос дан был такой ответ: „чтобы беседа миссионера приносила большую пользу слушателям, следует беседовать преимущественно о необходимости принадлежать для спасения души к истинной Христианской Церкви, о таинствах покаяния и причащения и о предтечах второго пришествия Христова, а в частности о тех

предметах, которыми особенно заинтересованы в данное время жители того или другого прихода. Большое действие публичная беседа производит тогда, когда есть поддержка со стороны православных прихожан и когда нет неразумных со-вопросников; только шумящих и затемняющих смысл излагаемого миссионером учения. Поэтому *возгревать* в православных *ревность по вере и приглашать их к деятельному участию в беседе*, а неразумных со-вопросников с кротостью останавливать, указывая всю бесполезность беседы при подобных порядках. На второй вопрос все миссионеры ответили отрицательно, так как по местным климатическим и географическим условиям нет никакой возможности выполнить заранее намеченный план миссионерской поездки. В ответ на 3-й вопрос указано было 15 приходов, в которых желательно устраивать более торжественные по обстановке беседы.

Наконец, было решено два следующих вопроса, касающихся исключительно оо. миссионеров: а) *о назначении окружных миссионеров и их помощников неперменными членами отделений Олонецкого Епархиального училищного Совета и Александро-Свирского братства*; и б) *о взносах с оо. миссионеров на епархиальные нужды*. Согласно 18 § инструкции окруж. миссионерам Олонецкой епархии и их помощникам, миссионеры обязаны посещать с миссионерскими целями начальные школы всех ведомств, так как в этих школах с 1899 г. введено преподавание сведений по расколу по особой программе, утверждённой Св. Синодом, и, в случае нужды, ходатайствуют перед Епарх. Учил. Советом и его отделениями об открытии новых школ; а братство приняло под своё покровительство всё дело миссии в епархии; то участие окружных миссионеров и их помощников в отделениях Епарх. Учил. Совета и Главного Совета Александро-Свирского братства в качестве членов оных напрашивалось само собой, но... до сего дня они не были таковыми.

Поэтому то и решено было уже *самим* ходатайствовать о назначении *своём* членами тех и других отделений. Второй вопрос едва ли поднимался хотя в одной епархии, да трудно

допустить, что и поднимется где-ниб., так как представляет собой полную аномалию.

Дело вот в чём. Окружные миссионеры Олонецкой Епархии и их помощники – все священники и состоят в приходах (кроме Епархиального) или на священнической, или на диаконской вакансиях. Вследствие этого они наравне с прочим духовенством епархии обложены взносами на разные епархиальные нужды. Не довольствуясь этим, последние съезды духовенства обложили их такими же взносами ещё *и как миссионеров*. Таким образом вышло, что миссионеры и их помощники должны платить двойной взнос. В виду явной ненормальности²⁹⁶ подобного порядка и обременительности для себя, съезд постановил просит архипастыря, не найдёт ли он возможным ходатайствовать перед Св. Синодом о применении к миссионерам указа Св. Синода от 16–25 марта 1900 г. за № 1191 относительно льгот, дарованных этим указом лицам духовного сана, служащим в духовно-учебных заведениях, т. с. чтобы с них *как миссионеров* не взимался взнос.

Все постановления настоящего съезда утверждены Его Преосвященством и приведены или приводятся в исполнение.

Олонецкий епарх. миссионер, свящ. *К. Плотников*

В-ов А. Московский раскол. С. 807–815

Картушинское воззвание и денежные сборы на раненых. – Лже-архиерейские приглашения. – Визиты раскольников попов в участки. – Забытое распоряжение. – Новый раскольниковый архимандрит. – Бегство Картушина. – Собор лже-архиереев. – Подпольные издания. – Гергиевы дни у раскольников. – Наказанное кощунство лже-попа. – съезд раскольников архиереев в Москве и его заседания. – Судьба Паисия Саратовского.

В конце августа месяца старообрядческий лже-архиерей Иустин Картушин затеял произвести сбор в пользу воинов на Дальнем Востоке. Порядив и потолковав о сём вопросе с своими „приближенными попами“, Иустин-Казак решил написать нечто вроде воззвания, которое раскольничьи попы должны были в ближайший воскресный день прочитать за службой в моленных и затем произвести кружечный сбор. Но тут при сочинении этой бумажки у Донского Урядника возникло сомнение, как же ему писать, что воины кровь свою проливают „за веру православную и за Царя православного“, когда большинство из этих воинов-то никонианскую веру исповедуют, а не древне-православную... Думал, думал лже-владыка Иустин и надумал в своём воззвании совсем опустить упоминание и о Царе, и о вере православных, а предложить сбор на „раненых братьев наших, кровь свою за родину проливающих“...

Собранные попами деньги были представлены Картушину, который их передал И. А. П-ну, а как этот последний переслал сбор по назначению на Дальний Восток, о том пока история умалчивает. Но вот вопрос, кто разрешал этот сбор и контролировал? Ведь не только раскольничьи лже-попы, но и православное духовенство, да и никто вообще не имеет права устраивать общественные сборы на что бы то ни было без надлежащего разрешения.

Вскоре после описанного случая состоящий при раскольничьем лже-архиерее дьякон Алексей Богатенков рассылал за № каждому из Московских раскольников попов следующие послания, подписанные самим Картушиным:

„Старообрядческого Архиепископа Иоанна Честнейшему Священно-иерею... (следует имя).

Приглашение.

Прошу Вас пожаловать сего 4-го сентября в 7 часов вечера на Рогожское кладбище для личного со мной свидания.

Смиранный Иоанн Архиепископ Старообра... Сентября дня 1900 г.“

Уже сама форма приглашения с подписью самого Картушина и за № указывала попам, что это не простое свидание, а целое собрание, ибо когда старообрядческий Московский архиерей просто лично желает вызвать кого-либо из попов, то он назначает ему где-нибудь свидание через диакона Богатенкова и тогда сей последний частным уже образом и без № пишет письма всегда по следующей форме:

„Честнейший во иереех (имя рек)! Ёѣка просит Вас приехать тогда-то туда-то. Уважающий Вас д. А. Богатенков.“ Был случай, что на первых порах один из лже-попов и таких в расколе большинство, получив приведённое послание, ничего из него не понял, ибо, вместо владыки, сокращённое слово принял за „волка“ и прикатил к Богатенкову за объяснением о каком таком „волке“ он ему письмо написал...

Но вернёмся к заседанию. Оно состоялось, как и значилось на приглашениях, на Рогожском кладбище, в квартире попа Елисея. Главным образом трактовали все о последствиях известного циркуляра Министра Внутренних Дел от 30-го апреля сего года.

Было доложено о нескольких случаях приглашения представителей раскольничьего духовенства в участок для объяснений по поводу длиннонополых одежд и длинных волос... Так однажды проходил Рогожской диакон Евфимий из Каринкинской моленной и повстречал местного пристава, который и не замедлил пригласить злополучного Евфимия в участок для объяснений, на счёт духовного одеяния и длинных волос. Из участка домой лже-диакону приказали совершить путешествие в каком-то певческом пиджачке, за которым тот послал из участка, а „духовные одеяния“ Евфимий понёс домой в узелке.

Другой подобный случай был с попом Латрыгинской моленной Захарием Назаровым, когда тот нёс сборную кружку с деньгами к своему лже-архиерею. Но поп Захарий оказался храбрее дьякона Евфимия, В то время как последний весьма угнетён своим „участковым происшествием“, и в особенности неизвестностью, „что за это будет“? лже-поп Захарий утверждает, что вероятно, мол дело поступит к мировому, а тот „трёшницей“ оштрафует, да и всё тут, а чтобы в другой, раз не попадаться – не следует пешком ходить, а нужно впредь ездить на извозчике“.

В таком смысле высказалось собрание 4 сентября, происходившее под председательством Иустина Картушина – что особенно, мол, бояться не следует, всё оборудуется и обойдётся. Вместе с тем собрание поручило хорошо известному читателям попу Авиву, который сумел сух из воды выйти и с которого снято уже запрещение – разработать вопрос о том, какие именно ответы должны давать попы, которых просят пожаловать в полицию для объяснений о нарушениях забытых ими распоряжений. В виду доложенного на собрании случая, что по требованию станового пристава в Смоленской губернии. Гжатского уезда, один раскольник остриг волосы, ссылаясь на циркуляр 30 апреля, было постановлено отнюдь не повиноваться подобным требованиям полиции, а требовать распоряжения на бумаге от высшего начальства, что такому-то попу приказано остричь волосы...

Делая такое постановление, старообрядцы совершенно забыли, что их же Духовный Совет, ещё при покойном лже-архиерее Савватии в 1890 году 4 апреля, по настоянию лже-попа Петра Драгунова издал постановление, чтобы старообрядческие духовные лица не носили одежд похожих на одеяния „никонианских священников“ и отнюдь не носили шляп, а ходили бы в картузах. Выслушав такое постановление лже-дьякон Мефодий (в настоящее время раскольниковый поп из моленной на Смоленском рынке), воспылав ревностью к его исполнению, сбегал за ножницами и тут же в присутствии всего собрания оттяпал себе косу, желая показать тем свою ненависть к „никонианским священникам“; его примеру последовал тогда и Авив. Впрочем, оба сии „ревнители“ впоследствии отрастили

волосы, а остальные попы и дьякона и тогда остались недовольны указанным постановлением, предпочитая ходить в рясах и шляпах с длинными полями.

8-го сентября, в праздник Рождества Пресвятые Богородицы, Донской урядник Иустин Картушин возвёл лже-игумена Калинника в сан архимандрита. Этот Калинник из города Череповца, на Волхове, ранее был беспоповцем филипповского толка, но 5 лет тому назад перешёл к поповцам противоокружникам, а затем, поставив себе задачей пробить дорогу в архиереи, – перешёл к окружникам. Скоро он сумел зарекомендовать себя хорошим миссионером и по поручению Картушина целое лето разъезжал по Поволжью, посещая раскольничьи селения, укрепляя и наставляя их в мнимой правоте раскола – поповщины и ведя беседы с беспоповцами. Во время своего посещения Москвы он побывал у известной в расколе купчихи Пелагеи Ивановны Миловановой, стоящей во главе подпольного издательства раскольничьих сочинений и по её распоряжению братство св. Креста отпустило ему бесплатно всякого рода подпольных изданий для пропаганды раскола на сумму до 200 рублей.

На того же Калинника Иустин казак возложил организацию против-православных братств в раскольничьих епархиях, под его руководством пересматривались проекты вышеназванных братств, – словом Калинник сумел зарекомендовать себя дельцом и потому немудрено, что он попал в список кандидатов в лже-архиереи, составленный Антонием Тобольским. Проча его в архиереи, раскольники возлагают на Калинника большие надежды по части привлечения беспоповцев в Австрийщину.

14 сентября на праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, Донской урядник Картушин, нарядившись в облачения вместе с лже-попом Прохором (из сновальщиков) и диаконом Алексеем Богатенковым правили службу, причём Картушин рукоположил дьякона на Морозовскую фабрику в г. Богородске.

Это была последняя служба Картушина, вслед за тем он уехал к себе на родину, причём одни говорят, что поехал за паспортом, а по более достоверным источникам просто-напросто

его „водворили“ по месту жительства, без права въезда в столицу, что и подтверждается тем обстоятельством, что попы, составляющие его самый близкий штат и нечто в роде постоянного „совета“ при нём, возят на родину к Картушину все текущие дела, требующие его рукоприкладства по управлению самочинной епархией, и до сего времени.

19 сентября за Рогожской заставой, в доме секретаря противно-православного раскольниковьего братства св. Креста М. И. Бриллиантова, состоялось заседание собора раскольниковьих лже-архиереев и членов названного братства.

В числе присутствовавших на соборе раскольниковьих лже-архиереев находились Онисим Васильевич Швецов, именующийся Арсением, епископом Нижегородским, Антоний Тобольский и Иона Смоленский. Заседание было посвящено рассмотрению целого ряда подпольных сочинений, изданных и издаваемых с целью пропаганды раскола и порицания Церкви Православной.

Вот этот список сочинений, одобренный незаконным собором к подпольному распространению.

1. „Жизнь и деятельность архиепископа Антония Московского, с портретом“. Цена 2 рубля.

2. „Житие и страдание архиепископа Московского Савватия“. С портретом. Цена 2 рубля.

3. „Юность и подвиги архиепископа Московского Иоанна“. Цена 1 рубль.

4. „Биография Арсения, владыки Уральского“. Цена 50 коп.

5. „Владыка Иоанн в юности среди еретиков.“ Ц. 50 коп.

6. „О грехе бранобрития“. Цена 40 коп.

7. „Я уверен в Старообрядчестве“. Цена 1 рубль 50 к.

8) „Историко-канонический разбор Устава“. Цена 7 руб. 50 коп.

9) „Не подобает старообрядцу быть многожёном“. Цена 50 коп.

Далее идёт целый ряд сочинений (направленных к порицанию, насмешкам и клеветам на Церковь православную. С грустью приходится отмечать тот факт, что подобные издания безнаказанно распространяются подпольным путём

старообрядцами среди низших слоёв публики и соблазняют доверчивых читателей. К числу таких книжек, за которые, однако братчики св. Креста ухитряются брать хорошие цены, принадлежат: несколько пасквилей на высокопоставленных лиц православной церковной иерархии, как то: „Козни миссионеров о непоколебимости старообрядческой церкви и её священства“; „Господствующая Церковь и её погрешности“; „Золото видно в грязи, так и старообрядцев среди еретиков“... и другие возмутительные по своему содержанию и совершенно безграмотные по форме произведения раскольниковых писателей.

К 25 сентября от сбежавшего из Москвы донского казака Иустина пришло распоряжение относительно празднования дня памяти пр. Сергия.

Согласно тому распоряжению, в раскольниковую моленную, находящуюся в Сергиевом Посаде, были командирован один поп с Рогожского кладбища, дьякон из Преображенской моленной Иван и отделение певчих, под управлением одного из сыновей И. И. Новикова.

Это распоряжение было сделано с целью увеличения торжественности служения в Сергиевской моленной, а для чего была нужна такая торжественность, сейчас читатели увидят.

Как известно, раскольниковое духовенство любит денежку нажить и пользуется для этого каждым удобным случаем. Зная, что в дни празднования пр. Сергия многие из старообрядцев посещают Троице-Сергиевскую Лавру, Картушин и распорядился, чтобы всех приезжающих на вокзале встречала депутация от посадских старообрядцев и предлагала раньше, чем идти к „никонианам“, т. е. в Лаврский собор, – зайти сперва помолиться в местную моленную. Так и делали; плоды этой выдумки дали очень хороший доход раскольниковой моленной и её попам.

Около этого же времени во второй половине сентября месяца в моленной, находящейся на улице Хиве, 2-го участка Рогожской части, произошло весьма печальное обстоятельство, причём вся тяжесть происшествия пала на местного раскольникового попа Аникия Уставщикова. Поп этот с целью увеличения доходности своей моленной давно уже „прославил“ один из образов моленной, выдавая его за „Чудотворный“. Для

большей наглядности и убедительности в мнимых чудесах, которые, якобы, совершаются у этого образа, поп Аникий украсил временно ризу на иконе Спасителя несколькими золотыми вещами с драгоценными камнями. Драгоценности эти предназначались лже-попом в приданое своей дочери, но, когда по желанию кого-либо из старообрядцев „чудотворная“ икона приглашалась на дом, поп и украшал её вышеназванными предметами, а иногда оставлял их на ризе иконы и по несколько дней. Кошунство лже-попа простёрлось до того, что он дерзнул ещё устроить серебряный складень и прикрепив его к нижней части иконы, о которой идёт речь, положил в него кусок какой-то материи, дерзновенно уверяя доверчивых посетителей моленной, что это часть ризы Господней!.. Господь наказал лже-попа Аникия. Однажды, справив „утреню“ у себя в моленной, поп „Аника“ отправился на маленькую прогулку, а возвратившись, к великому своему ужасу, не нашёл на иконе ни ризы, ни складня, ни драгоценностей из дочернего приданого! Увы, как же жалко лже-попу было пропавших вещей, но заявить полиции, во избежание неприятной огласки, он не решился...

Как нам уже приходилось говорить, издание г. Министром Внутренних Дел циркуляра губернаторам 30 апреля сего года вызвало среди старообрядцев – большие волнения. Со всех концов России понаехали в Москву для обсуждения последствий этого циркуляра старообрядческие самочинные архиереи и многие из них находятся и по настоящее время в Москве, а именно: пресловутый Онисим Васильевич Швецов, именующий себя епископом Нижегородским (раньше уральским), Иона – из Смоленска, Антоний – Тобольский и. недавно поставленный из кандидатов предложенных Антонием, некий Киприан.

В Москве все эти лже-архиереи чувствуют себя довольно свободно и не стесняются даже служить с большой пышностью в местных моленных. Так 26-го сентября Иона Смоленский торжественно правил службу в доме Богомолова на Покровке, причём во время обедни произносил слово, а 8-го октября Онисим Васильевич „совершал литургию“ в моленной при доме Ныркова, в Шелапутинском переулке и рукоположил даже попа в деревню Коровино, Богородского уезда, а в назидание

многочисленным богомольцам произнёс слово, в котором указывал на тяжёлые времена, переживаемые будто бы в настоящее время старообрядцами и убеждал верить, что в конце концов старообрядчество восторжествует!.. После обедни гостеприимная хозяйка предложила съехавшимся гостям приличную закуску. А съезд был действительно большой. Тут были все находящиеся в Москве раскольничьи лже-архиереи, приближенные попы, члены духовного совета, фактически продолжающего существовать, члены раскольничьего братства св. Креста, попы и приехавшие в Москву представители раскольничьего духовенства из других городов.

Пока собрание „закусывало“, – моленная была обращена в зал заседания, где после трапезы и состоялось под председательством Онисима Швецова заседание лже-архиереев, попов и купцов – старообрядцев. Опять и тут толковали о „гонениях“, предпринимаемых, якобы, никонианами против старообрядцев по поводу циркуляра 30-го апреля. Сожалели, что лже-владыке – Картушцну пришлось оставить Москву, но была выражена и надежда, что он вернётся к предстоящим заседаниям собора древле-православных иерархов в Москве. Попы повествовали о том, как им пришлось побывать в участке, причём эти обстоятельства были признаны случайными, а для пущей убедительности, что опасаться *нечего* – один из присутствовавших попов – некий Елисей Тимофеев вызывался даже немедленно поехать на Тверскую улицу и прогуляться по ней в рясе и шляпе с широкими полями...

Существенного значения, однако, это заседание не имело и было лишь как бы подготовительным к предстоящему „Собору“.

В числе раскольничьих лже-архиереев, появляющихся на подобных собраниях, давно уже незаметно престарелого Паисия Саратовского, которого разбил паралич и он, приняв схиму, мирно проживает в собственном доме на 3-й Тверской Ямской, а управление, делами своей Саратовской епархии предоставил некоему раскольничьему игумену Гавриилу.

Такому отдалению от текущих старообрядческих дел Паисия раскольничьи заправилы весьма рады, ибо Паисий совсем не сочувствует их образу действий. Паисий этот происходит из

крестьян Нового села, Бронницкого уезда, и ещё Антонием Шутовым был рукоположен в попы на Рогожское кладбище, где скоро и выдвинулся своей справедливостью, добротой и прямотой, – когда он овдовел, его назначали на кафедру Саратовского лже-архиерея. Прямота в характере Паисия была всегда отличительной его чертой. Он не скрывал своего несочувствия распространению подпольных изданий, затеваемым Картушинским братством, и прочим изобретениям представителей современного раскола. Вслед за изданием циркуляра 30-го апреля сего года, он немедленно сделал распоряжение по своей епархии, чтобы попы не носили одежд священнических. Таких же взглядов держится, как говорят, и лже-архимандрит Гавриил, которого Паисий прочит себе в преемники и за это то Московские заправилы раскола не жалуют того и другого.

Алексей В-ов

**Библиография // Миссионерское обозрение. 1900 г.
№ 7–12. С. 816–833**

Четвериков С., свящ. [Рец. на:]: Х. «К лучшему будущему» Н. Н. Неплюева. Книжки «Недели», январь–октябрь 1899 г. С. 816–820

Мы подробно рассмотрели статьи Н. Н. Неплюева: «К лучшему будущему». Статьи эти, как мы упоминали в предисловии, имеют миссионерскую цель – призвать современное человечество к новой жизни, к организации жизни и взаимных отношений на основе любви, – показать первенствующее значение любви для жизни. Эта цель совпадает и с назначением и деятельностью Христовой Церкви, устрояющей спасение людей на земле и на небе. Вот почему, интересуясь с церковно-христианской точки зрения воззрениями автора статей «К лучшему будущему», мы находили необходимым рассмотреть их при свете учения Христовой Церкви и определить, насколько в них отразилась вечная истина Евангелия, насколько благотворно может быть их влияние на жизнь и насколько их миссионерское значение совпадает с просветительными задачами Церкви.

Мы рассмотрели их и что же увидели? Увидели в воззрениях автора много такого, что далеко не соответствует чистому учению Церкви, не соответствует и вообще истине. Перечислим вкратце то, что подробно было нами указано в предыдущих главах: 1) Разделение автором истории человечества на три периода – господства *ощущений*, *разума* и *любви* с утверждением, будто бы только теперь человечество вступает в третий период своего существования, очевидно, не соответствует действительности, не мирится с фактом Божественного установления на земле 1900 лет тому назад Христовой Церкви, истинного царства любви и святости царствия Божия. 2) Свою воспитательную деятельность, направленную, по словам автора, к утверждению в сердцах воспитываемых детей и юношей христианских основ жизни – автор преувеличенно называет «зарёй царства любви», забывая снова, что не только заря царства любви, но и само «солнце правды» уже взошло для нас и сияет в жизни Церкви. Стоит нам

только быть верными детьми своей Церкви, чтобы оно сияло и в нашей жизни.

3) Вопреки ясному учению Евангелия, хранимому Церковью, и примеру древних христиан, автор стремится объяснить людей не на основании истинной веры, не на основе одной только любви и утверждает, что пора перестать различать людей по их вере, а следует различать их лишь по степени любви или злобы в них.

4) Придавая преувеличенное значение организации трудовых братств или «союзов любви», автор несправедливо унижает значение малых дел христианского милосердия, как накормить голодного, одеть нагого, посетить больного, вопреки ясной заповеди Спасителя, учению св. апостолов и примеру Церкви.

5) Вопреки учению Евангелия и примеру первых христиан – автор, по-видимому, не считает необходимым признаком христианина – веру в Иисуса Христа Сына Божия, и думает, что достаточно иметь любящее сердце для того, чтобы быть христианином, какой бы веры при этом ни придерживаться, хотя бы даже и совсем не верить.

Таковы важнейшие отступления автора от истины, от чистого учения Церкви, затемняющие и ослабляющие достоинства его статьи.

Много и других, менее важных, но также несправедливых и преувеличенных суждений находим мы в статье Н. Н. Неплюева, которые придают его статье тяжёлый и неприятный для многих характер.

Основной недостаток всех суждений автора и источник всех его ошибок заключается в отсутствии у него чувства меры.

Вследствие отсутствия чувства меры – он не видит ничего светлого в минувшей истории человечества и своего родного народа, как бы не замечает даже существования и деятельности Церкви; вследствие того же отсутствия чувства меры – он своё, в сущности скромное, дело воспитания детей, возвеличил в «зарю царства любви» на земле; вследствие отсутствия чувства меры – он не признаёт значения истинной веры, как основания человеческого единения и заменяет её одной любовью;

вследствие отсутствия чувства меры – он осуждает всё дело милосердия кроме организации трудовых братств и т. д.

Отсутствие меры сказывается у него во всём, на каждой странице.

Некто сосчитал, сколько раз Н. Н. Неплюев употребил слово *любовь* в *одной только главе* своей статьи и оказалось, что он употребил его 237 раз, причём на каждой странице оно встречалось от 30 до 40 раз. Столь частого употребления слова *любовь*, заметил некто, достаточно, чтобы возненавидеть это слово всеми силами души.

Главная цель статей Н. Н. Неплюева заключается в том, чтобы указать человечеству «лучшее будущее». Лучшее будущее автор представляет себе в виде братского единения всего человечества без различия вероисповеданий и воззрений и в повсеместной организации трудовых братств на основе братолюбия. Если бы это будущее даже и осуществилось, то едва ли его можно признать лучшим будущим для человечества. Если мы даже допустим, что любовь станет господствующим настроением всего человечества и заменит собой веру, то не получится ли в конце концов то, о чём некогда прозорливо писал Достоевский в своём «Подростке». «Я представляю себе, мой милый (так говорит Версиров своему сыну), что бой уже кончился и борьба улеглась. После проклятий, комьев грязи и свистков, настало затишье, и люди остались *одни*, как желали: великая прежняя идея оставила их... И люди вдруг поняли, что они остались совсем *одни*, и разом почувствовали великое сиротство... Осиротевшие люди тотчас же стали бы прижиматься друг к другу теснее и любовнее; они схватились бы за руки, понимая, что теперь лишь они *одни* составляют всё друг для друга! Исчезла бы великая идея бессмертия и приходилось бы заменить её; и весь великий избыток прежней любви к Тому, Который и был Бессмертие, обратился бы у всех на природу, на мир, на людей, на всякую былинку. Они возлюбили бы землю и жизнь неудержимо и в той мере, в какой постепенно сознавали бы свою проходимость и конечность, и уже особенной, уже не прежней любовью. Они стали бы замечать и открыли бы в природе такие явления и тайны, каких и не предполагали

прежде, ибо смотрели бы на природу новыми глазами, взглядом любовника на возлюбленную. Они просыпались бы и спешили бы целовать друг друга, торопясь любить, сознавая что они коротки, что это всё, что у них остаётся. Они работали бы друг на друга, и каждый отдавал бы всем всё своё состояние и тем одним был бы счастлив. Каждый ребёнок знал бы и чувствовал, что всякий на земле – ему как отец и мать. «Пусть завтра последний день мой, думал бы каждый, смотря на восходящее солнце, но всё равно, я умру, но останутся все они, а после них дети их» – и эта мысль, что они останутся, всё также любя и трепеща друг за друга, заменила бы мысль о загробной встрече. О, они торопились бы любить, чтобы заглушить великую грусть в своих сердцах. Они были бы горды и смелы за себя, но сделались бы робкими друг за друга; каждый трепетал бы за жизнь и за счастье каждого. Они стали бы нежны друг к другу и не стыдились бы того как теперь, и ласкали бы друг друга как дети. Встречаясь смотрели бы друг на друга глубоким и осмысленным взглядом, и во взглядах их была бы любовь и грусть». («Подросток», стр. 466, 467. СПб., изд. 3. Собр. соч., т. 8).

Что может возразить Н. Н. Неплюев против подобного, будущего человечества? Не совпадает ли оно вполне с его стремлениями? Правда, это человечество не имеет веры оно сознательно отвергло её, но зато оно имеет любовь, которая, по мнению Н. Н. Н., совершенно заменяет веру, иначе бы он не думал, что и неверующий может быть истинным христианином, если он имеет любовь...

Но с христианской точки зрения это, очевидно, не «лучшее будущее» для человечества! Да оно и могло возникнуть только в голове художника, потому что в действительности люди, утратив веру, никогда не дойдут до любви друг к другу, во только станут рабами своих страстей!

«Лучшее будущее» дано нам в древних христианских общинах – оно заключается в союзе любви на основании истинной, чистой веры в Бога, в бессмертие, в Евангелие! «У множества же уверовавших, говорится в книге Деяний св.

апостолов, было одно сердце и одна душа, и никто ничего из имения своего не называл своим, но всё у них было бы общее».

Вот идеал древней Церкви, свято хранимый и современной Церковью, дорогой и понятный русскому народу! Если человечеству суждено «достигнуть» лучшего будущего» в сей временной жизни, то оно должно быть осуществлено именно в этой форме, завещанной нам св. Евангелием.

Отмечая существенные недостатки воззрений Н. Н. Неплюева в его статьях «К лучшему будущему», нельзя не указать и на некоторые достоинства его статей. Таким достоинством является то, что он обратил серьёзное внимание на необходимость «любви» в жизни и не только обратил внимание, но и собственным делом постарался послужить насаждению «любви». Без любви, конечно, не может быть христианской жизни. И если в нашей русской жизни можно найти не мало единичных примеров любви, то всё же любовь, как необходимейший элемент общественной жизни всех верующих христиан, ещё не в достаточной степени утвердилась в сознании нашего общества и народа. Горячий призыв к «любви» Н. Н. Неплюева для многих не пройдёт бесследно, но пробудит совесть их и станет для многих равнодушных и холодных живым укором.

Особенно важно то, что Н. Н. Неплюев не словами только призывает нас к «любви», но продолжительным делом жизни своей – в течение 15–20 лет он скромно, в тишине и неизвестности служил по своему разумению делу любви, прежде чем начать свою публичную проповедь. Нельзя не признать, что такое бескорыстное, настойчивое и продолжительное служение своему идеалу является редкой и исключительной чертой в наши дни, когда так много говорят и так мало делают. То обстоятельство, что Н. Н. Неплюев поставил своей целью не столько отрицательную критику, как делают многие в наше время, сколько положительное дело воспитания детей в духе христианской любви и приготовления их к организации трудового братства на основе взаимного братолюбия, что он поставил своё дело под сень Православной Церкви – было несомненно причиной того, что многие от всего сердца отнеслись

сочувственно к делу Н. Н. Неплюева и стали смотреть на него с светлой надеждой, как на истинно-церковное дело, как на оплот восстановления и возрождения и истинно-церковной древне-христианской жизни.

Пожелаем же и мы от души, чтобы автор освободился от тех крайностей и ошибок в своих суждениях, которые были нами указаны, чтобы он твёрдо стоял на почве древнехристианских, церковно-народных идеалов жизни и не уклоняясь от них же направо и налево одушевляясь учением и примерами Православной Церкви, явил бы в своём братстве светлый образ истинно-православной общины и тем послужил бы Господу Иисусу Христу и Его Святой Вселенской Православной Церкви!

Священник Сергий Четвериков

Григорьев М. [Рец. на:]: К. О. Де-Скροховский. «От мрака к свету или папство и славянский мир». Часть I и II. Цена 5 руб. С.-Петербург, 1900 г. ²⁹⁷ С. 820–828

Нравственное гниение Польши от близости к разлагающемуся трупy латинского Рима началось уже давно и продолжается до наших дней. Даже, по откровенным заявлениям самих польских писателей, Рим с его папой, с его католическим латинизированным духовенством, привёл Польшу к нравственному, материальному, социальному и политическому падению: (II ч. 52–270 стр.; 314–316 стр. и др.). Польский публицист Авейде, который сам был членом революционного правительства в 1863 г. между прочими причинами, приведшими Польшу к гибели, первое, однако, место отводит именно растлевающему нравственному влиянию католического духовенства, особенно иезуитов, в руках которых находилось просвещение народа (II ч. 175 стр.) И действительно, католическое духовенство первее всего и более всего способствовало нравственному и политическому разложению Польши: оно держало во тьме невежества польский народ; оно воспитывало религиозную нетерпимость польского правительства и возбуждало преследования за веру всех не-католиков; оно потакало всяким насилиям над народом и одобряло всякие своеволия и произвол шляхты и магнатов; оно опутало Польшу целой сетью всяких корыстолюбивых и властолюбивых интриг; оно-же, наконец, своей политической агитацией вовлекало и прежде Польшу в столкновения с другими государствами, а в наши дни организовывало всякие заговоры, возмущения и восстания против русской правительственной власти.

Автор, видя, согласно свидетельству истории, в католическом духовенстве двигающую силу всяких козней и интриг, заговоров и мятежей, направленных против России и русского правительства в прошлом, что доказано событиями 1831-го и 1863 годов, в которых ксёндзы и иезуиты играли выдающуюся руководственную роль, предостерегает нас и в

настоящем «от этой злой силы, от латинской пропаганды, исходящей от латинского духовенства, которая начинает распространять свои зловерные семена уже во внутренних губерниях России и на Востоке, что начинает уже принимать угрожающие размеры при каждом сооружении католического храма в этих православных областях» и призывает русское правительство твёрже стоять на страже православия и русской народности в Северо и Юго-Западных губерниях, где прибой католической волны сильнее и постояннее: II ч. 130 стр.; 406 стр.

По мнению автора, процесс духовного разложения Польши не может прекратиться, пока Славянство и в частности – Польша находятся в общении и союзе с латинским Римом, союзе, противном самой духовной природе славян, ибо глубокая несовместность и непримиримость латинства с Славянством доказана историческим опытом веков. «Всегда и везде, по верному замечанию Ю. Ф. Самарина, – чем добровольнее и искреннее латинство принималось Славянской природой, чем глубже оно въедалось в неё, тем быстрее, под влиянием этого тонкого, всепроникающего яда, она чахла, разлагалась и гибла. Ни одно из племён Славянских не отдавало себя на службу латинству так беззаветно, как польское...»

Ю. Ф. Самарин утверждает, что именно под влиянием латинства, привитого славянскому польскому народу, в нём помутились и извратились все, самые коренные, нравственные понятия, доказательством чему может служить известный польский «катехизис», давно находящийся в обращении, в котором обман, коварство, клевета и взяточничество не только разрешаются, но возводятся на степень обязательных подвигов. «Как же, – спрашивает он, – как изъяснить это помрачение совести в польском народе? Вникнув в дело, мы убедимся, что это прямое последствие латинского представления об отношениях правящей церкви к подвластным ей душам. Там (в латинизированном католичестве) личность исчезает в Церкви, теряет все свои права и делается как-бы мёртвой, составной частицей целого. Из неё, из этой частицы, т. е. из души человеческой, вырезается самая неприкосновенная её святыня – совесть и отдаётся Церкви: личная совесть исчезает в какой-то

собирающей совести, которая олицетворяется в Церкви и которой единственным органом служит её воинство (католическое духовенство, с папой во главе); а так-как Церковь свята и непогрешима, то интерес её совпадает с законом нравственным. Что полезно для Церкви, то благо, что для неё вредно, то – зло.

Итак, Польша, заразивши свою славянскую природу чуждыми ей началами латинства, совершила над собой нравственное и политическое самоубийство, дойдя под влиянием латинизированного католичества до полного духовного разложения. Что же, нужно, чтобы остановить это, непрекращающееся и до-ныне, хотя несколько задержанное русскими правительственными мероприятиями, духовное разложение польского народа? Что нужно, чтобы в ней пробудилось национальное самосознание, столько веков заглушаемое латинским Римом, чтобы она, сознав себя славянским племенем, могла развить самобытную польскую культуру и, вступив равноправным членом в семью славянских народов, сослужила-бы свою службу славянской идее в борьбе с пангерманизмом и способствовала мирному преуспеянию и расцвету этой идеи в её мировом значении?

Автор весьма обстоятельно отвечает на эти вопросы. Для этого необходимо перевоспитать польское общество нравственно и политически; *нравственно* – в смысле насаждения в нём животворящих начал истинного христианства, вместо искажённого латинского христианства *политически* – в духе преданности его славянской идее, в духе возрождения в польском народе национального самосознания. А так как лучшей воспитательницей народов всегда была Церковь, то необходимо так перестроить здание католической Церкви в Польше и Северо-Западных русских областях, чтобы она (Церковь) являлась отныне носительницей и выразительницей истинного древнего христианства, и истинно-патриотических и национальных начал польского народного духа, (а не каким-то космополитическим недоноском) и чтоб она, эта реформированная Церковь, служила целям нравственно-

религиозного и политического воспитания польского народа вне всякой зависимости, влияния папства и латинства.

А всего этого можно достигнуть только тогда, когда польский и западнорусский народ порвут всякие связи с Римом и создадут у себя самостоятельную, народную Церковь с народным языком в богослужении, древнехристианским церковным ритуалом и независимую от Рима народную иерархию.

Мысль о необходимости разрыва с Римской латинской Церковью и создания в Польше национальной, независимой от папы. Церкви хорошо сознавалась и неоднократно высказывалась и в прежние века, и в наше время самими польскими писателями, которые видели в этот акт высокой государственной мудрости и придавали ему великое, благодетельное для Польши, значение (II ч. 258–259 стр. 266–267 стр.).

А в возможности достигнуть этого автор убеждает поляков, представляя многие примеры отпадения от Римской Церкви наиболее образованных представителей католичества из среды самого же католического духовенства и изображая успехи нового антипапского движения в самом Риме, где в 1866 году возникла пропаганда образования национальной Итальянской Церкви, а в остальной Италии в 1858 году образовалось общество, задавшееся целью реформировать Римскую Церковь в духе христианского учения первых веков, откуда явилось в недрах Римской Церкви так называемое «старо-католичество», представляющее собой попытку вернуться к древнему вселенскому православию и сблизиться в веро-и-нраво-учении с Восточной православной Церковью: (II ч. 422–433 стр.). Что образование национальной польской, независимой от Рима, хотя-бы и католической, Церкви вполне возможно и у нас в России, – автор доказывает Примером поляков Северо-Американских Штатов и Мексики, разорвавших административную, иерархическую связь с Римской Церковью и образовавших самостоятельную старокатолическую Церковь, с самостоятельностью, независимой от Рима, иерархией.

В частности – за возможность учреждения национальной Церкви в губерниях Северо-Западного края в особенности в

Литве, бывшей прежде сплошь православной и только в 1413 году совращённой в латинство, говорит то обстоятельство, что литовцы постоянно враждебно относились к римскому католицизму и всегда готовы были сбросить с себя папское иго (I ч. 313 стр.), о чём красноречиво свидетельствует речь Яна Остророга от имени деревенской шляхты и деревенских литовских ксёндзов на Люблинском сейме в 1440 году (I ч. 315–317 стр.). Остророг требовал: 1) прекращения всяких сношений Литвы с Римом, 2) учреждения славянской соборной Церкви, независимой от Рима 3) отречения от всех догматов, учреждений и установлений, измышлённых папством, 4) восстановления обязательного брака для всех священников страны и пр.: I ч. 316–317 стр. Совершенно такие же требования были представлены на Петроковском сейме в 1556 году.

Наконец, сам король Сигизмунд-Август, по требованию литовского дворянства, домогавшегося возвращения к православной вере своих отцов, представил папе требование народа о реформе католической Церкви в Литве; сущность требуемой реформы состояла в том, 1) чтобы богослужение производилось на польском языке; 2) чтобы причастие разрешено было принимать под двумя видами; 3) чтоб ксёндзам было разрешено иметь законных жён, а не наложниц, и 4) чтобы позволено было созывать местные соборы (II ч. 328 стр.). Все эти требования и ходатайства показывают, что потребность в самобытной национальной и при том независимой от Рима Церкви и тогда была уже очень велика и чувствовалась очень настоятельно; ощущается она и теперь и тем легче удовлетворит эту потребность теперь же в виду пробуждающегося национального самосознания поляков, литовцев и белорусов. На пробуждение этого самосознания у поляков указывает возникновение (с 1876 года) и существование доньне «Патриотического религиозно-славянского общества», ставящего своей задачей – вырвать польское славянское племя из римского ига. Общество это, составленное исключительно из поляков и насчитывающее уже значительное число членов в Польше, во внутренних губерниях России и за границей, может прийти на помощь делу устройства в Польше национальной,

независимой от Рима, Церкви. Признаки, облегчающие устройство в Северо-Западном крае национальной Церкви, встречаем и в Литве, и в Белоруссии. Здесь, народ сохранил своё национальное самосознание и привязанность к своему родному языку. На это указывает возникшее в 70 годах движение среди литовцев и белорусов в пользу восстановления употребления русского языка в дополнительном католическом богослужении в костёлах Литвы и Белоруссии (II ч. 406–412 стр.).

Задача и нашей Церкви, и нашего Государства – прийти на помощь этим, борющимся за свой родной язык, западнорусским людям и даровать им полную возможность и говорить на нём, и славить Бога и учить своих детей и не только даровать этому языку полную свободу и в жизни, и в Церкви, и в школе) – но и обеспечить ему соответствующими правительственными мероприятиями господство (в местностях с русским, или с преобладающим русским населением) над языком польским.

«Располячивание католического костёла» (т. е. изъятие польского языка из дополнительного католического богослужения в местностях с белорусским или литовским населением и замена его языком русским) необходимо. Все громадное церковное и политическое значение этой меры признавалось лучшими русскими деятелями в Северо-Западном крае, как-то: гр. Муравьевым, К. П. Кауфманом, проф. Кояловичем, И. С. Аксаковым.

Из них проф. Коялович так отзывался о желательности проведения этой меры: «Прибавочное католическое богослужение, совершаемое на польском языке, составляет давно уже настоящее Божие наказание для России. От располячивания его был-бы действительный удар полонизму в Западной России и от этого могли-бы произойти самые желательные последствия для церковного и для гражданского умиротворения этой страны».

Конечно это так и это непременно следует сделать, но всё же почин в этом деле должен исходить от самого западнорусского народа. Применение же располячивания католического костёла в местностях с русским, или с преобладающим русским, населением по мнению автора было-

бы одним из радикальнейших и наиболее целесообразных средств к созданию в этих областях национальной Церкви, хотя бы и с католическим обрядом, и к уничтожению через её примиряющее посредство политической розни между католиками и униатами с одной стороны и православными с другой.

Что же касается коренной Польши, или местностей с преобладающим польским населением, то там эта мера (располячивание католического костёла), как неуместная и несправедливая по отношению к полякам, в целях создания национальной польской Церкви, могла-бы быть с успехом заменена деятельностью обществ, подобных «Патриотическому религиозно-славянскому Обществу». Эти общества, дружно и целесообразно действуя, могли бы подготовить почву к предстоящей реформе польской Церкви в духе самостоятельности и национальности (с оставлением католического ритуала), и тем уравнивать путь для беспрепятственного проведения в жизнь соответствующих духу, характеру и целям этой церковной реформы правительственных мероприятий.

Автор далее указывает основания для учреждения такой Церкви и внутреннее и внешнее устройство её. Они следующие: 1) туземное, а не прошлое из Рима, и национальное – польское и русское, а не латински-космополитическое, духовенство; 2) высшая иерархия, независимая от Рима по своему избранию и назначению, а избираемая самим народом и духовенством страны (польским и русским) и утверждаемая в своём достоинстве и своих правах и полномочиях русской государственной властью; и 3) народный язык в богослужении польский – в Польше, русский – в Литве и в Белоруссии. Эта реформированная церковь, по мысли автора, должна быть и в отношении веро-нраво-учения, и в отношении церковного ритуала, и в отношении церковного управления такой же какой является теперь так называемая «старокатолическая церковь» (II ч. 56 стр., 270–271 стр.; 339–341 стр., 432 стр.), с полным отвержением папства и всего, что на нём основывается. Создание такой церкви, во многом совпадающей со старо-

католичеством, как известно, весьма близко стоящим к православию, тем последовательнее, что христианство в Польше было введено раньше Мечислава I (ранее 965 года) святыми апостолами славян и их учениками и, следовательно, введено было сначала и распространялось до 1596 г.— до Унии христианство в форме православия и богослужение совершалось на славянском языке: (II ч. 378–379 стр.). Какие же следствия будут сопровождать, по мнению автора, учреждение в Западном крае самостоятельной католической, национальной церкви? Следствия этой церковной реформы, как можно ожидать, захватят весьма широкую и разностороннюю область религиозно-нравственных, церковных, общественных, политических и, даже, международных отношений. И прежде всего реформа эта возродит Польшу, да и всех русских католиков и униатов, нравственно, ибо передаст дело духовно-нравственного воспитания и просвещения народа в более честные и чистые руки национального, туземного духовенства, без сомнения, неизмеримо более нравственного, чем до мозга костей развращённое латинско-иезуитским воспитанием теперешнее католическое духовенство; к тому же отвержение папских заблуждений (папское главенство; чистилище и пр.) и особенно индульгенций, так деморализующе влиявших на народную нравственность, без сомнения возвысит и одухотворит её. С Православной же Церковью у национальной церкви Польши, Литвы и Белоруссии установились-бы, конечно близкие и благожелательные отношения, что в будущем, привело бы поляков и русских — католиков к сознанию необходимости возвратиться в лоно своей древней матери Святой Православной Церкви. В области политической, под влиянием духовенства, не навязанного извне, а национального и патриотического, возможно было-бы перевоспитание и польского общества в духе национальности и патриотизма. Это духовенство, по-прежнему влиятельное на народ и даже ещё более влиятельное в силу своей национальности и патриотичности, дорожа интересами своей родной страны, конечно, будет заботиться об её политическом благоденствии, и не только не будет поднимать всевозможных государственных

смут, политических заговоров и восстаний, а, напротив, и само пойдёт на встречу правительственным мероприятиям, клонящимся ко благу родины и будет действовать в этом направлении на послушный его авторитету народ. Непосредственно за этим влиянием национальной, строго-народной реформированной церкви в польском и западнорусском народе пробудится и раскроется во всю свою ширь и мощь национальное самосознание, как славянского племени, с самобытным своим духовным содержанием и самостоятельными задачами в истории. Это национальное самосознание народу западнорусскому, католическому поможет опознать в нас, православных-русских, своих братьев по крови, а со временем – когда этот окатоличенный народ более созреет духовно и свободно, добровольно возвратится к Св. нашей церкви – и братьев по вере и сольётся с нами в братском единении любви и мира. Наконец, под влиянием реформированной национальной церкви своей, польский и западно-русский католический народ объединившись с великим братским русским народом, с одной стороны – будет способствовать другим славянским народностям выработать своё национальное самосознание и освободиться от чуждой политической опеки или религиозного гнёта; а с другой – создаст, под политической гегемонией России, твёрдый оплот Славянству против всяких враждебных покушений на целость и неприкосновенность его самобытных славянских учреждений, его веры и его национальности со стороны воинствующего латинского католичества и пангерманизма.

После этого автор разбирает некоторые возражения против возможности того порядка вещей, какой, по мнению автора, должен явиться следствием реформы в католической церкви Северо-Западного края. Все эти возражения находят у него сильные и основательные опровержения и читаются с большим интересом.

Мы рассмотрели в полном его объёме сочинение автора; отметили поставленные им себе задачи; указали цели, каким, по мысли автора, должна служить его книга; последовательно проследили за развитием его основной идеи и установкой, и

раскрытием его существенных положений и теперь можем сделать своё заключение. Что же представляет собой этот объёмистый (VII–XI стр.+1–335 стр. 1-й ч.+1–459 стр. II-й ч.) труд, снабжённый множеством цитат и выдержек, составленный по источникам, заслуживающим полного доверия, в большинстве случаев, – особенно во второй его части, – по польским и литовским первоисточникам, особенно важным и ценным для целей автора. Бесспорно – в основе своей это – труд компилятивный, что по-видимому, признаёт и сам автор в предисловии к польскому изданию своей книги; но в обработке находившегося в распоряжении автора исторического материала, в сделанных им отсюда выводах и заключениях – сказывается творческая струя, тем более заметная по многим своеобразным взглядам автора на смысл и значение исторических событий. Поэтому труд автора заслуживает серьёзного внимания всех, интересующихся судьбами Славянства и в частности – Польши и окатоличенной Западной Руси в их отношении к папству и латинству. Заслуживает же этого внимания он потому, что фактам общеизвестным сообщает новое освещение, представляя их в концепции, соответствующей принятой на себя автором задаче, и так группирует и в такой полноте приводит ряд фактов, что у всякого, вполне, фанатически непредубеждённого читателя, по прочтении этой книги получается очень определённый и, что весьма важно, согласный с основными положениями автора взгляд на предмет исследования. Указанная убедительность книги, конечно, составляет большое достоинство всякого труда, а в особенности трудов, подобных этому, имеющих в виду практическое применение принципов, проводимых автором в своём сочинении. Принципы эти, которым автор остаётся повсюду верен, можно кратко формулировать в следующей схеме: папство – тёмная, злая сила, ложь, заблуждение и насилие; западный мир и славянство большей частью всех своих бедствий обязаны именно папству и латинству, привитому папством в жизни народов. Польша, как особенно ревностно преданная папству и латинству страна, под их растлевающим влиянием пострадала всего более и пала нравственно и

политически; духовное и национальное её возрождение возможно только при условии совершенного разрыва её с папством и латинством и под условием духовного сближения с Россией; и то и другое необходимо, чтобы Польша (и окатоличенная Западная Русь) не потеряла своей национальной самостоятельности и духовной самобытности; с этой целью и в целях приобщения как Польши, так и Западной окатоличенной Руси к общеславянской культуре и к историческим задачам Славянства – необходимо усилие в этих областях национального самосознания и духовной славянской самобытности при посредстве самостоятельной, независимой от Рима, национальной церкви (польской для поляков и русской – для русских католиков), хотя-бы и в форме католичества, но без папы; эта церковь оживит и обновит духовную и политическую жизнь польского и русского католического народа и явится связью, соединяющей его с Россией и условием дружной, совместной созидательной работы на почве культурных самобытно-славянских начинаний.

Согласно названию, данному автором своей книге, она представляет собой действительно призыв *«от мрака к свету»* – от лжи и духовного мрака папства и католичества – к истине и свету православия; от мрака народной обезличенности и напущенного папством и латинством в народное сознание космополитического тумана – к свету национального самосознания и ясно-сознанной славянской самобытности, к широким и светлым перспективам всеславянского объединения в религии, и к общим всему Славянству историческим задачам и целям. В своём сочинении автор, согласно второму заглавию его, ставит друг против друга *«Папство и Славянский мир»* и представляя добытые историей опыты веков – целый ряд исторических фактов доказывает глубокую несовместность и непримиримость этих двух начал, безусловный, тысячелетним опытом дознанный вред папства и латинства в особенности для славянства и необходимость Славянства – и в частности – для поляков и русских-католиков – отречься от папства и порвать всякую связь с ним.

Отсюда необходимость культурной борьбы с папством и латинством всего славянства и в особенности польских и русских католиков нашего Западного края – вот основная идея, которой сочинение это и само служит и призывает служить всех, кому дороги интересы славянства. В виду такого характера книги, обличительного по отношению к папству и латинству и в виду задачи её – убедить в необходимости борьбы с ними, она, по справедливости, может считаться *миссионерским трудом*, весьма основательным по постановке и раскрытию входящих в его область предметов и весьма убедительным для религиозного и политического сознания всех не переставших быть русскими русских людей, чуждых космополитических утопий и для такового же сознания тех из поляков и русских-католиков, которые не в конец ещё испорчены политическим и религиозным шовинизмом Римско-католической Церкви, религиозной нетерпимостью и политической ненавистью к государству и народу русскому. Как труд в общем миссионерский, обличающий всю ложь, все заблуждения насилия папства и латинства, книга эта может быть особенно рекомендована прежде всего именно тем, для кого она первоначально предназначалась – русским католикам и униатам северо-западных наших областей. Затем, труд этот по целям, им преследуемым, может быть настойчиво рекомендован и нашим и зарубежным полякам-католикам, а также угнетаемому насильственно-навязанной ему унией несчастному Галицко-русскому народу. Наконец, труд этот заслуживает всякого внимания и тех из православных русских людей, кому дороги интересы славянства вообще и интересы православия и русской народности в Западном крае – в частности и кто не хочет быть простым безучастным зрителем совершающегося там на наших глазах полного окатоличивания униатов и ополячивания русских-католиков. В виду этого нового наступательного движения воинствующего католицизма, мы не можем не напутствовать этот труд пожеланиями возможно более широкого распространения, особенно же в тех кругах нашего и зарубежного русского и польского католического общества, в которых особенно усилилась за последнее время пропаганда католицизма и полонизма, а также – среди всех истинно русских

православных людей, призванных быть деятелями в северо-западном нашем крае.

Указавши ранее на крупные достоинства рассматриваемой вами книги, которые, без сомнения, создадут ей успех – в интересах справедливости, нельзя умолчать и о некоторых её недостатках, из которых, как на самый заметный и требующий исправления, должно указать на чрезвычайную разбросанность по всем страницам книги предметов, входящих в её содержание, что мешает читателю сосредоточить на каком-либо из них, более его интересующем, своё внимание, а в общем – много вредит законченности и цельности впечатления, получаемого от книги. Что же касается той полемической страстности и горячности, какая повсюду чувствуется в сочинении, то необходимо принять во внимание, при суждении об её уместности или неуместности здесь, что сочинение это в значительной своей части представляет собой протест против лжи и злоупотреблений Римской Церкви, а в остальной – призыв к борьбе с ней и вследствие того, по самому характеру своему – не может быть вполне уравновешенным, ибо эта полемическая страстность свойственна большинству подобного рода сочинений. Впрочем, эта страстность и полемическая горячность извинительны и даже почтенны в данном случае, ибо свидетельствуют о религиозной и политической убеждённости автора и о глубокой преданности его избранному им предмету и поставленным им себе задачам, преданности, при которой он не может оставаться равнодушным и тепло-хладным к интересам проповедуемой или защищаемой им истины: от всякого общественного деятеля, а тем более, от борца за идею, должно требовать: пусть он будет горяч, чем ни холоден, ни горяч. (Откр.3:15).

М. Григорьев

* * *

„Иллюстрированный настольный календарь“ Т-ва „Просвещение“ на 1900 г. С иллюстрациями на каждый день, заметками об исторических событиях, сентенциями, поговорками и избранными местами из выдающихся поэтов и писателей. На изящно полированной доске, с дугами для перелистывания и подставкой 1 р. 20 к.; в форме отрывного календаря 80 коп.

Календарь издан во всех отношениях, хорошо, особенно иллюстрации, изображающие природу замечательнейших в мире местностей, виды разных городов, мир животных и проч. Подробно составлены сведения исторические, астрономические, но за то скудны сведения церковные, здесь главный пробел в отсутствии указателя чтений евангельских и апостольских, и не полны также и святцы. Выписки сентенций из русских и других замечательнейших изречений, и пословиц поэтов и философов сделаны интересно, но односторонне в духе, так сказать, космополитизма национального и религиозного. В каждом листке оставлено место для записей „для памяти“. В общем настоящее издание среди других календарей выдающееся.

Шарапов Н. [Рец. на:]: Новые издания И. В. Преображенского. С. 829–831

Г. Преображенский, хорошо известный читающей публике своими назидательными сборниками, предназначенными гл. образом для школьных библиотек, в настоящем году выпустил в свет три книжки, заслуживающие полного внимания всякого просвещённого читателя, из коих две „Рассказы и черты из жизни Русских Императоров, Императриц и Великих Князей“, и „Исторические заслуги нашего духовенства перед Престолом и Отечеством“, представляют собой сборники прекрасных статей и увлекательных рассказов, а последнее „Духовенство и народное образование“ – произведение оригинальное, принадлежащее перу самого автора.

„Рассказы и черты из жизни Русских Императоров, Императриц и Вел. Князей (с портретами, рисунками и биограф.)“. составлены преимущественно для школьных библиотек (СПб. 1900 г. изд. 2-е цена кн. в изящн. пер. 80 коп.).

„Все, что относится к памяти Благодетельных Государей, есть сокровище отечественное, малейшие подробности, проявляющие их душу, для нас драгоценны“, сказал С. Глинка, а потому большое спасибо всякому, кто собирает и разыскивает затерявшиеся и нередко заброшенные перлы этого сокровища и показывает нам всю их прелесть и очарование. Собранные в настоящей книге г. Преображенского рассказы из жизни Царей и Цариц, отчасти анекдотического, отчасти исторического характера, раскрывающие перед читателями, главным образом, глубину и доброту их сердца. Все рассказы проникнуты неподдельным патриотическим чувством, многие художественно изложены и читаются с захватывающим интересом. Рассказам об Императорах предпосылаются самим автором краткие биографические сведения и сжатая характеристика царствования. Важнейшие же события жизни, составляющие предмет рассказов, иллюстрированы очень недурными рисунками. Через все эти рассказы красной нитью проходит одна мысль, что для наших Царей высшее благо на сей земле есть

благо своего отечества, высшая любовь – это любовь к своему народу и высшая опора жизни и всех стремлений – Бог. Вот напр. бессмертные слова нашего Великого Самодержца, воплощающие эту великую идею наших Царей, сказанные перед Полтавской битвой. „А о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, была бы жива Россия, вера и благоденствие наше“. Или вот что ответил другой, знаменитый Самодержец, когда Его супруга, с малолетними детьми умоляла не ехать в Москву к холерным больным: „У меня в Москве 300000 детей, которые погибают“, и немедленно уехал.

Книжка г. Преображенского особенно полезна для детей школьников, которым она преимущественно и предназначена. В своих увлекательных рассказах, рисуя перед ними кроткий и добрый, симпатичный и заботливый образ наших Царей и Цариц; она незаметно вложит в их детскую душу чувство любви и благодарности к Царю и Отечеству и тем самым сослужит не малую службу в деле воспитания надёжных граждан и самоотверженных слуг Государю. Кроме того, издания вполне заслуживают самого широкого распространения и во всякой русской семье.

Исторические заслуги нашего духовенства перед Престолом и Отечеством. СПб. 1900 г. цена 50 к. Издан. 2-ое.

В этой книжке автор сначала знакомит нас с теми отзывами об исторических заслугах нашего духовенства перед Престолом и Отечеством, которые делаются самыми выдающимися людьми науки духовной и светской... Посему книжка г. Преображенского, не смотря на свой сравнительно небольшой объём, даёт довольно полное представление об исторических заслугах нашего духовенства и потому её прочтёт с большим интересом и пользой не только школьник, но и взрослый, не только простой, но и образованный человек, и невольно призадумается над теми несправедливыми нареканиями, которые нередко слышатся и пишутся по адресу духовенства. Что же касается детей-школьников, то она здесь особенно полезна и должна бы быть прочитана всем детям старшего возраста под руководством самого учителя, с добавлением и пояснением некоторых исторических сведений. Изображая великие подвиги наших

пастырей церкви в самые тяжёлые времена и показывая им, что все эти подвиги всегда имели своей опорой Св. Православную веру и Св. Христову Церковь, она несомненно заронит в их детскую душу благотворные семена, из которых вырастут чувства любви и благодарности к своим духовным отцам и к своей чадолюбивой Матери Церкви и тем предохранит их от сетей ложных вероучений.

Кроме того, относительно обеих книг г. Преобр. „Рассказы из жизни Императоров...“ и „Заслуги наш. дух.“ справедливость требует сказать, что они дают детям большой исторический материал, изложенный в такой увлекательной форме, что невольно пробудит в них любознательность, живой интерес к самостоятельному пополнению этих знаний и даст сильный толчок самообразованию вообще.

И. В. Преображенский. Духовенство и народное образование. По поводу сообщения, сделанного в собрании экономистов г. Соколовым. „Земство и народное образование“. СП-бург. 1900 г. Цена 35 коп. (изд. 4-е).

Эта книжка г. Преображенского представляет большей частью извлечение из его капитального труда „Отечественная Церковь по статистическим данным с 1840–41 г. по 1890–91 г.“ и включает в себе раскрытие одного из важных современных предметов – истории церковно-приходской школы с 1836 г., т. е. от начала её „официального существования“ до настоящего времени. Автор с одной стороны доказывает, что церковно-школьное дело есть истинно народное, вполне отвечающее духу и насущной потребности народа и весьма плодотворное и что в нём-то лежит путь к благосостоянию народному, что нынешняя церковно-приходская школа не только не хуже земской, но гораздо устойчивее, прочнее и определённое; с другой стороны, вполне основательно опровергает то коренившееся и распространённое мнение, „что русская народная школа есть создание земства“, что де „с часословом и псалтирью в руках, т. е. при помощи церковно-приходских школ, нельзя поднять народного благосостояния“, показывая нам, что всякий раз когда народные школы отрывались от своего корня, т. е. переставали носить церковный характер, в них возникали „самые вредные и

опасные элементы для общества“, как заявил об этом в Комит. Мин. в 1881 г. бывш. Министр Финансов Абаза, и что они обращались не в орудие воспитания, а. „в орудие растления народа“, как это сказано в Высочайшем рескрипте на имя Министра Народного Просвещения. Наконец путём обзора законоположений и правительственных распоряжений, на которые обыкновенно ссылались и ссылаются защитники земской школы, автор убеждает нас, что ни Высочайшая власть, ни высшее правительство не только не имели в виду отстранять духовенство от дела народного образования, а, напротив, с первых же годов, по отмене крепостного права, стремились обеспечить за духовенством широкое участие в этом деле. Если же духовенство к началу 80-х годов оказалось почти совсем отстранённым от дела народного образования, то это явление имеет особые причины и совершилось „прямо вопреки воззрениям и намерениям, царившим на Троне и возле Трона“.

Указанные нами основные положения уже достаточно говорят, насколько ценен этот труд г. Преображенского. Вопрос о церковно-приходских школах есть один из самых важных и современных вопросов. Такое или иное решение его охватило все слои общества, и потому настоящий труд г. Преображенского, занимающий почётное место в нашей церковно-исторической науке, имеет высокую цену для всех, кому дороги судьбы нашей православной Церкви. Но в особенности полезна и даже прямо необходима эта прекрасная книжка для нашего духовенства, желающего стать на высоте пастырского призвания. Значительное большинство пастырей в ней найдут существенное указание и освещение многих, для них непонятных, сторон великой, идеи воспитания народа путём церковно-школьного дела. Нам известно из опыта, что многие, даже примерные пастыри церкви, добросовестно работающие на пользу церковно-приходской школы, делают это почти бессознательно, не имея ясного представления ни о различии школы земской и церковно-приходской, ни тем более о высоком значении последней в деле народного воспитания. В виду этого многие из них с несомненной пользой и с большой благодарностью прочтут настоящую книгу г. Преображенского: и,

по нашему мнению, каждому духовному лицу следовало бы её иметь своей настольной книгой.

Н. Ш.

Павлович М. [Рец. на:]: Гребенщиков Ф. С. Простые речи о мудрёных вещах. Ответ на статьи Н. Н. Дурново и С. Ф. Шарапова по старообрядческому вопросу. 1900 г. Ц. 20 к. С. 832–833

В 1898 и 1899 году светской печатью немало уделялось внимания раскольникам, – особенно приемлющим австрийскую лже-иерархию. Этих последних почитали за наилучших христиан, за тяготеющих к единению с православной Церковью, за отменных слуг отечества. «С.-Петерб. Ведомости» и «Рус. Труд», теперь прекращённый, выступили как бы на службу раскольников и взялись даже указать то, что может непременно, по их мнению, соединить их с Церковью. Разумеется, в выставляемых ими условиях, предлагалось не раскольникам смириться и познать правоту правосл. Церкви, а господствующей Церкви предлагалось у себя одно отвергнуть, другое изменить, третье принять от раскольников и т. под. С подобным содержанием статьи не могли, конечно, не возбуждать раскольников к их более усиленной брани на Церковь и не смущать православных мирян. Поэтому миссионеры тогда же старались разобрать все эти наветы светской печати и «Миссион. Обзор.» по мере возможности печатало статьи их. – На сей раз перед нами статья не миссионера, и не «официального» лица, а простого православного мирянина, сокрушающегося существованием у нас раскола и радеющего о привлечении его к Церкви. Статьи газет побудили его, взволновавшего их неправильными суждениями, сказать своё слово «по чистой сыновней его любви к святой православной Церкви». Слово это им высказано было дважды – в 1898 г. в статье «Открытое письмо господину редактору газеты «Русский Труд», напечатанной в «Бр. Слове» за 1898 г., и в статье «Простые речи о мудрёных вещах». Та и другая статья разбирается в суждениях «Рус. Труда» и «СПб. Ведом.» о раскольниках-окружниках и об условиях их соединения с прав. Церковью. Более важна статья «Простые речи» ... Если в «Открытом письме»., автор изобличает редактора в его незнании раскольников и в несправедливых

обвинениях на прав. Церковь, то в «Простых речах» он даёт свои замечания на девять пунктов условий, с понятием коих непременно должно будто бы произойти соединение раскольников с Церковью.

Правда, замечания эти не везде основательны и не всегда доказательны; но автор не об этом и заботится: он лишь высказывал свои мнения. Мнения эти, к сожалению, носят иногда характер безапелляционных суждений, что «этого принять нельзя», а «с этим согласиться можно» и т. д. такие суждения не к лицу мирянину. По нашему мнению, была бы большая польза от его замечаний, если бы он не отчасти только, а главным образом раскрывал: вытекает ли то или другое условие светских газет из воззрений и убеждений раскольников, выставлялось ли оно ими когда-либо, могут ли они принять его и т. под. Это в корень могло бы подорвать мудрования гг. Дурново и Шарапова и брошюрке нашего автора придать большую содержательность.

Но и за то спасибо должна сказать миссия автору-мирянину, что он сделал, – что он – простец, человек, как сам он говорит, «занятой торговлей» пожелал сослужить для Церкви службу и по мере сил постарался изобличить мудрования гг. Дурново и Шарапова в делах великой важности, но в которых они очень мало знают, ещё менее понимают.

М. Павлович

Миссионерский Вестник // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 7–12. С. 834–850

Выздоровление Государя. – Столетие со дня рождения Архиепископа Иннокентия (Борисова). – Из резолюций Преосвященного Николая, Епископа Таврического. – К злосчастной судьбе духобор в Америке. – Столичные богословские чтения о христианской нравственности. – Духовные беседы в Александро-Невской лавре. – Присоединения к православию. – Симпатичный проект. – Находка нового отрывка из „Евангелия от Египтян“. – Религиозно-просветительная деятельность сельской матушки. Курьёзный документ – Иконки на ярмарке. – Возражение Ф. Мельникова. разъяснение Совета Тамбовского миссионерского Братства

Выздоровление Государя. С. 834–835

От 28 ноября сообщена радостная весть: „По свидетельству врачей, пользующих Государя Императора, процесс брюшного тифа закончил всё своё течение и период выздоровления, продолжающийся уже более двух недель, идёт вполне правильно, почему, с Высочайшего соизволения, бюллетени прекращаются“.

И так, молитвы России услышаны Богом: недуг Его Величества окончился и силы Августейшего Больного восстанавливаются.

Великой радостью исполнятся сердца верноподданных при этой дорогой вести, которая кладёт предел всем тревогам, пережитым за последнее время. А сколько было их при каждом изменении температуры тела Государя Императора, при каждом ослаблении пульса.

Благодарение Господу Богу, в неизреченной милости Своей восстановившему здоровье горячо любимого Монарха.

Прошедшие тревоги и заботы теперь становятся дорогими, так как они воочию ещё проявили ту силу любви единения и связи между Царём и народом, которыми сильна Русь.

Ныне, в благодарственном молении и в пожелании Русскому Царю многих лет жизни, здоровья и счастливого царствования на славу Руси, склонится вся многомиллионная Россия перед алтарём Всеблаготворителя!

Государь Император изволил объявить свою монаршую благодарность за возношение молитвы Св. Синоду, учреждениям, сословиям и всем религиозным общинам, возносившим свои молитвы.

* * *

В Чернигове преосвященным Антонием был совершён молебен об исцелении Государя у раки Святителя Феодосия и тогда же освящена икона Новоявленного Угодника Божия, которая и была отправлена в Ливадию к постели Августейшего Больного. Его Величество был глубоко тронут молитвой и благочестивым приношением Черниговцев и изволил выразить

особое благоволение Еп. Антонию и всем молившимся о его
выздоровлении.

С-да С. Столетие со дня рождения Архиепископа Иннокентия (Борисова). С. 835–838

15-го декабря истекающего года исполнилось ровно *сто лет* со дня рождения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического... Это – одна из самых ярких звёзд на нашем духовном небосклоне. Пятьдесят лет тому назад, имя святителя Иннокентия гремело не только в России, но и за границей. Напомним вкратце сведения о жизнедеятельности и о литературных трудах приснопамятного святителя.

15 декабря 1800 г. в бедной семье священника города Ельца, Орловской губернии, о. Алексея Борисова родился мальчик „Иоанн“, будущий Иннокентий – яркий светильник русской Церкви. Детские годы гениального мальчика проходили под тёплым покровом св. Церкви, под религиозным влиянием его благочестиво-настроенных родителей... Особенно большое влияние на мальчика (как это часто бывает) имела мать Иоанна, женщина в высшей степени религиозная, жившая, можно сказать, одной церковью, дышавшая её кадильным воздухом, искавшая во всех обстоятельствах своей жизни – радостных и печальных – благословения, утешения и сил в религии и церкви... В такой религиозной атмосфере рос мальчик Иоанн, втягивая из неё в свой молодой детский организм, в плоть и кровь свою – расположение и любовь к св. церкви и её богослужению. Первоначальное образование будущий святитель получил в Воронежской духовной семинарии, высшее – в Киевской Духовной Академии. Здесь он почувствовал жажду благородного соревнования, в кругу избранных, даровитых юношей, и со страстью предался наукам. Все единогласно, профессора и студенты, отдавали ему пальму первенства (преосвящ. Макарий, – в биографич. записке об архиеп. Иннокентии) ... Светлый ум, обширная память, творческое воображение, всесторонняя учёность, увлекательное красноречие, величественный и благолепный вид – все лучшие дары Неба соединялись в великом архипастыре... В нём совмещены были все силы и способности души в превосходной

степени. Это был как бы некий зиждительный дух, оживлявший собой всех, ободрявший унылое, возвышавший низменное, наполнявший собой весьма многое и удалением своим всегда и везде производивший ощущение пустоты. По окончании академического курса, он был назначен инспектором и профессором церковной истории в СПб. семинарию, а затем вскоре и ректором Александро-Невского училища. Здесь-то, 10 декабря 1828 года, свершилось пострижение Ивана Алекс. Борисова в монашество – с именем „Иннокентия“. 16 декабря 1824 года о. Иннокентий был переведён бакалавром богословских наук в СПб. Духовную Академию. В следующем году он был назначен инспектором Академии. 1830 г. он был назначен ректором и профессором богословских наук в Киевскую Академию, в 1836 г. хиротонисан в сан викарного епископа Чигиринского. В 1841 г. преосвящ. Иннокентий был назначен епископом вологодским, в том же году он был переведён на кафедру Харьковскую. В Харькове преосвящ. Иннокентий епископствовал 7 лет с лишним. В 1848 году состоялось назначение преосвящ. Иннокентия на кафедру Херсонско-Таврическую, где он пробыл до самой смерти, более 9-ти лет.

Здесь он, 26 мая 1857 года, в самый праздник Пятидесятницы, утром с восходом солнца, на руках своих келейников, к скорби и горю Одессы и всей России, скончался... 12 ударов соборного колокола возвестили Одессе, что на земле одним великим человеком стало меньше... Личность почившего архипастыря Иннокентия настолько необычна и велика, что невольно приковывает к себе внимание. Всегда он был на месте. Везде его деятельность была плодотворной и полезной. Его ценили и уважали, как человека просвещённого; им восхищались как профессором; ему удивлялись, как умному администратору: перед ним благоговели, как перед великим гражданином и патриотом земли русской и, наконец, перед ним преклонялись, как перед гениальным церковным оратором, как знаменитым и бессмертным церковным витиёй...

Памятником первых печатных произведений архиеп. Иннокентия служит „История последних дней жизни Иисуса Христа“, „Жизнь св. апостола Павла“ и „Жизнь

священномученика Киприана, епископа Карфагенского“. Просвещённому содействию его обязано появлением своим „Воскресное Чтение“, (издание Киевской Академии). В первые годы существования своего, украшалось оно поучительными статьями преосвященного. Известные „Чтения о церковной словесности“, „Беседы об отношении Церкви к прихожанам“ – составлены под его руководством и по указанному им направлению. Для слушания слов и бесед, которые произносил архиеп. Иннокентий на память, голосом чистым и звучным, с необычайным жаром и увлечением, слов умилительных, трогательных, стекались несметные толпы. Драгоценное для церкви наследие, им оставленное, составляют каноны и акафисты: „Пресвятой Троице“, „Божественным Страстям“, „Живоносному Гробу и Воскресению Христову“, „Покрову Пресвятой Богородицы“, „Архангелу Михаилу“.

Из проповедей Иннокентия можно составить полный годичный круг глубоко назидательных поучений. В них не перестаёшь удивляться то глубине мыслей и сближению истин священного писания с событиями мира, и жизни, по изяществу изложения, каждому вразумительного. Евангельское чтение передаётся с такой простотой, с таким умилительным чувством, что, сливаясь с этим чувством, не постигаешь, как оно не развилось раньше, при собственном чтении Евангелия. Вот эти перлы церковного красноречия знаменитого Святителя Херсонского: „Слова и речи к пастве Вологодской“; „Страстная седмица“ и „Светлая седмица“, труды эти относятся ко времени его Киевского викариатства. „Беседы на св. четыредесятницу“; „Беседы на Рождество Христово“; „Слова, беседы и речи к Харьковской пастве“; „Беседы на Великий пост“... Все эти душеспасительные поучения – неиссякаемая духовная пища православных; они передадут отдалённым векам незабвенное имя несравненного русского проповедника и церковного писателя.

Известен архиеп. Иннокентий и своим „обличительным богословием“, первым опытом русской миссионерской литературы. По обличению многословия труд этот не потерял своего значения и ныне.

В последние годы своего святительства преосвящ. Иннокентий прославился самым живым удивительно мужественным архипастырским участием в бедствиях Крымской войны и в высшей степени благотворным влиянием своим на дух воинов.

Усиленные труды и тревоги во время войны надломили здоровье славного архипастыря. Предсмертная болезнь его – боль в левом боку и груди – началась 25 апр. 1857 г. и продолжалась ровно месяц. Во всё время болезни святитель сохранял светлый ум и свежую память, говорил мало, с коленопреклонением молился, слушал чтение проповедей митроп. Филарета; назначил в духовном завещании все деньги свои – сиротам, воспитывавшимся в Михайло-Архангельском женском монастыре, также основанным им в Крыму обителям, родным своим и служившим у него...

Накануне смерти он велел выпустить из клеток всех птичек.

Тихо в Бозе почил – в день светлого праздника Живоначальной Троицы (26 мая 1857 года) ... Владыка несколько раз был напущен св. Христовыми тайнами...

Погребение приснопамятного Святителя было совершено в Одесском кафедральном соборе преосвященными – Кишиневским архиепископом Иринархом и Одесским викарием, епископом Поликарпом – в сослужении множества белого и чёрного духовенства...

Бывшая Российская Академия, Императорская Академия наук и разные учебные общества почтили литературные заслуги знаменитого витии – принятием его в свои члены. Проповеди его переведены – на греческий, немецкий, французский, польский и иные языки...

Да будет же в память вечную имя Иннокентия и да светит это яркое светило нашей Церкви, нашему и будущим временам своей светлой личностью, высотой своего проповедного слова и святительского служения служителям Церкви Русской! Вечная память славному витии!

С. С-да

Из резолюций Преосвященного Николая, Епископа Таврического и Симферопольского. С. 838–839

В Таврич. Епархиальных Вед. напечатан целый ряд сколько вообще интересных, столько же важных в миссионерском отношении резолюций Еп. Таврического. На протоколе Духовной Консистории об устройстве во вновь сооружённом соборе в Алешковском монастыре престола и иконостаса: „Престол сделать кипарисный или дубовый и размером, указанным в чинопоследовании при освящении храмов; писать иконы должно, согласно древнему обычаю русской Церкви, православному христианину и богобоязненному, который и сами краски должен растворять на св. воде, готовиться к делу писания икон говением, исповедью и причащением, а пища, умиленно молиться.

На протоколе Духовной Консистории по обвинению одного из священников в некоторых неблаговидных действиях: „Желательно, чтобы обычай приносить водку и вино перед бракосочетанием священнику был оставлен, как несоответствующий ни святости брака, ни званию священника. обязанного учить прихожан трезвости и воздержанию“.

На журнале Консистории по ходатайству одного из священников о разрешении ему отпуска: „Рекомендовать раз на всегда, чтобы приглашали на время своего отсутствия к исполнению обязанностей из заштатных священников“.

На протоколе Духовной Консистории об одном тяжёлом деле приходского священника с светским лицом: „Я рекомендовал бы Консистории реже прибегать к гражданскому суду, устраивая дела своим судом, дабы не дискредитировать духовенство в глазах общества“.

На протоколе Духовной Консистории о разрешении нескольких браков в родстве: „Рекомендовать духовенству, чтобы оно было внимательнее и осторожнее в направлении просителей ко мне, ибо это очень часто ведёт только к напрасным издержкам по поездкам в епархиальный город“.

На журнале Духовной Консистории об исполнении одним лицом назначенной ему епитимии: „Рекомендовать духовенству, чтобы не ограничивались только формальным отношением к епитимийцам, а в духе пастырской благожелательности и попечительности о душах епитимийцев и их спасении руководили бы духовно их в деле исправления, давая добрые советы, снабжая грамотных душеполезными книгами и проч.“.

На докладе Консистории о назначении катехизаторов на 1901 г.: „Предлагаю Консистории обратить внимание на то, что священники, вопреки правил, служат только однажды в неделю, даже и при двуклирных штатах. Надобно, выбрав статьи о сём, предложить благочинным следить, чтобы служили как можно чаще и, по крайней мере, не менее положенного законом, а виновных в отступлении от сего штрафовать“.

К злосчастной судьбе духобор в Америке. С. 839–840

Мы получили из Америки новое печальное известие о безотрадной участи духобор, поселившихся в Канаде. Железная дорога, Manitoba North Western, на землях которой поселена половина Духоборов в Ассинобойе, – другая половина живёт на земле государственной – проданная Canadian Pacific R. R. и что эта последняя, открыв, что документы, по которым поселены духоборы, составлены были неправильно и совершенно на авось, и не имеют законной силы, отбирает теперь у них эти земли, требуя уплаты по три доллара за каждый акр. Многие селения выстроены целиком на этой железнодорожной земле, и им дан годичный срок: или плата или убирайся вон.

По приблизительному расчёту, приходится уплатить около 750 р. на семью, что, само собой разумеется, совершенно недостижимо, тем более, что земля ровно ничего не стоит, и между духоборами началось серьёзнейшее брожение. Абсолютная неспособность князя Д. Хилкова и всех его адъюнктов к какому-либо практическому делу дала возможность Canadian Pacific R. R. учинить теперь всё это с несчастными духоборами. Трудно предвидеть, чем окончится, эта духоборческая и столь трагическая эпопея.

Столичные богословские чтения о христианской нравственности. С. 840

В зале общества спасения на водах по благословию Высокопреосвященного митроп. Антония открыт целый ряд богословских чтений для интеллигентного общества. В воскресенье, 19 ноября первое чтение предложил при 300 слушателях ректор СПб. духовной семинарии, архимандрит Сергей: „требования, предъявляемые христианину первой заповедью блаженств: обнищание духом мира сего и богатство верой“.

Главные положения: заповеди блаженств являются в системе христианской этики экстрактом нравственного вероучения, принесённого И. Христом. В отличие от заповедей десятословия они с положительной стороны развивают постепенно целую лестницу степеней нравственного усовершенствования. Истинный смысл первой заповеди определяется из сопоставления её с Иак.2:5, где сходство по смыслу первых (условных) половин обоих предложений и тождественность по форме вторых (обусловливаемых: „яко тех есть царство небесное“, „наследники царствия“) дают право разуместь под „нищими духом“ нищих духом мира сего. Такое именно разумение как нельзя лучше объясняет, почему первым требованием блаженства И. Христос поставил обнищание духом мира: невозможно было преисполненному всякого рода страстями и пороками древнему миру воспринять всё богатство и полноту христианских добродетелей, не отвергшись сперва и не обнищав самого духа омирщенной языческой атмосферы. Произнесённая почти две тысячи лет назад, заповедь не утратила своего смысла и в настоящее время: нарушение постов, в особенности в среде столичного населения, пренебрежительное отношение к обрядовой стороне христианского православного вероисповедания, главным образом среди интеллигенции, не суть ли явное доказательство и теперь ещё царящего в христианском обществе духа мира сего?

Среди новых посетителей богословских чтений ныне мы заметили профессора химии константиновского артиллерийского училища генерал-майора Н. П. Нечаева с супругой. Следующее чтение в воскресенье, 26 ноября, предложит чередной архимандрит Дионисий: „требования, предъявляемые второй заповедью блаженства“

Духовные беседы в Александро-Невской лавре. С. 841

Беседы эти возникли по мысли и предложению высокопреосвященного митрополита Антония, и 2 года ведутся по воскресным дням, после вечерни и акафиста Спасителю, совершаемых архиерейским служением, при пении полного хора братии лавры, и произносятся учёными архимандритами. В настоящем году они начались с 1-го октября и имеют своим предметом объяснение воскресных евангельских чтений. Доселе беседовали архимандриты: Сергей, инспектор академии, Сергей, ректор С.-Петербургской духовной семинарии, Иннокентий, член цензурного комитета, ныне ректор тверской духовной семинарии, Владимир, старший цензор, чередной архимандрит Дионисий, Начальник Урмийской миссии архимандрит Феофилакт, смотритель училища иеромонах Никодим, архимандрит Моисей. На беседах присутствуют обыкновенно и старшие из братии лавры, и сам высокопреосвященный митрополит Антоний. Обыкновенно владыка перед беседой занимает место на правом клиросе, выслушивает её и затем сам вступает в собеседование с народом. В простых словах архипастырь обращается к народу или с объяснением по поводу слышанного или псалмов. Сам владыка завёл общенародное пение на беседах некоторых псалмов (6 и 14), по его распоряжению напечатанных на листках в синодальной типографии. Листки эти раздаются слушателям, которым владыка предлагает выучить псалом наизусть, чтобы всем вместе петь его на следующей беседе. Начинание архипастыря, видимо, понравилось народу и заслуживает того, чтобы вводить его везде на беседах. Как известно, общее пение теперь широко распространено на беседах, но поют обыкновенно общеизвестные молитвы и вперёд не идут. Способ пения с народом, по начинанию Владыки, рассчитан на то, чтобы ввести в народ знание псалмов, которое, хотя и часто читаются в церкви, но не знакомы народу ни по букве, ни по смыслу, вследствие ли торопливого чтения или невнимания к читаемому со стороны слушателей. Высокий интерес возбуждают в народе

эти беседы, начинаемые архимандритом и оканчиваемые митрополитом.

Вечерня начинается в 4 ч., беседа около 6 ч., а всё это молитвенно – собеседовательное собрание оканчивается в восьмом часу вечера.

Присоединения к православию. С. 842

В последнее время нередко приходится читать в австрийских славянских газетах о переходе того или другого славянина-католика в Православие. Движение это ныне усиливается повсеместно, как в Австрии, так и в Венгрии, несмотря на господствующее в них положение католичества. В прошлом году состоялось трогательное торжество перехода в Православие полутора тысяч Хорватов в Саитове. Возвращение в прадедовскую веру особенно заметно в Среме и Банате, составляющих так называемую Крайну, затем в самой полуславянской Вене, в отдельных городах и сёлах и даже в Праге, где не проходит недели, чтобы не было случая перехода Чехов в Православие. Между прочим, в течение последнего месяца, по словам загребской газеты „Србобран“, – в Панчеве, на Дунае, присоединилось в Православие десять лиц, и многие готовятся к этому св. делу.

Симпатичный проект. С. 842–843

В заседание субкомиссии по изысканию мер борьбы с пьянством при посредстве духовенства (при Комиссии по вопросу об алкоголизме) одним из членов (П. П. Лебедевым преподавателем С.-Петербургской Семинарии), внесён на обсуждение следующий симпатичный доклад, который принят Комиссией очень сочувственно.

„В борьбе духовенства со всякого рода общественными недугами и в том числе с народным пьянством весьма неблагоприятным условием является удалённость и отчуждённость духовного сословия от общественной жизни народа. Ведая одни только личные и домашние нужды своих прихожан, пастырь часто совсем не ведаёт того, что составляет общую потребность целого прихода; юридически он устранён от всякого участия в общественных делах последнего и даже узнаёт о них обыкновенно лишь стороной, случайно и несвоевременно. Через это необходимым образом суживается круг интересов духовного сословия, принижается его общественное положение и значение, а вместе с тем умалется и нравственное влияние на народ. Чтобы дать пастырям церкви, особенно в сёлах, более действительные средства для успешной борьбы с общенародным злом, надо приблизить их к общественной жизни народа, ввести в круг его общественных нужд и интересов. С этой целью сельскому духовенству следует открыть свободный доступ во все общественные места и собрания, где решаются крестьянские дела, должно быть предоставлено право участвовать в обсуждении их своими советами, разъяснениями, мнениями, давать свои подписи на общественных приговорах и т. п. Формы и размеры такого участия должны быть определены в точном юридическом порядке“.

Находка нового отрывка из „Евангелия от Египтян“. С. 843

„Revue des Revues“ сообщает в своей последней книжке о весьма интересном открытии, сделанном тремя профессорами страсбургского университета Шпигельбергом, Шмидтом и Якоби. Названным учёным посчастливилось найти в папирусах, приобретённых в Каире для библиотеки названного университета, *два отрывка из пятого Евангелия*. Сначала эти папирусы возбудили некоторое подозрение, но затем тщательные исследования, сделанные египтологами, подтвердили их подлинность и, в связи с ней, их важность.

По мнению профессора Шмидта, в этих рукописях находится, сделанный в V Столетию по Р. Х., коптский перевод Евангелия, написанного по-гречески во II веке. Эти новооткрытые отрывки могут принадлежать одному из не дошедших до нас евангельских текстов. Профессор Якоби склонен думать, что данные отрывки принадлежать именно „Евангелию от Египтян“, о котором повествуют Ориген, святой Иероним, греческий историк Феофилакт и о котором имеются некоторые сведения в творениях св. Ипполита и св. Епифания.

В одном из отрывков, приобретённых страсбургским университетом, заключается новая версия рассказа о Христе в Гефсиманском саду; другой отрывок содержит повествование, к сожалению очень неполное, о воскресении Спасителя.

Профессор Гарнак, один из видных комментаторов и знатоков библейских книг в Германии, уже раньше высказал мнение, что папирус, заключающий „Изречения Христа“ (найденный несколько лет тому назад) мог представлять известную часть или отрывок из „Евангелия от Египтян“. Профессор Якоби, о котором упоминалось выше, также склонен к принятию этой гипотезы. Он, именно, предполагает, что папирус с „Изречениями Христа“ и новооткрытые отрывки Евангелия происходят из одной и той же рукописи, которую продавцы с целью наживы разделили на несколько частей. В

виду этого профессор Якоби в настоящее время усиленно занят разысканием остальных листов рукописи. („Моск. Вед.“).

Религиозно-просветительная деятельность сельской матушки. С. 844

„Херсонские Епархиальные Ведомости“ отмечают отрадный почин ведения религиозно-нравственных чтений сельской матушкой, женой священника Ольгой Щербаковой, под ближайшим руководством её мужа. Всех чтений с ноября по февраль было десять, крестьяне и крестьянки очень охотно их посещали и слушали с глубоким вниманием. Высокопреосвященный Иустин, архиепископ Херсонский и Одесский, написал следующую резолюцию на донесении благочинного о ведении этих бесед: „жене священника Ольге Щербаковой передать мою благодарность за её доброе дело: чтения её многополезны для слушателей и достойны полного одобрения от всякого благомыслящего человека. Низведут они на неё и Божие благословение, ибо её труд во славу Божию и во спасение ближнего“. Желательно, чтобы почаще отмечалась на страницах епархиальных органов просветительно-миссионерская деятельность сельских матушек, среди которых мы нередко встречали таких жён, которые облегчают пастырские труды своих мужей в праздничные дни, и близко принимают к сердцу интересы прихожан, с которыми естественно, особенно с женщинами, жена приходского пастыря должна, входить в более близкие и сердечные отношения, внося в эту тёмную среду луч света и подавая посильную помощь в скорбях душевных и телесных.

Курьёзный документ (1894 г.). С. 844–845

В В-ское Уездное Полицейское Управление.

К-ая духовная Консистория покорнейше просит Полицейское Управление сделать распоряжение об объявлении крестьянке д. С-и Христине Ф-вой Г –й²⁹⁸, что, согласно просьбе её, по определению Епархиального Начальства, от 22 сентября сего года, *дозволено ей проживать в доме крестьянина Ив-на Ф-ка, в том случае, если она даст подписку в том, что не будет состоять с ним в незаконной связи.* Подлинное за надлежащими подписями.

1894 года октября 28 дня, я, нижеподписавшаяся, даю настоящую подписку в том, что я не буду проживать с Иваном Ф-ом в незаконной связи, в том подписуюсь, Христина. Гу-ая, а за неё неграмотную подписался Яков Фещенко. объявлял Пристав 3 стана Кр-кий.

Настоящее поручение, вместе с подпиской, Г-ой, представляя в В-ское уездное полицейское управление, имею честь просить дать мне знать, кто и каким способом должен иметь наблюдение за точным выполнением данной Г-ой подписки? Подлинное за надлежащей подписью Пристава 3 стана. 2 ноября 1894 г. № 4255.

Да, вопрос бедовый задал г. Пристав Консистории...

Иконы на ярмарке. (Из письма в редакцию). С. 845–846

Вспоминая слова пророка Божия Илии – „Ревнуя поревновах по Господе Боже Вседержителе“, я решился предать гласности нижеследующую картину торговли иконами, виденную мною на ярмарке в нашем посаде Клинцы 20 сентября.

Бойкие, людные места ярмарочной площади заняли балаганы торговцев кустарных изделий и предметов обычного обихода; и что же в них вы видите? – рядом с гармоникой, игрушками, циничными картинами и св. иконы.

Для удобства выбора покупателей, товар расставлен и развешан по стенкам балагана. Вот вывешены рядом картины песен в лицах в роде: „Камаринского мужика“ и „улицы мостовой“, а повыше иконы Христа Спасителя или угодников Божиих, а вот ниже ещё не расставлены, а лишь свалены в грязь и сор скирды тоже иконы, на которых сверху расставлены гармоники для выбора.

Вот подходит ветхая старушонка – крестьянка и просит торговца показать ей образ св. Черниговского Феодосия; торговец занят в это время продажей гармоники подгулявшему молодцу, и дабы наглядно показать достоинство продаваемой гармоники отчаянно разыгрывает разухабистый мотив, а, чтобы не упустить и старушонки он наскоро указывает ей *носком салоба* (руки заняты гармон.), в какой стороне стоит образ св. Феодосия. А вот пьяная толпа фабричных раскольников подходит к балагану и требует показать ей картину, – „вон ту мол, что рядом с хохлатской Богородицей“. А вот толпа раскольников, во главе с фанатичкой старухой, делают свои замечания о неправильно написанных „хохлатских Богах“: „постой, кричат, тётка, покажи Бога? сколько за него дала? ишь какой страшный?“

Грустная и обидная для христианского православного чувства получается картина!

Теперь смотрю, как написаны эти иконы? Господи! просто обидно за детски-доверчивых тёмных покупателей. Это не

изображение св. ликов, а кощунственная безобразная мазня, с невозможными надписями в роде Кристимиана и Варвариана (св. Иустиниан и св. муч. Уар). Для образца прилагаю икону, одну из числа лучших, купленных мною здесь в балагане.

Когда я расплачивался за купленную икону, подходит молодой батюшка и покупает игрушки для детей; ну, думаю, слава Богу, сделает замечание торговцу за кощунственное небрежное обращение с предметами христианского почитания; толпа раскольников – зевак ещё ближе насела к балагану. Но, увы! нет. Иерей безмолвствует. Не утерпел я, обратился к батюшке с покорнейшей просьбой сделать замечание торговцу, чтобы он подложил соломки под иконы и хотя бы перестал играть на гармонике. „Это дело полиции, а где же взять лучших живописцев?“ отвечал юный пастырь.

На ярмарке, впрочем, был не один и не два священника, а десяток, кроме местных! Не место гармонике и соблазнительной картине, в роде итальянок, со св. Иконой в балагане. Что же, неужели законы и распоряжения власти писаны не для исполнения и руководства, а для одной канцелярщины?

В Редакцию журнала „Миссионерское Обозрение“.

Почтительнейше прошу Редакцию „Миссионерск. Обозрения“ исправить допущенную на 618 стр. своего журнала (апрель 1900 г.) несправедливую заметку, будто я, Феодор Мельников бежал в Румынию, вследствие того, что полиция г. Новозыбкова привлекла меня к ответственности за „неистовое“ пение в Единоверческой церкви: „соблюди, Господи, небагочестивейшего Царя Нашего Николая Александровича“ и что перед моим бегством ночью были расклеены мною на столбах нашего города афиши, в которых предлагалось „поставить посреди города столб и первым на нём повесить миссионера Р-на, а вторым – нового исправника“. Об этих „скверных проделках“ я, – мнимый их герой, узнал только из „Мис. Обозр.“, жители же города Новозыбкова, не читая Вашего журнала, доселе не знают об этих громких событиях – не знают потому, что их в действительности не было. Они придуманы фантазией досужего корреспондента.

В Румынию я не бежал, да и не было причин бежать, так как ничего подобного, навязываемого мне „Мис. Обозр.“, я не совершал: в Единоверческой церкви я не поминал в многолетии нашего Самодержавнейшего Монарха „небагочестивейшим“, а также не расклеивал на Новозыбковских столбах возмутительных афиш; в нашем городе самых столбов для афиш нет

За границу же я выехал по своей доброй воле и с разрешения г. Черниговского губернатора, получив на выезд через две недели после мнимого преступления, законный заграничный паспорт через того самого г. исправника, которого я будто бы предлагал повесить и из своего города я выехал без ведома Новозыбковской полиции, под благодетельным покровом которой ныне проживаю, возвратившись благополучно из-за границы.

Надеюсь, что в интересах своего журнала Редакция „Мис. Обозр.“ напечатает настоящее возражение на страницах своего органа.

Феодор Мельников.
Г. Новозыбков.
28 апреля 1900 г.

От Совета Тамбовского Казанско-Богородичного миссионерского Братства (от 28 ноября за № 108). С. 847–850

В октябрьской книжке журнала „Миссионерское Обозрение“ за текущий 1900 год появилась заметка³⁰⁰, представляющая суждения Совета Тамбовского Казанско-Богородичного миссионерского Братства по некоторым миссионерским вопросам в неправильном или искажённом виде. Автор заметки, между прочим, выражает сожаление, что „не всегда и миссионерские учреждения стоят на высоте понимания сложных задач миссии. Так Тамбовский совет Братства, говорит автор, при обсуждении вопроса о миссионерских местных съездах, в лице некоторых своих членов, высказался против необходимости приглашения на эти съезды более опытных миссионеров других соседних епархий“.

В видах восстановления истины Совет Тамбовского Братства долгом своим считает заявить, что таких суждений он никогда не высказывал и по существу не мог высказывать. Областные миссионерские съезды с участием миссионеров соседних епархий отнюдь не представляют для Тамбовского Братства чего-либо нового, небывалого. Подобный съезд, при деятельном участии Совета Братства, уже был в Тамбове в 1898 году, когда по приглашению Совета на съезде присутствовал Воронежский епархиальный миссионер. Вполне сознавая пользу присутствования на областных съездах миссионеров из других епархий, Совет и в текущем году, обсуждая, по предположению Преосвященного. VI пункт циркулярного указа Св. Синода от 26 мая, журнальным определением своим от 6 сентября постановил следующее: „Доложить Его Превосходительству, что рекомендуемые пунктом VI указа Св. Синода съезды епархиальных и окружных миссионеров с участием более опытных миссионеров соседних епархий уже бывали в Тамбове, и что по мере надобности, и насколько будут позволять средства, Совет и впредь не преминет созывать таковые съезды.“ Совершенно излишне поэтому неизвестный автор

заметки пространно доказывает Совету Тамбовского Братства пользу и значение приглашения на областные миссионерские съезды миссионеров других епархий.

Даже, если бы и действительно некоторые члены Совета высказались против необходимости приглашения на областные съезды миссионеров из соседних епархий, то и тогда несправедливо на основании частных, единичных мнений печатно обвинять целое учреждение в непонимании своих прямых задач. Это было бы противно здравой логике. Для всех и каждого должно быть понятно, что некоторые члены во всяком случае не составляют ещё совета. Этого мало: автор не имел даже права говорить в печати о том, что было заявлено некоторыми членами в Совете. Частные мнения отдельных членов, как высказанные ими в Совете, заседания которого закрыты для посторонних, вообще не подлежат огласке, тем более в печати. В противном случае стеснялась бы свобода в подаче мнений. Но для того Совет и коллегиальное учреждение, чтобы каждый член мог высказывать здесь своё мнение откровенно, по совести. Справедливость, однако, требует сказать, что и тут автор заметки извратил смысл рассуждений, бывших в Совете. Против приглашения на съезд миссионеров из других епархий принципиально никто из членов не возражал. Некоторые из членов высказались только против того, чтобы ино-епархиальные миссионеры были приглашаемы непременно на средства Совета, причём, конечно, и эти члены не имели в виду возможных частных случаев, подобных тем, какие указаны в рассматриваемой заметке „Миссионерского Обозрения“, рассуждая совершенно правильно, что Совет Братства, как живое учреждение, на каждый частный или отдельный случай может иметь своё особое суждение.

Задавшись неблагоприятной целью перетолковать суждения и действия Совета Тамбовского Братства в противную сторону, автор заметки остаётся вполне верным ей. В конце заметки он „с прискорбием добавляет, что Тамбовский Совет Братства отклонил учреждение вообще фонда“, каковой VII пунктом циркулярного указа Св. Синода рекомендуется Епархиальным Преосвященным заводить при Братствах и других

благотворительных учреждений для выдачи пособия лицам, оказавшимся в беспомощном состоянии по обращении их из раскола или сектантства в православие. На это Совет долгом поставляет сообщить скорбящему автору, что, согласно § 3 своего Устава, оказание материального пособия нуждающимся из новообращённых в православие он, Совет, всегда считал и считает прямой своей обязанностью и не уклонялся от исполнения её. Как и в какой мере он исполнял эту обязанность, свидетельствуют ежегодные отчёты Братства, печатаемые для общего сведения. Отсюда странно и неестественно ожидать, чтобы Совет принципиально высказался против фонда, отклонил вообще учреждение его, как бы находя его излишним. Рассуждая по содержанию пункта VII Св. Синода, Совет пришёл только к заключению, что *в данное время*, при исключительных обстоятельствах Братства, требующих со стороны его больших денежных затрат на удовлетворение ближайших неотложных (постройка здания для книжного склада и помещения библиотеки), учреждение при нём особого материального фонда неосуществимо. Поэтому и в журнальном определении своём от 6 сентября Совет выразил буквально следующее: „Доложить Его Преосвященству, что Братство уже оказывает и впредь будет оказывать посильное вспомоществование обращающимся из раскола или сектантства в православие, но что образование особого фонда для сей цели Совет при настоящих средствах Братства не находит возможным“.

В заключение не лишне заметить касательно рассуждений автора о распоряжениях епархиальной власти по пунктам III, IV и V указа Св. Синода. По содержанию указанных пунктов епархиальным начальством затребованы нужные сведения от благочинных, но решающего значения мнений оо. благочинных пока никто не придавал, почему и сетования автора заметки, что немногое здесь оставлено ведению миссионерских учреждений и лиц, по меньшей мере преждевременны...

* * *

От редакции. Выше помещённое разъяснение Совета Тамбовского братства говорит об отрадной чуткости провинциальных миссионерских учреждений и лиц к печатному

слову и о внимании в частности к нашему миссионерскому органу. Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. И наша Редакция всегда признательна тем лицам и учреждениям, которые помогают нам стоять на высоте правды в защите истины. Помещая это разъяснение, мы с особенным удовольствием остановились на заявлении Совета о сочувствии миссионерского Тамбовского Братства областным съездам, хотя, признаёмся, Редакция имела фактические данные думать по этому вопросу иначе. Затем, не хочется нам согласиться с тем мнением Совета, коими он ограждает свои заседания и мнения отдельных своих членов, как неприкосновенную для печати и критики тайну. Светлое не боится лучей света, а тьму зачем прятать от света? Все коллегиальные учреждения пользуются привилегией гласности и открытого свободного обсуждения предложенных вопросов. Братствам вообще, миссионерским в особенности, можно пожелать, чтобы они более были открытыми, живыми учреждениями, привлекая тем возможно широкое к своей св. миссии внимание и сочувствие со стороны „внешних“.

Наконец, что касается фонда миссионерского, то ведь и разъяснение гласит о том же, о чём говорилось в нашей заметке, – т. е., что учреждение фонда Советом отклонено. И мы всё-таки не понимаем, почему, а потому оставляем за собой право скорбеть... Что касается воздвигаемых Братством построек, то какое же их отношение к фонду? Очевидно, почтенному Братству неизвестна история этих благих начинаний в других епархиях, напр. в Херсонской, Таврической, Рязанской, Киевской и проч. Миссионерские фонды учреждаются совсем не за счёт братских сумм, а самостоятельно, путём особого тарелочного сбора, обложения причтов, церквей, свечных заводов особым взносом, путём частных пожертвований. Цели миссионерского фонда, напр. Херсонского далеко не во всём совпадают с задачами братства. Миссионерский фонд, при своём развитии, наоборот, способен облегчить даже и само строительное дело братства.

Редактор-издатель *В. М. Скворцов*

* * *

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ В 1901 г. ЖУРНАЛА „Миссионерское Обозрение“.

В новом 1901 году „Миссионерское Обозрение“ вступает в *шестой год* своего издания и по своему направлению и характеру остаётся *неизменным – зорким и убеждённым стражем* интересов *внутренней миссии*, в широком значении и понимании этого святого дела.

Будучи *единственным* в духовной нашей журналистике *специальным органом внутренней миссии* нашей св. церкви, „Миссионерское Обозрение“ посвящено *всестороннему исследованию и обличению как русского сектантства*, во всех его видах и толках (молоканства, духоборчества, штунды, пашковщины, толстовства, шалопутства, скопчества и др.), *так и расколо-старообрядчества*.

Всероссийский миссионерский съезд признал „Миссионерское Обозрение“ изданием необходимым для церковных библиотек приходов Империи, заражённых заблуждениями сект и раскола, а также для благочиннических и епархиальных библиотек. Училищный Совет при Св. Синоде рекомендовал миссионерский журнал для приобретения в библиотеки церковно-приходских школ в особенности тех местностей, которые заражены расколом и сектантством, а Учебный Комитет при Св. Синоде рекомендовал „Миссионерское Обозрение“ для приобретения в библиотеки духовных семинарий.

В новом 1901 г. „Миссионерское Обозрение“ *будет выходить в следующем составе и порядке:*

1) **12 ежемесячных выпусков журнала**, в объёме от 8 до 12 печатных листов. (Одна книжка журнала в вакационное время выйдет сводной: июль–август). .

2) **4 книжки Приложения (трёхмесячники)**, в объёме от 10 до 12 печатных листов каждая книжка, с **Миссионерскими листками** – при сих же книгах, в форме – «Ответы из слова Божия».

3) **6 особых проповеднических Приложений (двухмесячники)**, под заглавием: **Проповеди**

„Миссионерского Обозрения“ в объёме от 4 до 8 печат. листов каждая брошюра.

Все отделы Приложений к журналу „Миссионерского Обозрения“ главным образом *предназначены для православных чад церкви*, а потому „Миссионерское Обозрение“ является органом интересным и полезным не только для приходов с расколо-сектантским населением, но и чисто православных, не заражённых религиозными лжеучениями века сего.

В *Проповедническом Приложении* 1901 г., особым счётом страниц, будут издаваться *церковные слова, беседы, речи и назидательные статьи заслуженного ординарного профессора Киевской духовной академии В. Ф. Певницкого*, издавна пользующегося почтенной известностью знаменитого церковного витии.

В течении 1901 г предположено издать *первый том проповедей маститого профессора и на воскресные и праздничные дни, а также и на пассии*. Таким образом, наши подписчики получают, в качестве **особого приложения**, издание проповедей одного из знаменитейших русских православных проповедников нашего истекающего века.

В качестве **бесплатного приложения**, в текущем году будет издан редакцией „Миссионерского Обозрения“ **Вечный календарь для православного народа** (стенной), заключающий в себе **самонужнейшие** для всякого православного христианина, а наипаче же **для живущих среди сектантов и раскольников**, – сведения: об основных догматах с приведением главнейших текстов Свящ. Писания, о нравственных и обрядовых истинах православной веры, о Господних и церковных заповедях Закона Божия, о праздниках, молитвах и проч.

Условия подписки остаются без перемены, а именно: а) за подписную годовую плату в **шесть** руб. с пересылкой, получают *полное издание „Миссионер. Обозр.“, т. е. 12 книжек журнала, 4 кн. приложения, 6 кн. проповедей.* б) За **пять** руб.—только 12 ежемесячных выпусков журнала *без всяких приложений.* Заграничные подписчики вносят восемь руб. за один журнал и 10 руб. за журнал со всеми приложениями. *Отдельной подписки на*

приложения в новом году не допускается, а также рассрочки платежа, за

исключением требований, поступающих через оо. благочинных.

При „Миссионерском Обзрении“ издаётся **„Народно-Миссионерская“ Библиотека**, в количестве свыше 60, (вновь изданных и пересмотренных) отдельных выпусков, состоящих из следующих отделов: а) Ответы из «слова Божия»; б) Святоотеческие наставления об основных истинах веры; в) Духовно-беллетристические и религиозно-бытовые рассказы и очерки жизни сектантов и раскольников, цена 2 р. **Присылающие требование и подписке на журнал прилагают только 1р. 35. к.**

Примечания

¹ - Редакция охотно будет давать место таким уставам на страницах „Мис. Обозрения“, к сведению и руководству своих читателей.

² - Редакция на страницах „Мис. Обозрения“ с величайшей готовностью напечатает примерный проект устава этого столь желательного для миссии общества.

³ - См. Мис. Обозр. Июнь.

⁴ - Подробности см. в Брат. Слове за 1883 г. № 5 стр. 221–239.

⁵ - Филарет, Архиеп. Черниговский. История рус. церкви изд. 5. 1888 г. т. V. стр. 181.

⁶ - Подробнее см. в книге В. Беликова „Деятельность Московского м. Филарета по отношению к расколу“. Каз. 1896. стр. 409–422

⁷ - Архив Св. Синода. Дело от 1873 г. за № 619.

⁸ - Предписание это полностью напечатано в журнале „Истина“ за 1875 г. кн. 40.

⁹ - Слово помещено в Душеп. Чтении за 1880 г. т. 1. стр. 430–432.

¹⁰ - Уфим. Еп. Вед. 1883 г. № 18.

¹¹ - См. подробности в Бр. Слове за 1886 г., кн. 1, № 7, стр. 505.

¹² - Прибавл. к Твор. св. Отец за 1889 г., кн. 3, стр. 86.

¹³ - Вят. Епарх. Вед., 1867 г., № 18, стр. 549.

¹⁴ - За 1897 г., № 123 и в Вятск. Епарх. Вед., за 1869 г., № 12, стр. 265.

¹⁵ - Прав. Обозр. 1888 г. янв., стр. 127.

¹⁶ - Прибавл. к Твор. св. Отец. 1882 г., кн. 4, стр. 649 и далее.

¹⁷ - Филиппов Т. Современные церковные вопросы. СПб. 1888 г. стр. 463.

¹⁸ - О времени появления и авторе. см. подробные рассуждения у свящ. Копьева в ст. „Раскольничьи стихотворения

против Единоверия“ в Чтен. общ. люб. дух. просв. за 1875 г. кн. 2, стр. 503–504.

¹⁹ - Подробности см. в Чтеи. в общ. люб. дух. просв. за 1875 г. кн. 2, стр. 502–508.

²⁰ - Записка эта вместе с подробным разбором её помещена в журнале „Истина“ за 1871 г., кн. 20.

²¹ - Чтения в общ. люб. дух. просв. 1875 г., кн. 2, стр. 508–513.

²² - Там же, кн. 3. стр. 577–599.

²³ - Пункты эти полностью приведены и основательно разобраны в жур. „Истина“ за 1872 г., кн. 23.

²⁴ - Подробный разбор этого сочинения в „Истине“ за 1873 г., в кн. 28.

²⁵ - Каталог № 14, п. 8.

²⁶ - Рукописное произведение, написанное после издания „Окружного послания“. См. „Вестн. Евр.“ за 1873 г. Июнь, стр. 591–592.

²⁷ - Это письмо известно нам по рукописи 1894 года; затем оно в 1897 г. было напечатано в Румынии, в Брайле, и разослано в качестве приложения всем получавшим раскольничью газету „Слово правды“.

²⁸ - См. Мис. Обоз. 1900 г. Июнь.

²⁹ - Постоянным моим спутником и руководителем в ознакомлении с сектой пашковцев был известный знаток сектантства, священник В. А. Прозоров.

³⁰ - Здесь часто приводится пашковцами также Гал.5:22: плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, – но эти слова, как видно из ст. 16 и след. говорят о духе человеческом, а не о Духе Божием. Если же они настаивают на противном, то должны помнить, что Апостол в число плодов духа включает и веру. Почему в таком случае они утверждают, что вера вменяется в праведность человеку, когда она такой же плод духа, как и дела?

³¹ - Не можем не заметить здесь, что человека мало знакомого с священ. текстом, при ссылке на то, что Писание требует не только веры в Бога, но и исполнения воли Его, т. е.

дел, как нам приходилось слышать, совершенно сбивают с толку текстами; воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имела жизнь вечную (Ин.6:40). Вот дело Божие, чтобы вы веровали в того, кого Он послал (Ин.6:29).

³² - Если в Писании какое-либо выражение повторено дважды, говорил сам пашковский учитель, то это означает его особенную важность; эти слова как бы подчёркиваются.

³³ - Последнее они отрицают всеми силами, да и не могут делать иначе, потому что, если мы можем получить спасение, принадлежа к Православной церкви, то зачем нам искать его в сектантстве?

³⁴ - Пóсконь – 1. Мужская особь конопли с тонким стеблем, из к-рой вырабатывается тонкое волокно... 2. Домотканый холст из такого волокна (устар.)... – Редакция Азбуки веры.

³⁵ - См. Миссион. Обзор. 1900 г. июнь.

³⁶ - См. Миссионер. Обзор. 1900 г. Июнь стр. 806–813.

³⁷ - Белокуров. Силвестр Медведев XXXIX.

³⁸ - Виноград Российский, оо сп Синод. библи. л. 53 об.

³⁹ - Странник 1873 г. т. IV ч. 2 стр. 211–212.

⁴⁰ - Летопись происход. в расколе событий за 1886 г. II стр. 55, 84 и 95 и за 1888 г. стр. 82.

⁴¹ - Русь. 1885 г. 7, 8 и 10. Рус. Обзор. 1895 г. № 10.

⁴² - „Миссион. Обзор.” июнь.

⁴³ - Собр. мн. и отз. V т., 2 ч., 742 стр.

⁴⁴ - Собр. мн. и отз. IV т., 331 стр.

⁴⁵ - Собр. мн. и отз. V т. 2 ч. 742–743 стр.

⁴⁶ - Там же, IV т. 331 стр.

⁴⁷ - Собр. мн. и отз. V т. 2 ч. 743 стр.

⁴⁸ - Собр. мн. и отз. IV т. 331 стр.

⁴⁹ - Там же, V т. 2 ч. 743 стр.

⁵⁰ - Собр. мн. и отз., 470 стр. 469.

⁵¹ - Собр. мн. и отз. V т. 1 ч. 494 стр.

⁵² - Собр. мн. и отз., дополнит. том, 462 стр.

⁵³ - Собр. мн. и отз., том дополнит. 463–165 стр.

⁵⁴ - Собр. мн. и отз. V т. 232–234 стр.

⁵⁵ - Собр. мн. и отз. IV т., 462–469 стр.

⁵⁶ - Собр. мн. и отз. V т., 2 ч., 743–744 стр.

⁵⁷ - Собр. мн. и отз. V т., I ч., 494 стр.

⁵⁸ - Собр. мн. и отз. V т., I ч., 494 стр.

⁵⁹ - Там же. 495 стр.

⁶⁰ - Собр. мн. и отз. V т., I ч., 495 стр.

⁶¹ - Там же, V т., I ч., 496 стр.

⁶² - Собр. мн. и отз. V т., ч. I. 494–497 стр.

⁶³ - „Миссионер. Обзорение“ ноябр кн. 1899 г, а также см. в особо изданной книжке: „Юбилейный сборник слов, бесед, речей и назидательных статей Высокопреосвященного Иоанникия“. СПб.

⁶⁴ - Примечание. Логика оригинальная?! Интересно было бы знать – признали ли бы себя г. защитник и многие подобные ему раскольниками по одному тому, что не бывают у исповеди и св. причастия целые десятки лет? Не лишне отметить при этом и то, что защитник, когда приходилось упоминать обвиняемого, называл его сначала „священником“, а потом как-бы опамятававшись „лже-священником“ – и это каждый раз, – значит: и пациенту угождал и православных не раздражал.

⁶⁵ - Священником о. Вл. Ст-овым затронут весьма интересный сам по себе и имеющий значение в полемике с расколом вопрос о чётках и лестовках. В нашей не только полемической, но вообще церковно-исторической литературе он рассматривался весьма недостаточно. Поэтому мы и даём в настоящее время место на страницах нашего журнала и тому немногому, что сообщает в ответ по данному вопросу нам уважаемый сотрудник Д. Соколов в надежде, что и другие, знающие другое или большее, поделятся с читателями своими сведениями. Вопрос, повторяем весьма интересный, а поэтому разрешение его желательно всестороннее. Редакция.

⁶⁶ - См. напр. толковые словари.

⁶⁷ - Полученном мной от прихожанки Калужской единоверческой церкви. По середине этого места есть изображение самой „лестовки“. А внизу имеется надпись:

„выписано из книги из гранографа (?) лист рлѣ“. Вся рукопись написана уставом.

⁶⁸ - В самом „житии“ преп. Пахомия ничего не говорится об этом, но есть упоминание о „пленищах“ (на полях это слово пояснено „верви“), которые по ночам с молитвой плёл в обители преп. Пахомия некий благочестивый старец о. Иона, который и умер, держа в руках пленищу делаемую, во устах же его быше молитва... Четьи-Минеи св. Димитрия Ростовского, изд. 1852 г., стр. 119. Не была ли эта пленища – вервь материалом для чёток?

⁶⁹ - См. „Мисс. Обзор.“. Июнь.

⁷⁰ - Интересно бы знать, почему сектанты отнесены съездом именно к духовному скопчеству, а не к хлыстовщине? Ред. – В Скопинском уезде сектантством заражены приходы: села Маклакова 1-го благочиннического округа, сёл 2-го благочиннического округа – Хворощевки, Вязовенки, Кремлева, Павелец, Березнягов и Делехова и сёл 3-го благочиннического округа – Черных Курган; Чернавы, Борщевского, Озерок, Секирина и, надо полагать, Спасского. В первых четырёх сёлах сектанты значатся официальные, а во всех последних – подозреваемые только.

⁷¹ - Бастонна́да (фр. bastonnade от baton – «палка»,) – средневековое телесное наказание в виде побивания твёрдым предметом – палками или плоскими дощечками (также узловатой верёвкой или ремнём) по спине, ягодицам или подошвам ног... – Редакция Азбуки веры.

⁷² - Моск. Вед.

⁷³ - Албазинцы (кит. упр. , пиньинь āěrbājīnrén) – китайцы, потомки российских казаков – поселенцев пограничного с Китаем острога Албазин, основанного Никифором Черниговским в 1665 году на Амуре (ныне с. Албазино Амурской области) на предполагаемом месте расположения крепости даурского князя Албазы. – Редакция Азбуки веры.

⁷⁴ - Имена Ригера, Курциуса, Геглера, Мартенсена, Нимейера и др. – ясно говорят о том значении, какое придаётся этому вопросу на Западе Европы. Русская литература по вопросу о праздновании воскресного дня менее обширна; тем не

менее, и она представляет немало весьма ценных исследований по этому вопросу. Это труды Дебольского, Ветринского, Сергиевского, Лебедева, Истомина и в особенности Беляева и Смирнова.

⁷⁵ - Пришлец – пришелец, пришедший из другой страны, чужестранец, странник... – Редакция Азбуки веры.

⁷⁶ - Задачи нервно-психической гигиены. К. 1887 г.

⁷⁷ - Правда, некоторые радетели народного обогащения вычисляют, по-видимому, с математической точностью, сколько теряет народ от того, что не работает в те дни, которые освящены церковью. Положим, говорят, в России примерно 20 миллионов работников: каждый из них в день может заработать круглым числом 50 коп. Воскресных и праздничных дней в году не менее 75-ти. Выйдет по расчёту, что каждый праздник будет стоить России около 10 миллионов руб. по крайней мере. А в целый год соблюдение праздников нанесёт народному хозяйству убытки до 750 миллионов. По-видимому, убедительно! Цифры эти могут заставить призадуматься людей, заботящихся о возвышении народного благосостояния, особенно, если вспомнить про поразительную бедность нашего народа. Но вот другие цифры: средняя продолжительность жизни у евреев – 36 лет, а у христиан 26 лет. Если заработок каждого работника от 26 до 36 лет положить в той же цифре 50 коп., то каждый из них потеряет около 1,800 р.; от того, что не доживёт 10 лет, а всё стомиллионное население России потеряет 180 миллиардов руб., от того, что у христиан средняя продолжительность жизни меньше, чем у евреев. Евреи свято хранят свои субботы, а христиане часто нарушают их. Конечно, не эта одна причина большей смертности христиан, но всё-таки, если бы предположить даже, что здесь только на 1/10 отражается нарушение праздников и тогда убытки от нарушения праздников далеко превысят прибыли от праздничной работы. А если сюда прибавить ещё те бесчисленные затраты на излечение болезней, производимых недостатком отдыха, и те опущения и порчи в работе, которые произойдут от недостатка сил и нерасположения к труду, то во сколько раз убыток от нарушения

праздников окажется больше убытка от праздничного перерыва работы?

⁷⁸ - Акт западной России т. IV, № 22.

⁷⁹ - Акты Южной и Зап. Руси т. II стр. 223.

⁸⁰ - Макарий. История Русск. Церкви т. XI.

⁸¹ - Свод законов т. XIV, устав о предупреждении и пресечении преступлений с 25.

⁸² - Свод законов т. I ст. 13 и 212.

⁸³ - Улож. о наказ. ст. 1237.

⁸⁴ - Так в одном местечке Волынской губернии ярмарка должна была быть 13 сентября, но вследствие еврейского праздника Рош-Гаман она перенесена была на следующее 14 число, т. е. на большой христианский праздник – день Воздвижения честного Креста Господня.

⁸⁵ - Волынь 1891 г. № 21.

⁸⁶ - См. Миссион. Обзор. за июль–август.

⁸⁷ - В 1721 г., согласно Высочайшему указу, для церковных старост была дана особливая инструкция. Её-то и не хотели принять едина верны.

⁸⁸ - Все эти сведения взяты из брошюры „В Единоверии раздор“. Псков, 1877 г., л. 23 об.–31. Ст. Собр. постан. ч. раскола. СПб., 1858 г., стр. 418–452.

⁸⁹ - Арх. Св. Синода. Дело за № 18.

⁹⁰ - Собр. пост, по ч. раскола. СПб. 1860 г, ч. II.. стр. 33–35.

⁹¹ - Там же, стр. 250.

⁹² - Собран. пост, по ч. раскола. СПб. 1858 г. стр. 151.

⁹³ - Собран. постан. по ч. раскола. СПб. 1860 г., ч. II.

⁹⁴ - Там же. стр. 802–803.

⁹⁵ - Там же, стр. 749 ср. стр. 462. История Воролинов. М. Вн. Д. кн. 8, стр. 559

⁹⁶ - О. И. И. Верховский до того увлёкся симпатиями к старообрядчеству и мыслью о «всестарообрядческой иерархии», что впоследствии бежал за границу, где и прожил последние свои годы. Перед смертью он принёс раскаяние, возвратился в Россию и был погребён по единоверческому обряду.

- ⁹⁷ - Церк. Общ. Вестн. за 1874 г., № 61, стр. 5–6.
- ⁹⁸ - Подлинный текст прошения и записки и их разбор см. в журнале «Истина» за 1879 и 1880 г. в кн. 66 и 70.
- ⁹⁹ - Ц. Общ. Вестн. 1874 г. № 61, стр. 5.
- ¹⁰⁰ - Собрание мнений и отзывов м. Филарета т. V, и, 2, стр. 772.
- ¹⁰¹ - Там же. № 775, стр. 641.
- ¹⁰² - Письма м. Филарета. Т. II. стр. 262–263.
- ¹⁰³ - Собрание мнений и отзывов. Т. V, ч. 2, № 764, стр. 616.
- ¹⁰⁴ - Ц. Общ. Вестн. За 1874 г. № 61, стр. 5.
- ¹⁰⁵ - Там же. Стр. 4–6.
- ¹⁰⁶ - Брат. Слово. За 1892 г., ч. 1, стр. 537.
- ¹⁰⁷ - Ставо́к – пруд на южнорусском диалекте – искусственный водоём для хранения воды с целью водоснабжения, орошения, разведения рыбы (прудовое рыбное хозяйство) и водоплавающей птицы, а также для санитарных, противопожарных и др. потребностей... – Редакция Азбуки веры.
- ¹⁰⁸ - Который печатается со всеми грамматическими и стилистическими погрешностями.
- ¹⁰⁹ - Молочанская церковь, получившая название от р. Молочной, находится в Бердянском уезде, Таврической губ. (главные центры кол. Рюккенау и Гальбштадт), Эйнлагская и Фриденсфельдская в Екатеринославской губ. (главные пункты Эйнлаге и Фриденсфельдт), Донская – в области Войска Донского, Кубанская – в Кубанской области.
- ¹¹⁰ - Д. Шалленберг, баптистский пресвитер в кол. Рюккенау, пользующийся особенным уважением среди своих единомышленников.
- ¹¹¹ - Ф. В. Никкель состоит ныне „разъездным проповедником“ (Reiseprediger) в г. Иноврацлаве (Познань) в Прусском братстве Германского баптистского союза.
- ¹¹² - И. И. Виллер, хортицкий колонист, проживавший в 1880 гг. в кол. Блюмштейн близ Гальбштадта, состоял в 1880 гг. „председателем миссионерского комитета“ баптистского союза в России, был главным руководителем баптистской пропаганды и организатором баптистской секты в России до 1885 г., когда он

бежал и Румынию, где прожил до самой смерти (в 1893 году) в гор. Тульче.

¹¹³ - П. М. Фризен, пресвитер Одесской баптистской общины, получил специальное образование в Гамбургской баптистской миссионерской семинарии.

¹¹⁴ - И. Фризен, из кол. Эйнлаге был в 1881–82 г. „кассиром“ баптистского союза в России; впоследствии проживал в Одессе; сын его, также Иоанн, в 1892 г. переселился в Сев. Америку, был проповедником в г. Гилльсборо (Канзас), а ныне проходит специальный курс в Рочестерской (Нью-Йорк) баптистской миссионерской семинарии.

¹¹⁵ - Я. Козловский, член-соревнователь Гамбургского баптистского трактатного общества („Hamb. Tractat-Verein“).

¹¹⁶ - Я. Реймер, миссионер, родственник тифлисского баптиста, купца Кальвейта (ныне поднадзорного в Эривани).

¹¹⁷ - А. А. Сторожев, из бывших старообрядцев, проживает в кол. Вольдемфюрст; выдающийся пропагандист штунды.

¹¹⁸ - Х. Фишер, житель кол. Вандау, Херсонской губ., выдающийся пропагандист на юге Россия и сев. Кавказе.

¹¹⁹ - Я. Деляков, персидско-подданный айсор-евангелик, положивший начало штундо-евангелической секте на юге России и энергично содействовавший пропаганде штунды, пашковщины и баптизма.

¹²⁰ - Е. М. Богданов, с 1890 г. состоял под надзором полиции в г. Лодзи, Петроковской губ.

¹²¹ - И. Н. Скороходов, в 1892 г. умер.

¹²² - А. М. Мазаев, с 1891 г. поднадзорный в г. Кубе, Бакинской губернии.

¹²³ - Г. Т. Кушнеренко и Я. К. Сарана, ныне главные представители баптистской общины в с. Никольском, Ставропольской губ.

¹²⁴ - Т. О. Хлыстун, в 1891 г. был под надзором полиции (в Закавказье, в с. Герюсы, Елисаветпольской губ.

¹²⁵ - И. Рябошапка, в 1893 г. главный вожак херсонской штунды, баптистического толка был под надзором полиции в Закавказье.

¹²⁶ - Н. И. Воронин, житель г. Тифлиса, первый из русских и Закавказье обратился в баптизм (из молоканства). Этот выдающийся пропагандист в 1887–91 гг. состоял под надзором полиции в г. Оренбурге.

¹²⁷ - В. Г. Павлов, тифлисский житель, совращённый Ворониным в 1870 г. из молоканства в штундо-баптизм, благодаря выдающимся способностям, специальному образованию, полученному в 1873–76 г в Гамбургской миссионерской семинарии, по получении в Гамбурге же рукоположения в баптистские проповедники, стал едва ли не самым выдающимся деятелем штундовой секты в России. Состоял и, по-видимому, ныне состоит агентом на жаловании „Американского Миссионерского Комитета“ в Гамбурге. Проживал г. Оренбурге, Тифлисе, а в последнее время в Тульче, где издаёт журнал на немецком языке.

¹²⁸ - Эмма и Лора Жако, уроженки Швейцарии, принадлежавшие первоначально к т. н. „свободной церкви“ и проникшиеся ещё на родине пиетическим направлением. Впоследствии Эмма Жако в Англии присоединилась к секте дарбистов, а в Голландии перешла в баптизм. Лора Жако стала баптисткой в Англии. Обе приняты в Тифлисскую баптистскую общину в начале 1882 г.

¹²⁹ - Этой подробности в сообщении г. Рябошапки едва ли можно доверять. Штундисты удивительно способны особенно перед своими набольшими, из мухи слона строить, чтобы выставить себя „страстотерпцами“, чтобы получить за это некое добродетельное даяние „из кассы миссионерной“.

¹³⁰ - Обычай празднования воскресного дня с вечера до вечера остался у Кавказских баптистов от молоканства, в котором он сложился под влиянием иудейства. Он составляет одну из главных особенностей молокано-баптистской фракции, отличающих её от фракций: меннонитско-баптистской, штундо-баптистской и др. Павлов, как воспитанник немецких баптистов, отрешился от этого обычая и старался ввести среди Кавказских баптистов обычай празднования воскресного дня с полуночи до полуночи.

¹³¹ - В члены комитета для Тифлисской общины избран брат Андрей Маркович Мазаев, для Владикавказской бр. Иван Никитич Скороходов, для Ново-Васильевской общины бр. Иосиф Григорьевич Сергеев, для Астраханской общины бр. Минай Прокофьевич Ханин, для Одесского уезда Основной общины бр. Александр Капустин, для Екатеринославской губ. Эйнлагской общины бр. Яков Корнеевич Саранов, для Херсонского уезда Полтавской общины бр. Евстафий Кушнеренко, для Любомировской общины (Елизаветградского уезда) бр, Иван Акимович Рыбалка, для Кардовской общины (Елисаветградского уезда) бр. Трифон Иосифович Хлистун.

¹³² - В. А. Пашков, отставной подполковник гвардии, самый деятельный последователь лжеучения Лорда Гренвилля Редстока, которое в России известно под названием „пашковщины“.

¹³³ - Замысловато – искусственное положение государства в государстве как раз сказалось в вопросе о получении денег по векселю и из Банка. Перед самым чтением второй лекции, 19 декабря ко мне явилась неизвестная женщина, в сопровождении мужчины. Женщина назвала себя Лидией Богомоловой, из Ягодной слободы. Она предъявила нам вексель на 200 р. данный каким-то Михайловым на имя её сестры, Татьяны Богомоловой, теперь умершей и просила совета как по этому векселю получить ей деньги, как наследнице, присовокупив, что от неё требуют „похоронную“. Я ответил, что в этих делах – плохой советник, однако любопытствовал узнать, какую спрашивают „похоронную“; оказалось, метрическую выписку о погребении. „Так, что же ты не представишь“, – заметили мы. Женщина замялась... но скоро объяснила, что они с сестрой жили долгое время в келье у странников. потом отступили и поселились в Ягодной слободе. Сестра заболела и умерла в больнице, похоронить же она взялась сама и похоронила без священнического отпевания. – Метрической выписки, значит, и негде взять. Выслушав её рассказ, мы заметили, что так как она, выходит, – жительства двух государств, то, пожалуй, по векселю-то у нас и не получит, если, конечно, Михайлов не отдаст добровольно. Затем она сказала, что положила в Банк 300

рублей на своё имя, но когда пришла получить, то её попросили представить билет; жила она при сестре, послала за билетом в деревню, где родилась, а оттуда и выслали вид на имя Елены Богомоловой. Денег опять не выдают. Оказалось, что рождённая и крещённая Еленой, а затем уведённая сестрой к бегунам, она перекрещена с именем Лидии и этим именем доселе называется, а прежнего не помнит, как перекрещена ещё в детстве. – Опять, сказали мы, имя другого государства, которого здесь не знают и не признают. „Вот что значит жить в двух мирах“!.. Женщина ушла, смущённая. Видимо она и сейчас держится учения бегунов.

¹³⁴ - Окончание см. „Миссион. Обозрен.“ Июль–Август 1900 г. стр. 41.

¹³⁵ - В нашем уголке вновь появилась секта, так называемых „беседников“. Это одна из мистических сект. Люди, хорошо знающие раскол и сектантство, как, напр., проф. Н. Ив. Ивановский, боятся, что „беседники“ тоже, что хлысты. Они не пьют водки, не ходят на увеселения, часто постятся, вообще едят только два раза в день – обед и ужин, так-как только перед обедом и ужином положены молитвы, часто исповедуются и приобщаются Св. Таин и вообще по наружности носят личину людей благочестивых. Но часто, особенно под праздники, тайно по ночам собираются на беседы, на коих читаются св. Писание и по-своему объясняют его. Исповедуясь у священника, они исповедуются, ещё у избранной матушки; есть предположение, что у них после бесед бывают хлыстовские радения. Выдают они себя за последователей матушки Настасьи Козминишны, каковую уже переименовали в „Марию“, принимают к себе через перекрещивание. Вот почти всё, что до сих пор нам о них известно.

¹³⁶ - См. Две экспертизы, 1899 г. январь и февраль и „Моя поездка за Урал“, Мис. Обозр. 1900 г. февраль.

¹³⁷ - Еврейское слово חַיָּוִת , переведённое в нашей Библии существительным «животное», в широком смысле означает вообще всякую «жизненную силу» (Штейнберг, Еврейский и халдейск. словарь к книгам Ветх. Зав. т. 1. Вильно. 1878 г., стр. 140).

¹³⁸ - ...поставил (Бог) херувима и пламенный меч обращающийся... Это выражение еврейского яз. грамматически равносильно русскому: „он стоял и держал меч“, – иначе „он стоял с мечом“.

¹³⁹ - Владимирская епархия принадлежит к числу епархий, значительно заражённых расколом, который пустил здесь глубокие корни и развивался в течении двух столетий. Здесь сеяли и утверждали лжеучение раскола ещё первые расколо-учители: Никита Пустосвят, Логгин, чернец Антоний и Феоктист, – уроженцы Владимирского края. Отсюда же родом и нынешние фанатики раскола Швецов, Зыков, купцы Першины и др. Из 13 уездов расколом заражено 10, до 245 приходов, всего раскольников числится свыше 30 тысяч и более 1,000 молокан.

¹⁴⁰ - Распра́ва – в дан.случ. – историческое название судебных органов Российской империи по мелким уголовным и гражданским делам однодворцев, государственных крестьян и других казённых поселян – Редакция Азбуки веры.

¹⁴¹ - Нам недавно пришлось встретиться с таким следователем (Уфимск. губ.); который обратился с запросом к самому Св. Синоду сообщить ему, г. следователю, относится-ли штунда к числу вредных сект. Кто, казалось бы, этого теперь не знает? А вот нашёлся же такой следователь, который в своём блаженном неведении о популярнейшей в России и заграницей секте имеет очевидно смутное представление, даже и о Св. Синоде, как высшем учреждении, с которым и Министр-то Юстиции не сносится, а при посредстве Сенатами Обер-Прокурора Св. Синода.

¹⁴² - Сборник циркуляров и инструкций Министерства Юстиции ч. I с 1-го января 1865 года по 1-е мая 1870 года, издание Министерства Юстиции. СПб., 1870 года № 54, стр. 58–61.

¹⁴³ - Кондрат Малеванный – мещанин г. Таращи, – после долгого пребывания в штундизме, – объявил себя Спасителем мира и предрёк скорую кончину века и начало его царства. См. „Мис. Обозрение“ 1896 г.

¹⁴⁴ - Как известно, члены 3 казанского всероссийского съезда посетили Малеванного.

¹⁴⁵ - Редакция, желая прийти в этом случае на помощь миссионерам, помещает ниже портреты (№ 1) лжехриста, Малеванного (мещанина г. Таращи), его „первого ангела“, поклонника и агента по распространению лжеучения, ныне умершего крестьянина г. Таращи у. Сосновского (№ 2) и одной Малеванки (Ях-кой), убившей своё 6 летнее дитя в припадке религиозного экстаза, – изгоняя „лукавого духа“. (№ 3) Достаточно взглянуть на эти лица, чтобы убедиться в болезненном психопатизме этих родоначальников малеванской секты. Ред.

¹⁴⁶ - См. Миссион. Обзор. за. сентябрь 1900 г.

¹⁴⁷ - Они напечатаны автором в книге „Современные церковные вопросы“.

¹⁴⁸ - См. напр. в Ц.-Обш. Вестник, за 1874 г, в № 136.

¹⁴⁹ - Подробности см. в Гражданине за 1875 г. № 19 и 20.

¹⁵⁰ - Москов. Еп. Вед. за 1878 г. № 4, 12 и 18.

¹⁵¹ - Текст и разбор прошения см. в жур. Истина за 1881 г. кн.

73.

¹⁵² - Там-же.

¹⁵³ - Иер. Пафнутий был сначала раскольник. Коломенским архиереем, потом единоверческим иеромонахом, а затем снова раскольником. Теперь он проживает в Буковине.

¹⁵⁴ - Гражданин за 1878 г. № 23–25. стр. 471.

¹⁵⁵ - отчёт Об-Прок. Св. Синода за 1881 г. стр. 41–44. Истина, кн. 76.

¹⁵⁶ - Ц.-Общ. Вестн. 1885 г. № 44.

¹⁵⁷ - отчёт Обер-Прокурора Св. Синода за 1885 г. стр. 87–88.

¹⁵⁸ - См. Миссион. Обзор. Сентябрь 1900 г.

¹⁵⁹ - Подробнее см. „Миссион. Обзор.“ 1899 год.

¹⁶⁰ - Обо всём это рассказывала сама старуха судебному следователю, по возникшему делу о склонении её в секту. Но. потом она отказалась от этого показания, заявив, что она помутилась умом. На суде, при всех усилиях председателя, говорила только, что ничего не слышит и ничего не помнит. Суду был предан её сын и другое лицо, – упоминаемый Пётр Иванов Миронов, скрывшийся от суда.

- ¹⁶¹ - О причине его смерти речь будет ещё ниже.
- ¹⁶² - Любопытно было видеть и слышать, как приехавший из Москвы защитник – юрист вступал, при помощи бывшего у него в руках медицинского исследования, в пререкания с врачами экспертами, задавая им тонкие медицинские вопросы и, опираясь на авторитет привезённой книги, старался показать присяжным неосновательность медицинской экспертизы.
- ¹⁶³ - О морельщиках будет предложен особый рассказ.
- ¹⁶⁴ - Собр. мнений и отзывов, кн. дополнит. стр. 385–386.
- ¹⁶⁵ - Там же, стр. 387.
- ¹⁶⁶ - Обстоятельное рассмотрение этого свидетельства в „Критич. разборе учения беспоповцев о церкви“, стр. 290–292 Казань 1892 г.
- ¹⁶⁷ - См. Мис. Обозр. Апрель 1900 г. стр. 549–560.
- ¹⁶⁸ - Лихва́ – устар. синоним. барыш, избыток; проценты, рост, преизбыток, прибыль. 1. Прибыль, процент с отданного займа капитала. 2. Любая корыстная прибыль, чрезмерная прибыль при денежных расчётах – Редакция Азбуки веры.
- ¹⁶⁹ - О личности Рожкова сказано будет несколько слов далее.
- ¹⁷⁰ - „Прошение это целиком напечатано в „Братск. Слове“ за 1881 год.
- ¹⁷¹ - См. „Семейн. жизнь в русск. расколе“ И. Нильского. Вып. I, стр. 210.
- ¹⁷² - „Деяние“ этого собора напечатаны? в „Бр. Слове“ за 1884 г.
- ¹⁷³ - См. „Мисс. Обозрен.“ 1900 г. июнь. Стр. 806.
- ¹⁷⁴ - „Рус. Вест.“ 1866 г. № 3 стр. 48.
- ¹⁷⁵ - Выморочный дом – это жильё, ставшее собственностью государства или муниципалитета из-за отсутствия наследников или нежелания наследников принять наследство. Это имущество, на которое никто не претендует или не может претендовать по наследству или завещанию. – Редакция Азбуки веры.
- ¹⁷⁶ - История Преобр. кладбища. Сборник Кельсиева, вып. 1.

¹⁷⁷ - Автор понимает школы, существующие без разрешений начальства, с учителями-раскольниками, т. е. тайные раскольничьи школы. Ред.

¹⁷⁸ - Известная в литературе миссионерской секта, под названием Марьяновщина, появилась в с. Збурьевке, Таврич. г. в 45–50 годах. В настоящее время тайно придерживаются её отдельные семейства в сс. Долматовке, Малых Копонях. Костогрызовой, Алешковских хуторов, распространена секта эта и в Херсонской губернии. По существу учения, секта эта представляет смесь воззрений молоканства и хлыстовства.

¹⁷⁹ - Офёня – В старину: бродячий торговец, продававший по деревням мануфактуру, галантерею, книжки и т. п.; коробейник... – Редакция Азбуки веры.

¹⁸⁰ - Вот почти с буквальной точностью текст этой докладной записки. „Ваше Высокопреосвященство! С радостью мы узнали о Вашем запрещении от 19 марта с. г., касающемся попа Авива, почему и считаем не лишним доложить Вам о его поступках, кои учинял он в течении 12 лет” ...Далее по пунктам исчисляются „поступки” Авива и, между прочим, говорится: „Он Авив в 1892 году давал план Апухтинского подворья писакам никонианским; вытребовал из города Николаева от Кирилла Семёновича *) Перетрухинские письма о „мече Духовном” и собственноручно переписав их у Евгении Ивановны **) и затем поместил в печати... Авив с своими сообщниками давал никонианским газетчикам подробные разъяснения о наших мощах, найденных на Кавказе и наделавших шуму, который и по сие время не даёт возможности забыть хулу на оные, в печать через Авива проникшую... Он Авив лично ездил в 1892 году во вторник на страстной неделе в Сергиевский посад к профессору Субботину уподобившись Иуде предателю, а затем и после отвозил ему материалы о событиях среди нашей братии... Он Авив собственноручно давал одному из корреспондентов ***) (ныне покойному) для помещения в печати почерки рук владыки Савватия и Климента Афиногеновича Перетрухина... Он Авив достал письмо „Адские проповедники” и благословив двоих из своих сообщников отвести сие письмо к профессору Субботину для помещения в „Братском Слове”...В заключение этого

перечня деяний попа Авива составители докладной записки заканчивают её следующим воззванием к Картушину: „Ваше Высокопреосвященство! В вышесказанных строках ничего про отца Авива не вымышлено и не клевета сие, а истинная есть правда. Много враг сей в нашу церковь внёс крамолы и раздоров, но от кары за деяния свои – Авив умел уклоняться! Ослеплял он и купцов древле-православных своим лукавством, и сии последнии доверялись словам его. Но Провидение Божие попутало (sic) его и Ваше Высокопреосвященство с первых же дней вступления на кафедру московскую зорким оком начали следить за зловредными деяниями Авива и впоследствии раскрыли его пакости (sic) и по содеянным им делом воздали ему. По делам вору и мука, а мы остаёмся молитвенниками за ваше благоденствие и мирное житие на пользу и служение церкви в борьбе со врагами вашей церкви внутренними крамольниками”*) Перетрухин был удалён на жительство в г. Николаев**) Кирилл Семёнович и Евгения Ивановна известные в московском расколе лица.

¹⁸¹ - „Дело” 1883 г., № 2, стр. 192.

¹⁸² - Как напр., м. Корсуни, Корниловки, Комаровки, Сидоровки Каневск. у. и других окрестных сёл.

¹⁸³ - Напр. м. Богуслав, Шупик, Раснопанец, Михайловка, Ольшаница и др.

¹⁸⁴ - Это вероизложение, носящее название „Евангелическое – Баптистическое вероучение”, состоит из 9-ти кратких членов. В первом члене излагается учение о Боге, о воплощении Иисуса Христа и о св. Троице. 2-й член трактует о браке, который признаётся таинством, и описывает порядок его совершения. 3-й член буквально говорит следующее: „над новорождёнными младенцами при наречении имени должна совершаться молитва к Богу”. 4-й член говорит о необходимости крещения и способе совершения его. 5-й член кратко описывает порядок совершения преломления. 6-й член делает замечание, что посторонним лицам присутствовать на молитвенных собраниях не воспрещается. 7-й член даёт порядок погребения умерших; в 8-м члене перечисляются праздники, признаваемые сектантами, и в 9-м пространно трактуется о признании ими русской

правительственной власти и готовности подчинения ей, однако, при условии: „если она не ограничивает свободного исполнения обязанностей нашей веры”.

¹⁸⁵ - Будучи врагами определённой, раз установившейся богослужебной формы, штундисты г. Киева не имеют одной определённой формулы для исповедания своей веры перед принятием крещения и на просьбу приступающих к этому таинству указать им, в каких словах и в какой форме они должны исповедовать свою веру перед назначенными общиной для этого лицами, получают ответ, что, кто имеет действительную веру, того сам Дух Святой должен наставить. Одна из бывших штундисток, недавно возвратившихся в Православие, передавала нам, что за неумелое исповедание своей веры она перед самым совершением обряда крещения была лишена его и ей сказали, что она ещё слаба в вере и должна больше укрепиться в ней. Желая всё-таки принять водное крещение и опасаясь повторения вторичного недопущения к этому таинству, она долго и напрасно просила „крестителей и исповедников” научить её – как и что она должна говорить. „Я бы, говорит она, подслушала, как исповедуют свою веру другие, этого нельзя, так как последние всегда перед крещением стоят несколько дальше от присутствующей братии, между ею и берегом, и исповедуются только перед несколькими избранными для того лицами”. Только после долгих и усиленных просьб ей удалось выпытать уже у крещённого, что он говорил. Оказывается, что чем больше и страстнее кто из принимающих крещение обличает себя во всевозможных грехах и преступлениях, тем менее у него шансов получить отказ в крещении.

¹⁸⁶ - Хотя понятие о первородном грехе спутано.

¹⁸⁷ - Эту же мысль проводили Пра-в, Бор-н, Мос-пан и на публичных собеседованиях с сектантами, происходивших в Киеве.

¹⁸⁸ - Такой оригинальный документ нам приходилось лично видеть в м. Макарове, Киевского уезда, принадлежащий штундисту О-ко.

¹⁸⁹ - Факты подобного рода далеко не единичны и засвидетельствованы на миссионерских уездных съездах

прошлого 1899 года в уездах: Каневском, Васильковском, Таращанском и Звенигородском.

¹⁹⁰ - Die Taufe ist eine Erstlingsfrucht des Glaubens und der Liebe zu Christo, der Eintritt in dem Gehorsam gegen den Herrn und in seine Gemeinde. Sie ist die feierliche Erklärung, das Bekenntnis des Sünders der das Schreckliche der Sünde und die Ferdammlichkeit seines ganzen Weisens erkannt hat: dass er alle seine Hoffnung allein auf den Tod und die Auferstehung Jesu Christi, seines Heilandes, setze und an Jhn glaube, als den Erlöser fom Fluch und Sold der Sunde, dass er sich mit Leib und Seele Christo ergebe und Jhn anzeiche, als seine Gerechtigkeit und Stärke, – dass er seinen alten Menschen in den Tod gebe und mit Christo in einem neuen Leben zu wandeln wünsche. Die Taufe ist Aber auch die feierliche Erklärung und Fersicherung Gottes enden gläubigen Täufling, dass er versenkt sei in Christum Jesum, und alsu mit Jhm gestorben, behraben und auferstanden; dass seine Sünden abgewaschen seien, und dass er ein liebes Kind Gottes sei, an welchem der Fater Wohlgefallen habe. Die Taufe soll das Bewusstsein seiner Erettung und Seligkeit in dem Täuflind Bestimmter und kräftiger herforrufen, und solches will Gott wirken durch eine Fersiegelund mit dem Heiligen Geiste“. Glaubensbekenntnis und Fersassung der Gemeinden getaufter Christen, gewöhnlich Baptisten gennant. Стр. 21–24.

¹⁹¹ - Diese fom Herrn seiner Gemeinde Verliehene gnadenfolle Stiftung, welche wir als ein unschätzbares Gnadenmittel betrachten, und fon dem wir häufig Gebrauch machen sollen... Wir glauben dass in diesen heiligen Zeichen Christus seinen Leib und sein Blut den Gläubigern auf eine geistige Weise zn gentessen gibt. Die Gemeinschaft des Leibes und Blutes Christi im Genuss des heiligen Abendmahls soll dem Gläubigen ein göttliches Unterpfand sein wodurch das Bewusstsein seines Antheils an Christo und seinem Opfer erhöht und gestärkt und wodurch die fon ihm im Glauben ergriffene Fergebung der Sünden ihm wieder erneuert und zugesichert wird“. Ibid. Art. 9, стр. 25–26.

¹⁹² - Durch List des Satans sündigte der Mensch, fiel fon Gott ab, verlor da Ebenbild seines Schöpfers... Da nun alle Menschen aus dem Samen Adams entsprossen, so sind sie gleichermessen

derselben gefallenен и гnzlich verderbten Natur teilhaftig geworden... гnzlich untchtig und unlustig zu allem Guten aber fhig und geneigt zu allem Basen. Ibid. Art. 3, стр. 7.

¹⁹³ - Wir glauben, dass es von Ewigkeit her das freie, von nichts ausser selbst geleitete Wohlgefallen, der bestimmte Vorsatz Gottes gewesen sei, Snder zu erlsen. Darum... so wurden die Personen aus dem verlorenen Menschengeschlechte, denen die Erlsung wirklich im Laufe der Zeiten zugeerignet werden sollte, auch dem Vater erwhlen, ihre Namen im Himmel anheben, sie selbst den Hnden des Erlsers bergeben... Diesen Personen wurde das ewige Leben in Christo beschieden, und zugleich wurden alle Mittel fersordnen, die sie zum Glauben an Christum bringen sollten, zur Heiligkeit und endlich zu ewigen Seligkeit. Solcher Ratschluss Gottes ist unvernderlich und ewig festgestellt, so dass diejenigen, welche er betritt, die Auserwhlten, die Hnden Christi nicht entrissen werden knnen; vielmehr durch Gottes Macht im Glauben und in der Liebe zu Christo bewahrt bleiben, bis sie Miterben seiner Herrlichkeit geworden sind. Ibid. art. 5. стр. 12–15.

¹⁹⁴ - Ibid. Art. 1, стр. 1.

¹⁹⁵ - Ibid. Art. 12.

¹⁹⁶ - Ibid. Art. 10-й.

¹⁹⁷ - Ibid. Art. 10-й.

¹⁹⁸ - См. Миссион. Обозр. Октябрь.

¹⁹⁹ - Окончание. См. „Мис. Обозр.“. Октябрь

²⁰⁰ - За 1862–1867 годы сведений о количестве обращений добыть мы не могли.

²⁰¹ - М. С-кий. Исторический очерк Единоверия. СПб. 1867 г. стр. 197–198.

²⁰² - При переселении духобор из Тавриды, в Закавказье, сектантам было воспрещено вновь называть традиционным именем „Терпение“ какой-ли из своих посёлков и такого села, действительно, не существовало впредь до расселения духобор в Карской области. Пользуясь всякими поблажками со стороны местной власти, забывшей уроки истории таврической многомятежной жизни духобор, – упорные сектанты всё-таки называли одно из новых Карских поселений „Терпением“. Последнее

сделалось во время духовборческих волнений из-за Веригина, а также в период толстовско-анархического брожения, главным очагом пропаганды. Здесь устроен был духовборцами „Новый Сион”, – огромное подворье, стоившее до 16 т. при даровой работе; оно предназначалось для Петруши Веригина, в качестве его резиденции. Большинство жителей Карского „Терпенья” эмигрировали в Америку; село же это ныне, по распоряжению главно-начальствующего, переименовано в Благодатное.

²⁰³ - Корва́на (греч. κορβανάς) – казна церкви, храма (Мф.27:6).; дар; (евр.) небольшой ящик, стоявший при входе в иерусалимский храм и служивший для пожертвований – Редакция Азбуки веры.

²⁰⁴ - См. Миссион. Обзор. 1900 г. июнь

²⁰⁵ - Собр. мн. и отз. V т., ч. 2-я, 580 стр.

²⁰⁶ - Там же, 580 стр.

²⁰⁷ - Там же, V т., 2-я ч., 580 стр.

²⁰⁸ - Собр. мн. отз. т. IV, 43–44.

²⁰⁹ - Собр. мн. и отз. V т., 2-я ч., 580 стр.

²¹⁰ - Собр. мн. и отз. V т., ч. 2-я, стр. 580–581.

²¹¹ - Собр. мн. и отз. III т., 63 стр.

²¹² - Собр. мн. и отз. II т. 454 стр.

²¹³ - Собр. мн. и отз. V т. 2-я ч. 581 стр.

²¹⁴ - Собр. мн. и отз. V т., 2-я ч., стр. 582.

²¹⁵ - Там же. V т., 2-я ч., стр. 409.

²¹⁶ - Там же, стр. 584.

²¹⁷ - Там же, V т., ч. 2-я, 215. стр.

²¹⁸ - Собр. мн. и отз., II т. 454 стр.

²¹⁹ - Собр. мн. и отз. III т., 219 стр.

²²⁰ - Там же, V т., ч. 2-я, 583 стр.

²²¹ - Там же, III т., 216 стр.

²²² - Собр. мн. и отз. V т., 2-я ч., 583 стр.

²²³ - Собр. мн. и отз. III т., 216 стр.

²²⁴ - Там же, V т., 2-я ч., 583 стр.

²²⁵ - Собр. мн. и отз. V т., 2-я ч., 584 стр.

²²⁶ - Собр. мн. и отз. II т., 452 стр.

²²⁷ - Собр. мн. и отз. V т., 2-я ч., 574–585 стр.; III т., 217; II т. 453 стр.

²²⁸ - Собр. мн. и отз. V т.; 2-я ч. 586 стр.

²²⁹ - Там же, V т., 2-я ч. 588 стр.

²³⁰ - По просьбе его, из опасения повредить этому человеку в его настоящей службе, мы скрываем настоящее его имя, отчество и фамилию. Желающие знать его ближе могут адресоваться к нам. Авт.

²³¹ - Библию сектанты вырвали у Михаила потому, что она была подарена ему ими. Обозлившись, они отобрали у него свой подарок.

²³² - О следующих московских собеседованиях с раскольниками Редакция будет иметь и помещать на страницах „Миссионер. Обзор.” подробные отчёты от специального своего корреспондента.

²³³ - На юбилейной трапезе было собрано несколько сот руб. на построение указанного храма; В. К. Саблер объявил, что Св. Синод ассигновал на это св. дело 10 т. руб.

²³⁴ - Д. Н. Соловьев, по служебным обстоятельствам, ограничил своё участие в юбилейном торжестве присутствием на богослужении единоверцев 27 октября. Речь, с которой он предполагал обратиться к единоверцам, будет помещена в декабрьской книжке „Миссионерск. Обозрения”. Она касается весьма интересного и совершенно не затронутого в миссионерской литературе вопроса об отношении пения старообрядческого к православному.

²³⁵ - Подлинное письмо Анастасия хранится в архиве православного духовного ведомства и желающие могут в нём удостовериться самолично. Ред.

²³⁶ - Демество – основная партия многоголосного демественного пения, характеризующаяся насыщенностью и подвижностью ритмического склада, частым использованием синкопированных и пунктирных ритмических оборотов, широко развитой внутрислоговой распевностью, наличием словообрывов и повторов слогов, внетекстовых вставок

(аненаек, хабув). В многоголосии Д. является самой сложной по мелодическому и ритмическому рисунку партией, характеризующейся наиболее широким диапазоном... – Редакция Азбуки веры.

²³⁷ - Пуансón или пунсón (фр. poinçon) – стальной брусок с рельефным изображением буквы или знака, служит для выдавливания изображения при изготовлении шрифтовых матриц. – Редакция Азбуки веры.

²³⁸ - Друкáрня – (от нем. drucken печатать). – ж. устар. то же, что типография, специализирующаяся на массовой печати книг, журналов, газет и других изданий в больших тиражах. – Редакция Азбуки веры.

²³⁹ - Тренч, Чудеса. Господа нашего Иисуса Христа, перев. А. З. Зиновьева, Москва, 1883, стр. 126–127.

²⁴⁰ - Жизнь Иисуса Христа, перев. А. П. Лопухина, С.-Петербург, 1885, стран. 581, прим. 555.

²⁴¹ - И. Златоуст, Беседы на Евангелиста Матфея, ч. I, Москва 1839, стр. 578.

²⁴² - Ф. В. Фаррар, Жизнь Иисуса Христа, стр. 155.

²⁴³ - Ibid., стран. 156.

²⁴⁴ - Ibid., стран. 156–157.

²⁴⁵ - Соединение и перевод четырёх Евангелий, Geneve, 1892, т. I стран. 578.

²⁴⁶ - Соединение и перевод четырёх Евангелий, Geneve – 1893, т. II стран. 25, 26.

²⁴⁷ - Соединение и перевод, II, стран. 20.

²⁴⁸ - Гр. Толстой подтверждает своё понимание следующим примером. „Я знаю барыню, которая 20 лежала и поднималась только тогда, когда ей делали впрыскивание морфина; через 20 лет доктор, делавший ей впрыскивание, признался, что он делал впрыскивание водой, и, узнав это, барыня взяла свою постель и пошла“ (Соединение и перевод, II. стран. 26). Вот действительно подходящий пример!? Только гр. Толстой может так кощунственно относиться к евангельскому тексту.

²⁴⁹ - Соединение и перевод, т. II, стран. 188.

²⁵⁰ - Соединение и перевод, т. II, стран. 180.

- ²⁵¹ - Ibid. стран. 188.
- ²⁵² - Ibid, стран. 181–183.
- ²⁵³ - Ibid, стран. 183–184.
- ²⁵⁴ - Ibid. 182.
- ²⁵⁵ - Ibid. 183.
- ²⁵⁶ - Ibid. 183.
- ²⁵⁷ - Ibid. 182. 183.
- ²⁵⁸ - Укрѹх (др.-русск., ст.-слав. Оукроух) – От крух, крохѹ, ломоть, отрезок, краюха, кусок напр. хлеба – Редакция Азбуки веры.
- ²⁵⁹ - Тренч. О чудесах Господа, стран. 203.

Св. Иринея Лионский. Пять книг против ересей, III, 11, 5. „Хорошо и то вино, которое произведено Богом в винограднике и было пито сначала, ибо никто из пивших его не похулил, и Сам Господь вкусил от него; но гораздо лучше было то вино, которое скоро и просто было сделано Словом из воды для употребления собравшихся на брак“ (*П. Преображенский*. Сочинения св. Иринея Лионского, Москва, 1871, стр. 309).

²⁶¹ - Св. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, ч. I, С.-Петербург, 1854, стр. 267. – Приведём дальнейшие слова св. отца, которые служат прекрасным опровержением некоторых современных возражений против действительности данного чуда. „Некоторые посмеиваются, говоря: „там было собрание людей пьяных, вкус у ценителей (вина) уже был испорчен, и они не способны были ни понимать, ни судить о том, что тут делалось: таким образом они не могли распознать, вино-ли то было, или вода. А что они были пьяны, это высказал сам архитриклин (устар. распорядитель пира) “. Правда, это очень смешно. Но Евангелист уничтожил и такое подозрение. Он говорит, что не гости высказали своё мнение о случившемся, а архитриклин, который был трезв и ещё не пил ничего... Для засвидетельствования чуда Христос употребил трезвое чувство архитриклина. Он не сказал: наливайте вино возлежащим, а сказал: несите к архитриклину“ (стр. 267–278).

²⁶² - Слова „по воскресении Его“ лучше относить к последующему „вошли во святой град“, а не к предшествующему: „вышедши из гробов“. При той, впрочем, и другой конструкции ясно, что усопшие воскресли в час смерти Господа (стр. 52).

²⁶³ - Жизнь Иисуса Христа, стр. 661, прим. 1384.

²⁶⁴ - Сектант Николай Кузнецов на публичной беседе, в присутствии властей, сказал: „Книга Библия – есть талмуд сатаны“.

²⁶⁵ - В этих и других местах, где будут приведены собственные слова из сочинений Ильина, мы сохраним правописание подлинника.

²⁶⁶ - Гробы повáпленные (от старославянского «повапить», покрасить) – церковно-славянский перевод библейского выражения «покрашенные гробы», которое в Евангелии от Матфея (Мф.23:27) Христос использует для характеристики книжников и фарисеев в значении «лицемеры». В переносном смысле обозначает что-то по сути ничтожное, но прикрытое внешним блеском. – Редакция Азбуки веры.

²⁶⁷ - Книгой с неба еговисты называют Апокалипсис. Обычное её обозначение у них в писаниях буквы „К. С.“.

²⁶⁸ - О секте еговистов доселе очень мало известно. Печатаю интересные сообщения о. Сушкова, снимающего завесы с такого учения сектантов, просим читателей наших сопоставить их с напечатанным в „Миссион. Обзор.“ за февраль в статье проф. Ивановского.

²⁶⁹ - Перевод этот заимствуем из сочинения преосвященного Сергия, епископа вятского: „О правилах и чинопоследованиях принятия неправославных христиан в православную церковь. Историко-каноническое исследование“, стр. 142 изд. 3.

²⁷⁰ - Достоин внимания, что даже и исторические повествования об оставлении в своих степенях священства еретических клириков, не упоминают о совершении над ними, во время присоединения, миропомазания (см. наприм., у Созомена, в сказании о Мелетие, а также Деян. 7-го вселен. соб.).

²⁷¹ - Парижский корреспондент, на которого сослался Швецов в доказательство присоединения о. Гете через миропомазание, неправильно сообщил даже и о времени присоединения, поставив вместо июля июнь.

²⁷² - Практика, православной церкви подтверждает это целым рядом случаев. Так, напр., в 1839 году, когда последовало окончательное воссоединение унии с православной церковью, клирики униаты приняты были в своих степенях священства 3-м чином, без миропомазания (см. брошюру „о воссоединении униатов“); таким же образом приняты были, в 1875 году, униатские же клирики холмской епархии; наконец, в

1898 году без миропомазания же, т. е. третьим чином приняты были несторианский епископ Мар-Иона с архимандритом и несколькими священниками.

²⁷³ - Настоящее постановление о различении латин миропомазанных от немиропомазанных, в случае воссоединения их с церковью, вполне согласно с „указом“ о принятии еретиков в церковь, напечатанном ещё до патриарха Никона, см. Требник Петра Могилы, стр. 146. Сравн. стр. 191.

²⁷⁴ - Что латин, помазанных миром в католической церкви, но должно вновь помазывать при их присоединении к церкви. — Этот взгляд содержали и некоторые из членов собора 1667 года, что можно заключить из грамоты антиохийского патр. Макария к патр. Никону, писанной в 1657 году. В этой грамоте, между прочим, сказано: „а яко не священника латины, никто же от наших рече, ниже дерзнув вторицею хиротонисати их“. Если же, по мысли присутствовавшего на соборе 1667 года патр. Макария, не должно присоединяющихся к православию католических клириков „вторицею хиротонисати“, то, очевидно, он не находил возможным повторять над ними и миропомазание; иначе присоединённые клирики требовали бы нового рукоположения. Означенная грамота патр. Макария напечатана в „Древней российской Вивлиофике“, ч. XVIII. Издан. 2. стр. 153–158.

²⁷⁵ - Настоящая статья печатается Редакцией по принципу – *audiatur et altera pars* («выслушай и другую сторону»).

²⁷⁶ - Брошюра: „Протоиерей Алексей Иванович Баратынский“. Казань 1895 г., стр. 13–15.

²⁷⁷ - Казанск центральн. крещено-татарская школа. Казань 1837, стр. 302–303.

²⁷⁸ - Брошюра: „из переписки об удостоении инородцев священнослужительских должностей“ Казань. 1885, стр. 9.

²⁷⁹ - Казанск. центр. крещен.-татарск. школа. Каз. 1887 стр. 360.

²⁸⁰ - Православное обозрение 1866 г., октябрь, стр. 259.

²⁸¹ - Брошюра: из переписки об удостоении инородцев священнослужительских должностей. Казань 1885, стр. 11.

282 - Из переписки об удостоении инородцев священнослужительских должностей. Казань 1885, стр. 13–14.

283 - Нижеследующее поучение сектанта записано учителем N. N. N., который много бродил по сектантским труппам и хорошо изучил их, часто „братаясь с ними“, без измены своей вере.

284 - Весной после посевов хлебов до покоса трав остаётся у крестьян много совершенно свободного времени, называемого „междупарьем“.

285 - В земледельческой России, где не привились никакие ремесла, по зимам народ, особенно мужики, остаётся совершенно праздным: это знают хорошо те, кому приходилось жить в селе зимой.

286 - Веками установился странный обычай, что священники не совершают богослужений по будням, хотя устав церковный обязывает нас к тому. Шесть дней храмы – училище благочестия закрыты. Открываются они для сорокоустов, которые (как говорят) некоторые иереи сокращают через перенесение служб с будней на праздники.

287 - Христианские храмы у католиков и протестантов даже внешним видом своего внутреннего устройства говорят о том, что храм есть место для обучения вере: там и теперь ещё ставятся столы для сиденья, в которых имеет надобность не молящийся, а учащийся...

288 - На это обстоятельство мало обращают внимания, между тем оно, по нашим наблюдениям, имеет громадное значение, как одно из больших препятствий к тому, чтобы службы Божии в храмах по зимам совершались как следует. С этим согласится всякий, кто испытал холод в сельских церквях!!!

289 - См. „Миссионер. Обзор.“ ноябр. кн. 552–564 стр.

290 - Гелюнг или гелюн – Калмыцкий и монгольский жрец. – Редакция Азбуки веры.

291 - Ох, эта иерейская подстриженность, – в своём роде декадентство!

292 - Да вот и назидание! всегда надо иереям быть на страже, памятуя слова Божественного учителя – „вы град,

стоящий на верху горы“... Вы не знаете, кто и каким взором в храме окидывает вас, каким ветром овевается ваш град!.. Какой соблазн ваша поспешность, бормотание и глотание производит на молящихся.

²⁹³ - Отныне будут ублажать Меня все роды (Лк.1:48). „Это, – говорит высокопреосвященный Филарет, митрополит Московский, – не простое слово радости, не гадание, случайно получившее вид предчувствия, – но пророчество в самом точном смысле этого слова, глагол Духа Святого в устах Марии, изъявление определения и изволения Божия о её судьбе и о нашей к ней обязанности“. Слова и речи. Москва. 1873–1885 гг., т. IV, стр. 83.

²⁹⁴ - Похвальн. слово Пресв. Богород. „Хрнст. Чтен.“ 1839 г., т. IV, стр. 31.

²⁹⁵ - Хотя это и не вполне так: вопросам миссионерской методики и сектоведения было уделено довольно места.

²⁹⁶ - От века не слыхано, воскликнул при обсуждении этого допроса один из участников съезда, чтобы с одного вола драли две шкуры.

²⁹⁷ - Окончание. См. „Мис. Обзор.“ Ноябрь.

²⁹⁸ - Девица вступившая в сожительство с сектантом по штундовому браку в степенях родства и прижившая несколько душ детей, которые все малолетки.

²⁹⁹ - Настоящее возражение печатается по предложению г. судебного следователя 12 участка г. С.-Петербурга (см. 138 ст. уст. уголовн. судопр.) и по принципиальному отвращению Редакции „Мис. Обзор.“ к судебным тяжбам вообще, а с гг. раскольничьими апологетами и адвокатами наипаче. Ред.

³⁰⁰ - В хронике. стр. 449–453.